

Byloe

БЫЛОЕ

ФЕВРАЛЬ
1906

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
1. Неизданная статья А. И. Герцена	1
2. Милость (изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равеніи). М. Ф. Фроленко.	5
3. Дѣло Д. И. Писарева (по неизданнымъ источникамъ) М. К. Лемке	21
4. Изъ исторіи «Общества св. Кирилла и Меѳодія» (I. Уставъ и правила. II. Прокламаціи).	67
5. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. (Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей). Продолженіе. В. И. Семевскаго.	69
6. Изъ Шлиссельбургскихъ мотивовъ (5 стихотвореній). Н. В. Морозова.	118
7. Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ (по неизданнымъ источникамъ). Н. П. Сильванскаго	121
8. Александръ Дмитріевичъ Михайловъ (I. Автобіографическія замѣтки. II. По прочтеніи автобіографіи. А. П. Корбы. III. Завѣщаніе А. Д. Михайлова).	156
9. Народновольтерская пропаганда среди московскихъ рабочихъ въ 1881 г. Н. Волкова.	174
10. Петръ Григорьевичъ Каховскій (историко-психологическій этюдъ). Окончаніе. П. Е. Щеголева	183
11. Изъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову	213
12. Первое вооруженное сопротивленіе — первый военный судъ (процессъ И. М. Ковальскаго). Н. А. Виташевскаго	220
13. Еъ исторіи дѣла Петрашевскаго.	246
14. Письмо М. Е. Салтыкова къ Н. Г. Чернышевскому (сообщилъ М. К. Лемке)	250

Александръ Дмитріевичъ
МИХАЙЛОВЪ.

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 2 ФЕВРАЛЬ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Ш м и д т ъ, Звенигородская, 20.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Неизданная статья А. И. Герцена	1
2. Милость (изъ воспоминаній обѣ Алексѣевскомъ равелинѣ). М. Ф. Фроленко	5
3. Дѣло Д. И. Писарева (по неизданнымъ источникамъ) М. К. Лемке	21
4. Изъ исторіи «Общества св. Кирилла и Меѳодія» (I. Уставъ и правила. II. Прокламаціи)	67
5. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. (Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей). Продолженіе. В. И. Семевского	69
6. Изъ Шлиссельбургскихъ мотивовъ (5 стихотвореній) Н. А. Морозова	118
7. Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ (по неизданнымъ источникамъ). Н. П. Сильванскаго	121
8. Александръ Дмитріевичъ Михайловъ (I. Автобіографическія замѣтки. II. По прочтеніи автобіографіи. А. П. Корбы. III. Завѣщаніе А. Д. Михайлова).	156
9. Народовольческая пропаганда среди московскихъ рабочихъ въ 1881 г. Н. Волкова	174
10. Петръ Григорьевичъ Каховскій (историко-психологическій этюдъ). Окончаніе. П. Е. Щеголева	183
11. Изъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову	213
12. Первое вооруженное сопротивленіе — первый военный судъ (процессъ И. М. Ковальскаго). Н. А. Виташевскаго	220
13. Къ исторіи дѣла Петрашевскаго	246
14. Письмо М. Е. Салтыкова къ Н. Г. Чернышевскому (сообщилъ М. К. Лемке)	250
15. Къ біографіи Ипполита Никитича Мышкина (изъ воспоминаній). М. Р. Попова	252

	стр.
16. Размолвка съ міромъ (неизданное стихотвореніе) Н. П. Огарева	272
17. Отрывки изъ писемъ бывшего шлссельбуржца. П. С. Поливанова	275
18. Кошмаръ (<i>стихотвореніе</i>) П. С. Поливанова	282
19. Памяти Л. А. Волкенштейнъ. В. Паниратова	284
20. Рѣчь Н. Ф. Бунакова, произнесенная имъ 26 августа 1902 г. въ засѣданіи Воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ с.-х. промышленности	287
21. Нелишнее разъясненіе Л. Ф. Пантелѣва	290
22. Изъ Гейне (стих. въ неискаженной цензурою редакціи). М. И. Михайлова	291
23. Историческая библіографія (<i>Собраніе политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова. — С. Ф. Русовой. Дѣла собственной Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ. — П. Щ. Убійство 3-хъ министровъ. — В. В—ва. Собраніе стихотвореній декабристовъ. Изд. Фомина. — П. Щ. Собраніе сочиненій и перетиска К. Ф. Рылѣва. Изд. Балашова. — Э. Королева</i>)	292
24. Отъ Шлссельбургскаго Комитета	306
25. Современная лѣтопись	309
26. Объявленія	326

Въ этой книгѣ помѣщены портреты: А. Д. Михайлова, С. Н. Халтурина, П. И. Пестеля, М. В. Бутаевича-Петрашевскаго и И. Н. Мышкина.

Въ январской кн. были помѣщены портреты: Л. А. Волкенштейнъ, М. Ю. Ашенбреннера, П. Г. Каховскаго, Н. Е. Суханова и рисунокъ, изображающій заковку въ кандалы М. И. Михайлова передъ отправленіемъ его въ каторгу.

Въ этой книгѣ должны были быть напечатаны воспоминанія о Л. А. Волкенштейнѣ В. Н. Фигнеръ, но, по болѣзни автора, онѣ не могли быть своевременно присланы и потому будутъ помѣщены въ слѣдующей книгѣ.

Неизданная статья А. И. Герцена ¹⁾.

(Посвящено сестрѣ Ольгѣ).

День былъ душный, солнце жгло всей іюньской силою, потоки огня лились на дома и улицы, и разгорѣвшаяся Москва едва дышала воздухомъ, зараженнымъ міазмами, перемѣшанными съ густою пылью. Въ это время съ другомъ дѣтства посѣтилъ я Воробьевы горы. Тамъ алтарь нашей дружбы, тамъ нѣкогда мы, еще дѣти, еще чужіе, впервые раскрыли наши души «и Рафаилъ нашелъ столь близкаго родного въ Юліи». Молча взошли мы на гору, молча стояли на платформѣ. Есть минуты, въ которыя вполнѣ чувствуешь недостатокъ земного языка, хотѣлъ бы высказаться какой-то гармоніею, музыкой. Музыка—невещественная дочь вещественныхъ звуковъ, она одна можетъ перенести трепетъ одной души въ другую, перелить сладостное, безотчетное томленіе...

30 верстъ Москвы, этого іероглифа всей Россіи, опоясанной узкой рѣкою, стелились передъ нами, индѣ—облитая полосою свѣта, индѣ—затемненныя облакомъ, съ своими минаретами-колокольнями, домами, Кремлемъ, Иваномъ Великимъ, съ своей готической вольной неправильностью. Долго смотрѣли мы. Наконецъ, удрученные, бросились на ступеньку, окружающую надгробный памятникъ великому намѣренію монументально увѣковѣчить славу 1812 года, подѣлиться ею съ са-

¹⁾ Печатаемая статья Герцена—одно изъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ его юношескихъ произведеній, въ которыхъ такъ много матеріала для характеристики его идеалистическаго періода. На эту, именно статью указывалъ Герценъ въ письмѣ отъ 6 іюля 1833 года къ Наталіи Александровнѣ Захарьинѣ, когда писалъ ей такіа строки: «у меня есть статья о Воробьевыхъ горахъ, я ее прочту вамъ и Эм. Мих., я о ней, кажется, уже говорилъ вамъ. Дивно дѣйствіе нагорнаго воздуха!» и т. д. Последующія нѣсколько строкъ почти дословно повторяютъ двѣтри фразы изъ печатаемой здѣсь статьи. Это позволяетъ болѣе или менѣе точно опредѣлить время написанія статьи: іюль 1833 года, т. е. время наиболѣе напряженнаго увлеченія первой любовью къ Людмилѣ Петровнѣ Пассекъ. Сестрѣ ея, Ольгѣ, способствовавшей частымъ свиданіямъ обѣихъ сторонъ, Герценъ и посвятилъ статью, не давъ послѣдней никакого заглавія. Статья печатается съ подлиннаго автографа, съ разрѣшенія сына А. И. Герцена—профессора Лозанскаго университета, А. А. Герцена, за что и приношу ему искреннюю благодарность.

Мих. Лемке.

нимъ Богомъ. Тогда бывое, подобно туману, покрыло пеленою своей городъ родины и самыя горы. Мы вспомнили, какъ тутъ, при переходѣ изъ младенчества въ юношество, насъ поразила мысль высокая; какъ наши души бросались въ ея объятія, какъ онъ въ нихъ потонулъ, какъ я ее самъ обнялъ. Я боялся высказать ему мысль свою... и нынѣ нашелъ въ немъ товарища на весь тернистый путь, и нынѣ бытіе наше судорожно обвилось около этой мысли, и съ нею мы выше толпы, а безъ нея мы ничтожны.

Немного времени прошло послѣ того,—какія-нибудь 8 лѣтъ; но какая въ насъ перемѣна. Менѣе самоотверженія, болѣе славолубія; менѣе энтузіазма, болѣе фанатизма; менѣе вѣры, болѣе разочарованія; менѣе поэзіи, болѣе прозы. Даже лицо наше было не то юношеское, чистое; кое-гдѣ виднѣлись коленіи страстей жгучихъ и смердящіяся признаки встрѣчи съ людьми. Истомленное лицо было въ пыли городской, и въ глазахъ менѣе свѣта яснаго, болѣе огня порывистаго. Но въ эту священную минуту мы очистились; какая то высшая поэзія смыла съ насъ все земное, мы опять погрузились въ нѣмую созерцательность и тогда не думали ни о чемъ,—только чувствовали. Полнота чувствъ исключаетъ умъ. Дивно вліяніе воздуха нагорнаго! Поэты великіе описывали его, но какъ недостаточно. Поэтъ можетъ только съ успѣхомъ описать порывы души своей; но тутъ, кромѣ души, есть еще природа живая, и горе, ежели дерзкое перо вздумаетъ ее описывать: тутъ всегда останется ужасное разстояніе между твореніемъ человека и твореніемъ Бога, между отторженными частями природы Вернетовой и всею цѣлостью природы настоящей.

Я вынулъ Шиллера и Рылѣева. Какъ ясны и свѣтлы въ ту минуту казались намъ эти великіе поэты. Мы читали одного и понимали глубокую, мечтательную поэзію его; читали другого—и понимали его самоотверженную, страдальческую душу. Звучный, сильный языкъ Шиллера подавлялъ насъ. «Какъ ярящійся потокъ изъ разсѣлинъ скаль, льющійся съ грохотомъ грома, подмывая горы и унося дубы», пѣвецъ Войнаровскаго смотрѣлъ на меня и мнѣ говорилъ:

Ты все поймешь, ты все оцѣнишь.

Наконецъ. Наконецъ, подошелъ къ намъ солдатъ, который бережетъ отъ русскихъ плиту, свидѣтельствующую о невыполненномъ общаніи памятника русской славы, и механическимъ голосомъ, который такъ симпатизируетъ съ механическимъ шагомъ, съ механическимъ мундиромъ, съ механической силою нашего солдата, нѣчто въ родѣ шомпола при ружьѣ, сказалъ: «Смѣна! Извольте идти». Да, ты правъ, смѣна, смѣна съ твоими словами возшла въ душу мою; пропало небо, опять земля съ душными испареніями своими. Паденіе было ужасное, и я, Клодъ Фролло, бѣжалъ съ своимъ другомъ, взглянувъ еще разъ на видъ, который былъ тотъ же, но производилъ совсѣмъ другое дѣйствіе. Эта толпа строеній, эта огромная тюрьма,—все казалось страшнымъ, и солнце жгло со всей іюньской силою. Такъ взоры дѣвы красоты живутъ, льютъ нѣгу и восторгъ; они же жгутъ, уничтожаютъ, ежели въ нихъ любовь къ другому; они же мертвятъ, ежели въ нихъ равнодушіе!

«Какъ природа хороша, выходя изъ рукъ Творца; какъ она гнусна, выходя изъ рукъ человѣка»—сказалъ Руссо. «Гдѣ остался слѣдъ человѣка, тамъ погибъ слѣдъ Бога»—прибавилъ Шиллеръ.

Великіе, вы правы, вы правы.

Смерклося. Трещать дрожки по скверной мостовой; мы въ Москвѣ. Опять 300,000 жителей, отравленный воздухъ, опять толпа развратная, безчувственная. Тамъ священникъ идетъ съ дарами, продавать рай, не вѣря во Христа; тамъ судья продаетъ совѣсть и законы; тамъ солдатъ продаетъ свою кровь за палочные удары; тамъ будочникъ, угнетенный квартальнымъ, притѣсняетъ мужика; тамъ купецъ обманываетъ покупателя, который желалъ бы обмануть купца; тамъ блѣдныя толпы полуодѣтыхъ выходятъ на минуты изъ сырыхъ подваловъ,^з куда ихъ бросила бѣдность. Но глядите выше, въ окна. Тамъ еще лучше человѣкъ, тамъ онъ дома, безъ покрывала. Здѣсь юноша приучается къ разврату въ трактирѣ; тамъ другой убиваетъ свою поэтическую душу школьными бреднями невѣждъ-учителей; тамъ дѣти желаютъ смерти добраго отца; тамъ отецъ гнететъ дѣтей; тамъ жена, лаская мужа,

обдумываетъ измѣну; тамъ блѣдная стая игроковъ съ яростью грабитъ другъ друга; тамъ ростовщикъ съ металлическимъ лицомъ, съ запахомъ серебра разоряетъ отца семейства; тамъ, наконецъ, гдѣ окна полузавѣшаны, гдѣ штора съ пренебреженіемъ отвергаетъ свѣтъ, тамъ... отвернитесь... тамъ любовь продается цѣною злата. .

Люди, люди! Гдѣ вы побываете, все испорчено: и сердце ваше, и воздухъ, васъ окружающій, и вода текущая, и земля, по которой ходите. Но небо, небо! Оно чисто, оно таково, какъ въ первый день творенія, дыханіе пресмыкающихся не достигаетъ его. Туда! Туда!

Тотъ міръ открытъ для наслажденья:
Въ немъ вѣчная любовь,
Въ немъ нѣтъ тоски и нѣтъ мученья,
И страсти не волнуютъ кровь!

Ал. Герценъ.

М И Л О С Т Ъ .

(Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ).

...О нашемъ судѣ (о процессѣ 20-ти 1882 г.)¹⁾ много говорить не буду. Упомяну лишь про одинъ случай, указывающій, какъ иногда сбиваютъ съ толку неопытныхъ людей.

Разбиралось мое дѣло. Предсѣдатель попросилъ докладчика (я не знаю, какъ онъ, собственно, назывался) прочесть обо мнѣ показанія Гольденберга. Эти показанія раньше мнѣ не предъявлялись. Докладчикъ встаетъ и смѣло, увѣренно начинаетъ читать, почти наизусть. Слышу отчетливо произносить мою фамилію... «Быть не можетъ, чтобъ тамъ была моя фамилія!», вскакивая, громко сказалъ я. Докладчикъ опѣшилъ, уткнулся въ книгу...—«Виноватъ! тутъ написано Томенко!»—замѣчаетъ онъ сконфуженно и уже безъ всякой увѣренности продолжаетъ читать. Къ тому же и примѣты, оказалось, не подходятъ: Гольденбергъ сдѣлалъ меня рыжимъ, а судьи видятъ темно-русаго человека... Въ нашемъ судѣ эта ошибка, конечно, не могла имѣть серьезнаго значенія, но при другихъ обстоятельствахъ и человека могла погубить.

Кончился судъ. Разъ прочли намъ приговоръ; чрезъ нѣсколько дней еще разъ. Проходя изъ залы суда въ камеры, мы немного задержались въ корридорѣ предварилки. О приговорѣ, о тѣхъ ужасахъ, что ожидаютъ насъ впереди, какъ то не думалось; не было яснаго представленія въ головахъ. Прощались будто на время. Никому и въ голову не приходило, что это было послѣднее прости и, только придя въ камеру, каждый изъ насъ невольно былъ охваченъ какой-то неопредѣленной тоской, предчувствіемъ... Явился Муравьевъ²⁾, спросилъ о заявленіяхъ и сталъ уговаривать подать прошеніе о помилованіи, сказавъ, что наше дѣло пойдетъ еще на разсмотрѣніе государя и пробудетъ тамъ недѣли двѣ. Я отказался. Онъ ушелъ. У дверной форточкы скоро показался начальникъ предварилки и тоже

¹⁾ См. Процессъ 20-ти народолюбцевъ въ январской книжкѣ „Былого“. Ред.

²⁾ Прокуроръ С.-Петерб. Суд. Палаты, впоследствии—министръ юстиціи.

сталъ толковать о подачѣ прошенія, но получивъ отказъ, выпросилъ себѣ нашъ обвинительный актъ. Зачѣмъ ему это понадобилось — не знаю.

На другой день насъ перевели въ Петропавловку—въ Трубецкой бастионъ. На этотъ разъ мнѣ попалась свѣтлая, теплая камера № 47 или 48.

Первое, чѣмъ я занялся тутъ,—было леченіе желудка. Въ пред-варилкѣ доктора отъ меня совершенно отступились; теперь я самъ придумалъ себѣ супъ изъ курицы съ черносливомъ и финиками. Помогло. Полагаю, что этому способствовала и камера, и еще болѣе душевное состояніе, замѣчательно спокойное и ясное. Вскорѣ попалась мнѣ въ руки «Технологія» Вагнера. Книга эта сильно заинтересовала меня, и я весь ушелъ въ чтеніе. Раньше мнѣ не приходилось читать техническихъ книгъ. Онѣ казались мнѣ очень мудреными. Простота и удобопонятность изложенія Вагнера удивили меня теперь и увлекли. Помню, такъ читалъ я только въ дѣтствѣ «Робинзона». Незамѣтно прошла недѣля, еще нѣсколько дней; что-то напомнило мнѣ о двухъ-недѣльномъ срокѣ... Успѣю! отмахнулся было я и снова принялся за чтеніе, но, сдѣлавъ надъ собою усиліе, рѣшилъ остановиться и обдумать, какъ поступать предъ смертію. Вѣдь не завтра, такъ послѣ завтра надо было ждать окончательнаго рѣшенія... Призвалъ на помощь память... Требуютъ перо, чернилъ, бумагу и пишутъ прощальныя письма,—вспоминается изъ прочитаннаго и слышаннаго въ разное время, — затѣмъ покупаютъ вина, закусокъ, фруктовъ и, подкрѣпивъ себя, идутъ умирать. Отлично!... такъ и сдѣлаю! рѣшаю вопросъ и, порѣшивъ, снова принимаюсь за технологію.

Былъ веселый, свѣтлый день; съ книгой въ рукахъ шагаль я вдоль окна, ничего еще не ожидая. Вдругъ загромыhalo за дверью, и въ камеру вошли какой-то генераль, Лѣсникъ (смотритель) и двое штатскихъ. Генераль, съ веселымъ, ободряющимъ лицомъ направился ко мнѣ... «Ну, молитесь Богу и благодарите Государя! Вы помилованы!» радостно, на ходу говорилъ онъ, приближаясь. Я остановился, и когда онъ подошелъ вплотную, сдѣлавъ корпусомъ движеніе впередъ, едва наклонивъ голову и не выражая на лицѣ ни радости, ни благодарности. Холодность моего пріема, видимо, его нѣсколько удивила. Улыбка исчезла на лицѣ: что, молъ, сей сонъ означаетъ... Но это продолжалось не долго; взглянувъ еще разъ и рѣшивъ, что человѣкъ отъ радости, видно, рехнулся, онъ круто повернулъ назадъ, и вся компанія исчезла. Я остался стоять на мѣстѣ. «Еще неизвѣстно, во

что обернется эта милость» — промелькнуло у меня въ головѣ, и радости на душѣ никакой не было.

— Дайте перо, чернилъ и бумаги!—потребовалъ я вскорѣ.

Когда это желаніе мое было исполнено, я написалъ письмо и прошеніе о позволеніи обвѣнчаться съ моей невѣстой; тутъ же для чего-то прибавилъ, что согласенъ ѣхать на Сахалинъ, для отбыванія каторги... Кто-то когда-то толковалъ мнѣ, что на Сахалинъ посылаютъ лишь съ согласія самихъ каторжанъ... Увы! На просьбу о вѣнчаніи отвѣтили отказомъ; о Сахалинѣ совсѣмъ промолчали...

Въ день помилованія или на другой пришла и моя матушка на свиданіе. Она уже знала о фактѣ помилованія и въ простотѣ сердечной полагала, что это помилованіе полное. Кто-то, должно быть, сказалъ ей, что черезъ годъ насъ пошлютъ въ Сибирь, и что мы увидимся, а она, бѣдняга, поняла, что черезъ годъ мы можемъ зажить съ ней вмѣстѣ, и теперь на свиданіи мечтала объ этомъ вслухъ, подбадривая меня. Вообще старушка крѣпилась и не подавала виду, что ей тяжело. Разувѣрять ее и растолковывать настоящее положеніе вещей я, конечно, не хотѣлъ, и свиданіе прошло безъ слезъ, спокойно. Я просилъ мать не смущаться, если отъ меня временно не будетъ писемъ: «Вы же пишите чаще!» просилъ я въ надеждѣ, что письма будутъ передаваться... Наивная надежда!.. Прошло незамѣтно полчаса — я и матушка тянемся черезъ окно поцѣловаться на прощаніе...

— Нелзя!—кричитъ и быстро вскакиваетъ между нашими головами Соколовъ — «иродъ».

Этого уже не смогла вынести матушка, стойкость ея была сломлена, и она разрыдалась... Бѣдная! еще хорошо, что она не догадывалась, что это было послѣднее наше прощаніе, что мы такъ и не увидимся больше. Она умерла въ 1899 г., ускоривъ смерть попыткой самоубійства. Ее спасли, но черезъ годъ она все-таки умерла.

Я выскочилъ со свиданія, какъ полупомѣшанный и, только очутившись у своей камеры, замѣтилъ, что издаю какіе-то странные звуки, точно захлебываюсь отъ вливаемой мнѣ въ горло воды, и точно кто-то сдавилъ его тисками... Такъ-то началась «милость»!

Намъ объявили 20-го или 21-го марта о помилованіи.

Въ пятницу 15-го марта ночью, слышу сквозь сонъ, гроыхаетъ дверь, кто-то вошелъ. Не успѣлъ я раскрыть глаза, какъ слышу обычное: «Въ комиссію»! Поднимаюсь; у кровати стоятъ унтера, кладутъ одежду. Первое, что мнѣ пришло въ голову со сна, — не выпросила ли матушка новое свиданіе, чтобы попрощаться, какъ слѣдуетъ. Спѣшу одѣться и, не запахнувшись, бѣгу скорѣй въ комиссію,

которая была внѣ Трубецкой тюрьмы. Темната у входа, мракъ на лѣстницѣ вызываютъ во мнѣ смутное недоумѣніе... Поднимаюсь на верхъ; тамъ стоитъ на площадкѣ Соколовъ; дверь въ комнату допросовъ и свиданій заперта... «За мной!»—слышу вдругъ рѣзкое шипѣнье Соколова, какъ только поднялся я на верхнюю площадку. Налѣво оказалась дверь, а за ней спускъ на улицу. Лампа-коптилка бросала тусклый свѣтъ. Дверь на улицу была открыта, и тамъ видѣлась мрачная питерская ночь... Можно было подумать, что спускаешься въ подземелье. Соколовъ былъ впереди одинъ. Выйдя на улицу, охваченный темнотою, я слегка задержалъ шаги,—и въ тотъ же моментъ двѣ невидимыя руки подхватили меня подъ руки сзади, и мы повернули налѣво. Соколовъ даже не оглянулся, такъ былъ увѣренъ въ ловкости своихъ агентовъ. Жандармы стояли, вѣрно, у выходныхъ дверей, но я ихъ не замѣтилъ... Мы пошли между монетнымъ дворомъ и Трубецкимъ бастіономъ. Далѣе дорогу перегородила стѣна съ воротами; за ними чернѣли налѣво другія ворота въ Алексѣевскій равелинъ. Здѣсь насъ, какъ будто, не ожидали. Открылась калитка, и мы вошли подъ своды крѣпостной стѣны; вдали видѣлась вода, ближе что-то темное, точно берегъ, и на немъ мерцалъ огонекъ. «Топить ведутъ!» мелькнуло инстинктивно въ головѣ... Но съ этой перспективой я, помню, какъ-то удивительно скоро примирился. Ну, чтожъ, пускай и топятъ! И въ то же самое время, почувствовавъ, что при выходѣ изъ подъ воротъ, на меня пахнулъ холодный, сырой вѣтеръ съ Невы, я убоился простудиться. Торопясь на свиданіе, я не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, застегнуться. Когда жандармы подхватили меня подъ руки, они еще болѣе распахнули мнѣ грудь, но въ глухой улочкѣ, защищенной со всѣхъ сторонъ стѣнами, это не чувствовалось: тамъ не было вѣтра... «Да закройте же мнѣ хоть грудь!» взмолился я къ своимъ провожатымъ. Жандармы и безъ того бывшіе, очевидно, въ нервномъ состояніи (они пыхтѣли, точно везли тяжесть), услыхавъ среди мертвой ночной тишины человѣческій голосъ, совсѣмъ потерялись и, вмѣсто того, чтобы спокойно застегнуть куртку, сопя и трясясь отъ страха, бросились зажимать мнѣ ротъ. Темнота и нервы мѣшали имъ схватить его сразу; я слышалъ, какъ по лицу ерзало что то мягкое... Шествіе невольно остановилось. «Что такое?» спросилъ Соколовъ, въ тревогѣ. Тутъ только я размѣялся про себя надъ своимъ опасеніемъ простуды и покорно пошелъ далѣе. Вошли на мостъ. Отсюда очертанія какихъ-то зданій впереди стали яснѣй. Видно было, что огонь горитъ въ окнѣ, а не на берегу. Скоро весь фасадъ съ воротами по срединѣ и окнами засвѣтилъ передъ нами. Черезъ калитку вошли подъ

своды зданія, сдѣлали нѣсколько шаговъ и повернули направо въ узкій корридоръ. Это и былъ Алексѣевскій равелинъ, — замкнутое треугольное зданіе съ маленькимъ садикомъ внутри. Корридоръ, не прерываясь, тянулся вдоль всѣхъ трехъ сторонъ равелина, начиная съ половины первой. У конца второй половины онъ упирался въ глухую стѣну. Благодаря такому расположенію, лѣвая половина передней стороны равелина была совершенно изолирована отъ прочихъ частей. Тамъ была, кажется, кухня и двѣ камеры, но кто сидѣлъ тамъ—мы въ то время не знали. Позже только выяснилось (по надписи), что въ одной камерѣ заключенъ былъ Александръ Михайловъ; куда и когда именно онъ исчезъ, я до сихъ поръ точно не знаю. Кромѣ Михайлова былъ тамъ еще кто-то: на это указывали лекарства, которые долго выставлялись на окно корридора, и, гуляя во внутреннемъ садикѣ, мы видѣли ихъ. По этой выставкѣ лекарствъ на окнахъ заключенные вообще судили, кто изъ товарищей живъ, кто умеръ... ¹⁾).

Меня завели въ самый послѣдній или предпослѣдній номеръ (18 или 19). Это была довольно просторная камера, съ плоскимъ потолкомъ, съ изразцовой печью, съ большимъ окномъ. По ерединѣ стояла деревянная кровать съ волосянымъ матрасомъ, покрытымъ тонкой простыней и одѣломъ, съ подушкой въ бѣлой наволочкѣ; подлѣ—деревянный столъ съ маленькой лампочкой, деревянный со спинкой стулъ, въ углу стульчакъ,—все такъ обычно; ничего страшнаго. Къ тому же все бѣлье дали чистое, тонкое; халатъ изъ чернаго не очень толстаго сукна, съ широкимъ поясомъ, точно по мѣркѣ сшить; маленькіе башмаки приплись, какъ нельзя лучше. Отъ волненія, а можетъ быть и угара разболѣлась голова, но на душѣ было спокойно. Одно только показалось немного страннымъ, черезъ окно не видно было неба. Ну, вѣрно, какъ и въ Петропавловкѣ, близко крѣпостная стѣна! рѣшилъ я и, не подходя къ окну, поспѣшилъ завалиться спать. Наступило утро; проснулся я и первымъ дѣломъ глянулъ въ окно. Вотъ тебѣ и стѣны! — невольно вырвалось замѣчаніе... Въмѣсто стѣны придумали забѣлить совершенно всѣ стекла наружной рамы. Въ окнѣ видѣлись двѣ рамы. Встаю, одѣваюсь, подхожу къ окну. Ни черточки, ни точки не осталось прозрачной; что тамъ за окномъ, нельзя и разобратъ. При этомъ форточки нѣтъ, а есть только въ верхней части окна небольшого діаметра жестяная трубка съ густымъ ситечкомъ на внѣшнемъ концѣ. Это ситечко очень скоро затянуло паутиной, про-

¹⁾ Вотъ фамиліи 11 человекъ, попавшихъ по нашему процессу въ Алексѣевскій равелинъ: Михайловъ, Егѣточниковъ, Исаевъ, Лангансъ, Тригопи, Морозовъ, Баранниковъ, Тетерка, Колосевичъ, Арончикъ и я.

чистить его было нечѣмъ, и доступъ свѣжаго воздуха прекратился, но Соколовъ не обращалъ на это никакого вниманія. Позже, свернувъ въ трубку простыню, я пытался очистить вентиляторъ, но безуспѣшно: нужна была спица, а не простыня. Но въ первые дни я мало придавалъ, конечно, значенія отсутствію форточки. Явились жандармы съ Соколовымъ, принесли тазъ, мыло, воду... Надо было спѣшить умываться, чтобы не задерживать другихъ. Умывшись, поворачиваюсь къ столу. Поданъ чай, черный хлѣбъ, булка. Отлично! Постепенно совсѣмъ разсвѣло, и я принялся за болѣе внимательный осмотръ камеры. Утѣшительнаго было мало... Ремонтъ, какъ видно, производился очень давно. Потолокъ, стѣны, когда-то выкрашенные въ желтоватый цвѣтъ, покрылись сѣроватымъ налетомъ пыли и паутины. Паутина виднѣлась также во всѣхъ углахъ. Нижняя часть стѣны аршина на полтора облѣзла: штукатурка отъ сырости превращалась постепенно, какъ видно, въ известковый пухъ. Такой пухъ виднѣлся теперь вдоль всей стѣны до высоты 1¹/₂ аршинъ. Выше, гдѣ штукатурка не смогла превратиться въ пухъ, она затвердѣла и почему-то стала почти черной. Полъ, когда-то крашенный, сохранилъ слѣды окраски лишь по окраинамъ. Впрочемъ, относительно сырости, долженъ оговориться, что настоящую равелинскую сырость я узналъ только позднѣе, въ другой камерѣ...

Насъ переводили въ пятницу ночью, теперь была суббота страстной недѣли. Несмотря на это, къ обѣду, смотрю, принесли щи съ мясомъ, жаркое и, если не путаю, что-то еще сладкое. При этомъ дали салфетку и серебряную ложку. Совсѣмъ хорошо! Пищи такъ много, что одинъ изъ насъ, не въ силахъ одолѣть ея, обратился къ Соколову съ просьбой сохранить для него жаркое на ужинъ. «Хорошо, хорошо, будемъ давать на ужинъ!» отвѣтилъ Соколовъ самымъ серьезнымъ тономъ. Соколовъ приходилъ вмѣстѣ съ жандармами всякій разъ, когда они что либо приносили въ камеру. День прошелъ незамѣтно въ уборкѣ, очисткѣ новаго помѣщенія. Вечеромъ дали чай, на ужинъ—щи. Никакихъ ужасовъ не оказывалось... Запущенность камеры, послѣ приборки, меньше бросалась въ глаза, не такъ коробила. Будущее не пугало. Предчувствіе не потревожило даже сна, и ночь подъ Пасху прошла безъ кошмаровъ...

Бодро встрѣтилъ я утро перваго дня Пасхи. Чай, пасхи, яйца рисовались впереди. Интриговалъ вопросъ, дадутъ-ли еще что. Загрѣмѣлъ замокъ, внесли воду для умыванья. Я живо, торопливо бросился къ тазу и совсѣмъ не обратилъ вниманія на то, что принесли жандармы,—такова была увѣренность въ томъ, что режимъ субботы уста-

новился на всегда. Умылся, не успѣлъ хорошо утереться, вдругъ слышу рѣзкое: «Раздѣться!» Оглядываюсь и вижу, на кровати лежитъ куча стараго, сѣраго хлама, а у кровати на полу стоятъ большіе, неуклюжіе коты и рваныя суконныя онучи... «Нашли же чѣмъ огорчить!» невольно, съ улыбкой, прошла мысль въ головѣ. Раздѣлся... Жандармы подхватили снятую одежду и ушли. Я принялся осматривать новое приданое. Это было уже настоящее каторжанское одѣяніе. Старая, плохо вымытая дерюга-рубаша и нижніе порты, старые изъ очень потертаго сѣраго сукна, съ разрѣзами для кандаловъ, штаны и старая, сѣрая куртка. Но вотъ облаченіе кончилось, иду къ столу... Гдѣ же чай? На столѣ кружка чистой воды, кусокъ плохого ржаного хлѣба и маленькая творожная пасочка на блюдцѣ... Вотъ такъ угостили!

Но почему же было не начать этого режима съ перваго же дня, т. е. съ субботы?! Тогда бы на все смотрѣлось, какъ на обычное явленіе, а теперь невольно закрадывалась въ голову мысль о преднамѣренности, о сознательномъ издѣвательствѣ... Сталъ ждать обѣда. Какъ-то онъ будетъ? Вижу, не несутъ салфетки; вмѣсто серебряной ложки держитъ одинъ жандармъ деревянную. На столъ поставили оловянную миску съ чѣмъ-то мутнымъ, подъ цвѣтъ миски, и въ тарелкѣ размазну-кашу. Ушли жандармы съ Соколовымъ. Сѣлъ я обѣдать. Въ мискѣ оказались знаменитыя солдатскія щи николаевскихъ временъ: вода, клочки рубленой кислой капусты и пять кусочковъ пузыристыхъ пленокъ; гречневая жидкая каша съ каплей масла въ центрѣ вполне соответствовала щамъ. На ужинъ дали уже одни щи, но безъ пленокъ. Такъ отпраздновали мы первый день Пасхи!.. Эта же пища пошла и дальше, съ той лишь разницей, что въ постные дни щи дѣлались, якобы, со снѣтками, а въ кашу лили чайную ложечку постнаго масла вмѣсто скоромнаго. Гуляній не было (и это при отсутствіи форточекъ). Свѣтъ плохой, блѣдный. По утрамъ, при очисткѣ стульчаковъ, зловоніе наполняло камеру и, конечно, не успѣвало проходить за время умыванья. Тѣмъ болѣе, что вскорѣ куплены были умывальныя приборы и, значитъ, время, когда была отворена дверь, уменьшилось... Мы оказались буквально замурованными... Заболѣли зубы. «Нельзя ли позвать доктора?» обращаюсь я къ Соколову, при какой-то раздачѣ пищи. «Въ Петербургѣ теперь зубы болятъ у всѣхъ, и лекарствъ отъ нихъ нѣтъ; доктора звать незачѣмъ!» — отрѣзалъ онъ. «Вотъ какъ, даже доктора нельзя позвать!» — замѣчаю обычнымъ голосомъ... «Молчать!» — какъ-то особенно рѣзко, искусственно выкрикнулъ Соколовъ... «Ну, и шутъ съ нимъ, съ вашимъ лекарствомъ! Въ другой разъ уже не обращусь!» неожиданно сорвалось у меня съ языка.

Соколовъ злобно метнулъ глазами, но молча вышелъ поспѣшно за жандармами.

Пищу давали намъ не черезъ форточку въ дверяхъ, а заносили въ камеру. Соколовъ шелъ впереди двухъ или трехъ солдатъ и становился всегда рядомъ со мной за столомъ, внимательно слѣдя и за мной, и за жандармами, и за поломъ.

Чуть замѣчалась гдѣ щепочка, соринка, онъ быстро нагибался, хваталъ ихъ и уносилъ. Книгъ не было. Сосѣдей тоже. Времени свободного цѣлый день. Какъ убить время? Вотъ тутъ-то мнѣ и сослужили большую службу Соловьевъ (Русская исторія), Спенсеръ и Вагнеръ. Соловьева и Спенсера я прочелъ еще до суда, сидя въ крѣпости. Все это помнилось, все давало богатый матерьялъ и для мысли, и для фантазій. Много дней прошло въ разныхъ заоблачныхъ мечтаніяхъ; шагая изъ угла въ уголъ почти отъ утра до ночи, я покрывалъ всю Россію школами, политехникумами, заводами, фабриками, кооперативными деревнями, селами и городами... Жилось не дурно! Жаль не долго... Скоро фантазія начала изсѣкаться, повторяться...

— «Да дайте хоть Евангеліе!»—не выдержалъ я, наконецъ... «Хорошо! спрошу!» отозвался Соколовъ. Проходитъ день, другой, третій, а книги нѣтъ, какъ нѣтъ. Напоминаю. «Да, я знаю: Спасителя-то вы почитаете, только Богомъ-то природу считаете!...»—Не знаю, почему пустился вдругъ Соколовъ въ разговоръ. Я промолчалъ. Черезъ нѣсколько дней явилось Евангеліе; а выѣстъ съ тѣмъ скоро перевели меня въ другой корридоръ, гдѣ оказался и сосѣдъ. Однако, разсмотрѣвъ новую камеру и поживъ въ ней немного, не особенно-то я порадовался переводу. Прежде были хороши сырость и грязь, но то, что теперь увидалъ и узналъ я, трудно было бъ и придумать. Не говоря о стѣнахъ, сырость сказывалась на всемъ. Просыпаюсь какъ-то вначалѣ, смотрю на полъ и диву даюсь: весь онъ серебрянымъ налетомъ покрытъ. А полъ я ежедневно вытиралъ тряпкой. Всталъ, потрогалъ, стирается легко. Вытеръ. На другой день то же и т. д. Днемъ, ходя по камерѣ, я, видно, не давалъ налету образоваться; но за ночь грибки успѣвали вырастать настолько, что получалась сплошная бѣловатая корка. Сырость увеличивалась съ наступленіемъ теплой и дождливой погоды. Краска на полу у стѣнъ, гдѣ еще сохранилась, легко размазывалась теперь. Соль нельзя было держать на столѣ: въ солонкѣ получался рассоль. Ее пришлось ставить на вьюшки въ трубу печки. Печка, по счастью, закрывалась изъ камеры (топилась она изъ корридора). Тамъ же, т. е. въ трубѣ, пряталъ я и спички; носилъ ихъ также и въ пазахъ. Матрасы, набитые волосомъ, и тѣ въ концѣ про-

гнили снизу. Къ этому въ маѣ отобрали теплыя куртки и дали лѣтнія, едва доходящія до пояса. Холодно! А прогулокъ все нѣтъ и нѣтъ! Наступили, помню, ясные дни, особенно по утрамъ. При утренней уборкѣ отворялась дверь, и чрезъ корридорное окно видѣлась яркая зеленая листва, освѣщенная солнцемъ. Такъ и манило, такъ и тянуло туда, на волю... Тамъ, за окномъ, рисовался настоящій рай, красота необыкновенная, а тутъ... сиди! Ужась этого положенія, однако, сталъ ясенъ мнѣ гораздо позднѣе; пока, я относился ко всему довольно равнодушно. Какъ будто иначе и быть не могло... На то, молъ, и шелъ. Не выдержу—самъ виноватъ: почему не запасаю здоровьемъ!

Спокойствіе и бодрость поддерживало и еще одно обстоятельство. Скоро по заключеніи пришелъ какъ-то Соколовъ съ бумагой и прочелъ выдержку изъ какихъ-то законовъ. Тутъ были и розги, и шпиц-рутены, кажется, до 5000 или до 6000 за дурное поведеніе, но тутъ же говорилось, что въ крѣпостяхъ каторжане содержатся только $\frac{1}{4}$ срока, причемъ и этотъ срокъ, при хорошемъ поведеніи, уменьшится, считая 10 мѣсяцевъ за годъ. По нашему расчету выходило, что меньше 7 лѣтъ придется сидѣть. Къ этому необходимо добавить еще и русское авось. Авось измѣнятся обстоятельства, авось...

А время потихоньку шло, да шло; ядъ могилы потихоньку все глубже и глубже забирался въ наше тѣло. Сначала отъ ходьбы начала появляться скорая усталость, потомъ на подошвахъ стала ощущаться боль, точно образовались мозоли или нажало ногу отъ неровности подвертки. Много хожу! рѣшилъ я. Надо больше отдыхать! Сдѣлалъ такъ. Новая бѣда!.. Посидишь на стулѣ, глядь,—ноги отекаютъ. Лучше буду лежать... Легъ... Не помогаетъ: подъ лодыжками опухоль появилась. Малокровіе! рѣшаю я и, найдя ржавый гвоздикъ въ столѣ, вынимаю его, кладу на ночь въ воду и утромъ пью ржавую воду. Пошелъ пятый или шестой мѣсяцъ заключенія, когда впервые повели насъ гулять (на $\frac{1}{4}$ часа). Въ первую прогулку дурно сдѣлалось, голова закружилась отъ непривычки. На дворѣ, къ несчастію, было сыро, холодно, а насъ повели въ тѣхъ лѣтнихъ курточкахъ, что едва лишь закрывали животъ. Разрѣзы въ штанахъ свободно давали вѣтру гулять въ ногахъ. И многіе, если не сейчасъ, то позднѣе попростуживались очень сильно. У меня же другое огорченіе вышло. Нашимъ выходомъ Соколовъ не преминулъ воспользоваться въ цѣляхъ обыска и нашелъ мой лекарственный гвоздь, который я на день пряталъ въ столъ. Прихожу съ прогулки,—гвоздя ужъ нѣтъ. Ноги стали болѣть все хуже и хуже; боль все сильнѣй и сильнѣй.

Въ это время привезли Поливанова, а немного позже, съ Кары—По-

пова, Игната Иванова, Щедрина. Попова посадили рядомъ со мной. Хотѣлось узнать про бѣлый свѣтъ, но стоять на одномъ мѣстѣ у стѣны становилось все труднѣй и труднѣй: ощущалась невыносимая боль... Наконецъ, и Соколовъ замѣтилъ, что хожу я съ трудомъ. «Что, можетъ, доктора позвать? Набѣгался!» замѣтилъ онъ, желая и тутъ чѣмъ-нибудь уязвить. Самъ я доктора не хотѣлъ еще звать, помня свой зарокъ. Въ это время, вѣроятно, уже у многихъ появилась цынга, и нашу прогулку только ею и надо объяснить. Впрочемъ, я не зналъ еще, что и самъ былъ уже во власти этой страшной болѣзни. О цынгѣ я имѣлъ смутное представленіе: десны кровоточатъ, зубы выпадаютъ—вотъ и все. Ничего этого у меня пока не было, и я былъ спокоенъ, приписывая боль въ ногахъ малокровію, утомленію. Ушелъ Соколовъ, легъ я на кровать отдохнуть послѣ прогулки. При этомъ вздумалъ отъ скуки ноги подбросить къверху. Подбросилъ разъ и чуть не закричалъ! Одна нога, поднявшись вверхъ, вдругъ опустилась, какъ плеть, со страшной, острой болью. Глянулъ подъ колѣно, а тамъ уже почернѣло. Плохо дѣло!.. Пришелъ докторъ, осмотрѣлъ ноги и сдѣлалъ жестъ отчаянія.

— «Неужели нѣтъ надежды?»—спрашиваю его. «Ходи!.. больше ходи! Авось...» вырывались у него отдѣльные возгласы. «Лекарство пришло! Пей!... Авось!» еще разъ добавилъ онъ, уходя въ какомъ-то раздумьи.

Принесли желѣзо въ сахарномъ сиропѣ, уксусу, кружку молока. Принялся я ходить. Но болѣзнь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливалась. вмѣсто небольшой опухоли у лодыжекъ, опухоль поднялась теперь до колѣнъ. Ноги превратились въ два точеныхъ, крѣпкихъ, упругихъ обрубка; цвѣтъ ихъ мѣнялся отъ краснаго къ сѣрому, синевато-черноватому. Боль въ икрахъ была ужасна, точно кто ихъ сжималъ очень туго желѣзнымъ обручемъ. При этомъ надо было ходить, и я ходилъ... Но чего это стоило! Походишь четверть часа и, какъ снопъ, валишься на кровать, и сейчасъ же не то бредъ, не то обморокъ. Сознаніе въ сущности не терялось, однако, стоило закрыть глаза, какъ начинало почему-то казаться, что болятъ не мои ноги, а страдаетъ сынъ злой самодурки-старухи изъ «Грозы» Островскаго. При этомъ сама она стоитъ тутъ же у моей головы, какъ бы окружаетъ ее. Мои же ноги—не ноги, а этотъ мѣщанинъ сынъ, и я наблюдаю лишь со стороны, какъ злая старуха терзаетъ его. Мнѣ за него больно, а не за себя... Но вотъ на соборной колокольнѣ начинается перезвонъ колоколовъ, и я быстро открываю глаза, живо вспоминаю, что больше $\frac{1}{4}$ часа мнѣ нельзя лежать: надо ходить!.. Я встаю, но начать ходить сразу не могу. Разъ, другой обойду вокругъ кровати, держась за нее, какъ

ребенокъ, и только тогда рѣшаюсь пуститься въ путь. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа та же исторія; если не лежишь и не бродишь, то, сидя на кровати, мочишь укусомъ опухоль (укусу, впрочемъ, давали мало), разминаешь руками икры, дѣлаешь движенія ступней; затѣмъ черезъ $\frac{1}{4}$ часа встаешь, кружишься вокругъ кровати и снова ходишь.

Такъ проходилъ день. Къ вечеру, окончательно выбившись изъ силъ, я валился на кровать, и тутъ ужъ никакое сознаніе, никакая боязнь не могли бы заставить продолжать ходьбу. Спать! Спать!.. Новая бѣда: отъ переутомленія и боли не было сна. Забудешься на минутку и проснешься... Прописалъ докторъ морфій. Сначала лекарство помогло, но скоро и оно перестало дѣйствовать. Періодъ усиленныхъ болей у меня продолжался болѣе мѣсяца, а потомъ мало-по-малу стало легче. Судя по лекарству, то же происходило и во всемъ равелинѣ. Сначала на окнѣ коридора появился небольшой пузырекъ съ желѣзомъ. Затѣмъ этотъ пузырекъ сталъ расти и выросъ въ большой; наконецъ, на окнѣ поставили цѣлую бутылъ, чуть не въ $\frac{1}{4}$ ведра. Однако, прогулокъ не увеличили. Пищу не удружили. Къ этому многихъ простудили на смерть. Соколовъ, несмотря на погоду, строго держался правилъ. 15-го мая, когда было еще довольно прохладно, онъ отобралъ у насъ теплыя шапки и теплыя куртки, давъ короткія, легкія, сѣрыя, избобрѣтеныя Толстымъ курточки съ черными рукавами: онѣ не закрывали и живота. На голову дали лѣтнюю фуражку. Ни халата, ни шубенки. Коты ко времени прогулокъ протерлись насквозь. Въ такомъ-то видѣ и повелъ онъ насъ гулять, и такъ гуляли мы до 1-го или 15-го октября, когда по правиламъ выдается теплая одежда. Даже лѣтомъ въ камерѣ было холодно въ такомъ костюмѣ! Вполнѣ понятно поэтому, что многіе очень серьезно простудились, а изъ простуды развилась, полагаю, у нѣкоторыхъ чахотка. За то инструкторъ торжествовала!

Этотъ Соколовъ такую еще выкинулъ разъ штуку. Росли въ нашемъ садикѣ три или четыре яблони. Онѣ посажены были поляками, какъ намъ говорили. Въ этомъ году на нихъ были яблоки, небольшія съ краснымъ бокомъ. Осенью, поспѣвая, а можетъ быть и отъ вѣтра, они стали падать. Кто-то изъ насъ поднялъ одно изъ такихъ яблокъ и съѣлъ. Соколовъ замѣтилъ это, сказать ничего не сказалъ, но на другой же день всѣ яблоки исчезли. Это онъ приказалъ ихъ оборвать, дабы не пострадали инструкторы...

Изъ моихъ близкихъ сосѣдей въ это время хуже всѣхъ было дѣло Ланганса. У него подъ колѣномъ образовалась такая же чернота, какъ

и у меня, да кромѣ того онъ простудился, и показалась кровь горломъ. Силъ ходить не было, и чернота на ногѣ стала загнивать.

Прошла осень. Зимой въ камерахъ меньше сырости, воздухъ чище; одѣли насъ изъ шубки, дали книгъ духовнаго содержанія. Мнѣ попала библія на пѣмецкомъ языкѣ, и я, при помощи русскаго Евангелія, принялся по немногу возобновлять въ памяти то, что училъ въ гимназіи и успѣлъ уже забыть. Здоровье зимою пошло на улучшеніе, несмотря на то, что и пища, и прогулка не измѣнились. Мы были всѣ въ возрастѣ около тридцати лѣтъ (одни моложе, другіе старше). Этому только и можно приписать, что организмъ при самой ничтожной поддержкѣ самъ одолевалъ цынгу. Къ веснѣ болѣзнь значительно ослабла, но Соколовъ не дремалъ. Улучшеніе онъ сей же часъ подмѣтилъ, и въ результатѣ у насъ отняли и желѣзо, и молоко. Кто-то просилъ давать хоть нѣсколько ложекъ молока—отказали. Цынга, чахотка словно обрадовались и снова принялись за свою разрушительную работу. Тогда Клѣточниковъ рѣшилъ уморить себя голодомъ, чтобы добиться для товарищей лучшей доли. Сначала Соколовъ не обратилъ на это вниманія, но когда Клѣточниковъ обезсилѣлъ, явился къ нему и съ помощью жандармовъ заставилъ сѣсть нашъ обычный обѣдъ. На другой же день въ камерѣ Клѣточникова сдѣлалось подозрительно тихо. Дня два послѣ этого Соколовъ съ жандармами продѣлывалъ комедію заноса въ эту камеру, якобы, пиши въ обѣдъ и ужинъ. Потомъ бросилъ. Одна камера опустѣла...

У меня къ этому времени появилась новая боль. Стоило встать на ноги или начать ходить, какъ въ подошву словно вонзались сотни гвоздей, точно кто набилъ ихъ въ подошву башмаковъ. Невольно вспоминались инквизиціонные сапоги для пытокъ... Выносить такую боль не хватало уже силъ и пришлось больше лежать. Лангансъ теперь окончательно слегъ: у него кровь шла цѣлыми кружками; гніеніе ногъ увеличилось... Дали опять молоко; желѣзо тоже бутылками появилось снова на окнѣ. Но было уже поздно: съ другого корридора изъ ближайшей камеры стали доноситься подозрительныя фразы доктора и Соколова: «Еще живъ!.. Протянетъ!» Начали слѣдить, чутко прислушиваться по ногамъ. Жандармы заходятъ въ сосѣднія камеры какъ-то подозрительно скоро и уходятъ. Ночной шорохъ еще болѣе пугаетъ и заставляетъ внимательнѣй слѣдить за уловками Соколова... «Пусто! Нѣтъ больше и Баранникова!»—объявляетъ вдругъ мой сосѣдъ, сидѣвшій ближе къ другому корридору.—«Да,—отвѣчаю,—и мнѣ показалось, что къ нему уже не заходили сегодня!» Съ тѣмъ корридо-

ромъ, гдѣ сидѣлъ Баранниковъ, Тетерка и проч., у насъ не было спешеній: мѣшала большая ванная комната.

Догадкамъ по лекарству на окнѣ, по маневрамъ жандармовъ много помогала и та острая напряженность вниманія и слуха, которая развивается въ тюрьмѣ.

Вначалѣ, когда еще товарищи всѣ стояли живо предъ глазами въ томъ видѣ, какъ ихъ видалъ на судѣ, и въ голову не приходила мысль о чьей либо скорой смерти. Живыми, бодрыми, здоровыми рисовались они въ памяти. О своемъ спокойствіи я уже говорилъ. Но вотъ умираетъ Клѣточниковъ. Для меня это было неожиданностью... Смерть эта вспугнула безпечность, повернула мысль въ другую крайность. Явилась особенная, обостренная боязнь за жизнь каждаго, особенно за тѣхъ, про которыхъ ничего нельзя было узнать. Лично о себѣ какъ-то не думалось; мнѣ почему то всегда казалось, что я выживу еще годъ, какъ опредѣлилъ я разъ въ разговорѣ съ сосѣдомъ. За то въ каждомъ шорохѣ, въ каждомъ необычномъ звукѣ чудилась мнѣ смерть другихъ, насиліе, ужасы. Являлось неодолимое, мучительное желаніе проникнуть туда, дать умирающему хоть минуту провести съ близкимъ человѣкомъ. Сама смерть тогда не казалась такой тяжелой, ужасной. Но такъ давила эта тишина, эта полная отчужденность отъ міра, отъ живыхъ людей. Завели человѣка въ пустыню, въ непроходимый лѣсъ и бросили... Напрасно всматривается онъ въ даль, кругомъ нѣтъ ни души! Жуть и страхъ невольно охватываютъ душу...

А тутъ, однажды, еще такой случай. Среди гробовой тишины вдругъ раздался отчаянный крикъ погибающаго человѣка, за крикомъ послѣдовала короткая возня—борьба, и слышно было, какъ что-то тяжелое пронесли по корридору. Что такое? Бьютъ кого? Или сошелъ кто съ ума? Ужасъ, отчаяніе, жалость охватили разомъ все существо... Отъ сознанія своего безсилія слезы наполнили глаза... Являлось желаніе ломать руки, кричать, неистовствовать, разбить себѣ голову... Но какая польза?—спрашивалъ разумъ. Это ужасное состояніе пойметъ хорошо тотъ, у кого на глазахъ тонулъ, горѣлъ, вообще погибалъ близкій человѣкъ; самому же ему пришлось стоять, смотрѣть и въ безсиліи ломать лишь руки, безумно бѣгая по берегу рѣки или возлѣ горящаго дома. Соколовъ, видно, понялъ наше состояніе и не скрылъ: «Сошелъ одинъ съ ума, увезли въ больницу»,—отвѣтилъ онъ и, дѣйствительно, это былъ карійскій Игнатій Ивановъ. Его возили въ Казань, потомъ, когда онъ немного тамъ оправился, возвратили, но уже въ Шлиссельбургъ, гдѣ его и ждала могила.

Смерть Баранникова нѣсколько всполошила начальство. Увеличили
было. № 2.

до $1\frac{1}{2}$ часа прогулку, улучшили мясо въ щажъ, въ кашу наливали такъ много масла, что желудокъ не въ состояніи былъ его усвоить. Какъ бы въ отвѣтъ на это улучшение умеръ Тетерка. Начальство забило тревогу: этакъ и всѣ, пожалуй, сдѣлаютъ; тогда и лавочку закрывай; чинамъ, жалованью, наградамъ придется сказать прости! Кто-то появился на корридорѣ и долго смотрѣлъ въ дверное окно... Открыто приходилъ и самъ Оржевскій. Въместо каши рѣшили давать котлеты, а въ воскресенье, сверхъ двухъ блюдъ—пирогъ. Во время прогулки окна открывались, и камера, постель провѣтривались... «Рябчиками буду кормить, если прикажутъ!» заявилъ кому-то Соколовъ. А между тѣмъ, еще недавно тотъ же Соколовъ давалъ намъ хлѣбъ съ огромной примѣсью куколя, съ сороконожками, сухими личинками. У меня вошло въ привычку передъ ѣдой разламывать хлѣбъ на малкіе куски, выбирать соръ и потомъ уже ѣсть. И вотъ, однажды, разломилъ, смотрю—бѣлѣтъ что-то. Присмотрѣлся еще—два или три бѣлыхъ хлѣбныхъ червя. Выбросилъ... Говорю на слѣдующій день Соколову. «Быть не можетъ! я самъ смотрю за печеніемъ хлѣба!» отвѣчаетъ онъ. Не помню, почему я не сохранилъ червей. Пришлось промолчать. Разламываю послѣ его ухода хлѣбъ и, къ своему удовольствію, снова нахожу штуки три бѣлыхъ, налитыхъ червя. Сохранилъ ихъ. Является Соколовъ.—«Вотъ,—говорю,—смотрите!»—и показываю свою находку. Соколовъ взглянулъ, покраснѣлъ и, взявъ, быстро спряталъ хлѣбъ въ карманъ, не говоря ни слова. Я заранѣе торжествовалъ, но, оказалось, рано. Въ слѣдующій приходъ Соколовъ смѣло, нахально сталъ увѣрять меня, что это были не черви, а разбухшія зерна ржи... Однако, съ этихъ поръ видимо хлѣбъ сталъ чище. Муку, должно быть, стали пересѣивать. Уже не попадались больше личинки, соръ, хотя куколь и не уменьшился. И вотъ послѣ такого-то хлѣба—«рябчики»!.. Эти рябчики очень не многихъ, впрочемъ, спасли. Для большей части они продлили лишь время умиранія,—у Колоткевича до двухъ лѣтъ; у Ланганса болѣе двухъ; у неизвѣстнаго на отдѣльномъ корридорѣ лекарство виднѣлось очень долго и исчезло лишь передъ нашимъ увозомъ. Исаевъ умеръ въ Шлиссельбургѣ; Арончикъ, полувывсохшій и со страшными пролежнями, тоже очень долго мучился въ Шлиссельбургѣ. Онъ немного былъ, кромѣ того, помѣшанъ, а Соколовъ не хотѣлъ этому вѣрить и смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что тотъ часто голодаетъ и не принимаетъ лекарствъ... Въ концѣ концовъ Арончикъ слегъ и больше не поднимался до самой смерти, превратившись въ живой скелетъ. Къ намъ пріѣзжалъ какъ-то въ Шлиссельбургъ чиновникъ изъ департамента. Я его просилъ, чтобы позволили мнѣ ухаживать за Арон-

чикомъ. «Никакой уходъ ему теперь не поможетъ!» сказалъ чиновникъ. Меня, конечно, не пустили. Арончикъ скоро и умеръ. Щедринъ, Ивановъ и Поливановъ пережили равелинъ, но что изъ того? Поливановъ еще въ равелинѣ пытался покончить съ собою—Соколовъ замѣтилъ и не допустилъ. Въ Шлиссельбургѣ онъ много страдалъ и тоже нерѣдко помышлялъ о самоубійствѣ. Ивановъ умеръ психически разстроенный, въ Шлиссельбургѣ. Несчастный Щедринъ и до сего дня мучится въ Казани... И все это результатъ «рябчиковъ»!.. Про Александра Михайлова мы узнали позже. Онъ сидѣлъ въ изолированномъ корридорѣ. Отъ чего собственно погибъ онъ (и погибъ вскорѣ), неизвѣстно. Только Соколовъ разъ какъ-то проговорился: «Умереть-то онъ умеръ, но не етъ цынги—особо!..» Бѣдшаго отъ него нельзя было добиться.

Нѣсколько словъ еще о прогулкѣ.

Выводили въ садикъ по одному человѣку и сначала не позволяли тамъ ничего дѣлать: ходи, смотри и только. Дежурный унтеръ ходилъ вдоль одной стороны садика, у стѣнъ равелина; часовой, съ пашкой наголо, ходилъ вдоль другой, а самъ Соколовъ помѣщался въ проходѣ со сводомъ, чрезъ который насъ вели въ равелинъ. Тутъ была въ садикъ стеклянная дверь, и чрезъ нее-то Соколовъ наблюдалъ и за нами, и за жандармами. Нужно положительно удивляться его трудоспособности! Позже къ намъ перевели изъ Петропавловки еще нѣсколько человѣкъ, чтобы подгетовить ихъ къ отправкѣ въ Шлиссельбургъ, и Соколову приходилось съ ранняго утра и до поздняго вечера торчать въ подворотнѣ. И онъ торчалъ! И находилъ еще силы бродить по ночамъ по тюремному корридору и провѣрять, все-ли благополучно... Шла зима второго года; въ садикѣ образовались большіе снѣжные сугробы, являлось сильное желаніе поразмяться, разбросать снѣгъ. Не тутъ-то было! лопаты не даютъ. Но разъ какъ-то въ садикъ зашелъ докторъ, и я обратился къ нему съ просьбой о лопатѣ. Тотъ переговорилъ съ Соколовымъ, и на другой же день была дана небольшая лопатка. Съ жаромъ принялся я за работу, но живо и осылся: въ рукахъ, въ ногахъ появилась дрожь, все тѣло покрылось потомъ; въ головѣ помутнѣло... На другой день повторилось то же самое, но уже въ болѣе слабой степени, и скоро я могъ вполне насладиться работой. Къ сожалѣнію, снѣгу было мало. За то приближалась весна. Можно было заняться уборкой садика, для чего дали песокъ и хорошія лопаты. (Въ это именно время привезли Мышкина, Богдановича, Златопольскаго). Съ пескомъ работа заключалась въ томъ, что я задавалъ себѣ задачу: столько то разъ перебросить кучу съ одного мѣста на другое и обратно;

*

затѣмъ мѣнялъ руку: то бросалъ лѣвой десять лопатъ, то правой. Во время отдыховъ наблюдалъ за окнами корридора, стоятъ ли обычныя лекарства, не прибавилось ли чего, не исчезло ли совѣтъ. За себя я и раньше не боялся, теперь и подавно. Но за другихъ сердце постоянно болѣло, такъ какъ я зналъ, что здоровье многихъ очень плохо. Выходишь на прогулку, и съ тоской и замираніемъ смотришь на окна. Если стоитъ лекарство,—успокоишься, начнешь быстро ходить, пересыпать песокъ, продолжая, все-таки, время отъ времени бросать тревожные взгляды на окно, на стоящіе тамъ чайники. Исчезло лекарство—не стало, значить, человѣка... Въ первую минуту не вѣришь глазамъ, провѣряешь себя наблюденіемъ сосѣда, съ которымъ перестукиваешься... Потомъ охватываетъ тоска, злоба... Начинаешь проклятыя посылать мучителямъ. Мнѣ кажется, легче самому умирать, чѣмъ выносить пытку горя отъ смерти близкихъ людей.

Съ переводомъ въ равелинъ Мышкина, Богдановича и другихъ, у насъ установились, наконецъ, сношенія и съ ихъ корридоромъ. Радости намъ это, конечно, не принесло, но теперь хоть можно было точнѣе узнавать о ходѣ болѣзни и въ этой сторонѣ тюрьмы.

31-го іюля 1884 г. насъ заковали сначала въ ножны кандалы, потомъ уже ночью въ ручныя и увезли въ Шлиссельбургъ. Привезли насъ въ Алексѣевскій равелинъ 11 человѣкъ. Увезли въ Шлиссельбургъ пятерыхъ. Дождались свободы только трое...

Такова была «милость»!

М. Фроленко.

Дѣло Д. И. Писарева.

(По неизданнымъ источникамъ).

Врядъ ли можно знать меньше, чѣмъ извѣстно до сихъ поръ о причинахъ и обстоятельствахъ очень интереснаго политическаго процесса нашего знаменитаго критика и публициста, Д. И. Писарева. Бѣдность свѣдѣній по этому поводу прямо поразительна. Точно, все оно произошло не на глазахъ живыхъ людей и потому было кѣмъ-то вырвано изъ ихъ памяти.

Пополнить, и при томъ весьма содержательно, такой непростительный пробѣлъ мнѣ даетъ возможность очень обширное дѣло сенатскаго архива.

I.

13 іюня 1862 г. къ наборщику типографіи комиссаріатскаго департамента военнаго министерства, Горбановскому, явился студентъ Баллодъ¹⁾ и просилъ напечатать съ принесеннаго имъ готоваго набора 360 экземпляровъ прокламаціи по адресу офицеровъ. Получивъ согласіе на исполненіе такого заказа, онъ сказалъ, что зайдетъ за нимъ утромъ 15-го, и удалился. Вечеромъ того же дня Горбановскій принесъ полученный наборъ экзекутору департамента и рассказалъ все, что зналъ, не скрывъ при томъ, что въ квартирѣ своей жены онъ открылъ небольшую типографію, еще не заявленную полиціи. Разумѣется, сейчасъ же обо всемъ было сообщено по начальству, и раннимъ утромъ 15 іюня у квартиры Горбановскаго дежурила полицейская засада. Дѣйствительно, къ 7 часамъ туда явился слуга Баллода, Лисенковъ, и въ качествѣ удостовѣренія, что онъ присланъ именно за прокламаціей, предъявилъ одинъ ея экземпляръ. Его арестовали, сняли допросъ

¹⁾ Сынъ священника въ Лифляндской губерніи, Петръ Давидовичъ Баллодъ воспитывался въ рижской семинаріи; окончивъ ее поступилъ въ Петербургъ въ Медико-Хирургическую академию, а въ 1858 г. перешелъ на естественный факультетъ университета.

и отправили въ полицію; то же сдѣлано было съ Горбановскимъ.

Въ 11 час. утра нагрянули къ Баллоду, жившему въ мебелированныхъ комнатахъ на Васильевскомъ островѣ. Тамъ нашли всевозможныя прокламаціи, типографскія принадлежности и бумаги самого хозяина и уѣхавшаго товарища его, Еленина. Затѣмъ направились въ сосѣднюю комнату Н. И. Жуковского, которому тоже служилъ Лисенковъ. Тамъ въ его отсутствіе взяли кое-какія бумаги. Баллодъ былъ арестованъ при полиціи. Вечеромъ случайно обнаружили его вторую квартиру на Выборгской сторонѣ, произвели въ ней обыскъ, обнаруживъ много шрифта и типографскихъ принадлежностей и нѣсколько заграничныхъ изданій. 18-го привезли туда Баллода, удостовѣрившаго принадлежность себѣ всего найденнаго.

20 числа членъ особой Высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ кн. А. Ѳ. Голицына, генералъ-маіоръ Слѣпцовъ, объявилъ комиссіи, что Государь лично приказалъ ему передать ей свою непреклонную волю, «чтобы она обратила преимущественно и безотлагательно вниманіе на дѣйствія арестованнаго при полиціи студента Баллода». Немедленно были приняты мѣры, и уже 25 іюня д. ст. сов. Каменскому было поручено разсмотрѣніе бумагъ Баллода, Жуковского и Еленина. Вмѣстѣ съ тѣмъ оберъ-полицеймейстеру было предписано разыскать Жуковского, а III Отдѣленію сообщено о необходимости обратить вниманіе на Еленина и хозяйку второй квартиры Баллода—Максимовичеву.

27 числа, когда Каменскій ознакомилъ уже комиссію съ содержаніемъ переданныхъ ему бумагъ, послѣдняя въ полномъ своемъ составѣ¹⁾ допросила Баллода и Лисенкова. Первый былъ уже 21-го заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, а второй отпущенъ на свободу.

Баллодъ съ самаго начала заявилъ комиссіи, что дастъ вполне вѣрныя и подробныя показанія, которыя будутъ отличаться отъ сдѣланныхъ раньше въ полиціи. «Къ показаніямъ, даннымъ мною на приложенныхъ листахъ, я не имѣю ничего прибавить»,—написалъ онъ.

Относительно своей второй, по теперешней терминологіи—конспиративной, квартиры Баллодъ заявилъ, что не прописался тамъ только потому, что еще не вполне переѣхалъ, такъ какъ хозяйка ея, Максимовичева, уѣхала сама лишь 20 мая. Съ Николаемъ Жуковскимъ знакомъ около трехъ лѣтъ, узнавъ его черезъ брата его, Владиміра, судебного слѣдователя въ Уфѣ; Еленинъ—товарищъ по рижской духовной семинаріи, уѣхалъ на лѣто въ Ригу и, думая возвратиться осенью, оставилъ ему свои вещи. «Все участіе Ни-

¹⁾ Кн. Голицынъ, оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ, командированный отъ петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, генералъ-маіоръ Огаревъ, управляющій III Отдѣленіемъ—генералъ Потаповъ, командированный военнымъ министромъ, свиты его величества ген.-маіоръ Слѣпцовъ, командированный министромъ внутреннихъ дѣлъ, д. ст. сов. Туруновъ, а потомъ Ждановъ, командированный министромъ юстиціи оберъ-прокуроръ 4 департамента сената, д. ст. сов. Гелда, и дѣлопроизводитель—д. ст. сов. Волянский.

колая Жуковского состояло въ томъ, что онъ мнѣ досталъ отъ Горбановскаго одинъ старый и одинъ новый валикъ и краски. Больше же никакого участія онъ не принималъ; онъ даже иногда смѣялся надъ бесполезностью моихъ трудовъ. Листки, напечатанные мною, я давалъ ему, но какіе именно и сколько, я не помню». Съ Горбановскимъ познакомился въ конторѣ Янова и К^о, которок управлялъ Н. Жуковский. До этого въ январѣ просилъ послѣдняго переговорить съ Горбановскимъ, не возьмется ли тотъ напечатать статью Огарева—«Что нужно народу», приложенную къ «Колоколу». Горбановскій далъ согласіе, началъ наборъ, но затѣмъ отказался, сказавъ, что она требуетъ много шрифту, а убыль его въ кассахъ казенной типографіи легко можетъ быть замѣчена. Краски и два валика отъ Горбановскаго ему доставилъ Жуковский¹⁾.

Слѣдующіе вопросы комиссіи касались найденныхъ при обыскахъ у Баллода прокламацій и бумагъ.

Среди первыхъ особеннымъ вниманіемъ ея пользовалась прокламація «Молодая Россія». Интересующіеся найдутъ ее во второмъ приложеніи къ сборникамъ «Государственныя преступленія въ Россіи», изданнымъ за границую подъ редакціей г. Богучарскаго; тамъ она напечатана полностью, хотя и съ незначительными ошибками. Я же лишь вкратцѣ перечислю ея основные пункты.

«Молодая Россія» издана была Центральнымъ революціоннымъ комитетомъ (по крайней мѣрѣ, такъ говорилось въ текстѣ), какъ первый номеръ новаго журнала, и предназначалась для проведенія главнаго положенія программы: социальная и демократическая русская республика. Достиженію этой цѣли должно было служить все, и никакія препятствія не должны были мѣшать. Терроръ признавался надежнымъ средствомъ. Прокламація требовала республиканско-федеративнаго союза областей, состоявшихъ, въ свою очередь, изъ земледѣльческихъ общинъ, выборнаго суда, правильнаго распредѣленія налоговъ, заведенія общественныхъ фабрикъ, заводовъ и лавокъ, общественнаго воспитанія дѣтей, содержанія общиной стариковъ и больныхъ, полной эмансипаціи женщины, уничтоженія брака, семьи и монастырей, увеличенія содержанія солдата, уменьшенія срока его службы и замѣны арміи національною гвардіею, полной независимости Польши и Литвы. Достиженіе всей этой программы возлагалось главнымъ образомъ на молодежь, затѣмъ на войско, за которыми уже пошелъ бы народъ, особенно старообрядцы.

Распространена была «Молодая Россія», повидимому, въ массѣ экземпляровъ. Напримѣръ, изъ отношенія Валуева къ кн. Голицыну слѣдуетъ, что въ половинѣ мая въ Москвѣ ее разбрасывали

¹⁾ Баллодъ много работалъ и въ области естествознанія. Онъ велъ изданіе перевода извѣстной анатоміи Гирта, который дѣлалъ выѣстъ съ академикомъ Алек. С. Фаминцынымъ, тогда студентомъ. По ходатайству послѣдняго, ему были выданы потомъ всѣ рукописи перевода, взятые у Баллода на обыскѣ.

на бульварахъ, площадяхъ и у подъѣздовъ, посылали по городской почтѣ, а нѣсколько экземпляровъ найдены были въ адресной книгѣ студентовъ университета.

Она очень взволновала правительство и умѣренную часть общества, а въ болѣе радикальной не вполне одобрялась, благодаря нѣкоторымъ своимъ пунктамъ, въ родѣ уничтоженія семьи и брака. Разразившіеся, вслѣдъ за ея появленіемъ, пожары въ Петербургѣ были приписаны Центральному революціонному комитету, и потому понятно, какъ хотѣлось комиссіи кн. Голицына узнать что-нибудь отъ Баллода.

Баллодъ не отрицалъ своихъ связей съ Центральнымъ комитетомъ и далъ слѣдующее показаніе о своемъ съ нимъ знакомствѣ, происшедшемъ, по особому приглашенію, въ Александровскомъ паркѣ.

«Въ Александровскій паркъ впервые, въ первой половинѣ мая, я приглашенъ былъ анонимной запиской по почтѣ, въ которой говорилось, что, придя во-время въ указанное мѣсто, я очень весело и разнообразно проведу время. На другой день, когда я пришелъ въ паркъ, то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, обращенныхъ къ Тучкову мосту, подошли ко мнѣ какихъ-то два господина и сказали:

— Здравствуйте, Баллодъ. Это мы васъ приглашали, но не для того, чтобъ провести пріятно время, а для того, чтобъ поговорить о дѣлѣ.

«Оба они были съ бородами, средняго роста; одинъ изъ нихъ былъ въ пальто Гарибальди сѣраго цвѣта и въ фуражкѣ; ему было около 40 лѣтъ, онъ былъ довольно плотный. Другому было лѣтъ около 27, одѣтъ онъ былъ въ пальто и въ шляпѣ. У перваго борода была съ просѣдью, у втораго—русая.

— Мы слышали, что вы честный и энергичный человѣкъ, вы можете намъ сильно помочь. Скажите, какъ вы смотрите на революцію?

«Я смѣшался. Въ это время подошелъ къ намъ одинъ господинъ высокаго роста, въ поярковой шляпѣ и въ суконномъ пальто, поклонился мнѣ, назвалъ мою фамилію. Разговаривавшіе со мной называли мнѣ его своимъ. Видя, что я смѣшался, они мнѣ сказали, что они члены революціоннаго комитета и что знаютъ меня, какъ разбрасывателя листовъ. Я сказалъ, что лучше желалъ бы остановить движеніе къ революціи, потому что считаю революцію сомнительной борьбой.

— Напрасно,—отвѣчали они. Ну, а какъ вы думаете, будетъ революція или нѣтъ?

«Я сказалъ, что инстинктъ, который у меня очень силенъ, говоритъ мнѣ, что революція будетъ.

— Ну, а если революція будетъ, то нельзя же сидѣть сложа руки, нужно что-нибудь дѣлать. Что же вы будете дѣлать?

— Не знаю—сказалъ я,—что придется.

— Странно! Вы человѣкъ съ такимъ здоровымъ мозгомъ и

такъ разсуждаете. Вступили бы вы въ революціонный комитетъ, еслибъ вамъ предложили?

— Это зависитъ отъ программы комитета,—сказалъ я.

— Вотъ мы дадимъ вамъ программу, и вы скажите намъ ваше слово.

«Здѣсь они повели меня къ присѣвшимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ пяти человѣкамъ, отрекомендовали меня, взяли у одного изъ нихъ 9 экземпляровъ «Молодой Россіи», подали мнѣ и сказали:

— Вотъ наша программа.

«Послѣ этого мы отошли отъ нихъ. Тутъ они стали говорить о моемъ характерѣ, называли меня мягкимъ, женственнымъ; говорили, что я нормально энергиченъ тогда, когда дѣйствую одинъ, но что могу измѣниться очень скоро, попавъ въ общество людей съ другими убѣжденіями, и что одинъ изъ ихъ общества сказалъ даже, что меня нужно опасаться, какъ человѣка, который въ критическую минуту, будучи разжалобленъ чѣмъ нибудъ, можетъ напакостить. При этомъ я вспомнилъ выходы Новдрева и обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— Что же, вы считаете меня за человѣка безъ убѣждений?

— Нисколько, но вы мягки и чувствительны; увидѣвъ несчастнаго, вы можете забыться. Вспомните 8-е марта. Вы тутъ показали вашу энергію и вашу чувствительность ¹⁾.

«Послѣ этого мы скоро разстались, и они просили меня прійти черезъ недѣлю, въ это же время, въ Александровскій паркъ.

«Когда я пришелъ во второй разъ, то подошли ко мнѣ трое; одного изъ нихъ я видѣлъ первый разъ. Въ это свиданіе мы занялись разборомъ «Молодой Россіи». Я возражалъ, они отстаивали каждую строчку, кромѣ того мѣста, гдѣ говорится о Богѣ. Во время этого разговора подошелъ одинъ господинъ высокаго роста, худощавый, къ которому они обратились съ словами:

— Отчего вы не были у насъ третьяго дня?

— Я не былъ въ городѣ эти дни,—отвѣтилъ онъ.

— Мы были у васъ часа два тому назадъ; вѣдь вамъ ѣхать.

— Знаю. Я былъ сейчасъ у..., тамъ узналъ, что вы будете сегодня здѣсь.

— Я вамъ привозилъ деньги; вотъ они и вотъ вамъ инструкція. Если вамъ этихъ шести тысячъ мало, то вы знаете куда обратиться?

— Знаю,—отвѣтилъ онъ.

«Послѣ этого они сказали ему нѣсколько словъ шопотомъ, и онъ ушелъ, говоря, что ему нужно ѣхать за городъ сейчасъ.

«Потомъ они обратились ко мнѣ съ вопросомъ:

— Думаете ли вы вступить въ революціонный комитетъ?

¹⁾ На вопросъ комиссіи потомъ, что это значитъ, Баллодъ объяснилъ, что 8 марта 1862 г., на извѣстной „думской исторіи“ съ Н. И. Костомаровымъ, онъ, Баллодъ, разстроенный оскорбленіемъ, нанесеннымъ аудиторіей почтенному профессору, кричалъ, чтобы его выслушали, и добился своего.

«Я сказалъ, что еще не рѣшилъ, и спросилъ: «къ чему вы меня торопите?»

— Намъ бы хотѣлось васъ отправить въ вашъ край, къ литовцамъ. Тамъ у насъ почти никого еще нѣтъ. Если вы на это не согласитесь, то, вѣрно, не откажетесь завѣдывать полицейскою частью. У насъ этой частью завѣдуетъ одинъ господинъ, да ему, вѣроятно, придется скоро уѣхать.

«Я спросилъ, что это за должность.

— Слѣдить за всякимъ вновь вступающимъ членомъ и вообще за всякимъ, на котораго укажутъ. Вамъ это легко: у васъ много знакомыхъ, да у васъ будутъ еще и компаньоны.

«Я сказалъ, что у меня не хватитъ средствъ на это. Они сказали, что мы за этимъ не стоимъ.

— Вотъ отправили господина, котораго вы видѣли, въ нѣкоторые юго-западные губерніи ревизовать комитеты и, если можно, то организовать, и дали ему шесть тысячъ рублей.

— На это, можетъ быть, и соглашусь,—сказалъ я.

«Потомъ они стали говорить о «карманной типографіи» и сказали:

— Вы, вѣроятно, въ сношеніи съ ней.

«Я сказалъ, что она моя.

— Неужели она у васъ тамъ, на Васильевскомъ островѣ?

«Я сказалъ, что у меня есть другая квартира, о которой никто не знаетъ.

— Если мы къ вамъ обратимся когда-нибудь, то вы не откажетесь напечатать?

— Если статья не будетъ имѣть характера «Молодой Россіи»,—сказалъ я, то, пожалуй.

«Вскорѣ послѣ этого мы разстались.

«Оба эти свиданія продолжались не болѣе полуторыхъ часовъ. Мы гуляли по аллеямъ парка, обращеннымъ къ Кронверкскому проспекту.

«Въ началѣ іюня мнѣ было прислано на Выборгскую письмо, которымъ меня приглашали въ Петровскій паркъ. Когда я пришелъ въ паркъ, то подошли ко мнѣ двое. Это были тѣ, которые говорили со мной въ первый разъ. Прежде всего они сказали мнѣ:

— Какова наша полиція?

«Потомъ спросили, рѣшилъ ли я? Я сказалъ, что посмотрю, каковъ будетъ слѣдующій номеръ «Молодой Россіи», и тогда скажу.

— Хорошо. Онъ выйдетъ черезъ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и позже. А теперь мы попросимъ васъ напечатать одну статейку; она самая невинная, чисто въ вашемъ духѣ.

— Если такъ, то хорошо.

«Здѣсь я сказалъ, что нельзя ли такъ сдѣлать, что я сдѣлаю наборъ, а чтобы они напечатали, такъ какъ имъ легко это, по-

тому что у нихъ есть станокъ, а у меня не выкупленъ еще заказанный мною станокъ ¹⁾).

— Нѣтъ,—сказали они,—это неудобно. Сколько вамъ нужно денегъ на выкупъ станка?

«Я сказалъ, что отъ 40—50 рублей. Одинъ изъ нихъ тотчасъ вынулъ изъ кармана 50 рублей и далъ мнѣ. Потомъ они повели меня къ двумъ другимъ, которые были отъ насъ въ шагахъ 50, взяли у нихъ бумагу, карандашъ, портфель и рукопись, съ которой мнѣ диктовали. Я просилъ дать мнѣ рукопись, но они сказали, что этого нельзя, и просили меня написать ²⁾). Когда я написалъ, то они сказали, чтобы я не измѣнялъ здѣсь ни одного слова и не подписывалъ бы «Карманная типографія». Я согласился ³⁾). Потомъ они спросили, когда я надѣюсь напечатать. Я сказалъ, что, быть можетъ, черезъ недѣлю. Они попросили меня назначить не только день, но и часъ. Я назначилъ воскресенье и 7 часовъ вечера. Потомъ они сказали, что дадутъ мнѣ знать, куда доставить.

«Это было въ 12 часу дня.

«Познакомиться съ ними я не имѣлъ особеннаго желанія, а говорилъ съ ними потому, что рассчитывалъ отклонить ихъ отъ этой уродливой программы».

Къ этому въ высшей степени характерному разсказу Баллодъ прибавилъ, что изъ полученныхъ экземпляровъ «Молодой Россіи» онъ 4 сжегъ, одинъ или два далъ Н. Жуковскому, а объ остальныхъ ничего не помнить.

II.

Упомянутая Баллодомъ прокламація, озаглавленная: «Предостереженіе», настолько важна и интересна, что я приведу ее полностью. Нигдѣ до сихъ поръ не встрѣчалось указанія на то, что Центральный комитетъ амъ считалъ необходимымъ поправить сдѣланные въ «Молодой Россіи» ошибки и извинить ея увлеченія. Между тѣмъ, это очень важно, какъ доказательство, насколько сильно было вліяніе реактивовъ на большое общество, съ которымъ хотѣли имѣть дѣло.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

«Правительство говоритъ, что революціонеры жгутъ Петербургъ. Установленъ во всей Россіи судъ по полевымъ военнымъ

¹⁾ Станокъ, около 9 пуд. вѣсомъ, по особому чертежу былъ заказанъ Санъ-Галли, но в то время обыска у Баллода еще не былъ имъ взятъ. Его взяла уже полиція, по указанію самого Баллода.

²⁾ Диктовалъ бывший въ пальто à la Гарибальди.

³⁾ Въ дѣлѣ экземпляръ этой прокламаціи написанъ чернилами. Баллодъ объяснилъ, что, вернувшись домой, онъ сейчасъ же переписалъ ее чернилами. Печатать просили 700 экземпляровъ.

законамъ противъ злоумышленниковъ, потому что правительство полагаетъ, будто во всѣхъ провинціяхъ революціонные комитеты возбуждаютъ къ бунту и поджогу. Петербургское общество само дало правительству возможность принять подобныя мѣры: оно дало эту возможность своими сплетнями и, читая повтореніе своихъ выдумокъ въ официальныхъ объявленіяхъ, совершенно убѣдилось, что сплетни эти справедливы.

«Мы достовѣрно знаемъ, что такихъ революціонеровъ нѣтъ и не было. Нѣсколько пылкихъ людей написали и напечатали публикацію, рѣзкія выраженія которой послужили предлогомъ для нелѣпыхъ обвиненій ¹⁾. Довольно прочесть эту публикацію со вниманіемъ, чтобы понять чувства ея издателей: это люди экзальтированные и уже потому самому неспособные имѣть никакихъ низкихъ намѣреній. Они сказали нѣсколько опрометчивыхъ словъ, но, конечно, не придавали имъ того смысла, какой хочетъ въ нихъ видѣть правительство и находить петербургская публика. Изъ ихъ словъ для насъ ясно было ихъ желаніе сказать только, что правительство ведетъ народъ къ возстанію, и что они готовы стать въ ряды народа при наступленіи вооруженной борьбы. Но не отстать отъ народа, когда онъ поднимется, во все не то, что возбуждать его къ рѣзнѣ. Думать, что облегченіе судьбы простого народа не будетъ слишкомъ дорого куплено цѣною революціи,—вовсе не то, что поджигать жилища и лавки бѣдняковъ. Эта разница очень ясна, но теперь публикѣ угодно было заняться сплетнями вмѣсто того, чтобы вникнуть въ дѣло. Исторія свидѣтельствуетъ, что демократы никогда не дѣйствовали ни поджигательствами, ни другими подобными средствами. Она обличила, что если много разъ винили ихъ въ этомъ, то обвиненіе всегда было клеветою, которую порождало легковѣріе, и которою пользовались деспотическія правительства, всегда склонныя къ реакціоннымъ мѣрамъ.

«Такъ и теперь. Но мы хотимъ указать публикѣ на послѣдствія ея легкомыслія, на злоупотребленія, которыя дѣлаетъ изъ него правительство, хотимъ предостеречь публику, чтобы она не повторяла подобныхъ шалостей, за которыя всегда приходилось ей же тяжело расчитываться.

«Революціонная партія никогда не бываетъ въ силахъ сама по себѣ совершить государственный переворотъ. Примѣръ тому многочисленныя попытки парижскихъ республиканцевъ и коммунистовъ, которыя всегда такъ легко подавлялись нѣсколькими баталіонами солдатъ. Перевороты совершаются народами.

«Еслибы начавшаяся теперь реакція ограничила свое вліяніе только преслѣдованіями свободномыслящихъ людей,—изъ этого

¹⁾ Рѣчь, какъ уже сказано, идетъ о „Молодой Россіи“. Она умышленно не названа и сама печатаемая прокламація умышленно, очевидно, никѣмъ не подписана, чтобы сдѣлать „Предостереженіе“ якобы голосомъ стороннихъ лицъ (все же революціонеровъ), хотя и хорошо знающихъ Центральный комитетъ.

не вышло бы ничего важнаго для праздноѣ толпы такъ называемаго просвѣщеннаго общества. Но реакція отразится и на крестьянскомъ вопросѣ, она окончательно отниметъ у правительства всякую заботу объ удовлетвореніи требованій крѣпостныхъ крестьянъ, а это уже плохая шутка для всего образованнаго общества. Крестьяне уже начинаютъ готовиться къ возстанію и поднимутся, если не получатъ новой воли. Это уже рѣшено между крестьянами во всѣхъ губерніяхъ. Не вѣрьте слухамъ, отрицающимъ этотъ фактъ,—они лживы. Они распространяются или малодушными людьми, замуривающими глаза отъ опасности, или правителями, обманывающими публику. *Народное* возстаніе близится. Пусть пойметъ это публика и пусть помнитъ. Пусть сообразитъ теперь, что реакція, порожденная ея же сплетнями, поддерживается ея легковѣріемъ, даетъ возстанію чернаго народа характеръ столь свирѣпый, что никакія усилія революціонеровъ не будутъ въ состояніи ни смягчить переворота, ни положить ему предѣловъ.

«Мы, революціонеры, т. е. люди, не производящіе переворота, а только любящіе народъ настолько, чтобы не покинуть его, когда онъ самъ безъ нашего возбужденія ринется въ борьбу, мы умоляемъ публику, чтобы она помогла намъ въ нашихъ заботахъ смягчить готовящееся въ самомъ народѣ возстаніе. Намъ жаль образованныхъ классовъ; просимъ ихъ уменьшить грозящую имъ опасность. Но для этого нужно, чтобы публика сдѣлалась болѣе хладнокровна и менѣе легкомысленна, чѣмъ какою выказала она себя въ сплетняхъ о пожарахъ. Перестаньте поощрять правительство въ его реакціонныхъ мѣрахъ.

«Обращаемся съ просьбою и къ правительству. Пусть оно хоть немножко поищетъ насъ, пусть поищетъ получше, чѣмъ до сихъ поръ искало. Какъ намъ ни жалко несчастныхъ страдальцевъ, которыхъ оно мучитъ и судитъ за насъ, какъ доходятъ до насъ слухи, но мы все же не объявимъ себя, чтобы снять съ этихъ людей ложное обвиненіе. И въ этомъ мы всегда и передъ всѣми останемся правы: мы не посылали этихъ людей на опасность; мы, наши люди, цѣлы и будутъ цѣлы. Мы считали бы себя слишкомъ слабыми, еслибы могли попадаться. Насъ узнаютъ только тогда, когда мы явимся сами въ рядахъ народа, открыто добывающаго себѣ человѣческія права».

III.

Затѣмъ коммиссія поинтересовалась второй прокламаціей—«Русское правительство подѣ покровительствомъ Шедо-Ферроти».

Псевдонимъ «Шедо-Ферроти» принадлежалъ нашему бельгійскому агенту министерства финансовъ, барону Ф. И. Фирксу, назначенному на эту должность по личному повелѣнію государя, которому онъ былъ рекомендованъ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ. Этотъ казеннокоштный публицистъ точно исполнялъ всѣ литератур-

ные заказы русского правительства, пропустившаго умышленно въ Россію двѣ его брошюры по адресу Герцена. Такимъ путемъ надѣялись ослабить вліяніе геніальнаго Искандера!.. Часть русского общества поддалась на удочку, какъ только въ мартѣ 1862 г. брошюры Шедо-Ферроті появились въ витринахъ книжныхъ магазиновъ... А когда реакціонное начало стало крѣпнуть, то апологетъ III Отдѣленія имѣлъ уже довольно замѣтный успѣхъ ¹⁾... Разумѣется, лучшіе люди не могли не презирать такую гнусную борьбу, и первымъ противъ нея публично высказался студентъ Павелъ Мошкаловъ, написавшій прокламацію:

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ШЕДО-ФЕРРОТИ ²⁾).

«Въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта—трусливая подлость іезуита. Не переставая ссылать, засѣкать, пытать, разстрѣливать, оно употребляетъ скрытныя, подлыя, но исполнѣ достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать грубымъ насиліемъ. На дняхъ оно пустило въ продажу брошюру, написанную какимъ то Шедо-Ферроті и направленную противъ Герцена (Искандера). Первоначально она была напечатана въ количествѣ 400 экземпляровъ, въ видѣ пробы; въ скоромъ же времени выйдетъ еще въ значительномъ количествѣ. Брошюра эта написана чрезвычайно хитро и на людей, мало читавшихъ изданія Герцена, можетъ произвести дѣйствіе, ожидаемое правительствомъ. Авторъ ея, стараясь подорвать довѣріе общества къ Герцену, выставляетъ его чело-вѣкомъ, стремящимся захватить власть въ свои руки при будущемъ переворотѣ въ Россіи; въ видѣ подлой насмѣшки ставитъ его на одну доску съ коронованными особами и упрекаетъ его въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій.

«Оставляя подобное мнѣніе о Герценѣ при Шедо-Ферроті и нашемъ правительствѣ, мы спросимъ васъ, гнилые столбы деспотизма: неужели вы думаете подобными мѣрами ослабить огромное вліяніе, производимое изданіями Герцена на общество? Нѣтъ, вамъ остается одно—убить Герцена. Не предавайте смѣху подобную гнусную мысль!—она ваша. И, несмотря на ловкую діалектику Шедо-Ферроті, ему не вполнѣ удалось замаскировать и предать посмѣянію подобную мысль.

¹⁾ Интересующіеся содержаніемъ этихъ брошюръ, обстоятельствами, при которыхъ онѣ появились на свѣтъ и продавались въ Россіи, и мѣрами русского правительства по борьбѣ съ Герценомъ здѣсь, дома,—найдутъ отвѣты на эти вопросы въ моей книгѣ—„Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ“. Спб., 1904 г.

²⁾ Отъ заглавія была сдѣлана слѣдующая выписка: „Интересно бы знать, во сколько обходится это покровительство?!“

«Трудности, которыя пришлось намъ одолѣвать, прежде чѣмъ нашъ голосъ могъ раздаться въ печати, были такъ велики, и силы наши пока еще такъ мало организованы, что мы теперь не можемъ входить въ подробный разборъ этой брошюры, но, вѣроятно, Герценъ не преминетъ дать пощечину въ своемъ «Колоколѣ» какъ Шедо-Ферроти, такъ и нашему правительству.

«Печатано въ Петербургѣ, въ карманной типографіи».

Баллодъ сознался, что напечаталъ эту прокламацію, давъ ей заглавіе и снабдивъ ее примѣчаніемъ, сначала, въ мартѣ, въ 125—150 экземплярахъ, а затѣмъ, по выходѣ второго изданія брошюры, уже послѣ Пасхи, въ 300—400 экз. Наборъ сдѣлалъ самъ Мошкаловъ, учившій этому Баллода; онъ же и распространилъ большую часть экземпляровъ, оставивъ немного на долю Баллода.

IV.

На вопросъ комиссіи, кто авторъ взятой у Баллода рукописной статьи, направленной тоже противъ брошюры Шедо-Ферроти, Баллодъ отвѣтилъ:

«Я не хотѣлъ сказать фамиліи писавшаго статью противъ Шедо-Ферроти, потому что знаю автора этой статьи очень хорошо, какъ не-революціонера, но котораго будутъ, какъ я думалъ, судить, какъ революціонера, за высказанное имъ въ концѣ статьи мнѣніе въ пользу революціи. Причины, по которымъ онъ впалъ въ крайность, два несчастія, постигшія его одно за другимъ. Коренева, которую онъ сильно любилъ и которую давно считалъ своей невестой, вышла въ апрѣлѣ мѣсяцѣ замужъ за другого. Второе несчастіе—закрытіе журнала «Русское Слово», отъ котораго онъ только и получалъ средства къ жизни. Содержанье статьи противъ Шедо-Ферроти я мало помню и потому не могу сказать, какихъ исправленій она требуетъ. Писалъ эту статью Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, кандидатъ петербургскаго университета. Однажды пришелъ ко мнѣ Писаревъ. Это было въ половинѣ мая. Мы говорили о брошюрѣ Шедо-Ферроти. Писаревъ сказалъ мнѣ, что онъ писалъ противъ него, но что цензура не пропустила; я просилъ у Писарева эту статью, но онъ сказалъ, что не стоитъ ее читать; я сказалъ: «такъ ты напиши такую, чтобъ стоило прочитать».—«Зачѣмъ тебѣ?»—спросилъ Писаревъ. Я сказалъ, что, можетъ быть, мнѣ удастся устроить напечатаніе этой статьи. «Изволь», сказалъ Писаревъ. Въ началѣ іюня я зашелъ къ Писареву, и онъ далъ мнѣ 1½ листа этой статьи. За день до моего ареста Писаревъ принесъ мнѣ вторую половину этой статьи».

Статья Писарева, приложенная къ дѣлу въ подлинномъ автографѣ автора, до сихъ поръ никому неизвѣстна и потому приводится ниже съ полной точностью.

«Глухая книжонка Шедо-Ферроти сама по себѣ вовсе не за-

служиваетъ вниманія, но изъ-за Шедо-Ферроти видна та рука, которая щедрою платою поддерживаетъ въ немъ и патріотическій жаръ, и литературный талантъ. Брошюра Шедо-Ферроти любопытна, какъ маневръ нашего правительства. Конечно, члены нашего правительства не умѣе самого Шедо-Ферроти, но что дѣлать, мы покуда отъ нихъ зависимъ, мы съ ними боремся, стало быть, надо же взглянуть въ глаза нашимъ естественнымъ притѣснителямъ и врагамъ.

«Обскурантовъ, теперь, какъ извѣстно, не существуетъ. Нѣтъ того квартальнаго надзирателя, нѣтъ того цензора, нѣтъ того академика, нѣтъ даже того великаго князя, который не считалъ бы себя умѣреннымъ либераломъ и сторонникомъ мирнаго прогресса. Считая себя либераломъ, какъ то неловко сажать людей подъ арестъ или высылать ихъ въ дальнія губерніи за печатно выраженное мнѣніе или за произнесенное слово. Правительство наше, которое все наголо состоитъ изъ либераловъ, начинаетъ это чувствовать. совѣстно ссылатъ Михайлова и Павлова¹⁾; сослать то онъ ихъ сослалъ, но, Боже мой, что это стоило чувствительному сердцу! Студенту Лебедеву проломили голову, но правительству тутъ же сдѣлалось такъ прискорбно, что оно напечатало въ газетахъ объясненіе: такъ и такъ, дескать, это случилось по нечаянности, ножнами жандармской сабли²⁾. Словомъ, наше либеральное правительство уважаетъ общественное мнѣніе и для своихъ мирно-прогрессивныхъ цѣлей пускаетъ въ ходъ благородныя средства, какъ то печатную гласность. Валуевъ и Никитенко сооружаютъ газету съ либеральнымъ направленіемъ³⁾, а при этомъ и продолжаютъ, все таки, преслѣдовать честную журналистику доносами и цензурными тисками⁴⁾. Публицистъ III Отдѣленія, баронъ Фирксъ, Шедо-Ферроти тожь, по порученію русскаго правительства, пишетъ и печатаетъ въ Берлинѣ брошюры безъ цензуры; великодушное правительство смотритъ сквозь пальцы на ввозъ этого заказаннаго, но офиціально запрещеннаго товара; его продаютъ открыто въ книжныхъ лавкахъ; не давая своего офиціального разрѣшенія, правительство упрочиваетъ за книжкою заманчивость запретнаго плода; допуская и поощряя изъ подъ руки продажу книжки, правительство обнаруживаетъ свое великодушіе. О, какъ все это тонко, остроумно и политично. А между тѣмъ журналамъ не позволялось разбирать книжонку; Шедо-Фер-

¹⁾ М. И. Михайловъ сосланъ въ 1862 году за сочиненіе и распространеніе прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“. О его дѣлѣ см. мою статью въ январской книжкѣ „Былаго“. Профессоръ П. В. Павловъ высланъ въ Ветлугу въ мартѣ 1862 года за публичную рѣчь о тысячелѣтнемъ юбилей Россіи. Дѣло это тогда очень шумѣло.

²⁾ Во время студенческой демонстраціи осенью 1861 года въ Петербургѣ.

³⁾ Валуевъ съ 1 января 1862 г. открылъ газету министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверную Почту“, редакторомъ которой первое время былъ А. В. Никитенко, а потомъ И. А. Гончаровъ.

⁴⁾ Намекъ на старанія Никитенка въ главномъ управленіи цензуры, и на неистовства Валуева.

роти, какъ въ прошлую осень Борисъ Чичеринъ, объявляются личностями священными и неприкосновенными¹⁾. Горбатаго одна могила исправить; наши умѣренные либералы ни при какихъ условіяхъ не сумѣютъ быть честными людьми; наше правительство никогда не отучится отъ николаевскихъ замашекъ. У него есть особенный талантъ оподлять всякую идею, какъ бы ни была эта идея благородна и сама по себѣ чиста.

«Напримѣръ, всѣ порядочные люди имѣютъ привычку на печатное обвиненіе отвѣчать также печатно и защищаться, такимъ образомъ, тѣмъ же оружіемъ, какимъ вооруженъ противникъ. Наше правительство захотѣло доказать, что оно тоже порядочный человекъ. Находя, что Герценъ несправедливо обвинилъ его, наше правительство высылаетъ своего рыцаря. Кажется, очень хорошо и благородно. Но посмотрите поближе. Произведеніе Шедо-Ферроти впущено въ Россію, а сочиненія Герцена остаются запрещенными. Публика видитъ, что Герцена отдѣлываютъ, а того она не видитъ, за что его отдѣлываютъ. Конечно, и «Полярная Звѣзда», и «Колоколъ», и «Голоса изъ Россіи», и грозное «Подъ Судъ» извѣстны нашей публикѣ, но вѣдь всѣ эти вещи провозятся и читаются вопреки волѣ правительства; стало быть, если оцѣнивать только намѣренія правительства, то надо будетъ убѣдиться въ томъ, что оно хочетъ чернить Герцена, не давая ему возможности оправдываться и обвинять въ свою очередь. Чернить человека, котораго сочиненія строжайше запрещены! Подло, глупо и бесполезно! Заказывая своему наемному памфлетисту брошюру о Герценѣ, правительство, очевидно, хочетъ продиктовать обществу мнѣнія на будущее время. Это видно по тому, что мнѣнія противоположныя мысленкамъ Шедо-Ферроти, не допускаются въ печати. Правительство сражается двумя оружіями: печатною пропагандою и грубымъ насиліемъ, а у общества отнимается и то единственное средство, которымъ оно могло и хотѣло бы воспользоваться.. Обществу остается или либеральничать съ разрѣшенія цензуры, или идти путемъ тайной пропаганды, тѣмъ путемъ, который повелъ на каторгу Михайлова и Обручева²⁾. Хорошо, мы и на это согласны; это все отзовется въ день суда, того суда, который, вѣроятно, случится гораздо пораньше втораго пришествія Христова.

«Изъ чтенія брошюры Шедо-Ферроти мы вынесли самое отрадное впечатлѣніе. Намъ порадовало то, что при всей своей щедрости правительство наше принуждено пробавляться такими плоскими посредственностями. Пріятно видѣть, что правительство не умѣетъ выбирать себѣ умныхъ палачей, сыщиковъ, доносчиковъ и клеветниковъ; еще пріятнѣе думать, что правительству не изъ чего

¹⁾ 1 января 1862 г. министромъ народнаго просвѣщенія, Головнинъ, было предписано по цензурѣ не допускать никакихъ рѣзкостей и оскорбленій по адресу публициста „Нашего Времени“ Б. Н. Чичерина.

²⁾ В. А. Обручевъ, сотрудникъ „Современника“, въ 1861 году былъ сосланъ за составленіе и распространеніе „Великорусса“.

выбирать, потому что въ рядахъ его приверженцевъ остались только подонки общества, то, что пошло и подло, то, что неспособно по человѣчески мыслить и чувствовать.

«Брошюра Шедо-Ферроти имѣетъ двѣ цѣли: 1) доказать, что петербургское правительство не имѣетъ ни надобности, ни желанія убить Герцена, 2) осмѣять и обругать при семъ удобномъ случаѣ Герцена, какъ пустого самохвала и какъ загордившагося выскочку.

«Чтобы доказать первое положеніе, Шедо-Ферроти утверждаетъ, что Герценъ вовсе не опасенъ для русскаго правительства и что, слѣдовательно, даже III Отдѣленіе не рѣшится убить его. Процессъ доказательствъ идетъ такъ: убиваютъ только такихъ людей, отъ смерти которыхъ можетъ переѣмниться весь существующій порядокъ вещей въ одномъ или въ нѣсколькихъ государствахъ; если Герценъ, получая подметныя письма о намѣреніяхъ русскаго правительства, вѣритъ этимъ письмамъ, тогда онъ считаетъ себя особою европейской важности и, слѣдовательно, обнаруживаетъ глупое тщеславіе; если же онъ, не вѣря этимъ письмамъ, поднимаетъ гвалтъ, тогда онъ пустой и вздорный крикунъ. Весь этотъ процессъ доказательствъ разсыпается, какъ карточный домикъ. Во-первыхъ, правительства ежегодно убиваютъ нѣсколько такихъ людей, которые могли бы оставаться въ живыхъ, вовсе не нарушая существующаго порядка. Дезертиръ, котораго запарываютъ шпиретенами, вовсе не особа европейской важности. Бакунинъ, котораго захватили обманомъ, Михайловъ, Обручевъ, поручикъ Александровъ ¹⁾ вовсе не особы европейской важности, а между тѣмъ правительство заживо хоронитъ ихъ въ рудникахъ и въ крѣпостяхъ. Правительство вовсе не такъ дорожитъ жизнью отдѣльнаго человѣка, чтобъ казнить и миловать съ строгимъ разборомъ. Вѣдь, турецкій султанъ и персидскій шахъ вѣшаютъ зря, какъ вздумается, а, кажется, въ наше время только учебники географіи проводятъ различіе между деспотическимъ правленіемъ и правленіемъ монархическимъ неограниченнымъ. На основаніи какого закона повѣшено пять декабристовъ? А если правительство казнить по своему произволу, то отчего же оно не можетъ, по тому же произволу, подослать убійцу? Гдѣ разница между казнью безъ суда и убійствомъ изъ-за угла? Въ наше время каждый неограниченный монархъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ можетъ держаться только непрерывнымъ рядомъ Чтобы подданные его не знали о своихъ естественныхъ человѣческихъ правахъ, надо держать ихъ въ невѣжествѣ—вотъ вамъ преступленіе противъ человѣческой мысли; чтобы случайно про-

¹⁾ Ошибка—капитанъ варшавской телеграфной станціи Александровъ. Онъ сосланъ въ вѣчную каторгу за то, что, получивъ изъ Петербурга телеграмму отъ Александра II на имя Намѣстника Царства Польскаго, Лидерса, предписывавшую „разгонять толпу холодными оружіемъ, а если нужно, то употребить карточь“, и не желая подвергать разстрѣлу поляковъ, собиравшихся служить поминки по убитымъ въ 1861 г. на улицахъ Варшавы, Александровъ передалъ Лидерсу телеграмму иначе: „дѣйствовать увѣщаніемъ“. Кровопролитіе было устроено, мистификація обнаружена, и честный офицеръ погибъ.

свѣтившіеся подданные не нарушили субординаціи, надо дѣйствовать насиліемъ—вотъ еще преступленіе; чтобъ имѣть въ рукахъ орудіе власти—войско, надо систематически уродовать и забивать нѣсколько тысячъ молодыхъ, сильныхъ, способныхъ людей—опять преступленіе. Идя по этой дорогѣ преступленій, нельзя отступать отъ убійства. Посмотрите на Александра II; въ его личномъ характерѣ нѣтъ ни подлости, ни злости, а сколько лежитъ уже на его совѣсти. Кровь поляковъ, кровь мученика Антона Петрова ¹⁾, загубленная жизнь Михайлова, Обручева и другихъ, нелѣпое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, исторіи со студентами—на что ни погляди, вездѣ или грубое преступленіе или жалкая трусость. Слабые люди, поставленные высоко, легко дѣлаются злодѣями. на которое никогда не рѣшился бы Александръ II, какъ частный человекъ, будетъ непременно совершено имъ, какъ самодержцемъ всея Россіи. Тутъ мѣсто портить человекъ, а не человекъ мѣсто. Если бы наше правительство потихоньку отправило Герцена на тотъ свѣтъ, то, вѣроятно, въ этомъ не нашли бы ничего удивительнаго тѣ люди, которые знаютъ, что дѣлалось въ Варшавѣ и Казанской губерніи. Но допустимъ даже, что наше правительство не намѣревалось убить Герцена; изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы III Отдѣленіе не могло написать къ нему нѣсколько писемъ, наполненныхъ глупыми угрозами и площадною бранью; судя по себѣ, Бруты и Кассиіи нашей тайной полиціи могли надѣяться, что Герцена можно запугать; чтобы разомъ покончить всѣ эти нелѣпыя продѣлки, Герценъ написалъ и напечаталъ письмо къ представителю русскаго правительства. Этимъ письмомъ онъ заявилъ публично, что еслибы за угрозами послѣдовали дѣйствія, то вся тяжесть подозрѣнія упала бы на Александра II. Агенты, подсылавшіе къ Герцену письма, должны были увидѣть, что Герценъ ихъ угрозъ не боится. Слѣдовательно, имъ осталось или дѣйствовать, или замолчать. Дѣйствовать они не рѣшились—духу не хватило; замолчать тоже не хотѣлось; вѣдь, они думаютъ, что правъ тотъ, кто сказалъ послѣднее слово; вотъ они и выдумали пустить противъ Герцена книжонку Шедо-Ферроти; родственное сходство между Шедо-Ферроти и сочинителями подметныхъ писемъ не подлежить сомнѣнію; не даромъ же Шедо-Ферроти на двухъ языкахъ отстаиваетъ передъ Россіею и передъ Европою нравственную чистоту III Отдѣленія. Свой своему поневолѣ другъ.

«Шедо-Ферроти плохо защитилъ правительство; онъ ничѣмъ не доказалъ, что оно не могло имѣть намѣренія извести Герцена или, по крайней мѣрѣ, запугать его угрозами. Усилія его оклеветать и оплевать Герцена еще болѣе неудачны. Шедо-Ферроти, этотъ умственный пигмей, этотъ продажный памфлетистъ, силится доказать, что Герценъ самъ деспотъ, что онъ равняетъ себя съ

¹⁾ Антонъ Петровъ организовалъ крестьянскія волненія въ с. Бездяхъ Казанской губерніи.

коронованными особами, что онъ только изъ личнаго властолюбія враждуетъ съ теперешнимъ русскимъ правительствомъ. Доказательства очень забавны. Герценъ деспотъ потому, что не согласился напечатать въ «Колоколѣ» отвѣтъ Шедо-Ферроти на письмо Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ. Да какой же порядочный редакторъ журнала пуститъ къ себѣ Шедо-Ферроти съ его остроуміемъ, съ его казеннымъ либерализмомъ и съ его пристрастіемъ къ III Отдѣленію. Герценъ не думаетъ запрещать писать кому бы то ни было, но и не думаетъ также открывать въ «Колоколѣ» богадѣльню для нравственныхъ уродовъ и умственныхъ паралитиковъ, подобныхъ Шедо-Ферроти. Панегиристъ III Отдѣленія требуетъ, чтобы его статьямъ было отведено мѣсто въ «Колоколѣ»; въ случаѣ отказа онъ грозитъ Герцену, что будетъ издавать свои произведенія отдѣльно съ надписью: «запрещено цензурою Колокола». Вотъ испугаль-то! Да всѣ статьи Булгарина, Асоченскаго, Рафаила Зотова, Скарятина, Модеста Корфа ¹⁾ и многихъ другихъ достойныхъ представителей русской вицмундирной мысли запрещены цензурою здраваго смысла. Приступая къ изданію своего журнала, Герценъ вовсе не хотѣлъ сдѣлать изъ него клоаку всякихъ нечистотъ и нелѣпостей. Эпиграфомъ къ «Полярной Звѣздѣ» онъ взялъ стихъ Пушкина: «Да здравствуетъ разумъ». Этотъ эпиграфъ прямо и рѣшительно отвергаетъ всякое ханжество, всякое рабство мысли, всякое преклоненіе передъ грубымъ насиліемъ и передъ нелѣпымъ фактомъ. «Да здравствуетъ разумъ» и да падутъ во имя разума дряхлый деспотизмъ, дряхлая религія, дряхлыя стропила современной официальной нравственности! Всякія попытки мирить разумъ съ нелѣпостью, всякое требованіе уступокъ со стороны нравственности противорѣчатъ основной идеѣ дѣятельности Герцена. Если бы даже Шедо-Ферроти былъ просто честный простачекъ, вѣрующій въ возможность помирить стремленія къ лучшему съ существованіемъ нашего средневѣковаго правительства, то и тогда Герценъ, какъ человѣкъ искренно и честно служащій своей идеѣ, не могъ бы помѣстить въ «Колоколѣ» его старушечью болтовню. Но теперь, когда всѣ знаютъ, что онъ наемный агентъ III Отдѣленія, теперь его претензіи печатать свои литературные доносы въ «Колоколѣ» кажутся намъ въ то же время смѣшными и возмутительными по своей неприимѣрной наглости.

«Шедо-Ферроти упрекаетъ Герцена въ томъ, что тотъ будто бы сравниваетъ себя съ коронованными особами. Въ этомъ упрекѣ выражается какъ нравственная низость, такъ и умственная малость Шедо-Ферроти. Какая же разница между простымъ человѣкомъ и помазанникомъ Божіимъ? И какая же охота честному дѣятелю мысли сравнивать себя съ царственными лежебоками, которые, пользуясь довѣрчивостью простого народа, поѣдаютъ

¹⁾ Бар. М. А. Корфъ авторъ книги о Сперанскомъ, „Записокъ“, директоръ Публичной Библиотеки и т. д.

вмѣстѣ съ своими придворными деньги, благосостояніе и рабочія силы этого народа? Если бы кто нибудь вздумалъ провести параллель между Александромъ Ивановичемъ Герценомъ и . . .

. . . то, вѣроятно, первый серьезно обидѣлся бы такому сравненію. Но посмотримъ, на чемъ же Шедо-Ферроти основываетъ свое обвиненіе? «Вы убѣждены»,— пишетъ онъ Герцену — «что вы не только либераль, но и социальстъ-республиканецъ, врагъ монархическому началу, а поминутно у васъ выскакиваютъ выраженія, обнаруживающія несчастное расположеніе сравнивать себя съ царствующими особами. Въ письмѣ къ барону Бруннову, сказавъ, что вы не допускаете мысли, чтобы императоръ Александръ вооружилъ противъ васъ спадасиновъ, вы присовокупляете: «я бы не сдѣлалъ этого ни въ какомъ случаѣ». Въ томъ же письмѣ, говоря объ убійцахъ, разосланныхъ за моря и горы *den Dolh im Gewande*, и цитируя стихи Шиллера, вы опять сравниваете себя съ царствующимъ лицомъ, съ Діонисіемъ Сиракузскимъ. Наконецъ, самое оглавленіе (заглавіе) статей «Колокола», извѣщающихъ всю Европу о грозящей вамъ опасности: «Бруты и Кассіи III Отдѣленія»—содержитъ сравненіе съ однимъ изъ колоссальнѣйшихъ историческихъ лицъ. Брутъ и Кассій были убійцами Юлія Кесаря».

«Шедо-Ферроти, какъ умственный пигмей и какъ сыщикъ III Отдѣленія, воплотиъ выражается въ этой тирадѣ. Онъ не можетъ, не умѣетъ опровергать Герцена въ его идеяхъ; поэтому онъ придирается къ случайнымъ выраженіямъ и выводитъ изъ нихъ невѣроятныя по своей нелѣпости заключенія; эта придиричивость къ словамъ составляетъ постоянное свойство мелкихъ умовъ; кромѣ того, она замѣчается особенно часто въ полицейскихъ чиновникахъ, допрашивающихъ подозрительныя личности и желающихъ изъ усердія къ начальству сбить допрашиваемую особу съ толку и запутать ее въ мелкихъ недоговоркахъ и противорѣчіяхъ. Вступая въ полемику съ Герценомъ, Шедо-Ферроти не могъ и не умѣлъ отстать отъ своихъ полицейскихъ замашекъ. Адвокатъ III Отдѣленія остался вѣренъ какъ интересамъ, такъ и преданіямъ своего кліента.

«Вся остальная часть брошюры состоитъ изъ голословныхъ сравненій между Шедо-Ферроти и Герценомъ. Шедо-Ферроти считаетъ себя истиннымъ либераломъ, разумнымъ прогрессистомъ, а Герцена признаетъ вреднымъ демагогомъ, сбивающимъ съ толку русское юношество и желающимъ возбудить въ Россіи возстаніе для того, чтобы возвратиться самому въ Россію и сдѣлаться диктаторомъ. Шедо-Ферроти, какъ адвокатъ III Отдѣленія, старается увѣрить почтенную публику, что наше правительство исполнено благими намѣреніями, и что отъ него должны исходить для великой, малой и бѣлой Россіи всевозможныя блага, матеріальныя и духовныя, вещественныя и невещественныя. Шедо-Ферроти, конечно, не предвидитъ возможности переворота или, по крайней мѣрѣ, старается увѣрить всѣхъ, что, 1-хъ, такой переворотъ невозможенъ

и что, 2-хъ, онъ во всякомъ случаѣ повергнетъ Россію въ бѣдну несчастья. Одной этой мысли Шедо-Ферроти достаточно, чтобы внушить всѣмъ порядочнымъ людямъ отвращеніе и презрѣніе къ его личности и дѣятельности. Низверженіе и измѣненіе политическаго и общественнаго строя составляютъ единственную цѣль и надежду всѣхъ честныхъ гражданъ. Чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ не желать революціи, надо быть или совершенно ограниченнымъ, или совершенно подкупленнымъ въ пользу царствующаго зла.

«Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ насъ, и подумайте, можемъ ли мы долѣе терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи. Придравшись къ двумъ-тремъ случайнымъ пожарамъ, правительство все проглотило; оно будетъ глотать все—деньги, идеи, людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, пока масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положеніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которыя обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа. На сторонѣ народа стоятъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать.

« и петербургская бюрократія должны погибнуть. Ихъ не спасутъ ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

«То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчекъ и забросать грязью ихъ смердящія трупы».

Вотъ та статья, которая повлекла за собой автора въ казематъ Алексѣевского рavelина Петропавловской крѣпости ¹⁾.

V.

На вопросъ комиссіи о прокламаціи къ офицерамъ Баллодъ сообщилъ, что ему принадлежитъ лишь второе ея изданіе, которое онъ сдѣлалъ, за неимѣніемъ подлинника, по «Колоколу», полученному изъ-за границы черезъ Мошкалова, во второй половинѣ мая, всего въ 70 или 80 экз.

¹⁾ Только Е. А. Соловьевъ упоминаетъ вполне вѣрно о причинѣ ареста Писарева (см. павленковское изданіе его біографіи Писарева, изд. 3-е). Г. Скабичевскій, сообщивъ о причинѣ ареста невѣрно (см. его «Исторію новѣйшей русской литературы 1848—1892 гг.», изд. 3-е). Г. Ивановъ тоже сдѣлалъ ошибку (см. «Энциклопедическій словарь» Ефрова).

При этомъ онъ указалъ на студента Алексѣя Яковлева, какъ на просившаго его посодѣйствовать напечатанію прокламаціи. Не показавъ ему виду, что онъ имѣетъ свою типографію, Баллодъ и исполнилъ его просьбу. Съ Яковлевымъ же онъ иногда мѣнялся изданіями Герцена. Ему же онъ далъ для распространенія 20 экз. прокламаціи о Шедо-Ферроти и 40 о капитанѣ Александровѣ.

Относительно прокламаціи о капитанѣ Александровѣ Баллодъ показалъ, что тоже сдѣлалъ лишь второе ея изданіе, перепечатавъ съ перваго, выпущеннаго обществомъ «Великоруссъ». Она была напечатана въ 400—500 экз. При этомъ онъ замѣтилъ: «Въ первомъ экземплярѣ этого вопроса я написалъ, что статью о капитанѣ Александровѣ напечаталъ мнѣ наборщикъ Горбановскій; я солгалъ тамъ—мнѣ было совѣстно смотрѣть на написанное мною, и я поспѣшилъ уничтожить тотъ экземпляръ вопроса».

Относительно способа распространенія своихъ изданій Баллодъ показалъ:

«Я разбрасывалъ отпечатанные мною листы преимущественно на Васильевскомъ островѣ, на Выборгской сторонѣ, около Медико-Хирургической академіи, на Невскомъ проспектѣ и на Литейной. Это бывало обыкновенно вечеромъ. Въ кафе-ресторанахъ Еремѣева и Доминика я вкладывалъ ихъ въ газеты и клалъ иногда просто на столъ. У перваго я бывалъ между 3—5 часами, а у послѣдняго, кромѣ того, по вечерамъ».

На вопросъ: «Въ показаніи своемъ вы говорите, что распространеніе сихъ листовъ въ публикѣ находили полезнымъ по собственному убѣжденію. На чемъ основано это убѣжденіе, и какихъ послѣдствій вы желали достигнуть своими преступными дѣйствіями?»—Баллодъ отвѣчалъ: «На этотъ вопросъ, который я только теперь обдумалъ хорошо, я долженъ отвѣтить тѣмъ, что все это была шалость и увлеченье. Дѣйствительно, я иногда думалъ, что подобные листки склоняютъ правительство на уступки, какъ, напримѣръ, на свободу книгопечатанія, но это было только между прочимъ».

Найденный у него «Колоколь» Баллодъ, по его словамъ, получилъ по почтѣ, благодаря студенту Лобанову, предложившему сначала мѣняться съ нимъ номерами, а потомъ устроившему ему и аккуратное полученіе герценовскаго журнала.

Ознакомившись съ отвѣтами Баллода, комиссія поинтересовалась, куда же дѣвался уничтоженный отвѣтъ на вопросъ о прокламаціи «Подвигъ капитана Александра». Баллодъ сознался, что бросилъ клочки въ печку каземата. Тотчасъ туда былъ посланъ офицеръ; вернувшись, онъ представилъ комиссіи разорванный полулистъ. Въ концѣ его Баллодъ писалъ: «Государь, когда будете подписывать мнѣ приговоръ, то вспомните, что я жилъ среди воплей и стона, и трудно было мнѣ, отъ природы очень чувствительному, не сказать упрека тому, кто смотритъ на нихъ равнодушно». Къ слѣдующему разу привели этотъ листокъ въ порядокъ и спросили Баллода, что онъ хотѣлъ сказать своимъ

обращеніемъ къ Государю. Онъ отвѣчалъ: «слова эти я относилъ къ правительству, которое я считалъ въ своихъ дѣйствіяхъ вялымъ и даже равнодушнымъ ко всѣмъ хорошимъ начинаніямъ».

Тогда же, въ замѣнъ разорваннаго, Баллодъ представилъ слѣдующее письмо къ Государю:

«Я напечаталъ три листка, которые называются возмутительными. Я не думаю, чтобы мои листки могли возмутить когонибудь, потому что, какъ мнѣ кажется, они не могутъ перемѣнить убѣжденій ни въ комъ, а для того, чтобы возмутить когонибудь, необходимо перемѣнить въ немъ убѣжденія, т. е. довести до того, чтобы онъ соглашался съ такими листками. Попадись мнѣ мои же листки лѣтъ шесть тому назадъ, я напалъ бы на нихъ точно также, какъ теперь напалъ на брошюру Шедо-Ферроти. Появление подобныхъ листовъ показываетъ то, что есть уже люди, которые понимаютъ ихъ. Въ прошломъ году въ это время вышелъ «Великоруссъ»; цѣль его, какъ мнѣ кажется, была зондировать общество. Когда зондированіе дало успѣшныя результаты, тогда комитетъ «Великорусса» выпустилъ второй и третій номера.

«Потомъ вышло еще нѣсколько листовъ; объ нихъ говорили много, но никогда почти не говорили съ особенно дурной стороны.

«Нѣсколько человѣкъ, недовольныхъ этими листками, зашли въ кабинетъ, прочитали всѣхъ социалистовъ и демократовъ, вскочили, подумали, что строить памятникъ второму тысячелѣтію Россіи, и стали зондировать общество. Общество приняло ихъ за нѣмцевъ и сухо сказала, что оно по-нѣмецки не знаетъ.

«Очень естественно, Государь, что такое движеніе могло увлечь за собой человѣка неопытнаго. Теперь меня изолировали отъ общества и спрашиваютъ, зачѣмъ я печаталъ и какихъ послѣдствій ожидалъ я отъ распространенія этихъ листовъ?

«Печатавъ свои листки, я никогда не задавалъ себѣ вопроса, предложеннаго мнѣ комиссіею. Петропавловская крѣпость дала мнѣ возможность обдумать этотъ вопросъ серьезно. Серьезное размышленіе объ немъ привело меня къ несерьезному результату: я увлекся, отъ нечего дѣлать вздумалъ пошалить и сталъ печатать; когда я печаталъ, мнѣ было весело, я смѣялся и никогда не воображалъ, что эта шалость заведетъ меня такъ далеко.

«Я виноватъ, Государь, передъ Вами. Оправдаться я не могу.

«Въ концѣ своего письма, позвольте, Государь, обратиться къ Вамъ и просить Ваше Величество при подписаніи мнѣ приговора вспомнить о моей молодости, которая была причиной моего увлеченія».

Горбановскій не призналъ показанія Баллода правильными и настаивалъ на томъ, что ровно ничего ему не печаталъ, красокъ и вальковъ не доставлялъ и шрифта не покупалъ. Потомъ и самъ Баллодъ сознался, что напрасно оговорилъ Горбановскаго, что все типографскія принадлежности получалъ отъ Мошкалова.

Послѣ перваго допроса Баллода и Горбановскаго, комиссія по-

ручила III Отдѣленію немедленно арестовать Мопкалова, Писарева и Лобанова и произвести у нихъ тщательный обыскъ.

VI.

2 іюля Писаревъ и Лобановъ были арестованы и заключены въ крѣпость, а Мопкаловъ оказался вполнѣ легально уѣхавшимъ за границу еще въ концѣ апрѣля. 3-го числа Писарева возили на квартиру штабсъ-капитана Попова, воспитателя 2 кадетскаго корпуса, у котораго онъ нанималъ комнату, опечатали всѣ его бумаги и вернули въ крѣпость. Шкапъ съ бумагами самого Попова былъ пока не тронутъ, но все же запечатанъ...

Комиссія съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждала показаній Писарева. Кн. Голицынъ былъ увѣренъ, что во всемъ движеніи роль инспиратора принадлежитъ литературѣ и не столько даже ей, сколько отдѣльнымъ литераторамъ. Какъ и теперь, эти люди не понимали, что во главѣ всей оппозиціонной арміи шло нѣчто большее отдѣльныхъ лицъ и группъ, что шла сама жизнь. Искали лицъ и рады были каждой находкѣ. Конечно, Писаревъ, уже тогда бывшій крупной фигурой, казался комиссіи очень цѣннымъ приобритеніемъ, которымъ она была обязана Баллоду.

Впервые на допросъ Писаревъ былъ приведенъ 6 іюля. Ему сразу же предъявили статью, взятую у Баллода. Какъ же раздражена была комиссія, когда получила въ отвѣтъ: «Я, кандидатъ С.-Петербургскаго университета, Дмитрій Писаревъ, предъявленной мнѣ статьи не писалъ и не сочинялъ»!.. Упорствовавшего отправили обратно въ казематъ и рѣшили дать ему очную ставку съ Баллодомъ. Разсмотрѣніе бумагъ его было поручено Каменскому. Генераль-губернатору сообщили, что необходимо имѣть и тѣ бумаги Попова, которыя оставлены запечатанными въ шкапу.

Когда все это было исполнено, 9-го іюля Писареву снова предъявили рукопись статьи и одно изъ его писемъ, взятыхъ на обыскѣ. Дмитрій Ивановичъ написалъ: «Я, кандидатъ Дмитрій Писаревъ, дѣйствительно писалъ предъявленное мнѣ письмо, но статья, заключающая въ себѣ возраженія на брошюру Шедо-Ферроти, написана не мною, хотя почеркъ поразительно похожъ на почеркъ моей руки»... 11-го ему была дана очная ставка съ Баллодомъ. Писаревъ оставался твердъ: «Уликъ г. Баллода я не признаю и остаюсь при прежнемъ показаніи моемъ, данномъ въ комиссію»... Послѣ этого его не беспокоили ровно мѣсяцъ. Очевидно, хотѣли показать, что могутъ рѣшить дѣло безъ его показаній, и тѣмъ напугать.

Но вотъ, разобравшись въ бумагахъ и въ показаніяхъ другихъ, 11 августа Писарева призвали на четвертый допросъ. Показанія его были очень обширны и довольно полно удовлетворили любопытство комиссіи, предложившей массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

«Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, 21 годъ отъ рожденія ¹⁾), пра-

¹⁾ Родился 2 октября 1840 года.

восславнаго вѣроисповѣданія, на исповѣди и у св. причастія бываю ежегодно. Родители мои: отставной штабсъ-капитанъ Иванъ Ивановичъ Писаревъ и Варвара Дмитріевна Писарева, урожденная Данилова, проживаютъ въ Тульской губ., въ Новосильскомъ у., въ сельцѣ Бутырки. У меня двѣ сестры ¹⁾, братьевъ нѣтъ. Состояніе моего отца заключается въ деревнѣ или сельцѣ Бутыркахъ, около 600 дес. земли. Я окончилъ курсъ въ университетѣ въ маѣ 1861 г., а въ сентябрѣ того же года получилъ кандидатскій дипломъ; проживалъ послѣ того въ Петербургѣ, на квартирѣ штабсъ-капитана Василя Петровича Попова, занимался работами для журнала «Русское Слово» и содержалъ себя, какъ деньгами, получаемыми за статьи, такъ и жалованьемъ за исправленіе должности помощника редактора означеннаго журнала; получилъ я эту должность въ декабрѣ 1861 года. До настоящаго арестованія я былъ подѣ слѣдствіемъ въ началѣ мая 1862 г. за то, что въ вокзалѣ желѣзной дороги ударилъ отставного прапорщика Евгенія Николаевича Гарднера хлыстомъ по лицу. Слѣдствіе производилось въ Каретной ²⁾ части слѣдственнымъ приставомъ, Ласовскимъ, и кончилось тѣмъ, что мы оба подали мировое прошеніе».

Какъ уже извѣстно, Гарднеръ женился, въ апрѣлѣ 1862 г., на Раисѣ Александровнѣ Кореновой, которую Писаревъ считалъ своей невѣстой. Дмитрій Ивановичъ не могъ спокойно перенести этотъ тяжелый ударъ и написалъ своему сопернику еще до свадьбы очень характерное для него письмо. Привожу его съ писаревской копіи, имѣющейся въ дѣлѣ.

«Милостивый Государь Евгеній Николаевичъ! Какъ вы легко можете себѣ представить, я вовсе не радуюсь тому, что вы женитесь на моей двоюродной сестрѣ. Не питаю къ вамъ особенной симпатіи, не имѣя высокаго мнѣнія о вашемъ умѣ и характерѣ, я намѣренъ высказать вамъ нѣсколько горькихъ истинъ: я считаю васъ за ³⁾ и за фата и съ свойственной мнѣ откровенностью выражаю это мнѣніе. Я выражалъ его другимъ людямъ, говоря по поводу вашей женитьбы слѣдующую русскую пословицу: «не въ коня кормъ» и варьируя ее иногда такъ: «не въ ⁴⁾ кормъ».

«Вы удивитесь моему письму и не будете знать, что съ нимъ дѣлать. Я вамъ укажу три образа дѣйствій:

1. Вы можете разорвать это письмо, притвориться, какъ будто вы его не получали, продолжать со мною пріятельскія отношенія и даже при случаѣ порисоваться великодушіемъ и даже видѣть меня паферомъ на вашей свадьбѣ.

2. Вы можете вызвать меня на дуэль, и я буду къ вашимъ услугамъ.

¹⁾ Вѣра и Екатерина.

²⁾ Нынѣ Александровско-Невской. Столкновеніе произошло на Николаевскомъ вокзалѣ.

³⁾ Опускаю ругательство.

⁴⁾ Тоже.

3. Вы можете представить это письмо III-му Отдѣленію, и меня тогда посадятъ подѣ арестъ, какъ нарушителя общественнаго спокойствія.

«Въ первомъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно знать, что вы проглотили неповолоченную пилюлю. Во второмъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно сорвать зло на васъ или на самомъ себѣ. Въ третьемъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно знать, что вы сдѣлали подлость. Во всякомъ случаѣ мнѣ пріятно подбавить капельку горечи въ ваше незаслуженное счастье, которое достается вамъ на долю только потому, что теперь весна пробуждаетъ чувственность женщинъ и усыпляетъ мозговую дѣятельность. Еслибы я васъ уважалъ, я бы не написалъ этого письма, а просто спокойно отошелъ бы въ сторону.

Готовый къ услугамъ Вашимъ

Дмитрій Писаревъ.

«Р. С. Предупреждаю васъ, что я оставилъ у себя копію этого письма и что эту копію я, когда мнѣ вздумается, покажу кому вздумается. Фактическихъ дерзостей я вамъ не сдѣлаю, потому что уважаю самого себя. Это письмо, въ сущности, не дерзость, это откровенно выраженное мнѣніе. Если вы съ нимъ согласны, проглотите пилюлю и смолчите; если, паче чаянія, не согласны, протестуйте. Можете даже затѣять диспутъ, въ которомъ я буду доказывать, что вы ¹⁾ фать, а вы будете доказывать совершенно противное».

4 апрѣля
1862 г.

Гарднеръ, ничего, повидимому, не отвѣтилъ Писареву, зная его, какъ не только вспыльчиваго, но и больного человѣка. Писаревъ былъ еще болѣе возмущенъ... Въ первыхъ числахъ мая онъ отправился на Николаевскій вокзалъ, дождался тамъ своего соперника, уже мужа Кореневой, и, подойдя къ нему въ упоръ, ударилъ хлыстомъ по лицу. Завязалась борьба, въ результатъ которой послѣдовалъ полицейскій протоколъ и возбужденіе дѣла о нарушеніи тишины и спокойствія въ публичномъ мѣстѣ.

Вскорѣ послѣ этого Писаревъ получилъ отъ Гарднера слѣдующее письмо отъ 4 мая:

«Милостивый Государь! Вы хорошо понимаете, что, не устроивъ предварительно состоянія моей жены и не обезпечивъ по возможности ея спокойствія, я не могъ стрѣляться съ вами. Обвиняя меня на желѣзной дорогѣ въ отказъ дать вамъ удовлетвореніе, вы только сдѣлали еще одну лишнюю и совершенно бесполезную для себя подлость. Г. Чужбинскій, а равно и братъ мой свидѣтели, что вызовъ вашъ былъ мною принятъ. Причина, по которой я назначалъ дуэль въ Москвѣ и требовалъ 10-дневнаго срока,

¹⁾ Опускаю обидный эпитетъ.

послѣ всего сказаннаго должна быть вамъ ясна. Я думаю, что вы не захотите покончить это дѣло побоищемъ на желѣзной дорогѣ, которое, впрочемъ, оказалось совсѣмъ не въ вашу пользу, чему можетъ служить свидѣтельствомъ плачевное состояніе вашей фізіономіи. А потому повторяю, что по окончаніи полицейскаго дѣла я снова готовъ къ вашимъ услугамъ, но все же не иначе, какъ въ Москвѣ и по истеченіи 10-дневнаго срока, считая со дня моего выѣзда изъ Петербурга.

Е. Гарднеръ.»

Затѣмъ въ послѣдствіи отношенія между Писаревымъ и Гарднеромъ вовсе не были недружелюбны ¹⁾.

VII.

На второй вопросъ (тоже ясный, какъ и первый, изъ отвѣта) Писаровъ отвѣчалъ:

«Въ Петербургѣ я знакомъ съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, съ г. Благосвѣтловымъ, съ г. Поповымъ, съ г. Минаевымъ ²⁾, съ г. Крестовскимъ ³⁾—составляющими ближайшій кругъ редакціи «Русскаго Слова». Сошелся я съ ними въ концѣ 1860 г. а съ гр. Кушелевымъ-Безбородко весною 1861 г. Въ университетѣ я былъ знакомъ съ очень многими студентами; въ началѣ моего курса, отъ 1856 до 1859 года преимущественно съ студентами историко-философическаго факультета: Трескинымъ, Майковымъ ⁴⁾, Ординымъ ⁵⁾, Полевымъ ⁶⁾, Замысловскимъ ⁷⁾, Скабичевскимъ ⁸⁾ и Макушевымъ ⁹⁾. Въ концѣ 1859 г. я сошелъ съ ума, и меня помѣстили въ психіатрическую лѣчебницу доктора Штейна, гдѣ я пробылъ до половины апрѣля 1860 г., потомъ я уѣхалъ въ деревню къ моимъ родителямъ, для восстановленія силъ, и пробылъ тамъ до конца сентября. Пріѣхавши въ Петербургъ, я перемѣнилъ кругъ знакомства и, поселившись на Васильевскомъ островѣ въ домѣ Бѣлянина, въ квартирѣ кухмистерши Мазановой, сблизился съ моими сосѣдями студентами: тремя братьями Жуковскими, двумя Даниловыми, Баллодомъ, Сурковымъ и Федотовымъ. Потомъ, въ сентябрѣ 1861 г., сблизившись съ редакціею «Русскаго Слова», я, по приглашенію г. Попова, поселился у него на квартирѣ, гдѣ и былъ арестованъ. Встрѣчался я у гр. Кушелева со многими лите-

¹⁾ Кое-что о Раяхъ Александровнѣ Кореневой интересующіеся найдутъ въ біографіи Писарева, написанной покойнымъ Е. А. Соловьевымъ.

²⁾ Дмитрій Дмитріевичъ извѣстный поэтъ и переводчикъ. Писалъ политическіе фельетоны подъ псевдонимомъ „Темный человѣкъ“.

³⁾ Всеволодъ Владиміровичъ, потомъ спустившійся до своей печальной извѣстности.

⁴⁾ Леонидъ Николаевичъ, младшій братъ А. Н.

⁵⁾ Братъ извѣстнаго филофоба К. Д. Ордина.

⁶⁾ Петръ Николаевичъ, старшій сынъ извѣстнаго въ первой половинѣ XIX ст. журналиста.

⁷⁾ Егоръ Егоровичъ, небезызвѣстный историкъ.

⁸⁾ Нынѣ здравствующій писатель.

⁹⁾ Викентій Васильевичъ, извѣстный славистъ.

раторами и познакомился довольно коротко съ г. Аванасьевымъ. Чужбинскимъ¹⁾, Палаузовымъ²⁾, Шишкинымъ, съ братьями Тибленами³⁾, съ Достоевскими⁴⁾, съ Кремпинымъ, у котораго я еще прежде, въ 1859 г., работалъ въ журналѣ «Разсвѣтъ». Съ другими редакціями я не сходилъ и только два раза былъ, по дѣламъ журнала, у г. Чернышевскаго.

«Съ студентомъ Баллодомъ я познакомился, какъ сосѣдъ по квартирѣ и какъ товарищъ по университету. Видались мы съ нимъ осенью 1860 г. и весною 1861-го почти ежедневно, осенью 1861-го рѣже, разъ въ недѣлю или въ двѣ, а съ начала 1862 г., послѣ того, какъ пріятель мой, Владиміръ Жуковский, уѣхалъ въ Уфу, я пересталъ бывать въ домѣ Бѣлянина и не видался съ Баллодомъ до мая. Въ маѣ мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ; онъ упрекнулъ меня, зачѣмъ я его забылъ; я обѣщалъ зайти къ нему и звалъ его также къ себѣ; потомъ я былъ у него раза два или три, и онъ у меня раза два, но засталъ меня дома только одинъ разъ. Когда я бывалъ у Баллода ежедневно, то встрѣчалъ обыкновенно нашихъ сосѣдей по квартирѣ, игралъ съ ними въ карты; иногда мы пили вмѣстѣ и принимали женщинъ. О политической дѣятельности своей Баллодъ мнѣ ничего не говорилъ; иногда только, осенью 1861 г., сосѣди предупреждали меня, чтобы я не входилъ къ Баллоду, потому что у него собрался интимный кружокъ. Не желая мѣшать ихъ занятіямъ, я всегда пользовался этимъ предостереженіемъ и потому близкихъ и довѣренныхъ лицъ Баллода не знаю. Участвія въ дѣйствіяхъ Баллода я не принималъ. Я догадывался, что кружокъ Баллода имѣетъ политическія стремленія, но такъ какъ самъ Баллодъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ, то я и не спрашивалъ, чтобы не показать любопытства и навязчивости.

«Я вообще говорилъ съ Баллодомъ о моихъ журнальныхъ работахъ, какъ о предметѣ, наиболѣе занимавшемъ меня; при этомъ я упомянулъ вскользь о статьѣ по поводу Шедо-Ферроти, пожаловался на строгость цензуры, которая даже такихъ пустяковъ не пропускаетъ, и когда Баллодъ просилъ показать ему запрещенную статью, я отвѣчалъ ему, что это ничтожная статья, которую не стоило ни читать, ни запрещать, ни отстаивать отъ цензуры. При этомъ я долженъ оговориться, что запрещенная статья моя не заключала въ себѣ возраженія на брошюру Шедо-Ферроти, а только группировку отзывовъ его о Герценѣ и Огаревѣ. Она никуда не пошла и, вѣроятно, не сохранилась⁵⁾».

Но вотъ, выслушавъ, вѣроятно, всевозможныя увѣщанія, увѣ-

¹⁾ Известный беллетристъ и этнографъ.

²⁾ Спирidonъ Николаевичъ, знатокъ исторіи балканскихъ государствъ.

³⁾ Содержатели типографіи и издатели.

⁴⁾ Федоръ и Михаилъ.

⁵⁾ Въ „Сборникѣ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 году“, тогда же издавшемъ секретно министерствомъ народнаго просвѣщенія, эта статья почему то не напечатана. Поэтому врядъ ли теперь можно надѣяться найти ее.

ренія и пр. комиссіи, Писаревъ, наконецъ, даетъ такъ долго отъ него ожидавшееся сознаніе:

«Я вижу, что дальнѣйшее заpiresательство бесполезно и невозможно и потому рѣшаюсь разяснить все дѣло. Разговоръ мой съ Баллодомъ происходилъ дѣйствительно такъ, какъ показываетъ Баллодъ. Я принялъ его предложеніе и исполнилъ данное ему обѣщаніе. Въ разговорѣ съ Баллодомъ, я выразилъ раздраженіе противъ цензурныхъ притѣсненій и вообще противъ отношеній правительства къ литературѣ. Баллодъ предлагалъ мнѣ выразить это раздраженіе, и я согласился, потому что, во 1-хъ, это предложеніе давало мнѣ возможность вылить накопившуюся жолчь, во 2-хъ, оно льстило моему авторскому самолюбію, въ 3-хъ, оно было такъ поставлено, что не принять его значило бы обнаружить трусость. Вотъ побужденія, заставившія меня писать эту статью. Определенной цѣли у меня не было, потому что я не зналъ и не спрашивалъ, какимъ образомъ Баллодъ намѣренъ распространить мою статью. Я слышалъ отъ него только, что онъ можетъ ее напечатать. Когда я сталъ писать, то уже увлекся за предѣлы всякой осторожности и благоразумія; я далъ полную волю моему раздраженію и обругалъ всѣхъ и все, что только попало мнѣ подъ руку. Статья эта, какъ и большая часть моихъ журнальныхъ статей, писана безъ черновой, прямо на бѣло, подъ впечатлѣніемъ минуты. А впечатлѣнія эти были: закрытіе воскресныхъ школъ и читаленъ, закрытіе Шахматнаго клуба¹⁾, приостановленіе журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово»²⁾, упраздненіе II отдѣленія Литературнаго Фонда. Все это волновало меня и отражалось на моей статьѣ. Поэтому она написана рѣзко, заносчиво и доходитъ до такихъ крайностей, которыя я въ спокойномъ расположеніи не одобряю.

«Что я дѣйствительно человѣкъ впечатлительный и сильно увлекающійся—это доказывается, во 1-хъ, моимъ упоминательствомъ, о которомъ я упомянулъ въ отвѣтѣ на второй вопросный пунктъ. Свѣдѣнія о моемъ темпераментѣ могутъ быть получены отъ докторовъ Штейна и Шульца, пользовавшихся меня во время моей душевной болѣзни; во 2-хъ, моею исторіею съ г. Гарднеромъ, о которой я упоминаю въ отвѣтѣ на 1-й пунктъ; въ 3-хъ, моими карточными долгами, о которыхъ говорится въ 10 пунктѣ. Написавши свою отчаянно рѣзкую статью, я отдалъ ее Баллоду, который вскорѣ послѣ того былъ арестованъ. Когда меня арестовали и привели въ комиссію, я рѣшился не сознаваться. Главною побудительною причиною моею въ этомъ случаѣ было нежеланіе набросить тѣнь на ту часть журналистики, къ которой я принадлежалъ. Я не хотѣлъ подать повода думать, что литераторы

¹⁾ Шахматный клубъ былъ, собственно, литературнымъ клубомъ.

²⁾ И Баллодъ и Писаревъ сдѣлали, разумеется умышленно перекладку: «Современникъ» и «Русское Слово» были приостановлены на восемь мѣсяцевъ фактически 12 іюня, и официально объ этомъ объявлено 19-го. Баллодъ же начало статьи получилъ отъ Писарева еще въ маѣ. Комиссія не замѣтила этой неточности въ показаніяхъ.

замѣшаны въ тайныя агитаціи, тѣмъ болѣе, что нелѣпые толки въ обществѣ и даже въ газетахъ (въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ «Сынѣ Отечества») приводили эту агитацію въ связь съ петербургскими пожарами. Такъ какъ я самъ принялъ участіе въ агитаціи совершенно случайно, то я не хотѣлъ, чтобъ мое неосторожное поведеніе повредило въ какомъ бы то ни было отношеніи литераторамъ, съ которыми я работалъ.

«Объяснивши, такимъ образомъ, дѣло мое по чистой совѣсти, я совершенно предаю себя правосудію комиссіи. Находясь теперь въ спокойномъ состояніи духа, рѣшившись откровенно сознаться въ моемъ преступленіи, я осмѣливаюсь обратиться къ милосердію Монарха, хотя чувствую, что не имѣю на то ни малѣйшаго права. Я умоляю Его Величество не считать меня законрѣшымъ преступникомъ и взглянуть на мою преступную статью, какъ на минутный порывъ, а не какъ на выраженіе обдуманнаго плана дѣйствій. Я такъ молодъ, такъ способенъ увлекаться и ошибаться, такъ мало знаю жизнь, что часто не умѣю взвѣсить свои слова и поступки. Все это нисколько не оправдываетъ меня, но я увѣренъ, что высочайше утвержденная комиссія повергнетъ эти обстоятельства на милостивое вниманіе Его Величества, и что милосердіе Монарха дастъ мнѣ возможность загладить послѣдующимъ моимъ поведеніемъ совершенное мною преступленіе»...

На вопросъ, насколько было близко знакомство съ Благосвѣтловымъ и Поповымъ, Дмитрій Ивановичъ отвѣчалъ:

«Съ гг. Поповымъ и Благосвѣтловымъ я познакомился въ октябрѣ 1860 года. Знакомство мое съ ними началось съ того, что я принесъ въ редакцію «Русскаго Слова» переводъ поэмы Гейне—«Атта Троль», который былъ помѣщенъ въ XII книжкѣ «Русскаго Слова» за 1860 г. Потомъ я сталъ получать заказы на каждый мѣсяцъ, сталъ часто бывать у Благосвѣтлова, въ сентябрѣ 1861 г. поселился у Попова, въ ноябрѣ того же года мы съ Благосвѣтловымъ стали говорить другъ другу «ты», а въ декабрѣ онъ предложилъ мнѣ быть его помощникомъ по редакціи. Я согласился и исправлялъ эту должность до приостановленія «Русскаго Слова», происшедшаго въ іюнѣ. Отношенія наши съ Благосвѣтловымъ были самыя дружескія; онъ принималъ даже участіе въ томъ, что касалось лично до меня и до моего семейства. Съ Поповымъ я также былъ въ хорошихъ отношеніяхъ».

VIII.

Затѣмъ были заданы вопросы по найденнымъ на обыскѣ бумагамъ.

Между прочимъ, въ письмѣ матери отъ 18 сентября 1861 г., обратило на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: «Въ Сѣверной Пчелѣ пишутъ, что устраивается подписка въ пользу бѣдныхъ студентовъ; вотъ бы ты подписался—неужели у тебя умерло чувство жалости—право, вѣдь это лучше, нежели пообѣдать у Дюссо въ

честь какихъ то странныхъ убѣжденій». При этомъ приписка сестры: «Понимаю обѣдъ 5 сентября и отъ души сочувствую». На вопросъ, что это за обѣдъ, Писаревъ отвѣчалъ: «Обѣдъ у Дюссо 5 сентября давался мною въ честь моей двоюродной сестры, Райсы Александровны Кореновой, съ которою я воспитывался и въ которую былъ влюбленъ. Въ этотъ день—ея именинъ, я хотѣлъ ихъ праздновать. На обѣдѣ присутствовали г. Баллодъ и Владиміръ Жуковскій; насъ было всего трое. Сестра моя сочувствовала любви моей, а мать моя смотрѣла на нее недоброжелательно, но почему она называетъ ее «странными убѣжденіями»—этого я не знаю.»

Затѣмъ въ другомъ письмѣ матери, отъ 13 января 1862 г., она между прочимъ писала сыну: «Ты упорно молчишь—ну, и Богъ съ тобой, слишкомъ занятъ социальными вопросами, чтобъ къ матери написать: резонъ». Сестра въ припискѣ высказалась тоже противъ пути, по которому пошелъ братъ, и упрекнула его за охлажденіе къ матери. На вопросъ комиссіи, что все это значить, Писаревъ отвѣтилъ: «Моя мать была недовольна тѣмъ, что я рѣдко пишу къ ней, кромѣ того, ей не нравилось реальное направленіе мыслей, проявлявшееся въ моихъ статьяхъ для «Русскаго Слова», поэтому она и отзывается съ укоризною о социальныхъ вопросахъ и о ложной дорогѣ».

Въ числѣ бумагъ былъ клочекъ слѣдующаго содержанія:

«Поповъ	927
Чужбинскій	650
Апухтинъ	344
Быковский	224
Кушелевъ	463
Благосвѣтловъ	88
Новинскій	41
Баллодъ	38
Нехлюдовъ	40
Козлова	30
Деляновъ	50

2,895.
105».

Писаревъ расхолодилъ комиссію, сказавъ, что это цифры его карточныхъ долговъ...

Заинтересовало слѣдственную комиссію и письмо къ Писареву Л. Тиблена, отъ 3 марта 1862 г., слѣдующаго содержанія: «Надобно достать, добрейшій Дмитрій Ивановичъ, на полчаса отъ Павлова его статью, подписанную Бекетовымъ. Я буду сейчасъ у Рахманинова и увѣдомлю его, что статья процензурована. Павловъ не можетъ отдать совсѣмъ подписаннаго Бекетовымъ экземпляра, потому что его, какъ слышно, сегодня же потянуть въ 3 отдѣленіе и онъ долженъ имѣть подпись цензора для оправданія. А

статью надо только показать Рахманинову, иначе онъ не выпуститъ книжки, въ особенности если будетъ скандалъ».

Писаревъ далъ такое объясненіе, кстати сказать, очень интересное и для насъ, потому что до сихъ поръ не было извѣстно: «Здѣсь идетъ дѣло о статьѣ профессора Павлова—«Тысячелѣтіе Россіи», читанной имъ, 2 марта 1862 г., въ домѣ Руадзе, на публичномъ чтеніи. Статья эта была разрѣшена для чтенія цензоромъ Бекетовымъ и приобрѣтена редакціей «Русскаго Слова» для напечатанія въ февральской книжкѣ. Я былъ на чтеніи 2 марта и, взявъ у г. Павлова писанный экземпляръ его рѣчи, отвезъ въ типографію и приказалъ поскорѣе набрать ее, чтобы успѣть выпустить февральскую книжку 3 или 4 марта. Г. Павловъ не далъ мнѣ того экземпляра, который былъ подписанъ г. Бекетовымъ, говоря, что онъ нуженъ ему, какъ доказательство, что статья дѣйствительно пропущена цензурою. Но такъ какъ нашимъ цензоромъ былъ г. Рахманиновъ, то ему надо было предъявить экземпляръ, подписанный Бекетовымъ, иначе онъ могъ отказать въ выдачѣ билета на выпускъ книжки. Объ этомъ и пишетъ мнѣ Тибленъ, въ типографіи котораго печаталось «Русское Слово». Такъ какъ рѣчь Павлова произвела сильное впечатлѣніе на публику, то въ обществѣ стали ожидать, что Павлову достанется, и Тибленъ упоминаетъ объ этомъ словами: «если будетъ скандалъ». Я принималъ во всемъ дѣлѣ такое участіе: взялъ рѣчь Павлова и отвезъ ее въ типографію, хлопоталъ о разрѣшеніи ея, ѣздилъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета и къ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣ эти старанія оказались безплодными, и рѣчь Павлова, несмотря на подпись цензора Бекетова, осталась ненапечатанною».

Что касается маленькой фотографической группы—Герценъ и Огаревъ, взятой у Писарева, то онъ показалъ: «Фотографическіе портреты Герцена и Огарева продаются почти во всѣхъ бумажныхъ лавкахъ. Въ одной изъ нихъ я купилъ этотъ экземпляръ. Съ этими лицами я не знакомъ и не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній, ни личныхъ, ни письменныхъ; купилъ я ихъ миниатюрный портретъ изъ любопытства, какъ могъ бы купить портретъ Гарибальди, Кавура или Людовика-Наполеона».

Наконецъ, относительно нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ, считавшихся безусловно запрещенными, Писаревъ отвѣчалъ: «Сочиненіе Бюхнера «*Physiologische Bilder*», служило мнѣ для составленія статьи, помѣщенной въ февральской книжкѣ «Русскаго Слова». Въ этой статьѣ я прямо указываю на источникъ, а такъ какъ эта статья пропущена цензурою, то и книгу Бюхнера я считалъ незапрещенною. Всѣ указанные сочиненія были куплены мною лично въ разныхъ магазинахъ иностранныхъ книгъ въ Петербургѣ въ теченіе 1861 и 1862 года».

IX.

Обратимся теперь къ знакомству съ другими лицами, замѣшанными въ дѣло.

Арестовавъ Лобанова, комиссія узнала, что взять не тотъ, котораго надо было. Въмѣсто Василія взяли Николая. 5 іюля ошибка была исправлена¹⁾).

Василій Лобановъ былъ опрошенъ 6 іюля. Онъ отвѣчалъ, что ни одного номера «Колокола» не получалъ, а потому и не могъ снабжать имъ Баллода, котораго зналъ по университету ближе обыкновеннаго, потому что Баллодъ былъ редакторомъ студенческаго сборника отъ разряда естественныхъ наукъ, а Лобановъ—депутатомъ кассы для бѣдныхъ студентовъ, и они часто встрѣчались на дѣловыхъ сходкахъ и собраніяхъ. Но 9-го числа сознался, что дважды давалъ Баллоду «Колоколъ», полученный еще два года назадъ отъ студента Печаткина. При этомъ онъ подтвердилъ, что Баллодъ выразилъ ему желаніе получать «Колоколъ» аккуратно и что, возвращая полученный отъ него номеръ, онъ, Лобановъ, сообщилъ объ этомъ Печаткину. Послѣдній отвѣтилъ, что это можно устроить, и взялъ адресъ Баллода.

Разумѣется, ночью 11-го арестовали и Печаткина²⁾. У него нашли, между прочимъ, слѣдующую записку отъ 26 апрѣля 1862 г.: «Евгеній Петровичъ, я васъ прошу достать мнѣ по мѣрѣ силъ вашихъ послѣднія прокламаціи и передать мнѣ ихъ лично; одинъ студентъ сегодня просилъ меня непременно добыть ихъ; одинъ его хорошій знакомый ѣдетъ въ провинцію и желаетъ распространить ихъ тамъ; такъ какъ онъ человѣкъ надежный, то мнѣ бы хотѣлось услужить ему, я ему пообѣщалась и до сихъ поръ ничего не могу исполнить своего обѣщанія. Прошу Васъ, Евгеній Петровичъ, исполнить мою просьбу, мы меня очень обяжете, и я вамъ очень благодарна. Прощайте. В. Доставьте мнѣ ихъ завтра, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

По сличеніи почерка съ письмами той же руки, комиссія признала, что записка эта писана нѣкою Варварой Глушановской. Приказано было обыскать ее и арестовать.

¹⁾ 19-лѣтній студентъ петербургскаго университета, куда поступилъ въ 1859 г.; послѣ бѣзпорядковъ 1861 г. вышелъ оттуда, былъ подъ слѣдствіемъ и сидѣлъ вмѣстѣ со многими товарищами въ Петропавловской крѣпости. Затѣмъ былъ привлеченъ по дѣлу «Великорусса», отъ котораго отдѣлялся строгимъ внушеніемъ, а по суду получилъ высочайшее прощеніе. Л. Ф. Пантелѣевъ характеризуетъ его, какъ человѣка несерьезнаго (см. стр. 55—56 его книги — «Изъ воспоминаній прошлаго»).

²⁾ Печаткинъ учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, въ университетъ поступилъ въ августѣ 1860 г. 12 октября слѣдующаго года былъ заключенъ въ крѣпость за бѣзпорядки въ университетѣ; 6 декабря освобожденъ. Былъ тогда же депутатомъ отъ студенчества вмѣстѣ съ Гердомъ, Гайдебуровымъ, Макаровымъ, Ламанскимъ, Спасскимъ, Пантелѣевымъ, Гогоберидзе, Утинымъ и Пеклюдовымъ. Братья Печаткина, Константинъ и Василій, занимались писчебумажнымъ производствомъ, а Вячеславъ—книжной торговлей.

14 іюля Печаткинъ показаль, что ни Лобанову, ни Баллоду «Колокола» не даваль; въ 1861 г. самъ купиль нѣсколько номеровъ у букиниста и, можетъ быть, тогда и даваль Лобанову— не помнитъ. О конспиративной дѣятельности Баллода ничего не знаеть; съ Глушановскою знакомъ поверхностно, по лекціямъ въ университетѣ, куда она ходила въ числѣ другихъ женщинъ. Позже, уже въ серединѣ ноября, когда Печаткину предъявили сознаніе Владимірова (привлеченнаго по другому дѣлу) въ передачѣ Печаткину «Колокола», онъ сознался, что дѣйствительно получилъ отъ Владимірова номеровъ восемь, но потомъ, по просьбѣ родителей, просиль прекратить эти присылки.

28 августа Глушановская заявила, что выразила въ письмѣ не то, что было на самомъ дѣлѣ: она сама хотѣла прочесть прокламацію къ офицерамъ и для этого, зная любезность Печаткина, сочинила свою записку, но не была увѣрена, что онъ могъ исполнить ея просьбу. Она была отдана на поруки.

Арестованный студентъ Алексѣй Яковлевъ 5 іюля показаль, что вовсе не обращался къ Баллоду съ просьбой посодѣйствовать напечатанію прокламаціи къ офицерамъ, будучи съ нимъ для этого слишкомъ мало знакомъ, равно и не получаль отъ него никакихъ прокламацій. Черезъ мѣсяць онъ признался, что даваль Баллоду «Полярную Звѣзду» и «Колоколь».

Съ большимъ вниманіемъ отнеслась комиссія ко всему, касавшемуся Николая Жуковского и Мошкалова. Отсюда вниманіе къ братьямъ перваго.

Въ числѣ взятыхъ у Николая бумагъ была, напримѣръ, такая записка его брата Василя: ...«Дядя посылаетъ тебѣ 4 № «Колокола», одинъ «Подъ Судъ» и одинъ номеръ «Будущности». Если успѣешь прочитать къ завтраму, то завтра получишь слѣдующіе номера съ Володей, а старые отдашь ему». Или письмо какой-то дамы къ кн. Е. А. Долгоруковой, въ Москву, въ которомъ сообщалось, что податель его, Николай Жуковскій, вполнѣ заслуживаетъ довѣрія, и ему слѣдуетъ передать деньги, собранныя въ пользу Бакунина. Очевидно, готовился его отъѣздъ за границу...

3 августа комиссія постановила представить государю, что Николай Жуковскій и Мошкаловъ обвиняются въ злоумышленныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ, и испросить, не угодно ли будетъ повелѣть распорядиться о вызовѣ ихъ для отвѣта въ Россію, а если не явятся въ положенный срокъ, то поступить съ ними по закону. 5-го государь изъявилъ на это согласіе.

Немедленно комиссія сообщила все министерству иностранныхъ дѣлъ.

Какъ разъ къ этому времени привезли изъ Уфы двухъ братьевъ Жуковского, Владиміра и Василя, и заключили въ крѣпость. Они были арестованы въ Уфѣ 26 іюля; при обыскѣ ровно ничего не найдено, кромѣ тетради, въ которой помѣщено одно длинное стихотвореніе «Быль о чудо-звѣрѣ». 17 августа допросили ихъ

*

обоихъ. Владиміръ ¹⁾ показалъ, что жилъ одно время съ Баллодомъ въ меблированныхъ комнатахъ Мазановой, а потомъ поселился съ братомъ Николаемъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ въ 1860 г. Николай у него и познакомился съ Баллодомъ. О томъ, что они занимались какою бы то ни было политической дѣятельностью, онъ не знаетъ. Считаетъ Николая сейчасъ въ Петербургѣ. Насколько помнить, Василій не посылалъ Николаю черезъ него герценовскія изданія, а что Баллодъ получалъ по почтѣ «Колоколъ» аккуратно, это знаетъ точно. «Дядя» въ письмѣ Василя значилъ Баллодъ: такъ его прозвали товарищи.

Василій ²⁾ категорически утверждалъ, что «съ 1860 г. сентября мѣсяца и до сентября 1861 г. Баллодъ велъ себя очень хорошо; кромѣ рѣзкихъ выраженій, касающихся правительства, ничего не было замѣтно. Съ сентября же было видно участіе въ сходкахъ, гдѣ онъ игралъ роль вожака»; сочиненія Герцена у него были всегда и «я знаю, что онъ ихъ распространялъ». Онъ самъ иногда бралъ у него «Колоколъ». Гдѣ въ данное время Николай — не знаетъ.

Черезъ мѣсяцъ III Отдѣленіе сообщило комиссіи, что Владиміръ Жуковский, будучи слѣдователемъ, внушалъ крестьянамъ Оренбургской губ. «вредныя понятія». Комиссія просила министра внутреннихъ дѣлъ навести по этому поводу соотвѣтствующія справки и не оставить ее увѣдомленіемъ обо всемъ, что станетъ извѣстно.

Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ, непосредственно прикосновенныхъ къ дѣлу о распространеніи возмутительныхъ сочиненій, комиссія въ разное время привлекала еще двухъ: учителя Викторова и писателя Н. В. Альбертини. 2 іюня 1862 г., вслѣдъ за страшными пожарами въ Петербургѣ, вдругъ загорѣлось уѣздное училище въ Лугѣ. Оказалось, что поджегъ его умышленно одинъ изъ учителей, Викторовъ, самъ потомъ сознавшійся въ преступленіи, совершенномъ въ нетрезвомъ состояніи. Начали добираться до его связей и знакомствъ и обнаружили, что онъ бывалъ иногда у Баллода, бралъ у него заграничныя изданія и вообще находился подъ его вліяніемъ. Открыто было и знакомство съ Альбертини, тоже снабжавшимъ его «герценовщиной» и давшимъ рекомендательное письмо къ Баллоду передъ своимъ отъѣздомъ за границу. Баллодъ отрицалъ сколько-нибудь близкое знакомство съ Викторовымъ, хотя не скрылъ, что «Колоколъ» ему давалъ. Альбертини былъ вытребованъ изъ-за границы, но просилъ позволить докончить

¹⁾ Учился сначала въ петербургской, а потомъ въ оренбургской гимназіи, въ 1857 г. поступилъ въ казанскій университетъ, который кончилъ въ 1861 г. Въ январѣ 1862 г. уѣхалъ на мѣсто судебного слѣдователя въ Уфу, къ матери. Она сдавала въ аренду свои золотыя пріиски на Уралѣ. Характеристика его сдѣлана г. Пантелѣевымъ на стр. 316—318 его книги.

²⁾ Воспитывался въ Оренбургской гимназіи; окончивъ ее въ 1860 г., поѣхалъ въ петербургскій университетъ. Въ январѣ 1862 г. тоже поѣхалъ въ Уфу на службу.

курсъ лѣченія. Потомъ, уже въ сенатѣ, въ маѣ 1863 г., онъ категорически отвергъ указаніе на снабженіе Викторова нелегальной литературой, сказавъ, что давалъ ему «Годъ на сѣверѣ» Максимова, а вовсе не «Полярную Звѣзду», и т. п. Онъ былъ отпущенъ безъ всякихъ несприятностей. Викторовъ былъ затѣмъ судимъ военноплевымъ судомъ, уже собственно за поджогъ, и попалъ на поселеніе въ Сибирь.

Когда такимъ образомъ были опрошены лица, указанные самымъ ходомъ дѣла, Баллоду 11 сентября пришлось дать комиссіи нѣкоторые разъясненія¹⁾. Онъ отрицалъ свое дѣятельное участіе въ студенческихъ беспорядкахъ 1861 г., сказавъ, что на демонстраціяхъ въ стѣнахъ университета не бывалъ, вожакомъ не держался. Съ товарищами по семинаріи совѣтовался объ устройствѣ коммуны, и эти то собранія у него Василій Жуковский считалъ конспиративными, предупреждая Писарева, желавшаго войти къ Баллоду, но о политикѣ не бесѣдовали.

Что касается Писарева, то послѣ допроса 11 августа его больше не беспокоили. Было рѣшено лишь, ознакомившись съ письмами Благосвѣтлова къ Попову, сообщить III Отдѣленію, что за ними обоими необходимо учредить секретное наблюденіе и о послѣдствіяхъ его просить освѣдомить комиссію.

17 сентября она имѣла удовольствіе прочесть въ 144 № «Колокола» слѣдующее письмо Николая Жуковского:

«Милостивые Государи!

«Преслѣдуемый правительствомъ по дѣлу одной изъ петербургскихъ типографій, я бѣжалъ за границу.

«Собраты наши — поляки избавили меня въ Польшѣ отъ несприятностей и помогли перебраться за границу.

«Не имѣя возможности писать прямо къ нимъ, я прибѣгаю къ посредству «Колокола». Прошу Васъ извѣстить моихъ друзей о томъ, что я въ Лондонѣ, и передать имъ мою искреннюю признательность за сочувствіе и помощь.

«Подробности моего бѣгства сообщу въ другое время, когда можно будетъ говорить о людяхъ, не подводя ихъ подъ *крѣпость* или *каторгу*, которыми доживающее свой вѣкъ императорство хочетъ натѣшиться вволю. Преданный Вамъ.

Николай Жуковский.

8 сентября 1862 г.»

¹⁾ Г. Пятелъгъ говоритъ, что ему документально извѣстно, что однажды Баллодъ былъ вызванъ въ слѣдственную комиссію. Тамъ оказался только одинъ членъ — Ждановъ. — «Вы пожалуй меня не узнаете, началъ Ждановъ; ранѣе вы всегда меня видѣли при лейтѣ и орденакъ; поговоримъ запросто о вашемъ дѣлѣ, оно очень серьезно, но я постараюсь помочь вамъ. И съ этими словами Ждановъ вынулъ изъ кармана № «Колокола», гдѣ самъ Жуковский сообщалъ о своемъ побѣгѣ за границу. — «Но вы меня не забудьте, сказалъ Ждановъ, — когда ваша партія восторжествуетъ, вѣдь я уже старъ и опасенъ для васъ быть не могу». (стр. 836). Случай этотъ очень характеренъ для иллюстраціи того, какъ, всетаки, наверху крѣпка была вѣра въ возможность коренного политическаго перелома.

Тогда же комиссія была увѣдомлена министромъ внутреннихъ дѣлъ, что, по всеподданнѣйшему его докладу о томъ, что «въ настоящее время представляется неудобнымъ вызывать изъ-за границы политическихъ преступниковъ, тѣмъ болѣе, что самый порядокъ вызова ни законами, ни бывшими примѣрами не установленъ», повелѣно вызвать Жуковского и Мошкалова приостановить.

26 ноября комиссія постановила просить соизволенія государя отдѣлить производство слѣдствія о Баллодѣ, Писаревѣ, Лобановѣ, Печаткинѣ, братьяхъ Жуковскихъ и Мошкаловѣ отъ общаго дѣла о распространеніи возмутительныхъ воззваній и: первыхъ четырехъ предать суду сената, о Владимірѣ Жуковскомъ выждать отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ, Василия возвратитъ матери въ Уфу, а о Николаѣ и Мошкаловѣ произвести слѣдствіе по возвращеніи ихъ изъ-за границы, для чего сдѣлать вызовъ.

Александръ II все утвердилъ.

Х.

Сенатъ былъ освѣдомленъ объ этомъ въ послѣдній день 1862 г.

Дѣло перешло въ I отдѣленіе 5 департамента, гдѣ первоприсутствовавшимъ былъ М. М. Карніолинъ-Пинскій, а членами въ разное время: Н. М. Карнѣевъ, А. П. Бутурлинъ, А. В. Вени-тиновъ, Б. И. Беръ, К. Б. Венцель, Н. Е. Лукашъ, М. Н. Любо-щинскій и гр. Д. А. Толстой.

Въ концѣ ноября генераль-губернаторъ прислалъ въ сенатъ такъ называемые «повальные обыски» объ образѣ жизни и поведе-ніи Баллода, Лобанова и Печаткина, а о Писаревѣ сообщилъ, что обыскъ не былъ произведенъ, потому что «во время прожи-ванія его здѣсь въ домѣ иностранца Дорна, онъ велъ себя такимъ образомъ, что о образѣ жизни этого подсудимаго зналъ только квартирный хозяинъ его», Поповъ, спрашивать же его, состоящаго подъ надзоромъ, конечно, неудобно. 31-го января Лобановъ и Печаткинъ были выпущены изъ крѣпости на поруки съ «прилич-нымъ внушеніемъ», чтобъ вели себя вполнѣ безукоризненно.

Даже принимая во вниманіе, что кромѣ интересующихъ насъ подсудимыхъ, сенатъ имѣлъ дѣло еще съ семью другими, все-таки надо удивляться той медленности, съ какою велось все дѣло. Баллода впервые допросили лишь 16 и 18 апрѣля. Понявъ, что и Мошкаловъ, подобно Жуковскому, тоже эмигрировалъ, а можетъ быть, даже узнавъ и это отъ Жданова, онъ сознался, что многое приписалъ Горбановскому, не желая сразу назвать Мошкалова; послѣдній самъ написалъ прокламацію о Шедо-Ферроти.

Писарева допросили впервые 22 апрѣля. На вопросъ, ради чего онъ обратился къ милосердію государя, не ради ли желанія отдѣлаться меньшимъ наказаніемъ, онъ отвѣчалъ:

«Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что не имѣю никакого

права обращаться къ милосердію Монарха; я сочту совершенно справедливымъ и безъ малѣйшаго ропота перенесу всякое наказаніе. Обращеніе мое къ милосердію Монарха было вызвано не расчетомъ на смягченіе моей участи, а желаніемъ выразить мое полное смиреніе и чистосердечное раскаяніе. Сознаніе мое было полное; въ немъ не было ни задней мысли, ни утайки. Сношенія мои съ Баллодомъ начались съ того, что мы встрѣчались съ нимъ у студента Шефнера и у братьевъ Жуковскихъ. Намъ случалось кутить вмѣстѣ; мы выпили съ нимъ брудершафтъ и стали говорить другъ другу «ты»; изъ этого не вышло особенной короткости, потому что во время моего студенчества я былъ на «ты» съ 20-ю или съ 30-ю человѣками. Мы съ Баллодомъ почти никогда не говорили серьезно, потому что встрѣчались за карточнымъ столомъ или за бутылкою вина; занятія науками не могли насъ сблизить: онъ былъ натуралистъ, а я—филологъ; мы никогда не довѣряли другъ другу никакихъ задушевныхъ мыслей; я не знаю ни семейныхъ, ни сердечныхъ дѣлъ Баллода; между нами была только дружеская безперомонность, безо всякаго нравственнаго сближенія. Эти отношенія не измѣнились и тогда, когда я поселился въ одномъ домѣ съ Баллодомъ, потому что другомъ моимъ былъ только Владиміръ Жуковскій. Куда ходилъ Баллодъ, съ кѣмъ онъ видѣлся, замышлялъ ли онъ что нибудь—объ этомъ я рѣшительно ничего не зналъ и не догадывался. Одинъ разъ, когда я уже переѣхалъ на квартиру Попова, въ декабрѣ или въ концѣ ноября 1861 г., я зашелъ къ Жуковскимъ, и, не заставши Владиміра, хотѣлъ зайти на минуту къ Баллоду. Тогда Василій Жуковскій сказалъ мнѣ: «не ходи, у него какое-то интимное собраніе, онъ не любитъ, чтобъ къ нему входили». Какое это было собраніе и дѣйствительно ли оно было, этого я не знаю. Василій, какъ мальчикъ недальняго ума и совершенно неразвитой, могъ принять за собраніе съ особымъ значеніемъ простую сходку студентовъ, ругавшихъ матрикулы. Я не сталъ его спрашивать, потому что не люблю вывѣдывать чужіе секреты. Я высказалъ въ своихъ показаніяхъ, что предполагаю политическій характеръ этого собранія только потому, что Баллодъ теперь арестованъ за агитацію. Объяснить, почему я, очертя голову, согласился, по предложенію Баллода, написать статью, я могу только указаніемъ на весь мой характеръ. Человѣкъ благоразумный не сдѣлалъ бы этого, а я сдѣлалъ, это изъ мальчишескаго ухарства. Кромѣ того, я страдалъ тогда оттого, что любимая мною женщина вышла замужъ за другого; я былъ разстроенъ закрытіемъ «Русскаго Слова». Написать статью было недолго, и я не успѣлъ одуматься, когда Баллодъ былъ уже захваченъ съ моею статьею. Ни въ моемъ предыдущемъ поведеніи, ни въ моихъ бумагахъ, ни въ книгахъ, ни въ журнальныхъ моихъ статьяхъ нѣтъ никакихъ фактовъ, которые указывали бы на обдуманное намѣреніе и установившіяся политическія убѣжденія. Баллодъ предложилъ мнѣ

написать рѣзкую декламацію, я такъ и сдѣлалъ. Эти показанія вполне истинны; я готовъ подтвердить ихъ даже присягою».

Писаревъ просилъ освободить его на поруки ожидаемой въ Петербургъ матери, но сенатъ не нашелъ возможнымъ исполнить просьбу; противъ же свиданій съ нею ничего не имѣлъ. Въ маѣ пріѣхала мать, и съ этого времени начинаются довольно частыя свиданія ея съ сыномъ. По разсказу дяди, А. Д. Данилова, Писаревъ, имѣя въ своемъ распоряженіи очень ограниченное, вѣрнѣе, точно провѣряемое число листовъ писчей бумаги, но не стѣсненный въ количествѣ книгъ, отрывалъ въ послѣднихъ поляхъ и на этихъ узенькихъ ленточкахъ микроскопическими буквами писалъ тѣ письма матери, Благосвѣтлову и другимъ лицамъ, которыхъ только частью напечатаны самимъ же дядею и Е. Соловьевымъ. Мать, приходя домой, немедленно садилась за переписываніе получаемыхъ черезъ одного изъ служащихъ въ крѣпости «шариковъ» и въ такомъ уже видѣ посылала письма по назначенію¹⁾.

Съ дня своего ареста въ продолженіе почти года Писаревъ мучился невозможностью писать, особенно когда въ серединѣ февраля 1863 года «Русское Слово», отбывъ свою восьмилѣтнюю приостановку, снова стало издаваться... Въ началѣ іюня мать обратилась къ генералъ-губернатору, кн. Суворову, за разрѣшеніемъ сыну заниматься литературной дѣятельностью, мотивируя свою просьбу необходимостью поддерживать гонораромъ существованіе не только самого арестанта, но и его семьи. Суворовъ запросилъ сенатъ. Послѣдній не встрѣтилъ препятствій въ удовлетвореніи ходатайства. Съ 10—12 іюня Писаревъ принялся за лихорадочное писаніе. Онъ просто засыпалъ своими статьями. Такъ, 30 іюля, Суворовъ представилъ сенату первую готовую работу—«Наша университетская наука» и запрашивалъ, не встрѣчается ли по обстоятельствамъ дѣла препятствій къ ея напечатанію. Сенатъ препятствій не встрѣтилъ, статья была возвращена Суворову, а имъ направлена къ министру внутреннихъ дѣлъ, вѣдавшему цензурой. Затѣмъ она прошла обычнымъ порядкомъ и появилась въ «Русскомъ Словѣ».

Черезъ мѣсяцъ, 31 августа, Суворовъ прислалъ въ сенатъ «Очерки изъ исторіи труда», а 8 октября—ихъ продолженіе и статью «Мысли о русскихъ романахъ». Первая не встрѣтила препятствій и была затѣмъ напечатана, а относительно второй сенатъ 14 октября увѣдомилъ Суворова, что, ничего не имѣя противъ разрѣшенія ея общимъ порядкомъ, считаетъ, однако, нужнымъ сообщить, что «сочиненіе Писарева «Мысли о русскихъ романахъ», заключающее по преимуществу разборъ романа содержащагося подъ стражею литератора Чернышевскаго, подъ заглавіемъ «Что дѣлать?» и преисполненное похвалъ сему сочиненію съ подробнымъ развитіемъ матеріалистическихъ и социальныхъ идей, въ немъ заключающихся, по мнѣнію правит. сената, въ

¹⁾ «Русское Обозрѣніе», 1893 г. I.

случаѣ напечатанія его, можетъ имѣть вредное вліяніе на молодое поколѣніе, проникнутое этими идеями». Кончался указъ очень ядовито: «впрочемъ, предметъ этотъ подлежитъ разсмотрѣнію цензуры»... Конечно, Суворовъ и не сталъ посылать статью дальше, а вернулъ ее Писареву. Такъ до сихъ поръ она и неизвѣстна.

27 ноября Суворовъ прислалъ «Историческіе эскизы», окончаніе которыхъ дослалъ 11 января 1864 г. Статья была напечатана. 27 января присланы «Цвѣты невиннаго юмора», 11 февраля—«Мотивы русской драмы», 4 марта—начало «Прогресса въ мірѣ животныхъ и растений», 16 апрѣля—продолженіе, 20 іюля—окончаніе и еще два новыхъ произведенія: «Кукольная трагедія съ букетомъ гражданской скорби» и начало «Реалистовъ», конецъ которыхъ присланъ 8 августа. Все это было напечатано. 16 сентября была прислана статья «Картонные герои». 21-го сенатъ предписалъ Суворову, что «по соображеніямъ статьи съ политическими производствами сената, изъ которыхъ къ одному прикосновененъ сей авторъ, правит. сенатъ не находитъ удобнымъ допустить напечатаніе статьи». Что въ ней заключалось, о чемъ шла рѣчь—неизвѣстно. Статья была возвращена автору.

4 ноября прислана была послѣдняя статья—«Прوماхи незрѣлой мысли» и вскорѣ напечатана.

8 февраля 1863 г. генеральный консулъ въ Лондонѣ, Бергъ, прислалъ Жуковскому повѣстку. На другой день онъ получилъ отвѣтъ: «На повѣстку отъ 8 февраля 1863 г. Николай Жуковскій увѣдомляетъ господина ген. консула въ Лондонѣ, что онъ въ консульство являться не считаетъ нужнымъ и проситъ г. консула сообщить Жуковскому письменно тѣ причины, по которымъ онъ желаетъ видѣть его лично». Не желая давать въ руки документовъ, которые Жуковскій, слѣдуя примѣру Герцена, Огарева и другихъ эмигрантовъ, конечно, опубликовалъ бы, и точно слѣдуя мнѣнію кн. В. А. Долгорукова, признавашаго незадолго передъ тѣмъ лишнимъ писать въ подобныхъ случаяхъ, посолъ приказалъ консулу ограничиться вызовомъ Жуковского черезъ «Times».

Вслѣдъ за напечатаніемъ и своего вызова Мошкаловъ тоже обратился къ Бергу съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ ему письменно увѣдомить, для чего его вызываютъ. Такимъ образомъ правительству оставалось снова черезъ «Times» назначить срокъ, къ которому Жуковскій и Мошкаловъ должны были явиться въ сенатъ. Положено было остановиться на 1 іюня стараго стиля.

Разумѣется, они не явились.

25 мая 1864 года сенатъ имѣлъ послѣднее собраніе, закончившееся составленіемъ, наконецъ, опредѣленія, подписаннаго 2 іюня Корніолинъ-Пинскимъ, Венцелемъ, Лукашемъ и Веневитиновымъ.

Привожу его, разумѣется, только въ резолютивной части, потому что все остальное есть лишь воспроизведеніе уже извѣстнаго читателю.

XI.

«Настоящее дѣло имѣетъ предметомъ составленіе, печатаніе и распространеніе возмутительныхъ противу правительства воззваній. Подсудимые по роду обвиненія должны быть раздѣлены на три категории, не имѣющія между собою связи (исключая только одного Печаткина, о чемъ изложено будетъ ниже). Къ первой категоріи относятся: бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета Петръ Баллодъ, кандидатъ СПб. у. литераторъ Дмитрій Писаревъ, бывшій студентъ СПб. у. Василій Лобановъ и почетный гражданинъ, бывшій вольнослушатель того же университета Евгеній Печаткинъ. Ко второй: студентъ Медико-Хирургической академіи Сергѣй Рымаренко, типографщикъ купецъ Илья Марковъ, и студенты упомянутой академіи Помпей Мультановскій и Юлій Гюбнеръ. Наконецъ къ третьей: бывшій студентъ Московскаго университета Леонидъ Ольшевскій, студенты СПб. у. Петръ Ткачевъ и Кемарскій и упомянутый въ I-й категоріи Печаткинъ».

Затѣмъ, послѣ изложенія обстоятельствъ дѣла, относящихся до каждого изъ названныхъ лицъ, шла уже и самая резолюціонная часть опредѣленія:

«Разсмотрѣвъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства дѣла сего, правительствующій сенатъ находитъ, что изъ подсудимыхъ:

1. Бывшій студентъ СПб. университета Баллодъ виновенъ, по собственному сознанию, съ обстоятельствами дѣла совершенно согласному, а) въ принятіи участія въ заговоръ противу правительства и въ заведеніи тайной типографіи для напечатанія возмутительныхъ противу онаго сочиненій, б) въ печатаніи сихъ сочиненій и в) въ распространеніи ихъ посредствомъ подкидыванія. Первое изъ преступленій его составляетъ злоумышленіе противу правительства, предусмотрѣнное въ сводѣ законовъ уголовныхъ, въ главѣ о государственныхъ преступленіяхъ, въ статьѣ 283. Но какъ это злоумышленіе Баллода открыто правительствомъ при самомъ началѣ его, и посему никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ онаго не произошло, то, на основ. послѣдующей 284 статьи, онъ подлежитъ наказанію по 3 или 4 степени 21 ст. уложенія. Обращаясь къ выбору одной изъ сихъ двухъ степеней наказанія, сенатъ находитъ, что неискренность Баллода въ сознаниі, ибо онъ, пойманный правительствомъ на самомъ преступленіи, не будучи въ состояніи скрыть этого, тщательно утаивалъ своихъ сообщниковъ, и нераскаянность въ его преступныхъ дѣйствіяхъ, ибо и при самыхъ послѣднихъ показаніяхъ своихъ онъ, вмѣсто подробнаго и точнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, какъ требовалъ отъ него правит. сенатъ, дозволилъ себѣ иронически отзываться о своемъ преступленіи, сравнивая себя съ охотникомъ, идущимъ на медвѣдя,—приводятъ сенатъ къ тому убѣжденію, что онъ долженъ подвергнуться строжайшему изъ приведенныхъ наказаній,

т. е. по 3 степени 21 статьи. За напечатаніе и распространеніе посредствомъ разбрасыванія возмутительныхъ противъ правительства воззваній Баллодъ, на основ. 285 ст., подлежитъ наказанію по 5 степени 21 статьи. По совокушности преступленій, на основ. 165 ст., онъ долженъ быть подвергнутъ строжайшему изъ вышеприведенныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ, т. е. лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторгу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселенъ въ Сибири навсегда.

2. Кандидатъ СПБ. унив. Писаревъ виновенъ, также по собственному сознанію, съ обстоятельствами дѣла вполне согласному, въ составленіи возмутительной статьи, заключающей въ себѣ опроверженіе брошюры Шедо-Ферроти и преисполненной дерзкихъ и оскорбительныхъ выраженій и противъ правительства и противъ священной особы самого Государя Императора. Сочиненіе это написавъ, онъ отдалъ Баллоду, который сказалъ ему, что можетъ быть ему удастся его напечатать. При такомъ положеніи дѣла, обращаясь къ опредѣленію свойства преступленія Писарева, сенатъ находить, что полныхъ требуемыхъ закономъ юридическихъ доказательствъ къ признанію Писарева виновнымъ въ составленіи сочиненія его съ цѣлью распространенія въ дѣлѣ не содержится, ибо передача имъ статьи своей Баллоду не ведетъ еще къ заключенію, чтобы онъ непременно старался распространить ее, хотя по тѣмъ же обстоятельствамъ онъ въ преступленіи семъ навлекаетъ на себя сильное подозрѣніе. Такимъ образомъ, не будучи признаваемъ вполне изобличеннымъ въ покушеніи распространить свое возмутительное сочиненіе, онъ положительно виновенъ въ составленіи его. Такое преступное дѣйствіе законъ называетъ приговореніемъ и началомъ покушенія къ возбужденію бунта и подвергаетъ виновнаго въ ономъ наказанію въ 3 ч. 285 ст. изложенному, т. е. заключенію въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ состоянія. На основаніи указа 17 апрѣля 1863 года п. 7, заключеніе это должно быть сокращено на одну треть, а при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, оно можетъ быть уменьшено и на половину. Посему, обращаясь къ сужденію о мѣрѣ наказанія Писарева и сокращеніи онаго по указу 17 апрѣля, сенатъ находить, что первоначальное упорное заперательство его въ преступленіи, а потомъ неискренность и въ самомъ сознаніи, несмотря на всѣ дѣлаемые ему увѣщанія, ведутъ къ тому, что онъ долженъ понести наказаніе, ему слѣдующее, въ высшей онаго мѣрѣ, а сокращено должно быть оное на основаніи вышеприведеннаго указа сенату, только на одну треть, т. е. онъ долженъ быть лишенъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и подвергнутъ заключенію въ крѣпости на 2 года и 8 мѣсяцевъ, а по предмету покушенія на распространеніе сочиненной имъ возмутительной статьи оставленъ въ сильномъ подозрѣніи. Писаревъ во время производства дѣла сего ходатайствовалъ о смягченіи ему наказанія, оправдывая себя тѣмъ, что преступленіе его было плодомъ минутнаго увлеченія, и что онъ человѣкъ впечатлительный

до такой степени, что даже подвергался умопомѣшательству, отъ коего и былъ пользуеть. Таковое ходатайство Писарева сенатъ признаетъ не заслуживающимъ уваженія, потому что статья, составленная имъ и заключающая два листа весьма мелкаго письма, написанная при томъ не въ одинъ разъ, а съ значительнымъ промежуткомъ времени, доказываетъ обдуманность преступнаго его дѣйствія.

3. Бывшій студентъ СПБ. у. Лобановъ, обвиняемый въ способствованіи Баллоду къ постоянному полученію имъ «Колокола», въ томъ не сознался, показавъ, что давалъ ему только нѣкоторые номера «Колокола», простая же передача для чтенія «Колокола» не составляетъ злоумышленнаго распространенія сего вреднаго изданія, посему, на точномъ основ. 304 ст. 2 кн. XV. т., онъ долженъ быть отъ всякой отвѣтственности по настоящему дѣлу освобожденъ.

4. Бывшій вольнослушатель СПБ. у. Печаткинъ обвиняется, вслѣдствіе показанія Лобанова, въ томъ, будто бы онъ доставлялъ Баллоду «Колоколъ» изъ-за границы, но Печаткинъ въ семъ не сознался, и самъ Баллодъ въ томъ его не оговариваетъ. Кромѣ сего, Печаткинъ обвиняется въ знаніи о преступныхъ замыслахъ студента Ольшевскаго, сочинявшаго возмутительныя воззванія. Обвиненіе это основано единственно на запискѣ, найденной у Ольшевскаго отъ Печаткина, и на предостереженіи, выраженномъ Ольшевскимъ въ письмѣ къ Кемарскому, но Печаткинъ ни въ участіи съ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ, ни даже въ знаніи о нихъ не сознался, Ольшевскимъ не оговоренъ, и другихъ доказательствъ къ обвиненію его въ дѣлѣ нѣтъ. Но при обыскѣ, произведенномъ у него, найдена возмутительная статья подъ заглавіемъ «Къ русскому народу». Храненіе такового содержанія статьи безъ права на то подвергаетъ виновнаго, на основ. послѣдней части 285 ст., аресту отъ 7 дней до трехъ мѣсяцевъ и отдачѣ подъ надзоръ полиціи на время отъ 1 года до 3 лѣтъ. Правительствующій сенатъ при первоначальномъ обсужденіи степени вины подсудимыхъ, во исполненіе высочайшаго повелѣнія для опредѣленія того, должны ли они быть содержимы въ крѣпости, или могутъ быть освобождены изъ оной, нашелъ, что Печаткинъ можетъ быть отданъ на поруки, но предварительнаго освобожденія призналъ полезнымъ сдѣлать ему, въ числѣ прочихъ, внушеніе, чтобы онъ велъ себя осторожнѣе и не позволялъ себѣ дѣйствій, законами воспрещенныхъ. Но несмотря на это, во время производства въ сенатѣ слѣдствія по доносу кол. рег. Кучинскаго, обнаружено, что, когда Ольшевскій былъ на излѣченіи во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, то Печаткинъ, не имѣя права посѣщать его, видѣлся съ нимъ подъ предлогомъ навѣщанія бывшаго тамъ же на излѣченіи поручика Жукова, ему вовсе незнакомаго, и приносилъ Ольшевскому деньги. Хотя въ прочихъ выведенныхъ въ доносѣ Кучинскаго поступкахъ Печаткинъ не сознался и доказательствъ на сіе Кучинскимъ не представлено, но и посѣщеніе

Ольшевскаго, котораго достигнулъ онъ чрезъ обманъ больничнаго начальства, несмотря на сдѣланное ему въ присутствіи прав. сената внушеніе, чтобы велъ себя безукоризненно, доказываетъ крайнюю его легкомысленность, за что и слѣдуетъ сдѣлать ему выговоръ. (примѣч. къ ст. 62). По совокупности проступковъ его, онъ долженъ быть присужденъ къ строжайшему изъ приведенныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ, т. е. его слѣдуетъ подвергнуть аресту на 3 мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

5 и 6. Бѣжавшій за границу губ. секретарь Николай Жуковскій и находившійся тамъ, съ разрѣшенія начальства, студентъ Мошкаловъ, прикосновенные къ дѣлу студента Баллода, о коихъ, по вызовѣ ихъ изъ-за границы высочайше повелѣно произвести слѣдствіе, а въ случаѣ неявки ихъ, поступить съ ними по законамъ, будучи вызываемы правительствомъ въ Россію, не явились, а посему за таковое ослушаніе, на основ. 368 ст. кн. I тома XV, должны быть приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства.

7. Студентъ М.-Х. академіи Рымаренко и 8. типографщикъ купецъ Марковъ, бывшій также нѣкоторое время студентомъ М.-Х. академіи, изобличаются: первый въ заказѣ столяру Вагнеру типографскихъ прессовъ для тайнаго печатанія и въ увозѣ съ неизвѣстными лицами одного изъ этихъ прессовъ, а Марковъ въ содѣйствіи Рымаренко по заказу означенныхъ прессовъ. По закону, приобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія признается лишь приготовленіемъ къ оному (10 ст. улож. о наказ.). За приготовленіе къ совершенію преступленія виновный подвергается наказанію, смотря по тому, во-первыхъ, употребленныя имъ для сего средства были ли противозаконныя, во-вторыхъ, самое прибрѣтеніе сихъ средствъ не было-ль соединено съ опасностью для какого либо частнаго лица, или многихъ, или всего общества. Наказаніе за одно, безъ сихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, приготовленіе къ преступленію опредѣляется лишь въ особыхъ именно означенныхъ законами случаяхъ (124 ст. улож.). Принимая за симъ на видъ, что одно прибрѣтеніе типографскихъ прессовъ само по себѣ не составляетъ противозаконнаго дѣйствія и не соединено съ опасностью ни для частныхъ лицъ, ни для общества, и что въ нашихъ уголовныхъ законахъ не постановлено наказанія за заказъ или прибрѣтеніе типографскихъ прессовъ, хотя бы это и было дѣлаемо съ цѣлью тайнаго печатанія, правит. сенатъ находитъ, что Рымаренко за заказъ двухъ типографскихъ прессовъ, изъ которыхъ одинъ уже былъ имъ полученъ, а Марковъ за принятіе участія въ этомъ заказѣ, на точномъ основаніи 124 ст. улож., не подлежатъ никакому наказанію. Но совпаденіе времени заказа студентомъ Рымаренко типографскихъ прессовъ со временемъ распространенія въ значительномъ количествѣ разныхъ возмутительныхъ и другихъ преступныхъ сочиненій, тайно печатаемыхъ, первоначальное заpiresтельство Рымаренко и Маркова, а потомъ

разнорѣчивыя и изворотливыя объясненія ихъ по предмету заказа прессовъ и противуправительственное направленіе Рымаренко, ясно видимое изъ найденныхъ у него при обыскѣ бумагъ, навлекаютъ подозрѣніе на Рымаренко въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, а на Маркова, по близкому знакомству съ Рымаренко, въ знаніи сего. Сверхъ того, всѣ эти обстоятельства представляютъ достаточное основаніе къ принятію въ отношеніи Рымаренко и Маркова въ административномъ порядкѣ одной изъ мѣръ, указанной въ примѣч. къ 62 ст. улож., а именно: Рымаренко, какъ личность, представляющуюся по дѣлу весьма упорною и вреднаго образа мыслей, надлежитъ выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, а Маркова отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ. Что же касается обвиненія Маркова въ заказѣ вдовѣ унтеръ-офицера Андреевой пальто и шапокъ съ особыми знаками, то по сему предмету онъ, какъ совершенно неизобличенный, долженъ быть отъ суда освобожденъ.

9. Студентъ М.-Х. академіи Мультановскій обвиняется въ участіи съ Рымаренко въ заказѣ станковъ. Основаніемъ къ обвиненію сему послужило токмо то, что онъ жилъ вмѣстѣ съ Рымаренко, что Марковъ писалъ къ нему записку о платежѣ денегъ за станокъ, и что, по показанію Маркова, онъ будто бы сказывалъ ему, что первый станокъ увезенъ студентомъ Гюбнеромъ. Но Мультановскій ни въ какомъ участіи съ Рымаренко и Марковымъ въ заказѣ станковъ, ни даже въ знаніи о томъ не сознался, и самими ими, кромѣ вышеизъясненнаго показанія Маркова, не оговоренъ, а посему по обвиненію этому онъ долженъ быть отъ суда освобожденъ, равно какъ и по обвиненію въ заказѣ Андреевой пальто и шапокъ, по непредставленію ея никакихъ противу него доказательствъ.

10. Сужденіе о студентѣ Гюбнерѣ должно быть отложено впредь до полученія окончательныхъ свѣдѣній отъ министра иностранныхъ дѣлъ насчетъ помѣщика Черкесова, вызываемаго изъ-за границы, отъ котораго слѣдуетъ отобрать по сему дѣлу показаніе.

11. Бывшій студентъ Москов. у. Ольшевскій виновенъ въ сочиненіи возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ «Разсказъ дяди Кузьмича», съ намѣреніемъ напечатать и распространить его, что доказывается тѣмъ, что на самомъ сочиненіи отмѣчено его рукою «отдать въ корректуру», и означено сколько экземпляровъ этого сочиненія и куда слѣдуетъ ихъ разослать. Принимая во вниманіе, что одно намѣреніе напечатать и распространить сочиненіе возмутительнаго содержанія составляетъ лишь преступный умыселъ на это преступленіе и что за подобный умыселъ въ законахъ не опредѣлено какого либо особаго наказанія (9 и 123 ст. улож.), правит. сенатъ находитъ, что Ольшевскій долженъ быть подвергнутъ наказанію лишь за сочиненіе упомянутаго возмутительнаго воззванія, а именно, на основ. 3 ч. 285 ст. улож. По

этой статьѣ, виновные въ составленіи возмутительныхъ сочиненій, но не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, подлежатъ заключенію въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. При несовершеннолѣтіи Ольшевскаго наказаніе это, на основ. 5 п. 152 ст. улож. по прод. 1863 г., должно быть уменьшено для него одною степенью, по отсутствію уменьшающихъ вину его обстоятельствъ, и назначено въ средней мѣрѣ по неискренности его въ сознаніи (10 п. 145 ст.) съ сокращеніемъ на одну треть, согласно примѣчанію къ ст. 147 улож. по тому же продолженію (высоч. указъ 17 апрѣля 1863 г.). По симъ основаніямъ Ольшевскій подлежитъ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ (1 степень 39 ст. улож.), а по освобожденіи изъ крѣпости, согласно высоч. повелѣнію, послѣдовавшему въ отношеніи его по дѣлу о происходившихъ въ СПб. университетѣ беспорядкахъ, выслать на мѣсто родины съ отдачею тамъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ. Что же касается обвиненій, взведенныхъ на него, Ольшевскаго, въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, то онъ долженъ быть по сему предмету отъ суда освобожденъ, такъ какъ доносъ сей произведеннымъ прав. сенатомъ слѣдствіемъ не подтверждается.

12 и 13. Студенты СПб. у. Кемарскій и Ткачевъ, обвиняемые въ знаніи и участіи съ Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ его, въ преступленіяхъ сихъ не сознались, Ольшевскимъ не оговорены и другихъ доказательствъ противъ нихъ въ дѣлѣ нѣтъ, а потому ихъ слѣдуетъ отъ суда освободить. Но изъ нихъ Ткачевъ виновенъ въ имѣніи у себя возмутительной статьи «Что нужно народу», полученной будто бы имъ отъ неизвѣстнаго, и недонесеніи о томъ кому слѣдуетъ. За таковой проступокъ онъ, на основ. 285 ст. и 138 ст. 1 ч. XV т. св. закон. угол., долженъ подлежать заключенію въ крѣпости въ теченіе года съ смягченіемъ наказанія сего по несовершеннолѣтію его, на основ. 152 ст. улож. по прод. 1863 г. и высоч. указа отъ 17 апрѣля 1863 г., т. е. онъ долженъ быть заключенъ въ крѣпость на три мѣсяца; по обвиненію же ихъ вслѣдствіе доноса кол. рег. Кучинскаго, какъ доносъ сей слѣдствіемъ не подтвердился, слѣдуетъ отъ суда освободить.

и 14. Обстоятельства дѣла, основанія до студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ слѣдствіемъ не подтвердившіяся, должны быть оставлены безъ послѣдствій.

«По всѣмъ симъ соображеніямъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правит. сенатъ полагаетъ:

1. Бывшаго студента Петра Баллода, 24 лѣтъ, за принятіе участія въ заговорѣ противу правительства, за заведеніе тайной типографіи для печатанія возмутительныхъ противу правительства воззваній, за печатаніе и распространеніе ихъ посредствомъ подкидыванія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь въ

каторжную работу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

2. кандидата СПБ. у. Дмитрія Писарева, нынѣ 23 лѣтъ, за составленіе противу правительства и Государя Императора сочиненія, лишить нѣкоторыхъ особенныхъ, по ст. 54, правъ и преимуществъ и заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ, а по предмету покушенія распространить это сочиненіе оставить въ сильномъ подозрѣніи, ходатайство же его о смягченіи ему наказанія оставить безъ уваженія.

3. бывшего студента СПБ. у. Евгенія Печаткина, 24 лѣтъ, по предмету участія съ студентомъ Баллодомъ и Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительной статьи подъ заглавіемъ «Къ русскому народу» и за посѣщеніе студента Ольшевскаго посредствомъ обмана, во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, выдержать подъ арестомъ три мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

4. Бѣжавшаго за границу губ. секр. Николая Жуковского за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства.

5. Бывшаго студента Москов. у. Леонида Ольшевскаго, нынѣ 23 лѣтъ, за сочиненіе возмутительнаго воззванія заключить въ крѣпость на одинъ годъ и потомъ выслать его на мѣсто родины съ отдачей тамъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненіямъ, введеннымъ на него въ доносъ кол. рег. Кучинскаго, отъ суда освободить и,

6. Бывшаго студента СПБ. у. Петра Ткачева, 19 лѣтъ, по обвиненіямъ въ сообщничествѣ съ студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ и въ посѣщеніи Ольшевскаго во время нахождения его во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ съ преступною цѣлью отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ «Что нужно народу» и за недонесеніе о томъ кому слѣдуетъ, заключить въ крѣпость на три мѣсяца.

«Рѣшеніе сіе, на основ. 452 и 617 ст. кн. 2 тома XV, представить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

«Затѣмъ сенатъ опредѣляетъ: а) находившагося за границею съ разрѣшенія начальства студента Павла Мошкалова за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства, б) бывшего студента М.-Х. академіи Сергѣя Рымаренко, 24 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, в) типографщика купца Илью Маркова, 26 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ знаніи объ

участиі бывшаго студента Рымаренко въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненію въ заказѣ пальто и шапокъ съ особыми знаками отъ суда освободить, г) студентовъ Лобанова, Мультиановскаго и Кемарскаго отъ всякой отвѣтственности по сему дѣлу освободить, д) сужденіе о студентѣ Гюбнерѣ отложить до полученія окончательнаго увѣдомленія отъ г. министра иностранныхъ дѣлъ о помѣщикахъ Черкесовѣ и е) обстоятельства дѣла, относящіеся до бывшихъ студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ розыскомъ не подтвердившіеся, оставить безъ послѣдствій, а находящіеся при дѣлѣ станокъ типографскій, шрифтъ и прочее отослать для уничтоженія къ г. СПб. военному генералъ-губернатору».

28 октября опредѣленіе было возвращено въ сенатъ министромъ юстиціи вмѣстѣ съ предложеніемъ исполнить высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее на мнѣніи государственнаго совѣта. Послѣдній вполнѣ присоединился къ заключенію сената, и 16 октября, въ Ниццѣ, Государь положилъ резолюцію: «Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Баллоду срокъ каторжной работы ограничить 7-ю годами».

5 ноября въ 12 час. дня при открытыхъ дверяхъ въ собраніи I отдѣленія 5 департамента всѣмъ упомянутымъ въ опредѣленіи была объявлена высочайшая воля.

М. Лемке.

Къ исторіи „Общества св. Кирилла и Меѳодія“.

(1847).

(I. Уставъ и правила. II. Прокламаціи ¹⁾).

I.

Уставъ славянскаго общества св. Кирилла и Меѳодія. Главныя идеи.

1) Принимаемъ, что духовное и политическое соединеніе славянъ есть истинное ихъ назначеніе, къ которому они должны стремиться.

2) Принимаемъ, что при соединеніи каждое славянское племя должно имѣть свою самостоятельность, а такими племенами признаемъ: южно-русовъ, сѣверно-русовъ, съ бѣло-руссамы, поляковъ, чеховъ съ словенцами, лужичанъ, иллиро-сербовъ съ хорутанами и болгаръ.

3) Принимаемъ, что каждое племя должно имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство согражданъ по ихъ рожденію, христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и состоянію.

4) Принимаемъ, что правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщеніе у всѣхъ славянъ должно основываться на святой религіи Господа нашего Иисуса Христа.

5) Принимаемъ, что при такомъ равенствѣ образованность и чистая нравственность должны служить условіемъ участія въ правленіи.

6) Принимаемъ, что долженъ существовать общій славянскій соборъ изъ представителей всѣхъ племенъ.

Главныя правила общества.

1) Устанавливаемъ общество съ цѣлью распространенія вышеизложенныхъ идей, преимущественно посредствомъ воспитанія юношества, литературы и умноженія числа членовъ общества. Общество именуется своими покровителями святыхъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія и принимаетъ своимъ знакомъ кольцо или икону, съ именемъ или изображеніемъ сихъ святыхъ.

2) Каждый членъ общества произноситъ присягу при поступленіи употреблять дарованія, труды, состоянія, общественныя свои

¹⁾ Обществомъ св. Кирилла и Меѳодія называлось, какъ извѣстно, то „сообщество“, къ которому принадлежали Шевченко, Костомаровъ, Гулакъ, Бѣлозерскій и др. Уставъ и правила Общества были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ (1893 № 7), а прокламаціи въ печати еще не появлялись и воспроизводятся здѣсь съ подлинниковъ.

Ред.

связи для цѣлей общества, и ежели бы какой членъ претерпѣлъ гоненіе и даже мученіе за принятыя обществомъ идеи, то, по данной присягѣ, онъ не выдаетъ никого изъ членовъ, своихъ братій.

3) Въ случаѣ членъ попадетъ въ руки враговъ и оставить въ нуждѣ семейство, общество помогаетъ ему.

4) Каждый принятый членъ общества можетъ принять новаго члена безъ необходимости сообщать ему объ именахъ прочихъ членовъ.

5) Въ члены принимаются славяне всѣхъ племенъ и всѣхъ званій.

6) Совершенное равенство должно господствовать между членами.

7) Такъ какъ въ настоящее время славянскія племена исповѣдуютъ различныя вѣроисповѣданія и имѣютъ предубѣжденія другъ противъ друга, то общество будетъ стараться объ уничтоженіи всякой племенной и религіозной вражды между ими и распространять идею о возможности примиренія разногласій въ христіанскихъ церквахъ.

8) Общество будетъ стараться заранѣе объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, равнымъ образомъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности.

9) Какъ все общество въ совокупности, такъ и каждый членъ должны свои дѣйствія соображать съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія; правило же: цѣль освящаетъ средство — общество признаетъ безбожнымъ.

10) Нѣсколько членовъ общества, находясь въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ, могутъ имѣть свои собранія и постановлять частныя правила для своихъ дѣйствій; но дабы они не противорѣчили главнымъ идеямъ и правиламъ общества.

11) Никто изъ членовъ не долженъ объявлять о существованіи и составѣ общества тѣмъ, которые не вступаютъ или не подають надежды вступить въ него.

II.

Изъ рукописей, взятыхъ у членовъ Кирилло-Мееодіевскаго общества, приводимъ двѣ прокламаціи, изъ которыхъ одна обращена къ украинцамъ, другая — къ великороссіянамъ и полякамъ. Въ связи съ уставомъ и правилами общества онѣ даютъ ясное представленіе о цѣляхъ общества.

1.

Братья украинцы!

Это разсужденіе предлагаемъ вамъ передъ глаза и даемъ на размышленіе: хорошо ли такъ будетъ, какъ эти пункты скажутъ:

1) Мы принимаемъ, что всѣ славяне должны между собою соединиться.

2) Но такъ, чтобъ каждый народъ составлялъ особенную Рѣчь Посполитую и управлялся не слитно съ другими, такъ чтобъ каждый народъ имѣлъ свой языкъ, свою литературу, свое общественное устрой-

*

ство. Такими народами признаемъ: великороссіянъ, украинцевъ, поляковъ, чеховъ, лутичанъ, хорутанъ, иллиро-сербовъ и болгаръ.

3) Чтобъ единствоваль сеймъ или славянское собраніе, гдѣ бы сходились депутаты отъ всѣхъ республикъ славянскихъ, и тамъ разсуждали бы и рѣшали дѣла, которыя относятся ко всему союзу славянскому.

4) Чтобъ въ каждой республикѣ былъ правитель, избранный на время, и надъ цѣлымъ союзомъ былъ такой же правитель, выбранный на время.

5) Чтобъ въ каждой республикѣ было всеобщее равенство и свобода и никакія различія сословій.

6) Чтобъ депутатами и чиновниками дѣлали не по происхожденію и не по имуществу, а по уму и образованности, народнымъ выборомъ.

7) Чтобъ вѣра Христова была основаніемъ законодательства и общественнаго порядка въ цѣломъ союзѣ и въ каждой республикѣ.

Вотъ, братья украинцы, жители Украины обѣхъ сторонъ Днѣпра, мы даемъ вамъ это на размышленіе; прочитайте со вниманіемъ и пусть каждый думаетъ, какъ достигнуть этого, и какъ бы лучше сдѣлать. Много головъ, много умовъ, — говоритъ пословица. Если вы объ этомъ станете прилежно думать, то когда придетъ пора вамъ заговорить объ этомъ, Господь даруетъ вамъ смыслъ и уразумѣніе.

2.

Братья великороссіяне и поляки!

Сіе глаголетъ къ вамъ Украина, нищая сестра ваша, которую вы распяли и растерзали, и которая не помнитъ зла и соболѣзнуетъ о вашихъ бѣдствіяхъ, и готова проливать кровь дѣтей своихъ за вашу свободу. Прочитайте посланіе это братское, обсудите важное дѣло вашего общаго спасенія, возстаньте отъ сна и дремоты, истребите въ сердцахъ вашихъ безразсудную ненависть другъ къ другу, возженную царями и господами, на общую погибель нашей свободы, устыдитесь ярма, которое тяготитъ ваши плеча, устыдитесь собственной своей испорченности, предайте проклятію святотатственныя имена земного царя и земного господина, изгоните изъ умовъ вашихъ духъ невѣрія, занесенный отъ племенъ нѣмецкихъ и романскихъ, и духъ закоснѣлости, вдохнутый татарами, облекитесь въ свойственную славянамъ любовь къ человѣчеству, вспомните также о братьяхъ вашихъ, томящихся и въ шелковыхъ цѣпяхъ нѣмецкихъ, и въ когтяхъ турецкихъ, и да будетъ цѣлію жизни и дѣятельности cadaго изъ васъ: славянскій союзъ, всеобщее равенство, братство, миръ и любовь Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ ХУІІІ и первой четверти ХІХ вѣка.

(Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей).

Продолженіе.

ІІІ.

Извѣстно, какое громадное значеніе для развитія нашего общества имѣло пребываніе нашихъ войскъ за границей послѣ нашествія Наполеона на Россію. Наши офицеры побывали въ Англіи и Франціи и познакомились съ тамошнимъ образомъ правленія. «Каждый изъ насъ сколько нибудь выросъ», говоритъ Якушкинъ въ своихъ запискахъ. Русскіе офицеры, просвѣщенные западно-европейскими впечатлѣніями, съ болью въ сердцѣ наблюдали печальныя явленія русской дѣйствительности: крѣпостное право и тяжелое экономическое положеніе народа, строгости военной дисциплины, учрежденіе военныхъ поселеній, стѣсненіе печати цензурою, гоненіе на либеральныхъ профессоровъ. Все это возбуждало и поддерживало оппозиціонное настроеніе общества во вторую половину царствованія имп. Александра І, вызывало мысль о необходимости преобразованія государственнаго строя Россіи и составленіе и обсужденіе проектовъ такого преобразованія. Развитію политической мысли содѣйствовали чтеніе газетъ и сочиненій по государственному праву и знакомство съ польскою и западно-европейскими конституціями. Съ этою цѣлью въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ составились большія бібліотеки по вопросамъ государственнаго устройства. «Въ то время многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба», говоритъ М. А. Фонъ-Визинъ, «съ страстью учились и преимущественно читали сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя, политическія теоріи и системы, весьма естественно, что занимающіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ. А это и было главнымъ предметомъ занятій размножив-

шихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ, существовавшихъ во Франціи, завезены были въ Петербургъ и навели нашихъ либераловъ на мысль учредить тайное политическое общество въ Россіи съ цѣлью ограничить самодержавіе. Въ концѣ 1816 г. эта мысль осуществилась: нѣсколько офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба условились составить тайное общество, которое носило названіе «Союза Спасенія», или «истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Въ числѣ основателей общества были Никита Мих. Муравьевъ, кн. Трубецкой, бр. Муравьевы-Апостолы и др. Скоро къ нимъ присоединились Пав. Ив. Пестель, Новиковъ, племянникъ извѣстнаго масона, Лунинъ и прочіе. Цѣлью общества, по словамъ Фонъ-Визина, было осуществленіе «нашихъ тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія, словомъ, всего того, что составляетъ сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ»¹⁾.

Въ началѣ января 1826 г. московскій военный губернаторъ кн. Голицынъ отправилъ государю донесеніе, въ которомъ сообщаетъ, что такъ какъ опекуны, назначенные надъ сумасшедшимъ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, приступили къ снятію печатей съ его дома и имущества, то онъ, Голицынъ, «имѣя причины подозревать, что въ числѣ бумагъ гр. Дмитріева-Мамонова, по прежнему роду жизни его и репутаціи, найтись могутъ достойныя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ вниманія правительства, почелъ обязанностью» вытребовать отъ нихъ эти бумаги. Государь приказалъ выслать ихъ въ слѣдственный комитетъ о тайныхъ обществахъ, «гдѣ онѣ удобнѣе могутъ быть разобраны по извѣстной общей связи дѣла». Въ числѣ рукописей гр. Дмитріева-Мамонова оказалось не мало относящихся до масонскихъ ложъ; тутъ же нашелся шифръ для тайной переписки и «проектъ республиканской конституціи».

Гр. Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ заболѣлъ психически въ 1817 г., но въ первое время иногда ему становилось лучше²⁾. Ранѣе болѣзни гр. Дмитріева-Мамонова М. Ѳ. Орловъ задумалъ вмѣстѣ съ нимъ и Н. И. Тургеневымъ завести общество «Русскихъ Рыцарей», но предположеніе это осуществлено не было.

¹⁾ О Союзѣ Спасенія см. въ моей статьѣ „М. А. Фонъ-Визинъ“ въ сборн. „Обществен. движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка, т. I. Декабристы. Составили В. И. Семеновскій, В. Я. Богучарскій, П. Е. Щеголевъ“, Спб., 1901, стр. 16—22. Тамъ же напечатаны записки Фонъ-Визина.

²⁾ Д. В. Давыдовъ въ письмѣ къ П. Д. Киселеву (1819 г.) называетъ Мамонова „бѣшенымъ“ и говоритъ о немъ и М. Ѳ. Орловѣ, какъ о врагахъ абсолютизма въ Россіи. „Сочиненія Д. В. Давыдова“, 1895 г., т. III, 233—234.

Принадлежность къ масонству могла сблизить гр. Дмитріева-Мамонова съ другимъ масономъ, Николаемъ Новиковымъ, который сначала состоялъ въ Саксоніи при ген.-адъютантѣ Репнинѣ, а потомъ, когда послѣдній сдѣлался малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, былъ правителемъ его канцеляріи. Изъ показанія Пестеля видно, что Новиковъ завелъ въ Малороссіи масонскую ложу ¹⁾.

Этотъ Новиковъ, какъ было уже упомянуто, одинъ изъ первыхъ примкнулъ къ «Союзу Спасенія», который окончательно образовался въ началѣ 1817 г. Въ своемъ показаніи Пестель говоритъ, что первую мысль о республиканскомъ правленіи возбудилъ въ немъ проектъ конституціи Новикова. Дѣлая очеркъ развитія своихъ политическихъ взглядовъ, Пестель сообщаетъ: «Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія припоминать и съ ними соглашаться». «Отличительная черта конституціи Новикова», по свидѣтельству Пестеля, «заключалась въ томъ, что она была республиканская, и верховная власть въ оной находилась въ особомъ сословіи, коего предсѣдатель имѣлъ два голоса, а прочіе члены только по одному... Много было сходства съ американскою конституціею. Новиковъ имѣлъ порученіе основать управу тайнаго общества въ Малороссіи, но это ему не удалось.

До сихъ поръ проектъ конституціи Новикова не былъ извѣстенъ. Мы полагаемъ, что та схема республиканской конституціи, которая сохранилась въ бумагахъ гр. Дмитріева-Мамонова и есть проектъ Новикова. Очень возможно, что онъ не былъ развитъ имъ подробнѣе. Пестель нигдѣ не говоритъ, чтобы Новиковъ давалъ ему читать свой проектъ; это объясняется вѣроятно тѣмъ, что дѣло не пошло далѣе чернового наброска, который, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно интересенъ для исторіи развитія политическихъ идей того времени.

Подобно конституціи Никиты Муравьева, народное вѣче ²⁾ дѣлится здѣсь на двѣ палаты, хотя и съ иными названіями—палату вельможъ и палату мѣщанъ. «Палата вельможъ состоитъ изъ 221 наслѣдственныхъ вельможъ государства, владѣющихъ удѣлами неприкосновенными, *inaliénables*, въ тѣхъ областяхъ, отъ коихъ они *наслѣдственными представителями и депутатами*» ³⁾. Далѣе, авторъ перечисляетъ сначала «наслѣдственныхъ представителей»: 150 вельможъ отъ Московскаго царства, 20—отъ Ново-

¹⁾ Съ Новиковымъ находился въ сношеніяхъ и М. Ѳ. Орловъ.

²⁾ Авторъ пишетъ „народная веча“.

³⁾ Курсивъ подлинника.

городскаго, 20—отъ Кіевскаго, 1—отъ Владимірскаго, 5—отъ Казанскаго, 5—отъ Астраханскаго, 10—отъ Сибирскаго и 10—отъ Херсонскаго¹⁾. Въ составъ «палаты наслѣдственныхъ представителей» входили еще 442 «простыхъ» дворянина, «не наслѣдственныхъ, но избранныхъ представителей, въ числѣ коихъ должны быть представители Польскаго царства *sous le patronat des pairs de Kiof et de Wolhynie*²⁾, депутаты лифляндскаго, курляндскаго и финляндскаго шляхетства подъ патронатомъ Новгородскаго царства, грузинскіе депутаты подъ протекторатомъ Астраханскаго царства. Сверхъ этого въ палатѣ вельможъ должны были засѣдать 10 депутатовъ русскаго рыцарства³⁾ и 6 депутатовъ отъ вольныхъ городовъ⁴⁾, а всѣхъ членовъ 679». Въ проектѣ не объяснено, какъ образуются «неприкосновенные удѣлы» вельможъ, — будутъ ли это ихъ собственныя наслѣдственныя имѣнія, сдѣланныя неотчуждаемыми, или эти имѣнія будутъ пожалованы вельможамъ подобно тому, какъ Мордвиновъ предлагалъ надѣлить по 10.000 душъ крестьянъ 50 членовъ его «Государственной Думы», которую первоначально онъ предполагалъ назвать «Думою Вельможъ» или «Верховною Палатою». Возможно, что аристократическіе элементы разсматриваемаго проекта объясняются вліяніемъ Мордвинова или кн. Ник. Григ. Репнина (родного брата декабриста Волконскаго), который въ 1810—12 г. былъ посланникомъ въ Испанію, а въ 1816 г. — военнымъ губернаторомъ (т. е. генералъ-губернаторомъ) Малороссіи и правителемъ канцеляріи котораго служилъ Новиковъ. Хотя испанская конституція 1812 г. была основана на однопалатной системѣ, но на мысль объ учрежденіи «неприкосновенныхъ удѣловъ» могли навести кн. Репнина майораты испанскихъ грандовъ, а также и то, что онъ самъ сдѣлался владѣльцемъ крупныхъ имѣній своего дѣда Н. В. Репнина, фамилію котораго онъ и сталъ носить. Участіе депутатовъ отъ 6 вольныхъ городовъ, которое предлагалось въ изложенномъ проектѣ, напоминаетъ о предположеніи Н. С. Мордвинова относительно представительства отъ главныхъ портовыхъ городовъ.

Нижняя палата, по этому проекту, носитъ названіе «палаты мѣщанъ» (т. е. горожанъ, отъ польскаго *miasto* — городъ). Это

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ цифръ первоначально были иныя. Далѣе, зачеркнуто слѣдующее продолженіе списка: 5 вельможъ отъ Грузіи, 10—отъ вел. княжества Смоленскаго, 5—отъ государства Псковскаго, 5—отъ Малой Россіи, 5—отъ Бѣлой Россіи, 10—отъ Черной Россіи, или южной Польши, 20—отъ вел. княжества Нижегородскаго, 5—отъ вел. кн. Ярославскаго, 5—отъ вел. кн. Рязанскаго, 5—отъ вел. кн. Пермскаго.

²⁾ Подъ покровительствомъ кіевскихъ и волынскихъ вельможъ.

³⁾ Далѣе пояснено, что «русскіе рыцари» — «оберегатели конституціи», «вѣчная стража», «находящаяся въ распоряженіи парламента и зависящая отъ него».

⁴⁾ Кіева, Астрахани, Казани, Одессы, Новгорода и Ярославля. Эти депутаты должны были засѣдать въ палатѣ вельможъ, хотя бы они были и не дворяне.

названіе также подтверждаетъ наше предположеніе о составленіи разсматриваемаго проекта Новиковымъ: онъ, какъ житель Кіева, употребилъ тутъ слово «мѣщане» не въ великороссійскомъ смыслѣ низшаго класса городского населенія, а въ смыслѣ горожанъ вообще. «Такъ называемые мѣщане», сказано въ проектѣ, «должны составиться изъ депутатовъ городовъ», которые «могутъ быть избираемы» изъ дворянъ, духовныхъ лицъ, мѣщанъ, купцовъ всѣхъ гильдій, мастеровыхъ и «поселянъ». Каждый городъ долженъ избрать по три депутата: по одному дворянину, по одному купцу или духовному лицу и по одному ремесленнику или поселянину, а эти трое избираютъ четвертаго не изъ своей среды, все равно изъ какого сословія, который и является «народнымъ представителемъ». Авторъ проекта полагалъ, что такихъ представителей будетъ около 3.000 чел. О цenzѣ для участія въ выборѣ народныхъ представителей и для того, чтобы быть выбраннымъ въ палату мѣщанъ, не упоминается, но, какъ только что было указано, выборы предполагались не прямые, а двухстепенные, какъ это мы находимъ и въ «Русской Правдѣ» Пестеля. Есть еще слѣдующая оговорка на французскомъ языкѣ: «Духовенство не имѣетъ депутатовъ, такъ какъ это не государственное сословіе, а классъ служителей государства (*serviteurs de l'État*): они служатъ при алтаряхъ, какъ артиллеристъ при своей пушкѣ, какъ деревенскій мѣръ наблюдаетъ за чистотою улицъ и безопасностью населенія». Такимъ образомъ депутаты отъ духовенства не составляютъ особой палаты, какъ это было во французскихъ генеральныхъ штатахъ. Взгляды автора проекта на духовенство, какъ на служителей государства, напоминаютъ о такомъ же отношеніи Пестеля къ этому сословію.

Вельможи должны быть православнаго исповѣданія, такъ же какъ и депутаты рыцарства; но прочіе 400 дворянъ въ «камерѣ» вельможъ и народные представители въ нижней «камерѣ» могутъ быть католическаго, реформатскаго и лютеранскаго исповѣданій съ тѣмъ только, чтобы иновѣрцы были депутатами не отъ великороссійскихъ городовъ, а отъ тѣхъ, гдѣ ихъ исповѣданіе преобладаетъ: такимъ образомъ, отъ польскихъ городовъ можетъ быть депутатомъ католикъ или униатъ, а отъ остзейскихъ губерній—лютеранинъ.

Въ каждой палатѣ предсѣдательствуетъ избранный на одинъ годъ большинствомъ голосовъ посадникъ изъ числа вельможъ или «верховныхъ рыцарей». Одинъ изъ двухъ имперскихъ посадниковъ имѣетъ главное начальство надъ войсками, другой—судъ и расправу, подобно римскимъ консуламъ. Переизбраніе посадниковъ на слѣдующій годъ ни въ какомъ случаѣ не допу-

скается. Терминъ «посадникъ» встрѣчается также въ «Государственномъ Заветѣ» Пестеля (см. ниже)¹⁾.

Раздѣленіе Россіи по этому проекту на 8 царствъ, и кромѣ того царство Польское, Курляндію, Лифляндію, Финляндію и Грузію, нѣсколько напоминаетъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Авторъ наброска предлагаетъ также введеніе суда присяжныхъ. Войско, по его мнѣнію, должно быть трехъ родовъ: 1) «большая дѣйствующая армія», 2) «народная стража», или національная гвардія и 3) «вѣчевая стража», находящаяся въ распоряженіи парламента и зависящая непосредственно отъ него.

Послѣ изложенія устройства народнаго вѣча въ этомъ наброскѣ есть такая замѣтка, написанная частью по-русски, частью по-французски: «Конституція гишпанскихъ кортесовъ» (т. е. испанская конституція 1812 г.) «весьма мудро писана, но не вся годится для насъ!—и видите, любезный другъ, плачевный примѣръ того, что щадить Т. (тирановъ) значитъ приготавливать, ковать на себя оковы болѣе тяжелыя, чѣмъ тѣ, которыя хотять скинуть.—Что же кортесы! разосланы, распытаны, къ смерти приговариваемы, и кѣмъ же?—скотиною, которому они сохранили корону»²⁾.

Время составленія этого наброска точно не извѣстно, но (въ виду начала тяжелой болѣзни Дмитріева-Мамонова въ 1817 г.) можно думать, что онъ былъ написанъ не позднѣе этого времени.

IV.

Мы не будемъ останавливаться на преобразованіи Союза Спасенія въ Союзъ Благоденствія³⁾, на объявленіи въ 1821 г. этого союза прекратившимъ свое существованіе⁴⁾ и на образованіи Сѣвернаго и Южнаго обществъ, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, и приступимъ къ изложенію проекта конституціи, составленнаго однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей Сѣвернаго общества, Никитою Мих. Муравьевымъ.

Н. М. Муравьевъ, сынъ преподавателя имп. Александра I и

¹⁾ Въ излагаемой схемѣ мы не находимъ одной черты, указанной Пестелемъ относительно конституціи Новикова, а именно, что председатель „особаго сословія“, которому принадлежала верховная власть, имѣетъ два голоса. Но такъ какъ Новиковъ на словахъ сообщалъ Пестелю содержаніе своей конституціи, то могъ и забыть объ этомъ; во всякомъ случаѣ эта конституція—республиканская, какъ и конституція Новикова.

²⁾ Объ испанской конституціи 1812 г. и разогнаніи кортесовъ въ 1814 г. Фердинандомъ VII см. Baumgarten „Geschichte Spaniens vom Ausbruch der französischen Revolution“, Band. I—II; Трачевскій „Испанія XIX в.“, М., 1872 г., т. I.

³⁾ См. объ этомъ Пыпинъ „Обществен. движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 3-е, Спб., 1900 г.

⁴⁾ См. объ этомъ въ моей статьѣ о М. А. Фонъ-Визинѣ, стр. 29—36.

писателя Мих. Ник. Муравьева, родился въ 1796 г. и воспитывался первоначально дома, причемъ воспитателемъ его былъ, по свидѣтельству Вигеля, якобинецъ Магьеръ. «Добродѣтельный отецъ Муравьева», говоритъ Вигель, «былъ кроткій философъ и другъ свободы, котораго утопіи остались наслѣдіемъ его семейства; мать его была недовольна государемъ и вѣчно роптала на самодержавную власть;.. Магьеръ съ младенчества старался якобинизировать его. Никита Муравьевъ слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ и приобрѣлъ степень кандидата. 1812-й годъ возбудилъ въ немъ такой пламенный патріотизмъ, что 16-ти лѣтъ онъ поступилъ на военную службу и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ за границу и во вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ ¹⁾. Въ 1820 г. онъ вышелъ въ отставку, но въ слѣдующемъ году возвратился въ военную службу и дослужился до чина штабсъ-капитана гвардейскаго генеральнаго штаба.

Въ своемъ показаніи онъ отмѣтилъ, что «прокламаціи союзныхъ державъ въ 1813 г., предлагавшія народамъ Германіи представительное правленіе вмѣсто награды за ихъ усилія», впервые обратили его вниманіе на этотъ предметъ, а утвердила его въ этомъ направленіи рѣчь государя къ варшавскому сейму (въ 1818 г.), въ которой онъ «объявлялъ свое намѣреніе ввести представительное правленіе» въ Россіи. Однако, еще ранѣе того, на 22-мъ году жизни, Н. Муравьевъ сдѣлался членомъ Союза Спасенія, который окончательно организовался въ февралѣ 1817 г. Позднѣе онъ участвовалъ въ выработкѣ устава Союза Благоденствія, но составленная имъ часть оказалась несоотвѣтствующею другимъ частямъ, обработкою которыхъ занимались Мих. Ник. Муравьевъ и кн. Трубецкой, и трудъ Никиты Муравьева поручено было передѣлать Колошину.

Когда весною 1821 г. гвардія выступила въ походъ, Никита Мих. Муравьевъ былъ въ отставкѣ, но осенью онъ вновь вступилъ на службу и отправился въ главную квартиру гвардейскаго корпуса, находившуюся въ Минскѣ. Тамъ онъ началъ проектъ конституціи, но (какъ показалъ на слѣдствіи), не успѣлъ довести его до конца и принужденъ былъ уничтожить рукопись. Однако, въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого сохранилась списанная имъ копія этого первоначальнаго наброска, состоящая изъ 93 статей и замѣтокъ о томъ, что должно слѣдовать далѣе.

Вѣроятно послѣ того, какъ въ 1822 г. Никита Муравьевъ вмѣстѣ съ кн. Оболенскимъ и И. И. Пущинымъ составили думу

¹⁾ „Случай“ говоритъ Вигель, „свелъ его въ Парижъ съ Сіэсомъ“ (составителемъ французской конституціи 1795 г.) „и съ Грегуаромъ“ (бывшій епископъ и депутатъ въ конвентъ, издавшій въ 1814 г. сочиненіе о „такъ называемой сенатской конституціи“ этого года: „De la constitution française de l'an 1814“). Вигель „Записки“, ч. V, М. 1892, стр. 50.

Сѣвернаго общества, онъ вновь переработалъ свой проектъ, но также не успѣлъ довести его до конца. На слѣдствіи онъ показаль, что сжегъ его въ 1825 г. Муравьевъ сообщилъ, что, будучи въ Москвѣ, отдалъ одинъ списокъ своей конституціи Пущину, а передъ отѣздомъ изъ Петербурга далъ копию кн. Одоевскому: «конституція сія», поясняетъ Муравьевъ, «находилась нѣкоторое время у каждаго изъ главныхъ членовъ» общества (хотя и не была dokonчена). Пущинъ давалъ конституцію Муравьева Штейнгелю, а потомъ Кашкину, который показаль, что сжегъ рукопись послѣ 14 декабря¹⁾. Какъ бы то ни было, проектъ Никиты Муравьева во второй редакціи (которую слѣдственной комиссіи найти не удалось) сохранился и заключаетъ въ себѣ 134 статьи²⁾. На допросѣ Никита Муравьевъ согласился изложить свой проектъ конституціи, причемъ особенно подробно сообщилъ свои предположенія объ устройствѣ судебной части, которыя не вошли ни въ первую, ни во вторую редакцію проекта.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность подробно изложить конституціонныя идеи Никиты Муравьева. Кромѣ того, на поляхъ первыхъ двухъ редакцій проекта сохранилось не мало замѣчаній, сдѣланныхъ безъ сомнѣнія различными членами тайнаго общества, и есть еще особая записка неизвѣстнаго съ замѣчаніями на этотъ проектъ.

Первая редакція проекта Н. Муравьева носитъ такое заглавіе: «Предположеніе дѣла начертанія устава положительнаго образованія, когда Его Имп. В—ву благоугодно будетъ съ помощью Всевышняго учредить Славяно-Русскую имперію». Заглавіе это было написано, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность, если бы проектъ попался въ руки правительства, сослаться на намѣреніе самого государя ввести въ Россіи представительное правленіе и указать на свое желаніе содѣйствовать ему въ осуществленіи этого предположенія. Въ первой редакціи проекта есть «вступленіе», которое во второй отсутствуетъ; приводимъ его цѣликомъ:

«Опытъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ доказаль, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществъ, что она не согласна ни съ правилами святой вѣры нашей, ни съ началами здраваго разсудка; нельзя допустить основаніемъ правительства—произволь одного человѣка; невозможно согласиться,

¹⁾ Николай Бестужевъ получилъ проектъ конституціи Рылѣва и сообщаль его Торсону. По показанію Н. Бестужева, проектъ былъ „истребленъ“ потому, что (это) было только первое очертаніе главныхъ положеній, что дума, которая занимается симъ предметомъ, не перестаетъ дѣлать перемѣнъ и поправокъ“.

²⁾ За сообщеніе написанной рукой Рылѣва копій этой редакціи проекта и особой записки съ замѣчаніями на него приношу глубочайшую признательность В. Е. Якушкину.

чтобы всѣ права находились на одной сторонѣ, а всѣ обязанности— на другой. Слѣпое повиновеніе можетъ быть основано только на страхѣ и недостойно ни разумнаго повелителя, ни разумныхъ исполнителей. Ставя себя выше законовъ, государи забыли, что они въ такомъ случаѣ внѣ законовъ, внѣ человѣчества! что невозможно имъ ссылаться на законы, когда дѣло идетъ о другихъ, и не признавать ихъ бытіе, когда дѣло идетъ о нихъ самихъ. Одно изъ двухъ: или они справедливы,—тогда къ чему же не хотять и сами подчиняться онымъ, или они не справедливы,—тогда зачѣмъ хотять они подчинять имъ другихъ. Всѣ народы европейскіе достигаютъ законовъ и свободы. Болѣе всѣхъ ихъ народъ русскій заслуживаетъ и то, и другое.

«Но какой образъ правленія ему приличенъ? Народы малочисленные бываютъ обыкновенно добычею сосѣдей и не пользуются независимостью ¹⁾. Народы многочисленные пользуются внѣшнею независимостью, но обыкновенно страдаютъ отъ внутренняго утѣсненія и бываютъ въ рукахъ деспота орудіемъ притѣсненія и гибели сосѣднихъ народовъ.

«Обширность земель, многочисленное войско препятствуютъ однимъ быть свободнымъ; тѣ, которые не имѣютъ сихъ неудобствъ, страдаютъ отъ своего безсилія. *Федеральное или союзное правленіе* одно разрѣшило сію задачу, удовлетворило всѣмъ условіямъ и согласило *величіе народовъ и свободу гражданъ*.

«Подъ надзоромъ государя одно законодательное собраніе находится въ столицѣ и дѣлаетъ всѣ распоряженія общія, для всего государства; частныя распоряженія, касающіяся до областей, предоставлены областнымъ законодательнымъ собраніямъ, образованнымъ на подобіе *столичнаго*, и такимъ образомъ доставляется благосостояніе цѣлаго и частей».

Вторая, наиболѣе обширная редакція проекта Никиты Муравьева содержитъ въ себѣ 13 главъ: 1) о народѣ рускомъ и правленіи, 2) о гражданахъ, 3) о состояніи, личныхъ правахъ и обязанностяхъ русскихъ, 4) о Россіи, 5) о внутреннемъ устройствѣ— волостномъ и уѣздномъ, или повѣтовомъ, 6) о Народномъ Вѣчѣ, 7) о Палатѣ Представителей, о числѣ и выборѣ представителей, 8) о Думѣ верховной, 9) о власти и преимуществахъ Народнаго Вѣча и составленіи законовъ, 10) о верховной исполнительной власти, 11) о внутреннихъ властяхъ и правительствахъ державъ, 12) о правительствующей власти державъ, 13) объ исполнительной власти державъ ²⁾. Въ основу изложенія мы положимъ вторую редакцію

¹⁾ Такую же мысль мы встрѣчаемъ въ „Русской Правдѣ“ Пестеля.

²⁾ Въ первой редакціи первыя 5 главъ идутъ въ томъ же порядкѣ, а затѣмъ порядокъ измѣненъ.

проекта, отмѣчая лишь важнѣйшія разногласія съ нею первой редакціи.

Первая статья конституціи гласитъ: «Русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства». Въ первой редакціи на поляхъ есть отмѣтка: «изъ И. К.»; это означаетъ: изъ испанской конституціи. Дѣйствительно, во второмъ пунктѣ конституціи Испаніи 1812 г. сказано: «Испанскій народъ свободенъ и независимъ; онъ не есть и не можетъ быть собственностью какого либо семейства или лица¹⁾». Во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестеля (§ 10) также сказано: «Народъ російскій... составляетъ устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не можетъ чьею либо собственностью или принадлежностью». Первая статья конституціи Н. Муравьева вызвала слѣдующее замѣчаніе на поляхъ первой редакціи: «не должно быть и предположенія принадлежности». «Источникъ верховной власти», сказано во второй статьѣ, «есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя». Статья эта также представляетъ буквальный переводъ третьяго пункта той же испанской конституціи²⁾, при чемъ содержаніе этого пункта навѣяно объявленіемъ правъ человѣка и гражданина во Франціи (п. 3)³⁾.

Вторая глава конституціи Н. Муравьева говоритъ о «гражданахъ». «Гражданство есть право опредѣленнымъ въ семь Уставѣ порядкомъ участвовать въ общественномъ управленіи: посредственно, т. е. выборомъ чиновниковъ или избирателей; непосредственно, т. е. быть самому избираемымъ въ какое либо общественное званіе по законодательной, исполнительной или судебной власти». Выборы въ палату народныхъ представителей прямые, кромѣ крестьянъ, изъ числа которыхъ правами гражданства пользуются имѣющіе землю въ «общественномъ владѣніи», т. е. крестьяне «экономическіе» или государственные, удѣльные, вольные хлѣбопашцы и бывшіе военные поселяне. Для нихъ установлены двухстепенные выборы.

Чтобы быть гражданиномъ, необходимы слѣдующія условія:

¹⁾ *Baumgarten*, I, 521.

²⁾ *Baumgarten*, I, 529—530.

³⁾ *Елмичъ*. «Декларация правъ человѣка и гражданина», М., 1906 г., стр. 20; Кошкинъ «Тексты конституцій», Сбор. I, стр. 27—28. Третья статья первой редакціи: «Правленіе Россіи есть уставное» (т. е. конституціонное) «и союзное» (т. е. федеральное), во второй редакціи исключена. Тексты французскихъ конституцій можно найти въ слѣдующихъ изданіяхъ: L. Tripier, «Les constitutions françaises depuis 1789». P. 1848, Laferrière Les constitutions d'Europe et d'Amérique. P. 1869.

1) возраст не менѣе 21 года¹⁾, 2) «извѣстное и постоянное жительство»²⁾, 3) «здравіе ума», 4) «личная³⁾ независимость», 5) исправный платежъ общественныхъ повинностей, 6) «непорочность предъ лицомъ закона». Въ первой редакціи къ этому было прибавлено обладаніе имущественнымъ цензомъ: на 500 р. недвижимой собственности и 1000 р. сер. движимой. Во второй редакціи это было исключено, такъ какъ крестьяне, хотя и при двухстепенной системѣ, участвовали въ выборѣ народныхъ представителей безъ такого ценза. Для натурализаціи иностранца требуется жительство въ Россіи въ теченіи семи лѣтъ (по примѣру конституціи Соединенныхъ Штатовъ). Иностранецъ, не приобрѣвшій правъ гражданства, не могъ исполнять никакой «общественной» или военной должности, не могъ даже служить рядовымъ, не имѣлъ права приобретать землю. Н. Муравьевъ устанавливаетъ еще, хотя и черезъ извѣстное время, цензъ грамотности для пользованія правами гражданина: «Черезъ 20 лѣтъ по приведеніи въ исполненіе сего устава Россійской имперіи никто, не обучившійся русской грамотѣ, не можетъ быть признанъ гражданиномъ»⁴⁾. Въ числѣ причинъ, влекущихъ за собою временную утрату правъ гражданства, указано, по примѣру французской конституціи 1791 г., нахожденіе при комъ либо въ услуженіи. На основаніи этого далѣе постановлено, что придворные не могутъ ни избирать, ни быть избираемыми.

Глава третья проекта устанавливаетъ права и обязанности русскихъ людей. «Всѣ русскіе равны передъ закономъ»⁵⁾, при чемъ русскими считаются всѣ коренные жители Россіи и дѣти иностранцевъ, въ ней родившіяся и достигшія совершеннолѣтія, если они не заявятъ о нежеланіи быть русскими⁶⁾. Крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются⁷⁾.

Конституція Муравьева провозглашаетъ свободу устнаго и пе-

¹⁾ Французскія конституціи требовали: 1791 г.—25-лѣтняго возраста (*Кокошкинъ*, 31), 1793 г.—21-го (п. 4), также и конституція 1795 г. (п. 10); конституція Соединенныхъ Штатовъ—25 лѣтъ (*Брайсъ*, I, 485).

²⁾ Не указано срока жительства быть можетъ потому, что во франц. конституціи 1791 г. сказано: „въ теченіи опредѣленнаго закономъ срока“.

³⁾ Въ первой редакціи прибавлено: „и по имѣнію“.

⁴⁾ Требованіе грамотности вѣроятно заимствовано изъ французской конституціи 1795 г., по которой оно должно было войти въ силу черезъ 9 лѣтъ (п. 16).

⁵⁾ Вѣроятно навѣяна французскою деклараціею правъ (ст. 1). Однако далѣе было сказано, что „кочующія племена не имѣютъ правъ гражданскихъ“; имъ предоставлялось только право участвовать въ выборѣ волостныхъ старшинъ. Но мы увидимъ, что далеко не одни кочующіе инородцы не пользовались полными правами гражданства.

⁶⁾ Вѣроятно взято изъ французской конституціи 1791 г. (тит. II, п. 2).

⁷⁾ О постановленіяхъ въ конституціи Н. Муравьева относительно крестьянскаго вопроса см. въ моей статьѣ: „Крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“ въ сборн. „Крестьянскій строй“, 1905 г., т. I, стр. 219—223.

чатнаго слова. «Всякій имѣть право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя посредствомъ печати своимъ соотечественникамъ. Книги, подобно всѣмъ прочимъ дѣйствіямъ, подвержены обвиненію гражданъ предъ судомъ и подлежатъ суду присяжныхъ»¹⁾).

По примѣру французскаго законодательства, въ конституціи Н. Муравьева постановлено, что гильдіи въ купечествѣ и цехи въ ремеслахъ уничтожаются, и всякій имѣть право заниматься тѣмъ промысломъ, который онъ считаетъ болѣе выгоднымъ.

Конституція Муравьева устанавливаетъ судъ присяжныхъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Въ первой редакціи это выражено менѣе опредѣленно: «въ судахъ безопасность, жизнь и собственность обезпечиваются присяжными», но во второй редакціи развито подробнѣе: «всякая тяжба, въ которой дѣло идетъ о цѣнности, превышающей фунтъ чистаго серебра (25²⁾ рублей), поступаетъ на судъ присяжныхъ; всякое уголовное дѣло производится съ присяжными». «Подозрѣваемый въ злоумышленіи можетъ быть взятъ подъ стражу постановленными уставомъ властями и учрежденнымъ порядкомъ, но въ 24 часа (подъ отвѣтственностью тѣхъ, которые его задержали) должно ему объявить письменно о причинѣ его задержанія; въ противномъ случаѣ онъ немедленно освобождается». «Заключенный, если онъ не обвиненъ по уголовному дѣлу, немедленно освобождается, если найдется за него порука»³⁾. Подземелья и крѣпостные казематы и вообще всѣ, такъ называемыя, государственныя темницы уничтожаются; никто не можетъ быть заключенъ иначе, какъ въ назначенныхъ для этого «общественныхъ темницахъ». Обвиняемые не должны подвергаться заключенію въ однихъ мѣстахъ съ осужденными, заключенные за долги или за легкіе проступки—съ «преступниками и злодѣями». Муравьевъ требуетъ, чтобы тюремное начальство избиралось гражданами изъ «людей добросовѣстныхъ», которые отвѣчали бы за всякій противозаконный и безчеловѣчный поступокъ съ заключенными. «Нынѣшніе полицейскіе чиновники отрѣшаются и замѣняются по выборамъ жителей»⁴⁾).

Конституція Муравьева объявляла «право собственности, *заключающее въ себѣ однѣ вещи*», священнымъ и неприкосновеннымъ. Постановленіе это навѣяно деклараціею правъ (п. 17) съ прибавкою оговорки, имѣющей тотъ смыслъ, что, въ виду уничтоженія

¹⁾ Статья эта навѣяна французскою деклараціею правъ (п. 11) и французскою конституціею 1791 г. (тит. III, гл. V, п. 17 и 18).

²⁾ Далѣе цѣна фунта серебра опредѣлена въ 20 рублей.

³⁾ Три послѣднія статьи заимствованы вполнѣ или отчасти изъ французской конституціи 1791 г. (тит. III, гл. V, п. 9, 11, 12).

⁴⁾ Четырехъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи.

крѣпостного права и рабства, право собственности не можетъ распространяться на людей¹⁾.

Ненавидистныя народу и обществу военныя поселенія по конституціи Н. Муравьева немедленно уничтожаются, причемъ «поселенныя батальоны и эскадроны» съ родственниками рядовыхъ поступаютъ въ званіе «общихъ владѣльцевъ», т. е. уравниваются съ государственными и удѣльными крестьянами.

На основаніи постановленія, что всѣ русскіе равны передъ закономъ, всѣ чины и сословія уничтожаются: «Раздѣленіе людей на 14 классовъ отмѣняется. Гражданскіе чины, заимствованные у нѣмцевъ и ничѣмъ не отличающіеся между собою, уничтожаются сходственно съ древними постановленіями народа русскаго. Названія и сословія однодворцевъ, мѣщанъ, дворянъ, именитыхъ гражданъ замѣняются всѣ названіемъ гражданина или русскаго».

«Жалованье священно-служителямъ будетъ производиться и впредь»²⁾; они освобождаются отъ постоянной и подводной повинностей³⁾. При изложеніи своей конституціи, по требованію слѣдственной комиссіи, Н. Муравьевъ упомянулъ, какъ объ общемъ правилѣ, что «въ мирное время безденежный постой войскъ и взиманіе подводъ возбраняются».

Гильдіи и цехи уничтожаются, и граждане получаютъ право составлять всякаго рода общества и товарищества, не испрашивая о томъ ни у кого позволенія или утвержденія, лишь бы только ихъ дѣйствія не были противозаконны.

Согласно принципамъ англійской конституціи постановлялось, что «никакое нарушеніе закона не можетъ быть оправдано повелѣніемъ начальства. Сперва наказывается нарушитель закона, потомъ подписавшій противозаконное повелѣніе».

Конституція Н. Муравьева предоставляла гражданамъ и право петиціи: они «имѣютъ право обращаться со своими жалобами и желаніями къ народному вѣчу, къ императору и къ правительствующимъ сословіямъ державъ» (см. ниже)⁴⁾.

Устанавливалась также вѣротерпимость: «никто не можетъ быть беспокоимъ въ отправленіи своего богослуженія по совѣсти и чувствамъ своимъ, лишь бы только не нарушалъ законовъ природы и нравственности»⁵⁾.

¹⁾ Въ первой редакціи было далѣе сказано, что, земли принадлежащія церквамъ, „остаются навсегда за ними“, но во второй это было исключено.

²⁾ На этотъ пунктъ въ первой редакціи сдѣлано замѣчаніе: „жалованье получаютъ только городскіе, сельскіе же имѣютъ земли по 30 десятинъ на причтъ приходскій“.

³⁾ На поляхъ второй редакціи прибавлено: „отъ всѣхъ податей“.

⁴⁾ Трехъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи конституціи.

⁵⁾ Статья эта навѣяна французскою деклараціею правъ.

Свобода и правильность выборов охранялись слѣдующею статьею конституціи: «Всякій гражданинъ, который бы насиліемъ или подкупомъ нарушилъ свободный выборъ народныхъ представителей, предается суду¹⁾».

Изъ введенія къ первой редакціи конституціи мы уже видѣли, что Муравьевъ желалъ обратить Россію въ федерацію. Въ четвертой главѣ онъ устававливаетъ территориальное раздѣленіе Россіи «въ законодательномъ и исполнительномъ отношеніяхъ». Въ первой редакціи такихъ державъ (въ число ихъ царство Польское не входило) предполагалось 14 и двѣ области—Донская и Славянская, въ которой находилась столица всего государства Нижній-Новгородъ²⁾. Финляндія не составляла по первой редакціи отдѣльной державы. По второй редакціи Россія раздѣлялась на 13 державъ (при чемъ Финляндія составляла отдѣльную Ботническую державу) и двѣ области. Державы и области дѣлились на 569 уѣздовъ, или повѣтовъ, а тѣ раздѣлялись на волости отъ 500 до 1500 жителей м. п. Въ судебномъ отношеніи державы дѣлились на округа, равныя тогдашнимъ губерніямъ. Столицею, по второй редакціи, являлась, повидимому, Москва; по крайней мѣрѣ Муравьевъ назвалъ ее столицею при изложеніи своего проекта во время слѣдствія. Остзейскій край составлялъ Балтійскую державу со «столицею» Ригею, западный край—Западную державу со столицею Вильною, Кавказъ также образовалъ особую державу, Сибирь раздѣлялась на двѣ державы. На мысль о желательности введенія въ Россіи федеративнаго строя, безъ сомнѣнія, навела Н. Муравьева конституція Соединенныхъ Штатовъ, которою онъ вообще во многомъ руководился при составленіи своего проекта.

Административная власть въ уѣздѣ по конституціи Н. Муравьева принадлежитъ тысяцкому³⁾, который выбирается на одинъ годъ гражданами, имѣющими недвижимой собственности на 500 р. или движимой на 1.000 руб. «Тѣ, которые пользуются землями въ общественномъ владѣніи», т. е. перечисленные выше разряды крестьянъ, въ отличіе отъ лицъ, имѣющихъ права гражданства по имущественному цензу, пользуются не прямымъ избирательнымъ правомъ, а лишь двухстепеннымъ: не участвуя «каждый лично въ выборѣ тысяцкаго, *народныхъ представителей* и другихъ чиновниковъ»⁴⁾, они имѣютъ право всѣмъ обществомъ выбрать одного «избирателя» отъ 500 жителей мужского пола; избиратели какъ упол-

1) Двухъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи.

2) Этотъ городъ и по «Русской Правдѣ» Пестеля дѣялся столицею Россіи.

3) Въ своемъ показаніи во время слѣдствія Н. Муравьевъ пояснилъ, что тысяцкій—то же, что исправникъ.

4) Слово «чиновникъ» употреблялось тогда въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ теперь: чиновниками называли и офицеровъ.

номоченные отъ общества, подають голоса наравнѣ въ прочихъ гражданами ¹⁾. Впрочемъ, каждый изъ «общихъ владѣльцевъ», имѣющій указанный выше имущественный цензъ, участвуетъ въ выборахъ непосредственно и зато не избираетъ уполномоченнаго отъ общества.

Чтобы имѣть право быть выбраннымъ въ тысяцкіе, нужно обладать очень крупнымъ имущественнымъ цензомъ, а именно 30.000 руб. въ недвижимомъ имѣніи, или 60.000 руб. въ движимомъ ²⁾. Въ число обязанностей тысяцкаго входитъ созывъ гражданъ для выбора народныхъ представителей, выборныхъ членовъ думъ державныхъ и проч. и предсѣдательство въ выборныхъ собраніяхъ.

Тысяцкій былъ также обязанъ составлять списки гражданъ, имѣющихъ движимое и недвижимое имущество извѣстной цѣнности. Относительно раздѣленія гражданъ на разряды, первая и вторая редакція проекта Н. Муравьева значительно различаются. Въ первой редакціи сказано, что тысяцкій «дѣлаетъ исчисленіе всѣхъ тѣхъ, которые въ уѣздѣ пользуются правами гражданства, и раздѣляетъ ихъ на четыре списка»: 1) Гражданъ, имѣющихъ на 500 руб. с. недвижимаго имущества или на 1.000 руб. движимаго; они могутъ быть присяжными и избирателями. 2) Имѣющихъ на 2.000 руб. с. недвижимаго или на 4000 движимаго имущества; они могутъ кромѣ того быть *народными представителями и членами палаты выборныхъ державныхъ законодательныхъ собраній*. 3) Имѣющихъ на 15.000 руб. с. недвижимаго или на 30.000 движимаго имущества; они могли кромѣ того быть выбраны въ члены державныхъ думъ и въ члены судовъ. 4) Наконецъ, имѣющихъ на 30.000 руб. с. недвижимаго или на 60.000 движимаго имущества; они имѣли право быть выбранными кромѣ того въ члены верховной думы, въ правители державъ, въ намѣстники правителей державъ, въ совѣтники и тысяцкіе.

По второй редакціи проекта Н. Муравьева тысяцкій составляетъ два списка гражданъ уѣзда, которые владѣютъ имуществомъ слѣдующаго размѣра: 1) владѣющіе недвижимымъ имуществомъ на 250 фунтовъ серебра (5.000 руб. с.) или движимымъ на 500 фунтовъ (10.000 руб. с.) могутъ быть присяжными и избирателями; 2) владѣющіе недвижимымъ имуществомъ на 1.500 фун. серебра (30.000 руб. с.) или движимымъ на 3.000 фун. (60.000 руб.) могутъ

¹⁾ Въ первой редакціи не указанъ размѣръ ценза, необходимаго для участія въ выборахъ тысяцкаго, но пользующіеся землями „въ общественномъ владѣніи“ также устранили отъ прямого участія въ выборахъ тысяцкаго и народныхъ представителей. Это вызвало слѣдующее замѣчаніе: „неравенство правъ и слѣдовательно различіе состоянія“.

²⁾ Такъ какъ дѣлались указанія на слишкомъ высокій цензъ для тысяцкаго, то, при изложеніи своего проекта для слѣдственной комиссіи, Н. Муравьевъ понизилъ его вдвое.

быть кромѣ того избраны въ члены верховной думы, правители державъ, намѣстники державныхъ правителей, тысяцкіе, члены державныхъ думъ и судовъ и члены совѣтовъ въ державахъ¹⁾. Это постановленіе второй редакціи вызвало замѣчаніе одного изъ читателей проекта: «почему богатство только опредѣляетъ достоинство правителей? Это несогласно съ законами нравственными». Во второй редакціи конституціи Н. Муравьева не установлено имущественнаго ценза для того, чтобы быть народнымъ представителемъ въ палатѣ представителей народного вѣча и въ державныхъ палатахъ выборныхъ. Имущественный цензъ для того, чтобы лично быть избирателемъ народного представителя, повышенъ сравнительно съ первою редакціею въ 10 разъ. И по второй редакціи его конституціи, даже въ двухстепенныхъ выборахъ, участвуютъ только крестьяне государственные, удѣльные, вольные хлѣбопашцы и бывшіе военные поселяне. Крѣпостное право, какъ мы знаемъ, уничтожается, однако бывшіе крѣпостные участія въ выборахъ, хотя бы и чрезъ своихъ уполномоченныхъ, не имѣютъ. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что по второй редакціи конституціи крѣпостные получали при освобожденіи только дома и огороды и слѣдовательно не имѣли земли «въ общественномъ владѣніи»; лишь въ изложеніи своей конституціи, сдѣланномъ по требованію слѣдственной комиссіи, Н. Муравьевъ предлагаетъ надѣленіе крестьянъ землею по 2 десятины на дворъ. Какъ бы то ни было, крестьянское населеніе, хотя бы и въ неполномъ составѣ, но болѣе половины его, привлекалось къ участию въ выборахъ народныхъ представителей²⁾. Напротивъ, изъ городского населенія могли участвовать въ выборахъ лишь располагающіе имущественнымъ цензомъ въ указанномъ размѣрѣ, но зато эти выборы были прямые. Такимъ образомъ по конституціи Н. Муравьева оставалась еще весьма значительная часть сельскаго и городского населенія, не пользовавшаяся правами гражданства.

«Народное вѣче, состоящее изъ верховной думы и палаты народныхъ представителей», сказано въ конституціи Н. Муравьева, «облечено всею законодательною властью»³⁾, однако, какъ мы уви-

¹⁾ Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ было менѣе 20 лицъ, имѣющихъ недвижимаго имущества на 30.000 руб. и движимаго на 60.000, дозволялось выбирать на тѣ мѣста, для которыхъ требовался такой имущественный цензъ, и лицъ, приближающихся по своему имуществу къ требуемому состоянію. Всѣ списки должны были быть напечатаны и обнародованы.

²⁾ Ср. *Кеппенъ*. „Девятая ревизія. Исслѣдованіе о числѣ жителей Россіи въ 1851 г.“ СПб. 1857 г. стр. 215—216, стр. 199—200.

³⁾ Вѣроятно заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (*Брайсъ*, I, 486), „Народное вѣче“ конституціи Н. Муравьева вообще соотвѣтствуетъ конгрессу конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

димъ ниже, оно не могло издавать «конституціонныхъ законовъ», т. е. измѣнять конституцію, и кромѣ того всякое предложеніе, принятое верховною думою и палатою представителей, нуждалось въ одобреніи императора.

Члены палаты представителей избираются на два года ¹⁾ гражданами державъ изъ лицъ, живущихъ въ это время въ державѣ, по одному представителю на каждые 50.000 жителей муж. пола, не принимая въ расчетъ кочующихъ племенъ ²⁾. На первые годы было опредѣлено избирать 450 представителей. Если «въ представительствѣ какой либо державы откроются мѣста» (вакансіи), то исполнительная власть державы немедленно созываетъ избирателей для дополнительныхъ выборовъ. Палата представителей сама избираетъ своего предсѣдателя; она одна имѣетъ право предавать суду сановниковъ имперіи ³⁾.

Верховная дума, т. е. верхняя палата народнаго вѣща, состоитъ изъ 3 гражданъ отъ каждой державы, 2 отъ Московской области и одного гражданина отъ Донской области—всего 42 члена ⁴⁾, которые выбираются не прямыми выборами, а «правительственными сословіями державъ и областей», т. е. палатою выборныхъ и державною думою въ соединенномъ засѣданіи ⁵⁾. Немедленно по прибытіи въ столицу членовъ верховной думы они раздѣляются на 3 разряда, по возможности равные, и треть всей думы обновляется каждые два года новымъ избраніемъ. Если же въ продолженіе двухъ лѣтъ откроются «мѣста» смертю членовъ или ихъ увольненіемъ, то исполнительная власть державъ дѣлаетъ временное назначеніе (если бы это случилось въ такое время, когда «правительственное собраніе» державы распушено), пока это собраніе не сдѣлаетъ окончательнаго назначенія ⁶⁾.

Для того, чтобы быть членомъ верховной думы, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ, 9 лѣтъ быть гражданиномъ Россіи и жить во время выборовъ въ соответственной державѣ. Эти условія, какъ и многое другое, заимствованы изъ конституціи Сѣверо-Американ-

¹⁾ Такой же срокъ установленъ въ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и во французской конституціи 1791 г. (тит. III, гл. I, п. 2).

²⁾ Въ 1810 г. при выборахъ въ кортесы въ Испаніи также выбирался одинъ депутатъ на 50.000 жит. (*Трчевскій*, I, 170), по конституціи Сѣв.-Америк. Штатовъ 1 на 30.000, по франц. конституціи 1793 г. 1 на 40.000 жителей.

³⁾ Заимствовано изъ конституціи Сѣв.-Американскихъ Штатовъ.

⁴⁾ По конституціи Сѣв.-Американскихъ Штатовъ сенатъ состоитъ изъ двухъ сенаторовъ отъ каждого штата, выбранныхъ законодательными собраніями этихъ штатовъ.

⁵⁾ Въ показаніи во время слѣдствія Никита Муравьевъ говоритъ о 45 членахъ верховной думы, по 3 отъ каждой „области“ (онъ вѣроятно не хотѣлъ употребить здѣсь слово „державы“).

⁶⁾ Статья эта буквально заимствована изъ конституціи Сѣв.-Американскихъ Штатовъ.

скихъ Штатовъ, причемъ «держава» вездѣ соотвѣтствуетъ штату. Дальнѣйшее условіе—требованіе имущественнаго ценза—прибавлено самимъ Н. Муравьевымъ: для избранія въ члены верховной думы нужно было имѣть недвижимаго имущества на 1.500 фунтовъ чистаго серебра (30.000 руб.) или движимаго на 3.000 фунтовъ (60.000 р.). Въ первой редакціи конституціи цензъ для избранія въ члены верховной думы предполагалось назначить вчетверо болѣе. «Дума избираетъ сама своего предсѣдателя, намѣстника предсѣдателя и прочихъ своихъ чиновниковъ. Предсѣдатель наблюдаетъ за порядкомъ разсужденій, но не имѣетъ голоса»... Какой-то читатель проекта выразилъ по этому поводу свое недоумѣніе: «за что лишитъ силы ума достойнаго человѣка, избраннаго думою?» Это объясняется тѣмъ, что по сѣверо-американской конституціи вице-президентъ Соединенныхъ Штатовъ, который долженъ быть предсѣдателемъ сената, не имѣетъ права голоса, за исключеніемъ того случая, когда голоса сенаторовъ раздѣлятся поровну.

Верховной думѣ принадлежитъ право суда надъ министрами, верховными судьями и всѣми прочими сановниками имперіи по обвиненію, возбужденному народными представителями, причемъ обвиненіе должно быть постановлено большинствомъ не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ присутствующихъ членовъ. Дума не назначаетъ наказанія, а только объявляетъ подсудимаго виновнымъ и лишаетъ его занимаемаго имъ мѣста и званія. Судъ надъ виновнымъ совершается обыкновенно судебнымъ порядкомъ съ присяжными по письменному обвиненію, предъявленному верховнымъ блюстителемъ (генераль-прокуроромъ), который подвергается судебной отвѣтственности, если обвиненіе окажется несправедливымъ. «Изобличенный судомъ государственный сановникъ подвергается казни, опредѣленной законами».

«Дума участвуетъ вмѣстѣ съ императоромъ въ заключеніи мира, въ назначеніи судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ, главнокомандующихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, корпусныхъ командировъ, начальниковъ эскадръ и верховнаго блюстителя». Дѣла эти рѣшаются большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ ¹⁾).

При составленіи той главы своего проекта, въ которой разсматриваются права и преимущества народнаго вѣча, Н. Муравьевъ сильно пользовался конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

¹⁾ Вся эта статья до известной степени навѣяна конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. *Брайсъ*, I, 487, 493.

Народное вѣче собирается, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, въ первый вторникъ декабры мѣсяца, пока законъ не установитъ другого срока ¹⁾. Повѣрку правильности выборовъ производятъ сами палаты. Каждая изъ нихъ можетъ наказать своихъ членовъ за ихъ непристойное поведеніе и преступленія, но отнюдь не за ихъ мнѣнія; она можетъ исключить ихъ изъ своей среды лишь по постановленію не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ. «Ни въ какомъ случаѣ, кромѣ измѣны, преступленія и нарушенія общественнаго порядка нельзя брать подъ стражу членовъ народнаго вѣча ни во время засѣданій, ни на пути ихъ въ столицу, ни во время возвращенія ихъ. Нигдѣ нельзя ихъ тревожить за то, что они говорили каждый въ своей палатѣ, и никто не вправе требовать отъ нихъ объясненія рѣчей ²⁾. Членъ палаты, уличенный въ преступленія, до приговора судебного исключается своею палатою».

Засѣданія обѣихъ палатъ публичны, но по предложенію императора и извѣстнаго числа членовъ (въ палатѣ представителей—50, а въ верховной думѣ—5) засѣданіе объявляется закрытымъ ³⁾. Женщины и несовершеннолѣтніе до 17-лѣтняго возраста на засѣданія обѣихъ палатъ не допускаются. Каждая палата ведетъ дневныя записки своихъ засѣданій и отъ времени до времени печатаетъ ихъ, исключивъ изъ нихъ то, что рѣшено оставить въ тайнѣ. Мнѣнія членовъ каждой палаты за или противъ какого либо предложенія должны быть записаны въ журналъ по требованію $\frac{1}{5}$ части присутствующихъ членовъ. Члены верховной думы и представители получаютъ за каждый день, въ который они присутствовали въ засѣданіи, вознагражденіе, равное 21 золотнику чистаго серебра (5 р. с.). За каждыя 100 верстъ, которыя они проѣзжали отъ своего мѣстожителства и обратно, они получаютъ вознагражденіе, равное 43 зол. сер. (10 р. с.). Опредѣленіе размѣра имущественнаго ценза и денежнаго вознагражденія серебромъ извѣстнаго вѣса объясняется большими измѣненіями курса нашихъ денегъ въ царствованіе Александра I.

Лица, находящіяся на общественной службѣ, не могутъ быть членами ни той, ни другой палаты, пока занимаютъ свою должность, а также въ продолженіи того времени, на которое они

¹⁾ Заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Америк. Штатовъ съ замѣною конгресса народнымъ вѣчемъ и понедѣльника вторникомъ, очевидно для избѣжанія тяжелаго дня.

²⁾ Прибавлено карандашомъ: „тамъ произнесенныхъ“. Все это заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

³⁾ Въ изложеніи своей конституціи, сдѣланномъ во время слѣдствія, Н. Муравьевъ прибавилъ: „Когда дума разсуждаетъ о дипломатическихъ сношеніяхъ и трактатахъ, то ея засѣданія всегда должны быть тайныя“.

избраны, не могут быть назначены ни на какую гражданскую должность, которая была учреждена въ то время ¹⁾).

Всякое измѣненіе налоговъ или наборъ ратниковъ обсуждается прежде въ палатѣ представителей, и тѣ измѣненія, которыя въ «предложеніяхъ» (т. е. билляхъ) по этому предмету сдѣлаетъ дума, должны быть допущены палатою представителей ²⁾. Всякій проектъ закона ³⁾ прочитывается три раза въ каждой палатѣ. Между двумя чтеніями должно пройти по крайней мѣрѣ 3 дня; послѣ каждого чтенія происходятъ разсужденія. Послѣ перваго чтенія проектъ закона печатается и раздается всѣмъ присутствующимъ членамъ.

Всякое «предложеніе», принятое думою и палатою представителей, нуждается еще въ одобреніи императора, чтобы получить силу закона. Если императоръ не одобритъ его, то отсылаетъ со своими замѣчаніями въ ту палату, въ которую оно сначала поступило. Если обѣ палаты большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ вновь примутъ предложеніе, то оно становится закономъ. Если императоръ, по прошествіи 10 дней, не возвратитъ представленнаго ему проекта, то послѣдній получаетъ силу закона, за исключеніемъ того случая, когда вѣче въ это время отсрочить свои засѣданія ⁴⁾. Проектъ, отвергнутый одного изъ палатъ, можетъ быть вновь представленъ только въ слѣдующій «сѣздъ» народнаго вѣча.

Права народнаго вѣча очень широки; оно можетъ постановлять слѣдующіе законы: 1) Издавать уложеніе гражданское, уголовное, торговое и военное, учрежденія по благотчинію и правила судопроизводства и внутренняго управленія присутственныхъ мѣстъ. 2) Въ случаѣ нашествія непріятеля или возмущенія объявлять ту или другую область на военномъ положеніи. 3) Обнародовать законъ о всепрощеніи. 4) Распускать правительственныя собранія державъ, еслибы они превысили предѣлы своей власти, и назначать новые выборы. 5) Объявлять войну ⁵⁾. 6) Издавать законы относительно сухопутныхъ и морскихъ войскъ, укрѣпленія границъ, набора и внутренней стражи (т. е. милиціи). 7) Устанавливать налоги, дѣлать займы, повѣрять расходы, однимъ словомъ, принимать всѣ финансовыя мѣры. Бюджетъ не можетъ быть утвержденъ болѣе, чѣмъ на два года. 8) Принимать мѣры относительно

¹⁾ Эти статьи заимствованы изъ Сѣверо-Американской конституціи.

²⁾ Постановленіе относительно предложеній (т. е. биллей) о налогахъ заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Американ. Штатовъ.

³⁾ Въ изложеніи для слѣдственной комиссіи сказано: „Власть предлагать законы имѣютъ министры и члены обѣихъ палатъ. Законъ принимается или отвергается большинствомъ голосовъ“.

⁴⁾ Заимствовано изъ Сѣверо-Америк. конституціи съ замѣною правъ президента правами императора.

⁵⁾ Въ изложеніи для слѣдственной комиссіи прибавлено: „по предложенію министровъ“.

промышленности и народнаго богатства, почтъ, путей сообщенія и учрежденія банковъ. 9) Покровительствовать наукамъ и искусствамъ, устанавливать право литературной собственности и привилегіи для изобрѣтателей ¹⁾. 10) Устанавливать порядокъ службы гражданскихъ чиновниковъ во всѣхъ отрасляхъ управленія. 11) Устанавливать регентство вслѣдствіе «тѣлесной или нравственной» болѣзни императора, его кончины или отреченія, или провозглашать совершеннолѣтняго наслѣдника престола императоромъ. 12) Избирать правителей державъ изъ списковъ кандидатовъ, составленныхъ правительствующими собраніями державъ.

Какъ и американскій конгрессъ, народное вѣче не имѣетъ права ни устанавливать «новые конституціонные законы ²⁾», ни отмѣнять существующіе». «Право измѣнить Уставъ» (т. е. конституцію) «или избрать другое поколѣніе на царство принадлежитъ народному и державному соборамъ ³⁾», а не народному вѣчу.

Народное вѣче опредѣляетъ общіе налоги и расходы, предоставляя изданіе распоряженій, касающихся отдѣльныхъ мѣстностей, правительствующимъ собраніямъ державъ. До будущихъ установленій народнаго вѣча, подати остаются прежнія, за исключеніемъ того, что 1) мѣщане платятъ подушную подать въ размѣрѣ не большемъ, чѣмъ экономическіе и другіе крестьяне ⁴⁾; 2) уплатѣ этой подати подлежатъ только имѣющіе отъ 17 до 60 лѣтъ; 3) подушная подать распространяется на всѣхъ гражданъ, такъ какъ всѣ равны передъ закономъ и обязаны нести однѣ и тѣ же повинности. Отъ времени до времени народное вѣче обнародываетъ подробный отчетъ о приходахъ и расходахъ.

Въ главѣ объ общихъ правахъ Н. Муравьевъ устанавливаетъ вѣротерпимость; въ отдѣлѣ о правахъ вѣча онъ говоритъ уже о полной свободѣ совѣсти: «Народное вѣче не имѣетъ власти ни постановлять, ни запрещать какое либо вѣроисповѣданіе или *расколъ*. Вѣра, совѣсть и мнѣнія гражданъ, пока оныя не обнаруживаются противозаконными дѣйствіями, не подлежатъ власти народнаго вѣча. Но расколъ, основанный на развратѣ или на дѣйствіяхъ противоестественныхъ, преслѣдуется на основаніи общихъ постановленій». Свобода слова и печати также подтверждена пра-

¹⁾ Пункты 5—9 заимствованы Съездо-Американ. конституціею. Конституція Н. Муравьева предоставляетъ народному вѣчу титулъ его величества.

²⁾ Курсивъ подлинника.

³⁾ Въ изложеніи для слѣдственной комиссіи добавлено: „на сей единственно предметъ собираемыя“.

⁴⁾ Авторъ замѣчанія на поляхъ считаетъ болѣе уравнительнымъ обложеніе мѣщанъ промысловымъ налогомъ.

виломъ, что «народное вѣче не имѣетъ власти нарушать свободы рѣчей и книгопечатанія». «Народное вѣче не разсуждаетъ въ присутствіи императора, и въ то время не собираютъ голосовъ ¹⁾. На рѣчь императора предсѣдатели должны отвѣчать, что народное вѣче займется предлагаемыми ему предметами».

Права императора, который «есть верховный чиновникъ Россійскаго правительства», опредѣлены въ главныхъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: 1) Власть его наслѣдственна по прямой линіи отъ отца къ сыну ²⁾. 2) «Онъ верховный начальникъ сухопутной и морской силы» ³⁾. 3) «Онъ верховный начальникъ всякаго отдѣленія земскихъ войскъ, поступающаго въ дѣйствительную службу имперіи». 4) Онъ ведетъ переговоры съ иностранными державами и заключаетъ мирные трактаты съ совѣта и согласія верховной думы, но не можетъ безъ согласія народнаго вѣча включать въ нихъ условія о нападеніи на какую либо страну и не можетъ уступить никакого участка земель, принадлежащихъ Россіи. 5) Назначаетъ посланниковъ и консуловъ, а также чиновниковъ, о которыхъ не упоминается въ этомъ Уставѣ. 6) Назначаетъ судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ съ совѣта и согласія верховной думы. 7) Временно, до окончанія ближайшаго съѣзда думы, замѣщаетъ всѣ мѣста, сдѣлавшіяся свободными въ то время, когда народное вѣче было распущено. 8) Назначаетъ главъ приказовъ (т. е. министерствъ)—казначейскаго (министерства финансовъ), сухопутныхъ силъ (военнаго), морскихъ силъ (морского) и внѣшнихъ сношеній. 9) Доставляетъ народному вѣчу свѣдѣнія о состояніи Россіи и предлагаетъ на его обсужденіе принятіе мѣръ, которыя считаетъ необходимыми. 10) Имѣетъ право созывать обѣ палаты. 11) «Не можетъ употреблять войска» внутри «Россіи въ случаѣ возмущенія, не сдѣлавъ о томъ предложенія народному вѣчу, которое немедленно обязано удостовѣриться посредствомъ слѣдствія въ необходимости военнаго положенія». 12) Если бы обѣ палаты не пришли къ соглашенію относительно времени отсрочки ихъ засѣданій, то

¹⁾ Заимствовано изъ французской конституціи 1791 г. (тит. III, гл. III, отд. IV, п. 8).

²⁾ Далѣе, въ этомъ пунктѣ сказано: „но отъ тестя она переходитъ къ зятю“. Вѣроятно, тутъ опска и слѣдуетъ читать: „отъ тестя она не переходитъ къ зятю“, такъ какъ далѣе говорится, что „женщины не наслѣдуютъ императорской власти“ (заимствовано изъ французской конституціи 1791 г.), „и не доставляютъ никому на оную права посредствомъ брака: общество людей свободныхъ не есть отчина и не можетъ служить вѣномъ. Императорское званіе учреждено наслѣдственнымъ для удобства, а не потому, чтобы оно было въ самомъ дѣлѣ семейственнымъ достояніемъ. Итакъ, по пресѣченіи мужескаго поколѣнія, народъ учреждаетъ видъ правленія или приступитъ къ избранію другого семейства. Право сіе было провозглашаемо и признано даже тѣми императорами россійскими, которые почитали себя источниками всякой власти и слѣдовательно не предполагали никакой власти въ народѣ“.

³⁾ Противъ этого пункта написано карандашомъ, но потомъ зачеркнуто: „худо вѣрять такую силу такому человѣку, съ которымъ надобно быть въ безпрестанной борьбѣ“.

можетъ отложить ихъ, но не болѣе какъ на 3 мѣсяца. 13) Имѣть титулъ его императорскаго величества, но выраженія: «именное повелѣніе, высочайшее соизволеніе, быть посему» и т. п. уничтожаются, какъ «неприличныя и неимѣющія никакого значенія въ землѣ благоустроенной». 14) При вступленіи въ правленіе приносить посреди народнаго вѣча присягу въ томъ, что будетъ сохранять и защищать конституцію ¹⁾).

«Кабинетъ ²⁾ уничтожается; ясакъ сибирскихъ инородцевъ и всѣ, такъ называемыя, регалии поступаютъ въ общественное казначейство, но императоръ получаетъ на содержаніе свое и своего семейства ежегодно изъ общественнаго казначейства сумму, равную» 2.000.000 р. с., въ которой онъ никому не обязанъ давать отчета. Члены императорскаго семейства не отличаются отъ частныхъ лицъ и не пользуются никакими правами и преимуществами. «Такъ называемый, дворъ не можетъ имѣть существованія, признаннаго законами, въ землѣ, благоустроенной». Поэтому императоръ можетъ имѣть лицъ, носящихъ придворное званіе, но они не считаются на общественной службѣ и не получаютъ никакого вознагражденія изъ общественнаго казначейства, а императоръ можетъ давать имъ жалованье изъ денегъ, ему отпускаемыхъ ³⁾. Сверхъ того придворные лишаются «правъ гражданства, т. е. права избирать и преимущества быть избраннымъ въ общественную должность» на то время, пока они такимъ образомъ находятся въ «частномъ услуженіи».

Русское общество сильно негодовало на частыя поѣздки императора Александра I за границу. Гр. С. Р. Воронцовъ еще въ 1802 г., по поводу путешествія государя въ Пруссію, въ бесѣдѣ съ гр. П. А. Строгановымъ, сказалъ: «Послѣдній изъ нашихъ подданныхъ знаетъ, что всѣ государи пріѣзжали къ покойной императрицѣ, а теперь русскій императоръ ѣдетъ къ другимъ государямъ». Затѣмъ Воронцовъ прибавилъ: «лучше, чѣмъ скакать по большимъ дорогамъ, онъ употребилъ бы свое время на изученіе тѣхъ полезныхъ преобразованій, какія нужно произвести» ⁴⁾. Но «скачка» имп. Александра I по большимъ дорогамъ продолжалась во все его царствованіе, и мысль о вредѣ ея для государства проникла и въ средніе классы: на эту тему открыто

¹⁾ Многіе пункты относительно правъ и обязанностей императора составляютъ сколонъ съ постановленій о президентѣ Соединенныхъ Штатовъ.

²⁾ Учрежденіе, зачисляемое собственностью государя и принадлежащее теперь къ министерству двора.

³⁾ Это постановленіе вѣроятно навѣяно правиломъ французской конституціи 1791 г., что король можетъ нѣтъ наемную стражу, но „оплачиваемую изъ средствъ гражданскаго листа“. (Тит. III, гл. II, секц. I, п. 12).

⁴⁾ *Вел. Князь Николай Михайловичъ*. „Гр. П. А. Строгановъ“, II, 276.

разсуждали въ началѣ 1820-хъ годовъ купцы гостинаго двора. Поэтому Н. Муравьевъ, желая положить предѣлъ этимъ вѣчнымъ разбѣздамъ, подробно мотивировалъ запрещеніе императору покидать свое отечество. Одною изъ причинъ этого запрещенія было то, что «въ отдаленіи изъ отечества императоръ можетъ слѣдовать внушеніямъ иностранныхъ завистниковъ и сдѣлаться орудіемъ ихъ злоумышленій» (вѣроятно, намекъ на пагубное вліяніе Меттерниха на имп. Александра I)¹⁾. Выѣздъ императора изъ Россіи долженъ былъ считаться оставленіемъ ея навсегда и отреченіемъ отъ своего званія²⁾.

Безуміе имп. Павла заставило Н. Муравьева установить въ своей конституціи правила о регентствѣ. Если министры объявятъ о тѣлесной или «нравственной неспособности» императора, и она будетъ признана народнымъ вѣчемъ, его наслѣдникъ, достигшій совершеннолѣтія (18 лѣтъ), занимаетъ мѣсто временнаго правителя (регента), если это временный недугъ, и мѣсто императора, если нѣтъ надежды на выздоровленіе. Если же наслѣдникъ несовершеннолѣтенъ, то мѣсто «правителя Россіи» занимаетъ председатель верховной думы, уступая свое прежнее званіе намѣстнику. Затѣмъ, черезъ каждые 4 года, избирается новый правитель: первый разъ думою изъ палаты представителей, во второй—палатою представителей изъ среды верховной думы, и такъ до совершеннолѣтія наслѣдника. Если бы болѣзненный припадокъ или кончина императора случились въ такое время, когда народное вѣче распущено, то главы приказовъ обязаны, подъ своею отвѣтственностью, созвать немедленно обѣ палаты или, по крайней мѣрѣ, верховную думу.

Императоръ подписываетъ только мирныя трактаты, отчеты о состояніи Россіи, представляемые народному вѣчу, предложенія законовъ, грамоты посланникамъ и чиновникамъ и законы, утвержденные народнымъ вѣчемъ. Всѣ остальные бумаги подписываютъ главы приказовъ, каждый по своей части, а иногда всѣ вмѣстѣ, когда дѣло идетъ о постановленіи общемъ для всѣхъ, или когда они подаютъ свое мнѣніе вѣчу. Всѣ гражданскіе чиновники, главы приказовъ, временный правитель и проч. могутъ быть лишены

1) Читатель, видимо сочувствовавшій этому постановленію и безъ сомнѣнія имѣвшій въ виду то, что русскія арміи выходили при имп. Александрѣ I изъ предѣловъ Россіи, сдѣлалъ такой выводъ изъ приведеннаго постановленія: „слѣдственно императоръ не можетъ быть главнымъ начальникомъ“ войска.

2) Запрещеніе императору выѣзжать за предѣлы государства могло быть заимствовано изъ испанской конституціи. *Гервинусъ*, „Исторія XIX вѣка“, т. II, 1863 г., стр. 112. Во французской конституціи 1791 г. сказано: „еслибы король, выѣхавъ изъ королевства, не вернулся въ него послѣ приглашенія законодательнаго корпуса въ опредѣленный въ прокламаціи срокъ, который не можетъ быть менѣе 2 мѣсяцевъ, онъ считается отречшимся отъ престола“ (тит. III, гл. II, отд. I, п. 7).

своихъ должностей, если, вслѣдствіе обвиненія палатою представителей, они будутъ уличены думою въ измѣнѣ, расхищеніи общественной казны или какомъ нибудь преступленіи, или если окажутся неспособными къ исполненію своей должности ¹⁾. При изложеніи правъ и обязанностей русскихъ людей Муравьевъ уже установилъ правило, что никто не можетъ оправдываться приказаніемъ начальства: «сперва наказывается нарушитель закона, потомъ подписавшій противозаконное повелѣніе». Далѣе это общее правило примѣняется ко всѣмъ «чиновникамъ исполнительной власти», такъ какъ «въ гражданскомъ быту слѣпое повиновеніе не можетъ быть допущено». «Императоръ не подлежитъ сужденію; если же онъ лично совершитъ какое либо преступленіе, за которое никто другой не подлежитъ отвѣтственности», то народное вѣче приписываетъ это нравственному недугу и учреждаетъ посредствомъ особаго закона регентство.

Переходя къ установленію «внутреннихъ властей» и «правительствъ» державъ, Н. Муравьевъ говоритъ, что «правительство каждой державы состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга властей, но содѣйствующихъ къ одной цѣли, а именно *правительствующей*, ²⁾ исполнительной и судной».

Правительствующая власть каждой державы поручена правительствующему собранію, которое, какъ и народное вѣче, состоитъ изъ двухъ палатъ: «палаты выборныхъ» и «думы» ³⁾. Правительственное собраніе засѣдаетъ въ столичномъ городѣ державы.

Палата выборныхъ составляется изъ членовъ, избираемыхъ гражданами на одинъ годъ.

Въ первой редакціи конституціи, для того чтобы быть «выборнымъ», т. е. членомъ палаты выборныхъ въ какой либо державѣ, требовался имущественный цензъ: недвижимаго имущества на 2.000 р. или движимаго на 4.000 р. с. По второй редакціи,—чтобы быть «выборнымъ» (также какъ и для того, чтобы быть членомъ палаты народныхъ представителей), имущественнаго ценза не требовалось. Одинъ «выборный» избирался на каждые 10.000 жителей, такъ что въ правительствующихъ собраніяхъ разныхъ державъ и областей (по второй редакціи конституціи) было отъ 15 до 350 выборныхъ.

Державная дума составляется изъ членовъ, избранныхъ на 4 года тѣми же избирателями, которые избираютъ и членовъ па-

¹⁾ Въ изложеніи для слѣдственной комиссіи это выражено такимъ образомъ: „министры отвѣтствуютъ за всякое противозаконное велѣніе, ими подписанное“.

²⁾ Въ первой редакціи вмѣсто слова „правительствующій“ употребляется терминъ „законодательный“.

³⁾ Напомнимъ, что нижняя палата народнаго вѣча должна была называться „палатою народныхъ представителей“, а верхняя палата — „верховною думою“.

латы выборныхъ этой державы, и на тѣхъ же избирательныхъ собраніяхъ. Ежегодно изъ состава думы выходить по жребію четвертая часть членовъ, которая замѣщается выбранными вновь. Чтобы быть членомъ думы, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ и владѣть недвижимымъ имуществомъ цѣнностью въ 15.000 р. или движимымъ въ 30.000 р. с. Число членовъ державной думы приблизительно втрое меньше числа членовъ палаты выборныхъ.

Правительствующее собраніе ¹⁾ собирается 2 раза въ годъ. За каждый день засѣданія члены палатъ получаютъ по 8 золотниковъ серебра (2 р. с.). Къ правительствующимъ собраніямъ примѣняются многія правила, установленныя для народнаго вѣча. Собранія эти имѣютъ право: 1) Дѣлать постановленія относительно внутренняго управленія державъ и вообще всякія «сообразныя съ симъ Уставомъ». 2) Установлять налоги «для собственнаго управленія каждой державы» и ея потребностей, какъ-то: дорогъ, каналовъ, строеній, издержекъ на правительствующее собраніе, плату чиновникамъ исполнительнѣйшей власти, на судебную часть и проч. ²⁾. 3) Учреждать всякаго рода общественныя и учебныя заведенія и проч. Наконецъ, правительствующее собраніе имѣетъ право просить народное вѣче о созывѣ народнаго собора для измѣненія конституціоннаго устава. ³⁾

Исполнительная власть каждой державы поручается державному правителю, его намѣстнику и совѣту. Чтобы быть намѣстникомъ, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ и имущество недвижимое на 30.000 р.,

¹⁾ Иногда оно называется „правительнымъ“.

²⁾ „Общіе налоги для содержанія войска сухопутнаго и морского, крѣпостей, почтъ, связей съ иностранными государствами, вознагражденіе членовъ народнаго вѣча“, платы высшимъ чиновникамъ, проведенія сообщеній, превышающихъ мѣстныхъ средства, „однимъ словомъ для всѣхъ нуждъ и потребностей всей общины Россійской, назначаются народнымъ вѣчемъ“.

³⁾ Далѣе, въ первой редакціи слѣдовала статья, во второй исключенная: „Никакая держава не имѣетъ права: 1) заключать какой либо союзъ, договоръ или трактатъ не только съ иностранными государствами, но даже и съ другою державою Россійскаго Союза; 2) заключать миръ или объявлять войну; 3) чеканить монеты; 4) раздавать титула дворянства и учреждать знаки отличія; 5) налагать податей на ввозъ товаровъ безъ согласія и позволенія народнаго вѣча; 6) содержать въ мирное время войска или вооруженныхъ кораблей безъ позволенія верховнаго народнаго вѣча; 7) начинать войну, непріязненные дѣйствія, развѣ въ случаѣ непріятельскаго нашествія и когда опасность такъ близка, что никакое медленіе не можетъ быть допущено; 8) отправлять пословъ и депутацій подъ какими бы то предлогомъ ни было и входить въ какія бы то ни было сношенія съ иностранными правительствами“. Почти вся эта статья была заимствована изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Исключены были еще двѣ статьи первой редакціи. Въ одной изъ нихъ было между прочимъ сказано: „Пользующійся званіемъ гражданина въ одной державѣ долженъ быть признанъ гражданиномъ и во всѣхъ прочихъ. Евреи могутъ пользоваться правами гражданъ въ мѣстахъ, нынѣ ими заселенныхъ, но свобода имъ селиться въ другихъ мѣстахъ будетъ зависѣть отъ особыхъ постановленій верховнаго народнаго вѣча“. Такимъ образомъ еврейскіе, въ отличіе отъ польской конституціи 1815 г. и проекта Новосильцова, предполагалось, предоставить политическія права въ чертѣ ихъ осѣлости, но рѣшить, можно ли уничтожить эту черту и разрѣшить евреямъ право повсемѣстнаго жительства, могло только народное вѣче. Возможность такого ограниченія правъ евреевъ была исключена во второй редакціи.

или движимое на 60.000 р. с. Правители избираются народнымъ вѣчемъ на 3 года изъ списковъ кандидатовъ на это званіе, составленныхъ правительствующими собраніями державъ. Выборъ этотъ производится въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ народнаго вѣча и утверждается императоромъ. Въ число обязанностей правителя державъ входитъ: 1) Отсрочка засѣданія обѣихъ палатъ, если онѣ сами не придутъ относительно этого къ соглашенію, но не болѣе какъ на 90 дней. 2) Начальствованіе надъ «земскимъ войскомъ своей державы». (Однако же онъ не можетъ безъ согласія правительствующаго собранія посылать это войско за предѣлы державы и вѣлѣть ему дѣйствовать противъ жителей, въ случаѣ ихъ возмущенія, пока правительствующее собраніе не издастъ закона объ объявленіи державы на военномъ положеніи). 3) Назначеніе, по представленію своего совѣта, державнаго блюстителя законовъ, державныхъ судей и другихъ чиновниковъ изъ числа лицъ, внесенныхъ въ списокъ. Державный намѣстникъ и члены державнаго совѣта избираются на три года въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ державы большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ; условія выбора тѣ же, что и для правителя державы.

V.

Мы изложили все то изъ конституціи Н. Муравьева, что было имъ обработано. Впрочемъ нѣкоторыя черты второй редакціи его проекта (напримѣръ, его взгляды на крестьянскій вопросъ) подверглись дальнѣйшему развитію. Возможно, что онъ набросалъ вчернѣ свои предположенія относительно устройства судебной части, по крайней мѣрѣ онъ подробно изложилъ ихъ для слѣдственной комиссіи; но нужно замѣтить, что ни подлинника, ни копіи этихъ предположеній (кромѣ того, что было рассказано составителемъ на допросѣ) не сохранилось (вѣроятно, эта часть проекта въ обращеніе не поступала) и что, по словамъ самого Муравьева, его конституція не была закончена. Нарышкинъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ: «Никита Муравьевъ писалъ тогда конституцію, но она не была принята положительно обществомъ»¹⁾.

Нѣкоторымъ членамъ тайнаго общества, и всего болѣе Пестелю, конституція Муравьева не нравилась тѣмъ, что устанавливала слишкомъ высокій цензъ. Самъ Н. Муравьевъ въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ: «Конституцію мою я читалъ только старѣйшимъ членамъ Сѣвернаго общества, и мнѣ казалось, что

¹⁾ Александръ Бестужевъ въ письмѣ къ государю изъ крѣпости говоритъ, что конституція Н. Муравьева «была не что иное, какъ опытъ».

она была согласна съ ихъ образомъ мыслей. Ее отвергало Южное общество и Пестель, находя, что она узаконяла аристократію».

Пестель въ одномъ изъ первыхъ показаній въ Петербургѣ заявилъ: «Изъ всѣхъ конституцій, которыя были писаны, или предлагаемы, или о коихъ было говорено, ни одна не была докончена. Иная только до половины доведена, другая въ отрывкахъ состояла. Полнаго ничего не было, и общимъ согласіемъ ни одна еще принята не была, такъ что общество по справедливости не можетъ сказать, какую конституцію оно бы имѣло въ виду и въ желаніи рѣшительномъ. Конституція Никиты Муравьева большей части членовъ весьма не нравилась», потому что не одобряли «два главныя основанія» ея. Пестель, высказываясь за самостоятельное существованіе Польши съ присоединеніемъ къ ней части Западной Россіи, относительно остальной Россіи проявлялъ централистскія стремленія; поэтому, указавъ на то, что у Н. Муравьева «предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Америки», онъ замѣчаетъ, что «это походило на древнюю удѣльную систему¹⁾ и потому пагубнымъ казалось». А между тѣмъ раздѣленіе Россіи по проекту Муравьева на 13 державъ и 2 области не имѣетъ рѣшительно никакого сходства съ удѣльною системою. Напротивъ, другое замѣчаніе Пестеля совершенно справедливо. «Второе основаніе» (конституціи Муравьева) «состояло въ томъ, что права на должности въ правленіи и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ основаны были на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство, а для вышнихъ должностей все болѣе и болѣе. Сія ужасная аристократія богатствъ заставляла многихъ, а въ томъ числѣ и меня, противу ея конституціи сильно спорить». Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ показаній (13 января 1826 г.) Пестель говоритъ о Н. Муравьевѣ: «Онъ доставилъ ко мнѣ часть сей конституціи, извѣщая, что пишетъ оную въ монархическомъ смыслѣ не потому, чтобы онъ монархическаго правленія держался болѣе, чѣмъ республиканскаго, ибо онъ былъ въ 1820 г. одинъ изъ тѣхъ членовъ, которые наиболѣе въ пользу сего послѣдняго говорили, но для того, чтобы сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ». Значительно позднѣе (1 апрѣля 1826 г.) Пестель далъ еще болѣе опредѣленное показаніе по этому предмету: онъ заявилъ, что кн. Волконскій привезъ ему конституцію, начатую Муравьевымъ, «о которой говорилъ онъ мнѣ въ письмѣ

¹⁾ Въ другомъ, позднѣйшемъ показаніи Пестель увѣряетъ, что «мѣстныхъ правительствъ» въ державахъ «такую большую власть имѣли, что даже законы могли дѣлать для своей державы. Верховной власти посему почти ничего не оставалось». Последнее утвержденіе несправедливо: центральному законодательному учрежденію было предоставлено широкое поле дѣятельности.

своемъ, что пишетъ ее въ монархическомъ смыслѣ ради вновь вступающихъ членовъ: *comme un rideau derrière lequel nous ferons nos colonnes*, прибавляя, что онъ самъ лично остается тѣмъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, каковымъ былъ и прежде. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1823 г., продолжаетъ Пестель, «писалъ я съ Давыдовымъ къ Никитѣ Муравьеву предлинное письмо, въ которомъ оспаривалъ разные пункты его конституціи и предлагалъ главныя черты своей». При свиданіи Пестеля съ Муравьевымъ во время пріѣзда перваго въ Петербургъ въ 1824 г., Никита Муравьевъ, по словамъ Пестеля, опять говорилъ, что придастъ монархическія формы своей конституціи «ради вновь вступающихъ членовъ». Рылѣвъ выразилъ сомнѣніе въ справедливости этого заявленія Пестеля: «Не полагаю», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ показаній, «чтобы Никита Муравьевъ далъ своей конституціи формы монархическія единственно для вновь вступающихъ членовъ, ибо онъ всегда былъ того мнѣнія, что въ Россіи императоръ необходимъ». Однако Н. Муравьевъ, по его словамъ, дѣйствительно заявлялъ своимъ товарищамъ въ думѣ Сѣвернаго общества, что въ Южномъ обществѣ «у Пестеля принята всѣми республика», что «явное противорѣчіе Пестелю произведетъ отторженіе Южнаго общества» и что «должно успокоить Пестеля увѣреніемъ, что представительныя понятія служатъ намъ одною завѣсою».

По словамъ Рылѣва, кн. Трубецкой полагалъ, что главнымъ препятствіемъ къ соединенію Сѣвернаго и Южнаго обществъ была конституція Никиты Муравьева, которая не нравилась Пестелю, потому что совершенно противорѣчила его образу мыслей. Рылѣвъ держался того мнѣнія, что тайныя общества въ правѣ только разрушить то правленіе, которое считаютъ «неудобнымъ для своего отечества, и потомъ тотъ государственный уставъ, который будетъ одобренъ большинствомъ членовъ обѣихъ обществъ, представить на разсмотрѣніе Великаго Собора, какъ проектъ. Насильное же введеніе» его Рылѣвъ почиталъ «нарушеніемъ правъ народа». Съ этимъ были согласны всѣ члены совѣщанія, собравшагося у Рылѣва во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ, по вопросу о соединеніи обѣихъ обществъ; изъ нихъ Рылѣвъ называетъ Н. И. Тургенева, Митькова, Трубецкого, Муравьева и Оболенскаго. Въ письмѣ къ имп. Николаю 16 декабря 1825 г. Рылѣвъ также говоритъ: «Приговору Великаго Собора положено было безпрекословно повиноваться, стараясь только, чтобы народнымъ Уставомъ былъ введенъ представительный образъ правленія, свобода книгопечатанія, открытое судопроизводство и личная безопасность. Проектъ

конституціи, составленный Муравьевымъ, должно было представить народному Собору какъ проектъ». Очевидно таково мнѣніе наиболѣе видныхъ членовъ Сѣвернаго общества. Рылѣевъ совѣтовалъ Н. Муравьеву сдѣлать въ его проектѣ нѣкоторыя измѣненія, придерживаясь конституціи Соединенныхъ Штатовъ, сохранивъ однакоже монархическое устройство.

Н. Муравьевъ показалъ, что во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ въ 1824 г. у нихъ былъ споръ относительно конституціи. Н. Муравьевъ заявилъ ему, что, окончивъ эту работу, онъ намѣренъ распространять ее повсюду, какъ произведеніе неизвѣстнаго, и принимать въ общество всѣхъ тѣхъ, кто будетъ на нее соглашаться. Желательно, прибавилъ Муравьевъ, чтобы она обращалась и внѣ общества, такъ какъ «мы можемъ достигнуть нашей цѣли посредствомъ одного только общаго мнѣнія».

По собственному показанію Н. Муравьева, его дальнѣйшія предположенія состояли въ слѣдующемъ. Онъ желалъ: 1) распространить «между всѣми состояніями людей» множество экземпляровъ своей конституціи, лишь только она имъ будетъ окончена. 2) Произвести возмущеніе въ войскѣ и обнародовать ее. 3) «По мѣрѣ успѣховъ военныхъ» (т. е. распространенія возстанія) во всѣхъ занятыхъ губерніяхъ и областяхъ приступить къ созыву избирателей, выбору тысяцкихъ, судей, мѣстныхъ правленій, учрежденію областныхъ (т. е. державныхъ) палатъ, а въ случаѣ «великихъ успѣховъ»—и народнаго вѣча. 4) Если бы и тогда императорская фамилія не приняла конституціи, то, какъ крайнее средство, онъ предполагалъ изгнать ее и предложить введеніе республиканскаго правленія¹⁾.

Извѣстно, что конституцію Муравьева читали кн. Трубецкой, Рылѣевъ, И. И. Пущинъ, баронъ Штейнгель, Н. А. Бестужевъ, Торсонъ, кн. Одоевскій, Нарышкинъ, Кашкинъ и конечно многіе другіе: мы приводили выше показаніе автора проекта, что его конституція «находилась нѣкоторое время у каждого изъ главныхъ членовъ» общества. Нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя на поляхъ экземпляровъ двухъ сохранившихся ея редакцій мы уже привели. Кромѣ того, есть еще особая записка съ замѣчаніями на проектъ конституціи Н. Муравьева, на которыхъ необходимо остановиться подробнѣе, такъ какъ они представляютъ интересный матеріалъ для изученія политическихъ идей того времени.

¹⁾ По показанію А. Бестужева, Рылѣевъ говорилъ ему, что „въ думѣ нѣкоторые члены предполагаютъ ввести республиканскую форму правленія въ Россіи, но что это еще одно предположеніе и не извѣстно, будетъ ли принято“. Торсону Рылѣевъ говорилъ о вывозѣ императорской фамиліи за границу на корабляхъ, если она не согласится на введеніе конституціи, и о введеніи республиканскаго правленія.

Неизвѣстный авторъ замѣчаній—человѣкъ образованный, знакомый съ англійскою конституціею и съ французскимъ государственнымъ строемъ. Нельзя однако предполагать, что эта записка составлена Н. И. Тургеневымъ, такъ какъ и гораздо позднѣе, въ своей книгѣ «*La Russie et les Russes*», вышедшей въ свѣтъ въ 1847 г., онъ защищаетъ однопалатную систему, между тѣмъ какъ авторъ записки—сторонникъ учрежденія двухъ палатъ. Къ тому же Тургеневъ умѣлъ лучше, чѣмъ авторъ записки, излагать свои мысли.

Первое замѣчаніе въ упомянутой запискѣ направлено противъ устройства верховной думы. Мы видѣли, что по конституціи Н. Муравьева члены верховной думы избирались въ державахъ такимъ же образомъ, какъ и члены палаты представителей, съ тѣмъ только различіемъ, что для того, чтобы быть выбраннымъ въ нижнюю палату, по второй редакціи не было установлено никакого ценза, а чтобы сдѣлаться членомъ верховной думы нужно было имѣть высокій имущественный цензъ, т. е. обладать недвижимымъ имуществомъ на 30.000 или движимымъ на 60.000 рублей. Авторъ записки начинаетъ съ указанія на то, что въ разсматриваемомъ имъ проектѣ нижней палаты предоставляется право обвинять министровъ, но разсматривать обвиненія должна верхняя палата, и въ случаѣ осужденія она одна имѣетъ право отрѣшить высшихъ государственныхъ чиновниковъ отъ должности и отдать ихъ подъ судъ. Предложеніе закона нижнею палатою поступаетъ на разсмотрѣніе верхней. По этому поводу авторъ замѣчаній говоритъ:

„Предполагается, что члены верхней палаты должны имѣть болѣе свѣдѣній въ государственныхъ дѣлахъ, дабы могли судить поступки человѣка, исполняющаго столь важную государственную должность, какъ министръ, а сіе доказываетъ, что члены верхней палаты должны быть избраны изъ людей, извѣстныхъ по уму, опытности въ государственныхъ должностяхъ и любви къ отечеству... Но какъ выборъ членовъ въ обѣ палаты предоставленъ обществомъ на державныхъ сходкахъ (*sic*)¹⁾, то предлежитъ вопросъ, какъ убѣдить гражданъ, чтобы они, справедливо оцѣня достоинства человѣка, предназначили его по способностямъ засѣдать въ той или другой палатѣ,—какъ предупредить, чтобы купецъ или мужикъ съ большимъ богатствомъ не вошелъ въ сонмъ верховныхъ судей, тогда какъ умнѣйшему, опытнѣйшему и посѣдѣвшему въ государственныхъ дѣлахъ человѣку дверь въ палату останется закрытою (потому только, что онъ не имѣетъ достаточнаго для сего капитала).

¹⁾ По конституціи Н. Муравьева, члены верхней палаты, т. е. верховной думы, выбираются въ соединенномъ засѣданіи державной думы и державной палаты выборныхъ, а члены палаты народныхъ представителей прямыми выборами. Члены же обѣихъ державныхъ палатъ выбирались одинаково на державныхъ сходкахъ.

Тогда и подрядчику¹⁾ возможно будетъ судить министра, не постигая истинъ правленія; какъ предупредить, чтобъ на выборахъ по пристрастію не исключили изъ членовъ высшей палаты человѣка достойнаго и не вмѣстили бы невѣжду. Конечно никто не можетъ доказать, чтобъ мужикъ не былъ способенъ разсуждать, но многіе ли изъ нихъ могутъ занять мѣсто столь важное, и что послѣдуетъ изъ верхней палаты, если въ оной половина членовъ будетъ собрана изъ людей только богатыхъ, а не такихъ, которые своимъ умомъ, добродѣтелями, опытностью и любовью къ отечеству должны представить собою римскій сенатъ во времена Пирра. Сравненіе гражданъ даетъ²⁾ одинаковое право на засѣданіе въ обѣихъ палатахъ, и если въ члены высшей палаты не выбирать по сказаннымъ достоинствомъ, тогда въ чемъ будетъ разность между двухъ палатъ, по существу столь различныхъ; въ такомъ случаѣ оной не будетъ, и не должно давать преимущества членамъ одной судить другую. Для чего предоставлять разсматривать одной здравость сужденія другой, когда члены ихъ равны, и быть можетъ еще глупѣйшему достанется судить благоразумнаго. Въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ существованіи двухъ палатъ (ибо переносомъ дѣлъ въ верхнюю только увеличится продолжительность хода дѣлъ). Тогда всѣ сужденія могутъ производиться въ одной палатѣ“.

Изъ дальнѣйшаго однако видно, что авторъ замѣчаній не противъ двухпалатной системы, а только противъ предложеннаго Н. Муравьевымъ способа образованія верхней палаты:

„Всякая сила для равновѣсія требуетъ противувѣсія; посему существованіе одной палаты было бы неудобно, и потому предполагаютъ противоположить низшей палатѣ высшую, которая хладнокровно и основательно должна разсматривать иногда пылкія и не всегда справедливыя требованія низшей палаты; сіи разсужденія, рождаемыя, что члены высшей палаты должны состоять изъ людей отличныхъ по уму, заслугамъ, испытанныхъ подъ бременемъ государственныхъ должностей и преданныхъ своей отчизнѣ, заставляютъ предполагать, что не справедливо ли будетъ, если въ члены верховной палаты единожды, по общему выбору, назначить людей съ помянутыми качествами, помѣстятъ въ оныя нѣкоторыхъ, хотя бѣдныхъ, но заслуженныхъ, и, опредѣляя ихъ число, постановить закономъ, чтобъ впредь числа сего безъ согласія обѣихъ палатъ не убавлять и не прибавлять; что императоръ и каждая палата можетъ предлагать въ члены на вышнія мѣста, но, чтобъ быть избрану, должно согласіе трехъ властей. Палата сія составитъ изъ людей извѣстныхъ и будетъ лавровымъ вѣнкомъ для гражданъ отличныхъ добродѣтелей; она, не измѣняясь по волѣ богатей наемными голосами, не

¹⁾ Лица, принявшія на себя подряды и поставки на общественныя нужды, до исполненія ихъ не могли быть, по конституціи Муравьева, представителями, относительно же членовъ верхней думы этого ограниченія сдѣлано не было.

²⁾ То есть должно было бы давать, по конституціи же Н. Муравьева чтобы попасть въ члены верхней палаты, полагалось имѣть высокій имущественный цензъ, а чтобы пользоваться правомъ быть выбраннымъ въ нижнюю палату, нужно было по первой редакціи конституціи имѣть низшій цензъ, а по второй—его вовсе не требовалось.

вмѣстить и не потерпитъ въ сонмѣ своемъ невѣждъ и тогда только будетъ твердымъ оплотомъ между деспотизма и своевольства. Но если кто изъ членовъ ея сдѣлается подозрительнымъ, тогда члены низшей палаты должны его, подобно министрамъ, обвинять и требовать суда“.

Такимъ образомъ авторъ замѣчаній предлагаетъ, вмѣсто того, чтобы выбирать членовъ верхней палаты на 6 лѣтъ изъ числа лицъ, обладающихъ высокимъ имущественнымъ цензомъ, не требовать при выборахъ ценза. Онъ желаетъ, чтобы, избравъ членовъ верхней палаты въ первый разъ «общими выборами», предоставить дальнѣйшій выборъ соотвѣтственной палатѣ, съ согласія другой и императора, изъ лицъ хотя бы и бѣдныхъ, и притомъ не увеличивать числа членовъ верхней палаты безъ согласія обѣихъ палатъ¹⁾. Разъ избранные остаются членами палаты пожизненно, если не лишатся своего званія по приговору суда; отданы подъ судъ они могли быть по требованію нижней палаты.

Почти въ самомъ началѣ излагаемыхъ замѣчаній, послѣ указанія на право верхней палаты судить министровъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ и обсуждать «предложенія законовъ» (т. е. билли), внесенныя на ея разсмотрѣніе нижнею палатою, далѣе сказано: «Во время отсутствія депутатовъ должно оставаться въ столицѣ для совѣщаній по 3 депутата верхней палаты изъ каждой державы». Дѣлая это предложеніе, авторъ замѣчаній очевидно имѣлъ въ виду большій количественный составъ верхней палаты, такъ какъ по проекту Н. Муравьева предполагалось всего 42 члена верховной думы. Если бы авторъ замѣчаній желалъ оставить въ верховной думѣ такое же число членовъ, какъ въ проектѣ Н. Муравьева, а не предполагалъ увеличить его, то проще было бы сказать, что при распущеніи нижней палаты вся верхняя продолжаетъ засѣдать. А между тѣмъ онъ далѣе говоритъ: «Присутствіе въ столицѣ нѣкоторыхъ членовъ высшей палаты полезно еще и потому, что они могутъ надзирать за исполненіемъ правосудія, и имъ должно вѣннить въ обязанность ходатайствовать по жалобамъ, изъ державъ подаваемымъ». Авторъ замѣчаній предлагаетъ также, чтобы въ столицѣ оставалось на время распущенія палатъ и нѣкоторое число членовъ нижней палаты; они, «получивъ какую либо жалобу, должны настаивать у министровъ (при помощи членовъ высшей палаты) о удовлетвореніи притѣсненныхъ». Кроме того, онъ полагаетъ, что остающіеся въ столицѣ члены обѣихъ палатъ могутъ замѣнить сенатъ и «верховный» (т. е. государственный?) совѣтъ.

¹⁾ Известно, что въ Англіи король имѣетъ возможность вліять на направленіе дѣятельности верхней палаты назначеніемъ въ нее членовъ по своему усмотрѣнію.

Не развивая этой мысли, авторъ замѣчаній дѣлаетъ слѣдующее предложеніе:

„Имѣ, т. е. членамъ верхней и нижней палаты, временно пребывающимъ въ столицѣ, должно дать право разрѣшать министровъ сдѣлать новый наборъ войскъ или наложить какую либо подать, когда непредвидѣнные обстоятельства, не терпяція отсрочиванія до сѣзда палаты, потребуютъ ихъ вспомошествованій; имѣ дать право разрѣшать министровъ и тогда, если бы сіи потребовали помощи депутатовъ, не объявляя причинъ, которыя до времени должны быть въ секретѣ; но въ такомъ случаѣ по прошествіи срока (опредѣленнаго законами) депутаты должны потребовать у министровъ объясненія, и, по отобраніи оныхъ, на общемъ сѣздѣ или по возвращеніи въ державы отдать отчетъ въ своихъ поступкахъ; тамъ, въ случаѣ употребленія во зло общей довѣренности, должны быть судимы министры или депутаты, допустившіе сдѣлать вредъ. Но если, по отобраніи объясненій отъ министровъ, окажется, что они съ намѣреніемъ зла требовали безмолвнаго повиновенія, и зло сіе большой важности (какъ-то разрушеніе конституціи или волености гражданъ), тогда, чтобъ не дать таковымъ министрамъ времени усилиться до сѣзда депутатовъ (что могло бы отложить судъ на годъ и болѣе) и причинить большого вреда, временныя палаты должны немедленно извѣстить въ державы о опасности свободы гражданъ“ (чтобы „державныя головы“, т. е., очевидно, правители державъ, приняли мѣры и приготовили милицію) „и въ тожь время требовать отрѣшенія и суда министра, посягнувшаго на таковое злоупотребленіе власти“.

Авторъ замѣчаній предлагаетъ также опредѣлить постоянное мѣсто засѣданій палаты и постановить, чтобы, когда онѣ созваны, ни одинъ вооруженный человѣкъ, хотя бы и по приказу самого императора, не могъ приближаться къ зданію, гдѣ засѣдаютъ палаты, подъ угрозой смертной казни.

Авторъ замѣчаній желаетъ въ промежутки между сессіями палаты предоставить правительству полную власть въ международных сношеніяхъ, дѣлахъ военныхъ и нѣкоторыхъ другихъ подъ условіемъ установленія дѣйствительной отвѣтственности министровъ.

„Императоръ долженъ быть представителемъ народа къ чужимъ державамъ, и потому онъ долженъ быть главою политической власти; онъ долженъ имѣть право мира и войны, есть главный повелитель войскъ сухопутныхъ и морскихъ, утверждаетъ производства въ чины, дѣлаетъ награжденія (но не денежныя... сіи должны утверждать палаты), и потому, чтобы императоръ (при помощи министровъ) могъ свободно дѣйствовать для выгодъ и славы своего народа, то ему должно дать совершенно полную власть... требовать безмолвнаго повиновенія всей имперіи. Онъ и министры (которые должны составлять его совѣтъ) избавляются совѣщаній съ временною палатою, изъ депутатовъ составленною, дабы секретныя дѣла не выходили въ большой

кругъ. Но такъ какъ особа императора для народа священна, слѣдовательно полная власть въ его рукахъ можетъ быть опасна для народа, и какъ ему одному предлежитъ очень много занятій, то, чтобы предупредить всякое злоупотребленіе отъ большой власти или отъ недосмотрѣнія могущихъ пройти во множествѣ дѣлъ, которыя могутъ быть вредны для гражданъ, надлежитъ постановить, *что императоръ долженъ дѣйствовать только чрезъ своихъ министровъ, которые за все дѣла народу должны отвѣчать своею головою*¹⁾. Но чтобъ министры не могли ссылаться, что злоупотребленіе произошло отъ императорскаго повелѣнія, котораго они не видали, и, такъ сказать, для народа обезпечить министерскую отвѣтственность со стороны императора, надлежитъ постановить, *что ни одно повелѣніе императора безъ подписи министра* (по части котораго дѣло идетъ) не должно быть выполняемо, министерское же безъ подписи императора принимать законнымъ. Если бы кто выполнилъ императорскій указъ безъ подписи министра, того должно судить и наказать смертию. Симъ закономъ императору и министрамъ дается полная воля дѣйствовать къ пользѣ и славѣ народа; но сдѣлать что либо вредное или по despотическимъ своимъ видамъ министры императору не позволять, ибо за сіе ихъ голова есть надежною порукою гражданамъ".

Очень цѣнны тѣ предложенія, которыя дѣлаетъ авторъ замѣчаній относительно постояннаго войска и милиціи:

«Число войскъ должно опредѣляться палатами; увеличить или уменьшить оное безъ согласія обѣихъ палатъ позволять не должно. Чтобы войски не были обременительны государству, то число ихъ не должно быть очень велико, но дабы симъ не подвергнуть опасности цѣлость границъ, въ случаѣ непредвидѣнной войны и въ случаѣ обольщенія нѣкоторыхъ строевыхъ линейныхъ полковъ или гвардіи императоромъ, чтобъ противопоставить имъ силу, то кажется необходимо учредить милицію въ каждой державѣ, которой голова есть главный начальникъ милиціи. Въ случаѣ внутреннихъ неурядицъ, когда голова долженъ оставаться въ державѣ, тогда на державномъ выборѣ назначается начальникомъ милиціи другой, который съ оною долженъ выступить, куда велѣно будетъ, но въ случаѣ обереженія границы отъ чужихъ непріятелей начальникъ милиціи долженъ быть утвержденъ императоромъ. Милиція сія должна обучаться извѣстное число дней въ году и получаетъ содержаніе отъ правительства только тогда, какъ соберется въ полки и выступить съ своего мѣста. Милиція числомъ должна равняться войскамъ; когда депутаты обѣихъ палатъ объявятъ злоупотребленіе министровъ большой важности (какъ выше сказано), тогда державныя головы должны объявить, чтобы милиція безъ отлагательства была готова собраться и дѣйствовать.

¹⁾ Курсивъ подлинника.

«Офицеры милиціи должны быть изъ владѣльцевъ той же державы. Тогда милиція сія будетъ твердою опорою вольности гражданъ и, бывъ готова всегда поддерживать власть палатъ, даетъ имъ силу требовать отчетовъ отъ министровъ. Милиція сія тѣмъ нужнѣе, что линейныя войска часто бываютъ преклонены за ничтожныя награды на сторону короны и легко дѣйствуютъ противъ гражданъ, съ которыми они считаютъ себя раздѣленными; но милиціонныя войны, по своей землѣ и хижинамъ, питаютъ чувства гражданскія, считаютъ воиновъ и правительство своими угнетателями и потому всегда вступаются за своихъ представителей, пекущихся о сохраненіи ихъ выгодъ (въ Англіи милиція есть мечъ парламента). Опредѣляя число войскъ, надлежитъ постановить, *что ни одинъ солдатъ, ни отрядъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ силою входить въ дома гражданъ, или дѣйствовать противъ оныхъ* (хотя бы то самъ императоръ или министръ приказалъ). Въ семъ случаѣ за убійство гражданина должно наказать смертію воина, оное сдѣлавшаго, а потомъ изслѣдовать начальную причину сего убійства и наказать виновныхъ. Но въ случаѣ возмущенія, когда должно употребить войски, тогда временная палата депутатовъ въ столицѣ или отъ всего государства, или голова въ державѣ, или какое гражданское начальство требуетъ сей помощи, тогда войны безмолвно должны повиноваться, что приказано будетъ, тогда только за убійства гражданина воинъ не отвѣчаетъ. Сіи мѣры необходимы, потому что, если министръ, войдя въ замыслы императора, вознамѣрится дѣйствовать ко вреду государства или нарушенію постановленій и вольности гражданъ, тогда каждый начальникъ войскъ долженъ не исполнять повелѣнія, воспротивясь же онымъ, дастъ время депутатамъ обѣихъ палатъ, въ столицѣ временно пребывающимъ, потребовать отчета у министра въ подобныхъ поступкахъ, и, въ случаѣ обвиненія, его могутъ предать суду. Въ случаѣ же предательства войскъ депутаты найдутъ твердую помощь въ милиціи.

«Императоръ, какъ глава исполнительной власти, долженъ быть главнымъ начальникомъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ, но ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не долженъ лично командовать войсками, которыя повинуются его повелѣніямъ, только чрезъ министра къ нимъ дошедшимъ. Прочіе члены императорской фамиліи, хотя могутъ засѣдать въ верхней палатѣ, имѣтъ названіе фельдмаршала, генераль-адмирала, но не должны имѣтъ никакой существенной власти; оную имѣютъ министры, и, въ случаѣ злоупотребленія таковой довѣренности, отвѣчаютъ своею головою. Императоръ и его фамиліи члены могутъ смотрѣть парады войскъ, флота, но только, когда министръ при нихъ,—безъ онаго членамъ императорской фамиліи быть при войскахъ должно запре-

титъ. Тогда войска, не видя такъ часто передъ своимъ фронтомъ ни императора, ни его фамиліи членовъ, привыкнуть повиноваться своимъ начальникамъ, съ которыми вмѣстѣ стануть скорѣе выполнять законы, чѣмъ повиноваться прихотямъ деспота.

«Императоръ долженъ имѣть полное право мира и войны, взять на свое содержаніе чужія войска, дать помощь своимъ союзникамъ или по миру согласиться сдѣлать денежныя вознагражденія непріятелямъ, или обязаться платить подать чужой державѣ. Все сіе онъ можетъ сдѣлать, если польза и слава народа того требуетъ, и потому, чтобы таковой трактатъ или объявленіе войны сдѣлать для всего народа обязательнымъ, должно, чтобы онъ подписанъ былъ министромъ, который отвѣчаетъ гражданамъ своею головою; ибо для таковыхъ издержекъ понадобятся деньги, которыхъ министры не имѣя, должны требовать отъ палатъ, а сіи, потребовавъ объясненія, если найдутъ, что таковой трактатъ вреденъ для пользы и славы народа, тотчасъ отдадутъ министра подъ судъ и откажутъ въ помощи. Когда жъ утверждаютъ палаты, тогда вся нація должна выполнить (хотя бы депутатовъ на державныхъ сборахъ осудили и казнили). Такимъ образомъ, уполномочивая императора, дается ему полная власть дѣйствовать для пользы и славы своего народа, но употребить во зло такую неограниченную довѣренность министры его не допустятъ. Въ Англіи были примѣры, что король по своевольству захотѣлъ объявить войну или оную продолжать вопреки пользамъ народа; тогда министръ идетъ въ отставку и въ нижнемъ парламентѣ возстаетъ противъ злоупотребленій короля, и тогда нижній парламентъ отказывается въ нужныхъ для издержекъ деньгахъ, безъ которыхъ король долженъ отказаться отъ своихъ плановъ» ¹⁾.

Такимъ образомъ, авторъ приведенныхъ замѣчаній возражаетъ противъ имущественнаго ценза, установленнаго для того, чтобы быть выбраннымъ въ члены верхней палаты, т. е. верховной думы, но не распространяетъ этого замѣчанія на принципъ имущественнаго ценза вообще. Правда, чтобы быть выбраннымъ въ нижнюю палату, т. е. въ палату народныхъ представителей, а также чтобы быть членомъ палаты выборныхъ въ державѣ, во второй редакціи проекта Н. Муравьева имущественнаго ценза не требовалось, но чтобы лично быть избирателемъ необходимо было, по этой редакціи, обладать недвижимымъ имуществомъ въ 5000 руб. или движимымъ въ 10000 руб. с. Впрочемъ, отъ свободныхъ крестьянъ (при двухстепенныхъ выборахъ) опредѣленнаго имущественнаго ценза не тре-

¹⁾ И выше авторъ замѣчаній для подтвержденія своихъ мнѣній указываетъ на многія черты англійскаго государственнаго устройства.

бовалось. Но большинство лицъ свободныхъ профессій требованіемъ высокаго ценза лишались избирательныхъ правъ.

Какія вліянія побудили Н. Муравьева къ установленію высокаго ценза для права быть избирателемъ, а также быть выбраннымъ въ верхнюю думу и занимать указанныя въ его конституціи должности?

По англійской конституціи, для пользованія избирательными правами при выборахъ въ нижнюю палату въ графствахъ, нужно было получать 40 шиллинговъ чистаго годового дохода съ *свободной поземельной собственности* (freehold). Тѣмъ не менѣе политическое господство въ Англіи находилось всецѣло въ рукахъ аристократіи. Низкій цензъ выборщиковъ въ графствахъ, говорить проф. Виноградовъ, «обеспечивалъ нѣкоторое участіе людей средняго и даже малаго достатка, хотя архаическое ограниченіе, лежавшее въ понятіи свободного держанія» (т. е. предоставленіе политическихъ правъ въ графствахъ лишь поземельнымъ собственникамъ) «исключало большинство населенія, сидѣвшее на копигольдерской, или наемной землѣ. Главною же опорою аристократическихъ интересовъ являлись.... городскія поселенія, мѣстечки, такъ или иначе попавшія въ списокъ избирательныхъ бурговъ. Составъ избирателей въ этихъ мѣстностяхъ былъ очень ограниченъ тѣсными и произвольными рамками корпораціонной системы, а во множествѣ случаевъ дѣло сводилось на безцеремонную фикцію: ничтожныя кучки избирателей пользовались привилегіей продавать свои голоса за чистыя деньги или другія выгоды тому или другому вліятельному патрону. По расчету, сдѣланному въ XVIII вѣкѣ, 154 такихъ патрона, большею частью изъ лордовъ, ставили 356 членовъ палаты общинъ. Въ 1768 г. общее число избирателей въ Англіи не превышало 16.0000 человекъ... Преобладаніе олигархіи обеспечивалось и другими мѣрами. Появилась система цензовъ» (для того, чтобы быть выбраннымъ): «чтобы быть депутатомъ отъ графства, надо было имѣть 600 фунтовъ стерлинговъ дохода, депутатомъ отъ города или мѣстечка—300 ф. Для должности мирового судьи обыкновенный цензъ былъ въ 100 ф. дохода. Чтобы быть присяжнымъ, надо было имѣть свободный участокъ, «приносящій 10 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, или капиталъ, приносящій 20 фунтовъ» ¹⁾. Очевидно англійская выборная система до извѣстной степени повліяла на Н. Муравьева. Правда, во второй редакціи своего проекта онъ отказался отъ установленія ценза, дающаго право быть выбраннымъ въ палату представи-

¹⁾ „Политическій строй современныхъ государствъ“. Сборникъ статей, Т. I, СПб, 1905 г. стр. 218—219. Ср. G. Meyer. Das parlamentarische Wahlrecht, 33, 346—347.

телей и въ державныя палаты выборныхъ, но онъ сохранилъ имущественный цензъ, чтобы быть избирателями (непосредственно), присяжными, членами верховной думы, правителями державъ, на-мѣстниками державныхъ правителей, тысяцкими, членами державныхъ думъ, державныхъ судовъ и членами совѣтовъ въ державахъ. Впрочемъ, Н. Муравьевъ нашелъ болѣе удобнымъ опредѣлить цензъ не суммою дохода, а размѣромъ имущества, причемъ сохранилъ тоже отношеніе цѣнности движимаго и недвижимаго имущества, какое было установлено въ Англіи для ценза присяжныхъ. Въ пользу подражанія англійскимъ образцамъ могло склонять декабристовъ Сѣвернаго общества и знакомство нѣсколькихъ вліятельныхъ его членовъ съ Мордвиновымъ и Сперанскимъ.

Что касается устройства верховной думы, т. е. верхней палаты народнаго вѣща, то Н. Муравьевъ основалъ его на выборномъ началѣ, но предоставилъ выборъ членовъ думы не прямо избирателямъ, а соединенному собранію державныхъ палатъ, установивъ очень высокій имущественный цензъ для права быть выбраннымъ въ это учрежденіе. Въ Англіи члены верхней палаты были или наслѣдственные, по праву первородства, или по назначенію короля, или потому, что занимали извѣстныя архіепископскія или епископскія кафедры, а 16 шотландскихъ пэровъ—выборные, такъ какъ при присоединеніи Шотландіи къ Англіи шотландскимъ баронамъ было предоставлено представительство въ верхней палатѣ чрезъ выбираемыхъ ими членовъ.

Высокій имущественный цензъ, лишившій избирательнаго права большую часть городскихъ жителей, и неучастіе въ гражданскихъ правахъ почти половины сельскаго населенія были главными недостатками конституціи Н. Муравьева. Затѣмъ, авторъ изложенныхъ нами замѣчаній на его проектъ основательно указалъ на то, что, принимая принципъ монархическаго правленія, онъ долженъ былъ подробно разработать постановленія объ отвѣтственности министровъ. Что же касается упрека Пестеля, что введеніе представительства не только центрального, но и по державамъ, возвращало Россію къ удѣльной системѣ, то оно совершенно неосновательно. Мысль о федеративномъ устройствѣ Россіи была еще рѣшительнѣе высказана членами общества Соединенныхъ Славянъ, которые впрочемъ стояли, какъ и позднѣйшее Кирилло-Мееодіевское братство, за республиканское устройство. Въ проектѣ проф. Драгоманова (1884 г.) федеративнаго устройства Россіи члены верхней палаты (союзной думы) выбирались областными думами, но, разумѣется, уже безъ всякаго имущественнаго ценза, а члены нижней палаты (государственной думы) — всеобщею подачею голосовъ.

VI.

5 января 1826 г., въ числѣ другихъ вопросовъ, слѣдственная коммиссія спросила Н. Муравьева о составленномъ имъ проектѣ конституціи; онъ отвѣчалъ: «Моя память недостаточна, чтобы представить «конституцію» въ такомъ точно видѣ, какъ она была написана, но что касается до духа» ея «и содержанія», то онъ обѣзался «сохранить ихъ» въ своемъ изложеніи и въ непродолжительномъ времени представить его коммисіи. Дѣйствительно, 13 января, онъ письменно изложилъ содержаніе своего «конституціоннаго устава», при чемъ довольно сжато сообщилъ постановленія о раздѣленіи Россіи на 15 областей, обязанностяхъ и правахъ жителей, объ императорѣ, верховной думѣ, палатѣ представителей, составленіи законовъ, о мѣстномъ областномъ управленіи, объ «областныхъ палатахъ» («областныхъ думахъ» и «палатахъ выборныхъ»), но подробно изложилъ то, чего нѣтъ во второй редакціи его конституціи, т. е. устройство «судной власти» и постановленія объ «измѣненіи Устава» (т. е. конституціи).

Прежде всего Н. Муравьевъ считалъ необходимымъ установить «предѣлы» судной власти. «Никакой судья», говоритъ онъ, «и никакое судилище не имѣетъ права толковать законъ, ни рѣшать случаи, имъ не предвидѣнные, однимъ словомъ не можетъ присвоить себѣ законодательной власти. Исполнительная власть, надзирательная или полицейская, хозяйственная или административная совершенно отдѣлены также отъ судной. Равнымъ образомъ, судилище или судья не долженъ никого обвинять, но дѣйствуетъ только вслѣдствіе жалобы или обвиненія. Всякое судилище или судья, преступившій сіи предѣлы, подвергается взысканію. Съ другой стороны», продолжаетъ Н. Муравьевъ, «уставъ сей не признавалъ, такъ называемаго, полицейскаго суда за малые проступки и предоставлялъ полиціи, уѣзднымъ, городовымъ и волостнымъ правленіямъ только право задерживать виновныхъ и предавать ихъ суду, отъ котораго уже зависѣли также и исправительныя наказанія. Каждая область» (т. е. держава) «составляла въ судебномъ отношеніи отдѣльное цѣлое, подраздѣленное на присуды, равныя нынѣшнимъ губерніямъ».

Н. Муравьевъ предполагалъ учредить въ каждомъ уѣздѣ совѣстныхъ судей, въ областяхъ—областныхъ, а въ столичномъ округѣ—верховныхъ.

Въ каждомъ уѣздѣ полагался на 4000 душъ одинъ совѣстный судья, избираемый «обыкновенными избирателями». Онъ остается въ своемъ званіи, если окажется «непорочнымъ», до 70-лѣтняго

возраста (то же правило примѣняется и къ судьямъ областнымъ и верховнымъ). Совѣстный судья можетъ быть избранъ «изъ всякаго званія», подъ условіемъ совершеннолѣтія, постоянного жительства въ уѣздѣ и владѣнія движимымъ или недвижимымъ имѣніемъ не менѣе 2000 р. с., такъ какъ, объясняетъ Н. Муравьевъ, «умѣренная собственность, трудомъ, промышленностью и бережливостью приобрѣтенная», является «вѣрнѣйшимъ залогомъ честности и безкорыстія судьи¹⁾».

Всѣ совѣстные судьи равны между собою и власть каждого простирается на весь уѣздъ. «Всякій съ своею жалобою имѣетъ право идти къ тому изъ нихъ, къ которому имѣетъ болѣе довѣренности, но дѣло, поступившее къ одному изъ нихъ, не можетъ уже быть передано другому, и никто изъ нихъ не имѣетъ пересуда надъ рѣшеніемъ другого... Никто въ уѣздѣ не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ предписанія совѣстнаго судьи», кромѣ случаевъ буйства или насилія. «Чинovníки благочинія²⁾», захвативъ буйныхъ, испрашиваютъ у совѣстнаго судьи предписанія о содержаніи ихъ подъ стражею, что совѣстный судья обязанъ немедленно исполнить. Совѣстный судья судитъ гласно и явно при открытыхъ дверяхъ; посторонніе могутъ приходить во время его расправы. Судъ его словесный, сколько возможно; онъ имѣетъ право требовать явки свидѣтелей, которые обязаны повиноваться его позывамъ. Буде тяжущіяся стороны довольны его рѣшеніемъ, то оное становится окончательнымъ. Никакое третье лицо не вправе опровергать оное. Никакая должность не совмѣстна съ званіемъ совѣстнаго судьи. Онъ можетъ однакожъ быть избранъ въ представители, и тогда, по возвращеніи своемъ, вступаетъ опять въ прежнюю должность». Такимъ образомъ, совѣстные судьи Н. Муравьева являются предшественниками мировыхъ судей.

Каждые три мѣсяца въ уѣздномъ городѣ и въ главнѣйшихъ мѣстечкахъ уѣзда происходятъ сѣзды совѣстныхъ судей, въ которые поступаютъ дѣла по апелліаціи на рѣшенія отдѣльныхъ судей. На сѣздѣ присутствуютъ тысяцкій (исправникъ) или его помощникъ, уѣздный блюститель (прокуроръ), уѣздный докладчикъ (стряпчій казенныхъ дѣлъ), присяжные адвокаты или стряпчие и свидѣтели. Жители, безъ различія пола, имѣютъ право по-

¹⁾ Сравнительно небольшой имущественный цензъ, устанавливаемый Н. Муравьевымъ для совѣстныхъ судей въ его показаніи на слѣдствіи, показываетъ, что на него произвели извѣстное впечатлѣніе замѣчанія относительно чрезмѣрной высоты имущественнаго ценза во второй редакціи его проекта.

²⁾ Во всемъ уѣздѣ и уѣздномъ городѣ такимъ чиновникомъ является выборный тысяцкій; кромѣ того въ городахъ всѣ домовладѣльцы избирали изъ своей среды „чиновниковъ благочинія“ разныхъ степеней, а по деревнямъ всѣ жители муж. пола избирали въ каждомъ десятѣ дворовъ десятскаго, въ каждой сотнѣ — сотскаго, въ волости — волостного старшину. Названныя городскія и деревенскія власти были подчинены тысяцкому.

общать засѣданія сѣзда. Протоколы и «дѣйствія» его оглашаются, и всякій имѣетъ право «писать свои замѣчанія о правильности сужденія».

Составленіе списка присяжныхъ въ каждомъ уѣздѣ поручается тысяцкому. «Дѣла уголовныя и дѣла гражданскія (если оныя не основаны единственно на актахъ) происходятъ съ присяжными». Присяжные бываютъ двухъ родовъ: «предварительные» и «окончательные». «Первые разсматриваютъ въ уголовномъ дѣлѣ одно обвиненіе, а въ гражданскомъ—одну жалобу; они большинствомъ голосовъ отвергаютъ обвиненія нелѣпыя и тяжбы пустыя и не даютъ ходъ дѣлу. Вторые рѣшаютъ дѣло по прекращеніи всего пренія, и рѣшеніе ихъ должно быть единодушно».

«Въ каждомъ уѣздномъ городѣ, въ областныхъ и въ столицѣ полагается особое сословіе адвокатовъ» (или стряпчихъ), «въ которое поступаютъ люди, получившіе въ университетахъ аттестаты въ томъ, что они имѣютъ надлежащіе свѣдѣнія въ юридическихъ и словесныхъ наукахъ. Они обязаны находиться при сѣздахъ совѣстныхъ судей, въ собраніяхъ областныхъ и верховныхъ судей и за извѣстную плату излагаютъ дѣла, вмѣсто тяжущихся, обвиняющихъ или обвиненныхъ... Адвокаты находятся въ вѣдѣніи блюстителей уѣздныхъ, областныхъ и верховныхъ. (Блюститель соединяетъ въ себѣ должность прокурорскую и должность стряпчаго уголовныхъ дѣлъ). Блюститель есть истецъ по дѣламъ правительства. Онъ обвиняетъ въ уголовныхъ дѣлахъ отъ лица правительства и отъ частныхъ лицъ, но безъ возмездія. Кромѣ сего, полагались еще докладчики въ уѣздахъ, областяхъ и столицѣ (стряпчіе казенныхъ дѣлъ). Докладчикъ есть отвѣтчикъ правительства въ случаѣ частныхъ претензій; онъ же въ случаѣ, еслибъ кто обвиненный не имѣлъ адвоката, обязанъ взять его защиту, но безъ возмездія, яко чиновникъ правительства».

Въ каждой области полагается столько областныхъ судей, сколько въ ней находится «присудовъ (губерній)»; они избираются областными палатами изъ списка лицъ, имѣющихъ имуществъ не менѣе, какъ на 15.000 р. с. Каждые 6 мѣсяцевъ областные судьи объѣзжаютъ свой присудъ и въ каждомъ уѣздномъ городѣ открываютъ засѣданія, на которыя приглашаютъ присяжныхъ. На эти засѣданія собираются совѣстные судьи того уѣзда и подъ предсѣдательствомъ областного судьи рѣшаютъ уголовныя дѣла. Слѣдствіе не производится отдѣльно отъ суда, но всѣ причастные къ дѣлу должны лично явиться въ засѣданіе. «Право обвинять предоставлено всякому, въ особенности же блюстителямъ». Свидѣтелей допрашиваютъ не только судьи, блюститель, присяжные и адвокаты, но, съ дозволенія и подъ надзоромъ судей, и постороннія лица. «Производство уѣздныхъ засѣданій печатается въ обще-

народное извѣстіе». Дѣло, рассмотрѣнное съ присяжными, рѣшается окончательно, и на него нѣтъ апелляціи или пересуда».

«Областное судилище» принимаетъ жалобы на рѣшенія уѣздныхъ засѣданій въ томъ только случаѣ, когда, на основаніи приговора «окончательныхъ присяжныхъ», примѣнили къ дѣлу (не тотъ законъ, какой слѣдовало. Никакое судебное дѣло не выходитъ за предѣлы области; виновные наказываются въ ней и не высылаются изъ нея. Кромѣ того, областные судьи, на общихъ своихъ собраніяхъ въ областномъ городѣ, судятъ чиновниковъ. Областное судилище судить при открытыхъ дверяхъ, и журналы его печатаются.

Всякій, считающій, что онъ неправильно подвергнуть заключенію совѣстными судьями или лицами, не имѣющими на то права, или подвергающійся безчеловѣчному обращенію въ тюрьмѣ, имѣетъ право жаловаться областнымъ судьямъ, которые обязаны вытребовать его къ себѣ, если жалоба покажется имъ основательною, и удостовѣриться въ этомъ. Право просить у областныхъ судей защиты предоставляется также роднымъ, знакомымъ заключеннаго и, наконецъ, свидѣтелямъ насильственного или незаконнаго поступка.

Наконецъ учреждается еще «верховное судилище», которое состоитъ изъ 5 или 7 верховныхъ судей, избранныхъ народнымъ въѣмъ изъ числа лицъ, владѣющихъ имуществомъ не менѣе 15.000 р. Верховные судьи исполняютъ въ столичномъ округѣ тѣ же обязанности, что областные судьи въ своихъ областяхъ. Кромѣ того, верховное судилище судить высшихъ чиновниковъ, лишенныхъ ихъ званія верховною думою. Судопроизводство въ немъ а гласное (подобно низшимъ инстанціямъ) и съ присяжными; журналы его также печатаются. Оно получаетъ донесенія и отчеты всѣхъ областныхъ судилищъ и дѣлаетъ замѣчанія тѣмъ изъ нихъ, которыя неправильно толкуютъ законъ. Каждое четырехлѣтіе верховное судилище обязано представить императору и обѣимъ палатамъ систематическій отчетъ о всѣхъ законахъ и постановленіяхъ, вышедшихъ въ продолженіе этого времени, съ примѣчаніями о тѣхъ, которые кажутся ему излишними, темными или противорѣчащими Уставу (конституціи).

При составленіи Н. Муравьевымъ предположеній о судной части значительное вліяніе могла оказать записка Н. И. Тургенева 1822 г., въ основу которой были положены тѣ же основныя начала: словесное и гласное судопроизводство, оглашеніе въ печати производства дѣла и рѣшенія суда, отдѣленіе и независимость судебной части отъ административной, участіе въ судопро-

изводства адвокатовъ или стряпчихъ, наконецъ введеніе суда присяжныхъ¹⁾).

Изложеніе Н. Муравьевымъ проекта его конституціи для слѣдственной комиссіи заканчивается предположеніями о томъ, какимъ образомъ должно было происходить измѣненіе конституціи или составленіе совершенно новой. Если бы въ этомъ оказалась необходимость, народное вѣче особымъ закономъ созываетъ съ этою цѣлью «народный соборъ», въ которомъ должно быть столько же членовъ, сколько въ народномъ вѣчѣ, выбранныхъ тѣми же избирателями. Соборъ занимается исключительно этою работою и долженъ окончить ее не позже, какъ въ 6 мѣсяцевъ. Разсужденія го происходятъ гласно и печатаются; все рѣшается большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ. По окончаніи работы народный Соборъ распускается, и предсѣдатель его представляетъ вѣчу составленный проектъ, который немедленно печатается. Затѣмъ, другимъ закономъ созываются областные соборы для обсужденія принятія или отверженія проекта устава, составленнаго народнымъ соборомъ. Каждая область избираетъ въ свой соборъ двойное число депутатовъ сравнительно съ тѣмъ, которое она имѣла въ народномъ соборѣ. Областные соборы созываются всѣ въ одинъ день, и имъ назначается срокъ, къ которому они должны принять или отвергнуть проектъ большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ, не имѣя права дѣлать новыхъ предложеній. Такъ какъ численность народонаселенія областей весьма не одинакова, то для опредѣленія того, принять или отвергнуть новый уставъ, подсчитывается не число соборовъ, а « $\frac{2}{3}$ голосовъ» (большинство не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ?) «наличныхъ членовъ», въ нихъ засѣдавшихъ и принявшихъ то или иное рѣшеніе. Послѣ этого или вводится новый уставъ, или остается въ силѣ прежній. Правила объ измѣненіи Устава навѣяны конституціе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Н. Муравьевъ быть можетъ потому особенно подробно изложилъ во время слѣдствія проектируемое имъ устройство судебной части, что, послѣ крушенія всѣхъ надеждъ декабристовъ, рассчитывалъ на возможность осуществленія, при сохраненіи самодержавія, только этой части его проекта. На вопросъ о причинахъ, побудившихъ его вступить въ тайное общество, онъ отвѣчалъ, что былъ проникнутъ «пламеннымъ желаніемъ видѣть Россію на высочайшей степени благосостоянія посредствомъ учрежденій, равно благотворительныхъ для всѣхъ состояній людей, въ оной находящихся, твердаго устройства судебной части въ ниж-

¹⁾ Тургеневъ сообщилъ свою записку Н. С. Мордвинову, который сдѣлалъ изъ нея обширную выписку; она напечатана въ „Архивъ гр. Мордвиновыхъ“ Спб., 1902 г., т. VI, ртс 299—312.

нихъ инстанціяхъ и гласности во всѣхъ дѣйствіяхъ правитель-ства на подобіе англійскаго».

Сдѣланное Никитою Муравьевымъ изложеніе его проекта было прочитано имп. Николаемъ. На поляхъ его онъ не написалъ никакихъ замѣчаній, но позднѣе, читая предположенія о государственныхъ преобразованіяхъ, набросанныя въ крѣпости 29 марта 1826 г. другимъ декабристомъ—Батеньковымъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣло шло объ «обезпеченіи» (гарантіи) и между прочимъ упоминалось объ учрежденіи областныхъ палатъ, обращеніи нѣкоторыхъ портовыхъ городовъ въ вольные и особенныхъ правахъ Москвы, имп. Николай написалъ: «Все сіе виды и система Н. Муравьева о федеративномъ управленіи; съ симъ поздравляю тунгузцовъ». Последняя острота совсѣмъ не соответствовала конституціи Н. Муравьева, такъ какъ кочующимъ народамъ не предоставлялось въ ней правъ гражданства, т. е. участія въ выборахъ депутатовъ въ центральное и державныя представительныя учрежденія.

Кромѣ проекта конституціи, Н. Муравьевымъ было начато еще одно произведеніе съ цѣлью пропаганды въ низшихъ классахъ общества. Оно называется «Любопытный разговоръ»¹⁾ и было написано не позже марта 1822 г., такъ какъ на сохранившемся экземплярѣ есть надпись: «l'original a été remis à S. M. le 23 de Mars 1822», что, какъ видно изъ показаній Н. Муравьева, означаетъ передачу оригинала Сергѣю Муравьеву-Апостолу. Авторъ очевидно задавался цѣлью сдѣлать свое произведеніе доступнымъ народу. Приведемъ изъ него нѣкоторыя мѣста.

«*Вопросъ.* Всѣ ли люди свободны? *Отвѣтъ.* Нѣтъ, малое число людей поработило большее... Однимъ пришла несправедливая мысль господствовать, а другимъ — подлая мысль отказаться отъ природныхъ правъ человѣческихъ, дарованныхъ самимъ Богомъ». Далѣе авторъ указываетъ на то, что нужно добывать свободу и для этого «утвердить постоянныя правила или законы, какъ бывало встарину на Руси», когда «не было самодержавныхъ государей... Государь *самодержавный* или *самовластный*», по опредѣленію автора, «тотъ, который самъ по себѣ держитъ землю, не признаетъ власти разсудка, законовъ божіихъ и человѣческихъ; самъ отъ себя, т. е. безъ причины, по прихоти своей властвуетъ... Отцы наши говорили: *поищемъ себѣ князя, который бы рядилъ по праву*, а не самовластью, своевольству и прихотямъ. Но государи мало по малу всякимъ обманомъ присвоили себѣ власть безпредѣльную, подражая ханамъ татарскимъ и султану турецкому». На вопросъ: «Не самъ ли Богъ учредилъ самодержавіе?»

1) Иначе его называли: „Катехизисъ вольнаго человѣка“.

авторъ отвѣчаетъ: «Богъ во благодѣи своей никогда не учреждалъ зла... Злая власть не можетъ быть отъ Бога: всякое древо доброе добрыя плоды творитъ, всякое же древо, не приносящее плодовъ добрыхъ, будетъ посѣчено и ввергнуто въ огонь». На вопросъ: «есть ли государи самодержавные въ другихъ земляхъ?» авторъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, вездѣ самодержавіе считаютъ безуміемъ, незаконіемъ, вездѣ постановлены непремѣнныя правила, или законы. В. Не могутъ ли быть постоянные законы при самодержавіи? О. Самодержавіе или самовластіе ихъ не терпитъ; для него нуженъ безпорядокъ и всегдашнія перемѣны. В. Почему же самовластіе не терпитъ законовъ? О. Потому, что государь властенъ дѣлать все, что захочетъ. Сегодня ему вздумается одно, завтра—другое, а до пользы нашей ему дѣла мало»... На вопросъ о томъ, какое было на Руси управленіе безъ самодержавія, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о вѣчевомъ строѣ, который прекратился благодаря нашествію татаръ, научившихъ нашихъ предковъ безусловно покоряться ихъ тиранской власти. «Народъ, сносившій терпѣливо иго Батыя..., сносилъ такимъ же образомъ и власть князей московскихъ, подражавшихъ во всемъ симъ тиранамъ».

Прочтя этотъ набросокъ, имп. Николай I написалъ: «quelle infamie!» Рылѣевъ, ознакомившись съ «Разговоромъ любопытнымъ» (какъ онъ заявилъ на слѣдствіи), сказалъ автору: «Напрасно вы не кончите. Такими сочиненіями удобнѣе всего дѣйствовать на умы народа». Но Муравьевъ отозвался недосугомъ и предлагалъ Рылѣеву дописать начатое имъ; тотъ обѣщалъ, но не имѣлъ времени осуществить свое намѣреніе. Въ думѣ Сѣвернаго общества Н. Муравьевъ предлагалъ распространить въ народѣ это сочиненіе наряду съ другими произведеніями въ духѣ общества, но не окончилъ его, такъ какъ занялся своимъ проектомъ конституціи. Братъ Н. Муравьева, Александръ Михайловичъ, въ своей автобіографической запискѣ говоритъ, что начатый его братомъ «Катихизисъ вольнаго человека» былъ оконченъ Сергіемъ Муравьевымъ-Апостоломъ. Рукопись наброска Н. Муравьева, какъ мы видѣли, дѣйствительно была передана имъ С. Муравьеву-Апостолу и могла навести его на нѣкоторыя мысли при составленіи имъ его «Православнаго катихизиса» ¹⁾, послужившаго орудіемъ пропаганды при возстаніи Черниговскаго полка.

¹⁾ Онъ напечатанъ въ книгѣ проф. *Шимана*. «Убіеніе Павла I и восшествіе на престолъ Николая I. Новые матеріалы». Берл. 1902 г. стр. 409—412.

VII.

Пестель, какъ мы видѣли, свидѣтельствуесть въ одномъ изъ своихъ показаній, что въ тайномъ обществѣ было начато составленіе нѣсколькихъ конституцій. Къ числу лицъ, высказывавшихъ свои предположенія о томъ, какова должна быть русская конституція, принадлежалъ служившій подѣ начальствомъ Сперанскаго декабристъ Г. С. Батеньковъ, тотъ самый Батеньковъ, который былъ приговоренъ къ 20 годамъ каторжной работы, но вмѣсто того продержанъ все это время въ одиночномъ заключеніи и лишь въ 1846 г. отправленъ изъ Петропавловской крѣпости въ Сибирь. «Я никогда не писалъ конституціи для Россіи», показалъ онъ на слѣдствіи, «и не разсматривалъ даже сего важнаго предмета въ полной связи и подробностяхъ, тѣмъ не менѣе въ головѣ моей рождались въ разное время мысли, относящіяся съ сему предмету».

Батеньковъ полагаетъ, что Россія должна быть наслѣдственною монархіею, но въ ней необходимо «сильное вельможество». Средній классъ, состоящій изъ землевладѣльцевъ, горожанъ и духовенства, можетъ дать еще одинъ элементъ законодательной власти. Законодательная власть, по его мнѣнію, должна состоять изъ: 1) императора, 2) палаты вельможъ (верхней) и 3) палаты по выборамъ отъ средняго сословія (нижней).

Верхнюю палату онъ предполагалъ составить изъ членовъ, большею частью наслѣдственныхъ¹⁾, но прибавивъ къ нимъ: 1) определенное число лицъ изъ чернаго и бѣлаго духовенства по мѣстамъ, на которыя они назначаются государемъ; 2) лицъ, назначаемыхъ императоромъ пожизненно.

Въ нижней палатѣ²⁾ должны быть депутаты: 1) отъ извѣстныхъ городовъ; 2) отъ владѣльцевъ земель; 3) отъ 3 университетовъ—московскаго, виленскаго и дерптскаго³⁾ и 4) отъ 3 академій.

Палаты собираются въ Москвѣ по приглашенію государя, если же въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ онѣ не будутъ созваны, то по приглашенію вице-президента верхней палаты.

Полагая, что въ виду обширности государства и разнообразія его климата и нуждъ населенія вся Россія не можетъ быть управляема единообразно, Батеньковъ считалъ необходимыми «частныя палаты въ областяхъ», собираемыя губернаторами.

1) Батеньковъ предполагалъ дать государю право возводить въ званіе родовыхъ вельможъ на мѣста тѣхъ, родъ которыхъ прекратится.

2) „О палатѣ по выборамъ я не дѣлалъ никогда подробныхъ соображеній“, говоритъ Батеньковъ, „ибо зналъ, что для сего нужно имѣть предварительно множество мѣстныхъ свѣдѣній“. Противъ этихъ словъ имп. Николай написалъ: „А эти люди хотѣли быть законодателями!!“

3) Имп. Николаемъ написано: „Казанск. Харьковск.“

Исполнительную власть онъ считалъ нужнымъ предоставить: 1) безотвѣтственному государю; 2) установленію, подъ названіемъ верховнаго правительства, отвѣтственному предъ законодательною властью и особенно предъ государемъ и 3) министрамъ, отвѣтственнымъ предъ государемъ, верховнымъ правительствомъ и за указы, исполняемые ими, предъ законодательною властью. Батеньковъ считалъ необходимымъ введеніе суда присяжныхъ.

Онъ указывалъ также на необходимость обезпеченій (гарантій) «неизмѣнности установленнаго порядка», которыя онъ раздѣлялъ на «вещественныя» и «моральныя». Къ числу первыхъ онъ относилъ: 1) «обращеніе военныхъ поселеній въ народную стражу; 2) передачу въ вѣдѣніе города Петропавловской крѣпости; 3) ограниченіе государя въ личномъ командованіи... имъ арміею; 4) учрежденіе родового вельможества»; 5) право вице-президента верхней палаты собирать обѣ палаты, если въ извѣстный срокъ онѣ не будутъ созваны государемъ; 6) независимость трехъ университетовъ и трехъ академій¹⁾; 7) учрежденіе областныхъ палатъ; 8) обращеніе нѣкоторыхъ портовъ въ вольные города; 9) нѣкоторыя особенныя права города Москвы. Къ числу моральныхъ обезпеченій онъ относилъ: 1) свободу «тисненія», т. е. печати; 2) независимость судебной власти, 3) отвѣтственность министровъ и верховнаго правительства и нѣкоторыя другія.

Въ предположеніи Батенькова объ учрежденіи палаты вельможъ преимущественно изъ наслѣдственныхъ членовъ вѣроятно слѣдуетъ видѣть вліяніе идей Н. С. Мордвинова, который былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ декабристовъ.

Изъ записки, найденной въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого, видно, что предполагалось, чтобы возставшее войско потребовало объявленія отъ сената манифеста, который заключалъ бы въ себѣ: 1) Уничтоженіе бывшаго правленія. 2) Учрежденіе временнаго правленія до установленія постояннаго выборнаго. 3) Свободу «тисненія» и уничтоженіе цензуры. 4) Предоставленіе липамъ всѣхъ вѣроисповѣданій свободнаго отправленія богослуженія. 5) Уничтоженіе права собственности на людей. 6) Равенство всѣхъ сословій предъ закономъ и потому уничтоженіе военныхъ судовъ и всякаго рода особыхъ судныхъ комиссій. 7) Предоставленіе всякому гражданину права заниматься, чѣмъ хочетъ: вступать въ военную и гражданскую службу и въ духовное званіе, торговать оптомъ и въ розницу съ уплатою извѣстныхъ пошлинъ, приобрѣтать земли и дома въ деревняхъ и городахъ. 8) Сложеніе подушной подати²⁾ и недоимокъ по ней. 9) Уничтоженіе монополій на соль, вино

¹⁾ Замѣчаніе нип. Николая: „отъ кого? отъ Бестуж(ева) или даже отъ Рыгѣва?“

²⁾ Въ конституціи Н. Муравьева предполагалось распространеніе подушной подати на всѣхъ.

и проч., разрѣшеніе свободнаго винокуренія и добыванія соли съ уплатою пошлинъ съ получаемаго продукта. 10) Уничтоженіе рекрутскихъ наборовъ и военныхъ поселеній. 11) Сокращеніе срока военной службы для нижнихъ чиновъ, которое должно было послѣдовать по уравниеніи воинской повинности между всѣми сословіями. 12) Увольненіе въ отставку всѣхъ безъ исключенія нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ. 13) Введеніе выборнаго начала при замѣщеніи должностей въ волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ правленіяхъ. 14) Гласность суда. 15) Введеніе присяжныхъ въ суды уголовные и гражданскіе.

Должно было быть учреждено временное правленіе изъ 2 или 3 лицъ, съ подчиненіемъ ему всѣхъ министерствъ, государственнаго совѣта, комитета министровъ, арміи и флота. Ему предполагалось поручить приведеніе въ исполненіе нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ выше мѣръ и кромѣ того: 1) образованіе внутренней народной стражи; 2) «уравненіе (sic) рекрутской повинности между всѣми сословіями»; 3) уничтоженіе постоянной арміи; 4) установленіе «порядка избранія выборныхъ въ палату представителей народныхъ», которые должны «утвердить на будущее время имѣющій существовать порядокъ правленія и государственное законодательство»¹⁾.

Въ своихъ воспоминаніяхъ кн. С. П. Трубецкой говоритъ: предполагалось «полкамъ собраться на Петровской площади и заставить Сенатъ»: 1) издать манифестъ съ описаніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась Россія, и съ приглашеніемъ «въ назначенный срокъ выбранныхъ людей отъ всѣхъ сословій для утвержденія: 1) за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ; 2) учредить временное правленіе, пока не будетъ утвержденъ новый императоръ общимъ соборомъ выбранныхъ людей». Общество намѣревалось предложить войти въ составъ временнаго правительства Мордвинову, Сперанскому и Ермолову. На это правительство возлагалась обязанность «составить проектъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости».

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Семеvскій.

¹⁾ Въ своемъ показаніи Трубецкой говоритъ, что эта записка не считалась „опредѣлительно принятою; изъ оной возможнымъ полагалось многое устранить, исключая однакожь собраніе депутатовъ изъ губерній по сословіямъ“.

Изъ Шлиссельбургскихъ Мотивовъ.

(Неизданныя стихотворенія Николая Александровича Морозова, посвященные товарищамъ по заключенію).

I.

Вѣръ Николаевнѣ Фигнеръ.

(Переданное стукомъ ко дню рожденія).

Пусть нашъ привѣтъ твои невзгоды,
О, милый другъ мой, облегчить,
Пусть пролетитъ сквозь эти своды
И свѣтлымъ ангеломъ свободы
Тебя въ темницѣ посѣтитъ!

* * *

И пусть за годы испытанья,
Какъ въ ясный вечеръ послѣ бурь,
Увидишь ты конецъ страданья
И въ блескѣ чуднаго сіянья
Въ грядущемъ вѣчную лазурь!

1886 г.

II.

В. А. Караулову.

Въ годину тяжкаго недуга,
Въ темницѣ мрачной и глухой,
Въ тебѣ судьба дала мнѣ друга
И облегчила жребій мой.

* * *

Съ тѣхъ поръ прошла пора ненастья,
И стала жизнь моя свѣтлѣй,
Ты для меня среди несчастья
Былъ первый вѣстникъ лучшихъ дней.

* * *

И время то мнѣ стало свято,
Съ тобой сроднился я душой,
И буду я любить, какъ брата,
Тебя, товарищъ дорогой.

1888 г.

III.

Людмилѣ Александровнѣ Волкенштейнѣ.

(При возвращеніи ея изъ карцера въ старой тюрьмѣ).

Любовью и дружбой въ жилищѣ невзгодъ
Привѣтствуемъ мы твой приходъ.
Пусть въ душномъ туманѣ нависнувшихъ тучъ
Блеснетъ тебѣ радости лучъ,
И прежнее горе потонетъ скорѣй
Въ сіяньи безоблачныхъ дней.
Пусть сумракъ, что въ сердцѣ такъ долго лежитъ,
Какъ лѣтняя ночь пролетитъ!
И жизнь, что въ безмолвьи мучительномъ шла,
Вновь будетъ легка и свѣтла!

1888 г.

IV.

З а в ѣ т ѣ.

(Посвящается П. С. Поливанову).

Когда овладѣетъ душою печаль
Ты вспомни, что скрыта грядущаго даль
Въ туманѣ отъ нашего взора.
Что жизнь наша часто мученій полна,
Но вдругъ озаряется счастьемъ она,
Какъ полночь огнемъ метеора.
Не надобно, другъ мой, излишнихъ веригъ!
Вѣдь каждый мучительно прожитый мигъ
На близкихъ тебѣ отзовется!
Всецѣло должны мы для ближняго жить,
Должны для него мы себя сохранить
И бодро съ невзгодой бороться!

Въ тяжелые дни испытаній и бѣдъ
Даетъ намъ Вселенная вѣчный завѣтъ,
Который гласитъ всѣмъ скорбящимъ:
„Во имя надежды, во имя любви
„Въ несчастіи грядущимъ и прошлымъ живи,
„А въ счастьи живи настоящимъ!“

1900 г.

V.

П р о с т и !

(Посвящается Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ передъ ея отъѣздомъ изъ Шлиссельбургской крѣпости).

Пусть, мой другъ дорогой, будетъ счастливъ твой путь
И судьба твоя будетъ свѣтлѣй,
Пусть удастся тебѣ поскорѣ стряхнуть
Злые чары неволи твоей.

Скоро, милый мой другъ, вновь увидитъ твой взоръ
Лица близкихъ родныхъ и друзей;
Окружить тебя вновь безпредѣльный просторъ
И раздолье луговъ и полей!

Ночью встрѣтятъ тебя и развѣютъ твой сонъ
Милліонами звѣздъ небеса,
И увидишь ты вновь голубой небосклонъ
И холмы, и ручьи, и лѣса...

Все, чего столько лѣтъ ты была лишена,
Что въ мечтахъ обаянья полно,
Вдругъ воскреснетъ опять, и нахлынетъ волна
Прежнихъ чувствъ позабытыхъ давно!

Пусть-же, милый мой другъ, будетъ счастливъ твой путь!
Скоро будешь ты снова вольна!
И успѣешь уставшей душой отдохнуть
Отъ тяжелаго, долгаго сна!

1 сент. 1904 г.

Н. Морозовъ.

Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(По неизданнымъ источникамъ).

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу декабристовъ, по дѣлу 121-го, имя Пестеля стоитъ на первомъ мѣстѣ, на первомъ мѣстѣ среди тѣхъ пяти «преступниковъ внѣ разрядовъ», которыхъ Верховный Уголовный судъ нашелъ достойными четвертованія.

Формально Пестель былъ никакъ не болѣе, если не менѣе виновнымъ, чѣмъ нѣкоторые его товарищи по тайному обществу. Если онъ имѣлъ умыселъ на цареубійство, то этотъ умыселъ раздѣляли съ нимъ очень многіе члены общества. Если онъ управлялъ Южнымъ Обществомъ, то и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ въ управленіи этимъ обществомъ имѣлъ не менѣе важное значеніе, а Рылѣевъ имѣлъ такое же значеніе въ управленіи Сѣвернымъ Обществомъ. Всѣ трое они одинаково были повинны въ составленіи плановъ дѣйствій. Если же Пестель писалъ «Русскую Правду», то Рылѣевъ писалъ революціонные стихи и манифестъ, а Муравьевъ-Апостолъ—свой революціонный «Катихизисъ».

Всѣ трое они были одинаково повинны по всѣмъ этимъ основнымъ пунктамъ обвиненія; но въ числѣ обвиненій, предъявленныхъ Пестелю, не хватало одного, очень важнаго,—непосредственного участія въ мятежѣ. Рылѣевъ былъ главнымъ дѣятелемъ возмущенія 14 декабря 1825 года въ Петербургѣ. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ былъ главнымъ дѣятелемъ возмущенія на Югѣ въ первыхъ числахъ января 1826 года, онъ «лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и взять былъ съ оружіемъ въ рукахъ» при Бѣлой Церкви (на югѣ отъ Кіева). Пестель же, выдвинутый обвинительнымъ актомъ на первое мѣсто, не принималъ участія ни въ этихъ мятежныхъ дѣйствіяхъ, ни въ непосредственной ихъ подготовкѣ. Онъ былъ арестованъ какъ разъ наканунѣ памятныхъ событій на Сенатской площади, а именно 13 декабря, далеко отъ Петербурга, въ мѣстечкѣ Линцахъ на югѣ Кіевской губерніи, гдѣ стоялъ подъ его командой Вятскій пѣхотный полкъ.

Чтобы возмѣстить недостатокъ важнаго обвиненія въ непосредственномъ участіи въ мятежѣ, Сперанскій, составляя обвинительный актъ, постарался отгнать вѣщую виновность Пестеля по другимъ пунктамъ обвиненія. Онъ утверждалъ, что Пестель не только «умышлялъ на истребленіе Императорской фамиліи», но

и «сѣ *хладнокровіемъ* исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ». Онъ утверждалъ, далѣе, что Пестель управлялъ южнымъ тайнымъ обществомъ «сѣ *неограниченною властію*». Это замѣчаніе о неограниченной власти надъ обществомъ было совершенно неосновательнымъ; оно рѣзко противорѣчитъ фактамъ самостоятельнаго активнаго участія въ южномъ обществѣ Сергѣя Муравьева-Апостола, который въ послѣдній годъ существованія этого общества имѣлъ даже болѣе важное значеніе, чѣмъ Пестель.

Другой обвинитель Пестеля, секретарь слѣдственнаго комитета, Боровковъ, правильно говоря, что онъ «безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ общества сѣ самаго вступленія въ оное», что онъ «господствовалъ надъ сочленами своими, оборожалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ», вмѣстѣ съ тѣмъ крайне преувеличилъ значеніе Пестеля въ обществѣ, когда утверждалъ, что онъ «*самовластно* управлялъ Южнымъ обществомъ» и что онъ «*былъ главою общества и первѣйшею пружиною всѣхъ его дѣйствій*». Этихъ словъ Боровкова Сперанскій не рѣшился повторить въ обвинительномъ актѣ, какъ ни хотѣлъ онъ ярче отбѣнить преступность Пестеля.

Формально Пестель былъ никакъ не болѣе виновнымъ, чѣмъ другіе виднѣйшіе декабристы. Но по существу дѣла ему, конечно, принадлежало среди нихъ первое мѣсто. Онъ былъ первымъ изъ нихъ по силѣ дарованій и по силѣ вліянія. Если онъ не принималъ непосредственнаго участія въ мятежѣ, то за то имѣлъ громадное значеніе въ устройствѣ и развитіи тайнаго общества. Онъ не былъ «самовластнымъ главою общества и тайною пружиною всѣхъ его дѣйствій», но несомнѣнно, что въ нѣкоторые важные моменты жизни общества его дѣятельность имѣла рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу заговора. Когда на московскомъ сѣздѣ 1821 года Союзъ Благоденствія былъ закрытъ, Пестель рѣшительно возсталъ противъ рѣшенія сѣзда и немедленно организовалъ изъ членовъ общества, жившихъ на югѣ, Южное Общество, въ видѣ отдѣла Союза Благоденствія, закрытія котораго онъ не признавалъ. Это устройство Южнаго Общества оказало сильное вліяніе на устройство въ Петербургѣ Сѣвернаго Общества также изъ членовъ Союза Благоденствія.

Пестель отнюдь не имѣлъ «неограниченной власти» надъ Южнымъ Обществомъ; онъ имѣлъ въ немъ даже очень незначительную власть, потому что настойчивыя старанія его объ образованіи сильнаго, сплоченнаго общества не увѣнчались успѣхомъ. Но онъ имѣлъ вообще громадное значеніе въ исторіи тайныхъ обществъ, какъ южнаго, такъ и сѣвернаго, не силою власти, которую онъ имѣлъ, какъ одинъ изъ директоровъ, а силою своихъ исключительныхъ дарованій, «силою примѣра», какъ опредѣлилъ его значеніе Сперанскій.

Одно уже то, что онъ былъ членомъ тайнаго общества, придавало особое значеніе и вѣсь этому обществу, внушало многимъ увѣ-

ренность въ его силѣ и вліяніи. Сила его личности заставляла многих преувеличивать значеніе его, какъ главнаго дѣятеля тайнаго общества, держащаго въ рукахъ всѣ нити заговора. Въ Петербургѣ, среди главныхъ дѣятелей общества (какъ Никита Муравьевъ и князь Трубецкой), распространено было преувеличенное мнѣніе о вліяніи Пестеля и значеніи общества, имъ организованнаго на югѣ. Извѣстіе, что Пестель ѣдетъ въ Петербургъ, произвело среди нихъ въ концѣ 1823 года тревогу и смущеніе. Они заранѣе насторожились, опасаясь вліянія Пестеля и его упрековъ въ бездѣятельности. Никита Муравьевъ говоритъ съ княземъ Трубецкимъ, что «для узнанія мыслей и состоянія общества Пестеля надобно показать ему *что нибудь здѣсь образованное*», и спѣшно организуетъ «управу» изъ трехъ членовъ. Пестель въ началѣ 1824 года пріѣзжаетъ въ Петербургъ, на другой же день по пріѣздѣ является къ князю Трубецкому и осыпаетъ его упреками въ бездѣятельности Сѣвернаго Общества. Въ результатѣ многихъ продолжительныхъ совѣщаній съ петербургскими членами общества Пестелю не удается подчинить ихъ своему вліянію, но въ исторіи общества эти совѣщанія имѣли большое значеніе, заставивъ петербургскихъ членовъ сплотиться и точнѣе выяснить свою программу. Этотъ эпизодъ показываетъ, какъ Пестель, не обладая той «неограниченной властью», которую ему приписывали наивные слѣдователи, тѣмъ не менѣе оказывалъ громадное вліяніе на дѣла общества силою своей личности, «силою примѣра».

Въ запискахъ современниковъ, въ томъ числѣ и не принадлежавшихъ къ тайному обществу, сохранилось нѣсколько замѣчательныхъ отзыовъ о Пестелѣ. Всѣ, и даже враги его, говорятъ о немъ, какъ о личности съ исключительными дарованіями.

Во время невольнаго пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, сюда въ апрѣлѣ 1821 года пріѣхалъ Пестель проездомъ, по дѣламъ службы. Онъ навѣстилъ поэта и произвелъ на него сильное впечатлѣніе. «Утро провелъ съ Пестелемъ—записалъ Пушкинъ въ дневникѣ. Умный человекъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю». Пушкинъ записалъ въ дневникѣ и поразившее его замѣчаніе Пестеля о матеріализмѣ: *Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse*.

Начальники второй арміи, въ которой служилъ Пестель, были о немъ самага высокаго мнѣнія. Начальникъ штаба графъ П. Д. Киселевъ (извѣстный, между прочимъ, какъ сторонникъ освобожденія крестьянъ) не удалялъ отъ себя Пестеля, несмотря на неоднократные совѣты своихъ петербургскихъ друзей, и съ увлеченіемъ вспоминалъ впослѣдствіи о вечерахъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ нимъ. Главнокомандующій, графъ Витгенштейнъ говорилъ, что Пестель вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ, и на посту министра и въ командованіи арміей.

Въ запискахъ протоіерея казанскаго собора, Мысловскаго, на-

ходимъ не только сочувственный, но прямо восторженный отзывъ о Пестелѣ: «Сей преступникъ есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ, какъ по данному ему воспитанію, такъ и по твердости духа... Быстръ, рѣшителенъ, краснорѣчивъ въ высшей степени; математикъ глубокой, тактикъ военный превосходный... Никто изъ подсудимыхъ не былъ спрашиванъ въ комиссіи болѣе его, никто не выдержалъ столько очныхъ ставокъ, какъ опять онъ же; вездѣ и всегда былъ равенъ себѣ самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось, онъ одинъ готовъ былъ на ранахъ вынести тяжесть двухъ альпійскихъ горъ. Въ комиссіи всегда отвѣчалъ съ видимою гордостью и съ какимъ-то самоуниженіемъ».

Восторженностью характеристики Пестеля Мысловскій превзошелъ даже его товарищей, декабристовъ. Но записки декабристовъ подтверждаютъ отдѣльными штрихами вѣрность этой характеристики. Онѣ также согласно говорятъ о замѣчательномъ умѣ Пестеля, объ обширности его познаній, о его краснорѣчии, о силѣ его характера. Князь Оболенскій говоритъ о «свѣтломъ умѣ», объ «убѣдительномъ дарѣ слова» Пестеля и признается, что ему «трудно было устоять противъ такой обаятельной личности, какъ Павелъ Ивановичъ». Съ записками декабристовъ сходятся и ихъ показанія въ слѣдственной комиссіи. Князь Барятинскій говорилъ здѣсь, что изъ членовъ общества Пестель «безъ сомнѣнія» былъ «всѣхъ болѣе уважаемъ, насчетъ ма и познаній политическихъ».

Это очевидное, безспорное превосходство Пестеля надъ своими товарищами по обществу создало для него тяжелое положеніе въ судѣ. Многіе изъ нихъ, особенно изъ лицъ, наиболѣе близкихъ къ нему по тульчинской управѣ, въ малодушномъ страхѣ предъ ожидавшимъ ихъ наказаніемъ, старались спасти себя, приписывая свое участіе въ обществѣ единственно гибельному вліянію Пестеля. Они не щадили его, изображая его коварнымъ злодѣемъ, прибѣгавшимъ для завлеченія членовъ къ обманамъ и угрозамъ ядомъ и кинжаломъ.

Комитетъ ставилъ подсудимымъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: «Кто изъ членовъ наиболѣе стремился къ распространенію и утвержденію мнѣній, и къ самому началу дѣйствій общества совѣтами, сочиненіями и вліяніемъ своимъ на другихъ?»

— «Какъ мнѣ извѣстно—отвѣтилъ на этотъ вопросъ поручикъ Крюковъ 2-й—*одинъ Пестель*»:

— «Полковникъ Пестель—отвѣтилъ командиръ казанскаго пѣхотнаго полка П. В. Аврамовъ—надъ всѣми тульчинскими членами имѣлъ поверхность и, *можно сказать, одинъ дѣйствоваль*».

Къ этому онъ прибавилъ еще слѣдующее гибельное для Пестеля размышленіе:

«Ежеминутно обдумывая горестное мое положеніе, могу сказать, что ввергнуть въ оное не собственнымъ преступнымъ ка-

кимъ либо желаніемъ, но чрезъ обманъ меня полковникомъ Пестелемъ, злѣйшимъ изъ людей, съ коими я встрѣчался когда либо въ жизни моей».

Другіе обвиняемые объясняли комитету, какъ поддавались они Пестелю, соглашаясь противъ воли съ его мнѣніями, не имѣя силъ противостоять его авторитету. Одинъ приписывалъ свое участіе въ обществѣ главнымъ образомъ его «настоятельству»; другой разсказывалъ, какъ «непримѣтно умы увлечены и приготовлены были вліяніемъ Пестеля».

Холодный, логическій умъ, непреклонная воля и смѣлая, надменная увѣренность въ своихъ сужденіяхъ и въ своихъ силахъ, въ своемъ правѣ на господство надъ другими людьми — таковы основныя черты личности Пестеля, рано создавшія ему славу исключительнаго по своимъ дарованіямъ человѣка.

Вѣра въ силу логики, въ математическую точность логическихъ заключеній, вѣра въ силу разума составляли отличительныя свойства его ума. Подобно французскимъ мыслителямъ и дѣятелямъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го, онъ въ своихъ рѣшеніяхъ политическихъ вопросовъ не считался съ сложными условіями исторической обстановки и вѣрилъ въ возможность немедленнаго, неуклоннаго осуществленія идеи во всей ея логической чистотѣ. Истинный сынъ своего времени, великой революціонной эпохи, онъ, подобно яковинцамъ и подобно родственному имъ по духу Наполеону, вѣрилъ въ торжество идеи и въ возможность осуществленія своего идеала рѣзкимъ насильственнымъ революціоннымъ путемъ, вопреки какимъ бы то ни было общественнымъ условіямъ, какимъ бы то ни было условіямъ времени и мѣста.

Этимъ духомъ времени объясняются тѣ положенія Русской Правды, которыя на первый взглядъ кажутся странными по своей крайней прямолинейности. На Русскую Правду Пестель смотрѣлъ, какъ на наказъ Временному Верховному Правленію, и онъ полагалъ, что существованіе этого наказа — ясной программы новаго республиканскаго строя — должно предупредить всѣ смуты и неурядица, какія обыкновенно сопутствуютъ революціи. «Русская Правда — писалъ онъ — служить для Россіи ручательствомъ, что временное верховное правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ. Недостатокъ въ такой грамотѣ ввергнулъ многія государства въ ужаснѣйшія бѣдствія и междоусобія, потому что въ оныхъ правительство дѣйствовать всегда могло по своему произволу, по личнымъ страстямъ и частнымъ видамъ, не имѣя предъ собою яснаго и полнаго наставленія... Русская Правда отвращаетъ своимъ существованіемъ все сіе зло».

Свойственная Пестелю непреклонная, фанатическая преданность идеѣ мѣтко охарактеризована въ слѣдующихъ словахъ декабриста Якушкина: «Пестель умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обычно»

венно вѣрилъ въ математическую истину. Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть въ этомъ и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ въ теченіе почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, упорно трудился надъ дѣломъ тайнаго общества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что тайное общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе».

«Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался»—говоритъ Якушкинъ. Холодную безстрастность Пестеля отмѣчаютъ и другіе современники. Логическій умъ соединялся въ немъ съ сильно развитой волей, подавлявшей чувство. Сильная воля придавала смѣлость и рѣшительность его дѣйствіямъ. Въ тайномъ обществѣ онъ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно, даже иногда слишкомъ рѣшительно, до неосторожности. Съ солдатами и офицерами своего полка онъ для поддержанія дисциплины обращался строго, иногда до жестокости, сознательной, по расчету. Въ 1821 году, когда его сдѣлали командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, который считался худшимъ во всей южной арміи, онъ успѣлъ въ короткое время ввести въ немъ желѣзную дисциплину. «Началъ я—разсказывалъ онъ самъ—съ штабъ и оберъ-офицеровъ; строгость противъ нихъ оказывалъ чрезвычайную, такъ что нерѣдко батальонныхъ командировъ за фронтъ высылалъ. Съ нижнихъ чиновъ я сначала многого требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ виноваты». Когда же, несмотря на всѣ старанія, солдаты, вслѣдствіе «закоренѣлой лѣности», сдѣлали недостаточные успѣхи, онъ послѣ одного смотра подвергнулъ всѣхъ передовыхъ строгому наказанію, по жестокимъ военнымъ правиламъ того времени.

Нескрываемое сознаніе своего превосходства вносило въ отношенія Пестеля къ людямъ черту надменной повелительности. Когда нужно, онъ умѣлъ быть любезнымъ и тонкимъ. Но обыкновенно онъ ждалъ и требовалъ подчиненія, упорно настаивая. Онъ не «обворожалъ» членовъ общества и не всегда ихъ убѣждалъ, но чаще подавлялъ ихъ своей логикой и своею настойчивостью. Въ показаніяхъ декабристовъ, обвинявшихъ Пестеля въ томъ, что онъ подчинилъ ихъ своему вліянію, звучитъ иногда нота старой затаенной обиды.

«Помню — разсказываетъ одинъ изъ тульчинскихъ членовъ, Давыдовъ,—объ одномъ собраніи у князя Волконскаго. Пестель говорилъ о разныхъ предметахъ своихъ проектовъ... Противъ всѣхъ статей я покушался говорить, но имѣлъ слабость противъ своихъ мнѣній уступить мнѣнію Пестеля, какъ и въ важнѣйшихъ, къ несчастію, разговорахъ».

Также жаловался на Пестеля Басаргинъ: «Весьма часто, въ нѣкоторыхъ даже ничтожныхъ разговорахъ намъ казалось, что Пестель разсуждаетъ несправедливо, но не рѣшаясь съ нимъ спорить, мы оставляли его при его мнѣніяхъ, и говорили безъ него о семъ между собою».

Властный характеръ Пестеля явился одной изъ причинъ того разлада между южнымъ и сѣвернымъ обществами, который проявился во время упоминавшихся уже выше переговоровъ его съ членами сѣвернаго общества въ Петербургѣ въ началѣ 1824 г. Главной причиной разлада было коренное различіе программъ. Петербургскіе члены сочувствовали проекту Никиты Муравьева: федеративной конституціонной монархіи. Пестель же настаивалъ на своемъ проектѣ демократической республики. Соглашенію помѣшало крайнее недовѣріе петербургскихъ членовъ къ властолюбивому директору южнаго общества.

Въ ожиданіи пріѣзда Пестеля въ Петербургъ Никита Муравьевъ предостерегаетъ своихъ товарищей, что онъ «человѣкъ опасный и себялюбивый».

Князь Трубецкой изъ разговоровъ съ Пестелемъ выноситъ убѣжденіе, что онъ «человѣкъ вредный», что «не должно допускать его усиливаться, но стараться всевозможно его ослабить». Совѣщаніе ихъ оканчивается тѣмъ, что они «разстаются другъ другомъ недовольны». Князь Трубецкой далъ понять своему собесѣднику, что подозрѣваетъ его въ личныхъ видахъ, и Пестель, выходя изъ комнаты, сказалъ:

— «Стыдно будетъ тому, кто не довѣряетъ другому и подозрѣваетъ въ другомъ личные какіе виды, а послѣдствіе докажетъ, что таковыхъ видовъ нѣтъ!»

Въ разговорѣ съ третьимъ вліятельнымъ членомъ Сѣвернаго общества, Рылѣвымъ, Пестель, между прочимъ, отзывался о Наполеонѣ, что онъ истинно великій человѣкъ, отличавшій не знатность, а дарованія, и возвысившій Францію. Предубѣжденный Рылѣвъ тотчасъ увидѣлъ въ этихъ словахъ скрытый намекъ на то, что Пестель самъ мечтаетъ быть Наполеономъ, и поспѣшилъ замѣтить ему наставительно:

— «Въ наши дни даже и честолюбецъ, если только онъ разуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, чѣмъ Наполеономъ».

Безуспѣшность переговоровъ съ членами петербургскаго общества, закончившихся лишь не вполне оформленнымъ соглашеніемъ о единодушномъ дѣйствіи въ случаѣ крайности, безуспѣшность стараній тѣсно объединить оба общества подъ общей директоріей и съ общей программой—была лишь одной изъ крупныхъ неудачъ Пестеля въ его конспиративной дѣятельности. Такихъ неудачъ у него было много. Всѣ силы его ума и воли, вся его настойчивая дѣятельность въ теченіе восьми лѣтъ въ разъ принятомъ направленіи не дала ему того успѣха, въ которомъ онъ былъ такъ твердо увѣренъ долгое время до разочарованій послѣдняго 1825 года.

Говоря такъ, я разумѣю не успѣхъ послѣднихъ рѣшительныхъ дѣйствій тайнаго общества, не неудачу мятежа въ Петербургѣ. Эта неудача была случайной. Какъ ни слабы были силы заговорщиковъ, какъ ни малодушенъ былъ князь Трубецкой,

котораго главный двигатель возстанія Рылѣевъ неудачно выдвинулъ въ роковой день 14 декабря, но неурядица междуцарствія была столь благопріятной для заговора, и новый императоръ проявилъ такую растерянность, несмотря на внѣшнюю помпу театральнoй рѣшимости, что капризный случай едва-едва не далъ успѣха декабристамъ.

Говоря о неуспѣхѣ дѣятельности Пестеля, я имѣю въ виду не эту неудачу возстанія, а неуспѣшность его настойчивыхъ стараній образовать сильное сплоченное тайное общество, неуспѣхъ его, какъ пропагандиста и организатора.

Ходившіе среди членовъ сѣвернаго общества слѣхи о вліяніи Пестеля и о силѣ организованнаго имъ южнаго общества были крайне преувеличены. Въ началѣ 1821 г., какъ мы говорили, тульчинскіе члены общества въ числѣ 9 человѣкъ, согласно рѣшили не признавать постановленія московскаго съѣзда объ уничтоженіи Союза Благоденствія и выбрали единогласно директорами, Пестеля и Юшневскаго. Они «раздѣляли всѣ со мной—говорилъ Пестель—и цѣль, и способы достиженія ея безъ изыятія, и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили и то и другое». Въ отношеніи къ помянутому засѣданію начала 1821 г. эти слова Пестеля были совершенно вѣрны. Нѣкоторые изъ обвиняемыхъ, пытавшіеся отрицать справедливость этого обвиненія, тотчасъ же, какъ только слѣдственный комитетъ назначалъ имъ очную ставку съ Пестелемъ, сознавались въ своей винѣ, не допуская до очной ставки. Но не слѣдуетъ заключать изъ этого, что названные тульчинскіе члены и послѣ 1821 г. были настроены такъ же единодушно и рѣшительно, что они составляли тѣсный кружокъ единомышленниковъ, вполне подчинявшихся вліянію избраннаго ими директора и дѣйствовавшихъ по его указаніямъ. Ничего подобнаго; только что сплотившись, кружокъ началъ распадаться и во всякомъ случаѣ не дѣйствовалъ; единодушія и энергіи хватили только на два засѣданія. Участники указаннаго собранія одобрили всѣ планы Пестеля о революціи и республикѣ, но это рѣшеніе для большинства было минутнымъ порывомъ. «Происходившее въ семъ совѣщаніи имъ представляется какъ неясный сонъ»—говорилъ впоследствии одинъ изъ нихъ, Ивашевъ. Самъ Пестель, преувеличивающій въ видахъ самозащиты значеніе организациі общества, заявляетъ, что «тульчинская управа съ самаго 1821 г. *впала въ бездѣйствіе*». Вѣрнѣе будетъ сказать, что тульчинской управы, какъ организованнаго сообщества, вовсе не существовало. Члены ея ни разу не собирались на совѣщанія. Часть ихъ скоро отстранилась отъ общества. Нѣкоторые же, вновь принятые члены не только не дѣйствовали, но и такъ мало знали объ истинныхъ цѣляхъ и планахъ общества, что верховный уголовный судъ причислилъ ихъ къ VII разряду преступниковъ. Одинъ изъ нихъ, подпоручикъ Заикинъ участвовалъ только въ сокрытіи Русской Правды въ моментъ арестованія Пестеля, но онъ такъ мало зналъ о ея содержаніи, что отнесенъ былъ къ VIII разряду преступниковъ. Подполковникъ П. И.

Фаленбергъ, по замѣчанію слѣдственнаго комитета, былъ «столь недѣйтельнымъ и уклонившимся членомъ, что даже самое имя его почти забыто въ обществѣ». Этотъ Фаленбергъ такъ мало зналъ о дѣлахъ общества, что держался слѣдующаго страннаго мнѣнія: «Предчувствіе не обманываетъ меня, что всѣ нѣмцы, замѣшанные въ ихъ конституціонное общество, будутъ жертвы сего тайнаго общества, они, вѣрно, всего меньше знали о немъ, но были употреблены какъ машины, для приведенія въ исполненія тайныхъ замысловъ». Старанія самого Пестеля по привлеченію новыхъ членовъ оказались очень неудачны; онъ принялъ въ общество одного только предателя Майбороду.

Помимо генераль-интенданта 2 арміи, Алексѣя Юшневскаго, второго «директора» общества, у Пестеля было только два близкихъ къ нему единомышленника, вполнѣ подчинявшихся его вліянію,—отст. полк. Василій Давыдовъ и генераль-майоръ, князь Сергѣй Волконскій. Они всегда соглашались съ Пестелемъ на засѣданія общества, но поверхностно усвоенныя ими идеи Пестеля не составляли ихъ твердыхъ убѣжденій. Они относились къ дѣлу слишкомъ пассивно и также почти не дѣйствовали.

«Клянусь—показывалъ Давыдовъ на слѣдствіи—что я и Волконскій не придавали никакой важности симъ рѣчамъ (рѣчамъ Пестеля о царевубійствѣ), и я думаю о Юшневскомъ тоже, почитая все сіе пустыми словами. Конечно, мудроно мнѣ все сіе доказать, но если бы извѣстно было, какъ происходили таковые разговоры, какъ мало, вышедши изъ той комнаты, гдѣ ихъ слышали, о нихъ мы думали, оно бы понятно было... Къ несчастью моему, когда я услышалъ другія рѣчи и мнѣнія (болѣе рѣшительныя, о приступѣ къ дѣйствіямъ), имѣлъ постыдную слабость не возражать, а потакать онымъ, боясь казаться слабымъ и безхарактернымъ, но не вѣрилъ никогда исполненію. Въ послѣднія времена я началъ образумѣвать, и если бы не такъ скоро открыто было общество, ни меня, ни Волконскаго въ немъ бы не нашли». Это показаніе кажется искреннимъ и прекрасно характеризуетъ отношеніе къ обществу двухъ друзей Пестеля. Давыдовъ и кн. Волконскій были, говорить Пестель, руководителями второй управы, правой или каменской (по мѣсту ихъ жительства въ селѣ Каменкѣ), образованной вмѣстѣ съ двумя другими управами, тульчинской и васильковской въ 1823 г. «Каменская управа, признается Пестель, дѣйствовала вяло». Кн. Волконскій и Давыдовъ даже не старались привлекать новыхъ членовъ. Изъ членовъ каменской управы ревностнымъ дѣятелемъ былъ одинъ лишь отставной подполк. А. В. Поджіо, принятый въ 1823 г., «пламенный членъ, неукротимый въ словахъ и сужденіяхъ».

Наиболѣе дѣятельными и вліятельными членами Южнаго общества были, помимо Пестеля, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, подполковникъ черниговскаго пѣхотнаго полка, и Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, подпоручикъ полтавскаго пѣх. полка. Сергѣй Муравьевъ присоединился къ южному обществу въ 1822 г.; а

черезъ него въ 1823 г. принять былъ М. Бестужевъ. Они не сразу подчинились мнѣніямъ Пестеля. Сначала они, въ особенности С. Муравьевъ, горячо спорили противъ его программы установленія республики путемъ революціи и царевѣйства. Но вскорѣ, въ ноябрѣ 1823 г., на съѣздѣ у Давыдова въ Каменкѣ объявили, что перемѣнили мнѣнія и вполнѣ принимаютъ программу Пестеля. Русская Правда, въ краткомъ изложеніи, составила ихъ политическій завѣтъ, который они затѣмъ дѣятельно распространяли среди другихъ членовъ. Въ 1823 г. С. Муравьевъ и М. Бестужевъ объявлены были руководителями васьковской или лѣвой управы. Каменскіе и тульчинскіе члены были слишкомъ пассивны; Муравьевъ же и Бестужевъ слишкомъ рвались впередъ и, признавая авторитетъ Пестеля, въ то же время противъ его воли увлекали его за собой. Они, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльных членовъ, присоединили къ васьковской управѣ открытое ими общество соединенныхъ славянъ; они же первые начали сношенія съ поляками. Руководимая ими Васьковская управа къ концу 1824 г. была по числу членовъ больше обѣихъ другихъ управъ вмѣстѣ. Она была гораздо дѣятельнѣе, но и гораздо независимѣе отъ директоріи и большей частью только сообщала къ свѣдѣнію директоріи о своихъ дѣйствіяхъ. Въ виду этого, съ цѣлью тѣснѣе сплотить общество и ослабить самостоятельность С. Муравьева, Пестель рѣшилъ раздѣлить съ нимъ высшую власть надъ обществомъ и въ ноябрѣ 1825 г. назвалъ его директоромъ общества, третьимъ членомъ директоріи.

Неуспѣхъ дѣятельности Пестеля отчасти былъ обусловленъ личными его качествами; онъ отталкивалъ многихъ своимъ характеромъ, слишкомъ властнымъ для дѣятеля тайнаго общества, съ выраженными слишкомъ ясно диктаторскими стремленіями. Но главные причины неуспѣха заключались, конечно, въ неподготовленности той общественной среды, въ которой онъ дѣйствовалъ. Эта неподготовленность общества ярче всего выразилась въ немногочисленности и слабости тѣхъ лучшихъ его представителей, которые были захвачены потокомъ революціоннаго движенія, въ немногочисленности и слабости самихъ декабристовъ.

Всего осужденныхъ по дѣлу 14 декабря было 121 человекъ. Но если мы выдѣлимъ изъ нихъ нѣсколько главныхъ дѣятелей, то остальные рядовые декабристы оказываются по большей части стоящими не на высотѣ положенія. Наказаніе, назначенное имъ императоромъ Николаемъ, по большей части было непомѣрно суровымъ въ сравненіи съ ихъ виною. Они, какъ выяснилось на судѣ, или не знали объ истинной цѣли тайнаго общества, или знали, но были совершенно недѣятельными, или, разочаровавшись въ успѣхѣ, рано вышли изъ общества. Въ числѣ такихъ разочаровавшихся было нѣсколько замѣчательныхъ личностей, какъ напримѣръ Фонъ-Визинъ, авторъ извѣстныхъ записокъ, Бурцовъ, соперникъ Пестеля въ началѣ его дѣятельности въ Тульчинѣ,

Лунинь, выдѣляющійся своей твердостью, рѣшительностью и благородствомъ.

Въ ихъ время конфликтъ между старыми формами власти и обществомъ не достигъ еще той остроты, которая рождаетъ самоотверженность, превращая политику въ религію, которая силою ненависти дѣлаетъ стойкими и такихъ слабыхъ по натурѣ людей, какими были многіе декабристы.

Подъ вліяніемъ мгновеннаго порыва, вызваннаго стеченіемъ обстоятельствъ, декабристы могли перейти къ дѣйствіямъ, какъ то и доказали они въ Петербургѣ и подъ Бѣлою-Церковью. Но раньше, въ тайномъ обществѣ они долгое время ограничивались совѣщаніями, не переходя отъ словъ къ тому дѣлу, на которое настойчиво указывалъ Пестель, къ дѣлу организаціи и широкаго развитія дѣятельности тайнаго общества.

Среди декабристовъ было два человѣка, которыхъ называли «обреченными», Каховскій и Якубовичъ. Эти «обреченные» являлись въ роли особыхъ героическихъ натуръ. Остальные рѣзко отличали себя отъ нихъ. Въ послѣдующее время, когда въ революціонномъ движеніи «мгновенный порывъ» замѣненъ былъ самоотреченіемъ, каждый революціонеръ смотрѣлъ на себя, какъ на обреченнаго человѣка.

Неподготовленность общественной среды проявилась также и въ отношеніи декабристовъ къ программѣ Пестеля, революціонной и республиканской. Программа эта для большинства казалась слишкомъ радикальной. Петербургскіе члены общества рѣшительно отказались ее принять; большинство же южныхъ членовъ соглашалось на нее лишь подъ вліяніемъ «мгновеннаго порыва», или по настояніямъ Пестеля.

Пестель, больше всѣхъ своихъ товарищей сдѣлавшій для организаціи и развитія общества, также не былъ преданъ своей республиканской идеѣ до самоотреченія, до самопожертвованія во имя общаго блага. Онъ дѣйствовалъ въ тайномъ обществѣ, потому что, по свойству своего ума, твердо вѣрилъ въ успѣхъ своего плана военнаго переворота и военной диктатуры, для утвержденія республики. Онъ не былъ фанатикомъ въ собственномъ смыслѣ слова, но онъ былъ фанатически преданъ своей идеѣ, и эта преданность идеѣ заставила его сдѣлать для общества больше, чѣмъ сдѣлали всѣ его товарищи.

Верховный уголовный судъ, однако, все же присудилъ его къ смертной казни не столько за то, что онъ сдѣлалъ,—потому что онъ сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ могъ бы при другихъ условіяхъ,—сколько за то, чѣмъ онъ былъ. По силѣ характера и силѣ убѣжденія онъ былъ, безспорно, первымъ изъ декабристовъ.

Подробная біографія Пестеля дѣло будущаго. Онъ игралъ такую важную роль въ тайныхъ обществахъ съ перваго образованія въ январѣ 1817 года «Союза истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», что подробная научная біографія его представить собою исторію этихъ тайныхъ обществъ во всѣхъ ея основныхъ чертахъ развитія идей и организаціи.

Мы печатаемъ здѣсь показанія Пестеля по его собственноручнымъ отвѣтамъ слѣдственному комитету, хранящимся въ дѣлѣ Государственнаго Архива. Для удобства чтенія мы располагаемъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ и опускаемъ лишь нѣкоторыя незначительныя замѣчанія, которыя будутъ напечатаны впоследствии, въ отдѣльномъ изданіи. Эти показанія представляютъ собою въ цѣломъ подробный разсказъ, словами одного изъ главныхъ дѣятелей тайнаго общества, о всей жизни общества. Они содержатъ въ себѣ первостепенный матеріалъ для исторіи общества, превосходящій по своему значенію извѣстныя доселѣ записки декабристовъ.

Эти показанія послужили, между прочимъ, однимъ изъ главныхъ источниковъ извѣстнаго «Донесенія слѣдственной комиссіи», или «Всеподданнѣйшаго доклада Высочайше учрежденной комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ», составленнаго графомъ Блудовымъ. Многія мѣста показаній Пестеля дословно повторены въ этомъ докладѣ. Изъ нихъ въ особенности взяты были въ докладъ обстоятельныя разъясненія Пестеля объ организаціи и планахъ общества. Въ цѣляхъ самозащиты отъ личныхъ обвиненій со стороны товарищей, не щадившихъ его въ своихъ отвѣтахъ, Пестель предъ слѣдственнымъ комитетомъ старался отгнать силу организаціи общества, чтобы перенести отвѣтственность съ отдѣльныхъ лицъ на всѣхъ вмѣстѣ, на все общество. «Донесеніе» воспользовалось этимъ защитительнымъ маневромъ Пестеля, чтобы преувеличить, въ цѣляхъ обвиненія, организованность общества, и по справедливому замѣчанію Н. Тургенева, придадо значеніе заговора даже нѣкоторымъ интимнымъ бесѣдамъ лицъ, ни къ чему ихъ не обязывавшимъ.

Пестель, какъ сказано выше, былъ арестованъ въ мѣстечкѣ Линцахъ Кіевской губерніи, въ штабъ-квартирѣ Вятскаго полка 13 декабря 1825 года. Онъ былъ перевезенъ въ Тульчинъ, гдѣ находился штабъ 2-й арміи. Здѣсь, начальникъ штаба 2-й арміи, графъ Киселевъ, связанный съ нимъ дружескими отношеніями, задалъ ему длинный рядъ вопросовъ, составленныхъ главнымъ образомъ на основаніи доноса Майбороды. Пестель написалъ на нихъ отвѣты 22 декабря 1825 года, рѣшительно отрицая какую либо причастность къ тайному обществу и не называя никого изъ его членовъ.

Въ первыхъ числахъ января онъ былъ привезенъ въ Петербургъ. Здѣсь по вопросамъ, заданнымъ ему генераль-адъютантомъ Левашевымъ, онъ увидѣлъ, что изъ показаній членовъ общества, арестованныхъ послѣ 14 декабря, слѣдователи знаютъ

уже всѣ секреты общества, и въ общихъ чертахъ подтвердилъ справедливость предъявленныхъ ему обвиненій, назвавъ также и имена своихъ товарищей, въ большей части уже арестованныхъ. Этотъ допросъ снятъ былъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, 4 января 1826 года. Въ дополненіе къ устнымъ отвѣтамъ онъ въ ближайшіе дни написалъ еще нѣсколько письменныхъ разъясненій общаго характера о замыслахъ и дѣятельности общества.

Подробныя показанія написаны были имъ позднѣе, въ отвѣтъ на обстоятельныя вопросы комитета, отъ 13 января 1826 года, числомъ 55, и отъ 1 апрѣля, числомъ 47. Большую тетрадь отвѣтовъ на вопросы отъ 1 апрѣля Пестель писалъ пять дней, какъ видно изъ даты, 6 апрѣля, обозначенной на ней, вмѣстѣ съ подписью. Въ теченіе апрѣля съ него еще нѣсколько разъ снимали допросъ по отдѣльнымъ вопросамъ процесса (9, 15, 20 апрѣля). Кромѣ того нѣсколько разъ ему дѣлались очныя ставки съ различными обвиняемыми. Печатавъ всѣ эти показанія, мы вездѣ указываемъ въ скобкахъ ихъ даты, гдѣ только онѣ обозначены.

Всѣ бумаги слѣдствія переданы были Верховному Уголовному Суду, учрежденному указомъ 1 іюня 1826 года и открывшему свои дѣйствія 3 іюня. Существо судебного разбирательства свелось къ опредѣленію разрядовъ подсудимыхъ по степени вины каждого. Для этой работы Верховный Уголовный Судъ избралъ изъ своей среды «разрядную комиссію» подъ предѣлательствомъ М. М. Сперанскаго, получившаго наибольшее число голосовъ при выборахъ членовъ этой комиссіи. Явившись, такимъ образомъ, главнымъ вершителемъ судьбы различныхъ декабристовъ, Сперанскій выработалъ основанія для сравнительнаго опредѣленія силы вины каждого изъ нихъ. Эти основанія изложены имъ въ докладѣ Верховнаго Уголовнаго Суда императору Николаю I, не разъ напечатанномъ ¹⁾. По указаніямъ Сперанскаго и частью имъ самимъ составлены были краткія записки о силѣ вины каждого изъ обвиняемыхъ. Записку о винахъ Пестеля, доселѣ неизданную, мы печатаемъ здѣсь въ приложеніяхъ къ его показаніямъ ²⁾, а теперь перейдемъ къ отвѣтамъ, которые далъ самъ Пестель на предложенные ему вопросы.

¹⁾ См. этотъ докладъ: Б. Базилевскій, „Госуд. преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, т. I, 1908 г., стр. 89.

²⁾ Въ книгѣ Н. Шильдера, „Императоръ Николай I“, напечатана другая записка о винѣ Пестеля, составленная секретаремъ слѣдственнаго комитета Боровиковымъ, до учрежденія суда.

I. Біографическія свѣдѣнія.

Имя и отчество мои суть: Павелъ Ивановичъ сынъ Пестель. Имѣю отъ роду 32 года, скоро минеть 33.

Я принадлежу къ лютеранскому исповѣданію и бывалъ у святаго причастія каждый разъ, что встрѣчалъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ Петербургѣ, но не бывалъ, когда проводилъ оное въ арміи. Въ семъ году я былъ у исповѣди и у святаго причастія, а передъ тѣмъ былъ въ 1820-мъ году. Во все же время пребыванія моего при Второй арміи не былъ, за неимѣніемъ лютеранскаго священника. Въ 1824-мъ же году не былъ потому, что въ то время очень былъ боленъ и не выходилъ изъ горницы.

Нынѣ царствующему Государю Императору я не присягалъ на вѣрное подданство, ибо арестованъ былъ въ Тульчинѣ 13 декабря прошедшаго 1825 года, прежде полученія извѣстія о вступленіи Государя Императора на Всероссійскій престолъ.

До 12-ти лѣтъ возраста воспитывался я въ домѣ у родителей, а въ 1805 году отправился съ моимъ братомъ, что нынѣ полковникъ Кавалергардскаго полка, въ Гамбургъ, а оттуда въ Дрезденъ, изъ коего въ 1809 году возвратились въ родительскій домъ. Въ сіе время отсутствія изъ отечества управлялъ нашимъ воспитаніемъ нѣкто Зейдель, который, вступя въ Россійскую службу, находился въ 1820-мъ году при генералѣ графѣ Милорадовичѣ. Въ 1810-мъ году былъ я опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, откуда выпущенъ въ концѣ 1811 года прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій, что нынѣ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ.

О политическихъ наукахъ не имѣлъ я ни малѣйшаго понятія до самаго того времени, когда сталъ готовиться ко вступленію въ Пажескій корпусъ, въ коемъ ихъ знаніе требовалось для поступленія въ верхній классъ. Я имъ тогда учился у профессора и академика Германа, преподававшаго въ то время сіи науки въ Пажескомъ корпусѣ.

По выходѣ изъ Пажескаго корпуса занимался я наиболѣе военными и политическими науками и особенную имѣлъ склонность къ политическимъ, а потомъ къ военнымъ.

Зимою съ 1816 на 1817 годъ слушалъ я курсъ политическихъ наукъ у профессора и академика Германа въ его квартирѣ на Васильевскомъ острову. Но мало у него тогда почерпнулъ новыхъ познаній, потому что онъ почти то же читалъ въ лекціяхъ своихъ, что прежде я отъ него слышалъ въ Пажескомъ корпусѣ. Форма преподаванія была другая, но существо предметовъ то же самое.

Я вступилъ въ службу въ 1811 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, изъ Пажескаго корпуса въ лейбъ-гвардіи Литовскій, что нынѣ л.-г. Московскій полкъ. По открытіи кампаніи 1812 года находился я во фронтѣ при полку и былъ съ полкомъ въ сраженіи при селѣ Бородинѣ, гдѣ подъ самый уже вечеръ 26 августа раненъ былъ жестоко ружейною пулею въ ногу съ раздробленіемъ костей и поврежденіемъ жилъ, за что и получилъ золотую шпагу съ надписью за храбрость. Отъ сей раны пролежалъ я до мая мѣсяца 1813 года и, не будучи еще вылѣченъ, но имѣя рану открытою, изъ коей чрезъ весь 1813 годъ косточки выходили, отправился я къ арміи графа Витгенштейна, къ коему назначенъ былъ въ адъютанты. При немъ находился я все кампанію 1813 и 1814 годовъ, и во всѣхъ былъ сраженіяхъ, гдѣ онъ самъ находился. За Лейпцигское сраженіе получилъ я орденъ святого Владимира четвертой степени съ бантомъ, а за всѣ предшествовавшія дѣла 1813 года, въ коихъ находился послѣ перемирія, былъ произведенъ за отличіе въ поручики. За кампанію 1814 года получилъ орденъ святыя Анны 2 класса. По окончаніи войны въ 1814 году былъ я переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ при прежней должности, въ коей пребывалъ до 1821 года, бывъ переведенъ въ началѣ 1820 года въ Мариупольскій гусарскій полкъ подполковникомъ. Въ 1821 году, когда открывался походъ въ Италію, тогда былъ я переведенъ въ Смоленскій драгунскій полкъ, не оставаясь уже болѣе адъютантомъ. Въ полку, однако-же, я не былъ на лицо, потому что сказанный походъ въ Италію былъ отмѣненъ, а я между тѣмъ употребленъ былъ въ главной квартирѣ 2 арміи по дѣламъ о возмущеніи грековъ, и по симъ же дѣламъ былъ трикратно посыланъ въ Бессарабію, представивъ тогда по начальству двѣ большія записки о дѣлахъ грековъ и турокъ, которыя и были отосланы къ министру иностранныхъ дѣлъ. Въ ноябрѣ 1821 года былъ я по старшинству произведенъ въ полковники и въ томъ же мѣсяцѣ назначенъ командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, коимъ и продолжалъ командовать до 13 декабря 1825 года.—Я никогда не бывалъ передъ симъ ни подъ судомъ, ниже въ какихъ либо штрафахъ и даже въ продолженіи всей моей службы ни единого разу не былъ арестованъ и выговора не получалъ; а неоднократно имѣлъ даже важныя порученія, за исполненіе коихъ такъ былъ счастливъ, что всегда отъ начальства одобреніе получалъ. (Показанія въ 8-ми пунктахъ. Пункты 1—6, 8).

II. Революціонныя идеи.

Съ котораго времени и откуда заимствовали первыя вольнодумческія и либеральныя мысли, т. е. отъ внушеній другихъ или отъ чтенія книгъ, и какимъ образомъ мнѣнія сего рода въ умѣ Вашемъ укоренились?

Я никакого лица не могу назвать, кому бы я могъ именно приписать внушеніе мнѣ первыхъ вольнодумныхъ и либераль-

ныхъ мыслей и точнаго времени мнѣ опредѣлить нельзя, когда онѣ начали во мнѣ возникать: ибо сіе не вдругъ сдѣлалось, а мало по малу и съ начала самымъ для самаго себя непримѣтнымъ образомъ. Но слѣдующимъ образомъ честь имѣю Комитету о томъ доложить съ самою чистосердечнѣйшею и полнѣйшею откровенностью.—Когда я получилъ довольно основательныя понятія о политическихъ наукахъ, тогда я пристрастился къ нимъ. Я имѣлъ пламенное рвеніе и добра желалъ отъ всей души. Я видѣлъ, что Благоденствіе и Злополучіе Царствъ и Народовъ зависятъ по большей части отъ правительствъ, и сія увѣренность придала мнѣ еще болѣе склонности къ тѣмъ наукамъ, которыя о сихъ предметахъ разсуждаютъ и путь къ онимъ показываютъ. Но я съ начала занимался какъ сими науками, такъ и вообще чтеніемъ политическихъ книгъ со всею кротостію и безъ всякаго вольнодумства, съ однимъ желаніемъ быть когда нибудь въ свое время и въ своемъ мѣстѣ полезнымъ слугою Государю и Отечеству. Продолжая такимъ образомъ заниматься, началъ я потомъ уже разсуждать о томъ: соблюдены ли въ Устройствѣ Россійскаго Правленія правила политическихъ наукъ, не касаясь однакоже еще Верховной власти, но размышляя о министерствахъ, мѣстныхъ правительствахъ, частныхъ начальствахъ, и тому подобныхъ предметахъ. Я при семъ находилъ тогда много несообразностей по моимъ понятіямъ съ правилами политическихъ наукъ и началъ разные предметы обдумывать: какими постановленіями они могли бы быть замѣнены, пополнены или усовершенствованы. Обратилъ также мысли и вниманіе на положеніе народа, причемъ рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало, а равно и большія преимущества аристокраціи, которую я считалъ такъ сказать стѣною между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха ради собственныхъ выгодъ скрывающею истинное положеніе народа. Къ сему стали въ мысляхъ моихъ въ протеченіи времени присоединяться разные другіе предметы и толки, какъ то: преимущества разныхъ присоединенныхъ областей, слышанное о военныхъ поселеніяхъ, упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и подкупливость судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ и многія другія тому подобныя статьи, долженствовавшія по моимъ понятіямъ составлять предметъ частныхъ неудовольствій и чрезъ коихъ всѣхъ совокупленіе воедино представлялась моему уму и воображенію пѣлая картина народнаго неблагоденствія. Тогда началъ во мнѣ возникать внутренній ропотъ противу правительства. — Возвращеніе Бурбонскаго Дома на французскій престолъ и соображенія мои въ послѣдствіи о семъ происшествіи, могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей: ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при рестораціи монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ какъ всѣ возставали противъ революціи, и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ .

сего сужденія породилась мысль, что революція, видно, не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна, въ каковой мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учрежденій. Тогда начали сіи причины присовокупляться къ выше уже приведеннымъ; и начали во мнѣ рождаться, почти совокупно, какъ конституціонныя, такъ и революціонныя мысли. Конституціонныя были совершенно монархическія, а революціонныя были очень слабы и темны. Мало по малу стали первыя опредѣлительнѣе и яснѣе, а вторыя сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ подкрѣпляло и развивало во мнѣ всѣ сіи мнѣнія, мысли и понятія. Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время Революціи, заставляли меня искать средство къ избѣжанію подобныхъ, и сіе то произвело во мнѣ въ послѣдствіи мысль о Временномъ Правленіи и его необходимости, и всегдашнія мои толки о всевозможномъ предупрежденіи всякаго междоусобія. — Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей былъ я переведенъ въ республиканской, главнѣйше слѣдующими предметами и соображеніями:—Сочиненіе Детю де-Траси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на меня. Онъ доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лице, особенно ежели сей санъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ.—Всѣ газеты и политическія сочиненія такъ сильно прославляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приписывая сіе государственному ихъ устройству, что сіе мнѣ казалось яснымъ доказательствомъ въ превосходствѣ республиканскаго правленія.—Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія себѣ припоминать и съ ними соглашаться.—Я вспоминалъ блаженные времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ Императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и Англіи, конституціи суть однѣ только покрывала, никакъ не воспрепятствующія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелаютъ, и въ семъ отношеніи я предпочиталъ самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, разсуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ какъ въ конституціонныхъ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность, хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но за то и не можетъ такъ скоро худое исправить. Что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала.—Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристокраціями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными.

Я судилъ, что сіи аристокраціи сдѣлаются наконецъ сильнѣе самого монарха, какъ то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства. Произшествія въ Неаполѣ, Гишпаніи и Португаліи имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ по моимъ понятіямъ неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихкихъ конституцій и полныя достаточныя причины къ недоумѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мыслей. Изъ сего изволить Комитетъ усмотрѣть, что я въ семъ образѣ мыслей укрѣпленъ былъ какъ чтеніемъ книгъ, такъ и толками о разныхъ событіяхъ; а также и раздѣленіемъ со мною сего образа мыслей многими сочленами общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканецъ, и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ Республиканскомъ Правленіи. Когда съ прочими членами, раздѣляющими мой образъ мыслей, разсуждалъ я о семъ предметѣ, то представляя себѣ живую картину всего счастья, коимъ бы Россія по нашимъ понятіямъ тогда пользовалась, входили мы въ такое восхищеніе и сказать можно восторгъ, что я и прочіе готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содѣйствовать бы могло къ полному введенію и совершенному укрѣпленію и утвержденію сего порядка вещей: обращая при томъ же большое вниманіе на устраненіе и предупрежденіе всякаго безначалія, безпорядка и междуусобія, коихъ я всегда показывалъ себя самымъ ревностнѣйшимъ врагомъ. —Объявивъ такимъ образомъ въ самомъ откровенномъ и признательномъ изложеніи весь ходъ либеральныхъ и вольнодумныхъ моихъ мыслей, справедливымъ будетъ прибавить къ сему, что въ теченіи всего 1825 года сталъ сей образъ мыслей во мнѣ уже ослабѣвать, и я предметы началъ видѣть нѣсколько иначе, но поздно уже было совершить благополучно обратный путь. Русская Правда не писалась уже такъ ловко, какъ прежде. Отъ меня часто требовали ея поспѣшить и я за нее принимался, но работа уже не шла, и я ничего не написалъ въ теченіи цѣлаго года, а только прежде написанное кое гдѣ переправлялъ. Я начиналъ сильно опасаться междуусобій и внутреннихъ раздоровъ и сей предметъ сильно меня къ цѣли нашей охладѣвалъ. Въ разговорахъ иногда однакоже воспламенялся я еще, но не надолго, и все уже не то было, что прежде. Наконецъ, опасеніе, что общество наше открыто правительствомъ, привело меня опять нѣсколько въ движеніе, но и тутъ ничего положительнаго не дѣлалъ и даже по полку оставался на сей счетъ въ совершенномъ бездѣйствіи до самаго времени моего арестованія. (Показанія въ 8-ми пунктахъ. Пунктъ 7-й).

Какимъ образомъ революціонныя мысли и правила постепенно воз-

растали и укоренялись въ умахъ? и кто, гдѣ, началъ и продолжалъ внушать и распространять оныя въ Государствѣ?

На сей вопросъ весьма трудно отвѣчать, ибо отвѣтъ мой долженъ будетъ уже выходить собственно изъ круга сужденій о тайномъ обществѣ; не менѣе того, во исполненіе приказанія Комитета постараюсь объяснить, какъ могу.

Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ; политическія науки вездѣ преподаются, политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаетъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое.—Происшествія 1812, 13, 14 и 15 годовъ, равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ, столько царей изгнанныхъ, столько возвратившихся или призванныхъ, и столько опять изгнанныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобствами оныя производить. Къ тому же имѣетъ каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единого государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. То же самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ переобразования заставляетъ такъ сказать вездѣ умы клокотать (*fait bouillir les esprits*). Вотъ причины, полагаю я, которые породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ. Что же касается до распространенія духа переобразования по государству, то нельзя приписать сіе нашему обществу, ибо оно слишкомъ еще было мало-численно, дабы какое нибудь имѣть на сей счетъ общее вліяніе, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сіи точно распространились, общимъ причинамъ, вышеизложеннымъ и дѣйствовавшимъ на прочіе умы точно также, какъ и на умы членовъ общества. Можетъ быть, что къ тому содѣйствовалъ также и духъ неудовольствія совершенно независимо отъ тайнаго общества. (Показанія 13 января 1826 года, пунктъ 6).

III. Союзъ Благоденствія и Южное Общество.

Съ котораго времени и къ какой Масонской ложѣ вы принадлежали; гдѣ были всегдашнія или постоянныя собранія ея членовъ и для чего вы сохранили у себя знаки и патенты общества Масонскаго послѣ состоянія запретительнаго повелѣнія верховной власти и послѣ данной вами отрицательной подписки, которая обязывала васъ немедленно истребить ихъ?

Въ началѣ 1812-года вступилъ я въ масонство и принадлежалъ къ ложѣ въ Петербургѣ подъ названіемъ *Amis réunis*.—Въ

1816-мъ году перешелъ я въ ложу *Трехъ Добродѣтелей*, потому что въ оной употреблялся русскій языкъ, а въ первой: французскій.—Въ концѣ сего же 1816 года или въ первыхъ числахъ 1817-го года оставилъ я совсѣмъ масонство и съ тѣхъ поръ никогда уже съ онымъ никакихъ сношеній не имѣлъ. Засѣданія происходили въ Петербургѣ въ особомъ домѣ, обществомъ масонскимъ занимавшемся. Въ запретительномъ повелѣніи верховной власти о существованіи масонства не читалъ я приказанія истребить знаки и патенты масонскіе.

Впрочемъ остались сіи вещи у меня безъ истребленія по забвенію о нихъ. Онѣ валялись въ числѣ прочихъ вещей; я на нихъ смотрѣлъ, какъ на игрушки прежнихъ лѣтъ, и никакой въ нихъ не видѣлъ ни цѣны, ни важности. (Первый допросъ въ Тульчинѣ 22 декабря 1825 года, п. 1).

Кто именно были первоначальные основатели и члены тайныхъ обществъ въ Россіи?

Первыя лица, которыя говорили со мною объ учрежденіи тайнаго общества въ Россіи, были: Новиковъ, Никита Муравьевъ, князь Сергій Трубецкой и Федоръ Глинка. Сіе было осенью 1816-го года. Въ генварѣ 1817 года составилось въ Петербургѣ общество *Истинныхъ и Вѣрныхъ сыновъ отечества*. Предсѣдателемъ избранъ былъ князь Сергій Трубецкой; надзирателями и блюстителями: князь Лопухинъ и Александръ Муравьевъ; секретаремъ Никита Муравьевъ. Прочіе тогдашніе члены были, сколько припомнить могу: Сергій Муравьевъ, Матвѣй Муравьевъ, князь Илья Долгоруковъ, князь Шаховской, Федоръ Глинка, Иванъ Шиповъ, Новиковъ, Лунинъ и я: а чрезъ нѣсколько времени Бурцовъ и Михайло Муравьевъ.

Въ скорости послѣ того уѣхалъ я къ своему мѣсту въ первый корпусъ. Послѣ отъѣзда моего узнало наше общество, что подобное составилось въ Москвѣ, въ коемъ были Фонъ-Визинъ, Калашинъ и Якушкинъ. Сей послѣдній пріѣзжалъ въ Петербургъ для соединенія обоихъ обществъ въ одно и имѣлъ о томъ пренія съ княземъ Лопухинымъ, какъ мнѣ потомъ пересказывали. Какимъ образомъ сіе соединеніе совершилось, я уже не знаю, но когда въ концѣ 1817 года пріѣзжалъ я въ Петербургъ, то уже было оное сдѣлано, и большая часть членовъ нашихъ находилась въ Москвѣ съ гвардіею. Тамъ переобразовали общество Сыновъ Отечества въ *военное* общество и раздѣлили членовъ на два отдѣленія. Въ одномъ былъ первенствующимъ членомъ Никита Муравьевъ, а въ другомъ Катенинъ. Сіе недолго продолжалось и учредили въ Москвѣ же *Союзъ Благоденствія съ Зеленою Книгою*, которую и къ намъ въ Петербургъ прислали. Мы ее приняли, и съ того времени началъ дѣйствовать Союзъ Благоденствія, а прежнее устройство съ его статутомъ было уничтожено. (Показанія 13 января 1826 г., п. 1.)

Первоначальное общество, составившееся въ Петербургѣ въ 1816 году, вы называете обществомъ Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, а капитанъ Муравьевъ—Союзомъ Спасенія, иные же, принадлежавшіе къ сему обществу, не даютъ оному никакого наименованія. Поясните: Какъ общество сіе дѣйствительно называлось большею частию членовъ?

Я называлъ первоначальное общество составившееся въ 1816 году: *Обществомъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества*, потому что Уставъ оного общества, принятой въ началѣ 1817 года, сіе имѣлъ заглавіе; о наименованіи же общества *Союзомъ Спасенія*, никогда я не слыхалъ. (Показанія 6 апрѣля 1826 г., п. 1).

Въ разсужденіи цѣли начальнаго общества члены говорятъ различно: одни, что она была введеніе Монархическаго Конституціоннаго Правленія, другіе освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости, нѣкоторые же, просто введеніе новаго порядка вещей. Поясните: въ чемъ именно заключалась настоящая цѣль перваго общества?

Настоящая цѣль перваго общества была введеніе Монархическаго Конституціоннаго Правленія; а одно освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости было цѣлью при самомъ первомъ началѣ и весьма короткое время, но вмѣстѣ съ принятіемъ устава объ устройствѣ общества принята и цѣль Конституціи, о которой говорилось однакоже членамъ не прежде, какъ во второй степени, а въ первой при начальномъ принятіи говорилось только глухо о введеніи новаго порядка. (Тоже, п. 2).

Нѣкоторые члены показываютъ, что статутъ начальнаго общества отринуть или уничтоженъ по множеству формъ и клятвъ, въ ономъ предполагавшихся, и потому, что проповѣдывалъ насиліе и слѣпое повиновеніе боярамъ. Поясните, въ какомъ точно духѣ былъ написанъ означенный статутъ и почему дѣйствительно былъ уничтоженъ?

Статутъ перваго общества имѣлъ много клятвъ и формъ, потому что составленъ былъ въ духѣ масонскихъ учрежденій, формъ и клятвъ. Въ скорости по принятіи обществомъ сего статута, разъѣхались члены, составлявшіе оный, то есть князь Трубецкой, князь Долгоруковъ и я; а по сему и находили остальные члены разные въ немъ недоумѣнія. Вслѣдствіи чего и уничтожили оный въ Москвѣ, когда были тамъ въ 1817 году зимою. (Тоже, п. 3).

По объявленіи мнимаго уничтоженія союза Благоденствія въ 1820 или 1821 году, кто именно изъ членовъ онаго на Югѣ остались соединенными, и рѣшились не прекращать своихъ дѣйствій и учредить свою думу? Что побуждало ихъ къ продолженію общества, предлагалъ ли Юшневскій объ опасности такого предпріятія, вы ли убѣдили прочихъ членовъ къ удержанію общества на Югѣ и въ какомъ точно значеніи или духѣ?

Въ первомъ Союзѣ Благоденствія отличались отъ прочихъ членовъ, такъ называемые *коренные* члены, то есть тѣ члены, кото-

рые къ сему союзу принадлежали съ самаго начала его введенія и образованія. Когда зимою съ 1820 на 1821 годъ назначался отъѣздъ въ Москву для совѣщанія о преобразованіи Союза, тогда были къ сему съѣзду приглашены всѣ коренные члены, а Думы должны были назначить депутатовъ. Отъ Тульчинской Думы посланъ былъ Комаровъ, какъ депутатъ, а Бурцовъ поѣхалъ, какъ коренной членъ. По возвращеніи Бурцова и Комарова изъ Москвы, узнали мы все тамъ происшедшее отъ Комарова, прежде нежели Бурцовъ по порученію о томъ въ Думѣ объявилъ. Посему прежде собранія Думы былъ у насъ о томъ разговоръ съ Юшневскимъ. Изъ неудовольствія всѣхъ членовъ нашей Думы о Московскомъ происшествіи видно уже было, что большая часть склонна не признать объявленнаго уничтоженія Союза. По сему обстоятельству говорилъ мнѣ Юшневскій прежде собранія думы, что онъ намѣренъ въ оной представить обо всѣхъ опасностяхъ и трудностяхъ предпріятія, дабы испытать членовъ и удалить всѣхъ слабосердыхъ, говоря, что лучше ихъ теперь отъ Союза при семъ удобномъ случаѣ удалить, нежели потомъ съ ними возиться. Когда Дума была собрана, и Бурцовъ объявилъ о Московскомъ уничтоженіи Союза, а потомъ вышелъ, и за нимъ Комаровъ, тогда Юшневскій проговорилъ свою рѣчь, которая не только никого не удалила отъ союза, но напротивъ того самолюбіе каждого подстрекнула, и полковникъ Аврамовъ первый сказалъ, что ежели всѣ члены оставляютъ союзъ, то онъ будетъ его считать сохраненнымъ въ себѣ однимъ. Послѣ его всѣ члены объявили намѣреніе оставаться въ Союзѣ, и тутъ было замѣчено, что Московская чрезвычайная Дума имѣла порученіе переобразовать Союзъ и потому преступила границы своей власти, объявляя Союзъ уничтоженнымъ, а потому Тульчинская Дума признаетъ союзъ существующимъ съ прежнею цѣлью и въ прежнемъ значеніи. То и другое было подтверждено, и притомъ сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ образованіи Союза. Всѣ, тогда присутствовавшіе члены приняли названіе *Бояръ Союза* и выбрали въ предсѣдатели Юшневскаго, меня и Никиту Муравьева, предполагая, что онъ, подобно намъ, не признаетъ уничтоженія Союза; ибо онъ не былъ въ Москвѣ. Вотъ самое вѣрнѣйшее и подробнѣйшее повѣствованіе всего сего происшествія. Вскорѣ послѣ того получили мы извѣстіе отъ Никиты Муравьева, что многіе члены въ Петербургѣ точно также поступили какъ Тульчинская Дума.

Вотъ начало Сѣвернаго и Южнаго округовъ того же самого Союза Благоденствія, продолженнаго и притомъ исправленнаго. Членами Тульчинской Управы были тогда Юшневскій, Аврамовъ, Вольфъ, Ивашевъ, адъютанты Крюковъ 1, князь Барятинской и Бассаргинъ, свитской Крюковъ 2, князь Волхонскій Василій Давыдовъ, и я. Князь Волхонскій и Давыдовъ, хотя и не присутствовали при семъ случаѣ, но узнавъ о происшедшемъ, объявили, что они во всемъ съ Думою согласны и остаются членами общества.

На контрактахъ 1822 года присоединился Сергѣй Муравьевъ къ Южному округу, а чрезъ него въ 1823 году на контрактахъ же былъ принятъ Бестужевъ-Рюминъ. На обоихъ контрактахъ находились Юшневскій, Давыдовъ, князь Волхонскій, Сергѣй Муравьевъ и я.

Въ 1823 году раздѣлился Южный округъ на три управы: *Тульчинская* осталась въ прежнемъ составѣ. Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ съ ихъ членами составили *Васильковскую Управу*, которая называлась *лввою*: а Давыдовъ и князь Волхонскій составили *Каменскую Управу*, которая называлась *правою*. Всѣ три находились подъ вѣденіемъ *Тульчинской Директоріи*.

Каменская управа приобрѣла только Лихарева, графа Полиньяка и отставного Поджіо. Подполковникъ Янтальцовъ былъ мною въ оную переданъ, а прежде того былъ онъ принятъ въ союзъ полковникомъ Аврамовымъ. По прибытіи маіора Поджіо, брата отставного, изъ Петербурга, гдѣ онъ принятъ былъ въ общество, поступилъ онъ въ Каменскую управу и принялъ капитана Фохта. Лихаревъ принялъ Бошняка, а чрезъ сего послѣдняго начались сношенія съ графомъ Виттомъ. Князь Волхонскій въ 1824 году ѣздилъ на Кавказъ и привезъ оттуда нѣкоторыя свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ. Маіоръ Поджіо ѣздилъ въ томъ же году осенью въ Орель, съ намѣреніемъ тамъ видѣться съ какими то двумя князьями Голицыными, въ отставкѣ находящимися, и посредствомъ ихъ узнать о духѣ войскъ, тамъ расположенныхъ; но возвратясь, говорилъ, что онъ ихъ не засталъ, не видалъ и потому ничего тамъ не сдѣлалъ. Какіе же это князья Голицыны, я въ точности не знаю, но полагаю, что одинъ изъ нихъ служилъ прежде въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Генералъ-маіоръ Кальмъ выбылъ съ полкомъ въ 1820 году изъ 2-й арміи въ 1-ую и въ Москвѣ узналъ объ объявленіи, что общество уничтожено. Возвратясь ко второй арміи въ 1821 году, имѣлъ я съ нимъ объ обществѣ разговоры, но онъ скоро заболѣлъ, ѣздилъ потомъ въ чужіе край и такимъ образомъ въ обществѣ съ того времени не участвовалъ. — Вотъ всѣ дѣйствія и происшествія по Каменской управѣ.

Тульчинская управа съ самаго 1821 года впала въ бездѣйствіе и съ того времени всѣ ея приобретенія въ теченіе пяти лѣтъ состояли въ нѣкоторыхъ свитскихъ офицерахъ, а именно Фаленбергъ, Бобрищевы-Пушкины 1-й и 2-й, Черкасовъ, Загорецкій, Аврамовъ, Заикинъ и покойникъ Филиповичъ. Сверхъ того былъ еще принятъ въ общество маіоръ Мартыновъ 36-го егерскаго полка, который чрезвычайно боленъ и находится при своемъ братѣ командирѣ Пермскаго полка. Выѣстъ съ Лореромъ принялъ я полковника Лемана, а чрезъ Майбороду Старосельскаго. Маіоръ Лореръ, принятый въ Петербургѣ княземъ Оболенскимъ и полковникомъ Нарышкинымъ, приобщенъ былъ къ Тульчинской же управѣ, равно какъ и Леманъ. Лореръ принялъ полковника Канчіалова. Съ Непинымъ же и маіоромъ Раевскимъ ника-

кихъ совершенно не было у насъ сношеній. Объ уничтоженіи общества въ Москвѣ было имъ сообщено покойнымъ капитаномъ Охотниковымъ, находившимся при генераль-маіорѣ Орловѣ въ Кишиневѣ. Вотъ всѣ дѣйствія и всѣ происшествія по Тульчинской управѣ.

Васильковская управа была гораздо дѣятельнѣе прочихъ двухъ и дѣйствовала гораздо независимѣе отъ директоріи, хотя и сообщала къ свѣдѣнію то, что у нея происходило; но сношенія директоріи съ сею управою были рѣже и затруднительнѣе. Сею управою были приняты полковники Швейковский, Тизенгаузенъ, Артамонъ Муравьевъ, Враницкой, оберъ-квартирмейстеръ 3 корпуса, Фроловъ, капитанъ Норовъ, что нынѣ въ отставкѣ подполковникомъ, гусарскаго принца Оранскаго полка, ротмистръ Жуковъ, Пыхачевъ, да еще нѣсколько другихъ, о коихъ припомнить не могу, ибо ихъ имена не болѣе, какъ по одному разу слыхалъ. Сія управа приобщила къ своему составу открытыхъ ею членовъ общества соединенныхъ славянъ, человѣкъ до 15, какъ мнѣ Бестужевъ говорилъ. Сія управа, узнавши образъ мыслей Семеновскихъ солдатъ, имѣла на нихъ надежду. Она первоначально открыла сношенія съ поляками. Князь Сергій Трубецкой, по прибытіи въ Кіевъ, дѣйствовалъ съ сею управою. Къ ней также принадлежалъ Матвѣй Муравьевъ. Вотъ что относится до Васильковской управы.

Въ прошедшемъ году въ ноябрѣ мѣсяцѣ предложилъ я Юшневскому приобщить Сергѣя Муравьева къ директоріи: ибо смѣшно, говорилъ я, что онъ въ числѣ председателей, когда его управа гораздо значительнѣе и сильнѣе обѣихъ другихъ вмѣстѣ, да и ради нашей отвѣтственности передъ союзомъ; ибо Васильковская управа гораздо независимѣе прочихъ двухъ дѣйствуетъ, надо, чтобы Сергѣй Муравьевъ принадлежалъ къ директоріи. Юшневской согласился на то, и тогда былъ Сергѣй Муравьевъ къ директоріи приобщенъ (тоже п. 19).

Въ отвѣтъ на 19-й пунктъ вопросовъ (предыдущій) рѣшимость Тульчинскихъ членовъ продолжать дѣйствія общества вы относите къ неудовольствію ихъ, изъявленному по возвращеніи изъ Москвы Комарова и Бурцова и къ впечатлѣнію, которое сдѣлала на нихъ рѣчь Юшневскаго; но полковникъ Бурцовъ и Юшневскій утверждаютъ, что когда Бурцовъ въ собраніи Тульчинскихъ членовъ объявилъ объ уничтоженіи союза, то вы первые, возвыся голосъ, доказывали, что Московскіе члены не имѣли права прекращать онаго, и что вы рѣшили продолжати его; по отзыву же прочихъ, тутъ присутствовавшихъ, ваши доказательства и вліяніе, и рѣчь Юшневскаго были главнымъ для нихъ убѣжденіемъ.

Комаровъ, прибывъ изъ Москвы, объявилъ намъ объ уничтоженіи союза прежде Бурцова, говоря притомъ, что отъ Московскаго засѣданія поручено Бурцову объявить о томъ думѣ. Посему знали о семъ всѣ члены прежде, нежели дума собралась для выслушанія отъ Бурцова объ объявленіи. Въ сіе время показы-

Павель Иванович
ПЕСТЕЛЬ.

вали всѣ члены неудовольствіе свое на счетъ уничтоженія союза Московскимъ засѣданіемъ, и изъ сего неудовольствія ихъ, изъ-явленнаго прежде объявленія Бурцовымъ о разрушеніи союза, видна была склонность ихъ не признавать уничтоженія общества. Когда Бурцовъ объявилъ о семъ думѣ, тогда я, какъ председатель, сказалъ, что дума будетъ о томъ имѣть свое сужденіе. Послѣ сего Бурцовъ вышелъ, и въ его присутствіи не было никакого сужденія.

Если бы я въ сіе время сталъ говорить въ пользу уничтоженія общества и притомъ бы объявилъ, что оное признаю и отъ общества удаляюсь и отстаю, да если бы къ тому же и Юшневскій меня въ томъ поддержалъ, то я точно полагаю, что мы успѣли бы прочихъ членовъ уговорить общество прекратить и я, конечно, долженъ всегда въ томъ себя упрекать, что сіе не сдѣлалъ. Однако же прежде еще собранія думы для выслушанія Бурцова показывали уже всѣ члены свое неудовольствіе о томъ, что въ Москвѣ было рѣшено и въ то же время показывалъ и я свое о томъ неудовольствіе, а потому, ежели сіе на нихъ такъ сильно подѣйствовало, какъ они говорятъ, то тѣмъ сильнѣе дѣлается моя скорбь, что однимъ вліяніемъ своимъ вовлекъ ихъ въ несчастный путь тайнаго общества; но, какъ мнѣ кажется, то по ихъ тогдашнему расположенію духа было достаточно на то рѣшимости въ нихъ самихъ (показанія 6 апрѣля, п. 8).

Въ семъ же пунктѣ (19) отвѣтовъ (см. выше) вы говорите, что Тульчинская дума рѣшилась продолжать союзъ благоденствія съ прежнею цѣлію и въ прежнемъ значеніи, но въ чемъ именно, то и другое заключалось?—Не объясняете: полковникъ же Аврамовъ, князь Барятинской, ротмистръ Ивашевъ, штабъ-лѣкарь Вольфъ и другіе показываютъ, что при возобновленіи общества въ Тульчинѣ въ 1821 году принято было цѣлью его разрушеніе существующаго порядка вещей во что бы то ни стало, хотя бы послѣдствіемъ того было упраздненіе престола. Средства же къ достиженію сей цѣли предоставлены избраннымъ председателямъ (Вамъ и Юшневскому) съ полною надъ членами властію. Здѣсь поясните: а) Кто именно предложилъ цѣль сію и средство къ ея достиженію? б) Кромѣ избранія председателей и принятія цѣли общества, какія еще въ Тульчинѣ одобрены были предложенія? с) Кто изъ находившихся тамъ членовъ присутствовалъ въ собраніяхъ Думы?

Я въ 19 пунктѣ прежнихъ отвѣтовъ не объяснялъ въ подробности прежняго значенія и прежней цѣли, съ коею Тульчинская Управа рѣшилась продолжать Союзъ Благоденствія, потому что они уже были объяснены выше 19 пункта.

Прежнее значеніе было революціонный способъ дѣйствія, а прежняя цѣль была республиканское правленіе, принятое обществомъ въ 1820 году. Сверхъ того пояснялъ я и то въ 19 пунктѣ, что при рѣшеніи Думы о продолженіи Союза были подтверждены, какъ республиканское правленіе, такъ и революціонный способъ

дѣйствія. Симвъ не новая цѣль вводилась, но старая прежде уже принятая продолжалась.

Предсѣдателямъ была дана полная власть для управленія обществомъ до того времени, когда оно дойдетъ до готовности къ дѣйствию, но прежде начатія онаго должны были бояре быть собраны на общее окончательное совѣщаніе, имѣющее предшествовать начатию дѣйствія. Я, какъ предсѣдатель, предлагалъ предметы на совѣщаніе, а мнѣнія заключались по общимъ сужденіямъ. Когда разсуждали о цѣли, тогда первый вопросъ былъ, измѣняетъ ли общество прежнюю республиканскую цѣль или нѣтъ? Всѣ единодушно и безъ противорѣчія подтвердили продолженіе оной, причемъ я самъ въ пользу оной говорилъ.

Кромѣ избранія предсѣдателей и принятія цѣли общества, былъ еще одобренъ и рѣшительный способъ дѣйствія съ упраздненіемъ престола и, въ случаѣ крайности, съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, которыя представляютъ въ себѣ непреодолимые препоны. Члены Тульчинской Думы, бывшіе тогда на лицѣ, суть: Юшневскій, Аврамовъ, Ивашевъ, Крюковъ 1 и 2, князь Барятинской, Бассаргинъ, Вольфъ и я (показаніе 6 апрѣля, п. 9).

Изъ показаній многихъ, принадлежавшихъ къ Союзу Благоденствія, членовъ извѣстно, что наружною цѣлю сего было распространеніе просвѣщенія въ смыслѣ Союза, дабы общее мнѣніе, постепенно приготовленное, предшествовало мѣрамъ преобразованія въ государствѣ, но что вы-Никита Муравьевъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы и нѣкоторые коренные члены, почитая способъ сей слишкомъ медлительнымъ и обширнымъ, желали ускорить исполненіе цѣли своей, и на сей конецъ въ 1821 году были созваны въ Москву депутаты отъ всѣхъ управъ; увидѣвъ же несогласіе на то большей части прочихъ членовъ, рѣшились объявить уничтоженіе Союза Благоденствія, дабы, избавившись отъ противомыслящихъ членовъ, свободнѣе слѣдовать принятымъ ими началамъ. Объясните: справедливы ли таковыя показанія?

Сіе показаніе несправедливо: 1) Потому что изъ названныхъ здѣсь членовъ союза ни одинъ не былъ въ Москвѣ, а слѣдовательно и не участвовалъ въ разрушеніи союза; 2) потому что назначеніе сѣзда въ Москвѣ было сдѣлано безъ всякаго участія съ моей стороны, и я о семъ назначеніи узналъ, когда Якушкинъ пріѣхалъ въ Тульчинъ для объявленія объ ономъ и приглашенія туда прибыть; 3) потому что мы не признали сего уничтоженія и укоряли имъ членовъ, оное сдѣлавшихъ, говоря, что они не имѣли на то права; 4) потому что ежели бы мы имѣли таковую цѣль, то радовались бы уничтоженію союза на мѣсто того, что мы о томъ изъявили недовольство; 5) потому что наружная цѣль Союза Благоденствія была и безъ того за наружную извѣстна, и никакимъ дѣйствіямъ союза не мѣшала, чему служитъ доказательствомъ заключеніе Коренной Думы въ началѣ 1820 года о Республиканскомъ Правленіи.

Настоящая причина разрушенія союза въ концѣ 1820 года

состоить въ томъ, что члены, тамъ бывшіе, не могли между собою согласиться, что генераль Орловъ объявилъ свое отступленіе отъ союза, и что всѣ сіи несогласія и разногласія между членами, бывшими на Московскомъ сѣздѣ, ихъ самихъ побудили приступить къ разрушенію союза и объ ономъ объявить. Такъ по крайней мѣрѣ я полагаю; но ежели они имѣли сверхъ того еще какія нибудь причины другія, то мнѣ таковыя остались неизвѣстными до сихъ поръ (показанія 6 апрѣля, п. 7).

Члены, отклонившіеся отъ Союза Благоденствія въ 1821 году, не составили ли особенныхъ отдѣльныхъ обществъ, кромѣ южнаго, гдѣ, въ какое время, и подъ какими наименованіями?

По объявленіи въ 1821-мъ году объ уничтоженіи въ Москвѣ Союза Благоденствія, продолжался оный союзъ въ Тульчинѣ и въ Петербургѣ. О продолженіи онаго въ Петербургѣ увѣдомилъ меня Никита Муравьевъ. Но что касается до членовъ, отклонившихся отъ союза въ Москвѣ, то ничего не могу сказать о томъ, составили ли они особое общество или нѣтъ. Сего не знаю. Наименованіе въ Петербургѣ и въ Тульчинѣ осталось прежнее, но образованіе общества получило словесныя измѣненія; письменнаго же новаго статута не было (показанія 13 января 1826 г., п. 2).

Бы ли и полковникъ Бурцовъ были начальниками и основателями Союза Благоденствія на югѣ? И кто были первые члены онаго?

Я прежде полковника Бурцова находился въ Тульчинѣ и потому прежде его тамъ дѣйствовалъ. По прибытіи же Бурцова дѣйствовали мы вмѣстѣ. Первоначальные члены были: свитской подполковникъ Комаровъ, докторъ Вольфъ, полковникъ, что нынѣ генераль-маіоръ, Кальмъ, полковникъ, что нынѣ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, Краснокуцкой. А потомъ Юшневскій, полковникъ Аврамовъ и адъютантъ Ивашевъ. Черезъ генераль-маіора же Кальма полковникъ Непенинъ и подполковникъ Хотяинцовъ. Я сихъ членовъ называю первоначальными, потому что они приняты были въ продолженіе 1819 года (тоже, п. 18).

Сіе вновь составленное на Югѣ общество какую въ отношеніяхъ своихъ имѣло разность съ прежде существовавшимъ Союзомъ Благоденствія?

Вся разница состояла въ нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ внутренняго образованія союза и въ томъ, что Южная Управа перестала отъ сего времени считать себя въ зависимости отъ Петербургской. Новаго же общества не составлялось, ибо нельзя принять за новое общество то, что было продолженіемъ и исправленіемъ прежняго Союза Благоденствія (показанія 13 января, п. 20).

Въ чемъ заключалось внутреннее образованіе Южнаго общества и степени, присвоенныя членамъ онаго, т. е. что значили званія *друи*,

брата, мужа и бояра, какія имѣли они права, и кому изъ нихъ открывалась главнѣйшая цѣль и планъ общества?

Южный округъ Союза Благоденствія управлялся Главною Управою или Директоріею, члены раздѣлялись на братья, мужья и бояре. Братьями назывались члены, не имѣющіе права принимать другихъ членовъ. Мужья имѣли сіе право. Бояре присоединялись къ Директоріи для рѣшенія важныхъ случаевъ. Друзьями назывались лица, въ союзъ не принятые, но на которыхъ имѣлись виды. Цѣль и планъ открывались сполна мужьямъ и боярамъ. Каждый членъ долженствовалъ передъ членомъ, имъ принятымъ, таить имена всѣхъ прочихъ ему извѣстныхъ членовъ. Вотъ главныя правила, которыя были постановлены, но ни одно изъ нихъ не было исполняемо (тоже, п. 21).

Вы ли съ Юшневскимъ, или еще кто, кромѣ васъ, составляли ту *невидимую директорію* (*directoire occulte*), которая таинственно дѣйствовала на всѣхъ прочихъ, и какъ далеко простиралась власть ваша въ дѣлѣ общества?

Точно такъ и члены Директоріи Южнаго округа должны были быть извѣстными однимъ Боярамъ, но между тѣмъ всѣмъ были извѣстны. Сія Директорія состояла, какъ уже сказано въ 19 пунктѣ, изъ Юшневскаго и меня. Власть наша состояла въ надзорѣ за исполненіемъ установленныхъ обществомъ правилъ, въ сохраненіи связи между членами и Управами, въ назначеніи предсѣдателей по Управамъ, въ принятіи членовъ въ Бояре и въ присоединеніи къ Директоріи новыхъ членовъ или предсѣдателей (тоже, п. 22).

Изъ показаній послѣ перваго допроса въ Петербургѣ:

Тульчинская Управа состояла изъ членовъ, коимъ остальные части союза почти вовсе не были извѣстны. Равнымъ образомъ не было имъ сообщено положительно предполагаемые образъ дѣйствія и образъ правленія. Иногда между разговорами было кое что сказано о сихъ предметахъ, но всегда мелькомъ и безъ дальнихъ распространеній. Они находились въ союзѣ, большею частью ничего подробнаго и положительнаго о немъ не зная. Что же касается въ особенности г. Юшневскаго, то онъ все время своего бытія въ союзѣ въ совершенномъ находился бездѣйствіи, ни единого члена самъ не приобрѣлъ и ничего для общества никогда не сдѣлалъ. Изъ всего поведенія его видно было, что онъ самъ не радъ былъ, что въ обществѣ находился. Я все сіе объясняю здѣсь, потому что сіе извѣстіе считаю принадлежащимъ къ полному свѣденію объ обществѣ.

Я здѣсь объяснилъ все то, что вспомнить могъ сверхъ показанія, третьяго дня сдѣланнаго. Остается еще только замѣтить, что сношенія между частями союза столь были рѣдки и затруднительны, что невозможно представить въ совокупности полное изло-

женіе всего состоянія и всѣхъ дѣйствій общества. Я даже увѣренъ, что ни единый членъ союза не имѣетъ полныхъ свѣдѣній о союзѣ. У насъ не было членовъ объѣзжающихъ, и пользовались мы только случайными переѣздами кого изъ членовъ; но таковыя случайныя переѣзды не всегда бывали своевременны и весьма недостаточны (показанія 7 января 1826 г.).

Отъ всѣхъ ли, вступавшихъ въ общество, требовалась клятва или честное слово, въ сохраненіи тайны о существованіи онаго и къ чему еще обязывала помянутая клятва?

Отъ каждого новаго члена требовалась или клятва или честное слово въ сохраненіи тайны и въ елико возможномъ содѣйствіи Союзу. Опредѣлительнаго ничего не говорилось, ибо принимался уже тотъ, коего образъ мыслей былъ сходенъ съ образомъ мыслей Союза. Обыкновенно довольствовались честнымъ словомъ. (Показанія 13 января п. 23).

Полковникъ Леманъ показываетъ, что вы, принявъ его въ общество и обязавъ клятвою хранить тайну онаго, грозили ему, что малѣйшая измѣна или нескромность наказаны будутъ ядомъ или кинжаломъ. Нѣкоторые изъ членовъ общества точно такъ же увѣряли принимаемыхъ ими, что *ядъ и кинжалъ* вездѣ найдеть измѣнника. Поясните: сія угроза была ли общимъ правиломъ для всѣхъ членовъ общества, или позволялась только нѣкоторымъ, и точно ли вы произнесли таковую Леману?

Сіи угрозы не входили въ правила общества съ самаго времени уничтоженія перваго союза въ 1817 году. Въ первомъ же обществѣ входили они въ правила устава, будучи приняты изъ масонскихъ статутовъ и формъ. Можетъ быть, что въ разговорахъ объ обществѣ и о цѣломъ ходѣ онаго съ самаго его начала я о сихъ угрозахъ рассказывалъ полковнику Леману, но при его принятіи и не думалъ ихъ произносить, и не клятву съ него бралъ, а честное слово. (Показанія 6 апрѣля п. 27).

На очной ставкѣ 12 апрѣля 1826 года, полковникъ Леманъ остался при своемъ показаніи. Полковникъ Пестель, утвердивъ свое показаніе, присовокупилъ, что онъ при приѣмѣ Лемана не дѣлалъ ему никакихъ угрозъ, чего не дѣлалъ онъ и другимъ, принятымъ имъ въ общество, но что въ разговорахъ съ нимъ, можетъ быть, рассказывалъ ему о бывшихъ въ прежнемъ обществѣ подобныхъ угрозахъ, но безъ всякаго примѣненія къ Леману.

Не имѣли ли сіи общества высшихъ надъ собою правителей, дѣйствовавшихъ сокровенно или таинственно и кто были таковыми?

Южный округъ Союза Благоденствія никакихъ не имѣлъ высшихъ надъ собою правителей, дѣйствовавшихъ сокровенно или таинственно и до отъѣзда моего изъ Петербурга въ 1824 году не имѣлъ также и сѣверный округъ таковыхъ, да и послѣ того

не слыжалъ я, чтобы таковыя появились или установились въ немъ. (Показанія 13 января, п. 4.).

Не считали ли общества своими покровителями кого либо изъ высшихъ лицъ въ государственной службѣ, которыя или знали о существованіи оныхъ, или по правиламъ и образу мыслей подавали надежду на содѣйствіе, или же на одобреніе намѣреній общества?

Я никого не зналъ и теперь не знаю таковаго лица изъ высшихъ чиновъ въ государственной службѣ; а ежели Петербургскій округъ былъ съ кѣмъ нибудь изъ таковыхъ лицъ въ сношеніи или получилъ на кого либо надежду, то сіе должно было случиться незадолго передъ симъ: ибо намъ въ Южномъ округѣ не было ничего о томъ сообщено. (Тоже, п. 5).

Нѣкоторымъ членамъ общества вы рассказывали, что многія изъ лицъ ближайшихъ къ Государю думаютъ и желаютъ другого образованія въ государствѣ, хотя они и не члены общества; и Василью Давыдову говорили, что Петербургское общество намѣрено назначить членами временнаго правленія адмираловъ Мордвинова и Сиявина, и что третьимъ членомъ, хотя и предполагаемъ былъ генераль Раевскій, но отринуть. Здѣсь поясните: 1., Кто именно изъ лицъ близкихъ къ Государю думалъ и желалъ другого образованія въ государствѣ и какимъ образомъ сдѣлался вамъ извѣстнымъ образъ мыслей ихъ? и 2., Кто сообщилъ вамъ о намѣреніи общества назначить Мордвинова и Сиявина членами временнаго правленія и на чемъ именно сіе предположеніе общества основывалось?

Я не знаю никого изъ лицъ близкихъ къ Государю и ни чей образъ мыслей мнѣ не извѣстенъ. Я никогда никого изъ нихъ и не называлъ. А разсуждали не я одинъ, но многіе и почти всѣ, что когда Революція возьметъ свой ходъ, тогда вѣрно много покажется людей, которые присоединятся къ Революціи, особенно при хорошемъ успѣхѣ, а можетъ быть и изъ высшихъ чиновниковъ. Сіе было одно только гадательное предположеніе, при коемъ никого не называли и никого не имѣли въ виду.

Бестужевъ Рюминъ въ Кіевѣ съ кн. Трубецкимъ и полковникомъ Брыгинымъ пріѣзжалъ потомъ ко мнѣ въ Линцы и сказывалъ мнѣ, что онъ отъ Трубецкаго и Брыгина извѣстился о намѣреніи Сѣвернаго Общества назначить адмираловъ Мордвинова и Сиявина членами временнаго правленія и что прежде хотѣли назначить и Раевского, но потомъ его отринули, а производителемъ дѣлъ при нихъ долженствовалъ быть Николай Тургеневъ. Какъ мнѣ сіе сказалъ Бестужевъ, такъ точно и я передалъ Давыдову (показанія 6 апрѣля, п. 24).

До какой степени общества успѣли умножить своихъ сообщниковъ во всѣхъ сословіяхъ и родахъ службы государственной?

Всѣ дѣйствія Союза Благоденствія ограничивались до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, однимъ сословіемъ дворянства и службою военною. Ежели и приняты въ общество гражданскіе чиновники, то весьма мало (показаніе 13 января, п. 16).

До какой степени и въ какихъ наиболѣе войскахъ (не исключая и нижнихъ чиновъ) и въ прочихъ государственныхъ сословіяхъ распространенъ былъ преступный духъ преобразованія и безначалія?

Духъ преобразованія былъ духомъ Союза Благоденствія и потому былъ распространенъ тамъ, гдѣ общество имѣло своихъ членовъ и именно между сочленами. Слѣдовательно, наиболѣе въ гвардіи, потомъ въ 3 корпусѣ, потомъ во 2 арміи. Что же до нижнихъ чиновъ касается, то между ими духъ преобразованія не былъ распространенъ, а существовалъ духъ сильнаго неудовольствія, изъясляемый особенно Семеновскими солдатами, служащими въ 3 корпусѣ, какъ о томъ я слышалъ отъ Бестужева-Рюмина (тоже, п. 17).

На чемъ именно основалась надежда Южнаго общества на содѣйствіе 1-го, 2-го и 3-го корпусовъ, т. е. было ли въ предварительныхъ сношеніяхъ съ чинами оныхъ, и имѣло ли какое либо удостовѣреніе о ихъ готовности къ произведенію революціи и вообще стремилось ли общество всѣхъ начальниковъ войскъ исподоволь обратить къ своей цѣли?

Общество имѣло желаніе какъ можно болѣе начальниковъ войскъ обратить къ своей цѣли и принять въ свой союзъ, особенно полковыхъ командировъ, предоставляя каждому изъ нихъ дѣйствовать въ своемъ полку, какъ самъ наилучше найдетъ. Желало также и прочихъ начальниковъ въ общество приобрести: генераловъ, штабсъ-офицеровъ, разныхъ командировъ. Надежда на 3-й корпусъ была двойная: во первыхъ, на членовъ общества изъ штабсъ- и оберъ-офицеровъ, а во вторыхъ, на Семеновскихъ солдатъ, которые своимъ жребіемъ весьма недовольны и притомъ вліяніе имѣютъ на другихъ солдатъ. О семъ узнали члены Васильковской Управы во время лагеря 1825 года. Они говорили съ Семеновскими солдатами о ихъ положеніи и замѣтили сильный между ими духъ неудовольствія. Такъ по крайней мѣрѣ о семъ мнѣ рассказывалъ Бестужевъ-Рюминъ. На 1 и 2 корпусъ надѣялись потому, что въ оныхъ находятся Семеновскіе солдаты, о коихъ полагали, что они вѣрно въ томъ же духѣ, какъ и солдаты 3 корпуса. Сношеній съ ними не имѣли, но изъ Семеновскаго происшествія видно было единодушіе прежнихъ солдатъ сего полка (тоже, 28 п.).

Въ позднѣйшихъ показаніяхъ 6 апрѣля 1826 года:

Сіе и нынѣ подтверждаю; другихъ же извѣстій о сихъ солдатахъ я никакихъ не имѣлъ. Если же къ возмущенію готовы были Семеновскіе солдаты 3 корпуса, то по единодушному поведенію ихъ во время Семеновскаго происшествія заключили мы, что на-

дѣяться можно и на тѣхъ, которые находятся въ 1 и 2 корпусахъ. (п. 46).

Извѣстно, что вы со времени вступленія въ командованіе Вятскимъ полкомъ, были весьма снисходительны къ нижнимъ чинамъ; но послѣ смотра корпуснымъ командиромъ въ 1823 году въ лагерѣ при г. Барѣ, вы вывели цѣлый полкъ за кухни для наказанія тѣхъ нижнихъ чиновъ, кои замѣчены были нерадивыми или въ ошибкахъ офицерами или унтеръ-офицерами; объясните: отъ чего произошла въ обращеніи вашемъ съ нижними чинами столь внезапная перемѣна?

Извѣстно начальству, что, когда я вступилъ въ командованіе Вятскимъ полкомъ, то былъ сей полкъ самымъ худшимъ во всей арміи во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Въ приказѣ г-на главнокомандующаго въ семь году поставленъ Вятскій полкъ въ числѣ тѣхъ 6-ти по всей арміи, которые наиболѣе заслужили вниманіе начальства своими успѣхами, причемъ сказано, что сіи 6 полковъ стали наравнѣ съ лучшими полками въ арміи. Сіе доказываетъ, что средства мною употребленныя для улучшенія Вятскаго полка по всѣмъ статьямъ самыя были дѣйствительныя и успѣшныя. Сіи средства состояли въ слѣдующемъ. Началь я съ штабсъ- и оберъ-офицеровъ; строгость противу нихъ оказывалъ чрезвычайную, такъ что нерѣдко баталіонныхъ командировъ за фронтъ высылалъ. Съ нижнихъ чиновъ я съ начала многаго требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ виноваты. Надобно было дать имъ способъ сдѣлаться въ службѣ свѣдущими, а потомъ уже требовать и взыскивать. Послѣ лагеря 1822 года занялся я особенно унтеръ-офицерами чрезъ всю зиму, собралъ ихъ въ удобныя команды и сдѣлалъ изъ нихъ учителей, а прежде были они сами неучи. Поставивъ такимъ образомъ на должный путь службы офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, оставалось мнѣ ожидать успѣховъ отъ самихъ солдатъ.

Успѣхи были сдѣланы, но недостаточные, и закоренѣлая лѣнь все еще оставалась въ дѣйствиіи. Сіе понудило меня обратиться къ строгости: испытать всѣ средства терпѣнія и поученія и убѣдившись, что одна строгость можетъ искоренить давнишнюю лѣнь и сильное нерадѣніе. Успѣхъ оправдалъ мое соображеніе. Вотъ причины, понудившія меня перемѣнить прежнее мое снисходительное обращеніе на строгое. Наказаніе же велѣлъ я произвести всѣмъ нерадивымъ послѣ смотра г. корпуснаго командира для того, чтобы убѣдить солдатъ въ важности начальническихъ смотровъ и чтобы они участь свою видѣли въ своемъ стараніи и въ мнѣніи начальниковъ о нихъ. (Показаніе въ Тульчинѣ 22 декабря 1825 г., п. 17).

Говорили ли вы часто при офицерахъ своего полка, что если бы командиръ 16 дивизіи желалъ успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, то лучше бы ему употребить офицеровъ, а не нижнихъ чиновъ, коихъ легко можно приготовить предъ самымъ уже дѣйствиемъ; желали ли вы узнавать отъ

нѣкоторыхъ изъ нихъ, каковъ духъ въ прочихъ товарищахъ ихъ, и въ разговорахъ вашихъ на счетъ правительства всегда ли открывались слишкомъ вольно и даже дерзко?

Обращеніе мое съ офицерами всегда было строгое, весьма серьезное и бесѣдъ съ ними я никогда не имѣлъ. Въ семъ ссылаюсь я на всѣхъ начальниковъ, коимъ образъ моего обращенія съ офицерами весьма извѣстенъ. Насчетъ правительства никогда ничего не говорилъ дурного; а напротивъ того всегда вселялъ почтеніе и безпрекословіе. Да и не могъ я вселять неуваженіе къ правительству и къ начальству, когда съ большою строгостью самъ требовалъ отъ каждого исполненія его обязанностей. Дисциплина въ Вятскомъ полку была, могу рѣшительно утверждать, примѣрная и безпрекословная, какъ и быть въ войскѣ должна. О духѣ офицеровъ я по долгу службы обязанъ былъ узнавать для пользы самой службы, и дѣлалъ сіе отчасти чрезъ баталіонныхъ командировъ, отчасти чрезъ капитана Майборода, который мнѣ показывалъ большую преданность. Цѣль сихъ узнаваній касалась единственно предметовъ службы, ибо насчетъ либеральныхъ мыслей я совершенно увѣренъ былъ, что таковыхъ никто не имѣлъ.

О командирѣ 16 дивизіи я съ офицерами не говорилъ никогда и даже при всякомъ случаѣ рѣшительно порочилъ всякое отступленіе отъ должнаго порядка. А ежели съ кѣмъ и говорилъ изъ штабъ-офицеровъ или съ Майбородою объ немъ, то сказывалъ, что сей генералъ навѣрно никакого намѣренія зловерднаго не имѣлъ, но думалъ фалантропически обходиться съ солдатами, когда не могутъ они такого обращенія понять и перенести (тоже п. 18).

Въ начальныхъ отвѣтахъ, данныхъ въ Тульчинѣ (предыдущіе) вы отрицались, что на приготовленіе нижнихъ чиновъ къ возмутительнымъ дѣйствіямъ никого не соглашали, ни сами никакого направленія солдатамъ не давали; но по изысканнымъ открытіямъ извѣстно:

а., что по вступленіи въ командованіе Вятскимъ полкомъ вы оказывали явное послабленіе нижнимъ чинамъ, но во время ожиданія смотра при г. Барѣ, выведя весь полкъ, приказывали бить палками всѣхъ, замѣченныхъ въ ошибкахъ по фронту, и когда удивленные сею переменною нѣкоторые офицеры спросили о причинѣ, то вы сказали: „Я хочу дать солдатамъ чувствовать, что чѣмъ далѣе отъ нихъ Государь, тѣмъ начальники къ нимъ снисходительнѣе, но чѣмъ Онъ ближе, тѣмъ имъ хуже“.

б., Что послѣ маневровъ 1824-го года, когда вы съ Поджіо, Лоретомъ, Фохтомъ и Майбородою разсуждали о средствахъ приготовленія солдатъ къ цѣли общества, и когда изъ нихъ Фохтъ предложилъ свое мнѣніе, чтобы, раздѣливъ солдатъ на гласныхъ и безгласныхъ, стараться привязывать къ себѣ первыхъ, а за ними уже не смѣютъ не итти послѣдніе; тогда вы, одобливъ мысль сію, совѣтовали Майбородѣ привести оную въ исполненіе и

в., Сему же Майбородѣ по лѣту 1825 г. вы настоятельно поручали

начать приготовленіе роты его и доносить вамъ ежедневно о успѣхѣ; но онъ уклонился отъ исполненія того. Обстоятельства сіи показываютъ, что вы точно имѣли намѣреніе развратить солдатъ своего полка, на который по словамъ князя Волконскаго вы много надѣялись.

Вступая въ командованіе Вятскимъ полкомъ, желалъ я довести полкъ кротостью до желаемаго состоянія, но потомъ убѣдился, что сего невозможно по причинѣ закоренѣлой лѣности, въ семъ полку бывшей. Сверхъ того не могъ я по справедливости сначала строгость употреблять, ибо не были солдаты выучены и не имѣли учителей. Посему и поступалъ я такъ, какъ въ Тульчинскихъ отвѣтахъ показалъ. Послѣ же смотра въ Барѣ корпуснымъ командиромъ рѣшился я свою манеру обращенія перемѣнить, удостовѣрясь, что такъ какъ всѣ средства и способы даны были солдатамъ къ полнымъ познаніямъ по фрунту, одна ихъ лѣность и нерадивость препятствовали желаемымъ успѣхамъ. Послѣдствія оправдали мое заключеніе. Приведенныя здѣсь слова могъ бы я говорить только члену общества; въ 1823 году не былъ принятъ ни Майборода, ни Старосельскій. Я можетъ быть въ послѣдствіи говорилъ, что нижніе члены взоромъ своихъ не распространяютъ далѣе полкового начальства и что строгость передъ Высочайшимъ смотромъ, усилившаяся во всѣхъ полкахъ отъ стремленія, чтобы все было хорошо, не возбудила мысли у солдатъ, что терпимая ими строгость есть послѣдствіе служебнаго направленія, исходящаго отъ Вышняго и Верховнаго начальства, но что они все приписываютъ полковому. Перемѣнилъ же я свое обращеніе потому, что къ оному служебными причинами принужденъ былъ, въ послѣдствіи оправдавшими сію перемѣну. Въ то же время, когда въ лагеряхъ ожидался Высочайшій смотръ, все мое вниманіе и стремленіе общества были единственно на то, чтобы успѣшно смотръ отбыть, и въ то время объ обществѣ мало я и думалъ.

Фохтъ объяснялъ упоминаемое здѣсь мнѣніе и мы разсуждали, что солдаты послѣдуютъ за тѣмъ начальникомъ, кого лично любятъ, и что дабы на ихъ содѣйствіе и послѣдованіе надѣяться, достаточно ихъ къ себѣ лично привязать, особенно тѣхъ, коихъ Фохтъ называлъ главными. Майборода поѣхалъ въ Москву въ октябрѣ 1824 года и возвратился въ маѣ или началъ іюня 1825 г. Явившись ко мнѣ, отдалъ онъ мнѣ бумаги по службѣ и разсказалъ о Булгари; объ обществѣ же нашемъ мы тутъ ни слова не говорили. Послѣ того имѣлъ я свои причины быть имъ весьма недовольнымъ и съ того времени весьма сухо съ нимъ обходился, такъ что послѣ его возвращенія ни разу съ нимъ объ обществѣ не говорилъ. Сіе яснымъ служитъ доказательствомъ, сколь несправедливо сіе показаніе Майбороды.

Я въ полку ни солдатъ, ни офицеровъ не развращалъ и, за исключеніемъ Майбороды и Старосельскаго, обходился со всѣми прочими такъ, какъ будто бы самъ никогда къ тайному обществу не принадлежалъ и никакихъ намѣреній не имѣлъ. Я въ семъ

ссылаюсь на всѣхъ начальниковъ, даже на Лорера и наконецъ на самый полкъ, какъ о томъ объяснялъ въ Тульчинскихъ отвѣтахъ. Преемникъ мой въ Вятскомъ полку увидитъ на дѣлѣ справедливость сихъ словъ моихъ.—Лореръ можетъ также сказать, что я прямой надежды на полкъ не имѣлъ и имѣть не могъ, ибо не таково было мое обращеніе въ полку. Признательно же скажу, что ежели бы я видѣлъ основательное приближеніе времени къ начатію дѣйствія, то конечно бы постарался увѣриться въ полкъ, но до самаго времени моего арестованія ничего мною по полку для цѣли общества предпринято не было. (Показанія 6 апрѣля, п. 22).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. П.-Сильванскій.

Александръ Дмитріевичъ Михайловъ.

(Матеріалы для біографіи).

I.

Автобіографическія замѣтки ¹⁾).

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ моей юности надъ моей головой блистала счастливая звѣзда. Дѣтство мое было одно изъ самыхъ счастливыхъ, которое выпадаетъ на долю человѣка. Не могу не сравнить его съ лучезарной весной, которая не знаетъ ни бурь, ни непогодъ, въ которой не встрѣчается почти пасмурныхъ дней. Я не подвергался ни ломкѣ, ни вреднымъ вліяніямъ. Родительскій домъ былъ поистинѣ благословенный міръ, въ которомъ царствовало согласіе и любовь всѣхъ членовъ между собою, изъ котораго были исключены пагубныя страсти и дурные примѣры, которые могли бы дѣйствовать развращающимъ образомъ на насъ, дѣтей. Да, счастье нашей семьи было такъ полно, что иногда казалось, что оно попольется черезъ край. Бывали минуты, когда дѣтскому сердцу трудно было вмѣстить всю любовь и радость, которыя возбуждало въ немъ окружающее. И теперь, въ зрѣлые годы ²⁾, я также горячо люблю своихъ милыхъ, умныхъ стариковъ ³⁾.

¹⁾ Имѣя въ виду собирать и печатать матеріалы для біографій всѣхъ выдающихся дѣятелей освободительнаго движенія въ Россіи, мы помѣщаемъ здѣсь въ качествѣ такихъ матеріаловъ для біографіи знаменитаго дѣятеля партіи „Народной Воли“ А. Д. Михайлова его собственныя „автобіограф. замѣтки“, воспоминанія о немъ А. П. Корбы и его „завѣщаніе“. Рукопись автобіограф. замѣтокъ была передана издателями серіи заграничныхъ брошюръ подъ общимъ названіемъ „На родинѣ“ изъ редакціи „Нар. Воли“ и ими напечатана въ 1882 г., откуда мы эти „автоб. зам.“ и перепечатаваемъ. „Завѣщаніе“ А. Д. Михайлова было напечатано въ № 3. „Матер. для исторіи Рус. Соц.-Рев. движенія“ (1893 г.), а Воспоминанія А. П. Корбы написаны ею лишь въ настоящее время и переданы намъ авторомъ. Всѣ неогворенныя примѣчанія къ „автоб. замѣткамъ“ принадлежатъ издателямъ „На родинѣ“.

Ред.

²⁾ Во время автобіографіи А. Д. имѣлъ только 24 года. На видъ онъ казался, однако, гораздо старше, — лѣтъ 30 и больше. Такъ, лѣтъ около 30, онъ значился всегда и по фальшивымъ паспортамъ.

³⁾ Послѣ ареста А. Д., во время заключенія въ крѣпости, родители пріѣзжали навѣстить его, и встрѣча была дѣйствительно самая теплая, родственная.

Мой отецъ воспитывался въ Петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ; у него въ Петербургѣ не было никого изъ близкихъ, и онъ сильно нуждался. Трудно ему было переносить бездомную одинокую жизнь, и онъ утѣшалъ себя мыслью, что когда станетъ на ноги, то найдетъ себѣ любящую жену и обзаведется семействомъ. По окончаніи курса онъ получилъ мѣсто землемѣра въ Курской губерніи и женился въ Путивлѣ на дочери помѣщика изъ семейства Вербицкихъ. Въ Путивлѣ же они остались жить. Въ ихъ союзѣ было много гармоніи: отецъ обладалъ веселымъ безмятежнымъ характеромъ, у матери была глубоко - любящая натура и большая сила воли. Служба отца была тяжелая, онъ постоянно находился въ разъѣздахъ и домой прѣзжалъ лишь на короткое время на отдыхъ. Со временемъ они приобрѣли домъ на окраинѣ города съ большимъ и прекраснымъ садомъ,—и тутъ-то мы всѣ и выросли, почти въ деревенской обстановкѣ. Мать сама занималась нашимъ воспитаніемъ; она читала всѣ книги о воспитаніи, которыя въ то время были въ ходу, и выработала на основаніи ихъ систему. Мы пользовались полной свободой, но при всей любви и заботливости, которыми насъ окружали, насъ не баловали и не нѣжили.

Я былъ первенцомъ, и меня и старшую сестру рано начали учить; сначала мать учила сама, а потомъ учитель, который жилъ у нашихъ сосѣдей. Съ сестрой мы были большіе друзья и въ ученіи соревновали другъ другу; она быстрѣ схватывала и понимала, но я глубже усваивалъ преподаваемые предметы и никогда не забывалъ выученнаго. Вскорѣ у меня появились товарищи: сосѣдскій сынъ, съ которымъ я вмѣстѣ учился, и Александръ Ивановичъ Баранниковъ ¹⁾, который жилъ тоже по сосѣдству съ нами и который остался моимъ другомъ и товарищемъ на всю жизнь.

Въ дѣтствѣ я былъ большой шалунъ. Такъ, теперь помню сцены, которыя повторялись каждый день по дорогѣ изъ дому къ сосѣдямъ, гдѣ я учился. Путь мой лежалъ мимо двора, который славился большими, злыми собаками. Для меня составляло истинное наслажденіе вступать въ борьбу съ злыми животными; я прятался въ высокой травѣ и оттуда кидалъ въ нихъ камни; псы приходили въ ярость, бросались ко мнѣ, и завязывался рукопашный бой! Я отбивался палками, и часто меня спасали отъ явной опасности быть разорваннымъ на части.

Природа мнѣ была дорога ²⁾ и близка; въ періодъ ранней

¹⁾ Баранниковъ осужденъ по одному процессу съ Михайловымъ въ Особомъ Присутствіи сената, въ февралѣ 1882 г.

²⁾ Намъ пришлось слышать отзывъ Желябова, подтверждающій эти слова. „Михайлова, говорилъ Желябовъ, многіе считаютъ человѣкомъ холоднымъ, съ умомъ математическимъ, съ душою чуждою всего, что не касается принципа. Это совершенно невѣрно. Я теперь хорошо узналъ Михайлова. Это—поэтъ, положительно поэтъ въ душѣ. Онъ любитъ людей и природу одинаково конкретно, и для него весь міръ проникнутъ какою-то чисто человѣческою, личною прелестью. Онъ даже формалистомъ въ организаціи сдѣлался, именно, какъ поэтъ: организація для него—это такая же личность, такой же дорогой для него «человѣкъ», дѣлающій притомъ великое дѣло. Онъ заботился о ней съ такою же страстной, внимательной до мелочей преданностью, съ какою другіе заботятся о счастіи „любимой женщины“.

юности я былъ настоящимъ деистомъ. Даже въ моментъ моего перехода къ социализму, природа играла нѣкоторую роль, по крайней мѣрѣ, происходило это передъ ея лицомъ. Я и товарищи мои по гимназiи въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, мы имѣли обыкновеніе собираться для чтенiя и бесѣдъ на живописномъ берегу Десны. Любовь къ природѣ какъ-то незамѣтно переходила въ любовь къ людямъ; являлось страстное желаніе видѣть челоуѣчество столь же гармоничнымъ и прекраснымъ, какъ сама природа, являлось желаніе для этого счастья жертвовать всѣми силами и своей жизнью. Здѣсь, въ виду синяго неба, ясныхъ водъ, рѣки и лѣса, тянувшагося по берегу, я далъ себѣ тайную клятву жить и умереть для народа. Полнота счастья въ родительскомъ домѣ имѣла большое вліяніе на складъ моей жизни, сердце мое не искало личныхъ страстей и сохранило всѣ свои силы для общественной дѣятельности.

Въ 1876 г. я въ первый разъ встрѣтилъ женщину, къ которой почувствовалъ глубокую привязанность, это была незабвенная Ольга Натансонъ. Но она страстно любила своего мужа, съ своей стороны я безпредѣльно любилъ и чтилъ Марка и дорожилъ его счастьемъ, поэтому мои чувства къ Ольгѣ не перешли за предѣлы живѣйшей дружбы.¹⁾

Въ періодъ юности и пребыванiя въ гимназiи для меня еще не существовало правительства, а было только начальство; но я чувствовалъ уже тяжесть условiй русской жизни. Во время моего поступленiя въ провинціальную гимназiю, въ ней царствовалъ хаосъ и нѣмецкій духъ. Начальство часто безъ причины оскорбляло челоуѣческія чувства дѣтей, стараясь поддерживать дисциплину страхомъ. Большинство учителей манкировало занятiями; когда же наступали экзамены, эта гроза ученической жизни, старалось жать то, чего не сѣяло. Я учился удовлетворительно, но положеніе въ гимназiи меня тяготило и подавляло, я считалъ ее бременемъ. Какъ челоуѣкъ впечатлительный и привыкшій въ семьѣ къ самой строгой справедливости, я шелъ обыкновенно каждое утро въ гимназiю съ внутреннимъ трепетомъ, ожидая непредвидѣнныхъ начальственныхъ криковъ, оскорбленiй и наказанiй. Такое неудовлетворенное состояніе и нѣкоторая пытливость двинули меня на путь саморазвитiя. Лѣтъ съ четырнад-

¹⁾ А. Д. имѣлъ много хорошихъ товарищей, но въ особенно дружескихъ отношенiяхъ дѣйствительно, ни съ кѣмъ не состоялъ. Что касается собственно „сердечныхъ привязанностей“, то въ послѣднее время говорили о его близкихъ отношенiяхъ съ г-жею А. (имени ея не называемъ). Насколько это вѣрно—не знаемъ, но дѣйствительно у А. Д. по отношенiю къ ней видно было какое-то экстраординарное расположеніе, а г-жа А. относилась къ нему съ уваженiемъ, переходящимъ даже въ нѣкоторое обожаніе. Это во всякомъ случаѣ единственная привязанность А. Д. въ такомъ родѣ (если она адѣсь была). Вообще онъ былъ въ этомъ отношенiи большой идеалистъ и ригористъ. Банальныхъ связей съ женщиной онъ не допускалъ. Намъ лично приходилось слышать отъ него: „Не понимаю, какъ это можно сойтись, не любя. Это просто противно“. Впрочемъ, въ „большой публикѣ“ А. Д. своего ригоризма не проповѣдывалъ и, на словахъ, незнакому челоуѣку могъ показаться даже немножко циникомъ.

цати для меня открылся новый міръ, міръ литературы. Потребность въ умственной жизни и любознательность нашли въ немъ полное удовлетвореніе. Отправивъ тяжелыя гимназическія обязанности, свободное время я проводилъ за книгами, или старался вырваться въ поле или въ лѣсъ и наслаждаться свободой и природой. Самообразование дало мнѣ много. Въ послѣднемъ классѣ, хотя условія уже измѣнились къ лучшему съ перемѣною начальства, я сталъ выше многихъ по развитію. Во мнѣ явилось неотразимое желаніе приносить другимъ пользу. Это побужденіе общественныхъ чувствъ замѣчалось не у одного меня; нѣсколько близкихъ товарищей отвѣчали мнѣ по своему развитію и направленію. Въ личныхъ отношеніяхъ я былъ большой и непреклонный идеалистъ, въ общественной дѣятельности я всегда оставался практикомъ съ постоянными организаціонными стремленіями. Эта организаторская страсть проявилась во мнѣ еще въ 5 классѣ гимназіи: съ 3-мя или 4-мя товарищами мы задумали издавать журналъ, я принималъ дѣятельное участіе въ сношеніяхъ кружка для этого. Дѣло наше прогорѣло; изданъ былъ только первый номеръ рукописнаго журнала, и то въ немногихъ экземплярахъ, но зато съ той поры моей жизни не было періода, въ который я что-нибудь, во имя чего-нибудь, не организовалъ.

Вслѣдъ за журналомъ я участвовалъ въ организаціи кружка самообразованія, потомъ въ тайной гимназической библіотекѣ. Затѣмъ насталъ періодъ недовольства окружающею жизнью и начальствомъ, недовольства уже вполне сознательнаго (это относится уже къ 7-му классу). Отсюда истекла дѣятельная агитація среди высшихъ классовъ гимназіи и организація протестовъ противъ учителей и идіотовъ и самодуровъ.

Ко времени пребыванія въ 7-мъ классѣ также относится организація кружка полуреволюціоннаго, имѣвшаго цѣлью помогать пропагандистамъ деньгами (хотя о пропагандистахъ мы имѣли тогда такое же понятіе, какъ о какихъ-нибудь иностранныхъ партіяхъ) и распространять въ народѣ популярныя изданія, ради его просвѣщенія. Первая изъ этихъ цѣлей осталась для насъ недостижимой, а вторую задачу мы выполняли очень удачно: черезъ насъ въ народъ проникло множество хорошихъ книгъ, на многія сотни рублей. Мои усилія были направлены къ тому, чтобы создать правильныя отношенія въ кружкѣ, ввести въ него строгіе принципы обязательности и т. д. Болѣе широкая дѣятельность этого кружка связана съ 8-мъ классомъ гимназіи, когда мы начали читать запрещенныя изданія, присланныя мнѣ изъ Москвы. Манкируя занятіями латинскимъ языкомъ, я передъ окончательными экзаменами долженъ былъ уволиться изъ гимназіи и держать ихъ въ другой (въ Немировской безъ древнихъ языковъ). Это дало мнѣ возможность за три мѣсяца пребыванія въ новой для меня гимназіи организовать тамъ кружокъ, на подобіе нашего. Въ Новгородѣ-Сѣверской гимназіи время нашего пребы-

ванія окрещено навсегда начальствомъ «нашествіемъ пропагандистовъ». Лучшие мои товарищи тогдашняго времени жестоко поплатились за свою незначительную политическую дѣятельность. Любиминъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь, Москотинъ тоже, третій отдѣлялся двумя годами тюрьмы. Если вспомнить, что они ничего не сдѣлали, то невольно спрашиваешь себя: какой-же кары найдетъ меня достойнымъ русское правительство?

Какъ только я очутился осенью 1875 г. въ Петербургѣ, то сейчасъ же началъ общественную дѣятельность. Я чувствовалъ себя свободнымъ и самостоятельнымъ—гимназическія узы пали. Со страстію я отдавался организаціи студенческихъ кружковъ саморазвитія и помощи пропагандистамъ. Усиліями нѣсколькихъ человѣкъ, мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія въ Технологическій Институтъ, составилъ студенческой союзъ съ кассой и федеративными кружками въ Медицинской Академіи, въ Павловскомъ училищѣ, въ Университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ волненіямъ въ Технологическомъ Институтѣ я относился индифферентно, ибо не видѣлъ отъ нихъ пользы; но когда закрыли первый курсъ и требовали подачи новыхъ прошеній, изъ 140 человѣкъ только я и мои товарищи отказались исполнить эти требованія, ибо начальство думало этимъ... ¹⁾ студентовъ. За это я поплатился высылкой на родину, пробывъ въ Петербургѣ только три съ половиною мѣсяца. Я чувствовалъ себя хорошо, удовлетворительно, хотя испытаніе для тогдашняго моего умственного и нравственного состоянія было порядочное.

На родинѣ я просидѣлъ не болѣе мѣсяца и удралъ въ Кіевъ, за что меня полиція въ Кіевѣ часто тягала по участкамъ. Въ Кіевѣ я встрѣтился въ первый разъ съ настоящими радикалами, и притомъ всѣхъ трехъ направленій: пропагандистовъ, бунтарей, и якобинцевъ. Познакомившись съ ихъ программами, я не присталъ ни къ одной изъ нихъ. Я искалъ солидной силы, опредѣленной и энергической дѣятельности; въ Кіевѣ же больше препирались о теоріяхъ и личныхъ отношеніяхъ, чѣмъ дѣйствовали.

Работали немногія единицы, но тѣ сторонились мало знакомыхъ людей. Собравъ съ цвѣтовъ краснорѣчія весь медъ и вполнѣ сознавая большую пользу, которую принесло мнѣ знакомство съ теоріей революціонной партіи, рѣшившись посвятить себя этой партіи (въ томъ смыслѣ кіевскія знакомства имѣли для меня большое значеніе), я тѣмъ не менѣе не былъ доволенъ. Съ одной стороны, я видѣлъ великія цѣли и громадныя задачи, а съ другою—кучки людей, неорганизованныя, несплоченныя, безъ единого общаго плана, безъ опредѣленныхъ практическихъ задачъ. Я ясно сознавалъ бесплодность такого положенія вещей. Доля организаціоннаго чутія, присущая мнѣ, тогда еще неопытному юношѣ, подсказывала мнѣ, что не въ выработкѣ наивѣрнѣйшей теоріи, а въ совершенно организованномъ дѣлѣ сила. Рѣшивъ

¹⁾ Слово не разобранный въ рукописи.

свое отношеніе къ партіи, меня тянуло не въ народъ, что было даже обязательно тогда для каждаго неофита, нѣтъ, въ моей головѣ родились смѣлые до дерзости планы—общерусской организаціи силъ соціально-революціонной партіи. Родились эти планы и поглотили меня вполне. Но я удивляюсь и теперь, какъ такой юнецъ, какимъ я былъ тогда, безъ положенія, безъ извѣстности въ революціонномъ мірѣ, безъ опытности могъ такъ нахально-смѣло отдаться всецѣло такимъ задачамъ, отдаться почти безъ поддержки, по собственной инициативѣ и на свой страхъ.

Объ совершенныхъ организаціяхъ партія тогда не думала. Ее интересовалъ народъ, принципы дѣятельности, теоріи. Конечно, мои планы не могли осуществиться въ Кіевѣ, гдѣ уже личная враждебность кружковъ одного къ другому мѣшала этому. Тамъ много было генераловъ и адъютантовъ при нихъ, но не было солдатъ, почти не было дѣятельныхъ революціонныхъ силъ. Но помимо своей воли я принужденъ былъ находиться съ полгода въ Кіевѣ, а сложа руки я сидѣть не могъ. Еще съ первыхъ дней пребыванія тамъ (зима и лѣто 1875—76 гг.), при помощи и участіи студентовъ—своихъ бывшихъ товарищей по гимназій, мнѣ удалось сплотить студенческій кружокъ самообразованія на подобіе С.-Петербургскаго, съ кассой помощи революціи, но онъ не могъ поглотить всѣхъ моихъ силъ, а потому я сдѣлалъ попытку положить начало замышляемой широкой, сплоченной и дисциплинированной организаціи. Мои мысли и мысли одного якобинца совпали; онъ познакомилъ меня съ Давиденко (казненнымъ) и еще кой съ кѣмъ. Якобинца, какъ человѣка и революціонную силу, я игнорировалъ, но въ Давиденко я видѣлъ рѣшительнаго человѣка, сблизился съ нимъ, и вотъ насъ четыре человѣка задумали покорить революцію міра. Я не могъ вѣрить въ попытку, но для опыта прежде всего принялся за выработку самого себя, чему и отдался горячо. Былъ основанъ этотъ маленькій кружокъ, и стали разрабатывать планы. Дѣла мы не сдѣлали, но планы въ нашихъ головахъ выяснились. Въ Кіевѣ же весной 1876 г. я познакомился съ Гольденбергомъ, который меня полюбилъ и съ большой охотой водилъ со мною дружбу. Какъ человѣкъ добрый, преданный дѣлу, онъ мнѣ нравился, но глупость его часто меня бѣсила и смѣшила; у насъ установились нехорошія, протекторскія отношенія, что меня часто смущало и было для меня непріятно, но онъ былъ ими доволенъ. Здѣсь же въ кружкѣ пропагандистовъ я познакомился съ Дмитріемъ Андреевичемъ Лизогубомъ, но знакомство у насъ было шапочное (онъ вращался въ кружкѣ Колодкевича, который тогда сидѣлъ въ тюрьмѣ и пользовался уже большой популярностью). Здѣсь я познакомился съ Стефановичемъ, капитаномъ (казненнымъ)¹⁾ и со многими другими бунтарями; нѣсколько недѣль они пользовались всей своей ордой (съ револьверами,

¹⁾ Клячка Чубарова, повѣшеннаго въ Одессѣ въ 1879 году.

сѣдлами и проч.) моей квартирой. Я видѣлъ, что они приготовляются къ битвѣ, это ясно было и по ихъ внѣшности, и по ихъ настроенію. Они нравились мнѣ болѣе всѣхъ кіевлянъ, хотя доходили въ принципахъ до крайностей; свое дѣло они отъ меня скрывали. Я же былъ поглощенъ своими планами, склонности къ которымъ въ нихъ не замѣчалъ.

Лѣтомъ 1876 г. мнѣ разрѣшили вернуться въ Петербургъ, куда несли меня мечты. Возвращался я въ него уже социалистомъ-революціонеромъ. При посредствѣ нѣкоторыхъ кіевскихъ знакомыхъ, я прямо попалъ въ революціонные кружки и въ мѣсяцъ, въ два я имѣлъ уже возможность прикладывать всѣ свои силы къ завѣтнымъ планамъ, которые нашли благодарную почву въ настроеніи петербургскихъ революціонныхъ сферъ. Черезъ посредство самарскихъ особъ, я познакомился со многими видными тогдашними дѣятелями и былъ ими принятъ очень дружелюбно, даже какъ-то «не въ примѣръ прочимъ» дружелюбно и довѣрчиво, чему я былъ чрезвычайно радъ. Одними изъ моихъ первыхъ знакомыхъ были Оболяшинъ и его компанія: Михаилъ Поповъ съ компаніей, Ив—ъ и Соловьевъ, Ольга Натансонъ ¹⁾ и ея друзья, потомъ Адрианъ Михайловъ и нѣкоторые другіе. Особенно я подружился съ Оболяшинымъ, Ольгой Натансонъ и еще съ нѣкоторыми. Эти нѣсколько человѣкъ вполнѣ были со мной одномыслящи, но, такъ какъ среди нихъ были люди во всемъ выше меня стоявшіе, то я сталъ самымъ дѣятельнымъ ихъ помощникомъ. Въ теоріи выдвигалось новое народническое направленіе, чрезвычайно мнѣ сочувственное, на практикѣ строилась организація, соотвѣтствовавшая моимъ мечтамъ. Я пользовался довѣріемъ и могъ прилагать свои силы къ самымъ интимнымъ революціоннымъ дѣламъ. Я былъ счастливъ, что стоялъ на желанной дорогѣ, я уважалъ и высоко цѣнилъ своихъ новыхъ товарищей. Но и въ новой средѣ я, Оболяшинъ и Ольга Натансонъ выдѣлялись горячимъ отношеніемъ къ организаціоннымъ задачамъ.

Въ кружкѣ народниковъ, который легъ въ основаніи проекта организаціи революціонныхъ русскихъ силъ и въ который я, вмѣстѣ съ другими упомянутыми лицами, вошелъ какъ членъ, учредитель, всѣ мои помыслы были сосредоточены на расширеніи практической выработки и развитія организаціи. Въ характерахъ, привычкахъ и нравахъ самыхъ видныхъ членовъ нашего общества было много губительнаго и вреднаго для роста тайнаго общества; но недостатокъ ежеминутной осмотрительности, разсѣянность, а иногда и просто недостатокъ воли и сознательности мѣшали передѣлкѣ, перевоспитанію характеровъ членовъ соотвѣтственно мысли организаціи. И вотъ я и Оболяшинъ начали самую упорную борьбу противъ широкой русской натуры.

¹⁾ Урожденная Шлейснеръ.

И надо отдать намъ справедливость — едва ли можно было сдѣлать съ нашими слабыми силами болѣе того, что мы сдѣлали. Сколько выпало на нашу долю непріятностей, иногда даже насмѣшек! ¹⁾ Но все таки, въ концѣ концовъ, сама практика заставила признать громадную важность для дѣла нашихъ указаній, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и нѣкоторой централизованности. Это теперь всѣми признанныя истины, но тогда за это въ своемъ же кружкѣ могли глаза выпарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и проч. И опять таки сама жизнь поддержала насъ—эти принципы восторжествовали. Я часто горячился въ этой борьбѣ, но Оболяшинъ изумлялъ всѣхъ своимъ стоическимъ хладнокровіемъ, логикой и непреклонностью; онъ былъ вообще замѣчательный діалектикъ; онъ принималъ обиды, какъ Сократъ, я же напротивъ поднимался на дыбы, но въ настойчивости не отставалъ отъ него.

Въ 1877 г. весной почти весь кружокъ народниковъ, мѣстнымъ своимъ составомъ, вмѣстѣ съ десятками связанныхъ съ ними людей, двинулись въ народъ, такъ какъ тамъ, въ организаціи народныхъ вожаковъ и мѣстныхъ экономическихъ протестахъ были всѣ его надежды. Въ Самарѣ, Саратовѣ, Царицынѣ, Астрахани, на Уралѣ, въ Ростовѣ, на Кубани, и вообще на юго-восточныхъ окраинахъ образовался рядъ поселеній; но центръ былъ Саратовъ; въ него попалъ я и Ольга. Мы располагали также самыми незначительными матеріальными средствами, именно около 5000 рублей въ предѣлахъ года. Собралось туда (въ Саратовъ) около 20 человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ 5—6 изъ основного кружка, а остальные изъ различныхъ мѣстностей, привлеченные связями съ основнымъ кружкомъ. Народъ былъ разнокалиберный, мало знакомый между собой. Пришлось не мало потратить усилій на обработку этого матеріала въ организаціонномъ смыслѣ, и опять горячѣе и настойчивѣе другихъ вели эту работу я и Ольга ²⁾. Но Ольга скоро уѣхала въ Петербургъ,

¹⁾ См. примѣчаніе I стр. 165.

²⁾ А. Д. отличался рѣдкими способностями организатора. Съ одной стороны онъ былъ убежденъ въ необходимости „совершенной“, какъ онъ выражался, организаціи и вѣрилъ, что такая организація можетъ легко справиться съ правительствомъ. Этимъ объясняется то свѣтлое чувство счастья, которое сквозитъ въ замѣткахъ, и которое происходитъ отъ сознанія, что въ Россіи положено начало такой „совершенной организаціи“. Съ другой стороны А. Д. прекрасно понималъ основанія организаціи: единство, дисциплина, хорошій составъ центра, конкретность дѣлей и строгая конспирація—составляли для него символъ вѣры. Все это были для него рѣшенные вопросы, надъ которыми раздумывать не приходилось. Сверхъ того, онъ и по личнымъ свойствамъ былъ какъ нельзя лучше приспособленъ къ созданію организаціи. Необыкновенно дѣятельный, въ высшей степени практичный, наконецъ,—не связанный никакими личными страстями и стремленіями,—онъ въ то же время умѣлъ чрезвычайно мѣтко опредѣлять людей, оцѣнивать положенія, умѣлъ одинаково хорошо и повиноваться, и приказывать. Чувство вѣры, присущее всякому хорошему организатору и подсказывающее ему, что можно требовать отъ людей, чего нѣтъ—у А. Д. было въ высшей степени развито. Поэтому у него не было „безпечальныхъ“ людей; онъ всякаго умѣлъ утилизировать, пристроить къ дѣлу, сообразно со способностями.

остался я одинъ и распинался за интересы центра въ то время, когда, вслѣдствіе долгаго разобщенія съ Петербургомъ, стала рости мѣстная обособленность, за которую стали нѣкоторые изъ членовъ центра и многія мѣстныя самолюбія. Страстное отношеніе и настойчивость побѣдили и здѣсь, и Саратовъ до лѣта 1879 г. оставался мѣстной группой организациі народниковъ. Впрочемъ, судьба сильно разгромила его еще въ концѣ 1877 г., но и послѣ въ Саратовской губ. поселеній оставалось довольно, и если бы Петербургъ не былъ увлеченъ жизнью въ борьбу съ правительствомъ, саратовская группа сдѣлала бы при поддержкѣ центра многое. Въ Саратовѣ я жилъ весну, лѣто и часть осени, и то не постоянно. Временами я путешествовалъ по Саратовской губ. и заводилъ знакомства съ крестьянами и отыскивалъ мѣста для поселеній, а на зиму окончательно поселился у раскольниковъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Къ дѣятельности среди раскольниковъ я относился чрезвычайно любовно и рѣшился побуждать всякія трудности. Мнѣ пришлось сдѣлаться буквально старовѣромъ, пришлось взять себя въ ежевыя рукавицы, ломать себя съ ногъ до головы ¹⁾. Я долженъ былъ во всемъ поддѣлываться подъ эту среду, чтобы, стоя на одной съ нею почвѣ, имѣть возможность вліять на нее. Если мнѣ многое въ приготовительныхъ работахъ удалось въ сравнительно короткій промежутокъ времени, то только благодаря одной чертѣ моего характера, именно отдаваться всякому дѣлу всецѣло, всей душой, всѣми помыслами. Это мнѣ помогло въ два, три мѣсяца стать неузнаваемымъ раскольниковомъ, а кто знаетъ старовѣровъ, тотъ понимаетъ, что это значитъ.

Для интеллигентнаго человѣка это значитъ исполнять 10.000 китайскихъ церемоній и исполнять ихъ естественно. Преодоленіе происходило, вслѣдствіе сознанія необходимости, даже съ нѣкоторою пріятностью, а главное съ грамадной пользой для развитія воли и умѣнья владѣть собою. Это была прекрасная и необходи-

Говорить въ подробностяхъ о его идеалахъ организациі—безполезно, такъ какъ эти идеалы, за которые прежде приходилось выносить столько борьбы, теперь, можно сказать, стали общепризнанными. Но А. Д. принадлежитъ въ нашемъ движеніи великая заслуга—быть въ числѣ самыхъ умныхъ и энергичныхъ проводниковъ этой новой организационной идеи.

¹⁾ Мы знали А. Д. въ моментъ его возвращенія въ Петербургъ. Онъ дѣйствительно былъ съ головы до ногъ „старовѣромъ“, и даже въ спорахъ съ радикалами постоянно сбивался нечаянно на цитаты изъ разныхъ сектантскихъ „цвѣтниковъ“. Въ силу сектантства онъ глубоко вѣрилъ; религиознымъ въ формальномъ смыслѣ слова онъ не былъ и тогда, но однако нѣтъ какую-то особую подкладку въ міросозерцаніи, которая очень приближалась къ религіи. „Богъ—это правда, любовь, справедливость, и я въ этомъ смыслѣ съ чистой совѣстью говорю о Богѣ, въ котораго вѣрю“. Онъ увѣрялъ, что всѣ основатели великихъ религій, Христосъ даже, именно въ этомъ смыслѣ понимали Бога. Но все таки, спрашивали его, что такое справедливость, любовь и т. д.? Есть-ли это нѣчто личное, нѣкоторое существо, или отвлеченный принципъ? Не помнимъ, чтобы А. Д. давалъ на это вполне рѣшительный отвѣтъ. У него была какая-то идея (смутная для постороннихъ, потому что онъ мало говорилъ объ этомъ, а можетъ быть смутная и для него самого)—что идеалы социальной революціи должны создать людямъ нѣкоторую новую религію, которая бы такъ же поглощала все существо человѣка, какъ это дѣлали старыя.

мая для меня школа, къ сожалѣнію только кратковременная. Міръ раскола плѣнилъ меня своею самобытностью, сильнымъ развитіемъ духовныхъ интересовъ и самостоятельно - народной организаціей. Это могучее государство въ государствѣ чиновничьемъ. Меня сильно манили тайники народно-общиннаго духа, область истинно народной жизни и народнаго творчества. У меня образовались уже прочныя связи. Я могъ проникнуть уже и въ сибирскіе тайные скиты, и къ астраханскимъ общинамъ (коммунистамъ), и къ бѣгунамъ, и въ Преображенское кладбище. Но увы! Пришлось все бросить. Я видѣлъ, что дѣла центра не блестящи, что организація расширяется медленно, а главное были плохи финансы, и остановился вслѣдствіе этого притокъ силъ въ народъ. Въ Саратовѣ наши положительно голодали.

Въ началѣ апрѣля 1878 г. я вернулся въ Петербургъ, имѣя, впрочемъ, намѣреніе образовать новую группу для отправленія въ расколъ. Благопріятныя впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ раскольниковъ среды, еще наполняли меня, и мнѣ трудно было сразу отрѣшиться отъ начатой дѣятельности, но кипучая жизнь Петербурга вскорѣ потребовала всѣ мои силы, и съ работой въ народѣ пришлось разстаться сначала фактически, а впослѣдствіи и принципиально по мѣрѣ того, какъ успѣшность борьбы съ правительствомъ становилась очевидной. Здѣсь окончательно выработана программа народниковъ (въ апрѣлѣ и маѣ 1878 года) и уставъ организаціи. Въ то же время возникла мысль объ новой организаціи общества «Земля и Воля» и объ органѣ. Въ эту же весну я участвовалъ въ многочисленныхъ демонстраціяхъ, имѣвшихъ тогда мѣсто, и частью организовалъ ихъ. Затѣмъ, вполнѣ сочувствуя борьбѣ съ правительствомъ, я сталъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ террористическихъ актахъ и освобожденіяхъ. Въ концѣ сентября 1878 года я былъ посланъ въ Землю Войска Донскаго съ прокламаціями для организаціи дѣла среди казаковъ, при помощи радикаловъ, жившихъ на Дону, но вслѣдствіе погрома 13 сентября въ Петербургѣ, я возвратился сюда. Дѣла я засталъ въ печальномъ положеніи; мои лучшіе друзья, и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе выдающіеся дѣятели, погибли; связи почти цѣликомъ были утрачены; но энергическими усиліями 4—5 человекъ въ короткое время намъ удалось поставить дѣла на прежнюю высоту и даже дать имъ новый размахъ. Въ концѣ октября я былъ задержанъ на квартирѣ Трощанскаго, но успѣлъ бѣжать (случай этотъ описанъ въ № 1 «Земли и Воли») ¹⁾.

Въ то время была устроена типографія, и №№ «Земли и Воли» стали выходить правильно. Я участвовалъ тогда въ рабочей группѣ, которая возбудила и поддержала нѣсколько стачекъ. Во время Соловьевскаго покушенія я находился на площади и видѣлъ, какъ послѣ выстрѣловъ царь упалъ и поползъ на четве-

¹⁾ См. примѣчаніе II, стр. 167.

ренкахъ. Позднѣйшая моя дѣятельность извѣстна теперешнимъ моимъ товарищамъ ¹⁾).

Оглядываясь назадъ, я могу сказать, что жизнь моя безпри-
мѣрна дѣловымъ счастьемъ. Я не знаю человѣка, котораго бы
судьба такъ щедро наградила дѣловымъ счастьемъ. Передъ моими
глазами прошло почти все великое нашего времени въ Россіи.
Лучшія мои мечты нѣсколько лѣтъ осуществляются. Я жилъ
съ лучшими людьми и всегда былъ достоинъ ихъ любви и друж-
бы. Это великое счастье для человѣка ²⁾).

1880 г. февраль.

Примѣчаніе I. Такимъ остался А. Д. до конца дѣятельности. Онъ очень
хорошо понималъ, что въ Россіи осторожность, осмотрительность и практичность
составляютъ для существованія революціонной организаціи необходимое условіе.
Этихъ качествъ онъ требовалъ отъ каждаго революціонера. Будучи самъ чрезвычай-
но осмотрителенъ и практиченъ, онъ постоянно замѣчалъ ошибки другихъ, указывалъ
ихъ, конечно. Если же ошибки происходили отъ „распущенности“, отъ того, что чело-
вѣку становилось скучно или невыносимо постоянно слѣдить за малѣйшимъ своимъ
поступкомъ.—то А. Д., для котораго такая ломка самого себя не казалась невы-
носимой, если это нужно „для дѣла“, уже просто возмущался. Онъ считалъ это
нечестностью, недостаточностью преданности. Въ позднѣйшія времена (народо-
волецкія уже) А. Д. напримѣръ не находилъ достаточно рѣзкихъ, циничныхъ
словъ для одного товарища, который иногда заходилъ проводить жену
свою, находившуюся подъ надзоромъ. „Онъ шляется къ женѣ, гдѣ его стерегутъ
и могутъ забрать; наконецъ, его могутъ прослѣдить и на другія квартиры“. Это
для него было просто подлостью, тѣмъ болѣе огорчительной, что она исходила
отъ человѣка, котораго онъ глубоко уважалъ. Противъ подобной неряшливости
А. Д. „немолчно лаялъ“, постоянно и всю жизнь оставался какимъ-то ревизио-
ромъ революціонной конспираціи. Онъ даже самъ говорилъ совершенно серьезно:
„Ахъ, если бы меня назначили инспекторомъ для наблюденія за порядкомъ въ
организаціи“.

Тамъ, гдѣ А. Д. имѣлъ такое право наблюденія, онъ превратилъ это право
въ обязанность для себя. Сплошь и рядомъ онъ слѣдилъ по улицамъ за товари-
щами, чтобы убѣдиться въ ихъ осторожности. Одинъ такой случай мы помнимъ
съ А. Квятковскимъ, который, однако, замѣтилъ слѣженіе, чѣмъ несказанно
обрадовалъ А. Д. Но зато бѣда, если кто-нибудь позволялъ прослѣдить себя.
Упреки сыпались градомъ. А. Д. буквально „пилилъ“ людей ежедневно и еже-
минутно за такія провинности. Иногда онъ на улицѣ совершенно неожиданно
заставлялъ васъ читать вывѣски и разсматривать фizioноміи на разныхъ раз-
стояніяхъ: „Ты не можешь прочесть? Ну, братъ, очки покупай непременно“. И
потомъ уже дохнуть не дастъ, пока не купишь очковъ. Одинъ близорукій зая-
вилъ, что докторъ запретилъ ему носить очки, подъ страхомъ ослѣпнуть совсѣмъ.
А. Д. не умиловившись. „Ну, откажись отъ такихъ дѣлъ, гдѣ нужно посѣщать
конспиративныя квартиры. Дѣлай что-нибудь другое“. На бѣду оказалось, что
человѣкъ нуженъ именно въ „такихъ квартирахъ“... „Ну такъ непременно очки
или пенсне. Это обязательно“. — „Покорно благодарю, я не желаю ослѣпнуть“.
А. Д. вспыхнулъ: „Ослѣпишься, тогда выходи въ отставку. Намъ изъ-за твоихъ
глазъ не проваливать организацію“, и потомъ обратился ко всѣмъ товарищамъ
съ предложеніемъ: „обязать NN носить очки такого-то номера“. Такъ слѣдилъ
А. Д. за всѣмъ образомъ жизни товарищей. Войдетъ въ квартиру, сейчасъ ос-
мотритъ всѣ углы, постучитъ въ стѣну, чтобы убѣдиться достаточно-ли толста,

¹⁾ См. примѣчаніе III, стр. 168.

²⁾ Обвинительный актъ по дѣлу, по которому осужденъ Михайловъ, и нѣкоторыя объясне-
нія, данныя Александромъ Дмитріевичемъ на судѣ, напечатаны въ явн. кн. «Былого». См. «Про-
цессъ 20 народо-вольцевъ въ 1882 г.»).

послушает, не слышно-ли разговора въ сосѣдней квартирѣ, выйдетъ для того-же на лѣстницу. „У васъ народу столько бываетъ, а ходъ всего одинъ: это невозможно“... Еще хуже, если квартира безъ воды: значить дворникъ будетъ лишній разъ шпаться. За „знаками“, т. е. сигналами безопасности, которые снимаются, если квартира въ опасности — А. Д. слѣдилъ страшно. „Вашего знака не видно, у васъ вовсе нельзя устроить знака, что это за комната? Какъ къ вамъ ходить? Одинъ товарищъ даже смѣялся по этому поводу, увѣряя, что въ исторіи будетъ отмѣчено со временемъ: „и придетъ дворникъ и учредитъ знакъ“ (дворникъ это прозвище А. Д.). Впрочемъ, ни шутки, ни насмѣшки, ни брань — нисколько не смущали А. Д. при исполненіи своихъ обязанностей!“ Онъ не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія, не обижался, не сердился. Иногда случалось, что хозяйка расхвѣнной имъ квартиры не хотѣла даже говорить съ нимъ, и онъ всегдѣ преспокойно заходилъ въ свое время посмотреть, все ли благополучно, и весьма внимательно объяснялъ свои соображенія нахмуреннымъ хозяйкамъ: „Ну что, вы кончили? Больше ничего?“ торопять они его, чтобы поскорѣ убрался. „Да, я кончилъ, только теперь уже время обѣдать. Я бы остался“. Не должно, однако, думать, чтобы А. Д. выкидывалъ такіа шутки на зло. Нѣтъ, онъ просто не хотѣлъ допустить мысли, чтобы кто-нибудь смѣлъ нравственно, передъ собственной совѣстью, сердиться серьезно за исполненіе человѣкомъ обязанности охранять безопасность организаціи. Соблюдать осторожность скучно, выслушивать замѣчанія еще скучнѣе: поэтому можно быть въ дурномъ расположеніи духа, это понятно; но сердиться за это именно на него, А. Д., совершенно несправедливо, и порядочный человѣкъ самъ будетъ стыдиться, если позволитъ себѣ поссориться изъ за совершенно дѣльныхъ указаній. Такъ рассуждалъ А. Д. и не хотѣлъ, съ своей точки зрѣнія, обижать людей, принимая въ серьезную сторону ихъ рѣзкіе отвѣты, насмѣшки, грубости. Въ общей сложности, это благодарное отношеніе къ людямъ и къ дѣлу вполне оцѣнивалось всѣми, и А. Д., хотя ежедневно ругался и ссорился съ 20 человѣками среднимъ числомъ, пользовался такимъ уваженіемъ, какъ никто.

Изъ конспираціи А. Д. создалъ цѣлую науку. Онъ очень ловко гримировался; выработалъ въ себѣ способность однимъ взглядомъ отличать знакомыя лица въ цѣлой толпѣ. Петербургъ онъ зналъ, какъ рыба свой прудъ. У него былъ составленъ огромный списокъ проходныхъ дворовъ и домовъ (штукъ 300), и онъ все это помнилъ наизусть. Покойный Халтуринъ передавалъ намъ однажды, какъ онъ слѣдилъ за А. Д. (у Халтурина тоже были эти привычки—контролировать другихъ): тотъ немедленно замѣтилъ его. Халтуринъ съ пріятной улыбкой знатока рассказывалъ, до чего ловко А. Д. изыскивалъ случаи посмотреть позади себя, совершенно естественно, то будто взглянуть на красивую барыню, то поправивши шляпу и т. д., въ концѣ концовъ, онъ исчезъ—„чортъ его знаетъ, куда онъ дѣвался“... А нужно сказать, что Халтуринъ тоже былъ мастеръ выслѣживать. Проходными дворами и домами А. Д. пользовался артистически. Одинъ человѣкъ, спасенный А. Д. отъ ареста, рассказывалъ намъ, какъ это произошло. „Я долженъ былъ съѣзжать съ квартиры, и скоро замѣтилъ упорное преслѣдованіе. Я сѣлъ на конку, потомъ на извозчика. Ничего не помогло. Наконецъ, мнѣ удалось, бѣгомъ пробѣжавши рынокъ, вскочить въ вагонъ съ другой стороны; я потерялъ изъ виду своего преслѣдователя но не успѣлъ вздохнуть свободно, какъ вдругъ входитъ въ вагонъ шпіонъ, прекрасно мнѣ извѣстный; онъ постоянно присутствовалъ при всѣхъ проѣздахъ царя и выслѣдилъ меня на мою квартиру, откуда я съѣзжалъ. Я былъ въ полномъ отчаяніи, но въ это же мгновеніе совершенно неожиданно вижу—идетъ по улицѣ А. Д. Я выскочилъ изъ вагона съ другого конца и побѣжалъ вдогонку. Догнавъ, прохожу быстро мимо и говорю, не поворачивая головы: „Меня ловятъ“. А. Д., также не взглянувъ на меня, отвѣтилъ: „иди скоро впередъ“. Я пошелъ. Онъ, оказалось, въ это время осматрѣлся, что такое со мной дѣлается. Черезъ минуту онъ догоняетъ меня, проходитъ мимо и говоритъ: „Номеръ 37, во дворъ, черезъ дворъ, на Фонтанку, номеръ 50, опять во дворъ. Догоню“ (номера, впрочемъ, я уже позабылъ). Я пошелъ, увидѣлъ скоро номеръ 37, иду во дворъ, который оказался очень тѣснымъ, съ какими-то закоулками, и въ концѣ концовъ—я неожиданно очутился на Фонтанкѣ... Тутъ я въ первый разъ повѣрилъ въ свое спасеніе. Торопясь, я даже не слѣдилъ за собой, а только старался какъ можно

скорѣе идти. Скоро по Фонтанкѣ оказался крутой заворотъ, а за нимъ номеръ 50, прекрасное мѣсто, чтобы исчезнуть неожиданно. Вхожу во дворъ, смотрю, а тамъ уже стоятъ А. Д.; оказалось, что домъ также проходной въ какой-то переулокъ. „Выходи въ переулокъ, говоритъ А. Д., нанимай извозчика куда-нибудь по близости отъ такой-то квартиры“, самъ же выбѣжалъ на Фонтанку и осматрѣлся. Пока я нанялъ извозчика, онъ возвратился и отвезъ меня на квартиру... гдѣ я и остался“.

Съ этимъ знаніемъ мѣстности и со своей ловкостью А. Д. былъ просто неуловимъ. Прослѣдить его не было возможности. Можно было развѣ взять его на улицѣ, какъ это случилось послѣ злополучной исторіи съ карточками. Но зато сколько разъ онъ уходилъ изъ рукъ полиціи.

Примѣчаніе II. Не имѣя подъ руками № „Земли и Воли“, передадимъ этотъ случай по рассказамъ очевидцевъ¹⁾. А. Д. явился на квартиру Троцанскаго, не зная объ его арестѣ, а между тѣмъ на квартирѣ этой полиція озабочилась оставить засаду. А. Д. былъ немедленно арестованъ. Когда его вывели на улицу, чтобы препроводить въ часть, А. Д. вырвался и пустился бѣжать. Полиція, разумѣется, пустилась догонять. Но А. Д. началъ громко кричать: „лови, держи“ и этимъ увлекъ за собою много прохожихъ, которые побѣжали вмѣстѣ съ нимъ ловить воображаемаго злоумышленника. Такимъ образомъ, А. Д. до нѣкоторой степени затерся въ толпѣ и успѣлъ шмыгнуть въ переулокъ, а затѣмъ въ первый попавшійся дворъ. Разумѣется, выигрышъ времени состоялъ всего въ нѣсколькихъ минутахъ, и полиція скоро сообразила, что человѣкъ, свернувшій въ переулокъ, именно и есть настоящій бѣглецъ. Между тѣмъ, дворъ, куда свернулъ А. Д., оказалось, къ несчастью, не имѣлъ никакого другого выхода. Преслѣдователи толпились на улицѣ и, очевидно, должны были скоро толкнуться и въ этотъ дворъ, а А. Д. стоялъ безсильно передъ высокой стѣной, преграждающей путь куда-нибудь дальше. „Я готовъ былъ, рассказывалъ А. Д., бить со злости эту проклятую стѣну“. Однако, онъ скоро нашелъ способъ перелѣзть черезъ нее въ другой дворъ и такимъ образомъ благополучно скрыться.

Случаевъ такого экстраординарнаго спасенія въ жизни А. Д. было нѣсколько. Приведемъ еще одинъ изъ нихъ, основываясь на рассказахъ очевидцевъ, а отчасти и самого А. Д.

Однажды въ 1879 г. швейцаръ квартиры, гдѣ проживалъ А. Д., сдѣлалъ на него доносъ (благодаря бестактности одного товарища А. Д.), вслѣдствіе чего за нимъ началось слѣженіе. А. Д. скоро замѣтилъ это, тѣмъ болѣе, что зналъ въ лицо шпиона, котораго къ нему приставили. Но А. Д. жилъ подѣ прекраснымъ, подлиннымъ, хотя и чужимъ, видомъ; онъ зналъ, что ничего особеннаго за нимъ полиція замѣтить не могла. Поэтому, хотя онъ и рѣшилъ съѣхать съ квартиры съ тѣмъ, чтобы поселиться подѣ другимъ видомъ, но въ то же время онъ считалъ совершенно излишнимъ бѣжать, такъ сказать, со скандаломъ. Намѣренія арестовать его онъ со стороны полиціи не предполагалъ. Такимъ образомъ, онъ самымъ благороднымъ манеромъ собралъ пожитки, нанялъ извозчика и отправился на вокзалъ. Оказалось, что шпионъ поѣхалъ слѣдомъ за нимъ. Это немного обезпечило А. Д., но онъ всетаки ограничился тѣмъ, что изъ предосторожности отдалъ на вокзалѣ товарищу (бывшему тамъ согласно условію) разныя бумаги и деньги. Разумѣется, это было сдѣлано осторожно, въ темномъ закоулкѣ. Самъ же А. Д. отправился всетаки брать билетъ и сдавать багажъ. Между тѣмъ вокзалъ началъ принимать очень зловѣщій видъ. Появилось нѣсколько шпионовъ; они, видимо, стерегли А. Д., ожидая чего-то. Онъ все это наблюдалъ, сохраняя, однако, замѣчательно спокойный видъ, такъ что шпионы, очевидно, оставались въ полной увѣренности, что онъ ничего не замѣчаетъ. Когда А. Д. сѣлъ въ вагонъ, одинъ шпионъ остался у вагона, а другой подошелъ и сказалъ что-то жандарму. А. Д. быстро и незамѣтно перешелъ въ другой вагонъ (дѣло было ночью). Между тѣмъ на платформѣ вдругъ появился самъ Кириловъ, начальникъ III отдѣленія. Кириловъ, начавшій свою карьеру простымъ шпиономъ, въ это время былъ уже генералъ и очень старъ, но любилъ въ особенныхъ случаяхъ лично руководить человѣческой

¹⁾ См. № 1 «Земли и Воли» въ книгѣ Базилевскаго «Революціонная журналистика 70-хъ годовъ».

травлей. Появление его, какъ А. Д. прекрасно зналъ, всегда означало неизбежный арестъ. Нужно было спастись. А. Д. вышелъ на площадку вагона и сталъ въ густой тѣни, а Кириловъ что-то сказалъ своимъ шпионамъ; вѣроятно, приказалъ арестовать. Но тѣ тутъ только замѣтили, что А. Д. исчезъ. Началась бѣготня. Одинъ прошелъ весь поѣздъ изъ конца въ конецъ, имѣя наивность даже звать А. Д., вѣроятно, въ расчетъ, что онъ самъ себя чѣмъ-нибудь нечаянно выдастъ. Между тѣмъ, пробили третій звонокъ. Кириловъ, очевидно, получилъ отъ шпионовъ ручательство, что А. Д. долженъ находиться въ поѣздѣ, хотя и неизвестно гдѣ. Два шпиона вскочили въ вагонъ, надѣясь на ходу хорошенько осмотрѣть вагоны, а А. Д., какъ только поѣздъ тронулся, соскочилъ со ступенекъ вагона и черезъ дворъ вышелъ на улицу. Отъ шпионовъ съ пути была прислана Кирилову телеграмма съ извѣстіемъ объ отсутствіи А. Д., а въ Москвѣ, немедленно по прибытіи поѣзда, былъ заарестованъ его багажъ. Въ чемоданѣ, между прочимъ, нашли прекрасный револьверъ Смита и Вессона, а также стилетъ. Этимъ и ограничилась добыча Кириловской экспедиціи.

А. Д. всегда старался узнавать въ лицо шпионовъ и пользовался для этого всѣми случаями. Это знакомство, вмѣстѣ со способностью необыкновенно хорошо запоминать лица и быстро замѣчать ихъ въ цѣлой толпѣ, очень помогало А. Д. скрываться отъ всякихъ преслѣдованій, и онъ, на улицѣ, вообще, считалъ себя настолько гарантированнымъ отъ ареста, что позволялъ себѣ показываться въ самыя опасныя мѣста. Такъ, напримѣръ, во время вѣзгъ первой типографіи „Народной Воли“, когда въ Саперномъ переулкѣ стоялъ цѣлый виводъ полиціи и шпионовъ, А. Д. ходилъ туда поосмотрѣть, что дѣлается. На его глазахъ арестовано было нѣсколько вѣзгъ, онъ же остался цѣлъ и невредимъ. Точно также онъ всегда охотно брался провѣрить, есть ли слѣженіе за данной квартирой, и въ этомъ случаѣ на его свидѣтельство можно было полагаться почти съ безусловнымъ довѣріемъ. Отъ его вниманія не ускользало ни одно подовѣрительное обстоятельство; но ни одно обстоятельство онъ также не преувеличивалъ. Его оцѣнка каждаго даннаго положенія вещей отличалась замѣчательной точностью и про-изводилась всегда необыкновенно быстро, совершенно будто у него въ головѣ находились какіе-то вѣсы, которые механически и съ моментальной быстротою показывали ему сравнительную тяжесть фактовъ.

Примѣчаніе III. Эта дѣятельность намъ извѣстна лишь въ общихъ чертахъ. Вскорѣ послѣ покушенія Соловьева на жизнь Александра II, съ А. Д. случилась исторія, о которой мы упомянули выше. Ускользнувъ на вокзалъ отъ рукъ Кирилова, А. Д. не остался, однако, въ Петербургѣ, а черезъ нѣсколько дней, измѣнивши наружность, всетаки уѣхалъ на югъ, гдѣ долженъ былъ хлопотать о полученіи денегъ Лизогуба. Въ это же время А. Д. сблизился съ Желябовымъ. Затѣмъ наступилъ Липецкій сѣздъ, въ которомъ А. Д. принималъ самое дѣятельное участіе, какъ горячій сторонникъ измѣненія общей дѣятельности партіи и улучшенія ея организаціи. Съ Липецкаго сѣзда А. Д. отправился, въ качествѣ члена „Земли и Воли“, на Воронежскій сѣздъ, гдѣ старался отстоять террористическую дѣятельность, но въ то же время предупредить разрывъ кружка. Послѣ сѣзда А. Д. прибылъ въ Петербургъ и участвовалъ черезъ нѣсколько времени на такъ называемомъ Петербургскомъ сѣздѣ, который состоялъ собственно изъ делегатовъ двухъ группъ, на которыя раскололась „Земля и Воля“. Здѣсь А. Д. энергически отстаивалъ интересы будущей „Народной Воли“, а затѣмъ по распоряженію И. К. отправился въ Москву, гдѣ организовывалъ взрывъ царскаго поѣзда и рядомъ съ этимъ занимался организаціей Московскаго кружка „Народной Воли“. Послѣ 19 ноября А. Д. оставался въ Москвѣ, при своей группѣ, пока не былъ вызванъ въ Петербургъ по случаю ареста Квятковскаго и другихъ проваловъ, угрожавшихъ безопасности организаціи. Съ этого времени дѣятельность А. Д. имѣла главнымъ образомъ организаторскій характеръ. Въ дѣлѣ 5 февраля онъ не принималъ никакого особеннаго участія. 28 ноября 1880 г. А. Д. былъ арестованъ по слѣдующему поводу: онъ заказалъ карточки нѣкоторыхъ казенныхъ революционеров въ фотографіяхъ Александровскаго и Таубе; онъ обѣ находится рядомъ на Невскомъ проспектѣ, между Троицкимъ и Новой улицей. Карточки, разумѣется, были отдаваемы имъ, какъ принадлежащія будто бы его родственникамъ. Но фотографы, вѣроятно, имѣли уже ихъ, такъ что немедленно узнали Квятковскаго и Прѣснякова, и одинъ изъ нихъ (именно Але-

ксандровскій) донесъ объ этомъ въ полицію. Полиція отрядила двухъ агентовъ въ общъ фотографин, причемъ въ одной агентъ находился въ качествѣ якобы швейцара. Когда А. Д. явился за своими карточками, онъ замѣтилъ странное поведеніе фотографа, который не давалъ карточекъ, подъ очевидно пустыми предлогами, и убѣжалъ куда-то (оказалось предупредить полицію). А. Д., не дожидаясь дальнѣйшаго, сказалъ, что онъ не имѣетъ времени дожидаться, и ушелъ. Швейцаръ, мимо котораго онъ проходилъ, держалъ себя еще болѣе по-дурачки: старался уговорить А. Д. не уходить, дѣлалъ движенія, какъ будто имѣлъ желаніе схватить его, и т. д. А. Д. опустилъ руку въ карманъ, и швейцаръ (оказалось впоследствии, онъ думалъ, что у А. Д. револьверъ въ карманѣ) оставилъ его въ покоѣ. Странно и невѣроятно, разумѣется, что А. Д., самъ рассказывавшій товарищамъ объ этомъ происшествіи, всетаки пошелъ послѣ этого въ фотографію Таубе! Онъ обѣщалъ не ходить, даже въ такихъ словахъ: „Я не дуракъ, не беспокойтесь...“ и всетаки черезъ нѣсколько дней пошелъ. Околодочный Кононенко, сильный и смѣлый человѣкъ, все время дежурилъ около подъѣзда фотографин, переодѣтый въ цивильный костюмъ. Когда А. Д., получивъ карточки, вышелъ на улицу, Кононенко пошелъ за нимъ. А. Д., замѣтивъ слѣженіе, сѣлъ въ конку (по Владимірской улицѣ), куда за нимъ вскочилъ и Кононенко. Около Владимірской церкви А. Д. выскочилъ изъ вагона и хотѣлъ сѣсть на извозчика, но Кононенко бросился на него и схватилъ его. Тутъ подоспѣли городовые, и А. Д. повели въ часть. Послѣ недолгаго допроса, причемъ оказалось, что полиція не имѣетъ ни малѣйшаго подозрѣнія о дѣйствительной личности А. Д., его попросили показать свою квартиру. На дорогѣ А. Д. пытался бѣжать, но его снова поймали. Приведенный на квартиру, А. Д. выставилъ у себя знакъ опасности и затѣмъ послѣ обыска былъ увезенъ въ домъ предварительнаго заключенія; у него было найдено, между прочимъ, значительное количество динамиту.

„Видно на всякаго мудреца довольно простоты“, сказалъ А. Д. конвойный жандармъ, когда выяснилась его личность. И, дѣйствительно, ничего не остается болѣе сказать, видя, при какихъ невѣроятныхъ условіяхъ былъ арестованъ этотъ осторожнѣйшій и осмотрительнѣйшій человѣкъ.

II.

По прочтеніи автобіографіи А. Д. Михайлова ¹⁾.

Трудно дабавить что-нибудь существенное къ матеріаламъ, уже извѣстнымъ о личности и дѣятельности А. Д. Михайлова. Его автобіографія и примѣчанія къ ней даютъ совершенно вѣрное представленіе объ этомъ незабвенномъ дѣятелѣ русской революціи.

По натурѣ это былъ цѣльный, уравновѣшенный и жизнерадостный человѣкъ. Самый процессъ жизни доставлялъ ему наслажденіе, никогда не омрачавшееся ни бурями личнаго свойства, ни сильными страстями. Своихъ стариковъ родителей, создавшихъ для него счастливое и безмятежное дѣтство, онъ любилъ горячо и нѣжно, равно какъ и братьевъ и сестру. Обаяніе, которое А. Д. производилъ на людей, сочувствовавшихъ партіи Народной Воли, было очень велико, благодаря пріятности его нрава, вниманію, съ которымъ онъ относился къ индивидуальнымъ свойствамъ личности и силѣ воли, которая сознавалась всѣми приходившими съ нимъ въ соприкосновеніе. Когда онъ являлся къ лицу состоятельному и предлагалъ ему денежнымъ взносомъ поддержать дѣло народнаго освобожденія, то это лицо чувствовало, что дастъ денегъ и именно столько, сколько укажетъ самъ А. Д., и тугіе, обыкновенно, кошельки развязывались. Между прочимъ А. Д. удалось получить тѣ сравнительно большія средства, которыя были необходимы для организаціи дѣла 1 марта 1881 года.

Его привязанность къ товарищамъ-революціонерамъ была глубокая и сильная, что не мѣшало его критическому отношенію къ каждому изъ нихъ. Высоко цѣня положительныя стороны характера, ума и дѣятельности товарищей, онъ легко опредѣлялъ слабыя ихъ стороны, которыя могли повредить дѣлу революціи, и всегда открыто и просто указывалъ на нихъ. Если случались неудачи въ революціонныхъ дѣлахъ вслѣдствіе собственной неосмотрительности или промаховъ членовъ партіи, то такія событія глубоко волновали и огорчали его. Не разъ въ такихъ случаяхъ я слышала отъ него восклицаніе: „Несчастливая русская революція!“—произнесенное съ особенной горечью.

Онъ очень заботился о томъ, чтобы сохранилась для исторіи память о погибшихъ товарищахъ. Главный архивъ, куда онъ бережно сносилъ письма, воспоминанія и карточки погибшихъ, помѣщался у одного чи-

¹⁾ Статья эта принадлежит Аннѣ Павловнѣ Корба-Прибыловой, одной изъ выдающихся дѣятельницъ партіи Народной Воли. А. П. Корба была приговорена къ ссылке въ каторжные работы на 20 лѣтъ по дѣлу Богдановича, Буцевича, Грачевскаго и др. въ 1883 году.

Ред.

новника. Этотъ добрый человѣкъ вѣроятно давно умеръ, такъ какъ въ то время былъ уже глубокой старикъ. Послѣ ареста А. Д. Исполнительный Комитетъ рѣшилъ оставить этотъ архивъ на прежнемъ мѣстѣ, а послѣ 1 марта и его проваловъ о немъ забыли. Надо надѣяться, что старичекъ передъ смертью передалъ архивъ въ чьи нибудь вѣрныя руки¹⁾. Страніе А. Д. сберечь для потомства карточки товарищей, павшихъ въ бою, и послужили причиной его собственной гибели. Наканунѣ того дня, когда онъ отнесъ карточки Квятковского и Прѣснякова къ фотографамъ на Невскомъ, онъ видѣлся съ нѣсколькими студентами и просилъ ихъ заказать снимки карточекъ въ любой фотографіи. До того времени переснимки часто практиковались и всегда совершались безпрепятственно. Отказъ студентовъ глубоко возмущилъ А. Д.; онъ увидалъ въ немъ проявленіе трусости и нежеланіе подвергать себя малѣйшей опасности. Поддавшись чувству раздраженія, онъ на другой день самъ отнесъ карточки фотографамъ. Когда онъ явился въ указанное время къ одному изъ нихъ, жена фотографа, ставъ за спиною мужа, взглянула въ упоръ на А. Д. и рукой провела по своей шеѣ, давая ему знать, что ему грозитъ висѣлица. Онъ ушелъ изъ фотографіи, сказавъ, что вернется на слѣдующій день. Когда онъ сообщилъ объ этомъ Исполнительному Комитету, его рассказъ былъ встрѣченъ возгласами изумленія и недовольства. Ему напомнили его роль оберегателя безопасности партіи и взяли съ него слово болѣе не возвращаться въ фотографіи. На другой день, проходя по Невскому мимо проклятаго мѣста, вѣроятно, у него мелькнула мысль, что онъ невѣрно понялъ предупрежденіе жены фотографа, можетъ быть онъ самъ себя упрекнулъ въ трусости, или же вспомнилъ, какъ счастливо онъ уходилъ отъ всѣхъ опасностей, встрѣчавшихся въ его жизни. Какъ бы то ни было, онъ вошелъ въ фотографію, а затѣмъ послѣдовала уже извѣстная сцена его ареста...

* * *

Начало 1880 г., до весны, я прожила на одной изъ Подъяческихъ улицъ, близъ Сѣнной площади. Комната, которую я занимала, была удобна въ конспиративномъ отношеніи, и у меня помѣщалась часть паспортнаго стола и нѣкоторые документы Исполнительнаго Комитета. Въ то время А. Д. довольно часто заходилъ ко мнѣ по дѣламъ. Когда же у него бывало свободное время, онъ оставался на часъ или на два, и тогда въ разговорѣ чаще всего возвращался къ воспоминаніямъ о друзьяхъ, которые такъ недавно еще были съ нимъ, работали вмѣстѣ съ нимъ, и которыхъ, онъ это зналъ, онъ никогда не увидитъ болѣе. Часто онъ говорилъ съ любовью и восхищеніемъ о Сабуровѣ, тогда еще живомъ и заключенномъ въ Петропавловской крѣпости; о Маркѣ Натансонѣ, объ Ольгѣ Натансонѣ, о Зунделевичѣ, о Соловьевѣ и многихъ другихъ.

¹⁾ Мы приняли уже нѣкоторые мѣры къ розысканію архива, о которомъ говоритъ А. П. Корба, но пока безрезультатно. Очень просимъ лицъ, имѣющихъ какія либо по этому поводу свѣдѣнія, подѣлиться ими съ нами.

Ред.

Помню, какъ однажды онъ сказалъ, что изъ всѣхъ личныхъ чувствъ онъ не знаетъ ничего возвышеннѣе и сильнѣе товарищества, и разсказалъ содержаніе старинной славянской легенды, которая ему особенно равилась, и была близка ему. Суть этой легенды состоитъ въ томъ, что герой, сражавшійся за народную свободу, томится въ турецкой тюрьмѣ. Онъ ждетъ, что его освободятъ отецъ съ матерью, но они дряхлы и хилы и не могутъ спасти его; онъ ждетъ, что жена его освободитъ, но она, хотя плачетъ и убивается, не можетъ, однако, его спасти; узнаютъ о его заключеніи товарищи. Они выбираютъ бурную ночь, убиваютъ стражу и выводятъ героя изъ тюрьмы.

* * *

Какъ-то разъ я вернулась домой и застала А. Д. въ моей комнатѣ. Онъ стоялъ у окна, выходившаго на улицу, и смотрѣлъ на прохожихъ. Услыхавъ шаги, онъ обернулся и, поздоровавшись, сказалъ, что сейчасъ, глядя на людей, толпившихся на улицѣ, онъ думалъ о томъ, что продолжительное одиночное заключеніе для него невозможно. „У меня, говорилъ онъ, умъ такъ созданъ, что самъ изъ себя не рождаетъ предметовъ для размышленія. Мнѣ необходимы внѣшнія впечатлѣнія для того, чтобы мои мысли могли перерабатывать ихъ. Внѣшнія впечатлѣнія, это тотъ матеріалъ, которымъ питается мой умъ. Поэтому я увѣренъ, что долго не вынесу одиночнаго заключенія“. Эти его слова оказались пророческими. А. Д. не прожилъ въ Петропавловской крѣпости и двухъ лѣтъ послѣ суда. Какъ именно кончилась эта свѣтлая и могучая жизнь, и до сихъ поръ остается необъясненнымъ.

Анна Корба.

III.

Завѣщаніе Александра Дмитриевича Михайлова.

16-го февраля 1882 г.

Завѣщаю Вамъ, братья, не расходовать силъ для насъ, но беречь ихъ отъ всякой безплодной гибели и употреблять ихъ только въ прямомъ стремленіи къ цѣли.

Завѣщаю Вамъ, братья, издать постановленія Исполнительнаго Комитета отъ приговора А ¹⁾ и до объявленія о нашей смерти включительно (т. е. съ 26 августа 1879 года до марта 1882 г.). При нихъ приложите краткую исторію дѣятельности организациі и краткія біографіи погибшихъ членовъ ея.

Завѣщаю Вамъ, братья, не посылайте слишкомъ молодыхъ

¹⁾ Александру II.

Ред.

людей въ борьбу на смерть. Давайте окрѣпнуть ихъ характерамъ, давайте время развить всѣ ихъ духовныя силы.

Завѣщаю Вамъ, братья, установить единообразную форму дачи показаній до суда, при чемъ рекомендую Вамъ отказываться отъ всякихъ объясненій на дознаніи, какъ бы ясны договоры или сыскныя свѣдѣнія ни были. Это избавить Васъ отъ многихъ ошибокъ.

Завѣщаю Вамъ, братья, еще на волѣ установить знакомства съ родственниками одинъ другого, чтобы, въ случаѣ ареста и заключенія. Вы могли поддерживать какія-либо сношенія съ оторваннымъ товарищемъ. Этотъ пріемъ въ прямыхъ Вашихъ интересахъ. Онъ сохранитъ во многихъ случаяхъ достоинство партіи на судѣ. При закрытыхъ судахъ, думаю, нѣтъ нужды отказываться отъ защитниковъ.

Завѣщаю Вамъ, братья, контролировать одинъ другого во всякой практической дѣятельности, во всѣхъ мелочахъ, въ образѣ жизни. Это спасетъ Васъ отъ неизбѣжныхъ для каждаго отдѣльнаго человѣка, но гибельныхъ для всей организациі, ошибокъ. Надо, чтобы контроль вошелъ въ сознаніе и принципъ, чтобы онъ пересталъ быть обиднымъ, чтобы личное самолюбіе замолкло передъ требованіями разума. Необходимо знать всѣмъ ближайшимъ товарищамъ, какъ человѣкъ живетъ, что онъ носитъ съ собой, какъ записываетъ и что записываетъ, насколько онъ остороженъ, наблюдателенъ, находчивъ. Изучайте другъ друга. Въ этомъ сила, въ этомъ совершенство отправленій организациі.

Завѣщаю Вамъ, братья, установить строжайшія сигнальныя правила, которыя спасали бы Васъ отъ поварныхъ погромовъ.

Завѣщаю Вамъ, братья, заботиться о нравственной удовлетворенности каждаго члена организациі. Это сохранить между Вами миръ и любовь; это сдѣлаетъ каждаго изъ Васъ счастливымъ, сдѣлаетъ навсегда памятными дни, проведенные въ Вашемъ обществѣ.

Затѣмъ цѣлую Васъ всѣхъ, дорогіе братья, милыя сестры, цѣлую всѣхъ по одному и крѣпко, крѣпко прижимаю къ груди, которая полна желаніемъ, страстью, воодушевляющими и Васъ. Простите, не поминайте лихомъ. Если я сдѣлалъ кому-либо непріятное, то, вѣрьте, не изъ личныхъ побужденій, а единственно изъ своеобразнаго пониманія нашей общей пользы и изъ свойственной характеру настойчивости.

Итакъ, прощайте, дорогіе! Весь и до конца Вашъ

Александръ Михайловъ.

Народовольческая пропаганда среди московских рабочих въ 1881 году.

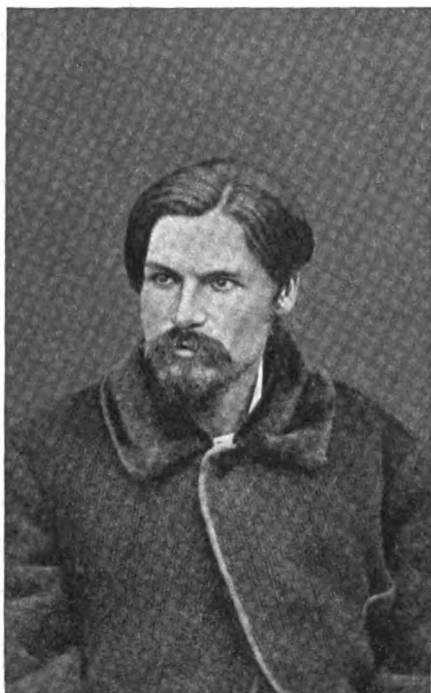
Народовольческая организація развивалась, какъ извѣстно, сверху внизъ. Прежде всего возникло центральное ядро, которое тотчасъ же приступило къ поразительнымъ по своей энергіи агрессивнымъ дѣйствіямъ, требовавшимъ отъ только-что зарождавшейся партіи огромнаго напряженія силъ. Казалось бы, народовольцамъ при ихъ малочисленности нельзя было и мечтать о распространеніи своей организаціи теперь же на широкія народныя массы, такъ какъ для этого имъ пришлось бы отрыватья отъ преслѣдованія прямой задачи партіи—борьбы съ самодержавіемъ, и отъ дѣятельности въ наиболѣе доступной и близкой для нея средѣ, т. е. въ средѣ интеллигенціи. Однако же на дѣлѣ было не такъ, и члены Исполнительнаго Комитета направили всѣ усилія къ тому, чтобы не остаться оторванными отъ народа, и прежде всего—отъ наиболѣе культурной и доступной для пропаганды части трудового народа, т. е. отъ городскихъ рабочихъ. Это стремленіе къ сближенію съ массой, помимо политическаго расчета, вызывалось уже тѣмъ однимъ, что всѣ первые народовольцы вышли изъ среды народниковъ и, отдаваясь политической борьбѣ, ни одинъ изъ нихъ не отказывался отъ взглядовъ, дорогихъ ему съ молодости; стать народовольцемъ,—это значило для радикала того времени признать необходимость завоеванія русскими соціалистами свободы для соціалистической пропаганды, а слѣдовательно и политической свободы вообще, такъ какъ при отсутствіи такой свободы, какъ показалъ десятилѣтній опытъ, соціализмъ не можетъ получить сколько-нибудь широкаго распространенія въ народныхъ массахъ; стать народовольцемъ,—это значило, во-вторыхъ, примириться съ необходимостью строго централистической организаціи, стоявшей по своимъ принципамъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ свободолюбивыми взглядами и анархическими привычками радикаловъ прежняго періода. Но какъ ни противорѣчилъ централизмъ укоренившимся привычкамъ, слишкомъ ясно было, что безъ него не обойтись при новой боевой тактикѣ, а тактика эта была слишкомъ обаятельна, чтобы молодежь въ массѣ не увлеклась новымъ направлениемъ. Притокъ молодыхъ силъ, рвавшихся къ дѣлу, явился вторымъ условіемъ, облегчившимъ для народовольцевъ возможность дѣятельности не только

въ интеллигентной, но и въ рабочей средѣ. Активная борьба требовала лишь нѣсколько десятковъ лицъ, обладающихъ особыми боевыми достоинствами, а куда же было дѣвать эти сотни молодежи, стремившейся какимъ бы то ни было способомъ поработать для дѣла и сослужить свою службу народу? Сплотить ее и направить въ рабочую среду—было естественнѣй всего и правильнѣй всего, и народовольцы такъ именно и поступили. Еще въ 80 году рабочее дѣло велось народовольцами въ Петербургѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, а въ концѣ 80-го начало оно зарождаться и въ Москвѣ.

Руководителемъ всей вообще народовольческой дѣятельности въ Москвѣ былъ въ то время Петръ Абрамовичъ Теллаловъ, извѣстный въ кружкахъ подъ именемъ «Петра Николаевича» ¹⁾. Для пропаганды въ разныхъ слояхъ интеллигентнаго населенія въ Москвѣ уже раньше существовала «Городская группа», въ вѣдѣніи которой состояло нѣсколько группъ и кружковъ, преимущественно студенческихъ. Для организаціи рабочихъ рѣшено было образовать, совершенно независимую отъ Городской, «Рабочую группу», частью изъ мѣстныхъ, частью изъ пріѣзжихъ пропагандистовъ, которыхъ П. А. вызвалъ въ Москву съ этой цѣлью. Такимъ образомъ въ началѣ 81 года прибыли изъ Петербурга занимавшіеся раньше съ тамошними рабочими, но затѣмъ вынужденные перейти на нелегальное положеніе: студентъ Технологическаго Института А. Ф. Борейша и нѣкто Крыловъ, крестьянинъ по происхожденію, сектантъ по вѣроисповѣданію, въ ранней молодости служившій приказчикомъ, а въ послѣднее время занимавшій положеніе управляющаго какимъ-то домогъ въ Петербургѣ. Помимо пропаганды среди рабочихъ, Крыловъ имѣлъ въ виду особую задачу: революціонизированіе раскольниковъ населенія въ Москвѣ и на своей родинѣ—во Владимирской губерніи. Съ этой цѣлью, не ограничиваясь личными сношеніями съ московскими сектантами, Крыловъ (онъ же Воскресенскій, онъ же Теофанъ), написалъ цѣлое посланіе, въ которомъ пытался обосновать социализмъ на Евангеліи и побудить послѣдователей разныхъ сектъ объединиться въ «Христіанское Братство», представлявшее по идеѣ автора нѣчто среднее между сектой и теперешнимъ Крестыанскимъ Союзомъ. Въ позднѣйшее время Теофанъ не прерывалъ своихъ сношеній съ раскольниковымъ міромъ и настойчиво предлагалъ Рабочей группѣ отпечатать его посланіе и распространить его въ Москвѣ и въ провинціи, но группа отклонила это предложеніе, главнымъ образомъ въ виду чисто литературныхъ недостатковъ посланія..... Одновременно съ этими двумя лицами, если только не раньше ихъ, изъ Петербурга былъ

¹⁾ Теллаловъ былъ присужденъ къ смертной казни по процессу 17 народовольцевъ въ 1883 г. Смерть была ему замѣнена безсрочною каторгою, послѣ чего Теллаловъ былъ замурованъ въ Алексѣевскій рavelинъ, гдѣ и скончался. Редакція очень проситъ доставить ей портретъ П. А. Теллалова.

Ред.

Степанъ Николаевичъ
ХАЛТУРИНЪ.

присланъ въ Москву рабочій, котельщикъ А. В. Скворцовъ, пріятель Тимофея Михайлова; на него возлагались особенно большія надежды, такъ какъ онъ, уроженецъ московской губерніи, работалъ раньше на московскихъ заводахъ и, по слухамъ, пользовался большою популярностью и имѣлъ широкія связи среди замоскворѣцкихъ рабочихъ. Последнимъ петербуржцемъ среди членовъ группы былъ студентъ университета Л. М. Коганъ-Бернштейнъ; послѣ «сабуровской исторіи» на актѣ 8-го февраля, гдѣ Б. произнесъ революціонную рѣчь, онъ скрылся изъ Петербурга и направился въ Саратовъ, но такъ какъ его тамъ вскорѣ же выслѣдили, то онъ покинулъ Саратовъ и прибылъ въ Москву, гдѣ вступилъ въ Рабочую группу. Изъ москвичей въ составъ группы должны были войти: ст. унив. И. Ю. Старынкевичъ, который, однако, былъ арестованъ въ мартѣ мѣсяцѣ, т. е. раньше, чѣмъ группа успѣла вполнѣ сформироваться, и студентъ Дьяконовъ, арестованный въ первыхъ числахъ апрѣля, въ самомъ началѣ своей дѣятельности,—при ночной расклейкѣ прокламацій въ фабричномъ районѣ Якиманской части. Фактически успѣли вступить въ группу и проработать въ ней болѣе или менѣе долгое время: студ. унив. Г. (единственный, уцѣлѣвшій вполнѣ въ волѣ), ст. Техническаго Училища А. В. Кирхнеръ, прибывшій изъ Саратова для поступленія въ университетъ И. И. Майновъ и учительница одной городской школы А. В. Орлова. Нѣсколько позже, пока группа продолжала существовать, т. е. до весны 82 года, въ ея составѣ перебывали: ст. унив. Н. Е. Лавровъ, нелегальная Антонина Лисовская, и бѣжавшіе изъ ссылки: И. В. Калюжный, Н. С. Смирницкая, В. А. Панкратьевъ, М. Н. Чекоидзе, а въ самый послѣдній періодъ и нѣкоторые другіе, которыхъ я уже не зналъ.

Приступая къ постановкѣ новаго дѣла, Теллаловъ нашелъ нужнымъ прежде всего развитъ общій взглядъ на тѣ задачи, которыя должны преслѣдовать народовольцы въ рабочей средѣ, и установить по возможности ясно и опредѣленно внутренній порядокъ группы и ея отношенія къ другимъ органамъ партіи. Естественно, что Исполнительному Комитету, по общему духу народовольческой организаціи, предоставлялась широкая власть: онъ могъ назначать въ составъ группы разныхъ лицъ по своему усмотрѣнію, могъ переводить членовъ группы въ другія мѣстности или поручать имъ другія функціи, сохранялъ за собой постоянное право контроля и указаній, которыя для группы были обязательны; вообще, по отношенію къ нему группа была вполнѣ подчиненнымъ органомъ. Пополнялась группа, помимо назначенія отъ Исполнительнаго Комитета, путемъ кооптаціи, причемъ для пріема новаго члена требовалось единодушное согласіе всѣхъ наличныхъ членовъ. Былъ установленъ своего рода цензъ: возрастъ не менѣе 20 лѣтъ; не менѣе двухъ лѣтъ принадлежности къ революціоннымъ кружкамъ, и извѣстный уровень знакомства съ теоріей социализма и литературой рабочаго вопроса, соотвѣтствовавшій среднему уровню наличныхъ членовъ группы. Макси-

мальный составъ группы, въ интересахъ конспиративности, не долженъ былъ превышать числа 15 человекъ. Для непрерывности работы предполагалось установить обязательность кандидатуры, т. е. привлеченія каждымъ членомъ группы къ участию въ его пропагаторской работѣ по меньшей мѣрѣ двоихъ лицъ изъ числа его знакомыхъ, удовлетворяющихъ требованіямъ вступленія въ группу; въ случаѣ ареста пропагандиста, группа могла бы при такомъ порядкѣ тотчасъ же замѣстить убылое мѣсто человекомъ уже знакомымъ съ дѣломъ, не теряя связей арестованнаго, что раньше случалось сплошь и рядомъ. Къ сожалѣнію это постановленіе на практикѣ оказалось трудно-выполнимымъ, такъ какъ полиція арестовала всѣхъ и каждого, не разбирая, кто кѣмъ числится, а при быстромъ исчезновеніи съ поля дѣятельности самихъ членовъ группы о сколько-нибудь правильной постановкѣ кандидатуры не могло быть и рѣчи.

Вслѣдъ за выработкой устава послѣдовала выработка инструкции, которая могла бы служить руководствомъ для пропагандистовъ, приступающихъ къ дѣлу. Ближайшей задачей признавалось привлеченіе рабочихъ къ участию въ политической борьбѣ и наряду съ этимъ подготовка ихъ къ дальнѣйшей борьбѣ за социализмъ. Пропагандистамъ предлагалось указывать рабочимъ прежде всего на полное безсиліе каждого рабочаго въ отдѣльности передъ лицомъ двойственнаго союза капиталистовъ и правительства, откуда вытекала необходимость для рабочихъ организоваться и вырвать у власти политическую свободу, безъ которой возможны только безрезультатные стихійные бунты, а не планомерная социальная борьба. Такъ какъ для вліянія непосредственно на массу у агитаторовъ того времени не было никакихъ способовъ,—кромѣ развѣ распространенія прокламацій, что и дѣлалось,—то на первыхъ порахъ необходимость заставляла сближаться съ отдѣльными лицами изъ рабочихъ, а затѣмъ уже черезъ нихъ расширять свои связи въ рабочей средѣ. Инструкція рекомендовала каждому пропагандисту возможно обстоятельнѣе знакомиться съ условіями трудовой жизни въ сферѣ его наблюденій, а по возможности и съ личнымъ составомъ рабочаго населенія въ этой сферѣ, чтобы дѣйствовать не слѣпо, по случайностямъ встрѣчи съ тѣмъ или инымъ лицомъ, а съ наибольшей экономіей силъ, намѣчая для пропаганды именно тѣхъ рабочихъ, которые пользуются среди товарищей особымъ вліяніемъ или обладаютъ выдающейся энергіей и дарованіями. Такихъ лицъ вовсе не имѣлось въ виду извлекать изъ ихъ среды, направляя непременно на политическій терроръ, наоборотъ,—на нихъ смотрѣли, какъ на авангардъ, который современемъ съумѣетъ увлечь за собою массу и поведетъ ее въ бой.

Такъ какъ группа составлялась изъ интеллигентовъ, то труднѣе всего было проникнуть въ рабочую среду и завязать въ ней первыя знакомства. Выполнить эту задачу пропагандистамъ удалось, благодаря содѣйствію нѣсколькихъ рабочихъ, бывшихъ ра-

нѣ членами революціонныхъ кружковъ въ Петербургѣ и въ провинціи, а теперь, частью по случайностямъ ихъ личной судьбы, а частью по приглашенію знакомыхъ изъ членовъ московской группы, находившихся въ Москвѣ и применившихъ къ Народной Волѣ. Кромѣ упомянутаго выше Скворцова, къ числу такихъ рабочихъ принадлежалъ одинъ смолянинъ, родственникъ извѣстнаго Петра Алексѣева, доставившій пропагандистамъ связи съ ткачами, саратовскій наборщикъ А. Масленниковъ, и молодой переплетчикъ С. Лагуновъ, успѣвшій набрести при расширеніи своихъ знакомствъ, между прочимъ, на двоихъ рабочихъ-соціалистовъ, вокругъ которыхъ группировался цѣлый кружокъ послѣдователей, стоявшій внѣ всякой связи съ интеллигенціей. Въ кружкѣ этомъ, не имѣвшемъ впрочемъ правильной организаціи, читалась исключительно легальная литература, такъ какъ нелегальной неоткуда было достать; революціонное настроеніе поддерживалось въ кружкѣ всецѣло вліяніемъ двоихъ руководителей, рѣзко выдѣлявшихся по своему развитію изъ массы тогдашнихъ рабочихъ. Когда Лагуновъ съ ними сблизился, то оказалось, что оба эти лица имѣли связи съ пропагандистами и принадлежали къ социалистическимъ кружкамъ во времена Долгушина (1874 г.), но послѣ ареста долгушинцевъ и вплоть до встрѣчи съ Лагуновымъ оставались совершенно оторванными отъ движенія, ни разу за все это время не столкнувшись ни съ однимъ соціалистомъ.

Завязавъ первыя знакомства, пропагандисты затѣмъ уже сравнительно легко расширяли свои связи, такъ какъ каждый вновь пріобрѣтенный рабочій въ свою очередь, по ревности неопфита, спѣшилъ пріобрѣсти послѣдователей, и къ осени пропаганда велась въ Москвѣ приблизительно на 30 «пунктахъ». Подъ «пунктомъ» подразумевался тогда опредѣленный уголокъ дѣятельности: либо мастерская или фабрика, на которой имѣлись связи, либо просто нѣсколько рабочихъ разныхъ профессій, лично знакомыхъ другъ съ другомъ и потому представлявшихъ какъ-бы одинъ кружокъ, хотя-бы и неорганизованный; совершенно новое знакомство въ такой сферѣ, въ которую ранѣе не было доступа, составляло также новый «пунктъ», а потому опредѣлить общее количество рабочихъ, состоявшихъ въ непосредственной связи съ группой, было бы очень трудно: на иномъ пунктѣ имѣлся всего одинъ человѣкъ, на другомъ было человѣкъ 6—8, а въ общемъ на всѣхъ этихъ тридцати пунктахъ насчитывалось приблизительно человѣкъ 100—120. По новизнѣ дѣла и это казалось уже большимъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что рабочая молодежь въ большинствѣ случаевъ относилась къ социалистической пропагандѣ съ интересомъ и сочувствіемъ, а недовольство своимъ положеніемъ уже было тогда у рабочихъ всеобщимъ. Увѣренность въ возможности болѣе широкаго успѣха росла у пропагандистовъ вмѣстѣ съ расширеніемъ ихъ связей въ рабочемъ мірѣ и особенно усилилась съ пріѣздомъ И. В. Калюжнаго, который сооб-

*

щикъ, что у него есть надежда склонить къ переходу въ Народную Волю и соединенію съ группой цѣлый кружокъ его пріятелей - народниковъ, самостоятельно занимающихся пропагандой среди слесарей и желѣзнодорожниковъ. Впослѣдствіи И. В. дѣйствительно осуществилъ это соединеніе, хотя у народниковъ распространенныхъ рабочихъ оказалось не особенно много.

Повидимому, кромѣ народовольческой группы и кружка народниковъ, пропагандой среди рабочихъ занимались въ то время и нѣкоторые отдѣльные лица, дѣйствовавшіе вполне самостоятельно. Съ однимъ изъ такихъ лицъ членамъ группы удалось завязать сношенія: оказалось, что подъ вліяніемъ этого одиночки, человѣка уже среднихъ лѣтъ, находилось нѣсколько десятковъ самой разнообразной молодежи изъ интеллигентнаго пролетаріата, рабочихъ, приказчиковъ и даже конкеровъ; вся эта разнокалиберная и совершенно неорганизованная масса жадно поглощала всякую тенденціозную и нелегальную литературу и, если не особенно разбиралась въ теоріяхъ, то во всякомъ случаѣ обнаруживала опредѣлившееся революціонное и социалистическое настроеніе...

Пока дѣло шло лишь объ установленіи связей, встрѣчи съ рабочими происходили въ паркахъ, въ загородныхъ мѣстностяхъ и въ простенькихъ трактирахъ, посѣщаемыхъ мастеровыми; впослѣдствіи явилась необходимость имѣть для этого особую квартиру, т. е. жилища самихъ рабочихъ дѣлали пропаганду на мѣстѣ совершенно невозможной: тамъ обыкновенно въ страшной тѣснотѣ ютилось по нѣскольку десятковъ человѣкъ, въ числѣ ихъ не мало постороннихъ и прямо ненадежныхъ, при которыхъ приходилось держать языкъ за зубами. Въ устраненіе этого неудобства, на средства группы на отдѣльныхъ квартиркахъ поселялись гдѣ одинъ, гдѣ двое распространенныхъ рабочихъ; у нихъ собирался маленькій кружокъ, и тамъ велись бесѣды и производились чтенія. Читались книги: Михайлова «Пролетаріатъ во Франціи», Шелгунова «Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи», статьи изъ «Отечественныхъ Записокъ» о движеніи чартистовъ, переводныя книги: Бехера «Рабочій вопросъ», Торнтона «Трудъ», нелегальное изданіе Лассалля «Трудъ и капиталъ», кромѣ того отдѣльныя произведенія Костомарова, Карновича, Бѣляева, Семевского, Мордовцева по исторіи Россіи и въ особенности крестьянства и его борьбы за волю. Считалось необходимымъ знакомить рабочихъ съ исторіей Великой Революціи и съ парижской коммуной, а также съ теоріей цѣнности Маркса, которая излагалась обыкновенно изустно или по одному изъ многочисленныхъ въ то время рукописныхъ конспектовъ, составлявшихся чуть-ли не во всѣхъ городахъ, гдѣ только велась пропаганда, и затѣмъ ходившихъ по рукамъ. Для облегченія рабочихъ въ выборѣ чтенія членами группы былъ составленъ особый каталогъ легальныхъ книгъ и журнальныхъ статей по исторіи и рабочему вопросу; кромѣ того пропагандисты записывались въ частныхъ бібліоте-

кахъ для чтенія и передавали въ пользованіе рабочихъ свои билеты. Для удовлетворенія разностороннихъ умственныхъ запросовъ, обыкновенно съ внезапной силой пробуждавшихся у рабочихъ при первомъ знакомствѣ съ міромъ идей, имѣлось въ виду привлечь въ послѣдствіи побольше интеллигентной молодежи и организовать правильныя занятія съ рабочими по общеобразовательнымъ предметамъ, но на практикѣ это предположеніе въ Москвѣ не успѣло осуществиться, тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ подобныя занятія въ то время велись народовольческой молодежью, разумѣется—тайно отъ полиціи.

Многіе изъ фабричныхъ и мастеровыхъ, уходя лѣтомъ и на большіе праздники на побывку въ свои деревни, просили давать имъ на дорогу книжки и прокламаціи для распространенія среди односельчанъ. Это обстоятельство живо заинтересовало Теллалова, и онъ настаивалъ на томъ, что послѣ того, какъ рабочее дѣло въ Москвѣ упрочится, непременно надо будетъ организовать, независимую отъ Городской и Рабочей группъ, Крестьянскую группу, которая занялась-бы агитаціей по селамъ. Кое-кто уже былъ намѣченъ въ эту, еще не существовавшую группу, Теллаловымъ были пріобрѣтены среди уѣздной интеллигенціи кое-какія связи, но дальнѣйшаго осуществленія дѣло не получило, и я упоминаю объ этомъ эпизодѣ, чтобы лишній разъ показать неосновательность взгляда на народовольцевъ, какъ на какихъ-то единокорцевъ, оторванныхъ отъ жизни и игнорировавшихъ въ своей дѣятельности массы. Для организаціи массъ не хватало силъ, не было на лицо надлежащихъ условій, но дѣлать отсюда выводъ, что чего не было на дѣлѣ, къ тому и не стремились,—это большая ошибка.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Теллаловъ предупредилъ пропагандистовъ, что онъ вскорѣ уѣдетъ въ Петербургъ, и ввелъ вмѣсто себя руководителемъ группы Халтурина¹⁾. Правительственныя репрессіи въ Петербургѣ къ этому времени настолько усилились, что изданіе народовольческой «Рабочей Газеты» рѣшено было перенести въ Москву. Типографію предполагалось помѣстить въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой, а редактированіе газеты возлагалось на Рабочую группу. Вся группа на общемъ собраніи должна была намѣчать содержаніе номера и доставлять матеріалъ, а составленіе статей и подготовка номера возлагалась на особую комиссію изъ трехъ лицъ подъ ближайшимъ руководствомъ Халтурина. Послѣдовавшія вскорѣ пертурбаціи пріостановили однако выпускъ «Рабочей Газеты» и, сколько мнѣ помнится, въ Москвѣ не вышло ни одного номера, хотя типографія и была вполне налажена.

Халтуринъ, въ противоположность Теллалову, при всей своей преданности рабочему дѣлу, подъ влияніемъ быстро развивавшейся

¹⁾ Знаменитый Степанъ Халтуринъ. Объ его дѣятельности см. ст. В. Л. Бурцева «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ» въ январской книжкѣ «Былого». См. также воспроизводимую заглавиемъ нѣсколько разъ ст. „Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ“. Ред.

правительственной реакціи, стоялъ въ то время на чисто террористической точкѣ зрѣнія. Теллаловъ утверждалъ, что дѣло 1 марта не дало тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ него ожидали, всецѣло по слабости народовольческой организаціи, не имѣвшей силъ, чтобы использовать моментъ паники правительства и возбужденія массъ. Отсюда онъ выводилъ заключеніе о необходимости во что бы то ни стало расширять свои кадры и упрочивать организацію съ тѣмъ, чтобы приступить вновь къ террору уже съ пополненными силами. Таковъ-же былъ взглядъ и другихъ членовъ Исполнительнаго Комитета, или по крайней мѣрѣ большинства, опредѣлившаго своимъ вліяніемъ политику момента. Халтуринъ, наоборотъ, считалъ иллюзіей надежду на возможность при данныхъ условіяхъ создать обширную и прочную организацію и предпочелъ бы сосредоточить всѣ пригодныя для этого силы на неуклонномъ продолженіи террора. При такомъ настроеніи онъ заранѣе рѣшилъ оставаться въ Москвѣ не дольше декабря, а затѣмъ уѣхать и поставить на очередь какое-нибудь террористическое предпріятіе. Послѣ его отъѣзда дѣятельность группы шла скачками, такъ какъ однихъ членовъ арестовывали въ самой Москвѣ, другихъ Исполнительный Комитетъ переводилъ въ Петербургъ на пополненіе тамошней убыли, и наконецъ въ апрѣлѣ 82-го года, съ арестомъ Чекоидзе, Панкратьева и др., народовольческая организація, возникшая въ Москвѣ при Исполнительномъ Комитетѣ перваго состава, была окончательно разбита.

Н. Волковъ.

Петръ Григорьевичъ Каховскій ¹⁾.

Историко-психологическій этюдъ.

II. На сенатской площади.—Маски Николая Павловича.—Каховскій и Николай I.—Въ крѣпости.—Слѣдствіе и судъ.—Казнь.

7.

Тревожную ночь провелъ Каховскій. Казались близкими самыя затаенныя желанія. «Изступленіе», экстазъ, нервная напряженность достигли высшей степени. Поздно вечеромъ, послѣ посѣщенія Рылѣва, Каховскій побывалъ у А. Бестужева, у Панова ²⁾, у Андреева: у послѣдняго онъ справлялся объ адресѣ Кожевникова. А рано утромъ онъ былъ уже на ногахъ. Въ 7 часовъ его видѣлъ у Рылѣва Оболенскій. При немъ его послали въ л.-гренадерскій полкъ къ Сутгофу. Рано утромъ онъ былъ, по показанію А. Бестужева, въ казармахъ Московскаго полка у Михаила Бестужева на минутку, узнать какъ идутъ дѣла, и сказать: «Господа, не погубите лейбъ-гренадеровъ нерѣшительностью». Вслѣдъ за Якубовичемъ пріѣзжалъ въ гвардейскій экипажъ и Каховскій, чтобы узнать настроеніе общества офицеровъ. Испытывая ихъ рѣшимость, онъ сказалъ:

— Можно и отложить возстаніе до болѣе благоприятнаго времени.

Тутъ въ безумномъ энтузіазмѣ А. П. Бѣляевъ сказалъ ему:

— Нѣтъ, лучше не откладывать, если имѣются люди, могущіе вести временное правленіе: другого такого случая можетъ быть и не будетъ.

— Въ такомъ случаѣ, — отвѣчалъ Каховскій, — станемъ дѣйствовать. ³⁾

Въ гвардейскомъ экипажѣ произошелъ инцидентъ. Кюхельбекеръ показалъ, что, сходя съ крыльца офицерскихъ казармъ гвардейскаго экипажа, онъ увидѣлъ Каховскаго: онъ бѣжалъ черезъ дворъ, а за нимъ гнались солдаты, которые, какъ онъ повдѣе самъ Кюхельбекеру рассказывалъ, сорвали съ него шинель...

Затѣмъ мы видимъ его на Сенатской площади.

¹⁾ Окончаніе. См. „Былое“, январь, стр. 133—170.

²⁾ Объ этомъ посѣщеніи Каховскій показывалъ, что онъ, угнетенный предложеніемъ Рылѣва, сказалъ о немъ Панову, не открывая ему сущности. Но Пановъ на допросъ не припоминалъ этого обстоятельства.

³⁾ Воспоминанія А. П. Бѣлева. Русск. Стар. т. XXX. 1881 г. мартъ, стр. 496.

Въ одиннадцатомъ часу утра на Сенатской площади показались первые отряды возставшихъ войскъ—роты Московскаго полка во главѣ съ кн. Щепинымъ-Ростовскимъ и Бестужевыми. Московцы сейчасъ же построились въ каре. Пустынная до сихъ поръ площадь наполнилась народомъ. Народъ, повидимому, сочувствовалъ возставшимъ. Члены тайнаго общества, не носившіе военнаго мундира, или, какъ выражается донесеніе, люди гнуснаго вида во фракахъ были тутъ же. Тутъ былъ и пріятель Каховскаго Глѣбовъ, и Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Каховскій съ двумя заряженными пистолетами и кинжаломъ все время находился или передъ фронтомъ, или въ рядахъ солдатъ. Онъ агитировалъ и поддерживалъ солдатъ частыми возгласами «Ура, Константинъ!» Изъ всѣхъ заговорщиковъ, бывшихъ въ этотъ день на площади, Каховскій, несомнѣнно, былъ самымъ рѣшительнымъ и однимъ изъ самыхъ энергичныхъ. Онъ не привелъ въ исполненіе главный свой замыселъ. Николай Павловичъ не подѣхалъ къ каре возставшихъ, и Каховскій, оставаясь около каре, не имѣлъ возможности стрѣлять «по Государю». Но зато онъ какъ будто поставилъ своимъ долгомъ устранять всякія препятствія, какія только могли помѣшать успѣху дѣла. Когда онъ увидѣлъ, что убѣжденія графа Милорадовича могли поколебать твердое настроеніе солдатъ, онъ пустилъ въ него пулю. Штейнгель оставилъ въ своихъ «Запискахъ» описаніе смерти Милорадовича: «Едва успѣли инсургенты построиться въ каре, какъ показался скачущимъ изъ дворца въ парныхъ санихъ, стоя, въ одномъ мундирѣ и въ голубой лентѣ. Слышно было съ бульвара, какъ онъ, держась лѣвою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказалъ ему: «обѣзжай церковь и направо къ казармамъ». Не прошло трехъ минутъ, какъ онъ вернулся верхомъ передъ каре и сталъ убѣждать солдатъ повиноваться и присягнуть новому императору. Вдругъ раздался выстрѣлъ, графъ замотался, шляпа слетѣла съ него, онъ припалъ къ луку и въ такомъ положеніи лошадь донесла его до квартыры того офицера, которому принадлежала. Увѣщая солдатъ съ самонадѣянностью стараго отца-командира, графъ говорилъ, что самъ охотно желалъ, чтобы Константинъ былъ императоромъ, но что же дѣлать, если онъ отказался; увѣрялъ ихъ, что онъ самъ видѣлъ новое отреченіе, и уговаривалъ повѣрить ему. Одинъ изъ членовъ тайнаго общества, князь Оболенскій, видя, что такая рѣчь можетъ подѣйствовать, выйдя изъ каре, убѣждалъ графа отѣхать прочь, иначе угрожалъ опасностью. Замѣтя, что графъ не обращаетъ на него вниманія, онъ нанесъ ему штыкомъ легкую рану въ бокъ. Въ это время графъ сдѣлалъ вольтъ-фасъ, а Каховскій пустилъ въ него изъ пистолета роковую пулю, накануне вылитую» ¹⁾).

Нѣмного спустя, на площади показались лейбъ-гренадеры, при-

¹⁾ Общ. движ. въ первую половину XIX вѣка. Томъ I, Изд. М. В. Пирожкова. СПб. 1906. Стр. 441.

веденные сюда друзьями Каховскаго—Сутгофомъ, Пановымъ, Кожевниковымъ. Самолюбіе его, какъ заговорщика, должно быть, было удовлетворено. Значительная часть лейбъ-гренадерскаго полка была на лицо. Но вмѣстѣ съ лейбъ-гренадерами пришелъ и ихъ полковой командиръ Стюрлеръ, все время убѣждавшій своихъ солдатъ вернуться въ казармы, и лишь только лейбъ-гренадеры поравнялись съ Московскимъ полкомъ, пуля Каховскаго сразила Стюрлера. Сутгофъ увидалъ, какъ Стюрлеръ повернулъ назадъ, держа себя за бокъ. Сутгофъ бросился съ вопросомъ къ Каховскому: «ты ли выстрѣлилъ?» и получилъ сухой отвѣтъ: «теперь не время объ этомъ говорить». Дѣло, продиктованное логикой возстанія, коснувшись души Каховскаго, не могло не нарушать его равновѣсія. Кн. Одоевскій видѣлъ, какъ выстрѣлилъ Каховскій. У Одоевскаго былъ пистолетъ; одинъ изъ лейбъ-гренадеръ, не любившихъ своего полковника, счелъ виновникомъ выстрѣла Одоевскаго, выскочилъ изъ толпы и поцѣловалъ его, а Каховскій съ торжественнымъ видомъ показалъ свой пистолетъ, и сказалъ, что онъ его ранилъ. Потомъ Каховскій сознался Одоевскому, что онъ имѣетъ на душѣ двухъ и что ему гадко мясничать, и бросилъ пистолетъ со словами «ужь будетъ съ меня!»¹⁾

Еще одно кровавое покушеніе въ этотъ день легло на душу Каховскаго. Онъ ранилъ свитскаго офицера шт.-капитана Гастефера, трудно понять, почему, потому ли, что въ пылу возбужденія онъ заставлялъ его кричать «Ура, Константинъ!» а тотъ отказывался, или потому, что онъ казался подозрительнымъ. Каховскій нанесъ ему рану въ лицо, но сейчасъ же опомнился. Ему стало жаль офицера, и онъ отвелъ его въ каре.

Но Каховскому пришлось быть участникомъ не только кровавыхъ происшествій. Въ числѣ другихъ онъ объяснялся съ митрополитомъ Серафимомъ, явившимся на площадь для увѣщанія мятежниковъ. Онъ встрѣтилъ пріемъ, далеко не ласковый. «Первосвятитель — рассказываетъ діаконъ Прохоръ Ивановъ, сопровождавшій митрополита,—у первой шеренги остановился и, поднявъ крестъ, говорилъ имъ велегласно:

— Воины! успокойтесь... вы противъ Бога, церкви и отечества поступили: Константинъ Павловичъ письменно и словесно трижды отрекся отъ російской короны, и онъ ранѣ насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходить на престолъ... Синодъ, сенатъ и народъ присягнули; вы только одни дерзнули возстать противъ сего. Вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что есть это истина, и что я, какъ первосвятитель церкви, умаливаю васъ оной, успокойтесь, присягните.

Между тѣмъ изъ среды мятежниковъ составила изъ нѣсколь-

¹⁾ Такъ показывалъ 1 мая кн. Одоевскій. Правда, Каховскій рѣшительно отрицалъ истину этого показанія, но вѣдь онъ въ это время заперся даже въ самомъ фактѣ нанесенія ранъ Стюрлеру.

кихъ офицеровъ депутація, и, приблизившись къ митрополиту съ обнаженными шпагами, нѣкоторые, будучи въ нетрезвости, дерзновенно отвѣтствовали:

— Неправедливо! Гдѣ Константинъ?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Въ Варшавѣ.

Мятежники кричали:

— Нѣтъ онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ оковахъ... Подайте его сюда!.. Ура, Константинъ! Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Ты—измѣнникъ, ты—дезертиръ Николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ, подите прочь! Это дѣло не ваше; мы знаемъ, что дѣлаемъ. Скажи своему государю, чтобы онъ послалъ къ намъ Михаила Павловича: мы съ нимъ хотимъ говорить; а ты, калугеръ, знай свою церковь» ¹⁾.

По показанію Штейнгеля, Каховскій въ отвѣтъ на рѣчь Серафима сказалъ: «полно, батюшка, не прежняя пора обманывать насъ; поди-ка на свое мѣсто!» Серафимъ нашелся отвѣтить только: «Христіанинъ ли ты? по крайней мѣрѣ поцѣлуй хотя крестъ». Каховскій поцѣловалъ крестъ. Когда Каховскому были прочитаны показанія Штейнгеля, онъ отрицалъ, что имъ были сказаны какія-либо дерзости, и разъяснилъ, что онъ говорилъ митрополиту: «Вы такъ же можете быть обмануты, какъ и прочіе». «Митрополитъ увѣрялъ крестомъ истину словъ своихъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Повѣрь хоть ему»—въ то время я приложился къ кресту. Митрополитъ уговаривалъ не лить крови одноземцевъ, на что я отвѣчалъ: «мы сами сего страшимся, но можемъ быть къ тому вынуждены; просилъ его уговорить противную сторону не нападать, а что мы объявили наши требованія Сенату и никакъ не хотимъ и не съ тѣмъ сошлись, чтобы лить кровь, но лишь желаемъ законнаго порядка».

Вотъ все, что мы знаемъ о дѣйствіяхъ Каховскаго на площади.

Къ вечеру возстаніе было подавлено, мятежники разбѣжались. Начались аресты. Вечеромъ у Рылѣва еще могли собраться кое-кто изъ заговорщиковъ, Штейнгель, Каховскій, Пущинъ. Каховскій рассказывалъ о своихъ дѣйствіяхъ—объ убійствѣ Милорадовича, о нанесеніи раны свитскому офицеру. Показывая кинжалъ, еще хранившій слѣды крови, онъ обратился съ слѣдующими словами къ Штейнгелю: «Вы, полковникъ, спасетесь, а мы погибнемъ; возьмите этотъ кинжалъ на память обо мнѣ и сохраните его». И въ этотъ моментъ пораженія и подавленности духа дѣйствія Каховскаго казались необыкновенными, вызывающими поклоненіе: кинжалъ становился реликвіей

„Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды“.

¹⁾ Историческій Вѣстникъ, 1906, янв., стр. 169—170.

И Штейнгель, почтенный и миролюбивый Штейнгель, взялъ кинжалъ ¹⁾.

Полиція начала розыски Каховскаго уже вечеромъ 14 декабря. Въ первомъ часу ночи полицеймейстеръ явился къ Гречу и спросилъ у него, гдѣ живетъ Каховскій. Въ рукахъ у полицеймейстера была записка, на которой былъ написанъ адресъ «у Вознесенскаго моста, въ гостинницѣ Неаполь, въ домѣ Мюссаръ». Гречъ отозвался незнаніемъ. «Знаете ли вы, кто написалъ это? Самъ Государь»—сказалъ полицеймейстеръ Гречу ²⁾.

Полиція не нашла Каховскаго дома. Въ ночь на 15-е онъ ночевалъ у Кожевникова. Онъ явился домой 15 декабря и здѣсь былъ арестованъ ожидавшимъ его казакомъ и отвезенъ въ Зимній дворецъ. 15 вечеромъ или 16-го утромъ Каховскій предсталъ передъ Николаемъ Павловичемъ.

8.

Первые дни, первые мѣсяцы своего царствованія императоръ всероссійскій Николай Первый всю энергію, всѣ способности своего духа употребилъ на розыски по дѣлу декабристовъ. Всю жизнь въ немъ крѣпко и прочно сидѣлъ—сыщикъ и слѣдователь, вѣчно подозрительный и выслѣживающій, вѣчно ищущій кого-бы предать суду и наказанію. Но въ первые мѣсяцы царствованія эта основная сущность его души раскрылась съ необычайной полнотой и зловѣщей яркостью. Въ это время въ Россіи не было царя-правителя: былъ лишь царь-сыщикъ, слѣдователь и тюремщикъ. Вырвать признанія, вывернуть душу, вызвать на оговоры и извѣты—вотъ священная задача слѣдователя; и эту задачу въ концѣ 1825 и въ 1826 годахъ исполнялъ русскій императоръ съ необыкновеннымъ рвеніемъ и искусствомъ. Ни одинъ изъ выбранныхъ имъ слѣдователей не могъ и сравниться съ нимъ. Дѣйствительно, Николай Павловичъ могъ гордиться тѣмъ, что матеріалъ, который легъ въ основу слѣдствія, былъ добытъ имъ и только имъ на первыхъ же допросахъ. Безъ отдыха, безъ сна онъ допрашивалъ въ кабинетѣ своего дворца арестованныхъ, вынуждалъ признанія, по горячимъ слѣдамъ давалъ приказы о новыхъ арестахъ, отправлялъ съ собственноручными записками допрошенныхъ въ крѣпость и въ этихъ запискахъ тщательно намѣчалъ тотъ способъ заключенія, который примѣнительно къ

¹⁾ Правда, въ своемъ показаніи Штейнгель заявлялъ, что, взявъ кинжалъ на память, онъ положилъ его тихонько на столъ, но сейчасъ же услышалъ выразительныя слова Каховскаго: „Такъ вы не хотите взять кинжалъ мой?“ На эти слова Штейнгель отвѣчалъ: „Нѣтъ, возму!“ пожалъ руку Каховскаго и ушелъ, поцѣловавъ его въ щеку. Каховскій рѣшительно отрицаетъ этотъ эпизодъ: нужно думать, что Штейнгель просто изобрѣлъ его, чтобы какъ-нибудь реабилитировать себя въ такомъ непохвальномъ дѣяніи, какъ восхваленіе убійства.

²⁾ Записки Греча, стр., 386.

данному лицу могъ привести къ обнаруженіямъ, полезнымъ для слѣдственной комиссіи. За ничтожнѣйшими исключеніями, всѣ декабристы перебивали въ кабинетѣ дворца, передъ ясными очами своего царя и слѣдователя. Первые сообщенія по дѣлу каждый изъ нихъ дѣлалъ ему или генералу, сидѣвшему передъ кабинетомъ, снимавшему допросы и тотчасъ же докладывавшему ихъ государю. Иногда государь слушалъ эти допросы, стоя за портьерами своего кабинета...

Одного за другимъ свозили въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи замѣшанныхъ въ дѣлѣ и доставляли въ Зимній дворецъ. Напряженно волнуясь, ждалъ ихъ въ своемъ кабинетѣ царь и подбиралъ маски, каждый разъ новыя для новаго лица. Для однихъ онъ былъ грознымъ монархомъ, котораго оскорбилъ его же вѣрноподданный, для другихъ—такимъ же гражданиномъ отечества, какъ и арестованный, стоявшій передъ нимъ; для третьихъ—старымъ солдатомъ, страдающимъ за честь мундира; для четвертыхъ—монархомъ, готовымъ произнести конституціонныя завѣты; для пятыхъ—русскимъ, плачущимъ надъ бѣдствіями отчизны и страшно жаждущимъ исправленія всѣхъ золъ. А онъ на самомъ дѣлѣ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ: онъ просто боялся за свое существованіе и неутомимо искалъ всѣхъ нитей заговора съ тѣмъ, чтобы всѣ эти нити съ корнемъ вырвать и успокоиться.

Одинъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу, простодушный и искренній Гангебловъ въ нѣсколько наивныхъ выраженій передаетъ впечатлѣніе, которое произвелъ на него царь-слѣдователь. Отмѣтивъ, что членъ слѣдственной комиссіи военный министръ Чернышовъ не прочь былъ вслухъ прочесть то, чего не было въ бумагахъ, Гангебловъ пишетъ: «Болѣе и чаще всего мнѣ приходили на память вопросы, которые мнѣ были задаваемы самимъ государемъ. Тутъ не могло встрѣтиться ничего подобнаго тому, что при неудачѣ могло бы случиться съ Чернышовымъ. Государь прямо не уличалъ меня въ преступленіи; всѣ его дознанія предлагаемы имъ были въ формѣ вопросовъ, а вопросъ не есть улика. Нельзя не изумиться неутомимости и терпѣнію Николая Павловича. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ: не разбирая чиновъ, спускался до личнаго, можно сказать, бесѣдованія съ арестованными, старался уловить истину въ самомъ выраженіи глазъ, въ самой интонаціи словъ отвѣтника. Успѣшности этихъ попытокъ много, конечно, помогала и самая наружность государя, его величавая осанка, античныя черты лица, особливо его взглядъ: когда Николай Павловичъ находился въ спокойномъ, милостивомъ расположеніи духа, его глаза выражали обаятельную доброту и ласковость; но когда онъ былъ въ гнѣвѣ, тѣ же глаза метали молніи»¹⁾.

Вѣшними средствами, находившимися въ его распоряженіи, Николай Павловичъ пользовался сообразно съ обстоятельствами.

¹⁾ Воспоминанія декабриста А. С. Гангеблова. М. 1888. Стр. 119, 120.

Онъ зналъ, кого нужно приласкать, чтобы заставить говорить, и кого напугать такъ, чтобы онъ говорилъ, почти не останавливаясь.

Съ величайшимъ любопытствомъ слѣдишь за измѣненіями въ пріемахъ Николая Павловича.

Къ наивному, молодому офицеру, пажу ея величества Гангелову Николай Павловичъ подходилъ съ ухватками ласковой кошки. «Что вы, батюшка, надѣлали?... Что вы это только надѣлали?.. Вы знаете, за что вы арестованы?»..—говорилъ онъ ему. И взявъ Гангелова подъ руку, не сводя съ глазъ пристальнаго взора, онъ водилъ его по залѣ. «Я съ вами откровененъ, платите и вы мнѣ тѣмъ же» и т. д. ¹⁾ И всѣ эти обороты для того, чтобы выудить признаніе въ принадлежности къ обществу.

Съ трепещущимъ отъ страха Ѳ. Н. Глинкой царь обошелся иначе. «Послѣ подробнаго вопрошенія, сдѣланнаго ему прозорливымъ испытателемъ въ императорскомъ дворцѣ, государь съ неизъяснимымъ благоволеніемъ изволилъ сказать ему: «Ты можешь оставаться спокоенъ: будь покоенъ» ²⁾. И этой фразы было достаточно для того, чтобы Глинка исписывалъ цѣлые листы со всевозможными подробностями объ обществѣ.

Николая Бестужева царь принялъ ласково и, замѣтивъ въ немъ чувства страстной любви къ отечеству, сказалъ ему: «Вы знаете, что все въ моихъ рукахъ, что могу простить вамъ, и если бы могъ увѣриться въ томъ, что впредь буду имѣть въ васъ вѣрнаго слугу, то готовъ простить вамъ» ³⁾.

Со Штейнгелемъ, отцомъ не малочисленнаго семейства, чело-вѣкомъ далеко не молодымъ, Николай обошелся иначе, да такъ, что онъ на всю жизнь не забылъ подробностей своей встрѣчи съ царемъ. «Штейнгель, и ты тутъ?»—сказалъ государь.—«Я только былъ знакомъ съ Рылѣвымъ» — отвѣчалъ я.—«Какъ ты родня графу Штейнгелю?»—«Племянникъ его и ни мыслями ни чувствами не участвовалъ въ революціонныхъ замыслахъ; и могли участвовать, имѣя кучу дѣтей!»—«Дѣти ничего не значать,—прервалъ государь,—твой дѣти будутъ мои дѣти! Такъ ты зналъ о ихъ замыслахъ?» — «Зналъ, государь, отъ Рылѣва». — «Зналъ и не сказалъ — не стыдно ли?» — «Государь, я не могъ и мысли допустить дать кому нибудь право называть меня подлецомъ!»—«А теперь какъ тебя назовутъ?» — спросилъ государь саркастически, гнѣвнымъ тономъ. Я нерѣшительно взглянулъ въ глаза государя и потупилъ взоръ. «Ну, прошу не прогнѣваться, ты видишь, что и мое положеніе не завидно», сказалъ государь съ ощутительною угрозою въ голосѣ и повелѣлъ отвести въ крѣпость. Одно воспоминаніе объ этой минутѣ, чрезъ столько лѣтъ, приводитъ въ трепетъ. «Твои дѣти будутъ мои дѣти» и это «про-

¹⁾ Воспоминанія А. С. Гангелова. М. 1888. Стр. 68—73.

²⁾ Г. А. I В № 82 Дѣло Ѳ. Н. Глинки.

³⁾ Записки декабриста (Розена) Лейпц. 1870 г., стр. 109.

шу не прогнѣваться»—казались мнѣ смертнымъ приговоромъ. *Съ этой минуты я былъ уже не въ нормальномъ положеніи* ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Штейнгель не безъ ироніи пишетъ: «Гнѣвъ еще преобладалъ въ государѣ: укоризны, сарказмы напоминали слова Царя-Пророка: «прощеніе цареву подобно рыканію льва», и заставляли сожалѣть о забытіи продолженія этихъ словъ: «яко трава злаку, тако тихость есть» ²⁾.

— «Говорите всю правду»,—сказалъ Николай Павловичъ Басаргину передъ допросомъ,—«а если скроете что нибудь, то пеняйте на себя» ³⁾.

Методъ устрашенія и стремительнаго нападенія Николай Павловичъ примѣнилъ къ Якушкину, освѣдомившись объ его отказѣ назвать соучастниковъ. Разговоръ его съ Якушкинымъ необычайно ярокъ и красоченъ.

— Вы нарушили вашу присягу?

— Виновать, государь.

— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? Проклятіе. Мнѣніе людей вы можете презирать, но что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ, должно васъ ужаснуть. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно губить: я пришлю къ вамъ священника. Что же вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

— Я, кажется, говорю вамъ довольно ясно; если не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались какъ съ свиньей, то вы должны во всемъ признаться.

— Я далъ слово не называть никого; все же, что зналъ про себя, я уже сказалъ его превосходительству,—отвѣтилъ я, указывая на Левашова, стоящаго поодаль въ почтительномъ положеніи.

— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ.

— Назвать, государь, я никого не могу.

Новый императоръ отскочилъ три шага назадъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: «заковать его такъ, чтобы онъ пошевелиться не могъ» ⁴⁾.

Собственноручная записка Николая Перваго, при которой Якушкина препроводили изъ дворца въ крѣпость, была слѣдующаго содержанія: «Присылаемаго Якушкина заковать въ ножны и ручныя желѣза; поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя» ⁵⁾. Но Якушкинъ былъ однимъ изъ всѣхъ совѣтъ немногихъ, на кого не подѣйствовали ухищренія Николая. Правда,

¹⁾ Обществ. движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Составили В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Томъ I. Сиб. 1906. Стр. 414.

²⁾ Ibid., стр. 449.

³⁾ Записки Басаргина М. 1872. Стр. 35.

⁴⁾ Записки И. Д. Якушкина. М. 1906. Стр. 84.

⁵⁾ Госуд. Арх. I. В. № 465.

примѣненному здѣсь методу нельзя отказать въ значительной долѣ грубости. Животный страхъ смерти, физическихъ мукъ былъ чуждъ декабристамъ. Этимъ страхомъ, быть можетъ, отмѣченъ только одинъ князь С. П. Трубецкой, въ слезахъ цѣловавшій руки Николая Павловича и молившій о жизни. «La vie, Sire; la vie!»¹⁾ Трубецкой вымолилъ себѣ жизнь цѣной подробнѣйшихъ признаній. Его избраніе въ диктаторы—удивительная насмѣшка судьбы надъ декабристами.

Декабристовъ, искреннихъ и увлекающихся людей, энтузіастовъ, можно было поймать на благородство. Нужно было запрягать глубоко свою ненависть къ нимъ, разыграть роль человѣка, заботящагося только о томъ, чтобы родина избавилась, наконецъ, отъ золъ и бѣдствій. И Николай Павловичъ прекрасно разыгрывалъ эту роль. Онъ прикидывался почти ихъ единомышленникомъ. Въ разговорахъ съ ними онъ, очевидно, раздѣлялъ всѣ ихъ мнѣнія о неустройствѣ родины и средствахъ исправленія всѣхъ золъ. Онъ съумѣлъ вселить въ нихъ увѣренность, что онъ-то и есть тотъ правитель, который воплотитъ ихъ мечтанія и благодѣтельствуемъ Россію. Вскрывалось роковое недоразумѣніе: они шли съ оружіемъ въ рукахъ на друга своего дѣла. Вооруженное возстаніе оказывалось не нужнымъ и гибельнымъ. Нужно—это было такъ очевидно—предупредить вспышки въ другихъ мѣстахъ Россіи, лишить возможности дѣйствовать тѣхъ, кто еще оставался на свободѣ. Только такая психологія, созданная подъ впечатлѣніемъ тонкой, артистической игры царя-слѣдователя, объясняетъ буквально взрывъ признаній, раскаяній, оговоровъ, оглашавшихъ царскій кабинетъ въ Зимнемъ дворцѣ. «Опытъ показалъ—писалъ въ первомъ своемъ показаніи 14 же декабря Рыльцевъ,— что мы мечтали, полагаясь на такихъ людей, какъ князь Трубецкой. Страшась, чтобы подобные же люди не затѣяли чего-нибудь подобнаго на югѣ, я *долгомъ совѣсти и честнаго гражданина* почитаю объявить, что около Кіева въ полкахъ существуетъ общество. Трубецкой можетъ пояснить и назвать главныхъ. Надо взять мѣры, дабы тамо не вспыхнуло возмущенія»²⁾. И почти всѣ они на первыхъ же допросахъ спѣшили предупредить возможное возмущеніе и возможные дѣйствія со стороны остающихся на свободѣ. Они выдавали поголовно всѣхъ соучастниковъ, казалось, забывъ объ участи, ихъ ожидающей. Правда, Николай Павловичъ усы-

¹⁾ Къ этому свидѣтельству Н. И. Греча (Записки о моей жизни. Спб. 1886. Стр. 352) можно отнестись съ довѣріемъ въ виду характера поведенія Трубецкого и въ день 14 декабря, и затѣмъ во время слѣдствія. Но главное подтвержденіе этому факту находимъ въ запискѣ вел. кн. Михаила Павловича (рук.): «Когда вел. кн. вошелъ къ Государю, была уже поздняя ночь, и здѣсь представилось ему неожиданное зрѣлище: передъ Государемъ стоялъ и въ ту минуту упалъ на колѣни, моля о своей жизни, извѣстный кн. Трубецкой»... Въ одной изъ книжекъ „Былого“ мы дадимъ характеристику диктатора на основаніи документовъ слѣдственнаго комитета.

²⁾ Г. А. I В N 334. Дѣло К. Ѳ. Рыльева.

плять ихъ безпокойство, представляя грядущее наказаніе незначительнымъ. Каховскій и Пестель, напр., совершенно не ждали смертной казни. Чрезвычайно характерныя подробности передаетъ Д. И. Завалишинъ объ убѣжденіяхъ, исходившихъ отъ комитета и священника и повторившихъ, быть можетъ, рѣчи самого Николая. «Неужели же думаете вы,—говорили обвиняемымъ,—что для государя важно наказать нѣсколько человѣкъ? Вотъ онъ не только простилъ Суворова, но и произвелъ его въ офицеры за его откровенность, потому что онъ объяснилъ ему, почему его образъ мыслей былъ республиканскій. На той высотѣ, на которой стоитъ Государь, нельзя ему не видѣть того, что признаетъ и всякій умный и образованный человѣкъ, что если отдѣльные лица и могутъ быть виноваты, то были же общія законныя причины неудовольствія, если онѣ могли увлечь такую массу людей вопреки ихъ личнымъ интересамъ. Поэтому ясно, для Государя важнѣе знать эти общія причины, нежели виновность того или другого лица. Вы знаете, что у высокопоставленныхъ людей въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ политическія соображенія стоятъ выше всего. Вы знаете, что послѣ этихъ соображеній даже прямые участники въ смерти Петра III и Павла не только не подверглись отвѣтственности, но и были возведены на высшія государственныхъ званія. Мы увѣрены, что по раскрытіи всего дѣла будетъ объявлена всеобщая амнистія. Говорятъ уже, что Государь даже выразился, что удивить Россію и Европу» ¹⁾. Такъ притуплялось острое чувство отвѣтственности передъ другими членами, чувство боязни передъ карами.

Всѣ письма декабристовъ изъ крѣпости, всѣ показанія переполнены восхваленіями милосердія государя, милосердія, не грядущаго, а настоящаго. Онъ умѣло возбуждалъ столь свойственное благороднымъ людямъ чувство благодарности.

Тѣмъ, кто смертельно тосковалъ о судьбѣ жены, дѣтей, онъ общалъ свои царственные заботы и, дѣйствительно, заботился. Заканчивая свое признаніе, 16 декабря Рылѣевъ писалъ царю: «Свою судьбу вручаю тебѣ, государь: я отецъ семейства» ²⁾. Такъ послѣ этихъ словъ Николай Павловичъ даже 2000 рублей прислалъ женѣ Рылѣева, и Рылѣевъ сталъ его. «Молись Богу за императорскій домъ—писалъ Рылѣевъ женѣ 28 декабря,—я могъ заблуждаться, могу и впередъ, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ Государемъ и Императрицей, глубоко врѣзались въ сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умуру для нихъ» ³⁾. Императоръ Николай пригрѣлъ дѣтей и повѣсилъ отца.

Тѣмъ, кто страдалъ объ отцѣ или матери, онъ разрѣшалъ писать или давалъ свиданія. И эти разрѣшенія писемъ и свиданій

¹⁾ Записки декабриста Д. И. Завалишина. Мюнхенъ 1904, Т. II. Стр. 28.

²⁾ Госуд. Арх. I В N 834.

³⁾ Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева, изд. подъ ред. М. Н. Мазаева. СПб. 1898. Стр. 165.

нѣ онъ удивительно умѣлъ обставлять: заключеннымъ они казались результатомъ глубочайшаго милосердія, а не обычнымъ и должнымъ выраженіемъ человѣческаго отношенія. И опять размягчалось благодарное сердце, и развязывался языкъ. Князь Оболенскій на первыхъ допросахъ открылъ многое и многихъ, но не все и не всѣхъ. Многие остались скрыты въ сердцѣ его. «Могъ ли я тою самою рукой—писалъ кн. Оболенскій царю—которая была имъ залогомъ вѣрности, предать ихъ суду, тобою назначенному... Я не въ силахъ былъ исполнить сей жестокой обязанности». Но... царь разрѣшилъ передать кн. Оболенскому письмо его престарѣлаго отца, вѣжно имъ любимаго. Тутъ благодарное сердце не выдержало. «Вѣра, примиривъ меня съ совѣстію моею, вмѣстѣ съ тѣмъ представила высшія отношенія мои; *милосердіе же твое, о Государь, меня побѣдило*. Въ то время, когда я лишился всѣхъ надеждъ, когда темница сдѣлалась мой міръ, а голыя стѣны оной—товарищами моей жизни, маніемъ благотворной руки твоей, письмо отца моего, какъ ангелъ-утѣшитель, принесло спокойствіе и отраду души моей. Благодареніе твое, монархъ милосердный, воззрѣніе твое на мольбу семидесятилѣтняго старца—останется незабвеннымъ въ душѣ моей. И потому, видя въ тебѣ не строгаго судью, но отца милосерднаго, я, съ твердымъ упованіемъ на благость твою, повергаю тебѣ жребій чадъ твоихъ, которые не поступками, но желаніями сердца могли заслуживать твой гнѣвъ» ¹⁾. Но какъ актеръ, играющій короля, въ дѣйствительности не имѣетъ въ своей душѣ ничего королевскаго, такъ и Николай Павловичъ, игравшій роль благороднаго гражданина, былъ совершенно чуждъ истинному благородству. И милосердіе оказалось только на словахъ. Взявъ отъ своихъ жертвъ все, что было можно и нужно взять, онъ подвергъ ихъ жесточайшимъ наказаніямъ. Онъ, такъ много выигравшій отъ чувства благодарности, живущаго въ благородномъ сердцѣ, отстранилъ отъ самого себя малѣйшія обязательства признательности и благодарности.

Итакъ государь выдавалъ себя не за того, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ; государь игралъ. Въ дни и мѣсяцы сыска надъ декабристами Николай Павловичъ показалъ свое лицо въ неожиданномъ, зловѣщемъ освѣщеніи. Царь-актеръ, искусно мѣняющій личины... Изъ этой его духовной сущности, открывшейся въ началѣ царствованія, мы должны исходить, если желаемъ понять его личность, его образъ дѣйствія во всей послѣдующей жизни. Онъ всегда умѣлъ провести наблюдателей, которые простодушно вѣрили въ его искренность, благородство, смѣлость; а вѣдь онъ только игралъ. И Пушкинъ, великій Пушкинъ былъ побѣжденъ его игрой. Онъ думалъ въ простотѣ души, что царь почтилъ въ немъ вдохновеніе, а духъ державный въ немъ не жестокъ... А

¹⁾ Г. А. I В N 355. Дѣло кн. Оболенскаго. Цѣликомъ письмо напечатано въ нашей книгѣ: „А. С. Грибоедовъ и декабристы“. СПб. 1905. Стр. 22, 23.

для Николая Павловича Пушкинъ былъ просто шалопаемъ, требующимъ надзора. Снисходительность же объясняется исключительно желаніемъ и изъ поэта извлечь возможно большую выгоду...

9.

Каховскій стоялъ передъ «тираномъ», котораго онъ только что собирался поразить для блага родины, передъ царемъ, въ договоръ съ которымъ онъ не вѣрилъ, передъ «врагомъ отечества». Но новый царь явился предъ нимъ какъ бы преображеннымъ, такимъ, какого онъ и встрѣтить не ожидалъ. Такъ же, какъ и Каховскій, онъ болѣлъ несчастіями родины, такъ же, какъ и первый, онъ вѣрилъ въ одни и тѣ же средства избавленія. Многоликій, онъ открылъ одинъ изъ своихъ ликовъ — ликъ царя-гражданина и реформатора. Но этотъ ликъ — лишь маска. Николай Первый въ такой же мѣрѣ могъ быть царемъ-реформаторомъ, въ какой шефъ жандармовъ Бенкендорфъ — поэтомъ и композиторомъ. Помимо гражданина и реформатора, въ Николаѣ Павловичѣ открылся для Каховскаго новый для него человѣкъ, полный благородства, истинной щедрости духа, способный понять сложнѣйшіе и интимнѣйшіе намеки его души. Вотъ тутъ-то, при столкновеніи съ живымъ человѣкомъ, терпѣлъ крушеніе идеаль политическаго убійства. Казалось легкимъ убить отвлеченнаго человѣка, поработителя свободы, тирана, деспота, и вдругъ почувствовалась вся неизмѣримая тяжесть убійства вотъ этого, стоящаго предъ нимъ человѣка, Николая Павловича Романова, почти такого же, какъ онъ самъ. И Каховскій не имѣлъ силъ даже признаться въ своихъ замыслахъ, когда услышалъ изъ устъ этого человѣка коротенькую фразу: «а насъ всѣхъ зарѣзать хотѣли!»

Между царемъ и государственнымъ преступникомъ произошелъ долгій разговоръ. Каховскій рассказывалъ о неурядицѣхъ родины, о всѣхъ недостаткахъ, о всякомъ злѣ, словомъ обо всемъ, что явилось причиною основанія тайнаго общества. Нужно думать, что онъ былъ необыкновенно краснорѣчивъ, пылокъ и одушевленъ. Его письма къ царю и генералу Левашеву, въ которыхъ онъ изложилъ очевидно все, что было предметомъ разговора, являются образцомъ эпистолярнаго стиля. Ему казалось, что самъ Николай Павловичъ не могъ бы поступить иначе:— «Взгляните на состояніе народное, что есть у насъ,—писалъ онъ въ послѣдствіи (19 марта) царю, — безопасность лицъ и собственности ничѣмъ не ограждена; совершенное отсутствіе закона и справедливости въ судопроизводствѣ, тяжкіе налоги, взимаемые не съ прибрѣтеній, но разрушающіе капиталы; убитая торговля, сжатое просвѣщеніе, задушенная свобода—вотъ наше богатство,

наше достояніе. Государь, станьте частнымъ лицомъ въ государствѣ нашемъ и спросите самого себя, что бы вы произвели на нашемъ мѣстѣ, когда бы подобный вамъ человѣкъ могъ располагать вами по своему произволу, какъ вещью».

Слушая рѣчи Каховскаго, царь плакалъ. «Государь, писалъ Каховскій въ томъ же письмѣ. — Что было причиной заговора нашего, спросите самого себя, что, какъ не бѣдствія отечества. Добрый государь, я видѣлъ слезы состраданія на глазахъ вашихъ. Вы—человѣкъ, вы поймете меня! Можно ли допустить человѣку, намъ всѣмъ подобному, вертѣть по своему произволу участію пятидесяти милліоновъ людей? Гдѣ, укажите мнѣ страну, откройте исторію, гдѣ, когда, были счастливы народы подъ властью самодержавною, безъ закона, безъ правъ, безъ собственности». Въ отвѣтъ на страстныя рѣчи Каховскаго что могъ сказать Николай Павловичъ? Да только пожалѣть, почему же обо всѣхъ этихъ бѣдахъ не писали государю! «Его Величеству—писалъ Каховскій 24 февраля генералу Левашову—удочно было сказать мнѣ: «зачѣмъ я не писалъ къ покойному императору о извѣстныхъ мнѣ неурядицахъ? Многіе, очень многіе писали, но не внимали имъ».

Страстнымъ воплемъ Каховскаго о необходимости взяться за устройство родины Николай Первый противопоставилъ фразу и оболѣстилъ его фразой. «Я самъ есть первый гражданинъ отечества»—сказалъ онъ Каховскому. И черезъ день послѣ свиданія-допроса тотъ писалъ царю: «Счастливъ подданный, слышавшій отъ своего монарха: «Я самъ есть первый гражданинъ отечества». Дай Богъ, чтобы отечество было у насъ въ совокупности съ государемъ. Я, желающій блага моей милой родинѣ, благословляю судьбу, имѣя случай излить чувства и мысли мои передъ монархомъ моимъ, общающимся быть отцомъ отечества». Итакъ, царственная игра запла далеко. Каховскій забылъ свое недовѣріе къ власти, и Николай сталъ для него отцомъ отечества, а то, что было на сенатской площади, вдругъ оказалось такимъ ненужнымъ, братоубійственнымъ и преступнымъ.

Царь, казалось, подмѣтилъ кое-какія особенности Каховскаго. Онъ почувствовалъ его антипатію къ иностранцамъ и отозвался на нее. «Слава Богу,—писалъ тотъ въ первомъ же письмѣ къ царю—вы не презираете именемъ русскаго. Я замѣтилъ, какъ сказали вы: «Кто можетъ сказать, что я не русскій»? Такъ, государь, вы русскій. Любите народъ свой, а народъ будетъ боготворить въ васъ отца своего». Должно быть,—мы не можемъ утверждать съ достовѣрностью, но письма даютъ право на такое заключеніе,—Каховскій разсказалъ Николаю о своей жизни, и Николай увидѣлъ, какой это былъ одинокій, заброшенный и несчастный человѣкъ, увидѣлъ и сейчасъ же воспользовался этимъ. Послѣ перваго вопроса онъ отослалъ Каховскаго въ крѣпость съ слѣдующей запиской: «Присылаемаго Каховскаго посадить въ Алексѣевскій равелинъ, давъ бумагу, пусть пишетъ что хочетъ, не давая сообщ-

*

щаться». Эту записку А. Я. Сукинъ, комендантъ Петропавловской крѣпости, получилъ въ половинѣ 3-го пополудни 16-го декабря. Послѣ второго свиданія-допроса Николай Павловичъ прислалъ слѣдующую записку: «Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанія, давать ему чай и прочее, что пожелаетъ, но съ должною осторожностью. Адъютанта герцога Александра Бестужева заковать; ибо по всѣмъ вѣроятіямъ онъ убійца штыкомъ графа Милорадовича. *Содержаніе Каховскаго я принимаю на себя*» ¹⁾. Сукинъ доносилъ комиссіи: «При Высочайшемъ Е. И. Величества повелѣніи возвращенный арестантъ Каховскій посаженъ въ прежній казематъ, гдѣ и будетъ получать повелѣнное ему лучшее содержаніе» ²⁾. Каховскій былъ возвращенъ 18 декабря въ 9^{1/2} часовъ вечера. Такимъ образомъ, послѣ 14 декабря Николай Павловичъ становился для Каховскаго до нѣкоторой степени тѣмъ же, чѣмъ былъ для него до 14 декабря Рыльцевъ: матеріальной поддержкой. И чувство благодарности было приподнято и разрѣшалось отзывчивостью...

Роль царя-реформатора была сыграна съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Вернувшись изъ дворца въ крѣпость и получивъ бумагу, Каховскій 17 декабря набросалъ письмо государю. Онъ началъ съ изложенія причинъ, отторгнувшихъ его отъ монарха. Онъ писалъ о томъ, что страна стонетъ и ропщетъ подъ бременемъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, иногда взыскиваемыхъ даже вдвойнѣ (таковъ подорожный налогъ, уплачиваемый два раза: натурой и деньгами). Онъ указывалъ на стѣсненія торговли, причиняемые запретительной системой, на вредъ казенныхъ монополій и тарифовъ. Онъ перечислялъ вопіющіе недостатки русскаго судопроизводства: неясность, недостаточность и противорѣчіе существующихъ законовъ, судебную волокиту, необеспеченность чиновниковъ, являющуюся причиной взяточничества. Онъ порицалъ предпочтеніе, оказываемое иностранцамъ и обижающее русскихъ, и упоминалъ о полнѣйшемъ отсутствіи просвѣщенія.

«Вотъ причины, заканчивалъ Каховскій, великодушный государь, отторгнувшія меня отъ моего монарха.

«Желаю вѣрить, что вы, государь, облегчите участь народа русскаго, вышнимъ промысломъ ввѣреннаго.

«Государь! я не умѣю, не могу и не хочу льстить; *со вчерашняго вечера я полюбилъ васъ, какъ человѣка*, и всѣмъ сердцемъ желаю любить въ васъ моего монарха, отца отечества.

«Вы ко мнѣ милосерды, ваше великодушіе меня обезоруживаетъ: вы умѣли уже нѣсколько меня привязать къ себѣ. Но, государь, что я? 50 милліоновъ ждутъ вашей благости, ждутъ отъ васъ своего счастья. Какое поприще для вашей славы, для вашего величія».

Для человѣка, сильно и тонко чувствующаго, великодушіе

¹⁾ Обѣ записки въ дѣлѣ № 465 Г. А. І. В.

²⁾ Г. А. І. В. № 35 т. I.

царя, котораго только что собирався предать смерти, было дѣйствительно мучительно. Оно не только обезоруживало, оно вызывало сильнѣйшія мученія совѣсти. Оtmѣтимъ, что Каховскій не рѣшился съ самаго же начала признаться въ своемъ сокровенномъ замыслѣ. Онъ по истинѣ чувствовалъ себя преступникомъ передъ человѣкомъ, который въ первый же часъ разговора съумѣлъ привязать его къ себѣ. Каховскій былъ, по собственному его выраженію, растерзанъ милосердіемъ къ нему государя. Единственное оправданіе, единственное духовное утѣшеніе въ случившемся онъ видѣлъ лишь въ безкорыстии и чистотѣ помысловъ, въ глубинѣ своей приверженности къ благу родины.

Царственныя заботы о Каховскомъ были вознаграждены, и сыскъ, произведенный «отцемъ отечества», принесъ благіе плоды. Преступникъ въ порывѣ благодарности и изумленія передъ мнимымъ величіемъ души не отказалъ царю въ признаніяхъ и открытіяхъ. Онъ открылъ цѣли общества. «Скрытыя намѣренія общества — писалъ онъ въ первомъ показаніи — заключались въ томъ, чтобы даровать каждому гражданину право собственную и личную безопасность оградить законами... Въ душѣ считалъ себя честнымъ. Личнаго намѣренія я не имѣлъ, всѣ желанія мои относились къ отечеству моему. Положеніе государства приводило меня въ трепетъ: финансы разстроенныя, отсутствіе справедливости въ судахъ, корыстолюбіе, уничтоженіе внѣшней коммерціи, все сіе предшествовало въ глазахъ моихъ полному разрушенію. Одно спасеніе полагалъ я въ составленіи законовъ и принятіи оныхъ непоколебимымъ вождемъ, ограждающимъ собственность и лицо cadaго». Вспомнимъ, что подъ закономъ Каховскій разумѣлъ конституцію. Въ здоровомъ смыслѣ — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ — *«законъ есть воля народная!»* Каховскій открылъ ближайшіе планы общества, между прочимъ, планъ предполагавшагося занятія дворца Якубовичемъ. Наконецъ, онъ назвалъ членовъ общества, какъ принятыхъ имъ, такъ и извѣстныхъ ему. Онъ заявилъ, что имъ приняты Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, Глѣбовъ. Сохранившіеся официальные документы не передаютъ, очевидно, всѣхъ признаній и открытій, сдѣланныхъ Каховскимъ: часть ихъ не была положена на бумагу. Но замѣтимъ теперь же — его открытія не могли быть такъ подавляющи и всеобъемлющи, какъ, напримѣръ, сдѣланныя князьями Трубецкимъ и Оболенскимъ, Рылѣвымъ. Впрочемъ для объективной оцѣнки дѣйствій Каховскаго это указаніе не имѣетъ значенія. Но Каховскій умолчалъ объ одномъ очень важномъ обстоятельстве. Онъ не открылъ ничего о намѣреніяхъ общества устранить царствующую фамилію и о своей роли въ вопросѣ о цареубійствѣ. Для Николая и его слѣдователей какъ разъ этотъ пунктъ и представлялся самымъ существеннымъ.

Больше всего для Каховскаго было назвать другихъ членовъ общества, въ томъ числѣ и принятыхъ имъ. 21 декабря Кахов-

скій писалъ генералу Левашову: «Государь императоръ чрезмѣрно милосердъ ко мнѣ; я не имѣю словъ благодарить его за милостивое его ко мнѣ вниманіе. Положеніе мое облегчено: онъ позволилъ мнѣ писать къ моимъ роднымъ ¹⁾. Ваше превосходительство, есть несчастныя жертвы, которыхъ я губитель; они меньше меня виноваты, я увлекъ ихъ; а положеніе мое облегчено, и не могу раздѣлить съ ними одной участи: это мучительно! Ваше превосходительство! я прибѣгая къ вамъ съ моею просьбою, сдѣлать милость доложить его величеству: я съ радостью отказываюсь отъ всѣхъ льготъ, отказываюсь писать къ роднымъ моимъ и прошу одной милости: чтобы облегчили судьбу Суттофа, Панова, Кожевникова, Глѣбова. У нихъ у всѣхъ многочисленныя семейства, которыхъ я убійца. Пановъ имѣетъ невѣсту, онъ помолвленъ, посудите о его положеніи! Ваше превосходительство, вы имѣете сердце, не отриньте мольбу мою. Государь милосердъ; если онъ сострадателенъ ко мнѣ, преступнику, то я надѣюсь, по вашему ходатайству, онъ не откажетъ облегчить положеніе менѣе меня виновныхъ».

Смертныя муки онъ переживалъ въ крѣпости, вспоминая о своихъ признаніяхъ. И онѣ стали особенно тяжелы, когда онъ увидѣлъ, что грозятъ серьезнѣйшія кары и наказанія, о которыхъ онъ какъ-то не думалъ въ первые мѣсяцы. Нужно отмѣтить, что признанія были исторгнуты послѣ какихъ-то увѣреній и ручательствъ, данныхъ ему властями. 14 марта, отвѣчая на вопросы комитета, Каховскій писалъ: «если что показывалъ, показывалъ истину; не для спасенія своего, *но послѣ ручательства оберъ-полицейстера и нѣкоторыхъ господъ генераловъ и офицеровъ въ дворцѣ*; я былъ тронутъ до глубины сердца мягкостью обхожденія господина генералъ-адъютанта Левашова и милосердіемъ государя императора». А 19 марта Каховскій писалъ Николаю: «Простите, великодушный Государь! что я преступникъ и смѣю еще просить вашей милости. *Увлеченный чувствами, я сдѣлалъ открытіе о тайномъ обществѣ, не соображаясь съ разсудкомъ, но по движенію сердца, къ вамъ благодарнаго*; и можетъ то сказалъ, чего бы не открыли другіе члены онаго. Я—преступникъ передъ вами, преступникъ передъ обществомъ, предъ людьми несчастными, мной въ него принятыми. Легко погибнуть самому, но быть причиной гибели другихъ—мука нестерпимая. Я, растерзанный, у ногъ вашихъ, умоляю: Государь! спасите несчастныхъ! Свобода обольстительна; я, распаленный ею, увлекъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго

¹⁾ Каховскій просилъ нѣсколько часовъ свободы для того, чтобы розыскать слугу Рылева и отъ него узнать, кто именно былъ посланъ на югъ. Каховскій дѣлалъ это сознательно, не желая дальнѣйшаго кровопролитія въ случаѣ восстанія на югѣ. Въ Архивѣ крѣпости сохранилась записка ген.-ад. Левашова: „Государь императоръ проситъ г. Каховскаго удовлетворить не можетъ, а токо позволяетъ ему родственникамъ его писать, коего письма присылать сюда. 20 дек. 1825 г.“ Въ крѣпостномъ же спискѣ всѣхъ, кому разрѣшена переписка, Каховскій помѣченъ, какъ арестантъ, не пользующійся правомъ переписки.

полка поручиковъ: Сутгофа, Панова, подпоручика Кожевникова, прапорщика Жеребцова и генеральнаго штаба прапорщика Палицына. Коллежскій секретарь Глѣбовъ зналъ о существованіи общества, но не принадлежалъ къ оному. Всѣ сіи люди имѣютъ семейства, отцовъ, матерей, а я сталъ ихъ убійцею. Не зная меня, они были бы счастливы. Государь, вы сами отецъ, вы человѣкъ, посудите страданіе несчастныхъ, невинныхъ семействъ. Обманутый Рылѣвымъ, я и ихъ обманывалъ. Я, злодѣй ужасный, всему причиною; пусть на мнѣ кончатся ихъ мученія; а они, исполненные благодарностью, могутъ быть полезны вамъ, отечеству и заслужить свое неблагоразуміе. Спасите ихъ великодушный государь! Я умру, благословляя милосердіе вашего императорскаго величества. Можетъ быть, выраженія мои неприличны, государь; дерзокъ поступокъ, что осмѣлился писать къ вашему величеству. Простите мнѣ то: я не рожденъ у двора, а послѣдовалъ движенію сердца».

Мучительныя опасенія за судьбу выданныхъ имъ товарищей омѣнялись угрызениями совѣсти, нечистой по отношенію къ царю. Каковский метался во всѣ стороны. Памятникомъ этихъ душевныхъ волненій остались слѣдующія строки, набросанныя вскорѣ послѣ перваго допроса-свиданія: «Государь! я сдѣлался предъ вами преступникомъ, увлекаясь любовью къ отечеству. Я никогда не могъ принадлежать никакому обществу. Я никогда ничего не желалъ себѣ. Я принадлежу благу общему и всегда готовъ запечатлѣть любовь мою къ отечеству послѣдней каплей крови моей. Намѣренія мои были чисты, но въ способахъ я вижу заблужденіе. Не смѣю просить васъ простить мое заблужденіе; я и такъ растерзанъ вашимъ ко мнѣ милосердіемъ. Я неспособенъ никому измѣнять; я не измѣнялъ и обществу, но общество само своимъ безуміемъ измѣнило себѣ...

«Государь! отъ васъ зависитъ благоденствіе наше, мы вамъ ввѣрены; я отдаюсь вамъ, я вашъ. Есть существо, проникающее въ изгибы сердецъ человѣческихъ, оно видитъ, что я говорю истину—я вашъ! И благомъ отечества клянусь, я не измѣню вамъ! Мнѣ собственно ничего не нужно; мнѣ не нужна и свобода; я и въ цѣпяхъ буду вѣчно свободенъ; тотъ силенъ, кто позвалъ силу человѣчества. Честному человѣку собственное убѣжденіе дороже лепета молвы. Я не говорю за себя: Государь! есть несчастные, которыхъ я увлекъ; спаси ихъ великодушный монархъ! Спаси дѣтей твоихъ; клянусь, они чисты.

«Желалъ бы еще разъ, государь, говорить съ вами. Мнѣ дорого благоденствіе отечества, я не ишу безпорядковъ и крови. Положитесь на меня, не обману вашу ко мнѣ довѣренность».

Второе свиданіе-допросъ состоялось 18 декабря. Затѣмъ потянулись долгіе мѣсяцы заключенія и нравственныхъ пытокъ.

Краснорѣчивы и ярки приведенныя нами свидѣтельства о моральныхъ страданіяхъ Каховскаго. Лучи царскаго милосердія, обольстившаго его, скрылись внезапно и безвозвратно. Осталась вѣра въ искренность реформаторскихъ намѣреній Николая. Каховскій написалъ рядъ писемъ: генералу Левашеву и самому царю. Левашеву онъ писалъ 24 февраля, 5, 14 марта. Въ этихъ письмахъ, которыя онъ просилъ довести до свѣдѣнія государя, онъ изложилъ свои взгляды на настоящее Россіи и на мѣры къ исправленію неустройствъ. По этимъ письмамъ мы характеризовали выше общественныя взгляды Каховскаго. Царю онъ писалъ на другой день послѣ перваго свиданія—16 декабря, затѣмъ—19 марта, 4 апрѣля. Общее содержаніе писемъ къ царю—рѣзкая критика существующаго строя, выясненіе причинъ, создавшихъ тайное общество, смѣлое и несомнѣнно казавшееся Николаю дерзкимъ обличеніе политики покойнаго Александра, характеристика того Николая Павловича, который былъ извѣстенъ декабристамъ, и, наконецъ, горячіе призывы о необходимости учрежденія законовъ, о необходимости конституціи. Мы знаемъ теперь Николая Перваго, знаемъ, какъ онъ относился къ конституціямъ, ко всякому малѣйшему проявленію свободной мысли. И мы можемъ опѣнить то неизмѣримо грустное и трогательно смѣшное положеніе, въ которое попалъ Каховскій съ своими призывами къ конституціи, обращенными къ императору Николаю. Вѣдь Каховскій хотѣлъ убѣдить царя—ни много, ни мало—въ томъ, что и онъ, царь, на его мѣстѣ не поступилъ бы иначе, а тоже сталъ бы заговорщикомъ и вышелъ на площадь. Ему, державшему подъ гнетомъ безпредѣльнаго самодержавія Россію больше четверти вѣка, Каховскій доказывалъ необходимость ограниченія абсолютизма, ссылаясь на его собственную психологію! Онъ-то не зналъ этого, мы знаемъ.

Но Каховскій говорилъ царю смѣлымъ и сильнымъ языкомъ. Больше ужъ никогда не слышалъ Николай такихъ смѣлыхъ и дерзкихъ рѣчей, такихъ горькихъ и обидныхъ истинъ. Онъ рѣшительно могъ счесть за обиду нѣкоторыя фразы Каховскаго: «Простите, ваше величество, я буду совершенно откровенно говорить: искренность моя есть мое къ вамъ усердіе. Вы были великимъ княземъ, мы не могли судить о васъ иначе, какъ по наружности; видимыя ваши занятія были: фрунтъ, солдаты, и мы страшились имѣть на престолѣ полковника». Каховскій задѣвалъ самое больное мѣсто Николая; дѣйствительно, весь цвѣтъ, все наслажденіе жизни для Николая Павловича—во фрунтовыхъ занятіяхъ. Онъ жизни не могъ представить безъ нихъ. И вдругъ онъ читалъ въ письмахъ Каховскаго слѣдующія тирады: «доложу Вашему Величеству, что вѣсть о смерти императора Александра поразила людей либеральныхъ и благонамѣренныхъ; можно сказать, при семъ извѣстіи общія слова были: «Вотъ въ какомъ мы положеніи, что императора Александра жалѣть должны!» Такъ, Государь, мы равно страшились всѣхъ его наслѣдниковъ,—причина

сему вамъ должна быть извѣстна; я только доложу вамъ, что и самые люди, къ Вашему Величеству преданные, не оправдываютъ въ васъ страсти къ фронту. Сіе занятіе государей нашихъ въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно. Самыя войска чрезмѣрно тяготеютъ имъ и ужасно ропшутъ. При ученіи солдатъ иногда вырываются такіа изреченія, которыя, распространяясь по государству, вооружаютъ сердца и умножаютъ ропоть. Ваше Величество! если бы вы знали, сколь много вы повредили себѣ въ общемъ мнѣніи симъ занятіемъ. Обиженное честолюбіе успокоить трудно—и какія вѣсти, какіе слухи носились по государству. Отъ васъ зависитъ теперь судьба пятидесяти милліоновъ людей, и я усердно желаю, Государь, чтобы вы предпочитали пріятное полезному».

Очень рѣзкой критикѣ Каховскій подвергъ личность покойнаго Александра и его политику. Онъ считалъ его настоящимъ врагомъ отечества и «истинной причиной возстанія 14 декабря». «Не имъ ли, писалъ Каховскій, раздуть въ сердцахъ нашихъ свѣточъ свободы, и не имъ ли она была такъ жестоко удушена, не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ»... «Быстро двинувъ умы къ правамъ людей и вдругъ перемѣнивъ свои правила, осадилъ ихъ и тѣмъ произвелъ у насъ всѣ заговоры и скопища». Александръ обманулъ свой народъ. «Въ 25-лѣтнее царствованіе покойнаго императора было время и смутное, но большая часть онаго было время мирное. Кончилась война съ Наполеономъ; мы всѣ надѣялись, что императоръ займется внутреннимъ управленіемъ въ государствѣ; съ нетерпѣніемъ ждали закона постановительнаго и преобразованія судопроизводства нашего; ждали и что жъ: чрезъ 12 лѣтъ ожиданія лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ». Каховскій рѣзко упрекаетъ Александра въ томъ, что онъ предпочиталъ побывать у развода, чѣмъ посѣтить высшее правительственное мѣсто имперіи—сенатъ: «Обратить вниманіе на образованіе армій и не заниматься устройствомъ государства—я нахожу столь же гибельнымъ для государя и отечества, какъ для человѣка частнаго, обратившаго все его вниманіе на одежду и наружность свою и не старающагося о образованіи внутреннихъ своихъ качествъ». Александръ, по мнѣнію Каховскаго, совершенно не желалъ вникнуть въ положеніе народа. Онъ смотрѣлъ лишь войска и не хотѣлъ видѣть, что встрѣчи, устраиваемыя ему,—чисто декоративнаго характера. Цѣлый рядъ обвиненій высказанъ въ письмахъ Каховскаго по адресу покойнаго государя. Обвиненія были общераспространенны, но Николай, должно быть, впервые выслушивалъ ихъ въ такой яркой формѣ.

Пожеланія Каховскаго сводились къ заявленію о необходимости «постановительнаго закона» т. е. конституціи. Въ каждомъ своемъ письмѣ Каховскій неоднократно твердилъ съ воодушевленіемъ и страстью о необходимости для блага русскаго народа дать конституцію.

«Государь!—писалъ онъ въ первомъ же своемъ письмѣ 17 де-

кабря.—Вѣрите, я не обману васъ! Могу ошибиться, но говорю, что чувствую: невозможно идти противъ духа времени; невозможно націю удержать вѣчно въ одномъ и томъ же положеніи; зрѣлость даетъ ей силу и возможность; всѣ народы имѣли и имѣютъ свои возрасты. Благодѣтельные правители слѣдовали по теченію возмужалости духа народнаго, и тѣмъ предупреждали зло».

19 марта Каховскій писалъ: «Цари самовластные много благъ творятъ въ частности; и покойный императоръ много раздавалъ денегъ, орденовъ, чиновъ; но составляетъ ли это пользу общую?.. Нѣтъ, Государь! Не въ частности надо благодѣлать, но благодѣлать всему народу, и правленіе будетъ счастливо и покойно, безмятежно»... «Ради Бога, ради блага человѣчества, собственнаго вашего блага, оградите себя и отечество закономъ. Вамъ предстоитъ славное поприще! дайте права, уравнивайте ихъ и не нарушайте; водворите правосудіе, откройте торговлю, покровительствуйте истинное просвѣщеніе—и вы сдѣлаетесь другомъ и благодѣтелемъ народа добраго».

14 апрѣля Каховскій вновь зывалъ къ Николаю. «Дай Богъ, чтобы вы, милосердый государь, основали благоденствіе народное, властвовали не страхомъ, а любовью, и тогда вѣрно отечество будетъ счастливо и покойно».

Каховскій указывалъ на то, что безъ «постановительнаго закона» царь не найдетъ поддержки ни среди окружающихъ, ни въ войскахъ, ни въ церкви. Всѣ эти опоры шатки. Онъ бросалъ въ лицо Николаю ядовитые сарказмы: «какъ вы думаете, государь, если бы васъ не стало, изъ окружающихъ теперь васъ, много ли бы нашлось людей, которые истинно о васъ пожалѣли?» Съ ироніей Каховскій отмѣчалъ, что «не солдаты составляютъ силу и опору троновъ, и тѣ обманываются, которые думаютъ, что можно оградить себя штыками». «Ошибаются и тѣ, которые полагаютъ, что алтарь—опора трона вашего. 14 декабря доказало противное».

Каховскій думалъ обольстить Николая историческими перспективами, раскрывающимися передъ русскимъ монархомъ, уничтожившимъ самодержавіе. «Государь, вы одни можете не только въ отечествѣ, и во всей Европѣ переменить систему правленія, спасти троны и равно принести пользу и царямъ и народамъ». Въ письмѣ къ Левашову онъ пробовалъ указать этимъ глухимъ душамъ на судъ исторіи. «Исчезъ обрядъ судить народу умершихъ царей своихъ до ихъ погребенія. Но исторія передаетъ дѣла ихъ на судъ безпристрастнаго потомства. Не всѣ историки подобны Карамзину. Дѣянія вѣка нашего заслуживаютъ имѣть своего лѣтописца—Тацита. Кто знаетъ, можетъ быть, и есть онъ, но таятся въ толпѣ народа, работая для вѣковъ и потомства. Онъ возвѣститъ имъ истину: и благословенія и проклятія потомковъ обнаружатъ дѣла, поразятъ и украсятъ вѣщеносцевъ».

Гласъ вопіющаго въ пустынѣ!

Какъ относился къ письмамъ Каховскаго самъ Николай? Онъ не могъ не оцѣнить ихъ дерзости и смѣлости. Положительную

часть онъ оставлялъ безъ вниманія. Впрочемъ онъ—не прочь былъ послушать рѣчи о недостаткахъ государственнаго управленія, но при одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы эти рѣчи раздавались только для него одного, а ораторъ находился въ это время за семью замками. Такъ было съ Каховскимъ и другими декабристами, писавшими къ нему изъ крѣпости. Но самая замѣчательная иллюстрація этого болѣзненнаго любопытства Николая выслушивать ту правду, за которую онъ посылалъ на висѣлицу и на каторгу—исторія декабриста Корниловича. Онъ былъ перевезенъ съ каторги въ Петропавловскую крѣпость, и здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ давалъ письменныя разъясненія по всѣмъ вопросамъ, касающимся государственной жизни Россіи, какіе только угодно было задавать Николаю Павловичу и Бенкендорфу. Быть можетъ Николай дѣйствительно извлекалъ изъ ихъ отвѣтовъ практическіе выводы, но о томъ, какъ онъ въ душѣ относился къ откровеннымъ и искреннимъ письмамъ декабристовъ, достаточно ярко свидѣтельствуетъ слѣдующая замѣчательная резолюція, положенная имъ на просьбѣ Г. С. Батенкова о разрѣшеніи ему писать Государю: *«дозволить писать, лгать и врать по волю его»* ¹⁾. Необходимо отмѣтить, что резолюція положена 30 марта 1826 г., т. е. тогда, когда весь матеріалъ слѣдственный былъ собранъ, и декабристы не нужны уже были Николаю.

10.

Но слѣдствіе подвигалось впередъ, выяснялись помыслы декабристовъ объ истребленіи фамиліи, становились извѣстными всѣ фразы и восклицанія, когда либо сказанныя по этому дѣлу. Для царя и его слѣдователей очень скоро выяснилось, что Каховскій не учинилъ полнаго признанія. Прикосновенность его къ неосуществленнымъ замысламъ о царевубійствѣ обнаружилась уже въ самомъ началѣ слѣдствія, рельефнѣе всего изъ показаній Штейнгеля. А относительно убійствъ, совершенныхъ Каховскимъ, коммиссія получила совершенно опредѣленные указанія отъ его товарищей въ самомъ концѣ декабря и январѣ: Оболенскій заявилъ объ убійствѣ Каховскимъ Милорадовича, Одоевскій—Стюрлера, Кюхельбекеръ—о нанесеніи ранъ свитскому офицеру.

Каховскій умолчалъ о своей роли въ замыслахъ на царевубійство и о своихъ покушеніяхъ. Причины заирательства объяснить не трудно. Мы уже выяснили, въ какое положеніе онъ былъ поставленъ царемъ: *«А насъ всѣхъ зарѣзать хотѣлъ!»*—услышалъ отъ него. О покушеніяхъ, не оправданныхъ успѣхомъ возстанія, ему, конечно, было очень тяжело говорить. Но главное, вѣдь онъ не приносилъ раскаянія: подкупленный обращеніемъ Николая,

¹⁾ Г. А. I В № 11 л. 21.

онъ открылъ дѣла общества, переименовалъ нѣкоторыхъ участниковъ—и только. Показанія о царевубійствѣ могли бы, какъ это и было впослѣдствіи, запутать слишкомъ многихъ, а о покушеніяхъ Каховскій могъ и не говорить, полагаясь на скромность товарищей. Мы уже освѣтили нѣсколько переживанія Каховскаго въ тюрьмѣ. Они были ужасны. Его мучительно волновало и то, что онъ сказалъ что то, и то, что онъ не сказалъ всего о царевубійственныхъ замыслахъ. Къ этимъ мученіямъ присоединились вскорѣ еще новыя. Онъ увидѣлъ, что люди, столь близкіе ему по дѣлу, докладываютъ комиссіи о самомъ сокровенномъ и самомъ преступномъ. Сокровенны — эти замыслы, участниками которыхъ были многіе; преступны — убійства на площади. Когда рассказывали о дѣлахъ общества, то, кажется, вѣрили, что за это могутъ быть лишь незначительныя наказанія.

А тутъ вдругъ убійства, въ которыхъ повиненъ Каховскій, а больше никто. Можно понять, что въ разсказахъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ трудно было иногда удержаться отъ оговоровъ, но зачѣмъ же было оглашать дѣйствія отдѣльнаго лица. Но этого мало: на очныхъ ставкахъ, въ показаніяхъ Каховскій вдругъ увидѣлъ то, чего ужъ онъ никакъ не ожидалъ видѣть: нѣкоторые изъ товарищей передъ комитетомъ доказывали, что они гнушаются поступковъ Каховскаго: у однихъ, быть можетъ это былъ искренній результатъ прекраснодушія, у другихъ это вызывалось желаніемъ выиграть расположеніе Слѣдственной Комиссіи. Но умышленное или сознательное третированіе казалось чѣмъ-то вопіющимъ Каховскому. Его, русскаго Брута, котораго братски цѣловали передъ совершеніемъ «подвига», назвать убійцей!

Такое поведеніе товарищій страшно раздражало и волновало Каховскаго. Сдержанный въ самомъ началѣ, онъ становился все нервнѣе и нервнѣе; ноты раздраженія въ его показаніяхъ слышались все чаще и чаще. Не забудемъ его особенности доводить все до предѣловъ, до конца.

Необходимо отмѣтить методъ его показаній передъ комиссіей. Онъ началъ съ полнаго отрицанія, на первомъ же допросѣ отзывался полнымъ невѣдѣніемъ. Но, настойчиво отрицая реальный фактъ, онъ не осмѣливался устранить и принципиальную возможность. Наоборотъ, въ то время, какъ его и не спрашивали о принципиальной возможности, онъ самъ выставлялъ ее на видъ. Его спрашиваютъ по поводу несомнѣнно имъ совершенныхъ поступковъ: «Вы это сдѣлали?», а онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, совсѣмъ не я, но я могъ это сдѣлать!» «Если бы видалъ, что успѣхъ зависитъ отъ смерти Милорадовича, то не остановился бы оную произвестъ». И точно въ немъ было два я, два человѣка: одинъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что для пользы общей нѣтъ преступления, и что убійство тирана — высшій подвигъ, а другой боялся сознаться (быть можетъ, даже самому себѣ), что на сенатской площади декабря 14 дня онъ собственноручно умертвилъ военнаго губернатора города С.-Петербурга, Милорадовича, тяжело

ранилъ командира лейбъ-гренадерскаго полка Стюрлера и нанесъ легкія пораненія штабсъ-капитану Гастеферу. Одинъ Каховскій готовъ принять какое угодно наказаніе за свое принципиальное согласіе на извѣстный актъ, даже убійство, а другой Каховскій гонитъ всякую мысль о карѣ за конкретный поступокъ. Каховскій какъ-то не хотѣлъ понять, что высшій подвигъ любви къ свободѣ необходимо реализуется въ конкретномъ покушеніи на определенное лицо. И знаменательно то, что онъ и умеръ съ вѣрой въ силу этого подвига. Въ этомъ его отличіе отъ другихъ декабристовъ: другіе (Оболенскій, Трубецкой, Рылѣевъ) ясно ощутили эмпирическую сторону подвига и отказались отъ своихъ дерзновеній: «по человѣчеству нельзя» — такъ рѣшали они. А Каховскій призналъ, что въ данномъ случаѣ энергія была затрачена напрасно, но что «подвигъ»-то не только возможенъ, но и необходимо въ иныхъ случаяхъ и долженъ быть. «Рылѣевъ — пишетъ Штейнгель — объяснилъ о намѣреніи Каховскаго другимъ членамъ общества — и изъ нихъ нѣкоторые ужаснулись самой мысли». А Каховскій превзошелъ этотъ ужасъ и до конца дней своихъ остался неисправимымъ романтикомъ. Античная идея о низверженіи тирана воскресла въ Каховскомъ, но не умерла въ немъ.

Когда комиссія убѣдилась, что Каховскій не намѣренъ открывать всего, имъ совершеннаго или только извѣстнаго, она оставила его въ покоѣ, съ тѣмъ, чтобы добывъ весь слѣдственный матеріалъ, неопровержимо уличить Каховскаго. При этомъ Николай и комиссія сочили себя, конечно, въ правѣ освободить самихъ себя отъ предупредительности по отношенію къ Каховскому. Мы уже знаемъ, что послѣ признаній Каховскаго Николай Павловичъ приказалъ «Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанія, давая ему чай и прочее, что пожелаетъ, но съ должною осторожностью» и принялъ содержаніе его на свой счетъ. Намъ извѣстно также, что на первыхъ порахъ Каховскому было разрѣшено переписываться съ родными. Но, очевидно, очень скоро отношенія властей къ нему перемѣнились. Изъ списка, составленнаго въ серединѣ февраля 1826 года, видно, что Каховскій былъ однимъ изъ тѣхъ, кому *переписка была запрещена*. А когда уже въ іюнѣ Каховскаго запросили, какъ и чѣмъ онъ думаетъ заплатить свой долгъ портному, онъ въ отвѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи написать къ своему родному брату о присылкѣ ему денегъ. Ему отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Можно съ полной достовѣрностью думать, что за все время заключенія Каховскій не имѣлъ не только личныхъ, а даже письменныхъ сношеній съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ своихъ слѣдователей.

Такая же исторія вышла—надо думать—и съ «повелѣннымъ ему лутшимъ содержаніемъ». Табакъ, который бы долженъ былъ быть отпускаемъ въ числѣ прочаго, что пожелаетъ Каховскій, за счетъ Государя, былъ во всякомъ случаѣ приобретаемъ имъ за свой счетъ. Изъ вѣдомостей плацъ-адъютанта Подушкина, завѣдывавшаго «комиссіями» арестованныхъ и—кстати сказать—не

мало при этомъ попользовавшагося, видно, что онъ получилъ изъ отобранныхъ у Каховскаго при арестѣ восьмидесяти пяти рублей на покупку для него табаку въ разное время сорокъ три рубля 50 коп. ¹⁾. Оставшаяся по смерти Каховскаго сумма въ 41 р. 50 коп. была впослѣдствіи выдана его брату. Можно повѣрить сообщенію Завалишина, что Каховскій находился какъ бы въ постоянной пыткѣ, потому что его больного держали въ сырой ямѣ ²⁾.

Послѣ первыхъ большихъ допросовъ и признаній Каховскаго комитетъ тревожилъ его только небольшими допросами по отдѣльнымъ пунктамъ. 3 января онъ отвѣчалъ по вопросу, что онъ зналъ и передавалъ Сутгофу о касательствѣ къ обществу высшихъ лицъ: Мордвинова, Сперанскаго, Ермолова. Затѣмъ Каховскаго спрашивали о принадлежности къ обществу Глѣбова. 14 марта на допросѣ Каховскому были предъявлены показанія Штейнгеля о его роли въ разговорахъ о царевубійствѣ, и Каховскій долженъ былъ понять, что слѣдователямъ его участіе извѣстно. Каховскій отрицалъ свою инициативу и показывалъ, что онъ «готовъ былъ всегда принести себя въ жертву и для пользы отечества не видалъ преступленія. Но никогда бы не рѣшился убить государя, въ точности не увѣрялъ въ необходимости къ тому потребности для блага общаго». Разоблаченія Штейнгеля ставили Каховскаго въ ужасное положеніе. Процессъ переходилъ съ почвы фактовъ въ область пылкихъ мечтаній, горячихъ рѣчей, страстныхъ фразъ. Приходилось или сознавать недостаточность своихъ прежнихъ показаній, или же впутывать и выдавать тѣхъ самыхъ лицъ, которыя ввозили на него обвиненія. Каховскій рѣшилъ запыраться; онъ готовъ былъ признать все, что ни предъявятъ ему, лишь бы его не разспрашивали и скорѣй вынесли приговоръ. Мучительно читать его отвѣты коммисіи. 14 же марта Каховскій заканчивалъ свой отвѣтъ: «Показанія мои такъ истинны, какъ святъ Богъ! Я не жилъ увертками и умру съ чистой душой. Не желаю зла и Рылѣву; я ему нѣсколько обязанъ: онъ долго былъ моимъ пріятелемъ; но меня вынудили говорить, чего бы я не хотѣлъ. Довольно несчастныхъ! Переговаривать чужія пустыя слова, которыя были говорены, какъ говорится всякій вздоръ, я не могу. Пусть что хотятъ на меня показываютъ, я оправдываться не буду; и если что показывалъ, показывалъ истину; не для спасенія своего, но послѣ ручательствъ оберъ-полицмейстера и нѣкоторыхъ господъ генераловъ и офицеровъ во дворцѣ; я былъ тронутъ до глубины сердца мягкостью обхожденія господина генералъ-адъютанта Левашова и милосердіемъ государя императора.

¹⁾ Г. А. I В. № 299 л. 2 и № 293, л. 335 и 336.

²⁾ Записки декабриста Завалишина. Мюнхень. 1905. т. I, стр. 355. Ко всемъ остальнымъ сообщеніямъ Завалишина о Каховскомъ въ этомъ и другихъ мѣстахъ «Записокъ» должно относиться съ полнѣйшимъ недоувѣріемъ. То, что онъ передаетъ о признаніи Каховскаго передъ царемъ въ убійствѣ Милорадовича, просто вздорно.

Болѣе я ничего не знаю и прошу одной милости — скорого приговора».

Слѣдующій вопросный листъ комиссіи предлагалъ отвѣтить детально, когда, съ кѣмъ и гдѣ говорилъ Каховскій о намѣреніи общества истребить царствующую фамилію; какимъ образомъ онъ предлагалъ совершить сіе, кто соглашался съ нимъ въ этомъ пунктѣ. На эти вопросы Каховскій отвѣчалъ: «Цѣль общества была: основать правленіе народное, что было извѣстно всѣмъ членамъ онаго. Выдергивать людей по одиночкѣ я не могу; каждый можетъ самъ на себя показать. Я предлагалъ, чтобы идти прямо ко дворцу, назнача къ тому часъ въ ночи, и занять оный. Рылѣевъ съ симъ не согласился, сказавъ: солдаты прежде объявленія присяги не пойдутъ и послѣ оной тоже. Съ занятіемъ дворца, конечно, царствующая фамилія или была бы истреблена, или арестована. Въ показаніи я невольно увлекся и сталъ вдвойнѣ преступникъ. Ради Бога, дѣлайте со мной, что хотите, и не спрашивайте меня ни о чемъ. Я во всемъ виноватъ; такъ ли было говорено, иначе ли, но мое намѣреніе и согласіе было на истребленіе царствующей фамиліи».

Послѣ этихъ допросовъ и явнаго запирательства комитетъ оставилъ Каховскаго на долго въ покоѣ: очевидно, онъ хотѣлъ собрать подавляющія противъ него улики и обрушиться на него разомъ. 3 мая была дана очная ставка кн. Одоевскому и Каховскому. Одоевскій утверждалъ, что онъ слышалъ, какъ самъ Каховскій говорилъ, что ранилъ Стюрлера. На очной ставкѣ Каховскій рѣшительно отказывался отъ своихъ словъ. 2 мая Каховскому предъявили показаніе Штейнгеля, рассказавшаго комиссіи о сценѣ, происходившей вечеромъ 14 декабря у Рылѣева. Каховскій призналъ только то, что онъ дѣйствительно стрѣлялъ въ Милорадовича, но вмѣстѣ съ другими: чья пуля сразила Милорадовича, онъ, конечно, не можетъ сказать: «кажется я достаточно имѣлъ честь прежде сего объяснить высочайше учрежденному комитету все, что касается до убійства графа Милорадовича. Но если нужно повтореніе — повторяю: я выстрѣлилъ по Милорадовичу, когда онъ поворачивалъ лошадь; выстрѣлъ мой былъ не первый; по немъ выстрѣлилъ и весь фась каре, къ которому онъ подѣвжалъ. Попалъ ли я въ него, или кто другой, не знаю. — Дѣлалъ я мои показанія безъ вынужденія и не изъ боязни. Вынудить меня говорить противное никто и ничто не въ силахъ. Если я лгу, зачѣмъ меня спрашивать? Ломаться какъ кн. Одоевскій и не умѣю, и не хочу; ему допущено было говорить на меня всякій вздоръ и не принадлежащій къ дѣлу. Онъ меня не могъ оскорбить, не обижаетъ ли болѣе самого себя? Я хранилъ молчаніе изъ уваженія къ мѣсту; и хотя многое хотѣлъ сказать противъ словъ князя Одоевскаго, но мщеніе для меня низко. Одно лишь могу сказать, что я не узнаю его, или никогда не зналъ его, хотя въ продолженіе года рѣдкій день проходилъ, чтобы мы не видались. Совѣсть моя принадлежитъ собственно мнѣ—ее вполне судить

можетъ одинъ Богъ. Умереть, какимъ бы образомъ ни было, я умѣю. Просилъ и еще покорнѣйше прошу не спрашивать меня ни о чемъ и дѣлать со мной все, что заблагоразсудится. Не желаю противиться ни мало власти; но какъ мои слова будутъ лишь повтореніе одного и того же, я рѣшился молчать и ни на что возражать и отвѣчать не стану».

Но на очной ставкѣ съ Штейнгелемъ (3 мая) Каховскій отрицалъ правдивость разсказа Штейнгеля. Тогда комитетъ передопробилъ Рылѣва, который подтвердилъ сказанное Штейнгелемъ. «Да, Каховскій вечеромъ 14 декабря, будучи у него въ домѣ, говорилъ, что онъ убилъ Милорадовича и ранилъ свитскаго офицера» — показалъ Рылѣвъ. На очной ставкѣ съ Рылѣвымъ (6 мая) Каховскій имѣлъ еще силы отрицать показанія Штейнгеля и Рылѣва. Рылѣвъ далъ подробныя объясненія о своемъ знакомствѣ съ Каховскимъ; въ первой нашей статьѣ мы привели обширныя изъ нихъ выдержки. Отстраняя свое участіе въ замыслахъ на цареубійство, Рылѣвъ выдавалъ головой Каховскаго. Въ отвѣтъ на эти извѣты Рылѣва Каховскій разразился цѣлымъ рядомъ обвиненій противъ Рылѣва; на новой очной ставкѣ 8 мая не произошло никакого соглашенія между Рылѣвымъ и Каховскимъ. Они оба остались при своихъ показаніяхъ. 10 мая на очной ставкѣ съ Кюхельбекеромъ Каховскій не сознался въ томъ, что онъ ранилъ свитскаго офицера.

Но дальше нервы Каховскаго не выдержали. Запираться было мучительно. 11 мая онъ написалъ генералу Левашову письмо съ полнымъ признаніемъ. Два дня это письмо пролежало у него въ камерѣ. Каховскій, очевидно, колебался. Наконецъ 14 мая онъ написалъ новое, болѣе подробное признаніе и, приложивъ къ нему первое письмо, подалъ его Левашову.

Комитетъ могъ считать себя удовлетвореннымъ. Одинъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ далъ сознаніе, лучше котораго комитету и желать было нельзя. Тяжело читать признаніе Каховскаго: слишкомъ уже обнажилъ онъ свою душу. Его изобличенія по адресу Рылѣва, Штейнгеля и другихъ, не возмущаютъ насъ. Послѣ продолжительной тягостной борьбы съ самимъ собою Каховскій заплатилъ имъ тою же монетою: онъ разсказалъ о нихъ то же, что они сообщали о немъ. Возмущаютъ не извѣты Каховскаго, а крайнее обнаженіе души. Оно кажется ненужнымъ и безцѣльнымъ, но ужъ таковъ былъ Каховскій: во всемъ, что онъ ни дѣлалъ, онъ доходилъ до послѣднихъ глубинъ.

Каховскій началъ свое первое письмо къ Левашову слѣдующимъ образомъ:

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Простите, что до сихъ поръ я имѣлъ низость обманывать Ваше доброе обо мнѣ мнѣніе. Участіе Ваше глубоко впечатлѣлось

въ моемъ сердцѣ, и мнѣ совѣстно лгать предъ Вами. Очныя ставки никогда бы не могли меня заставить сознаться; онѣ лишь раздражаютъ самолюбіе; разъ сдѣланное показаніе, конечно, каждый старается удержать и притомъ показатели, столь низкіе душой, будучи сами виновными и въ намѣреніяхъ, а нѣкоторые и въ дѣйствіяхъ, не устыдились оскорблять меня въ присутствіи комитета, называя убійцею... дѣлаютъ отъ себя столько прибавленій и прибавленій не согласныхъ съ моими правилами, что они меня ожесточили. Я чувствую самъ преступленія мои, могу быть въ глазахъ людей постороннихъ злодѣемъ, но не въ глазахъ заговорщиковъ, раздѣлявшихъ и дѣйствія и намѣренія. Безъ оправданій: я убилъ графа Милорадовича, Стюрлера и ранилъ свитскаго офицера. Кюхельбекеръ говоритъ несправедливо, я ударилъ офицера не изъ за спины, но въ лицо, онъ не упалъ и не могъ примѣтить, кто ударилъ его, это было мгновеніе—я опомнился, мнѣ стало его жаль, и я его отвелъ въ каре. На счетъ показаній о убійствѣ Государя Императора,—все ложь! Я не желаю никому несчастья, Богъ тому свидѣтель!—На меня говорятъ, что я вызывался убить, что страпалъ открытъ общество, что я соглашался рѣзать; но все сіе несправедливо. Повѣрьте, я не стану клеветать, мнѣ необходимо погибнуть—неужели я желаю увлечь другихъ! Я могъ быть злодѣй въ изступленіи, но въ груди моей бьется сердце человѣческое...»

Моментамъ въ сознаніи Каховскаго отодвигалось на дальній планъ главное призваніе его жизни. Онъ какъ будто забывалъ о немъ и начиналъ каяться и разсуждать, какъ обыкновенный человѣкъ. Онъ не разъ называетъ свой поступокъ преступленіемъ. Но мы уже подчеркивали отношеніе Каховскаго, какъ оно окончательно сложилось, къ подвигу своей жизни. Каховскій могъ быть преступникомъ въ глазахъ государя и слѣдователей—онъ признавалъ это. Онъ могъ быть преступникомъ въ глазахъ общества—но изъ только что приведенной цитаты мы видимъ, что Каховскій даже попытку со стороны нѣкоторыхъ своихъ товарищей опѣнить его дѣйствія, какъ убійство, считалъ до преступности невозможной. Былъ ли онъ преступникомъ въ собственныхъ своихъ глазахъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ: среди самыхъ интимныхъ своихъ раскаяній онъ все же утверждаетъ, что для блага родины онъ не видитъ преступленія.

Тяжело было положеніе Каховскаго: въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ отторгся отъ своихъ друзей и товарищей по дѣлу. Какъ бы забывая о томъ, что онъ и самъ повиненъ въ извѣстахъ и оговорахъ, онъ съ величайшимъ негодованіемъ протестовалъ противъ подобнаго поведенія своихъ товарищей. «Первое мое письмо—такъ заканчивалъ онъ свое второе и послѣднее признаніе—къ вашему превосходительству я писалъ и еще щадилъ тѣхъ, которые столь низко мнѣ вредили; но разобравъ все, вижу, какъ они гадки, и говорю откровенно, мной руководствуетъ мщеніе. Они хотѣли оклеветать меня и черезъ то спастись—это подло!

Вамъ извѣстны, ваше превосходительство, всѣ мои показанія, я болѣе себя открывалъ и щадилъ ихъ—и вотъ какая за то плата—ложь и клевета! Я не боюсь умереть; мои намѣренія были чисты, тому Богъ свидѣтель! Заблужденіе и пылкость сдѣлали меня злодѣемъ, но подлецомъ и клеветникомъ меня никто не въ силахъ сдѣлать. Если нужно, чтобы я все сіе сказалъ имъ въ глаза—я согласенъ; но знаю, что они всѣ запрутъ. Сдѣлайте милость, ваше превосходительство! не откажите моимъ покорнѣйшимъ просьбамъ, чѣмъ наиболѣе чувствительно меня обяжете. Участіе ваше ко мнѣ, мнѣ драгоцѣнно. Я злодѣй, но будьте увѣрены, имѣю чувство и умѣю быть благодарнымъ».

Каховскій просилъ о позволеніи написать роднымъ: этого позволенія ему не дали.

Всю жизнь Каховскій былъ заброшеннымъ и одинокимъ. Мечта о подвигѣ, о призваніи Брута скрашивала существованіе. Но судьба безжалостной рукой разбивала надежды Каховскаго. Въ началѣ заключенія мелькнула надежда, что счастье родины, во имя котораго онъ вышелъ на борьбу,—будетъ устроено императоромъ, но эта иллюзія быстро разлетѣлась въ пухъ и прахъ. Оставались еще наслажденія взаимной заговорщической вѣрности и дружбы. Но грубо было разсѣяно и это утѣшеніе. Въ тѣхъ, кто по истинѣ должны были бы быть послѣдними друзьями, Каховскій увидѣлъ враговъ, и вотъ въ послѣдніе мѣсяцы, послѣдніе дни своей жизни Каховскій по прежнему былъ заброшеннымъ и одинокимъ. Процессъ растерзалъ его душу. Тоска и одиночество заволакивали его существованіе.

11.

Исторія процесса декабристовъ въ общихъ чертахъ извѣстна. Изъ рукъ слѣдственной комиссіи они перешли въ руки верховнаго уголовного суда. Но тѣ, кто были членами этого суда, по истинѣ не вѣдали, что творятъ: всѣ дѣйствія—даже мельчайшія—суда, были заранѣе predetermined Николаемъ Павловичемъ при усерднѣйшемъ содѣйствіи М. М. Сперанскаго. Въ рескриптахъ на имя предсѣдателя суда кн. Лопухина было предписано выбрать комиссію: ревизіонную и для опредѣленія разрядовъ. Каждой комиссіи были указаны тѣ дѣйствія, которыя она должна была произвести. И тѣ знаменитые три вопроса ¹⁾, предложеніемъ ко-

¹⁾ Рукою ли подсудимаго писаны допросы? Добровольно ли подписаны? Были ли даны очные ставки?

торыхъ былъ исчерпанъ весь судъ надъ декабристами, были выработаны не судомъ, а опять таки Николаемъ Павловичемъ совместно съ Сперанскимъ. Вообще самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ процессѣ декабристовъ былъ, конечно, Николай Павловичъ, предусматривавшій всѣ детали.

Извѣстно, что Рыльевъ, Каховскій, Пестель, Бестужевъ-Рюминъ и С. И. Муравьевъ-Апостолъ были поставлены внѣ разрядовъ и Верховнымъ Судомъ приговорены къ четвертованію. Докладъ былъ представленъ Николаю I. Николай, смягчивъ приговоръ всѣмъ разрядамъ осужденныхъ, въ указѣ Верховному Суду отъ 10 іюля предоставилъ участь поставленныхъ внѣ разряда рѣшенію суда «и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится». По этому поводу покойный Шильдеръ писалъ:

«Сколько въ рѣшеніи, принятомъ императоромъ Николаемъ относительно лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, принадлежитъ собственному побужденію, и какую роль играло въ этомъ дѣлѣ постороннее вліяніе, нескоро еще опредѣлится съ достаточной ясностью. Рассказываютъ, что когда князь Лопухинъ представилъ приговоръ суда, то государь замѣтилъ: «офицеровъ не вѣшаютъ, а разстрѣливаютъ», не желая поступить съ ними, по его выраженію, какъ съ ворами; но ген.-ад. Бенкендорфъ будто бы настаивалъ на пользѣ примѣра позорнаго наказанія ¹⁾).

Покойный Шильдеръ оказался слишкомъ пристрастенъ къ своему герою. Въ дѣлахъ Государственнаго Архива, при нѣкоторомъ вниманіи, онъ могъ бы найти данныя, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что вся инициатива рѣшенія суда лежитъ на Николаѣ Павловичѣ и только на немъ. И тутъ, разставаясь съ своими «преступниками», Николай Павловичъ не могъ же разыграть *комедіи милосердія*. Онъ въ указѣ на докладъ суда явился милосердымъ: смягчилъ наказанія почти всѣмъ, а судьбу поставленныхъ внѣ разрядовъ онъ предоставилъ рѣшенію суда. Итакъ, если судъ все-же присудилъ ихъ къ смерти, то въ смерти ихъ винить должны мы судъ, а не Николая I. Въ дѣйствительности же было какъ разъ обратное.

Сохранилась записка, писанная 10 іюля 1826 года — въ день представленія доклада предсѣдателемъ Верховнаго Суда кн. П. В. Лопухинымъ, слѣдующаго содержания: «Государь изволилъ отозваться, что докладъ и всѣ приложенія просмотритъ и дастъ по оному свое повелѣніе, но тутъ же присовокупилъ, что если *неизбѣжная смертная казнь* кому подлежать будетъ, *Государь ее самъ не утвердитъ*, а уполномочитъ верховный уголовный судъ окончательно самому разрѣшить тотъ предметъ».

Получивъ Указъ Государя о предоставленіи судьбы пяти поставленныхъ внѣ разрядовъ на окончательное усмотрѣніе суда, кн. Лопухинъ одновременно же 10 іюля 1826 года получилъ отъ

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. Имп. Николай I. Т. I. Спб. 1903. Стр. 443.

начальника штаба барона Дибича слѣдующее примѣчательное доношеніе:

«Милостивый Государь
князь Петръ Васильевичъ!

Въ Высочайшемъ указѣ о государственныхъ преступникахъ на докладъ Верховнаго Уголовнаго Суда, въ сей день состоявшемся, между прочимъ въ статьѣ 13-ой сказано, что преступники, кои по особенной тяжести ихъ злодѣяній не включены въ разряды и стоятъ внѣ сравненія, предаются рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится.

На случай сомнѣнія о видѣ казни, какая симъ преступникамъ судомъ опредѣлена быть можетъ, Государь Императоръ повелѣтъ мнѣ соизволилъ предварить Вашу Свѣтлость, что Его Величество никакъ не соизволяетъ не токмо на четвертованіе, яко казнь мучительную, но и на разстрѣліаніе, какъ казнь однимъ воинскимъ преступленіямъ свойственную, ни даже на простое отсѣченіе головы и словомъ ни на какую смертную казнь съ пролітіемъ крови сопряженную.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашей Свѣтлости покорнѣйшій слуга баронъ И. Дибичъ».

Послѣ этой бумаги Дибича нѣтъ мѣста сомнѣніямъ въ инициативѣ Николая Павловича.

12.

Единственное милосердіе оказалъ Николай Павловичъ своему подданному Петру Каховскому. Онъ не пролилъ его крови, предавъ казни, съ пролітіемъ крови не сопряженной.

13 іюля 1826 года на разсвѣтѣ на валу кронверка Петропавловской крѣпости Каховскій былъ повѣшенъ...

Послѣ него остались слѣдующія вещи: фракъ черный суконный, шляпа пуховая круглая, жилетъ черный суконный, косынка шейная черная ветхая, рубашка холстинная и 41 руб. 50 коп. денегъ.

Вещи и деньги были препровождены 14 октября 1826 года военнымъ министромъ смоленскому губернатору для выдачи законнымъ наслѣдникамъ. 27 ноября вещи и деньги были выданы подъ росписку дворовому человѣку родного брата Каховскаго.

П. Е. Щеголевъ.

Изъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову.

Изъ цѣлой серіи переданныхъ намъ изъ архива П. Л. Лаврова его дочерью М. П. Нигрескулъ собственноручныхъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову мы помѣщаемъ пока только семь. Въ первыхъ изъ нихъ выражается въ достаточной степени опредѣленно отношеніе Тургенева къ революціонному движенію въ Россіи, въ послѣднихъ—его чувства къ личности одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей этого движенія—Германа Александровича Лопатина.

Въ № 2 «Вѣстника Народной Воли» помѣщена статья Лаврова: «И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества», изъ которой мы приведемъ одно мѣсто, служащее прекраснымъ поясненіемъ къ нижепечатаемымъ письмамъ Тургенева.

«Иванъ Сергѣевичъ не былъ никогда ни социалистомъ, ни революціонеромъ. Онъ никогда не вѣрилъ, чтобы революціонеры могли поднять народъ противъ правительства, какъ не вѣрилъ, чтобы народъ могъ осуществить свои «сны» о «батюшкѣ Степанѣ Тимофеевичѣ»; но исторія его научила, что никакія «реформы свыше» не даются безъ *давленія* (курсивъ подлинника) и энергическаго давленія снизу на власть; онъ искалъ силы, которая была бы способна произвести это давленіе, и въ разные періоды его жизни ему представлялось, что эта сила можетъ появиться въ разныхъ элементахъ русскаго общества. Какъ только онъ могъ заподозрить, что новый элементъ можетъ сдѣлаться подобною силою, онъ сочувственно относился къ этому элементу и готовъ былъ даже содѣйствовать ему въ той мѣрѣ, въ какой терялъ надежду, чтобы то же историческое дѣло могли сдѣлать другіе элементы, ему болѣе близкіе и симпатичные. Поэтому, когда я ему нарисовалъ картину одушевленія и готовности къ самоотверженію въ группахъ молодежи, примкнувшихъ въ Цюрихѣ къ «Впередь!», онъ, безъ всякаго вызова съ моей стороны, высказалъ свою готовность помогать этому изданію, первый томъ котораго былъ уже около полугода въ его рукахъ и программа котораго, слѣдовательно, была ему хорошо извѣстна. На другой же день (21 февр.

1874 г.), я получилъ отъ него письмо, гдѣ онъ болѣе опредѣленно высказалъ: «я буду давать ежегодно 500 фр. до тѣхъ поръ, пока продолжится ваше предпріятіе, которому я желаю всяческаго успѣха», и прислалъ взносъ за первый годъ. Слѣдующіе два года взносъ происходилъ черезъ посредниковъ, такъ какъ я находился все время въ Лондонѣ. У меня сохранилось очень мало писемъ и записокъ Ивана Сергѣевича изъ этого періода. Въ одной изъ нихъ (отъ 29 апрѣля 1875 г.) онъ писалъ мнѣ, что думаетъ ѣхать на partridge-shooting и быть проездомъ въ Лондонѣ, прибавляя: «Надѣюсь увидеть Васъ тамъ и побесѣдовать объ omnibus rebus. На бумагѣ это неудобно исполнить; ограничусь тѣмъ, что нахожу Вашу дѣятельность полезной, несмотря на неизбежныя «drawbacks», которыя я очень хорошо видѣлъ самъ. Не помню, помѣшалъ-ли что Ивану Сергѣевичу пріѣхать, или во время его проезда черезъ Лондонъ оказалось невозможнымъ или неудобнымъ наше свиданіе, но оно не состоялось. Скорѣе онъ вовсе не пріѣзжалъ, такъ какъ 7 сентября того же года онъ мнѣ писалъ изъ Буживаля о двухъ произведеніяхъ нашей наборни, ему посланныхъ, входя въ довольно подробный разборъ сказки «Мудрица-Наумовна», указывая на ея литературные недостатки, но говорилъ: «Авторъ—человѣкъ съ талантомъ, владѣетъ языкомъ, и весь его трудъ согрѣтъ жаромъ молодости и убѣжденія». Далѣе, Иванъ Сергѣевичъ еще разъ говоритъ, что у автора «есть и талантъ, и огонь—пусть онъ продолжаетъ трудиться на этомъ поприщѣ».

Въ послѣдніе годы одна книга этого автора появилась на итальянскомъ языкѣ; а переводы на англійскомъ языкѣ появились въ Англіи и Америкѣ; какъ слышно, готовятся ея французскія и нѣмецкія изданія». (стр. 108—110) ¹⁾.

О Гер. Ал. Лопатинѣ Тургеневъ упоминаетъ въ пяти изъ печатаемыхъ писемъ. Послѣднее изъ нихъ (отъ 24 марта 1883 г.), въ которомъ Тургеневъ радуется благополучному возвращенію Лопатина изъ Россіи (Г. А. Лопатинъ бѣжалъ изъ ссылки въ Вологду 22 февраля 1883 года), написано не рукою Тургенева, а рукою его дочери и лишь имъ подписано,—до такой степени Тургеневъ былъ уже тогда боленъ. Въ составленной тѣмъ же П. Л. Лавровымъ и напечатанной въ 1888 году въ Женевѣ краткой біографіи Г. А. Лопатина (приложена въ качествѣ вступленія къ такъ называемому «процессу 21-го»—Г. А. Лопатинъ, П. Ф. Якубовичъ, Н. П. Стародворскій, С. А. Ивановъ и др.), находятся между прочимъ такія строки:

«Германъ Александровичъ Лопатинъ былъ моимъ близкимъ другомъ съ начала 1870 г., когда я познакомился съ нимъ. Его жизнь была полна событій и приключеній, которыя вызывали интересъ въ людяхъ, его вовсе не знавшихъ. Среди знавшихъ

¹⁾ Переведенная на разные языки книга Степана «Подпольная Россія».

Ред.

его въ Петербургѣ, въ Ставрополѣ, въ Иркутскѣ, въ Вологдѣ, въ Ташкентѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Швейцаріи онъ имѣлъ всюду друзей и пріятелей. Онъ велъ обширную переписку. Его рассказы, полные блеска и юмора, чаровали слушателей. Поэтому матеріалъ для его біографіи могъ бы быть очень богатъ и разнообразенъ. Но именно разнообразіе мѣстъ и личностей, среди которыхъ имѣли мѣсто разные эпизоды его жизни, здѣсь представляетъ затрудненіе. Множество лицъ могли бы доставить о немъ въ высшей степени интересныя свѣдѣнія, но каждый могъ бы точно и подробно сообщить лишь немногіе ея эпизоды. Лишь самъ Лопатинъ былъ бы способенъ сгруппировать и распределить всѣ эти эпизоды въ надлежащей перспективѣ и гармоніи. Его уговаривали не разъ сдѣлать это. *Уговаривалъ его и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, угадывавшій въ немъ блестящій литературный талантъ.* Уговаривали его и друзья. Ему было все некогда».

Съ этимъ небольшимъ вступленіемъ мы и перейдемъ теперь къ самымъ письмамъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову.

Ред.

I.

48, rue de Douai.

Суббота, 21-го февраля, 74.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, я вчера съ горяча общалъ немножко болѣе чѣмъ позволяютъ мои средства: 1000 франковъ я дать не могу—но съ удовольствіемъ буду давать ежегодно 500 фр. до тѣхъ поръ, пока продержится Ваше предпріятіе, которому желаю всяческаго успѣха.— 500 фр. за 1874-й годъ при семъ прилагаю¹⁾.

Буду ждать 2-го тома.—Желаю Вамъ счастливаго пути въ Англію—а главное—да поможетъ Вамъ судьба свить себѣ тамъ прочное гнѣздышко. Поклонитесь отъ меня²⁾ да Лопатина не забудьте прислать.

Дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

PS. Я выѣзжаю отсюда 15-го апрѣля.

1) Рѣчь идетъ о поддержкѣ журнала «Впередъ».

2) Слово не разобрано.

Ред.

Ред.

II.

Парижъ.

50, rue de Douai

Суббота, 5-го декабря, 74.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, виновать, что не тотъ часъ отвѣчалъ Вамъ и не поблагодарилъ за присылку брошюръ, которыя я прочелъ со вниманіемъ и удовольствіемъ.—Въ Вашей полемикѣ противъ Ткачева Вы совершенно правы; но молодыя головы вообще будутъ всегда съ трудомъ понимать, чтобъ можно было медленно и терпѣливо готовить нѣчто сильное и внезапное.. Имъ кажется, что медленно готовятъ только медленное—въ родѣ постепенныхъ реформъ и т. д.—Но самое впечатлѣніе выносятъ молодые люди изъ чтенія Вашего журнала, который въ большомъ количествѣ проникъ въ Россію и получилъ тамъ авторитетъ и значеніе. Жду съ нетерпѣніемъ третьяго тома. Надѣюсь, что онъ въ дѣльности не уступитъ второму.

Меня въ Россіи въ началѣ іюня схватила подагра—и только теперь начинаетъ ослабѣвать.—Это многому и много помѣшало.—Впечатлѣнія, вынесенныя мною съ родины, не могутъ быть вкратцѣ высказаны: въ общей сложности они не дурны—хотя во всѣхъ официальныхъ сферахъ и въ литературѣ утѣшительнаго мало.—Особенно литература находится въ совершенномъ упадкѣ—всякія живыя воды въ ней изсякли—это чувствуется всѣми.

Я видѣлъ здѣсь нашего несокрушимаго юношу Л—на¹⁾; онъ умица и молодецъ по прежнему—и сообщилъ мнѣ много интересныхъ фактовъ—свѣтлая голова!

Я останусь въ Парижѣ до весны; можетъ быть пріѣду въ Лондонъ на нѣсколько дней въ началѣ будущаго года, но это не навѣрно.

Желаю Вамъ всего хорошаго и дружески жму Вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

III.

Парижъ.

50, rue de Douai

Понедѣльникъ, 29-го марта, 1875.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, Вы уже вѣроятно знаете отъ Лопатина, что я исполнилъ свое обѣщаніе на нынѣшній годъ и вручилъ ему извѣстную сумму.

¹⁾ Лопатина.

Ред.

Въ Лондонъ я попаду,—если подагра не помѣшаетъ, какъ въ прошломъ году въ концѣ Августа, проѣздомъ на partridge shooting и надѣюсь увидать Васъ тамъ и побесѣдовать объ omnibus rebus.—На бумагѣ это неудобно исполнить: ограничусь тѣмъ, что нахожу Вашу дѣятельность полезной, не смотря на неизбежные „drawbacks“—чему Вы имѣете доказательство.

Съ великимъ удовольствіемъ подношу Вамъ новое изданіе моихъ сочиненій. Здѣсь у меня—пока—нѣтъ ни одного экземпляра—но я уже выписалъ цѣлыхъ три изъ Москвы—и какъ только получу ихъ—одинъ изъ нихъ будетъ немедленно препровожденъ къ Вамъ.

Что касается до послѣдней Вашей просьбы—то, не обинуясь, скажу что исполненіе ея весьма затруднительно: подобныхъ просьбъ (о доставленіи переводной и другой въ такомъ же родѣ работы)—я получаю многое множество, неоднократно принимался хлопотать и до сихъ поръ постоянно претерпѣвалъ фіаско.—Дѣло въ томъ, что переводы съ русскаго здѣсь почти никому не нужны—охотниковъ множество, а вознагражденіе самое ничтожное. Переводы на русскій языкъ тоже недоступны: на эту работу въ самомъ Петербургѣ тоже слишкомъ много предлагается конкурирующихъ рукъ. Но все-таки попытаться можно—и я попытаюсь: но успѣхъ весьма сомнителенъ.

Въ концѣ мая я ѣду въ Карлсбадъ на 6 недѣль—а потомъ опять вернусь сюда.

Желаю Вамъ всего хорошаго, начиная съ здоровья, и крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

IV.

Буживаль.

Bougival (près Paris)

Les Frenès

Четвергъ. 9-го апрѣля, 75.

Я виноватъ предъ Вами, любезный Петръ Лавровичъ—не торопился отвѣтомъ на Ваше письмо, сопровождавшее посылку двухъ книгъ—я откладывалъ отвѣтъ, потому что мнѣ хотѣлось въ то же время сказать Вамъ мое мнѣніе—если не о Вашемъ сочиненіи, которое требуетъ внимательнаго изученія—то по крайней мѣрѣ о „сказкѣ“ Вашего молодого пріятеля. Но и эту сказку мнѣ удалось прочесть только на дняхъ.—И вотъ что я имѣю сказать Вамъ.—Авторъ человѣкъ съ талантомъ, владѣетъ языкомъ—и весь его трудъ согрѣтъ жаромъ молодости и убѣжденія. Но тонъ не выдержанъ.—Авторъ не далъ себѣ яснаго отчета—для кого онъ пишетъ—для какого именно слоя читающей публики?—Послѣдствіемъ этого сбивчивость и неровность изложенія.—То для на-

рода писано, то для болѣе—если не образованнаго,—такъ болѣе литературнаго слоя.—Не избѣжалъ также авторъ того—что я готовъ бы называть пѣвучей, риторической или московской манерой—напр.: самое начало;—мнѣ кажется, чѣмъ меньше такихъ уснащиваній—тѣмъ лучше.—Но повторяю—у Вашего знакомаго есть и талантъ, и огонь—пусть онъ продолжаетъ трудиться на этомъ поприщѣ!¹⁾

Вы спрашиваете меня о здоровьѣ и работѣ.—Здоровье—недурно; работа—отсутствуетъ.—Кажется я окончательно подалъ въ отставку.—Я остаюсь здѣсь до половины ноября—а тамъ въ Парижъ.

Дружески жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

V.

Парижъ.

50, Rue de Douai.

Воскресенье, 7-го января, 77.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ!

На этотъ разъ виновать не я—а Сташкевичъ, который до сихъ поръ мнѣ не выслалъ чистыхъ экземпляровъ *первой части* моего романа;—о *второй*—которая должна явиться въ февралѣ—и говорить нечего.—Полагаю, однако, что они должны прибыть сегодня или завтра;—какъ только я получу—то, какъ говаривалъ М. А. Языковъ—*стремлѣньи* пошлю одинъ къ Лопатину, съ тѣмъ, чтобы онъ также скоростижно доставилъ его Вамъ.—Въ этомъ прошу Васъ не сомнѣваться.

Поздравляю Васъ съ новымъ *Россійскимъ* годомъ—и желаю Вамъ всего хорошаго, хоть предвижу онаго мало.

Искренне преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

VI.

50, Rue de Douai

Paris

Суббота, 12 апрѣля, 79

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ!

Несчастіе, обрушившееся на Лопатина—было неизбежно: онъ самъ какъ бы напросился на него.—Въ самый день моего пріѣзда—я умолялъ

¹⁾ Рѣчь идетъ о нелегальной брошюрѣ для народа „Иудрица Наумовна“. Авторъ ея С. М. Кравчинскій-Степнякъ. Ред.

его уѣхать на югъ—ибо объ его присутствіи въ П.¹⁾ полиція *знала* (курсивъ подлинника).—Что теперь сдѣлать—сказать трудно: черезъ Абазу и т. д. дѣйствовать немыслимо... У меня въ головѣ вертится нѣчто другое—конечно, невѣрное... но попытаться слѣдуетъ.—Л. оскорбилъ лично А. Н.;—это не прощается... Очень мнѣ его жаль ²⁾.

До свиданья; жму Вашу руку.

Ив. Тургеневъ.

VII.

50, Rue de Douai
Paris.

Любезный П. Л.

Радуюсь благополучному возвращенію Л. и надѣюсь скоро съ нимъ свидѣться, но мнѣ еще такъ плохо, что ранѣе 5 или 6 дней это невозможно. Тогда я дамъ Вамъ немедленно знать ³⁾.

Жму Вашу руку

Иванъ Тургеневъ.

24/III. 83.

¹⁾ Петербургъ.

Ред.

²⁾ Рѣчь идетъ объ арестѣ Лопатина. Подъ А. Н. надо понимать Александра Николаевича. „Оскорбленіе“, конечно, было оскорбленіемъ въ печати.

Ред.

³⁾ Это и есть то письмо, о которомъ мы упоминали уже выше, какъ о написанномъ рукою дочери Тургенева и имъ лишь подписанномъ.

Ред.

Первое вооруженное сопротивление,— первый военный судъ.

(Процессъ И. М. Ковальскаго.)

Завѣщаю вамъ, братья, не посылайте
слишкомъ молодыхъ людей въ борьбу
на смерть. Давайте окрѣпить ихъ ха-
рактерамъ, давайте время развить всѣ
ихъ духовныя силы.

А. Михайловъ. Завѣщаніе.

Первое вооруженное сопротивление было оказано у насъ вла-
стямъ революціонерами въ г. Одессѣ, въ домѣ на Садовой улицѣ ¹⁾,
30 января 1878 г. Судились по этому дѣлу Иванъ Мартыновичъ
Ковальскій съ товарищами. Такимъ образомъ, изученіе такъ на-
зываемаго «процесса Ковальскаго» представляетъ собою громад-
ный интересъ для всякаго, кто желаетъ прослѣдить эволюцію
русской революціонной мысли.

Съ другой стороны, Ковальскій съ товарищами были первыми,
которыхъ судили военнымъ судомъ по законамъ военного времени,
и этотъ процессъ далъ первую казнь за общее политическое пре-
ступленіе (т. е. не за цареубійство). Несомнѣнно, это первое обращеніе
къ услугамъ военного суда было дѣломъ случая: въ это время
шла война съ Турціей, и Одесскій военный округъ находился на
военномъ положеніи. При подобныхъ обстоятельствахъ такое вы-
дающееся «преступленіе», какъ вооруженное сопротивленіе жан-
дармамъ, явившимся для обыска, естественно, должно было быть
отдано на разсмотрѣніе военного суда. Достаточно вспомнить, что
незадолго передъ тѣмъ военному суду былъ преданъ (и повѣшенъ)
разбойникъ Лукьяновъ, убившій двухъ женщинъ съ цѣлью ограбле-
нія. Но также несомнѣнно и то, что рано или поздно правительство
все равно стало бы предавать военному суду за политическія пре-
ступленія, и что указанное стеченіе случайныхъ обстоятельствъ сдѣ-
лало для правительства переходъ въ дѣлахъ о политическихъ пре-
ступленіяхъ отъ гражданскаго суда къ военному лишь болѣе быст-
рымъ. Опытъ примѣненія военного суда къ дѣлу Ковальскаго и
его товарищей показалъ, что этотъ судъ скорѣ, рѣшительнѣ и
достаточно жестокъ. И это соблазнило агентовъ правительствен-

¹⁾ Домъ этотъ сохранился.

ной власти. Какъ извѣстно, послѣ процесса Ковальскаго чуть не всё дѣла по политическимъ преступленіямъ передавались на разсмотръніе уже исключительно военному суду и—посыпались казни.

Такимъ образомъ, процессъ Ковальскаго важенъ еще и для характеристики поворотнаго пункта въ судебной политикѣ правительства по отношенію къ политическимъ преступленіямъ ¹⁾.

«Въ организаціонномъ отношеніи сѣверъ всегда стоялъ выше юга»,—говоритъ проф. Тунъ ²⁾, ссылаясь на брошюру «Андрей Ивановичъ Желябовъ. Біографія» (стр. 16).

Въ общемъ это вѣрно; но не слѣдуетъ забывать, что въ Одессѣ, по свидѣтельству того же автора ³⁾, уже въ 1878 г. имѣлся на лицо «союзъ рабочихъ». Я могу подтвердить, что еще раньше (1875—1876) революціонная организаторская дѣятельность среди рабочихъ г. Одессы шла довольно успѣшно, и уже тогда собирались сходки рабочихъ чуть-ли не въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Я это слышалъ отъ лица, которому не имѣю основанія не вѣрить,—отъ товарища по каторгѣ и ссылкѣ, Ребицкаго (псевдонимъ; свою настоящую фамилію, какъ я слышалъ, онъ недавно обнаружилъ, но я ея не знаю), осужденнаго по дѣлу Заславскаго.—Въ то же время, какъ извѣстно, «Сѣверно-русскій рабочій союзъ» былъ организованъ на сѣверѣ всего лишь въ концѣ 1877 г. ⁴⁾, а воззваніе «Союза», съ изложеніемъ его программы, было выпущено еще позже,—въ 1879 г. ⁵⁾.

Не мѣстничествомъ между сѣверомъ и югомъ хочу я, конечно, занять читателя. Мнѣ важно было отмѣтить, что отсутствіе орга-

¹⁾ При составленіи настоящаго очерка я имѣлъ подъ руками: 1) копію обвинительнаго акта, врученную Кленову, съ отмѣтками и возраженіями послѣдняго на поляхъ; 2) замѣтку Свитыча, сдѣланную для защиты (больше 1½ листовъ писчей бумаги убористаго письма); 3) такую-же замѣтку, сдѣланную мною; 4) замѣтки, веденныя во время суда моимъ защитникомъ Д. В. Стасовымъ; 5) планъ помѣщенія, гдѣ произошло событіе 30 января, рисованный мною для защиты; 6) почти полный отчетъ о судебномъ засѣданіи въ перепечаткѣ „Новаго Времени“ въ „Вѣдом. Одес. Градоначальства“; 7) № „Вѣдом. Одес. Градоначальства“ съ описаніемъ демонстраціи у здания суда послѣ вынесенія намъ резолюціи; и 8) корреспонденцію „Нов. Времени“ съ описаніемъ казни Ковальскаго.

Предупреждаю объ этомъ читателей, чтобы они знали, что я имѣлъ возможность возстановить въ памяти все, происходившее на судѣ, и что если есть разногласіе между моимъ разсказомъ и тѣмъ, что было установлено на судѣ, то это разногласіе должно быть разрѣшаемо въ пользу моего теперешняго воспроизведенія событій 30 января 1878 г., а также предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за ними обстоятельствъ. Это предупрежденіе избавляетъ меня отъ необходимости каждый разъ въ текстѣ указывать, что то или другое обстоятельство не вѣрно освѣщено слѣдствіемъ или судомъ.

Имѣя въ виду дать возможно полную характеристику лишь того, что въ процессѣ Ковальскаго является существеннымъ и единственно важнымъ для историка революціоннаго движенія въ Россіи, я обходилъ массу фактическихъ подробностей. Я при этомъ знаю, что готовится къ печати VII томъ „Государ. преступл. въ Россіи въ XIX в.“, гдѣ должны быть помѣщены, между прочимъ, и всѣ матеріалы по нашему процессу.

²⁾ Стр. 129.—Ссылки сдѣланы на московск. изданіе прошлаго года.

³⁾ Стр. 85.

⁴⁾ „Былое“, 1906, I. 175.

⁵⁾ Тунъ, 125.

низованности «кружка Ковальскаго» и планомѣрности въ его дѣйствіяхъ объясняется не только молодостью этого кружка, не только тѣмъ, что онъ организовался и дѣйствовалъ на югѣ, но и общими условіями того момента революціонной дѣятельности во всей Россіи.

А моментъ этотъ, въ общихъ чертахъ, можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ.

Работа пропагандистовъ къ срединѣ 1877 г. была уже сильно дискредитирована въ глазахъ революціонеровъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ самой Одессѣ дѣйствовали еще тогда такіе «чистые» пропагандисты, какъ Фомичевъ и Попко. Революціонная мысль находилась въ постоянномъ колебаніи между «пропагандою словомъ» и «пропагандою дѣломъ». Уже въ 1876 г. совершены были (и въ той же Одессѣ) два террористическихъ акта, направленные противъ шпіоновъ (Гориновича ¹⁾ и Тавлѣва); но даже убійства шпіоновъ тогда не были еще возведены въ систему, и въ концѣ концовъ они являлись лишь случайно привходящимъ теченіемъ въ руслѣ главной дѣятельности революціонеровъ.

Что касается этой главной дѣятельности, то и здѣсь, какъ извѣстно, происходилъ въ то время если не кризисъ, то поворотъ. Еще въ концѣ 1876 г. мнѣ пришлось въ Петербургѣ отъ студента-медика слышать, что такой-то—«чудакъ», только потому, что не можетъ себѣ представить общество, которое не было бы организовано въ государство. Съ другой стороны, въ томъ же году появилась замѣчательная работа П. Л. Лаврова «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ», гдѣ онъ доказывалъ, что государство сохранится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать и общество. Значитъ, съ одной стороны революціонная мысль ушла дальше чистаго «впередовства», а съ другой—были еще люди, которымъ все-же нужно было еще доказывать, что объектомъ революціонной (созидательной и разрушительной) дѣятельности должна служить не одна социальная структура общества, но и его политическій строй. Надо вспомнить при этомъ, что съ конца 1875 г. уже дѣйствовала партія «якобинцевъ» съ Ткачевымъ во главѣ (органъ—«Набатъ»),—и здѣсь не представляетъ важности то обстоятельство, что она была слаба: имѣть громадное значеніе, что на лицо была «партія», въ программѣ которой такъ рѣзко обозначался политическій элементъ, при чемъ даже шла рѣчь, не больше и не меньше, какъ о «заговорѣ» съ цѣлью «захвата» власти. Для полноты картины добавлю, что даже по выходѣ изъ централки я встрѣтился съ такимъ убѣжденнымъ анархистомъ, какъ М. П. Сажинъ, и что когда во Мценской пересыльной тюрьмѣ у насъ устраивались общія дискуссіи, то я, защищавшій, въ качествѣ якобинца, необходимость политической борьбы и захвата власти, оставался обык-

¹⁾ Я считаю своимъ долгомъ оговориться, что лично для меня, незнакомаго съ подробностями дѣла, не выяснено, можно-ли было къ Гориновичу примѣнить терроръ. Случайно лежавшій въ еврейской больницѣ, въ Одессѣ, рядомъ съ Гориновичемъ, мой знакомый увѣрялъ меня, что Гориновичъ не производилъ впечатлѣніе испорченнаго человѣка.

новенно въ незначительномъ большинствѣ, если не въ единственномъ числѣ.

Изъ этихъ немногихъ фактовъ видно, какое броженіе переживала революціонная мысль въ то время, когда организовался и дѣйствовалъ кружокъ Ковальскаго.

Въ то время, когда началъ группироваться вокругъ Ковальскаго кружокъ, въ Одессѣ была довольно сплоченая группа «бунтарей» съ Дебагорій-Мокріевичемъ и Марусей Ковалевской во главѣ. Но это лишь сильнѣе подтверждаетъ взглядъ, что составъ кружка Ковальскаго чрезвычайно характеренъ, съ только что выясненной точки зрѣнія, для тогдашняго момента.

Что Ковальскій, убѣжденный сторонникъ и страстный пропагаторъ терроризма вообще и вооруженнаго сопротивленія въ частности, не примыкалъ къ существовавшему уже въ то время въ Одессѣ кружку бунтарей,—это я склоненъ объяснять особенностями личнаго характера Ковальскаго. Это былъ фонатикъ-сектантъ, въ высшей степени строгій къ себѣ и въ обыденной жизни слѣдовавшій общимъ правиламъ личной морали. При этомъ онъ, авторъ изслѣдованія о сектантствѣ (было напечатано въ «Отеч. Зап.») и вообще интересовавшійся этимъ явленіемъ русской народной жизни, написавшій нѣсколько трактатовъ о революціонномъ движеніи ¹⁾ и корреспондировавшій въ нелегальныя изданія, былъ склоненъ къ философскому мышленію и потому любилъ тихую уединенную жизнь. Наконецъ, въ его натурѣ была какая-то мягкость, а въ манерахъ и движеніяхъ—отсутствіе рѣшительности. Кружокъ бунтарей отличался, еп *masse*, діаметрально противоположными особенностями. Хорошо сплоченное товарищество приучало себя къ возможности въ каждую минуту, стоя плечо къ плечу, встрѣтить револьверными выстрѣлами и кинжальными ударами врага—полицію и жандармовъ. Это развивало въ членахъ кружка потребность быть постоянно вмѣстѣ, жить казарменною жизнью. Стремясь къ осуществленію въ будущемъ высочайшихъ идеаловъ нравственности, отдавая всѣ свои силы выполненію высшаго назначенія человѣка на землѣ—политической дѣятельности, будучи готовыми въ каждую минуту принести на алтарь служенія народу свою жизнь, члены товарищества совершенно не слѣдили за личною жизнью другъ друга. Наконецъ, какъ на подборъ, все это были люди физически сильные и ловкіе. Вотъ что, въ общемъ, приводило иногда даже къ нѣкоторымъ эксцессамъ въ жизни кружка бунтарей. А Ковальскій и одного дня не могъ бы просуществовать въ подобной атмосферѣ. И здѣсь-то, мнѣ кажется, скрыта была внутренняя причина взаимнаго нерасположенія, которое всегда проявлялось въ отношеніяхъ между Ковальскимъ—съ одной стороны, и кружкомъ Дебагорія и Ковалевской—съ другой. Весьма возможно, что не сознавали этого ни тѣ, ни этотъ; и все дѣло сводилось обыкновенно къ столкновеніямъ по поводу

¹⁾ Захвачены у него при обыскѣ.

незначительныхъ случаевъ революціонной жизни. Но во всякомъ случаѣ я рѣшительно утверждаю, что между Ковальскимъ и кружкомъ одесскихъ бунтарей установились отношенія почти антагонистическія.

Помню, когда я, на вечеринкѣ подъ новый (1878) годъ, сталъ держать рѣчь о необходимости объединить дѣятельность нашего кружка съ дѣятельностью кружка бунтарей, то моя рѣчь ежеминутно встрѣчала ироническія замѣчанія со стороны членовъ этого послѣдняго кружка, и я, какъ сейчасъ, вижу насмѣшливое лицо покойной Маруси Ковалевской, вызывающе обращенное ко мнѣ во все время, пока я говорилъ.

Какъ бы то ни было, а Ковальскому пришлось организовать свой кружокъ рядомъ съ кружкомъ «бунтарей».

Я познакомился съ Ковальскимъ случайно. Еще не принимая активнаго участія въ революціонной работѣ, я привезъ изъ Петербурга отъ воспитанника морского корпуса въ Одессу письмо на имя «Ковальскаго». Я принялся, черезъ знакомыхъ, разыскивать адресата, и, конечно, скоро нашелъ Ковальскаго, при чемъ я былъ предупрежденъ, что онъ—нелегальный. Оказалось, впрочемъ, что съ Ковальскимъ, не зная его по фамиліи, я часто встрѣчался въ Одесской публичной библіотекѣ, да и раньше замѣчалъ его фигуру. А не замѣтить ея было нельзя. Невысокаго роста, очень полный, съ рыжей бородой и блѣднымъ лицомъ, онъ оставалъ на себѣ вниманіе, благодаря особенному блеску глазъ, въ которыхъ свѣтились—умъ, ласка, спокойствіе. Только изрѣдка въ этихъ глазахъ, подъ естественнымъ дѣйствіемъ условій революціонной дѣятельности, загоралась тревога или, по крайней мѣрѣ, желаніе не сказать, даже глазами, больше того, что требуется. При ближайшемъ общеніи не трудно было обнаружить въ немъ природный юморъ; сказывавшійся и на выраженіи глазъ, въ которыхъ тогда начинало свѣтиться безобидное лукавство.

Знакомство мое съ Ковальскимъ относится къ концу 1876, а можетъ быть—и къ началу 1877 г. Во всякомъ случаѣ, я помню, что письмо, которое я долженъ былъ ему передать, лежало у меня довольно долго, а изъ Петербурга въ Одессу я пріѣхалъ къ веснѣ 1876 года. Но я, продолжая изрѣдка встрѣчаться съ Ковальскимъ, все еще не принималъ активнаго участія въ революціонной работѣ. Мое сближеніе съ Ковальскимъ и выступленіе на путь активной революціонной дѣятельности, а одновременно съ этимъ—и объединеніе наше на почвѣ практической дѣятельности въ «кружокъ Ковальскаго» произошло постепенно въ теченіи осени 1877 г.

Ближайшимъ поводомъ ко всему этому послужило случайное обстоятельство. Я извѣстенъ былъ въ одесскихъ кружкахъ, какъ радикально настроенный человѣкъ,—и по моимъ знакомствамъ съ группами, стоявшими на порогѣ къ радикализму, и по моей издательской дѣятельности: я издалъ въ Одессѣ брошюру «Мысли Провинціаловъ» и задумалъ изданіе періодическаго легальнаго.

соціалистическаго органа «Эхо» (вышелъ только 1-й вып.; второй былъ не пропущенъ цензурою цѣликомъ). Съ другой стороны, я пользовался довольно большимъ успѣхомъ на сценѣ, какъ любитель. И когда, въ началѣ осени 1877 г., зародилась мысль раздобывать деньги на революціонныя надобности путемъ систематической постановки любительскихъ спектаклей, то было предложено взяться за организацію этого дѣла мнѣ. Благодаря этому, въ кругѣ лицъ, ближе стоявшихъ къ Ковальскому, я сдѣлался своимъ человекомъ, и тутъ-то выдѣлился болѣе тѣсный кружокъ, который перешелъ къ активной революціонной работѣ и почти цѣликомъ былъ арестованъ 30 января 1878 г. вмѣстѣ съ Ковальскимъ.

Впрочемъ на лицѣ было и обстоятельство менѣе случайнаго характера.

Въ Петербургѣ (въ 1874 и 1875—1876 гг.) я довольно хорошо познакомился съ пропагандизмомъ и перечиталъ не мало книгъ, брошюръ и журналовъ изъ его литературы. Съ нарождавшимися послѣ погрома 1872—1874 гг. теченіями революціонной мысли я былъ знакомъ немного менѣе. И вотъ въ 1877 г., живя съ отцомъ на курортѣ въ Баваріи, я съѣздили въ Женеву. Рекомендательное письмо у меня было (не помню—отъ кого) въ редакцію «Набата». Здѣсь, въ теченіи 4—5 дней, у меня шли горячіе дебаты съ якобинцами Григорьевымъ и Френкомъ (Ткачева въ это время въ Женевѣ не было), и, подавленный новыми перспективами, которыя открывались передо мной при знакомствѣ съ «политикой» вообще и «якобинствомъ» въ частности, я тутъ же перешелъ къ «политической» программѣ и исповѣдыванію «неоякобинизма». Я даже подписалъ тамъ обязательства, которыя налагало на меня вступленіе въ ряды якобинцевъ. И изъ Женевы я получилъ обратное рекомендательное письмо къ одесскимъ якобинцамъ, уже какъ членъ партіи. Это повело къ болѣе тѣсному для меня сближенію съ радикальнымъ міромъ родного города.

Въ болѣе тѣсный кружокъ лицъ, группировавшихся около Ковальскаго, кромѣ меня, входило въ сущности немного лицъ.

Сестры Елена и Вѣра Виттенъ—хозяйки квартиры, гдѣ мы обыкновенно собирались, гдѣ содержали свою типографію и гдѣ, наконецъ, были арестованы.

Владиславъ Станиславичъ Свитычъ-Иличъ примкнулъ къ намъ въ самомъ концѣ 1877 г. послѣ побѣга (10 декабря) изъ Херсонской тюрьмы. Жилъ онъ въ квартирѣ Виттенъ нелегальнымъ, подъ фамиліей Воскресенскаго.

Василія Дмитріевича Кленова я, кажется, уже засталъ въ числѣ знакомыхъ сестеръ Виттенъ, и во всякомъ случаѣ не помню, при какихъ условіяхъ съ нимъ познакомился.

Леонида Михайловна Мержанова (впослѣдствіи по мужу Абрамовичъ) была старая знакомая Виттенъ и даже жила съ ними на одной квартирѣ.

Александра Владиміровна Афанасьева (вдова профессора Кіев-

скаго университета; по второму мужу, теперь также умершему,— Чернявская) была дѣятельнѣйшимъ членомъ кружка.

Такими же дѣятельными и близкими людьми были: Александръ Николаевичъ Акимовъ, морякъ, студентъ Беверлей, Галина Чернявская и Наташа Южакова.

Довольно близки были къ нашей работѣ Николай Ивановичъ Миролюбовъ, Салюня Левандовская и Александръ Алексѣевичъ Алексѣевъ.

Наконецъ, нѣкоторое время вертѣлся около насъ и нѣкій Маркъ, молодой человѣкъ, еврей, якобинецъ по убѣжденіямъ, человѣкъ недалекій. Онъ было нелегальнымъ и скоро куда-то исчезъ изъ Одессы.

Чуть-ли не передъ самымъ нашимъ арестомъ появились среди насъ двѣ молоденькихъ дѣвушки, присматривавшіяся и проявлявшія тогда еще мало активности. Это—Христина Гринбергъ и Фани Морейнисъ изъ Николаева.

То, что я говорилъ выше о характерѣ эпохи, какъ нельзя ярче отражалось на составѣ нашего кружка.

Свитычъ явился къ намъ несомнѣннымъ пропагандистомъ и только здѣсь примкнулъ къ идеѣ бунтарства.

Ближе стоялъ, насколько я могу судить по воспоминаніямъ, къ пропагандизму и Беверлей.

Чернявская, Южакова и я были чистѣйшими якобинцами, и мы даже устраивали иногда à part'ныя совѣщанія.

Акимовъ и Афанасьева являлись, въ моментъ моего знакомства съ ними, открытыми, хотя, можетъ быть, и не глубоко вѣрующими бунтарями.

Остальные члены кружка были, какъ кажется, просто «революціонерами» безъ опредѣленной окраски политическихъ убѣжденій.

И лишь стоявшій надъ всѣми нами Ковальскій представлялъ собою чистѣйшій типъ убѣжденнѣйшаго бунтаря, которому эти его убѣжденія достались послѣ долгаго, быть можетъ мучительнаго и тяжелаго размышленія, возможно даже — не безъ борьбы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы мы были счастливѣе и имѣли возможность нѣсколько дольше находиться въ общеніи на почвѣ практической дѣятельности, то, профильтрованный отъ наиболѣе безразличныхъ элементовъ, нашъ кружокъ приобрѣлъ бы однородный составъ и получилъ бы болѣе опредѣленную физиономію. Я говорю это на томъ основаніи, что у насъ не сходились съ устъ разговоры о вооруженномъ сопротивленіи. Значить, броженіе въ этомъ направленіи происходило довольно значительное. Но пока это были одни разговоры, никого ни къ чему не могшіе подготовить и—обязать.

Необходимо тутъ-же отмѣтить, что чаще всего разговоры были именно о вооруженномъ сопротивленіи, и довольно рѣдко—о террорѣ въ смыслѣ убійствъ. Если же кое-когда рѣчь заходила и

объ этихъ послѣднихъ, то дальше убійства шпионовъ наша революціонная мысль не шла.

Для характеристики этой мысли, можетъ быть, не бесполезно будетъ отмѣтить такой фактъ.

Когда я уже содержался подъ слѣдствіемъ въ одесской тюрьмѣ, то голова моя стала усиленно работать въ иномъ направленіи, при чемъ мнѣ даже рисовались мелкія подробности. Я себя представлялъ дѣло именно такъ, какъ оно было осуществлено вполнѣ слѣдствіи Логовенко — въ Николаевѣ, Гартманомъ — въ Москвѣ, Желябовымъ — въ Александровскѣ и Богдановичемъ — въ Петербургѣ. Мнѣ казалось возможнымъ подложить подъ рельсы мину и взорвать ее, посредствомъ замыканія электрическаго тока, въ моментъ прохожденія надъ нею поѣзда. Я помню даже такую подробность: мнѣ рисовалось, что кто нибудь, стоя у поѣзда, поклономъ и снятіемъ шляпы въ моментъ прохожденія поѣзда надъ миною, долженъ былъ бы дать знакъ скрытому гдѣ нибудь товарищу, чтобы тотъ замыкалъ токъ.

Всѣ эти соображенія я высказывалъ тогда же Федору Курицыну, съ которымъ нѣкоторое время сидѣлъ въ одной камерѣ. Какое употребленіе изъ этого сдѣлалъ Курицынъ, когда превратился въ предателя, — мнѣ неизвѣстно ¹⁾.

Возвращаясь къ вопросу о мѣстѣ, которое занимало вооруженное сопротивление въ «программѣ» кружка, напомнимъ, что въ рукописи Ковальскаго, найденной при обыскѣ у него на квартирѣ послѣ ареста, онъ давалъ обоснованіе своей вѣрѣ въ спасительность этого приѣма борьбы. Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что такъ просто, опредѣлено и рѣшительно смотрѣлъ на дѣло изъ числа членовъ нашего кружка онъ одинъ. По крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы слыхалъ отъ кого нибудь изъ остальныхъ членовъ что нибудь подобное.

Вотъ цитата изъ только что упомянутой рукописи: «Въ большинствѣ случаевъ, если мы и говоримъ о всякаго рода насиліяхъ, о вооруженномъ сопротивленіи во время арестовъ и пр., то все это у насъ — одни слова, и въ этой сферѣ мы остаемся чистыми пропагандистами. Мы распропагандировали... ношеніе при себѣ оружія и закупку оружія для восстающаго народа; скажу больше: мы даже добыли не въ маломъ количествѣ это оружіе и раздавали его народу, а было время, когда всякій порядочный революціонеръ обязанъ былъ таскать за собою револьверъ и кинжалъ. Но когда дѣло коснулось факта, — мы стали въ тупикъ... И сказался въ насъ потомокъ Рудиныхъ и Репетиловыхъ: «шумимъ, братаецъ, шумимъ, — а толку нѣтъ» («О приобрѣтеніи и раздачѣ народу оружія»).

¹⁾ Рѣчь идетъ о бывшемъ еще недавно старшимъ ветеринарнымъ врачомъ въ Саратовѣ, а нынѣ завѣдывающемъ ветеринарнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ Федорѣ Курицынѣ. Изъ извѣстныхъ уже у насъ матеріаловъ видно, что страницы нашего журнала будутъ украшены доблестнымъ именемъ г. Курицына еще не разъ, съ надлежащими къ этому имени комментаріями.

Всякій, кто представитъ себѣ то положительное, что скрывается за этою «критикою», тотъ получить ясное представленіе объ отношеніи Ковальскаго къ пропагандѣ не словомъ, а дѣломъ,—тотъ пойметъ, что не съ кондачка авторъ цитированныхъ строкъ относился къ необходимости физической силѣ правительства противопоставить такую же физическую силу народа и революціонеровъ.

И въ другомъ мѣстѣ той же статьи Ковальскій, дѣйствительно, выражается уже прямо,—ясно и опредѣленно. Онъ говоритъ: «Въ настоящее время, хотя факты эти (сопротивленія властямъ) и не всегда удачны, но ихъ учащенная послѣдовательность показываетъ, что уже въ достаточной степени созрѣла революціонная атмосфера, чтобы слова и мысли наши переходили въ дѣло, объективируясь въ реальныхъ фактахъ».

Почти то же самое писалъ Ковальскій и въ воззваніи «Голосъ честныхъ людей» (захвачено на квартирѣ Виттенъ, утромъ въ день ареста). Тамъ мы читаемъ: «Теперь послѣдовалъ цѣлый рядъ убійствъ шпионовъ-предателей; было нѣсколько случаевъ открытаго сопротивленія съ оружіемъ въ рукахъ и много отчаянныхъ побѣговъ изъ-подъ стражи. Все это свидѣлствуетъ, что уже теперь не тотъ духъ времени, какъ былъ прежде,—что уже настала фактическая борьба социальнo-демократической партіи съ этимъ подлымъ правительствомъ русскихъ башибузуковъ».

Мнѣ кажется, послѣ знакомства съ только что приведенными цитатами, читатель долженъ будетъ согласиться съ моимъ заключеніемъ, что, для тогдашняго времени, Ковальскій имѣлъ совершенно опредѣленный и достаточно продуманный взглядъ на дѣло вооруженнаго возстанія противъ правительственной власти и вооруженнаго сопротивленія ей во всѣхъ случаяхъ, когда она проявляетъ насилие по отношенію къ революціонерамъ.

Кружокъ нашъ не былъ «кружкомъ» въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Не было лицъ, которые могли бы сказать: «мы—члены кружка Ковальскаго». Съ другой стороны, если нужно было посоветоваться, то къ отдѣльнымъ лицамъ обращались не потому, что обращаться было обязательно именно къ этимъ лицамъ и именно потому, что они—члены кружка: вопросъ рѣшался степенью вліянія и уваженія, которымъ пользовалось то или другое отдѣльное лицо. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, у насъ не было «собраній» и специальной «кассы» («деньги», конечно, были), не было «устава», не было, хоть на неопредѣленно продолжительное время, распредѣленія ролей, не было списковъ (хотя бы въ памяти) членовъ кружка, и мы не составляли звена въ нѣкоторой, областной или общерусской, организаціи.

Единственно, что мы успѣли сдѣлать до ареста, это—организовать маленькую типографію и отпечатать въ ней 2 прокламаціи, изъ которыхъ распространена была одна (по поводу казни разбойника Лукьянова), другую-же (о томъ, что Краевъ—шпионъ) намъ до ареста распространить не удалось. Изъ насъ В. Д. Кле-

новъ былъ литографскій рабочій. Хотя типографское дѣло не было его специальностью, но, естественно, находясь постоянно въ типографіи, онъ имѣлъ возможность хорошо присмотрѣться къ типографской техники¹⁾. По его указаніямъ были изготовлены рас-пропагандированными рабочими для насъ настоящія верстатки. Хотя работа была, очевидно, «домашняя», но верстатки удовлетворяли своему назначенію. Рамки у насъ вовсе не было, и мы страшно мучились, связывая форму. Что касается шрифта, то откуда былъ нами добытъ основной фондъ,—я не помню, а главнымъ поставщикомъ недостающихъ буквъ у насъ состоялъ тотъ же В. Д. Кленовъ, приносившій его изъ типографіи (къ нему даже было предъявлено на судѣ обвиненіе въ «кражѣ» шрифта, и онъ приговоренъ былъ за это преступленіе особо къ 7-ми дневному аресту при полиціи). Но шрифта было очень мало. Отчасти вслѣдствіе этого, отчасти съ цѣлью внести разнообразіе, я покупалъ «передвижныя буквы», мѣдныя, со станочкомъ, которыми можно было набрать и напечатать что-то не болѣе полустроки. Самый процессъ оттискиванія производился примитивнѣйшимъ способомъ, и между нами всегда вызывало хохотъ малѣйшее напоминаніе объ этомъ процессѣ. Формочка устанавливалась на стулѣ, на нее накладывали бумагу, а затѣмъ кто нибудь садился и нажималъ бумагу на форму «естественнымъ» прессомъ. Послѣ этого заглавіе и нѣсколько заключительныхъ абзацовъ оттискивались набранными въ станочекъ мѣдными буквами.

Не трудно себѣ представить, насколько аляповато выходили у насъ оттиски.

Первая прокламація наша была составлена по поводу смертной казни надъ разбойникомъ Лукьяновымъ, о которомъ я выше уже упоминалъ. Это былъ, дѣйствительно, какой-то звѣрь: онъ убивалъ свои жертвы ударомъ молотка по головѣ. Такъ поступилъ онъ и въ случаѣ, окончившемся для него присужденіемъ къ смертной казни: онъ тихо подошелъ сзади къ сидѣвшей въ креслѣ, лицомъ къ окну, старушкѣ и двумя ударами молотка раздробилъ ей черепъ. Такимъ же образомъ онъ убилъ и прислугу старушки,—женщину, которая, при томъ, была беременна. За такое звѣрское преступленіе, совершенное, въ добавокъ, въ то время, когда Одесса, по случаю войны съ Турціей, находилась на военномъ положеніи, Лукьянова предали военному суду, который приговорилъ преступника къ смертной казни. Лукьяновъ былъ повѣшенъ.

Мы воспользовались этимъ случаемъ. Не отрицая чудовищности преступленія, совершеннаго Лукьяновымъ, мы въ своей прокламаціи указывали, что гораздо болѣе виновны тѣ, кто грабятъ и разстрѣливаютъ народъ, т. е. агенты правительственной власти, и ихъ-то предлагали судить народнымъ судомъ и предавать смертной казни.

¹⁾ Въ революціонныхъ цѣляхъ Кленовъ ходилъ, для ознакомленія съ типографскимъ дѣломъ, въ типографію Исаковича, гдѣ, обыкновенно, проводилъ часа 2 въ день, занимаясь наборомъ.

Прокламація была отпечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (что-то штукъ 300) и затѣмъ расклеена на стѣнахъ домовъ 1 декабря, наканунѣ казни Лукьянова.

Въ то время какъ шла эта работа, за нами начали слѣдить. Что подало ближайшій поводъ къ этому,—я не знаю; но что слѣдили,—это несомнѣнно установлено прочитаннымъ на судѣ рапортомъ жандармскаго унтеръ-офицера отъ 2 января 1878 г. о результатахъ его выслѣживанія Кленова. 30 января утромъ, когда сестеръ Виттенъ не было дома, шпионъ, при содѣйствіи хозяевъ, проникъ въ комнаты, которыя занимали Виттенъ, и безъ труда обнаружилъ, что тутъ—тайная типографія. Между прочимъ, на столѣ была съ вечера оставлена даже кѣмъ-то компрометирующая насъ бумага—«Голосъ честныхъ людей». Это былъ мотивированный, такъ сказать, подписной листъ. Въ воззваніи къ жертвователямъ указывалось на необходимость революціоннымъ путемъ добиваться коренного измѣненія русскаго государственнаго и социальнаго строя. Подписи были девизныя или случайныя. Ковальскій, на прим., подписалъ 1 р. подъ псевдонимомъ «Иванъ непомнящій родства».

Нужно-ли было жандармамъ получить непреложное доказательство тому, что въ квартирѣ Виттенъ производится печатанье прокламацій, или на самомъ дѣлѣ тогда жандармы еще не знали, что типографія—именно у Виттенъ,—я не могу сказать. Но достоверно извѣстно, что у жандармовъ были въ рукахъ еще болѣе важныя свѣдѣнія. Именно, начальникъ жандармскаго управленія, полк. Кношъ, въ своихъ показаніяхъ, данныхъ на судебномъ слѣдствіи, говорилъ, что онъ зналъ, что пришедшіе для обыска могутъ встрѣтить вооруженное сопротивленіе, и что именно поэтому онъ послалъ на квартиру Виттенъ восемь нижнихъ чиновъ и при томъ—вооруженныхъ заряженными револьверами, въ то время какъ обыкновенно бывали на обыски человека 2 въ формѣ, съ незаряженными револьверами, остальные—переодѣтыми.

Вечеромъ 31 января мы собрались, по обыкновенію, у Виттенъ. Было, по какому-то случаю Алексѣевъ былъ на этотъ вечеръ нами обложенъ данью въ размѣрѣ 1 бутылки краснаго вина. Стояла на столѣ и водка. Мы смѣло можно сказать!—мирно бесѣдовали, когда къ намъ, на 3 этажъ, осторожно, безъ шума, прокрадывались жандармы съ шт.-кап. Добродѣевымъ во главѣ...

Часть квартиры, занимаемая сестрами Виттенъ, отдѣлялась отъ помѣщенія, гдѣ жила квартирная ховаяка, передней и состояла изъ трехъ комнатъ въ рядъ: всѣ онѣ выходили окнами на улицу, а въ средней комнатѣ былъ еще и балконъ. Въ крайней комнатѣ была спальня Виттенъ, въ средней—столовая и «гостинная» (съ піанино), а ближайшая къ снѣжъ на половину была занята кроватью и вещами Мержановой, на половину же—пуста.

Мы сидѣли за столомъ въ средней комнатѣ и слишкомъ далеки были отъ мысли, что бѣда на носу. Чуть ли не ровно въ 9 час. вечера быстро распахнулась дверь изъ передней въ первую

комнату и—завязали шпоры девяти паръ жандармскихъ ногъ.... Мы вскочили.

Не успѣли мы опомниться,—какъ два жандарма очутились у дверей, ведущихъ въ спальню Виттенъ, а другіе два—у ведущихъ изъ столовой въ комнату Мержановой. Въ этой-же послѣдней комнатѣ толпилось еще 4 жандарма и нѣсколько штатскихъ—поятыхъ. Какъ мы узнали послѣ, въ числѣ послѣднихъ были и шпионы.

Не снимая пальто, съ фуражкой въ правой рукѣ и портфелемъ въ лѣвой, шт.-кап. Добродѣевъ обратился къ намъ съ вопросомъ, кто хозяинъ квартиры. Вѣра Виттенъ (Елены не было среди насъ) попробовала сначала уклониться; но, конечно, въ концѣ концовъ было констатировано, такъ сказать, тутъ же официально, что хозяйка—она. Шт.-кап. Добродѣевъ сказалъ ей, что получилъ приказаніе произвести здѣсь обыскъ.

Въ моментъ появленія жандармовъ въ квартирѣ Виттенъ находились: Вѣра Виттенъ, Ковальскій, Свитычъ, Алексѣевъ, Мержанова, Кленовъ и я.

Добродѣевъ снялъ пальто и усѣлся за столомъ у окна на улицу. Мы расположились у противоположной стѣны, отдѣляемые отъ Добродѣева преддиваннымъ столомъ.

Добродѣевъ, написавши начало протокола, сталъ по очереди каждого изъ насъ спрашивать объ имени, званіи и мѣстѣ жительства. Эта процедура заняла довольно много времени.

Помню моментъ, когда Ковальскій, уже будучи опрошенъ, стоялъ въ углу комнаты и, приложивъ пальцы рукъ къ губамъ, что-то усиленно соображалъ. Онъ говорилъ впослѣдствіи, что въ эту минуту онъ рѣшалъ вопросъ, не выстрѣлить ли ему въ Добродѣева отсюда, и пришелъ къ заключенію, что это опасно, такъ какъ онъ могъ бы при этомъ ранить кого-нибудь изъ своихъ.

Что касается меня, то долженъ здѣсь сказать, что всегда представлялъ себѣ дѣло совершенно иначе. Я полагалъ, что мы должны были бы постараться не допустить жандармовъ войти въ комнату, открывъ огонь. Стрѣлять же въ упоръ въ стоявшихъ уже въ комнатѣ жандармовъ я для себя считалъ въ ту минуту невозможнымъ. Поэтому мнѣ казалось, что дѣло нами проиграно, и я былъ подавленъ.

Свитычъ былъ болѣе подготовленъ, такъ какъ съ нимъ Ковальскому удалось переброситься нѣсколькими словами.

Когда личности всѣхъ насъ были установлены (Ковальскій имѣлъ паспортъ на имя Бончковскаго), и были записаны наши адреса, то Добродѣевъ заявилъ, что долженъ подвергнуть каждого изъ насъ обыску. Первымъ онъ подозревалъ Ковальскаго,—очевидно, у него были свѣдѣнія, что Ковальскій будетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ случаѣ, если рѣшено оказать сопротивленіе.

Медленно подошелъ Ковальскій къ столу, у котораго сидѣлъ Добродѣевъ. Послѣдній всталъ.

Добродѣевъ, слѣдя за малѣйшими движеніями Ковальскаго, сталъ его спрашивать, нѣтъ ли при немъ «чего-нибудь».

Ковальскій, съ очевиднымъ расчетомъ выиграть время, сталъ переспрашивать, Добродѣевъ, держась на чеку, поясняя... Руками онъ дѣлалъ передъ собою мелкія движенія; казалось, онъ боится ихъ опустить, чтобы не открыть грудь и не увеличить разстоянія между ними и Ковальскимъ... Эти нѣсколько секундъ были чрезвычайно томительны.

Наконецъ, Ковальскій, запустившій тѣмъ временемъ руку подъ пиджакъ, очевидно, успѣлъ уже не только вынуть изъ кабуры револьверъ, но и взвести курокъ, и медленно,—опять таки стараясь отвлечь вниманіе Добродѣева и выиграть хотя бы еще секунду,—тихо произнесъ:

— Нѣтъ, ничего этого нѣтъ... А вотъ это есть...

При послѣднихъ словахъ, дуло его револьвера было уже направлено на Добродѣева, и звякнулъ курокъ: револьверъ далъ осѣчку.

Въ мгновеніе ока Добродѣевъ, крикнувъ: «жандармы! жандармы!», своею лѣвою рукою высоко кверху приподнялъ правую руку Ковальскаго, а правой рукой схватилъ его за волосы, и въ такомъ положеніи ринулся впередъ, опрокидывая столы. Лампа, стоявшая на столѣ, за которымъ сидѣли мы, и свѣча—на столѣ, на которомъ писалъ Добродѣевъ,—при паденіи на полъ опрокинулись и погасли. Тогда раздались, послѣдовательно одинъ за другимъ два револьверныхъ выстрѣла. Это стрѣлялъ Свитычъ,—очевидно, вверхъ, такъ какъ иначе, несомнѣнно, среди жандармовъ были бы убитые или раненые, чего не случилось.

А въ углу, гдѣ шла борьба между Ковальскимъ и жандармами, произошло слѣдующее.

Кто-то изъ жандармовъ успѣлъ вырвать револьверъ изъ рукъ Ковальскаго; воспользовавшись моментомъ, Ковальскій умудрился еще разъ запустить руку подъ пиджакъ и выхватить кинжалъ, которымъ ранилъ въ плечо жандармскаго унтеръ-офицера Телепенко, а Добродѣеву нанесъ ударъ въ лѣвый високъ. Истекающаго кровью, офицера увели внизъ, съ Ковальскимъ же продолжали возиться жандармы. Онъ сопротивлялся, но безъ крика, и его оттащили въ переднюю, гдѣ онъ успѣлъ ранить кинжаломъ еще одного жандарма.

Тѣмъ временемъ я и Свитычъ, считая, что дѣло кончено, выбросили свои револьверы черезъ балконъ на улицу, а въ заднихъ комнатахъ кто-то успѣлъ уже зажечь свѣчи или лампы. Всѣ кинулись сжигать компрометирующія бумаги. Мы были увѣрены, что Ковальскаго уже увели.

Но не прошло и двухъ минутъ, какъ изъ передней стали раздаваться отчаянные крики Ковальскаго. Я со Свитычемъ бросился туда: на полу барахтался Ковальскій, связываемый жандармами (они обрѣзали для этого шнуры своихъ револьверовъ). Какъ только я и Свитычъ показались на порогѣ передней, жандармы струсили и кинулись внизъ по лѣстницѣ. Чтобы оправдаться передъ

начальствомъ, они упорно стояли на томъ, что въ нихъ были тутъ даны выстрѣлы. Впрочемъ, можетъ быть, со страху имъ дѣйствительно показалось, что въ нихъ стрѣляютъ.

Мы развязали Ковальскаго.

Не смотря на то, что во время борьбы Ковальскій жестоко поранилъ себѣ своимъ же кинжаломъ правую руку между большимъ и указательнымъ пальцами, онъ тутъ же заявилъ, что пойдетъ пробиваться. Онъ засучилъ правый рукавъ пиджака и взялъ кинжалъ. Свитычъ подобралъ брошенный жандармами тутъ, въ комнатахъ, револьверъ Ковальскаго и пошелъ поддержать его.

Пока мы продолжали уничтожать въ комнатахъ компрометирующія насъ вещи, со створы лѣстницы послышался окрикъ Ковальскаго: «коли, стрѣляй!», шумъ, а затѣмъ и шесть послѣдовательныхъ выстрѣловъ. Ковальскимъ тутъ былъ раненъ въ спину кинжаломъ одинъ жандармъ и, пока онъ съ послѣднимъ боролся, его задержали и обезоружили другіе жандармы.

Разстрѣлявъ патроны (пулями были ранены три жандарма и дворникъ,) Свитычъ поднялся наверхъ и сталъ помогать намъ въ уничтоженіи бумагъ и шрифта.

Минуты черезъ 2-3 мы услышали, что шумятъ уже на улицѣ: это жандармы тащили отчаянно сопротивлявшагося, избитого и израненнаго Ковальскаго. Мы всѣ выскочили на балконъ и подняли ужасный крикъ, ругая жандармовъ и приглашая успѣвшую уже собраться публику помочь Ковальскому. Припоминаю, что, въ отвѣтъ на наши крики, жандармы снизу стрѣляли въ насъ.

Ковальскаго, конечно, увезли.

А мы остались въ квартирѣ, осажденные жандармами и вызваннымъ съ ближайшей гауптвахты отрядомъ солдатъ. Мы всѣ сбились въ задней комнатѣ и съ минуты на минуту ждали, что придутъ насъ забирать.

Нельзя не преклониться съ чувствомъ умиленія передъ настоячивостью, самоотверженностью и личною храбростью Ковальскаго,—этого перваго героя террористической эпохи русской революціи, при чемъ революціонеру въ первый разъ пришлось открыто поставить на карту, во время самага совершенія террористическаго акта, свою жизнь, а въ качествѣ эпилога своихъ дѣйствій въ перспективѣ ожидать смертную казнь. Правда, если бы онъ проявилъ больше организаторскаго таланта до рокового дня, да и въ самый моментъ руководи онъ дѣйствиємъ, то, конечно, не остались бы не использованными 4 заряда въ револьверѣ Свитыча (фактъ установленъ на слѣдствіи осмотрѣ револьвера), я могъ оказать существенную поддержку,—и эффектъ получился бы гораздо болѣе сильный. Но и при этомъ нельзя не вспомнить, что предпріятіе Ковальскаго было первымъ въ своемъ родѣ по времени, и что если бы Ковальскій былъ на мѣстѣ А. Михайлова, и А. Михайловъ—на мѣстѣ Ковальскаго, то, можетъ быть, Ковальскому принадлежали бы тѣ слова изъ завѣщанія А. Михайлова, которыя взяты мною въ качествѣ эпиграфа къ настоящей

статьё, а первое вооруженное сопротивление, не смотря не общепризнанный выдающийся организаторский талант А. Михайлова, прошло бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также не вполне безупречно съ технической стороны. Развитие техники подчиняется своимъ особымъ законамъ,—и это въ значительной степени опредѣляетъ характеръ дѣла рукъ человѣческихъ, личные же качества дѣятеля приводятъ сюда, лишь какъ одинъ изъ факторовъ. Но основныя черты характера Ковальскаго здѣсь вылились, какъ нельзя болѣе, рельефно: онъ возложилъ на себя обязанность—и свято, самоотверженно ее выполнилъ. Онъ настойчиво пускалъ, одно за другимъ, всѣ средства къ сопротивленію, какія только оказывались въ его рукахъ въ ту или другую минуту, и не сложилъ оружія. Онъ успокоился только тогда, когда физически невозможно было уже сопротивляться. Въ этомъ—его величіе, какъ человѣка, и его заслуга передъ народомъ, какъ революціонера.

Считаю нужнымъ здѣсь именно подвести итоги тому, что сдѣлано Ковальскимъ, такъ какъ въ моментъ, когда его увезли въ тюрьму, въ сущности роль его была сыграна: на судъ онъ выступаетъ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ.

И такъ, мы сидѣли и ждали.

Ждать намъ пришлось долго. 6-8 жандармовъ ¹⁾ и съ десятокъ солдатъ казались той сторонѣ недостаточно сильной арміей для того, чтобъ взять безоружныхъ 5 человѣкъ, изъ которыхъ 2—женщины. Было послано за ротою солдатъ въ казармы, и потому-то намъ долго пришлось просидѣть въ томительной осадѣ.

Наконецъ, мы увидѣли, какъ солдаты, гуськомъ, одинъ за другимъ, бѣгутъ по другой сторонѣ улицы, оцѣпляя домъ, гдѣ мы находились.

Мнѣ припоминается, будто съ балкона мы кричали уже, что сдаемся. Но впрочемъ за достовѣрное этого не выдаю.

Но когда послышались отчаянные удары прикладами въ дверь изъ передней, то несомнѣнно мы всѣ громко и много разъ заявляли, что сопротивляться аресту не будемъ. Очевидно, солдаты смущало то обстоятельство, что дверь, по ихъ предположеніямъ, была заперта; можетъ быть они даже думали, что мы забаррикадировались. На самомъ же дѣлѣ все сводилось къ тому, что дверь туго отворялась.

Видя, что съ дверью тамъ не могутъ сладить, мы со Свитычемъ направились въ первую комнату, чтобы открыть дверь. Счастье наше, что мы не успѣли дойти до двери: оба мы были бы несомнѣнно убиты, такъ какъ едва мы прошли среднюю комнату и вошли въ первую, дверь, подъ ударами прикладовъ, распахнулась—и раздался залпъ. Свитычъ приподнялъ ногу и оперся о стѣну: у него была прострѣлена нога пулею изъ солдатской винтовки и авылетъ. Я почувствовалъ, что меня будто палкой уда-

¹⁾ На стѣну «выбывшихъ изъ строя» жандармамъ явились новые, которые до того были спрятаны въ засадѣ, на гауптвахтѣ.

рило по лѣвой ключицѣ, и инстинктивно прижалъ руку къ раненому мѣсту.

Съ той стороны кричали, чтобы мы сдавались и выходили по одному съ поднятыми руками. Градоначальникъ гр. Левашевъ ругался, какъ извозчикъ. Съ нашей стороны неслись крики, что сдаемся и сопротивляться не будемъ.

Насъ стали выводить по одному, причемъ съ каждой стороны жандармы держали насъ за руки. У всѣхъ жандармовъ были револьверы со взведенными курками.

Сначала насъ свели въ корридоръ второго этажа и произвели поверхностный обыскъ квартиры. А затѣмъ въ нашемъ присутствіи уже тщательно обыскивали каждый уголъ и каждую вещь.

Изъ двухъ раненыхъ Свитычъ, конечно, страдалъ гораздо болѣе меня: пуля, при выходѣ, вырвала кусокъ мяса съ ладонь величиною. Но, понятно, и я не особенно хорошо себя чувствовалъ съ засѣвшею въ ключицѣ пулею. Мы потребовали врача.

Былъ приглашенъ случайно проѣзжавшій по улицѣ военный врачъ г. Гуковский, который наложилъ мнѣ и Свитычу первую повязку.

Для перевозки насъ въ тюрьму были вытребованы арестантскія кареты. Подъ большимъ конвоемъ, часамъ къ 3—4 ночи, доставили насъ къ тюрьмѣ. Старшему конвоиру было, очевидно, приказано предупредить тамъ, что есть два раненыхъ.

— Собакъ—собачья смерть!—раздалось въ отвѣтъ со стороны тюремщиковъ,—и это было первое привѣтствіе, которымъ насъ встрѣтила тюрьма.

Тѣмъ же не менѣе, Свитыча внесли въ камеру солдаты на рукахъ.

Меня помѣстили въ башню, Свитыча—въ общую палату тюремной больницы.

На утро мнѣ удалось проникнуть въ больницу, и я, сидя на постели Свитыча, разговаривалъ съ нимъ.

Между прочимъ,—помню,—на вопросъ, что насъ ждетъ, Свитычъ молча провелъ пальцемъ по шеѣ, желая сказать этимъ: «повѣсятъ!»

Въ то же утро меня позвали въ больницу къ доктору. Тамъ у меня была извлечена пуля, и на рану наложена форменная повязка.

Какъ я послѣ узналъ, за мною, по всей вѣроятности, не слѣдили, такъ какъ съ обыскомъ на мою квартиру пришли уже послѣ того, какъ я былъ захваченъ у Виттенъ. Производившій обыскъ, начальникъ конной жандармской команды, дѣлалъ свое дѣло съ необычайною злобностью. Такъ мнѣ передавали впослѣдствіи мать и сестра. Какой-то пожилой товарищъ прокурора, присутствовавшій, по тогдашнимъ обычаямъ, при обыскѣ, оказался добродушнымъ человѣкомъ и относился къ дѣлу безучастно. Между прочимъ, онъ потихоньку сказалъ сестрѣ, что я арестованъ и что при арестѣ раненъ.

Наоборотъ, арестъ Афанасьевой былъ намѣченъ раньше. Къ ней пришли съ обыскомъ и ее арестовали еще до того, какъ мы были арестованы, и только на другой день мы узнали, что она также арестована.

Насъ допрашивали на другой же день вечеромъ. По странной случайности, товарищемъ прокурора, присутствовавшимъ при допросѣ, оказался бывшій воспитатель въ пансіонѣ при Ришельевской гимназіи, гдѣ я жилъ, будучи гимназистомъ. Во время допроса какъ-то обнаружилось, что онъ меня знаетъ.

— А вы его знаете?—спросилъ допрашивавшій начальникъ жандармскаго управленія, полк. Кнопшъ.

Товарищъ прокурора подтвердилъ. Какъ мнѣ показалось, онъ умышленно старался самъ обнаружить это,—повидимому, чтобы предупредить жандармовъ и не дать имъ права заподозрить, что онъ имѣлъ основаніе скрывать о своемъ знакомствѣ со мною.

Помню, что когда Кнопшъ зачѣмъ-то вышелъ, то мы съ этимъ товарищемъ прокурора повели бесѣду. Онъ мнѣ сказалъ, что, судя по тому, что выяснилось, меня ждетъ не очень строгое наказаніе.

Замѣчу здѣсь кстати, что въ присутствіи этого-же товарища прокурора (и въ моемъ) пересматривались захваченныя у меня бумаги. Онъ просматривалъ и передавалъ жандарму для уничтоженія. Но какой-то жандармскій офицеръ, изъ любви къ искусству, вторично рассматривалъ тѣ же бумаги, и два раза обращался къ полк. Кнопшу съ заявленіемъ, что тутъ говорится о «пропагандѣ» и что нужно бы сохранить кое-что. Товарищъ прокурора каждый разъ утверждалъ, что все это—бумаги личнаго и отчасти интимнаго характера, но что если есть сомнѣніе, то онъ ничего не имѣетъ противъ просмотра ихъ жандармами. Кнопшъ отвѣчалъ, что разъ товарищъ прокурора бумаги просматривалъ и не нашелъ въ нихъ ничего важнаго, то, значить, нечего ихъ и просматривать вторично.

Долженъ сказать, что хотя въ бумагахъ не все относилось къ личной и интимной перепискѣ (рѣчь шла, между прочимъ, въ одной серіи писемъ, дѣйствительно, и о пропагандѣ), но въ нихъ ничего не было такого, что компрометтировало бы меня больше, чѣмъ то, что уже было добыто слѣдствіемъ независимо отъ этихъ бумагъ.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ рокового для насъ дня былъ арестованъ Эдмундъ Ивановичъ Студзинскій. Онъ всецѣло примыкалъ къ кружку Ковалевской и Дебагорія, и изъ насъ почти никто съ нимъ не былъ даже знакомъ. Но такъ какъ жандармы не знали, куда его дѣть, и обнаружена была чисто внѣшняя связь его съ нашимъ кружкомъ ¹⁾, то дѣло о немъ соединили съ нашимъ. И онъ, дѣйствительно, судился съ нами, благодаря чему

¹⁾ Намъ подготовляли побѣгъ, и у Студзинскаго были найдены записки изъ тюрьмы Ковальскаго, Афанасьевой и Свистыча.

пострадалъ гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы пострадать при другихъ обстоятельствахъ.

Что мы будемъ преданы военному суду,—въ этомъ никто, конечно, не сомнѣвался. Но надо было избрѣсти еще что нибудь. И вотъ издается распоряженіе, что жандармы, встрѣчающіе, при исполненіи обязанностей, вооруженное сопротивленіе, приравняются во всѣхъ случаяхъ къ военному караулу, а нападеніе на караулъ, по закону, карается тяжеле, нежели нападеніе на обыкновенный воинскій отрядъ. Сначала это распоряженіе (о нелѣпости этого положенія съ юридической точки зрѣнія я не говорю) насъ не тревожило: законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. Но затѣмъ оказалось, что это—не законъ, а «разъясненіе» закона, каковое имѣетъ и обратную силу.

Вообще, за время слѣдствія и сидѣнія до суда настроеніе наше мѣнялось нѣсколько разъ: то намъ казалось, что къ намъ отнесутся легко, то насъ угнетала мысль, что мы будемъ наказаны очень жестоко. Эти измѣненія отчасти объяснялись ходомъ слѣдствія; но въ значительной степени, я думаю, играло здѣсь роль и самовнушеніе, передававшееся отъ одного къ другому.

Помню, что наше настроеніе передъ самымъ судомъ было очень тягостное. Мы были увѣрены, что насъ засудятъ.

Не могу забыть ночи наканунѣ открытія судебного засѣданія.

Я былъ совершенно убѣжденъ, что буду приговоренъ къ разстрѣлянью. Я мысленно прощался съ жизнью, съ близкими, и одно лишь желаніе покрывало остальные: я желалъ твердо и мужественно встрѣтить смерть. Я прислонялся къ стѣнѣ и старался представить себѣ, какъ я себя чувствовалъ бы, если бы передо мною выросли 12 солдатъ съ наведенными на меня ружьями. Всѣми силами стараясь вызвать въ себѣ ощущеніе близости смерти, я надѣялся этимъ путемъ подготовить себя къ предстоящему испытанію. Написалъ я и прощальное письмо роднымъ.

Чтобы покончить съ этимъ, скажу, что на судебномъ слѣдствіи сначала наши надежды окрылились; но подъ конецъ, во время пренія сторонъ, для насъ сдѣлалось несомнѣннымъ, что одного-двухъ приговорятъ къ смерти, а остальнымъ каторги не миновать. И наши защитники тогда уже не особенно старались поддерживать въ насъ розовыя надежды.

На время суда, чтобы не возить ежедневно изъ тюрьмы въ судъ и обратно, насъ перевели въ маленькія камеры при военно-окружномъ судѣ.

Перевозили насъ подъ непомѣрно-усиленнымъ конвоемъ. Въ тюремныя кареты были впряжены пожарныя лошади, и мчали насъ, буквально, какъ на пожаръ. Наши кареты оцѣплены были сотнею какихъ-то казаковъ-башкировъ на лошадяхъ, съ пиками, при чемъ дверцы каретъ были отворены, и казаки чуть не въ самую карету вставили свои пики. Это объяснялось боязнью, что будетъ сдѣлана попытка насъ освободить. О томъ, что револю-

ціонеры вооружаются по случаю суда надъ нами, до жандармовъ дошли слухи.

Первоначально намъ назначены были казенные защитники. Но бѣдные «кандидаты на военно-судебныя должности» не знали даже, какъ имъ и быть. Совѣсть у нихъ, конечно, кой какая была,—а вмѣстѣ съ тѣмъ они ясно сознавали, что ничего не въ состояніи будутъ сдѣлать для облегченія нашей участи. На ихъ счастье не задолго до суда была получена изъ Петербурга телеграмма, что ѣдутъ къ намъ присяжные повѣренные Григорій Васильевичъ Бардовскій и Дмитрій Васильевичъ Стасовъ. Къ нимъ присоединились и два одесскихъ адвоката: присяжные повѣренные Рихтеръ и Слѣпневъ¹⁾. Такимъ образомъ, въ услугахъ гг. кандидатовъ на военно-судебныя должности надобность уже миновала. Какъ были обрадованы бѣдняги,—и сказать не умѣю.

Процессъ длился 5 дней,—съ 19 по 24 іюля.

На судъ предстали всѣ арестованные 30 января, т. е. всѣ бывшіе въ этотъ вечеръ въ квартирѣ Виттенъ, за исключеніемъ Алексѣева, и Афанасьева, а также Студзинскій. Алексѣевъ былъ освобожденъ до суда за полнымъ отсутствіемъ уликъ, и фигурировалъ на нашемъ процессѣ въ качествѣ свидѣтеля. Впрочемъ, быть можетъ, у слѣдственной власти были и кое-какія положительнаго характера данныя для освобожденія Алексѣева отъ суда. Объ этомъ скажу ниже.

Въ политическихъ процессахъ подсудимые и защита могутъ различнымъ образомъ ставить дѣло.

Можно всѣ силы направить единственно на то, чтобы уменьшить тяжесть обвиненій и, соотвѣтственно съ этимъ, облегчить участь подсудимыхъ. Можно, наоборотъ, не стараясь умалить значеніе фактовъ, воспользоваться процессомъ если не для пропаганды идей, руководящихъ революціонерами, то для критики существующаго порядка и для оправданія необходимости примѣненія революціонныхъ приѣмовъ борьбы.

Какой характеръ носилъ на себѣ нашъ процессъ?

Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что характеръ этотъ былъ довольно неопредѣленный;—что мы не спѣлись;—что, наконецъ, самъ Ковальскій, такъ блестяще выполнившій первую часть задачи, т. е. актъ вооруженнаго сопротивленія,—истина заставляетъ меня сказать и это,—на судѣ растерялся;—что, поэтому, мы не руководили защитой, а, наоборотъ, шли за нею. Относительно товарищей по процессу я не имѣю опредѣленныхъ свѣдѣній; но о себѣ скажу, наприм., что отъ произнесенія приготовленнаго еще въ тюрьмѣ «последняго слова» меня отговорили, а то «последнее слово», которое я началъ на судѣ, мнѣ не удалось окончить, такъ какъ меня остановили свои-же. Между тѣмъ, въ первомъ я проводилъ мысль, что считаю судъ въ настоящемъ его

¹⁾ Защищали: Г. В. Бардовскій—Ковальскаго и Свистыча, Д. В. Стасовъ—меня и Кленова, г. Рихтеръ—Афанасьеву, Виттенъ и Мержанову, и г. Слѣпневъ—Студзинскаго.

видѣ пустой комедіей, а во второмъ, — что до поведенія, которое является предметомъ судебного разбирательства, мы были доведены самою администраціею и правительствомъ.

Въ общемъ, очень много времени и силъ было и нами, и защитниками отдано на оспариваніе данныхъ, довольно прочно установленныхъ предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями, — такъ много силъ и въ такой формѣ, что можно было предположить въ насъ желаніе доказать, что никакого сопротивленія вовсе даже и не было.

Вспоминаю два слѣдующихъ факта.

Когда рѣчь зашла о томъ, что револьверъ Ковальскаго далъ осѣчку, т. е. что Ковальскій, значить, имѣлъ намѣреніе выстрѣлить въ Добродѣева, то прис. пов. Бардовскій ухватился за неточное выраженіе свидѣтеля (шпіона) и, сбивая его вопросами, сталъ наводить на мысль, что это, можетъ быть, была не осѣчка, а просто лязгъ желѣза о желѣзо. Этимъ имѣлось въ виду представить дѣло въ такомъ видѣ: заподозривъ, что въ него хотятъ выстрѣлить, Добродѣевъ кинулся на Ковальскаго, жандармы — за нимъ, — и Ковальскій былъ поставленъ въ положеніе законной самообороны, или, по крайней мѣрѣ, въ такія условія, при которыхъ дальнѣйшія его дѣйствія являются заслуживающими лишь слабого наказанія¹⁾. Но попросилъ слова обвинитель, товарищъ прокурора, — и, конечно, въ 2 минуты поставилъ свидѣтеля въ возможность доказать съ полною очевидностью, что была именно осѣчка.

Это одно. А вотъ другое.

Не отрицая, что, когда погасли лампы, въ комнатѣ раздались два выстрѣла, защитники старались привести судей къ сознанію, что выстрѣлы могъ произвести и кто-нибудь изъ жандармовъ или шпіоновъ. Когда же было установлено, что это не были выстрѣлы изъ казенныхъ револьверовъ, то сдѣлали попытку доказать, что револьверъ Кольта лежалъ на этажеркѣ, и его-то могъ взять кто-либо изъ пришедшихъ для обыска и дать выстрѣлы²⁾.

Болѣе мелкихъ случаевъ, могущихъ доказать справедливость моихъ словъ, было не мало³⁾.

Надо добавить къ этому, что Студзинскій все время держался нѣсколько въ сторонѣ, и что въ процессѣ участвовали и лица, которыя, въ глазахъ судей, казались мало интересующимися революціей вообще.

Тѣмъ не менѣе я оскорбилъ бы нынѣ здравствующаго Д. В. Стасова и память Бардовскаго (несчастный сошелъ съ ума), если бы не добавилъ къ сказанному, что оба они сражались за насъ, какъ лвы, и произнесли, во время пренія сторонъ, замѣчательныя рѣчи. Бардовскій началъ свою огневую рѣчь словами: «за мной

¹⁾ На этой точкѣ зрѣнія во все время суда, а отчасти — и на слѣдствіи, стоялъ и самъ Ковальскій.

²⁾ И здѣсь самъ Свистычъ стоялъ на той-же точкѣ зрѣнія во время суда и слѣдствія.

³⁾ См. нашъ процессъ, *passim*, — въ особенности: первое показаніе Ковальскаго на судѣ и его „последнее слово“, — рѣчь прис. пов. Рихтера, и др.

стоитъ человѣкъ, дни котораго сочтены обвиненіемъ...» и продолжалъ взывать къ чувству человѣколюбія судей. Д. В. Стасову, по распредѣленію ролей, пришлось разбирать фактическія данныя, служившія прокурору основаніемъ къ обвиненію,—и, конечно, силу его логическихъ построеній, убѣдительность его доводовъ и практическихъ соображеній долго, вѣроятно, помнилъ обвинитель. Обѣ рѣчи произвели сильное впечатлѣніе.

Одесскіе адвокаты, конечно, далеко уступали своимъ петербургскимъ коллегамъ въ силѣ таланта; но и они сдѣлали все, что могли, для облегченія грозившаго намъ наказанія.

Во время суда мы, конечно, имѣли около себя стулья, на которыхъ и сидѣли, когда не приходилось обращаться къ суду. Послѣ совѣщанія судей передъ вынесеніемъ резолюціи, продолжавшагося съ 2 час. дня до 8 ч. 45 м. вечера, мы на мѣстахъ, предназначенныхъ для подсудимыхъ, уже не нашли стульевъ: насъ приказано было удалить немедленно же по прочтеніи резолюціи.

Какъ только раздалися слова: «къ смертной казни черезъ разстрѣляніе», съ Афанасьевой сдѣлалась истерика, и она стала кричать: «Шемакинъ судъ! убійцы!» и т. п. На нее кинулся офицеръ, насильно отстранившій отъ нее и меня, когда я подошелъ къ ней, чтобы ее успокоить. Всѣ остальные стали заявлять, что желаютъ обжаловать приговоръ. Но предсѣдатель, а за нимъ и судьи, стали быстро удаляться изъ залы, отвѣчая намъ на ходу.

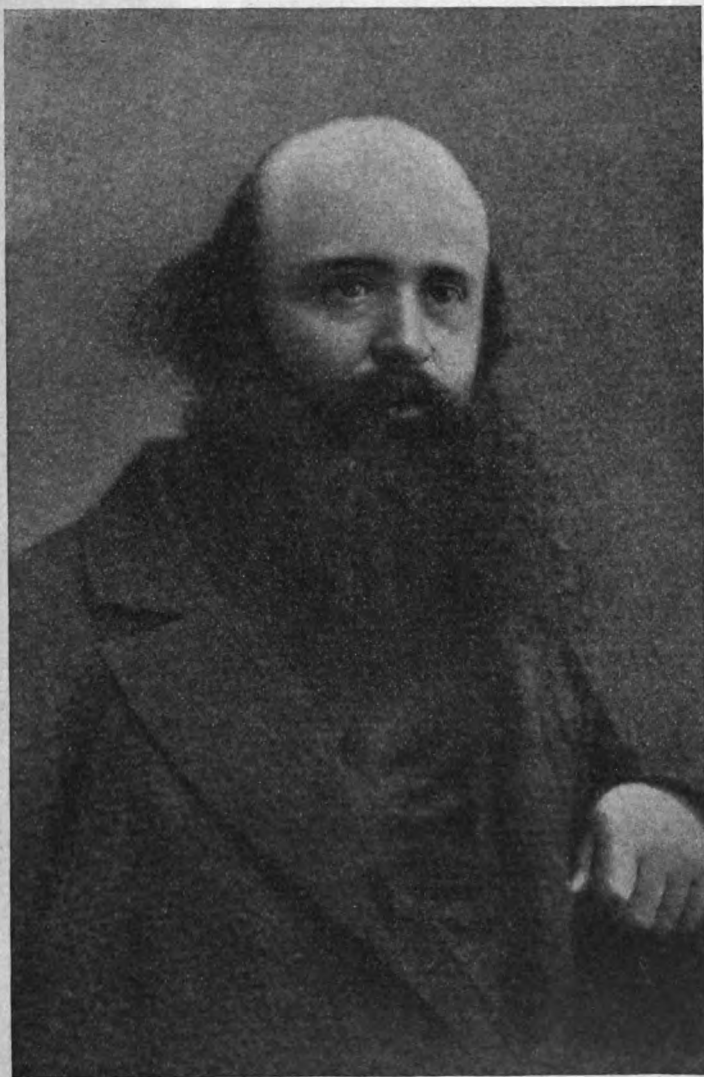
Дѣло въ томъ, что ожидали демонстраціи, а судьи, кромѣ того, боялись, можетъ быть, что въ нихъ изъ публики полетятъ пули.

Какъ извѣстно, демонстрація дѣйствительно была. По условію, присутствовавшій въ залѣ Николай Ивановичъ Миролюбовъ долженъ былъ, въ случаѣ вынесенія смертнаго приговора, столкнуться на улицу стоявшій на окнѣ графинъ съ водой. Онъ такъ и сдѣлалъ. Тогда изъ толпы, окружавшей зданіе суда, раздалось въ войска нѣсколько выстрѣловъ, причемъ было двое убитыхъ и двое раненыхъ, но не изъ войска, а изъ публики ¹⁾.

Всѣ эти подробности я узналъ, конечно, впоследствии. А когда, послѣ прочтенія приговора, насъ сводили внизъ, въ наши камеры, то до меня донеслись торопливые разговоры о «раненыхъ», о томъ, что ихъ куда-то уносятъ. Тутъ же, будучи посажены въ камеры, мы слышали отъ караульнаго офицера, что произошла вооруженная демонстрація, принесшая съ собою жертвы. Офицеръ прибавлялъ, что, не будь этого, Ковальскаго командующій войсками помиловалъ бы, а теперь—разстрѣляютъ! Конечно, это—однѣ отговорки: разстрѣлять Ковальскаго было предрѣшено.

Онъ, очевидно, сознавалъ это, и тревожнымъ голосомъ, въ которомъ такъ слышалось страстное желаніе жить, спрашивалъ меня, какъ я думаю, разстрѣляютъ его или нѣтъ? Я сказалъ,

¹⁾ См. 2 статьи, озаглавленные „Одесса во время суда надъ Ковальскимъ“ въ №№ 2 и 5 „Земли и Воли“. Перепечатаны въ книгѣ Базилевскаго „Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ“.

Михаилъ Васильевичъ
БУТАШЕВИЧЪ-ПЕТРАШЕВСКІЙ.

(Съ карточки, сдѣланной въ Нерчинскѣ около 1855 года).

что ему, вѣроятно, будетъ замѣнена смертная казнь каторгой, но, конечно, я хорошо сознавалъ, что безъ разстрѣла дѣло не обойдется...

На другой день наши камеры обшелъ товарищъ прокурора, поддерживавшій обвиненіе на судѣ. Онъ намъ говорилъ, что командующій войсками имѣетъ власть не только смягчать приговоры, но и пользуется правомъ помилованія. Конечно, никому изъ насъ и въ голову не приходило дѣлать въ этомъ направленіи какіе-нибудь шаги. Помню, я рѣшительно, хотя и въ мягкихъ формахъ, заявилъ ему, что ни съ какими просьбами никуда обращаться не стану.

Тутъ-же, т. е. еще въ камерѣ при судѣ, я распрощался со своимъ защитникомъ, Д. В. Стасовымъ. Онъ меня старался поддержать, — онъ говорилъ, что я еще очень молодой человекъ и что передо мной будущее. Упадка духа я въ себѣ не ощущалъ, но все же сказалъ Д. В. Стасову, что считаю свою пѣсенку спѣтою. На дняхъ, встрѣтившись съ Д. В. въ Петербургѣ, я напомнилъ ему объ этомъ разговорѣ и долженъ былъ сознаться, что онъ былъ правъ. Какъ ни уродливо сложилась моя жизнь, но все же оказалось далеко не вѣрнымъ, что 28 лѣтъ тому назадъ моя пѣсенка была уже спѣта.

Приговорены мы были такъ: Ковальскій—къ разстрѣлянію, Свитычъ—на 8 лѣтъ каторжныхъ работъ, я—къ 6 годамъ, а по несовершеннолѣтію—къ 4, Студзинскій и Кленовъ—къ 4 годамъ, Афанасьева и Вѣра Виттентъ—къ ссылкѣ въ Сибирь на житье, Мержанова—къ 3 недѣльному аресту.

Насъ перевезли въ тюрьму съ такими же предосторожностями, какъ везли и на судѣ: тюремныя кареты, запряженные пожарными лошадьми, сотня казаковъ, да еще, на этотъ разъ,—и разставленные на пути патрули: теперь уже у администраціи были реальныя основанія опасаться вооруженной демонстраціи. Ожидали, можетъ быть, и попытки къ освобожденію насъ, или, по крайней мѣрѣ, одного Ковальскаго.

Посадили насъ на этотъ разъ въ подвальный этажъ,—Свитыча съ Ковальскимъ, меня—съ Кленовымъ, а Студзинскаго—отдѣльно.

Утромъ 2 августа меня перевели къ Свитычу.

— Что сей сонъ означаетъ?—обратился я,—помню,—къ Свитычу съ улыбкой, входя въ его камеру и здороваясь.

— Ивана разстрѣляли!—мрачно отвѣтилъ мнѣ Свитычъ.

У меня сжалось сердце. Я невольно оглянулъ помѣщеніе, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ находился еще нашъ дорогой, теперь погибшій товарищъ. Конечно, выраженіе: «его духъ виталъ надъ нами» какъ нельзя болѣе примѣнимо для характеристики того состоянія, въ которомъ весь день находились я и Свитычъ...

Вечеромъ смотритель тюрьмы принесъ бумагу, гдѣ говорилось, что намъ объявлено о конфирмаціи приговора надъ нами командующимъ войсками, и мы подписали эту бумагу.

Черезъ нѣкоторое время онъ явился опять, и съ заявленіями, какъ *это* ему непріятно, предложилъ намъ снять собственное платье и надѣть арестантское. Я все еще какъ будто не могъ уразумѣть смыслъ происходящаго и спросилъ, нужно-ли и бѣлье снимать. Смотритель сказалъ, что нужно. А тутъ въ корридорѣ звякнули и кандалы въ рукахъ стражи... Все сдѣлалось ясно!

Съ новыми заявленіями, какъ это ему непріятно, смотритель позвалъ въ камеру кузнеца...

Черезъ 5 минутъ я былъ форменный каторжникъ,—во всемъ, до нитки, казенномъ арестантскомъ одѣяніи, съ кандалами на ногахъ.

Замѣчательная психологическая подробность: спустя немного времени по уходѣ смотрителя я уснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Конечно, долго спать мнѣ не пришлось.

Въ третій разъ пришелъ смотритель и повелъ вонъ изъ камеры. Подъ громаднымъ карауломъ (хотя разстояніе пустяковое) насъ, четырехъ каторжанъ,—Свитыча, Кленова, Студзинскаго и меня,—доставили на вокзалъ и усадили въ вагонъ подъ конвоемъ жандармовъ съ офицеромъ во главѣ.

Съ локомотива раздался свистокъ,—поѣздъ тронулся...

«Процессъ Ковальскаго» прошелъ всѣ стадіи развитія¹⁾.

Передамъ вкратцѣ, что знаю, о дальнѣйшей судьбѣ членовъ кружка Ковальскаго.

Насъ, четырехъ каторжанъ, держали до 11 ноября 1880 года въ Новобѣлгородской центральной каторжной тюрьмѣ (близъ Харькова), послѣ чего, по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе дурного вліянія, оказываемаго на состояніе здоровья заключенныхъ въ этой тюрьмѣ условіями содержанія, мы, вмѣстѣ со всѣми товарищами по заключенію, были высланы въ Сибирь.

Насъ привезли сначала во Мценскую пересыльную для политическихъ тюрьму, гдѣ мы сидѣли до весны 1881 г., когда отправили насъ, наконецъ, въ Сибирь. Тогда былъ возбужденъ вопросъ, засчитывать-ли время, проведенное въ пути, въ срокъ пребыванія на каторгѣ. И хотя изъ насъ Кленову, мнѣ и Студзинскому въ дѣйствительности окончился срокъ каторжныхъ работъ еще въ то время, какъ мы сидѣли въ Иркутской тюрьмѣ, но, вслѣдствіе нерѣшенности этого вопроса, насъ погнали дальше, на Кару. Здѣсь, по дѣлу о побѣгѣ изъ Карійской тюрьмы весною 1882 г., насъ, вмѣстѣ съ остальными карійцами, отдали подъ судъ за пособничество бѣжавшимъ. Хотя къ тому времени выяснилось, что мы трое уже окончили срокъ каторги, но насъ продолжали держать въ Карійской тюрьмѣ на положеніи каторжниковъ, и даже примѣ-

¹⁾ Къ лицамъ, имѣющимъ фотографическую карточку Ковальскаго, обращаюся съ покорнѣйшею просьбою прислать намъ копию съ нея или оригиналъ для переснѣтія, который будетъ затѣмъ немедленно возвращенъ по принадлежности. Ред.

нили мѣру, которую можно было примѣнить только къ каторжникамъ,—обрили половину головы. По закону,—какъ странно звучать еще до сихъ поръ и даже именно въ настоящую минуту эти слова!—насъ на время слѣдствія должны были бы перевести въ общую тюрьму и содержать на положеніи подсѣдственныхъ. Весною 1883 г. насъ троихъ, т. е. Кленова, Студзинскаго и меня, перевели на поселеніе.

Слѣдуетъ принять во вниманіе то, что, по Уставу о ссыльныхъ, за обычными сокращеніями послѣ перевода каторжниковъ въ разрядъ испытуемыхъ, намъ троемъ приходилось выйти на поселеніе черезъ 2½ года по вступленіи приговора въ законную силу, вмѣсто 4 лѣтъ, на которыя мы были осуждены. На самомъ же дѣлѣ мы не только не воспользовались узаконенными сокращеніями, но были на каторгѣ почти годомъ больше срока, назначеннаго судомъ.

До сихъ поръ обществу было извѣстно, что административнымъ порядкомъ посылають на извѣстный срокъ въ ссылку. А вотъ вамъ случай, когда въ томъ-же административномъ порядкѣ человѣкъ дѣлается каторжникомъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ—поселенецъ. Это, даже въ практикѣ внимательства русской администраціи въ постановленія суда, чрезвычайно рѣдкій, если не единственный случай.

Кленовъ былъ оставленъ въ Верхоленскѣ, а я со Студзинскимъ очутились въ Якутской области. Впрочемъ, Кленова скоро, за какую-то (не помню, какую именно) исторію перевели къ намъ въ Якутскую область, а еще раньше того къ намъ же былъ присланъ съ Кары и Свитычъ.

Одинъ за другимъ мы выѣхали изъ Якутской области въ Иркутскъ,—первыми Свитычъ, Кленовъ и Студзинскій, а я—послѣднимъ. Наоборотъ, въ Россію попалъ я первымъ (въ 1897 г.), за мной—Кленовъ, а затѣмъ—и Свитычъ. Студзинскій остался въ Сибири (живетъ теперь въ Забайкальѣ).

Сосланная на житіе Афанасьева была одно время въ Красноярскѣ, затѣмъ попала въ Якутскую область, оттуда, подвигаясь на западъ, добралась и до Россіи, гдѣ находится и въ настоящее время.

Вѣра Виттенъ также въ Россіи. На поселеніи она была въ западной Сибири.

Мержанова, отсидѣвши 3 недѣли въ тюрьмѣ по приговору суда, вскорѣ была арестована и выслана административно въ Минусинскъ, а оттуда, за какую-то исторію,—въ Абаканскъ. Теперь уже давно живетъ въ Одессѣ.

Судьба арестованнаго съ нами, но выпущеннаго до суда Алексѣева, какая-то странная. Не знаю, когда именно, но онъ принялъ.... священство. Сестра моя мнѣ рассказывала, что онъ послѣ этого встрѣчался съ товарищами и жаловался, какъ тяжело быть священниковъ безъ полной религіозной вѣры. Вообще, здѣсь что-то или окончательно нелѣпое, или глубоко-трагическое. Вотъ почему

*

я и сказалъ выше, что, быть можетъ, у судебной власти были и положительныя основанія къ освобожденію его отъ суда по нашему дѣлу. Онъ уже давно умеръ¹⁾.

Изъ непривлекавшихся по нашему процессу членовъ кружка Елена Виттенъ была осуждена впоследствии по другому дѣлу на каторгу и тамъ, разстроивъ въ конецъ и безъ того слабую свою нервную систему, умерла.

Акимовъ былъ арестованъ вскорѣ послѣ нашего процесса, и, будучи совершенно больнымъ еще на волѣ, умеръ въ тюрьмѣ (въ Одессѣ, въ такъ называемомъ «№ 5», т. е. въ казармахъ, отведенныхъ для содержанія политическихъ арестантовъ).

Бeverлей былъ арестованъ вскорѣ послѣ нашего процесса и сидѣлъ въ Кіевѣ. При попыткѣ къ побѣгу изъ кіевской тюрьмы былъ убитъ часовымъ.

Галина Черныявская, кажется, ни разу не была арестована, хотя и продолжала революціонную дѣятельность въ рядахъ партіи Народной Воли. Теперь она, въ качествѣ эмигрантки, живетъ за-границей. Впрочемъ, о ней я давно не имѣю свѣдѣній.

Судьба Южаковой—трагическая. Будучи осуждена и выслана въ Западную Сибирь, она тамъ сдѣлала попытку къ побѣгу. Побѣгъ не удался, и ее приговорили къ высылкѣ въ Якутскую область. вмѣстѣ съ нею сосланъ былъ и рабочій Бачинъ, который помогалъ ей въ устройствѣ побѣга. Они были въ супружескихъ отношеніяхъ. Бачинъ—человѣкъ съ почти ненормальной психикой. Въ Якутской области, на почвѣ ревности, скорѣй не какъ къ женщинѣ, а какъ къ интеллигентному человѣку и «генеральской дочкѣ», совершилось ужасное дѣло: Бачинъ убилъ Южакову, а самъ, будучи отданъ за это подѣ судъ и посаженъ въ Якутскую тюрьму, черезъ мѣсяцъ покончилъ съ собою²⁾.

Миролюбовъ былъ въ административной ссылкѣ въ Минусинскѣ, а затѣмъ—въ Абаканскѣ. Возвратился въ Россію лѣтъ 15 тому назадъ и въ 1904 г., въ Одессѣ, покончилъ самоубійствомъ.

Левандовская (по мужу—Бѣлоконская) была въ ссылкѣ въ Сибири (я ее видѣлъ въ Красноярскѣ въ 1881 г.), а теперь давно въ Россіи.

¹⁾ Интересно отмѣтить, что одна изъ его сестеръ, Анна, будучи въ ссылкѣ (въ Верхненскомъ округѣ), вышла замужъ за священника-миссіонера. — Другая сестра, Александра, также вращавшаяся въ радикальныхъ кружкахъ, еще до нашего ареста стала отдаляться отъ дѣла. Она умерла вскорѣ послѣ нашего осужденія, очень молодою дѣвушкою.

²⁾ Бачинъ—одинъ изъ видныхъ дѣятелей „Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ“, который, какъ извѣстно, задавался цѣлью вести дѣло безъ содѣйствія интеллигенціи. — Я встрѣтился съ Бачинымъ въ Иркутской тюрьмѣ зимою 1881—1882 гг., передъ отправкою его въ Якутскую область, и могъ убѣдиться, что если раньше онъ раздѣлялъ только взглядъ своихъ товарищей по „Союзу“ на необходимость для рабочихъ устраниваться своими собственными силами, то затѣмъ перешелъ къ недружелюбному, — чтобы не сказать враждебному, — отношенію къ интеллигенціи и къ „бѣлой кости“. Трагедія, о которой я говорю въ текстѣ, разыгралась въ томъ же 1882 году и не позже первой половины слѣдующаго, такъ какъ я пріѣхалъ въ Якутскую область въ концѣ іюля 1883 года, а тогда уже не было въ живыхъ не только Южаковой, но и Бачина.

Христина Гринбергъ и Фани Морейнисъ судились и теперь обѣ въ Россіи.

Я—участникъ дѣла, о которомъ пишу. И было бы съ моей стороны непростительною смѣлостью—облачаться въ тогу историка. Поэтому, я прошу смотрѣть на эту статью, только какъ на личныя воспоминанія участника. Возможно, что въ ней встрѣчаются даже фактическія неточности, не говоря о неполнотѣ. Исправить ихъ и дополнить мой рассказъ—дѣло историка, котораго ждетъ процессъ Ковальскаго, какъ и все русское революціонное движеніе.

Еще два слова. Русская революція—слишкомъ великое историческое дѣло, она играетъ роль крупнаго фактора въ развитіи міровыхъ событій. Мелочи, характеризующія отдѣльныхъ лицъ, цѣлыя группы дѣятелей, моменты и т. д., не умаляютъ и не усиливаютъ значенія крупнѣйшихъ, единственно важныхъ фактовъ нашей великой революціи. Вотъ почему я считалъ излишнимъ скрывать отъ читателей что-либо, за исключеніемъ того, что не имѣетъ общаго общественнаго значенія.

Н. Виташевскій.

Петербургъ, 3 февраля 1906 г.

Къ исторіи дѣла Петрашевскаго.

I.

Переписка Николая Павловича съ шефомъ жандармовъ А. Ѳ. Орловымъ.

Извѣстно, что наблюденія за Петрашевскимъ и его кружкомъ начались очень рано и притомъ одновременно съ двухъ сторонъ: министра внутреннихъ дѣлъ и III Отдѣленія. Наблюденія продолжались цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ. Чрезъ своихъ агентовъ правительство знало все, что говорилось на ихъ собраніяхъ. Наконецъ, въ серединѣ апрѣля 1849 года правительство рѣшило ликвидировать «дѣло», оформить его и произвести аресты. Такимъ образомъ въ теченіе 13 мѣсяцевъ пламенные фурьеристы мечтали о лучшемъ будущемъ, о переустройствѣ всего соціальнаго строя, не подозревая, что они совершаютъ государственное преступленіе, и что каждое ихъ слово дѣлается извѣстнымъ.

21 апрѣля шефъ жандармовъ А. Ѳ. Орловъ представилъ Николаю Первому обзоръ всего дѣла, списки участвующихъ и планъ ихъ арестовъ. Эти документы А. Ѳ. Орловъ сопровождалъ слѣдующей запиской:

Посылаю Вашему Величеству записки объ извѣстномъ дѣлѣ, изъ которыхъ Вы изволите усмотрѣть:

1-е, обзоръ всего дѣла, 2-е, три тетради съ именнымъ спискомъ участвующихъ, и съ описаніемъ дѣйствій каждаго изъ нихъ, и съ означеніемъ ихъ жительства.

Въ обзорѣ Вы изволите усмотрѣть удобнѣйшее средство къ арестованію виновныхъ. Предложеніе это будетъ исполнено, ежели Ваше Величество не сдѣлаете какихъ либо измѣненій.

По моему мнѣнію это вѣрнѣйшее и лучшее средство.

Долгомъ считаю присовокупить, что ежели Вы удостоите предположеніе мое Вашимъ утвержденіемъ, то Высочайшая воля Ваша насчетъ Кропотова ¹⁾ должна измѣниться, а потому не прикажете ли доставить его къ Вашему Величеству 23 апрѣля въ 7 часовъ утра или въ другое Вамъ удобное время.

21-го апрѣля.

Гр. Орловъ.

¹⁾ Кропотовъ—перваго кадетскаго корпуса поручикъ.

Государь положилъ свою резолюцію не на этой запискѣ Орлова, а на другой, въ которой графъ писалъ:

«Я сейчасъ воротился изъ штаба, гдѣ всѣ распоряженія при мнѣ сдѣланы и завтра исполнятся, когда получу разрѣшеніе Вашего Величества».

Именно на этой запискѣ читаемъ слѣдующія характерныя строки, набросанныя Николаемъ I.

«Я все прочелъ; дѣло важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно въ высшей степени преступно и нестерпимо.

«Приступить къ арестованію, какъ ты полагаешь; точно лучше, ежели только не будетъ разгласки отъ такого большого числа лицъ на то нужныхъ.

«Набокова впередъ не увѣдомляй, а гораздо лучше тогда ему дать знать, прямо отъ меня, что и сдѣлай.

«Кропотова я вытребую отъ тебя, когда уже всѣ будутъ взяты.

«Съ Богомъ! да будетъ воля Его!»

Въ самый послѣдній моментъ явилось подозрѣніе, что можетъ пойти ледъ, разведутъ мосты, и такимъ образомъ комендантъ крѣпости Набоковъ не будетъ извѣщенъ объ арестахъ. Дубельтъ сообщилъ Орлову о своихъ сомнѣніяхъ.

«Льду на Невѣ нѣтъ, мостъ наведенъ, и мостовые увѣряютъ, что сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ, въ теченіе ночи, не прекратится.

«Я отправлю отношеніе къ Набокову, ежели чуть-чуть будетъ подозрѣніе, что мостъ разведутъ».

Гр. Орловъ сдѣлалъ на этомъ докладѣ слѣдующую помѣтку:

«Справедливо по отношенію къ Набокову. Не лучше ли передать Куцынскому, чтобъ онъ его употребилъ, ежели мостъ разведутъ, и ежели нѣтъ, то воротилъ бы тебѣ назадъ.

«Дай Богъ во всемъ успѣха!»

Итакъ благословеніе Божіе было призвано и Николаемъ I и шефомъ Орловымъ. Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля аресты были произведены.

23 апрѣля гр. Орловъ доносилъ:

«Честь имѣю донести Вашему Величеству, что арестованіе совершено, въ III Отдѣленіе привезено 34 человѣка, со всѣми ихъ бумагами. Въ числѣ арестованныхъ находятся всѣ главные лица и размѣщены по одиночкѣ, не привезено еще 7 человѣкъ самыхъ незначительныхъ по весьма достаточнымъ причинамъ, одинъ изъ нихъ *Плещеевъ* въ Москвѣ, бумаги же его опечатаны, одинъ *Серебряковъ* двое сутокъ не ночуетъ дома, одинъ *Григорьевъ* Конногренадерскаго полка долженъ быть въ Петербургѣ, и наконецъ четверо: Берестовъ, Ламанскій, Михайловъ, Тимковскій, которыхъ квартиры не были извѣстны. Къ отысканію ихъ квартиръ теперь уже можно принять мѣры и принимаютъ.

«Теперь остается мнѣ просить Ваше Величество, не благоугодно ли дать повелѣніе о принятіи отъ меня въ С.-Петербургскую

крѣпость сихъ арестованныхъ. Предполагаю, получивъ Ваше приказаніе, отправить ихъ сегодня вечеромъ по частямъ.

«Приказанія были исполнены съ точностью и съ большой быстротой, и по моимъ свидѣніямъ все совершенно съ большой тишиной, безъ всякой огласки и съ наивеличайшей аккуратностью».

Государь положилъ слѣдующую резолюцію:

«Слава Богу! теперь ждать буду, какое послѣдствіе имѣло надъ ними сіе арестованіе, и что при первомъ свиданіи съ главными ты отъ нихъ узнаешь.

Приказаніе г. Набокову далъ».

24 апрѣля гр. Орловъ сдѣлалъ новое донесеніе:

«Сегодня отъ сильной головной боли я не могу къ крайнему моему сожалѣнію явиться къ Вашему Величеству, новаго ничего нѣтъ, все смирно и благополучно.

«Всѣ арестанты отправлены и сданы въ крѣпость. Принималъ ихъ самъ комендантъ и при сдачѣ каждого находился отъ меня полковникъ».

«Въ принятіи отъ меня каждого арестанта есть особенныя росписки. Отправленіе началось въ 10¼ часовъ вечера, кончилось въ 2 часа пополудни. Отправленіе и сдача ихъ совершенно исправно и безъ всякаго приключенія.

«По списку арестованныхъ лицъ остается три невзятыхъ: Плещеевъ, о которомъ писали къ гр. Закревскому, Михайловъ и Тимковский. Сихъ двухъ послѣднихъ сегодня вѣроятно возьмутъ по сдѣланнымъ распоряженіямъ».

«Бумаги и все дѣло сегодня отправлены къ ген.-ад. Набокову».

На этомъ донесеніи Государь сдѣлалъ слѣдующія отмѣтки:

Противъ сообщенія о головной боли онъ написалъ: «Жалѣю, но надѣюсь, что кончится одной воскресной головной болью».

Противъ словъ о лицахъ, еще не взятыхъ, Николай Павловичъ отмѣтилъ: «Надо Закревскому дать понятіе о сдѣланномъ открытіи».

Наконецъ, прочитавъ послѣднія строки, объ отправленіи дѣла къ коменданту Набокову, назначенному председателемъ слѣдственной комиссіи, Николай Павловичъ приписалъ: «Пора имъ начать».

II.

Письмо М. В. Буташевича-Петрашевскаго съ пути въ каторгу.

Съ пути въ каторжную работу Петрашевскій написалъ письмо Елизаветѣ Анфимовнѣ фонъ-Бееръ. Въ немъ онъ просилъ госпожу Бееръ доставить приложенное письмо его матери. Ни Бееръ, ни мать Петрашевскаго не получили писемъ, имъ адресованныхъ.

Письма были слѣдующаго содержанія:

Любезнѣйшая маменька!

Я назначенъ въ Нерчинскъ, въ каторжную работу съ нѣкоторыми изъ моихъ знакомыхъ. Это вамъ вѣроятно извѣстно изъ газетъ, если объ этомъ напечатать почтено удобно. Не буду говорить, что вытерпѣлъ я во время моего содержанія въ крѣпости—это превосходить всякое вѣроятіе. Тоже не дай Богъ терпѣть лихому татарину, что потерпѣлъ я проѣздомъ, (не отдыхая) ни часу въ теченіи 11 дневнаго пути съ курьеромъ изъ Петербурга въ Тобольскъ. И дальнѣйшее странствіе отъ Тобольска не сладко—а просто мучительно.

Прошу Васъ заранѣе приготовить нѣкоторую сумму денегъ, чтобы не умирать почти съ голоду и имѣть необходимое. Пришлите *Medecin de soi même par Raspail* edition de 1846 и 1848, по которому я вылечилъ почти разслабленную. Еще *Cours de la Chemie Organique au des maladies les hommes et les animaux* также соч. Raspail въ III vol.—Еще *Cours de Physiologie* одно изъ лучшихъ новѣйшихъ соч. Также *Cours d'anatomie*. Это послужить съ большою пользою, ибо у меня произведены всѣхъ болѣзней.

Пришлите тоже, что получше есть моей одежды. Вашъ портретъ и сестры Ольги—если можно въ медальонѣ.—Поручите, если можно это сдѣлать Мальше и перерисовать мой портретъ, который есть у Васъ, и пришлите.

Дай Богъ Вамъ здоровья—напишите о Вашемъ житіѣ бытіѣ.—Я не пишу, ибо до сихъ поръ нерадостное. Но минута, въ которую раздѣлилъ со мною полутолодный, подобно мнѣ несправедливо угнетенный, кусокъ скуднаго хлѣба—донесенный злою невзгодою съ далекаго Запада въ холодную Сибирь, полна сладости, которой не вкушаютъ властители милліоновъ.

Васъ я цѣлую, поцѣлуйте сестрицу—поблагодарите тѣхъ, кто обо мнѣ не забылъ.

Васъ любящій сынъ

М. Буташевичъ-Петрашевскій.

1849.

Милостивая Государыня

Елизавета Анфимовна!

Надѣясь на Ваше благорасположеніе къ нашему семейству—прошу Васъ покорнѣйше передать это письмо—этимъ Вы весьма обяжете слишкомъ несправедливо обиженного.

Желаю Вамъ и всему Вашему семейству всякаго благополучія.

Съ истиннымъ уваженіемъ и почтеніемъ честь имѣю пребыть

Вашимъ покорнымъ слугой

М. Буташевичъ-Петрашевскій.

Письмо М. Е. Салтыкова къ Н. Г. Чернышевскому.

„Милостивый Государь, Николай Гавриловичъ. Вѣроятно, Вамъ извѣстно, что я вмѣстѣ съ Унковскимъ и Головачевымъ задумалъ издавать съ будущаго года въ Москвѣ журналъ, который будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ. Независимо отъ официальной программы, уже поданной въ московскій цензурный комитетъ, мы предполагаемъ съ августа приступить къ печатанію объявленія, въ которомъ съ большою ясностью выразится какъ цѣль изданія журнала, такъ и самое направленіе его. Препровождая при семъ проектъ этого объявленія, ¹⁾ мы просимъ Васъ сообщить намъ Ваше искреннее мнѣніе объ немъ и не оставить насъ Вашими совѣтами. Глубоко цѣня и уважая Вашу частную и общественную дѣятельность, мы заранѣе можемъ ручаться, что замѣчанія Ваши будутъ приняты нами съ величайшею благодарностью. Не думайте, прошу Васъ, чтобы я писалъ это письмо лишь отъ своего имени: А. И. Европеусъ можетъ удостовѣрить Васъ въ противномъ, но дѣло въ томъ, что я и будущіе мои соредакторы покуда разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ по лицу Россіи. Если вы найдете свободную минуту, чтобы удовлетворить нашей покорнѣйшей просьбѣ, то письмо Ваше прошу адресовать на имя Плещеева, для передачи мнѣ, такъ какъ я на будущей недѣлѣ уѣзжаю изъ Твери въ деревню и не могу еще положительно опредѣлить свой адресъ. Впрочемъ, до 19 числа еще пробуду въ Твери.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте намъ заявить надежду, что, хотя по отношеніямъ своимъ къ „Современнику“ Вы и не можете принять дѣятельнаго участія въ нашемъ журналѣ, но не откажете намъ въ сотрудничествѣ, которое для насъ особенно важно, какъ доказательство Вашей симпатіи къ задуманному нами дѣлу.

„Теперь позвольте мнѣ обратиться къ Вамъ съ просьбой, лично до меня относящейся. Н. А. Некрасовъ, съ которымъ я видѣлся въ Москвѣ, сообщилъ мнѣ, что редакция „Современника“ предполагаетъ находящіяся въ ея распоряженіи три моихъ разсказа раздѣлить на два нумера, т. е. напечатать ихъ въ апрѣльской и майской книжкахъ. По словамъ Некрасова, это сдѣлано въ томъ вниманіи, что разсказы займутъ много

¹⁾ Рѣчь идетъ о томъ журналѣ, который такъ и не былъ разрѣшенъ Салтыкову, якобы подъ предлогомъ пересмотра цензурнаго устава. Къ сожалѣнію, при писемѣ, которое воспроизводится здѣсь съ подлинника, нѣтъ проекта объявленія. Тонъ письма ясно указываетъ на то глубокое уваженіе, которое питалъ М. Е. Салтыковъ къ Н. Г. Чернышевскому.

Мих. Лемке.

мѣста. Но я убѣжденъ, что всѣ рассказы вмѣстѣ взятые не займутъ болѣе $3\frac{1}{2}$ печатныхъ листовъ, и если это только возможно, то просилъ бы Васъ убѣдительноше пустить ихъ всѣ въ апрѣльской книжкѣ. Это для меня необходимо по многимъ соображеніямъ, которыя я объяснилъ лично Н. А. Некрасову. Но каково бы ни было рѣшеніе Ваше по этому предмету, во всякомъ случаѣ прошу Вашего распоряженія на счетъ высылки ко мнѣ цензорскихъ корректуръ: или въ Тверь, если онѣ уже готовы, или на имя Плещеева, если онѣ будутъ готовы не раньше 19 числа. Я возвращу ихъ съ первой почтой. Еще одна просьба: такъ какъ я выѣзжаю изъ Твери, то нельзя ли прекратить высылку „Современника“ на мое имя, а вмѣсто того прислать мнѣ билетъ на полученіе журнала изъ московской конторы.

„Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

14 апрѣля

1862 г.

Тверь.

М. Салтыковъ.

Къ біографіи Ипполита Никитича Мышкина ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

Я въ первый разъ увидѣлъ Мышкина на такъ называемомъ большомъ процессѣ, или процессѣ 193-хъ, гдѣ онъ говорилъ свою рѣчь, въ которой, обращаясь къ судьямъ, бросилъ имъ въ лицо слова, произведшія тогда впечатлѣніе на передовое русское общество вообще, но главнымъ образомъ на тѣхъ молодыхъ людей, которые еще только готовились вступить на тотъ путь, по которому уже шелъ Мышкинъ, и былъ остановленъ и посаженъ на скамью подсудимыхъ,—слова: «Это—не судъ, а простая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужою жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества» ²⁾).

Это—тотъ самый процессъ, сенсаціонные слухи о которомъ, распространившіеся въ Европѣ, побудили англійскій «Times» послать спеціальнаго корреспондента, дабы онъ далъ обстоятельный отчетъ о немъ въ газетѣ. Но, очевидно, процессъ этотъ не оправдалъ ожиданій газеты, ибо корреспондентъ «Times» послѣ двухъ засѣданій уѣхалъ обратно, заявивъ представителямъ защиты о своемъ недоумѣніи, почему этотъ процессъ названъ политическимъ, и за что этихъ молодыхъ людей судятъ. «Я присутствую здѣсь вотъ уже два дня и слышу пока только, что одинъ прочелъ Лассаля, другой везъ съ собой въ вагонѣ «Капиталъ» Маркса, третій просто передалъ какую-то книгу своему товарищу. Что же во всемъ этомъ политическаго, угрожающаго государственной безопасности?» Не знаю, что отвѣтили корреспонденту «Times» представители защиты, но, вѣроятно, напомнили ему, что въ данный моментъ онъ въ Россіи, а не въ Англіи, и что Россія по вопросу безправія и отсутствію гарантіи для неприкосновенности личности въ то время могла конкурировать даже съ Турціей.—Да, для англича-

¹⁾ Статья эта принадлежитъ Михаилу Родіоновичу Попову, проведенному въ Шлиссельбургъ болѣе 20 лѣтъ и амнистированному лишь послѣ 17 октября 1905 года. Ред.

²⁾ См. кн. Базилевскаго „Госуд. преступленія въ Россіи“. Томъ третій стр. 310. Ред.

нина это непонятно. Ему, конечно, казалось страннымъ, что наше правительство не считало даже нужнымъ прикрываться хоть какимъ-нибудь формальнымъ правомъ, хоть какою нибудь призрачностью закона. Зачѣмъ все это ему? Имѣя въ своемъ распоряженіи покорныхъ судей, которыхъ такъ вѣрно охарактеризовалъ въ своемъ послѣднемъ словѣ Мышкинъ, русскому правительству и не могла прійти въ голову мысль о какихъ-то еще правовыхъ нормахъ. Достаточно было приказать «правому и справедливому» суду отправить на каторгу молодыхъ людей, предъявленныхъ ему Третьимъ отдѣленіемъ, какъ всѣ статьи закона въ головахъ нашихъ судей становились вверхъ ногами, и г.г. судьи, нисколько не затрудняясь, усматривали преступленія, караемыя каторгой вплоть до безсрочной. Безъ всякаго сомнѣнія процессъ 193, по отсутствію наличности преступленія, можно поставить рядомъ съ процессомъ Петрашевцевъ. Но такова ужъ судьба нашего правительства, ему ровно свыше предопредѣлено было накопленіе революціонныхъ чувствъ въ русскихъ гражданахъ. Такимъ средствомъ для этой цѣли и былъ процессъ 193-хъ, который въ ряду прочихъ реакціонныхъ мѣръ правительства, начавшихся сейчасъ послѣ великихъ реформъ 60-хъ годовъ, имѣлъ, быть можетъ, наибольшее значеніе въ рѣшеніи судьбы Александра II. Мало того, что нѣкоторыхъ изъ молодыхъ людей этого процесса, виновность которыхъ заключалась лишь въ томъ, что они читали Лассалю, или имѣли при себѣ въ вагонѣ «Капиталъ» Маркса, послали на каторгу, но Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ, по личному распоряженію Александра II, должны были весь десятигодовой срокъ отбывать въ центральной тюрьмѣ въ оковахъ. Мышкинъ, со времени этого процесса, въ глазахъ революціонеровъ тогдашняго времени и всей молодой Россіи сталъ яркимъ представителемъ революціонной партіи. Организациа «Земли и Воли» вмѣстѣ съ болѣе счастливыми товарищами Мышкина по этому процессу, ускользнувшими отъ каторги, живо интересовались дальнѣйшей судьбой Мышкина. Рѣшено было употребить всѣ силы и средства, имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи, чтобы вырвать его изъ рукъ правительства. На Николаевскомъ вокзалѣ было учреждено дежурство, задачей котораго было слѣдить за отправкой Мышкина изъ Петербурга. Когда стало извѣстно, что Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ назначены въ Харьковскую централку, то рѣшено было организовать его освобожденіе на пути туда. Жандармы перехитрили товарищей Мышкина, поставившихъ себѣ цѣлью его освобожденіе, несмотря на всю ихъ бдительность. Въ то время, какъ слѣдили за пассажирскими поѣздами, отходившими по Николаевской дорогѣ, жандармы увезли Мышкина въ товарномъ поѣздѣ. Этимъ отчасти и объясняется неудачная попытка предпринятаго освобожденія, по случайности выпавшая вмѣсто Мышкина на долю Войнаральскаго, такъ какъ предпринимавшіе освобожденіе, не успѣвъ въ короткое, остававшееся въ ихъ распоряженіи время, изучить неизвѣстную до тѣхъ поръ мѣстность, поѣхали двумя

партіями по разнымъ дорогамъ. Я не вхожу здѣсь въ болѣе подробное описаніе этого предполагаемаго освобожденія. Этому эпизоду изъ русской революціонной дѣятельности 70-хъ годовъ, вѣроятно, современемъ будетъ посвящена въ «Быломъ» отдѣльная статья¹⁾.

Съ этого времени о Мышкинѣ, какъ и обо всѣхъ другихъ заключенныхъ въ двухъ харьковскихъ централкахъ, до насъ доходили скудныя свѣдѣнія періодами, такъ какъ въ этихъ централкахъ режимъ, по отношенію къ политическимъ заключеннымъ, то ослабѣвалъ, то вновь становился суровымъ, въ зависимости отъ того, кто былъ губернаторомъ въ Харьковѣ, и каково было общее направленіе политики по отношенію къ революціонерамъ. Что касается Мышкина, то я ограничусь тѣмъ, что упомяну о его попыткѣ бѣжать изъ централки. Онъ предполагалъ бѣжать черезъ подкопъ, который началъ вести изъ своей камеры. Вынутую землю изъ подкопа онъ выносилъ въ бадью, извѣстной въ арестантскомъ мірѣ подъ именемъ парашки. Было тамъ правило такое, что выходившій на гулянье заключенный выносилъ съ собой и эту бадью съ нечистотами. Въ этой-то бадѣ Мышкинъ и выносилъ землю.

Какимъ образомъ была открыта его работа надъ подкопомъ, не знаю, но знаю, что по этому поводу у Мышкина произошло со смотрителемъ централки столкновеніе, закончившееся тѣмъ, что Мышкинъ, на грубость смотрителя, отвѣтилъ пощечиной, за что и былъ переведенъ изъ этой централки въ другую, именно въ ту, гдѣ сидѣлъ Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ.

По какимъ соображеніямъ этотъ инцидентъ имѣлъ такія послѣдствія, трудно сказать. Тѣ времена вообще были чреваты неожиданными. И переводъ Мышкина былъ такой же неожиданностью, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ то, что онъ за оплеуху, данную имъ смотрителю, попалъ въ болѣе сносныя условія. Въ централкѣ, гдѣ сидѣлъ Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ, и куда теперь попалъ Мышкинъ, давался чай, между тѣмъ какъ въ прежней такая роскошь не допускалась. Насчетъ книгъ, гулянья и пр. въ этой централкѣ тоже условія были болѣе льготныя.

Здѣсь Мышкинъ вмѣстѣ съ прочими централистами сидѣлъ до конца 1881 года. Въ концѣ же этого года, во времена либеральныхъ вѣяній Лорисъ-Меликова, или, какъ говорилъ Катковъ, въ эпоху «диктатуры сердца», вмѣстѣ со всѣми товарищами по заключенію Мышкинъ былъ переведенъ сначала въ Мценскую пересыльную тюрьму, а оттуда на Кару.

По дорогѣ на Кару Мышкинъ свою революціонную натуру,—

¹⁾ Это было бы крайне желательно, а пока что отсылаемъ интересующихся къ напечатанному въ № 4 „Земли и Воли“ разсказу „Попытка освобожденія Войнаральскаго“. Перепечатанъ въ кн. Базилевскаго „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ стр. 337—344.

натуру, выкованную молотомъ жизни, проявилъ въ Иркутскѣ. Здѣсь умеръ одинъ изъ централистовъ, Дмоховскій. При его погребеніи Мышкинъ сказалъ въ церкви надъ гробомъ Дмоховскаго рѣчь, которую закончилъ словами: «на почвѣ, удобренной кровью такихъ борцовъ, какъ ты, дорогой товарищъ, расцвѣтетъ дерево русской свободы». На эти слова Мышкина священникъ, отпѣвавшій покойника, отвѣтилъ словами, которыя своей грубостью могли еще лишній разъ засвидѣтельствовать, до какой степени русскіе представители Христа—такъ называемое православное духовенство,—далеки отъ ученія провозвѣстника братства и любви на землѣ. Онъ сказалъ ни больше, ни меньше, какъ три слѣдующихъ слова: «врешь,—не расцвѣтетъ!»

Въ началѣ 1882 года на Кару прибыла партія, состоящая изъ централистовъ и осужденныхъ въ этомъ году по процессамъ: Квятковскаго, Веймара и Щедрина. Въ этой партіи прибылъ и Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ.

Обаятельная личность Мышкина сама по себѣ побуждала меня сблизиться съ нимъ, но было и обстоятельство, способствовавшее еще болѣе тѣсному сближенію. Это былъ побѣгъ, планируемый мной съ группой людей, изъ числа уже сидѣвшихъ тамъ, до прибытія партіи во главѣ съ Мышкинымъ.

Прибывъ на Кару, Мышкинъ примкнулъ къ кружку лицъ, поставившихъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало бѣжать съ Кары. Внѣшнія сношенія, связанныя съ побѣгомъ, выпали на мою долю. Я занималъ на Карѣ должность пекаря, дававшую мнѣ сравнительный просторъ въ этомъ отношеніи. Какъ пекарь, я имѣлъ возможность сноситься съ уголовнымъ міромъ, въ особенности въ первый годъ моего пребыванія на Карѣ, когда я пекъ хлѣбъ въ общей пекарнѣ съ уголовными. На правахъ пекаря я могъ, подѣ предлогомъ исполненія своихъ обязанностей, брать конвой и идти въ то или другое мѣсто Карійскаго промысла. Могъ бывать и въ Карійской больницѣ, куда я доставлялъ хлѣбъ своимъ больнымъ товарищамъ. Больница же представляла такое мѣсто, гдѣ можно было входить въ сношеніе со всѣми карійскими промыслами, расположенными по рѣкѣ Карѣ на разстояніи одинъ отъ другого верстахъ въ 10-ти. Оставаясь на ночь въ больницѣ подѣ тѣмъ или инымъ предлогомъ, я могъ, переодѣвшись въ казачій мундиръ, бывать не только во всѣхъ палатахъ больницы, но помню, въ 1882 году, вмѣстѣ съ Войнаральскимъ, ночь подѣ Пасху провелъ въ знакомой семьѣ урядника, состоявшаго въ эту ночь начальникомъ караула въ больницѣ.

Замѣчательный типъ забайкальскаго казака представлялъ этотъ урядникъ. Какъ говорятъ на Карѣ, «фартовый» казакъ былъ урядникъ Косяковъ. Это—смѣсь удали, риска, съ желаніемъ, чтобы въ его карманѣ бряцали деньги, нужныя ему все для той же удали. Онъ рисковалъ не въ видахъ благъ земныхъ,—нѣтъ, это былъ своего рода спортъ. Пускаясь въ предпріятіе съ рискомъ потерять голову, онъ забывалъ все и помнилъ лишь

одно—не ударить лицомъ въ грязь и удивить міръ удалствомъ.

— «Косяковъ,—спросилъ я однажды,—не достанешь ли ты гдѣ хорошей стали для ножей?»

— «На что тебѣ лучшей стали, какъ вотъ эта»,—указывая на штыкъ, отвѣтилъ онъ, и въ тотъ же вечеръ принесъ мнѣ 3 штыка. Какъ онъ умудрился стянуть ихъ, это только онъ, да, пожалуй, Богъ еще знаетъ. Въ видахъ все того же побѣга, было у насъ дѣло съ евреемъ Лейбой, скупавшимъ на Карѣ хищническое золото. Не говорю увѣренно, такъ какъ Лейба этотъ вмѣстѣ съ другими скупщиками ворованнаго золота былъ высланъ раньше, чѣмъ мое дѣло съ нимъ пришло къ концу, но, по всей вѣроятности, онъ имѣлъ намѣреніе поживиться на счетъ нашего кармана. Далъ я Лейбѣ денегъ на покупку револьвера на пробу; въ этотъ же день отъ одного поляка, бывшаго повстанца 1863 года, съ которымъ у насъ также были сношенія въ видахъ все той же завѣтной цѣли, узнаю, что Лейба уѣзжаетъ и что нужно принять мѣры, чтобы наши деньги не пропали за нимъ. Мархоцкій, такъ звали поляка, побывавъ у Лейбы по этому дѣлу, сообщилъ мнѣ, что револьверъ купленъ, но что онъ, боясь взять его съ собой, оставилъ на промыслѣ Богатый, верстахъ въ 20 отсюда.

Передавъ это, онъ посовѣтовалъ мнѣ переговорить съ нѣкимъ «Махнидралой», доставлявшимъ на Кару контрабандой водку,—онъ сегодня отправляется на Богатый, а отъ него ужъ Лейбѣ не отвертѣться. Иду въ лавочку «Махнидралы» и узнаю отъ его жены, что онъ еще утромъ уѣхалъ на Богатый. Прибѣгаю къ Косякову, передаю ему исторію съ Лейбой.—«А что-жъ, поѣдемъ сегодня въ ночь на Богатый, караулъ у меня сегодня «фартовый». Къ утру будемъ здѣсь,—нигдѣ!» Я не могъ согласиться на такую рискованную авантюру, во-первыхъ потому, что у насъ въ это время по ночамъ шли работы въ подкопѣ; во-вторыхъ потому, что и Косякова надо было беречь до поры, до времени, и тѣмъ самымъ предпочелъ остроты товарищей на счетъ моего гешефта съ Лейбой. Такъ шли у насъ на Карѣ дѣла въ связи съ нашимъ предполагаемымъ побѣгомъ.

Вѣрны ли были наши расчеты на побѣгъ, нѣтъ ли,—теперь трудно сказать, но тогда мы думали, что всѣ условія для побѣга были благопріятны, и лишь одного изъ условій намъ не доставало,—денегъ, условія, безъ котораго всѣ остальные сводились къ нулю.

Мы и рѣшились выпустить Мышкина, какъ дѣателя популярнаго въ революціонномъ мірѣ, энергичнаго и человѣка, который отъ разъ намѣченной цѣли не уклонится въ сторону. Рѣшили мы выпустить Мышкина не черезъ подкопъ, который къ этому времени не былъ еще готовъ, да и приготовлялся онъ для побѣга всей нашей группы. Мышкинъ и Хрущовъ (сочетаніе такое оправдывалось тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что Хрущовъ, какъ рабочій, легче могъ найти мѣсто въ Америкѣ въ случаѣ нужды въ средствахъ), бѣжали изъ мастерскихъ, которыя

Ипполитъ Никитичъ
МЫШКИНЪ.

находились внѣ тюремнаго двора, или, говоря языкомъ карійскаго обывателя, за пѣлями ¹⁾, куда они были вынесены, Мышкинъ въ ящикѣ кровати, а Хрущовъ въ сундукѣ.

На моей обязанности лежало замести слѣды побѣга. Напримѣръ, тотъ конвой, который сопровождалъ несущихъ кровать и сундукъ съ Мышкинымъ и Хрущовымъ, я увелъ въ пекарню, гдѣ и продержалъ до 11 часовъ, до времени смѣны караула. Словомъ, надо было принять всѣ предосторожности, чтобы устранить всякую возможность напасть на слѣды исчезновенія Мышкина изъ тюрьмы. Насколько важна всякая случайность при побѣгѣ, показываетъ, напр., слѣдующій случай.

На другой день рано утромъ я по пути въ пекарню зашелъ въ мастерскую осмотрѣть хорошо ли задѣлана въ крышѣ дыра, чрезъ которую вылѣзали изъ мастерской Мышкинъ съ Хрущовымъ. Осмотрѣвъ и убѣдившись, что все маскировано хорошо, я отправился въ пекарню и принялся за свое дѣло съ мыслями о нашихъ бѣглецахъ и пожеланіяхъ имъ всякаго благополучія. Входить въ пекарню смотритель и говорить мнѣ съ многозначительной улыбкой:

— «Вы здѣсь?»

— «А гдѣ же, Александръ Николаевичъ, я могъ быть, какъ не здѣсь?» отвѣчаю я.

— «А я, знаете, всю ночь почти не спалъ, все беспокоился, не бѣжалъ ли кто изъ тюрьмы. Приходить ко мнѣ часовъ въ 12 сотникъ (начальникъ отряда, который составлялъ караулъ политической тюрьмы) и говоритъ: «Александръ Николаевичъ, все ли благополучно у насъ въ тюрьмѣ?»—«А что, спрашиваю я.»—«Да, говоритъ, иду я по корридору и вижу въ окно отъ мастерской по направленію къ сопкамъ пошли два человѣка».—Всталъ я, обошелъ вмѣстѣ съ нимъ кругомъ полей, зашли во дворъ, все цѣло, и ничего подозрительнаго. Спросили часовыхъ, говорятъ—все благополучно.—«Не иначе, говорю, какъ вамъ показалось, Сергѣй Васильевичъ».—«А то, знаете, думалъ въ тюрьму идти, повѣрку сдѣлать; хоть и поругаютъ, говорю себѣ, что зря беспокою, а все же буду спокоенъ, а потомъ рѣшилъ,—отложу до утра. Сейчасъ все ходилъ кругомъ пѣлей, ничего, слава Богу, все благополучно. Въ тюрьмѣ-то ваши все еще спятъ. Зашелъ вотъ къ вамъ въ пекарню, и вы на мѣстѣ».

— «Да гдѣ же, Александръ Николаевичъ, былъ бы я, какъ не здѣсь, или въ тюрьмѣ?»—вновь спрашиваю я.

— «Ну, слава Богу, слава Богу!» сказалъ онъ успокоенно.

— «Такъ-то вы всегда, Александръ Николаевичъ, сказалъ въ свою очередь я, вообразите что нибудь невозможное, а возможное и выпустите изъ вида. Напрасно вашъ сотникъ не попытался задержатъ этихъ двухъ молодцовъ. Для меня теперь понятно, гдѣ

¹⁾ Тюрьмы въ Сибири огорожены столбами, называемыми на Карѣ пѣлями, арш. въ 6 вышины, вкопанными безъ просвѣта одинъ около другого перпендикулярно.

дѣвался давеча топоръ изъ мастерской (взятый Мышкинымъ съ собою). Значить, уголовные подбираютъ наши инструменты, оставаемые на окнахъ. На дняхъ эти два молодца поживились топоромъ, а сегодня пришли посмотреть,—нѣтъ ли еще какихъ инструментовъ на окнахъ».

— «А, вѣдь, это вѣрно!» подтвердилъ смотритель мою догадку. «Мнѣ, знаете, и въ голову не пришло, а это какъ есть,—это они, мерзавцы, кромѣ ихъ некому. Надо будетъ сказать, чтобы посматривали. Скажите и вы вашимъ, чтобы не клали инструментовъ на подоконникахъ. Не иначе, какъ это они слямзили топоръ, больше некому».

Такимъ образомъ мы другъ друга и успокоили. Прошло 19 дней со времени ухода Мышкина и Хрущова изъ тюрьмы. Въ продолженіе 19 дней мы клали въ различныхъ камерахъ 2 чуела, накрывавшіяся одѣяломъ: ихъ при повѣркахъ и засчитывали вмѣсто Мышкина и Хрущова.

19 дней былъ срокъ, раньше истеченія котораго не должны были бѣжать желавшіе использовать этотъ же путь: Юрковский, Минаковъ, М. Диковскій, Левченко и Баломезъ. Мышкинъ и Хрущовъ въ этотъ срокъ должны были уже пріѣхать во Владивостокъ, гдѣ они предполагали сѣсть на одинъ изъ иностранныхъ пароходовъ и уѣхать въ Америку. Къ несчастью, иностранныхъ пароходовъ во Владивостокѣ не оказалось, и Мышкинъ съ Хрущовымъ рѣшили такъ: Мышкинъ на пароходѣ «Константинъ» отправится въ Одессу, Хрущовъ же до поры до времени останется во Владивостокѣ. Но чтобы сѣсть во Владивостокѣ на русскій пароходъ, отходящій въ Одессу, нужно было засвидѣтельствовать паспортъ во Владивостокскомъ полицейскомъ управленіи. Хрущовъ пошелъ съ паспортomъ въ полицейское управленіе. Просмотрѣвъ паспортъ, полицейскій чиновникъ къ удивленію Хрущова спрашиваетъ: «Вы Хрущовъ? А гдѣ же другой—Мышкинъ?» Понятно, что Хрущова тутъ же арестовали, а Мышкина вслѣдъ за нимъ розыскали.

Объясняется это вотъ чѣмъ. Забайкальскій обыватель отличается удивительною способностью помнить разъ встрѣтившееся ему лицо. Мышкинъ и Хрущовъ, по выходѣ изъ тюрьмы, не нашли парохода на Владивостокъ; оставаться и ждать парохода на берегу Амура было рисковано. Поэтому они рѣшили купить лодку въ ближайшей станицѣ и плыть въ лодкѣ по теченію Амура, затѣмъ пересѣсть на первый догнавшій ихъ пароходъ по пути во Владивостокъ. Зашли въ станицу, торгуютъ лодку. Казаки не признали ихъ за мѣстныхъ жителей. Начались разспросы,—кто, зачѣмъ попали въ эти края? Что отвѣтили Мышкинъ и Хрущовъ,—не помню теперь; но кончился ихъ разговоръ тѣмъ, что ихъ повели въ станичное управленіе, гдѣ атаманъ спросилъ у нихъ паспорта и прописалъ. Дѣло на этотъ разъ обошлось, какъ будто-бы, благополучно: лодка была куплена, и они уѣхали, а затѣмъ, какъ и рассчитывали, ихъ догналъ паро-

ходъ, на который они пересѣли, бросивъ лодку на произволъ волнамъ амурскимъ и, какъ извѣстно читателю, прибыли во Владивостокъ, сдѣлавъ такимъ образомъ около 3000 верстъ отъ Кары. Когда же въ тюрьмѣ былъ открытъ побѣгъ, то по станциямъ разослали предписание задерживать всѣхъ подозрительныхъ людей.

Изъ той станицы, въ которой Мышкинъ съ Хрущовымъ купили лодку, атаманъ сообщилъ въ тюрьму, что недѣли три тому назадъ въ станицу заходило два подозрительныхъ лица, по виду напоминающихъ государственныхъ преступниковъ, и что предъявленные ими паспорта прописаны въ станичномъ управленіи. Послали въ эту станицу гонца съ карточками 8 бѣжавшихъ. Атаманъ указалъ на карточки Мышкина и Хрущова, причемъ замѣтилъ и то, что Мышкинъ на карточкѣ въ бородѣ, а въ ихъ станицѣ онъ былъ бритый. Такимъ образомъ открыто было, подъ какимъ видомъ скрываются Мышкинъ и Хрущовъ, и—само собою понятно,—объ этомъ дано было знать во всѣ полицейскія управленія по Амуру вплоть до Владивостока. Вотъ почему, когда Хрущовъ явился во Владивостокъ въ полицію, тамъ узнали, что онъ Хрущовъ, и что гдѣ-нибудь тутъ же находится и Мышкинъ. Такимъ образомъ эта несчастная случайность съ лодкой повела къ тому, что побѣгъ, хорошо задуманный и уже приходившій къ благополучному концу, такъ печально окончился.

Отъ Нерчинска до Читы по Забайкальской области насъ провожалъ исправникъ Писаревъ. По его словамъ, онъ сопровождалъ Мышкина и Хрущева изъ Владивостока обратно на Кару. Этотъ исправникъ говорилъ намъ, что конвоировали Мышкина матросы, и что начальникъ конвоя, офицеръ, будто бы сказалъ ему, Писареву, что если-бы Мышкинъ зналъ положеніе вещей во Владивостокѣ, то ему оставалось бы только сѣсть на какую нибудь японскую рыбацью лодку, и онъ бы легко добрался до Японіи, а оттуда всѣ пути предъ нимъ были бы открыты.

Послѣ того, какъ побѣгъ въ Карійской тюрьмѣ былъ обнаруженъ, я, въ числѣ 12 человекъ, былъ переведенъ изъ политической тюрьмы въ Нижне-карійскую, гдѣ просидѣлъ въ одной камерѣ съ Коваликомъ и Студзинскимъ до 1-го іюля. 1-го іюля въ числѣ 8 человекъ былъ обратно возвращенъ въ политическую тюрьму. Въ тотъ же день увели меня въ больницу на слѣдствіе. Слѣдствіе имѣло цѣлью выяснить,—какимъ путемъ попали къ намъ въ тюрьму револьверы, найденные при обыскѣ на чердакѣ. Одинъ уголовный, Соколовъ, заявилъ начальству, что онъ не долго до побѣга былъ свидѣтелемъ такой сцены—будто-бы я давалъ часы больничному старостѣ, причемъ сказалъ: «Вотъ вамъ отъ меня подарокъ! надѣйтесь, что и впредь ваши услуги не останутся безъ вознагражденія».

Меня предупредили чрезъ уголовныхъ Нижне-карійской тюрьмы о таковомъ показаніи Соколова, а также и о томъ, что отвѣтилъ на слѣдствіи больничный староста. Слѣдствіе произво-

*

диль изъ Верхне-Удинска исправникъ Смирновъ, не знаю, на сколько это было вѣрно, отрекомендовавшійся мнѣ состоящимъ въ родствѣ съ профессоромъ Драгомановымъ. Смирновъ напелъ показаніе Соколова незаслуживающимъ довѣрія. Послѣ слѣдствія меня завели въ тюрьму лишь затѣмъ, чтобъ я взялъ свои вещи, и потомъ вмѣстѣ съ Буцынскимъ увели обратно на Нижнюю Кару.

Въ то время, когда я былъ на слѣдствіи въ больницѣ, привезли въ тюрьму Мышкина и Хрущова, такъ что я имѣлъ время только пожать Мышкину руку и обмѣняться съ нимъ шапкою, ибо въ шапкѣ Мышкина были защиты 25 руб., которые онъ посоветовалъ мнѣ взять на всякій случай.

До 15 іюля въ Нижне-Карійской тюрьмѣ сидѣли только мы, 8 человекъ, назначенные къ увозу въ Петербургъ, именно: я, Щедринъ, Гелисъ, Буцынскій, Игнатъ Ивановъ, Кобылянский, Волошенко и Павелъ Орловъ.

17 сентября 82-го года я прибылъ въ Петербургъ и вмѣстѣ съ Ивановымъ и Щедринымъ былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ. Въ 83 году прибыли съ Кары и Мышкинъ вмѣстѣ съ Минаковымъ, Малавскимъ, Юрковскимъ и Долгушинымъ. До 84 года всѣ они содержались въ Трубецкомъ бастионѣ, а весной 84 года Мышкинъ, Богдановичъ, Минаковъ, Златопольскій и Долгушинъ были переведены въ равелинъ, такъ какъ цынга къ этому времени очистила камеры равелина. До смерти Баранникова, умершаго 9-го августа 83 года, я кое-какъ сносился съ тѣмъ крыломъ равелина, куда посадили Мышкина, но послѣ смерти Баранникова, я былъ отдѣленъ отъ этого крыла двумя камерами, при чемъ въ одной изъ нихъ постоянно толклись жандармы, такъ какъ въ этой камерѣ находилась ванна, въ которой мы разъ въ мѣсяцъ мылись. Такимъ образомъ мы не знали, кто занялъ камеры Баранникова, Тетерки и Иванова (Ивановъ былъ увезенъ въ Казань). Мышкинъ же зналъ отъ оставшихся живыхъ въ своемъ крылѣ, что въ 12-мъ № сижу я.

Я сталъ замѣчать, что кто-то, проходя мимо моей камеры на прогулку, непременно каплянетъ. Принявъ это за предупрежденіе о чемъ-то, я сталъ зорко осматривать дворикъ, гдѣ мы гуляли. Въ одинъ день на торцѣ ручки лопаты, данной намъ для перекалыванія песка изъ одной кучи въ другую, я замѣтилъ приклеенную хлѣбомъ записку. Это была записка отъ Мышкина, написанная обожженнымъ концомъ спички, въ которой онъ сообщалъ, — кто сидитъ въ ихъ крылѣ, условился, гдѣ будетъ класть записки, и заключилъ послѣднюю похвалою «Христіанскому чтенію» за то, что оно имѣетъ широкія чистыя поля, удобныя для записокъ. Съ этого времени у меня съ нимъ установилась переписка, какая конечно возможна при помощи обугленной спички и нитки. Быть можетъ способъ переписки при посредствѣ нитки ввести читателя въ недоумѣніе и онъ спроситъ меня, что еще за ниточная переписка? Дергали мы изъ холщевыхъ портянокъ

ствительностью его жизни. Впечатлительная организация натуры, при богато одаренномъ умѣ съ самаго дѣтства могла реагировать только отрицательно на ту обстановку, которая выпала на его долю, какъ на сына кантониста. Вотъ почему, когда онъ вступилъ въ ряды борцовъ 70 годовъ, то рядомъ съ его теоретическими обоснованіями ярко выступило накопленное еще въ дѣтствѣ революціонное чувство, и вотъ почему Мышкинъ всегда и прежде всего реагировалъ чувствомъ на окружающее его. Какимъ былъ всегда, такимъ онъ остался и въ равелинѣ, и потомъ въ Шлиссельбургѣ. Въ первыхъ же запискахъ, писанныхъ имъ мнѣ въ равелинѣ, онъ предлагалъ протестовать противъ жестокаго и незаконнаго обращенія съ нами. Какъ теперь, такъ и тогда было одно средство, къ которому прибѣгали въ борьбѣ съ правительствомъ—это голодовка. Мышкинъ былъ противъ голодовки, какъ средства. «Такой протестъ, писалъ онъ, напоминаетъ мнѣ протестъ некрасовскаго Якова, вѣрнаго холопа примѣрнаго,— казись, молъ, моими страданіями. Нашимъ палачамъ и особенно здѣсь въ равелинѣ наша тихая и спокойная смерть, которую они, строгимъ соблюденіемъ тайны въ этомъ застѣнкѣ, могутъ съ удобствомъ выдать за смерть отъ естественныхъ причинъ, будетъ только на руку. Нѣтъ, я согласенъ и голодать, но вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ бросать, чѣмъ попало, въ нашихъ палачей, будемъ кричать, бить стекло,—кратко, дѣлать все возможное въ этой обстановкѣ, чтобъ нашъ протестъ сталъ извѣстенъ внѣ стѣнъ застѣнка. Пусть насъ перебьютъ. Во всякомъ случаѣ такой протестъ тѣмъ удобенъ, что не останется безъ слѣда въ жизни,— перебьютъ насъ, или уступятъ намъ, т. е. дадутъ намъ книги, свиданія съ товарищами и переписку съ родными». Предложеніе Мышкина я передалъ черезъ Фроленко, сидящаго въ нашемъ крылѣ, Тригони, Морозову, Златопольскому и Исаеву, которыми предложеніе это и было принято; но въ виду надеждъ, что въ этомъ году, быть можетъ, насъ увезутъ въ Сибирь, протестъ былъ отложенъ до осени.

Но 1-го августа насъ увезли не въ Сибирь, а въ Шлиссельбургъ, куда попало въ первую голову наше крыло. Первую партію рассадили внизу, одинъ отъ другого черезъ камеру. Меня посадили въ камеру № 17. Тишина была мертвая. Кромѣ бряцанія кандаловъ на моихъ ногахъ да суетни жандармовъ по корридору, я ничего не слышалъ. На другой день надъ моей камерой справа и слѣва слышался тотъ же звонъ кандаловъ. Я тотчасъ инстинктивно вскочилъ на столъ и сталъ стучать ложкой въ стѣну—«кто?» Справа на мой отвѣтъ ни звука, тамъ въ камерѣ № 28, какъ потомъ ужъ стало извѣстно, когда онъ умеръ въ 88 году, сидѣлъ Арончикъ, помѣшавшійся на томъ, что онъ англійскій лордъ. Потерявъ надежду направо, стучу налѣво. Отвѣтъ былъ: «я—Мышкинъ». — «Отлично, отвѣтилъ ему я, очень радъ, что мы сосѣди!—я—Поповъ». Узнавши о сосѣдствѣ съ Мышкинымъ, я почувствовалъ себя ровно выпущеннымъ на волю. Новая тюрьма,

совсѣмъ неизвѣстная, специально построенная для насъ, въ первые дни пребыванія въ ней, вызывала тяжелыя думы. Думалось, если вызывающіе ужасъ рассказы на волѣ о Петропавловскихъ мѣшкахъ-казематахъ не удовлетворили чувство мести къ намъ Толстого, то значить здѣсь, въ этой камерѣ, я буду окончательно замурованъ и ни одного живого слова не услышу до конца моихъ дней. И вдругъ слышу: «я—Мышкинъ».

Обмѣнялись мы нѣсколькими словами, причемъ Мышкинъ высказалъ свое предположеніе, что прикованныя болтами къ стѣнѣ кровати, вѣроятно, предоставлять намъ удобство для перестукиванія, и мы рѣшили отложить нашъ разговоръ до вечера, когда кровати будутъ спущены. Я горѣлъ желаніемъ поскорѣе дожидаться вечера и провѣрить предположеніе Мышкина. Тѣмъ нетерпѣливѣе я ждалъ провѣрки предположенія, что иначе намъ, сидящимъ въ разныхъ этажахъ, пришлось-бы довольно громко стучать и тѣмъ облегчать задачу жандармовъ—слышать нашъ стукъ. Уже и этотъ нашъ короткій разговоръ не ускользнулъ отъ бдительности жандармовъ, и если Иродъ, которому, я слышалъ, у моей камеры жандармъ докладывалъ, что я стучалъ, отнесся снисходительно,—сказавъ самонадѣянно жандарму: «пу-скай его стучить»—то только потому, что онъ былъ увѣренъ, если не въ невозможности перестукиванія, при размѣщеніи насъ въ шахматномъ порядкѣ, то въ большой трудности. Вечеромъ, какъ только спустили намъ для сна въ кровати, я и Мышкинъ сейчасъ же начали стучать въ раму кровати у болта,—и опытъ блистательно оправдалъ предположеніе Мышкина.

Умъ и сердце Мышкина работали въ томъ же направленіи—протестовать во что бы то ни стало. «Теперь, говорилъ онъ мнѣ, не остается у насъ никакихъ надеждъ на увозъ въ Сибирь, въ который я и раньше не вѣрилъ, и въ которомъ теперь должны разочароваться и тѣ, которые до перевода сюда надѣялись на это. Эта тюрьма—наша могила, мы заживо погребены здѣсь, и чѣмъ скорѣе смерть избавитъ насъ отъ такой жизни, тѣмъ лучше для насъ. Завидую я тѣмъ, говорилъ онъ, кто былъ приговоренъ къ смертной казни и помилованъ. Да, я завидую вамъ, Родіонычъ! Вы имѣете нравственное право заявить нашимъ палачамъ, что вы отказываетесь отъ милости и требуете, чтобы надъ вами былъ исполненъ приговоръ суда. Такого права я не имѣю, но я ставлю ихъ казнить меня, если останется только это средство избавить себя отъ варварской пытки надо мной».

Я съ Мышкинымъ были совершенно отрѣзаны отъ остальныхъ товарищей по заключенію. Вверху направо, какъ я уже сказалъ, сидѣлъ Арончикъ, сумасшедшій. Внизу камера № 16 была занята жандармами, и такимъ образомъ я былъ отрѣзанъ отъ Морозова, сидящаго въ 15 №. Мышкинъ сидѣлъ въ 30 № вверху, налѣво отъ меня; съ нимъ рядомъ въ 31 №, какъ оказалось въ 87 году, сидѣлъ Карауловъ, не отвѣчавшій на стукъ Мышкина.

Пока наши попытки снестись съ остальной тюрьмой терпѣли

неудачу за неудачей, въ одинъ вечеръ послѣ ужина, часовъ около 10-ти, когда тюрьма была закрыта, раздалось пѣніе. Я сейчасъ же узналъ чудный баритонъ Егора Ивановича Минакова, который пѣлъ свою любимую пѣсню:

Я вынести могу разлуку,
Грусть по родному очагу,
Я вынести могу и муки
Жить въ вѣчно празднои тишинѣ,
Но прозябать съ живой душою,
Колодой гнить, упавшей въ илѣ,
Имѣя умъ, расти травою,—
Нѣтъ,—это выше моихъ силъ!

— Это, стучу я Мышкину, поетъ Минаковъ,—я узнаю его голосъ и его любимую пѣсню.

— Нужно поддержать его,—отвѣчаетъ мнѣ Мышкинъ.

Не успѣли мы условиться, какъ намъ поддержать Минакова, какъ загремѣла тюремная дверь въ корридоръ, и явился Соколовъ, слывшій потомъ въ тюрьмѣ, съ легкой руки Лопатина, Иродомъ. Онъ началъ съ того, что открылъ форточку въ камерѣ Минакова, сидѣвшаго на противоположной сторонѣ отъ меня и Мышкина, въ камерѣ № 1-й, и сказалъ ему громко: «если будешь безобразничать, будешь связанъ!» Въ отвѣтъ также громко сказалъ Минаковъ: «убирайся къ чорту, варваръ!»

Форточка хлопнула, Иродъ нервно прошелъ по корридору, заглянулъ въ стекла камеръ внизу, вбѣжалъ по винтовой лѣстницѣ вверхъ, гдѣ, вѣроятно, продолжалъ то же самое. Очевидно, онъ провѣрялъ,—какое впечатлѣніе произвело пѣніе Минакова на обитателей тюрьмы.

Минаковъ продолжалъ пѣть. Окончивъ свое дѣло, Иродъ вновь направился къ камерѣ Минакова. Камера отворилась, Минакова начали вязать. Тогда я и Мышкинъ закричали: «Варваръ! Палачъ!» Я прокричалъ въ этотъ же разъ: «Я требую смертной казни, я отказываюсь отъ этой жестокой милости и требую, чтобъ надо мной былъ исполненъ приговоръ суда». Изъ камеры Минакова послышались слова Ирода—«а, ты еще драться!» И затѣмъ отвѣтъ Минакова: «а что же, ты думаешь, палачъ, я позволю бить себя, не отвѣчая тѣмъ же, пока буду имѣть возможность?» Связавъ Минакова, Иродъ помчался опять наверхъ. Открылась форточка Мышкина, и раздался голосъ Ирода: «Если будешь кричать, подыму койку и будешь спать на голомъ полу!» «Убирайся къ чорту, палачъ!»—отвѣтилъ Мышкинъ. Форточка захлопнулась, Иродъ спустился внизъ, открылъ форточку у меня и сказалъ: «Затѣмъ кричать,—это ни къ чему не поведетъ! Если что нужно,—надо сказать начальству». Я отвѣтилъ ему: «я ужъ сказалъ, что мнѣ нужно, и еще разъ повторяю: передайте кому слѣдуетъ, напримѣръ варвару, вашему министру внутреннихъ дѣлъ, Толстому, что я отка-

зываюсь отъ милости, считая ее жестокимъ издѣвательствомъ надо мною, и требую, чтобы надо мной былъ исполненъ приговоръ суда—смертная казнь».

«Хорошо, я передамъ коменданту; завтра онъ самъ придетъ».

Вообще Иродъ перетрусилъ въ этотъ разъ. Объяснить это новостью для Ирода, неумѣньемъ найтись, какъ быть въ подобномъ случаѣ, конечно было бы наивною съ моей стороны. Потомъ я оцѣнилъ его хорошо и на своей шкурѣ, и по его любимой фразѣ—«я не такихъ усмирялъ!» Да и до протеста Минакова, еще въ равелинѣ, я познакомился съ этой стороны способностей Ирода, когда онъ, замѣтивъ мой стукъ съ Бараниковымъ, ворвался съ жандармами, схватившими меня одинъ за одну, другой за другую руку, чтобъ Иродъ безопасно могъ подойти ко мнѣ и сказать мнѣ только это: «ты не веди со мною борьбы, иначе ты будешь меня помнить!» Только это онъ мнѣ и сказалъ, но по тому, какъ онъ сказалъ, и какъ играла въ это время его физиономія, я вполне понялъ, что предо мною патентованный мастеръ дѣлъ застѣвка.

Въ данный моментъ—самое вѣроятное объясненіе, — онъ еще не имѣлъ полномочій на этотъ счетъ и потому не развернулъ всѣхъ своихъ способностей.

На другой день Иродъ дѣйствительно привелъ ко мнѣ коменданта, которому я повторилъ то, что наканунѣ сказалъ Ироду. На это комендантъ сказалъ:

«Зачѣмъ падать духомъ—не все же будетъ такъ! У нашего Государя милостей много!» Получивъ въ отвѣтъ отъ меня, что я знаю, что такихъ милостей, каковою пользуюсь я, дѣйствительно много, онъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ и ушелъ отъ меня. Минаковъ продолжалъ пѣть, а Иродъ продолжалъ его вязать.

Я и Мышкинъ пришли къ заключенію, что, пока не сговоримся на общій протестъ, единичные протесты не будутъ имѣть такого значенія, изъ-за котораго стоило бы подвергать себя надѣванію горячечной рубахи (въ Шлиссельбургѣ связывали не веревкой, а надѣваніемъ горячечной рубахи). Я прокричалъ черезъ корридоръ Минакову: «Егоръ Ивановичъ! Мы думаемъ, что нужно подождать съ протестомъ въ одиночку, пока не придутъ всѣ къ заключенію, что единственный выходъ изъ нашего положенія или смерть, или добиться болѣе человѣчныхъ условій жизни». На это Минаковъ отвѣтилъ мнѣ такъ: «другіе, какъ хотятъ, я же жить при такихъ условіяхъ не могу и или добьюсь свиданія съ товарищами, книгъ, табаку, переписки съ родными, или умру».

Какъ трудно было намъ на первыхъ порахъ въ Шлиссельбургѣ сноситься между собою, показываетъ то, что когда на меня надѣвали горячечную рубаху за вышесказанныя слова Минакову, я слышалъ крикъ Кобылянского, сидѣвшаго на противоположной сторонѣ вверху—«Долгушинъ, что съ тобой дѣлаютъ, и чего ты добиваешься?» Очевидно, онъ говорилъ по адресу Ми-

накова, принявъ его за Долгушина. Черезъ 2—3 дня Минаковъ прекратилъ пѣть, и я съ Мышкинымъ думали, что Минаковъ тоже пришелъ къ такому же заключенію на счетъ протеста, что и мы. Но мы ошиблись, Минаковъ началъ голодовку. Началъ ли онъ голодовку съ перваго дня протеста, когда пѣлъ, или потомъ,—не знаю. Прошло дней 5—6 съ начала протеста, прихожу я съ гулянья и узнаю отъ Мышкина, что Минаковъ бросилъ въ кого-то чашкой, ибо онъ, Мышкинъ, слышалъ звонъ покотившейся чашки и слова, кѣмъ-то сказанныя Минакову: «за что же ты меня ударилъ,—вѣдь я не сдѣлалъ тебѣ никакого зла».

Оказалось потомъ, что Минаковъ не чашкой бросилъ въ кого-то, а отвѣтилъ пощечиной доктору на заявленіе послѣдняго, что тотъ долженъ кормить его насильно по приказанію. Чашка же покатила по полу потому, что докторъ выронилъ ее изъ рукъ, когда Минаковъ его ударилъ.

Голодовка Минакова прекратилась съ этого дня, и ему, по нашимъ наблюденіямъ, дали кое-что изъ требуемаго, по крайней мѣрѣ, мы слышали, какъ Иродъ, открывая камеру Минакова, каждый разъ распоряжался, чтобы подали то папиросы, то книги.

Спустя недѣлю по прекращеніи Минаковымъ голодовки, часа въ 4 вечера открылась дверь камеры Минакова, и Иродъ сказалъ: «На судъ!» Минаковъ пробылъ въ судѣ часовъ до 10 и былъ приведенъ въ свою камеру. Еще спустя недѣлю меня съ гулянья увели въ старую тюрьму, гдѣ я просидѣлъ до гулянья слѣдующаго дня. Въ 7-мъ часу утра, сидя въ старой тюрьмѣ, я слышалъ залпъ. По возвращеніи въ тюрьму въ свой 17 №, я узналъ отъ Мышкина, что въ 7 часовъ утра былъ казненъ Минаковъ, и что, идя на казнь, онъ прокричалъ въ корридорѣ: «прощайте, товарищи! Меня ведутъ убивать».

Мышкина ужасно мучило то, что на послѣднее прости Минакова никто не отвѣтилъ. «Болѣе всѣхъ я виню себя, говорилъ Мышкинъ. Конечно, объясняется это неожиданностью, незнаніемъ, что Минакова приговорили къ смертной казни, неумѣніемъ сразу найтись. Но все же другіе болѣе, чѣмъ я, могутъ оправдать себя всѣмъ этимъ, такъ какъ многіе, вѣроятно, совсѣмъ не знали, что значилъ крикъ Минакова и какъ нужно было понимать его. А я все же зналъ кое-что и долженъ былъ ожидать казни Минакова. А какъ тяжело было бѣдняку Минакову всходить на эшафотъ съ мыслью, что на его послѣднее прости никто изъ насъ, его товарищей, не откликнулся».

Простучавъ мнѣ это, Мышкинъ бросился къ двери, и я услышалъ: «товарищи! да будетъ всѣмъ намъ стыдно, что мы не отвѣтили на послѣднее прости Минакова. Себѣ я этого никогда не прощу. Какъ тяжело было всходить ему на эшафотъ безъ теплаго сочувственнаго отклика его товарищей. Представьте только это себѣ, и ваша совѣсть также упрекнетъ васъ, какъ моя совѣсть упрекаетъ меня».

Тотчасъ явился Иродъ и прокричалъ Мышкину: «Чего орешь?»

«Почему вы не дали намъ проститься съ Минаковымъ?»—отвѣтилъ Мышкинъ Ироду. «А вы кто такіе?»—заоралъ вновь Иродъ. «Мы люди»,—отвѣтилъ ему Мышкинъ,—«а вы наши палачи!» Форточка закрылась, и этимъ закончился протестъ Минакова.

Дня за 3 до казни Минакова, всѣхъ насъ обошелъ Иродъ съ младшимъ помощникомъ, тѣмъ самымъ Яковлевымъ, который былъ послѣднимъ начальникомъ Шлиссельбургской тюрьмы, при которомъ въ числѣ 8 человѣкъ я вышелъ изъ Шлиссельбургскаго застѣнка. Они опросили насъ,—кто и чѣмъ желаетъ заняться, обѣщали намъ выдать грифельныя доски, занумерованныя тетради и чернила и въ скоромъ времени обѣщали разрѣшить ручныя работы въ камерахъ.

— Напр., какія работы разрѣшать намъ?—спросилъ я.

— Напр.,—отвѣтилъ Иродъ,—плетенье корзинъ, что-ли, а, можетъ, и еще что». На другой день, возвратясь съ гулянья, мы нашли на стѣнахъ камеръ вывѣшенныя инструкціи, въ которыхъ, между прочимъ, обѣщалось для отличающихся хорошимъ поведеніемъ: бесѣды со священникомъ, чтеніе книгъ изъ тюремной бібліотеки, занятія въ камерахъ ручнымъ трудомъ, освѣщеніе камеръ въ неположенное время (послѣдняя изъ льготъ такъ и осталась для насъ загадкой, ибо камеры освѣщались всю ночь) и пр. За нарушеніе порядка въ тюрьмѣ, какъ-то: за пѣніе, крикъ, шумъ, свистъ,—грозили карцеромъ отъ 4 до 8 дней съ лишеніемъ горячей пищи, за болѣе же важныя проступки карцеромъ съ наложеніемъ оковъ отъ 4—8 дней и розги, за оскорбленіе дѣйствіемъ начальства—смертная казнь. Нѣкоторыя льготы дѣйствительно дали, хотя и не сразу, а такъ черезъ мѣсяцъ, два по столовой ложкѣ.

Прежде всего ко мнѣ и Мышкину, въ качествѣ льготы за хорошее поведеніе, пришелъ священникъ. Войдя ко мнѣ онъ спросилъ:

— Желаете ли вы, чтобы я отъ времени до времени посѣщалъ васъ? Я отвѣтилъ, что не имѣю ничего противъ, но долженъ предупредить васъ, что я не признаю русской официальной церкви, такъ называемой православной, и думаю, что представители этой церкви—представители не Бога на землѣ, а покорные слуги русскаго правительства, тѣ же чиновники, только, вмѣсто вицмундировъ, въ рясахъ. Къ Христу же, какъ къ проповѣднику любви и братства на землѣ, отношусь съ полнымъ уваженіемъ.

Затѣмъ я и священникъ сѣли рядомъ на кровати, а Иродъ противъ насъ на скамьѣ.

— А я, началъ священникъ, вотъ что вамъ скажу на вашъ упрекъ намъ, представителямъ русской церкви: если бы вы знали наше положеніе, вы бы не бросили въ насъ камнемъ!

— Знаю я отлично ваше положеніе, батюшка, я самъ—сынъ священника, прошелъ семинарскія мытарства, знаю также и то, что Христосъ показалъ самъ, какъ нужно служить и бороться за Его ученіе о любви и братствѣ.

Оставивъ слова мои безъ возраженія, онъ началъ свою бесѣду со мной такъ:

— Ваше уваженіе ко Христу насъ сближаетъ, и я надѣюсь, что у насъ есть почва для бесѣды.

— Я тоже такъ думаю, батюшка,—отвѣтилъ я.—Но скажите, пожалуйста, думаете ли вы, что при такой обстановкѣ, указывая рукой на Ирода, возможны душевныя бесѣды? Что касается меня, батюшка, то я говорю вамъ вполне искренно, безъ всякаго намѣренія сказать вамъ непріятное, что мнѣ вчужѣ обидно за васъ. Вамъ, священнику, не довѣряетъ ваше правительство, васъ подъ конвоемъ жандармскаго капитана привели ко мнѣ для духовной бесѣды со мной.

Священникъ промолчалъ на мои слова, но Иродъ, очевидно, хотѣлъ вывести его изъ неловкаго положенія и бухнулъ:

— Это не отъ насъ и не отъ священника зависитъ,—намъ, какъ прикажутъ, такъ мы и должны поступать.—Произошло неловкое молчаніе. Иродъ похлопалъ, похлопалъ глазами и, наконецъ, обратясь къ священнику, сказалъ:

— Можетъ, на этотъ разъ, отецъ Іоаннъ, довольно?

Священникъ поднялся, пожалъ мнѣ руку, пожелалъ здоровья и терпѣнія, и со словами:—«такъ я, съ вашего позволенія, буду по временамъ заходить къ вамъ», вышелъ изъ моей камеры.—Послѣ этого священникъ не былъ у меня ни разу.

Такова же, приблизительно, духовная бесѣда со священникомъ была и у Мышкина.

Чтобы покончить со священникомъ, въ видѣ льготы за хорошее поведеніе, я здѣсь же скажу все относящееся къ этому. Лѣтомъ посѣтилъ насъ Оржевскій, въ то время начальникъ корпуса жандармовъ. На вопросъ его,—не имѣю ли я что заявить ему, я спросилъ,—въ какомъ родѣ могутъ быть мои заявленія?

— Исполняютъ ли по отношенію къ вамъ въ точности все то, что разрѣшено въ вашемъ положеніи, напр., бываетъ ли у васъ священникъ?—спросилъ онъ.

— Разъ,—говорю ему,—былъ, но больше не былъ.—Почему, обратился онъ къ Ироду,—батюшка не бываетъ у нихъ?—Да разъ какъ-то былъ онъ у него,—да что батюшка не скажетъ, а онъ все напротивъ, да напротивъ». Оржевскій улыбнулся, я тоже, въ свою очередь, улыбнулся, и тѣмъ кончили мы разговоръ о священникѣ.

Послѣ казни Минакова, Мышкинъ еще больше былъ занятъ мыслями о томъ, какъ устроить сношенія со всѣми товарищами по заключенію и сговориться на общій дружный протестъ. Все бывшее въ нашемъ распоряженіи было использовано въ цѣляхъ этого. Онъ началъ посылать въ корешкахъ книгъ записки, въ той надеждѣ, что, авось, кто-нибудь догадается заглянуть подъ корешокъ и найдетъ тамъ записку. Но черезъ нѣкоторое время я бралъ ту или другую книгу, въ которую онъ вкладывалъ записку, и находилъ записку на мѣстѣ никѣмъ нетронутой.

Мышкинъ съ каждымъ днемъ терялъ надежду на возможность общаго протеста, а теперь п совсѣмъ потерялъ. Все чаще и чаще его разговоръ со мной сосредоточивался на томъ, что онъ видитъ единственный исходъ изъ невыносимаго положенія, изъ положенія, по его словамъ, оскорбляющаго человѣческое достоинство, и этотъ исходъ—смерть. Помню, однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Знаете, о чемъ весь день сегодня я думалъ, Родіонычъ?

— О чемъ?—спросилъ я.

— Я думалъ, какая ужасная тайна—жизнь человѣка! Казалось бы—«ну какая наша жизнь!» Можно ли назвать жизнью наше прозябаніе въ этомъ застѣнкѣ? И однако, я откровенно говорю вамъ: у меня не хватаетъ духа на самоубійство. И сегодня, послѣ долгихъ размышленій на этотъ счетъ, я пришелъ къ печальному выводу—«нѣтъ,—я не могу». Не хотѣлось бы пачкаться съ этимъ ничтожествомъ, нашимъ смотрителемъ, хотя онъ и заправскій палачъ! Да дѣлать нечего, ибо едва-ли когда зайдетъ къ намъ кто-либо изъ высокопоставленныхъ палачей. А, между тѣмъ, единственный путь выйти изъ этого невыносимаго для меня положенія—это параграфъ, обѣщающій намъ смертную казнь за оскорбленіе дѣйствіемъ начальствующаго лица.

Я сталъ все больше и больше замѣчать, что у Мышкина созрѣваетъ какое-то рѣшеніе. Впродолженіе дня онъ все время нервно шагаль изъ угла въ уголъ своей камеры. Однажды я замѣтилъ, что у него былъ докторъ, съ которымъ произошелъ какой-то рѣзкій разговоръ. Чтобы спросить въ чемъ дѣло, я окликалъ его нѣсколько разъ, но за шумомъ своихъ шаговъ онъ не слышалъ моего зова, и только вечеромъ, когда мы улеглись, я спросилъ, что произошло у него съ докторомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что у него подъ мышкой опухоль, и такъ какъ по болѣзни руки онъ не можетъ брать пищу въ форточку, то заявилъ смотрителю, чтобы ему заносили обѣдъ въ камеру. И вотъ явился докторъ освѣдомиться о болѣзни. При осмотрѣ докторъ не сумѣлъ построить безличнаго вопроса и сквозь зубы проронилъ «ты». Я сказалъ ему: «какъ вамъ не стыдно, докторъ! Ну пусть бы сказалъ это солдатъ, указывая на Ирода, сказалъ я, а вы человѣкъ образованный, ужели вы до сихъ поръ не поймете, что ваше обращеніе причиняетъ мнѣ душевной боли гораздо больше, чѣмъ ваше лѣченіе утоляетъ мою физическую боль. Затѣмъ заявилъ ему, чтобы онъ не ходилъ ко мнѣ, если не желаетъ, чтобы я на его оскорбленіе отвѣтилъ оскорбленіемъ».

Подъ Рождество я съ Мышкинымъ всю ночь перестукивались. Это былъ единственный за наше знакомство разговоръ, когда онъ говорилъ мнѣ о своей семьѣ и, главнымъ образомъ, о своей матери. Изъ этого разговора я узналъ, что онъ очень любилъ свою мать, и тутъ же выразилъ свою просьбу, что если онъ умретъ, не увидавшись съ матерью, чтобы я послалъ на имя его брата Гр. Ник. Мышкина письмо матери, въ которомъ бы сообщилъ, что онъ не въ состояніи былъ переживать тѣ оскорбленія, како-

вымъ подвергало его русское правительство, и что умеръ съ мыслями о ней.

Въ 4 часа утра — часъ, когда Иродъ ежедневно появлялся, чтобы заглянуть къ намъ въ камеры, все ли благополучно, — онъ подошелъ къ моей камерѣ, открылъ форточку и сказалъ: если будешь стучать, будешь связанъ! Я ему отвѣтилъ обычнымъ въ такихъ случаяхъ: убирайся къ чорту! Къ Мышкину онъ не зашелъ на этотъ разъ. Въ 7 часовъ утра, во время чая, ко мнѣ въ камеру вошли четыре унтера и стали предо мною, а Иродъ, стоя позади ихъ, сказалъ мнѣ:

— Стучать здѣсь не полагается, и если ты будешь продолжать, то будешь наказанъ.

На что я отвѣтилъ ему:

— Дѣлай ты свое дѣло, но оставь меня въ покоѣ, избавь меня отъ своихъ наставленій.

— Читалъ 6 § инструкции ¹⁾, такъ помни-же! — зарычалъ Иродъ. На это я отвѣтилъ ему тѣмъ, что сорвалъ со стѣны инструкцію и бросилъ ему. Жандармы затопали предо мной ногами, дѣлая видъ, что они готовы къ наступленію. Но Иродъ, сдѣлавъ «ш-ш-ш!» — обычное свое объясненіе съ жандармами въ присутствіи нашемъ, вышелъ изъ камеры, жандармы за нимъ.

Послѣ этого инцидента въ моей камерѣ, Мышкинъ весь день, не переставая, ходилъ по своей камерѣ, и когда я попытался позвать его во время обѣда, пользуясь прекращеніемъ его шаговъ на время обѣда, то онъ отвѣтилъ знакомъ «же» — условнымъ знакомъ, что онъ не желаетъ говорить. Во время ужина въ этотъ же день, 25 декабря, когда открылась камера Мышкина, я услышалъ звонъ тарелки, покотившейся по желѣзнымъ периламъ корридора. Вслѣдъ за этимъ произошла въ камерѣ возня и крики Мышкина: «палачи, разбойники!» Потомъ открылась камера надо мной и туда перенесли Мышкина. Когда дверь закрылась, Мышкинъ простучалъ мнѣ ногою въ потолокъ, что онъ слышалъ, что Иродъ сказалъ мнѣ въ «чай», не отзывался же на мой зовъ изъ боязни, чтобы разговоръ со мной не поколебалъ его рѣшенія сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ.

— «Я бросилъ чашку въ Ирода и сейчасъ связанъ», — сказалъ Мышкинъ.

Связаннымъ Мышкинъ оставался до чая слѣдующаго дня. Въ «чай» къ нему вошли, развязали и дали чай.

Въ 10 ч. 26 декабря его повели на предварительный допросъ, который производилъ комендантъ Покрошинскій.

По возвращеніи Мышкинъ рассказалъ мнѣ, что на допросѣ комендантъ былъ чрезвычайно вѣжливъ съ нимъ, и онъ, Мышкинъ, сказалъ ему, что прибѣгъ къ такому средству, чтобы заставить правительство казнить его, такъ какъ на требованіе — лучше казнить, чѣмъ истязать душу и тѣло, — не обратили вниманія и не

¹⁾ §, въ которомъ инструкция грозитъ розгами.

исполнили до сихъ поръ этого требованія. Что если и въ этотъ разъ его не казнятъ или не перестанутъ съ нимъ поступать такъ, какъ поступали до сихъ поръ, то онъ будетъ добиваться своей казни всѣми возможными средствами.

Послѣ этого Мышкинъ просидѣлъ до 19 января. Такъ что и я, и онъ думали, что дѣло кончится ничѣмъ.

Въ продолженіе этого времени дали парныя прогулки для 6 человѣкъ, именно, Фроленко и Исаеву, Тригони и Грачевскому, Морозову и Караулову; я же на двѣ недѣли былъ лишень прогулокъ.

19 января вечеромъ открылась камера Мышкина, и Иродъ сказалъ ему: «на судъ!» Послѣ этого Мышкинъ уже не возвращался въ тюрьму.

26 января часовъ въ 8 я слышалъ ружейный залпъ.

А 29 іюня я обозвалъ Ирода палачомъ за жестокое обращеніе съ душевно-больнымъ Арончикомъ, за что и былъ уведень въ старую тюрьму, сидѣлъ въ той камерѣ, гдѣ передъ казнью находился Мышкинъ, и на крышкѣ стола прочелъ: 26 января—«я, Мышкинъ, казненъ». Очевидно, надпись сдѣлана за часы, быть можетъ, за минуты до смерти...

Такъ прекратилась жизнь одного изъ выдающихся борцовъ за свободу Россіи, Иполита Никитича Мышкина.

М. Поповъ.

Размолвка съ міромъ ¹⁾).

1.

Я молодъ и во мнѣ горитъ
Огонь высокихъ вдохновеній,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ:
Ты не погибъ для наслажденій!
Но отчего-жъ въ душѣ молодой
Тоска и хладъ ожесточенья
Уносятъ быстро за собой
Мечты прекрасное видѣнье?
Какой-то адъ во мнѣ кипитъ,
И міръ мнѣ скученъ, и проклятье
На всемъ вокругъ меня лежитъ.
А люди, люди мнѣ не братья.
Уже отвыкъ я видѣть въ нихъ
Высокихъ мыслей вдохновенье.
Я тайну сердца ихъ постигъ,
И приговоръ мой былъ—презрѣнье!

2.

Рожденный съ пламенной душою
Высокой доблести, создалъ,
Одушевляемый мечтою,
Я величавый идеалъ;
Мечты моей изображенье,
Я думалъ, въ людяхъ встрѣчу я,
И долго, долго въ ослѣпленьи
Любилъ, холодный міръ, тебя.
Мечталъ: пожертвую для свѣта
Трудами жизни молодой,
Но не нашелъ себѣ отвѣта
Въ толпѣ безумной и пустой.

¹⁾ Настоящее стихотвореніе Н. П. Огарева воспроизводится мною вполнѣ точно съ имѣющейся у меня подлинной рукописи. До сихъ поръ оно не было извѣстно. Принадлежитъ къ ранней эпохѣ (1833 г.) жизни поэта, оно недурно иллюстрируетъ его настроеніе того времени.

Мих. Лемке.

Мнѣ жертвовать? Но ктожъ оцѣнить
Ту жертву? Кто ее пойметъ?
Здѣсь все цѣной безумной цѣнить
Ничтожной выгоды разсчитать.

.....
.....
.....
.....
.....¹⁾

Какая-жъ нужда, что живетъ...
Ничтожной жизнию машины
Которой двигаетъ пружины
Хозяинъ строгою рукой
По злобной прихоти одной? ²⁾
Такъ эгоизмъ преступной силой
Толпы людей разъединилъ
И непробуднымъ сномъ могилы
Души порывы усыпилъ.

3.

Ктожъ виновать, что въ духъ молодой
Прокрался хладъ ожесточенья,
И ненависть съ моей душой
Сдружила горькое презрѣнье?
Кто виновать? Иль свѣтъ, иль я?
Зачѣмъ не быть я въ ослѣпленьи
И было чуждымъ для меня
Его порока униженье?
Я виновать, но правъ ли ты,
Дитя бездушной суеты?!
Ужель милѣй порокъ ничтожной
Душѣ испорченной твоей,
Чѣмъ голосъ чести благородной!
Скажи, ужели онъ милѣй?
Какъ жалокъ ты, какъ низокъ ты,
Дитя бездушной суеты!
Я не люблю тебя, но мщенье
Не движетъ пылкою душой.
Мой приговоръ тебѣ — презрѣнье,
Прощай, бреди своей тропой.

4.

Но съ юныхъ дней моихъ мечтой
Разстаться-ль мнѣ въ самозабвеньи?

1) Въ рукописи точно такое многоточіе.

2) Мнѣ кажется, что «хозяинъ» — это Николай I, «машина» — Россія. Въ 1833—34 году
Огаревъ и Герценъ много думали о свободѣ отъ желѣзнаго гнета «хозяина».

М. Л.

М. Л.

Души безжизненной покой
Избрать — и тоже усыпление,
Вездѣ встрѣчаемое мной,
Поставить цѣлью всѣхъ желаній,
На вѣкъ сокрывъ передъ собой
Прекрасный рой былыхъ мечтаній?
Нѣтъ, нѣтъ, живи, душа моя,
И жаждеть ¹⁾ сильнаго движенія,
И я прерву вокругъ себя
Тяжелый сонъ успокоенія;
И съ оживленною тоской
Повѣрю вновь мечтѣ святой!
Я молодъ и во мнѣ горитъ
Огонь высокихъ вдохновеній,
И тайный голосъ мнѣ твердить:
Ты не погибъ для наслажденій...

Н. Огаревъ.

¹⁾ Очевидно, по ошибкѣ, вмѣсто «жажди».

М. Л.

Отрывки изъ писемъ бывшаго шлиссельбуржца ¹⁾).

...Ты очень интересовалась моей тюремной жизнью, но до сихъ поръ я не имѣлъ возможности удовлетворить твое желаніе, теперь же, пользуясь досугомъ, лучше сказать—такимъ положеніемъ, при которомъ я, скоро уже двѣ недѣли, сижу больной въ четырехъ стѣнахъ, безъ книгъ и безъ общества, словно я сижу въ тюрьмѣ на карцерномъ положеніи, а не живу мирно атбасарскимъ обывателемъ.

Въ 1882 г., по мысли, какъ говорятъ, графа Д. А. Толстого, бывшаго тогда мин. вн. дѣлъ, было рѣшено возобновить въ Шлиссельбургской крѣпости тюрьму для государственныхъ преступниковъ, давнымъ давно упраздненную. Въ то время въ Шлиссельбургской крѣпости помѣщался дисциплинарный батальонъ. Его оттуда перевели и приступили къ работамъ, которыя и были доведены до конца лѣтомъ 1884 года.

Первый контингентъ шлиссельбургскихъ заключенныхъ доставили *содержавшіеся въ Петропавловской крѣпости* (главнымъ образомъ, содержавшіеся въ Алексѣевскомъ рavelинѣ) на каторжномъ положеніи, народовольцы, осужденные по процессамъ 82 и 83 годовъ, и *карійцы*, привезенные изъ Сибири: ихъ привезено было всего 14 человекъ; въ сентябрѣ 1882 г.: 1. Щедринъ, 2. Поповъ, 3. Игнатъ Ивановъ, 4. Буцинскій, 5. Геллисъ, 6. Кобылянский, 7. Волошенко, 8. Орловъ; и лѣтомъ 1883 года остальные шесть: 9. Мышкинъ, 10. Юрковский, 11. Минаковъ, 12. Крыжановскій, 13. Долгушинъ, 14. Малавскій.

Изъ первой партіи трое (Щедринъ, Поповъ и Ивановъ) были посажены въ Алексѣевскій ravelинъ, остальные же 5 (Буцинскій, Геллисъ, Кобылянский, Волошенко, Орловъ)—въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости.

Вторая же партія была помѣщена сначала цѣликомъ въ Трубецкой бастіонъ.

Говорятъ, что выборъ этихъ лицъ было предоставлено сдѣлать Судейкину, который и отобралъ своихъ знакомыхъ по южнымъ процес-

¹⁾ Писма написаны П. С. Поливановымъ въ первые дни по прибытіи въ станицу Атбасаръ, Аемоланской области, куда онъ былъ препровожденъ послѣ освобожденія изъ Шлиссельбургской крѣпости, въ которой провель 18 лѣтъ. Передъ Шлиссельбургомъ 2 года онъ пребылъ еще въ Алексѣевскомъ ravelинѣ Петропавл. крѣпости. Воспоминанія П. С. Поливанова объ Алек. раз. напечатаны за границей. Здѣсь печатаются отрывки изъ нѣсколькихъ соединенныхъ выѣстъ писемъ.

самъ, а къ нимъ еще прибавилъ Мышкина и Долгушина, изъ которыхъ первый былъ, кромѣ побѣга, преданъ суду еще и за возмутительнаго содержанія рѣчь, сказанную имъ въ церкви иркутскаго острога на похоронахъ Дмоховскаго, а Долгушину набавили 15 лѣтъ за пощечину, данную имъ смотрителю краснойрской тюрьмы.

Игнатъ Ивановъ сошелъ съ ума въ Алексѣевскомъ равелинѣ и былъ увезенъ (въ сентябрѣ 1883 г.), послѣ посѣщенія тюрьмы Оржевскимъ и Ганецкимъ (іюль 1883 г.) въ казанскую лечебницу, откуда его, все еще больного, привезли въ октябрѣ 1884 г. въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и доканали..

Волошенко и Орловъ были увезены совершенно больные (цынгой) обратно въ Сибирь.

Остальные же 11 человекъ карійцевъ вошли въ составъ первыхъ обитателей Шлюшина¹⁾, вмѣстѣ съ 11 же народовольцами изъ Петропавловской крѣпости, такъ что при открытіи тюрьмы въ нее были посажены 22 человекъ.

...Насъ перевезли изъ Петропавловки въ Шлиссельбургъ въ два приѣма: 12 человекъ—2 августа 1884 г., остальныхъ же 10 человекъ—4 августа. Для перевозки былъ построенъ особаго рода ковчегъ, который буксировался пароходомъ петербургской рѣчной полиціи. Въ этомъ ковчегѣ вдоль каждаго борта было построено по 6 чулановъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга пустымъ пространствомъ, равнымъ ширинѣ чулана, и чуланы эти были расположены въ шахматномъ порядкѣ, такъ что чулану на одной сторонѣ баржи соотвѣтствовало пустое пространство на другой, и обратно.

Въ глубокую ночь насъ выводили²⁾ по одиночкѣ, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, сажали въ карету, гдѣ находились 2 жандармскихъ унтеръ-офицера и Соколовъ (alias „Иродъ“, см. „Алексѣевскій равелинъ“) и везли къ Невскимъ воротамъ, гдѣ ждалъ цѣлый рой синихъ мундировъ, нижнихъ чиновъ и самъ комендантъ Петропавловской крѣпости — Ганецкій. Высаживаемыхъ изъ кареты арестантовъ сейчасъ же хватали за руки два дюжихъ унтера и вели къ сходямъ ковчега, гдѣ опять встрѣчала цѣлая толпа жандармовъ, подхватывавшая подъ руки и спускавшая по лѣстницѣ, внизу которой ждали уже новые церберы, которые быстро тащили каждаго въ назначенный ему чуланъ.— Путешествіе это столь оригинально, что заслуживало бы болѣе подробнаго описанія... Процедура эта занимала очень много времени, и ковчегъ тронулся въ путь часовъ въ 7 утра и тащился до Шлиссельбурга часовъ 8.

По прибытіи, столь же торжественнымъ образомъ, начиналась высадка и препровожденіе въ тюрьму, само собою разумѣется, поодиночкѣ, что заняло не мало времени. Когда меня вывели на палубу, я замѣтилъ...³⁾ надпись „Государева“, группу какихъ-то штатскихъ, среди которыхъ, какъ я потомъ узналъ, былъ и самъ графъ Д. А. Тол-

¹⁾ Шлиссельбургъ.

²⁾ Изъ Алекс. рав. Петр. крѣп.

³⁾ Не разобрано нѣсколько словъ.

стой. Каждого изъ насъ отъ воротъ до самой камеры сопровождало множество жандармовъ. Введя въ камеру, снимали наручники и производили самый тщательный обыскъ, раздѣвъ до гола. Затѣмъ, дверь захлопывали, и вся эта орда отправлялась на пристань за новыми заключенными.

На другой день выводили на дворъ тюрьмы, гдѣ была поставлена наковальня и находился кузнецъ (одинъ изъ шлиссельбургскихъ жандармовъ) съ молотомъ и зубиломъ.

Тюрьма была совершенно новая, съ иголки, и имѣла весьма щеголеватый видъ: все блеститъ, все лоснится, нигдѣ ни соринки, ни пылинки, но я, право, предпочиталъ допотопныя камеры Алексѣевского равелина, съ которыми я сжился, съ которыми было связано столько личныхъ и историческихъ воспоминаній. Эта официальная чистота и однообразіе носили такой казарменный, монотонный характеръ, что не могли изгладить мысли, невольно возникавшей въ головѣ каждого: „это мой гробъ!“..

Бѣлье было изъ той-же убійственной дерюги, какую мы носили въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Только послѣ 3 — 4-й стирки оно становилось удобоносимо и не рѣзало, не кололо тѣла. Платье было обычное, арестантское, изъ сермяжнаго сукна, самаго низшаго достоинства (шапка, армякъ, куртка, штаны), которое очень мало защищало и отъ холода, и отъ сырости. Я сказалъ „обычное“ арестантское платье, но скорѣе бы нужно было сказать „необычное“. До 1888 г. насъ одѣвали въ какіе-то шутовскіе костюмы: на шапкѣ были вшиты крестъ-на-крестъ двѣ черныя полосы, а у сѣрой куртки вшиты черныя рукава. Говорили мнѣ, что такой костюмъ гдѣ-то полагается носить „отцеубійцамъ“. — Не пришли-ли эти черныя рукава по мысли Петра Николаевича Дурново, чтобы дать почувствовать весь ужасъ 1 марта, всю глубину преступности людей, лишившихъ жизни отца русскаго народа?..

Постельное бѣлье было тонкое, какъ и въ Алексѣевскомъ равелинѣ, одѣяло байковое, новое, совершенно приличное. Къ камерѣ оказалась, сверхъ ожиданія, вещь, считающаяся необходимой въ человѣческомъ обиходѣ, а именно — кусокъ *мыла*, котораго намъ не давали въ Алексѣевскомъ равелинѣ, а затѣмъ, скорѣе явился новый, пріятный сюрпризъ: часа въ 4 мнѣ дали кружку *чаю* и кусокъ *сагару*. Почти два года я его не пилъ,—этой роскоши въ Алексѣевскомъ равелинѣ не полагалось,—и для меня было большимъ наслажденіемъ умыться по-человѣчески, съ мыломъ, и выпить потомъ горячаго и крѣпкаго чаю, который въ первый разъ оказалъ на меня очень сильное дѣйствіе: достаточно было одной кружки, чтобы вызвать сердцебіеніе и большую испарину.

Нашей тюрьмой завѣдывало жандармское Управленіе Шлиссельбургской крѣпости, состоявшее изъ начальника управленія (комендантъ), въ то время ¹⁾ полковника Покрошинскаго; старшаго помощника (смотритель),—капитана Соколова ²⁾, и младшаго помощника (экономъ),

¹⁾ Въ 1884 году.

²⁾ Онъ-же по прозванію заключенныхъ, „Иродъ“, бывшій смотритель Алексѣевскаго авелина и переведенный вмѣстѣ съ заключенными въ Шлиссельбургскую крѣпость въ 1884 г.

поручика Яковлева,—нынѣ (въ 1902 г.) уже полковникъ и комендантъ Шлиссельбургской крѣпости...

...Шлиссельбургская крѣпость находится на небольшомъ островѣ, лежащемъ у истока Невы изъ Ладожскаго озера, что представляетъ, такимъ образомъ, удобство въ смыслѣ изоляціи государственной тюрьмы, какое трудно найти при иныхъ условіяхъ. Связь съ городомъ совершается на катерѣ, стоящемъ не у крѣпости, а у городской пристани. Катеръ ходитъ въ опредѣленные часы, а въ случаѣ какой либо экстренной надобности, вызывается сигнальнымъ флагомъ. Зимой сообщеніе совершается по льду, но рукавъ Невы между крѣпостью и городомъ имѣетъ столь быстрое теченіе, что не замерзаетъ иногда всю зиму. Во всякомъ случаѣ сообщеніе по льду продолжается не болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году, да и тогда сношенія крѣпости съ внѣшнимъ міромъ подвергаются строгому и бдительному контролю.

Какъ я уже сказалъ выше, крѣпость и находящаяся въ ней тюрьма находятся въ вѣдѣніи жандармскаго управленія Шлиссельбургской крѣпости, которое состоитъ изъ 1) начальника управленія (комендантъ), 2) старшаго помощника (смотритель), 3) младшаго помощника (экономъ), 4) начальника команды, и 5) помощника начальника команды, младшаго офицера.

Два послѣднихъ офицера не имѣли никакого отношенія къ заключеннымъ, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, при отсутствіи обоихъ помощниковъ коменданта, одинъ изъ нихъ,—обыкновенно, младшій офицеръ,—временно назначался въ тюрьму.

Первые три лица составляютъ тюремный комитетъ, на засѣданія котораго могутъ быть приглашены врачъ и священникъ, но лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Въ сущности, всѣми дѣлами вѣдаетъ начальникъ управленія, а прочія лица являются лишь исполнителями.

Докторъ, носящій званіе старшаго врача шлиссельбургскаго жандармскаго управленія, живетъ въ крѣпости, но священникъ живетъ въ городѣ, откуда и призывается для совершенія службъ въ крѣпостной церкви, куда заключенные доступа не имѣютъ. Одно время былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ церкви гдѣ нибудь въ предѣлахъ тюремной территоріи, специально для заключенныхъ; стали было даже составлять планы и чертежи, но такъ какъ изъ заключенныхъ не нашлось ни одного охотника ходить въ церковь, и постройка послѣдней явилась бы поэтому несообразной, то проектъ этотъ былъ отложенъ.

Кромѣ врача имѣется и фельдшеръ, но больницы нѣтъ, да въ сущности, вся тюрьма, особенно въ старые годы, представляла изъ себя больницу, такъ какъ изъ заключенныхъ нѣтъ ни одного вполне здороваго человѣка...

Пѣшая жандармская команда, числомъ около 110 человѣкъ, занимается лишь внѣшніе посты и не имѣетъ прямого отношенія къ заклю-

Прозваніе свое получилъ за жестокое обращеніе и безсердечіе. Уволенъ отъ должности послѣ самоубійства Мих. Фед. Грачевскаго, обливаго себя керосиномъ изъ лампы въ октябрѣ 1887 г. въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости.

ченными. Часовымъ вѣнено въ обязанность слѣдить со стѣнъ за заключенными во время гулянья, главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы надзиратели не вели разговоры съ заключенными, и о всемъ, что имъ покажется подозрительнымъ, они докладываютъ своему начальству. Вообще система взаимнаго наблюденія и шпіонство доведены въ крѣпости до крайнихъ предѣловъ, иногда даже становятся въ противорѣчіе съ понятіями о воинской чести и дисциплинѣ. Строго, напр., соблюдается правило, чтобы никто не могъ говорить съ заключенными съ глазу на глазъ. При посѣщеніи доктора должны присутствовать два унтеръ-офицера; смотритель говорить съ заключенными обязательно въ присутствіи вахмистра и офицера изъ дежурныхъ; начальникъ управления приходитъ вмѣстѣ съ смотрителемъ и, конечно, съ вахмистромъ и съ кѣмъ нибудь изъ унтеровъ.

Такой порядокъ вещей, когда нижнему чину вѣняется въ обязанность слѣдить за своимъ начальникомъ, офицеромъ, и доносить обо всемъ, что ему, солдату, покажется нарушающимъ долгъ службы, дѣйствуетъ деморализующе.

Однажды унтеръ-офицеръ Блиновъ взялъ за рукавъ штабъ-ротмистра Степанова со словами: „ваше б—діе, пожалуйста изъ камеры!“ когда этотъ послѣдній, зайдя къ Сергѣю Иванову, завелъ съ нимъ разговоръ о постороннихъ предметахъ и назвалъ одного изъ товарищей не номеромъ, а по фамиліи.

Изъ числа нижнихъ чиновъ пѣшей команды, 7 составляютъ нестроевую команду. На обязанности этихъ солдатъ лежитъ приготовленіе пищи на арестантской кухнѣ, топка печей въ старой и новой тюрьмахъ, уборка тюремъ и тюремнаго двора и другія хозяйственныя работы.

Тюремными надзирателями служатъ унтеръ-офицеры. Старшій изъ нихъ — вахмистръ — обязанъ присутствовать въ тюрьмѣ все время, съ утра до ночи, остальные дежурятъ по 9 человекъ въ день. Изъ числа унтеровъ, трое (унтеръ-офицеръ, завѣдующій работами, унтеръ-офицеръ, завѣдующій кухней, и вахтеръ) — не ходятъ на дежурства и назначаются лишь въ случаѣ крайней необходимости.

Всѣ унтера получаютъ очень хорошее жалованье (30 руб., а вахмистръ 35 руб., при казенной квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи, обмундированіи), крайне дорожатъ своимъ мѣстомъ и принимаютъ на службу съ большимъ разборомъ. Всѣ они или служили раньше и подолгу въ жандармскомъ управленіи (или (большею частью) пробыли предварительно нѣсколько лѣтъ унтерами въ пѣшей командѣ.

...День въ тюрьмѣ начинается раздачей кипятку около 7 часовъ утра. Въ 8 начинаютъ водить на прогулку, наблюдая, чтобы выпускали одного за другимъ, не такъ какъ прежде ¹⁾, когда вахмистръ отворялъ

¹⁾ Написано въ 1902 г., когда въ Шлиссельбургской тюрьмѣ были опять введены стѣсненія и отняты льготы, которые были въ предыдущіе годы завоеваны заключенными. Всецѣло предоставленные произволу тюремщиковъ, лишенные всего, чѣмъ пользуются даже самые преступные уголовные каторжане, — шлиссельбургскіе узники боролись за пріобрѣтеніе каждаго, самаго маленькаго „права“: права на чтеніе, права на очки, права на совѣстную съ товарищемъ прогулку и т. д. — все это добывалось дорогой цѣной: цѣной здоровья, часто — жизни... Послѣ самоубійства Грачевскаго — увольненъ „Иродъ“, немного смягчегъ режимъ; голодовками — добивались совѣстныхъ прогулокъ и т. д.

подрядъ всѣ камеры, предоставляя заключеннымъ полную свободу передвиженія. Гуляютъ въ огородахъ, клѣткахъ и на старомъ дворѣ по двое (ранѣе на дворѣ было разрѣшено гулять вчетверомъ, фактически же тамъ гуляли всѣ вмѣстѣ).

Маленькій задній дворъ около старой тюрьмы, отданный въ наше распоряженіе въ 1898 г., гдѣ мы насадили ягодные кусты, яблони, развели клубнику и сдѣлали гряды для овощей, весной 1902 г. былъ изъятъ вмѣстѣ со старой тюрьмой—„сарай“ изъ нашего владѣнія, и на этомъ дворѣ казненъ Балмашевъ ¹⁾.

Старая тюрьма—„сарай“ съ 1891 г. была отдана подъ мастерскія, теперь же ²⁾ мастерскія оттуда вынесены и работать приходится въ новой тюрьмѣ, гдѣ въ прежніе годы въ нижнемъ этажѣ нѣсколько камеръ было отведено для производства такихъ работъ, которыя не сопровождаются стукомъ и грохотомъ, какъ напр. токарныя, переплетныя работы; теперь же, когда „сарай“ закрытъ, работы фактически прекратились, ибо, по признанію самой тюремной администраціи, онѣ въ новой тюрьмѣ невозможны, потому что здѣсь нѣтъ мѣста, гдѣ можно складывать матеріалъ, нѣтъ кухни, гдѣ можно варить клей и клейстеръ, наконецъ,—при запираніи камеръ во время работъ, нельзя дѣлать крупныхъ вещей (шкафы и проч.), которыя собирались въ корридорѣ „сарая“. Занятія работами, такимъ образомъ, сводятся къ очень небольшому. Огородныя работы тоже сильно стѣснены новыми порядками, и нѣкоторые заключенные бросили въ этомъ году парники, ибо, при соблюденіи правила, чтобы болѣе двухъ человѣкъ одновременно на дворѣ не было, физически невозможно всѣмъ желающимъ и имѣвшимъ прежде парники вести это дѣло. Закрытіе старой тюрьмы, куда, между прочимъ, складывали на зиму овощи и ставились цвѣты не зимующіе въ грунтѣ, повлекло за собой и сокращеніе цвѣтоводства и производства гербаріевъ, которыхъ въ прошломъ году (1901) было сдѣлано болѣе 150. Притомъ составленіе гербаріевъ, минералогическихъ коллекцій, теперь стало безцѣльнымъ, такъ какъ сбывать ихъ стало некуда.

Такимъ образомъ, мы теряли одно за другимъ все то, что хоть нѣсколько скрашивало жизнь и наполняло существованіе...

Относительно газетъ было сказано прямо, что ихъ, даже за старые годы, допустить нельзя, а самое допущеніе журналовъ за истекшій годъ представляло, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ „такую большую льготу, какой нѣтъ въ другихъ тюрьмахъ“. Въ пищевомъ

¹⁾ И Коляевъ.

²⁾ Написано въ 1902 г. Старая тюрьма была отремонтирована для новой партіи заключенныхъ, поступившихъ за послѣдніе годы. Новичковъ все время держали изолированно отъ заключенныхъ въ большой тюрьмѣ, и льготы, полученныя послѣдними, не распространялись на вновь поступившихъ, такъ, напр., совместныя работы, прогулки. Только послѣ отъѣзда изъ Шлиссельбургской тюрьмы послѣдней партіи, освобожденныхъ послѣ 20—25 лѣтняго заключенія, узниковъ, были переведены въ „новую“ тюрьму Гершуни и Мельниковъ, Сазоновъ же и Сикорскій были до самаго послѣдняго времени въ старой тюрьмѣ, „чистилищѣ“, какъ ее прозвали заключенные.

режимъ измѣненій пока нѣтъ. Оставили также, хотя не безъ попытки отнять, еженедѣльную ванну. Въ обращеніи пока перемѣнъ тоже нѣтъ, да въ этомъ отношеніи нечего бояться: начальство хорошо знаетъ, что есть вещи, которыхъ шлиссельбуржцы ни въ какомъ случаѣ терпѣть не станутъ, а попытка вернуться къ „Иродовымъ“ временамъ встрѣтитъ отпоръ, доходящій до жертвъ жизнью“...

П. С. Поливановъ.

1902 г. Октябрь.
Атбасаръ.

Кошмаръ.

Сыро, пасмурно, дождь моросить цѣлый день,
Наводя отупѣнье и скуку.
Я не въ силахъ читать, даже думать мнѣ лѣнь,
Даже трудно подвинуть мнѣ руку.

Я упорно на тучи гляжу, что висятъ
Низко, низко надъ самой землею,
А въ душѣ у меня смутныхъ образовъ рядъ
Проторенной проходить стезею;

И не знаю я самъ, что творится во мнѣ:
Вспоминаю ли снова бывшее?
Иль грядущаго тѣни въ нѣмой тишинѣ
Омрачаютъ сознание больное?

Только чувствую я, что даетъ въ немъ ростокъ
Горькихъ думъ ядовитое сѣмя,
И угрюмыхъ, туманныхъ видѣній потокъ
Давить грудь, какъ свинцовое бремя.

Я не въ силахъ словами тоску передать,
Тотъ болѣзненный рядъ ощущеній,
Что имѣетъ зловѣщую власть—вызывать
Появление постылыхъ видѣній...

Въ чемъ ихъ сущность—понять я не могъ,
И не разъ становилось ужасно,
Если чувствовалъ я, что мой умъ изнемогъ,—
Но старался постичь ихъ напрасно:

Такъ неясны, расплывчаты, смутны они,
Такъ безформенно ихъ колыханье,
Какъ сливается осенью въ тусклые дни
Сѣрыхъ тучъ въ небесахъ очертанье.

Иногда я страшусь: не схожу ли съ ума?
Что за призраки дикіе вижу?...
О, проклятая, душная, мглистая тьма!
Какъ я жгуче тебя ненавижу!

Но приходитъ пора, ты надвинулась вновь,
И, подкравшись ко мнѣ невидимкой,
Появленьемъ своимъ леденишь мою кровь,
Застилаешь сознание дымкой.

Я во власти твоей, цѣпенѣтъ мой умъ,
Сердце замерло, скованы руки,
Только слышу я вѣтра подавленный шумъ,
Иль дождя монотонные звуки.

Такъ проходятъ минуты, проходятъ часы,
И сильнѣе все крѣпнеть желанье,
Чтобы время фатальнымъ ударомъ косы
Пересѣкло и жизнь, и страданье!...

П. С. Поливановъ.

Шлиссельбургская крѣпость.
1899 г.

Памяти Л. А. Волкенштейнъ.

Жить для другихъ и умереть за другихъ—завидная доля!

10-го января во Владивостоки, во время волненій среди матросовъ, была убита Людмила Александровна Волкенштейнъ. Не розами была усыяна жизненная дорога покойной Л. А., она была полна страданій, лишеній и душевныхъ мукъ за обиженныхъ и обездоленныхъ. Личная жизнь сулила ей личное счастье и лучшую долю, но она избрала житейскіе терніи. Она отказалась отъ счастья, довольства и роскоши, потому что не могла видѣть, какъ страдаютъ, голодаютъ миллионы тѣхъ, которые создаютъ эту роскошь и блескъ, а сами гибнуть въ невѣжествѣ, нищетѣ и безправіи. На борьбу съ этимъ вопіющимъ зломъ она отдала всѣ свои силы, свою жизнь. 16 лѣтъ Л. А. была уже въ гимназическомъ кружкѣ въ Кіевѣ, мечтая о томъ, какъ, кончивъ гимназію и изучивъ фельдшерство, отправится въ деревню облегчать страданія крестьянъ, займется мирной проповѣдью гуманныхъ идей. По натурѣ Л. А. никогда не была террористкой. Ея нѣжное сердце, чуткая душа боялась крови. Но уродливыя общественныя условія, жестокія гоненія постоянно толкали ее на этотъ путь. Чрезъ нѣсколько лѣтъ ея прекрасныя мечты о мирной, культурной работѣ были разбиты преслѣдованіями и принудили переѣхать въ г. Харьковъ, гдѣ она поселилась въ качествѣ хозяйки конспиративной квартиры. Предательство Гольденберга заставило ее покинуть Россію и переселиться во Францію. Проживъ почти 3 года за границей, она снова вернулась на родину, думая отдаться работѣ, отъ которой оторвала ее суровая дѣйствительность. Но и въ этотъ разъ благому порыву не суждено было осуществиться. Въ списокѣ лицъ, подлежащихъ преслѣдованію и травлѣ, стояло и ея имя, департаментъ «слова и дѣла» подстерегалъ ея возвращеніе, чтобы съ неумолимой жестокостью отмстить, и она была арестована въ С.-Петербургѣ въ 83-мъ году. Военный судъ приговорилъ ее къ смерти, замѣненной 15 л. каторгой, но администрація, найдя этотъ приговоръ слишкомъ гуманнымъ, отправила ее въ Шлиссельбургскую крѣпость. О томъ, какъ жилось въ этой крѣпости, въ этой живой могилѣ, писала и сама Л. А. Но и здѣсь она оставалась вѣрной себѣ, и здѣсь, не смотря на жестокій режимъ, который могъ убить въ человѣкѣ все человѣческое, Л. А. сохранила и свою чуткость, и отзывчивость, и гордость благороднаго узника. Никакихъ колеба-

ній, никакихъ жалобъ не вызывали въ ней тюремныя невзгоды и притѣсненія. Она всегда вступалась за другихъ, какъ только узнавала о несправедливостяхъ тюремщиковъ къ другимъ, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ тюремныхъ протестахъ, не останавливаясь ни предъ какими лишеніями. Вмѣстѣ съ В. Н. Фигнеръ онѣ подняли протестъ о допущеніи свиданій для всѣхъ заключенныхъ товарищей, отказавшись отъ такихъ льготъ, пока требованіе ихъ не будетъ удовлетворено, и такимъ образомъ лишили себя свиданій до 89 г. Позже, когда генераль Шебеко, посѣтивъ тюрьму, наговорилъ дерзостей нѣкоторымъ изъ товарищей и явился вторично къ Л. А. съ сообщеніями о матери,—грубый администраторъ рассчитывалъ поиграть на дорогомъ, святомъ чувствѣ и тѣмъ загладить свою дикую выходку, зная, какъ дороги были для каждого изъ узниковъ извѣстія о родныхъ, дорогихъ лицахъ,—она отказалась выслушать его и почти выгнала изъ камеры.

Въ ноябрѣ 96 года къ нѣкоторымъ изъ товарищей, въ томъ числѣ и къ Л. А., былъ примѣненъ манифестъ. Л. А. приняла его съ такою грустью, съ такою болью, что многіе опасались за нее.

— Нѣтъ, я чтонибудь сдѣлаю, чтобы остаться здѣсь. Я не могу: однихъ увозятъ, другихъ оставляютъ здѣсь,—говорила она.

— Пусть хоть ктонибудь выйдетъ, тѣмъ всѣмъ погибать,—возражали ей друзья.

— Но не я. Я не могу. Это несправедливо.

— Тебя все равно не оставятъ, силою увезутъ.

Стоило не мало труда отговорить ее отъ попытки остаться. Все время въ ожиданіи увоза, Л. А. чувствовала себя какъ бы измѣницей своимъ товарищамъ, какъ будто ея увозъ совершался по ея волѣ, по ея желанію.

— Живя здѣсь съ нами,—ты никому никакой пользы не принесешь, а только отягчишь наше сознаніе. Тамъ же, въ ссылкѣ, можешь быть полезной, можешь работать, помогать,—убѣждали ее товарищи.

И дѣйствительно, очутившись на Сахалинѣ, среди уголовныхъ поселеній, гдѣ царилъ административный произволъ, жестокости и развратъ, она нашла примѣненіе своимъ силамъ. Здѣсь Л. А. отдалась любимому своему занятію—фельдшерству и скоро приобрѣла любовь поселенцевъ не столько, можетъ быть, своей медицинской помощью, сколько заступничествомъ за обиженныхъ. Вотъ какъ она характеризовала окружающія условія въ одномъ изъ писемъ.

«Уже второй годъ живу здѣсь, фельдшерствую. Больныхъ много, но больные страдаютъ не столько отъ болѣзней, сколько отъ жестокостей администраціи. Здѣсь каждый сторожъ, надзиратель—и царь и богъ по своей власти, и дикій звѣрь по своей безсердечности, неумолимости. Малѣйшій поступокъ уголовныхъ наказывается розгами; а знаешь, что значить здѣсь поступокъ? Поприветствуй жена уголовного какомунибудь «сторожу», вотъ и по-

ступокъ. Не проходитъ у меня дня безъ исторій. Веду съ А. А. (мужъ Л. А.) отчаянную борьбу съ начальствомъ. Стараемся уговаривать, доказывать. Какъ бываешь счастлива, когда удастся кого нибудь освободить отъ тѣлеснаго наказанія! Уголовные здѣсь тоже не мало испорчены. Но порчу эту я всецѣло приписываю администраціи: она крайне несправедлива, черезчуръ жестока и своевольна. Страшно устаю, задыхаюсь въ этой ненормальной атмосферѣ. Хотѣлось бы отдохнуть. Скоро, можетъ быть, переведутъ въ Александровскій постъ». Но не на радость было это перемѣщеніе. Здѣсь условія оказались еще хуже: почти каждый день кого либо изъ уголовныхъ наказывали розгами и истерзанныхъ арестантовъ приносили въ больницу, гдѣ служила Л. А. Въ Александровскомъ посту, какъ въ центрѣ острова, жестокость администраціи концентрировалась, проявляясь въ самыхъ широкихъ и безпощадныхъ формахъ; она до глубины души возмущала Л. А. И здѣсь началась борьба съ администраціей, жившей традиціями варварскихъ временъ, смотрѣвшей на уголовныхъ, какъ на предметы, о которые и можно и должно измочаливать розги. Сахалинская администрація, бичуя спины несчастныхъ уголовныхъ, въ преступленіяхъ которыхъ она была виновата, можетъ быть, больше, чѣмъ уголовные, бичевала въ то же время благородную, самоотверженную душу Л. А. Освободивъ ее изъ шлиссельбургскаго склепа, мстительное правительство показало ей жизнь въ самомъ ужасномъ разнообразіи сахалинскихъ порядковъ. Даже средне-вѣковые нравы были человѣчнѣе.

«Наконецъ-то я переѣзжаю съ Сахалина во Владивостокъ,— писала Л. А.: какъ я рада, что освобожусь отъ здѣшнихъ ужасныхъ, раздирающихъ душу картинъ. Не буду видѣть изсѣченныхъ до мяса спинъ, почернѣвшихъ отъ боли лицъ. Это что-то нечеловѣческое. Поздравь меня, В..! Я измучилась. Пора отдохнуть, силъ нѣтъ продолжать такую жизнь». Это письмо было какимъ-то сплошнымъ воплемъ измученнаго добраго сердца, сердца, полного любовью къ людямъ, сочувствіемъ къ ихъ страданіямъ и горю, это письмо было въ то же время полно надеждъ, что близокъ конецъ душевнымъ мукамъ, скоро настанетъ отдыхъ. Но русскія темныя силы могли дать этотъ желанный отдыхъ, только пославъ его съ солдатской пулей.

Отдыхай, милый другъ! Добрая память, товарищъ-страдалецъ! Въ могилѣ не коснется, не нарушитъ твоего тихаго отдыха жестокая рука земныхъ владыкъ, гонителей всего свѣтлаго, разумнаго, человѣческаго!...

В. Панкратовъ.

Рѣчь Н. Ф. Бунакова, произнесенная имъ 26 августа 1902 г. въ засѣданіи Воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ с.-х. промышленности.

Рѣчь Н. Ф. Бунакова и обрушившіяся на него въ ея результатѣ репрессіи должны быть сохранены въ памяти потомства въ качествѣ яркой иллюстраціи самодержавнаго режима Плеве. Рѣчь эта,—какъ читатель можетъ убѣдиться самъ,—рѣчь въ высшей степени «умѣренная», ничего «возбуждающаго» въ себѣ не заключающая и лишь рисующая правдивыми красками то положеніе Россіи, до котораго довело ее безконтрольное хозяйничанье ея правителей. Притомъ же рѣчь эта была произнесена въ учрежденіи, созданномъ по инициативѣ самого правительства, произнесена не «увлекающимся юношей», а почти семидесятилѣтнимъ старцемъ, знаменитымъ педагогомъ и крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ, ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ «неблагодѣтельнымъ» въ теченіе всей своей долготѣтней жизни «незамѣченнымъ». И что же? Вняло ли правительство голосу одного изъ самыхъ несомнѣнныхъ «людей земли»? Вняло, но по своему: по телеграммѣ Плеве, въ квартиру Бунакова явилась полиція, произвела обыскъ и, хотя ничего «предосудительнаго» при этомъ обнаружено не было, схватила старца, отобрала у него паспортъ, снабдила арестантскимъ «проходнымъ свидѣтельствомъ» и, подъ угрозою отправки въ Петербургъ съ жандармами, предписала немедленно отправляться туда и предстать предъ ясныя очи департамента полиціи. Въ Петербургѣ съ Бунакова жандармы «сняли допросъ», а чрезъ нѣсколько дней ему отъ Плеве «вышло рѣшеніе»—отправляться въ административную ссылку въ Новгородскую губернію подъ гласный надзоръ полиціи на три года. Мѣра эта была затѣмъ замѣнена ссылкой Бунакова подъ надзоръ полиціи въ его собственный хуторъ Петино (въ Воронеж. губ.). Въ хуторѣ этомъ были немедленно закрыты образцовая народная школа и народный театръ—плоды многолѣтнихъ заботъ и трудовъ Бунакова на нивѣ народного просвѣщенія. Лишенный любимыхъ занятій, потрясенный всѣмъ пережитымъ и окончательно разбитый физически, старецъ болѣлъ, хирѣлъ и тосковалъ. Просьбы его о переводѣ въ губернский городъ встрѣчали со стороны властей постоянные отказы. Наконецъ, черезъ два года, т. е. уже тогда, когда вмѣсто Плеве судьбами Россіи управлялъ Святополкъ-Мирскій,

Бунакову было разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ для совѣта съ врачами, но было уже поздно: едва прибывши въ Петербургъ, Бунаковъ скончался...

Рѣчь его разошлась въ свое время по Россіи «нелегально» въ значительномъ количествѣ, напечатана она была и заграницею, но не по первоисточнику. Мы печатаемъ ее по стенографической записи, поправки на которой сдѣланы рукою самого Н. Ф. Бунакова.

Вотъ эта рѣчь:

Ред.

„Я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о предлагаемыхъ намъ занятіяхъ съ общей точки зрѣнія, но сказать искренно, откровенно, думаю, что именно это и нужно въ настоящее время. Просматривая программу возложенныхъ на уѣздные комитеты занятій, я прежде всего вижу въ этой программѣ почти исключительно частные практическіе вопросы о тѣхъ или другихъ мѣропріятіяхъ для поднятія въ Россіи погибающей сельско-хозяйственной промышленности. Изъ этого списка, изъ этого ряда вопросовъ, болѣе или менѣе детально обнимающихъ всѣ стороны сельско-хозяйственной промышленности, видно, что у насъ, наконецъ, сознали печальное положеніе этой промышленности и предвидятъ его угрожающіе результаты, но, къ сожалѣнію, безъ достаточнаго вниманія относятся къ причинамъ, вызвавшимъ это положеніе. А это очень жаль, потому что безъ устраненія этихъ причинъ никакими частными мѣропріятіями нельзя поправить дѣла и предупредить надвигающіяся грозныя послѣдствія его современнаго положенія. Вѣдь упадокъ сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи только одинъ изъ многихъ симптомовъ общей отсталости нашего отечества отъ другихъ странъ, т. е. явленіе не самостоятельное, а необходимо вызванное общимъ неудовлетворительнымъ строемъ русской жизни, государственной и общественной, чуждымъ всей Европѣ, кромѣ развѣ Турціи: полное безправіе личности, подавленность всѣхъ общественныхъ силъ, отсутствіе свободнаго слова и независимой печати, антагонизмъ, даже вражда и взаимное недовѣріе сословій, административный произволъ, стоящій выше суда, общій застой, жалкое положеніе школы и ужасающее невѣжество народной массы. Болѣе четверти вѣка мы упорно стоимъ на одномъ мѣстѣ, а то и пятимся назадъ, и это въ то время, когда вокругъ насъ все и всѣ стремительно идутъ впередъ и впередъ по пути освобожденія личности, расширенія общественной самодѣятельности, просвѣщенія и очеловѣченія народныхъ массъ. При этомъ общемъ стремительномъ движеніи впередъ уже и стояніе на одномъ мѣстѣ равносильно движенію назадъ.

Общій застой русской жизни, какъ понятно само собой, не можетъ не сопровождаться и обѣдненіемъ народа, и упадкомъ народной нравственности, и многими другими печальными явленіями, а между прочимъ, и упадкомъ сельско-хозяйственной промышленности. Притакихъ условіяхъ думать и толковать о какихъ-то частныхъ мѣропріятіяхъ, вродѣ учрежденія сельско-хозяйственныхъ инструкторовъ и коопераций, опытныхъ полей, укрѣпленія овраговъ и т. п.,—дѣло бесплодное, скорѣе вредное, нежели полезное, п. ч. оно будетъ только отводить глаза, отвлекать вниманіе отъ настоящаго дѣла. Это все равно, какъ если бы какой-нибудь домовладѣлецъ, у котораго пришелъ въ полный упадокъ его домъ, и не сегодня, такъ завтра долженъ свалиться, и пригласилъ бы спе-

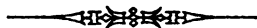
циалистовъ обсудить, не поставить ли въ этомъ домѣ новыя петли къ дверямъ, новыя замки, новыя стекла въ окна, пожалуй, новыя ватер-клозеты? Понятно, что честные специалисты на такое предложеніе отвѣтятъ: „чего тутъ толковать о замкахъ да о ватеръ-клозетахъ, когда домъ вашъ валится? Надо его разобрать, да строить за-ново“. То же самое и въ нашемъ дѣлѣ: надо думать и толковать не объ инструкторахъ да опытныхъ поляхъ, а о коренномъ измѣненіи всего строя государственной и народной жизни. Что же слѣдуетъ дѣлать? На мой взглядъ прежде всего необходимо немедленное возстановленіе въ полной мѣрѣ всѣхъ освободительныхъ начинаній, которыми ознаменовалась первая половина царствованія Императора Александра II, которыя остались незаконченными, а потомъ подвергались печальнымъ измѣненіямъ и урѣзкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хоть освобожденіе крестьянъ: развѣ оно было кончено? Что же это за освобожденіе безъ достаточнаго земельного надѣла, безъ гарантированнаго крестьянскаго самоуправленія, безъ благоустроенной народной школы, даже безъ избавленія отъ тѣлеснаго наказанія, унижающаго человѣческое достоинство освобождаемыхъ,—освобожденіе, которое началось и продолжается до сихъ поръ безпощадными порками? Возьмемъ нашъ новый судъ. Что осталось въ немъ отъ того идеала..

Предсѣдатель (уѣздный предводитель дворянства И. Т. Алисовъ). Я прошу Васъ, Николай Федоровичъ, держаться ближе къ сельскохозяйственной промышленности.

Н. Ф. Бунаковъ. Возьмемъ ли мы наши земскія учрежденія: какія черты истиннаго, а не призрачнаго самоуправления сохранились въ настоящее время въ этихъ учрежденіяхъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, отданныхъ на растерзаніе безконтрольнаго административнаго произвола?

Предсѣдатель. Я, какъ предсѣдатель... Миѣ приходится руководить преніями, потому прошу васъ не уклоняться.

Н. Ф. Бунаковъ. Затѣмъ столь же необходимо неотложное и послѣдовательное дальнѣйшее развитіе освободительныхъ начинаній Александра II въ смыслѣ полного проведенія ихъ въ жизнь въ законченномъ видѣ, въ смыслѣ полного освобожденія личности, слова, печати отъ полицейскаго надзора; въ смыслѣ возбужденія личной инициативы и привлеченія свободныхъ общественныхъ силъ ко всѣмъ сторонамъ народной жизни, чтобы создалось у насъ истинное, а не призрачное самоуправленіе, чтобы создалась возможность двинуться впередъ. Тогда у насъ поправится сама собой и сельско-хозяйственная промышленность. Пока мы рѣшительно и безповоротно не двинемся впередъ въ этомъ направленіи, до той поры честнымъ русскимъ людямъ приходится уклоняться отъ всякихъ совѣщаній о разныхъ частныхъ мѣропріятіяхъ и оставаться въ безотрадномъ положеніи молчаливыхъ зрителей постепеннаго, но неизбежнаго обѣднѣнія и увяданія отечества. Это очень тяжело, очень грустно; но что же дѣлать? Какъ въ старину говаривали русскіе люди, „противъ рожна трудно прати“. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать“.

Нелишнее разъясненіе.

М. К. Лемке въ статьѣ «Дѣло М. И. Михайлова («Былое» № 1), основываясь на показаніяхъ Михайлова, видимо въ нѣкоторомъ недоумѣніи отъ моего сообщенія (см. «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 330), что прокламація къ «Молодому поколѣнію» написана Н. В. Шелгуновымъ, что Михайловъ только отпечаталъ ее въ Лондонѣ въ количествѣ 600 экз. и провезъ въ Россію, заклеенною въ дно чемодана. Свѣдѣніе это взято мною изъ записки самого Шелгунова объ обстоятельствахъ, касающихся начала 60-хъ годовъ. Эту записку я получилъ въ 1901 г. отъ Н. К. Михайловскаго. Разсказъ Шелгунова даетъ ключъ къ разъясненію словъ Михайлова, что «онъ (Михайловъ) принялъ на себя много лишняго». Надо принять во вниманіе, что даже въ своихъ запискахъ Михайловъ не могъ сказать всей правды, вѣдь Шелгуновъ былъ живъ и даже находился въ административной ссылкѣ.

На основаніи словъ Шелгунова же я въ своихъ воспоминаніяхъ (стр. 333) говорю, что Герценъ не одобрилъ прокламацію къ «Молодому поколѣнію» и въ предпріятіи никакого участія не принималъ. Значить, и въ этомъ случаѣ показанія Михайлова на соучастіе Герцена и Огарева въ редакціи прокламаціи было сдѣлано въ цѣляхъ сколь возможно далѣе отвести подозрѣніе отъ дѣйствительнаго соучастника въ его предпріятіи.

Я не говорилъ, что всѣ 600 экз. были провезены Михайловымъ, а со словъ Шелгунова отмѣтилъ только, что прокламація была *отпечатана* въ этомъ числѣ экземпляровъ. Отъ себя позволю лишь прибавить: несомнѣнно разсказъ Михайлова, какъ онъ лично развозилъ прокламацію, есть чистая фантазія, съ цѣлью скрыть слѣды участниковъ въ этой операціи. Прокламація между молодежью была распространена при посредствѣ одного студента, близкаго къ Михайлову; въ литературныхъ кругахъ (главнымъ образомъ въ кружкѣ «Современника»), конечно, она раздавалась непосредственно Михайловымъ и т. д. Такъ какъ къ «Молодому поколѣнію» была первая прокламація, то никто по невѣдѣнію тогдашнихъ законовъ не видѣлъ въ ней чего нибудь особенно опаснаго; ее открыто передавали изъ рукъ въ руки и читали въ смѣшанномъ обществѣ. Только послѣ ареста Михайлова, особенно послѣ ареста Обручева, узнали, чѣмъ можетъ грозить (каторгой) распространеніе прокламацій хотя бы въ одномъ экземплярѣ. Въ параллель показанію Михайлова, что имъ было ввезено только

250 экз., могу сказать, что прокламація была замѣтно распространена не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи; по крайней мѣрѣ въ самой тогда глухой Вологдѣ она имѣлась въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Пользуюсь случаемъ и сообщаю (съ автографа, у меня имѣющагося) первоначальную редакцію перевода М. И. Михайлова изъ Гейне «Брось свои иносказанья».

Л. Пантелѣевъ.

Изъ Гейне.

Брось свои иносказанья
И гипотезы святые!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Кто виной? иль воля Бога
На землѣ не все доступно?
Или онъ играетъ нами?..
Это подло и преступно!

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею..
Да отвѣтъ ли это, полно?

М. Михайловъ.

Историческая бібліографія.

Собрание политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова. Т. I., изд. редакціи «Освобожденія». Парижъ. 1906 года.

Къ числу вопросовъ, вызывающихъ и въ настоящее время особенно много недоразумѣній, конечно принадлежитъ вопросъ о національной автономіи и о взаимныхъ отношеніяхъ русскаго государства, въ его недѣлимомъ цѣломъ, ко всѣмъ, входящимъ въ составъ его, областямъ и народностямъ. Въ Россіи этотъ вопросъ имѣетъ особенно важное политическое значеніе въ виду многочисленности и разноплеменности составляющихъ ее частей. Но какъ ни сложенъ этотъ составъ, какъ ни далеки другъ отъ друга по своему культурному развитію народы-кочевники и звѣроловы восточной и сѣверной Россіи отъ промышленныхъ и политически развитыхъ народностей на ея западѣ и югѣ—ихъ дальнѣйшая политическая жизнь, ихъ нормальное развитіе и самая возможность ихъ объединенія—стоятъ въ прямой зависимости отъ правильнаго разрѣшенія вопроса о національной автономіи и о мѣстномъ самоуправленіи. Полная децентрализація всего управленія — вотъ первое условіе дальнѣйшей нормальной жизни всей Россіи; въ ней самый прочный залогъ ея спокойствія, ея прогресса; въ ней же и гарантія противъ постоянно грозящихъ ей теперь періодическихъ революцій и смѣняющихъ ихъ реакцій. А между тѣмъ, какъ мало еще даже въ средѣ самыхъ образованныхъ людей Россіи лицъ, которые сознаютъ всю законность требованій децентрализація и все зло, порождаемое централизмомъ.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленія въ печати сочиненій извѣстнаго украинскаго ученаго и публициста М. П. Драгоманова, освѣщающаго національный вопросъ въ Россіи съ надлежащей научной широтой и объективностью. Имя Драгоманова долго замалчивалось въ нашей научной и публицистической печати, отчасти въ силу цензурныхъ условій, отчасти именно благодаря тому равнодушію къ вопросу о правахъ отдѣльныхъ народностей и областей, какимъ отличались въ большинствѣ слу-

чаевъ наша пресса и наше общественное мнѣніе. Теперь, черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти талантливѣйшаго политическаго украинскаго писателя, историческія событія выдвинули на первый планъ тѣ самыя идеи демократическаго государственнаго строя Россіи, какимъ служилъ всю свою жизнь Драгомановъ. Тогда, когда въ защиту народной независимости непосредственно звучалъ его голосъ,—онъ оставался совершенно одиночкой: никто его не слушалъ,—сами земляки Драгоманова, сама Украина—одна изъ областей Россіи наиболѣе страдавшая и до сихъ поръ страдающая отъ непризнаванія правъ націй—оставалась глуха къ убѣжденному слову своего талантливаго защитника. Конечно, это одиночество вливало много горечи въ и безъ того безотрадную жизнь писателя-эмигранта, но Драгомановъ не боялся быть, какъ онъ самъ выражался, «не въ модѣ»; онъ всегда отличался необыкновенной независимостью мысли и непоколебимой убѣжденностью. Читая теперь его статьи, каждый невольно проникается ясностью его доводовъ, и кажется, что они высказаны не 15—20 лѣтъ тому назадъ, а прямо относятся къ переживаемому нами историческому моменту. Сложность этого момента давно предвидѣлась Драгомановымъ и ему ясна была наша неподготовленность къ разрѣшенію лежащей и теперь передъ нами громадной политической задачи.

Имя Драгоманова въ нашей политической литературѣ должно стоять рядомъ съ именемъ Герцена, хотя они принадлежатъ къ разнымъ общественнымъ эпохамъ, отдѣленнымъ одна отъ другой десятками лѣтъ. Свѣтлыя мысли этихъ писателей, такъ долго недоступныя громадному большинству русской читающей публики только теперь могутъ оказать свое образовательное и облагораживающее вліяніе.

Съ этой точки зрѣнія особенное значеніе получаетъ недавно вышедшій первый томъ «Полнаго собранія политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова», изданный по инициативѣ и на средства украинцевъ-демократовъ въ Парижѣ редакціей «Освобожденія». Въ этомъ первомъ томѣ появились цѣнные сочиненія М. П. по вопросу о государственномъ строѣ Россіи—а именно: его «Опытъ украинской политико-соціальной программы» и «Историческая Польша и великорусская демократія». Обѣ вещи написаны Драгомановымъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ—1881—1884 гг. Это не помѣшало французской газетѣ «l'Europeen»¹⁾ разбирать эту программу, извѣстную больше подъ названіемъ «Вольный Союзъ» въ лѣтнихъ №№ 1905 г. и находить въ ней неотъемлемыя достоинства для практическаго примѣненія и въ наши дни.

Программа М. П. естественно складывается изъ его коренныхъ политическихъ убѣжденій, приложенныхъ къ политическому переустройству Украины. А его политическіе взгляды подробнѣе всего изложены въ «Исторической Польшѣ и великорусской демократіи», гдѣ онъ критикуетъ всѣ русскія политическія про-

¹⁾ См. №№ 183—184 l'Europeen, 1905, статья La Chensais „La Vilna Spilka“.

граммы, начиная отъ Декабристовъ и кончая «Народной Волей», и указываетъ на главные ихъ недостатки: неправильность взгляда на существо государственнаго строя Россіи и централистическое направленіе, даваемое ими всему русскому революціонному движенію. Этотъ централизмъ, по мнѣнію Драгоманова, лишалъ движеніе жизненности, мѣшалъ ему демократизироваться въ массѣ разнородныхъ народностей. Для него было совершенно ясно, въ какомъ направленіи должна итти политическая реорганизація Россіи: «Для политическаго переворота,—писалъ Драгомановъ,—необходимо участіе большихъ массъ; сторонники переворота должны привлечь къ себѣ эти массы, нашедши у нихъ жизненные интересы, страдающіе отъ теперешняго порядка вещей, и убѣдивши ихъ, что эти интересы будутъ удовлетворены по совершеніи переворота. Поэтому, если въ данномъ случаѣ есть серьезный вопросъ, требующій общаго обсужденія, такъ это вопросъ «соединенія» массъ различныхъ національностей русскаго государства для борьбы за такую политическую форму, которая бы обезпечивала политическую свободу всѣхъ ихъ вмѣстѣ и каждой порознь. Вполнѣ серьезная постановка такого вопроса можетъ быть только результатомъ заявленія голосовъ каждой изъ національностей Россіи и каждой изъ ея сколько нибудь оригинальныхъ мѣстностей»¹⁾.

Для Драгоманова не существуетъ «дѣйствительной политической свободы безъ децентрализаціи общинной, областной, національной»; онъ видитъ въ вопросѣ о правахъ національности «ту полезную сторону, что онъ разлагаетъ представленіе объ единообразіи состава населенія государства и не даетъ смѣшивать идею о народѣ (націи) съ идеею о государствѣ и такимъ образомъ наглядно подтверждаетъ необходимость децентрализаціи и установленія предѣловъ власти вообще». Кто говоритъ «политическая свобода, тотъ уже тѣмъ самымъ говоритъ и областная и національная независимость, иначе онъ не понимаетъ произносимыхъ словъ»²⁾.

Какъ ни ясны однако эти взгляды Драгоманова, они до сихъ поръ не для всѣхъ убѣдительны, а Драгоманову всю жизнь приходилось отстаивать ихъ во всѣхъ либеральныхъ и крайнихъ кружкахъ. Какъ при его жизни, такъ и теперь существуютъ группы и отдѣльные общественные русскіе дѣятели, готовые признать *tant bien, que mal* право Польши на автономію, которые рѣшаются считать поляковъ за народъ не русскій, а потому и могущій въ культурномъ и социальномъ отношеніи обособиться отъ русскихъ, но отъ признанія такихъ же правъ и за другими народностями Россіи многіе, очень многіе еще открещиваются.

Очень интересна критика Драгоманова такого уваженія историческихъ правъ Польши со стороны Герцена, какъ онъ выска-

¹⁾ Томъ I, стр. 309.

²⁾ Тамъ же, стр. 253.

звался о нихъ въ «Колоколѣ». Огромный умъ Герцена, при его широкой образованности и органической терпимости, конечно, руководилъ его политическими мнѣніями и направлялъ ихъ всегда къ справедливости. Въ силу этого онъ не могъ не признавать за Польшей неотъемлемаго права на совершенно независимое существованіе: «глубоко ненавида всякую централизацію,—говорилъ Герценъ по поводу Польши,—я убѣжденъ, что соплеменные федераціи дадутъ среду государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ...

«Если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, но не предоставить ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣжденій нашихъ»¹⁾).

Но приводя эти благородныя слова Герцена, Драгомановъ приводитъ, однако, и другія, обнаруживающія въ Герценѣ недостаточно отчетливое пониманіе состава Русскаго государства и роковое отождествленіе всѣхъ народностей въ одномъ типѣ, единомъ по своимъ бытовымъ условіямъ и общественнымъ порядкамъ. Желая примѣнить къ Польшѣ начала справедливости, онъ упускаетъ изъ виду права тѣхъ народностей, которыхъ угнетала эта самая «историческая Польша». Правда, Герценъ болѣе мыслитель съ широкимъ политическимъ синтезомъ, чѣмъ практический политическій дѣятель, и Драгомановъ можетъ быть не вполне правильно уличаетъ его въ неотчетливости его представленій о настоящей «этнографической Польшѣ» и въ этомъ видитъ причину симпатій Герцена къ «исторической Польшѣ», жившей на началѣ подавленія входящихъ въ составъ ея народностей Литвы, Бѣлороссіи и Украины. Во всякомъ случаѣ страницы, гдѣ украинскій демократъ споритъ съ великорусскимъ демократомъ за права этихъ подавляемыхъ такъ долго націй, написаны очень сильно и, выясняя необходимость отрѣшиться въ сложномъ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ Польши, Россіи, Украины, Литвы и Бѣлороссіи отъ всякихъ недоразумѣній, указываютъ на необходимость выработать широкую федеральную программу, независимую ни отъ какихъ «историческихъ» преданій и государственныхъ претензій, программу вполне достойную освободительныхъ идей новѣйшаго времени и могущую дѣйствительно удовлетворить интересы всѣхъ племенъ Восточной Европы»²⁾).

Драгомановъ глубоко скорбитъ, видя какъ революціонное движеніе Россіи и Польши съ 60-хъ годовъ все болѣе склонялось отъ автономной точки зрѣнія къ централистической, и ищетъ объясненія этого печальнаго явленія «въ общемъ характерѣ политическаго образованія русскаго общества на основѣ московско-петербургской цивилизаціи».

Тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ отмѣчаетъ Драгомановъ об-

¹⁾ Тамъ же, стр. 43.

²⁾ Стр. 58.

ластную историческую школу, имѣвшую такихъ блестящихъ выразителей областного начала, какъ Шаповъ и Костомаровъ; онъ съ благодарностью указываетъ на тонкую внимательность Пыпина ко всякой славянской народности. Отношеніе же Бѣлинскаго и Чернышевскаго къ негосударственнымъ націямъ Драгомановъ характеризуетъ поговоркой: «сытый голоднаго не разумѣетъ».

Драгоманова часто упрекали въ недостаточно-внимательномъ отношеніи къ соціальной сторонѣ освободительнаго движенія. Выставляя автономное начало областей и народностей главнымъ началомъ, способствующимъ освобожденію Россіи, Драгомановъ дѣйствительно выдвигалъ на первый планъ политическую государственную реформу. Это совершенно естественно вытекало изъ всего его міросозерцанія: для народныхъ массъ нужно прежде всего демократизировать правленіе, нужно фактически передать власть въ руки народа, освободить каждую территоріальную единицу отъ всякаго гнета централизма. Такова была основная политическая программа Драгоманова, и потому соціальныя реформы казались ему возможными не какъ теоретическія построенія той или иной партійной программы, а дѣломъ каждой народности, самостоятельной работой мѣстнаго самоуправленія, выполняемой самимъ населеніемъ, съ учитываніемъ всѣхъ особенностей быта и экономическихъ условій каждой данной территоріальной единицы.

Разбирая взгляды всей нашей революціонной прессы, Драгомановъ только въ очень немногихъ органахъ отмѣчаетъ правильное отношеніе къ вопросу о разнородности населенія Россіи и вытекающихъ изъ этого факта послѣдствіяхъ.

Такъ, останавливаясь на взглядахъ такихъ органовъ печати, какъ «Набатъ» и «Впередъ», Драгомановъ указываетъ, что оба они, признавая въ теоріи принципъ федерализма и необходимость національных мѣстныхъ приспособленій для осуществленія интернаціональных стремленій социализма,—въ то же время, при постановкѣ вопроса о практическомъ осуществленіи этихъ началъ въ дѣйствительной жизни, обнаруживаютъ склонность къ рѣшенію его въ сторону централизма. У обоихъ этихъ органовъ печати сквозитъ желаніе создать какую-то общерусскую націю, «единообразную въ своемъ составѣ отъ Карпатъ до Амура».

Еще рѣшительнѣе въ пользу необходимости предоставленія полной свободы всѣмъ національностямъ высказалась женевская газета «Община», прямо назвавшая централистическую Россію «чуждымъ учрежденіемъ». «Москвичъ, полякъ, украинецъ, сибирякъ,—говорилось въ ней,—другъ другу не указчики, а товарищи. Теперь они всѣ живутъ подъ гегемоніей великоруссовъ и называются русскимъ народомъ, потому что именно надъ ними русскій становой; исчезнетъ становой, и всѣ эти народы будутъ пре-

доставлены самимъ себѣ, а въ какихъ предѣлахъ и какъ они сфедерируются, это можетъ показать только практика» ¹⁾).

Но Драгоманова не удовлетворяли эти принципиальныя заявленія: самое дѣло русской революціи оставалось централизованнымъ въ рукахъ великороссовъ, а украинцы, часто въ лицѣ самыхъ выдающихся даже своихъ дѣятелей, лишь пополняли кадры великорусскихъ партій, не организуя своихъ украинскихъ земляковъ въ тѣ или иныя собственные прогрессивныя партіи, революціонная литература тоже оставалась великорусской за исключеніемъ двухъ—трехъ книгъ, изданныхъ на украинскомъ и др. языкахъ. Конечно въ этомъ Драгоманову нужно скорѣе упрекать инертность своихъ земляковъ, но онъ понималъ, что для успѣха общаго революціоннаго движенія великорусскимъ организаціямъ нужно было бы серьезнѣе отнестись къ разноплеменному составу Русской земли.

Недостатокъ широкой образованности Драгомановъ тоже очень часто ставить въ упрекъ русскимъ вождямъ революціоннаго движенія и нѣсколько разъ сочувственно повторяетъ слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ чувствъ и одного темперамента для вѣрнаго пониманія политическаго момента.

Много основательнаго и интереснаго найдетъ читатель въ обстоятельномъ разборѣ Драгоманова направлений нашихъ революціонныхъ организацій; хотя онъ и подходитъ къ нимъ, какъ будто съ одной только точки зрѣнія, но его критика освѣщена такимъ яснымъ умомъ и широкимъ пониманіемъ политическихъ вопросовъ, что въ его статьяхъ нѣтъ мѣста никакой односторонности или предвзятости. Не скрываемый же имъ никогда украинскій патріотизмъ, Драгомановъ самъ объясняетъ въ заключеніе своей талантливой статьи тѣмъ, что для него «положеніе украинскаго народа всего ближе и извѣстнѣе, и что отношенія разныхъ польскихъ и великорусскихъ элементовъ къ этому народу представляютъ болѣе всего типическихъ сторонъ отношенія разныхъ элементовъ націй привилегированныхъ къ націямъ плебейскимъ» ²⁾.

Еще интереснѣе, съ какой простотой и ясностью Драгомановъ предлагаетъ на дѣлѣ примѣнить до сихъ поръ еще для многихъ страшныя слова—автономія и федерація. Онъ разъясняетъ это въ своей извѣстной статьѣ (много разъ изданной отдѣльнымъ изданіемъ на русскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ языкѣ) «Вильна Спилка» или Вольный Союзъ—составляющей естественное продолженіе его статьи «Историческая Польша и великорусская демократія».

Эту послѣднюю онъ заканчиваетъ разсужденіями о томъ, какъ же наконецъ можетъ осуществиться желанное политическое освобожденіе Россіи. Практическій умъ Драгоманова никогда не удо-

¹⁾ Стр. 174.

²⁾ Стр. 251.

влетворялся одними теоретическими разсужденіями, у него всегда складывалась вполнѣ жизненная программа и послѣдовательный планъ осуществленія ясно сформулированныхъ требованій. Вотъ эту-то программу и планъ и даетъ намъ его «Вольный Союзъ». Вся основа его конечно федералистическая съ равноправностью всѣхъ народностей. Самымъ прочнымъ залогомъ для свободнаго развитія Россіи онъ признаетъ прочное мѣстное самоуправленіе. Вчитываясь въ обширныя примѣчанія, сдѣланныя Драгомановымъ къ каждому пункту программы, невольно проникаешься тѣмъ абсолютно-демократическимъ началомъ, какое лежитъ въ основѣ предлагаемаго имъ самоуправления. Собственно подъ именемъ «Вольнаго Союза» Драгомановъ предлагаетъ землякамъ основать особое политическое украинское общество, которое зацѣлится цѣлью добыть свободу для населенія не только одной Украины, но и другихъ мѣстностей Россіи, сосѣднихъ съ нею. Кратко выраженные, эти цѣли сводятся къ общегражданскимъ (права человѣка и гражданина—какъ необходимое условіе личнаго достоинства и развитія. Самоуправленіе, какъ основа для движенія къ социальной справедливости) и частно-національнымъ (политическая свобода, какъ средство для возвращенія украинской націи въ семью націй культурныхъ).

Всѣ средства дѣйствія этого общества абсолютно этическія; Драгомановъ никогда не оправдывалъ никакого обмана населенія и требовалъ для «чистаго дѣла чистыхъ рукъ»; онъ не могъ согласиться съ распространеннымъ въ его время правиломъ: «цѣль оправдываетъ средства». Онъ слишкомъ высоко цѣнилъ личность человѣка, а тѣмъ болѣе революціонера, цѣльность его духовнаго существа, чтобы допускать въ его дѣятельности постоянныя компромиссы и съ совѣстью и съ общечеловѣческой этикой. Для Драгоманова святость революціоннаго дѣла именно и требовала, чтобы «чистое дѣло выполнялось чистыми руками».

При разъясненіяхъ Драгоманова всѣ его требованія самоуправления не могутъ запутать самаго рѣшительнаго противника «автономіи». Онъ не увидитъ въ нихъ чего-то новаго,—вѣдь самоуправленія добивались и дворянскія собранія 1860—62 годовъ, разрабатывалось оно и земствами. Только самоуправленіе мелкихъ мѣстныхъ единицъ можетъ предохранить Россію отъ зла централизма, подтачивающаго народное благосостояніе при всякой формѣ правленія. Именно въ самоуправленіи общинъ, волостей, краевъ и областей Драгомановъ видитъ основу для образованія въ Россіи оригинальной «прогрессивной демократіи», которая была бы способна принять дѣловое участіе въ общей теперь всему цивилизованному міру работѣ надъ разрѣшеніемъ социальнаго вопроса».

Драгомановъ не вѣрилъ во внезапные перевороты: какъ историкъ онъ зналъ, что даже отдѣльные самые экстенсивные взрывы народнаго негодованія не измѣняютъ сразу формъ жизни. Онъ хотѣлъ объединить въ «вольные союзы» все сознательное населеніе и привести его къ самостоятельному высвобожденію новаго чело-

вѣка, новой жизни изъ ветхозавѣтныхъ рамокъ. Съ нимъ можно не соглашаться, но широта его политическаго синтеза и глубокое вдумчивое отношеніе къ человѣку, къ жизни, надолго сохраняютъ жизненной его программу. Философская и историческая эрудиція его разъясненій придаютъ особый интересъ «Вольному Союзу»: онъ обосновываетъ практическія политическія задачи на широкихъ историческихъ основахъ и вводитъ ихъ въ органическую связь съ психологіей и міросозерцаніемъ той народности, для которой Драгомановъ съ далекаго чуждаго края и составлялъ свою программу. Теперь настало время украинцамъ съ благодарностью оцѣнить этотъ драгоцѣнный даръ своего лучшаго писателя-эмигранта. Парижское изданіе политическихъ сочиненій Драгоманова выяснитъ всю его даровитость и широту его ума и прекрасно покажетъ, какъ его горячій патріотизмъ, его безпредѣльная любовь къ Украинѣ не помѣшали ему быть однимъ изъ величайшихъ европейскихъ ученыхъ, стоятъ на высотѣ міровыхъ вопросовъ науки и искусства и, оставаясь всѣмъ своимъ душевнымъ складомъ Украинцемъ, своими трудами, своими умственными силами принадлежать всему человѣчеству.

Создаваемые Драгомановымъ для его родного народа политическія программы, въ настоящій рѣшительный моментъ измѣненія всѣхъ устоевъ русской жизни, получаютъ интересъ и для всѣхъ сознательныхъ политическихъ дѣятелей, къ какимъ бы народностямъ они не принадлежали.

С. Русова.

Дѣла III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, Спб. Изд. И. Балашова, 1906.

Въ этой книгѣ собраны всѣ или, по крайней мѣрѣ, всѣ извѣстныя до сихъ поръ дѣла, касающіяся такъ или иначе Пушкина и находящіяся въ бывшемъ архивѣ Третьяго Отдѣленія, что нынѣ архивъ департамента полиціи. Эти дѣла напечатаны полностью, безъ всякихъ сокращеній и безъ всякихъ комментарий. Специалистамъ всѣ они, за исключеніемъ только одного, были извѣстны въ болѣе или менѣе пространныхъ изложеніяхъ, извлеченіяхъ и выдержкахъ. Много было напечатано даже и цѣликомъ. Въ послѣднее время эти дѣла были просмотрѣны П. А. Ефремовымъ для его изданія сочиненій поэта. Все, что въ нихъ оказалось подлинной руки поэта, напечатано имъ съ полнѣйшею точностью; о другомъ даны сообщенія и въ примѣчаніяхъ къ письмамъ (7-ой т.), и въ примѣчаніяхъ вообще къ сочиненіямъ (8-ой т.). Теперь всѣ эти дѣла становятся знакомыми намъ во всей ихъ цѣлости и малѣйшихъ подробностяхъ. Одно дѣло—«по письму А. С. Пушкина о дозволеніи надворному совѣтнику Гончарову расплавить неудачно вылитую статую,

изображающую Екатерину»—въ разбираемой книгѣ публикуется впервые. Оно не было извѣстно и П. А. Ефремову: оно было «открыто» въ архивѣ уже послѣ его занятій. Для любителей Пушкина оно представляетъ большой интересъ, такъ какъ въ немъ находимъ цѣлыхъ три новыхъ письма поэта, разъясняющихъ небольшой эпизодъ изъ его хлопотъ за другихъ, до сихъ поръ бывшій для насъ темнымъ и неяснымъ.

Дѣла Третьяго Отдѣленія о Пушкинѣ имѣютъ значительную важность для біографіи поэта. Вѣдь Третье Отдѣленіе, во главѣ котораго былъ Бенкендорфъ, играло огромнѣйшую роль въ его жизни; оно было своего рода призмой, черезъ которую преломлялась большая часть отношеній Пушкина къ внѣшнему міру. Исторія его сношеній съ III Отдѣленіемъ занимаетъ почти всю его внѣшнюю жизнь съ 1826 года. Въ официальныхъ дѣлахъ—отпускахъ, докладахъ, рапортахъ и письмахъ—мы читаемъ исторію рабства поэта—внѣшняго и внутренняго,—въ дѣлахъ литературныхъ и матеріальныхъ. Бѣглое чтеніе всѣхъ этихъ бумагъ подъ рядъ производитъ неизгладимое впечатлѣніе и рисуетъ картину того гнета, которымъ Бенкендорфъ милостиво окружалъ поэта. Мы и теперь можемъ почувствовать, какъ «неравнодушенъ» былъ къ Пушкину и Бенкендорфъ, и его высшій начальникъ, самъ Николай Павловичъ. И тотъ, и другой инстинктивно боялись скрытаго въ Пушкинѣ оппозиціоннаго настроенія, и въ теченіе десяти лѣтъ ревниво смотрѣли за тѣмъ, какъ бы оно не прорвалось. Смѣшно читать дѣло о подозрительности виньетки, которою украшенъ заглавный листокъ стихотворенія Пушкина «Цыганы», но бдительность простиралась и до виньетокъ. Не ограничивались только грубымъ полицейскимъ надзоромъ, а все время волевали съ самолюбіемъ Пушкина, и раны, наносимыя ему въ этой войнѣ, были не въ примѣръ острѣе и жгучѣе, чѣмъ всѣ другія. А они умѣли колоть самолюбіе! Пушкинъ былъ вынужденъ переживать даже впечатлѣнія подписи Бенкендорфа; онъ долженъ былъ понять урокъ, который заключался, напр., въ подписи просто «Бенкендорфъ», безъ «покорнѣйшаго слуги» и т. д. Непомовѣрныхъ усилий стоило Пушкину обуздывать себя, а все же онъ по временамъ не сдерживался, прорывался и... получалъ выговоры. Вспышки Пушкина и выговоры чередуются.

Конечно, нужно было издать цѣликомъ и пунктуально всѣ дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ—этотъ памятникъ русской культуры. Изъ предисловія къ книгѣ узнаемъ, что дѣломъ изданія завѣдывалъ г. Сухонинъ, редакторъ «Всемирнаго Вѣстника», первоначально напечатавшій «Дѣла» въ приложеніи къ своему журналу. Къ глубочайшему сожалѣнію, мы должны сказать, что г. Сухонинъ, взявшись за хорошее дѣло, только испортилъ его и далъ очень плохое изданіе, преисполненное необычайныхъ ошибокъ, опісокъ, пропусковъ, искаженій и т. д. Конечно, читатель, которому нужны только общія впечатлѣнія, можетъ удовлетвориться и этимъ изданіемъ, но всякій занимающійся Пушкинымъ, всякій

специалистъ не долженъ пользоваться изданіемъ г. Сухонина, ибо онъ не можетъ быть увѣренъ относительно любой страницы книги въ точномъ ея соотвѣтствіи подлиннику. Приведемъ подтвержденія. Стр. 50: помѣта Бенкендорфа читается у г. Сухонина: «пригласить его въ среду въ Петербургъ», а въ подлинникѣ: «....въ среду въ квартиру». Стр. 136: у г. Сухонина «безъ вашего свѣдѣнія»; въ подлинникѣ «безъ вашего вѣдѣнія»; самое письмо датировано у г. Сухонина 1832 годомъ, а въ подлинникѣ—1833 годомъ. Стр. 155: у г. Сухонина «doit nous revenir»; въ подлинникѣ—«doit nous reussir». У г. Сухонина «n'ai reçu que»; въ подлинникѣ «n'ai rien que». У г. Сухонина—«avoir recours qu'à la dernière extrémité»; въ подлинникѣ—«avoir recours à la permission que sa Majesté avait daigné m' accorder qu'à la dernière extrémité». Стр. 158: у г. Сухонина—«à mes affaires, d'emprunter»; въ подлинникѣ—«à mes affaires, étaient—ou de me retirer à la campagne,—ou bien d'emprunter» и т. д. Можно было заполнить десятка два—три страницъ перечнемъ всѣхъ ошибокъ и пропусковъ, сдѣланныхъ г. Сухонинымъ. Мы взяли первыя попавшіеся намъ страницы. Мы склонны думать, что г. Сухонинъ занимался дѣлами III Отдѣленія уже послѣ того, какъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, изъ дѣла были изъяты и переданы въ музей при Александровскомъ лицѣ всѣ собственноручные подлинники Пушкина, и г. Сухонинъ простодушно принималъ копіи, оставленныя въ дѣлахъ вмѣсто подлинниковъ, за подлинныя рукописи Пушкина.

Такимъ образомъ, изданіемъ г. Сухонина, за неимѣніемъ другого, придется пользоваться, но отнюдь не для какихъ-либо изслѣдованій и специальныхъ работъ. Безчисленныя ошибки лишаютъ его всякаго значенія.

П. Щ.

«Убійство 3-хъ министровъ: тайнаго совѣтника Боголѣпова, егермейстера Сипягина, статсъ-секретаря Фонъ-Плеве 1901—1904 гг.» Изд. И. Балашова, 1906. Ц. 25 к.

Эта брошюра излагаетъ фактическую сторону трехъ названныхъ въ заголовкѣ убійствъ, при чемъ сообщаетъ много интересныхъ, хотя и отрывочныхъ свѣдѣній о ходѣ судебныхъ слѣдствій. Между прочимъ въ брошюрѣ сообщается о способѣ допроса Сазонова, убившаго Плеве. Раненый осколкомъ бомбы, Сазоновъ находился въ бреду и въ это время съ него снимали допросъ, прибѣгая къ гипнотическому внушенію. По словамъ брошюры, въ такомъ состояніи Сазоновъ назвалъ имя кіевскаго адвоката Бронштейна, какъ одного изъ своихъ соучастниковъ. Къ сожалѣнію, тѣ источники, изъ которыхъ анонимный авторъ брошюры почерпаетъ свои свѣдѣнія, неизвѣстны, и потому брошюра, не-

смотря на весь свой интересъ, не внушаетъ къ себѣ большого довѣрія. Однако, ея сообщеніе о Бронштейнѣ объясняетъ намъ одинъ фактъ, намъ въ свое время извѣстный и бывший до сихъ поръ совершенно непонятнымъ. Вскорѣ послѣ убійства Плеве въ Кіевѣ адвокатъ Бронштейнъ былъ обысканъ и арестованъ при совершенно исключительныхъ условіяхъ: домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ весь оцѣпленъ жандармеріей и полиціей, обыскъ производился особенно тщательно, и въ заключеніе Бронштейнъ былъ увезенъ въ Петербургъ въ кандалахъ. Между тѣмъ, насколько было извѣстно, Бронштейнъ всегда стоялъ въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ движеній даже въ университетѣ. Черезъ нѣсколько недѣль этотъ страшный преступникъ вернулся въ Кіевъ совершенно свободнымъ; слѣдствіе обнаружило его полную непричастность къ какому бы то ни было дѣлу. Это событіе для жителей Кіева и для самого Бронштейна въ свое время осталось совершенно таинственнымъ; теперь оказывается, что Сазоновъ въ бреду пробормоталъ какую-то фамилію, и этого оказалось достаточнымъ, чтобы подвергнуть непричастнаго къ дѣлу чловека обыску и аресту.

В. В—въ.

Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ I. Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣва, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова съ ихъ портретами, краткими біографическими очерками и литературными указателями. Изд. И. И. Ѳомина. М. 1906.

Эта книга предназначена для широкой публики. Цѣль ея познакомить русскаго читателя съ поэтической дѣятельностью декабристовъ. Издатель г. Ѳоминъ справедливо полагаетъ, что многія стихотворенія декабристовъ цѣнны не только какъ выраженіе завѣтныхъ желаній и чувствъ, но и какъ несомнѣнно художественныя произведенія. Издатель не имѣлъ въ виду давать «полныя собранія» стихотвореній, онъ выбралъ лишь нѣкоторыя, отдавая предпочтеніе стихотвореніямъ, затрагивающимъ гражданскіе вопросы, а затѣмъ и отличающимся изяществомъ формы и искренностью чувства. Собирая стихотворенія, г. Ѳоминъ не ограничился только напечатанными въ Россіи, а взялъ нѣсколько стихотвореній изъ появившихся за границей. Въ первомъ томѣ помѣщены поэтическія произведенія К. Ѳ. Рылѣва, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова. Стихи Рылѣва и Одоевскаго, конечно, болѣе извѣстны, чѣмъ стихи А. Бестужева и Батенкова. Собственно говоря, мы знаемъ одно стихотвореніе послѣдняго—позму, исполненную своеобразной прелести, «Одичалый». Стихотворенія А. А. Бестужева впервые появляются въ «Собраніи».

Нужно сказать, что выборъ стихотвореній сдѣланъ г. Оминымъ довольно искусно и несомнѣнно достигъ своей цѣли. По этой хрестоматіи читатель, средній, обыкновенный читатель легко можетъ быть введенъ и вообще въ изученіе исторіи декабристовъ. Приложенія, сдѣланныя г. Оминымъ, могутъ только содѣйствовать этому знакомству. Во введеніи къ книгѣ данъ компилятивный очеркъ по исторіи движенія, вполне пригодный для первоначальнаго знакомства. Кромѣ этого очерка, въ книгѣ находимъ маленькія біографіи поэтовъ, стихи которыхъ напечатаны въ книгѣ. Наконецъ, приложенъ довольно полный и подробный библиографическій указатель.

Книга издана на прекрасной бумагѣ. Портреты Рылѣва, Одоевскаго, А. А. Бестужева и Г. С. Батенкова недурно исполнены фототипіей Фишера. Нужно отмѣтить малоизвѣстный портретъ кн. Одоевскаго въ конно-гвардейскомъ мундирѣ. При всемъ томъ цѣну книги (3 руб.) нельзя не признать чересчуръ высокою.

П. Щ.

Собраніе сочиненій и переписка Кондратія Федоровича Рылѣва съ его портретомъ и біографіей. С.-Петербургъ, 1906. Изданіе И. Балашова—382 + I—IV стр., in 8, Ц. 1. р. 50 к.

Какъ поэтъ-гражданинъ, К. Ф. Рылѣвъ среди другихъ декабристовъ-писателей занимаетъ, несомнѣнно, первое мѣсто, и потому имѣется уже нѣсколько изданій его сочиненій. Не называя изданій подъ редакціей г. Ефремова, укажемъ на «Сочиненія К. Ф. Рылѣва» подъ редакціей г. Мазаева, изданныя въ 1893 году. Издатель разсматриваемой книги ни слова не говоритъ, что представляетъ собою изданное имъ «Собраніе сочиненій и переписка К. Ф. Рылѣва», и чѣмъ вызвано ея появленіе въ свѣтъ. Пожелавъ выяснитъ эти вопросы, мы сравнили вновь появившееся изданіе съ изданіями прежними, и вотъ наши выводы. Во 1-хъ, полнотой, несмотря на встрѣчающіяся ссылки на изданіе стихотвореній Рылѣва въ Лейпцигѣ, изданіе г. Балашова не отличается: оно значительно бѣднѣе содержанія Евдокимовскаго изданія 1893 г. (нѣтъ нѣсколькихъ писемъ и стихотвореній Рылѣва). Во 2-хъ, расположеніе матеріала совершенно произвольное, небрежное и невѣжественное. Возьмемъ стихотворенія. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены «Думы» (3—143 стр.); во второмъ подъ заголовкомъ *Оды и посланія* помѣщены такія, напримѣръ, пьесы, какъ ро-

мансъ, (Какъ счастливъ я!), какъ *эпиграммы*. Съ другой стороны въ третьемъ отдѣлѣ—*Разныя стихотворенія*—встрѣчаемъ такія пьесы: *Заблужденіе*, *Нечаянное счастье* и снова *эпиграммы*! Мало того, есть удивительные курьезы: одно и то же стихотвореніе напечатано дважды—и въ отдѣлѣ второмъ, и въ отдѣлѣ третьемъ (см. *Къ Каховскому*, стр. 168 и стр. 240). Письма къ матери расположены вопреки хронологіи. Въ 3-хъ, съ внѣшней стороны изданіе г. Балашова очень неряшливое. Бумага тонкая, сѣровая, «корректурная»; инныя страницы обозначены цифрами, а инныя нѣтъ; портретъ приложенъ искаженный. Подъ нѣкоторыми стихотвореніями стоитъ: «См. примѣчанія» (стр. 158—159—160), но ихъ тщетно будетъ искать читатель. И за такое макулатурное изданіе легковѣрный читатель обязанъ заплатить г. Балашову полтора рубля!

Э. Королевъ.

Книги, поступившія въ редакцію:

1) Полное собраніе сочиненій *Н. Г. Чернышевскаго*. т. VII. Современникъ 1860—1861. Основанія политической экономіи Д. С. Милля. Переводъ и примѣчанія Изд. М. Н. Чернышевскаго. СПб. 1905.

2) *То же*. т. VI. Современникъ 1860 (Критика и библіографія.—Статьи экономическія.—Отдѣлъ «Политика»).

3) Къ 25-лѣтію 1881—1906 гг. *Дѣло 1 марта 1881 года*. Процессъ Желябова, Перовской и др. (правительственный отчетъ) со статей и примѣчаніями *Льва Дейча*. Цѣна 75 коп. СПб. 1906.

4) *Фикте. Назначеніе человека*. Пер. съ нѣм. Л. М. Подъ ред. Н. О. Лосскаго. Ц. 50 коп. СПб. Изд. Д. И. Жуковскаго. 1906.

5) *С. Д. К. Союзъ союзовъ*. Ц. 20 коп. СПб. 1906.

6) *С. Д. К. Всероссійскій Союзъ инженеровъ и техниковъ*. Ц. 20 коп. СПб. 1906.

7) *И. Ф. Анненскій—Книга отраженій* (Проблема Гоголевскаго юмора.—Достоевскій до катастрофы.—Умиравшій. Тургеневъ.—Три социальныя драмы.—Драма настроеній.—Бальмонтъ-лирикъ.) СПб. Изд. бр. Башмаковыхъ, 1906 г. цѣна 1 руб.

8) *Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи*. Изд. В. М. Саблина, цѣна 1 р. 50 коп.

Редакція журналу «Былое» просить гг. книгоиздателей присылать ей для рецензій выходящія новыя книги историческаго содержанія.

Редакція просить читателей-друзей присылать ей такія изданія, какъ «Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» (выходили въ разныхъ городахъ), произведенія партійной литературы (всѣхъ партій), листки стачечныхъ комитетовъ и т. п., а также портреты погибшихъ въ борьбѣ за свободу выдающихся дѣятелей освободительнаго движенія (очень желательно было бы имѣть портретъ машиниста Ухтомскаго), и біографическія о нихъ свѣдѣнія. Желательно было бы получать также конфискованныя администраціей произведенія періодической и неперіодической печати. Изъ совокупности подобнаго матеріала станетъ возможнымъ составить такой архивъ относящихся къ освободительному движенію документовъ, который такъ необходимъ для исторіи движенія.

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

I.

8-го января 1906 года Шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать. Неизвѣстно, правда, какая судьба ожидаетъ пятерыхъ еще томившихся тамъ заключенныхъ (Карповича, Гершуни Мельникова, Сазонова и Сикорскаго), но страшный призракъ мрачнаго застѣнка отходить, во всякомъ случаѣ, въ исторію, вмѣстѣ съ такъ долго губившимъ Россію принципомъ народнаго безправія и правительственнаго самовластія.

Конечно, забыть Шлиссельбургъ Россія не можетъ и не должна. Какъ въ фокусѣ, въ немъ сосредоточились всѣ ужасы, всѣ муки, всѣ жертвы, какими отмѣчено русское освободительное движеніе, начиная съ Новикова и декабристовъ и кончая героями послѣднихъ дней. Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ заточенія, пытокъ и казней лучшихъ, энергичнѣйшихъ борцовъ за счастье народа. Могучая угроза въ рукахъ самодержавія,—въ глазахъ тѣхъ, кому дороги честь и свобода родины,—онъ всегда былъ эмблемой великой душевной красоты, великаго гражданскаго подвига. Это былъ какъ-бы почетный боевой постъ, на которомъ, въ ожиданіи вѣрной гибели, безтрепетно стоялъ авангардъ революціи...

Увидимъ-ли мы, живущее поколѣніе, тотъ грандіозный національный памятникъ, какимъ Россія почититъ *всѣхъ* своихъ героевъ-мучениковъ, страдавшихъ и погибшихъ на эшафотахъ, въ тюрьмахъ, въ рудникахъ и, тундрахъ Сибири, въ мрачныхъ тайникахъ Петропавловки и Шлиссельбурга? Какъ-бы то ни было, нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе послѣ двухъ десятковъ лѣтъ пребыванія въ ужасной шлиссельбургской могилѣ, еще живутъ среди насъ (ихъ 22 человекъ), не считая упомянутыхъ выше пятерыхъ), и чувство благоговѣйнаго удивленія, которое они намъ внушаютъ, не находитъ себѣ достаточнаго удовлетворенія въ болѣе или менѣе далекой мечтѣ... Такъ страстно хочется теперь же, сейчасъ-же дать ему сильное выраженіе! Вѣдь это не мертвыя имена, въ честь которыхъ потомки воздвигаютъ обыкновенно монументы,—это живые, дорогіе всѣмъ намъ люди! Не отвлеченный долгъ, а требованіе непосредственнаго чувства побуждаетъ сдѣлать все возможное для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, оградить этихъ изстрадавшихся людей отъ новыхъ житейскихъ невзгодъ и ударовъ.

Такова идея, легшая въ основаніе Шлиссельбургскаго Комитета.

Одна изъ первыхъ предстоящихъ ему задачъ—озаботиться сборомъ

денежныхъ средствъ для составленія постоянного шлиссельбургскаго фонда. Съ этой цѣлью Комитетомъ намѣчены слѣдующія мѣры: 1) пожертвованія, въ сборѣ которыхъ желательно участіе самыхъ широкихъ круговъ населенія; 2) спеціальныя изданія портретныхъ галлерей, книгъ и брошюръ; 3) литературные вечера и концерты.

Избранный первоначально „Союзомъ Союзовъ“ Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семевскій (Вас. Остр., 2 л., д. 11).

Товарищъ Предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ. Ст. Удѣльная Финл. ж. д.).

Секретарь—В. Л. Яковлевъ-Богучарскій (Ямская ул., д. 25, кв. 8).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Бурцевъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. П. Водовозова, В. В. Водовозовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, А. С. Зарудный, Д. А. Клеменць, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Н. С. Кудринъ, Л. П. Купріянова, П. Н. Милоковъ, В. А. Мякотинъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. А. де-Плансонъ, А. С. Пругавинъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Сажинъ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, Л. Н. Стахевичъ, О. Н. Флоровская, Л. Э. Шишко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы—посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

II.

Одною изъ своихъ очередныхъ задачъ Шлиссельбургскій Комитетъ поставилъ изданіе альбома, по возможности, всѣхъ лицъ, когда либо томившихся въ Шлиссельбургской крѣпости, отъ Новикова до Сафонова и Сикорскаго. Портреты эти будутъ снабжены краткими біографіями узниковъ. Комитетъ собралъ уже значительное количество необходимыхъ для этой цѣли портретовъ, но многихъ еще недостаетъ. Труднѣе всего, конечно, достать портреты узниковъ, томившихся въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая Перваго (Тюринъ, Поповъ, Вас. Критскій, Олейничукъ, Соколовскій, Ибаевъ, и др.), но недостаетъ также и значительнаго количества портретовъ шлиссельбуржцевъ эпохи 1884—1905 года. Арончикъ, Исаевъ, Савелій Златопольскій, Малавскій, Минаковъ, Клименко, Тихоновичъ, Немоловскій, Игнатъ Ивановъ, Вас. Ивановъ, Лаговской, Ник. Рогачевъ, Генераловъ, Андреюшкинъ, Шевыревъ, Чепегинъ, Васильевъ и Гершковичъ). Комитетъ проситъ лицъ, владѣющихъ портретами перечисленныхъ узниковъ, доставить ему ихъ для воспроизведенія, послѣ чего, по желанію владѣльцевъ, портреты будутъ немедленно возвращены по принадлежности. Комитетъ проситъ также доставить ему біографическія свѣдѣнія не только о перечисленныхъ узникахъ, но и обо всѣхъ шлиссельбуржцахъ,—причемъ чѣмъ полнѣе—тѣмъ лучше. Всѣ эти предметы могутъ быть направляемы секретарю Комитета, по адресу: Пе-

*

тербургъ Редакція журнала „Былое“. Спасская улица, 25 кв. 20 Василию Яковлевичу Яковлеву - Богучарскому. (Просятъ посылать заказными). Весь сборъ отъ продажи сборника-альбома поступить въ пользу шлис-сельбуржцевъ.

Предсѣдатель Комитета В. Семеvскій.

Секретарь В. Богучарскій.

III.

На образованіе Шлиссельбургскаго фонда поступили по 15 февраля 1906 г. слѣдующія пожертвованія.

1) Деньгами: отъ Л. Ф. Пантелѣева—150 р., черезъ Л. Ф. Пантелѣева—40 р., Бровко—50 р., М. В. Ватсонъ—10 р., воспитанника декабриста А. В. Поджіо—100 р., А. П. Р.—3 р., Серебренникова—3 р., NN.—10 р., В. П. Воронцова—25 р., редакціи „Исторіи освободительнаго движенія въ Россіи“—25 р., Чермака—3 р., А. С. Заруднаго—5 р., М. П. Н.—100 р., У.—3 р., Н. П.—5 р., В. В. Святловскаго—5 р., NN—1 р., К. О.—5 р., Ф. Ваньковича—25 р., врача М. П.—10 р., А. Е. Кутузовой и Е. Е. Зайцевой—5 р., П. И. Вейнберга—10 р., А. К. Писаревой—100 р., Н. А.—7 р., А. Кулябко-Корецкаго—10 р., С. О. Ющинскаго—10 р., Н. Г. и А. Р.—7 р. Итого 730 рублей.

2) Процентными бумагами: чрезъ В. И. Семеvскаго, отъ неизвѣстнаго, на изданія Комитета, билетъ внутренняго 5% займа 1905 г. на 1000 р.; чрезъ него же, отъ неизвѣстнаго, на изданіе Шлиссельбургскимъ Комитетомъ опредѣленной книги, свидѣтельство государственной 4% ренты на 3.000 р.; итого 4.000 р.

О полученіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ жертвователей.

Казначей Комитета Н. Анненскій.

IV.

Со времени опубликованія воззванія Шлиссельбургскаго Комитета по 15 февраля текущаго года въ Комитетъ изъ числа недостававшихъ ему портретовъ шлиссельбургскихъ узниковъ доставлены фотографическія карточки Манучарова (въ 3 различныхъ видахъ), Осипанова, Щедрина и Кобылянскаго. Доставлены также біографическія свѣдѣнія о Манучаровѣ, Немоловскомъ, Щедринѣ, Ашенбреннерѣ, Мельниковѣ, Канашевичѣ, Гершковичѣ, Буцевичѣ, Новорусскомъ и Стародворскомъ. О полученіи всѣхъ перечисленныхъ портретовъ и свѣдѣній Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ доставившихъ ихъ лицъ.

Секретарь Комитета В. Богучарскій.

Современная Лѣтопись.

Въ этомъ отдѣлѣ мы будемъ регистрировать, и *только регистрировать*, главнѣйшіе факты, характеризующіе положеніе освободительнаго движенія за опредѣленный промежутокъ времени. Такую регистрацію мы даемъ въ этой книжкѣ за январь мѣсяць 1906 года.

Начнемъ съ главнѣйшихъ „дѣйствій“ правительства:

4 января указомъ Правительствующему Сенату были объявлены на военномъ положеніи области Акмолинская и Семипалатинская.

Того же числа былъ изданъ указъ, въ которомъ говорилось, что „указами Нашими 7-го и 21-го февраля и 22 марта 1904 г. и 13 апрѣля и 22 октября и 23 декабря 1905 г. Правительствующему Сенату данными, объявили Мы на военномъ положеніи сибирскую желѣзную дорогу; находящіяся въ предѣлахъ сибирскаго военнаго округа участки дорогъ забайкальской и кругобайкальской; населенные пункты, прилежающіе къ сибирской желѣзной дорогѣ и перечисленные въ особомъ списокѣ, а также инженерскія и судженскія каменноугольныя копи, находящіяся въ Томской губерніи; гор. Иркутскъ и всѣ уѣзды, по коимъ проходитъ сибирская жел. дорога, входящіе въ предѣлы сибирскаго военнаго округа, а именно: Курганскій, Ишимскій, Тюкалинскій Тобольской губ.; Петропавловскій и Омскій Акмолинской области; Каинскій, Барнаульскій, Томскій и Мариинскій Томской губ.; Ачинскій, Красноярскій и Канскій Енисейской губ. и Нижнеудинскій, Балаганскій и Иркутскій Иркутской губ., а равно Тобольскій и Тюменскій уѣзды Тобольской губ. Нынѣ для болѣе успѣшнаго подавленія происходящихъ вдоль линіи сибирской ж. д. безпорядковъ и возстановленія по всей линіи должнаго порядка и безостановочнаго движенія признали Мы необходимымъ—объявить на военномъ положеніи Челябинскій уѣздъ Оренбургской губ.“

Въ тотъ же день такимъ же указомъ былъ объявленъ на военномъ положеніи г. Сызрань Симбирской губ.

Затѣмъ въ теченіе января мѣсяца было опубликовано, что на основаніи Именнаго Высочайшаго указа Прав. Сенату 29 ноября 1905 г., екатеринославскій губернаторъ объявилъ на военномъ положеніи всю Екатеринославскую губернію; тамбовское „мѣстное начальство“—желѣзнодорожный узелъ Грязи; черниговскій губернаторъ—г. Конотопъ; херсонскій губернаторъ объявилъ въ положеніи усиленной охраны города Тирасполь и Ананьевъ съ ихъ уѣздами; Вятскій губернаторъ—въ положеніи усиленной охраны всю Вятскую губернію; таврическій губер-

наторъ—на военномъ положеніи Днѣпровскій уѣздъ; черниговскій губернаторъ—на военномъ положеніи находящійся въ Глуховскомъ уѣздѣ Шостенскій пороховой заводъ и поселеніе Шостка съ прилегающими къ нему слободами; войсковой наказный атаманъ войска донского—на военномъ положеніи Ростовское на Дону градоначальство (всѣ эти распоряженія были опубликованы въ теченіе января, самыя же объявленія различныхъ мѣстностей на военномъ положеніи и въ положеніи усиленной охраны происходили въ теченіе декабря прошлаго года).

9 января м-ръ вн. дѣлъ донесъ Прав. Сенату, что „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его министра, докладу о происходящихъ во многихъ мѣстностяхъ Черниговской губ. безпорядкахъ, 4 января 1906 г. Высочайше повелѣтъ соизволилъ—объявить названную губернію, въ положеніи чрезвычайной охраны съ предоставленіемъ правъ главнокомандующаго въ предѣлахъ этой губ. генералъ-адъютанту Пантелѣеву“.

Эстляндскій губернаторъ донесъ Прав. Сенату, что онъ объявилъ Везенбергскій, Вейсенштейнскій и Гапсальскій уѣзды на военномъ положеніи.

Харьковскій губернаторъ—на военномъ положеніи г. Сумы и Сумскій уѣздъ.

Таврическій губернаторъ—на военномъ положеніи г. Феодосію.

* * *

Въ теченіе января мѣсяца газетами зарегистрированы слѣд. далеко конечно, не полный перечень проявленія революціоннаго движенія въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ Батумѣ 7 января убитъ старшій чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, Ивановъ и шедшій съ нимъ землевладѣлецъ Руссенъ-Бекъ, преслѣдовавшій убійцу Иванова. Убійцы скрылись.

Въ Ригѣ 9 января произошло столкновеніе толпы съ казацкимъ патрулемъ. Въ перестрѣлкѣ ранены изъ толпы 2—тяжело, 4—легко. Нѣсколько казаковъ получили тоже легкія раны.

Въ Новоузенскѣ произошло столкновеніе толпы съ полиціей. Исправникъ тяжело раненъ въ голову.

6 января въ Бѣлостокѣ произведено покушеніе на жизнь пристава Федосова. Стрѣлявшій скрылся.

Въ Гомелѣ убитъ помощникъ пристава Леоновъ. Убійца скрылся.

Въ Умани 9 января брошена бомба въ канцелярію пристава 2-й части. Бомба не взорвалась.

Въ Одессѣ 9 января задержанъ субъектъ, пытавшійся бросить бомбу въ зданіе полиціи. Задержанный назвался мѣщ. Агратановымъ.

Въ Одессѣ 10 января въ помѣщеніи жандармскаго управленія произошелъ взрывъ адской машины. Особенно сильно пострадала комната, въ которой собираются офицеры канцеляріи. Человѣческихъ жертвъ не было.

Въ Вильно обнаружено 8 бомбъ.

Въ Лодзи найдены 2 бомбы.

Въ Тифлисѣ найдены 2 бомбы.

Въ Екатеринбургѣ обнаруженъ складъ оружія, бомбъ, динамита и прокламцій.

Въ Черниговѣ найдено холодное оружіе и много патроновъ.

Въ Варшавѣ найдено 8 фунтовъ динамита и 500 патроновъ.

Въ Новороссійскѣ найдена тайная типографія и наборъ воззванія къ 9 января. 4 человѣка арестовано.

Въ Томскѣ найдена тайная типографія.

9 января во Владивостокѣ матросы сибирскаго гарнизона разбили во дворѣ сарай съ оружіемъ, унесли ружья и патроны, и затѣмъ 10-го января состоялся митингъ, на который матросы и часть сухопутныхъ солдатъ явились съ винтовками и патронами. По окончаніи митинга, матросы строемъ направились къ квартирѣ коменданта крѣпости съ требованіемъ освободить арестованныхъ, но шествіе было остановлено пулеметами. Къ вечеру въ городѣ все успокоилось, но 11 января былъ тяжело раненъ генераль Селивановъ.

На имя Государя отъ гр. Воронцова-Дашкова была получена 11-го января такая телеграмма:

„Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству: начальникъ Сухумскаго округа донесъ мнѣ, что съ начала почтово-телеграфной забастовки мятежники намѣревались захватить власть въ Сухумѣ и овладѣть казначействомъ, но имъ этого не удалось: городъ былъ объявленъ на положеніи усиленной охраны, и часть агитаторовъ арестована“.

16 января на станціи Борисоглѣбскѣ, при выходѣ изъ вагона, тяжело раненъ 5-ю револьверными пулями совѣтникъ губ. правленія Луженовскій. Стрѣлявшая арестована. (Луженовскій впослѣдствіи умеръ. Фамилія стрѣлявшей Спиридонова).

18 января въ Полтавѣ выстрѣломъ изъ револьвера убитъ шедшій на службу старшій совѣтникъ губ. правленія Филоновъ. Убійца скрылся.

Въ Тифлисѣ убитъ бомбой начальникъ штаба генераль Грязновъ. Убійца задержанъ.

Въ Вильнѣ 14 января брошенъ снарядъ въ управленіе 1-го участка. Снарядъ не разорвался. Бросившій снарядъ скрылся.

Въ Бѣльскѣ 14 января брошена бомба. Виновникъ не обнаруженъ. Не выяснена также и цѣль взрыва.

Въ Варшавѣ 11 января на ст. Варшава-Обводная брошена бомба. На станціи никто не пострадалъ.

Въ Ригѣ ночью 12 января найденъ складъ оружія боевой организаціи. Конфисковано 80.000 револьверныхъ патроновъ, нѣсколько револьверовъ, ружей и холодное оружіе.

Въ Нижне-Днѣпровскѣ найдены нѣсколько ящиковъ динамита и 4 бомбы.

Въ селѣ Ромадановѣ Калужскаго уѣзда въ квартирѣ учителя найдена типографія съ набраннымъ текстомъ прокламации отъ имени со-вѣта рабочихъ депутатовъ. Учитель арестованъ.

20 января въ Полтавѣ убитъ начальникъ жел. дор. мастерскихъ инж. Литвиновъ.

21 января въ Луганскѣ арестована тайная типографія.

Въ Кутансѣ 24 января убить приставъ Кобансани.

Въ Вильнѣ 28 января 7 револьв. выстрѣлами раненъ околочный надзиратель.

27 января молодая женщина, назвавшая себя Крупницкой, явилась къ вице-адмиралу Чухнину и четыре раза выстрѣлила въ него изъ Браунинга. Адмиралъ раненъ. Покушавшуюся на жизнь Чухнина немедленно разстрѣляли во дворѣ дома, гдѣ живетъ адмиралъ.

Въ Пензѣ 26 января убить 3-мя выстрѣлами изъ револьвера полицеймейстеръ Кандауровъ. Убийца оказался мѣстнымъ уроженцемъ Васильевымъ.

Въ Тифлисѣ 27 января убить окол. надзиратель Крженецъ.

Въ Петербургѣ 27 января за Невской заставой въ чайной „Тверь“ собралось человекъ 80 „союза русскихъ людей“. Туда была брошена бомба. Бросившіеся послѣ взрыва къ выходу члены союза были встрѣчены револьверными выстрѣлами. Убито 2, ранено—около 15.

Въ Варшавѣ 27 января въ шедшихъ на дежурство 4-хъ жандармовъ брошена бомба. Жандармы въ изуродованномъ видѣ и безнадежномъ состояніи доставлены въ госпиталь.

30 января въ Москвѣ на дворѣ мѣщанской управы обнаружены ящики съ бомбами.

Въ Одессѣ на Александровскомъ проспектѣ найдены 3 бомбы.

Въ Казани въ транспортной конторѣ Чернова конфисковано 6 ящиковъ оружія.

Въ Прокуровскомъ уѣздѣ обнаружена большая партія разнаго оружія.

* * *

Въ теченіе января мѣсяца смертная казнь примѣнялась въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, что нѣтъ никакой возможности даже зарегистрировать сколько нибудь полно всѣ бывшіе случаи ея примѣненія. Ограничимся, поэтому, лишь слѣдующими, опубликованными въ газетахъ, данными.

1) „3 января въ Варшавѣ „уличенные въ антиправительственной пропагандѣ, изготовленіи и бросаніи разрывныхъ снарядовъ, Шлема Розенцвейгъ, Укубъ Гольшайнъ, Хаимъ Рифкиндъ, Шлема Шаеръ и Янкель Пфеферъ въ 7 час. утра *разстрѣляны* въ варшавской крѣпости“.

2) „Въ городѣ Феллинѣ, Лифляндской губ., 9 января, по приговору полевого суда, *разстрѣляно* 45 человекъ за участіе въ безпорядкахъ“.

3) „Въ Митавскомъ уѣздѣ военными отрядами *разстрѣляны* оказавшіе сопротивленіе 18 мятежниковъ, въ томъ числѣ одинъ полякъ, прибывшій будто бы изъ Петербурга, Гржимайло. Въ Фрауенбургѣ *разстрѣляны* Швельманъ, принявшій званіе начальника города при наличности законной власти“.

4) „Отрядъ, вышедшій въ окрестности Виндавы для отбирания оружія, встрѣтилъ сопротивленіе, причемъ двое агитаторовъ были *разстрѣляны*, четверо арестованы“.

5) „Въ Гробинскомъ и Газенпотскомъ уѣздахъ за мятежъ, разгромъ помѣщичьихъ имѣній и порчу Газенпотской желѣзной дороги, по при-

говору военно-полевого суда *казнено* въ Виргиналенѣ 8 человекъ, въ Дзервенѣ—3, въ Капдангенѣ—8, Въ Амстернѣ—2, въ Апсенѣ—2, въ Легенѣ—3*.

6) „Въ Люблинѣ *казненъ* *черезъ разстрѣльнiе* Марковский, обвиненный въ убійствѣ начальника желѣзнодорожной станціи Люблинѣ Шпакова“.

7) „12 января, въ Лембургѣ, Рижскаго уѣзда, по постановленію полевого суда, *разстрѣльнi* *пять латышей-революціонеровъ*“.

8) „Въ Феллинѣ, Лифляндской губ., для усмиренія забунтовавшихся эстовъ прибылъ штабсъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка бар. Гроссъ-Сиверсъ. Здѣсь 9 января *разстрѣлено 40 и 11 января 13 человекъ эстовъ*. Въ ночь на 9-е января, за три часа до казни, схвачены были 26 человекъ городскихъ эстовъ и вмѣстѣ съ 14-ю преступниками, содержавшимися въ тюрьмѣ за разгромъ имѣній, *разстрѣльнi* *возлѣ города, на берегу озера, на глазахъ многолюдной толпы*“.

9) „Части отряда генерала Орлова прибыли въ Зегевольдъ—имѣніе князя Крапоткина. Полевымъ судомъ три крестьянина тамъ *разстрѣльнi*“.

10) „Въ Вайноденѣ полевой судъ приговорилъ 12 человекъ къ смертной казни. Изъ нихъ *10 разстрѣлено*, двое бѣжали“.

11) „Въ Гайнашѣ, 5 января *разстрѣльнi* слѣдующія лица: 1) Эрнестъ Циммерманъ (17 лѣтъ), который, встрѣтивъ войска, пытался убѣжать; 2) аптекаръ Пелекзирнъ, жена котораго была выбрана въ члены нов. волостн. правленія; 3) купецъ Предитъ, арендаторы: 4) Алексѣй Аунынь, 30 лѣтъ; 5) Яковъ Грависъ, 50 лѣтъ; 6) Адамъ Туликъ, 23 лѣтъ; 7) Марцъ Лайвинъ, 50 лѣтъ,—черезъ посредство агитатора Б. предъявившіе къ мызной администраціи требованіе о выдачѣ вознагражденія за разныя работы въ пользу имѣнія; 8) Фрицъ Аболъ и 9) Марцъ Юрьянъ. Въ ночь на 9 января *разстрѣльнi* Петръ Вирсисъ—ученикъ изъ Риги, Карлъ Буритъ, Эрихсъ, М. Вильде и Янъ Витоль“.

12) „Вблизи Либавы, въ имѣніи Прекульнѣ *разстрѣлено свыше двадцати латышей*, участвовавшихъ въ мѣстномъ движеніи. *Разстрѣльнi* *ограничившіе почту вблизи Прекульна*“.

13) „Въ Ригѣ, по приговору военно-полевого суда въ Венденѣ, Лифляндской губ., *разстрѣльнi* *извѣстный латышскій агитаторъ, владѣлецъ типографіи и книжнаго магазина Озолъ*“.

14) „Въ Либавѣ, при попыткѣ отправиться на пароходѣ за границу, арестованъ 17 января главный агитаторъ въ гробинскомъ уѣздѣ Штраусъ. По рѣшенію полевого суда въ Прекульнѣ, онъ *казненъ черезъ повѣшеніе*. Одновременно *разстрѣльнi* *12 крестьянъ-революціонеровъ*“.

15) „Военный судъ приговорилъ преступниковъ, покушавшихся 1 января на жизнь черниговскаго губернатора Хвостова, *къ смертной казни черезъ повѣшеніе* и соучастника ихъ Лейкина *къ 10 годамъ каторги*“.

16) Кіевскій военный судъ слушалъ при закрытыхъ дверяхъ дѣло Заславскаго, пытавшагося въ декабрѣ отбить у городского арестованнаго товарища. Вечеромъ публично объявленъ приговоръ *къ смертной казни черезъ повѣшеніе*“.

17) „Получены слѣдующія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ экзекуціоннаго отряда въ Прибалтійскомъ краѣ: Въ Друстенскомъ приходѣ *разстрѣлено 9 человекъ*, въ томъ числѣ нѣсколько членовъ новаго волостного правленія.

Въ Фридрихштадтѣ *разстрѣляно парикмахерскій подмастерье Л.*, одобрительно отзывавшійся о дѣйствіяхъ высшаго правительства.

Въ Доленѣ *разстрѣляно 11 человекъ.*

Въ Куртенгофѣ *разстрѣляно 4 крестьянина.*

Въ Саусенской волости *разстрѣлены 8 человекъ.* По дорогѣ въ Фентенъ *разстрѣляно 3 крестьянина.*

Въ Бербенской волости происходятъ *разстрѣлы ежедневно.*

Въ Юргенсбургскомъ приходѣ *разстрѣлены 4 революціонера.*

Въ Кокенгузеѣ *разстрѣляно свыше 80 человекъ.*

Въ Ашерандѣ *разстрѣляно 4 человека.*

Въ Ленневарденѣ *разстрѣляно 2 человека.*

Въ Старомъ-Гульбинѣ *разстрѣлены 32 человека.*

Въ имѣніи Тинзе *разстрѣляно 11 человекъ, многіе избиты нагайками.*

Въ Гофцумбергѣ *разстрѣляно 9 человекъ.*

Въ Тальсенѣ *разстрѣляно 5 человекъ.*

Въ Гроссѣ-Зальвенѣ *разстрѣляно Юлій Дьвоцинъ, принадлежащій къ числу лучшихъ современныхъ латышскихъ лириковъ.*

Въ Вайноденѣ *разстрѣляно 13 человекъ, повѣшено 2, двоимъ удалось бѣжать*.*

18) „Въ городѣ Газенпотѣ воинскимъ отрядомъ двое повѣшено“.

19) „Въ Ригѣ закончился разборъ двухъ дѣлъ временнымъ военнымъ судомъ. Обвиняемые по первому дѣлу, мѣщане Эрнстъ Штейнбергъ, 20 лѣтъ, и Мартинъ Вадзе, 21 года, за покушеніе на убійство казаковъ приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни черезъ повѣшеніе. По дѣлу германскаго подданнаго Іоганна Іогансона и крестьянъ Іоганна Земгала и Эдуарда Апсита, обвиняемыхъ въ обезоруженіи полиціи съ примѣненіемъ насилія, военный судъ постановилъ: первыхъ *двухъ предать смертной казни, а послѣдняго оправдать*.*

* * *

Помѣщаемъ факты, рисующіе положеніе нашей „свободной печати“; помѣщаемъ ихъ безъ малѣйшихъ коментарій, въ томъ видѣ, въ какомъ факты эти были опубликованы въ газетахъ:

1) „Особымъ комитетомъ самарской желѣзной дороги *воспреещена продажа въ полосѣ отчужденія журналовъ „Пламя“, „Пулеметъ“, „Стрѣлы“, „Пули“, „Паяцъ“, газета „Наша Жизнь“.*

2) „Въ Петербургѣ, 5 января, поздно ночью, въ типографію газеты „Обновленная Россія“, въ присутствіи издателя ея П. П. Сойкина и редактора А. Е. Зарина, явилась полиція съ распоряженіемъ о *немедленномъ прекращеніи выхода ея въ свѣтъ.* Поводомъ къ закрытію газеты послужили статьи, напечатанныя въ №№ 27 и 35“.

3) „Въ Варшавѣ по распоряженію генераль-губернатора, *приостановлено изданіе „Западнаго Голоса“.*

4) „Въ Митавѣ распоряженіемъ генераль-губернатора *приостановлена латышская социаль-демократическая газета „Спексъ“.* Редакторъ, кандидатъ правъ Гиршъ, и издатель Нейландъ арестованы“.

5) „Въ Лодзи, по распоряженію властей, *закрѣта* газета „Гонецъ Лудзскій“; типографія опечатана“.

6) „Въ Люблинѣ *пріостановлено* съ перваго номера изданіе „Дзеника Любельскаго“.

7) „Въ Люблинѣ, по распоряженію временнаго генераль-губернатора, *пріостановлены* мѣстныя газеты „Курьеръ Любельскій“ и „Гонецъ Любельскій“.

8) „Въ Одессѣ генераль-губернаторомъ *пріостановлена* на время военнаго положенія украинская газета „Народная Справа“, вышедшая первымъ номеромъ“.

9) „Въ Юрьевѣ *пріостановлена* выходомъ газеты „Удизетъ“ и „Олевикъ“.

10) „Въ Сѣмипалатинскѣ на время военнаго положенія *пріостановленъ* „Сѣмипалатинскій Листокъ“.

11) „*Закрѣта* газета „Сумскій Голосъ“, привлечены къ судебной отвѣтственности по 129-ой статьѣ редакторы: присяжный повѣренный Фрей, членъ земской управы Величко, членъ суда Саллогубъ, ветеринарный врачъ Ткаченко и двое другихъ лицъ. Мѣрой пресѣченія члену суда назначенъ домашній арестъ. Остальные отданы на поруки“.

12) „Въ Петербургѣ, въ 11 часовъ утра, 5 января, полиція отбирала у газетчиковъ только что вышедшій первый номеръ газеты „Молодая Россія“. Въ 12 часовъ полиція явилась въ типографію Пастора, гдѣ печаталась эта газета, произвела обыскъ и *конфисковала* все номера „Молодой Россія“, еще находившіеся въ типографіи“.

13) „Въ Петербургѣ, 6 января, чины полиціи *конфисковали* по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ только что выпущеннаго политическо-сатирическаго журнала „Забіяка“, предназначенныхъ для отсылки и оставшихся въ складѣ. Номера „Забіяки“, выпущенные въ розничную продажу, усиленно отбирались въ теченіи дня чинами полиціи у газетчиковъ“.

14) „Вышедшій 6 января въ Петербургѣ пробный номеръ сатирическаго журнала „Гудокъ“ въ тотъ же день вечеромъ *отбирался* полиціей“.

15) „Въ Казани *конфискованъ* № 49 „Волжскаго Вѣстника“.

16) „Во Владимірѣ *конфискованъ* № 6 газеты „Клязьма“. По распоряженію властей номера отбирались у разносчиковъ“.

17) „Въ Петербургѣ, въ ночь на 5 января, въ типографіи гдѣ печатался № 4 сатирическаго журнала „Пламя“, полиціей было произведено *тщательное изслѣдованіе* набора, клише и даже бумаги, на которой печатался журналъ“.

18) „7 января, въ спб. судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло редактора-издателя газеты „Русь“ А. А. Суворина, по обвиненію его по 1 и 3 пп. 129 ст. уг. улож. въ напечатаніи извѣстнаго манифеста революціонныхъ организацій. Защищали А. А. Суворина присяжные повѣренные С. А. Андреевскій и М. Л. Гольдштейнъ. Особое присутствіе палаты послѣ почти двухчасоваго совѣщанія приговорило А. А. Суворина къ *заключенію въ крѣпость на 1 годъ*, но, принимая во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, постановило ходатайствовать о замѣнѣ этого наказанія трехмѣсячнымъ

заключеніемъ въ крѣпость. Въ отношеніи самой газеты „Русь“ палата ни о какихъ репрессивныхъ мѣрахъ въ своемъ приговорѣ не объявила. По аналогичному дѣлу „Нашей Жизни“ редакторъ Л. В. Ходскій приговоренъ къ 500 р. штрафа, а другой редакторъ А. Н. Котельниковъ оправданъ“.

19) „Въ Варшавѣ ген. Скалонъ оштрафовалъ редактора „Западнаго Голоса“ на 500 рублей за статью *антиправительственнаго содержанія* въ номерѣ отъ 23 декабря. Объявленіе постановленія производилось такъ: приставъ явился на квартиру редактора въ его отсутствіи, описалъ имущество, потомъ явился въ редакцію и объявилъ рѣшеніе, предупредивъ, что дается трехдневный срокъ, иначе—тюрьма“.

20) „Въ Варшавѣ постановленіемъ начальника края, на основаніи 12-й статьи военного положенія, *подвергнуты штрафу* въ 1.000 рублей редакторъ польскаго журнала „Пожарный“ Шиллеръ и въ 500 руб. редакторъ русской газеты „Западный Голосъ“ Миринъ“.

21) „Къ П. Н. Милюкову, помимо предъявленія обвиненія по 129 ст. *уголовн. уложен.* за редактированіе газеты: „Свободный Народъ“, предъявлено также обвиненіе по той же статьѣ за помѣщеніе въ другой редактированной имъ газетѣ: „Народной Свободѣ“ статьи П. Б. Струве: „Еще не поздно“. Въ видѣ мѣры пресѣченія съ г. Милюкова потребованъ залогъ въ размѣрѣ 800 р., несмотря на внесеніе имъ по первому дѣлу залога въ 10.000 р.“.

22) „Къ редактору „Полярной Звѣзды“ П. Б. Струве предъявлено обвиненіе по 129 ст. *угол. улож.* за напечатанную въ № 3 журнала статью редактора: „Два забастовочныхъ комитета“.

23) „Въ Казани, къ редактору „Волжскаго Вѣстника“ В. И. Кудряцеву предъявлено обвиненіе по ст. 129 и 1024 *уголовн. уложенія*“.

24) „Въ Смоленскѣ редакторъ „Днѣпровскаго Вѣстника“ *привлеченъ къ ответственности по 129 статьѣ*“.

25) „Въ Симферополѣ редакторъ „Крыма“ Эндлинъ *привлеченъ къ ответственности по 129 статьѣ*“.

26) „Въ Перми, ночью 5 января, въ редакцію газеты „Пермскій Край“ явилась полиція и казаки, всего двадцать человекъ, и произвели обыскъ; не найдя ничего преступнаго, опечатали типографію и редакцію. 7 января типографія открыта, но съ содержателя взята подписка не печатать „Пермскаго Края“. *Редакція остается опечатанной*. Никакого распоряженія о приостановкѣ газеты до сего времени редакціи не сообщено“.

27) „Въ Петербургѣ, 8, 9 и 10 января *закрытъ цѣлый рядъ типографій*, въ томъ числѣ типографія г. Бусселя, печатавшая „Еврейскій Рабочій“, „Зритель“ и „Трудъ“, печатавшая „Пулеметъ“.

28) „Въ Тифлисѣ *арестованъ* редакторъ „Возрожденія“, Готуа и одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ соціально-демократической газеты „Схиви“ Махарадзе. Произведены обыски въ редакціи и типографіи новой грузинской газеты „Питара“, обѣ опечатаны“.

29) „Въ Царицынѣ *арестованъ* редакторъ „Царицынской Жизни“.

30) „Въ Кишиневѣ, 10 января, въ 6 час. вечера, по распоряженію администраціи произведенъ *внезапный обыскъ редакціи и типографіи* газеты „Бессарабская Жизнь“ многочисленнымъ нарядомъ полиціи. Захва-

чены частные заказы, готовый наборъ, а также изданія конституціонно-демократической партіи на молдавскомъ языкѣ. Арестованъ заказчикъ брошюры „Революція 1905 года“, редакторъ-издатель „Голоса Земли“ Топоровъ“.

31) „Циркуляромъ губернатора въ кievской губерніи безусловно *воспрещена продажа въ разность всѣхъ газетъ и журналовъ*. Сдѣлано распоряженіе обыскать въ городѣ всѣ газетные кіоски“.

32) „По распоряженію цензурнаго комитета, полиціи предписано *конфисковать № 17 газеты „Вечерній Голосъ“*. Конфискація этого номера произведена и въ типографіи названной газеты“.

33) „Въ Вильнѣ *конфискованы* номера „Сѣверо-Западнаго Голоса“ отъ 12 января“.

34) № 6 „Симбирской Народной Газеты“ *конфискованъ*. Къ редактору предъявлено обвиненіе по 129 статьѣ“.

35) „Въ Полтавѣ *конфискованъ* второй номеръ соціалъ-демократической газеты „Полтавскій работникъ““.

36) „Въ Царицынѣ, по распоряженію генераль-адъютанта Масимовича, газета „Царицынскій Вѣстникъ“ за вредное направленіе *пріостановлена* на неопредѣленное время“.

37) „Въ Асхабадѣ, 15 января, въ контору редакціи „Асхабадъ“ явился исполняющій обязанности цензора мѣстныхъ изданій съ *уѣзднымъ начальникомъ и конфискованъ* нумера этой газеты отъ 14 и 15 января. Такая же конфискація была произведена въ газетныхъ кіоскахъ и въ почтовой конторѣ“.

38) „Въ Тифлисѣ на время военного положенія *пріостановленъ* органъ грузинскихъ соціалъ-демократовъ „Схиви““.

39) „Костромской окружный судъ заочнымъ приговоромъ присудилъ редактора-издательницу Андроникову *къ 4-мѣсячному тюремному заключенію за напечатаніе воззванія къ политической забастовкѣ*“.

40) „Стодольницкій, редакторъ польской газеты „Курьеръ Любельскій“, *оштрафованъ военнымъ губернаторомъ* въ 1,000 рублей“.

41) „Въ Казани редактору газеты Волжскій Листокъ С. А. Ушакову предъявлено обвиненіе по *пункту 6 ст. 5 и 6 отдѣла 8 Высочайшаго указа* 24 ноября 1905 года“.

42) „Въ Симферополѣ редакторъ „Крымскаго Курьера“ привлеченъ *къ судебной отвѣтственности по 129 ст.* по тремъ отдѣламъ“.

43) „Въ Владикавказѣ прокурорскимъ надзоромъ возбуждено противъ редактора газеты „Казбекъ“, Казарова, *преслѣдованіе по второму пункту 129 статьи*“.

44) „Въ Петербургѣ, по распоряженію градоначальник., *закрыты и запечатаны* типографіи Фрейдберга за напечатаніе въ ней нелегальныхъ произведеній, Голике, въ которой печатался журналъ „Жупель“ и Американская Скоропечатня за напечатаніе сатирическаго журнала „Знамя““.

45) „Въ Кишиневѣ, 1-го января, въ 7 час. вечера полиціей по распоряженію губернатора Харузина, *закрыта типографія „Бессарабской Жизни“*“.

46) „Въ Варшавѣ редакторы „Курьера Пораннаго“ и еженедѣльника „Голосъ“, а также издатель и одинъ сотрудникъ послѣдняго привлечены

прокурорскимъ надзоромъ къ *уголовной ответственности за разные статьи*, помѣщенные въ декабрѣ.

47) „Въ Варшавѣ, постановленіемъ третьяго уголовного департамента судебной палаты, редакторъ „Lodzer Zeitung“ Петерзильге *приговоренъ къ штрафу* въ 200 руб.“.

48) „Редакторъ „Южнаго Слова“ Гросманъ обвиняется прокурорскимъ надзоромъ въ *призывѣ къ вооруженному возстанію*. Гросманъ содержится въ тюрьмѣ“.

49) „Въ Петербургѣ *арестованъ* редакторъ „Обновленной Россіи“ А. Е. Заринъ. Къ нему предъявлено обвиненіе по 128 и 129 и другимъ статьямъ и возбуждено семь дѣлъ“.

50) „Въ Петербургѣ *арестованъ* издатель „Сына Отечества“ и „Жупела“ С. П. Юрицынъ“.

51) „Въ Казани, *арестованъ* редакторъ „Волжскаго Вѣстника“ Кудрявцевъ“.

52) „Въ Кишиневѣ, *арестованъ* редакторъ-издатель „Бессарабской Жизни“ Захаровъ. Производятся аресты членовъ редакціи и конфискаціи литературы конституціонно-демократической партіи“.

53) „Въ Симферополѣ, *арестована* издательница „Прибоя“ г-жа Васильева“.

54) „Въ Петербургѣ въ ночь на 15 января, редакцію сатирическаго журнала „Жупель“ посѣтили полицейскіе и жандармы. *При обыскѣ въ редакціи* были найдены и немедленно конфискованы 50 пробныхъ выпусковъ третьяго номера названнаго журнала. Сыщиковъ это количество не удовлетворило и, покидая редакцію, они заявили, что у входа послѣдней будетъ установлено дежурство полиціи для конфискаціи журнала если бы такой былъ присланъ сюда. Одновременно полиція воспретила газетчикамъ *пріобрѣтать* для продажи третій номеръ „Жупела“ и *распродавать* его на улицахъ“.

55) „Въ Петербургѣ, въ ночь на 18 января, въ квартирѣ литератора В. Я. Богучарскаго былъ произведенъ *тщательный и продолжительный обыскъ*, съ 11 часовъ вечера до 4 утра. Не обнаруживъ ничего „предосудительнаго“, полиція захватила огромное количество рукописныхъ историческихъ матеріаловъ, которыми пользовался г. Богучарскій для своихъ историческихъ работъ“.

56) „Въ Петербургѣ, постановленіемъ судебной палаты *пріостановлена до судебнаго приговора* газета „Радикалъ“. Редакторъ ея, прис. пов. М. С. Маргуліесь, привлекается къ отвѣтственности по 1 и 2 п. 129 ст. угол. улож. за помѣщеніе въ № 2 „Радикала“ статьи Л. Бельмонта „Польша и революція“ и сообщенія „Побѣгъ изъ спб. охраннаго отдѣленія“.

57) „Въ Кіевѣ *закрыты три газеты*: „Свобода и Право“, „Кіевскіе Отголоски“ и малороссійская „Громадська Думка“.

58) „Въ Ярославлѣ, издающаяся, вмѣсто пріостановленнаго „Сѣвернаго Края“, „Сѣверная область“ *пріостановлена* впредь до судебнаго приговора“.

59) „По распоряженію прокурора саратовской судебной палаты, *пріостановлена* „Самарская Газета“ № 18 *конфискованъ*“.

60) „Въ Тифлисѣ распоряженіемъ временнаго генераль-губернатора *приостановлена газета „Новое Обозрѣніе“ на все время дѣйствія военнаго положенія“.*

61) „Постановленіемъ иркутскаго генераль-губернатора газета „Восточное Обозрѣніе“ *приостановлена за вредное направленіе“.*

62) „Въ Баку, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, *закрыты газеты „Кавказское Слово“ и „Бакинская Жизнь“.*

63) „4-й номеръ „Дневника социаль-демократа“ Г. В. Плеханова, по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати, *изъятъ изъ обращенія“.*

64) „Первый номеръ журнала „Рабочая Мысль“ *конфискованъ“.*

65) „Въ Варшавѣ *конфискованъ*, по постановленію цензурнаго комитета, 14 номеръ еврейской газеты „Гацефира“.

66) „Въ Вильнѣ *конфискованъ* номеръ „Деръ Векеръ“ отъ 20 января“.

67) „Номеръ „Южнаго Курьера“ отъ 24 января *конфискованъ“.*

68) „Въ Самарѣ 24 января *конфискована* „Самарская Газета“.

69) „Въ Казани *конфискованъ* № 359 „Волжскаго Листка“. Редактору Ушакову предъявлено обвиненіе по п. 5 в. отд. VIII временныхъ правилъ о періодическихъ изданіяхъ“.

70) „Въ Оренбургѣ третій разъ *конфискуется* мѣстной администраціей номеръ газеты „Оренбургскій Листокъ“.

71) „Въ Харьковѣ ежедневно на вокзалѣ и въ городѣ производится энергичная *конфискація* номеровъ „Народнаго Хозяйства“, частные подписчики, общественныя и другія учрежденія не получаютъ уже въ теченіе 4 дней названной газеты, несмотря на аккуратную ежедневную отсылку номеровъ въ Харьковъ“.

72) „Въ Петербургѣ, 19 января въ помѣщеніе товарищества „Просвѣщеніе“ явилась полиція, *конфисковала* 11025 экземпляровъ сатирическаго журнала „Сигналъ“, вышедшаго 18 января, и опечатаала стереотипы этого журнала“.

73) „Одесскимъ генераль-губебнаторомъ *воспрещена розничная продажа* газетъ „Радикалъ“, „Русь“, „Призывъ“ и журналъ „Полярная Звѣзда“.

74) „Въ Васильковѣ, по распоряженію губернатора, *воспрещена розничная продажа всѣхъ газетъ и журналовъ*. Выданныя разрѣшенія отобраны“.

75) „Въ Митавѣ, распоряженіемъ курляндскаго генераль-губернатора, *запрещена розничная продажа* на улицахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ почти всѣхъ петербургскихъ сатирическихъ журналовъ“.

76) „По распоряженію павлоградскаго губернатора, *воспрещена розничная продажа всѣхъ газетъ и журналовъ*“.

77) „На московскихъ вокзалахъ производятся *массовыя конфискаціи* петорбургскихъ газетъ и сатирическихъ журналовъ“.

78) „Временный генераль-губернаторъ Карангозовъ предложилъ одесскому градоначальнику *немедленно воспретить розничную продажу* въ Одессѣ „Рабочей Газеты“.

79) „Въ Тифлисѣ, редакторъ мѣстной газеты былъ вызванъ для переговоровъ къ губернатору Тимофееву. Редактору обѣщано, что его *из-*

зета будетъ закрыта, если она позволить себѣ критиковать дѣйствія войскъ или высшихъ властей въ краѣ“.

80) „Редакторъ-издатель пріостановленнаго „Харьковскаго Листка“ Стопринскій привлекается къ суду въ качествѣ обвиняемаго по двумъ дѣламъ *по статьямъ 281 и 1029 уол. улож.*, редакторъ-издатель пріостановленнаго „Міра“ Тихоновичъ—по тремъ дѣламъ, *по статьямъ 1040, 1024 и 281 уол. улож.*

81) „Редакторъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ В. А. Бонди привлекается къ отвѣтственности на основаніи временныхъ правилъ о печати *по п. 3, 129 ст. уг. ул.* за напечатаніе резолюціи группы казаковъ, рѣзко отрицающей дѣйствія правительства“.

82) „Проф. Л. В. Ходскій и А. Н. Котельниковъ, оправданные въ обвиненіи по 129 ст. улож. о наказ., за помѣщеніе „манифеста“ совѣта рабочихъ депутатовъ въ № 345 „Нашей Жизни“ отъ 2 декабря 1905 г., вновь привлекаются къ суду *по той же 129 статьѣ* за напечатаніе статьи „Къ почтово-телеграфной стачкѣ“ и проч., помѣщенныхъ въ №№ 340 и 343 „Нашей Жизни“ отъ 22 и 25 ноября того же года“.

83) „Редакторъ „Южнаго Курьера“ Кристи привлеченъ къ *судебному слѣдствію* по обвиненію въ подстрекательствѣ къ вооруженному возстанію и заключенъ въ тюрьму до разбора дѣла. Ходатайство о представленіи залога отклонено“.

84) „Въ Варшавѣ редакторъ „Курьера Пораннаго“ приговоренъ къ *двухъ-мѣсячному тюремному заключенію* за помѣщеніе статьи съ умысленно извращенными сообщеніями о дѣйствіяхъ правительства“.

85) „Редакторъ „Орловскаго Вѣстника“ *привлекается по 129 ст. уг. уложенія.*

86) „Редактору-издателю газеты „Голосъ Земли“, арестованному въ Кишиневѣ по распоряженію мѣстнаго губернатора Харузина, предъявлено обвиненіе *по 1 п. 129 и 132 ст. ст. уголовного уложенія.*

87) „Въ № 185 „Народнаго Курьера“ появилась статья, оправдывающая почтово-телеграфную забастовку и призывающая польское общество къ оказанію матеріальной поддержки забастовщикамъ. По словамъ „Варшав. Дневн.“, прокуровскій надзоръ возбудилъ *уголовное дѣло противъ редактора* этой газеты Залевского“.

88) „Редакторъ-издатель конфискованнаго полиціей изданія „Книжка за Книжкой“ А. М. Крисько привлекается къ суду въ качествѣ обвиняемаго *по 129 ст. у. улож.* за статьи „9 января“ и „Армія съ 9 января 1905 г.“, помѣщенные въ № 1 журнала „Книжка за Книжкой“. 20 января рано утромъ, въ квартиру А. М. Крисько явился приставъ и предложилъ ему выяснить, гдѣ живетъ и кто такой Ф. Данъ, подписавшійся подъ статьей „Армія съ 9 января 1905 г.“.

89) „Въ Петербургѣ, по распоряженію градоначальника, *закрыта „Спб. коммерческая типографія“*, въ которой долженъ былъ печататься первый номеръ журнала „Бомбы“.

90) „Въ Петербургѣ *запечатана типографія* Виленчикъ, въ которой печаталась „Нагаечка“.

91) „Въ Самаркандѣ *запечатана типографія* газеты „Самаркандъ“.

92) „Въ Петербургѣ *опечатанъ книжный складъ* изданія Рутенбергъ „Библіотека для всѣхъ“.

93) „Въ Петербургѣ, 18 января *арестованъ* владѣлецъ художественной типографіи г. Собко (бывшій секретарь общества поощренія художествъ). Причина ареста, печатаніе произведеній, не подходящихъ по своему содержанію къ видамъ правительства.

94) „Въ Кіевѣ, 25 января ночью *арестованъ* Василенко, фактическій редакторъ закрытыхъ „Кіевскихъ Отголосковъ“, два дня замѣнявшихъ закрытые „Кіевскіе Отклики“, и сотрудникъ Стешенко. Въ редакціи въ два часа ночи произведенъ обыскъ, взято много рукописей. *Обысканы* также квартиры многихъ сотрудниковъ.

95) „Въ Харьковѣ *арестованъ* редакторъ и сотрудникъ „Харьковской Жизни“ Залкиндъ-Бодянский.

96) „Въ Самаркандѣ, *арестованъ* редакторъ газеты „Самаркандъ“.

97) „Въ Петербургѣ, 19 января, полиціей былъ произведенъ обыскъ въ типографіи т-ва „Общественная Польза“, причемъ были конфискованы двѣ книжки: 1) „Великая французская революція“ изд. Рутенбергъ и 2) „Мститель“ изд. Алексѣевой“.

98) „Главное Управленіе по дѣламъ печати возбудило *уголовное преслѣдованіе противъ редактора-издателя журнала „Русское Богатство“* В. Г. Короленко, помѣстившаго въ №№ 11—12 журнала „манифестъ“ рабочихъ организаций“.

99) «Въ Харьковѣ *приостановлено* послѣ конфискаціи еженедѣльное изданіе „Крестьянская Газета“.

100) „Постановленіемъ херсонскаго генераль-губернатора газета „Югъ“ *приостановлена* на все время военного положенія“.

101) „Распоряженіемъ харьковскаго генераль-губернатора газета „Волна“ *приостановлена*. Номеръ отъ 29 января *конфискованъ*“.

102) „Въ Вильнѣ *приостановлено* изданіе газеты „Деръ Векеръ“.

103) „Въ Минскѣ „Сѣверо-Западный Курьеръ“ *приостановленъ* на время чрезвычайной охраны, послѣ второго номера.

104) „Въ Самарѣ постановленіемъ судебной палаты *приостановлена* „Самарская Газета“.

105) „Въ Смоленскѣ постановленіемъ судебной палаты *приостановленъ* „Дняпровскій Вѣстникъ“.

106) „Постановленіемъ судебной палаты „Смоленскій Голосъ“ *приостановленъ*“.

107) „Въ Владикавказѣ распоряженіемъ генераль-губернатора *закрыта* газета „Лавина“. Редакторъ привлекается къ отвѣтственности за нарушеніе законовъ о печати.

108) „Въ Юрьевѣ распоряженіемъ генераль-губернатора *приостановлена* эстонская газета „Свободное Слово“.

109) „Латышская социаль-демократическая газета „Jauna Deenas Lapa“ распоряженіемъ изъ Петербурга *приостановлена*“.

110) „Въ Иркутскѣ *приостановлено* изданіе юмористическаго журнала „Оводъ“.

111) „Въ Петербургѣ полиціей *конфисковано 5.000 экземпляровъ* 2-го номера журнала „Голосъ среднеучебныхъ заведеній“.

112) „Въ книжныхъ магазинахъ Москвы полиція *конфисковала* выпущенную книгоиздательствомъ „Народное Право“ брошюру подъ заглавіемъ: „Крестьянамъ отъ конституціонно-демократической партіи“. Брошюра, однако, успѣла уже разойтись, по словамъ московскихъ газетъ, въ количествѣ до ста тысячъ экземпляровъ.

113) „На улицахъ Москвы 29 января полиція *отобрала у изетчиковъ* номера „Нашей Жизни“.

114) „Редакторъ „Полтавщины“ и писатель Короленко *привлечены къ судебной отвѣтственности* за открытое письмо совѣтнику Филонову, заключающее ложныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ должностного лица и войскъ.

115) „Въ Симферополѣ *конфискованъ* номеръ газеты „Крымъ“ отъ 28 января“.

116) „Въ Рыбинскѣ полиціей *конфискованы* всѣ сатирическіе журналы“.

117) „Въ Павлоградѣ *воспрещена розничная продажа всѣхъ газетъ и журналовъ*, кромѣ „Дня“, „Приднѣпровскаго Края“ и „Южнаго Края“.

118) „Кременчугскимъ генераль-губернаторомъ *воспрещена продажа газетъ*: „Полтавское Дѣло“, „Колоколъ“, „Призывъ“, „Волна“, „Воля“, „Ридный Край“, „Русь“, „Радикалъ“, „Громадська Думка“.

119) „Въ Ялтѣ *жандармами отобраны у газетчиковъ* всѣ номера сатирическихъ журналовъ“.

120) „Редакторъ-издатель журнала „Нужды Деревни“ А. П. Мертваго *привлекается къ судебной отвѣтственности по ст. 129* за напечатаніе въ первомъ номерѣ журнала статьи: Ближайшія задачи общественной дѣятельности въ деревнѣ“.

121) „Редакторъ „Вечерняго голоса“ М. И. Ковтуновскій *привлеченъ къ отвѣтственности по 129 ст. 5 п. ул. о нак. и по внесеніи залога въ 1,000 р. оставленъ на свободѣ*. Какъ оказывается, М. Ковтуновскій привлекается за перепечатанное изъ „Самарскаго Курьера“ „Заявленіе казаковъ“, разрѣшенное къ печатанію и. д. полицеймейстера Ромещукъ.

122) „Въ Ташкентѣ редакторъ „Русскаго Туркестана“ Морозовъ *осужденъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ*“.

123) „1-го февраля, въ кievскомъ окружномъ судѣ слушался первый литературный процессъ. Обвинялся редакторъ-издатель закрытаго „Кievскаго Слова“, присяжный повѣренный Финнъ, и сотрудникъ той же газеты Миняшевъ, обвиняемые въ сочувствіи почтово-телеграфной забастовкѣ, усмотрѣнномъ въ фельетонѣ послѣдняго. Приговоромъ суда Финнъ присужденъ къ сторублевому *штрафу*, а Миняшевъ—къ *двумъ мѣсяцамъ тюрьмы*“.

124) „Редакторъ сатирическаго журнала „Злой Духъ“ С. Карръ (С. А. Патарраки), дѣло противъ котораго прекращено судебной властью за отсутствіемъ состава преступленія, *сосланъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь на 4 года*“.

125) „Въ Полтавѣ типографіи въ виду притѣсненія администраціей *отказываются печатать* вновь открываемыя газеты и журналы“.

126) „Въ Иркутскѣ *арестованъ* редакторъ „Восточнаго Обзорнія“ Фатѣевъ“.

127) „Въ Петербургѣ, 26 января, старшими чиновниками с.-петербург-

скаго охраннаго отдѣленія вмѣстѣ съ приставомъ Коломенской части, околоточными, городовыми, понятыми и пр., былъ произведенъ необыкновенно *тщательный обыскъ* въ книгоиздательствѣ Маріи Малыхъ, длившійся цѣлыхъ 6 часовъ. Обыскивали не только всѣ углы, издательницу и служащихъ, но и совершенно случайныхъ посѣтителей. На телефонные звонки отвѣчалъ самъ чиновникъ или околоточный надзиратель, объявляя себя служащимъ книгоиздательства. Такимъ образомъ, они надѣялись перехватить какія-либо издательскія тайны. Вначалѣ было предъявлено предписаніе объ арестѣ г-жи Малыхъ, но уже предъ самымъ отходомъ получено извѣщеніе, что постановленіе это отмѣняется. „Предосудительнаго“ ничего не было найдено. Забраны лишь имѣвшіеся экземпляры „Дневника социальдемократа“ №№ 3 и 4 и много рукописей“.

128) Въ Кіевѣ, произведенъ *обыскъ* въ конторѣ Соколовскаго—представителя „Право“, „Сынъ Отечества“, „Русское Богатство“ и книгоиздательства Алексѣевой. Конфискованы 570 рублей, газеты, журналы и изданія Алексѣевой, выпущенныя явочнымъ порядкомъ“.

* * *

Помѣщаемъ напечатанные въ газетѣ „Русь“ отчетъ Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ (Красный Крестъ) за 1906 годъ (годъ существованія Общества XXV-й) и воззваніе Общества о пожертвованіяхъ.

ПРИХОДЪ.

Остатокъ на 1 января 1802 р. 29 к., отложено на лѣто 1700 р., на возвратъ ссыльн. Б. и П. 294 руб. 70 коп., N 25 лиръ 200 ф.—81 р. 70 к. В. Ж. К. 90 руб., отъ воронеж. врача 70 р., С. Г. 25 р., отъ сбора въ Москвѣ въ 1400 р. поступило 900 р., изъ Енисейска 200 р., лепта жителей Самары 1305 р., черезъ университ. пост. 37 руб. 17 к., предпріятіе 258 р. 56 к., черезъ освобожден. для рабоч. 75 руб., въ память Клавдія Аркад. Францески 49 р., черезъ Т. 40 р., В. М. 43 руб., отъ А. А. А. 30 р., изъ Москвы черезъ Б. 1000 руб., отъ артистовъ 200 р. черезъ Н. Ж. 150 р., изъ Н.-Новгорода 100 р., литер. гонораръ 80 р., отъ союза медиц. перс. 70 руб., черезъ провинціалку 50 р., отъ землячества 18 р. 60 к., отъ компаніи черезъ Z спеціальн. 83 р. 45 к., Р. Б. 1103 р. 45 к., изъ Москвы черезъ Б. 1700 р., отъ С. О. 800 руб., изъ Москвы черезъ Б. 465 р. 88 к., для пострад. въ Лодзи 200 р. 20 к., отъ И. Ж. 183 руб., изъ Алатыря 40 р., отъ группы конт. для семьи К. 100 р., для Пут. раб. отъ учит. 30 руб., отъ различ. лицъ франками 157 р. 68 к., отъ Ивана Иванов. для Пут. раб. 100 руб., Г. и Д. 69 р. 10 к., изъ Москвы черезъ Б. 441 р. 07 к., изъ Средней Азіи 35 руб., отъ Х. 25 р., отъ нѣсколькихъ 40 руб., отъ Г. 45 руб. Т. И. 40 руб. 52½ к., черезъ Н. Ж. 5283 р. 65 к., отъ С. О. 105 руб., В. М. Ак. 47 р., Р. Б. 840 р. 77 к., на ссыльныхъ отч. Н. Ж. 40 р., черезъ В. К. отъ Ѳ. П. 50 р., отъ Н. Ж. 611 р. 68 к., сборъ съ 7 лекцій 548 р. 97 к., отъ продажи литературы, порт. и открытокъ 246 руб. 81 к., сборъ по 4-мъ листамъ 265 р. 55 к., по спеціаль. назначенію 162 р. 92 к., ежемѣс. сборъ 48 р. 50 к., изъ Кіева отъ сказ. 86 р. 13 к., сборы 150 руб., въ пользу мо-

ряковъ 52 руб. 95 к., отъ разныхъ лицъ 611 р. 47 коп. Итого 23,421 руб. 77½ коп. 25 лиръ.

РАСХОДЪ.

На тюрьмы 6924 руб. 94 коп., на семьи 2641 р. 21 к., на высылаемыхъ 2493 р. 03 к., въ провинцію 1327 руб. 46 коп., на помощь возвр. изъ ссылки 734 р., освобождаемымъ 164 р., пострадавшимъ 994 р. 20 к., амнистированнымъ 198 р., заключеннымъ матросамъ и солдатамъ 360 руб., залогъ 75 руб., возвратъ долга 100 р., дано займа 138 р. разн. мелкіе расходы 26 р. 73 к., специальный расходъ 1305 руб., комиссіи по амнистіи *) 4083 р. 65 к. Итого 21,565 р. 22 к.

Остатокъ на 1 января 1906 года 1,856 р. 55½ к. и 25 лиръ. Кромѣ того, на поддержку пострадавшихъ въ движеніи 9-го января поступило и израсходовано съ 9 января по 1 мая 1906 года 66,167 р. 49 коп.; отчетъ о поступленіи и израсходованіи этой суммы былъ своевременно опубликованъ тѣмъ способомъ, которымъ раньше публиковались и всѣ другіе отчеты Краснаго Креста.

„Еще недавно могло казаться, что дальнѣйшее существованіе Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ (Красный Крестъ) станетъ излишнимъ. Намъ обѣщали „дѣйствительную неприкосновенность личности“, и дали хотя и далеко не полную, амнистію. Камеры тюремъ опустѣли, однако, далеко не надолго, и въ новый, XXVI годъ своего существованія, Красный Крестъ вступилъ при исключительно тяжелыхъ обстоятельствахъ. Первые же дни свободы были омрачены кровавыми насиліями.

Многіе изъ амнистированныхъ пользовались свободой не больше недѣли и вновь водворены въ тюрьмы, только что раскрывшія передъ ними свои двери; тамъ же очутились и нѣкоторые эмигранты, повѣрившіе обѣщаніямъ правительства и поспѣшившіе вернуться на родину. Тюрьмы раскрылись только для того, чтобы вскорѣ еще плотнѣе захлопнуть свои двери и вмѣстить въ переполненныхъ камерахъ небывалое количество заключенныхъ. Всѣ существующія мѣста заключенія биткомъ набиты. А недавно въ Петербургѣ приспособили для помѣщенія заключенныхъ старыя флотскія казармы.

Не станемъ пояснять, во что превратился въ наше „конституціонное“ время и ранѣе не сладкій тюремный режимъ. Въ Петропавловской крѣпости, въ пересыльной тюрьмѣ заключенные буквально голодаютъ—не въ видѣ протеста противъ тюремнаго режима, а въ силу этого режима, въ силу сокращенія продовольственнаго пайка. То тамъ, то здѣсь происходятъ и голодовки—протесты. При массѣ арестованныхъ, дѣла ихъ растягиваются неимоверно, и допросы ждутъ по мѣсяцамъ.

Каково вообще психическое состояніе заключенныхъ, — объ этомъ

*) Изъ суммы 4.083 р. 65 к. комиссіей по амнистіи выдано за счетъ Кр. Кр. для помощи амнистированнымъ Р. С. Д. Р. П. 1.150 р., П. С. Р. 1.100 р. Итого 2.250 р.

Остается за комиссіей по амнистіи 1.833 р. 65 к.

свидѣтельствуютъ неоднократные случаи самоубійствъ и покушеній на самоубійство.

Положеніе арестованныхъ рабочихъ отягчается крайней нуждой, которую терпятъ ихъ семьи и близкіе: многіе и самые крупные заводы закрыты. Массы рабочихъ выброшены на улицы, перезакладывали последнее, что было, мерзнуть въ сырыхъ коморкахъ—топить нечѣмъ—и голодаютъ. А администрація закрываетъ одну за другой столовыя для безработныхъ—прекращаютъ даже эту нищенскую помощь голодающимъ.

При такихъ условіяхъ о матеріальной поддержкѣ заключеннымъ отъ семьи и товарищей нечего и говорить. Имъ приходится довольствоваться тюремной бурдой, кашей да кипяткомъ вмѣсто чая. Но главное—приходится сидѣть въ каменномъ мѣшкѣ, въ полномъ безсиліи что-нибудь предпринять для спасенія своихъ голодающихъ, болѣющихъ ребятишекъ.

Необходима немедленная энергичная помощь. Въ Петербургскихъ тюрьмахъ находится теперь до 2,000 заключенныхъ, на улучшеніе ихъ положенія и помощь семьямъ обычныхъ средствъ не хватаетъ. Необходимъ усиленный притокъ пожертвованій, ибо нужда вопіющая.

Пожертвованія просятъ направлять въ редакцію газеты „Русь“.

Редакторы { **В. Я. Богучарскій.**
П. Е. Щеголевъ.

Издатель **Н. Е. Парамоновъ.**

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я:

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ „БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ“

подъ редакціей С. Н. Прокоповича

и при участіи Р. М. Бланка, В. Я. Богучарскаго, А. С. Бѣлевскаго, В. В. Водовозова, М. И. Ганфмана, П. М. Головачева, В. С. Голубева, Л. Я. Гуревича, А. С. Изгоева, Е. Д. Кусковой, Г. А. Ландау, М. П. Невѣдомскаго, Л. Ф. Пантѣлѣева, В. В. Португалова, гр. П. М. Толстого, Д. В. Философова, М. И. Фридмана, В. В. Хижнякова, В. И. Чарюлусскаго и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для иногороднихъ подписчиковъ на годъ 4 р. 80 к., на 3 мѣсяца 1 р. 20 к.; для городскихъ на 1 годъ 4 рубля, на 3 мѣсяца 1 рубль. Отдѣльный номеръ—10 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Главной конторѣ журнала: при юридическомъ книжномъ складѣ „Право“, СПБ., Загородный, 2.

ВЪ ОТДѢЛЕНИИ:

при книжномъ складѣ „Наша Жизнь“, СПБ., Невскій, 19.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:

С.-Петербургъ, 4-я Рождественская, 4, кв. 20.

Содержаніе вышедшихъ номеровъ:

№ 1. М. Невѣдомскій. Не оскорбляйте исторіи.—**Гр. П. Толстой.** О современныхъ политическихъ группировкахъ.—**С. Прокоповичъ.** Октябрьская забастовка.—**Гр. Ландау.** О тактическомъ докладѣ на к.-д. сѣздѣ.—**Е. Кускова.** Печать.—**В. Хижняковъ.** Политическая хроника.

№ 2. † Людмила Александровна Волкенштейнъ.—**П. Головачевъ.** Историческая роль войны съ Японіей въ русскомъ освободительномъ движеніи.—**М. Фридманъ.** Стоимость войны съ Японіей.—**С. Прокоповичъ.** Декабрьское возстаніе.—**В. Португаловъ.** Условія избирательной кампаніи въ рабочихъ центрахъ.—**Е. Кускова.** Революція и ея біографы.—**В. Хижняковъ.** Политическая хроника.

№ 3. В. Водовозовъ. Выбирать или не выбирать?—**Е. Кускова.** Отвѣтъ на вопросъ—кто мы?—**М. Невѣдомскій.** «Представительство духа народнаго».—**И. Звѣздичъ.** Антонъ Менгеръ.—**С. Прокоповичъ.** Декабрьское возстаніе.—**В. Хижняковъ.** Политическая хроника.

№ 4. А. Изгоевъ. Маскарадъ старой Россіи.—**М. Невѣдомскій.** «Представительство духа народнаго».—**М. Фридманъ.** Колыбельныя пѣсни русскаго правительства.—**В. Танъ.** Бѣглый кандидатъ.—**В. Голубевъ.** Земская реакція.—

В. Португаловъ. Наша «конституція» и профессиональное движение рабочихъ.—
В. Хижняковъ. Политическая хроника.

№ 5. Л. Пантелѣевъ. 19-ое февраля.—**К. С. Крестьянскій** вопросъ.—
С. Н. Прокоповичъ. Аграрный кризисъ и дополнительный надѣлъ.—**Е. Звягинцевъ.** Земскія политическія заявленія четверть вѣка назадъ.—**Е. Кускова.** Печать.—**В. Хижняковъ.** Политическая хроника.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ.

(XI годъ изданія)

**НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ**

„ВСХОДЫ“

24 №№ и бесплатное приложение.

Цѣна на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 2 руб. 50 коп., на $\frac{1}{4}$ года 1 руб. 25 коп

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—въ большомъ форматѣ отъ 5—6 печатныхъ листовъ,—въ два столбца, **разнообразнаго содержания**, б) 15-го—въ маломъ форматѣ—отъ 7 до 14 печатныхъ листовъ содержащихъ въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное.

Съ 1906 года журналъ будетъ издаваться по расширенной программѣ.

Въ журналѣ помѣщаются: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и пр. Постоянные отдѣлы: **На родинѣ.**—**Изъ текущей жизни.**—**Обо всемъ.**—**Критическій указатель дѣтской и народной литературы.**

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: **А. Алтаевъ, А. Анненская, В. Анучинъ, К. Баранцевичъ, А. Боане, И. Бунинъ, П. Вольногорскій, А. Галагай, Г. Галина, Е. Гославскій, А. Давыдовъ, С. Елпатьевскій, А. Заринъ, И. Игнатьевъ, В. Измайловъ, П. Кулаковъ, П. Левашовъ, В. Львовъ, М. Лялина, Д. Маминъ-Сибирякъ, С. Минцловъ, В. Немировичъ-Данченко, Л. Нелидова, А. Нечаевъ, А. Никольскій, К. Носиловъ, Н. Носковъ, М. Пенъкова, В. Писичевскій, С. Портъцкій, И. Потапенко, Н. Пружанскій, З. Рагозина, А. Свирскій, В. Стрешевскій, А. Чеглокъ, К. Яцута, А. Ѳедоровъ-Давыдовъ и др.**

Въ видѣ бесплатнаго приложенія годовымъ подписчикамъ будетъ дано въ 1906 году:

Альбомъ картинъ русскихъ художниковъ

съ объяснительнымъ текстомъ. Изящное изданіе на лучшей бумагѣ.

Въ первыхъ номерахъ журнала будутъ напечатаны между прочимъ:

СЫНЪ РУДОКОПА. Истор. пов. А. Алтаева; **ЦАРЬ ЦАРЕЙ.** Пов. С Минцлова. **РУССКІЕ САМОУЧКИ.** Тарасъ Шевченко. Біограф. очеркъ Н. Носкова.

Цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи на годъ 5 р., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ г. 1 р. 25 к. Безъ доставки въ Петербургъ 4 р. 50 к. За границу 8 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1-му мая 2 р. Оставшіеся экз. за 1902, 1903 и 1904 гг. продаются съ дост. и перес. по 5 р., безъ дост. 4 р. 1896—1901 гг. всѣ распроданы.

Годовые подписчики, желающіе получать книжки малого формата въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, доплачиваютъ 1 р. 25 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 27; въ конт. Печковской: Москва, Петровскія линіи; при книжномъ складѣ О. Н. Поповой: Спб. Невскій, 54,—и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред. Д. Чепиковъ.

Ред.-изд. Э. Монвижъ-Монтвидъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 годъ

на издающуюся въ г. Самарѣ большую ежедневную газету

„САМАРСКИЙ КУРЬЕРЪ“

(годъ изданія ТРЕТІЙ).

При ближайшемъ участіи: А. А. Васильева, Владимирцева (Лишній), М. Грана, А. Клафтона (Сашинъ), П. А. Конскаго, П. Крылова, Анатоля Неводова, Д. Д. Протопопова, Перо, Кас. Перовича, Ржевскаго, Сергѣичева, П. Оленина, Н. А. Шишкова, Ненужнаго и др.

Кромѣ того сотрудничество свое обѣщали слѣдующія лица: П. Б. Струве, С. Л. Франкъ, И. И. Петрункевичъ, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, А. А. Кауфманъ, проф. Н. И. Карѣвъ, проф. И. Н. Гревсъ, Д. Е. Жуковский.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ: на 12 мѣсяц. 5 руб., на 6 мѣсяц. 3 руб., на 3 мѣсяц. 1 р. 50 к., на 2 мѣсяц. 1 р. 5 к., на 1 мѣсяц. 55 к. Для иногороднихъ: на 12 мѣсяц. 6 р. 50 к., на 6 мѣсяц. 3 р. 50 к., на 3 мѣсяц. 2 р., на 2 мѣсяц. 1 р. 25 к., на 1 мѣсяц. 75 коп.

ПОДПИСКА на газету принимается исключительно съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита (тридцать буквъ) или мѣсто имъ занимаемое, въ одинъ столбецъ, на первой страницѣ взимается 15 к. за одинъ разъ; на послѣдней—7 к. За многократныя и годовыя объявленія скидка по соглашенію.

Иногороднія объявленія печатаются: на первой страницѣ по 20 к. за строку петита, на послѣдней страницѣ—по 10 коп. за 1 разъ.

Объявленія отъ лицъ и учрежденій, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія повсемѣстно за границей, а въ Россіи, за исключеніемъ губерній: Самарской, Саратовской, Симбирской, Астраханской, Оренбургской, Уфимской, Пензенской, Тамбовской, Казанской и Нижегородской, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о, Москва, Мясницкая, домъ Сытова, и его отдѣленіяхъ: въ С.-Петербургѣ, Морская, 11; въ Варшавѣ, Краковское предмѣстье, 53, и въ Парижѣ—площадь биржи, 8.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА г.г. иногород. подписчики благоволятъ доплачивать 21 коп. деньгами или почтовыми марками.

Подписка принимается въ г. Самарѣ: въ главной конторѣ редакціи—Саратовская улица, д. Подбѣльскаго.

Контора открыта съ 8 ч. утра до 8 ч. вечера, кромѣ дней праздничныхъ.

Въ Бугурусланѣ: въ почтовомъ отдѣленіи уѣздной земской управы и въ магазинѣ Н. Н. Рычкова (Гостинный дворъ).

Редакторъ-издатель А. Н. Хардинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ

на ЕЖЕДНЕВНУЮ политическую, общественную и литературную газету

„СѢВЕРНЫЙ КРАЙ“

Стремясь къ возможно широкой общедоступности, «Сѣверный Край» уменьшилъ подписную плату до 6 рублей въ годъ.

Подписная цѣна на газету „Сѣверный Край“

съ доставкой и пересылкой:

на годъ 6 р., на 11 мѣс. 5 р. 70 к., на 10 мѣс. 5 р. 30 к., на 9 мѣс. 4 р. 90 к., на 8 мѣс. 4 р. 45 к., на 7 мѣс. 4 р., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 5 мѣс. 3 р., на 4 мѣс. 2 р. 40 к., на 3 мѣс. 1 р. 80 к., на 2 мѣс. 1 р. 20 к., на 1 мѣс. 60 к.

ЗА ГРАНИЦУ ВДВОЕ ДОРОЖЕ.

Подписываться можно на всѣ сроки, но не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

При перемѣнѣ адреса г.г. подписчики должны сообщить въ главную контору газеты номеръ подписной квитанціи и прежній свой адресъ или номеръ бандероли. За перемѣну адреса уплачивается 20 коп. (могутъ быть присланы почтовыми марками).

Разсрочка допускается исключительно для годовыхъ подписчиковъ и на слѣдующихъ условіяхъ:

1) при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 2 р., къ 1-му мая 1 р. и къ 1-му іюля 1 р.; или же: при подпискѣ 2 р., а затѣмъ, начиная съ 1-го марта, по 1 р. въ мѣсяцъ, впредь до погашенія всей подписной суммы.

При невзносѣ г.г. подписчиками срочныхъ платежей высылка газеты прекращается.

Редакторъ В. Михеевъ.

Издатель Н. Петинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

въ 1906 году.

Измѣняющіяся условія печатнаго слова въ Россіи откроютъ, конечно въ ближайшемъ будущемъ возможность для нашей Украины имѣть вполнѣ самостоятельныя свои украинскіе органы въ формѣ ежедневныхъ и еженедѣльных газетъ, а также и ежемѣсячныхъ журналовъ. Все это давало-бы редакціи нашего журнала право или прекратить свое существованіе, или измѣнить совершенно прежній характеръ; но мы, ведя изданіе 24 года, рѣшаемъ вступить и въ 25-ый годъ издательства, сохраняя то-же названіе журнала, тѣмъ болѣе, что въ такіе переходные моменты, какъ переживаемый теперь, находимъ вполнѣ цѣлесообразнымъ попытаться сдѣлать постепенный переходъ къ иной формѣ нашего изданія. Въ 1906 году „Кіевская Старина“ будетъ главнымъ образомъ посвящена научной разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей, этнографіей и литературой Украины, понимая всѣ эти области въ самомъ широкомъ значеніи и по возможности освѣщая каждую изъ нихъ съ точки зрѣнія современныхъ интересовъ нашей жизни. Дорожа вполнѣ нормальнымъ развитіемъ и правильной разработкой дорогой намъ украинской рѣчи, мы, при первой возможности, употребимъ всѣ силы на то, чтобы среди научныхъ статей въ нашемъ журналѣ нашли себѣ достойное мѣсто и работы, написанныя на украинскомъ языкѣ, не говоря уже о художественныхъ произведеніяхъ, которыя будутъ помѣщаться нами исключительно на этомъ языкѣ.

Чтобы доставить возможность читателямъ имѣть нашъ журналъ по болѣе доступной цѣнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не обременить редакцію большими матеріальными затратами, мы будемъ ежемѣсячно выпускать книжки въ 10 печатныхъ листовъ, дѣлая подписчикамъ скидку 80% съ подписной цѣны въ 10 рублей въ годъ, т. е. за годовое изданіе съ пересылкой и доставкой—7 руб., безъ доставки—6 руб.

Редакція будетъ помѣщаться тамъ-же: КІЕВЪ, Троицкая площадь, Народный домъ.

Редакторъ-издатель В. Науменко.

◆◆◆◆◆

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ вѣспартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуринскій; В. Я. Богучарскій; А. К. Ворондинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Вѣлюконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); С. А. Венгеровъ; В. В. Водовозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Д. А. Клеменць; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костюринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляпкій; И. И. Майновъ; М. Маньковский; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милуковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсяннико-Куликовский; Н. П. Павловъ-Сильванскій; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковский; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шипко; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ, ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромя праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромя праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія статей В. И. Семевского и Н. П. Павлова-Сильванскаго, въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» будутъ помѣщены: П. Е. Щеголевъ.—Семенъ Олейничукъ (умершій въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая I) и Агитационная литература декабристовъ; М. К. Лемке—Процессы Н. Г. Чернышевскаго, Н. А. Серно-Соловьевича, П. А. Мартянова и В. А. Обручева (по подлиннымъ дѣламъ); М. Ф. Фроленко—Изъ воспоминаній; М. Ю. Ашенбреннеръ—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); В. Н. Фигнеръ.—Изъ воспоминаній; С. А. Иванова-Борейша.—Изъ воспоминаній (о С. Л. Перовской); М. Р. Поповъ—Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ съѣздѣ землевольцевъ 1879 г.); С. А. Ивановъ.—Изъ воспоминаній; Н. А. Морозовъ—Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ 1879 г.); А. П. Прибылева-Корба—Изъ воспоминаній (о «Дегаевщинѣ»); Р.—Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ, Н.—Событіе 1-го Марта и Н. К. Михайловскій; NN.—Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ; А. В. Тырковъ—Изъ воспоминаній (о событіи 1 марта); В. Л. Бурцевъ—Изъ воспоминаній. Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати; изъ первоначальной исторіи Общества помощи политич. ссыльнымъ и заключеннымъ (Крас. Крестъ); стих. Н. А. Некрасова «На смерть Т. Г. Шевченко»; письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и проч.

Въ распоряженіи Редакціи находится архивъ П. Л. Лаврова (между прочимъ много писемъ къ нему И. С. Тургенева, Н. А. Бѣлоголоваго, С. Г. Ширяева, Льва Гартмана и др.).

Будутъ помѣщены портреты Н. А. Серно-Соловьевича, Д. В. Каракова, П. И. Войноральскаго, рабочихъ Петра Алексѣева и Тимофея Михайлова, А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, С. Л. Перовской, Г. М. Гельфманъ, Н. И. Рысакова, И. П. Емельянова, И. I. Гриневицкаго, Н. А. Саблина, М. Н. Тригони (до Шлиссельбурга), Ю. Н. Богдановича (Кобозева), М. Р. Ланганса, Г. А. Лопатина, Н. А. Морозова, В. Н. Фигнеръ и др., рисунокъ Вилуйской тюрьмы, въ которой жилъ Чернышевскій, виды карійской каторги и проч.

О п е ч а т к и:

1) Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этой книги, въ примѣч. на стр. 66, по оплошности, пропущены слова—«были напечатаны въ «Русск. Архивѣ» (1893 № 7)». Въ большинствѣ экземпляровъ примѣчаніе это напечатано правильно.

2) На стр. 226 Южакова ошибочно названа Натальей; да имя Елизавета.

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 3 МАРТЪ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская. 20.
1906.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
1. 1-е марта—3-е апрѣля 1881 года. (<i>Петербургъ 25 лѣтъ тому назадъ</i>). В. Я. Богучарскаго	1
2. Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III	33
3. Событіе 1-го марта и Н. К. Михайловскій. В. Я. Б.	38
4. Событіе 1-го марта и Н. В. Шелгуновъ. Н. Р.	41
5. Событіе 1-го марта и Влад. С. Соловьевъ. П. Щ.	48
6. Событіе 1-го марта и Л. Н. Толстой. А. Хирьянова	56
7. Изъ рѣчей на судѣ А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской	62
8. Мой арестъ въ 1881 году. М. Н. Тригони	76
9. А. И. Желябовъ. (<i>Отрывки изъ воспоминаній</i>). И. П. Бѣлоконскаго.	78
10. Воспоминанія о С. Л. Перовской. Софьи Ивановой	83
11. Арестъ Н. Г. Чернышевскаго. М. А. Антоновича	90
12. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. (<i>По неизданнымъ источникамъ</i>). М. К. Лемке	95
13. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка, (<i>Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей</i>). Окончаніе. В. И. Семевскаго	151
14. Пестель предъ Верховнымъ Судомъ. Продолженіе. Н. П. Сильванскаго	206
15. Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—1884 гг. В. С. Панкратова	236
16. Шлиссельбургская узница Людмила Александровна Волкенштейнъ В. Н. Фигнеръ	239
17. Къ біографіи А. В. Ухтомскаго.	252

18. Матеріали, документи и мелкія замѣтки. Письмо В. К. Кюхельбекера къ А. С. Пушкину—285. Всеподданнѣйшее донесеніе о казни декабристовъ—232. Къ исторіи полицейской агентуры въ Россіи—205. Толпа. Стих. И. С. Тургенева—147. Пзъ бумагъ взятыхъ у Чернышевскаго при арестѣ—233. На смерть Шевченко. Стих. Н. А. Некрасова—204. Н. А. Морозову. Стих. А. Ольхина—258. Заявленіе А. И. Желябова отъ 2 марта 1881 г.—61. Письмо А. И. Желябова къ М. П. Драгоманову—71. [Къ портрету А. И. Желябова—74. Инструкція для заключенныхъ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ	149
19. Документы для исторіи Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли	288
20. Историческая библіографія (Джорджъ Кенанъ. <i>Сибирь и ссылка. — Процессъ 193-хъ. Изд. В. М. Саблина. — Записки декабриста кн. Трубецкого. — Процессъ Втры Засуличъ. — Н. П. Карабчевскій. Дѣло Сазонова. — Ular A. Die Russische Revolution. Berl.</i>	298
21. Отъ Шлиссельбургскаго комитета	311
22. Современная лѣтопись	313
23. Объявленія	332

Въ этой книгѣ помѣщены портреты: С. Л. Перовской, Н. И. Кибальчича, И. И. Гринивичаго, Т. М. Михайлова, А. И. Желябова, М. Н. Тригони, И. П. Емельянова, Н. И. Рысакова, Г. М. Гельфманъ, Ю. Н. Богдановича (Кобозева), Н. А. Саблина, А. В. Ухтомскаго.

Софья Львовна
ПЕРОВСКАЯ.

1-е марта—3-е апрѣля 1881 года.

(Петербургъ 25 лѣтъ тому назадъ).

Вечеромъ 1-го марта 1881 года въ экстренномъ прибавленіи къ «Правительственному Вѣстнику» были напечатаны два слѣдующихъ официальныхъ бюллетеня:

1) «Сего 1 марта, въ 1³/₄ часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Колюшеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно».

Лейбъ-медикъ *Боткинъ*.

Профессоръ *Е. Богдановскій*.

Почетный лейбъ-медикъ *Головинъ*.

Докторъ *Крулевскій*.

2) «Сегодня 1-го марта, въ 1 часъ 45 минутъ по полудни, при возвращеніи Государя Императора съ развода, на набережной Екатерининскаго канала, у сада Михайловскаго Дворца, совершено было покушеніе на священную жизнь Его Величества посредствомъ брошенныхъ двухъ разрывныхъ снарядовъ. Первый изъ нихъ повредилъ экипажъ Его Величества. Разрывъ второго нанесъ тяжелыя раны Государю. По возвращеніи въ Зимній Дворецъ, Его Величество сподобился приобщиться Св. Тайнъ и затѣмъ въ Божѣ почилъ—въ 3 часа 35 минутъ по полудни. Одинъ злодѣй схваченъ».

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, генералъ-адъютантъ
графъ Лорисъ-Меликовъ.

Затѣмъ 3-го, 4-го, 6-го, 14-го и 21-го марта въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появлялись о катастрофѣ 1 марта слѣдующія сообщенія:

1) «Задержанный 1-го марта злодѣй, какъ обнаружено производимымъ дознаніемъ,—мѣщанинъ города Тихвина Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ, началъ образованіе въ вытегорскомъ уѣздномъ училищѣ; затѣмъ продолжалъ его въ череповецкомъ реальномъ училищѣ; въ 1879 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступилъ въ Горный Институтъ, гдѣ и нынѣ числится, но лекцій не посѣщалъ съ декабря 1880 года».

2) «Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объявляетъ во всеобщее извѣстіе:

«Одинъ изъ главныхъ организаторовъ послѣдняго преступнаго посягательства на драгоцѣнную жизнь въ Божѣ почившаго Государя Императора, арестованный 27-го февраля вечеромъ ¹⁾, призналъ свое руководящее участіе въ преступленіи и изобличается въ томъ же показаніемъ задержаннаго на мѣстѣ катастрофы виновника ея, мѣщанина Рысакова, бросившаго подъ Императорскую карету, при проѣздѣ его Величества по набережной Екатерининскаго канала, первый метательный снарядъ.

«Въ неизвѣстномъ лицѣ, кинувшемъ, повидимому, второй метательный снарядъ и получившемъ на мѣстѣ взрыва смертельныя поврежденія, Рысаковъ, по предъявленіи ему трупа умершаго, призналъ своего единомышленника.

«Квартира, изъ которой Рысаковымъ и его товарищемъ получены были употребленные ими въ дѣло метательные снаряды, открыта въ ночь на сіе 3-е марта. Хозяинъ ея, по прибытіи къ нему должностныхъ лицъ, производящихъ дознаніе, застрѣлился. Проживавшая съ нимъ вмѣстѣ женщина арестована.

«Въ обнаруженной квартирѣ найдены метательные снаряды и одинъ экземпляръ революціонной прокламаціи по поводу совершившагося преступленія, съ указаніемъ на то, что злодѣйскій замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе двумя лицами.

«Въ 11 часовъ утра въ эту же квартиру явился молодой человекъ, который немедленно и былъ арестованъ. При его задержаніи, онъ сдѣлалъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, которыми ранено трое полицейскихъ чиновъ».

3) «Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣ-

¹⁾ А. И. Желябовъ.

іе: Лицо, сопротивлявшееся полиціи съ оружіемъ въ рукахъ при его задержаніи въ квартирѣ, изъ которой мѣщаниномъ Рысаковымъ и его товарищемъ были получены метательные снаряды для злодѣянія 1-го марта, оказалось крестьяниномъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, д. Гаврилкова, *Тимоеемъ Михайловымъ*, принимавшимъ участіе, какъ выяснено дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ, въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ преступленію. По бумагамъ, найденнымъ у арестованнаго, усмотрѣны указанія на какія-то приспособленія по Екатерининскому каналу и Малой Садовой улицѣ. Вслѣдъ за симъ полиціею было доведено до свѣдѣнія судебной власти, что изъ сырной лавки крестьянина Кобозева, имѣющейся въ подвальномъ этажѣ дома подъ № 56—8 по Малой Садовой, скрылись хозяева лавки, мужчина и женщина, оставивъ слѣды производившихся земляныхъ работъ. При ближайшемъ осмотрѣ помѣщенія Кобозевыхъ изъ сосѣдняго съ лавкою жилья обнаруженъ подкопъ, доведенный до середины улицы, съ устроенною въ немъ мѣною. Дознаніе и слѣдствіе по всѣмъ обнаруженнымъ обстоятельствамъ приближается къ окончанію и въ непродолжительномъ времени поступитъ на разсмотрѣніе суда».

4) «10-го марта арестована въ С.-Петербургѣ *Софія Перовская*, скрывавшаяся съ 1878 года. По собственному сознанию, она участвовала, подъ фамиліею Сухоруковой, 19-го ноября 1879 года въ покушеніи подъ Москвой, посредствомъ подкopa, на жизнь Священной Особы въ Божѣ почившаго Государя Императора, а нынѣ руководила, послѣ ареста Желябова, заговоромъ на злодѣйское преступленіе 1-го марта. Софія Перовская будетъ привлечена къ суду вмѣстѣ съ прочими участниками упомянутаго злодѣянія».

5) «На дняхъ дѣло о злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта, дополненное указаніями на участіе въ немъ Софіи Перовской, поступило на разсмотрѣніе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената. Продолжающееся и послѣ сего разслѣдованіе обстоятельствъ дѣла, касающихся еще не привлеченныхъ къ суду участниковъ преступления, привело къ изобличенію священническаго сына, уроженца Екатеринославской губерніи, *Николая Кибальчича*, который на допросѣ, сдѣлавъ полное сознание, показалъ, между прочимъ, что метательные снаряды, какъ брошенные 1-го марта, такъ равно и найденные при обыскѣ квартиры въ Телѣжной улицѣ, приготовлены имъ».

Официальныя сообщенія о событіи 1 марта дополнялись въ теченіе долгаго времени частными свѣдѣніями газетъ, изъ которыхъ нѣкоторыя мы тутъ же приведемъ. Между прочимъ, почти во всѣхъ газетахъ было напечатано сообщеніе, по нашему мнѣнію, совершенно

*

вымышленное,—такъ какъ, сколько намъ извѣстно, никогда и никому, рѣшительно никому, нижеприводимое дѣяніе не инкриминировалось,—о покушеніи на жизнь императора Александра II посредствомъ присылки ему изъ-за границы взрывчатыхъ веществъ въ формѣ пилюль. Газеты описывали это событіе такъ:

«Пилюли были посланы по почтѣ изъ Парижа прямо на имя Государя. На нихъ находился этикетъ за подписью доктора «Juste», и онѣ были завернуты въ обертку съ обыкновенными рекламами о произведенныхъ ими излеченіяхъ и о способѣ принимать ихъ; особенно рекомендовались эти пилюли противъ одышки и ревматизмовъ. Пилюли прибыли по адресу, не возбудивъ никакихъ подозрѣній, и Государь, всегда очень интересовавшійся всякими средствами противъ упомянутыхъ болѣзней, передалъ ихъ Боткину. Вернувшись домой, Боткинъ снялъ обертку и нашелъ, что пилюли завязаны ниточкой, два кончика которой немного торчали: онъ дернулъ за одинъ изъ кончиковъ, и раздался мелкій трескъ, какъ отъ обыкновенной хлопушки. Боткинъ подумалъ, что это просто шутка, и такъ какъ получилъ пилюли изъ рукъ самого Государя, то не могъ подозрѣвать въ нихъ ничего опаснаго и отложилъ ихъ въ сторону. Только испугъ Государя, когда на его вопросъ о пилюляхъ, Боткинъ передалъ ему о взрывѣ, заставилъ обратить серьезное вниманіе на пилюли; онѣ были переданы графу Лорисъ-Моликову, и, по тщательномъ химическомъ изслѣдованіи ихъ, оказалось, что затѣвалось новое покушеніе, задуманное съ дьявольской хитростью. Пилюли содержали такое большое количество динамита, что взрыва его было бы достаточно, чтобы убить двухъ-трехъ, стоящихъ по близости, человѣкъ. Боткинъ, открывавшій пилюли, обязанъ спасеніемъ жизни только счастливой случайности; должно быть механизмъ, приводившійся въ движеніе торчащими кончиками ниточекъ и производившій взрывъ, какъ-нибудь отсырѣлъ или попортился, такъ что не могъ оказать требуемаго дѣйствія».

Въ частности, якобы очень освѣдомленный корреспондентъ очень освѣдомленныхъ катковскихъ «Московскихъ Вѣдомостей» писалъ въ эту газету 1 марта 1881 года такія строки:

«19-го февраля получено было нѣсколько анонимныхъ писемъ, которыми извѣщалось, что въ этотъ день, во время иллюминаціи, должно совершиться нѣчто, что всѣхъ поразитъ». Приняты были со-ответственные мѣры, но предсказанію на этотъ день не вѣрили, видя въ этомъ отводъ глазъ со стороны злодѣевъ. Затѣмъ получено было другое письмо, говорившее, что будетъ сдѣлано покушеніе на Государя, «когда онъ будетъ возвращаться съ развода въ манежъ домой».

Полиція, вслѣдствіе этого, усиленно металась и искала, а Государя графъ Лорисъ-Меликовъ убѣдилъ сразу два воскресенья откладывать разводъ; но 1-го марта, несмотря на новыя убѣжденія графа отложить разводъ, Государь настоялъ и поѣхалъ въ манежъ въ сопровожденіи шести своихъ конвойныхъ (число ихъ было увеличено противъ первоначальныхъ двухъ вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ графа Лорисъ-Меликова)».

Правительственное сообщеніе объ обнаруженіи квартиры (Н. А. Саблина и Г. М. Гельфманъ), изъ которой Н. И. Рысаковъ и другой, тогда еще неизвѣстный человѣкъ, бросившій 1 марта второй разрывной снарядъ (И. И. Гриневицкій), получили снаряды, и объ арестѣ въ этой квартирѣ Т. М. Михайлова, газеты дополняли такими сообщеніями:

«Это случилось въ Телѣжной улицѣ (Александро-Невской части). Въ 11 часовъ вечера 2-го марта въ 1-й участокъ Александро-Невской части прибыли товарищъ прокурора судебной палаты, судебный слѣдователь и жандармскій майоръ, которые, въ сопровожденіи старшаго помощника пристава Рейнгольда, городского и околоточныхъ надзирателей, отправились произвести обыскъ въ Телѣжную улицу, въ домъ Пирогова, № 5, въ кварт. № 7. По приходѣ къ дверямъ означенной квартиры, помощникъ пристава Рейнгольдъ на данный звонокъ услышалъ за дверьми суматоху и затѣмъ мужской голосъ спросилъ: кто тутъ? — на этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ, что приставъ и прокуроръ; послѣ этого отвѣта дверь затворилась, и на неоднократные звонки голоса изъ квартиры не подавалось, вслѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе сломать двери. Лишь только послышались удары топора у дверей, какъ раздались подъ рядъ одинъ за другимъ 6 выстрѣловъ изъ револьвера, изъ которыхъ одинъ попалъ въ дверь; послѣ 6-го выстрѣла все стихло, а немного спустя, дверь отворила женщина небольшого роста, лѣтъ 25-ти, просившая о помощи. При входѣ въ квартиру всѣхъ присутствующихъ, на полу второй комнаты, отъ входа направо, лежалъ, плавая въ крови, мужчина средняго роста съ темнорусою, окладистой бородою, на видъ лѣтъ 32-хъ, одѣтый въ русскую красную кумачную рубашку, сѣрые триковья нѣмецкаго покроя брюки и ботинки. Повидимому, самоубійца уложилъ себя 6 выстрѣломъ, направленнымъ въ лѣвый глазъ, на повалъ. Женщина, отворившая дверь, немедленно была схвачена и подвергнута допросу, при чемъ отказалась дать какія-либо объясненія.

«Послѣ этого было приступлено къ обыску, которымъ обнаружено присутствіе въ квартирѣ въ двухъ жестяныхъ банкахъ 10 фунтовъ динамита, въ каждой по 5-ти фунт., нѣсколько экземпляровъ прокла-

мацій, по содержанію начала и по формамъ, похожихъ на вышедшія 2-го марта манифестъ, отпечатанный въ газетахъ, паспортъ убитаго на имя коллежскаго ассесора Навроцкаго, много учебныхъ книгъ, газетъ и проч.

«По началу обыска было сдѣлано распоряженіе, чтобы дворники и городовые охраняли квартиру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ нее явится кто-либо посторонній, то чтобы немедленно задерживали и представляли въ квартиру, гдѣ находились помощникъ пристава, городовые и окологородные.

«Утромъ, 3-го марта, въ 10 часовъ, къ означенной квартирѣ подошелъ неизвѣстнаго званія человекъ, очень прилично одѣтый, въ черномъ сюртукѣ, такихъ же брюкахъ, енетовой шубѣ съ бобровымъ воротникомъ, въ суконной синяго цвѣта шапкѣ. На вопросъ, предложенный дворникомъ, кого нужно, неизвѣстный отозвался, что ищетъ кварт. № 12, а въ ней кучера Петрова, но на отвѣтъ дворника, что кв. № 12-й пустая, онъ, не отвѣчая ни слова, началъ подниматься по лѣстницѣ вверхъ и потому былъ схваченъ бывшимъ на лѣстницѣ городовымъ полицейскаго резерва Денисовымъ и представленъ къ помощнику пристава Рейнгольду, который, спросивъ нѣсколько словъ у неизвѣстнаго, приказалъ находившимся тутъ окологороднымъ надзирателямъ Зезюкину и Нордману обыскать его. Въ то время, какъ городской Денисовъ началъ снимать съ него шубу, неизвѣстный моментально опустилъ руку въ карманъ и, вынувъ оттуда револьверъ, направилъ его въ упоръ въ г. Рейнгольда. Последний, замѣтивъ направленный на него револьверъ, откинулся въ сторону, пуля, вмѣсто него, попала въ стоявшаго тутъ же помощника пристава г. Слуцкаго и, пробивъ пальто и сюртукъ, контузила его въ правую сторону груди; вторымъ выстрѣломъ опасно раненъ въ пахъ городской Денисовъ. Преступникъ схваченъ сзади, когда направлялъ выстрѣлы въ другихъ окружающихъ, но никого не ранилъ.

«Личность неизвѣстнаго, явившагося въ квартиру Навроцкаго, такова: онъ высокаго роста, коренастый, лѣтъ 25-ти или 26-ти, блондинъ, имѣетъ небольшіе усыки, чуть пробивающіяся бакенбарды; фигура его прямая, лицо открытое.

«При входѣ въ квартиру Навроцкаго, обстановка ея оказалась слѣдующая:

«Въ передней комнатѣ стоялъ комодъ; налѣво отъ дверей, немного далѣе отъ него — кушетка, крытая зеленымъ барканомъ; направо — круглая зеленая печь, около которой стоялъ деревянный, простой табуретъ; а на немъ была масса сожженныхъ печатныхъ листовъ; въ

самой печкѣ находились березовыя дрова и также остатки сожженной печатной бумаги.

«Во второй комнатѣ стоялъ диванъ со столомъ; по бокамъ дивана были двѣ этажерки, на которыхъ лежали разныя учебныя книги, а на окошкѣ, позади дивана, съ правой стороны его, стояли двѣ жестяныя банки съ динамитомъ; банки эти были обернуты въ газетную бумагу и обвязаны дешевыми цвѣтными бумажными платками. По изслѣдованіи банокъ съ динамитомъ, найдено, что края ихъ обмазаны нитроглицериномъ и имѣютъ въ срединѣ куски свернутаго сукна, смоченнаго пироксилиномъ. Въ этой же комнатѣ найдены также зарядные гвозди, по формѣ напоминающіе гвозди, подбиваемые подъ простыя крестьянскіе сапоги; шляпки ихъ имѣютъ на себѣ пироксинъ».

Объ обнаруженномъ подкопѣ на Малой Садовой изъ сырной лавки Кобозевыхъ (Ю. Н. Богдановичъ и А. В. Якимовъ) газеты сообщали слѣдующее:

«1 января 1881 года, мужчина лѣтъ 36, вмѣстѣ съ женщиной лѣтъ 27, которую онъ называлъ своею женою, открылъ въ Малой Садовой торговлю сыромъ, поставивъ на вывѣскѣ: «Складъ русскихъ сыровъ Е. Кобозева». Открывъ лавку, они ничѣмъ не обращали на себя вниманія. Въ 11 часовъ вечера закрывали магазинъ. Вставали рано. Одѣвались просто. Она не имѣла вида простолюдинки и носила обыкновенный нарядъ, который носятъ женщины средняго состоянія. Дворники носили къ нимъ дрова, не заходя въ магазинъ, а оставляя ихъ въ темной комнатѣ со двора. Едва закрывался магазинъ, хозяева лавки приступали къ подкопу. Онъ былъ начатъ на 2¹/₂ аршина отъ поверхности земли, шелъ въ наклонномъ положеніи, и по мѣрѣ приближенія къ срединѣ улицы, слой земли, между подкопомъ и поверхностью, уменьшался. Дѣло было ведено опытною рукою.

«Въ ночь съ 1 на 2 марта хозяева лавки скрылись, оставивъ магазинъ не запертымъ снаружи.

«Стоило войти въ магазинъ полиціи, чтобы сейчасъ же убѣдиться въ готовившемся преступленіи. На столѣ нашли два фальшивые паспорта; небольшую записку о передачѣ рубля мяснику; на диванѣ буравъ; когда подняли крышку деревяннаго ящика дивана, то оказалось, что диванъ весь набитъ землею. Земля была найдена и въ стоящихъ тутъ же кадкахъ. Найдена была гальваническая батарея и двѣ большія банки съ жидкостью.

«Дали знать властямъ. Прибыли судебный слѣдователь Ламанскій, прокуроръ и товарищъ прокурора. Тутъ же былъ открытъ ходъ подъ землею. Вызвали саперъ, начальника гальванической роты и пиро-

техника Родовановскаго. Начались работы, которыя продолжались до ночи, а тогда были приостановлены, такъ какъ продолжать ихъ въ глубинѣ мины и притомъ въ темнотѣ представлялось небезопаснымъ. Малую Садовую оцѣпили часовыми. Рано утромъ вновь начали работу сверху, разобравъ мостовую до самой мины, и, наконецъ, послѣ 12-часовой работы, мина была разрыта и два большіе заряда динамита, одинъ въ 29 фунтовъ, а другой слишкомъ въ пудъ, вынуты изъ земли».

Наконецъ, объ обстоятельствахъ ареста «главнаго организатора событія 1 марта» (А. И. Желябова) газеты сообщали такія свѣдѣнія: «Полиція, около 12-го февраля, получила изъ-за-границы свѣдѣнія, что одинъ изъ вожаковъ революціонной партіи, извѣстный въ средѣ ея подъ именемъ «Милордъ», направляется въ Петербургъ. Въ скоромъ времени, дѣйствительно, студентъ Тригони (Милордъ) прибылъ въ Петербургъ и, перемѣнивъ двѣ или три квартиры, поселился на Невскомъ проспектѣ въ домѣ г. Лихачева, № 66, въ меблированныхъ комнатахъ г-жи Мессуро, въ квартирѣ № 12, гдѣ и прописался подъ своимъ настоящимъ именемъ. Учрежденъ былъ надзоръ за студентомъ Тригони, который былъ одинъ изъ распорядителей революціоннаго исполнительнаго комитета и, какъ оказалось, сторонникомъ употребленія разрывныхъ бомбъ, которыя и были пущены въ ходъ во время страшной катастрофы 1-го марта. Брюнетъ съ черной бородой, горбатымъ, выдающимся носомъ, высокаго роста и замѣчательнаго тѣлосложенія, Тригони одѣвался всегда прилично. Между прочимъ, онъ навѣщалъ домъ № 18, по 1 ротѣ Измайловскаго полка; далѣе открылось, что булочно-кофейная Исакова, на углу Малой Садовой, служила мѣстомъ свиданій революціонерамъ. Сюда заходили они въ поздніе, ночные часы, здѣсь бесѣдовали о предстоящемъ осуществленіи плановъ. 27-го февраля начальство секретной полиціи дало, наконецъ, приказаніе арестовать «Милорда». Вечеромъ, въ тотъ же день, когда въ комнатѣ его находился нѣкто «Петръ Ивановъ», жилецъ дома № 18, по 1 ротѣ Измайловскаго полка, Тригони подъ какимъ-то предлогомъ былъ вызванъ въ коридоръ. Едва вышелъ послѣдній изъ комнаты, какъ преслѣдователи взяли его подъ руки и отвели въ отдѣльную комнату¹⁾. Арестованный, спокойно, не сопротивляясь, послѣдовалъ за представителями полиціи, и, по словамъ очевидцевъ, держалъ себя крайне прилично. Въ то же время другой человѣкъ, съ чрезвычайно красивымъ, выдающимся лицомъ и длинною черною бородою, сообразивъ случившееся, выскочилъ изъ

¹⁾ О томъ, какъ было дѣло въ дѣйствительности, см. нижепомѣщаемую статью самого М. Н. Тригони „Мой арестъ въ 1881 году“.

комнаты арестованного и быстрыми шагами направился къ выходной двери; но, какъ и слѣдовало ожидать, дверь оказалась запертой, и «Петръ Ивановъ», подобно «Милорду», очутился въ рукахъ полиціи. Во время ареста, «Петръ Ивановъ» опустилъ руку въ карманъ и быстро вынулъ револьверъ, но оружіе было моментально отобрано у заарестованнаго. «Я царевубійца изъ Александровска», рекомендовался «Петръ Ивановъ», а затѣмъ удивлялся, какъ это могло случиться, что онъ допустилъ себя арестовать.

«Обыскъ въ комнатѣ «Милорда» обнаружилъ 170 экземпляровъ листка «Народная Воля». На основаніи примѣтъ одного государственнаго преступника, полиція полагала, что въ лицѣ второго заарестованнаго имѣетъ дѣло съ однимъ изъ сотоварищей Гартмана, скрывшимся государственнымъ преступникомъ *Желябовымъ*, но «Петръ Ивановъ» отрицалъ свою тождественность съ послѣднимъ. Задержанные въ тотъ же вечеръ были отправлены въ каретѣ въ домъ предварительнаго заключенія и поступили въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора. Только тогда товарищъ прокурора Добржинскій обратился къ «Петру Иванову» и сказалъ: «Я васъ помню по дѣлу 74 года; вы Желябовъ» — мнимый «Петръ Ивановъ» отвѣтилъ: «Вашъ покорнѣйшій слуга».

«Въ квартирѣ послѣдняго, въ Измайловскомъ полку, найденъ динамитъ».

Нечего и говорить, что во всѣхъ этихъ газетныхъ сообщеніяхъ, на ряду съ «Wahrheit» находится очень значительное количество «Dichtung». Приведемъ, поэтому, нѣкоторыя собранныя относительно катастрофы 1 марта данныя въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ изложены въ обвинительномъ актѣ по этому дѣлу. Суду, какъ извѣстно, были преданы А. И. Желябовъ, С. Л. Перовская, Н. И. Рысаковъ, Т. М. Михайловъ, Н. И. Кибальчичъ и Г. М. Гельфманъ. Объ участіи каждого изъ этихъ лицъ въ событіи 1-го марта, равно какъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ происходили ихъ аресты, въ соответствующихъ частяхъ обвинительнаго акта находятся слѣдующія данныя:

«Въ третьемъ часу дня, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты Государя Императора, на разстояніи не болѣе 2 сажени отъ нея, ѣхалъ въ саняхъ полиціймейстеръ полковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи сажень

50-ти отъ угла Инженерной улицы, въ 2¹/₄ часа пополудни, подъ каретою раздался страшный взрывъ, распространившійся какъ-бы вѣеромъ. Выскочивъ изъ саней и въ то же мгновеніе замѣтивъ, что на панели, со стороны канала, солдаты схватили какого-то человѣка, полковникъ Дворжицкій бросился къ императорской каретѣ, отворилъ дверцы и, встрѣтивъ выходившаго изъ кареты невредимымъ Государа Императора, доложилъ Его Величеству, что преступникъ задержанъ. По приказанію Государа, свидѣтель проводилъ Его по тротуару канала къ тому мѣсту, гдѣ находился уже окруженный толпою народа задержанный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Стоявшій на тротуарѣ подпоручикъ Рудыковский, не узнавъ сразу Его Величество, спросилъ: «Что съ Государемъ?» На что Государъ Императоръ, оглянувшись и не доходя шаговъ десяти до Рысакова, изволилъ сказать: «*Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...*» указывая при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услышавъ слова Государа, Рысаковъ сказалъ: «Еще слава ли Богу?» Между тѣмъ, опередивъ на нѣсколько шаговъ Государа, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ, задержавшихъ Рысакова, вынутые изъ платья его револьверъ и небольшой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ—онъ ли стрѣлялъ, Его Императорское Величество, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствующихъ, спросилъ Рысакова: кто онъ такой,—на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только Государъ, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала, по направленію къ экипажу, сзади, у самыхъ ногъ Его, раздался новый оглушительный взрывъ, причѣмъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и ключевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же она разсѣялась, пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: въ числѣ лицъ, поверженныхъ и раненыхъ взрывомъ, находился и Государъ Императоръ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ на ней возлюбленный Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги вѣнценоснаго Страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было въ крови. Тутъ же лежала шинель Государа, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные клочья. Раненый рядомъ съ Государемъ Императоромъ полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли, слышалъ едва внятно произнесенныя слова Государа: «*Помогите*», и вскочивъ, подбѣ-

жалъ къ Нему вмѣстѣ со многими другими лицами. Кто-то подаль платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: «Холодно, холодно». Тогда, приподнявъ Государя, уже начавшаго терять сознаніе, окружавшія Его лица, въ числѣ которыхъ были юнкера павловскаго военнаго училища и чины проходившаго мимо караула отъ 8-го флотскаго экипажа, при подоспѣвшемъ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли Его къ санямъ полковника Дворжицкаго, причѣмъ поручикъ графъ Гендриковъ покрылъ своею фуражкою обнаженную голову Страдальца. Наклонившись къ своему Августѣйшему Брату, великій князь спросилъ, слышитъ ли Его Величество,—на что Государь Императоръ тихо отвѣчалъ: «Слышу»; на дальнѣйшій вопросъ его высочества о томъ, какъ Государь себя чувствуетъ, Государь Императоръ изволилъ сказать: «Скорѣе... во Дворецъ», а затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на услышанное Имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка внести Его въ ближайшій домъ для подавія первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнесъ: «Несите Меня во Дворецъ... тамъ... умереть...» То были послѣднія слышанныя свидѣтелями слова умирающаго Монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему Его Величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда сѣлъ ротмистръ Кулебякинъ и, съ помощью конвойныхъ казаковъ Козыменко и Луценко, повезъ Государя Императора въ Зимній Дворецъ.

Неисповѣдимыя вѣдѣнія Промысла совершились. Объявленіями отъ министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованными того же 1-го марта, возвѣщено, что при вышеописанномъ второмъ взрывѣ Его Императорское Величество Государь Императоръ былъ тяжело раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣнъ, и въ тотъ же день, въ 3 часа 35 минутъ пополудни, въ Божѣ почилъ¹⁾.

Упомянувши о существовавшемъ въ Петербургѣ и другихъ горо-

¹⁾ Въ „Петербургской Газетѣ“ отъ 1 марта настоящаго года напечатана бесѣда сотрудника газеты съ Е. И. Кедринымъ, выступавшимъ въ дѣлѣ о царевубійствѣ въ качествѣ защитника Перевской.

„Могу вамъ сообщить, сказалъ своему собесѣднику Е. И. Кедринъ, вѣчто имѣющее историческое значеніе. Я передаю его вамъ съ чужихъ словъ—бывшаго полицеймейстера Дворжицкаго и потому снимаю съ себя отвѣтственность за нихъ, хотя не вѣрять я не имѣю никакихъ основаній.

„Дворжицкій, сглаголавшій 1 марта за коляской Государя, говорилъ мнѣ черезъ годъ, что Императоръ Александръ II, вопреки всѣмъ свидѣтельскимъ показаніямъ, скончался моментально, тамъ же на набережной Екатерининскаго канала.

„Сглаголовательно, воѣ показанія, будто Государь произнесъ: „холодно... холодно“, „скорѣе... во дворецъ“... были вымышлены“...

Прибавилъ, что еще раньше это самое г. Кедринъ рассказывалъ одному изъ членовъ нашей редакціи.

дахъ сообществѣ и назвавши нѣсколькихъ изъ принадлежавшихъ къ нему лицъ по именамъ, обвинительный актъ говоритъ далѣе: «Результаты изслѣдованія «привели къ заключенію, что въ кружкѣ означенныхъ лицъ играли видную и вліятельную роль: проживавшій подъ своимъ собственнымъ именемъ дѣйствительный студентъ Михаилъ Тригони и крестьянинъ Таврической губерніи, Θεодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки Андрей Ивановъ Желябовъ, розыскиваемый по обвиненію въ покушеніи на жизнь Его Императорскаго Величества, совершенномъ 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи. Желябовъ былъ арестованъ 27 февраля сего года, одновременно съ Тригономъ, въ квартирѣ послѣдняго, на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы, въ домѣ Лихачева.

«По обнаруженіи мѣстожителства Желябова, проживающаго вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидією Антоновною Войновою, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ № 37—18, кв. № 23, подъ именемъ Николая Иванова Слатвинскаго, въ квартирѣ его, утромъ 1-го марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до совершенія злодѣянія, жертвою котораго палъ нынѣ въ Возѣ почившій Государь Императоръ, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ, четыре жестянки изъ-подъ конфетъ и одна изъ-подъ сахару, съ остатками въ четырехъ жестянкахъ (трехъ изъ-подъ конфетъ и одной изъ-подъ сахару) чернаго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя трубки.

«По заключенію эксперта, завѣдывающаго химическою лабораторією Михайловской артиллерійской академіи и училища, генералъ-маіора Федорова, означенное вещество есть черный динамитъ, а каучуковыя трубки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ нижеупомянутыхъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Въ названныхъ жестянкахъ, по мнѣнію генерала Федорова, могло помѣщаться около двухъ пудовъ динамита.

«Женщина, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Лидіи Войновой, скрылась изъ вышеуказанной квартиры Желябова на другой день его ареста, 28-го февраля вечеромъ, и была задержана лишь 10-го марта, на Невскомъ проспектѣ, околочнымъ надзирателемъ Широковымъ.

«Задержанная оказалась дворянкою Софьею Львовою Перовскою, обвиняемою и разыскиваемою по дѣлу о покушеніи на жизнь священной Особы Государя Императора, совершенномъ 19-го ноября 1879 года, близъ города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги.

«По обыску, при Перовской были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи: отъ 2-го марта 1881 года, по поводу событія 1-го марта, 18 экземпляровъ отъ «Исполнительнаго Комитета» и 14 экземпляровъ отъ «Рабочихъ членовъ партіи Народной Воли».

«Дознаніемъ выяснено, что въ іюнѣ 1880 года Перовская, подъ именемъ Войновой, вмѣстѣ съ женщиною, называвшеюся дочерью священника Ольгою Сиповичъ, еще неразысканною, выбыла изъ д. № 32—4 Петербургской части, 1-го участка, на углу Большой и Малой-Бѣлозерскихъ улицъ, и переехала на жительство въ кв. № 13, д. № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка. Въ октябрѣ Сиповичъ уѣхала, по заявленію ея, въ Ораніенбаумъ, а вскорѣ послѣ ея отъѣзда, у Перовской, подъ видомъ ея брата, поселился Желябовъ, проживавшій подъ именемъ Николая Ивановича Слатвинскаго».

Обстоятельства ареста Геси Гельфманъ и самоубійства Саблина въ обвинительномъ актѣ изложены такъ:

«Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ властями при производствѣ разслѣдованія по настоящему дѣлу о томъ, что по Телѣжной улицѣ, въ домѣ № 5, находится такъ называемая «конспиративная» квартира, т. е. такое помѣщеніе, въ которомъ собирались злоумышленники и производились приготовленія къ преступленію 1-го марта, въ означенномъ домѣ, въ квартирѣ № 5, сдѣланъ былъ въ ночь на 3-е марта внезапный обыскъ. При объявленіи должностными лицами, явившимися на обыскъ, о цѣли ихъ прибытія—лицу, спросившему ихъ о томъ чрезъ запертую наружную дверь квартиры, въ этой послѣдней послышалось нѣсколько выстрѣловъ, и затѣмъ какая-то женщина отперла дверь, чрезъ которую должностныя лица и проникли въ квартиру. Въ первой комнатѣ, направо, они нашли лежащимъ на полу, окровавленнымъ только что повидимому застрѣлившимся человѣкомъ. По заключенію приглашеннаго для подачи ему медицинской помощи врача Павлова, человѣкъ этотъ нанесъ себѣ выстрѣлами изъ револьвера нѣсколько ранъ, въ томъ числѣ одну безусловно смертельную въ високъ. Не выходя изъ безсознательнаго состоянія, неизвѣстный тутъ же вскорѣ умеръ. По осмотру домовою книги и по показаніямъ свидѣтелей оказалось, что онъ проживалъ въ квартирѣ № 5, вмѣстѣ съ упомянутою, задержанною въ ней женщиною, подъ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкихъ, по подложному паспорту на имя коллежскаго регистратора Ивана Петрова Фесенко-Навроцкаго.

«При разслѣдованіи, произведенномъ съ цѣлью обнаружить личность застрѣлившимся человѣкомъ, проживавшаго подъ именемъ коллежскаго регистратора Ивана Фесенко-Навроцкаго, подполковникъ 1-го лейбъ-

тренадскаго екатеринославскаго полка Иванъ Алексѣевъ Саблинъ, призналъ въ предъявленномъ ему фотографическомъ снимкѣ застрѣливагося родного брата своего, дворянина Николая Алексѣева Саблина, который въ 1878 году выѣхалъ изъ города Москвы неизвѣстно куда, причемъ съ тѣхъ поръ родные его никакихъ извѣстій о немъ не имѣли.

«Женщина, задержанная въ «конспиративной» квартирѣ, оказалась мозырскою мѣщанкою Гесею Мировою Гельфманъ. По ея объясненію, проживавшій вмѣстѣ съ нею въ этой квартирѣ неизвѣстный, называвшійся Фесенко-Навроцкимъ, застрѣлившійся предъ обыскомъ, былъ дѣйствительно Николай Алексѣевъ Саблинъ.

«Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что означенный Саблинъ въ 1873 и 1874 годахъ, принадлежа къ революціонному кружку, образовавшемуся въ Москвѣ, и дѣйствуя какъ здѣсь, такъ и въ Ярославской губерніи, занимался преступной пропагандой въ народѣ совместно съ скрывающимися нынѣ революціонными дѣятелями Николаемъ Морозовымъ и Иванчинимъ-Писаревымъ. Затѣмъ, уѣхавъ въ 1874 году за границу, Саблинъ въ мартѣ 1875 года вмѣстѣ съ Морозовымъ возвратился въ Россію, причемъ былъ задержанъ въ пограничномъ селеніи Кибарты, съ прусскою легитимационною картою на имя Фридриха Вейсмана. Привлеченный къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ имперіи и преданный суду особаго присутствія привѣтствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Саблинъ былъ признанъ виновнымъ во вступленіи въ преступное тайное сообщество, предусмотрѣнное 2 отд. ст. 250 уложенія о наказаніяхъ, съ знаніемъ о цѣляхъ его, за что, какъ изложено въ приговорѣ особаго присутствія, состоявшемся 18-го октября (23-го января) 1877—78 годовъ, онъ подлежалъ наказанію, указанному въ 3 степ. 31 ст. улож. о наказ., причемъ особое присутствіе, принявъ во вниманіе обстоятельства смягчающія, въ числѣ другихъ и его Саблина, вину въ размѣрахъ, выходящихъ изъ предѣловъ власти суда, и между прочимъ долговременное содержаніе его подъ стражей и молодость, опредѣлило: ходатайствовать предъ Монаршимъ Милосердіемъ о вѣнненіи ему въ наказаніе предварительнаго ареста, на каковое ходатайство и послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества нынѣ въ Божѣ почившаго Государа Императора соизволеніе.

«По обыску въ «конспиративной» квартирѣ былъ найденъ рядъ вещественныхъ доказательствъ, имѣющихъ непосредственную связь съ злодѣйскимъ дѣяніемъ 1 марта. Изъ числа означенныхъ вещественныхъ доказательствъ особое значеніе, по заключенію экспертовъ, пред-

ставляютъ нижеслѣдующіе предметы: а) двѣ метательныя мины, взрывающіяся при бросаніи отъ удара, въ жестянкахъ, заключающихъ въ себѣ, какъ подробно объяснено въ заключеніи и чертежахъ генерал-маіора Федорова, взрывчатый аппаратъ, который представляетъ систему сообщающихся другъ съ другомъ снарядовъ: а) съ сѣрною кислотою, б) съ смѣсью бертолетовой соли, сахара и сѣрнистой сурьмы, в) съ гремучей ртутью и г) изъ пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Передавая другъ другу посредствомъ стопина воспламененія, вслѣдствіе удара или сотрясенія, снаряды эти доводятъ его, наконецъ, до смѣси гремучаго студня съ камфарой, дѣйствующаго при взрывѣ въ шесть разъ сильнѣе пороха; часть означеннаго аппарата устроена вдвойнѣ такимъ образомъ, чтобы взрывъ послѣдовалъ при паденіи метательной мины въ какомъ бы то ни было направленіи; 2) колба и реторта, служащія для химическихъ опытовъ; 3) стеклянные шарики съ сѣрною кислотою; 4) небольшая деревянная призма, представляющая, по предположенію эксперта, часть модели метательнаго снаряда; 5) фарфоровая ступка, въ которой перетиралась бертолетова соль; 6) записка на клочкѣ бумаги о вышеупомянутой смѣси бертолетовой соли съ сахаромъ и сурьмой; 7) рисунокъ карандашомъ, на оборотѣ транспаранта, какого-то аппарата для производства гальваническаго тока, не имѣющій, впрочемъ, отношенія къ метательнымъ снарядамъ; 8) планъ города С.-Петербурга съ карандашными отмѣтками, въ видѣ неправильныхъ круговъ, на зданіи Зимняго Дворца, и съ слабыми карандашными же линіями, проведенными отъ зданія Михайловскаго манежа по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининскому каналу, и 9) сдѣланный карандашомъ на оборотѣ конверта планъ, безъ соблюденія масштаба, представляющій, по сличенію его съ планомъ г. С.-Петербурга, сходство съ мѣстностью между Екатерининскимъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ, Михайловскимъ дворцомъ и Караванной улицей, съ обозначеніемъ Михайловскаго манежа, Инженерной улицы и Малой Садовой. На планѣ этомъ, между прочимъ, имѣются знаки на Екатерининскомъ каналѣ, Манежной площади и кругъ по срединѣ Малой Садовой.

«3-го марта, утромъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго обыска, въ домѣ № 5, по Телѣжной улицѣ, гдѣ были оставлены чины полиціи съ приказаніемъ задерживать каждаго, кто придетъ въ обысканную квартиру—явился молодой человекъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находилась означенная квартира, былъ встрѣченъ дворникомъ Мирономъ Сергѣевымъ. На вопросъ послѣдняго — «куда онъ идетъ?» — неизвѣстный, спросивъ кучера, указалъ на квартиру № 12,

каковой вовсе въ домѣ не имѣется, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ въ кв. № 5, гдѣ и задержанъ. Когда же было приступлено къ производству у него обыска, то онъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ чиновъ, изъ которыхъ нанесъ схватившему дуло револьвера городовому Ефиму Денисову опасную для его жизни рану въ правый пахъ и помощнику пристава 1-го участка Александро-Невской части Слудкому контузію груди, съ ушибомъ праваго легкаго. Обезоруженный и, вслѣдствіе описаннаго сопротивленія, связанный неизвѣстный человѣкъ былъ доставленъ въ управленіе С.-Петербургскаго градоначальника, гдѣ и оказался крестьяниномъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилова, Тимофеемъ Михайловичемъ».

Далѣе обвинительный актъ гласитъ слѣдующее объ обстоятельствахъ обнаруженія подкопа на Малой Садовой:

«4-го марта 1881 года, вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома № 56—8 (графа Менгдона), находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, того самаго, въ которомъ помѣщается и вышеупомянутая кондитерская Исакова, о томъ, что содержатель сырной лавки, въ подвальномъ этажѣ того же дома, крестьянинъ Евдокимъ Ермолаевъ Кобозевъ скрылся вмѣстѣ съ женою своею Еленою Федоровою, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, мѣстная полиція произвела осмотръ означенной лавки, оставленной хозяевами, причѣмъ, по приглашеніи на мѣсто судебного слѣдователя, изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ къ ней окномъ, былъ обнаруженъ подкопъ подъ улицу Малую Садовую.

«По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ: генералъ-маіора Федорова, военнаго инженера штабсъ-капитана Родивановскаго, командира гальванической роты полковника Лисовскаго и офицеровъ той же роты: штабсъ-капитана Линденера и поручика Тишкова, какъ внутренности лавки и смежныхъ съ ней помѣщеній, такъ и самаго подкопа, изслѣдованнаго съ помощью поименованныхъ экспертовъ и нижнихъ чиновъ гальванической роты, оказалось, въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ, нижеслѣдующее: въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры и оставлены разныя записки, не имѣющія значенія по своему содержанію; въ стоящихъ здѣсь же бочкѣ и кадкѣ, подъ соломою и за деревянною обшивкою нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, сложена земля. Въ смежномъ жильѣ такая же земля найдена подъ сидѣньемъ дивана и рядомъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, девять деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землею, и шесть мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ, повидимому, носили землю. Въ раз-

Николай Ивановичъ
КИБАЛЬЧИЧЪ.

ныхъ мѣстахъ разбросаны землекопные и минные инструменты, какъ-то буравъ съ его принадлежностями, ручной фонарикъ съ лампочкой и проч. Въ жилѣ стѣна, подѣ первымъ отъ входа окномъ, пробита, и въ ней открывается отверстіе, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени до середины улицы. Въ отверстіи оказалась стеклянка съ жидкостью (двухромокислымъ кали) для заряженія гальванической батареи, системы Грене, 4 элемента которой найдены тутъ же въ корзинѣ. Отъ батареи шли по минѣ проводы, оканчивавшіеся зарядомъ. По заключенію генераль-маіора Федорова, зарядъ этотъ состоялъ изъ системы чернаго динамита, количествомъ около 2-хъ пудовъ, капсюли съ гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такая система вполне обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до $2\frac{1}{2}$ сажень въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были бы вышиблены оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки. Что же касается до земли, найденной въ лавкѣ Кобозева, то, по заключенію полковника Лисовскаго, количество ея соотвѣтствуетъ объему земли, вынутой изъ галлерей.

«Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобозевыми наняли лавку въ домѣ графа Менгденъ въ декабрѣ 1880 г., по контракту за 1.200 руб. въ годъ, и переѣхавъ въ январѣ, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила на себя вниманіе многихъ свидѣтелей, какъ несоотвѣтствовавшая свойствамъ, образу жизни и внѣшности обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ. Торговля производилась неумѣло и какъ бы лишь для виду, Кобозевъ казался человекомъ, стоящимъ гораздо выше своего состоянія, жена его обнаруживала привычки, несвойственныя женѣ простаго торговца, кромѣ того часто не ночевала дома. Вслѣдствіе павшаго поэтому на лавку Кобозевыхъ подозрѣнія, въ лавкѣ ихъ, 28 февраля 1881 г., по распоряженію градоначальника, мѣстною полиціею, при участіи техника генераль-маіора Мровинскаго, произведенъ былъ осмотръ подѣ видомъ техническихъ и санитарныхъ цѣлей. Осмотръ этотъ не далъ никакихъ результатовъ, при чемъ, однако же, по удостовѣренію свидѣтелей: Мровинскаго, пристава 1-го участка Спасской части Теглева и дворника Никифора Самойлова, Кобозевъ казался смущеннымъ и испуганнымъ. Послѣ осмотра, 1-го и 2-го марта Кобозевы поочередно уходили изъ дома, а 3-го марта Кобозевъ ушелъ утромъ, жена же его вечеромъ, послѣ чего они болѣе не возвращались».

Обстоятельства обнаруженія квартиры лица, бросившаго второй
выпуск № 3.

снарядъ и проживавшаго подъ фамиліей Ельникова, (И. І. Гриневицкій), а также обстоятельства, предшествовавшія событію 1 марта, въ обвинительномъ актѣ изложены такъ:

«3-го марта, по указаніямъ Рысакова, была обнаружена и квартира того самаго неизвѣстнаго человѣка, который умеръ отъ поврежденій, полученныхъ имъ при взрывѣ 1-го марта. Подъ именемъ виленскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова, онъ проживалъ на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ домѣ № 59, кв. № 22, у квартирной хозяйки Анны Артамоновой.

«По осмотру вещей, оставшихся въ квартирѣ Артамоновой, въ числѣ ихъ, кромѣ 6 экземпляровъ «Рабочей Газеты», напечатанныхъ въ «Летучей типографіи Народной Воли», и экземпляра упомянутой уже, найденной и у Рысакова «Программы рабочихъ членовъ партіи», оказались еще: 1) счетъ въ израсходованіи за ноябрь 33 рублей, съ надписью внизу: «отчетъ Федорова», и 2) платокъ съ мѣткою «Н. И. Р.».

«По предъявленіи Артамоновой и служанкѣ ея, солдатской вдовѣ Акулинѣ Смѣлковой, тѣла неизвѣстнаго человѣка, умершаго въ придворномъ госпиталѣ, онѣ признали въ немъ своего жильца Ельникова.

«Рѣчь о царевубійствѣ зашла на собраніяхъ террористическаго отдѣла, происходившихъ сначала въ квартирѣ Рысакова, а затѣмъ въ особой конспиративной квартирѣ (Геси Гельфманъ) по Троицкому переулку; на этой послѣдней квартирѣ, недѣли за полторы до 1-го марта, Желябовъ «кликнулъ кличъ», или, другими словами, вызвалъ добровольцевъ, желающихъ совершить новое покушеніе на жизнь Государя Императора, рѣшенное «исполнительнымъ комитетомъ». Послѣ этихъ собраній, состоялось еще одно въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ снова обсуждался вопросъ о покушеніи; сначала событіе, о которомъ Желябовъ говорилъ съ Рысаковымъ въ видѣ предположенія, еще до упомянутыхъ собраній, представлялось отдаленнымъ, но затѣмъ Рысаковъ сталъ замѣчать въ Желябовѣ и его товарищахъ лихорадочную поспѣшность, которую Рысаковъ объясняетъ тѣмъ, что составъ и силы партіи были разстроены только-что постигшими ее арестами. На категорическое предложеніе Желябова совершить покушеніе, Рысаковъ согласился приблизительно за недѣлю до 1-го марта, послѣ чего вступилъ въ непосредственныя сношенія съ кружкомъ лицъ, устраивавшихъ посягательство, и былъ введенъ въ новую конспиративную квартиру по Тѣлешной улицѣ, которая, по словамъ Желябова, и была нанята исключительно для подготовленія царевубійства. На призывъ Желябова совершить преступленіе отзывались, кромѣ его, Рысакова,

еще «Михаилъ Ивановичъ» ¹⁾ и Тимошеей Михайловъ, а также, по-видимому, и человекъ, называвшійся «Михаиломъ» ²⁾ съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его познакомилъ Желябовъ, какъ съ «товарищемъ по дѣлу». Сверхъ названныхъ лицъ на «конспиративной квартирѣ» появилась и Перовская, съ которою Желябовъ познакомилъ его, Рысакова, еще въ началѣ зимы, приче́мъ Рысаковъ принималъ тогда же участіе, вмѣстѣ съ «Михаиломъ Ивановичемъ», въ постоянномъ и правильномъ наблюденіи за выѣздами Государя Императора, которое было организовано Перовскою. На конспиративной квартирѣ по Тѣлешной улицѣ собирались добровольцы, т. е. онъ, Рысаковъ, «Михаилъ Ивановичъ», Тимошеей Михайловъ и «Михаилъ». Здѣсь же Рысаковъ видѣлъ Гесю Гельфманъ, а также человека, признаннаго имъ въ предъявленномъ ему трупѣ Саблина. На первое же собраніе, вслѣдъ за Желябовымъ, явился человекъ, котораго называли «техникомъ» и который подробно объяснялъ устройство метательныхъ снарядовъ по принесеннымъ имъ образцамъ. 28-го февраля, онъ, Рысаковъ, «техникъ», Тимошеей Михайловъ и «Михаилъ Ивановичъ» ходили за городъ въ пустынное мѣсто, за Смольнымъ монастыремъ, пробовать образецъ снаряда; снарядъ этотъ былъ брошенъ Тимошеемъ Михайловымъ и удачно разорвался. Оттуда участники задуманнаго преступленія отправились на конспиративную квартиру, для полученія какихъ-то указаній отъ Желябова, который однако же не пришелъ, приче́мъ, кажется, Гельфманъ сказала, что если онъ не придетъ, «то значить занятъ». На другой день, 1-го марта, въ 9 часовъ утра, согласно состоявшемуся наканунѣ уговору, всѣ вновь сошлись на конспиративной квартирѣ, для полученія снарядовъ и необходимыхъ указаній. Здѣсь были: онъ, Рысаковъ, Тимошеей Михайловъ, «Михаилъ Ивановичъ» и «Михаилъ». Вскорѣ пришла Перовская и принесла съ собою узелъ со снарядами, въ которомъ ихъ было не больше двухъ; она сообщила объ арестѣ Желябова и объяснила, что не смотря на работу въ теченіи всей ночи, не успѣли приготовить предполагаемаго прежде количества снарядовъ. «Можетъ быть и еще принесутъ», сказала Перовская, «нужно довольствоваться малымъ». Затѣмъ явился «техникъ» и, какъ кажется Рысакову, также принесъ снаряды. Всѣ указанія для совершенія злодѣянія были даны Перовскою, которая начертила на конвертѣ планъ мѣстности и каждому изъ участниковъ указала на немъ назначенный ему пунктъ. При этомъ состоялось слѣ-

¹⁾ И. И. Гриневицкій.

²⁾ И. П. Емельяновъ, тогда еще не обнаруженный. Осужденъ въ 1882 г. См. „Продѣсь 20-ти народовольцевъ“ въ январской книжкѣ „Былого“.

дующее распределение: на Малой Садовой имѣлъ произойти взрывъ при проѣздѣ Государя, а лица, вооруженныя метательными снарядами, были разставлены по близости. Онъ, Рысаковъ, долженъ былъ стать у Екатерининскаго сквера, а «Михаилъ» на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой. На противоположномъ концѣ этой улицы, на углу Б.-Итальянской, близъ манежной площади, какъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ, должны были помѣститься лица, болѣе другъ съ другомъ знакомыя, болѣе опытные и съ лучшими революціонными прошлыми; здѣсь могли стать «Михаилъ Ивановичъ» и Тимофѣй Михайловъ. При взрывѣ на Малой Садовой, гдѣ, по словамъ Перовской, Государя «уже ждутъ», всѣ лица со снарядами должны были, на случай неудачи, спѣшить къ мѣсту взрыва. Въ случаѣ же, если бы Государь Императоръ не прослѣдовалъ по Малой Садовой, то свиданіе съ Перовскою было условлено на Михайловской улицѣ, гдѣ она должна была подать знакъ о томъ, что слѣдуетъ идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ждать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ, послѣ обычнаго посѣщенія Имъ Михайловскаго дворца. Когда же оказалось, что Государь Императоръ прослѣдовалъ въ манежъ не по Малой Садовой, а изъ манежа, послѣ посѣщенія Михайловскаго дворца, направился по Екатерининскому каналу, то онъ, Рысаковъ, придя по сигналу Перовской на набережную этого канала, бросилъ свой снарядъ, завернутый въ платкѣ, подъ ноги лошадямъ ѣхавшей ему навстрѣчу Императорской кареты, послѣ чего и былъ задержанъ. Тутъ же на набережной онъ, какъ ему кажется, видѣлъ предъ собою на далекомъ разстояніи «Михаила Ивановича».

«2-го марта, обвиняемый Желябовъ прислалъ на имя прокурора с.-петербургской судебной палаты заявленіе, въ которомъ, высказывая свою совершенную солидарность съ Рысаковымъ и требуя, по его выраженію, «пріобщенія его, Желябова, къ дѣлу 1-го марта», объясняетъ, «что онъ многократно покушался на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора и не принималъ физическаго участія въ преступленіи 1-го марта лишь по «случайности». Далѣе, восхваляя Рысаква, онъ выражаетъ опасеніе, что правительство, «за недостаткомъ формальныхъ уликъ противъ него, «ветерана революціи», предпочтетъ «внѣшнюю законность внутренней справедливости», во избѣжаніе чего онъ, Желябовъ, и проситъ о привлеченіи его къ настоящему дѣлу. ¹⁾».

«Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личности и прошедшемъ Желябова, котораго умершій обвиняемый по дѣлу о такъ называемыхъ

¹⁾ Ниже, — въ особой замѣткѣ, — мы печатаемъ это, до сихъ поръ еще не появлявшееся въ печати, заявленіе А. И. Желябова полностью.

террористахъ Гольденбергъ характеризуетъ какъ личность «въ высшей степени развитую и гениальную», оказывается, что Желябовъ въ 1872 году былъ исключенъ изъ новороссійскаго университета за безпорядки, затѣмъ судился по дѣлу о революціонной пропагандѣ и по оправданіи, по собственному его показанію, проживалъ подъ разными именами въ разныхъ мѣстахъ, на средства изъ фонда народа.

«Обвиняемая Софья Львова Перовская, признавая какъ принадлежность свою къ партіи «Народной Воли», такъ и свое участіе въ посягательствѣ 1-го марта 1881 года, показала, что она занимается революціонною дѣятельностью, а средства къ жизни получаетъ частью изъ фонда партіи. Получивъ домашнее образованіе и поступивъ въ 1869 году на высшіе женскіе курсы при 5-й с.-петербургской мужской гимназій, она въ 1870 году оставила родительскій домъ и послѣ нѣкотораго подготовленія сдѣлалась народною учительницей, а въ 1872 году примкнула къ революціонному движенію, причемъ нѣсколько разъ подвергалась аресту и судилась по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Въ 1878 году она была вновь арестована и подлежала административной высылкѣ въ Олонецкую губернію, но съ пути слѣдованія скрылась и съ тѣхъ поръ жила «нелегально» подъ разными фамиліями и по подложнымъ видамъ на жительство. Въ іюнѣ 1880 года, подъ фамиліею Войновой, она поселилась въ Петербургѣ, въ д. № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, вмѣстѣ съ своею знакомою, настоящей фамиліи которой она назвать не желаетъ и которая проживала подъ фамиліею Сиповичъ. Въ сентябрѣ къ ней на квартиру, вмѣсто уѣхавшей Сиповичъ, переѣхалъ Желябовъ. Какъ членъ «партіи» «Народной Воли» и «агентъ исполнительнаго комитета», она знала обо всемъ происходившемъ въ террористической отрасли дѣятельности этой партіи и принимала непосредственное участіе какъ въ приготовленіяхъ къ преступленію 1-го марта и въ происходившихъ по поводу его совѣщаніяхъ между соучастниками, такъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ по исполненію замысла. Уже за нѣсколько времени до 1-го марта она вмѣстѣ съ другими лицами слѣдила за обычными выѣздами Государя Императора и затѣмъ участвовала въ состоявшемся 28-го февраля соглашеніи дѣйствовать именно 1-го марта. Подкупъ по Малой Садовой былъ устроенъ на случай проѣзда Государя по этой улицѣ. Независимо отъ этого подкупа, предстояло еще дѣйствіе метательными снарядами, часть коихъ, именно два, она, Перовская, утромъ привезла въ д. № 5 по Телѣжной улицѣ, въ квартиру, хозяевами которой были вѣрившіяся въ ней передъ обыскомъ челоуѣкъ (Саблинъ) и Геся Эльманъ. Своихъ снарядовъ въ означенной квартирѣ не было, но

откуда они были принесены туда обвиняемою, а также сколько ихъ всѣхъ было, считая въ томъ числѣ и снаряды, принесенные другими, она объяснить не желаетъ. По спѣшности дѣла и краткости срока, истекшаго со времени принятаго наканунѣ рѣшенія совершить проступленіе 1-го марта, не могло быть приготовлено большого количества снарядовъ, о чемъ она, Перовская, и объяснила своимъ соучастникамъ, по приѣздѣ своемъ на квартиру по Тѣлжной улицѣ, утромъ названнаго дня. Здѣсь же, при окончательномъ распредѣленіи участія каждого, она нарисовала на конвертѣ найденный по обыску въ квартирѣ Саблина и Гельфманъ планъ мѣстности, на которомъ и объяснила лицамъ, отправлявшимся со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Сколько ихъ было, она сказать не желаетъ, равнымъ образомъ не желаетъ и назвать ихъ, кромѣ Рысакова, также получившаго снарядъ. По заранѣ составленному плану, отправивъ на условленные мѣста лицъ, вооруженныхъ снарядами, обвиняемая также отправилась на мѣсто дѣйствія, причѣмъ находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади для того, чтобы наблюдать за направленіемъ пути, принимаемымъ Государемъ Императоромъ. Увидя, что Его Величество, не пройдя по Малой Садовой и, такимъ образомъ, благополучно миновавъ устроенный на ней подкопъ, направляется изъ манежа въ Михайловскій дворецъ, а затѣмъ имѣетъ слѣдовать по Екатерининскому каналу, она, Перовская, пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ встрѣченныя ею лицамъ со снарядами, въ томъ числѣ и Рысакову, подала, молча, сморкаясь въ платокъ, условный сигналъ, означавшій, что нужно идти для дѣйствія на Екатерининскій каналъ. Сама же она снаряда при себѣ не имѣла, такъ какъ такового для нея въ этотъ день не достало. Подавъ сигналъ, обвиняемая вышла на Невскій проспектъ и затѣмъ по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатерининскаго канала, для того, чтобы отсюда наблюдать за дѣйствіемъ метательныхъ снарядовъ. Во время обоихъ взрывовъ она находилась въ противоположной сторонѣ Екатерининскаго канала и по совершеніи ихъ удалилась».

Обстоятельства привлеченія къ дѣлу Н. И. Кабальчича обвинительный актъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ:

<17-го марта 1881 года, въ городѣ С.-Петербургѣ задержанъ разыскиваемый, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, проживавшій по Лиговкѣ, въ д. № 83, кв. № 2, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Степанова Ланскаго, по подложному паспорту на это имя, написанному отъ аккерманскаго мѣщанскаго старосты.

«При производствѣ о Кибальчичѣ установленнаго дознанія, онъ оказался однимъ изъ соучастниковъ совершеннаго 1 марта 1881 года злодѣянія, жертвою коего палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

«Въ разъясненіе и подтвержденіе падающихъ на Кибальчича обвиненій, дознаніемъ собраны нижеслѣдующія данныя:

«По предъявленіи Кибальчича обвиняемому Николаю Иванову Рысакову, онъ призналъ въ немъ того самаго «техника», о которомъ онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ, изложенныхъ въ главномъ обвинительномъ актѣ по настоящему дѣлу, какъ о томъ лицѣ, которое въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, въ д. № 5, давало техническія наставленія объ устройствѣ и дѣйствіи метательныхъ снарядовъ. По объясненію Рысакова, тотъ же Кибальчичъ, называвшійся «техникомъ», 28-го февраля находился съ нимъ, «Михайломъ Ивановичемъ» и Тимоѣемъ Михайловымъ на испытаніи пробнаго снаряда, а 1-го марта, послѣ прибытія Перовской въ конспиративную квартиру съ двумя снарядами, доставилъ туда, какъ кажется, ему, Рысакову, еще два таковыхъ же. Говоря о способахъ совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, Кибальчичъ, повидимому, возлагалъ надежды на мину въ Малой Садовой, такъ какъ, по словамъ Рысакова, онъ считалъ «больше иллюзій» мысль о томъ, что придется дѣйствовать метательными снарядами.

«Обвиняемый Николай Ивановъ Кибальчичъ, сознаваясь въ приписываемомъ ему участіи въ злодѣяніи 1-го марта 1881 года, показалъ, что, поступивъ въ 1871 году въ число студентовъ института инженеровъ путей сообщенія и пробывъ въ немъ до 1873 года, онъ затѣмъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, во время пребыванія въ которой и составилъ себѣ социалистическія убѣжденія. Они развились и окрѣпли во время предварительнаго заключенія его подъ стражу, которому онъ подвергся въ 1875 году за храненіе у себя и распространеніе преступныхъ сочиненій. Будучи освобожденъ въ іюнь 1878 года, послѣ слѣдствія и отбытія наказанія, онъ, осенью того же года, вслѣдствіе арестовъ, вызванныхъ умерщвленіемъ генераль-адъютанта Мезенцева, перешелъ на нелегальное положеніе, но до весны 1879 г., не имѣя ни связей среди «партіи», ни революціоннаго прошлаго, не принималъ участія въ активной ея дѣятельности. Весною 1879 года, онъ предложилъ чрезъ казеннаго нынѣ государственнаго преступника Квятковскаго свои услуги революціонной организаціи, сознавая, что въ виду обострившейся борьбы партіи съ правительствомъ, всякій, раздѣляющій ея убѣжденія, обязанъ оказать ей активное содѣйствіе. Съ Желябовымъ онъ познакомился позднѣе, именно лѣтомъ 1879 года.

«Послѣ происходившаго лѣтомъ 1879 года липецкаго съѣзда членовъ соціально-революціонной партіи, о которомъ упоминается въ показаніи Гольденберга, онъ постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи динамита, приобрести необходимыя для сего техническія свѣдѣнія гораздо ранѣе, такъ какъ, не имѣя еще связей съ партіей, онъ предвидѣлъ, что ей придется прибѣгнуть въ ея борьбѣ съ правительствомъ къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ, и, рѣшившись изучить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ, съ этою цѣлью перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ предмета. Затѣмъ, когда ему удалось у себя въ комнатѣ добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности готовить какъ это вещество, такъ и динамитъ домашними средствами.

«Въ декабрѣ 1879 года, послѣ покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, и приготовленія къ таковому же покушенію близъ города Одессы, обвиняемый переѣхалъ на жительство въ Петербургъ.

«Рѣшившись во что бы то ни стало совершить удачно посягательство на жизнь Государя Императора, «партія» составила такой планъ дѣйствій, при которомъ оно было бы обставлено всѣми возможными шансами успѣха. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что исполненіе плана затянулось, такъ какъ съ одной стороны было необходимо устроить мѣсто для мины и приготовить самую мину, посредствомъ которой рѣшено было совершить посягательство, а съ другой стороны нужно было выработать наиболѣе удобный типъ метательныхъ снарядовъ, предполагавшихся для вспомогательнаго дѣйствія на случай неудачи покушенія посредствомъ мины. О заложении этой послѣдней въ Малой Садовой, онъ, Кибальчичъ, узналъ лишь незадолго до 1-го марта, причемъ, не участвуя ни въ проведеніи подкопа, ни въ самомъ устройствѣ мины, онъ давалъ лишь научно-техническія указанія относительно нужнаго для нея количества динамита, а также сдѣлалъ запалъ для заряда мины. Что же касается до метательныхъ снарядовъ, то онъ изготовлялъ ихъ при участіи двухъ помощниковъ, но гдѣ именно—объяснить не желаетъ. Подтверждая вообще показанія Рысакова о конспиративныхъ квартирахъ и пробѣ снаряда, Кибальчичъ объяснилъ, что хозяйкою квартиры по Троицкому переулку была Гельфманъ, а квартиры по Телѣжной улицѣ—Гельфманъ и Саблинъ; проба же снаряда производилась кромѣ него, Кибальчича, еще двумя лицами, а именно Рысаквымъ и «Михайломъ Ивановичемъ». Въ планѣ посягательства 1 марта главное мѣсто отводилось минѣ на Малой Садовой, и лица, вооружен-

ныя метательными снарядами, разставленные по обоимъ концамъ Малой Садовой, должны были дѣйствовать на ней только въ случаѣ неудачнаго взрыва мины. Всего снарядовъ было сдѣлано имъ, Кибальчичемъ, четыре, причѣмъ онъ работалъ надъ ними всю ночь на 1-е марта. Два изъ этихъ снарядовъ доставила на конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ Перовская, два же другихъ, запасные, привезъ самъ обвиняемый утромъ передъ событіемъ. При выборѣ времени и мѣста совершенія посягательства, онъ не имѣлъ рѣшающаго голоса. Находясь на улицѣ во время проѣзда Государя Императора въ манежъ и изъ манежа, онъ отправился домой, не зная о томъ, что и безъ взрыва на Малой Садовой снаряды имѣютъ быть и въ дѣйствительности были употреблены въ дѣло. О послѣдствіяхъ посягательства онъ узналъ лишь вечеромъ.

«Излагая собственноручно на письмѣ вышеприведенныя свои показанія, Кибальчичъ въ одномъ изъ нихъ объяснилъ, что въ изготовленіи снарядовъ ему помогали два лица-техника, которыхъ онъ называть не желаетъ.

«По обыску къ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 83 по Лиговкѣ, у него, кромѣ разныхъ рукописей и замѣтокъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу, найдена была изданная морскимъ вѣдомствомъ брошюра, подъ заглавіемъ: «Правила выдѣлки игольчатыхъ запаловъ съ гремучей-кислой ртутью малаго и большого сопротивленія».

«Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній, а отчасти изъ собственныхъ объясненій Кибальчича видно, что онъ уроженецъ Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ новгородъ-сѣверской духовной семинаріи; въ 1871 году поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1873 году перешелъ въ императорскую медико-хирургическую академію. Въ 1875 г., Кибальчичъ, проживая лѣтомъ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата, навлекъ на себя обвиненіе въ передачѣ рядовому Притулѣ брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: «Сказка о четырехъ братьяхъ»—въ чемъ и сознался. При производствѣ у Кибальчича по этому дѣлу обыска, у него оказались два тюка съ равными запрещенными изданіями и нѣсколько видовъ на жительство. Преданный по вышеупомянутому дѣлу суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Кибальчичъ приговоромъ особаго присутствія, состоявшимся 1 мая 1878 года, былъ присужденъ, на основаніи 4 отд. ст. 251 ул., къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяць, каковой приговоръ и былъ приведенъ надъ нимъ въ исполненіе. По приѣздѣ Кибальчича въ Петербургъ въ концѣ 1878 года, онъ прожи-

валъ подъ именемъ Агатескулова въ разныхъ квартирахъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутой уже квартиры въ домѣ № 83 по Лиговкѣ, были обнаружены еще слѣдующія: 1) весною 1880 г. по Забалканскому проспекту, въ домѣ № 10, въ «Серапинской гостинницѣ»; 2) лѣтомъ того же года, по Подольской улицѣ, д. № 11, вмѣстѣ съ неизвѣстною женщиною, называвшеюся его женою; 3) осенью 1880 г. по Невскому проспекту въ домѣ № 124, въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкою Мареею Кононовою. Въ послѣднюю квартиру свою, на Лиговкѣ, Кибальчичъ переехалъ 23-го января 1881 года, причемъ, по удостовѣренію квартирной хозяйки, мѣщанской вдовы Александры Ивановой, и дворника крестьянина Федора Козлова, онъ обыкновенно уходилъ изъ дома часовъ въ 10 утра и возвращался поздно вечеромъ».

Въ планъ настоящей статьи, конечно, не входитъ изложеніе всего дѣла 1 марта 1881 года,—дѣло это было напечатано тогда же въ газетахъ, а недавно снова вышло въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ,—но, для воспроизведенія главнѣйшихъ его моментовъ, мы приведемъ изъ «Правительственнаго Вѣстника» еще два слѣдующія officialныя сообщенія:

Правительственный Вѣстникъ 31 марта:

«Резолюція Особого Присутствія Правительствующаго Сената, объявленная 29-го марта 1881 года, въ 6 часовъ 20 минутъ по полуночи, по дѣлу о совершенномъ 1-го сего марта злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.»

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, постановилъ: подсудимыхъ: крестьянина Таврической губерніи, Θεодосійскаго уѣзда, Петровской волости, деревни Николаевки, Андрея Иванова Желябова, 30 лѣтъ; дворянку Софью Львову Перовскую, 27 лѣтъ; сына священника Николая Иванова Кибальчича, 27 лѣтъ; тихвинскаго мѣщанина Николая Иванова Рысакова, 19 лѣтъ; мозырскую, Минской губерніи, мѣщанку Гесю Минову Гельфманъ, 26 лѣтъ, и крестьянина Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилково, Тимофея Михайлова, 21 года, на основаніи ст. улож. о нак. 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 249 и 1.459 (по прод. 1876 г.), лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ сей относительно дворянки Софьи Перовской, по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія

къ исполненію, на основаніи 945 ст. уст. уг. судопр., на предметъ лишенія ея, Перовской, дворянскаго достоинства, представить чрезъ Министра Юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества».

Правительственный Вѣстникъ отъ 4 апрѣля:

«3-го сего апрѣля, въ 9 ч. 50 м. утра, состоявшійся 29-го минувшаго марта и вошедшій въ законную силу приговоръ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената приведенъ въ исполненіе въ С.-Петербургѣ, на Семеновскомъ плацу, установленнымъ ст. 963 устава порядкомъ,—совершеніемъ на эшафотъ смертной казни чрезъ повѣшеніе, надъ государственными преступниками: Николаемъ Рысаковымъ, Андреемъ Желябовымъ, Тимошеемъ Михайловымъ, Николаемъ Кибальчичемъ и Софією Перовскою».

Приведеніе въ исполненіе смертной казни надъ Г. М. Гельфманъ было *отсрочено* впредь до разрѣшенія ея отъ бремени... Въ такомъ положеніи дѣло тянулось много-много времени. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 15-го мая были напечатаны такіе строки:

«Въ № 1.867 газеты «Новое Время» помѣщено, заимствованное изъ иностранныхъ газетъ извѣстіе, что приговоренная къ смертной казни, государственная преступница Гесса Гельфманъ, исполненіе приговора надъ коею отсрочено въ виду ея беременнаго состоянія, преждевременно родила въ мѣстѣ ея заключенія. Въ виду сего Департаментъ Государственной полиціи признаетъ необходимымъ объявить, что по освидѣтельствованію Гельфманъ, 14-го сего мая, врачами: Славянскимъ, Баландинымъ и Сутугинымъ оказалось, что беременность ея продолжаетъ свое нормальное теченіе.»

Такимъ образомъ 15 мая, т. е. черезъ *полтора мѣсяца* послѣ объявленія приговора, «отсрочка» еще висѣла надъ головой женщины, собиравшейся стать матерью... На это обратила вниманіе европейская пресса, и смертная казнь была замѣнена Гельфманъ безсрочною каторгою.

Въ «Прибавленіи къ №№ 8—9 Народной Воли» было оповѣщено, что Гельфманъ умерла 2 февраля 1882 г.

Намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ (отъ лица, лично отвозившаго ребенка Гельфманъ) извѣстно, что ребенокъ Г. М. Гельфманъ былъ отправленъ въ воспитательный домъ.

* * *

Прежде чѣмъ закончить лѣтопись того, что происходило въ Петербургѣ «двадцать пять лѣтъ тому назадъ», приведемъ отрывки о событіи 1 марта главнѣйшихъ газетъ изображаемой эпохи. Вотъ что писала 3 марта (№ 61) газета «Порядокъ»:

«Предъ нами скорбный флагъ вѣетъ надъ дворцомъ, гдѣ покоится смертнымъ сномъ верховный руководитель судебъ Россіи за послѣдніе годы. Скорбныя мысли непрерывною чередою проходятъ въ умѣ—и гнетъ совершившагося усиливается тревожною смѣною надеждъ и опасеній. У всѣхъ невольно возникаетъ вопросъ — гдѣ же средство противъ конвульсивныхъ потрясеній, которыми горсть людей пытается, съ отчаянною самонадѣянностью, ускорить или измѣнить органическій ходъ развитія страны? Гдѣ ясныя прямодушныя указанія на причины болѣзни, которая заставляетъ цѣлое государство жить изо-дня въ день, безъ разумнаго спокойствія и увѣренности въ томъ, что, въ общемъ порядкѣ вещей, можетъ и должно быть завтра? Ни суровая репрессія послѣднихъ лѣтъ, ни примирительное направленіе истекшаго года—не уничтожили этой болѣзни. Первая лишь принижала и обезличивала общество—второе, давая лучшее *сегодня* (курсивъ подлинника), ничего вѣрнаго не обѣщало и не гарантировало на *завтра* (тоже). Начинаютъ говорить, что и противъ этого направленія неизбежна реакція. Для нея, безъ сомнѣнія, найдутся сторонники и совѣтники. Но совѣтъ ихъ будетъ продиктованъ или непониманіемъ задачъ и исторіи своей родины—или недобрымъ чувствомъ. Нѣтъ, не о реакціи, пагубной для развитія общества—и, быть можетъ, желательной для виновниковъ потрясеній,—надо говорить теперь. Въ минуты исторической важности, въ торжественныя минуты, когда весь народъ клянется въ вѣрности своему Монарху, — необходима полная и безтрепетная искренность. Дай Богъ, чтобы вблизи престола были теперь люди, которые сказали бы:—Государь! Вы начинаете свое царствованіе въ трудную минуту,—когда тяжесть Вашего вѣнца усугубляется скорбью растерзаннаго сыновняго сердца. Но идите смѣло по ступенямъ трона на Ваше великое положеніе—и станьте—на стражѣ порядка и законной свободы. Да не смущается сердце Ваше! За вами довѣріе Вашего много-милліоннаго народа,—въ Вашихъ рукахъ его любовь, съ помощью которой можно все сдѣлать.—Будьте другомъ и оберегателемъ началъ, вложенныхъ въ великіе реформы Вашего Родителя. Пусть какъ дымъ разлетятся сомнѣнія въ томъ, что этимъ началамъ не суждено развиваться и дальше, и шире... Суровыя ищры стѣсненія доказали свою непригодность и односторонность. Земля Ваша, Государь,—вѣками хранила въ себѣ и разумъ, и силы для государственнаго порядка и уклада. Она поддерживала своею любовью Вашихъ предковъ, она имъ вѣщала и съ ними думала въ години тяжолыхъ бѣдствій. Спросите ее — въ лицѣ излюбленныхъ людей. Что они скажутъ, мы не можемъ съ точностью предсказать, но вѣрно то, что въ одномъ чувствѣ, святомъ и

глубокомъ, они тѣсно сольются съ Вами, Государь—въ чувствѣ горячей любви къ Россіи. А это чувство — залогъ всего хорошаго для будущаго... Вы въ расцвѣтѣ силъ,—предъ Вами давно уже раскрыта книга государственнаго управленія—раскройте же душу народа Вашего и дайте выдти на свѣтъ желаніямъ давно живущимъ въ ней. Они всѣ имѣютъ цѣлью успокоеніе и развитіе Россіи—и между ними главное—желаніе мирной славы Вашему царствованію!»

Въ тотъ же день (3 марта) газета «Страна» писала:

«Что же дѣлать теперь? Надъ гробомъ усопшаго Монарха, для живыхъ все-таки возстаетъ вопросъ о жизни. Что дѣлать—устранить систему «умиротворенія» и «новыхъ вѣяній», которыя оказались безсильны предупредить катастрофу,—такъ скажутъ близорукіе совѣтники; провозгласить осадное положеніе, прибавятъ они, — усилить надворъ, ограничить всякія права, возобновить ссылки массами.

«Но вѣдь—все это уже было. Въ каждомъ домѣ былъ обыскъ, передъ каждымъ домомъ, днемъ и ночью, сидѣлъ дворникъ, вокругъ дворца ѣздили пикеты, печать была взнудана, земство было стоптано, изъ университетовъ высылали сотни людей, и всѣмъ правила молчаливая, недоступная ни для какихъ народныхъ «вѣяній» канцелярія. Такъ было съ 1866 года. Дальше того, что было въ то время, уже и идти некуда, развѣ къ закрытію всѣхъ школъ, газетъ, земствъ, даже правильныхъ судовъ въ Россіи. Однако, въ результатѣ всего того явились—Соловьевъ, взрывъ подъ желѣзной дорогой близъ Москвы, взрывъ подъ Зимній дворцомъ въ Петербургѣ и, наконецъ, — Государь, любимый народомъ, изувѣченъ злодѣями и истекъ кровью.

«Куда же идти? Тотъ путь безнадежный, бесплодный; онъ запертъ, загроможденъ массою обманувшихся третьестепенскихъ расчетовъ, неудачею князя Василя Долгорукова, неуспѣхомъ графа Петра Шувалова, бесполезнымъ терроромъ генерала Мезенцова. Въ ту сторону нѣтъ выхода.

«Посмотримъ въ другую. Моментъ нынѣ крайне неблагоприятный, чтобы говорить о ней. Иные совѣты могутъ показаться даже просто неприличными, когда произносятся въ такую минуту, какъ нынѣшняя. Какъ намъ просить о довѣріи къ русскому обществу, объ уступкѣ ему нѣкоторыхъ правъ—Государя, вступающаго на престолъ въ виду окровавленнаго тѣла любимаго Имъ и всѣмъ народомъ Родителя Его?

«Но есть такіе моменты въ жизни народовъ, когда слѣдуетъ поборотъ чувство. Естественное чувство въ настоящее время—мы признаемъ это—является въ томъ, что затруднительно передъ страшнымъ злодѣйствомъ, передъ возмущающею душу угрозою, дѣлать какія-либо уступки.

Но истинная политика есть—разсчитать, а не чувство. Чувство побуждало бы каждого порядочнаго человѣка, когда бы онъ видѣлъ убійственный снарядъ, направленный въ Царя,—встать между смертью и человѣкомъ, носившимъ Царскій вѣнецъ. Но того же добросовѣстнаго гражданина, готоваго поступить такъ для спасенія Царя, теперь, когда надо думать о будущемъ—разсчитать, хладнокровное сознаніе реальныхъ отношеній побуждаетъ дать совѣтъ свободный отъ чувствъ негодованія и мести.

«Чрезвычайныя обстоятельства оправдываютъ искреннее слово, хотя бы оно и казалось выходящимъ изъ намѣченныхъ граней. Нѣтъ иного выхода, какъ уменьшить отвѣтственность Главы государства, а тѣмъ самымъ—и опасность лично Ему угрожающую отъ злодѣевъ-фанатиковъ. Почему же всякая отвѣтственность за все, что дѣлается на Руси, за ошибки экономическія, и за разочарованія нравственныя, и за крутыя, ошибочныя мѣры реакціи, за ссылку въ Восточную Сибирь, за все неприглядное, однимъ словомъ, должна ложиться лично на одного Вождя русскаго народа? Развѣ Онъ лично пожелалъ всѣхъ этихъ мѣръ, развѣ Его собственною мыслью было приведеніе ихъ въ исполненіе? Неумѣлые, прежніе совѣтники, внушители реакціи здравствуютъ, а Царь нашъ, Царь-Освободитель погибъ!

«Нѣтъ, пусть впредь исполнители, которые зовутся исполнителями только на словахъ, сами несутъ отвѣтственность на себѣ. Надо устроить въ правильномъ общественно-государственномъ порядкѣ громотводъ для личности Главы государства. Надо, чтобъ основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли, а потому и лежали на ихъ отвѣтственности.

«А личность русскаго Царя пусть служитъ впредь только свѣтымъ, всѣмъ сочувственнымъ символомъ нашего національнаго единства, могущества и дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи. Ему нужны помощники не безгласные, но и не безотвѣтственные. А Его да хранитъ Богъ, на пользу страны».

Четвертаго марта газета «Голосъ» помѣстила двѣ слѣдующія статьи:

«Итакъ, что же дѣлать теперь?

«По нашему пути ясенъ. Должно искать указаній въ томъ, что хотѣлъ совершить въ Бозѣ почившій Императоръ. Должно всемѣрно отвращаться отъ того, что сдѣлало его время временамъ *переходнымъ* (курсивъ подлинника) и что зависѣло не отъ Него, а отъ исполнителей Его воли.

«Переходное время не можетъ длиться до безконечности. Процессъ

перехода отъ одного порядка вещей къ другому, затягиваясь, переходить въ разложеніе. И признаки разложенія несомнѣнно обнаружались въ послѣдніе годы, когда святая Русь могла быть терроризирована горстью изверговъ, фанатиковъ и безумцевъ.

«Въ переходное время было испробовано все, и ничто не привело къ желанному концу, напротивъ, рѣшеніе самыхъ насущныхъ вопросовъ оттягивалось все дальше и дальше, положеніе дѣлъ усложнилось все больше и больше и, наконецъ, послѣ страшной, неслыханной катастрофы 1-го марта, всѣ эти задачи, полнымъ своимъ бременемъ легли на новое царствованіе.

«Нужно быть гигантомъ, чтобъ разрѣшить эти задачи вдругъ. Но для блага Россіи и для нашего внутренняго мира достаточно будетъ, если во всѣхъ нашихъ дѣлахъ почувствуется твердая рука, ведущая Россію къ тому единенію Царя съ народомъ, внѣ котораго намъ нѣтъ спасенія и жизни.

«Къ такому единенію хотѣлъ вести и велъ Россію усопшій Императоръ. Въ этомъ и состоитъ его царскій завѣтъ».

Вторая статья «Голоса» гласила:

«Сегодня, 3-го марта, газета «Страна» высказала мысль, которая въ эти дни у всѣхъ на умѣ, которая сама собою просится на языкъ. «Почему—спрашиваетъ газета—отвѣтственность за все, что дѣлается на Руси, за ошибки экономическія и за разочарованія нравственныя, и за крутыя, ошибочныя мѣры реакціи, за ссылку въ Восточную Сибирь, за все неприглядное, однимъ словомъ, должна ложиться на одного вождя русскаго народа? Развѣ Онъ лично пожелалъ всѣхъ этихъ мѣръ? Развѣ Его собственною мыслью было приведеніе ихъ въ исполненіе? Неумѣлые, прежніе совѣтники, внушители реакціи здравствуютъ, а Царь нашъ, Царь-Освободитель погибъ!»

«Болѣзненно должны отзываться эти слова въ сердцахъ каждого человѣка, и русскаго и не русскаго. Какое страшное зло—отвѣтственность одного за все, что могутъ надъ многомилліоннымъ народомъ надѣлать своекорыстные, властолюбивые, невѣжественные совѣтники и исполнители! Нѣтъ, пусть же, если они совѣтуютъ и исполняютъ во вредъ Царю и народу, пусть же и несутъ они на себѣ всю тяжесть отвѣтственности предъ Царемъ и народомъ.

«Надо устроить—отвѣчаетъ газета «Страна» на поставленный вопросъ—въ правильномъ общественногосударственномъ порядкѣ громомъ отводъ для личности главы государства. Надо, чтобъ основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли, а потому и лежали на ихъ отвѣтственности. А личность рус-

скаго Царя пусть служить впредь только свѣтлымъ, вполне сочувственнымъ символомъ нашего національнаго единства, могущества и дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи».

«Раздѣленіе отвѣтственности за государственныя мѣры между ближайшими совѣтниками и исполнителями державной воли было бы только первымъ шагомъ къ выходу на правильный, спокойный путь государственной жизни. Этотъ шагъ не премѣнно обуславливаетъ дальнѣйшій—установленіе тѣхъ органовъ общественногосударственной жизни, предъ которыми исполнители отвѣтственны».

Таковы были настроенія газетной «крайней лѣвой» легальной печати марта 1881 года. Много ли въ этихъ настроеніяхъ было «крамольнаго»? И что же? Едва появились приведенныя статьи «Страны» и «Голоса», какъ уже въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (№ 49) появилось такое сообщеніе:

«Принимая въ соображеніе, что въ передовой статьѣ № 27 газеты «Страна», ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства, будто бы оправдывающія выходъ «изъ намѣченныхъ граней», а газета «Голосъ» во второй передовой статьѣ № 69, приводя и развивая высказанныя газетою «Страна» мысли, дозволили себѣ крайне неумѣстныя разсужденія, могущія имѣть вредное вліяніе, министръ внутреннихъ дѣлъ (это знаменитый то Лорисъ-Меликовъ...), на основ. ст. 50 и пр. и пр.... опредѣлилъ: объявить газетѣ «Страна» *второе*, а газетѣ «Голосъ» *первое* предостереженіе въ лицѣ издателей ихъ статскихъ совѣтниковъ Леонида Полонскаго и Андрея Краевскаго».

Затѣмъ кары посыпались даже на такія изданія, какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Молва» и проч.

Словомъ, правительство и среди событій, имѣвшихъ мѣсто «двадцать пять лѣтъ тому назадъ», осталось вѣрнымъ своей «исконной политикѣ»...

* * *

О томъ, какъ реагировали на мартовскія событія 1881 года такіе выдающіеся русскіе люди, какъ Н. К. Михайловскій, Н. В. Шелгуновъ, В. С. Соловьевъ и гр. Л. Н. Толстой, мы помѣщаемъ въ этой же книжкѣ «Былого» рядъ отдѣльныхъ статей.

В. Богучарскій.

Игнатій Іоахимовичъ
ГРИНЕВИЦКІЙ.

Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III ¹⁾).

Ваше Величество! Вполнѣ понимая то тягостное настроеніе, которое Вы испытываете въ настоящія минуты, Исполнительный Комитетъ не считаетъ, однако, себя въ правѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для нижеслѣдующаго объясненія, выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждетъ тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣками крови и самыми тяжелыми потрясеніями.

Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. Послѣ всего происшедшаго въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, она являлась совершенно неизбѣжной, и въ этомъ ея глубокой смыслъ, который обязанъ понять человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышленіемъ отдѣльныхъ личностей или хотя-бы «шайки», — можетъ только человѣкъ, совершенно неспособный анализировать жизнь народовъ. Въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ мы видимъ, какъ у насъ, несмотря на самыя строгія преслѣдованія, несмотря на то, что правительство покойнаго Императора жертвовало всѣмъ—свободой, интересами всѣхъ классовъ, интересами промышленности, и даже собственнымъ достоинствомъ—безусловно всѣмъ жертвовало для подавленія революціоннаго движенія, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая къ себѣ лучшіе элементы страны, самыхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ людей Россіи, и вотъ уже три года вступило въ отчаянную, партизанскую войну съ правительствомъ. Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойнаго Императора нельзя обвинять въ недостаткѣ энергіи. У насъ вѣшали и праваго и виноватаго, тюрьмы и отдаленныя губерніи

¹⁾ Помѣщаемое письмо Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли къ Императору Александру III было въ свое время широко распространено сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ и во всей Россіи. Нѣкоторыя подробности, касающіяся составленія этого историческаго документа, читатели найдутъ въ нижепомѣщенной статьѣ „Событіе 1-го марта и Н. К. Михайловскій“.

переполюнялись ссыльными. Цѣлые десятки такъ называемыхъ «вожаковъ» переловлены, перевѣшаны: они гибли съ мужествомъ и спокойствіемъ мучениковъ, но движеніе не прекращалось, оно безостановочно росло и крѣпло. Да, Ваше Величество, революціонное движеніе не такое дѣло, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей. Это процессъ народнаго организма, и висѣлицы, воздвигаемыя для наиболѣе энергичныхъ выразителей этого процесса, такъ же безсильны спасти отживающій порядокъ, какъ крестная смерть Спасителя не спасла развратившійся античный міръ отъ торжества реформирующаго христіанства.

Правительство, конечно, можетъ еще переловить и перевѣшать многое множество отдѣльныхъ личностей. Оно можетъ разрушить множество отдѣльныхъ революціонныхъ группъ. Допустимъ, что оно разрушитъ даже самыя серьезныя изъ существующихъ революціонныхъ организацій. Но вѣдь все это нисколько не измѣнитъ положенія вещей. Революціонеровъ создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ. Весь народъ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его неудовольство посредствомъ репрессалій: неудовольствіе, напротивъ, растетъ отъ этого. Поэтому на смѣну истребляемыхъ постоянно выдвигаются изъ народа все въ болѣе большихъ количествѣ новыя личности, еще болѣе озлобленныя, еще болѣе энергичныя. Эти личности въ интересахъ борьбы, разумѣется, организуются, имѣя уже готовый опытъ своихъ предшественниковъ; поэтому революціонная организація съ теченіемъ времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видимъ въ дѣйствительности за послѣднія 10 лѣтъ. Какую пользу принесла гибель Долгушинцевъ, Чайковцевъ, дѣятелей 74 года? На смѣну ихъ выступили гораздо болѣе рѣшительные народники. Страшныя правительственныя репрессаліи вызвали затѣмъ на сцену террористовъ 78—79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальскихъ, Дубровиныхъ, Осинскихъ, Ливогубовъ. Напрасно оно разрушало десятки революціонныхъ кружковъ. Изъ этихъ несовершенныхъ организацій, путемъ естественнаго подбора, вырабатываются только болѣе крѣпкія формы. Появляется, наконецъ, Исполнительный Комитетъ, съ которымъ правительство до сихъ поръ не въ состояніи справиться.

Окидывая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе, можно безошибочно предсказать дальѣйшій ходъ движенія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторятся все болѣе обостренно; революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество недовольныхъ въ странѣ между тѣмъ увеличивается; довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и необходимости—все прочіе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка,

судорожное революционное потрясеніе всей Россіи завершить этотъ процессъ разрушенія стараго порядка.

Чѣмъ вызывается, обусловливается эта страшная перспектива? Да, Ваше Величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимаемъ, какъ печальна гибель столькохъ талантовъ, такой энергіи—на дѣлѣ разрушенія, въ кровавыхъ схваткахъ, въ то время, когда эти силы, при другихъ условіяхъ, могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитіе народа, его ума, благосостоянія, его гражданскаго общежитія. Отчего же происходитъ эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, Ваше Величество, что теперь у насъ настоящаго правительства, въ истинномъ его смыслѣ, не существуетъ. Правительство, по своему принципу, должно только выражать Народныя стремленія, только осуществлять Народную волю. Между тѣмъ у насъ—извините за выраженіе—правительство выродилось въ чистую камарилью и заслуживаетъ названія узурпаторской шайки гораздо болѣе, чѣмъ Исполнительный Комитетъ.

Какovy бы ни были намѣренія государя, но дѣйствія правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Императорское правительство подчинило народъ крѣпостному праву, отдало массы во власть дворянству; въ настоящее время оно открыто создаетъ самый вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ большее рабство, все болѣе эксплуатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и разоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашняго очага, не властны даже въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ, эксплуататоръ; самые возмутительные грабежи остаются безъ наказанія. Но за то какая страшная судьба ждетъ человѣка, искренно помышляющаго объ общей пользѣ. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не однихъ социалистовъ ссылаютъ и преслѣдуютъ. Что же такое—правительство, охраняющее подобный «порядокъ»? Неужели это не шайка, неужели это не проявленіе полной узурпаціи?

Вотъ почему русское правительство не имѣетъ никакого нравственнаго вліянія, никакой опоры въ народѣ; вотъ почему Россія порождаетъ столько революціонеровъ; вотъ почему даже такой фактъ, какъ цареубійство, вызываетъ въ огромной части населенія—радость и сочувствіе! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами лъстецовъ и прислужниковъ. Цареубійство въ Россіи очень популярно.

Изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или—добровольное обращеніе Верховной власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной

гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ самыхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ революцію, Исполнительный Комитетъ обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь. Вѣрьте, что какъ только Верховная Власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти— Вы можете смѣло прогнать позорящихъ правительство шпіоновъ, отослать конвойныхъ въ казармы и съечь развращающія народъ висѣлицы. Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя вокругъ него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насилие, которое противно намъ болѣе, чѣмъ Вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости.

Мы обращаемся къ Вамъ, отбросивши всякія предубѣжденія, подавивши то недовѣріе, которое создала вѣковая дѣятельность правительства. Мы забываемъ, что Вы представитель той власти, которая только обманывала народъ, сдѣлала ему столько зла. Обращаемся къ Вамъ, какъ къ гражданину и честному человѣку. Надѣемся, что чувство личнаго озлобленія не заглушитъ въ Васъ сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ Васъ.

Мы не ставимъ Вамъ условій. Пусть не шокируетъ Васъ наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ.

Этихъ условій—по нашему мнѣнію, два:

1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга.

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

Считаемъ необходимымъ напомнить, однако, что легализація Верховной Власти народнымъ представительствомъ можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ:

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично, и пропорціонально числу жителей;

2) Никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

3) Избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить:

- а) полную свободу печати,
- б) полную свободу слова,
- в) полную свободу сходовъ,
- г) полную свободу избирательныхъ программъ.

Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противоудѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ.

Итакъ, Ваше Величество — рѣшайте. Передъ Вами два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы Вашъ разумъ и совѣсть подсказали Вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ Вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родною страной.

Исполнительный Комитетъ 10 марта, 1881 г.

Типографія „Народной Воли“, 12 марта 1881 года.

Событіе 1-го марта и Николай Константиновичъ Михайловскій.

Вечеромъ 1-го марта находившіеся въ Петербургѣ члены Исполнительнаго Комитета собрались вмѣстѣ для обсужденія вопроса о томъ, въ какой именно литературной формѣ долженъ реагировать Комитетъ на происшедшее событіе. Остановились на формѣ письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III и обязанность написать проектъ такого письма возложили на Л. А. Тихомирова. Г. Тихомировъ написалъ проектъ письма, но, прежде чѣмъ представить его на окончательную санкцію Исполнительнаго Комитета, онъ отнесъ его на просмотръ и редактированіе Н. К. Михайловскому. Одно лицо, — назовемъ его хотя Z., такъ какъ оно здравствуетъ и понынѣ, — на обязанности котораго лежало поддерживаніе постоянныхъ связей Исполнительнаго Комитета съ «обществомъ» вообще, и литературными кругами въ частности, также приняло участіе въ литературной обработкѣ принесеннаго Тихомировымъ къ Михайловскому письма. На нашу просьбу сообщить объ этомъ дѣлѣ подробности, это лицо отвѣтило намъ такими строками:

«Объ участіи Н. К. Михайловскаго въ составленіи письма къ Александру III могу сообщить слѣдующее: не протестуя противъ террора, какъ одного изъ средствъ политической борьбы, Николай Константиновичъ всегда требовалъ, чтобы революціонеры давали террористическимъ актамъ надлежащее объясненіе, способное вызвать въ обществѣ, если не симпатію, то, во всякомъ случаѣ, истинное пониманіе его широкихъ мотивовъ. Въ особенности онъ требовалъ этого по отношенію къ посягательствамъ на жизнь Александра II. Послѣ неудачной попытки Халтурина общественныя симпатіи къ «Народной Волѣ» быстро упали. «Либералы» почему-то стали думать, что, удайся взрывъ дворца, — и по всей Россіи началась бы жестокая расправа простого народа со всѣми представителями бѣлой кости. Считаться съ общественнымъ настроеніемъ стало еще необходимѣе въ періодъ «диктатуры» графа Лорисъ-Меликова, когда легковѣрные люди ждали отъ него «конституціи». Были даже революціонеры, рекомендовавшіе отказаться на это время отъ дальнѣйшихъ террористическихъ актовъ. Но судьба рѣшила иначе. 1-го марта царь былъ убитъ. Естественно явилась надобность въ яркомъ освѣщеніи этого крупнаго событія,

и письмо къ Александру III было признано наиболѣе подходящей формой, исключаяющей всякую мысль о революціонерахъ, какъ о простыхъ убійцахъ.

«Л. А. Тихомировъ очень часто сносился съ Н. К. Михайловскимъ и зналъ, какое значеніе онъ придаетъ извѣстному освѣщенію каждаго террористическаго акта.

«По предварительному уговору, черновикъ письма къ Александру III, составленный Тихомировымъ и Лангансомъ ¹⁾, былъ доставленъ Н. К. Михайловскому, и въ его квартирѣ на Стремянной ул., д. 5, состоялось редакціонное совѣщаніе изъ трехъ лицъ для выработки окончательнаго текста письма. Николай Константиновичъ внимательно относился къ каждому пункту, и ему въ значительной мѣрѣ должно быть приписано авторство этого замѣчательнаго историческаго документа».

Выработанный такимъ образомъ проектъ письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III былъ затѣмъ представленъ на окончательное утвержденіе Комитета.

Гдѣ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ произошло такое утвержденіе, объ этомъ мы въ настоящей замѣткѣ еще говорить не будемъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что хотя у насъ и имѣются два сообщенія по этому поводу отъ лицъ, принимавшихъ въ засѣданіи Исполнительнаго Комитета, о которомъ идетъ рѣчь, непосредственное участіе, но мы ожидаемъ для всесторонняго освѣщенія событія еще нѣкоторыхъ подробностей и, во-вторыхъ, потому, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду остановиться только на участіи въ этомъ событіи Н. К. Михайловскаго.

Ограничимся, поэтому, лишь выпиской изъ письма къ намъ одного изъ членовъ Исполнительнаго Комитета, принимавшаго участіе и въ томъ засѣданіи, на которомъ былъ утвержденъ текстъ письма Комитета къ Александру III.

Сообщая, что объ участіи Михайловскаго въ составленіи или редактированіи документа, о которомъ идетъ рѣчь, ему, автору письма къ намъ, ничего не извѣстно, онъ, однако, прибавляетъ:

«Если Тихомировъ или кто нибудь другой приносилъ черновикъ Н. К. Михайловскому—въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Это былъ бы актъ почета тѣмъ болѣе возможный, что Н. К. принималъ участіе въ редакціи газеты «Народная Воля» на правахъ полноправнаго члена, хотя ни въ какихъ *обязательныхъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ) отношеніяхъ къ нашей организаціи, вообще, не состоялъ».

Одинъ изъ друзей Н. К. Михайловскаго рассказывалъ намъ, что объ участіи Михайловскаго въ составленіи письма къ Александру III онъ слышалъ отъ самого Михайловскаго.

¹⁾ Умеръ въ Алексѣевскомъ развѣлиѣ. См. „Процессъ 20-ти народолюбцевъ“ въ январской кн. и „Милость“ М. Ф. Фроленко въ февральской книжкѣ „Былого“.

Въ заключеніе два слова о самомъ письмѣ Исполнительнаго Комитета:

Были люди, которые находили это письмо недостаточно рѣшительнымъ, какъ со стороны его содержанія, такъ и формы, но вотъ отзывы объ этомъ письмѣ Фридриха Энгельса и Карла Маркса.

«И я и Марксъ находимъ,—говорилъ Энгельсъ Герману Александровичу Лопатину,—что письмо Комитета къ Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находятся люди съ государственной складкой ума» ¹⁾).

Мы совершенно убѣждены, что письмо Исполнительнаго Комитета,—какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ нашего освободительнаго движенія,—будетъ всегда привлекать къ себѣ взоры всѣхъ историковъ этого движенія.

В. Я. Б.

¹⁾ Изъ письма Г. А. Лопатина къ М. Н. (Маріи Николаевнѣ Оловенинковой-Ошаниной). Напечатано въ № 2 „Съ родины и на родину“. Изд. группы старыхъ народолюбцевъ. Женева. 1893 г., стр. 99.

Событіе 1-го марта и Николай Васильевичъ Шелгуновъ.

Съ Николаемъ Васильевичемъ я видался очень часто въ теченіе 3-хъ или 4-хъ лѣтъ, и одно время обстоятельства заставили меня близко сойтись съ нимъ. Потомъ нѣкоторое время мы переписывались. А потомъ, какъ часто бываетъ у людей, живущихъ при совершенно различныхъ условіяхъ, наша переписка стала менѣе оживленной и, наконецъ, совсѣмъ прекратилась. Я хочу подѣлиться съ читателями «Былого» кой-какими воспоминаніями о Николаѣ Васильевичѣ, особенно въ связи съ 1-мъ марта.

Съ Шелгуновымъ я познакомился въ концѣ 1879 г., вскорѣ послѣ того, какъ ему было позволено вернуться въ Петербургъ послѣ 15-ти лѣтняго скитанія по провинціальнымъ городамъ. Меня ему отрекомендовалъ одинъ изъ сотрудниковъ «Дѣла». Съ большимъ смущеніемъ и съ неменьшимъ желаніемъ скрыть его, я вошелъ въ меблированную комнату одного изъ громадныхъ домовъ на Александровской, теперь Пушкинской, улицѣ. Мнѣ, человѣку 70-хъ годовъ, не хотѣлось произвести дурного впечатлѣнія на человѣка 60-хъ. А я еще такъ недавно читалъ полемику Шелгунова съ Скабичевскимъ, въ которой Шелгуновъ слегка иронизировалъ, между прочимъ, надъ большими претензіями 70-хъ годовъ. Но мое смущеніе и досада на автора этой статьи улеглись почти мгновенно, когда, послѣ первыхъ банальныхъ фразъ, Николай Васильевичъ просто и тепло заговорилъ со мной о томъ, какъ онъ интересуется теперешней молодежью и какъ онъ отсталъ отъ ея думъ и желаній, живя все время въ провинціи. Признаться, я не ждалъ этого и съ полной откровенностью высказалъ Шелгунову, что я думалъ, входя къ нему въ комнату, и какъ я рѣшилъ дешево не продать своей жизни и любимыхъ мною 70-хъ годовъ... Шелгуновъ улыбнулся той хорошей и странной улыбкой, которую я потомъ такъ любилъ у него: отчасти коварная, почти мефистофельская, эта улыбка была согрѣта гуманнымъ отношеніемъ къ себе-сѣднику и одухотворена дѣятельной мыслью. Шелгуновъ своею фizioноміей мнѣ всегда напоминалъ именно Мефистофеля, но Мефистофеля добраго, проникнутаго любовью къ людямъ. Его низкій посреднній лобъ, поднимавшійся высоко къ обоимъ вискамъ; довольно коротко стриженные волосы; тонкія и обширныя дуги бровей; небольшіе узкіе глаза; острый носъ; тонкія губы, отбѣенныя негустыми усами и козлиная бородка на выдающемся подбородкѣ — все это было точно скопировано съ классическаго Мефистофеля.

Но выражение было не злое, а лишь чуть-чуть коварное, и добродушный негромкий смѣхъ часто прерывалъ его разговоръ, въ которомъ звучала постоянно странная, не лишенная пріятности нота гуманной ироніи. Въ довершеніе всего и ходилъ-то онъ какъ-то по-мефистофельски, быстро, слегка припрыгивая и не безъ своеобразной торопливой граціи.

Въ то время, когда я познакомился съ нимъ, по его лицу нельзя было никакъ опредѣлить его возраста: не то 40, не то 50 лѣтъ. Его рѣчь звучала рѣдкой убѣдительностью. Не могу сказать, чтобы онъ былъ заправскій ораторъ, но говорилъ онъ просто, плавно и подчасъ такъ-же хорошо, какъ были написаны его лучшія статьи. Замѣчу, между прочимъ, что почти всѣ его статьи были написаны другими подъ его диктовку, и диктовалъ онъ такъ-же легко, какъ и говорилъ. Спорить онъ не любилъ, и въ особенности не любилъ запальчивыхъ спорщиковъ. Но онъ всегда умѣлъ найти въ аргументахъ своего собесѣдника какой-нибудь мостикъ, чтобы незамѣтно перевести противника на свою сторону. Я думаю, здѣсь играло главную роль его удивительное врожденное чувство такта, которое никогда не позволяло ему оскорблять спорившаго. Было-бы, впрочемъ, ошибкою думать, что онъ былъ, что называется, человѣкъ покладистый на убѣжденія. Наоборотъ, по основнымъ вопросамъ онъ оставался всегда вѣренъ идеаламъ своей молодости, и если въ чемъ можно было упрекнуть его, такъ это скорѣе въ томъ, что въ его революціонныхъ воззрѣніяхъ была извѣстная доля традиціоннаго элемента: «такъ дѣлали наши праѣды-революціонеры,—такъ должны дѣлать и мы». А Шелгуновъ былъ убѣжденный социалистъ и убѣжденный революціонеръ. Онъ не былъ, пожалуй, тѣмъ, что называютъ теперь «научнымъ социалистомъ». Самыя условія его развитія и русская дѣйствительность, гдѣ ему пришлось жить и бороться, заставляли его придавать большее значеніе идейному элементу, интеллигенціи, чѣмъ, можетъ быть, допустилъ-бы это послѣдователь «научнаго социализма». Но кто изъ насъ, русскихъ людей, былъ такъ безгрѣшенъ тогда въ этомъ отношеніи, чтобы могъ бросить этотъ камень въ человѣка, которому только передъ смертью удалось услышать сознательный откликъ среди русскихъ рабочихъ? За то по другому вопросу Шелгуновъ былъ гораздо ближе къ научному социализму, чѣмъ социалисты-утописты прошлаго времени. Именно, онъ былъ страстный политикъ и полагалъ, что революціонная политическая дѣятельность, предпринимаемая организованной партіей, можетъ сдѣлать удивительно много въ социалистическомъ смыслѣ.

Я припоминаю одинъ вечеръ у Шелгунова, когда онъ жилъ уже вмѣстѣ съ семьей въ большой квартирѣ. Собралось довольно много литераторовъ-социалистовъ, офицеровъ, студентовъ и студентокъ и два крупныхъ нелегальныхъ народовольца, которыхъ полиція тщетно пыталась словить. Одинъ изъ нихъ былъ покойный Лангансъ, другой—нынѣ здравствующее лицо, которое мнѣ

придется, по нѣкоторымъ соображеніямъ, скрыть подъ тогдашнимъ его политическимъ псевдонимомъ Николая Александровича Зыбина. Роль Зыбина заключалась въ пропагандѣ народовольческихъ идей и въ вербовкѣ сторонниковъ среди «общества», главнымъ-же образомъ въ литературныхъ сферахъ. И эту роль онъ исполнялъ съ рѣдкимъ мастерствомъ... Дѣло было въ половинѣ февраля 1881 г. Много пили, много танцевали и еще больше говорили о политикѣ. Хорошее это было время: даже тотъ, кто не вѣрилъ въ близость социальной революціи, ждалъ съ часу на часъ политическаго переворота. Довольно большое число изъ гостей Шелгунова знали о томъ, что Народная Воля поставила рѣшительный ультиматумъ правительству: смерть абсолютизму или скорая смерть царю. И кое-кто изъ насъ зналъ, что катастрофа была ближе, чѣмъ думали въ публикѣ. За ужиномъ живой какъ ртуть Зыбинъ, лихо отхватавъ передъ тѣмъ мазурку и закончивъ ее трепакомъ, сказалъ нѣсколько горячихъ словъ о значеніи современнаго момента и поднялъ бокалъ за «разрушеніе старой Россіи». Всѣ оживились, и Шелгуновъ, въ пылу разговоровъ, провелъ очень удачную параллель между цивилизаторской дѣятельностью Петра I и революціонной дѣятельностью народо-вольцевъ. Замѣчу, что Шелгуновъ, пламенный западникъ, вообще очень любилъ Петра: это былъ въ нѣкоторомъ родѣ герой его историческаго романа. «Мнѣ совсѣмъ не нравится Петръ, какъ царь,—сказалъ онъ на этотъ разъ,—но я преклоняюсь предъ нимъ, какъ предъ диктаторомъ. Въ чемъ была сила его? Въ томъ, что онъ разбилъ старыя формы московской Руси и ускорилъ естественный ходъ вещей, въ двадцать лѣтъ сдѣлавъ то, что московскіе цари тяпали-бы да ляпали пѣлыхъ двѣсти. Теперь-же я готовъ кричать ура народовольческой диктатурѣ: дѣло русскихъ социалистовъ-революціонеровъ разбить устарѣлыя для нашего времени нормы петербургской имперіи и вытащить на свѣтъ божій новое общество».

Двѣ недѣли спустя Шелгуновъ зашелъ ко мнѣ въ воскресенье—дѣло было 1 марта 1881 года—и мы отправились съ нимъ пройтись на Невскій. Мы были на углу Екатерининскаго канала... Вдругъ раздался какой-то необычный гулъ, и мимо насъ съ гикомъ, со свистомъ, давя прохожихъ, промчалась бѣшенымъ галопомъ сотня казаковъ, копыя впередъ, шапки на голо. Обоихъ насъ, точно электрическій токъ, пронизала одна мысль: должно быть покушеніе. Мы не ошиблись. Казаки были вызваны по телеграфу къ Зимнему дворцу. Навстрѣчу намъ бѣжалъ народъ, рассыпаясь по улицамъ, по переулкамъ, торопясь сообщить что-то другъ другу, встрѣчнымъ знакомымъ и незнакомымъ, и все это съ какимъ-то таинственнымъ видомъ. Мѣстами образовывались кучки; слышалось: «убили... нѣтъ... спасень... тяжело ранили»... Я до сихъ поръ не могу забыть выраженія лица Шелгунова. Его глаза смотрѣли напряженно вдаль, точно старались разглядѣть, что дѣлалось за извилиной канала. Тонкій носъ, острый подборо-

докъ, казалось, впивались въ пространство. Блѣденъ онъ былъ смертельно. Я понималъ его: неужели новое неудачное покушеніе, и, можетъ быть, новая ненужная кровь и новыя ненужныя жертвы?...

Намъ безумно хотѣлось бѣжать впередъ, все впередъ, *туда*, гдѣ совершался великій актъ русской трагедіи. Не знаю какъ Шелгуновъ, но мнѣ казалось, что я съ ума сойду, если сейчасъ же не узнаю, чѣмъ кончилось *тамъ*. Мы пробѣжали съ нимъ нѣсколько шаговъ, какъ намъ навстрѣчу попался знакомый редакторъ либеральнаго «Церковнаго Вѣстника», Поповицкій. На его лицѣ было написано какое-то мучительное и пугливое недоумѣніе. Онъ бѣжалъ, какъ оказалось послѣ, предупредить своихъ домашнихъ и, тяжело дыша въ енотовой шубѣ, махалъ мѣховою шапкой. Должно быть, онъ упалъ передъ этимъ: по его лицу катились капли пота, вѣрнопопданническія слезы и маленькіе ручейки отъ приставшаго къ лицу и растаявшаго грязнаго снѣга. «Сейчасъ увезли... очень раненъ... государя убили, навѣрно убили... Самъ видѣлъ; другого арестовали, а тотъ самъ убилъ себя», — лепеталъ плачущій либераль безъ шапки. Мы сѣли на извозчика и доѣхали до квартиры Шелгунова вмѣстѣ. О томъ, что государь тяжело раненъ, знали уже почти всѣ прохожіе. По улицамъ бѣжали городовые и гвардейцы и запирали наскоро портерныя, кабаки, харчевни: правительство боялось бунта и думало, что покушеніе было только сигналомъ возстанія. Одинъ извозчикъ закричалъ другому, везшему одного моего пріятеля изъ «Отечеств. Записокъ»: «Ванька, дьяволъ, буде тебѣ баръ возить: государя на четыре части разорвало»...

Въ шесть часовъ вечера я былъ у Шелгунова, гдѣ собралось нѣсколько близкихъ друзей его изъ литераторовъ и кое-кто изъ революціонеровъ. Шелгуновъ былъ сдержанъ, но, очевидно, внутренно доволенъ, и если не показывалъ большой радости, то по врожденному чувству такта. Но онъ былъ гораздо болѣе озабоченъ, чѣмъ его друзья, по большей части, младшіе его по возрасту. Онъ задавался уже вопросомъ: «что-же дальше, что дѣлать, что предпринять, на что рассчитывать?» Большинство литературной братіи отдавалось, напротивъ, всецѣло чувству радости и строило самые радужныя планы. Старикъ Плещеевъ и соредаторъ Николая Васильевича по «Дѣлу», Станюковичъ особенно врѣзались мнѣ своимъ оптимизмомъ въ памяти. Странное дѣло: революціонеры представляли на этомъ собраніи единственно-серьезный критическій элементъ и напирали на то, что, молъ, нельзя-же только ликовать да ликовать, нужно и поразобрать промѣж себя работу для возможнаго давленія на правительство въ печати, покамѣстъ не ушло время. Кстати сказать, даже такой на рѣдкость умный человекъ, какимъ былъ Михайловскій, еще нѣсколько дней спустя утверждалъ, что «на этотъ разъ на насъ идетъ революція». И ему вторилъ своими картинными выраженіями веселый, какъ никогда, Глѣбъ Успенскій. Но

возвращусь къ бесѣдѣ у Шелгунова. Николай Васильевичъ въ своемъ нѣсколько скептическомъ, но дѣйственномъ отношеніи къ событіямъ былъ согласенъ скорѣе съ революціонерами, чѣмъ съ записными литераторами, лишь «сочувствовавшими» движенію. Къ тому времени принесли уже правительственную телеграмму, въ первомъ, неисправленномъ еще изданіи, которая начиналась курьезными словами: «Воля Всевышняго свершилась; Господу Богу угодно было призвать къ себѣ возлюбленнаго Монарха». Телеграмма была встрѣчена съ большимъ оживленіемъ; кто-то съострилъ даже: «Народная Воля—Воля Божія»...

Увы, и на этотъ разъ, и съ этой узловой точки Россія двинулась въ сторону реакціи. Возстанія не происходило, общество лишь «сочувствовало», пока, наконецъ, Александръ III не заявилъ своимъ манифестомъ отъ 29-го апрѣля, что онъ рѣшилъ «стать бодро на дѣло управленія... съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти». Въ эти два мѣсяца Шелгуновъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы пресса настойчиво заявила о необходимости новаго политическаго режима. И отчасти благодаря его стараніямъ, которыя опирались на подобную же тактику писателей-соціалистовъ и чистыхъ народовольцевъ, составлявшихъ тогда радикальную коалицію «Дѣла», «Слова» и «Отечественныхъ Записокъ», литераторы соціалистическаго и революціоннаго направленія временно разобрали между собою въ печати роли либеральнаго репертуара. Въ «Дѣлѣ», кромѣ Шелгунова, Станюковича и еще кой-кого изъ молодыхъ писателей краснаго оттѣнка, видное мѣсто въ выработкѣ плана этой кампаніи игралъ Тихомировъ, писавшій подъ псевдонимомъ И. Кольцова, иногда просто И. К., и тогда въ публикѣ эти инициалы истолковались такъ: «Исполнительный Комитетъ». «Отечественныя Записки» защищали позицію народовольцевъ въ лицѣ самого Михайловскаго, который писалъ въ то время и въ органѣ партіи: я говорю о много читавшихся его письмахъ, помѣщенныхъ въ «Народной Волѣ» подъ псевдонимомъ Гроньяра. «Слово» было совершенно въ рукахъ уже упомянутаго мною Николая Александровича Зыбина; и этотъ журналъ, благодаря хорошему подбору статей и преобладанію среди сотрудниковъ людей крайняго направленія, носилъ очень опредѣленный соціалистическій и революціонный характеръ. Опираясь на это ядро болѣе или менѣе сплѣвшихся толстыхъ журналовъ, Шелгуновъ былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ пропагандистовъ уже упомянутаго плана воздѣйствія на общественное мнѣніе и давленія на правительство въ печати. Было рѣшено, что такъ какъ русскіе либералы, въ силу своей тогдашней политической неразвитости, не умѣли какъ слѣдуетъ выразить свои требованія, то радикальные и революціонные писатели придутъ къ нимъ на помощь. Не компрометируя себя писаніемъ статей подъ своими собственными именами, они должны были надѣть на себя временно маски «таинственныхъ незнакомецъ» чисто либеральнаго лагеря. Въ результатѣ получился тотъ

знаменательный фактъ, что лучшія статьи въ газетахъ этого направления, заговорившихъ тогда о конституціи, были написаны социалистами и кое-какими нелегальными. Такъ энергичная передовица въ «Странѣ», ясно говорившая о необходимости дать Россіи свободныя политическія учрежденія, принадлежала перу покойнаго И. Н. Харламова.

Но жизнь, какъ Шекспиръ, пускаетъ трагичное въ перемежку съ комичнымъ, и иного рода воспоминанія изъ этого и хорошаго, и страшнаго времени связаны у меня съ Шелгуновымъ. Подобно прочимъ квартирантамъ, я былъ избирателемъ въ знаменитый «бараній парламентъ», названный такъ по имени выдумавшаго его фигляра и самодура Баранова ¹⁾. Въ противность обычнымъ порядкамъ, здѣсь не избиратель шелъ къ урнамъ, а къ избирателю урны во образъ полицейскихъ: гражданамъ внезапно было предписано весь день сидѣть дома и дожидаться полицейскихъ съ опросомъ: «кого вы желаете выбрать?» Какъ была понята эта процедура мелкими полицейскими сошками и дворниками, не говоря уже о большинствѣ населенія, видно изъ слѣдующаго. Утромъ въ день выборовъ прибѣгаетъ ко мнѣ ни живъ, ни мертвъ дворникъ и лепечетъ: «господинъ, потрудитесь убрать всѣ запрещенныя книжки, коли ежели имѣются, и ждать полицію: сегодня приказъ произвести повальный обыскъ, и объ этомъ начальство извѣщаетъ для вѣрности заранѣе». Должно быть я улыбнулся: «не вѣрите, господинъ,—вскричалъ дворникъ—ей богу—съ такъ! Вонъ и лавочникъ все время катаетъ сельдяныя бочки, да ищетъ: все боится, что ему скубенты книжку по злобѣ подбросятъ». Несмотря на строгое запрещеніе выходить изъ дома, многіе изъ насъ, знавшіе Шелгунова, старались произвести избирательную агитацію въ его пользу и ходили по друзьямъ и знакомымъ съ просьбой давать имя Шелгунова. Николай Васильевичъ добродушно улыбался, видя наши старанія, но отказываться не отказывался; «считаю долгомъ заявить избирательному комитету,—говорилъ онъ шутя намъ,—что программа у меня будетъ простая: на первомъ-же засѣданіи полицейскаго парламента я заявлю, что нужно распустить его и приступить къ выборамъ въ Земскій Соборъ». Избранъ Шелгуновъ, конечно, не былъ. Но начальство, какъ говорятъ, очень переполошилось, узнавъ, что Николай Васильевичъ на одной Пушкинской улицѣ, гдѣ была его квартира, получилъ 60 голосовъ...

Здѣсь не мѣсто говорить, почему и отчего не удалось 1-е марта. На Шелгунова это сильно подѣйствовало, и когда, послѣ поѣздки въ центральную Россію, я увидался съ нимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1881 года, я нашелъ его страшно похудѣвшимъ, страшно нервнымъ, и его мефистофельская фizioномія приняла скорбное

¹⁾ Дѣло идетъ о тогдашнемъ Петербургскомъ градоначальникѣ, позже Нижегородскомъ губернаторѣ, еще позже Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ и т. д., который умеръ въ-скоро послѣ тому назадъ, послѣ знаменитаго столкновенія съ Рождественскимъ.

выраженіе. Но въ то время, какъ другіе начинали примиряться съ входившей во вкусъ да въ аппетитъ реакціей, Шелгуновъ все оставался на своемъ посту вѣрнымъ своимъ идеаламъ. Тогда я замѣтилъ лишь въ немъ одну новую черту: онъ значительно скептически сталъ смотрѣть на роль интеллигенціи, чѣмъ прежде, и будь въ это время мало-мальски возможна дѣятельность среди рабочихъ или даже среди крестьянъ, онъ удѣлилъ-бы въ своемъ представленіи о революціонной диктатурѣ очень почетное мѣсто народнымъ массамъ. Но, повторяю, бодрымъ и вѣрующимъ онъ оставался неизмѣнно, и въ этомъ его не успѣла разочаровать 30-лѣтняя борьба съ русскимъ строемъ. Въ послѣднемъ письмѣ его, — не помню ко мнѣ, или къ одному изъ моихъ пріятелей, — помѣченнымъ Берлиномъ, гдѣ Шелгуновъ былъ весною 1884 года передъ возвращеніемъ изъ короткаго путешествія по заграничѣ, онъ говоритъ, между прочимъ: «черезъ нѣсколько часовъ переѣзжаю границу—странное ощущеніе: точно я снова ученикъ, идущій на строгій экзаменъ; и, какъ во дни своей молодости, машинально я вычистилъ скюртучекъ и застегнулся на всѣ пуговицы. Впрочемъ, мнѣ это дѣло привычное». Экзаменъ оказался строже, нежели думалъ Николай Васильевичъ: съ границы его прямо отправили въ Петропавловку, и однимъ изъ мотивовъ его ареста было знакомство съ террористами и печатаніе въ «Дѣлѣ» статей, которыя писались нелегальными, въ особенности статей Тихомирова, онъ-же уже упомянутый И. Кольцовъ «Дѣла», онъ-же Иванъ Григорьевичъ Каратаевъ либеральныхъ домовъ Петербурга. Упоминовеніемъ объ этой ироніи судьбы позволю себѣ закончить мои воспоминанія...

Какъ-бы мнѣ хотѣлось, чтобы хоть разъ съ этихъ блѣдныхъ страницъ глянулъ на моихъ читателей живой образъ Николая Васильевича, дорогого, милаго Николая Васильевича, такого, однимъ словомъ, какимъ я зналъ его: человека свѣтлаго ума и золотого сердца!..

Н. Р.

Событіе 1-го марта и Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

Событіе такой огромной важности, какъ актъ 1-го марта, не могло не привлечь самаго серьезнаго и настойчиваго вниманія Владимира Сергѣевича Соловьева. Въ ту пору онъ съ блестящимъ успѣхомъ читалъ лекціи по философіи въ Петербургскомъ университетѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ. Онъ развивалъ свою философскую систему, выдвигая впередъ христіанство, какъ элементъ философскій. Событіе 1-го марта заставило Соловьева продумать свое отношеніе къ революціи, какъ принципу и какъ факту, и освѣтить революціонную проблему съ религіозно-христіанской точки зрѣнія. Въ рѣчи, произнесенной на Высшихъ женскихъ курсахъ 13 марта 1881 года, Соловьевъ формулировалъ свои взгляды на революцію ¹⁾. Нельзя осуществить на землѣ правду путемъ насилій и убійствъ—вотъ основная точка зрѣнія Соловьева. Христіанство, дѣйствительно, «завѣщало человѣчеству осуществить царство правды, которое открылось, какъ внутренній и міровой фактъ, какъ процессъ дѣйствительной жизни», но только извращенное христіанство могло дойти до мысли осуществить ложно истолкованное царствіе Божіе путемъ внѣшнихъ средствъ, путемъ насилія. Самое стремленіе человѣка осуществить на землѣ что-то лучшее, какое-то царство правды, Соловьевъ считаетъ остаткомъ дѣйствительнаго христіанства. Не вѣрны пути. Съ потерей Божественнаго начала человѣку осталось строить царство при содѣйствіи чистаго разума и инстинкта. Такъ онъ и сдѣлалъ въ эпоху Великой революціи. Разумъ дѣйствительно оказался способенъ разбить традиціонныя формы жизни, но онъ не могъ дать изъ себя содержаніе жизни. Поэтому-то революція во второй своей половинѣ, основываясь на насиліи, повела еще къ худшему деспотизму.

«Современное революціонное движеніе началось съ того, чѣмъ кончила французская революція, и такой ходъ движенія логиченъ. Дѣло въ томъ, что господствующее міросозерцаніе отказалось не только отъ теологическихъ принциповъ, а и отъ метафизической

¹⁾ Содержаніе этой рѣчи въ 1881 году было распространено въ гектографированныхъ листкахъ и напечатано въ III томѣ „Собранія сочиненій В. С. Соловьева“. Спб. Стр. 383—387.

идеи права чистаго разума, которая лежала въ основѣ революціи 89 г. Если же отнять и теологическіе принципы, и метафизическую идею безусловной личности, остается только звѣрская природа, дѣйствіе которой есть насиліе.

Но если современная революція начинается съ насилія, если она пользуется имъ, какъ средствомъ для осуществленія какой то новой правды, она тѣмъ самымъ обнаруживаетъ, что въ ней кроется явная ложь: ложь въ принципѣ и на практикѣ: въ принципѣ—потому что признавая только матеріальное начало въ мірѣ и человѣкѣ, нельзя говорить о чемъ-то должномъ, о чемъ-то такомъ, что не существуетъ, но должно существовать, ибо съ точки зрѣнія матеріальной все есть матеріальный фактъ, и никакого матеріальнаго начала не можетъ быть: это — ложь по факту, потому что, если бы дѣйствительно современная революція искала царство правды, она не могла бы смотрѣть на насиліе, какъ на средство его осуществить. Если она признаетъ правду, должное, истинное, нормальное, если она вѣритъ въ правду, она должна признавать, что правда сама собою сильнѣе неправды. Употреблять же насиліе для осуществленія правды, значитъ признать правду безсильною. Современная революція на дѣлѣ показываетъ, что она признаетъ правду безсильною.

Но по истинѣ правда сильна, а насиліе современной революціи выдають ея безсиліе. Для человѣка, съ человѣческой точки зрѣнія, всякое насиліе, всякое внѣшнее воздѣйствіе чуждой ему силы есть безсиліе. Такая внѣшняя сила есть для звѣря—сила, а для духовнаго существа—безсиліе, и если человѣку не суждено возвратиться въ звѣрское состояніе, то революція, основанная на насиліи, лишена будущности».

Высказавъ столь рѣшительное осужденіе насилію, назвавъ всякое внѣшнее воздѣйствіе чуждой человѣку силы проявленіемъ звѣря въ человѣкѣ, Соловьевъ, оставаясь вполнѣ послѣдовательнымъ, долженъ былъ осудить и смертную казнь, какъ наказаніе по суду. Онъ долженъ былъ заявить о необходимости амнистіи для обвинявшихся по дѣлу 1-го марта. Онъ такъ и сдѣлалъ въ лекціи своей, прочитанной имъ въ залѣ Кредитнаго общества, 28 марта—въ тотъ день, когда заканчивался процессъ въ Особомъ присутствіи сената. Мы имѣемъ возможность напечатать содержаніе этой не написанной лекціи, записанное одной изъ внимательныхъ слушательницъ, и проверенное нами по другой современной записи и по рассказамъ слушателей. Лекція Вл. Серг., прочитанная имъ 28 марта, была второй (первая была прочитана 26 марта) и носила заглавіе «Критика современнаго просвѣщенія и кризисъ мірового процесса». Содержаніе отчетливо передаетъ нить разсужденій автора и сохраняетъ даже буквально отдѣльные фразы. Въ этомъ мы могли убѣдиться изъ сравненія.

«Личное просвѣщеніе; крайнее выраженіе котораго есть наше время, приходитъ къ противорѣчію между безусловными требова-

ніями личности и невозможностью ихъ осуществить. То, чего требуетъ просвѣщеніе, находится въ народной вѣрѣ.

1) Личное просвѣщеніе требуетъ безусловной правды, но, заявляя это требованіе, оно правдѣ не вѣритъ. Если бы вѣрили безусловной правдѣ, то вѣрили бы, что она сильнѣе неправды, что она должна быть осуществлена не чуждыми средствами, а сама собой. Народъ же вѣритъ въ нее, онъ вѣритъ, что правда сильнѣе неправды и собственною нравственною силою можетъ побѣдить неправду. Чтобы безусловная правда осуществлялась въ дѣйствительности внѣшней, нужно, чтобы эта правда существовала сама по себѣ. Эта правда сама по себѣ, суцая правда—есть Богъ. Если неправда состоитъ въ розни всего, то единство всего есть правда. Какъ живое единство оно есть Богъ. Личное просвѣщеніе отвергло Бога и хорошо сдѣлало, ибо этотъ Богъ, котораго оно отвергло и есть Богъ, въ котораго народъ вѣритъ. Его Богъ не есть ни внѣшній Богъ мистицизма, ни отвлеченный Богъ метафизики, а живой Богъ. Народъ вѣритъ въ Него, и эта вѣра не только отвергается просвѣщеніемъ, разумомъ и наукой, а напротивъ требуется ими; вѣдь и разумъ и наука признають, что все существующее имѣетъ единство, что міръ есть нѣкоторое цѣлое; безъ этого ни разумъ ни наука невозможны. Но какое же это цѣлое? Можно представить его какъ сумму частей, и тогда міръ будетъ огромнымъ механизмомъ, однако машина требуетъ машиниста, но вѣдь если все есть машина, то для машиниста мѣста нѣтъ. Слѣдовательно вселенная не можетъ быть механизмомъ, она есть организмъ, единое абсолютное живое существо, и это существо есть Богъ.

Далѣе: 2) Личное просвѣщеніе заявляетъ безусловныя права и безусловное значеніе личности, но и этого заявленія оно оправдать не могло, ибо оно не вѣритъ въ безусловное значеніе личности. Народъ же вѣритъ въ безусловное значеніе личности, потому что вѣритъ въ дѣйствительность и безусловность личности Христа, который своей личностью заявилъ вѣру, оправдалъ это заявленіе, осуществилъ безусловную правду, которая дѣломъ оказалась сильнѣе внѣшняго, случайнаго. Онъ побѣдилъ все случайное, все чуждое, и явилъ себя сильнѣе грѣха и смерти.

Личное просвѣщеніе отвергло Христа, но опять таки этотъ Христосъ, отвергнутый просвѣщеніемъ, не есть Христосъ народной вѣры. Просвѣщеніе отвергло догматизмъ Христа, который представляетъ какую то случайность—Бога, сошедшаго съ небесъ въ опредѣленный моментъ времени и потомъ вознесшагося. Но народъ вѣритъ не въ такого Христа. Для народа Христосъ не есть личность въ условіяхъ опредѣленнаго времени и мѣста, а личность живая, безусловная, универсальный принципъ. Народъ вѣритъ въ живого Христа, вѣритъ, что начало, которое дѣйствовало въ историческомъ Христѣ, можетъ проявлять свое дѣйствіе во всѣхъ людяхъ послѣ Христа. Эта вѣра народная во Христа не можетъ уничтожиться просвѣщеніемъ.

3) Личное просвѣщеніе ставитъ задачею осуществленіе абсо-

лютой правды во внѣшней дѣйствительности, т. е. не только въ природѣ человѣческой, но и во внѣшнемъ мірѣ. И однако возможность такого осуществленія исключается тѣмъ, что личность признаетъ дѣйствительность природы, какъ нѣчто внѣшнее, и на міръ смотритъ, какъ на нѣчто случайное только, видитъ въ матеріальной природѣ лишь совокупность явленій, которая самъ по себѣ равнодушна къ безусловной правдѣ, къ безусловной истинѣ, къ безусловному содержанію. Если такова внѣшняя дѣйствительность, то какъ же можетъ безусловная идея въ ней осуществиться.

Народная вѣра не такъ смотритъ на природу и на человѣчскій міръ. Она признаетъ, что природа сама по себѣ имѣетъ стремленіе къ безусловному единству, къ безусловной правдѣ. Народная вѣра вѣритъ, что природа человѣческая и внѣшній міръ имѣютъ единую душу, и что эта душа стремится воплотить Божественное начало, стремится родить въ себѣ Божество: народъ вѣритъ въ Богородицу. Конечно, эта Богородица, въ которую вѣритъ народъ, не есть та, которую, начиная съ протестантизма, отвергало личное просвѣщеніе. Для народной вѣры Богородица, какъ и Христосъ, есть начало всего. Это—душа міра, первая матерія, мать всего существующаго, которая переходя (отъ формъ астральныхъ) къ формамъ органическимъ, и далѣе человѣческимъ, стремится воплотить въ себѣ Божественное начало, осуществить, родить его. Такова народная вѣра: народъ вѣритъ: 1) въ вѣчную сущую правду живого Бога, 2) въ безусловное человѣческое начало въ Богѣ—въ личность Христа и 3) въ присутствіе Божественнаго начала, какъ вѣчнаго стремленія во всей природѣ—въ Богородицѣ.

Этою вѣрою опредѣляется духовное содержаніе народной жизни, всѣ идеалы народа. Но народъ не довольствуется однимъ признаніемъ идеала. Какъ интеллигенція, такъ и народъ стремится къ признаннымъ истинными идеаламъ, въ которые онъ вѣритъ, какъ въ существующіе сами по себѣ, перенести въ жизнь, въ свою неистинную дѣйствительность, осуществить ихъ въ неидеальномъ Божественномъ бытіи. На свое человѣческое земное существованіе народъ смотритъ, какъ на средство, какъ на форму для осуществленія этого Божественнаго начала.

Пока идеалъ Божественной абсолютной правды еще не осуществился, пока всѣ люди не стали Христами и всѣ женщины Богородицами, народъ признаетъ внѣшнія формы образованія (внутренняго міра), внѣшнюю среду, живетъ въ государствахъ. Но онъ никогда не признавалъ и никогда не признаетъ этой внѣшней среды, какъ нѣчто самостоятельное. Для народа всѣ земныя формы являются какъ подчиненная среда для осуществленія идеала.

И въ представителѣ государства, въ своемъ политическомъ вождѣ народъ видитъ не представителя внѣшняго закона, какъ чего то самостоятельнаго, а носителя своего духовнаго идеала. Въ прошлое воскресеніе на этомъ самомъ мѣстѣ вы слышали красно-

рѣчивое изложеніе идеи царя ¹⁾ по народному воззрѣнію. Я съ нимъ согласенъ (иначе я бы и не указывалъ на него). Скажу только, что то, что говорилось, не было доведено до конца. Истинная мысль не была досказана. Беру на себя смѣлость ее досказать.

Несомнѣнно для народа Царь не есть представитель внѣшняго закона. Да, народъ видитъ въ немъ носителя и выразителя всей своей жизни, личное средоточіе всего своего существа. Царь не есть—распорядитель грубою физическою силою для осуществленія внѣшняго закона. Но если Царь дѣйствительно есть личное выраженіе всего народнаго существа, и прежде всего, конечно, существа духовнаго, то онъ долженъ стать твердо на идеальныхъ началахъ народной жизни: то что народъ считаетъ верховной нормой жизни и дѣятельности, то и Царь долженъ ставить верховнымъ началомъ жизни.

Настоящая минута представляетъ небывалый дотолѣ случай для государственной власти оправдать на дѣлѣ свои притязанія на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вѣроятно, будутъ осуждены убійцы Царя на смерть. Царь можетъ простить ихъ, и если онъ дѣйствительно чувствуетъ свою связь съ народомъ, онъ долженъ простить. Народъ русскій не признаетъ двухъ правдъ. Если онъ признаетъ правду Божію за правду, то другой для него нѣтъ, а правда Божія говорить: «Не убій». Если можно допускать смерть какъ уклоненіе отъ недостижимаго идеала, убійство для самообороны, для защиты, то убійство холодное надъ безоружнымъ претитъ душѣ народа. Вотъ великая минута самоосужденія и самооправданія.—Пусть Царь и Самодержецъ Россіи заявить на дѣлѣ, что онъ прежде всего христіанинъ, а какъ вождь христіанскаго народа онъ долженъ, онъ обязанъ быть христіаниномъ.

Не отъ насъ зависить рѣшеніе этого дѣла, не мы призваны судить. Всякій осуждается и оправдывается собственными своими рѣшеніями, но если государственная власть отрицается отъ христіанскаго начала и вступаетъ на кровавый путь, мы выйдемъ, отстранимся, отречемся отъ нея.

Въ мірѣ борятся два зла, два злыя начала: одно начало хаоса—грѣхъ, другое—начало внѣшняго закона; но есть и третье начало. Два первыхъ начала не могутъ сами рѣшить свою борьбу, но есть третье—начало внутренней правды, начало благодати, которое упраздняетъ и грѣхъ, и законъ. Русскій народъ всегда съ самаго начала своей исторіи безсознательно держался этого третьяго начала. Признаемъ же его, какъ такое, примемъ его сознательно.

Скажемъ же рѣшительно и громко заявимъ, что мы стоимъ подъ знаменемъ Христовымъ и служимъ единому Богу—Богу любви. Пусть народъ узнаетъ въ нашей мысли свою душу и въ нашемъ совѣтѣ свой голосъ; тогда онъ услышитъ насъ, и пойметъ насъ, и пойдетъ за нами».

¹⁾ Въ рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина.

Одна изъ бывшихъ на лекціи отчетливо и ярко рассказываетъ объ этой лекціи Соловьева¹⁾.

«Это не былъ митингъ, — тогда еще митинговъ въ Петербургѣ не знали, но переполненный залъ кредитнаго общества ждалъ съ нетерпѣніемъ своего оратора.

Молодежи, какъ всегда, было много; въ первыхъ рядахъ креселъ мелькали рѣдкіе гости на публичныхъ чтеніяхъ — крупные сановники, конечно, изъ категоріи увѣлѣвшихъ еще либераловъ, и образованныя аристократическія дамы, между прочимъ, остроумная гр. Толстая, вдова Алексѣя Толстого, ш-ше Хитрово и т. п.

Никто не зналъ, какъ станетъ развивать свою тему въ этотъ вечеръ Владиміръ Соловьевъ, но никто не сомнѣвался, что все, что онъ скажетъ, будетъ необычайно, и что то будетъ вѣчная красота.

А вотъ и онъ. Высокій, тонкій, еще блѣднѣе обыкновеннаго. Его удивительные глаза свѣтятся глубокимъ, внутреннимъ свѣтомъ и смотрятъ прямо въ даль.

Странныя рѣчи! Сначала пространная, философски-мистическая глосса къ культу Богоматери; затѣмъ необъятные горизонты тайнъ христіанства, тайнъ невѣдомаго «того берега» бытія...

Но мало-по-малу перспектива суживается, ораторъ замѣтно близится къ нашему берегу. Еще одинъ смѣлый шагъ — и онъ уже среди насъ. Чудный языкъ боговъ становится языкомъ земной юдоли. Громко и звучно раздаются вѣщія слова:

— Завтра приговоръ. Теперь тамъ, за бѣлыми каменными стѣнами, идетъ совѣтъ о томъ, какъ убить безоружныхъ. Вѣдь безоружны же всѣ подсудимые узники... Но если это дѣйствительно свершится, если русскій Царь, вождь христіанскаго народа, заповѣди поправъ, предастъ ихъ казни, если онъ вступитъ въ кровавый кругъ, то русскій народъ, народъ христіанскій, не можетъ за нимъ идти. Русскій народъ отъ него отвернется и пойдетъ по своему отдѣльному пути...

Вдругъ передъ эстрадой вырастаетъ какая-то плотная фигура, — рука, съ поднятымъ указательнымъ пальцемъ, вытягивается по направленію къ оратору.

— Тебя перваго казнить, измѣнникъ! Тебя перваго вѣшать, злодѣй! — гремитъ грубый голосъ.

Соловьевъ, слегка наклонившись, старается, повидимому, слышать эти возгласы. Но это почти невозможно. Бурныя Человѣческія волны хлынули уже со всѣхъ сторонъ къ эстрадѣ. Могучій крикъ восторга, внезапной радости, умиленія, вырвался разомъ изъ тысячи нѣмыхъ, рабскихъ грудей и наполнилъ собою все пространство.

— Ты нашъ вождь! Ты насъ води! — несется отовсюду.

Теперь уже десятки трепетныхъ рукъ протягиваются къ Со-

¹⁾ „Биржевыя Вѣдомости“ въ ноябрѣ 1906 года. Замѣтка г-жи Р-ды Бодуэнъ-де-Кур-
1881 „Въ мартѣ 1881 года“.

ловьеву, и, минуто спустя, его одухотворенное лицо показывается высоко надъ окружающимъ его вѣнцомъ старыхъ и молодыхъ лицъ. А ватѣмъ тѣ же руки бережно несутъ свою ношу съ эстрады въ залъ.

— Амнистія! Помилованіе! на устахъ всѣхъ.

Выходныя двери въ вестибюль широко раскрыты, но напрасно Владиміръ Сергѣевичъ старается въ нихъ проскользнуть. Всѣ его усилія остаются тщетными. Ликующая толпа не хочетъ съ нимъ разстаться и два или три раза обноситъ его кругомъ.

Лишь только кончились оваціи по адресу Соловьева, какъ на очередь всталъ вопросъ объ административной карѣ, ожидающей Соловьева. На лекціи присутствовалъ между прочимъ и министръ народнаго просвѣщенія. Встрѣтивъ Соловьева въ вестибюлѣ послѣ овацій, министръ посовѣтовалъ ему сейчасъ же ѣхать къ Лорисъ-Меликову и поговорить съ нимъ. Соловьевъ отказался ѣхать, заявивъ, что онъ не знакомъ съ Лорисъ-Меликовымъ.

— «Это не частное дѣло, а общественное» — сказалъ министръ, — «а то смотрите, придется Вамъ ѣхать въ Колымскъ».

— «Что же, философией можно заниматься и въ Колымскѣ» — отвѣчалъ Соловьевъ¹⁾.

На другой день слухи о лекціи и объ административной карѣ, ожидающей Соловьева, облетѣли весь городъ. Дѣло могло окончиться дѣйствительно высылкой, но было улажено благодаря хлопотамъ, въ особенности К. Н. Бестужева-Рюмина и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Желая, быть можетъ, парализовать дѣйствіе слуховъ, Соловьевъ счелъ нужнымъ обратиться съ письмомъ къ императору Александру III. Мы имѣемъ возможность воспроизвести это письмо, до сихъ поръ въ печати не появлявшееся. Въ немъ разъясненъ второй изъ мотивовъ, выставленныхъ Соловьевымъ противъ смертной казни. Соловьевъ писалъ Государю:

«Ваше Императорское Величество
Всемиловитый Государь!

До слуха Вашего, безъ сомнѣнія, дошли свѣдѣнія о рѣчи, сказанной мною 28 Марта, вѣроятно въ искаженномъ и во всякомъ случаѣ въ преувеличенномъ видѣ. Поэтому считаю своимъ долгомъ передать Вашему Величеству дѣло, какъ оно было.

Вѣруя, что только духовная сила Христовой истины можетъ побѣдить силу зла и разрушенія, проявленную нынѣ въ такихъ небывалыхъ размѣрахъ, вѣруя тоже, что народъ русскій въ цѣлости своей живетъ и движется духомъ Христовымъ, вѣруя наконецъ, что Царь Россіи есть представитель и выразитель народнаго духа, носитель всѣхъ лучшихъ силъ народа, я рѣшилъ съ публичной каеэдры исповѣдать эту свою вѣру.

¹⁾ Этотъ фактъ сообщенъ намъ г-жею Бодуэнъ-де-Куртена.

Я сказалъ въ концѣ своей рѣчи, что настоящее тягостное время даетъ русскому Царю небывалую силу христіанскаго начала всепрощенія и тѣмъ совершить величайшій нравственный подвигъ, который подниметъ власть его на недостижимую высоту и на невыблемомъ основаніи утвердить его державу. Милуя враговъ своей власти, вопреки всѣмъ естественнымъ чувствамъ человѣческаго сердца, всѣмъ расчетамъ и соображеніямъ земной мудрости, Царь становится на высоту сверхчеловѣческую и самымъ дѣломъ покажетъ, что въ немъ живетъ высшая духовная сила всего народа русскаго, потому что во всемъ этомъ народѣ не найдется ни одного человѣка, который могъ-бы совершить подвигъ больше этого.

Вотъ въ чемъ заключалась сущность моей рѣчи и что, къ крайнему моему прискорбію, было истолковано нетолько несогласно съ моими намѣреніями, но въ прямомъ противорѣчій съ ними.

Имѣю счастье быть Вашего Императорскаго Величества вѣрно-подданный

Владиміръ Соловьевъ».

Произвело ли впечатлѣніе это письмо, или подѣйствовали хлопоты—не знаемъ,—но Соловьевъ не былъ высланъ изъ столицы. Ему только было запрещено читать и произносить публично что бы то ни было, и, конечно, былъ усиленъ надзоръ за нимъ и за его произведеніями. Въ университетѣ Соловьевъ продолжалъ читать до весны 1882 года. Онъ состоялъ на службѣ еще въ ученomъ комитетѣ мин. нар. просв. 6 окт. 1881 года Соловьевъ подалъ прошеніе объ отчисленія его отъ службы «по разстроенному здоровью», и 11 ноября того же года его просьба была удовлетворена.

П. Щ.

Событіе 1-го Марта и Левъ Николаевичъ Толстой.

Событіе 1-го марта не явилось для русскаго общества того времени чѣмъ то совершенно неожиданнымъ. Ему предшествовалъ цѣлый рядъ неудавшихся покушеній на жизнь Александра II, являвшихся, въ свою очередь, лишь отдѣльными эпизодами той борьбы, которую вели между собою два врага: русское правительство и русскіе революціонеры. Значительная часть русскаго общества долго относилась къ этой борьбѣ какъ то равнодушно: оно точно присутствовало на какомъ то представленіи, а не было свидѣтелемъ тѣхъ перво-степенной важности событій, которыя ближе всего его касались.

Но постепенно наиболѣе подвижные и воспріимчивые элементы общества стали заинтересовываться этой борьбой, стали втягиваться въ интересы борющихся сторонъ и даже принимать въ ней участіе. Русско-турецкая война, раскрывъ цѣлый рядъ вопіющихъ безобразій, царившихъ въ высшихъ сферахъ, заставила общество съ еще большимъ вниманіемъ отнестись къ дѣятельности тѣхъ таинственныхъ людей, которыхъ въ обществѣ называли то нигилистами, то социалистами, то просто красными.

Несмотря на свою неподвижность, «большое общество» не могло не замѣтить въ этой борьбѣ одного характернаго явленія. Правительство тратило огромныя средства на борьбу съ революціонерами, оно платило щедро и явнымъ и тайнымъ агентамъ, которые, благодаря этому, могли «въ свободное отъ занятій время» вознаграждать себя за труды всевозможными удовольствіями и наслажденіями, покупаемыми за деньги. Враждебная же правительству партія, наоборотъ, постоянно нуждалась въ деньгахъ, отдавала всѣ свои средства на борьбу, и члены, ея, за рѣдкими исключеніями, вели почти аскетическій образъ жизни.

Я помню какъ, будучи почти ребенкомъ, я былъ пораженъ, прочтя въ какой то газетѣ описаніе одной конспиративной квартиры, въ какой ужасной обстановкѣ и тѣснотѣ жили эти люди, отдававшіе всѣ силы на борьбу за то дѣло, которое они считали святымъ. Я помню какъ уже подросткомъ, попавъ лѣтомъ 1881 г. въ глушь Самарской губерніи, я слушалъ разсужденія малограмотнаго купца, неодобрявшаго событія 1-го марта, но выражавшаго удивленіе героизму «этихъ людей» и признававшаго въ ихъ стремленіяхъ большую долю правды. Мнѣ кажется, что этотъ

купецъ былъ характернымъ выразителемъ мнѣнія большинства. Несочувствіе самому факту, совершенному 1-го марта, и сочувствіе къ его совершителямъ.

Люди съ большимъ кругозоромъ не могли, конечно, ограничиться только такимъ отношеніемъ къ событію 1-го марта. Они смотрѣли дальше и видѣли въ грядущемъ цѣлую цѣпь кровавыхъ событій, вытекавшихъ изъ 1-го марта, какъ изъ своего источника. Цареубійство, казнь цареубійцъ, месть за эту казнь, преслѣдованіе мстителей, отмщеніе преслѣдователямъ и т. д. и т. д. безъ конца.

И что особенно ужасно, такъ это то, что эти событія въ сущности не представляли собою узкой цѣпи, но развѣтвлялись, усложнялись цѣлымъ рядомъ другихъ событій, охватывая всю страну кровавой сѣтью взаимной вражды, конца которой невозможно было предвидѣть.

Какъ помѣшать развитію этого ужаснаго зла, какъ оборвать эту цѣпь грядущихъ кровавыхъ событій? Вотъ вопросъ, который мучилъ многихъ людей того времени и въ числѣ ихъ прежде всего Льва Толстого. Обратиться съ воззваніемъ къ революціонерамъ, съ призывомъ къ прекращенію борьбы? Но какъ же обращаться съ такимъ призывомъ къ людямъ, которыхъ преслѣдуютъ какъ дикихъ звѣрей, къ людямъ, которыхъ по одному подозрѣнію сажаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ въ Сибирь? Они не послушаютъ, они не могутъ послушать. Вѣдь, для нихъ внять такому призыву, значитъ признать, что та борьба, которую они вели съ правительствомъ, тѣ неисчислимые жертвы, которыя они принесли этому дѣлу, что самыя дорогія, самыя святыя для нихъ чувства любви къ свободѣ, къ народу, къ родинѣ—все это было призракомъ. Отказаться отъ борьбы для этихъ людей значило болѣе, чѣмъ отказаться отъ жизни. Объ этомъ нельзя было и думать.

Можно ли было обратиться къ правительству съ призывомъ прекратить борьбу? Конечно объ этомъ тоже нельзя было думать. Для правительства прекратить борьбу значило прекратить существованіе. Да и какъ оно бы могло подумать о такой мѣрѣ, когда въ его рукахъ были всѣ средства для истребленія враговъ: сотни тысячъ солдатъ, десятки тысячъ полицейскихъ, сотни милліоновъ рублей... И вдругъ какая то горсть безумцевъ осмѣливается вести съ нимъ борьбу, смѣетъ не только защищаться, но даже нападать. При такихъ условіяхъ всякій совѣтъ правительству одуматься и прекратить борьбу являлся кровнымъ ему оскорбленіемъ и доказательствомъ явной неблагонадежности совѣтника.

Однако надо же было найти какой нибудь выходъ. Его, какъ ему тогда, по крайней мѣрѣ, казалось, и нашелъ Левъ Толстой.

Левъ Толстой переживалъ въ эти годы тяжелый періодъ душевной ломки. Это былъ какъ разъ тотъ самый періодъ, которымъ раскалывается на двѣ части жизнь великаго писателя. Толстой до этого періода—это авторъ «Дѣтства и Отрочества», «Войны и

Мира», «Анны Карениной», Толстой послѣ этого періода,—это авторъ «Въ чемъ моя вѣра», «Такъ что же намъ дѣлать», «Царство Божіе», «Воскресеніе». Въ этотъ періодъ была написана «Исповѣдь», помѣщенная двумя годами: 1879 и 1882.

Чуткимъ сердцемъ, истерзаннымъ тяжелой душевной борьбой, пытливымъ разумомъ, искушеннымъ сомнѣніями, великій писатель пришелъ къ мысли, что былъ одинъ человекъ, который послѣ событія 1-го марта могъ явиться въ качествѣ примирителя между двумя враждующими сторонами, могъ дать измученной родинѣ умиротвореніе. Такимъ человекомъ могъ быть, по мнѣнію Толстого, императоръ Александръ III.

Толстой отдѣлялъ царя отъ правительства. Правительство была борющаяся, ожесточенная, озлобленная сторона,—царь былъ въ сторонѣ, какъ символическая фигура, олицетворявшая идеи справедливости и милосердія.

Призывомъ ничего нельзя было добиться, однимъ призывомъ къ добру нельзя было прекратить борьбу, необходимъ былъ примѣръ величайшаго, милосердія и этотъ примѣръ долженъ былъ исходить отъ лица, обладавшаго въ глазахъ народа наибольшимъ авторитетомъ. Примѣръ милосердія долженъ былъ блеснуть съ высоты трона, его долженъ былъ подать самъ царь.

Событія сложились самымъ необыкновеннымъ образомъ. Царь являлся лицомъ пострадавшимъ, лицомъ обиженнымъ: у него убили отца. И царь, преклоняясь передъ евангельской заповѣдью всепрощенія и любви, простилъ бы своихъ враговъ. Примѣръ, какого не знаетъ вся исторія человечества. Такой примѣръ христіанской любви, проявленный царемъ, долженъ былъ явиться тѣмъ громовымъ ударомъ, который заставилъ бы прекратить борьбу, ввиду присутствія неизмѣримо высшей силы—любви.

Надо было убѣдить Александра III рѣшиться на такой безпримѣрный поступокъ. Между тѣмъ, онъ былъ совершенно неизвѣстнымъ человекомъ по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ. Слухи о немъ ходили самые противоположные. Толстой не могъ не чувствовать, какая трудная задача лежитъ передъ нимъ, и въ то же время онъ не видѣлъ какого либо иного способа вырвать родину изъ заколдованнаго круга междоусобной борьбы.

Весь охваченный порывомъ религіознаго вдохновенія, Толстой начинаетъ искать уединенія, желая подготовиться къ трудной работѣ, отъ успѣха которой зависитъ не только жизнь нѣсколькихъ человекъ, но и спасеніе родины. Онъ, если не ошибаюсь, налагаетъ на себя кратковременный постъ, горячо молится и наконецъ вкладываетъ всѣ силы своего ума и таланта въ письмо къ Александру III.

Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось прочесть это письмо; я не знаю, какое бы оно проявило на меня впечатлѣніе теперь, но я хорошо помню, что въ то время трудно было удержаться отъ слезъ,—столько было въ немъ теплоты и

искренности. Толстой убѣждалъ императора простить убійцъ своего предшественника на тронѣ. Онъ убѣждалъ сына помиловать людей, убившихъ отца. Вѣрующему человѣку онъ напоминалъ о евангельскихъ завѣтахъ. Правителю онъ говорилъ о томъ огромномъ вліяніи, которое окажетъ на все человѣчество этотъ примѣръ милосердія. Я самъ, писалъ онъ, чувствую, что, какъ собака, буду преданъ Вамъ, если Вы явите этотъ примѣръ всепрощенія...¹⁾

Дѣло было сдѣлано, письмо было написано, но надо было найти способъ доставить письмо по адресу. На почту было трудно надѣяться, необходимо было найти лицо, близко стоящее къ Александру III, которое согласилось бы передать это письмо. Выборъ палъ на К. П. Побѣдоносцева.

Въ настоящее время такой выборъ можетъ показаться по меньшей мѣрѣ страннымъ. Побѣдоносцевъ и доброе дѣло. Призывъ къ милосердію и Побѣдоносцевъ... Въ то время личность Побѣдоносцева не вылилась еще для Толстого въ такія опредѣленные формы. Побѣдоносцевъ былъ тогда для него лишь человѣкомъ, соприкасавшимся съ религіозными вопросами, ученымъ, переводчикомъ извѣстнаго сочиненія Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу» и придворнымъ, близко стоящимъ къ императору, и Толстой обратился именно къ нему.

Побѣдоносцевъ на отрѣзъ отказался передать письмо Александру III и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что онъ смотритъ на Христа совершенно не такъ, какъ смотритъ Толстой. Для него Христосъ являлся въ какомъ то ореолѣ силы и власти, гдѣ не было мѣста всепрощенію и кротости.

Письмо было всетаки отправлено къ Александру III, хотя и другимъ путемъ. Кажется, оно было передано черезъ Черевина. Во всякомъ случаѣ оно дошло по назначенію.

Отвѣта не послѣдовало. Прошло нѣкоторое время, и участники событія 1-го марта были казнены. Какъ подѣйствовало на Александра III письмо Л. Н. Толстого, осталось неизвѣстнымъ. Впрочемъ, имѣется одно косвенное указаніе на то, что письмо не прошло совершенно безслѣдно.

Однажды, нѣкоторое время спустя послѣ указанныхъ событій, въ довольно тѣсномъ придворномъ кругу, въ присутствіи императора Александра III завязался разговоръ о послѣднихъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Одни находили ихъ скучными, другіе считали нелѣпыми, третьи называли Толстого чудачкомъ, четвертые говорили, что онъ просто выжилъ изъ ума и конечно его послѣднія произведенія не могутъ ни на кого имѣть вліянія.

Александръ III молчалъ и потомъ съ замѣтнымъ раздумьемъ произнесъ:

— А мнѣ кажется, что Толстой своими разсужденіями можетъ

¹⁾ Письмо это никогда еще опубликовано не было ни въ Россіи, ни за границей, ни на русскомъ, ни на иностранномъ языкахъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что читатели прочтутъ его черезъ нѣкоторое время на страницахъ «Былого».

Ред.

производить очень сильное впечатлѣніе не только на молодежь, но и на людей вполне установившихся.

Можетъ быть это замѣчаніе было отголоскомъ впечатлѣнія, произведеннаго письмомъ. Можетъ быть, почувствовавъ убѣдительную силу призыва къ милосердію, Императоръ обратился за разъясненіемъ къ своему излюбленному совѣтнику, и тотъ, отказавши ранѣе въ своей помощи дѣлу милосердія, нашелъ возможнымъ употребить свое вліяніе, чтобы расчистить осужденнымъ дорогу къ висѣлицѣ. Но, разумѣется, это лишь предположеніе.

А. Хирьяковъ.

**Заявленіе, посланное изъ Петропавловской крѣпости А. И. Желябовымъ
на имя прокурора Спб. судебной палаты 2 марта 1881 г. ¹⁾**

Если новый государь, получая скипетръ изъ рукъ революціи, намѣренъ держаться въ отношеніи цареубійцъ старой системы, если Рысакова намѣрены казнить, было-бы вопіющею несправедливостью сохранять жизнь мнѣ, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физическаго участія въ умерщвленіи его лишь по глупой случайности. Меня очень беспокоитъ опасеніе, что правительство поставитъ внѣшнюю законность выше внутренней справедливости и украситъ корону новаго монарха трупомъ юнаго героя лишь по недостатку формальныхъ уликъ противъ меня, ветерана революціи. Я протестую противъ такого исхода всѣми силами души и требую для себя справедливости. Только трусостью правительство могло бы объяснить одну висѣлицу, а не двѣ.

Въ январѣ и февралѣ я не разъ велъ съ нимъ (Рысаковымъ) разговоръ о роли царей въ судьбахъ русскаго народа и въ связи съ этимъ, о необходимости ихъ уничтоженія вообще, если русскіе цари пожелаютъ остаться при старой системѣ управленія.

Андрей Желябовъ.

¹⁾ О заявленіи этомъ упоминается въ обвинительномъ актѣ и тамъ же приводятся изъ него отдѣльные выраженія (въ той части обвинительнаго акта, которая цитируется въ статьѣ „1 марта—3 апрѣля 1881 года“, эти выраженія также приведены), но полностью заявленіе А. И. Желябова печатается въ первый разъ. Оно выписано непосредственно изъ дѣлопроизводства о событіи 1 марта защитникомъ одного изъ обвиняемыхъ по этому дѣлу и нѣмѣ намъ передано.
Ред.

Изъ рѣчей на судѣ

А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской ¹⁾).

Желябовъ.—Г.г. судьи, дѣло всякаго убѣжденнаго дѣятеля дороже ему жизни. Дѣло наше здѣсь было представлено въ болѣе извращенномъ видѣ, чѣмъ наши личныя свойства. На насъ, подсудимыхъ, лежитъ обязанность, по возможности, представить цѣль и средства партіи въ настоящемъ ихъ видѣ.

Обвинительная рѣчь, на мой взглядъ, сущность нашихъ цѣлей и средствъ изложила совершенно неточно. Ссылаясь на тѣ же самые документы и вещественныя доказательства, на которыхъ г. прокуроръ основываетъ обвинительную рѣчь, я постараюсь это доказать. Программа рабочихъ послужила основаніемъ для г. прокурора утверждать, что мы не признаемъ государственнаго строя, что мы безбожники и т. д. Ссылаясь на точный текстъ этой программы рабочихъ, говорю, что мы государственники, не анархисты. Анархисты—это старое обвиненіе. Мы признаемъ, что правительство всегда будетъ, что государственность неизбежно должна существовать, поскольку будутъ существовать общіе интересы...

Мы—не анархисты, мы стоимъ за принципъ федеральнаго устройства государства, а какъ средство для достиженія такого строя—мы рекомендуемъ очень опредѣленные учрежденія. Можно ли насъ считать анархистами?...

Я въ своемъ заявленіи говорилъ и отъ прокурора слышалъ, что наше преступленіе—событіе 1-го марта нужно разсматривать, какъ событіе историческое, что это не фактъ, а исторія. И совершенно вѣрно... Я совершенно согласенъ съ прокуроромъ и думаю, что всякій согласится, что этотъ фактъ нельзя разсматривать особнякомъ, а что его нужно разсматривать въ связи съ другими фактами, въ которыхъ проявилась дѣятельность партіи. Обвинитель дѣлаетъ отвѣтственными за событіе 1-го марта не только наличныхъ подсудимыхъ, но и всю партію, и считаетъ самое со-

¹⁾ Изъ официального отчета о процессѣ царубійцъ.

бытіе логически вытекающимъ изъ цѣлей и средствъ, о какихъ партія заявляла въ своихъ печатныхъ органахъ...

Первоприсутствующій прерываетъ рѣчь и ставитъ Желябову рамки.

Желябовъ: Чтобы не выйти изъ рамокъ вами опредѣленныхъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставить свое дѣло необороненнымъ, я долженъ остановиться на тѣхъ вещественныхъ доказательствахъ, на которыя здѣсь ссылался прокуроръ, а именно на разныя брошюры, на примѣръ на брошюру Морозова и литографированную рукопись, имѣвшуюся у меня. Прокуроръ ссылается на эти вещественныя доказательства. На какомъ основаніи? Во 1-хъ, литографированная программа социалистовъ-федералистовъ найдена у меня. Но вѣдь всѣ эти вещественныя доказательства въ данный моментъ у прокурора. Имѣю ли я основаніе и право сказать, что они суть плоды его убѣжденія, поэтому у него и находятся? Неужели одинъ лишь фактъ нахожденія литографированной программы у меня свидѣтельствуетъ о томъ, что это мое собственное убѣжденіе? Во 2-хъ, Николай ¹⁾ Морозовъ написалъ брошюру. Я ее не читалъ; сущность ея я знаю; къ ней, какъ партія, мы относимся отрицательно, и просили эмигрантовъ не пускаться въ сужденія о задачѣ русской социальнореволюціонной партіи, пока они за границей, пока они безпочвенники. Намъ дѣлаютъ отвѣтственными за взгляды Морозова, служащіе отголоскомъ прежняго направленія, когда дѣйствительно нѣкоторые изъ членовъ партіи, узко смотрѣвшіе на вещи, въ родѣ Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоитъ въ расчищеніи пути черезъ частыя политическія убійства. Для насъ, въ настоящее время, отдѣльные террористическіе факты занимаютъ только одно изъ тѣхъ мѣстъ въ ряду другихъ задачъ, намѣчаемыхъ ходомъ русской жизни...

Первоприсутствующій снова прерываетъ Желябова.

Желябовъ: Я говорилъ о цѣляхъ партіи. Теперь я скажу о средствахъ. Я желалъ бы предпослать прежде маленькій историческій очеркъ, слѣдуя тому пути, которымъ шелъ прокуроръ. Всякое общественное явленіе должно быть познаваемо по его причинамъ, и тѣмъ сложнѣе и серьезнѣе общественное явленіе, тѣмъ взглядъ на прошлое долженъ быть глубже. Чтобы понять ту форму революціонной борьбы, къ какой прибѣгаетъ партія въ настоящее время, нужно познать это настоящее въ прошедшемъ партіи, а это прошедшее имѣется; немногочисленно оно годами, но очень богато опытомъ. Если вы, гг. судьи, взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною...

¹⁾ Въ отчетѣ о дѣлѣ 1-го марта до сихъ поръ всегда повторялась ошибка, сдѣланная въ первомъ отчетѣ, — вмѣсто „Николай Морозовъ“ было ошибочно написано „Лѣкій Морозовъ“.

Ред.

Мы, переиспытавъ разные способы дѣйствовать на пользу народа, въ началѣ 70-хъ годовъ избрали одно изъ средствъ, именно положеніе рабочаго человѣка, съ цѣлью мирной пропаганды социалистическихъ идей. Движеніе крайне безобидное по средствамъ своимъ, и чѣмъ оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленныя преграды, которыя встрѣтило въ лицѣ тюремъ и ссылокъ. Движеніе совершенно безкровное, отвергавшее насиліе, не революціонное, а мирное—было подавлено. Я принималъ участіе въ этомъ самомъ движеніи, и это участіе поставлено мнѣ прокуроромъ въ вину. Я желаю выяснитъ характеръ движенія, за которое несу въ настоящее время отвѣтъ. Это имѣетъ прямое отношеніе къ моей защитѣ...

Въ 1873, 1874 и 1875 годахъ я еще не былъ революціонеромъ, какъ опредѣляетъ прокуроръ, такъ какъ моя задача была работать на пользу народа, ведя пропаганду социалистическихъ идей. Я насилія въ то время не признавалъ, политики касался я весьма мало, товарищи—еще меньше. Въ 1874 году въ государственныхъ воззрѣніяхъ мы въ то время были дѣйствительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. Въ рѣчи его есть много вѣрнаго. Но вѣрность такова: въ отдѣльности, взятое частичками—правда, но правда, взятая изъ разныхъ періодовъ времени, и затѣмъ составлена изъ нея комбинація совершенно произвольная, отъ которой остается одинъ только кровавый туманъ... Всѣ мои желанія были дѣйствовать мирнымъ путемъ въ народѣ, тѣмъ не менѣе, я очутился въ тюрьмѣ, гдѣ и революціонизировался. Я перехожу ко второму періоду социалистическаго движенія. Этотъ періодъ начинается... Но, по всей вѣроятности, я долженъ буду отказаться отъ мысли принципиальной защиты и, вѣроятно, закончу рѣчь просьбою къ первоприсутствующему такого содержанія: чтобы рѣчь прокурора была отпечатана съ точностью. Такимъ образомъ, она будетъ отдана на судъ общественный и судъ Европы...

Первоприсутствующій снова прерываетъ Желябова.

Желябовъ: Теперь я сдѣлаю еще попытку. Непродолжительный періодъ нахождения нашего въ народѣ показалъ всю книжность, все доктринерство нашихъ стремленій, а съ другой стороны—убѣдилъ, что въ народномъ сознаніи есть много такого, за что слѣдуетъ держаться, на чемъ до поры до времени слѣдуетъ остановиться. Считаю, что при тѣхъ препятствіяхъ, какія ставило правительство, невозможно провести въ народное сознаніе социалистическіе идеалы цѣлостно, социалисты перешли къ народникамъ... Мы рѣшились дѣйствовать во имя сознанныхъ народомъ интересовъ уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, имъ создаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей-метафизиковъ оно перешло въ позитивизмъ и держалось почвы—это основная черта народничества.

Дальше. Такимъ образомъ измѣнился характеръ нашей дѣя-

Тимофей Михайлович
МИХАЙЛОВЪ.

тельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства борьбы,—пришлось отъ слова перейти къ дѣлу. Вмѣсто пропаганды социалистическихъ идей выступаетъ на первый планъ агитаціонное возбужденіе народа во имя интересовъ, присущихъ его сознанию. Вмѣсто мирнаго слова мы сочли нужнымъ перейти къ фактической борьбѣ. Эта борьба всегда соотвѣтствуетъ количеству накопленныхъ силъ. Прежде всего ее рѣшили попробовать на мелкихъ фактахъ. Такъ дѣло шло до 1878 г. Въ 1878 г. впервые, насколько мнѣ извѣстно, явилась мысль о борьбѣ болѣе радикальной, явились помыслы разсѣчь Гордіевъ узелъ, такъ что событіе 1-го марта по замыслу нужно отнести къ зимѣ 1877—1878 гг. Въ этомъ отношеніи 1878 г. былъ переходный, что видно изъ документовъ, напр. брошюры: «Смерть за смерть». Партія не уяснила еще себѣ вполне значенія политическаго строя въ судьбахъ русскаго народа, и хотя всѣ условія наталкивали ее на борьбу съ политическою системою...

Первоприсутствующій: Вы опять говорите о партіи...

Желябовъ: Я принималъ участіе въ ней...

Первоприсутствующій: Говорите только о себѣ.

Желябовъ: Все толкало меня, въ томъ числѣ, на борьбу съ правительственною системою. Тѣмъ не менѣе, я еще лѣтомъ 1878 г. находился въ деревнѣ, дѣйствуя въ народѣ. Въ зиму 1878—79 г. положеніе вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 г. была проведена мною на югѣ въ заботахъ, относившихся прямо къ этого рода предпріятіямъ. Я зналъ, что въ другихъ мѣстахъ товарищи озабочены тѣмъ же, въ особенности на сѣверѣ, что на сѣверѣ этотъ вопросъ даже породилъ расколъ въ тайномъ обществѣ, въ организаціи «Земли и Воли», что часть этой организаціи ставитъ себѣ именно тѣ задачи, какъ и я съ нѣкоторыми товарищами на югѣ. Отсюда естественно сближеніе, которое перешло на липецкомъ сѣздѣ въ сліяніе. Тогда сѣверяне, а затѣмъ часть южанъ, собравшись въ лицѣ своихъ представителей на сѣздѣ, опредѣлили новое направленіе. Рѣшенія липецкаго сѣзда были вовсе не такъ узки, какъ здѣсь излагалось въ обвинительной рѣчи. Основные положенія новой программы были таковы: политическій строй...

Первоприсутствующій: Подсудимый, я рѣшительно лишу васъ слова, потому что вы не хотите слѣдовать моимъ указаніямъ. Вы постоянно впадаете въ изложеніе теоріи.

Желябовъ: Я обвиняюсь за участіе на липецкомъ сѣздѣ...

Первоприсутствующій: Нѣтъ, вы обвиняетесь въ совершеніи покушенія подъ Александровскомъ, которое, какъ объясняетъ обвинительная власть, составляетъ послѣдствіе липецкаго сѣзда.

Желябовъ: Если только я обвиняюсь въ событіи 1-го марта и затѣмъ въ покушеніи подъ Александровскомъ, то въ такомъ случаѣ моя защита сводится къ заявленію: да, такъ какъ фактически это подтверждено. Голое признаніе факта не есть защита...

Первоприсутствующій: Отношеніе вашей воли къ этому факту...

Желябовъ: Я полагаю, что уясненіе того пути, какимъ развивалось мое сознаніе, идея, вложенная въ это предпріятіе...

Первоприсутствующій: Объясненіе вашихъ убѣжденій, вашего личнаго отношенія къ этимъ фактамъ я допускаю. Но объясненія убѣжденій и взглядовъ партіи не допускаю.

Желябовъ: Я этой рамки не понимаю.

Первоприсутствующій: Я прошу васъ говорить о себѣ, о своемъ личномъ отношеніи къ факту, какъ физическомъ, такъ и нравственномъ, объ участіи вашей воли, о вашихъ дѣйствіяхъ.

Желябовъ: На эти вопросы коротко я отвѣчалъ въ началѣ судебного засѣданія. Если теперь будетъ мнѣ предоставлено говорить только такъ же кратко, зачѣмъ тогда повторяться и обременять вниманіе суда...

Первоприсутствующій: Если вы болѣе ничего прибавить не имѣете...

Желябовъ: Я думаю, что я вамъ сообщилъ скелетъ. Теперь желалъ бы я изложить душу...

Первоприсутствующій: Вашу душу, но не душу партіи.

Желябовъ: Да, мою. Я участвовалъ на липецкомъ съѣздѣ. Рѣшенія этого съѣзда опредѣлили рядъ событій, въ которыхъ я принималъ участіе и за участіе въ которыхъ я состою въ настоящее время на скамьѣ подсудимыхъ. Поскольку я принималъ участіе въ этихъ рѣшеніяхъ, я имѣю право касаться ихъ. Я говорю, что намѣчена была задача не такая узкая, какъ говоритъ прокуроръ: повтореніе покушеній, и, въ случаѣ неудачи, совершеніе удачнаго покушенія во что бы то ни стало. Задачи, на липецкомъ съѣздѣ поставленныя, были вовсе не такъ узки. Основное положеніе было такое, что социальнo-революціонная партія — и я въ томъ числѣ, это мое убѣжденіе — должна удѣлить часть своихъ силъ на политическую борьбу. Намѣченъ былъ и практическій путь: это путь насильственнаго переворота путемъ заговора, и для этого организація революціонныхъ силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. До тѣхъ поръ я лично не видѣлъ необходимости въ крѣпкой организаціи. Въ числѣ прочихъ социалистовъ я считалъ возможнымъ дѣйствовать, опираясь по преимуществу на личную инициативу, на личную предпримчивость, на личное умѣніе. Оно и понятно. Задача была такова: уяснить сознаніе возможно большаго числа лицъ, среди которыхъ живешь: организованность была нужна только для полученія такихъ средствъ, какъ книжки, и доставка ихъ изъ-за границы, печатаніе ихъ въ Россіи было также организовано. Все дальнѣйшее не требовало особой организованности. Но разъ была поставлена задача насильственнаго переворота, задача, требующая громадныхъ организованныхъ силъ, мы, и я между прочимъ, озаботились созиданіемъ этой организаціи въ гораздо большей степени, чѣмъ покушенія. Послѣ липецкаго съѣзда, при такомъ взглядѣ на необходимость организаціи, я присоединился къ организаціи, въ центрѣ которой сталъ Исполнительный Комитетъ, и содѣйствовалъ рас-

ширенію этой организаціи: въ его духѣ я старался вызвать къ жизни организацію единую, централизованную, состоящую изъ кружковъ автономныхъ, но дѣйствующихъ по одному общему плану, въ интересахъ одной общей цѣли. Я буду резюмировать сказанное. Моя личная задача, цѣль моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работалъ для этой цѣли путемъ мирнымъ и только затѣмъ былъ вынужденъ перейти къ насилію. По своимъ убѣжденіямъ я оставилъ бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своихъ идей, мирной организаціи своихъ сторонниковъ. Въ своемъ послѣднемъ словѣ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я сказалъ бы еще слѣдующее: мирный путь возможенъ; отъ террористической дѣятельности я, напримѣръ, отказался бы, если бы измѣнились вѣншія условія...

Когда Желябову предоставили сказать послѣднее слово на судѣ, онъ заявилъ:

— Я имѣю сказать только одно: на дознаніи я былъ очень кратокъ, зная, что показанія, данныя на дознаніи, служатъ лишь цѣлямъ прокуратуры, а теперь я сожалѣю и о томъ, что говорилъ здѣсь, на судѣ.—Больше ничего!..

Н. И. Кибальчичъ подробно изложилъ въ связанномъ разсказѣ стремленія тайнаго общества, принявшаго наименованіе «Народной Воли», и причины, которыя, по мнѣнію его, заставили лицъ социалистическаго образа мыслей перейти отъ мирной пропаганды къ политической борьбѣ, выразившейся въ послѣднее время въ террористической формѣ. Между прочимъ онъ сказалъ:

«Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе идти въ народъ, слиться съ народною массою, отречься отъ той среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно, я бы осуществилъ свою задачу, если бы этому не помѣшала арестъ. Конечно, если бы не тотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ бы до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго характера, отчасти социалистическаго, а именно—поднять умственный и нравственный уровень массы, развитъ общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до социалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патріархально, что ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы теперь въ царубійствѣ, а были бы среди городского и крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельскохозяйственныхъ орудій и т. д.»

Затѣмъ, подсудимый заявилъ, что ему остается повторить сущность переданныхъ въ обвинительномъ актѣ обстоятельствъ, и на предложеніе первоприсутствующаго подтвердить таковыя, показалъ:

«Видя обостреніе борьбы правительства съ партіей и предвидя, что ей придется прибѣгать къ такимъ средствамъ, на которыя она раньше не рѣшалась, я рѣшился запастись тѣми техническими и химическими свѣдѣніями, которыя для этого нужны. Я прочиталъ все, что могъ достать на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, касающееся литературы взрывчатыхъ веществъ, старался идти, такъ сказать, au courant науки по данному вопросу, и все время, когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партіи въ техническихъ свѣдѣніяхъ, я содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи партіи. Такимъ образомъ, я участвовалъ въ покушеніяхъ подъ Москвою, Александровскомъ и Одессою и вмѣстѣ съ другими лицами принималъ участіе въ изготовленіи снарядовъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Одессу, я занимался подготовленіемъ веществъ, необходимыхъ для взрыва. О московскомъ покушеніи я только зналъ, что оно должно совершиться. Относительно александровскаго покушенія мое участіе ограничивалось доставленіемъ туда спирали, которая не пошла въ дѣло. Затѣмъ я переѣхалъ въ Петербургъ. Всякій разъ, когда являлась надобность готовить динамитъ, я участвовалъ въ этомъ. Но нужно замѣтить, что мое участіе въ террористической дѣятельности ограничивалось исключительно научною техническою сферою. Я говорю это не для того, чтобы снимать съ себя часть обвиненія, а просто по чувству справедливости. Я не принималъ участія въ обсужденіи вопроса о томъ, какимъ образомъ произвести взрывъ, и гдѣ и какіе люди будутъ въ этомъ участвовать. Мое участіе было чисто научное. Я даже не зналъ относительно взрыва 5-го февраля, что такой взрывъ будетъ. Я принималъ участіе въ приготовленіи динамита для этого взрыва, но о самомъ взрывѣ и о формѣ его я узналъ только изъ газетъ. Точно также чувство справедливости побуждаетъ меня заявить, что въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, т. е. въ изобрѣтеніи идеи, въ приспособленіяхъ участвовалъ не я одинъ. Это была скорѣе коллективная работа».

Первоприсутствующій: Для суда необходимо знать, приготовляя динамитъ и снаряды, знали вы, что они предназначаются для этой цѣли?

Кибальчичъ: Да, конечно, это не могло не быть мнѣ извѣстно. Я зналъ и не могъ не знать. Я долженъ повторить еще то, что сказалъ относительно своего участія въ минѣ на Малой Садовой. Я не принималъ тамъ участія въ подкопѣ, и вся моя задача ограничивалась научными и техническими совѣтами и указаніями и затѣмъ устройствомъ запыла. Такъ, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, какое количество динамита въ минѣ на Малой Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, во первыхъ, дости-

гнуть предположенной цѣли, а во вторыхъ—не принести никакого вреда частнымъ лицамъ, которыя находились бы на тротуарѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ. Я обсуждалъ этотъ вопросъ и рѣшилъ, что употребленное количество динамита было, такъ сказать, минимальнымъ, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цѣли и не принести ущерба частнымъ лицамъ.

О своемъ фактическомъ отношеніи къ событію 1-го марта я говорилъ уже раньше. Теперь, пользуясь правомъ слова, мнѣ представленнымъ, я скажу о своемъ нравственномъ отношеніи, о томъ логическомъ пути, по которому я пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ. Я, въ числѣ другихъ социалистовъ, признаю право каждого на жизнь, свободу, благосостояніе и развитіе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія лишеніе жизни человѣка, и не съ этой только, но и вообще съ человѣческой точки зрѣнія—является вещью ужасною. Г. прокуроръ въ своей рѣчи, блестящей и красивой, заявилъ сомнѣніе на мое возраженіе, высказанное раньше, что для меня лично и для партіи вообще желательнѣе прекращеніе террористической дѣятельности и направленіе силы партіи исключительно на дѣятельность другую; онъ выставилъ въ частности меня и вообще партію—лицами, проповѣдующими терроръ для террора, выставилъ лицами, предпочитающими насильственные дѣйствія мирнымъ средствамъ только потому, что они насильственные... Какая это странная, невѣроятная любовь къ насилию и крови! Мое личное желаніе и желаніе другихъ лицъ, какъ мнѣ извѣстно, мирное рѣшеніе вопроса...

Г. прокуроръ говорилъ, что весьма важно выясненіе нравственной личности подсудимаго. Я полагаю, что то, что я говорю, относится къ характеристикѣ моей нравственной и умственной личности, если я заявляю свое мнѣніе объ извѣстныхъ существенныхъ вопросахъ, которые теперь волнуютъ всю Россію и обращаютъ на себя вниманіе. Я внимательно слѣдилъ за рѣчью г. прокурора, а именно за тѣмъ, какъ онъ опредѣляетъ причину революціоннаго движенія, и вотъ что я вынесъ: произошли реформы, всѣ элементы были передвинуты, въ обществѣ образовался негодный осадокъ, этому осадку нечего было дѣлать, и, чтобы изобрѣсти дѣло, этотъ осадокъ изобрѣлъ революцію. Вотъ отношеніе г. прокурора къ этому вопросу. Теперь въ отношеніи къ вопросу о томъ, какимъ же образомъ достигнуть того, чтобы эти печальныя событія, которыя всѣмъ извѣстны, больше не повторялись, какъ вѣрное для этого средство—имъ указывается на то, чтобы не давать никакихъ послабленій, чтобы карать и карать; но къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ г. прокуроромъ въ томъ, чтобы рекомендованное имъ средство привело къ желательному результату».

С. Л. Перовская: Я признаю себя членомъ партіи «Народной Воли» и агентомъ «исполнительнаго комитета». Относительно взглядовъ, которыхъ придерживается партія «Народной Воли» и кото-

рыхъ придерживаюсь и я, въ дополненіе къ словамъ моего товарища, я замѣчу только одно: партія «Народной Воли» отнюдь не считаетъ возможнымъ навязывать какія бы то ни было учрежденія или общественныя формы народу и обществу и полагаетъ, что народъ и общество рано или поздно примутъ эти взгляды и осуществятъ ихъ въ жизни. Что касается до фактической стороны, то я дѣйствительно признаю, что, по порученію «исполнительнаго комитета» какъ его агентъ, принимала участіе въ покушеніи подъ Москвою 19-го ноября 1879 г. и въ покушеніи 1-го марта нынѣшняго года...

Много, очень много обвиненій сыпалось на насъ со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвиненій я не буду ничего говорить,—я всѣ ихъ подтвердила на дознаніи, но относительно обвиненія меня и другихъ въ безнравственности, жестокости и пренебреженіи къ общественному мнѣнію, относительно всѣхъ этихъ обвиненій я позволю себѣ возразить и сошлюсь на то, что тотъ, кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходится дѣйствовать, не броситъ въ насъ ни обвиненія въ безнравственности, ни обвиненія въ жестокости».

Письмо А. И. Желябова къ М. П. Драгоманову ¹⁾.

Понедѣльникъ, 12 мая 1880 г.

Многоуважаемый Михаилъ Петровичъ!

Два раза пришлось намъ встрѣтиться, теперь приходится писать, и все при обстоятельствахъ крайне своеобразныхъ. Помню первую встрѣчу въ 1873 году въ Кіевѣ, на квартирѣ Х. и У. Сидитъ кучка старыхъ, престарыхъ нигилистовъ за сапожнымъ столомъ, сосредоточенно изучая ремесло. То знаменіе «движенія въ народъ» для жизни честной, трудовой... Программа журнала «Впередъ» прочтена и признана за желательное. «Но какова то дѣйствительность?» спрашивалъ себя каждый и спѣшилъ погрузиться въ невѣдомое народное море. Да, славное было время!... Наступила зима 1875—76 г. Тюрьмы переполнены народомъ; сотни жизней перебиты; но движеніе не унялось; только приемъ борьбы перемѣнился, и на смѣну пропаганды научнаго социализма, умудренные опытомъ, выдвинули бойцы на первый планъ агитацію словомъ и дѣломъ на почвѣ народныхъ требованій. Въ то же время всколыхнулась украинская громада и, вѣрная своему основному принципу народолюбства,—замыслила цѣлый рядъ предприятий на пользу родной Украины. Въ эту зиму Вы пріѣхали въ NN... и мы повидались съ Вами вторично... Много ли времени ушло, подумаешь, а сколько перемѣнъ!... Взять хоть бы этотъ уголокъ...—Я видѣлъ расцвѣтъ тамошней громады, ея живыя начинанія. Медленно, но непрерывно сливались тамъ въ одно два революціонные потока—общерусскій и украинскій; не федерація, а единство было недалеко, и вдругъ... все пошло прахомъ. Соблазнились старики выгодой легальнаго положенія, медлили покинуть насиженные гнѣзда, и погибли для борьбы славные люди, погибли начинанія. На мѣстѣ ихъ грубое насиліе нагло праздновало побѣду. Но что смутило торжество злорадныхъ, нагнало панику на нихъ? Не совѣсть ли проснулась въ гонителяхъ безпо-

¹⁾ Письмо это, послѣ смерти А. И. Желябова, было напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“, а затѣмъ видѣтъ съ небольшимъ предположеніемъ къ нему М. П. Драгоманова издано отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ „Къ біографіи Желябова“. Мы перепечатаваемъ его здѣсь, ибо убѣждены, что множеству читателей, не взирая на двукратное уже напечатаніе заграницею этого письма (въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, т. е. слыше 20 лѣтъ тому назадъ), ово совершенно неизвѣстно, а между тѣмъ въ немъ очень ярко отражаются взгляды и самая личность А. И. Желябова.

Ред.

щадныхъ? То остатки народниковъ-революціонеровъ начали наступленіе, но уже по новому плану борьбы. Трусливые тираны инстинктивно познали, что слабое мѣсто ихъ открыто, что власть и самая жизнь ихъ—на кону. Какъ звѣрь, почувствовавшій глубокую рану, стало правительство рвать и метать, не разбирая своихъ и чужихъ, а Дамокловъ мечъ по прежнему недосягаемо, грозно виситъ надъ его головой... Пришло раздумье на начальство: не поступиться ли? Правительству стало яснымъ положеніе его: всѣ считаютъ дни его сочтенными; нравственной поддержки ему ни отъ кого; только трусость, своекорыстіе и неспособность къ солидарному дѣйствию въ однихъ, да расхожденіе въ пониманіи задачъ между другими удерживаютъ правительство отъ паденія. Своевременно уступить подъ благовиднымъ предлогомъ — таково требованіе политики; но не того хочетъ властолюбивый старикъ и, по слухамъ, его сынъ. Отсюда двойственность, колебаніе во внутренней политикѣ. Въ расчетѣ лишить революцію поддержки, Лорисъ родитъ упованія; но, безсильный удовлетворить ихъ, приведетъ лишь къ пущему разочарованью. Какой удобный моментъ для подведенія итоговъ! А между тѣмъ все молчитъ; молчатъ, когда активное участіе къ дѣлу революции всего обязательнѣе, когда два три толчка, при общей поддержкѣ, и правительство рухнетъ. Отъ общества, всегда дряблага, многого требовать нельзя; но русскіе революціонеры, какой процентъ изъ нихъ борется активно? Расхожденіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ...

Неужто и Вы, Михаилъ Петровичъ, не признаете близкихъ реальныхъ выгодъ для народа отъ нашей борьбы? Этого не можетъ быть: за насъ Ваши литературныя произведенія, Ваша отзывчивость на живое дѣло, Ваша склонность найти практическій исходъ. Къ сожалѣнію, недосугъ, а также расходы на неотложныя дѣла мѣшали поѣздкамъ нашимъ съ цѣлями организаціонными и въ частности, для защиты своей программы. Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснять ее путемъ печати. Выходить въ результатѣ, что комментаторами ея вообще, а за границей чуть ли не исключительно являются лица, отрицающія ее вполне или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать Ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если Вы пришлете критику ея черезъ ZZ, пока не будутъ установлены межъ нами непосредственныя отношенія, а, можетъ быть, и сотрудничество Ваше въ «Народной Волѣ». Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщить податель письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго направленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михаилъ Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ злобѣ дня родной страны. Вѣдь не даромъ же на Украинѣ многіе зовутъ Васъ «батькой!» А что дѣлаютъ они? И кто повиненъ кромѣ нихъ? Насъ, убѣж-

денныхъ автономистовъ, винять въ централизмъ... за Учредительное Собраніе. Во первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная коммиссія, а, во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феніи, Парнелль? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія, видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части и требуешь Учредительнаго Собранія. Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета хранителя общественнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами.

Еще одна просьба къ Вамъ, Михаилъ Петровичъ! Не согласитесь ли Вы быть хранителемъ нашего архива? Матерьялъ тамъ весьма цѣнный для исторіи современнаго движенія, а между тѣмъ онъ проваливается здѣсь чуть ли не періодически. Храненіе это мы предлагаемъ Вамъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) право собственности на архивъ остается за нами; ни одна вещь оттуда не можетъ быть отчуждена; 2) въ отношеніи пользованія матеріалъ будетъ подѣленъ на двѣ части, изъ коихъ одной можете пользоваться свободно; другая связана съ живыми людьми и текущими дѣлами; пользоваться ей Вы могли бы, получивъ въ каждомъ частномъ случаѣ наше согласіе; 3) передать архивъ на храненіе можете съ нашего согласія; 4) узнавать насъ (редакцію «Народной Воли») по паролю, зашифрованному нами ключемъ, Вамъ извѣстнымъ...

Къ портрету А. И. Желябова.

Не взирая на всѣ наши старанія, фотографической карточки А. И. Желябова намъ достать не удалось, и мы помѣщаемъ его портретъ съ карандашнаго рисунка, сдѣланнаго однимъ лицомъ съ натуры въ залѣ суда, въ которой происходилъ процессъ Желябова и его товарищей. Лица, близко знавшія Желябова, находятъ, что рисунокъ имѣетъ большое сходство съ оригиналомъ; тѣмъ не менѣе,—это не фотографія, и мы обращаемся къ нашимъ читателямъ съ просьбою доставить намъ для воспроизведенія карточку Желябова. Такой карточкой, какъ оказывается, не располагаетъ и департаментъ полиціи, не имѣвшій, впрочемъ, понятія о существованіи на свѣтѣ и того карандашнаго рисунка, копію съ котораго мы помѣщаемъ въ этой книжкѣ. По крайней мѣрѣ, въ изданной департаментомъ полиціи на французскомъ языкѣ всего въ 100 экземплярахъ (*tiré à 100 exemplaires*) подъ редакціею товарища министра внутреннихъ дѣлъ генераль-лейтенанта Шебеко (*redigée sous la direction de l'Adjoint du Ministre de l'intérieur, le lieutenant-général Schébéco*) книгъ «Chronique du mouvement socialiste en Russie 1878—1887» XI+761 ps. Imprimerie officielle du Ministère de l'intérieur, à St.-Petersbourg. 1890) и разсылавшейся издателями особо высокопоставленнымъ лицамъ при надписи «Confidentiel et exclusivement personnel», напечатаны о Желябовѣ такія строки:

«*Ses traits et son extérieur ne purent être conservés pour la posterité, car une fois détenu, il ne consentit jamais à se faire photographier, et fit les plus grandes contorsions et grimaces en posant devant l'appareil. Il n'existe de lui qu'un petit médaillon paru dans le «Calendrier de la Volonté du Peuple pour 1883», fait d'après un croquis, crayonné de memoir par un de ses affiliés.*» (стр. 319). Далѣе авторы книги критикуютъ появившійся въ «Календарѣ Народной Воли» медальонъ, находя, что онъ «*ne ressemblait point à l'original*» и описываютъ этотъ «original», какъ «*doné d'une physiognomie vivace, énergique, brutal et grossière, type d'une organisation forte et robuste, à la tête habituée au commandement, avec un rire ouvrant deux rangées de dents éclatantes, une espèce de bandit terroriste, qui se forme peu à peu, à la suite d'une activité prolongée dans les*

Андрей Иванович
ЖЕЛЯБОВЪ.

(Съ рисунка, сдѣланнаго карандашомъ съ натуры во
время суда).

ténébres sinistres du crime» (*ibid.*), но это прекрасное словесное описание департаментских писцовъ представляетъ уже для читателей, конечно, мало интереса. Фактъ тотъ, что Шебеко и К^о говорятъ совсѣмъ о другомъ портретѣ, нежели тотъ, который нынѣ нами помѣщается. Кто видѣлъ портретъ Желябова въ «Календарѣ Народной Воли», — действительно очень плохой профиль, — тому не нужно доказательствъ; для невидѣвшихъ же его можно сослаться хотя бы на то, что сами департаментскіе писцы, описывая это изображеніе, говорятъ, что оно (изображеніе) «ne présente qu'un profil».

Ред.

Мой арестъ въ 1881 году.

На дняхъ мнѣ пришлось прочесть въ одной газетѣ воспоминанія неувѣстнаго мнѣ лица о мартовскихъ событіяхъ 1881 года и въ частности о моемъ арестѣ въ Петербургѣ. Воспоминанія эти полны невѣрностей, и вотъ что случилось со мною въ дѣйствительности передъ событіемъ 1 марта.

Приѣхаль я въ послѣдній разъ въ Петербургъ въ концѣ января 1881 года и остановился въ меблированныхъ комнатахъ Миссюро на углу Невскаго и Караванной. На другой день по приѣздѣ, мнѣ нужно было узнать адресъ у одного моего знакомаго, который служилъ въ конторѣ паровой хлѣбопекарни, на Васильевскомъ островѣ. Выйдя изъ дому и пройдя два-три квартала, я взялъ извозчика и отправился на Васильевскій островъ. Пробывъ съ четверть часа у знакомаго, я вышелъ и увидѣлъ, что съ моимъ извозчикомъ разговариваетъ подозрительный человѣкъ. Догадавшись, что это агентъ полиціи, освѣдомляющійся у извозчика о мѣстѣ, откуда онъ меня привезъ, я сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ университетъ. Расплатившись съ извозчикомъ, я не раньше вышелъ изъ университета, какъ пробывши тамъ довольно продолжительное время.

Я не ошибся. Въ тотъ же день я узналъ, что за посѣтителями конторы паровой хлѣбопекарни наблюдаютъ. Послѣ этого вплоть до 25-го февраля я ничего особеннаго не замѣчалъ. Утромъ 25-го февраля я обратилъ вниманіе на своего сосѣда по квартирѣ, носившаго флотскую форму отставнаго капитана. Его предупредительность въ оказываніи мнѣ мелкихъ домашнихъ услугъ была настолько подозрительна, что я рѣшилъ перемѣнить квартиру. Но этому не суждено было сбыться.

Впослѣдствіи стало извѣстно, что рядомъ съ той комнатою, которую я занималъ, былъ помѣщенъ шпіонъ. Еще осенью 1880 года я получилъ извѣстіе изъ Крыма, что меня тамъ разыскиваютъ, но званіе помощника присяжнаго повѣреннаго было такъ удобно для конспиративной дѣятельности, что безъ солидныхъ причинъ мнѣ не хотѣлось стать нелегальнымъ. Меркуловъ хотя и былъ уже арестованъ, но тогда еще не началъ выдавать. 27-го февраля я вернулся домой отъ Николая Евгеньевича Суханова въ половинѣ седьмого вечера. Черезъ полчаса входитъ ко мнѣ Желябовъ и, поздоровавшись, говоритъ: «У тебя въ корридорѣ, кажется, полиція». Желая узнать въ чемъ дѣло, я сейчасъ же вышелъ въ корридоръ, но едва успѣлъ сказать, — Катя (служанка), принесите самоваръ, — какъ былъ подхваченъ со всѣхъ сторонъ толпою людей, выбѣжавшихъ изъ противоположнаго пустого номера. Меня отвели въ пустой номеръ, гдѣ

сейчасъ же и обыскали. Одновременно былъ арестованъ Желябовъ въ моемъ номерѣ. Минутъ черезъ 20 каждыя изъ насъ посадили съ конвоемъ въ отдѣльную карету и повезли въ канцелярію градоначальника. Градоначальникомъ въ то время былъ Федоровъ. Тамъ же присутствовалъ товарищъ прокурора судебной палаты, состоящій при департаментѣ полиціи,—Добржинскій. Послѣ обычныхъ вопросовъ, градоначальникъ спросилъ меня: «какъ фамилія товарища вашего, котораго у васъ арестовали?» На это я ему отвѣтилъ—«потрудитесь обратиться съ этимъ вопросомъ къ моему товарищу; въ такихъ учрежденіяхъ я не имѣю обыкновенія говорить о другихъ и отвѣчать за другихъ». На вопросъ товарища прокурора Добржинскаго «какъ вы могли проживать подъ своимъ именемъ въ то время, когда мы васъ давно разыскиваемъ», я сказалъ, что состою помощникомъ присяжнаго повѣреннаго при Одесскомъ окружномъ судѣ, и найти меня было весьма легко. Въ десятомъ часу вечера насъ повезли въ тѣхъ же каретахъ въ домъ предварительнаго заключенія. Здѣсь, въ конторѣ, въ ожиданіи управляющаго домомъ, который долженъ былъ принять насъ подъ росписку, встрѣтились мы съ Желябовымъ въ послѣдній разъ. Онъ успѣлъ мнѣ сказать, что лишь только онъ вошелъ въ канцелярію градоначальника, какъ товарищъ прокурора Добржинскій встрѣтилъ его восклицаніемъ: «Желябовъ, да это вы!» Желябовъ не нашелъ нужнымъ это отрицать. Добржинскій зналъ Желябова по Одессѣ въ то время, когда Желябовъ привлекался по процессу 193-хъ. По этому процессу Желябовъ былъ оправданъ, но, по возвращеніи въ Одессу, онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи. Мы обнялись, и насъ развели по камерамъ... Я зналъ Желябова съ 5-го класса Керченской гимназіи, куда я перешелъ изъ Симферопольской гимназіи. Одновременно мы окончили гимназію и поступили въ Новороссійскій университетъ на юридическій факультетъ. На 2-мъ курсѣ, по поводу исторіи съ профессоромъ славянскихъ законодательствъ Богишичемъ, душою которой былъ Желябовъ, онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Керчь. Во время исторіи меня въ Одессѣ не было. Приѣхалъ я уже наканунѣ отправки на пароходѣ Желябова въ Керчь. На пристани собрались почти всѣ студенты Новороссійскаго университета и масса посторонней публики провожать Желябова. Въ періодъ моей революціонной дѣятельности я часто съ нимъ встрѣчался. Я зналъ близко Желябова и постараюсь со временемъ возстановить образъ этого замѣчательнаго революціоннаго дѣятеля освободительнаго движенія. Заканчиваю. Въ ночь съ 1-го на 2-ое марта перевезли меня изъ дома предварительнаго заключенія въ Петропавловскую крѣпость. Въ моей квартирѣ взяли около 200 номеровъ «Народной Воли». Въ карманѣ у меня нашли рукопись «О провинціальныхъ революціонныхъ организаціяхъ и отношеніи ихъ къ центральной организаціи».

М. Тригони.

Андрей Иванович Желябовъ.

(Отрывки изъ воспоминаній)¹⁾.

Послѣ оправдательнаго приговора по «Большому процессу» (193-хъ), длившемуся съ 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г., *Андрей Ивановичъ Желябовъ*, съ цѣлью пропаганды, лѣто 1878 г. провелъ въ Подольской губерніи, въ качествѣ бахчевода, а осенью того же года переѣхалъ въ Одессу, гдѣ я съ нимъ и познакомился.

По происхожденію, А. И. былъ крестьянинъ Таврической губерніи, Феодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки, но Одесса для него была во многихъ отношеніяхъ роднымъ городомъ. Благодаря своей талантливости, рѣдкой энергіи и трудоспособности, онъ самъ себѣ прокладываетъ дорогу изъ деревни до университета: окончивъ гимназію, А. И. Поступилъ въ Новороссійскій университетъ, откуда въ 1872 г., въ возрастѣ 21-го года былъ удаленъ «за безпорядки» по извѣстному въ свое время дѣлу профессора-слависта Богинича.

Помимо университета, А. И. связанъ былъ съ Одессою и своимъ бракомъ: онъ былъ женатъ на дочери бывшаго одесскаго головы С. С. Яхненко. Вотъ это послѣднее обстоятельство и послужило первою причиною знакомства моего съ А. И. Дѣло въ томъ, что въ 1875 году я былъ приглашенъ учителемъ въ школу при сахарномъ заводѣ Яхненко и Симиренко, причѣмъ сталъ въ очень близкія отношенія съ послѣднимъ семействомъ и особенно съ Л. П. Симиренко. Представители семейства Яхненко, какъ родственники Симиренко, пріѣзжали изъ Одессы въ Городище, Кіевской губерніи,—въ 6-ти верстахъ отъ котораго расположенъ былъ сахарный заводъ,—и въ томъ числѣ бывала, кажется, и жена А. И., Ольга Семеновна Яхненко, хорошая пѣвица и піанистка. Я говорю «кажется», такъ какъ точно не помню, гдѣ я впервые познакомился съ женою Желябова, но, во всякомъ случаѣ, какъ съ С. С. Яхненко, такъ и съ его семействомъ,—главнымъ образомъ съ дочерьми—Ольгою Семеновною и ея сестрою Натальею Семеновною,—я познакомился, вѣроятно, при посредствѣ семейства Симиренко и много ранѣе, чѣмъ съ Желябовымъ.

Мнѣ приходилось бывать въ Одессѣ и ранѣе 1878 г. и помню, что тогда уже я посѣщалъ Наталью Семеновну Яхненко, которая

¹⁾ Эти «отрывки», прежде чѣмъ отправить въ „Былое“, я посылалъ на просмотръ Л. П. Симиренко, который внесъ въ нихъ поправки и дополненія. И. Б.

жила «на башнѣ» у Строгановскаго моста. Когда Л. П. Симиренко въ 1878 г. перевелся изъ Кіевскаго университета въ Новороссійскій и поселился въ г. Одессѣ, скоро и я переѣхалъ туда, причемъ мы жили въ одной съ нимъ квартирѣ. Въ это время и произошло мое знакомство съ Желябовымъ, какъ съ родственникомъ моего пріятеля Л. П. Симиренко. Съ перваго же раза А. И. произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и глубоко врѣзался въ моей памяти. Какъ сейчасъ вижу его внѣшній обликъ: ясные голубые глаза, открытый лобъ, небольшая окладистая борода, коренастая выше средняго роста фигура, гордая осанка, порывистая, нервная походка.

Широко образованный и начитанный, онъ въ то же время былъ прекрасный ораторъ и всегда говорилъ съ большимъ увлеченіемъ и непоколебимою убѣжденностью въ справедливости тѣхъ взглядовъ, которые онъ защищалъ. Въ этотъ періодъ А. И. былъ еще ярый народникъ-пропагандистъ, и, слушая его горячую защиту чисто пропагаторской дѣятельности среди народа, никто бы не повѣрилъ, что всего черезъ годъ онъ будетъ уже однимъ изъ самыхъ видныхъ членомъ партіи «Народной Воли», а черезъ три года—будетъ приговоренъ къ смертной казни за дѣятельное участіе въ дѣлѣ 1-го марта. Дальше мы скажемъ о причинѣ такой эволюціи въ міросозерцаніи Желябова, а сейчасъ постараемся, на сколько позволитъ память, сообщить еще нѣкоторыя данныя изъ описываемаго періода жизни А. И. въ Одессѣ. Онъ пользовался большою популярностью и уваженіемъ въ этомъ городѣ, энергично велъ пропаганду своихъ идей и приводилъ ихъ въ осуществленіе съ упорствомъ и настойчивостью, соотвѣтствовавшими его необыкновенно твердому характеру.

Между прочимъ, онъ и отъ жены своей требовалъ «сближенія съ народомъ».

Добрая Ольга Семеновна не могла не подчиниться властному призыву своего мужа, но это «сближеніе» было для нея мучительнымъ дѣломъ. Она сама мнѣ какъ-то говорила, что, работая на огородѣ (должно быть въ родной Желябову Николаевкѣ), она, лежа на межѣ, «плакала, вспоминая о роялѣ». Сообщала ли объ этомъ Ольга Семеновна Андрею Ивановичу, не знаю, но, думаю, такой мотивъ показался бы ему смѣшнымъ, потому что благо народа, какъ его понималъ Желябовъ, было самою существенною и, пожалуй,—единственною цѣлью его жизни.

У насъ (т. е. у меня и Л. П. Симиренко) съ нимъ велись горячіе споры на тему о благѣ народа, разно нами понимаемомъ. Я переѣхалъ на жительство въ Одессу послѣ трехъ лѣтъ учительства, во время котораго имѣлъ возможность довольно близко познакомиться съ деревнею и результатами пропаганды. Такая дѣятельность лично меня уже не удовлетворяла и казалась бесполезною.

Ужасающая безграмотность, тьма, невѣжество и безправіе крестьянскаго населенія совершенно парализовали пропагаторскую

работу, тѣмъ болѣе, что правительственныя репрессіи лишали возможности свободной работы въ деревнѣ. Для меня уже тогда начинало выясняться, что безъ политической свободы трудно, если не невозможно, что нибудь сдѣлать для народа. Конспиративная, тайная дѣятельность, не говоря уже о громадномъ % жертвъ, захватывала такіе ничтожные круги населенія, что, въ сущности говоря, овчинка не стоила выдѣлки. Между тѣмъ при политической свободѣ эта работа принимала совершенно иной характеръ, причемъ само населеніе выступало на сцену въ качествѣ полноправныхъ гражданъ. Желябовъ же продолжалъ еще вѣрить въ пропаганду, какъ въ таковую, и на этой почвѣ у насъ происходили споры. Но споры эти въ общемъ носили совершенно мирный характеръ, и за все время пребыванія въ Одессѣ Желябовъ чуть не ежедневно посѣщалъ нашу студенческую квартиру. Бывали и мы у него. Онъ жилъ тогда съ женою, и у него былъ маленький сынъ, тоже Андрей, очень, какъ помню, похожій на отца. Впрочемъ знакомство наше было непродолжительное. Весною 1879 года я случайно уѣхалъ за границу, и скоро по возвращеніи былъ арестованъ и затѣмъ одновременно съ Л. П. Смиренко высланъ въ Восточную Сибирь, гдѣ прожилъ до осени 1886 года. Слѣдовательно, въ моментъ рѣзкой эволюціи, происшедшей съ Желябовымъ, когда онъ изъ народника превратился въ горячаго народовольца, я и Смиренко не были въ Россіи. Но родственники послѣдняго писали намъ въ Сибирь, что А. И. «совершенно измѣнился». Въ чемъ заключалось это «измѣненіе», они не сообщали, да, несомнѣнно, и не знали, а догадывались по чисто внѣшнимъ признакамъ, онъ бросилъ пропагаторскую дѣятельность и весною 1879 г., когда были получены точныя свѣдѣнія объ ожидавшихъ его арестѣ и административной высылкѣ, перешелъ на нелегальное положеніе.

Изъ показаній А. И. на судѣ, по дѣлу 1-го марта, вполне выясняется причина измѣненій взглядовъ Желябова. «Я долго былъ въ народѣ,—говорилъ А. И.,—работалъ мирнымъ путемъ, но вынужденъ былъ оставить эту дѣятельность по той причинѣ, на которую указалъ Кибальчичъ. Оставляя деревню, я понималъ, что главный врагъ партіи народолюбцевъ-соціалистовъ—власти».

А Кибальчичъ, на котораго ссылался Желябовъ, выяснилъ это очень хорошо ¹⁾).

Вотъ въ чемъ, значить, заключались причины рѣзкой эволюціи Желябова, и разъ онъ пришелъ къ убѣжденію, «что главный врагъ партіи народолюбцевъ-соціалистовъ — власти», то можно было напередъ предсказать, что Желябовъ ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы очистить препятствіе, мѣшающее ему достигнуть цѣли его жизни—блага народа, какъ онъ его понималъ. Съ момента вступленія его въ ряды «соціально-революціонной

¹⁾ См. выше напечатанную рѣчь Кибальчича на судѣ.

партіи» онъ проявляетъ просто неестественную энергію, что отмѣтилъ и обвинитель Н. В. Муравьевъ, бывший тогда лишь товарищемъ прокурора С.-Петербургской Судебной палаты и затѣмъ опредѣлившій свою карьеру процессомъ 1-го марта. Не смотря на то, что Желябовъ былъ арестованъ до царевубійства, 27-го февраля, г. Муравьевъ, «говоря языкомъ закона», нужно думать, совершенно вѣрно охарактеризовалъ его, какъ «главнаго виновника, зачинщика». Вообще обвинитель, при всемъ своемъ понятномъ желаніи умалить личность Желябова, все-же не могъ не охарактеризовать его, какъ выдающагося человѣка.

«Конечно,—между прочимъ говорилъ Муравьевъ,—мы не послѣдуемъ за умершимъ Гольденбергомъ, который, въ своемъ увлеченіи, называлъ Желябова личностью высоко развитою и гениальною. Мы, согласно желанію Желябова, не будемъ преувеличивать его значенія, дадимъ ему надлежащее мѣсто, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдадимъ ему и справедливость, сказавъ, что онъ былъ созданъ для роли вожака-злодѣя въ этомъ дѣлѣ». Въ другомъ мѣстѣ г. Муравьевъ характеризуетъ поразительную энергію Желябова: «уже липецкій съѣздъ, лѣтомъ 1879 года, въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ своихъ, видитъ и Желябова. Прямо со съѣзда онъ отправляется въ Харьковь, и здѣсь, въ сентябрѣ 1879 г., руководить сходками, происходящими между молодежью, на нихъ читаетъ лекціи, произноситъ рѣчи извѣстнаго содержанія и участвуетъ въ составленіи плановъ будущихъ дѣйствій; смыслъ же, революціонное значеніе этихъ дѣйствій, опредѣляются присланнымъ въ Харьковь изъ Петербурга динамитомъ. Въ ноябрѣ 1879 г. устраивается взрывъ полотна близъ г. Александровска и день неудавшагося взрыва 18 ноября 1879 года застаетъ Желябова не только въ рядахъ первыхъ бойцовъ царевубійства, но и непосредственнымъ организаторомъ предпринимаемыхъ съ этою цѣлью злодѣйскихъ приготовленій. . . . Въ 1880 году мы находимъ Желябова въ Петербургѣ, въ качествѣ агента исполнительнаго комитета. . . . Желябовъ называетъ себя агентомъ третьей степени, агентомъ ближайшимъ къ комитету, агентомъ съ большимъ довѣріемъ. Но я полагаю, что со стороны Желябова это не лишняя скромность, и что если существуетъ соединеніе, присвоивающее себѣ названіе исполнительнаго комитета, то въ рядахъ этого соединенія почетное мѣсто принадлежитъ подсудимому Желябову, и не напрасно думалъ Рысаковъ, что совершеніе 1 марта приметъ на себя одинъ изъ членовъ исполнительнаго комитета. Понятно, впрочемъ, что сознаться въ принадлежности къ исполнительному комитету, значитъ сказать: вы имѣете предъ собою дѣятеля перваго ранга и вашимъ приговоромъ вы исключите изъ революціонныхъ рядовъ крупную силу одного изъ самыхъ видныхъ сподвижниковъ партіи». Такъ говорилъ товарищъ прокурора г. Муравьевъ.

3-го апрѣля 1881 г., въ 9 ч. 50 м. утра, въ С.-Петербургѣ, на

Семеновскомъ плацу Андрей Ивановичъ Желябовъ, 30 лѣтъ отъ роду, былъ повѣшенъ.

Погибла въ этотъ день громадная умственная и нравственная сила, погибла, въ расцвѣтъ лѣтъ, погибла, благодаря ужасающему полицейско-бюрократическому режиму, который насильно толкаетъ людей на преступленіе, а потомъ вѣшаетъ и разстрѣливаетъ ихъ. Слезы выступаютъ на глазахъ, когда читаешь слѣдующее показаніе Желябова на судѣ: «Если вы, г.г. судьи, заглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что *въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною*». Къ этому я могу добавить, какъ уже и говорилъ, что еще въ 1878 году и въ началѣ 1879 г. А. И. находился въ періодѣ «юности, розовой и мечтательной», и лишь въ этомъ послѣднемъ, ужасномъ году, когда пошли невѣроятные аресты, ссылки и казни, особенно на югѣ Россіи, онъ вступилъ на тотъ путь, который привелъ его къ висѣлицѣ.

Закончимъ наше воспоминаніе небольшимъ, но очень характернымъ свѣдѣніемъ. У жены Желябова потребовали, чтобы она измѣнила свою и сына фамилію, и она, какъ и сынъ, послѣ казни А. И., стали носить фамилію Яхненко.

И. П. Бѣлоконскій.

Воспоминанія о С. Л. Перовской. ¹⁾

Въ первый разъ я увидѣла Софью Львовну Перовскую лѣтомъ 1875 г. въ Москвѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: идя по Никольскому бульвару я встрѣтила свою знакомую Н. А. Армфельдъ и остановилась на нѣсколько минутъ, чтобы поговорить съ ней. Подъ руку съ ней шла какая-то дѣвушка, скромно одѣтая въ темное платье и такую же простую шляпку. Она была очень миловидна и моложава; рядомъ съ Армфельдъ, ²⁾ отличавшейся гигантскимъ ростомъ, ея фигурка казалась миниатюрной. Я приняла ее за дѣвочку-подростка и мало обратила на нее вниманія. На другой день я снова встрѣтила ее въ обществѣ Армфельдъ и Батюшковой ³⁾, но встрѣчи эти были такъ мимолетны, что я даже не помню, познакомились ли мы съ ней въ этотъ разъ, но фигура и милое личико этой дѣвушки остались у меня въ памяти.

Новая встрѣча съ этой особой произошла въ залѣ Петербургскаго Окружнаго Суда въ 1877 году, куда я была приведена подъ конвоемъ жандармовъ въ числѣ другихъ подсудимыхъ по процессу 193-хъ.

Зала суда въ этотъ день представляла собою невиданное зрѣлище: нѣсколько подсудимыхъ, которые считались «опасными», сидѣли на возвышенномъ мѣстѣ, которое тутъ же было названо «Голгоѳой»,—остальные подсудимые размѣстились по всей залѣ. Большинство изъ нихъ провели въ одиночномъ заключеніи отъ трехъ

¹⁾ Мои воспоминанія о С. Л. Перовской написаны давно, но я смотрю на нихъ лишь какъ на матерьялъ для біографіи. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы другія лица дополнили мой матерьялъ и чтобы кто-нибудь изъ близкихъ Перовской людей взялся обработать его и составить полную біографію. Въ настоящее время по разнымъ городамъ Россіи живутъ много людей, близко знавшихъ Софью Львовну и даже бывшихъ ея друзьями. Есть такіе, которые могутъ сообщить о равнѣмъ періодѣ ея жизни, мнѣ мало извѣстномъ; другіе расскажутъ о послѣднемъ годѣ ея жизни передъ арестомъ и т. д. Трудно вести переговоры съ каждымъ изъ нихъ въ отдаленности и потому я рѣшаю послѣдовать совѣту редакціи «Былого»,—напечатать свой матерьялъ, чтобы положить начало полной біографіи.

Авторъ.

Воспоминанія эти принадлежатъ Софьѣ Андреевнѣ Ивановой-Борейша, арестованной при взятіи жандармами типографіи «Народной Воли» 17 января 1880 года и осужденной по «процессу 16-ти» (Квятковскій, Прѣсяковъ, Степанъ Ширяевъ и др.) въ каторжныя работы.

Ред.

²⁾ Осуждена въ каторжныя работы по дѣлу Антонова, Дебагорію-Мокріевича и др. въ Кіевѣ и умерла на Карѣ въ 1887 г.

Ред.

³⁾ Осуждена на поселеніе по процессу 50-ти. Умерла въ 1894 г.

Ред.

до четырех лѣтъ, и каждый былъ ошеломленъ въ буквальный смыслѣ, попавъ въ такое большое общество; правда, сидѣвшіе въ «Предварилкѣ» имѣли между собой сообщенія и даже за послѣднее время могли говорить другъ съ другомъ, крича въ окна и бесѣдуя въ «клубахъ»¹⁾, но это все-таки не то, что видѣть людей передъ собою и говорить съ ними самымъ обыкновеннымъ способомъ, какъ говорятъ всѣ люди «на волѣ». Каждый искалъ въ толпѣ своихъ знакомыхъ и старался наговориться какъ можно больше. Съ незнакомыми надо было перезнакомиться и узнать, кто эти товарищи по скамьѣ подсудимыхъ. Общее дѣло «о пропагандѣ въ 36 губерніяхъ» было шито мастерской рукой прокурора Желиховскаго, но не смотря на это, многіе изъ подсудимыхъ не только не были знакомы между собой, но даже ровно ничего не знали другъ о другѣ. Разумѣется это не относилось къ тѣмъ, которые составляли отдѣльные группы и кружки. Были и такія группы, которыя имѣли между собою связь и даже имѣли общихъ руководителей; но въ общемъ, все-таки, была масса незнакомыхъ между собой людей, которыхъ прокурору необходимо было выставить, какъ «преступное сообщество».

Въ залѣ стоялъ невообразимый гулъ отъ разговоровъ, не смотря на звонки предсѣдателя, призывавшаго къ порядку. Среди множества незнакомыхъ лицъ я снова увидѣла ту дѣвочку-подростка, съ которой встрѣчалась въ Москвѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я узнала, что это была Софья Львовна Перовская, та самая, о которой я много слышала, какъ объ одномъ изъ видныхъ дѣятелей кружка чайковцевъ. Я знала, что кружокъ чайковцевъ организовалъ петербургскихъ рабочихъ, и Перовская въ этомъ дѣлѣ играла не послѣднюю роль. Она была арестована вмѣстѣ съ другими пропагандистами, но противъ нея не было серьезныхъ уликъ, и обвиненія, по счастливой случайности, были такъ слабы, что даже прокуроръ Желиховскій считъ возможнымъ не только освободить ее на поруки, но даже не арестовывать ее снова передъ судомъ, какъ это было сдѣлано съ другими подсудимыми, бывшими на порукахъ. Такимъ образомъ, она могла являться на судъ въ качествѣ подсудимой, живя на волѣ. Это не помѣшало ей, однако, присоединиться къ тѣмъ изъ товарищей, которые назывались «протестантами»,—они отказались отъ суда и не пожелали принимать въ немъ никакого участія. Такъ какъ я была тоже «протестанткой», то въ залѣ суда мнѣ не пришлось присутствовать долго, и Софью Львовну я снова увидѣла только по окончаніи суда, когда она стала являться къ намъ на общія свиданія. Она была въ числѣ оправданныхъ судомъ. На женскомъ отдѣленіи «предварилки» тоже освободили массу народа, такъ что тамъ осталось всего шесть человѣкъ, которыхъ, въ ожиданіи высылки по приговору суда, держали довольно свободно: кто

¹⁾ Клубами назывались ватеръ-клозеты, черезъ трубы которыхъ можно было разговаривать.
С. И.

желалъ, могъ помѣщаться въ общей камерѣ, а кто оставался въ одиночныхъ,—ходили обѣдать, или просто проводить время, въ общую. Свиданія разрѣшались не только съ родными, но и со знакомыми, такъ что всѣ освобожденные, которые оставались въ Петербургѣ, считали долгомъ посѣщать насъ. Въ концѣ концовъ ихъ стали прямо пускать въ нашу общую камеру, которая, по-этому, стала представлять собою два раза въ недѣлю настоящій салонъ. Женщины, какъ это всегда бываетъ въ дѣлахъ посѣщенія тюрьмы, особенно старались окружить насъ вниманіемъ; имъ было совѣстно, какъ говорили нѣкоторые, что онѣ пользуются свободой въ то время, какъ мы сидимъ подъ замкомъ. Намъ старались приносить побольше новостей съ воли, книгъ, газетъ, лакомствъ. Софья Львовна была изъ самыхъ старательныхъ. Я особенно помню одно посѣщеніе, когда она пришла сообщить намъ непріятную новость о томъ, что наши товарищи, приговоренные къ каторгѣ и сидѣвшіе въ Петропавловской крѣпости, увезены неожиданно въ Харьковскую центральную тюрьму. Тутъ, какъ извѣстно, случилось небывалое дѣло: судъ самъ ходатайствовалъ передъ верховной властью о замѣнѣ каторги ссылкой на поселеніе въ Сибирь, адвокаты увѣряли, что не бывало такихъ случаевъ, чтобы ходатайство суда не было уважено, и потому всѣ осужденные и ихъ родственники свыклись съ мыслью о томъ, что они пойдутъ на поселеніе. И вдругъ пришла вѣсть, что ходатайство не уважено, нѣкоторымъ объявлено, чтобъ они собирались въ Сибирь на каторгу, а пятеро изъ нашихъ товарищей спѣшно увезены въ «централку». Это извѣстіе подѣйствовало на всѣхъ удручающимъ образомъ. Всѣмъ было тяжело и не хотѣлось говорить о постороннихъ предметахъ. Я видѣла, что у Перовской подергиваются губы и подбородокъ, и она дѣлаетъ надъ собою усилія, чтобы скрыть слезы. Но она быстро овладѣла собой и начала торопясь сообщать намъ другія новости, чтобы отвлечь наше вниманіе.

Поближе познакомиться съ Софьей Львовной мнѣ пришлось уже въ 1879 году, когда мы обѣ снова жили въ Петербургѣ, примкнувъ къ партіи Народной Воли. Я уже успѣла побывать въ ссылкѣ, она же вернулась, даже не побывавъ въ ней. Вотъ какъ это случилось: Всѣхъ оправданныхъ и освобожденныхъ по процессу 193-хъ правительство рѣшило въ одинъ прекрасный день выслать изъ Петербурга административнымъ порядкомъ, а тѣхъ, которые жили въ провинціи—прикрѣпить къ мѣсту, не позволяя имъ выѣзжать безъ разрѣшенія начальства. Перовскую тоже рѣшили выслать въ одну изъ сѣверныхъ губерній. Ее повезли по желѣзной дорогѣ два жандарма. Ночью оба они уснули, сидя на вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда (названія станціи не помню). Вѣроятно, молодая барышня съ такимъ добродушнымъ и милымъ лицомъ не внушала имъ опасеній. Барышня же, замѣтивъ, что стража спитъ, задумала этимъ воспользоваться. Чтобы не разбудить своихъ спутниковъ, она сняла башмаки и, неся ихъ въ рукѣ, осторожно вышла изъ комнаты, гдѣ они помѣщались. Черезъ

нѣсколько времени она дождалась поѣзда, идущаго въ Петербургъ, и благополучно помѣстилась въ одномъ изъ вагоновъ. Удивленію ея петербургскихъ друзей не было границъ, когда она явилась къ нимъ въ квартиру. Однако, ее уговорили на время уѣхать изъ Петербурга.

Лѣтомъ 1879 года Перовская опять появилась въ Петербургѣ, гдѣ въ это время произошло раздѣленіе организаціи «Земля и Воля» на двѣ самостоятельныя группы. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики большинство этой партіи пришло къ тому заключенію, что при данныхъ условіяхъ социалистическая пропаганда въ народѣ невозможна, и что поэтому необходима борьба за политическую свободу, для чего однимъ изъ средствъ выдвигался терроръ. Считали нужнымъ добиться такого положенія вещей, при которомъ была бы возможна пропаганда социалистическихъ идей какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Кромѣ того, многочисленные приговоры къ смертной казни по политическимъ процессамъ, которые сыпались какъ разъ въ это время, тоже вынуждали партію дать отпоръ правительству. Такимъ образомъ, значительная часть силъ партіи настаивала на необходимости вступить въ непосредственную борьбу съ правительствомъ, тогда какъ другая часть ея, не признававшая политической борьбы и во многомъ не согласная съ первой, выдѣлилась въ группу «Черный Передѣлъ». При раздѣленіи партіи «Земли и Воли» на двѣ самостоятельныя группы неизбежно возникли несогласія и неудовольствія, которыя были, конечно, неприяты для обѣихъ сторонъ, но особенно сильно отзывались эти несогласія на людяхъ съ болѣе чуткой душой, къ числу каковыхъ всегда принадлежала Софья Львовна. Она на время какъ бы ушла въ себя и объявила, что она пока не примкнетъ ни къ одной изъ группъ, но будетъ имѣть дѣло съ Исполнительнымъ Комитетомъ, входя съ нимъ въ соглашеніе по каждому отдѣльному случаю. Но какъ человѣкъ живой и очень дѣятельный, она не могла долго оставаться въ этой роли и очень скоро сдѣлалась полноправнымъ членомъ партіи «Народной Воли», тѣмъ болѣе, что къ этому времени силы партіи увеличились, и она, во главѣ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, намѣтила сразу нѣсколько крупныхъ предпріятій. Члены партіи привѣтствовали вступленіе Перовской, потому что ее тогда уже высоко цѣнили всѣ близко знавшіе ее товарищи.

Объ ея участіи въ дѣлѣ взрыва подъ Москвою я говорить не стану, такъ какъ объ этомъ подробно рассказано въ «Подпольной Россіи» Степняка. На другой же день послѣ взрыва она была уже въ Петербургѣ и, когда ея друзья совѣтовали ей на время скрыться и уѣхать если не за границу, то хоть въ какое-нибудь глухое мѣсто, она отвѣчала только смѣхомъ, не признавая никакихъ опасностей. Въ серьезныхъ дѣлахъ, особенно когда дѣло касалось другихъ людей, Софья Львовна бывала очень осторожна и осмотрительна, но если рѣчь шла объ ея собственной особѣ, она отличалась поразительной безпечностью и никогда не думала объ

опасностяхъ; эта черта особенно располагала къ ней людей. Какъ сейчасъ вижу ея маленькую подвижную фигурку, которая поспѣвала всюду, не производя при этомъ ни малѣйшей суеты. Организуя какое-нибудь серьезное дѣло, она умѣла держать себя такъ просто, что мало знавшіе ее люди никогда не заподозрили бы въ ней дѣлового человѣка. Причиной тому была не одна только конспиративность: на всякомъ поприщѣ есть такіе работники, которые умѣютъ работать легко; это не значитъ, конечно, что они относятся по своему дѣлу не серьезно, а просто, благодаря большимъ способностямъ, легко справляются съ дѣломъ и въ большихъ случаяхъ имѣютъ бодрый и веселый видъ.

Чувство долга было развито въ Перовской очень сильно, но она никогда не была педанткой; напротивъ, въ свободное время она очень любила поболтать, а хохотала она такъ звонко и заразительно, по дѣтски, что всѣмъ окружавшимъ ее становилось весело. Общительность ея была такъ велика, что она всегда ухитрялась повидаться съ товарищами не смотря на массу дѣлъ. Надо сказать, что Софья Львовна предпочитала общество женщинъ, говоря, что съ ними она чувствуетъ себя проще. Впрочемъ, она не смѣла на эти свиданія какъ только на препровожденіе времени, и высказывала не разъ, что, по ея мнѣнію, всѣмъ намъ необходимо сходиться хоть изрѣдка для обмѣна мыслей по поводу текущихъ дѣлъ, иначе мы сдѣлаемся слишкомъ большими специалистами. Она знала, что многіе изъ насъ тяготеютъ той замкнутой жизнью, которую они вынуждены вести въ силу ваятыхъ на себя обязательствъ. Товарищескія чувства были въ ней сильно развиты, и она была всегда внимательна къ своимъ ближнимъ. Партийныя собранія, которыя устраивались изрѣдка, мало удовлетворяли ее въ этомъ смыслѣ: во первыхъ они, въ силу конспиративныхъ соображеній, не могли повторяться часто, а во вторыхъ, они имѣли слишкомъ дѣловой характеръ. Она была большая мастерица придумывать способы повидаться съ друзьями на нейтральной почвѣ. Напримѣръ, я нѣсколько разъ получала въ ту зиму отъ нея черезъ кого-нибудь изъ знакомыхъ билетъ въ театръ и, приходя туда, я находила Перовскую и еще кого-нибудь изъ нашихъ общихъ друзей. Въ антрактахъ мы успѣвали наговориться досыта и, въ концѣ концовъ, всѣ оставались довольны. Правда, на насъ ворчалъ за это Александръ Дмитріевичъ Михайловъ, который считалъ такіе наши поступки очень легкомысленными, ибо всѣ мы были нелегальными людьми и рисковали быть узнаваемыми кѣмъ либо изъ полицейскихъ или жандармовъ, но уваженіе его къ Софьѣ Львовнѣ было такъ велико, что онъ ей не противорѣчилъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если приглашеніе посылалось именно черезъ него. Ко мнѣ Михайловъ былъ неумолимо строгъ, потому что я въ это время была хозяйкой типографіи, за которую онъ вѣчно боялся. «Дяденька», какъ звали мы его, такъ слѣдилъ за моими выходами «въ свѣтъ», что я могла бы серьезно сердиться, если бы не знала, что къ себѣ онъ относится еще строже,

чѣмъ къ другимъ. Мы смѣясь говорили, что душа «дяденьки» только тогда бываетъ спокойна, когда всѣ наши типографщики сидѣли дома; иначе ему представлялось, что насъ могутъ выслѣдить шпіоны, и тогда пропало столь дорогое учрежденіе. Зная, что я иногда терплю притѣсненія отъ Александра Дмитріевича, Софья Львовна устраивала мнѣ выходы и назначала свиданія у кого-нибудь изъ знакомыхъ. Въ такихъ случаяхъ я иногда приносила ей письма отъ ея матери, которую она очень любила. Ее мучило, что живя въ нелегальномъ положеніи, она не могла вести съ ней правильную переписку. Я устроила ей такъ, что мать ея, жившая въ Крыму, адресовала письма на имя одной моей знакомой барышни, а та передавала мнѣ.

Я была арестована въ началѣ 1880 года, раньше многихъ другихъ моихъ товарищей, и узнавала о томъ, что дѣлается на волѣ, лишь изрѣдка, случайно; родственниковъ у меня въ Питерѣ не было, и я не имѣла ни съ кѣмъ свиданій. Неофициальныя сношенія съ волей устраивать было трудно. Время было горячее, и дѣятельность партіи «Народной Воли» была настолько кипуча, что заботиться объ арестованныхъ не было никакой возможности; дѣло это предоставлялось организаци «Краснаго Креста» или родственникамъ. Здѣсь какъ на войнѣ: выбывшіе изъ строя не могли ждать помощи отъ товарищей, тѣмъ болѣе, что большинство ихъ находилось въ «нелегальномъ» положеніи. Тѣмъ цѣннѣе было ихъ вниманіе и заботливость, проявлявшаяся въ отдѣльных случаяхъ. Время отъ времени мнѣ удавалось получать записочки отъ товарищей съ воли, что было для меня настоящимъ праздникомъ. Но однажды привѣтствіе было получено въ совершенно неожиданной формѣ: въ день моихъ именинъ я получила букетъ живыхъ цвѣтовъ и коробку сладостей. Такъ какъ до этого времени я съ воли официальнымъ путемъ ничего не получала, то меня это очень заинтересовало. Перебирая въ умѣ тѣхъ, кто могъ послать все это, я невольно вспомнила Софью Львовну—это было такъ на нее похоже, но какъ могла она придти сюда? Потомъ оказалось, что она придумала послать эти вещи съ посыльнымъ, взятымъ съ улицы. Черезъ нѣсколько дней я получила записку съ воли, въ которой меня спрашивали, между прочимъ, получила ли я посылку отъ Софьи, которая пріѣзжала въ Питеръ на нѣсколько дней и придумала такой способъ передачи мнѣ привѣта. Ей очень хотѣлось бы знать, достигла ли она цѣли? Видѣться съ Софьей Львовной мнѣ больше не пришлось, а послѣдній ея привѣтъ я получила уже послѣ приговора по дѣлу 1-го марта, когда всѣ осужденные сидѣли въ домѣ Предварительнаго Заключенія. Изъ крѣпости ихъ перевезли наканунѣ суда, но они были окружены такой усиленной стражей, что завязать сношенія съ кѣмъ-либо изъ нихъ не было возможности. Послѣ приговора въ камерѣ Перовской былъ поставленъ жандармъ, который слѣдилъ за входившими туда надзирательницами. У меня была надежда завести сношенія, чтобы исполнить какое-нибудь

ея порученіе и вообще оказать ей послѣднюю услугу, но за ней постоянно слѣдили и входъ къ ней имѣли только избранныя начальствомъ надзирательницы. Между приговоромъ и казнью прошло, кажется, два дня, и это было страшно тяжелое время. Но у меня все-таки не пропадала надежда, что приговоръ измѣнятъ, хотя бы только относительно женщинъ. Самое мучительное состояніе для меня началось, когда я узнала, что вечеромъ наканунѣ казни къ ней прислали священника для бесѣды. Не помню даже, какъ мнѣ передавали,—отказалась ли она говорить со священникомъ, или приняла его,—для меня это было признакомъ того, что надежды нѣтъ никакой. Всю ночь я не спала, а рано утромъ узнала, что уже появились дроги, которые должны увести осужденныхъ, и я слышала за стѣной во дворѣ глухой стукъ этихъ колесницъ. Потомъ мнѣ спѣшно передали, что Перовскую уже повели *отъ-звать* въ контору Д. П. З. Потомъ я должна была прислушиваться, когда колесницы снова загремятъ во дворѣ... Конечно, легче было бы не знать этихъ подробностей, но искушеніе спросить и узнать что-нибудь о нихъ было такъ велико и состояніе мое такъ мучительно... Бесильная злоба отъ совнанія, что я не только не могу ничѣмъ предотвратить того ужаснаго дѣла, которое сейчасъ должно совершиться, но даже не могу выразить своего протеста и негодованія. Состояніе было мучительное. Съ тѣхъ поръ прошло уже 24 года, но я такъ ясно помню и чувствую то, что переживала тогда, что и теперь воспоминаніе объ этомъ ужасномъ днѣ заставляетъ меня содрогаться.

За всѣ дни, пока Перовская сидѣла въ «Предварилкѣ», мнѣ удалось получить отъ нея только привѣтъ на словахъ, переданный одной доброй феей. Но мнѣ удалось узнать кое что о томъ, какъ Софья Львовна проводила свой послѣдній день. Говорили, что она была очень спокойна, но блѣдна и слаба физически. Это и не удивительно, такъ какъ за послѣднее время на волѣ она часто хворала. Ея письмо къ матери, которое приводится у Степняка, было написано наканунѣ смерти и, къ слову сказать, безцеремонно прочитано дежурными надзирательницами. Руководило ими, конечно, только праздное любопытство, но письмо произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе и внушило къ автору уваженіе. Въ общемъ мнѣ пришлось слышать много выраженій удивленія ея мужеству и спокойствію.

Софья Иванова.

Арестъ Н. Г. Чернышевскаго.

Въ 1862 году Николай Гавриловичъ Чернышевскій жилъ близъ Владимірской церкви, въ Большой Московской улицѣ, въ первомъ этажѣ дома Есауловой, числящагося въ настоящее время подъ № 4. Въ іюлѣ, 7 числа, мнѣ нужно было спросить Николая Гавриловича о чемъ-то касательно печатанія сочиненій Добролюбова, и я около часу пополудни отправился къ нему, засталъ его дома, нашелъ его въ его кабинетѣ, гдѣ мы и переговорили съ нимъ о дѣлѣ, по которому я пришелъ къ нему, и потомъ разговоръ нашъ перешелъ на разные другіе посторонніе предметы. Николай Гавриловичъ жилъ тогда въ квартирѣ одинъ съ прислугой, такъ какъ его семья, жена и два сына, уѣхали въ Саратовъ. Спустя полчаса къ намъ явился докторъ Петръ Ивановичъ Боконъ, и мы трое, ужъ не помню почему, изъ кабинета перешли въ залъ. Мы сидѣли, мирно и весело бесѣдовали, какъ вдругъ въ передней раздался звонокъ, такъ, около двухъ съ половиною часовъ. Мы подумали, что это пришелъ кто-нибудь изъ знакомыхъ лицъ, и продолжали разговаривать. Но вотъ въ залъ, дверь въ который вела прямо изъ передней, явился офицеръ, одѣтый въ новый съ иголочки мундиръ, но кажется не жандармскій,—такъ какъ онъ былъ не небснаго голубого цвѣта, а чернаго, — преземистый и съ непріятнымъ выраженіемъ лица. Войдя въ залъ, онъ сказалъ, что ему нужно видѣть г-на Чернышевскаго. Николай Гавриловичъ выступилъ ему навстрѣчу, говоря: я — Чернышевскій, къ вашимъ услугамъ. — Мнѣ нужно поговорить съ вами наединѣ, сказалъ офицеръ. — А, въ такомъ случаѣ пожалуйста ко мнѣ въ кабинетъ, проговорилъ Николай Гавриловичъ и бросился изъ зала стремительно, какъ стрѣла, такъ что офицеръ растерялся, оторопѣлъ и бормоталъ: гдѣ же, гдѣ же кабинетъ? Свою квартиру Николай Гавриловичъ сдавалъ въ наемъ, такъ какъ рѣшился оставить ее и переѣхать на другую, и потому я въ первую минуту подумалъ, что офицеръ пришелъ осмотрѣть квартиру съ цѣлью найма ея. Растерявшійся офицеръ, обратившись въ переднюю, повелительно и громко закричалъ: «послушайте, укажите мнѣ гдѣ кабинетъ Чернышевскаго и проводите меня туда». На этотъ зовъ явился изъ передней приставъ Мадьяновъ, котораго Боконъ и я знали въ лицо. Появленіе пристава сразу освѣтило для насъ все и мы поняли, кто такой этотъ офицеръ, и какая цѣль его визита. Приставъ, проводивъ офицера въ кабинетъ, возвратился къ намъ и на наши разспросы сказалъ, что офицеръ—это полковникъ Ракѣвъ, котораго мы знали какъ доку по политическимъ обыскамъ и арестамъ и какъ петербургскаго

домовладѣльца. Затѣмъ приставъ разсказалъ, что Ракѣвъ явился къ нему и потребовалъ, чтобы онъ проводилъ его къ Чернышевскому, — на что приставъ замѣтилъ, что можетъ быть Чернышевскаго нѣтъ дома; но Ракѣвъ увѣренно сказалъ, что ему хорошо извѣстно, что онъ дома. На наши вопросы, какъ онъ думаетъ о цѣли визита Ракѣва, приставъ отвѣчалъ, что полковникъ по всей вѣроятности произведетъ только обыскъ, а не арестуетъ Чернышевскаго, такъ какъ онъ пріѣхалъ на дрожкахъ, а казенной кареты нѣтъ. Затѣмъ приставъ сталъ убѣждать насъ уйти изъ квартиры. Да намъ больше ничего не оставалось, какъ только уйти. Но мы передъ уходомъ непременно пойдемъ проститься съ хозяиномъ, заявили мы. — Зачѣмъ это, убѣждалъ насъ приставъ, что за церемоніи, можно уйти и не простившись. Мы рѣшительно заявили ему, что мы непременно пойдемъ проститься съ хозяиномъ и тѣмъ болѣе, прибавилъ я, что моя шляпа и мой свертокъ находятся въ кабинетѣ. Приставъ любезно предлагалъ принести ихъ мнѣ изъ кабинета; но я не согласился, и мы съ Боковымъ отправились въ кабинетъ.

Николай Гавриловичъ и Ракѣвъ сидѣли у стола; Николай Гавриловичъ на хозяйскомъ мѣстѣ у середины стола, а Ракѣвъ сбоку стола, какъ гость. Когда мы входили, Николай Гавриловичъ произносилъ такую фразу: нѣтъ, моя семья не на дачѣ, а въ Саратовѣ. Очевидно Ракѣвъ, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, счелъ нужнымъ пуститься въ свѣтскіе любезные разговоры. — До свиданія, Николай Гавриловичъ, сказалъ я. — А вы развѣ уже уходите, заговорилъ онъ, и не подождете меня? И на мой отвѣтъ, что мнѣ нужно уйти, онъ сказалъ шутивымъ тономъ: ну, такъ до свиданія, высоко поднявъ руку, сразмаху опустилъ ее въ мою руку. Въ то время, какъ съ нимъ прощался Боковъ, я пошелъ къ окну, взялъ шляпу и взялъ подъ мышку свертокъ съ завернутыми въ жесткую бумагу ботинками, купленными мною для себя. Нужно было видѣть выраженіе лица Ракѣва; онъ весь насторожился и устремилъ жадные взоры на мой свертокъ. Но, нужно отдать ему честь, онъ не остановилъ меня и даже не спросилъ, что содержится въ моемъ сверткѣ. Я думаю, и въ наше время всяческихъ свободъ меня въ подобныхъ обстоятельствахъ непременно раздѣли бы до нага и обыскали. Невольно припоминается мнѣ при этомъ случай, который заставилъ меня еще болѣе цѣнить любезность Ракѣва. Однажды я сидѣлъ въ книжномъ магазинѣ Черкесова и разговаривалъ съ управляющимъ магазина. Въ это время явились жандармы обыскивать магазинъ. Я хотѣлъ уйти, какъ лицо постороннее и не состоящее въ штатѣ магазина. Но жандармскій офицеръ, начальникъ обыскательнаго отряда (къ сожалѣнію, я забылъ его фамилію), задержалъ меня и потребовалъ, чтобы я предъявилъ ему мой бумажникъ. Я сказалъ, что у меня бумажника нѣтъ. Тогда онъ потребовалъ показать ему мое портмоне или вообще то, въ чемъ я ношу деньги; но я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ съ собою ни портмоне, ни денегъ. — Какъ

же такъ, грозно окрикнулъ жандармъ, идете въ магазинъ и не берете съ собою денегъ? Я отвѣтилъ, что я пришелъ въ магазинъ не для покупки, а повидаться съ знакомымъ.—Въ такомъ случаѣ, рѣшилъ жандармъ, я долженъ обыскать васъ. И дѣйствительно онъ не только обшарилъ, но и вывернулъ всѣ мои пустые карманы, и только тогда выпустилъ меня изъ магазина. Такимъ образомъ, Ракѣвъ поступилъ со мною гораздо любезнѣе и при обстоятельствахъ, гораздо болѣе серьезныхъ.

Мы съ Боковымъ вышли изъ квартиры Николая Гавриловича, понутивъ головы и не говоря ни слова другъ съ другомъ, и какъ бы инстинктивно отправились ко мнѣ на квартиру, находившуюся очень близко отъ Московской улицы. Здѣсь нѣсколько опомнившись и придя въ себя, мы стали обсуждать вопросъ: арестуютъ ли Николая Гавриловича или ограничатся только обыскомъ. Наше рѣшеніе склонялось на сторону послѣдней альтернативы. Мы думали, что Николай Гавриловичъ слишкомъ крупная величина, чтобы обращаться съ нимъ безцеремонно; общественное мнѣніе знаетъ и цѣнитъ его, такъ что правительство едва-ли рискнетъ сдѣлать рѣзкій вызовъ общественному мнѣнію, арестовавъ Николая Гавриловича безъ серьезныхъ причинъ, каковыхъ, по нашему мнѣнію, не могло быть,—мы въ этомъ твердо были увѣрены; да и приставъ сказалъ правду,—кареты у подѣзда и мы не видали. Вотъ какъ мы были тогда наивны и какія преувеличенныя понятія имѣли о силѣ общественнаго мнѣнія и о вліяніи его на правительство. Да и не одни мы. Какъ тогда, такъ и теперь многіе повинны въ подобной наивности.

Черезъ полчаса мы вышли на Московскую улицу и увидѣли, что у подѣзда уже стояла карета, разрушившая всѣ наши надежды. Походивши по сосѣднимъ улицамъ еще съ полчаса, мы пришли къ дому Есауловой и—кареты уже не было. Мы пошли въ квартиру Николая Гавриловича. Намъ отворила дверь прислуга, заливаясь горькими слезами. «Бѣдный баринъ, говорила она сквозь слезы, его взяли, они его погубятъ; а тутъ какъ нарочно еще барыня уѣхала». Въ квартирѣ мы застали двоюроднаго брата жены Чернышевскаго, офицера Веніамина Ивановича Рычкова, который на время пріѣхалъ въ Петербургъ и жилъ на этой квартирѣ. Рычковъ сообщилъ намъ между прочимъ, что Николаю Гавриловичу удалось сказать ему нѣсколько словъ, такъ, чтобы ихъ не слышалъ Ракѣвъ. Николай Гавриловичъ поручилъ ему кланяться мнѣ и сказать, чтобы я не беспокоился и передалъ бы Н. Утину, чтобы и онъ не беспокоился. Какой специальный смыслъ и какая цѣль заключались въ этихъ словахъ я не могу себѣ объяснить. Несмотря на это успокоеніе, я все лѣтъ жилъ подѣ угрожающимъ дамокловымъ мечемъ, не зная покоя ни днемъ ни ночью. Всѣ знакомые, встрѣчая меня, дѣлали большіе глаза и въ изумленіи восклицали: какъ! вы развѣ не арестованы? а я слышалъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что васъ уже давно арестовали. Встрѣчая на каждомъ шагу

подобныя изумленія, трудно было не беспокоиться. Но Богъ милость меня.

Обѣдать мы отправились къ Бокову и когда сообщили его женѣ о случившемся на нашихъ глазахъ, то она тоже не хотѣла этому вѣрить и тоже была увѣрена, что Чернышевскаго не помѣютъ арестовать.

На другой день профессоръ-оріенталистъ И. Н. Березинъ поручилъ кому-то предупредить Николая Гавриловича, что ему угрожаетъ арестъ. Запоздалое предупрежденіе *post factum*!

Послѣ этого я только одинъ разъ видѣлся съ Николаемъ Гавриловичемъ при такихъ же печальныхъ обстоятельствахъ, при развязкѣ этой жестокой драмы, начавшейся его арестомъ, т. е. уже послѣ суда и приговора надъ нимъ, когда его собирались увозить изъ крѣпости на каторгу. Мы съ Григоріемъ Захаровичемъ Елисеевымъ рѣшили, чего бы это ни стоило, добиться свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ и обращаться съ просьбами о разрѣшеніи свиданія ко всевозможнымъ властямъ. Когда Некрасовъ узналъ о такомъ нашемъ намѣреніи, то сталъ горячо отговаривать насъ, убѣждалъ и совѣтовалъ, чтобы мы отказались отъ нашего намѣренія, не просили бы разрѣшенія на свиданіе и не пользовались бы этимъ разрѣшеніемъ, если бы оно даже было дано. «По искреннему расположенію къ вамъ и изъ желанія добра увѣряю васъ, говорилъ Некрасовъ, что это свиданіе очень понизитъ ваши курсы въ глазахъ III отдѣленія». Слова Некрасова дышали искренностью и убѣжденіемъ въ полезности его совѣта. Но мы все-таки стояли на своемъ, и намъ посоветовали обратиться къ князю Суворову, тогдашнему петербургскому генералъ-губернатору, съ просьбою о разрѣшеніи свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ. Онъ далъ намъ это разрѣшеніе съ перваго же слова. Когда мы пришли въ крѣпость, то насъ адресовали къ коменданту крѣпости Сорокину. Мы представились ему и онъ началъ говорить сначала съ Елисеевымъ и, между прочимъ, спросилъ, не родственникъ ли онъ купцу Елисееву, который снабжаетъ Петербургъ гастрономическими продуктами. А затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ разными вопросами: кто я? въ какомъ родствѣ состою съ Чернышевскимъ? — на что я отвѣтилъ, что я состою съ нимъ не въ родствѣ, а въ близкомъ знакомствѣ; а на вопросъ, чѣмъ я занимаюсь — я сказалъ, что служу въ военномъ министерствѣ (и это была сущая правда; а какъ я попалъ въ это министерство—это курьезная исторія; но долго было бы рассказывать ее здѣсь). На это комендантъ воскликнулъ: вотъ какъ! это странно! я самъ имѣю честь служить въ военномъ министерствѣ, и вы видите, я ношу военную форму, а вы не въ военной формѣ и даже совсѣмъ не въ формѣ, а въ штатскомъ платьѣ. Въ оправданіе себя я сталъ объяснять, что

я чиновникъ сверхъ штата, принять въ министерство временно на усиленіе личнаго состава, служу безъ жалованья и т. д. Комендантъ прервалъ мои объясненія короткимъ замѣчаніемъ, что всѣ служащіе въ военномъ министерствѣ имѣютъ форму и должны ходить въ формѣ. Но все это было сказано не страшнымъ начальническимъ и повелительнымъ тономъ, а совершенно добродушно и просто. Комендантъ приказалъ проводить насъ въ какую-то канцелярію, гдѣ уже ожидали свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ А. Н. Пыпинъ съ братомъ и съ двумя сестрами. Скоро ввели сюда и Николая Гавриловича въ сопровожденіи какого-то офицера, но не жандармскаго. Онъ былъ блѣденъ, но въ выраженіи его лица не видно было ни упадка духа, ни изнуренія, ни грусти и печали. Поздоровавшись со всѣми, Николай Гавриловичъ прежде всего обратился къ сестрамъ Пыпина и сталъ съ ними разговаривать. По какому-то молчаливому соглашенію мы дѣйствовали такъ. Когда Николай Гавриловичъ разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь однимъ изъ насъ, остальные отходили въ сторону, окружали офицера и вступали съ нимъ въ разговоры. Когда очередь дошла до меня, то Николай Гавриловичъ прежде всего спросилъ меня о моихъ личныхъ дѣлахъ и затѣмъ сказалъ, что онъ на каторгѣ непременно будетъ писать много и постарается присылать намъ свои статьи для помѣщенія въ «Современникъ» и что, если ихъ нельзя будетъ печатать съ его именемъ, то нужно попробовать подписывать ихъ какимъ-нибудь псевдонимомъ, а если и это будетъ нельзя, то чтобы онѣ представлялись въ редакцію какимъ-нибудь подставнымъ лицомъ, напр. хоть вашимъ «Лозаніемъ»—такъ назывался въ нашемъ кругу мой товарищъ по духовной академіи Л. И. Розановъ, жившій у меня и близко познакомившійся съ Николаемъ Гавриловичемъ (онъ былъ описанъ въ «Искрѣ» подъ именемъ Лозанія, устроившаго походъ противъ начальства одной изъ семинарій, кое-что писалъ въ «Современникъ» и былъ извѣстенъ Некрасову; мы и предполагали сдѣлать его подставнымъ лицомъ). «Да я, впрочемъ, поговорю объ этомъ съ самимъ Некрасовымъ». Я сказалъ, что Некрасовъ едва ли придетъ къ нему проститься. «Отчего же?»—съ живостью сказалъ Николай Гавриловичъ; «а Сашенька (Пыпинъ) говорилъ мнѣ, что Некрасовъ собирается ко мнѣ». Я повторилъ, что онъ едва ли придетъ и что я передамъ ему ваши слова. Мнѣ не хотѣлось огорчать Николая Гавриловича сообщеніемъ, что Некрасовъ самъ даже мнѣ съ Елисеевымъ не совѣтовалъ просить свиданія и являться на свиданіе съ нимъ. И затѣмъ я простился съ Николаемъ Гавриловичемъ уже на вѣки съ чувствами, которыя мнѣ даже въ настоящее время трудно и больно было бы описывать. Повѣрьте мнѣ,—рана и до сихъ поръ не зажила.

М. Антоновичъ.

Дѣло Н. Г. Чернышевскаго.

(По неизданнымъ источникамъ).

«Невозможно ожидать справедливости отъ богачей, дряхлыхъ стариковъ, величаемой громкимъ именемъ правительствующаго сената».

Герценъ.

Сорокъ два года тому назадъ русское общество узнало о ссылке Чернышевскаго въ каторжные работы и до сихъ поръ неизмѣнно задаетъ себѣ одинъ и тотъ же вопросъ: за что?

Напечатанная тогда же въ «Колоколѣ» краткая сенатская записка не разрѣшаетъ этой загадки и только заставляетъ задумываться надъ рѣшеніемъ многихъ другихъ вопросовъ. Въ литературѣ ничего сколько-нибудь опредѣленнаго по этому поводу не появилось. Самъ Чернышевскій, повидимому, никому ничего не разсказалъ; по крайней мѣрѣ, близкіе ему люди многого не знаютъ, а о степени участія его въ революціонномъ движеніи не имѣютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

На мою долю выпало познакомиться, наконецъ, русское общество и съ процессомъ Чернышевскаго,—съ тѣмъ ужасающимъ произволомъ и беззаконіемъ, которые скрываются за этимъ словомъ. Это не былъ процессъ слѣдствія и суда. Это процессъ подкупа, насилія и профанированія всякаго понятія законности. Это образецъ дѣла, который неоднократно потомъ вело самодержавное правительство противъ лицъ, ему неудобныхъ, не стѣсняясь никакимъ декорумомъ приличія. Это процессъ, который власть, вообще несклонная знакомить подданныхъ съ какой бы то ни было «политикой», имѣла полное основаніе скрывать, особенно въ свое время.

Когда Чернышевскій говорилъ: «Богъ ихъ знаетъ. Можетъ быть имъ и извѣстно, за что сослали, а я не знаю» ¹⁾—онъ былъ правъ: въ рукахъ правительства не было ни одного свидѣтеля, заслуживающаго довѣрія, и ни одного подлиннаго, не поддѣланнаго документа. Тотъ матеріалъ, съ которымъ оно имѣло дѣло, былъ совершенно негоденъ въ рукахъ любого сколько-нибудь добросовѣстнаго слѣдователя, не только высшаго въ имперіи суда.

¹⁾ В. Короленко—„Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ“, Лондонъ, 1894 г., 10.

Это, однако, не значитъ, чтобы я становился на точку зрѣнія болѣе или менѣе общепринятую въ литературѣ: Чернышевскій пострадалъ *совершенно* невинно. Я думаю, что положеніе вопроса иное: Чернышевскій пострадалъ *юридически* невинно. Этимъ я хочу сказать, что вовсе не склоненъ думать, будто Николай Гавриловичъ дѣйствительно не былъ прикосновенъ къ революціонной работѣ своего времени.

Не такой это былъ умъ и не такой человѣкъ, который сидѣлъ бы сложа руки и только и дѣлалъ, что писалъ въ «Современникѣ». Это былъ прежде всего пророкъ и вождь. Припомните Некрасовское:

Не говори: „Забылъ онъ осторожность.
„Онъ будетъ самъ судьбы своей виной“...
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любить онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ,
Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ.

Такъ мыслить онъ, и смерть ему любезна.
Не скажетъ онъ, что жизнь ему нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамѣстъ не распяли,
Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестѣ.
Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабаѣмъ земли напомнить о Христѣ ¹⁾.

Замѣтьте, что это писалъ человѣкъ, знавшій Чернышевскаго изъ дня въ день восемь лѣтъ... восемь лѣтъ съ нимъ бесѣдовавшій о самыхъ различныхъ вопросахъ и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. Ему ли, чуткому и проницательному, не понять было вождя своего журнала!? По совершенно справедливому замѣчанію г. Николаева, политическіе взгляды Чернышевскаго можно выразить въ немногихъ словахъ: «катастрофа вскорѣ немислима, но долгъ мыслящаго и послѣдовательнаго человѣка—стремиться къ ней и *дѣлать* все возможное для ея приближенія. Поменьше фразъ и теорій и побольше *дѣйствій*» ²⁾.

Этого мало, Чернышевскій былъ демократомъ, человѣкомъ всегда и вездѣ проводившимъ одну и ту же мысль: трудъ и трудящіеся во главѣ всего. Далѣе. Посмотрите на его знакомства:

¹⁾ Привожу это стихотвореніе полностью, съ четвертой строфой, до сихъ поръ не напечатанной въ собраніи сочиненій Некрасова и заимствованной мною съ автографа, подареннаго Некрасовымъ П. А. Ефремову. Пора бы перестать подписывать подъ его заглавіемъ «Пророкъ» «Изъ Барбье»—эту ширму авторъ изобрѣлъ специально для взоровъ цензуры. На самомъ дѣлѣ стихотвореніе было озаглавлено (1874 годъ) просто: «Н. Г. Чернышевскій».

²⁾ Николаевъ, «Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ (въ Александровскомъ заводѣ) 1867—1872 гг.», М. 1906 г.

Михаи́ль Николаеви́ч
ТРИГОНИ.
(До Шлиссельбурга).

В. А. Обручевъ, Сигизмундъ Сѣраковскій, Иосафатъ Огризко, Николай Серно-Соловьевичъ и многіе другіе дѣятели революціоннаго движенія шестидесятыхъ годовъ. Г. Пантелѣевъ категорически утверждаетъ, что Чернышевскій зналъ отъ самого Михайлова о привозѣ имъ изъ-за границы прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» ¹⁾.

Онъ же говоритъ, что имѣетъ основаніе думать, что Н. Г., быть можетъ, не совсѣмъ чуждъ «Великоруссу»... Николай Утинъ сообщилъ въ свое время г. Пантелѣеву, что, отвергнувъ посланнаго отъ «центрального революціоннаго комитета», издаваемаго «Молодую Россію», Чернышевскій потомъ пожалѣлъ объ этомъ и хотѣлъ написать прокламацію «Къ нашимъ лучшимъ друзьямъ», но не успѣлъ. Н. Е. Кудринъ говоритъ, что Лавровъ хорошо сошелся съ Чернышевскимъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста послѣдняго, когда покойный А. Н. Энгельгардтъ ввелъ П. Л. Лаврова въ начавшее организовываться общество «Земли и Воли». Это нельзя понять иначе, какъ въ смыслѣ утвержденія, со словъ Лаврова, о прикосновенности къ этому обществу и Чернышевскаго ²⁾.

Современники были вполне убѣждены въ томъ, что Чернышевскій принимаетъ активное участіе въ революціонной работѣ.

Въ этомъ отношеніи очень интересенъ одинъ анонимъ, полученный Н. Г. въ концѣ 1861 года отъ какого то невѣдомаго злобствующаго агарія. Онъ показываетъ, какой репутаціей пользовался Чернышевскій.

«Г-нъ Чернышевскій! О пропагандѣ Вы знаете; Вы ей сочувствуете; поговоримъ о ней. Вы, наконецъ, пережили себя, нехотя; Вы говорите о нашихъ собраніяхъ, протягиваете руку дворянству; но кого Вы этимъ обманете? Неужели Ваша улыбка украситъ Вашу медузину голову? Неужели мы не видимъ Васъ съ ножомъ въ рукахъ, въ крови по локоть? Неужели мы можемъ сочувствовать заклатымъ социалистамъ (направленіе Вашего журнала намъ понятно, да и «Великоруссъ» Ваше произведеніе), которые ищутъ и будутъ искать нашей гибели, которые съ маратовскимъ восторгомъ принесутъ въ жертву, для осуществленія своихъ бредней, наши имущества, насъ самихъ, наши семейства?! Кто во главѣ движенія? Желчный, злобный социалистъ-мужикофилъ Искандеръ, хитро упрятавшій въ свои карманы миллиона два русскихъ денегъ и спокойно поджигающій вдали несчастную русскую молодежь. А Вы? Да, Вы его лакеи. У Васъ не станетъ духу обречь себя даже на изгнаніе. Скажите, пожалуйста, неужели же Вы думаете, что мы настолько просты, что будемъ жертвовать собой ради социализма, признаннаго наукою несчастнымъ произведеніемъ больного ума?! Допустимъ, что идеи социализма осущест-

¹⁾ «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 330.

²⁾ Пантелѣевъ, в. с., 327, 270, Н. Е. Кудринъ—«Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ», «Рус. Бог.», 1905 г., III, 167.

ствимы, что всетаки онѣ осуществимы въ странѣ, гдѣ нравственное развитіе всей массы слишкомъ велико, но никакъ не въ странѣ монголовъ, шамеуговъ и т. д. Повѣрьте, мужички наши мало чѣмъ нравственнѣе этихъ милыхъ народовъ. Въ нашемъ народѣ есть добрыя начала, но они еще въ зародышѣ, и за развитіе ихъ нужно взяться умно, практично, безъ нѣжностей, а нѣжностей Вашихъ они не поймутъ, наплюютъ они на Васъ и найдутъ себѣ другого Антона Петрова ¹⁾, о которомъ такъ искренно сожалѣетъ Ваша хамская натура.

«Не вѣримся же мы Вамъ, человѣку или совершенно непрактичному, или совершенно подлому: вспомните, въ какую цѣну Вы отѣнили наши имѣнія. Кого Вы презираете? Лучшее сословіе въ Россіи, дворянство. На кого Вы надѣетесь? На полудикое сословіе мужиковъ, людей, религія которыхъ заключается въ одной ѣдѣ и гимнастическихъ упражненіяхъ. Вы хотите безусловной демократіи. Мы видимъ, до чего довела грязная демократія Францію, до чего доводитъ она великую республику Вашингтона. Да, дворянство лучшее сословіе; нашими деньгами поддерживается журналистика; при всей непрактичности нашего воспитанія, въ чемъ виноваты наши сентиментальные наставники, мы улучшили и улучшаемъ сельское хозяйство; мы давали и даемъ честнѣйшихъ должностныхъ лицъ. Обратите вниманіе на громадную разницу между выборными и коронными; взгляните на добросовѣстную дѣятельность взятыхъ изъ среды нашей мировыхъ посредниковъ. Вы этого не знаете. Вы говорите о провинціи, не потрудившись даже узнать о ней. Мы, т. е. наши офицеры-дворяне, сдѣлали изъ русской арміи силу, наводящую ужасъ воспоминаніемъ о Севастополѣ и на хвастливыхъ французовъ, и на стоическихъ англичанъ. Вы скажете, что мы же обокрали Россію. Ложь: обокрали ее бюрократы, а истые дворяне дальше поручика не служатъ. Мы хладнокровно встрѣтили разыгравшіяся страсти временно-обязанныхъ, опьянѣвшихъ отъ данной имъ свободы и, дѣйствуя снисходительно, добросовѣстно, мужественно, сохранили и сохраняемъ мужественное спокойствіе. Кого же вы пугаете! Ха, ха, ха!.. Мы люди благородные и потому безстрашно встрѣтимъ смерть, защищая права законныя, несомнѣнныя. Совѣсть у насъ чиста. Вашей хамской натурѣ это непонятно. Впрочемъ, опасности большой нѣтъ.

«Вникнемъ въ дѣло: кто угрожаетъ и кѣмъ угрожаетъ? Вы, господа социалисты двухъ родовъ: социалисты безштаные, которые, какъ плотоядные птицы, нетерпѣливо ждутъ поживиться мертвечиной, и социалисты сентиментальные, которые за несчастныя писульки попадаютъ подъ розги, а иногда и въ каторгу. Какъ это трогательно, но какъ же пошло и тупо. Кроваважность у Васъ волчья, да слабость овечья. Есть рьяные, да

¹⁾ Антонъ Петровъ разстрѣлянъ въ селѣ Безднѣ Казанской губ. за руководство крестьянскихъ бунтовъ.

ихъ немного. Вы не умѣете вооружить Петербургъ и думаете заволновать цѣлую Россію. Вы сами никуда не ходите и думаете, что грязная лапа мужика выведетъ Васъ на дорогу. Забудьте, впрочемъ, что мы съ Вами поступать будемъ покруче, чѣмъ поступаютъ съ Вами въ столицѣ. Намъ много, теперь мы на-сторожѣ и, повѣрьте, не станемъ съ Вами нѣжничать. Кѣмъ Вы угрожаете и на кого Вы хотите дѣйствовать? На студентовъ. Дѣйствительно, прекрасная молодежь; но вѣдь по окончаніи курса эти мотыльки, по большей части, наперекоръ зоологіи, обращаются въ червячковъ. Въ особенности семинаристы, которые и въ аудитории вносятъ свой собственный запахъ. На купцовъ и мѣщанъ, но имъ нѣтъ времени: обмѣрить, обвѣсить, разсыропить водку—это нелегко, всего вдругъ не сдѣлаешь. Дальше что: духовенство?—это сословіе ни рыба, ни ракъ; полудикіе мужики?—я уже о нихъ сказалъ; они могутъ и должны быть пока въ ежовыхъ—понимете... Притомъ же государственные крестьяне не только безъ участія, но кажется даже съ нѣкоторою злобою смотрятъ на временно-обязанныхъ. Да и временно-обязанные начинаютъ понимать, что быть ихъ значительно улучшенъ и что нельзя ограбить однихъ въ пользу другихъ. Притомъ нужно сказать, они никогда не раздѣляли Вашихъ литературныхъ убѣжденій, а потому и не смотрѣли на насъ, какъ на злодѣевъ. Дворяне оставляютъ насъ неохотно; крестьяне не спѣшатъ заводить новые порядки.

«Однимъ словомъ, мы всего ожидаемъ отъ государя, которому не мѣшаетъ, впрочемъ, вспомнить свои же слова московскому дворянству: «движеніе должно начинаться сверху, а не снизу». Мы будемъ просить его избавить насъ отъ нашей болячки—Польши, которая вмѣстѣ съ остзейскими губерніями ваяла, кажется, подрядъ на поставку намъ чиновниковъ-бюрократовъ. Считаю не лишнимъ замѣтить Вамъ, Г-нъ Чернышевскій, что мы не желаемъ видѣть на престолѣ какого-нибудь Антона ПЕТРОВА и, если дѣйствительно произойдетъ кровавое волненіе, то мы найдемъ Васъ, Искандера или кого-нибудь изъ Вашего семейства и, вѣроятно, Вы не успѣете еще запасть тѣлохрани-телями».

Люди, не пользующіеся виднымъ вліяніемъ, такихъ писемъ не получаютъ...

Литературный міръ тоже считалъ Чернышевскаго очень вліятельнымъ въ революціонномъ кругу. Припомните рассказъ самого Достоевскаго, какъ тотъ въ 1862 году явился къ Н. Г. и уговаривалъ его подѣйствовать на составителей какой-то прокламаціи въ сторону ихъ вразумленія ¹⁾.

Таково же, повидимому, было убѣжденіе и правящихъ сферъ. Въ ненапечатанной части воспоминаній Шелгунова есть такой

¹⁾ „Дневникъ Писателя“, IV. Достоевскій ошибочно называетъ эту прокламацію „къ молодому поколѣнію“: этому противорѣчатъ его же указаніе, что вся она состояла изъ десяти строкъ. Прокламація Митайлова была очень велика.

разсказъ кн. Суворова-Рымникскаго, бывшаго петербургскаго генералъ-губернатора, человѣка весьма порядочнаго, неглупаго и неоставшаго бы говорить неправду. «Я поступалъ иначе—говорилъ Суворовъ Шелгунову вскорѣ послѣ своей отставки вслѣдъ за каразовскимъ покушеніемъ.—Мнѣ доносить, что готовится движеніе. Я посылаю за Чернышевскимъ, говорю ему: «пожалуйста, устройте, чтобъ этого не было». Онъ даетъ слово мнѣ, и я ѣду къ государю и докладываю, что все будетъ спокойно. Вотъ какъ я поступалъ!» Записывая это, Шелгуновъ замѣтилъ: «пишу съ буквальной точностью, слышу эти слова, какъ бы теперь». Конечно, это показаніе не значитъ, что Суворовъ при помощи Чернышевскаго подавлялъ и парализовалъ революціонныя проявленія. Чернышевскій бы не занялъ такой позиціи. Но, весьма вѣроятно, что нѣкоторыя возможныя проявленія общественнаго недовольства, демонстраціи, и были предотвращены бесѣдою съ Н. Г., пользовавшимся настолько вліятельнымъ положеніемъ, что его совѣтъ остановиться, снабженный достаточно вѣскою аргументаціей, принимался къ исполненію.

Самъ Чернышевскій хорошо видѣлъ, какими глазами смотритъ на него жандармско-полицейское око. Онъ неоднократно отказывался отъ участія въ такихъ общественныхъ начинаніяхъ, которыя, благодаря его присутствію, могли бы быть взяты подъ особое внимательное попеченіе.

Нужно думать (а къ этому заключенію приводятъ и бесѣды съ хранящимъ архивъ отца—М. Н. Чернышевскимъ), что революціонная дѣятельность Н. Г., обставленная необыкновенно по тогдашнимъ временамъ конспиративно, такъ и не вскроется для насъ. Она унесена имъ въ могилу.

Какое же преступленіе было поставлено ему въ вину правительствомъ Александра II?

Прежде всего, не одно, а два. Первое—сочиненіе прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ», второе—приготовленіе къ возмущенію. Было еще и третье—«противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ»,—но оно сочтено недоказаннымъ. Изъ основательнаго изученія четырехъ томовъ архивнаго дѣла мнѣ представляется, что Чернышевскій, дѣйствительно, участвовалъ въ составленіи этой прокламаціи, (впрочемъ, не увидѣвшей свѣта), но такъ искусно велъ работу, что не далъ положительно никакихъ основаній къ сколько-нибудь юридически обставленному обвиненію.

Не забѣгая, однако, впередъ, приступаю къ изложенію дѣла во всей его полнотѣ и строгой послѣдовательности.

ЧАСТЬ I.

Въ поискахъ за уликами.

I.

Послѣ майскихъ пожаровъ 1862 года, правительство, опираясь на большую часть общества, утомленную непривычнымъ для нея форсированнымъ маршемъ по пути обновленія, стало въ курсъ реакціи и пошло въ немъ все тверже и опредѣленнѣе. Два вліятельныхъ журнала: «Современникъ» и «Русское Слово» были закрыты въ началѣ іюня. Учреждена особая слѣдственная комиссія, которая занималась, между прочимъ, уже извѣстнымъ читателю дѣломъ Писарева и другими. Чернышевскій, увидя возможность хоть немного отдохнуть отъ утомлявшей его журнальной работы, хлопоталъ о поѣздкѣ съ семьей въ Саратовъ. Спѣшно продавались вещи, ликвидировались нѣкоторыя дѣла и пр. Въ это время Чернышевскому пришлось быть у управляющаго III Отдѣленіемъ, Потапова, по поводу какой-то дерзости одного гвардейскаго офицера относительно его жены. Въ разговорѣ Н. Г. спросилъ генерала, не имѣетъ ли правительство какихъ нибудь подозрѣній противъ него и можетъ ли онъ спокойно ѣхать на родину. Потаповъ увѣрилъ, что ровно ничего не имѣется. ¹⁾

Но Потаповъ уже хитрилъ. Еще въ самомъ началѣ іюня, а именно 5-го числа, онъ направилъ въ слѣдственную комиссію кн. Голицына слѣдующій полученный имъ лично анонимный доносъ на Чернышевскаго:

«Что вы дѣлаете, пожалѣйте Россію, пожалѣйте Царя! Вотъ разговоръ, слышанный мною вчера въ обществѣ профессоровъ. Правительство запрещаетъ всякой вздоръ печатать, а не видитъ, какія идеи проводитъ Чернышевскій—это коноводъ юношей;—направленіе корпусныхъ юношей дано имъ²⁾—это хитрый социалистъ; онъ мнѣ самъ сказалъ (говор. проф.), что «я настолько уменъ, что меня никогда не уличать». За пустяки сослали Павлова ³⁾ и много другихъ промаховъ дѣлаете, а этого вреднаго агитатора терпите. Неужели не найдете средствъ спасти насъ отъ такого зловреднаго человѣка! Никто вамъ въ глаза не скажетъ, что Чернышевскій язва всему, потому что сочтутъ его доносчикомъ; я вамъ пишу, не подписываясь, потому, что вы спросите, кто говорилъ,—а вы знаете, что многое говорить въ обществѣ, сказали

¹⁾ Н. В. Рейгардтъ, —, Н. Г. Чернышевскій“, „Рус. Стар.“, 1906 г., II, 470—471. Авторъ слышалъ это отъ самого Н. Г.

²⁾ Чернышевскій былъ одно время преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

³⁾ Высланъ въ Ветлугу въ мартѣ 1862 г. за публичную рѣчь по поводу тысячелѣтія Россіи.

бы и Потапову—но никогда не скажутъ жандарму. Передаю вамъ впечатлѣніе, вынесенное изъ общества людей, десятки лѣтъ¹⁾ знающихъ Чернышевскаго—бывшихъ его пріятелей, но теперь, видя его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, всѣ весьма либеральные люди, настолько благоразумные, что они сознаютъ необходимость существованія у насъ монархизма,—отдалились отъ него и убѣждены, что ежели вы не удалите его, то быть бѣдѣ—будетъ кровь; ему нѣтъ мѣста въ Россіи—вездѣ онъ опасенъ—развѣ въ Березовѣ или Гижинскѣ; не я говорю это, говорили ученые, дѣльные люди, отъ всей души желающіе конституціи, но путемъ закона—земской думы, но по призыву Царя. Не дасть Царь ни того, ни другого,—Господь ему судья. А крови не минуете и насъ всѣхъ сгубите—это шайка бѣшеныхъ демагоговъ, отчаянныя головы,—это «Молодая Россія» выказала вамъ въ своемъ проспектѣ всѣ звѣрскія ея наклонности; быть можетъ, ихъ перебьютъ, и сколько невинной крови изъ-за нихъ прольется! Тутъ же слышалъ, что въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ, вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ социалистовъ и вездѣ они разжигаютъ молодежь. Ник. Утинъ—правая рука Чернышевскаго; юношу бы за границу²⁾, но навсегда, а Николая Гавриловича—куда хотите, но скорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать.

«Я самъ не знакомъ съ этими злодѣями — пишу, что вчера случайно слышалъ. Не доискивайтесь, кто я—къ чему вамъ? Въ доносчики не гожусь, а услышу что либо подобное—напишу,—теперь каждый честный человѣкъ обязанъ указывать Правительству все, что слышитъ, что знаетъ, ибо общество въ опасности, сорванцы бездомные на все готовы, и вамъ дремать нельзя; на васъ грѣхъ падетъ, коли допустите ихъ до рѣзни, а она будетъ, чуть задремлете или станете довольствоваться полумѣрами. Время николаевское ушло—распустили однажды, теперь не совладеете—выхода другого нѣтъ, какъ земская дума; боитесь дворянства—пошумятъ только; если потребуютъ конституціи, то путемъ законнымъ она не страшна для Царя, а эта бѣшенная шайка жаждетъ крови, ужасовъ и пойдетъ на проломъ, не пренебрегайте ею.

«Избавьте насъ отъ Чернышевскаго—ради общаго спокойствія».

Отрывки изъ этого письма приведены въ сенатской запискѣ, но неисправно. Въ такомъ же видѣ ихъ цитируютъ оттуда и нѣкоторые авторы.

Доносъ этотъ писанъ очень красивымъ мелкимъ почеркомъ, и можно утверждать—неизмѣненнымъ.

Такимъ образомъ, комиссіи, разыскивавшей по Россіи крамолу (гдѣ самъ Потаповъ былъ членомъ), напоминалось о существованіи Чернышевскаго... Но вотъ въ концѣ іюня III Отдѣленіе получаетъ свѣдѣнія, что 27 числа изъ Лондона выѣдетъ въ Россію нѣкій Павелъ Ветошниковъ и будетъ везти съ собой довольно

¹⁾ Очевидный вздоръ: Чернышевскому тогда было 34 года.

²⁾ Николай Утинъ вскорѣ бѣжалъ за границу.

много писемъ Бакунина, Герцена, Огарева и Кельсиева къ самымъ разнообразнымъ лицамъ... Разумѣется, сейчасъ же были приняты мѣры, и Ветошниковъ былъ арестованъ на границѣ со всей корреспонденціей...

Послѣ бѣлаго разбора ея въ III Отдѣленіи нашли, между прочимъ, такую приписку въ письмѣ Герцена къ Н. А. Серно-Соловьевичу: «Мы готовы издавать Совр. здѣсь съ Черныш. или въ Женевѣ—печатать объявленіе объ этомъ. Какъ вы думаете?» Этого оказалось достаточнымъ, чтобы на слѣдующій же день, 7 іюля, арестовать и Чернышевскаго ¹⁾.

Утромъ 7 іюля въ квартиру Чернышевскаго явился жандармскій полковникъ Ракѣвъ и квартальный надзиратель Мадьяновъ, запечатали всѣ бумаги и часть книгъ въ холщевый мѣшокъ, который и представили въ III Отдѣленіе, а всѣ остальные книги, по заявленію Н. Г., 2400 томовъ, корректуры и матеріалы для изданія сочиненій Добролюбова опечатали въ запертomъ кабинетѣ ²⁾. Самъ Чернышевскій былъ отвезенъ въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости. Туда же были заключены Ветошниковъ, Серно-Соловьевичъ и всѣ главные обвиняемые по особому дѣлу, съ которымъ читатели «Былого» будутъ потомъ ознакомлены.

Можно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на интеллигенцію!.. По словамъ г. Пантелѣева, «если сказать, что арестъ Чернышевскаго на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе, то это значитъ выразиться слишкомъ слабо: съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ малѣйшимъ извѣстіямъ о ходѣ его процесса»... Для всѣхъ стало ясно, что Чернышевскому не сдобровать...

Осмотръ его бумагъ комиссія поручила своему члену, д. ст. сов. Каменскому, а опечатанныхъ на квартирѣ книгъ—д. ст. сов. Турунову, въ помощь которому министромъ внутреннихъ дѣлъ были назначены трое чиновниковъ особыхъ порученій: Фридбергъ, Морозъ и Третьяковъ. 17 числа всѣ они, въ сопровожденіи еще старшаго чиновника III Отдѣленія—Кейзера фонъ-Нилькейма, состоящаго при оберъ-полицеймейстерѣ поручика Ниппе, квартального надзирателя Мадьянова и сторонняго свидѣ-

¹⁾ Полностью письмо это напечатано мною въ январской книжкѣ «Былого», на стр. 280—282. Тамъ я не имѣлъ возможности указать то, что самъ узналъ позже: первая половина письма, до словъ: «Кажется рѣчь о нашемъ...» и т. д., писана Огаревымъ, а все, начиная съ этихъ словъ—Герценомъ. Герценъ рассказываетъ объ этомъ своемъ письмѣ не вѣрно: ср. стр. 461—462 тома III изд. Павленкова. Объявленіе въ «Колоколѣ» появилось *позднѣе*, въ номерѣ отъ 8 (15) іюля. Вотъ оно: «Отъ издателей. Мы предлагаемъ издателямъ *Дня*, *Современника*, *Русскаго Слова* и издателямъ журналовъ, которые будутъ запрещены вслѣдствіе политическаго террора въ Россіи, продолжать изъ изданія въ Лондонѣ. На первый случай мы готовы печатать, если это будетъ нужно, на свой счетъ, безъ всякаго вознагражденія». Герценъ напечаталъ это объявленіе, не дожидая отвѣта отъ Серно-Соловьевича. Этотъ номеръ «Колокола» выходилъ какъ разъ въ тотъ день, когда Ветошниковъ переѣзжалъ русскую границу.

²⁾ Въ этой же книжкѣ читатель найдетъ рассказъ М. А. Антоновича, присутствовавшего при арестѣ Чернышевскаго.

теля—отстав. кол. секретаря Сергѣя Пыпина, прибыли на квартиру Н. Г. Окончивъ осмотръ, отложили еще нѣсколько книгъ и пакетовъ для сдачи въ III Отдѣленіе, а остальное запечатали и поручили на храненіе полиціи ¹⁾. На другой день печати были сняты, и все имущество Чернышевскаго сдано Мадьяновымъ С. Н. Пыпину ²⁾.

II.

Среди бумагъ Н. Г. особенно заинтриговали всѣхъ двѣ средней толщены тетради размѣромъ въ писчій листъ. Пробовали читать — ничего не понять. А написано такъ часто и мелко. — Каменскій, какъ ни старался, ровно ничего не понялъ, кромѣ того, что это «дневникъ». 7 августа рѣшено было отправить его въ III Отдѣленіе, отличавшееся искусствомъ раскрытія самыхъ замысловатыхъ шифровъ. Но какъ ни старался Потаповъ, а долженъ былъ сознаться, что ввѣренная ему тайная канцелярія тоже безсильна, и направилъ «дневникъ» въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Тамъ поработали съ мѣсяцъ, и 15 сентября товарищъ министра Мухановъ сообщалъ Потапову, что рукопись не шифрована, а писана только съ самыми сложными сокращеніями. Для удостовѣренія онъ приложилъ нѣсколько страницъ написанныхъ полностью, правда, всетаки, съ очень значительными искаженіями и пропусками, и при этомъ замѣчалъ, что при «всемъ желаніи со стороны министерства, по множеству текущихъ, не терпящихъ отлагательства дѣлъ, не было никакой возможности до настоящаго времени разобрать всю рукопись, но изъ содержанія разобраннаго можно думать, что слогъ этотъ имѣетъ условный смыслъ». Министерство иностранныхъ дѣлъ настолько простерло свою внимательность къ «дневнику» Чернышевскаго, что не преминуло даже изслѣдовать его на всѣ возможные способы, при которыхъ обыкновенно удается обнаружить тотъ или иной составъ симпатическихъ чернилъ, особый сортъ скрывающей бумаги и пр. Но и чернила и бумага оказались самыми обыкновенными.

Комиссію мало удовлетворилъ отвѣтъ Муханова. Имѣя теперь ключъ, въ видѣ нѣсколькихъ развернутыхъ страницъ, она рѣшила поручить добиться толку отъ «дневника» своему члену, сенатору Жданову.

¹⁾ М. А. Антоновичъ рассказывалъ мнѣ, что онъ былъ на этомъ обыскѣ со спеціальною цѣлью вырвать изъ рукъ комиссіи матеріалы по собранію сочиненій Добролюбова, которое не было доведено Чернышевскимъ до конца. Конецъ послѣдняго тома былъ полностью просмотрѣнъ и прокорректированъ уже г. Антоновичемъ. Туруновъ отнесся внимательно къ его заявленію о возвратѣ запечатанныхъ матеріаловъ. При этомъ удалось вырвать и «дневникъ» Добролюбова, переданный имъ потомъ А. Н. Пыпину.

²⁾ Семья Чернышевскаго еще 3 іюля уѣхала въ Саратовъ.

Что же это за дневникъ? Я не рѣшился взяться за кропотливую работу его развертыванія, требующую для своего окончанія, по крайней мѣрѣ, двухмѣсячнаго ежедневнаго посѣщенія сенатскаго архива, тѣмъ болѣе, что все равно не имѣлъ бы возможности напечатать этотъ «дневникъ», съ одной стороны, въ силу закона объ авторской собственности, съ другой—въ виду интимности нѣкоторыхъ мѣстъ, не подлежащей пока опубликованію. Работу эту взялъ на себя сынъ Н. Г.—М. Н. Чернышевскій, и конечно, все, что можно, будетъ имъ напечатано ¹⁾.

Въ дополненіе къ дневнику не мало интриговали и четыре картонныя полоски, длиною около четверти аршина. Вдоль нихъ слѣва были написаны по порядку буквы русскаго алфавита, а справа цифры, начиная съ 1. Всѣ полоски содержали въ себѣ буквально одно и то же... Шифръ, шифръ!—рѣшила сначала комиссія, но потомъ какъ-то сама охладѣла, понявъ, вѣроятно, что такими простыми шифрами не работаютъ уже и дѣти.

Затѣмъ комиссія сочла стоющими серьезнаго вниманія приведенный уже мною дворянскій анонимъ и довольно пространное письмо Огарева и Герцена къ неизвѣстному: обращеніе и всѣ фамиліи въ немъ подчистены перочиннымъ ножомъ.

Я не буду приводить здѣсь полностью это письмо, а познакомлю съ нимъ читателей только постольку, поскольку оно касается Чернышевскаго.

Сначала написанное Огаревымъ:

«Ну милый []²⁾, долго я думалъ и ждалъ, не поѣдетъ ли кто къ вамъ, но не дождался и рѣшился писать просто. Съ чего начать? Да ужъ начну съ того, что страхну злобу съ сердца. Истинно жалъ мнѣ, что васъ нѣтъ въ Питерѣ, потому что наши шалать. Вы спрашивали, что такое, что больно было слышать. Да то, что Черн. поручилъ тому господину, который въ [] не попалъ, сказать намъ, чтобъ мы не увлекали юношество въ литературный союзъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Конечно, никто такъ не уважаетъ скептицизмъ, какъ я. Разсѣкая міръ до математической точки, я дохожу до формулы 0∞ , но это не мѣшаетъ мнѣ знать, что нуль также результатъ и $= + -$, и собственно есть предѣлъ. Что я не въ состояннѣ наполнить бездну или черту, раздѣляющую логическія опредѣленія отъ живого міра, не могу показать, какимъ образомъ предѣлъ переходитъ въ дѣйствительность и чему, какой формулѣ $= 0\infty$, изъ этого не слѣдуетъ, что я въ ту минуту, когда надо дѣло дѣлать, задалъ бы себѣ задачу: ну, а если изъ этого ничего не выйдетъ? Такой скептицизмъ равенъ тунеядству и составляетъ преступленіе. А между тѣмъ онъ чловѣкъ съ вліяніемъ на юношество; на чтожь это похоже? Ступайте въ Питеръ, возьмите его за воротъ, порастрясите и скажите: стыдно. Вскорѣ послѣ этого, по случаю какой-

¹⁾ Пользуюсь случаемъ принести М. Н. Чернышевскому свою искреннюю благодарность за многія весьма важныя указанія, сдѣланныя имъ.

²⁾ Эти скобки стоятъ на мѣстѣ вычищеннаго слова.

то исторіи Рима, встрѣчаемъ мы въ «Современникѣ» (уже прежде смекнувши изъ довольно плохой критики въ Петер. Вѣдом.) статью прямо противъ насъ, т. е. что напрасно, молъ, говорить, что въ Россіи есть возродительное общинное начало, котораго въ Европѣ нѣтъ, что общинное начало вздоръ, что Европа не умираетъ, потому что одному человѣку 60 лѣтъ, но зато другому 20 (какъ будто историческая смерть есть вымирание людей, а не разложеніе общественныхъ химическихъ соединеній извѣстнаго порядка!) и что тѣ, кто это говорятъ, дураки и лжецы, съ намекомъ, что рѣчь идетъ объ насъ, и забывая, что до сихъ поръ сами держались этимъ знаменемъ. Зачѣмъ это битие по своимъ, да еще съ преднамѣренной ложью? Плохо дѣло! []! []! горе, когда личное самолюбіе поднимаетъ голову, завидуя или въ отместку за неуваженіе къ воровству какого нибудь патрона! Какая тутъ общественная дѣятельность, какое общее дѣло! Тутъ идетъ продажа, продажа правды и доблести изъ-за личныхъ страстишекъ и видовъ; продажа *дѣла* изъ-за искусственнаго скептицизма, который даже не скептицизмъ, а просто сомнѣніе въ приложеніи *себя* къ дѣлу, безъ всякаго пониманія принципиальнаго скептицизма. Вдобавокъ въ этой статьѣ сказано, что растеніе не умираетъ оттого, что питательные соки перестаютъ въ него изъ земли съ любовью всасываться. Хорошъ скептицизмъ! Нѣтъ! Поѣзжайте въ Питеръ и скажите, что это стыдно, что такъ продавать Христа, т. е. правду и дѣло, непозволительно. Это то, что христіане называли преступленіемъ противъ духа. Ну! будетъ объ этомъ, только помните, что я считаю эти выходки не личной обидой, а *помысломъ дѣлу*, поэтому и убѣжденъ, что вы обязаны щелкнуть дружески, но военнымъ кулакомъ по такой дребедени».

А вотъ и Герценовская приписка:

«[]¹⁾ такую бездную написалъ, что я изъ любви къ ближнему не буду писать много. Мы никогда бы не догадались, что Черныш. à la baron Vidil, ѣхавши дружески возлѣ, вытянулъ меня арапникомъ. Это я обяванъ Спб. Вѣдомостямъ—они указали. Впрочемъ, [] слишкомъ серьезно это принимаетъ. Я тутъ, какъ въ пресловутомъ письмѣ Чич.²⁾, больше всего дивлюсь ненужной запальчивости выраженій—ругаться слишкомъ простое средство и не есть патентъ на особую эстетичность.

«Если вы увидите [], кланяйтесь ему отъ меня, мнѣ очень досадно, что я его не могъ навѣстить []—хлопотъ была бездна.

«Читалъ повѣсть Печерскаго (Мельникова) *Гриша*³⁾. Ну скажите, что же это за мерзость—ругать раскольниковъ и дѣлать уродливо смѣшными! Экой тактъ. А ргоров, рекомендую вамъ небольшую статейку мою объ открытіи мощей Тихона.

«Будьте здоровы и прощайте».

¹⁾ Вѣроятно вычищено «Огаревъ».

²⁾ Письмо Б. Н. Чичерина, напечатанное въ «Колоколѣ», противъ Герцена.

³⁾ Помѣщена въ мартовской книжкѣ «Современника» за 1861 годъ.

Объ этомъ письмѣ будетъ говорить еще самъ Чернышевскій. Я сдѣлаю лишь необходимую для читателя историко-литературную справку, не останавливаясь на очень интересномъ вопросѣ о разрывѣ Герцена и Огарева съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Онъ такъ сложенъ и серьезенъ, что требуетъ особаго изученія.

Извѣстно, какъ реагировалъ Герценъ (а за нимъ и Огаревъ) на событія 1848 года, которыя ему удалось наблюдать лично. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что Западная Европа отжила свой вѣкъ, что ей не возобновить истощенныхъ жизненныхъ элементовъ, не продолжить дѣла прогресса, что вся созидательная роль въ исторіи должна принадлежать молодому русскому народу. Эта мысль съ каждымъ годомъ становилась все ближе и ближе символомъ вѣры издателя «Колокола». Несомнѣнно, въ ней была наличность нѣкоторой доли славянофильства, т. е. того политическаго ученія, которому такъ не сочувствовалъ Чернышевскій. Онъ считалъ, что говорить о дряхлости Запада и о возродительной роли Россіи значитъ играть въ руку людей, не желавшихъ кореннымъ образомъ, сверху донизу реформировать всю нашу жизнь и разсчитывавшихъ ограничиться крестьянской полу-реформой. Мысль эту онъ высказывалъ неоднократно. Въ майской книжкѣ «Современника» за 1861 г. онъ помѣстилъ статью «О причинахъ паденія Рима (подражаніе Монтескье)», написанную по поводу выхода въ свѣтъ перевода «Исторіи цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной римской имперіи» Гизо. Не называя, разумѣется, нигдѣ Герцена, онъ полемизируетъ тамъ съ его взглядомъ объ изжитіи Запада. Языкъ статьи мѣстами рѣзокъ. Напримѣръ, показавъ нелогичность оспариваемаго взгляда съ точки зрѣнія исторіи же, Чернышевскій говоритъ: «Что за охота выказывать себя глупцомъ или лгуномъ». Что касается общинаго землевладѣнія, какъ средства для перестройки соціальной жизни, которое только и имѣется, однако, въ Россіи, то Н. Г. по этому поводу отвѣчалъ: «Если сохранился у насъ отъ патриархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ, нѣсколько соответствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то вѣдь западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ... Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ и умъ гораздо болѣе развитой, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники; а для насъ самихъ этотъ обычай пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, какой тогда понадобится для насъ, и дающимъ удобное, просторное основаніе для этого новаго порядка». При этомъ Чернышевскій замѣчалъ еще,

что «кромя общиннаго землевладѣнія, невозможно было самымъ усерднымъ мечтателямъ открыть въ нашемъ общественномъ и частномъ бытѣ ни одного учрежденія или хотя бы зародыша учрежденія для предсказываемаго ими обновленія ветхой Европы нашею свѣжею помощію». Тамъ же онъ обращалъ вниманіе Герцена и его единомышленниковъ на ихъ коренную ошибку при констатированіи мнимаго историческаго вырожденія Европы: на то, что творящая истинное перерожденіе массы еще и не жили въ Европѣ историческою жизнью, а на нихъ то и надо возлагать надежды, а не на Россію.

Статья эта, благодаря своему заглавію, не обратила бы на себя вниманія въ Лондонѣ, если бы не пространный и довольно глупый фельетонъ о ней пресловутаго тогда Н. Воскобойникова въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾, въ которомъ авторъ беретъ подъ свою защиту «лучшихъ людей русскаго общества», оскорбленныхъ Чернышевскимъ. И если бы Герценъ и Огаревъ не прочли подлинной статьи, тогда ихъ негодованіе было бы еще понятно, но какъ могли они такъ понять самую статью—это совершенно непостижимо. Въ ней вовсе нѣтъ того, что имъ казалось.

Среди другихъ бумагъ болѣе или менѣе обратили на себя вниманіе записки и письма Чернышевскаго къ И. Е. Андреевскому по поводу прекращенія публичныхъ лекцій, письмо историка Костомарова по тому же поводу, вырванный листикъ изъ дневника Добролюбова, и письмо къ Чернышевскому М. Е. Салтыкова²⁾.

Кромѣ бумагъ самого Чернышевскаго, было взято довольно много чужихъ рукописей, бывшихъ у него на просмотрѣ. Неизвѣстно, что бы случилось съ ними, еслибъ Некрасовъ (въ серединѣ ноября) не подалъ прошеніе о возвращеніи ихъ ему, и не получилъ бы часть самъ, а часть,—по его порученію, Салтыковъ. При этомъ изъ 60 рукописей были задержаны двѣ, признанныя комиссіей неудобными для печати: анонимная — «Слѣдственное дѣло о хреяхъ и силлогизмахъ», и «Изъ воспоминаній дѣтства» Н. Аристова.

Итакъ, ясно—обыскъ не далъ, въ сущности, ничего, что такъ хотѣлось бы имѣть, бумаги Чернышевскаго обманули ожиданія и комиссія и III Отдѣленія...

Но Потаповъ выходилъ и не изъ такихъ положеній...

1 августа онъ внесъ въ комиссію весьма любопытную «Записку изъ частныхъ свѣдѣній о титулярномъ совѣтникѣ Чернышевскомъ», что, на языкѣ III Отдѣленія, значило: по донесеніямъ той или иной степени рачительныхъ агентовъ. «Записка» эта, разумеется, стоитъ того, чтобъ ее привести здѣсь полностью,

¹⁾ «Журнальныя замѣтки», 1861 г., № 144.

²⁾ Все, что касается публичныхъ лекцій, читатель найдетъ въ № 4 „Былого“; письмо Салтыкова уже напечатано въ № 2. Добролюбовская страничка войдетъ въ мою работу о Герценѣ (см. „Миръ Божій“ 1906 года).

исправляя по пути наиболѣе важныя «ошибки» «частныхъ свѣдѣній».

«Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, будучи авторомъ многихъ журнальныхъ статей политическаго и экономическаго содержанія, въ которыхъ постоянно проводились свободныя идеи, приобрѣлъ себѣ извѣстность литератора-публициста и пользовался авторитетомъ между молодыми поколѣніемъ, которое онъ, съ своей стороны, старался возвысить въ глазахъ общества, какъ, по его мнѣнію, дѣятелей. Онъ составилъ себѣ отдѣльный кругъ знакомства, по преимуществу изъ молодыхъ людей, и при томъ недовольныхъ правительствомъ, лжепрогрессистовъ и лицъ, сдѣлавшихся государственными преступниками ¹⁾, собранія у него постоянно отличались какою то таинственностью и большею частью происходили въ ночное время. Доступъ къ нему постороннихъ лицъ былъ чрезвычайно затруднителенъ. Корреспонденцію онъ имѣлъ огромную, и велъ ее не только въ Россіи, но и за границей. Вниманіе правительства обращено на Чернышевскаго послѣ безпорядковъ, происходившихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ осенью 1861 г., когда получено было свѣдѣніе, что появившаяся между студентами прокламація, возбуждавшая молодежь къ сопротивленію властямъ, была составлена Чернышевскимъ ²⁾. Съ тѣхъ поръ за нимъ учреждено было постоянное наблюденіе, которымъ обнаружено:

«Въ концѣ 1861 года Чернышевскій почти постоянно бывалъ дома и спать не болѣе 2—3 часовъ въ сутки; иногда онъ уходилъ изъ дому рано утромъ чуть свѣтъ, но въ 10 часовъ уже возвращался; по вечерамъ же уходилъ почти постоянно въ 10 час. и возвращался въ 12, пронося часто съ собою бумаги. Писемъ онъ разсылалъ очень много, большею частью по почтѣ, но иногда съ поваромъ или швейцаромъ; 14 ноября онъ отправилъ два довольно толстыхъ письма въ Москву по желѣзной дорогѣ. 16 ноября Чернышевскій, противу всякаго обыкновенія, ушелъ со двора въ 12 час. дня и воротился въ 7 час. вечера. Когда же за нѣсколько предъ этимъ времени Чернышевскій потерялъ ключи отъ своего письменнаго стола, то, не выходя изъ кабинета, велѣлъ позвать слесаря, подобрать къ столу ключъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлать замокъ къ двери кабинета, который съ тѣхъ поръ и запиралъ, когда уходилъ со двора. Напрасно жена его дѣлала ему замѣчаніе, что это лишняя предосторожность; онъ, всетаки, продолжалъ запи-

¹⁾ Очевидно, имѣлись въ виду В. А. Обручевъ и М. И. Михайловъ.

²⁾ О такой прокламаціи до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Несомнѣнно, въ связи съ начатымъ надзоромъ стоитъ и секретный циркуляръ всѣмъ губернаторамъ, данный Вагучевымъ 23 ноября 1861 года: «Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, въ случаѣ поступленія къ Вамъ просьбы отъ литератора Николая Чернышевскаго о снабженіи его заграничнымъ паспортомъ, не выдавать ему оного, а представить на разрѣшеніе вѣтреннаго мнѣ министерства». Вотъ, слѣдовательно, когда для Чернышевскаго уже готовилась крѣпостная клѣтка... (См. Второе приложеніе къ сборникамъ «Государственные преступленія въ Россіи», изд. подъ ред. В. Базилевскаго, Paris 1906 г. стр. 105).

рать комнату. Между тѣмъ замѣчено было, что Чернышевскій перемѣнился, сталъ задумчивъ, утрюмъ и мало разговорчивъ, избѣгалъ прислуги, тогда какъ прежде былъ ласковъ съ нею. Оказалось, что перемѣна эта произошла въ немъ послѣ побѣдки въ августѣ мѣсяцѣ въ Самарскую деревню его ¹⁾. 26 сентября Чернышевскій явился на сходку студентовъ около квартиры бывшего попечителя округа генерала Филипсона. 20 ноября, въ день похоронъ литератора Добролюбова, Чернышевскій говорилъ рѣчь, въ которой видимо старался выразить, что Добролюбовъ былъ жертвою правительственныхъ распоряженій, мученикъ, убитый нравственно, однимъ словомъ, что Правительство уморило его ²⁾.

«Замѣчательно обстоятельство: за нѣсколько предъ симъ времени двери къ Чернышевскому въ комнату стала отпирать жена его, тогда какъ прежде это дѣлала ихъ гувернантка, когда же потомъ госпожа Чернышевская уѣхала, то двери къ себѣ отпиралъ уже самъ Чернышевскій. 8 декабря Чернышевскій получилъ изъ Парижа письмо слѣдующаго содержанія:

«Прошу васъ, Николай Гавриловичъ, постарайтесь выслать мнѣ деньги. Мнѣ очень деньги теперь надобны. Пишу вамъ опять на всякій случай, можетъ быть, Вы уже въ Петербургѣ. Прошу Васъ не медлите. Уважающая Васъ М. Марковичъ» ³⁾. Вскорѣ послѣ этого Чернышевскій вдругъ сталъ чрезвычайно остороженъ, онъ сталъ запираеть кабинетъ свой, когда не только выходилъ со двора, но даже шелъ обѣдать или чай пить въ столовую; онъ никому не довѣрялъ и единственное лицо, которое пользовалось еще довѣріемъ его, былъ метранпажъ изъ типографіи Вульфа, Иванъ Михайловъ Стругалевъ. Между литераторами составилось даже убѣжденіе, что Чернышевскій и Некрасовъ находятся подъ вліяніемъ какого паническаго страха, который, впрочемъ, распространился и на другихъ ⁴⁾. Поздно вечеромъ 22 декабря къ Чернышевскому пришли четверо мужчинъ, изъ коихъ одинъ въ волчьей шубѣ, не покрытой сукномъ, которые занимались съ нимъ въ кабинетѣ до утра. Въ часъ ночи онъ приказалъ принести самоваръ, но людямъ велѣлъ лечь спать, и посѣтителей выпустилъ по черной лѣстницѣ. Судя по наружности означенный посѣтитель въ волчьей шубѣ былъ вѣроятно изъ простого званія. Около же этого времени сестра г-жи Чернышевской принесла три пачки какихъ то бумагъ и сама сожгла ихъ, оставаясь передъ печкою до тѣхъ поръ, пока онѣ сгорѣли, и мѣшая собственноручно въ печкѣ. Черезъ нѣсколько дней подобное же сожженіе бумагъ было повторено ⁵⁾. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что

¹⁾ Въ Саратовѣ.

²⁾ Такой же смыслъ рѣчи передаютъ и Никитенко въ своемъ «Дневникѣ» и г. Рейнгартъ на стр. 452—453 «Рус. Стар.» 1906 г. II.

³⁾ М. А. Марковичъ (Маркъ Вовчокъ). Рѣчь шла о деньгахъ за собраніе ея сочиненій, которое Н. Г. устраивалъ у одного изъ издателей.

⁴⁾ Разумѣется, вздоръ.

⁵⁾ Рѣчь идетъ объ Е. С. Васильевой.

жена г. Чернышевскаго развозила по городу какія то небольшія книжки, завернутыя въ бумагу, и поручала кучеру своему, Никитѣ Тимофѣеву, спрятать ихъ въ сараѣ, но потомъ опять потребовала ихъ себѣ. Тогда полагали, что это были воззванія Герцена, подъ заглавіемъ «Что нужно народу» ¹⁾ и т. п. Справедливость этого подтверждается тѣмъ, что черезъ нѣсколько послѣ сего времени братъ жены его, студентъ Студенскій ²⁾, давалъ кучеру Чернышевскихъ брошюру «Что нужно народу» и тотъ читалъ ее въ кухнѣ въ присутствіи всей прислуги и даже постороннихъ. Оказалось, что книжки эти г-жа Чернышевская возила на Вас. островъ въ 8 линію, на подворье къ монахамъ ³⁾. Въ мартѣ сего года Чернышевскій, будучи у Некрасова, рассказывалъ, что къ 26 августа по всей Россіи манифестаціи, въ которыхъ будутъ выражены слѣдующія желанія всего образованнаго сословія:

«Прощеніе политическихъ преступниковъ, всѣхъ безъ исключенія, какіе только находятся въ живыхъ; дарованіе конституціи; свобода печати и уничтоженіе цензуры; отвѣтственность министровъ; гласное судопроизводство и т. п. Онъ говорилъ также, что онъ видѣлся со многими лицами—коноводами въ провинціяхъ этихъ манифестацій, какъ то: изъ Кіева, Харькова, Владиміра и др. городовъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ объ адресѣ въ пользу преступника Михайлова, и главными двигателями этого называли: Чернышевскаго и подполковника Шелгунова, на адресѣ видѣли даже въ числѣ другихъ подпись Чернышевскаго. Въ маѣ Чернышевскій получилъ изъ-за границы письмо отъ профессора Пыпина, который увѣдомлялъ его, что онъ началъ заниматься своими спеціальными изученіями, но болѣе отрицательно; что берлинскія матрикулы народнаго образованія лучше путятинскихъ, и что онъ приготовляетъ для «Современника» статью о прусскомъ законѣ печатанія. Въ заключеніе же Пыпинъ просилъ отвѣчать ему немедленно.

«Наконецъ, Чернышевскій утратилъ совершенно сочувствіе къ себѣ въ литературномъ кругу ⁴⁾. Тамъ положительно увѣряли, что если всѣ безпорядки въ городѣ и произведены молодежью, то, конечно, влѣдствіе тѣхъ идей, которыя были развиты въ ней партією Чернышевскаго, Героглифова ⁵⁾, Елисѣева ⁶⁾ и всѣхъ его сотрудниковъ. Арестаціи нѣсколькихъ изъ посѣщавшихъ Черны-

¹⁾ Во-первыхъ, не Герцена, а Огарева; во-вторыхъ, не брошюра, а листокъ. Ольга Сократовна, конечно, никакой развозкой герценовскихъ изданій не занималась.

²⁾ Студенскій не былъ братомъ О. И.

³⁾ Тоже вадоръ.

⁴⁾ Разумѣется, явный вадоръ: раздѣлившійся на двое литературный міръ относился къ Чернышевскому далеко не одинаково.

⁵⁾ Героглифовъ ни въ какой связи съ Чернышевскимъ не стоялъ и былъ однимъ изъ мелкихъ газетныхъ дѣятелей.

⁶⁾ Григорій Захаровичъ Елисеевъ, потомъ одинъ изъ членовъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“.

шевскаго лицъ и студентовъ ¹⁾, имъ образовываемыхъ, подѣйствовали на него: онъ разстался со всѣми, отправилъ жену въ деревню, распродалъ вещи, экипажи и намѣревался уѣхать, но въ это время открыты положительно его сношенія съ Герценомъ и онъ арестованъ. Посѣщавшихъ Чернышевскаго въ продолженіе этого времени лицъ было чрезвычайно много, по преимуществу литераторы, студенты и молодые офицеры артиллерійскаго и инженернаго вѣдомства. Покойный Добролюбовъ и Михайловъ были его друзьями, полковники Лавровъ и Шелгуновъ пользовались особымъ расположеніемъ его. Вообще Чернышевскаго можно считать главою партіи либеральныхъ литераторовъ.

«Кромѣ сего извѣстно, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1859 г. Чернышевскій ѣздилъ за границу, былъ въ Лондонѣ у Герцена, который до того, по денежнымъ дѣламъ Огарева съ Панаевымъ, бывшимъ редакторомъ «Современника», былъ враждебенъ этому журналу, съ поѣздки же Чернышевскаго за границу со стороны лондонской русской прессы стало проявляться сочувствіе къ оному» ²⁾.

Эта «записка» явилась какъ нельзя болѣе во-время. Комиссія не считала, разумѣется, необходимымъ провѣрить «частныя свѣдѣнія». На нихъ вѣдь былъ итемпель безупречной истины: самого III Отдѣленія...

Кромѣ того, большія надежды возлагались ею на иногороднюю и заграничную корреспонденцію Чернышевскаго, которую со дня его ареста приказано было доставлять прямо въ III Отдѣленіе, а оттуда въ комиссію. Ждали самой преступной переписки, надѣялись встрѣтить подготовленія манифестаціи 26 августа и т. д. Но и здѣсь постигло серьезное разочарованіе.

Изъ-за границы были получены сначала два письма Льва Мечникова, въ которыхъ онъ благодарилъ Чернышевскаго за вниманіе къ его литературнымъ предложеніямъ, посылалъ свою статью о Мацини и разрабатывалъ планъ статей о революціи 1848 года въ Италіи. Потомъ, не получая, разумѣется, отвѣта, Мечниковъ вновь напоминалъ своему корреспонденту о сдѣланныхъ предложеніяхъ и просилъ написать въ первую же свободную минуту.

Изъ провинціи были письма отъ А. Н. Плещеева ³⁾, Т. К. Гринвальдъ, просившей Чернышевскаго отвѣтить ей въ Дерптъ на два письма и все еще не вѣрившей возможности потерять умершаго Добролюбова, близкія ея отношенія съ которымъ Н. Г.

¹⁾ Кое-кто, дѣйствительно, былъ арестованъ уже по разнымъ поводамъ, но не благодаря знакомству съ Чернышевскимъ.

²⁾ Полное извѣстіе обстоятельствъ. Чернышевскій вовсе ѣздить не мириться, а объясняться насчетъ статьи Герцена «Very dangerous!!!» прямо направленной по адресу «Современника». Объясненія эти ни къ чему не привели и, возвратясь, Чернышевскій не разъ выражалъ сожалѣніе, что ѣздить въ Лондонъ... Отношенія ихъ съ Герценомъ остались острыя, несмотря на сочувственныя потомъ замѣтки послѣдняго о Добролюбовѣ и т. п. Кое что о поѣздкѣ рассказываетъ г. Тучкова-Огарева, но въ такихъ серьезныхъ событіяхъ на ея освѣщеніе и память совсѣмъ нельзя полагаться; что же касается ея сообщенія о переговорахъ по поводу изданія за границей «Современника», то оно положительно невѣрно.

³⁾ Напечатано въ этомъ № «Былого».

были хорошо извѣстны, Захарыина (Якунина) о передачѣ забракованной статьи въ редакцію «Времени», и друга Добролюбова—М. И. Шемановскаго, посылавшаго статью «Плата за ученіе и училищный налогъ» и просившаго выслать ему денегъ, безъ которыхъ невозможно продолжать начатое путешествіе по югу Россіи. Все это не обратило бы на себя совершенно никакого вниманія, если бы не нервное недовольство комиссіи отсутствіемъ прямыхъ и положительныхъ уликъ. Письма Мечникова были подчерканы краснымъ карандашомъ, а письмо Шемановскаго обратило на себя вниманіе черезъ недѣлю, когда онъ прислалъ Чернышевскому нѣсколько лубочныхъ картинъ южнаго производства. Комиссія сейчасъ же пришла къ логическому заключенію, что Шемановскій не иначе, какъ «агентъ Чернышевскаго», и просила III Отдѣленіе «обратить на него вниманіе».

Остальная корреспонденція не стоила даже и такого вниманія, но, всетаки, вся доставлялась въ «Современникъ» черезъ комиссію. Денежные пакеты и тѣ не шли къ Некрасову непосредственно.

III.

А Чернышевскій терпѣливо сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ компаніи съ Писаревымъ, Баллодомъ и др.

Онъ хорошо зналъ и былъ твердо увѣренъ, что ни въ его бумагахъ, ни въ бумагахъ близкихъ ему лицъ не найдутъ ровно ничего, могущаго служить матеріаломъ для сколько-нибудь добросовѣстно построеннаго обвиненія. Притомъ онъ вѣрилъ въ благоразуміе и элементарную порядочность правительства, не допуская еще мысли о возможности какихъ бы то ни было подлоговъ.

Поддерживая переписку съ женой (бывшей съ дѣтьми въ Саратовѣ), Н. Г. всячески ее ободрялъ и успокаивалъ. Надо ли говорить, что всѣ письма, и отправляемые, и получаемыя имъ, прочитывались предварительно въ комиссіи.

Послѣдняя обратила особое вниманіе на письмо Н. Г. отъ 5 октября, признала невозможнымъ отправленіе его женѣ и приобщила къ дѣлу, чтобы «имѣть въ виду при допросѣ Чернышевскаго».

Вотъ оно полностью:

«Милый мой другъ, моя несравненная, золотая Ляличка,

«Цѣлую тебя мой ангелъ. Я получилъ твои письма отъ 19 и 22 сентября. Теперь я имѣю основаніе думать, что довѣренность тебѣ вышла на дняхъ,—тогда, моя милая, дѣлай, какъ тебѣ угодно, насколько не сомнѣваясь въ томъ, что мнѣ будетъ казаться наилучшимъ именно то, что ты сдѣлаешь: если не станешь продавать домъ и останешься дожидаться меня въ Саратовѣ,—значить, такъ было лучше; если продашь домъ и пріѣдешь въ Петербургъ,—значить, такъ лучше. Вѣдь ты знаешь, моя милая,

что для меня самое лучшее то, что для тебя лучше. Ты умнее меня, мой другъ, и потому я во всемъ съ готовностью и радостью принимаю твое рѣшеніе.—Объ одномъ только прошу тебя: будь спокойна и весела, не унывай, не тоскуй; одно это важно, остальное все вздоръ. У тебя больше характера, чѣмъ у меня,—а даже я ни на минуту не тужилъ ни о чемъ во все это время,—тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть твердой тебѣ, мой дружокъ. Скажу тебѣ одно: [[наша съ тобой жизнь принадлежитъ исторіи; пройдутъ сотни лѣтъ, и наши имена все еще будутъ милы людямъ; и будутъ вспоминать о насъ съ благодарностью, когда уже забудутъ почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время съ нами. Такъ надобно же намъ не уронить себя со стороны бодрости характера передъ людьми, которые будутъ изучать нашу жизнь]].—Въ это время я имѣлъ досугъ подумать о себѣ и составить планъ будущей жизни. Вотъ какъ пойдетъ она: до сихъ поръ я работалъ только для того, чтобы жить. Теперь средства къ жизни будутъ доставаться мнѣ легче, потому что восьмилѣтняя дѣятельность доставила мнѣ хорошее имя. Итакъ, у меня будетъ оставаться время для трудовъ, о которыхъ я давно мечталъ. Теперь планы этихъ трудовъ обдуманы окончательно. Я начну многотомную «Исторію матеріальной и умственной жизни человѣчества»,—исторію, какой до сихъ поръ не было, потому что работы Гизо, Бокля (и Вико даже) дѣланы по слишкомъ узкому плану и плохи въ исполненіи. За этимъ пойдетъ «Критическій словарь идей и фактовъ», основанный на этой исторіи. Тутъ будутъ перебраны и разобраны всѣ мысли обо всѣхъ важныхъ вещахъ и при каждомъ случаѣ будетъ указываться истинная точка зрѣнія. Это будетъ тоже многотомная работа. Наконецъ, на основаніи этихъ двухъ работъ я составлю «Энциклопедію знанія и жизни»—будетъ уже экстрактъ, небольшого объема, два-три тома, написанный такъ, чтобы былъ понятенъ не однимъ ученымъ, какъ два предъидущіе труда, а всей публикѣ. Потомъ я ту же книгу переработаю въ самомъ легкомъ, популярномъ духѣ, въ видѣ почти романа, съ анекдотами, сценами, остротами, такъ чтобы ее читали всѣ, кто не читаетъ ничего, кромѣ романовъ. Конечно, всѣ эти книги, назначенныя не для однихъ русскихъ, будутъ выходить не на русскомъ языкѣ, а на французскомъ, какъ общемъ языкѣ образованнаго міра. Чепуха въ головѣ у людей, потому они и бѣдны и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить имъ, въ чемъ истина и какъ слѣдуетъ имъ думать и жить. Со времени Аристотеля не было сдѣлано еще никѣмъ того, что я хочу сдѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель.—А, впрочемъ, я заговорилъ о своихъ мысляхъ: онѣ секретъ, ты никому не говори о томъ, что я сообщаю тебѣ одной (тѣхъ, которые будутъ читать это письмо прежде тебя, я не считаю, потому что они этими вещами не занимаются). Но я рассказалъ тебѣ это для того, чтобы ты видѣла, какъ далекъ я отъ всякаго унылія,—о, нѣтъ, мой другъ, рѣдко когда бывалъ я такъ спокоенъ

и доволенъ, какъ въ это время. Смотри же, будь и ты спокойна и бодра. Ты здорова—только это и нужно мнѣ, чтобы я былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

«Но что тебѣ сказать о положеніи вздорнаго дѣла, которое служить причиною твоего огорченія и лишь по этому одному непріятно мнѣ? Рѣшительно ничего не могъ бы я тебѣ сказать объ этомъ, если бы даже говорилъ съ тобой наединѣ, потому что самъ ровно ничего не знаю: до сихъ поръ мнѣ не сказано ни одного слова объ этомъ дѣлѣ, и оно остается для меня секретомъ, котораго не разгадалъ бы я при всемъ своемъ умѣ, которыми такъ горжусь, не разгадалъ бы, еслибы и хотѣлъ думать о вздорѣ, о которомъ и не думаю, будучи увѣренъ, что важнаго тутъ не можетъ быть ничего. Когда это дѣло кончится?—тоже не знаю; но вѣроятно скоро—вѣдь не годы же оно будетъ тянуться. Ну, можетъ быть, протянется еще мѣсяцъ, другой,—вѣдь три цѣлыхъ мѣсяца уже прошло,—а можетъ быть, и одного мѣсяца не протянется,—я ровно ничего не знаю, мой дружочекъ. Можно только судить по здравому смыслу, что большая половина этого нашего времени разлуки уже прошла. Будь же умница, мой дружочекъ, будь весела и спокойна,—за это я поклонюсь тебѣ въ ножки и расцѣлую ихъ.—Быть можетъ, мой милый ангелъ, ты вздумаешь, что лучше тебѣ дожидаться въ Саратовѣ довѣренности и выѣхать уже по продажѣ дома,—если такъ, то такъ; а впрочемъ, тебѣ видѣе это; вѣдь тутъ все зависитъ отъ денегъ,—продавъ домъ, ты будешь имѣть ихъ; а теперь имѣешь ли? Напиши объ этомъ. Когда мнѣ скажутъ что нибудь, я увѣдомлю тебя, а теперь ровно ничего не знаю и ужъ по этому одному долженъ все предоставлять единственно твоему разсужденію, моя золотая Ляличка, еслибы не былъ всегда расположенъ во всемъ думать, что ты лучше меня можешь судить, какъ и что надобно сдѣлать. Вѣдь ты у меня золотая умница и за это я цѣлую тебя. Твой

Н. Чернышевскій.

«Чуть не забылъ приписать, что я здоровъ. Цѣлую дѣтишекъ. Будь здорова и спокойна. Тысячи и миллионы разъ цѣлую твои ручки, моя несравненная умница и красавица, Ляличка,—не тоскуй же смотри, будь (нѣсколько словъ на нижней строкѣ стерлись отъ времени съ бумагой.—*М. Л.*). А какая отличная борода отросла у меня: просто заглядѣнье».

Прочтя письмо, читатель, что бы вы думали, обратило на себя особое вниманіе комиссіи? Мѣсто, заключенное мною въ двойныя прямыя скобки. Комиссія увидѣла въ немъ непомѣрное самовозвеличеніе, преступную гордость! Она совершенно не поняла, что именно умный человѣкъ не могъ серьезно написать такого письма; что потому Чернышевскій и просилъ Ольгу Сократовну никому не рассказывать о его «планахъ», что понималъ, какъ они должны показаться всякому смѣшными своею совершенною несбыточностью. Онъ просто убѣждалъ жену въ полномъ своемъ

*

спокойствіи. Дальше читатель встрѣтитъ объясненіе этого письма, сдѣланное самимъ Чернышевскимъ.

Наконецъ, когда комиссія увидѣла, что если и можно что получить въ видѣ уликъ, то только путемъ допроса самого Чернышевскаго, который, конечно, де проговорится,—она дала ему первый допросъ 30 октября, предварительно, слѣдую общепоставленной формѣ,—сдѣлавъ ему черезъ протоіерея Полисадова «священническое увѣщаніе», «чтобы показывалъ сущую правду».

Вотъ этотъ допросъ.

«Николай Гавриловичъ Чернышевскій; происхожу изъ духовнаго званія; имѣю чинъ титулярнаго совѣтника и нахожусь въ отставкѣ; вѣроисповѣданія православнаго. На исповѣди и у св. причастія бывалъ, но не ежегодно, пропуская иногда обычное время говѣнія по множеству занятій. Женатъ на дочери покойнаго коллежскаго (или статскаго, не помню) совѣтника Сократа Евгеніевича Васильева, служившаго врачомъ при Саратовской удѣльной конторѣ; имя моей жены Ольга Сократовна. Мы имѣемъ двухъ сыновей: Александра, 8 лѣтъ, и Михаила, 4 лѣтъ ¹⁾. Жена и дѣти мои находятся нынѣ въ Саратовѣ.

«Отъ роду мнѣ 34 года. Воспитывался сначала въ Саратовской духовной семинаріи, потомъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1850 или 1851 году (кажется, въ 1850, но не ручаюсь, что именно тогда, а не годомъ позже) ²⁾.

«По окончаніи курса служилъ сначала преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ (весною 1851 г., кажется) уѣхалъ учителемъ гимназій въ Саратовъ ³⁾; весною 1853 г. возвратился въ Петербургъ, и служилъ года два опять преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ ⁴⁾; прослуживъ срокъ, требующійся для утвержденія въ чинѣ, вышелъ въ отставку,—кажется, въ началѣ 1856 или можетъ быть и въ началѣ 1855 года (послѣдняя цифра, вѣроятно, точнѣе, но не помню хорошенько) ⁵⁾, потомъ, черезъ годъ или годъ съ небольшимъ, причислился на службу въ С.-Петербургское губернское правленіе ⁶⁾, не принимая никакой должности въ немъ, лишь бы считаться на службѣ въ угожденіе отцу, которому это нравилось. Такое зачисленіе на службу устроилъ тогдашній петербургскій вице-губернаторъ, г. Муравьевъ; когда онъ былъ переведенъ изъ Петербурга, и поступилъ новый вице-губернаторъ, незнакомый мнѣ, разумѣется, нельзя стало мнѣ числиться на службѣ, не неся никакихъ занятій по ней, и я вы-

¹⁾ Въ въ настоящее время здравствуютъ. Былъ еще сынъ Викторъ, родившійся 31 января 1856 г., но потомъ вскорѣ умершій.

²⁾ Въ 1850 г., со степенью кандидата.

³⁾ Назначеніе туда произошло 6 января 1851 года.

⁴⁾ Тамъ и въ Саратовѣ преподавалъ русскую словесность.

⁵⁾ Высоч. приказомъ 1 мая 1855 года.

⁶⁾ Выс. приказомъ 7 декабря 1856 г. зачисленъ канцелярскимъ чиновникомъ съ 13 ноября того же года.

шелъ въ отставку — кажется, въ 1858 г., а можетъ быть и въ 1859—не припомню хорошенько ¹⁾).

«Недвижимую собственность я имѣю: по наслѣдству отца своего и своей матушки домъ въ городѣ Саратовѣ и нѣсколько десятинъ земли (должно быть около 25 или 30 десятинъ) въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

«Подъ судомъ не былъ.

«Съ 1854 года, то есть почти съ самаго возвращенія своего въ Петербургъ изъ учительства въ Саратовѣ, занимался литературой».

В. «Съ кѣмъ вы знакомы въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, равно за границею; когда и по какому случаю съ каждымъ изъ нихъ познакомились и въ какихъ находились сношеніяхъ?».

О. «Занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ редакціею одного изъ большихъ журналовъ, я долженъ былъ быть знакомъ съ сотнями или тысячами лицъ въ Россіи. Пересчитывать ихъ всѣхъ здѣсь было бы слишкомъ долго, да и напрасно, напрасно потому, что нужно только пересчитывать людей, писавшихъ въ журналахъ петербургскихъ и московскихъ, — и тотъ, кто потрудится пересчитывать ихъ, будетъ пересчитывать почти все знакомыхъ мнѣ. Отношенія эти у меня къ нимъ были чисто литературныя, — по помѣщенію статей въ журналѣ «Современникъ» и по платѣ денегъ за статьи. — По случаю помѣщенія статей г. Мечникова въ «Современникъ» я писалъ ему раза два или три въ Италію, гдѣ онъ тогда (въ первой половинѣ 1862 г.) жилъ. Содержаніе писемъ моихъ къ г. Мечникову было таково: «такая то статья Ваша получена или напечатана мною. Деньги за нее Вамъ посылаются или будутъ посланы» ²⁾).

В. «По имѣющимъ въ комиссіи свѣдѣніямъ вы обвиняетесь въ сношеніяхъ съ находящимися за границею русскими изгнанниками и другими лицами, распространяющими злоумышленную пропаганду противъ нашего правительства, и съ сообщниками ихъ въ Россіи; равно въ содѣйствіи имъ къ достиженію преступныхъ ихъ цѣлей. Объясните: съ кѣмъ именно изъ этихъ лицъ вы были въ сношеніяхъ, въ чемъ заключались эти сношенія и ваши вслѣдствіе оныхъ дѣйствія, а также, кто участвовалъ съ вами въ этомъ дѣлѣ?»

О. «Мнѣ очень интересно было бы знать, какія свѣдѣнія могутъ имѣться о томъ, чего не было. Подъ русскими изгнанниками тутъ, вѣроятно, разумѣются гг. Герценъ и Огаревъ (это предположеніе я высказываю здѣсь потому, что ихъ фамиліи были мнѣ сказаны лицомъ, предлагавшимъ мнѣ изустные вопросы, имени

¹⁾ 4 марта 1859 г.

²⁾ По отвѣтамъ Мечникова видно, что, въ сущности, письма были конечно вовсе не такого казенно-шаблоннаго характера, но Чернышевскій зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и былъ увѣренъ, что письма къ Мечникову комиссія не увидитъ.

и фамиліи котораго не имѣю чести знать¹⁾—всему литературному міру извѣстно, что я нахожусь въ личной непріязни съ ними по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою изъ-за имѣнія, которымъ управляла г-жа Панаева, по довѣренности г. Огарева. Непріязнь эта давнишняя.

«Какихъ соумышленниковъ имѣютъ и имѣютъ ли или нѣтъ какихъ соумышленниковъ въ Россіи гг. Герценъ и Огаревъ, мнѣ неизвѣстно.

«Я принужденъ здѣсь выразить свое удивленіе тому, что мнѣ предлагаются подобные вопросы.

«Прибавлю, что и по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою я не имѣлъ ни съ г. Огаревымъ, ни съ г. Герценомъ никакихъ сношеній. Точно также не имѣлъ я сношеній ни съ кѣмъ другимъ изъ русскихъ изгнанниковъ».

Прочтя вопросные пункты, Чернышевскому стало совершенно ясно, что онъ не ошибался, что за четыре мѣсяца усиленной работы комиссія не нашла никакихъ серьезныхъ уликъ, и потому рѣшилъ держать себя съ нею совершенно опредѣленно и притомъ вызывающе.

Мало того, что онъ написалъ приведенные отвѣты, но по окончаніи допроса заявилъ еще, что подастъ жалобу на дѣйствія комиссіи, какъ только кончится его дѣло. Можно себѣ представить, какъ обозлилась комиссія всесильнаго Голицына...

Но она понимала свое неловкое положеніе. — На слѣдующій день она постановила признать послѣдніе отвѣты Чернышевскаго «неумѣстными» и, имѣя въ виду статью закона, по которой отвѣты должны излагаться безъ всякихъ околичностей, положила «потребовать отъ Чернышевскаго, чтобы на предложенные ему вопросы далъ объясненіе, согласное съ требованіемъ закона».

1 ноября Чернышевскій былъ вытребованъ въ комиссію и написалъ другой отвѣтъ на послѣдній вопросъ: «Ни съ кѣмъ изъ лицъ, распространяющихъ противъ правительства злоумышленную пропаганду, и ни съ кѣмъ изъ находящихся за границею русскихъ изгнанниковъ и ни съ кѣмъ изъ ихъ сообщниковъ въ Россіи я не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ. Прибавлю, что мнѣ и неизвѣстно, находятся ли таковыя сообщники у нихъ въ Россіи».

Повидимому, Чернышевскій надѣялся скоро быть выпущеннымъ и когда увидѣлъ, что надежда эта становится несбыточной, 20 или 22 ноября рѣшилъ написать два письма: одно государю, другое петербургскому генералъ-губернатору, кн. Суворову. Въ первомъ онъ, вѣроятно, объяснялъ всю незаконность правительства въ отношеніи къ себѣ, во второмъ—просилъ Суворова, почти единственнаго умнаго и порядочнаго представителя тогдашней

¹⁾ Генераломъ Огаревымъ.

придворной и бюрократической камарильи, пояснить государю дѣйствія комиссіи. Дальше читатель нѣсколько разъ встрѣтитъ упоминанія Чернышевскаго объ этихъ письмахъ, но познакомить его съ ними я не имѣю, къ сожалѣнію, возможности: въ сенатскомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ, въ комиссію они доставлены не были и, вѣроятно, припрятаны III Отдѣленіемъ, которое, конечно, получило ихъ отъ коменданта. Почему же оно ихъ скрыло? Разумѣется, потому, что считало справедливо рисующими картину собственнаго произвола и понимало, что передавъ эти письма официально въ комиссію, должно будетъ пустить ихъ и дальше—въ сенатъ и государственный совѣтъ, а это не входило въ расчеты ни кн. Долгорукова, ни Потапова...

Досутъ свой Чернышевскій употреблялъ на работу.

Началь онъ ее переводомъ 16-го тома «Всемирной исторіи» Шлосера, разобранной по томамъ имъ, Зайцевымъ, Обручевымъ и Серно-Соловьевичемъ. 15-й былъ готовъ еще до крѣпости и, по просьбѣ Чернышевскаго, былъ переданъ комиссіей въ типографію Огризко. 16-й былъ сначала данъ на просмотръ сенатору Гедда, а потомъ въ декабрѣ переданъ черезъ оберъ-полицеймейстера тоже Огризко, но тотъ отказался принять его, не зная, у него ли будетъ печататься, и рукопись была сдана въ магазинъ Серно-Соловьевича.

15 января 1863 года Потаповъ передалъ комиссіи начало романа «Что дѣлать?» и письмо Чернышевскаго женѣ. Рѣшено было романъ передать на просмотръ Каменскому, а письмо не посылать, пока не будетъ прочтена рукопись. 26 января она была послана оберъ-полицеймейстеру для передачи А. Н. Пыпину, съ правомъ напечатать ее «съ соблюденіемъ установленныхъ для цензуры правилъ». Каменскій, слѣдовательно, не нашелъ въ ней ничего относящагося къ дѣлу Чернышевскаго, а комиссія и не думала смотрѣть на «Что дѣлать?» съ точки зрѣнія цензора—предполагалось, что эту обязанность будутъ нести профессиональные цензора.

Начатый такимъ образомъ свой романъ Чернышевскій рѣшилъ, однако, прервать энергичной борьбой съ комиссіей.

22 января онъ написалъ коменданту крѣпости, генералу Сорокину, слѣдующую записку:

«Надѣясь, что дѣло его достаточно разъяснено теперь, Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство представить съ Вашимъ ходатайствомъ на разсмотрѣніе, кому слѣдуетъ, его желанія:

1. Чтобы ему *немедленно* было разрѣшено видѣться съ его женою постоянно.

2. Чтобы комиссія пригласила его для сообщенія ему тѣхъ свѣдѣній о положеніи его дѣла, которые могутъ быть сообщены безъ всякаго нарушенія какой либо слѣдственной тайны,—именно, въ какое приблизительно время дѣло Чернышевскаго можетъ быть окончено производствомъ. Чѣмъ оно кончится, этого онъ не спра-

пиваетъ; это ему извѣстно; но *когда* оно кончится, — это онъ желаетъ знать.

«22 января 1863 г.

Н. Чернышевскій.

«Р. S. Если онъ не получить отвѣта до четверга вечера (24 ч. января), то онъ будетъ знать, что не нашли удобнымъ или нужнымъ обращать вниманіе на эти его желанія. 22 января 1863 г.

Н. Чернышевскій.

Сорокинъ, по долгу службы, отправилъ эту записку въ III Отдѣленіе, вѣдавшее Алексѣевскимъ равелиномъ.

На слѣдующій день Потаповъ передалъ ее въ комиссію. Она положила «пріобщить къ дѣлу» новый документъ и... все. Чернышевскій терпѣливо прождалъ 22-е, 23-е и день 24-го; наконецъ, вечеромъ послалъ Сорокину записку: «Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Его превосходительство Г-на Коменданта извѣстить его, полученъ ли Его Превосходительствомъ какой либо отвѣтъ на записку Чернышевскаго отъ 22-го числа этого мѣсяца.—Вечеръ 24 января 1863 г. *Н. Чернышевскій.*

Сорокинъ послалъ и эту записку въ III Отдѣленіе. Отвѣта не получалось. 1 февраля комиссія и ее «пріобщила къ дѣлу».

Чернышевскій прождалъ еще до утра 28-го января и началъ голодовку...

Это было тогда совершенною новостью. Къ ней не были приготовлены.

Вотъ что рассказываетъ помощникъ смотрителя равелина: «Дѣло было такъ: нижніе чины караула да и самъ смотритель замѣтили, что арестантъ подъ № 9, т. е. Чернышевскій, замѣтно блѣднѣетъ и худѣетъ. На вопросъ о здоровьѣ онъ отвѣчалъ, что совершенно здоровъ. Пища, приносимая ему, повидимому, вся съѣдалась. Между тѣмъ, дня черезъ четыре, караульные доложили смотрителю, что въ камерѣ № 9 началъ ощущаться какой то тухлый запахъ. Тогда, во время прогулки Чернышевскаго въ садикъ, осмотрѣли всю камеру и оказалось, что твердая пища имъ пряталась, а щи и супъ выливались... Стало очевидно, что Чернышевскій рѣшился умереть голодною смертью... Ни увѣщанія добряка смотрителя, ни воздѣйствія со стороны III Отдѣленія долго не вліяли на него. Приказано было, однако, приносить ему въ камеру всю пищу по прежнему ежедневно, но онъ еще 3—4 дня не дотрогивался до нея и пилъ только по 2 стакана воды въ день. Соблазнительный ли запахъ пищи, страхъ ли мучительной голодной смерти или другія побужденія, но на 10-й день Чернышевскій сталъ ѣсть и недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился»¹⁾.

Состоявшій при крѣпости докторъ Оксель 3 февраля донесъ коменданту, что Чернышевскій голодаетъ, вслѣдствіе чего «за-

¹⁾ Изв. Борисовъ, „Алексѣевскій равеливъ въ 1862—1865 гг.“, „Рус. Стар.“ 1901 г. XII.

мѣтно слабѣ», «цвѣтъ лица у него блѣдный, пульсъ нѣсколько слабѣе обыкновеннаго, языкъ довольно чистый; прописанныя ему капли для возбужденія аппетита онъ принималъ только два раза, а 3-го числа объявилъ, что не намѣренъ принимать таковыя, и что онъ воздерживается отъ пищи не по причинѣ отсутствія аппетита, а по своему капризу».

Утромъ 6-го февраля Чернышевскій прекратилъ голодовку, выдержавъ такимъ образомъ девять дней.

7-го же Потаповъ довелъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія комисси. Утромъ 6-го Чернышевскій писалъ коменданту:

«Такъ какъ только черезъ Ваше Превосходительство я имѣю сношеніе съ правительствомъ надежнымъ для меня образомъ и такъ какъ, безъ сомнѣнія, будетъ спрошено Ваше мнѣніе о случаѣ, возбужденномъ мною¹⁾, то я съ Вашего согласія, изустно сообщеннаго мнѣ г. Смотрителемъ, письменно прошу Васъ прямо сказать мнѣ, изустно или письменно: достаточно ли убѣждены Вы въ совершенной серьезности и твердости моей воли, которая была изустно объявлена мною Вамъ²⁾.—По неопытности въ различіи симптомовъ страданія, я слишкомъ рано приостановилъ продолженіе начатаго мною. Но я держу свой организмъ въ такомъ состояніи, что результаты, которыхъ я достигъ въ предыдущіе десять дней, нисколько не пропадаютъ; и если Ваше Превосходительство еще недостаточно убѣждены, я возобновлю свое начатое, безъ всякой потери времени съ прежнимъ намѣреніемъ итти, если нужно, до конца. Мнѣ непріятенъ скандалъ, но не я причина его; вѣроятно и Ваше Превосходительство также нисколько не причина его,—по крайней мѣрѣ, я въ томъ убѣжденъ, что Вы—не причина его.

«Прошу Васъ отвѣчать мнѣ — этого требуетъ ужъ и обыкновенная учтивость. Но если Вы не будете отвѣчать нынѣ (въ среду), это будетъ для меня значить, что Вы недостаточно убѣждены въ серьезности моего намѣренія. Въ такомъ случаѣ прилагаемая (запечатанная) записка моя къ Его Свѣтлости г. Генераль-Губернатору не можетъ имѣть успѣха, и для меня все равно, какъ Вы найдете нужнымъ распорядиться ею.

«Если же Вы достаточно убѣждены въ серьезности и твердости моей воли, я прошу Ваше Превосходительство помочь мнѣ испытать послѣднее средство избѣжать мнѣ отъ развязки, гибельной для меня и невыгодной для правительства: я прошу Васъ передать Его Свѣтлости г. Генераль-Губернатору мою записку къ нему. Она запечатана,—это требуется деликатностью относительно Его Свѣтлости. Но копія записки остается у меня, и если вамъ нужно или угодно, Вы можете взять у меня копію, которую я въ такомъ случаѣ приплю Вамъ также запечатанною, какъ это письмо—запечатанною потому, что я желаю избѣжать всякаго

1) Почему такъ осторожно говорить онъ о голодовкѣ, неизвѣстно.

2) Очевидно, передъ этимъ были разговоры лично съ комендантомъ.

скандала. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга *Н. Чернышевскій*. 7-го февраля 1863».

«P.S. Понятно, почему я приостанавливаю начатое, когда въ послѣдній разъ пробую вступить въ переговоры,—это для того, чтобы по возможности не имѣть ненужнаго угрожающаго вида, *Н. Чернышевскій*. P.P.S. Прошу, Ваше Превосходительство, не пренебрегайте моею просьбою. Дѣло нисколько не шуточное. Съ этой минуты, если еще эта попытка не удастся, я уже не буду тревожить никого ни однимъ словомъ».

А вотъ что писалось князю Суворову:

«Ваша Свѣтлость, я обращаюсь къ Вамъ, какъ человѣку, въ которомъ соединяются два качества, очень рѣдкія между нашими правительственными лицами: здравый смыслъ и знаніе правительственныхъ интересовъ. Моя судьба имѣетъ нѣкоторую важность для репутаціи правительства. Она поручена людямъ (членамъ слѣдственной комиссіи), дѣйствія которыхъ показываютъ—тупость ума или всѣхъ ихъ, или большинства ихъ—говорю прямо, потому что это мое письмо вѣдь не для печати. — Для меня жизненный вопросъ, а для репутаціи правительства не ничтожное дѣло, чтобы на мою судьбу обратилъ вниманіе человѣкъ, могущій здраво судить о правительственныхъ интересахъ, какимъ я знаю Вашу Свѣтлость.

«Мои желанія очень умѣренны. Я могу указать средства, которыми правительство можетъ исполнить ихъ съ честью для себя, нисколько не принимая вида, что дѣлаетъ мнѣ уступку,—нѣтъ, видъ будетъ только тотъ, что оно узнало ошибку нѣкоторыхъ мелкихъ чиновниковъ, и какъ скоро узнало, благородно исправило ее.

«Это объясненіе гораздо удобнѣе было бы сдѣлать изустно, чѣмъ письменно: въ разговорѣ всякія недоумѣнія съ той или другой стороны тотчасъ же могутъ быть устранены. Потому я прошу Вашу Свѣтлость навѣстить меня. Но если вы не имѣете времени исполнить эту мою просьбу, я прошу у Васъ разрѣшенія писать къ Вамъ, но лично къ Вамъ и только къ Вамъ,—потому что, какъ я сказалъ, я только въ Васъ вижу качества, какія нужны государственному человѣку для здраваго пониманія государственныхъ интересовъ и выгодъ правительства. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашей Свѣтлости покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*. 7 февраля 1863».

Уже изъ того, что Чернышевскій считалъ свою голодовку въ десять дней и 6-е февраля счелъ за 7-е, которымъ и датировалъ оба документа, можно видѣть, какъ подѣйствовалъ на него самого оригинальный тогда протестъ...

Сорокинъ разсудилъ за лучшее вытребовать у Чернышевскаго и копію, и всѣ три документа тотчасъ отправилъ въ III Отдѣленіе. На слѣдующій день они были получены въ комиссію, а Суворовъ опять ничего не получилъ. 7-го числа Сорокинъ передалъ

свой отвѣтъ Чернышевскому весьма неопредѣленно и Н. Г. пишетъ ему: «Отвѣтъ Вашего Превосходительства переданъ мнѣ въ неясномъ видѣ — это обыкновенное неудобство сношеній черезъ третье лицо. Я спрашивалъ Васъ: совершенно ли Вы убѣждены въ твердости моего намѣренія. Прошу Васъ прислать въ отвѣтъ одно изъ двухъ словъ: «да» или «нѣтъ», не прибавляя къ этому одному слову ничего, чтобы опять не вышло путаницы. Итакъ — «да» или «нѣтъ». 7 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*».

Неизвѣстно, что отвѣтилъ на это комендантъ.

11 февраля комиссія положила «всѣ эти документы приобщить къ дѣлу».

12-го Чернышевскій посылаетъ Пыпину уже 35 убористо написанныхъ страницъ продолженія «Что дѣлать?» и полулистъ замѣтокъ о необходимыхъ поправкахъ при корректурѣ. Все это было получено комиссией на слѣдующій день. Рассмотрѣніе рукописи было поручено генералу Стѣпцову, и потомъ она была отправлена Пыпину.

Оригинально, что писаніе романа Чернышевскій прерывалъ, и довольно на продолжительные сроки, переводомъ исторіи Гервинуса и Маколея, которые рассматривались обычнымъ порядкомъ и доставлялись полиціей Пыпину.

Должно быть, отвѣтъ коменданта на вопросъ: «да» или «нѣтъ» заключалъ въ себѣ какую нибудь угрозу, потому что, выждавъ семь дней, 14 февраля Чернышевскій пишетъ ему: «Вотъ недѣля проходитъ послѣ моего свиданія съ Вами, и мнѣ кажется, что ждать больше было бы напрасною потерей времени, и что Вамъ пора принимать противъ меня мѣры строгости, о которыхъ Вы говорили. 14 февраля 1863, утро, *Н. Чернышевскій*».

18 февраля комиссія, наконецъ, рѣшила не вызывать Чернышевскаго на вторичную голодовку и разрѣшить свиданіе съ женою въ присутствіи своихъ нѣкоторыхъ членовъ.

23 февраля, черезъ семь съ половиною мѣсяцевъ послѣ ареста, Чернышевскій наконецъ, впервые увидѣлъ свою жену.

Передъ этимъ онъ былъ посѣщенъ въ казематѣ членами комиссіи, но объ этомъ ниже мы прочтемъ его собственный рассказъ. Они обѣщали черезъ нѣсколько дней его освободить. Вѣра обѣщанію, Н. Г. пишетъ комиссіи: «Чернышевскій просилъ бы увѣдомить его, когда будетъ назначено новое свиданіе его жены съ нимъ, и, если это не представляетъ неудобствъ, назначить его завтра, въ четвергъ. — Среда, 27 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*».

Обѣщаніе и просьба, разумѣется, не были исполнены.

Ольга Сократовна поспѣшила прислать мужу довольно много книгъ, рукописей изъ редакціи и новыхъ журналовъ: въ первыхъ числахъ февраля вышли уже первыя книжки «Современника» и «Русскаго Слова», отбывшихъ наложенную на нихъ кару. Комендантъ адресовался къ Потапову, а послѣдній сообщилъ комиссіи, прибавивъ, что «для доставленія арестантамъ Алексѣевского развѣлина развлеченія чтеніемъ, разрѣшено давать имъ книги изъ

библиотеки, заведенной для сего при крѣпости». Комиссія нашла, что все присланное Чернышевскому женой можно ему, выдать, исключая *современныхъ* журналовъ.

4 марта Н. Г. пишетъ вторично въ комиссію: «Чернышевскій имѣетъ честь напомнить о той просьбѣ, которую онъ выражалъ въ своей запискѣ отъ 27 февраля.—Марта 4, 1863 г. *Н. Чернышевскій*». Комиссія рѣшила молчать.

Тогда 7 марта Н. Г. пишетъ Сорокину:

«Ваше Превосходительство, со мною опять начинаютъ шалить. Задерживаютъ письма моей жены; не обращаютъ вниманія на мои желанія, о которыхъ я *знаю*, что для исполненія ихъ нѣтъ препятствій; даже не отвѣчаютъ на мои желанія, что уже просто невѣжливо; наконецъ, я не вижу исполненія того, что мнѣ было сказано въ глаза 23 февраля о *нѣсколькихъ* дняхъ.

«Сдѣлайте одолженіе, Ваше Превосходительство, употребите Ваше вліяніе на то, чтобъ убѣдить другихъ въ напрасности и неудобствѣ этихъ шутокъ. Я не знаю, кто это шутитъ; но, вѣроятно, лица, говорившія со мною 23 февраля, поддержать Ваше мнѣніе, что шутки эти пора прекратить.

«Когда мое терпѣніе истощится, я, по своему обѣщанію, предупрежу Ваше Превосходительство. Теперь пока, я думаю, что его еще достанетъ на нѣсколько времени. Но вѣрнѣе было бы не испытывать его. Нынѣ *восемь* мѣсяцевъ, какъ его испытываютъ,—кажется, этого довольно.

«Боже мой, что у насъ какъ все неловко и неумѣстно шалить надъ людьми! Пора бросить эту старую привычку,—ею надѣлано довольно уже много такого, чему вовсе не слѣдовало быть и что, конечно, не приноситъ пользы правительству. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*. 7 марта 1863 г.».

Но комиссія знала, почему она шутила. У Потапова созрѣлъ смѣлый планъ, и дѣло изъ фазиса полного отсутствія уликъ, вотъ-вотъ, должно было перейти въ другой.

III-е Отдѣленіе работало...

ЧАСТЬ II.

Два лжесвидѣтеля и одинъ подложный документъ.

I.

Въ августѣ 1861 г. въ Москвѣ было открыто тайное печатаніе противоправительственныхъ изданій. Привлеченными оказались отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, Иванъ Гольцъ-Мил-

леръ, Петръ Петровскій-Ильенко, Александръ Новиковъ, Яковъ Сулинъ, Леонидъ Яценко, Сваричевскій и др. Въ результатъ разбора въ 6 (московскомъ) департаментѣ сената дѣла «о составленіи и распространеніи злоумышленныхъ сочиненій», опредѣленіе котораго было утверждено государственнымъ совѣтомъ, подтверждено государемъ и объявлено обвиняемымъ 2 января 1863 года, Костомаровъ былъ разжалованъ въ рядовые и назначенъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ, а передъ этимъ долженъ былъ просидѣть въ крѣпости шесть мѣсяцевъ. Другіе понесли тоже серьезные кары.

Съ біографіей Костомарова читатель познакомится хорошо впоследствии, а теперь я только напомнимъ ему, что этому господину М. И. Михайловъ обязанъ былъ своей каторгой. Онъ занимался литературой и потому имѣлъ въ ней много знакомствъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Шелгуновъ говоритъ, что у него былъ «какъ бы подавленный, нѣсколько жалкій видъ; въ немъ чувствовались бѣднота и не то какая то робость, не то какая то зависимость. Вообще онъ на свое положеніе жаловался и, какъ видно, очень нуждался. У Костомарова былъ узкій кверху и убѣгающій назадъ, совершенно ровный, безъ возвышеній лобъ и подъ гребенку стриженная голова. Костомаровъ обыкновенно смотрѣлъ внизъ и рѣдко заглядывалъ въ глаза, а если это и случалось, то онъ сейчасъ же опускалъ глаза книзу. Разговаривалъ Костомаровъ мало, да и вообще говорилъ немного и имѣлъ видъ чловѣка молчаливаго и сосредоточеннаго. На меня эта молчаливость, глаза, опущенные книзу, и убѣгающій узкій гладкій лобъ производили впечатлѣніе силы и рѣшимости. Нужно думать, что такое впечатлѣніе производилъ Костомаровъ и не на меня одного. Во всякомъ случаѣ, ему вѣрили, его жалѣли, ему старались помочь и помогали въ дѣйствительности».

Эта часть характеристики написана до приговора надъ Костомаровымъ общественнаго мнѣнія, вслѣдъ за начатіемъ названнаго выше процесса. А вотъ какъ онъ характеризовался Шелгуновымъ послѣ: «Главными отличительными чертами характера Костомарова, какъ мнѣ кажется, были трусость и хвастливость. Хвастливость довела его и до либеральныхъ стишковъ и до ихъ печатанія. Вообще эта натура была придавленная, приниженная и пассивная. И вотъ, когда ужъ и такъ урѣзанная жизнь Костомарова кончилась заключеніемъ и солдатчиной, этого оказалось слишкомъ, чтобы онъ могъ вынести безъ протеста, но протеста въ формѣ жалобы и обвиненія другихъ. Это обыкновенная форма протеста всѣхъ слабыхъ людей, привыкшихъ повиноваться чужой волѣ. Слабый и неумный, Костомаровъ, потерявъ душевное равновѣсіе, потерялъ и способность правильно понимать и свои поступки. Личное чувство, и такъ ужъ въ немъ, должно быть, безмѣрное, въ заключеніи развилось еще больше, онъ преувеличивалъ свое

несчастіе и озлобился. Неоспоримо, что это былъ человѣкъ больной и несчастный» ¹⁾.

Чернышевскій говорилъ, что былъ увѣренъ въ душевной болѣзни Костомарова, въ его психической ненормальности и даже просилъ М. И. Писарева говорить объ этомъ всѣмъ, кто о немъ вспомнить ²⁾.

Итакъ, этотъ самый Костомаровъ сидѣлъ въ «Петропавловкѣ». Повидимому, III Отдѣленіе еще раньше во время процесса отчислило его. Неизвѣстно, въ какую форму выливались ихъ взаимныя отношенія, насколько они были трогательны и платоничны, но такъ или иначе, по обстоятельствамъ дѣла Чернышевскаго *понадобилось* извлечь Костомарова изъ каземата и выпустить на свѣжій воздухъ, подъ менѣе суровый и бдительный присмѣтръ. Для этого III Отдѣленіе пошло на освобожденіе его изъ крѣпости еще въ концѣ февраля, т. е. продержавъ тамъ Костомарова только мѣсяцъ съ небольшимъ вмѣсто полугода. 28 февраля его отправили къ мѣсту новаго служенія, на Кавказъ, но не въ сопровожденіи, какъ бы слѣдовало, двухъ нижнихъ чиновъ, а одного изъ выдающихся тогда расторопностью и «способностями» жандармскаго капитана Чулкова...

1 марта они прибыли въ Москву, и, какъ доносилъ Чулковъ, «по слабости здоровья Костомарова», остановились тамъ на сутки. Къ нимъ явился бывшій переписчикъ Костомарова—Яковлевъ и сдѣлалъ весьма важное открытіе въ разговорѣ съ бывшимъ своимъ принципаломъ: ему де извѣстны всѣ отношенія Чернышевскаго къ Костомарову. Чулковъ, приготовленный еще раньше къ приходу этого гостя, явившагося по вызову Костомарова особой запиской, очень предупредительно подалъ Яковлеву бумагу и просилъ задокументировать все рассказанное. Яковлевъ, разумѣется, исполнилъ просьбу безъ особыхъ приглашеній...

Надо было, конечно, и дѣйствовать, и благодарить.

Для этого Чулковъ тутъ же написалъ Потапову: «Вашему Превосходительству осмѣливаюсь рекомендовать подателя сего, московскаго мѣщанина Петра Васильева Яковлева, который очень можетъ быть полезенъ во многихъ случаяхъ; онъ мнѣ уже оказалъ услугу, и покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять его подъ милостивое Ваше покровительство» ³⁾. Вручивъ Яковлеву эту многозначительную рекомендацію, Чулковъ далъ ему на дорогу въ Петербургъ. Костомаровъ, въ свою очередь, написалъ матери: «Я въ Москвѣ уже, по обыкновенію веселъ, здоровъ и благополученъ. Петръ Васильевичъ оказалъ мнѣ весьма важную услугу—и сообразно этому будетъ, конечно, принять тобою. Я подарилъ ему свое пальто—пожалуйста, отдай. Ну больше

¹⁾ Изъ незаданной части воспоминаній, по уцѣлѣвшему отъ сожженія печатному экземпляру.

²⁾ Рейнгардъ, и. с., «Рус. Стар». 1905 г., 11. 473, 475.

³⁾ Потомъ, когда дѣло было передано въ сенатъ. Чулковъ донесъ Потапову, что подъ «услугой» Яковлева онъ разумѣлъ полную его готовность объяснить извѣстныя ему отношенія Костомарова къ разнымъ лицамъ и назвать ихъ.

я ничего тебѣ не пишу;—во-первыхъ нечего, потому что я ни съ кѣмъ еще не видѣлся, во-вторыхъ... ты догадаешься почему. Au revoir. Крѣпко цѣлую тебя и мою милую Моху»...

Радостный Яковлевъ отправился на Николаевской вокзалъ.

Что же онъ написалъ по просьбѣ Чулкова и Костомарова?

«Лѣтомъ 1861 года, около іюля мѣсяца, будучи переписчикомъ бумагъ и разныхъ сочиненій у Г. Всеволода Костомарова и занимаясь у него постоянно, я очень часто видалъ у него изъ Петербурга какого то знаменитаго писателя подъ именемъ Николая Гавриловича Чернышевскаго и, переписывая бумаги по случаю лѣтняго времени въ бесѣдкѣ сада дома г. Костомарова, когда они, ходя между собою подъ руку и разговаривая между собою, произносили слова, изъ которыхъ мнѣ удалось запомнить слѣдующія фразы, произнесенныя Г. Чернышевскимъ: «Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ». Вы ждали отъ царя воли, ну вотъ вамъ и воля вышла. Называя Г. Чернышевскій эту статью своею, упрасивалъ Г. Костомарова о скорѣйшемъ ея напечатаніи. Не только не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго, но даже не имѣя рѣшительно никакой возможности понять точнаго смысла статьи, о которой у нихъ шелъ разговоръ, ибо до моего смысла доходило только нѣсколько отрывочныхъ фразъ,—я не считалъ тогда своимъ долгомъ довести этого ни до чьего свѣдѣнія. Но когда же услыхавъ впоследствии, что Г. Костомаровъ осужденъ будто бы за какія то противу правительства незаконныя дѣйствія, и чтобы оградить себя отъ всякой могшей бы въ послѣдствіи возникнуть ответственности и считая себя въ непремѣнной обязанности и долгѣ всякаго честнаго гражданина, обязаннаго не скрывать предъ правительствомъ лицъ ему вредящихъ, доводить до свѣдѣнія этотъ разговоръ, неясно слышанный имъ между г.г. Чернышевскимъ и Костомаровымъ, хотя и теперь не понимая настоящаго его значенія, но единственно догадываясь, что лицу, повидимому, стоящему въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, какъ г. Чернышевскій къ г. Костомарову, можетъ быть были извѣстны и преступныя, какъ оказалось, замыслы друга его Г. Костомарова. Московскій мѣщанинъ Петръ Васильевъ Яковлевъ».

На другой день, 2-го, Костомаровъ якобы сказалъ Чулкову, что ему хуже, и потому, по просьбѣ своего провожатаго, быть отправленъ на гауптвахту, какъ въ свободное казенное помѣщеніе. Тамъ у него были профессоръ Назарьянцъ съ сыномъ, прапорщикъ Ростовскаго полка Охотскій, докторъ того же полка, Меншиковъ, прапорщикъ Днѣпровскаго полка Шостакъ, братъ Костомарова Алексѣй—прапорщикъ резерв. бат. Либавскаго полка, фотографъ Суловъ и содержатель нотнаго магазина Юргенсонъ. Общество, какъ видимъ, довольно разнообразное... 4-го Костомаровъ почувствовалъ себя лучше, и они выѣхали изъ Москвы, прибывъ 5-го утромъ въ Тулу. Тамъ Костомаровъ «снова заболѣлъ»

и просилъ остановиться на два дня. Чулковъ, разумѣется, исполнилъ и эту просьбу.

Но два дня оказались нужны совсѣмъ для другихъ цѣлей...

5-го же Костомаровъ сѣлъ писать письма роднымъ, и вотъ Чулковъ замѣчаетъ у него одно довольно толстое, беретъ прочитать, видитъ, что въ немъ масса матеріала къ начатому дѣлу о Чернышевскомъ и спѣшитъ послать его въ тотъ же день Потапову. 7-го они «хотѣли» двинуться изъ Тулы дальше, но конечно, какъ и было условлено, получили телеграмму Потапова о немедленномъ возвращеніи въ Петербургъ...

Что же это за письмо?

II.

Адресованное въ «Петербургъ, Николаю Ивановичу Соколову, оставить на почтѣ впредь до востребованія», оно состояло изъ 5 листовъ почтовой бумаги большого формата и было испи-сано очень мелкимъ почеркомъ по частому транспаранту и почти безъ помарокъ.

Привожу его полностью.

«Тула. 5 Марта».

«Ну вотъ, наконецъ, я и дождался возможности говорить съ вами на свободѣ, безъ разныхъ цензурныхъ стѣсненій со стороны агентовъ хранителей души и тѣла нашихъ. И я дождался этого, какъ видите, гораздо скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Уѣзжая, я обѣщаль писать къ вамъ съ мѣста, до котораго, вы знаете, не рукой подать; слышно такъ, что въ Тулѣ приключилась мнѣ болѣзнь нѣкая, такъ что не имѣя никакой возможности продолжать свое странствіе, мы остановились здѣсь на нѣсколько дней.

«Итакъ, пользуясь этимъ неожиданнымъ отдыхомъ, я, не откладывая до неизвѣстнаго намъ будущаго, принимаюсь за обѣщанный вамъ комментарий на нашу юридическую войну.

«Принимаюсь... а съ чего начать? Pour le commencement,— конечно, какъ говорятъ французы, или, по древней поговоркѣ, ab ovo— съ яиць Леды... Но вотъ тутъ то и камень преткновенія... Съ яиць... съ которыхъ же именно? Ихъ такъ много... Въ такомъ случаѣ всего лучше было бы начать съ самой Леды, необъятное чрево которой... но это слишкомъ далеко заведетъ насъ, а у меня слишкомъ мало времени и... бумаги. Поэтому я начну съ Чернышевскаго.—Что за чортъ говорите вы (à peu près): Леда, яица, и Чскій! Гдѣ же тутъ Witz, гдѣ-жъ тутъ послѣдовательность, логическая связь, etc?... Mais, mon ami, toutes ces choses pa- raitrons en temps et lieu; къ тому же я вѣдь собираюсь писать къ вамъ чуть ли не цѣлую эпопею, а—la plupart des poètes épiques se jettent tout d'abord *in medias res*: Horace fait de ce précepte le grand chemin de l'épopée... (изъ этого вы видите, между прочимъ, что я никакъ не могу отстать отъ своей несчастной привычки подражать въ своихъ письмахъ вавилонскому смѣшенію языковъ).

Иванъ Пантелеймоновичъ
ЕМЕЛЬЯНОВЪ.

«Итакъ—начнемъ... Но васъ, можетъ быть (я бы даже долженъ былъ сказать «конечно»), удивляетъ, что я начинаю прямо съ лица, о которомъ нѣтъ и помину въ томъ разсказѣ объ юридической войнѣ, на которую я, en pouveau Cézair, пишу свои комментаріи... Но въ томъ то и штука, другъ мой. Слушайте и рукоплещите явленіямъ всероссійской Оемиды... Говорю рукоплещите—plaudite!—и не «удивляйтесь», потому что дивиться тутъ нечему, nil mirari. Смиренномудрая богиня правосудія не скрываетъ ни отъ кого, что она носить на глазахъ повязку и держать въ рукахъ фальшивые вѣсы... Въ такомъ видѣ, in blinde Kuh, ее можно видѣть ежедневно на одномъ изъ интереснѣйшихъ зданій нашей сѣверной пальмиры ¹⁾...

«Но, боже мой—я написалъ ужъ цѣлую страницу и все еще ничего не написалъ. Mais dût mon premier vers me coûter une heure,—я все-таки не начну своей исторіи прежде, чѣмъ познакомлю васъ съ милой личностью моего «потаеннаго» героя.

«Разумѣется, я буду очень коротокъ и скажу вамъ только то, что необходимо знать вамъ пока, чтобы вамъ не показалось страннымъ то озлобленіе, съ которымъ я, при всемъ моемъ желаніи быть сдержаннымъ, не могу не говорить объ этомъ человѣкѣ. Впослѣдствіи, когда я буду имѣть болѣе *свободнаго* времени, я непременно поговорю съ вами о его литературной дѣятельности, тайной и явной—чтобъ показать вамъ, откуда подулъ тотъ вѣтеръ, который, какъ вы справедливо, хоть и немножко увѣсисто, замѣтили—(ну, да вы, чай, не совсѣмъ забыли ретерику Кошанскаго-то), который наслалъ столько жалкихъ жертвъ въ казематы россійскихъ крѣпостей и въ тѣ значныя мѣста, куда отсылаютъ «по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ»,... тогда вы увидите, откуда на святомъ знамени свободы появился тотъ скверный девизъ, во имя котораго дѣйствуютъ наши доморощенные агитаторы, пишутся всѣ эти «Великоруссы» и «Молодая Россія», всѣ эти бесполезныя прокламаціи съ красными и голубыми печатями. Вы слишкомъ хорошо меня знаете, чтобы заподозрить меня въ ультра-рenegатствѣ, въ подкупленномъ или вымученномъ кажденіи деспотизму, въ малодушномъ отступничествѣ отъ Христа, «иже свобода есть»—по словамъ Павла, отъ Христа не идущаго во славу судить вселенную, но Христа заушеннаго и угнетеннаго, идущаго на казнь крестную... Вы знаете, чего ищу я, вы знаете, чему я поклоняюсь. Вы знаете, въ чѣмъ я вижу свободу, и знаете, какимъ путемъ, хотѣлось бы мнѣ, дошла до нея моя родина. Вы давно знаете это, мой старый, мой сердечный другъ,—поэтому то я такъ смѣло говорю съ вами, увѣренный, что омерзение къ лжепроповѣдникамъ свободы вы не назовете іудинимъ лобзаніемъ Христа. Да, я буду и могу говорить съ вами съ чистымъ сердцемъ, съ покойною совѣстью. Вы не имѣете ничего общаго ни съ тѣмъ человѣкомъ, о кото-

¹⁾ На сенатѣ.

ромъ я буду говорить вамъ, ни съ той средой, въ которой онъ дѣйствуетъ; вы не имѣете ровно никакого вліянія правительственнаго, поэтому, можете быть, слишкомъ рѣзкія, слишкомъ желчныя слова мои не будете объяснять ни личнымъ моимъ озлобленіемъ, ни желаніемъ очернить Чскаго, для того, чтобы самому рядомъ съ нимъ казаться бѣлѣе (потому что ваше мнѣніе составилось обо мнѣ твердо и его, я увѣренъ, не измѣнить никакая сплетня): вы увидите въ письмѣ моемъ только желаніе, рассказавъ вамъ одинъ изъ подвиговъ нашего агитатора, — спросить васъ вмѣстѣ съ евангелистомъ Матеемъ: *«Какъ же могутъ добро глаголатъ, зли суще?»* (Я знаю, вы, старый ханжа, любите читать свою старую книгу въ темномъ кожаномъ переплетѣ съ уродливыми мѣдными застѣжками).

«Вотъ какое длинное вышло предисловіе. Ну, за то я поставлюсь сдѣлать какъ можно короче текстъ».

«Чскій—такъ, по крайней мѣрѣ, я его понимаю, — человекъ съ самолюбіемъ необъятнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія, считаетъ себя самымъ умнымъ человекомъ въ мірѣ (онъ даже и не думаетъ дѣлать секрета изъ такого самопризнанія) ¹⁾. Вслѣдствіе этого безцеремоннаго взгляда на самого себя, ему, разумѣется, кажется, что все, что сдѣлано не имъ, никуда не годится. И такъ какъ, кромѣ пагубы нѣсколькихъ десятковъ нашихъ лучшихъ юношей, до сихъ поръ пока еще ничего не сдѣлано, то и выходитъ, что все, елика на небеси горѣ и на землѣ низу и въ водахъ и подъ землею—не годится ни къ чорту. Молодое поколѣніе воспиталось не въ его школѣ (по крайней мѣрѣ не все)—молодое поколѣніе дрянъ; общество устроилось не по его методѣ—ну, и оно дрянъ; да нечего тутъ пересчитывать, однимъ словомъ все *сущее* идетъ въ бракъ, въ ломку («всѣ права и блага общественной жизни находятся теперь въ нелѣпномъ положеніи», наприм. говорить онъ) и все, имѣющее существовать, должно созидаться по его методѣ, если хочетъ, чтобы оно на что нибудь годилось. Итакъ, — «давайте все разрушать»... Но надѣленный отъ природы такими воинственными наклонностями, нашъ Thalaba the Destroyer не одаренъ, къ сожалѣнію, большой храбростью. Онъ, какъ новый Самсонъ, во что бы то ни стало хочетъ разрушить зданіе нашего общественнаго устройства... Только видите ли... старый, сильный, парайльтянинъ былъ такъ непрактиченъ, что втемяшился въ самую середину зданія и, расшатавъ столбы of his Commonweal—повалилъ всѣ обломки на свою голову:

The poor, blind slave, the scoff and jest of all,
Expired,—and thousands peris in the fall...

«Это и коротко и ясно. Но нашъ Самсонъ рассуждаетъ иначе. Онъ такъ полагаетъ: чѣмъ мнѣ погибать подъ обломками стараго зданія, я лучше пошлю другихъ развалить его; а самъ посижу

¹⁾ Вспомните читатель, письмо Н. Г. къ женѣ. Не видѣлъ ли его Костомаровъ?...

пока въ сторонкѣ... Коли развѣшивать — хорошо; я займусь тогда постройкой новаго (и, вы уже видите, что *такой* архитекторъ, составляя смѣты, конечно не обидитъ своего кармана), а не развѣшивать—надорвутся, толкая крѣпкіе еще столбы, — такъ мнѣ то что? Я то всячески цѣль останусь. И пошлю новыхъ работниковъ; авось же найдется когда нибудь такой крѣпкій лобъ, что и прошибетъ стѣну... и въ писаніи сказано: толцете и отверзется и греческая пословица (которую, помните, зубрили мы когда то въ грамматикѣ Кюнера) говорить: капля долбитъ камень не силою, но часто падая...

«Я сказалъ, что разрушитель нашъ не одаренъ большой храбростью. Не знаю, отчего это я такъ сказалъ. Можетъ быть для того, чтобы фраза вышла покрасивѣе. Надо было бы сказать: «онъ просто жалкій трусъ». Это вѣрнѣе. Но многіе — вотъ что удивительно—видятъ въ немъ, напротивъ, чудо храбрости, просто какого то черкесскаго делибаша или скандинавскаго берсеркера. Но это вотъ отчего: *ses braves gens* немножко перепутываютъ два понятія: наглость, нахальство, охаверничество съ храбростью, самоотверженіемъ, геройствомъ. Въ «Полемическихъ красотахъ» ¹⁾ они видятъ, напримѣръ, цѣлую Илліаду храбрости. Отщелкать какого нибудь Альбертини ²⁾ они считаютъ подвигомъ, равнымъ убіенію гидры Лернейской. Написать подъ всеохраняющей эгидой матери-цензуры статью объ іюльской монархіи (т. е. перефразировать Луи Блана) и въ ней, съ разрѣшенія какого нибудь Загибенина ³⁾, поглумиться надъ людьми, *восторгающимися настоящими*, надъ отчаяніемъ людей *нетвердыхъ духомъ* или *нетерпеливыхъ* (ты то твердъ) — въ этомъ они видятъ цѣлый крестовый походъ противъ настоящаго порядка вещей, цѣлую революцію, — тогда какъ это, съ одной стороны, шишъ въ карманѣ, а съ другой — просто поддразниваніе. Но, боже мой! Неужели Аполлонъ сдѣлалъ великій подвигъ, содравъ кожу съ бѣднаго Марсіаса за то, что бѣдный пастухъ *осмѣлился* лучше его играть на флейтѣ? Неужели Чинскій възаправду совершилъ великій подвигъ, отваливъ на обѣ корки Альбертини, котораго самъ же называетъ ребенкомъ... въ сравненіи съ собой? Нѣтъ, воля ваша; это пакость, а не подвигъ. Отодрать человѣка въдесятеро слабѣйшаго да еще хвастаться: «вотъ, дескать, господа, смотрите, такъ будетъ со всѣми, кто не со мной идетъ, ибо кто не со мной, тотъ противъ меня... милые дѣти, слушайте меня, и избѣгайте полемиическихъ встрѣчъ со мною, не то выпорю васъ, каналы, обругаю и сотру съ лица земли. А ужъ кого я обругаю, тотъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ»... Вотъ вамъ и рыцарь Духа и апостолъ свободы и проповѣдникъ равенства! Да вѣдь это просто застрапчиваніе, это хуже всякаго III Отдѣленія, хуже... чортъ знаетъ чего! А потомъ это науськиванье въ его

¹⁾ Известная статья Чернышевскаго.

²⁾ Н. В. Альбертини, сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“.

³⁾ Фамилія цензора.

безконечныхъ видоизмѣненіяхъ... этотъ поддѣльный, искусственный скептицизмъ, которымъ онъ такъ удачно бьетъ всегда по двумъ цѣлямъ разомъ: подстрекаетъ *нервнительныхъ*, которые видятъ въ этомъ скептицизмѣ глумленіе надъ собой, и отводитъ глаза кому слѣдуетъ... Вотъ, дескать, смотрите добрые люди: я всѣмъ говорю, что «изъ этого ничего не выйдетъ», меня даже не разъ въ тунеядствѣ укоряли за это... о, этотъ скептицизмъ, это науськиваніе, эта дрессировка бульдоговъ!... Знаю я, хорошо знаю и этотъ скептицизмъ, и эту дрессировку, и это науськиваніе: «сей есть ученикъ, свидѣтельствуй о сизѣ, иже и написа сѧ».

«И вотъ вы, ворчливѣе, чѣмъ когда нибудь, въ сотый разъ предлагаете мнѣ свой сердитый вопросъ: «за что жъ ты, дурень, щадилъ его, этого нехорошаго человѣка? За чтожъ ты взялъ на себя его вину? Вѣдь въ твоихъ рукахъ были всѣ средства увязить его на свое мѣсто! Вѣдь я же самъ видѣлъ эти письма... чтожъ ты теперь то, снявши голову, плачешь по волосамъ?»— Да, другъ мой, вы правы въ томъ отношеніи, что въ рукахъ моихъ всегда была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ моей сентенціи: «за составленіе возм. воззв. къ б. кр. ¹⁾ осуждается на то то»—относился не ко мнѣ, а къ Чскому. Но вы ошибетесь, если увидите въ письмѣ моемъ глупый «плачь по волосамъ снявши голову». Тогда я долженъ былъ молчать... даже передъ вами, чтобъ въ жалобѣ моей *даже вы* не видали малодушнаго моленія о чашѣ; теперь, когда уже consummatum est, «совершилось», говорить во мнѣ горькая боль оскорбленнаго сердца. Вы поймете меня. Вы знаете, что это не фраза. Вы можете быть судьей между мною и ими. Вы слышали, что они говорятъ обо мнѣ *на основаніи* какой то *сплетни*, и видѣли, что я могъ сдѣлать *на основаніи* неоспоримаго *факта*. Вы знаете, что было въ моихъ рукахъ и какъ я *этими* воспользовался ²⁾. Меня обвиняли въ малодушіи, подозрѣвали въ предательствѣ. Многіе, подхвативъ на лету нелѣпую сплетню, молча оставили меня, другіе были почестнѣе и говорили мнѣ, въ чемъ меня обвиняетъ молва. Передъ *этими* мнѣ легко было оправдаться, точно также, какъ *было бы* легко оправдаться передъ закономъ. У меня были письма, которыя въ *моихъ рукахъ* служили мнѣ оправданіемъ передъ тѣми, кто меня обвинялъ въ предательствѣ, а въ *рукахъ правительства* могли служить мнѣ полнымъ оправданіемъ передъ лицомъ закона. Вы знаете, что я выбралъ, *какое* оправданіе я предпочелъ и что сдѣлалъ съ *этими* письмами... Нечего и говорить, что, выгораживая такимъ образомъ Чскаго и Шнова ³⁾ изъ этого дѣла, я болѣе щадилъ себя, чѣмъ ихъ. Я не стану объяснять вамъ этой фразы; вы ее поймете и такъ. Знаю я, что загораживая

¹⁾ Т. е. «Къ барскимъ крестьянамъ».

²⁾ Ниже мы увидимъ, что разумѣлъ здѣсь Костомаровъ.

³⁾ Т. е. Шелгуновъ.

собою Ч. и ему подобныхъ, я глубоко виновать—не говорю передъ правительствомъ—потому что я не связанъ съ нимъ ничѣмъ,—но передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго учениемъ Чскаго, принесла и приноситъ такіе горькіе, такіе отравленные плоды.

«Не говоря уже о множествѣ личностей, сдѣлавшихся жертвою его науськиванія, я твердо убѣжденъ, что всѣмъ этимъ печальнымъ поворотомъ къ старому порядку, этими тяжелыми цѣпями, которыя снова наложили на наше слово и на нашу мысль, мы обязаны дѣятельности этихъ господъ. Они не избавили насъ отъ того, что они называютъ «рабствомъ египетскимъ», но своими безумными кривляніями сдѣлали то, что насъ закрѣпощаютъ въ еще большее рабство. Въ 60-мъ году, напримеръ, пресса наша была въ положеніи, которое можно было назвать весьма близкимъ къ разумной свободѣ. Что же они сдѣлали? Они сейчасъ же воспользовались этой свободой для своего науськиванія (я стою на этомъ словѣ, потому что рѣшительно не признаю въ ихъ писаніяхъ апостольства свободы), они сдѣлали литературу орудіемъ своихъ личныхъ страстей, видѣли въ свободѣ слова только возможность скандальничать и оправдывались тѣмъ, что свобода, «дарованная» нашей прессѣ, не шла далѣе этого позволенія (но вы хорошо знаете, что это вздоръ). Пр-во конечно не могло долѣе терпѣть этого безчинства, оставаясь самимъ собой, т. е. «императорско-россійскимъ» пр-омъ. Но оно поступило не совсѣмъ справедливо (ради Бога, да останется это между нами), отнявъ свободу слова (т. е. ту долю свободы, которую мы имѣли въ 60-мъ г.), у *всѣхъ*, а не у *тѣхъ* только, кто не умѣлъ ею пользоваться, хотя, съ другой стороны, нельзя и порицать его за это безусловно. (Я знаю, что его никакъ нельзя порицать, хотя бы оно засмаливало людей и зажигало ихъ вмѣсто факеловъ; но вѣдь... да останется это между нами, другъ мой). Правительство наше постоянно смотрѣло на литературу только издали, считая ее выраженіемъ не общественнаго мнѣнія, а носительницей идей того или другого кружка литераторовъ. Такъ оно и въ самомъ дѣлѣ было,—да и не могло быть иначе,—пока цензура подводила всѣ мнѣнія подъ одинъ общій уровень, мѣра котораго указана была свѣше, дана была извнѣ, а не вышла изъ внутренней потребности самого общества. Пр-во имѣло тогда полное право не интересоваться положеніемъ нашей литературы, потому что, давая ей тонъ, оно знало напередъ, что найдетъ въ ней. Но когда оно значительно ослабило цѣпи, тяготѣвшія на нашемъ словѣ, оно должно бы было нѣсколько внимательнѣе присматриваться къ тому, что дѣлается въ литературѣ. И тогда... (тутъ я дѣлаю большой пропускъ; тутъ многое слѣдовало бы сказать, но ни время, ни мѣсто не позволяютъ этого)... тогда оно увидѣло бы, что голосъ Чскаго и братіи его, раздававшійся правда крикливѣе всѣхъ голосовъ въ нашей литературѣ,—не есть голосъ общественнаго мнѣнія; оно увидѣло бы, что этотъ голосъ, изъ-за

котораго нашу литературу снова вернули въ тотъ душный казематъ, въ которомъ она задыхалась со дня своего рожденія, снова отдали подъ солдатскій надзоръ разныхъ Фрейганговъ и Флеровыхъ ¹⁾, прогонявшихъ «вольный духъ» даже изъ поваренныхъ книгъ, какъ—не есть голосъ, выражающій общественное мнѣніе, а напротивъ идущій наперекоръ ему; оно поняло бы, что, говоря словами нѣмецкаго поэта,

Die öffentliche Meinung schreit und klagt:
Ihr habt von mir erborget eure Kraft;
Durch mich geschah, was Grosses ihr geschafft,
Durch mich gelang, was siegreich ihr gewagt.

Und nun ich euch ersöht, wollt ihr als Magd
Mich züchtigen mit Ruthen und mit Haft;
Ihr schämt euch flüchtigen Genossenschaft
Und habt mir, eurer Herrin, widersagt?

Und doch, ihr hörtet meine Donner rollen,
Und der Koloss der Zeit war schon zerstoßen,
Von dessen Ioch ich kam euch zu erlösen.

Ihr Seifenblasen, die mein Heuch geschwollen,
Und flücht'gen Schimmers meine Huld gehoben,
Ihr eille Seifenblasen—seid gewesen!...

«Но обо всемъ этомъ, *en temps et lieu*, мы еще будемъ говорить съ вами. Въ сотый разъ принимаюсь за «прерванную нить моего разсказа» (какъ говорилось когда то) и на этотъ разъ уже съ положительнымъ обѣщаніемъ допрять ее какъ можно скорѣе.

«Итакъ, если вы что нибудь поняли изъ моихъ безсвязныхъ словъ (я удивляюсь еще, какъ въ послѣднее время я окончательно не утратилъ всякую способность мыслить и говорить)—вамъ будетъ понятно и то ожесточеніе, съ которымъ я говорю объ этихъ людяхъ, и та глубокая скорбь, которая разрываетъ теперь мое сердце... потому что

«Nessun maggior dolore»—

«Нѣтъ муки больше той, какъ страдать за идею, которой не служишь, и «положить душу свою» за людей, которыхъ не уважаешь, которымъ не имѣешь что сказать, кромѣ словъ нашего великаго апостола: «Гробъ отверзтъ гортань ихъ—языки своими мщажу; ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ. Ихъ же уста клятвы и горести полна суть: скоры ноги ихъ проліяти кровь! Сокрушеніе и озлобленіе на путяхъ ихъ, и пути мирнаго не познаша»...

«Я выбралъ этотъ текстъ не наудачу, другъ мой. Съ глубокимъ убѣжденіемъ, не измѣняя ни одной іоты въ этихъ горькихъ

¹⁾ Фамиліи цезаревъ.

словахъ великаго апостола, я примѣняю ихъ къ людямъ, которыхъ называютъ моими учителями, моими сообщниками...

«Я никому не говорилъ этого,—ни даже вамъ,—пока исповѣдь моего сердца могла быть перетолкована въ малодушное желаніе отвертѣться отъ казни; но теперь, когда для меня уже все кончено, я имѣю полное право говорить съ вами такъ, какъ говорю; мнѣ нужно высказаться—«или разорвется грудь отъ муки»... Я не могу молчать долѣе, потому что

„J miei pensieri civ me dormir non ponno“...

«Я долженъ все сказать вамъ. Я слишкомъ дорожу вами, мой вѣрный другъ, и не хочу, чтобъ вы смѣшивали меня съ людьми, которые не познали мирнаго пути, но съ сокрушеніемъ и озлобленіемъ дѣйствуютъ, *«ибо скоры ноги ихъ проліяли кровь!»*.

«Само собою разумѣется, кровь чужую.

«Зная мой миролюбивый и отъ природы кроткій характеръ, вы хорошо поймете, какъ тяжело было и тогда мнѣ смотрѣть на этихъ проповѣдниковъ «крещенъя кровью и огнемъ», на этихъ людей, говорившихъ, что «незачѣмъ тратитъ слова тамъ, гдѣ штыкъ скорѣе возьметъ то, что намъ надо»... но тогда, по крайней мѣрѣ (насколько это было возможно) меня мирила съ этими людьми мысль, что каковъ бы ни былъ путь, избранный ими, но они руководятся на немъ общей намъ цѣлью—исцѣленіемъ язвъ нашей страдающей родины; а теперь... съ какимъ глубокимъ омерзениемъ смотрю я теперь на этихъ кровавыхъ людей, когда я убѣдился, что они вооружились огнемъ и мечемъ не во имя благой идеи, а только за тѣмъ, чтобъ, обрубивъ головы всѣмъ, кто выше ихъ, стать такимъ образомъ выше всѣхъ и господствовать, хотя бы и надъ обезглавленными трупами... Да, я имѣю полное право говорить это, я имѣю твердое основаніе называть этихъ людей проповѣдниками крещенъя кровью и огнемъ: такъ называли бы ихъ и вы, такъ назвалъ бы ихъ всякій, кто прочиталъ бы первыя редакціи этихъ несчастныхъ воззваній, авторство которыхъ такъ обязательно приписывалъ мнѣ московскій сенатъ! Я не могъ конечно на память возобновить ихъ первоначальнаго текста, но живо помню то впечатлѣніе, которое они произвели на меня. Это было какое то странное, опьяняющее впечатлѣніе. Словно кровавый туманъ застилалъ глаза; казалось, онъ входилъ въ самый мозгъ, страшно и мерзко становилось мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зарождалось какое то безотчетное удалство, такъ и подмывало схватить топоръ или ножъ, такъ и хотѣлось рубить и рѣзать, не разбирая, кого и за что... Какъ Фету при видѣ обоза русскихъ мужичковъ сталъ понятенъ мнѣ объ Амфіонѣ. подъ звуки флейты котораго сами собой складывались евскія стѣны, такъ мнѣ впервые стала понятна тогда сила тиртеевыхъ пѣсенъ, сила марсельезы... такъ обаятельна была сила ихъ лукаваго слова! Потомъ, какъ и всякое опьяненіе, впечатлѣніе это,

конечно, разсѣялось скоро... Черезъ нѣсколько часовъ я уже былъ въ состояніи понять, что такое въ самомъ дѣлѣ эти прокламаціи и потомъ (какой вздоръ я написалъ было)¹⁾ уговорить Ч. совершенно передѣлать и значительно смягчить текстъ воззванія къ Б. К. (Но, говоря потомъ со мною объ этихъ измѣненіяхъ, Ч. признавался мнѣ, что онъ согласился на эти измѣненія только потому, что иначе я не соглашался печатать ихъ; что онъ остался при своемъ убѣжденіи, что *мужикамъ* не толковать слѣдуетъ, не вразумлять ихъ, а только кричать почаще—«въ топоры, ребята!», что въ такомъ дрябломъ видѣ, какой, по нашему убѣжденію, приняло воззв. къ б. к., изъ него ничего не выйдетъ»... вотъ ужъ не это ли называютъ *скептицизмомъ*?) Впрочемъ, о воззваніяхъ этихъ рѣчь впереди. Мнѣ уже рѣшительно пора кончить бесѣдовать съ вами, а я съ ужасомъ замѣчаю, что я еще и не принимался за исполненіе своего обѣщанія,—сдѣлать нѣсколько поправокъ въ юрисдикціи моихъ нелицепріятныхъ судей, которымъ, по словамъ того же апостола Павла, «даде Богъ духъ умиленія, очи не видѣти и уши не слышати, даже до сего дня»...

«Итакъ, вотъ какъ было дѣло.

«Какъ и когда я сблизился или, лучше сказать, сошелся съ Чскимъ,—это все равно. Выступая на такъ называемое «литературное поприще», я искалъ случая пристроиться къ какому-нибудь журналу,—чего *безъ протекціи*, особенно мнѣ, съ моими, какъ вы знаете, весьма и весьма скромными способностями, сдѣлать было нельзя. Особенно хотѣлось мнѣ пристроиться какънибудь къ «Совр.», направленію котораго (въ томъ видѣ, какъ оно проявлялось явно) я горячо сочувствовалъ. Больше всего мнѣ хотѣлось сблизиться съ Мих.²⁾—и я былъ такъ счастливъ, что случай къ этому представился скоро... Я сердечно полюбилъ этого человѣка... и теперь горячо люблю его, несмотря на то, что мы пошли съ нимъ въ разныя стороны... ну, да объ этомъ говорить нечего.

«Первый визитъ мой къ Ч. былъ крайне неудаченъ. Меня привезъ Михайловъ. У Ч. было много народу въ тотъ вечеръ,—говорили все большею частью о такихъ важныхъ матеріяхъ, въ которыхъ въ то время я былъ совсѣмъ еще *homo novus*; говорили все люди для меня новые, незнакомые, говорили такъ горячо, такъ самоувѣренно обсуживали и рѣшали все такіе важные вопросы, что я, человѣкъ, какъ вы знаете, вообще до смѣшного застѣнчивый, только конфузился и молчалъ... Изобразивъ на лицѣ своемъ, вѣроятно, чтонибудь въ родѣ весьма глупаго умиленія, я долго сидѣлъ, забившись въ уголъ дивана. Наконецъ, хозяинъ сжалился надо мною и подошелъ ко мнѣ. Очевидно, онъ затруднялся тоже, не зная, объ чемъ ему говорить со мной. Я не помню ужъ, объ чемъ онъ заговорилъ со мной—только коротко conver-

¹⁾ Нѣсколько словъ вычеркнуто.

²⁾ М. Н. Михайловъ.

sation наше опять не удалось, потому что я снова уткнулся въ уголъ дивана, а Ч., оставшись, впрочемъ, рядомъ со мной, на креслѣ, заговорилъ съ кѣмъ то о чемъ то другомъ. Такъ шло время. Я глупо молчалъ; Чскій, какъ то странно оставшись въ своемъ креслѣ, безпрестанно хихикалъ своимъ визгливо дребезжающимъ, непріятнымъ голосомъ... Наконецъ, вышелъ Мих. изъ другой комнаты и, моргнувъ Чскому, увелъ его въ кабинетъ. Минутъ черезъ 5 онъ вернулся и вызвалъ меня. Тутъ то и началось наше настоящее знакомство... Я не стану, конечно, передавать вамъ нашего разговора; *словъ* его не помню, а *смыслъ* — понятенъ. Съ стыдомъ сознаюсь, что результатъ его на первыхъ порахъ — сталъ благоговѣть передъ Ч., какъ передъ человѣкомъ, который, казалось мнѣ, держитъ въ рукахъ своихъ судьбы всея Руси. Тогда то и происходило чтеніе «воззв. къ б. к.» въ первоначальномъ его видѣ. (Надо вамъ сказать, что Мих., знавшій уже отъ меня, что въ Москвѣ есть возможность печатать безъ цензуры, на томъ станкѣ, на которомъ отпечатана была книга о Корфѣ ¹⁾), и предварительно переговоривъ съ Ч., привезъ меня къ Ч. именно съ той цѣлью, чтобы переговорить о возможности напечатанія воззванія). О впечатлѣніи, какое произвело на меня это воззваніе, я уже говорилъ... Я не былъ въ состояніи ничего отвѣтить Чскому. Я окончательно, что называется, потерялъ голову, исчезъ, какъ Семелла въ величіи Юпитера. Замѣтивъ это (т. е. не Семеллу и Юпитера, а мое плачевное состояніе), Мих. увезъ меня отъ Ч., захвативъ съ собою и рукопись воззванія.

«На другой день утромъ мы вмѣстѣ съ М. еще разъ прочли воззваніе. Впечатлѣніе было уже совершенно иное. Мнѣ просто было тошно слушать этотъ аннибальскій призывъ къ рѣзнямъ... Миху тоже очевидно было неловко и тяжело. Одинъ Шлгновъ, тоже присутствовавшій на чтеніи, скакалъ и восклицалъ, какъ Давидъ передъ ковчегомъ завѣта... Много и долго говорили мы съ Мвымъ объ этомъ воззваніи. Оба мы признавали полную необходимость помочь, какъ умѣемъ, крестьянскому горю, вразумить мужика, что его — какъ намъ казалось тогда — во многомъ обопли и обманули; но вразумить вовсе не съ тѣмъ, чтобъ онъ съ топоромъ въ рукахъ сталъ добывать себѣ «Землю и волю»; поэтому мы положительно осудили текстъ воззванія, составленнаго Чскимъ. Мы покончили, наконецъ, тѣмъ, что Мих. долженъ былъ отправиться къ Чскому съ положительнымъ отказомъ, съ моей стороны, способствовать напечатанію брошюры, если въ ней не будутъ сдѣланы предложенныя нами измѣненія и поправки.

«Мих. съѣздилъ къ Ч., и что они тамъ говорили, не знаю. Въ слѣдующее свиданіе наше Мих. сказалъ, что Ч. съ трудомъ оогласился на измѣненія, говоря, что напротивъ, слѣдовало бы усилить тонъ, но что ужъ если *нельзя* печатать брошюру въ томъ

¹⁾ Сочиненіе Огарева — „14 декабря 1825 г. и императоръ Николай“, изд. въ Лондонѣ, въ 1858 г., было напечатано въ Москвѣ въ 1861 г.

видѣ, какой онъ проектировалъ, онъ, пожалуй, сдѣлаетъ измѣненія, только ужъ за успѣхъ не ручается, и даже думаетъ, что въ *такомъ видѣ* прокламація будетъ совсѣмъ бесполезна (скептицизмъ).

«Прошло нѣсколько дней. Домашнія дѣла отозвали меня въ Москву. Я уѣхалъ, не дождавшись измѣненной брошюры.

«Въ Петерб. остался Сороко, пріѣхавшій вмѣстѣ со мной для распродажи своего изданія ¹⁾ и стоявшій на одной квартирѣ со мной.

«Черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ вдругъ я узнаю стороной, что Сулинъ рассказывалъ какому то своему другу, будто Ч. поручилъ ему (Сулину) отпечатать одну чрезвычайно важную брошюру. Извѣстіе это, дошедшее до меня, можетъ быть, уже черезъ двадцатыя руки, очень понятно, и удивило меня и встревожило. Я сейчасъ же отыскиваю Сна, и узнаю слѣдующее: Ско, оставшись въ Пб. для окончанія своихъ дѣлъ, отыскиваетъ Муха, и явившись къ нему познакомиться отъ моего лица, рекомендуетъ себя однимъ изъ владѣльцевъ тайнаго станка. Михайловъ отдаетъ ему рукопись воззванія, «какъ человѣку, который говорилъ ему, что имѣетъ возможность напечатать рукопись въ Москвѣ» (такъ, à peu près Муха. говоритъ въ своемъ показаніи, которое я запомнилъ очень хорошо; но сенатъ принялъ во вниманіе не совершенно одинаковое показаніе двухъ лицъ, которыя не могли и не имѣли никакой надобности столкнуться между собою, а совершенно невѣроятное показаніе самого Срко) и отдавая рукопись «желалъ, чтобъ она была напечатана». Но это только *официальныя* показанія. Въ самомъ же дѣлѣ вотъ какъ было: познакомившись съ С-кой, Мух. повезъ его къ Чскому и уже самъ Чскій, лично, передалъ Сорокѣ и рукопись воззванія и деньги (200 р.) для ея напечатанія. Когда я пришелъ къ Сну, я увидѣлъ, что деньги эти тратились совсѣмъ не на то, на что они были даны Чскимъ. Но, вѣроятно, устыдившись моихъ нареканій, С. и С. сейчасъ же принялись за приготовленіе къ устройству станка. Шрифты и станокъ немедленно были куплены, помѣщеніе я далъ имъ у себя наверху—и работа началась. Тутъ я не могу не остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, «слѣдствіемъ обнаруженныхъ». Сулинъ показалъ, что я «обѣщалъ помочь его положенію», если онъ, Слнъ, «согласится въ свою очередь оказать содѣйствіе къ напечатанію одной бездѣлицы»... и Слнъ согласился, будто бы даже не полюбопытствовавъ у меня, что это за бездѣлица. Посмотримъ теперь, что же это было за содѣйствіе, за которое я, повидимому, обѣщалъ заплатить Слну такъ щедро, ибо какимъ *нибудь* пятиалтыннымъ помочь бѣдственному положенію человѣка нельзя же. А по показанію Слна (на которомъ, очевидно, основанъ и приговоръ судей) только наборомъ пяти или шести строкъ, потому что когда Слнъ набралъ эти пять-шесть строкъ, я будто бы

¹⁾ Названной книги Огарева.

сказалъ, что теперь я выучился набирать, и *могу обойтись безъ него*. Какъ все правдоподобно, неправда ли? Но пойдѣмъ далѣе. Когда получена была предостерегательная записка, я (по тому же показанію) принялся за *уничтоженіе* станка (должно принялся его жевать и проглатывать); но при этомъ я (будто бы) хотѣлъ сохранить набранныя строки, но Сулинъ схватилъ ихъ (схватилъ!) и рассыпалъ... а потомъ взялъ нѣкоторыя части машины (да вѣдь я же принялся за ея *уничтоженіе*) и перевезъ на квартиру Кистера. Хорошо. Стало быть, станокъ, частью мною *уничтоженный*, частью отвезенный на квартиру Кистера, работать не могъ. Зачѣмъ же мнѣ было желать сохраненія набранныхъ строкъ тѣмъ болѣе, что ихъ было набрано такъ мало? Могъ ли, наконецъ, я желать сохраненія у себя чего либо, могущаго компрометировать, если я, по показанію Слн, такъ искренно повѣрилъ его предостерегательной запискѣ, что *немедленно принялся за уничтоженіе станка*, т. е. сталъ его жевать и проглатывать? Се раувге diable—Сулинъ, конечно, въ попыхахъ не могъ сообразить всей нелѣпости своихъ показаній, его въ продолженіе всего слѣдствія била лихорадка,—но послушайте,—что же ratres conscripti?... Но мы никогда не кончимъ, если я буду останавливаться на всѣхъ подробностяхъ нашего дѣла,—(у меня нѣтъ на это ни времени, ни охоты). Поэтому «оставимъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ», мы переходимъ къ другой брошюрѣ, озаглавленной также вычурно, какъ и первая: «русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ».

«Призывая крестьянъ къ бунту (если и не прямо, то возбуждая между ними такіе вопросы, къ разрѣшенію которыхъ крестьянинъ, очевидно, не могъ найти другого средства, кромѣ топора), составители манифеста естественно должны были позаботиться о томъ, что противопоставить тѣмъ мѣрамъ, которыя правительство приметъ для подавленія бунта. Съ Чскаго довольно было только заварить кашу; какъ и кому придется ее расхлебывать, объ этомъ онъ не заботился. Ясно, что самое естественное, самое близкое и самое вѣрное орудіе пр-ва есть солдатъ. Стало быть надо дѣйствовать на солдата, надо его сманить на крестьянскую сторону. И вотъ проектируется «Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброж. поклонъ». Манифестъ этотъ берется составить Шелгуновъ. Но изъ его писаній вышло чортъ знаетъ что; такая чепуха, что въ ней и мужикъ реветъ, и корова реветъ, и самъ чортъ не разбереть, кто кого деретъ. Недовольные этимъ опытомъ, пробовали и мы съ Мих. написать что нибудь, но у насъ вышло едвали даже не хуже. У Млова—какой то философскій трактатъ, въ родѣ пресловутаго dei doveri degli Uomini, а у меня—не то полковой приказъ, не то марсельеза. Такъ что за неимѣніемъ лучшаго поневолѣ приходилось удовольствоваться произведеніемъ Шнова. Между тѣмъ самъ авторъ твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что его воззваніе есть именно то, «что нужно солдату». И чтобы убѣдить насъ въ этомъ, предложилъ мнѣ походить вмѣстѣ съ нимъ

по солдатамъ, поговорить съ ними и, если представится возможность, прочесть имъ воззваніе, чтобъ посмотрѣть, какое оно произведетъ на нихъ впечатлѣніе. Сказано,—сдѣлано. Шелъ пошелъ въ однѣ казармы, меня послалъ въ другія. Сговорились сойтись въ какой то харчевнѣ. Но я, конечно, не пошелъ въ казармы (вы знаете, что особеннымъ удалствомъ я вообще не отличаюсь), а, побродивъ по улицамъ, пришелъ прямо въ харчевню, гдѣ уже сидѣлъ Ш. съ своими знакомыми солдатами. Я, поздоровавшись съ Ш., подсѣлъ къ нимъ и молча слушалъ ихъ мудрую бесѣду. Ш. заносился, солдаты были такіе глупые, глупые,—пыхтѣли за чаемъ и поддакивали, какъ видно, ровно ничего не понимая и, всего скорѣе, не слушая. Мнѣ (признаюсь въ своей трусости) была крайне непріятна эта глупая и опасная комедія,—и я скоро уговорилъ Ш. уйти изъ харчевни. Дорогой онъ сообщилъ мнѣ, что солдаты слушали его съ восторженнымъ участіемъ и сдѣлали ему много очень дѣльных замѣчаній; а я—что его знакомаго солдата не нашелъ, а другіе, съ которыми я пробовалъ было заговаривать, чуть меня не приколотили. Я поздравилъ его съ успѣхомъ; онъ посмѣялся надъ моей трусостью и неспособностью къ политическому агитаторству... Таковы были наши экспедиціи въ полярныя страны. Ну, потомъ Ш., вразумленный опытомъ, еще разъ десять переписывалъ свое посланіе; Мих. прибавилъ въ немъ метафизики, повыкинулъ слишкомъ яркіе санкюлотизмы,—и я взялъ рукопись съ собою. Впрочемъ, мнѣ, всетаки, это посланіе не нравилось, особенно начало, гдѣ доказывалась несправедливость завладѣнія Польшей,—было, по моему мнѣнію, очень глупо. То есть не глупо само по себѣ, но глупо обращенное къ солдату, не имѣющему ровно никакого понятія ни о народномъ правѣ, ни объ «исторической необходимости»...

«Ну, теперь, *посланіе третье*—Вы знаете, что у насъ на Руси есть общины, внѣшнія формы которыхъ довольно близко подходятъ къ идеалу коммуны. Это раскольники, на которыхъ съ такой любовью останавливаются наши современные реформаторы. Отреченіе отъ собственности (у духоборцевъ), общее пользованіе землями на б омъ положеніи, отвращеніе отъ наружныхъ обрядовъ церкви, неуваженіе къ предписаніямъ гражданской власти и пр. и пр.—вотъ тѣ *attrait*s, которые привлекаютъ къ русскому расколу любовные взгляды нашихъ коммунистовъ. Они, конечно, не могутъ не видѣть во всемъ этомъ одного тупого религіознаго фанатизма, они очень хорошо понимаютъ, что ненависть къ наружной церкви явилась у раскольниковъ не потому, чтобъ имъ были тѣсны формы, данныя Никономъ, но потому, что эти формы не во всемъ соотвѣтствовали заскоруждому преданію; люди, провозгласившіе расколъ свободой отъ оковъ, наложенныхъ формами, не могли забыть фанатической привязанности раскольниковъ къ своимъ старымъ книгамъ, къ своимъ копченнымъ образамъ, къ своему двуперстному знаменію, въ этихъ тупыхъ изувѣрахъ, которые считаютъ для себя оскверненіемъ даже пить воду изъ од-

ного колодпа съ «погаными» никонцами,—они никакъ не могутъ, въ самомъ дѣлѣ, видѣть людей, руководящихся правиломъ: что «въ сущности всѣ люди равны, ибо всѣ равно грѣшны и всѣ подлежатъ искушенію». Нѣтъ, не «живая сила духа» дорога мнѣ въ расколѣ, а дорога его непримиримая фанатическая ненависть къ обществу, дорого то, что они называютъ «позываніемъ ума и совѣсти и всего человѣка къ свободѣ», но что для «имѣющихъ уши слышати» значитъ то, что въ расколѣ никогда не умиралъ зародышъ пугачевщины. Поэтому для нашихъ агитаторовъ расколъ есть желанный и ожидаемый Мессія бунта.

«Само собою разумѣется, что мы не забыли *подоброежелательствовать* и расколу. «Поклонъ старообрядцамъ» былъ составленъ тѣмъ же «доброжелателемъ», который составлялъ и манифестъ къ крестьянамъ. Жаль, что онъ не сохранился у меня. Онъ былъ писанъ мною подъ диктовку Чскаго (жаль, что нѣтъ ни охоты, ни мѣста, ни времени, а то я рассказалъ бы вамъ, съ какими смѣшными предосторожностями совершалось это таинство... но, увы! ничто же тайно есть, еже не откроется),—и я сжегъ его вмѣстѣ съ многими другими бумагами, во время торговъ съ Николкой ¹⁾ о доносѣ. Впрочемъ, это была страшная дребедень—скучная, сухая, длинная рація; во время ея писанья я съ трудомъ преодолевалъ сонъ. Помнится, это было безконечное разглагольствованіе во вкусѣ Ламенна; нелѣпая болтовня объ антихристѣ и его печатѣхъ, пересыпанная самой наглою лестью и самыми живыми обѣщаніями...

«Такимъ образомъ мы, казалось, ничего не упустили изъ вида... кромѣ одной мудрой пословицы: не шути огнемъ—обожжешься...

«А вы, Чскій, забыли еще одну пословицу, тоже очень глупую. Когда нибудь я вамъ ее припомню.

«Это было во время второй моей повѣдки въ Птб., кажется, во время *последней добровольной* повѣдки... съ тѣхъ поръ—но эта исторія еще впереди.

«Во время самаго печатанія манифеста къ крестьянамъ Чскій посѣтилъ меня въ Москвѣ, сдѣлалъ кое-какія поправки въ текстъ воззванія и, оставшись доволенъ работою, благословилъ меня на новые и новые подвиги...

«Потомъ, какъ вы уже знаете, я бросилъ печатаніе брошюры, не кончивъ ее. Мих. уѣхалъ за границу. Этимъ роль моя политическаго агитатора и кончилась... навсегда.

«Весна и лѣто прошли тихо. Я предпринялъ изданіе исторіи всемірной литературы и, углубившись въ изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ, совсѣмъ было забылъ о крестьянахъ барскихъ и о солдатахъ царскихъ,—какъ на меня былъ сдѣланъ доносъ Николкой... Меня взяли. Судили. Приговорили и вотъ—

¹⁾ Братъ Всеволода Костомарова, Николай, который, по его словамъ, донесъ на него въ 1861 г., не получивъ проسمى за неодоносительство суммы.

«Вотъ и все.

«Т. е. все, о чемъ я хотѣлъ и общалъ писать вамъ. А тамъ— что пережилося, что передумалось въ это время, это... что говорить объ этомъ! Это ужъ *мое дѣло*. Были у меня и другія столкновенія и съ этими и со многими другими людьми... «Суть же ина многа, яже сотвори, яже аще бы поединому писана быша, ни самому мнѣ всему міру вмѣстите пишемыхъ книгъ»...

«Я общалъ написать вамъ комментарий на производство моего дѣла въ сенатѣ. Ну вотъ онъ вамъ. Теперь выводите, меня ли слѣдовало бы подвергнуть наказанію за *составленіе* «возмут. воззв. къ б. к.», меня ли должно было признать «*зачинщикомъ* содѣяннаго преступленія, управлявшаго дѣйствіями онаго»... Не говорю ужъ о другихъ обвиненіяхъ: логичность ихъ говорить сама за себя. Вотъ, напримѣръ, образчикъ: «К-въ по собственному его сознанію (любопытно было бы мнѣ прочесть это *собственное* сознаніе) и обстоятельствомъ дѣла (о!!!) *оказывается* (!!!) виновенъ въ участіи въ (въ чемъ бы вы думали?) въ составленіи и распространеніи разбора книги бар. Корфа» и т. д. Какъ это вамъ нравится? *Я оказываюсь* (разумѣется, какъ положительно это говорится) виновенъ въ *составленіи* книги, напечатанной давнымъ давно за границей, *съ именемъ автора* (Огаревъ) и только *перепечатанной* въ Москвѣ, да и то въ то время, когда я жилъ въ Петербургѣ. (Когда я пріѣхалъ въ Москву и познакомился съ Сулинымъ, допечатывался уже *послѣдній* листъ разбора). Или вотъ еще: *По 6-й категоріи* (насъ раздѣлили на 7 категорій по числу гимназическихъ классовъ или, можетъ быть, по числу чиновъ небесныхъ) К-въ состоитъ подсудимымъ за... распространіе воззваній «къ барскимъ крестьянамъ» и «къ солдатамъ!» За *распространеніе воззваній*, которыхъ (это ужъ точно, по обстоятельствамъ дѣла *оказалось*) не было отпечатано ни одного экземпляра и которыхъ даже въ рукописи ни у кого не было найдено ¹⁾.

«Ну, да будетъ, всего не пересчитаешь. Да и незачѣмъ.

«Итакъ, вотъ вамъ истина во всей наготѣ ея,—истина, которой я не позволилъ прикрыть никакимъ фиговымъ листкомъ даже самыхъ вазорныхъ частей тѣла...

«Но, спросите вы меня (т. е. я это предполагаю, въ самомъ же дѣлѣ вы, вѣрно, не спрашиваете, потому что болтовня моя надоѣла вамъ давно,—какую роль я игралъ во всей этой комедіи съ *переодѣваніемъ*, которая, однако, для меня окончилась такъ трагически? Что же руководило мною? Желанье ли втереться въ кружокъ, въ который не пускали безъ извѣстнаго лозунга; желанье ли пощеголять въ роли политическаго агитатора; наконецъ, можетъ быть, искреннее сознаніе въ полезности всѣхъ этихъ прокламацій? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—«Ну такъ что же?—*Mais si voulez savoir ce que c'est... demandez-le au pourceau qui voit le*

¹⁾ Невѣрно: къ солдатамъ напечатана, а къ крестьянамъ вшита въ рукописи въ официальное дѣло Бостомарова.

vent!... (quoique cette figure est banale et stupide, mais elle est empruntée on psaumes).

«Sur ce, mon ami, en vous souhaitant tous les biens possibles et impossibles.

Je suis
celui, qui Suis.

«PS. Письмо это я имѣю случай написать и послать вамъ, что называется, «воровскимъ манеромъ», завтра или послѣ завтра буду писать къ вамъ ужъ *открыто* и тогда поговорю съ вами о нашихъ домашнихъ дѣлахъ и о кое-какихъ порученіяхъ, о которыхъ я хочу просить васъ. Valete... et plaudite» ¹⁾).

III.

Зная, что, кромѣ самого Костомарова, долженъ еще скорѣ появиться и документъ, вполне подтверждавшій приведенное письмо, III Отдѣленіе озаботилось съ одной стороны облить Костомарова передъ общественнымъ мнѣніемъ, а съ другой внушить комиссіи сознаніе, что тотъ документъ, который скоро представитъ предъ нею, еще пустякъ въ сравненіи съ другими, которые есть у Костомарова, но запрятаны имъ очень далеко...

Съ этою цѣлью братъ Костомарова, Алексѣй, прислалъ Потапову письмо, въ которомъ сообщалъ о полученіи на его имя, во время его отсутствія изъ Москвы, какого то пакета, по вскрытіи котораго оказался листъ, исписанный какими то цифрами... Потаповъ отложилъ этотъ листъ до прибытія Всеволода Костомарова въ Петербургъ... Когда послѣдній прибылъ въ столицу и былъ помѣщенъ уже не въ крѣпость, а въ апартаменты III Отдѣленія, ему предложили дешифровать присланное братомъ.

Вотъ что писалъ какой то И. С. Алексѣю Костомарову:

«26 января. Г. Костомаровъ,—совершенно нечаянно до меня дошли слухи, что вы уже давно ищите меня съ письмомъ отъ брата вашего, въ которомъ онъ поручаетъ взять у меня вѣреннѣйшій имъ мнѣ конвертъ съ бумагами извѣстнаго вамъ содержанія. Очень жалѣю, что я не могъ ни его посѣтить въ Сущ. ч. ²⁾, ни встрѣтиться съ вами послѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ едва ли даже и предстояла какая нибудь надобность послѣ того, какъ съ заключеніемъ въ крѣпость братъ вашъ совершенно пересталъ нуждаться въ довѣренныхъ имъ мнѣ бумагахъ, ибо не можетъ уже (извлечь?) изъ нихъ той нравственной пользы, какую онъ приносили ему, когда онъ былъ на свободѣ. Но, если вы найдете

¹⁾ Г. Рейнгардтъ сообщаетъ объ этомъ письмѣ совершенно невѣрные свѣдѣнія (см. „Рус. Стар.“ 1905 г. II, 468). А ужъ совсѣмъ что то непонятное и спутанное сообщалъ, со словъ какого то товарища Чернышевскаго по ссылкѣ, г. Пекарскій въ № 77 „Нашей Жизни“ за 1905 г.

²⁾ До отправки въ крѣпость Костомаровъ сидѣлъ, въ концѣ 1862 года, въ Сущевской части Москвы.

возможность, увѣрьте брата вашего, что бумаги его будутъ у меня цѣлы, какъ нигдѣ, и что я строго и свято держу данное мнѣ слово возвратить ему эти бумаги тотчасъ же, какъ онъ самъ будетъ возвращенъ обществу и, стало быть, получить возможность дѣлать изъ нихъ то употребленіе, какое до сихъ поръ дѣлалъ, а не то, какое по слабости природы человѣческой могъ бы сдѣлать теперь, въ минуту отчаянія и скорби.

«Я повторяю его же слова, которые онъ сказалъ мнѣ, отдавая эти письма; онъ благородно созналъ, что обезсиленный страданіями, самый честный человѣкъ можетъ быть иногда очень неразборчивъ въ средствахъ къ своему спасенію,—чего потомъ уже никогда не проститъ себѣ, и, презираемый самимъ собой, отвергнутый (всѣми?) честными людьми, всю жизнь свою будетъ мучительно раскаиваться въ своей малодушной слабости. Вотъ это то благородное сознаніе и заставило многоуважаемаго брата вашего отдать бумаги свои человѣку, образъ мыслей котораго былъ ему конечно извѣстенъ, но настоящей фамиліи и адреса котораго онъ не зналъ,—чтобы отнять у себя такимъ образомъ всякую возможность сдѣлать подлое дѣло на «пристрастномъ опросѣ», который, къ стыду нашему, уничтоженный *de jure*, продолжаетъ существовать *de facto*. Все это я къ тому говорю, чтобъ показать вамъ (что?) мой образъ дѣйствій вполне согласуется съ желаніемъ брата вашего и, я увѣренъ, не можетъ быть ему неприятенъ. Да и оставя все это, онъ самъ же связалъ меня клятвой, нарушить которую меня не заставитъ ничто; въ силу этой клятвы, я обязанъ возвратить письма брату вашему немедленно по его водвореніи (тамъ?), куда онъ будетъ посланъ въ солдаты. И я сдержу свое слово, ибо, благодаря Бога, до сихъ поръ никогда не нарушалъ его. Тогда я умоваю руки. Мое дѣло будетъ сдѣлано, а тамъ братецъ вашъ можетъ дѣлать съ своими письмами, что ему угодно. Мы внимательно слѣдимъ за судьбою его (потому что принимаемъ въ немъ большое участіе) и, повѣрьте, что куда бы судьба ни забросила его, письма, довѣренныя мнѣ имъ, немедленно найдутъ его. Я сегодня же долженъ уѣхать изъ Москвы, по дѣламъ своимъ, мѣсяца на три; а то повѣрьте, никакъ бы не отказалъ себѣ въ удовольствіи познакомиться съ Вами. Но это, конечно, не помѣшаетъ мнѣ знать все о братѣ вашемъ; я буду къ нему даже нѣсколько ближе. И. С.»

Итакъ, ясно,—думало III Отдѣленіе: все, что расторопнымъ Чулковымъ найдено у Костомарова при обратномъ слѣдованіи въ Петербургъ, все это вовсе не было съ нимъ въ дорогѣ изъ Петербурга и тѣмъ болѣе въ крѣпости, а получено вернувшимся раньше, по какимъ то случайнымъ обстоятельствамъ въ Москву «И. С.», и «честный Костомаровъ» даже при всемъ желаніи свалить свою вину на другихъ во время хода его процесса, не могъ этого сдѣлать, потому что еще раньше отдалъ всѣ компрометирующіе другіхъ документы въ постороннія, но вѣрныя руки...

Какъ я уже сказалъ, Чулковъ и Костомаровъ прибыли въ Пе-

тербургъ 10 марта. Тотчасъ способный капитанъ явился къ Потапову и, рассказавъ ему, какъ было дѣло, вручилъ уже извѣстный читателю доносъ Яковлева, и все «найденное» при Костомаровѣ. Почему Потаповъ обманулъ комиссію, пославъ ей доносъ Яковлева, какъ полученный имъ якобы отъ него самого—неизвѣстно; вѣдь по позднѣйшимъ бумагамъ эта ложь, какъ на ладони. На слѣдующій день, 11-го, онъ сообщилъ комиссіи о рапортѣ Чулкова и послалъ всѣ отобранные у Костомарова документы.

Особенно драгоцененъ былъ одинъ уже пожелтѣвшій листочекъ, на одной сторонѣ котораго видны были написанныя рукой Костомарова какіе то стихи и подборъ рифмъ, а на другой—рукой *похожей* на почеркъ Чернышевскаго, карандашомъ значилось буквально слѣдующее: «В. Д. Въмѣсто «срочнообяз.» (какъ это по непростительной оплошност поставлен у меня) набирайтъ вездѣ «временнообяз.», какъ это называется в положеніи. Вашъ Ч». Послѣдняя буква сдѣлана весьма неискусно и очень походить больше на «С». Я долго сравнивалъ почеркъ записки съ почеркомъ Чернышевскаго и *категорически утверждаю, что подѣлка не удалась* ¹⁾.

Затѣмъ два письма Чернышевскаго къ Костомарову.

1. Отъ 20 апрѣля 1861 г. «Вчера моя жена видѣла, Всеволодъ Дмитріевичъ, одного юношу, который, отправляясь за границу, нуждается въ спутникѣ - руководителѣ его неопытнаго ума. Этотъ юноша показался женѣ порядочнымъ человѣкомъ и она выразила ему предположеніе, что спутникомъ его, быть можетъ, согласится быть Вы. Онъ очень обрадовался и далъ намъ адресъ своего брата, живущаго въ Москвѣ, съ которымъ Вы можете переговорить относительно условій и т. д. Онъ напишетъ къ брату, а меня просилъ написать Вамъ. Вотъ адресъ юношина брата: въ Москвѣ, на Моховой, въ домѣ Скворцова, Григорій Григорьевичъ Устиновъ. Пожалуйста, повидайтесь съ этимъ Г. Г. Устиновымъ,—быть можетъ Вы и сойдетесь. Вашъ Н. Чернышевскій».

2. Отъ 2 іюля 1861 г. «Добрый другъ, Всеволодъ Дмитріевичъ, Ваша пьеса «Мостъ вздоховъ» (или какъ это иначе называется? объ утопленницѣ-то) печатается въ VII книжкѣ «Современника» (за іюль). О Вашей благотворительности въ пользу дворовыхъ пишу къ Алексѣю Николаевичу ²⁾.—Но что то подѣлываете Вы въ свою пользу? Я все возвращаюсь къ мысли объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ. У меня теперь тамъ, кромѣ Котляревскаго, есть еще добрый знакомый, Свириденко, человѣкъ вполне порядочный, подобно Котляревскому (хоть Алексѣй Николаевичъ его и не долюбливаетъ, говоря по просту, но вѣдь это только несходство темпераментовъ и пріемовъ, а люди они очень хорошіе). Мнѣ хотѣлось бы познакомить Васъ съ ними, конечно, въ томъ

1) Въ будущей книжкѣ „Былого“ будетъ дана фотографія этой записки и почерка Чернышевскаго.

2) Плещееву, жившему въ Москвѣ.

Быллок № 3.

случаѣ, если бы Вы думали похлопотать при ихъ содѣйствіи объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ.

«Спѣшу, по обыкновенію, и опять выходить отъ этого лапидарный слогъ. Жму Вашу руку, Вашъ преданный *Н. Чернышевскій*».

Три письма М. И. Михайлова къ Всеволоду Костомарову я пропускаю, потому, что они не даютъ ничего намъ необходимаго. Приведу еще письмо къ Костомарову А. Н. Плещеева отъ 3 іюня 1861 года:

«Дражайшій полиглотъ. Во-первыхъ, напишите мнѣ тотчасъ же по городской, что цензурный комитетъ и прошеніе наше? ¹⁾ Вы объ этомъ меня не увѣдомили. Крыжовъ вашъ дачу смотрѣлъ, но у меня не былъ. Записку отдала мнѣ бабуся. Дѣло въ томъ, что вы, кажется, напутали. Соколовъ вѣдь самъ будетъ жить и хочетъ сдать только комнату, а Крыжовъ рассчитываетъ вѣроятно на всю избу. Вы ему скажите, чтобъ онъ побывалъ у Соколова, если онъ не церемонный господинъ. (Въ Гагаринскомъ переулкѣ, близъ Успенья на Могильцахъ, домъ Копановскаго).

«Въ субботу жду васъ непременно. У меня созрѣлъ еще проектъ изданія. Стихъ одинъ написался. А вы ужъ, чай, въ эту недѣлю цѣлую библиотеку навалиете. Зачѣмъ вы Шеллея ²⁾ нѣмедкаго увезли. Это гнусно съ вашей стороны. Реализмъ прочелъ. Хорошо составлено, но о Мейснерѣ мало. Больше о Грековѣ. Привезите Шеллея; я жду Агастора. Я писалъ къ Чернышевскому—если онъ отвѣтитъ черезъ васъ,—то дайте знать. Изъ Гартмана я перевелъ двѣ странички (*frei bearbeitet*), но къ вашему приѣзду, авось, еще переведу. Скучно ужасно и потому именно скучно, что это *служба*, что хочется другое дѣлать. А очень кажется его путешествія замѣчательны, только не все идетъ въ географическую книгу. Будьте здоровы. Что переведете — привезите, прочтемъ. Если я буду раньше, то заѣду къ вамъ и васъ увезу. Это можетъ случиться. Весь вашъ *А. Плещеевъ*».

Мих. Лемке.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Они просили о разрѣшеніи имъ какого-то періодическаго изданія.

²⁾ Вмѣсто Шелли (Schelley).

Толпа ¹⁾.

(Посвящено В. Г. Бѣлинскому).

Среди людей, мнѣ близкихъ... и чужихъ,
Считаюсь я—безъ цѣли, безъ желанья.
Мнѣ иногда смѣшны забавы ихъ...
Мнѣ самому смѣшнѣй мои страданья.
Страданій тѣхъ толпа не признаетъ—
Толпа—нашъ Царь—и ѣсть и пьеть исправно;
И что въ душѣ «задумчивой» живетъ,
Болѣзнію считаетъ своенравной.
И права ты толпа! ты велика,
Ты широка—ты глубока какъ море...
Въ твоихъ волнахъ все тонетъ: и тоска
Нелѣпая—и истинное горе.
И ты сильна... И знаетъ тебя Богъ—
И надъ тобой Онъ носится тревожно.
Передъ тобой я преклониться могъ—
Но полюбить тебя—мнѣ невозможно.
Я ни одной тебѣ не дамъ слезы...
Не отъ тебя я ожидаю счастья—
Но ты растешь какъ море въ часъ грозы,
Безъ моего ненужнаго участья.
Гордись, толпа! Ликуй—толпа моя!
Лишь для тебя такъ ярко блещетъ небо...

¹⁾ Стихотвореніе „Толпа“ написано И. С. Тургеневымъ въ 1843 году и напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1844 г. (т. 32) за подписью Т. Л. (Тургеневъ—Лутовиновъ). Потомъ оно было перепечатано С. Н. Кривенко въ изданныхъ имъ „Стихотворенія И. С. Тургенева“. Въ обоихъ, однако, случаяхъ стихотвореніе „Толпа“ появлялось съ цензурными искаженіями и безъ посвященія его Бѣлинскому. Мы печатаемъ его съ рукописи, написанной рукою самого Тургенева.

Какъ извѣстно, Тургеневъ познакомился и близко сошелся съ Бѣлинскимъ въ 1843 году. Часто встрѣчаясь, они много тогда спорили о философскихъ и политическихъ вопросахъ. Стихотвореніе „Толпа“ и носить на себѣ несомнѣнно отблескъ споровъ, происходившихъ между обоими знаменитыми писателями.

Ред.

*

Но все жъ я радъ, что независимъ я,
Что не служу тебѣ я ради хлѣба...
И я молчу—о томъ, что я люблю...
Молчу о томъ, что страстно ненавижу—
Я похвалой толпы не удивлю,
Насмѣшками толпы я не обижу...
А тосковать—мечтать съ самимъ собой,
Бесѣдовать съ прекрасными друзьями...
Съ такой смѣшной—ребяческой мечтой
Разстался я—какъ съ дѣтскими слезами...
А потому... мнѣ *жить* не суждено...
И я тяну съ усмѣшкой торопливой
Холодной злости—злости молчаливой
Хоть горькое, но пьяное вино.

Т. Л.

Инструкція ¹⁾.

(Для заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости).

§ 1.

Заключенные подчиняются установленнымъ въ тюрьмѣ порядкамъ, безпрекословно исполняютъ требованія начальника управленія, помощниковъ его и дежурнаго унтеръ-офицера, должны быть всегда: опрятными, беречь и держать въ чистотѣ одежду, обувь и убирать свои постели. Заключеннымъ воспрещается:—шумъ, крикъ, пѣніе, свистъ, разговоры и вообще дѣйствія, нарушающія спокойствіе и благочиніе въ тюрьмѣ.

§ 2.

Для заключенныхъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ, допускаются съ разрѣшенія начальника управленія слѣдующія снисхожденія:—бесѣда со священникомъ, занятія работами, пользование книгами изъ тюремной бібліотеки.

§ 3.

Проступки, за которые опредѣляются наказанія, по распоряженію начальника управленія, раздѣляются на два рода: на дисциплинарныя нарушенія и на проступки, которые указаны въ 803 ст. Уст. о ссыльныхъ.

§ 4.

За проступки перваго рода назначаются наказанія: 1) лишеніе чая, 2) лишеніе матраца на койкѣ до пяти дней, 3) заключеніе въ карцеръ до пяти дней, 4) заключеніе въ темномъ карцерѣ на такое-же время на хлѣбѣ и водѣ.

¹⁾ Печатаемъ дословно ту „Инструкцію“, которая висѣла на стѣнахъ Шлиссельбургской крѣпости во время нахожденія тамъ въ послѣдніа два царствованія политическихъ узниковъ.
Ред.

§ 5.

За повтореніе проступковъ назначаются наказанія: 1) заключеніе въ карцеръ до 8-ми дней, 2) заключеніе въ темномъ карцеръ на такое-же время съ содержаніемъ на хлѣбъ и водѣ съ наложеніемъ оковъ.

Примѣчаніе: Подвергаемые заключенію въ карцеръ спятъ на голыхъ доскахъ. Заключеніе въ карцеръ обязательно сопровождается лишеніемъ чая.

§ 6.

Когда проступки сопровождались особенными обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушители могутъ быть наказаны розгами до 50-ти ударовъ (ст. 225, XVII кн. Воен. пост.).

§ 7.

Взысканія, означенныя въ § 4, влекутъ за собою лишеніе заключенныхъ облегченій, поименованныхъ въ § 2, на срокъ до одного мѣсяца.—Послѣдствіемъ наказанія, опредѣленнаго въ § 5, должно быть лишеніе этихъ облегченій на срокъ до трехъ мѣсяцевъ.

§ 8.

За преступленія заключенные судятся военнымъ судомъ, примѣняющимъ къ нимъ постановленія устава о ссыльныхъ; за тяжкія же преступленія, указанныя въ 279 ст. XXII кн. Св. Воен. Пост., а также за оскорбленіе дѣйствіемъ начальствующихъ лицъ, судъ примѣняетъ къ нимъ мѣру наказанія, этой статьей опредѣленную—смертную казнь.

Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

(Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей).

Окончаніе.

VIII.

Самымъ выдающимся изъ всѣхъ декабристовъ былъ Пав. Ив. Пестель, стоявшій во главѣ Южнаго общества. Не считая нужнымъ останавливаться на внѣшнихъ фактахъ его біографіи ¹⁾, мы приведемъ отзывы о немъ лицъ, близко его знавшихъ. Его товарищъ по Южному обществу, князь С. Г. Волконскій, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 408), что Пестель былъ «человѣкъ замѣчательнаго ума, образованія, и въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія и пылкія чувства патріотизма». Другой товарищъ его по тому же обществу, Лореръ, считалъ его человѣкомъ гениальнымъ и такъ называлъ его даже въ глаза. Начитанность Пестеля была очень велика. Это видно изъ его неизданной записной книжки съ выписками изъ сочиненій Руссо, Гельвеція, Кондильяка, Гольбаха, Дидро, Вольтера, г-жи Сталь, Беккариа, Бентама и др. Лореръ, познакомившійся съ Пестелемъ въ 1824 г., говоритъ въ своихъ запискахъ, что во всю длину его комнатъ «тянулись полки съ книгами», преимущественно «политическими, экономическими, вообще ученаго содержанія, излагающими всевозможныя конституціи. Не знаю, чего этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку на многихъ иностранныхъ языкахъ» ²⁾. Извѣстный декабристъ И. Д. Якушкинъ такъ характеризуетъ его: «Пестель всегда говорилъ умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрятъ въ математическую истину; онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть въ этомъ то и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ, въ теченіе почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, усердно трудился надъ дѣломъ тайнаго об-

¹⁾ См. статьи Н. П. Павлова-Сильванскаго въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“, изд. Имп. Русск. Ист. Общества, т. 2 № «Былаго».

²⁾ „Русское Богатство“, 1904 г. № 3, стр. 73.

щества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что тайное общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе» ¹⁾. По словамъ кн. Е. П. Оболенскаго, Пестель «отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевные мысли» ²⁾. Пятый декабристъ, Басаргинъ, членъ Южнаго общества, оставившій также интересныя записки, говоритъ: «П. И. Пестель былъ человекъ высокаго, яснаго и положительнаго ума. Будучи хорошо образованъ, онъ говорилъ убѣдительно, излагалъ мысли свои съ такою логикою, такою послѣдовательностью и такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія». Вполнѣ понятно поэтому, что Пестель «получилъ большой вѣсъ и вліяніе въ Южномъ обществѣ», что онъ импонировалъ своимъ товарищамъ ³⁾.

Лица, имѣвшія съ Пестелемъ дѣла по службѣ, были отъ него также въ восторгѣ. Его главный начальникъ, гр. Витгенштейнъ, далъ о немъ такой отзывъ: «Онъ на все годится: дай ему командовать арміею или сдѣлай его какимъ хочешь министромъ, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ». Начальникъ штаба второй арміи, П. Д. Киселевъ, впоследствии извѣстный министръ имп. Николая, отзывался о Пестелѣ, что онъ «всякое мѣсто займетъ съ пользою», что у него «особенныя способности». Петербургскіе пріятели упрекали даже Киселева, что онъ большую часть свободнаго времени проводить съ Пестелемъ ⁴⁾. Басаргинъ также свидѣтельствуєтъ, что Киселевъ «съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нѣсколько рѣзкія сужденія Пестеля».

Въ показаніяхъ на слѣдствіи Пестель сдѣлалъ замѣчательный очеркъ развитія своихъ политическихъ и общественныхъ идей. Онъ рассказываетъ, какъ, пристрастившись къ политическимъ наукамъ, увидѣлъ, что «благоденствіе и злополучіе царствъ и народовъ зависитъ по большей части отъ правительствъ». Продолжая занятія этими науками, онъ началъ «разсуждать о томъ, соблюдены ли въ устройствѣ руссійскаго правленія правила политическихъ наукъ, не касаясь однако же еще верховной власти, но размышляя о министерствахъ, мѣстныхъ правительствахъ, частныхъ начальствахъ и тому подобныхъ предметахъ». Весьма замѣчательно, что, не поддаваясь аристократическимъ теченіямъ, довольно сильнымъ тогда въ русскомъ обществѣ, Пестель очень

¹⁾ «Записки И. Д. Якушкина», М., 1905 г., стр. 23—24.

²⁾ «Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX в.», т. I, 237.

³⁾ «Девятнадцатый вѣкъ», изданіе Баргенева, т. I, стр. 68, 73.

⁴⁾ *Заблוצкій-Десятовскій*. «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», I, 89—91, 139—140, 148.

скоро сталъ приверженцемъ демократическихъ идей. Продолжая рассказъ о ходѣ своего развитія, онъ говоритъ: «Обратилъ также мысли и вниманіе на положеніе народа, причемъ рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало, а равно и большія преимущества аристокраціи, которую я считалъ, такъ сказать, стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха, ради собственныхъ выгодъ, скрывающею истинное положеніе народа. Къ сему стали въ мысляхъ моихъ.... присоединяться разные другіе предметы и толки, какъ-то: преимущества разныхъ присоединенныхъ областей» (т. е. непредоставленіе Россіи политическихъ правъ, какія даны были Финляндіи и Польшѣ), «слышанное о военныхъ поселеніяхъ, упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и подкупливость судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ и многія другія тому подобныя статьи, долженствовавшія, по моимъ понятіямъ, составлять предметъ частныхъ неудовольствій и чрезъ коихъ всѣхъ совокупленіе воедино представлялась моему уму и воображенію цѣлая картина народнаго неблагоденствія. Тогда началъ во мнѣ возникать внутренній ропотъ противу правительства. Возвращеніе Бурбонскаго дома на французскій престолъ и соображенія мои впослѣдствіи о семъ происшествіи могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей, ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при рестораціи монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ какъ всѣ возставали противъ революціи, и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ сего сужденія породилась мысль, что революція видно не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна, въ каковой мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учрежденій. Тогда начали сіи причины присовокупляться къ выше уже приведеннымъ, и начали во мнѣ рождаться, почти совокупно, какъ конституціонныя, такъ и революціонныя мысли. Конституціонныя были совершенно монархическія, а революціонныя были очень слабы и темны. Мало по малу стали первыя опредѣлительнѣе и яснѣе, а вторыя сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ подкрѣпляло и развивало во мнѣ всѣ сіи мнѣнія, мысли и понятія. Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время революціи, заставляли меня искать средства къ избѣжанію подобныхъ, и сіе то произвело во мнѣ впослѣдствіи мысль о временномъ правленіи и о его необходимости и всегдашніе мои толки о всевозможномъ предупрежденіи всякаго междоусобія».

Въ другомъ показаніи Пестель говоритъ, что «нѣкоторыя мысли»

о верховной власти были написаны имъ на французскомъ языкѣ, причемъ соображенія въ пользу монархіи были развиты подробнѣе, чѣмъ въ пользу республики. Онъ показывалъ Н. М. Муравьеву краткій проектъ конституціи, составленный имъ въ 1820 г. (если только Муравьевъ точно отмѣтилъ время ¹⁾ его написанія). Главныя черты его, по свидѣтельству Муравьева, состояли въ слѣдующемъ. Исполнительная власть принадлежитъ императору, который участвуетъ и въ законодательной власти ²⁾. Законодательная власть «въ особенности» принадлежитъ народному вѣчу, состоящему изъ 1000 членовъ, избранныхъ на два года. Вѣче обновляется ежегодно на половину по жребію. «Умѣрительная» власть принадлежитъ сенату, члены котораго избирались императоромъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ ему вѣчемъ. Сенаторы назначались на всю жизнь и не могли принять никакой должности, не теряя своего званія. Они могли быть только генераль-губернаторами въ областяхъ или генераль-прокурорами министерствъ, но въ обоихъ случаяхъ только тогда подписывали протоколы судебныхъ мѣстъ или министерскихъ коллегій, когда находили, что они не нарушаютъ установленныхъ формъ. Такимъ образомъ они пользовались только «надзирательною властью», сообщая сенату, почему они остановили то или другое дѣло. Въ мирное время не должно было существовать армій, а только корпуса, главнокомандующіе которыхъ дѣлались сенаторами безъ выборовъ ³⁾.

Всѣ совершеннолѣтніе жители мужского пола безъ исключенія должны были участвовать въ избраніи мѣстныхъ чиновниковъ и представителей въ народное вѣче, выбирая ихъ «избирателей». Слѣдовательно въ это время, какъ и позднѣе, Пестель стоялъ за двухстепенные выборы. Но если для того, чтобы участвовать въ первой степени выборовъ, не нужно было по этому первоначальному наброску Пестеля имѣть никакого ценза, то, чтобы быть «избирателемъ представителей» въ народное вѣче, необходимо было «имѣть извѣстное состояніе» (отъ этого послѣдняго предположенія Пестель впоследствии отказался). Жители каждой деревни

¹⁾ Не былъ ли составленъ этотъ проектъ нѣсколько ранѣе, такъ какъ, по показанію Пестеля, въ 1820 г. на собраніи коренной думы Союза Благоденствія, происходившемъ у Ѳ. Н. Глинки, послѣ доклада Пестеля о выгодахъ и невыгодахъ республики, присутствующіе единогласно высказались за республиканское правленіе.

²⁾ Сохранилась часть набросковъ Пестеля на французскомъ языкѣ; тамъ, между прочимъ, сказано: „Государь управляетъ всею имперіею.... Каждое отдѣльное лицо въ своихъ отношеніяхъ къ государю будетъ называться подданнымъ, а въ отношеніяхъ съ соотечественниками — гражданиномъ.... Нѣтъ нужды говорить, что государь и его августѣйшее семейство не могутъ принадлежать ни къ какой общинѣ (commune). Они находятся на вершинѣ соціального зданія, и вся имперія составляетъ ихъ общину“.

³⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ предположеній мы встрѣтимъ въ „Государственномъ Заветѣ“ Пестеля (см. ниже), но императоръ замѣненъ такъ „державною думою“ изъ 5 членовъ.

выбираютъ избирателей; списки получившихъ наибольшее число голосовъ отправляются въ уѣздный городъ, гдѣ на основаніи ихъ составляются списки уѣздныхъ избирателей. Въ губернскомъ городѣ изъ этихъ списковъ составляютъ губернской списокъ ста лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Эти избиратели «назначаютъ уже представителей въ вѣче, не обращая вниманія ни на какое денежное условіе», т. е. для того, чтобы быть выбраннымъ депутатомъ въ вѣче, не требовалось никакого имущественнаго ценза. Представители получаютъ ежегодное вознагражденіе. Кромѣ того губернскіе избиратели «назначали депутатовъ въ областныя вѣча». Слѣдовательно Пестель, ранѣе Н. Муравьева, высказалъ мысль о необходимости, кромѣ центрального представительнаго учрежденія, и областныхъ представительныхъ собраній. Однако позднѣе онъ отказался отъ этой послѣдней мысли. Возвращаемся къ показанію самого Пестеля.

«Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей былъ я переведенъ въ республиканскій главнѣйше слѣдующими предметами и соображеніями. Сочиненіе Детю-де-Траси на французскомъ языкѣ ¹⁾ очень сильно подѣйствовало на меня; онъ доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей санъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ. Всѣ газеты и политическія сочиненія такъ сильно прославляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приписывая сіе государственному ихъ устройству, что сіе мнѣ казалось яснымъ доказательствомъ въ превосходствѣ республиканскаго правленія. Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія себѣ припоминать и съ ними соглашаться. Я воспоминалъ блаженные времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и въ Англіи конституціи суть одни только покрывала, никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелаютъ, и въ семъ отношеніи я предпочиталъ самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, рассуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ какъ въ конституціонныхъ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность (?),

¹⁾ Дѣло идетъ о сочиненіи «Commentaire sur l'Esprit des Loix de Montesquieu, par M. le C-te Destutt de Tracy», Paris, Juillet, 1819. Мы будемъ говорить о немъ ниже.

хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но и зато не можетъ такъ скоро худое исправить. Что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала. Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристокраціями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристокраціи сдѣлаются наконецъ сильнѣе самого монарха, какъ то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства. Происшествія» (т. е. революціи) «въ Неаполѣ» (1820—21 г.), «Гишпаніи» (1820 г.) «и Португаліи» (1820 г.) «имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ, по моимъ понятіямъ, неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя, достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію» (т. е. къ искренности согласія) «монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мысли, который раздѣляли весьма многіе члены тайнаго общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканецъ и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ республиканскомъ правленіи. Когда съ прочими членами, раздѣляющими мой образъ мыслей, разсуждалъ я о семъ предметѣ, то, представляя себѣ живую картину всего счастья, коимъ бы Россія, по нашимъ понятіямъ, тогда пользовалась, входили мы въ такое восхищеніе и, сказать можно, восторгъ, что я и прочіе готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содѣйствовать бы могло къ полному введенію и совершенному укрѣпленію и утвержденію сего порядка вещей».

На вопросъ слѣдственной комиссіи: «Какимъ образомъ революціонныя мысли и правила постоянно возрастали и укоренялись въ умахъ, и кто гдѣ началъ и продолжалъ внушать и распространять оныя въ государствахъ», Пестель отвѣчалъ: «Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ, политическія науки вездѣ преподаются, политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаетъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое. Происшествія 1812, 13, 14 и 15 гг., равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ поставленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ, столько царей изгнанныхъ, столько возвратившихся или призванныхъ, и столько опять изгнанныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ,

что всё сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобствами оныя производить. Къ тому же имѣеть каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и тоже, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единого государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. Тоже самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразованія заставляеть, такъ сказать, вездѣ умы клокотать (*fait bouillir les esprits*). Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ. Что же касается до распространенія духа переобразованія по государству, то нельзя приписать сіе нашему Обществу, ибо оно слишкомъ еще было мало-численно, дабы какое нибудь имѣть на сей счетъ общее вліяніе, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сіи точно распространились, общимъ причинамъ, выше изложеннымъ и дѣйствовавшимъ на прочіе умы, точно также какъ и на умы членовъ общества. Можетъ быть, что къ тому содѣйствовалъ также и духъ неудовольствія совершенно независимо отъ тайнаго общества».

Остановимся еще на томъ, какъ Пестель велъ устную пропаганду въ то время, когда его политическія идеи окончательно сложились. Живое изображеніе этого мы находимъ въ показаніи члена Южнаго общества А. В. Поджіо. Осенью 1824 г. Пестель, «по обыкновенію своему испытывать, оспаривать человѣка даже въ томъ, въ чемъ онъ былъ самъ убѣжденъ, дабы чрезъ то усмотрѣть способность всякаго и твердость въ мнѣніи, счелъ за нужное начать со мной съ азбуки и въ политикѣ..., и дѣйствіи... Началъ отъ Немрода, подробно, медленно переходилъ черезъ всё измѣненія правленій, понятій народовъ о нихъ; коснулся къ временамъ свободы Греціи, Рима, говоря, сколь мало она понятна была, не имѣя представительства своего; пронесся быстро мимо варварскихъ вѣковъ среднихъ временъ, поглотившихъ свободу и просвѣщеніе; пріостановился на революціи французской, не упуская изъ виду нерѣшимость одной цѣли, непрочности въ достиженіи ея и основаніи, и, наконецъ, палъ на Россію. Тутъ онъ направилъ на нее всё свои ядовитыя стрѣлы, сталъ говорить о монархическомъ правленіи, сколь оно несогласно съ представительнымъ, какъ сила одного разрушаетъ силу другого, сколь они въ существѣ своемъ разнородны и несовмѣстны, сколь при такомъ родѣ правленія невозможно установленіе прочной системы равновѣсій властей, противуборство однихъ съ другими, сколь наслѣдствіе престола по первородству противно цѣли всякаго благоустроеннаго государства; какъ предполагать тѣхъ нужныхъ

свойствъ въ первородцѣ для управленія государствомъ; коснулся къ избирательному на царствіе правленію, не упустивъ всѣхъ пагубныхъ послѣдствій его въ возрожденіи междоусобій и внутреннихъ раздоровъ и, наконецъ, ввелъ меня въ свою республику, имъ предположенную и основанную на народномъ представительствѣ. На все спрашивалъ мое мнѣніе. Я ему отвѣчалъ убѣжденіемъ моимъ и примолвилъ, что сіе все почерпнули у Детюде-Траси «и его разборъ о духѣ законовъ Монтескье весьма искусно превратили въ систему математически изложенную, добавивъ, что я во всемъ согласенъ, что нахожу, что предшественники наши въ преобразованіи государствъ были ни что, какъ ученики еще, что наука сія была въ дѣтствѣ и наконецъ приметъ свои положительныя и неизмѣнныя правила. На семъ кончилось испытаніе мое въ свѣдѣніяхъ моихъ политическихъ и согласія моего на введеніе сего рода правленія въ Россіи» ¹⁾.

IX.

Главный трудъ Пестеля, Русская Правда, носить слѣдующее заглавіе: «Русская Правда ²⁾, или заповѣдная государственная грамота великаго народа російскаго, служащая завѣтомъ для усовершенствованія государственнаго устройства Россіи и содержащая вѣрный наказъ, какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правленія» ³⁾.

Во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестель указываетъ на то, что народъ «имѣетъ *право* требовать отъ правительства, чтобы оно непремѣнно стремилось къ общественному и частному благоденствію и только бы то повелѣвало, что истинно къ сей цѣли ведетъ и безъ чего не могла бы оная быть достигнута». Далѣе, очевидно, руководствуясь ученіемъ Бентама, онъ утверждаетъ, что «истинная цѣль государственнаго устройства должна непремѣнно быть: возможно большее благоденствіе многочисленнѣйшаго числа людей въ государствѣ». По мнѣнію Пестеля, «правительство существуетъ для блага народа и не имѣетъ другого основанія своему бытію и образованію, какъ только благо народное».

¹⁾ Отмѣтимъ еще, что Пестель давалъ порученіе членамъ Южнаго общества Изашеву, Брюкову и Барятинскому дѣлать выписки изъ книги аббата Баррюэля о тайныхъ обществахъ («Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme», 5 vol., Hamb. 1803), но они не исполнили порученія.

²⁾ Названіе это было дано имъ въ 1824 г., но уже въ 1823 г. въ собраніи Южнаго общества Пестель читалъ отрывки изъ этого своего произведенія.

³⁾ Другое заглавіе: «Русская Правда, содержащая наставленіе верховному правленію и служащая залогомъ всеросійскому народу въ усовершенствованіи его положенія.» Тутъ же краткое заглавіе: «Проектъ Русской Правды».

Повторяя приводимую и Н. Муравьевымъ въ его проектѣ мысль испанской конституціи 1812 г., Пестель говоритъ, что «народъ російскій не есть принадлежность или собственность какого либо лица или семейства»; по его мнѣнію, «напротивъ того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народнаго, а не народъ существуетъ для блага правительства».

Всякое благоустроенное государство должно находиться «подъ властью и управленіемъ законовъ общественныхъ, а не прихотей личныхъ властителей» и доставлять «возможное благоденствіе всѣмъ и каждому», а не злоупластвовать ¹⁾ «надъ всѣми для выгоды единаго или нѣсколькихъ. Все, что отъ сихъ правилъ удаляется, а тѣмъ паче онымъ противурѣчить, есть злоупластіе, испроверженіе правъ и уничтоженіе, нареканіе наносящее и гибель совершающее. Примѣняя сіи неизмѣнныя и непреложныя, коренныя правила къ Россіи, ясно видѣть можно», что они «непремѣнно требуютъ измѣненія существующаго нынѣ государственнаго порядка въ Россіи и введенія на мѣсто его такого устройства, которое было бы основано на однихъ только точныхъ и справедливыхъ законахъ и постановленіяхъ, не представляло бы ничего личному самовластью и въ совершенной точности удостовѣряло бы народъ російскій въ томъ, что онъ составляетъ устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не можетъ чьею либо собственностью или принадлежностью. Изъ сего явствуютъ двѣ главныя для Россіи необходимости: первая состоитъ въ совершенномъ переобразованіи государственнаго порядка и устройства, а вторая—въ изданіи полнаго новаго Уложенія или Свода Законовъ, сохраняя при томъ все полезное и уничтожая вредное».

Съ этою цѣлью необходимо учредить Временное Верховное Правленіе и обнародовать «Русскую Правду» во всеобщее свѣдѣніе. Новый порядокъ не можетъ быть введенъ сразу: для этого нужно множество подготовительныхъ или переходныхъ мѣръ. Исполненіе этого важнаго дѣла всего лучше можетъ быть поручено Временному Верховному Правленію, такъ какъ «прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу народа русскаго, а представительный соборъ не можетъ быть созданъ» немедленно, потому что «начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ». Но «Россія должна имѣть залогъ въ томъ, что Временное Верховное Правленіе точно будетъ дѣйствовать» только для блага Россіи и потому необходимо «изданіе Русской Правды въ видѣ Наказа Верховному

¹⁾ Пестель старался употреблять какъ можно менѣ иностранныхъ выраженій. Въ началѣ „Русской Правды“ приложенъ особый списокъ тѣхъ русскихъ словъ, которыми авторъ замѣняетъ соотвѣтствующія иностранныя; „зупластіе“ онъ употребляетъ вмѣсто слова „тиранія“.

Правленію», тѣмъ болѣе, что составленіе Уложенія или Свода Законовъ требуетъ много времени. Русская Правда должна опредѣлить всѣ перемѣны, которыя слѣдуетъ произвести въ государствѣ, и намѣтить «коренныя правила и начальныя основы», которыя должны послужить руководствомъ «при сооруженіи новаго государственнаго порядка и составленіи новаго государственнаго уложенія». Она содержитъ въ себѣ также «поясненіе коренныхъ соображеній начальныхъ причинъ и основныхъ доводовъ, утверждающихъ предполагаемое для Россіи государственное устройство. Итакъ Русская Правда есть наказъ или наставленіе Временному Верховному Правленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіе народу, отъ чего онъ освобожденъ будетъ и чего вновь ожидать можетъ. Она... служитъ для Россіи ручательствомъ, что Временное Верховное Правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ. Недостатокъ въ таковой грамотѣ», продолжаетъ Пестель, «ввергнулъ многія государства въ ужаснѣйшія бѣдствія и междоусобія, потому что въ оныхъ правительство дѣйствовать всегда могло по своему произволу, по личнымъ страстямъ и частнымъ видамъ, не имѣя передъ собою яснаго и полного наставленія, коимъ бы обязано было руководствоваться, и что народъ между тѣмъ никогда не зналъ, что для него предпринимаютъ, никогда не видѣлъ яснымъ образомъ, къ какой цѣли стремятся дѣйствія правительства, и, волнуемый разными страхами, а потомъ и разными страстями, часто предпринималъ безпокойныя дѣйствія и наконецъ междоусобія производилъ. Русская Правда отвращаетъ своимъ существованіемъ все сіе зло и приводитъ государственное переобразование въ положительныя ходъ и дѣйствіе тѣмъ, что все опредѣляетъ и на всѣ предметы коренныя правила издаетъ. Посему обязаны съ нею въ полной мѣрѣ сообразоваться, какъ Временное Верховное Правленіе со всѣми частями, отраслями и степенями правительства, такъ равно и весь народъ со всѣми оного членами или гражданами. Временное Верховное Правленіе обязано новый государственный порядокъ, Русскою Правдою опредѣленный, постепенными мѣропріятіями ввести и устроить, а народъ обязанъ сему введенію не только не противиться, но, напротивъ того, Временному Верховному Правленію усердно всѣми силами содѣйствовать и неумѣстнымъ нетерпѣніемъ не вредить преуспѣванію народнаго возрожденія и государственнаго преобразования».

Въ разговорѣ съ А. В. Поджіо, о которомъ мы уже упоминали, Пестель сказалъ, что дѣятельность Временнаго Верховнаго Правленія должна продолжаться не менѣе десяти лѣтъ: одно «раздѣленіе земель» (см. ниже) «возьметъ много времени». По поводу этого показанія Поджіо Пестель подтвердилъ, что дѣйствительно онъ указывалъ на необходимость существованія Временнаго Пра-

Николай Иванович
РЫСАНОВЪ.

вленія до окончанія преобразованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что оно не должно «продолжаться сверхъ надобности». По его мнѣнію, если Временное Правленіе прекратитъ свое существованіе до окончанія государственнаго преобразованія, то «не достигнетъ цѣли своего учрежденія, и надобно будетъ тогда опасаться подобныхъ послѣдствій, какія имѣли всѣ французскія республиканскія конституціи». Онъ считалъ для этого необходимымъ 8 или 10 лѣтъ. Нужно замѣтить, что Пестель высказывалъ нежеланіе быть членомъ Временнаго Верховнаго Правленія, ссылаясь на то, что не хочетъ быть уличеннымъ въ личныхъ видахъ, а также указывая и на свою нерусскую фамилію. Но Поджіо сказалъ ему: «Вамъ предстоитъ слава Вашингтона; вы можете, какъ онъ, сейчасъ же удалиться къ числу частныхъ гражданъ послѣ водворенія законнаго правленія».

Пестель не успѣлъ окончить «Русскую Правду», и изъ 10 предполагаемыхъ главъ написалъ только 5; три первыя онъ считалъ обработанными, а двѣ—написанными вчера; впрочемъ, и относительно третьей главы онъ говорилъ, что была отдѣлана «большая часть» ея.

Въ первой главѣ, («О земельномъ пространствѣ государства») онъ прежде всего утверждаетъ, что нужно думать не о расширеніи границъ Россіи, а только о «водвореніи благоденствія» въ ея обширныхъ владѣніяхъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что безопасность и спокойствіе государства зависятъ отъ его хорошихъ границъ, опредѣленіе которыхъ затрудняется разноплеменностью населенія Россіи. При этомъ проявляются два противоположныя теченія: народы, подвластные большому государству и не принадлежащіе къ господствующему племени, всегда желаютъ независимости и отдѣльнаго политическаго существованія; Пестель называетъ это «правомъ народности». Съ другой стороны, всякое большое государство или, лучше сказать, всякій господствующій въ государствѣ народъ стремится къ тому, чтобы силы окружающихъ его маленькихъ народовъ увеличивали могущество его самого, а не какого либо сосѣдняго государства; Пестель называетъ это «правомъ благоустройства». Признавая вполнѣ естественными оба эти противоположныя стремленія, онъ полагаетъ, что рѣшать, какому изъ нихъ должно быть отдано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предпочтеніе, слѣдуетъ на основаніи третьяго правила, состоящаго въ томъ, что право народности дѣйствительно существуетъ только для тѣхъ народовъ, которые, пользуясь имъ, могутъ его сохранить, «и что право благоустройства принимается въ соображеніе для утвержденія безопасности, а не для какого либо тщеславнаго распространенія предѣловъ государства. Такимъ образомъ, племена, подвластныя большому го-

сударству, не могущія по слабости своей пользоваться самостоятельною политическою независимостью и долженствующія слѣдовательно непремѣнно состоять подъ властью или покровительствомъ котораго либо изъ большихъ сосѣдственныхъ государствъ, не могутъ ограждаться правомъ народности, ибо оно есть для нихъ мнимое и не существующее». По мнѣнію Пестеля, для нихъ самихъ выгоднѣе слиться съ господствующимъ населеніемъ и составить съ нимъ одинъ народъ. Съ другой стороны, сильное государство «не должно противиться враждебными чувствами и дѣйствіями правильному отдѣльному существованію народовъ, могущихъ пользоваться полною политическою независимостью».

Руководясь этою точкою зрѣнія, Пестель утверждаетъ, что Финляндія, Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, Бѣлоруссія, Малороссія, Новороссія, Бессарабія, Крымъ, Грузія, весь Кавказъ, земли киргизовъ, всѣ народы сибирскіе и разныя другія племена, обитающія внутри государства, никогда не пользовались «самостоятельною независимостью» и принадлежали или Россіи, или «по временамъ» Швеціи, Даніи, Пруссіи, Польшѣ, Турціи, Персіи, вообще какому нибудь сильному государству, и дѣлаетъ отсюда выводъ, что «и на будущія времена, по слабости своей» они «никогда не будутъ составлять особыхъ государствъ, а посему и подлежатъ всѣ они праву благоудобства, долженствуя притомъ навѣки отречься отъ права отдѣльной народности» и должны «на вѣчныя времена» оставаться въ составѣ русскаго государства. Пестель не принялъ во вниманіе того, что нѣкоторыя изъ названныхъ имъ областей и племенъ, даже и находясь подъ верховнымъ главенствомъ другого государства, пользовались значительною долею самостоятельности. Такъ Малороссія подъ русскимъ владычествомъ имѣла своихъ гетмановъ и свои войсковыя рады; Грузія знала времена и полной независимости, и значительной самостоятельности подъ покровительствомъ Россіи, Персіи или Турціи; Крымъ, подъ главенствомъ Турціи, имѣлъ своихъ хановъ и собственное управленіе; Курляндія, несмотря на ленную зависимость отъ Польши, имѣла своихъ герцоговъ; киргизы и подъ русскимъ верховнымъ владычествомъ управлялись своими ханами. Такимъ образомъ, примѣры приведенные самимъ Пестелемъ, доказываютъ, что между полною самостоятельностью и совершеннымъ объединеніемъ съ господствующимъ народомъ можетъ быть нѣчто среднее, и что, даже входя въ составъ какого либо государства, извѣстный народъ, извѣстная область, могутъ пользоваться мѣстною автономіею, самостоятельно рѣшать мѣстныя дѣла. Изъ перечисленныхъ Пестелемъ областей Финляндія даже въ то время составляла великое княжество, которое Сперанскій называлъ «государствомъ» и населеніе котораго офици-

ціальные акты именовали націею. Если Пестель не захотѣлъ признать за Финляндіею никакой самостоятельности, то это, вѣроятно, объясняется, какъ тѣмъ, что тамошній сеймъ съ 1809 г. ни разу не созывался, такъ и тѣмъ, что онъ былъ основанъ на антипатичномъ для Пестеля сословномъ началѣ. Исходя изъ указанной выше точки зрѣнія, онъ предоставлялъ Временному Верховному Правленію присоединить къ Россіи «на вѣчныя времена» Молдавію и незавоеванныя еще части кавказскихъ, киргизскихъ и монгольскихъ земель.

Совершенно иначе относился Пестель къ Польшѣ. Онъ находилъ, что, такъ какъ Польша въ теченіе многихъ вѣковъ была большимъ, самостоятельнымъ государствомъ, то русскій народъ долженъ даровать побѣжденному народу самостоятельность въ то время, когда сама Россія пріобрѣтетъ «новую жизнь». Временному правительству слѣдуетъ разрѣшить дать Польшѣ «независимое, самостоятельное политическое существованіе въ видѣ отдѣльнаго государства». При этомъ слѣдуетъ отдѣлить къ Польшѣ часть западной Россіи ¹⁾ и заключить съ нею тѣсный союзъ на время мира и войны, вслѣдствіе котораго Польша обязалась бы присоединять все свое войско, въ случаѣ войны, къ русской арміи. Но дарованіе Польшѣ независимости возможно лишь при соблюденіи слѣдующихъ трехъ условій: 1) верховная власть должна быть устроена въ Польшѣ такъ же, какъ и въ Россіи; 2) назначеніе и выборъ всѣхъ лицъ и чиновниковъ во всѣ правительственныя учрежденія и присутственныя мѣста должны происходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Россіи и 3) «всякая аристокрація», основанная какъ на богатствѣ и имуществѣ, такъ и на «привилегіяхъ и правахъ родовыхъ», должна быть «совершенно, навсегда отвергнута», и весь польскій народъ долженъ составлять такъ же, какъ и русскій одно сословіе. Пестель, въ отличіе отъ Никиты Муравьева, рѣшительно высказывается противъ федеративнаго устройства Россіи ²⁾.

По мнѣнію Пестеля, федеративное устройство государства представляетъ слѣдующія неудобства:

¹⁾ Пестель предлагалъ всю Гродненскую губернію и Бѣлостокскую область цѣликомъ включить въ составъ Польши, а Виленскую, Минскую и Волынскую губерніи раздѣлить между Польшею и Россіею. Граница между ними, по его мнѣнію, должна была идти отъ Полангена прямо на Динабургъ, затѣмъ Двиною до Полоцка, далѣе, рѣкою Ушатью (лѣвый притокъ Западной Двины) до Березины, отсюда Березинскою линіею до Припяти, затѣмъ къ г. Острогу Волынской губ. и наконецъ къ Карпатскимъ горамъ.

²⁾ „Федеративными“, по его опредѣленію, „называются тѣ государства, въ которыхъ области, ихъ составляющія, хотя и признаютъ общую надъ собою верховную власть и обязываются совокуно дѣйствовать во всѣхъ сношеніяхъ внѣшнихъ, но при всемъ томъ право свое сохраняютъ законы дѣлать и постановленія издавать для собственнаго своего внутренняго гражданскаго и политическаго образованія и устроять свое правленіе по частному своему усмотрѣнію“.

1). Верховная власть въ такомъ государствѣ «не законы даетъ, но только совѣты, ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ. Ежели же область не захочетъ повиноваться, то, дабы къ повиновенію ее принудить, надобно междоусобную войну завести, изъ чего явствуетъ, что въ самомъ коренномъ устройствѣ находится уже сѣмя къ разрушенію». Но онъ упускалъ изъ виду, что въ федераціяхъ проводится точная граница между тѣмъ, что устанавливается союзнымъ законодательствомъ, и тѣмъ, что подлежитъ рѣшенію мѣстныхъ штатовъ. Граница эта проводится союзною конституціею, принятою съ согласія всѣхъ составныхъ частей федераціи. «2) Обычные законы, особый образъ правленія и особыя отъ того происходящія понятія и образъ мыслей еще болѣе ослабятъ связь между разными областями. На верховную же власть будутъ области смотрѣть, какъ на вещь нудную и непріятную, и каждое областное правительство будетъ разсуждать, что оно бы гораздо лучше устроило государственныя дѣла, въ отношеніи къ своей области, безъ участія верховной власти. Вотъ новое сѣмя къ разрушенію. 3) Каждая область, составляя въ федеративномъ государствѣ, такъ сказать, маленькое отдѣльное государство, слабо къ цѣлому привязано будетъ и даже во время войны можетъ дѣйствовать безъ усердія къ общему составу государства, особенно, если лукавый непріятель будетъ умѣть прельстить ее обѣщаніями о какихъ нибудь особенныхъ для нея выгодахъ и преимуществахъ. Частное благо области, хотя и временное, однако же всетаки сильнѣе дѣйствовать будетъ на воображеніе ея правительства и народа, нежели общее благо всего государства, не приносящее, можетъ быть, въ то время очевидной пользы самой области. 4) Слово государство, при такомъ образованіи, будетъ слово пустое, ибо никто нигдѣ не будетъ видѣть государства, но всякій вездѣ только свою частную область, и потому любовь къ отечеству будетъ ограничиваться любовью къ одной своей области...

«Что же въ особенности касается до Россіи, то, дабы въ полной мѣрѣ удостовѣриться, до какой степени федеративное образованіе государства было бы для нея пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Области его не только различными учрежденіями исправляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ различные языки (sic) говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ, жители оныхъ различныя происхожденія имѣютъ, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали; и потому, ежели сію разнородность еще болѣе усилить чрезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро потеряетъ тогда не только свое могущество, величіе и силу, но даже можетъ быть и бытіе свое между большими или главными государствами. Она тогда снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенные древней Россіи удѣльною системою, которая также не что иное была, какъ родъ федеративнаго устройства государства. И потому, если какое нибудь другое государство мо-

жетъ еще сомнѣваться во вредѣ федеративнаго устройства, то Россія уже никакъ сего сомнѣнія раздѣлять не можетъ: она горькими опытами и долготѣнными дѣйствіями жестоко заплатила за сію ошибку въ прежнемъ ея государственномъ образованіи. А посему, соединяя всѣ сіи обстоятельства въ общее соображеніе, постановляется кореннымъ закономъ Россійскаго государства, что всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло. Избѣгать надлежитъ всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ такому устройству государства вести бы могло.

«Вслѣдствіе всего здѣсь сказаннаго объявляется Россійское государство въ предѣлахъ выше обозначенныхъ единымъ и нераздѣлимымъ, отвергающимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства».

Пестель счелъ нужнымъ подробно обосновать въ «Русской Правдѣ» свое отрицательное отношеніе къ федеративному строю, въ виду того, что онъ былъ положенъ въ основу конституціи Н. Муравьева. Въ проектѣ, который по мнѣнію Н. Муравьева былъ составленъ въ 1820 г., самъ Пестель высказывался, какъ мы видѣли, за учрежденіе областныхъ представительныхъ собраній. Дѣло въ томъ, что у авторовъ, съ сочиненіями которыхъ онъ былъ знакомъ, онъ могъ встрѣтить сочувственное отношеніе къ федераціи (союзному государству) или къ конфедераціи (союзу государствъ ¹⁾). Кромѣ того, главнымъ аргументомъ въ пользу федеративнаго строя могла быть для него конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, пользовавшаяся большою популярностью среди членовъ тайнаго общества. Пестель измѣнилъ свой взглядъ на федерацію безъ сомнѣнію подъ вліяніемъ сочиненія Детю-де-Траси «*Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu*», которое, по его собственному признанію, сыграло такую огромную роль въ окончательномъ опредѣленіи его политическаго міросозерцанія. Детю-де-Траси говоритъ: «Задавшись мыслью, что республика, какъ демократическая, такъ и аристократическая, можетъ быть только маленькимъ государствомъ, Монтескье видитъ для нея только одно средство защиты—соединиться съ другими государствами узамъ федераціи; и онъ очень хвалитъ выгоды федеративнаго строя, который кажется ему возможно лучшимъ изобрѣтеніемъ для сохраненія свободы внѣ и внутри». Безъ сомнѣнія, продолжаетъ Детю-де-Траси, «для очень слабаго государства лучше соединиться со многими другими посредствомъ союзовъ или федераціи, которая является наиболѣе тѣснымъ изъ союзовъ, чѣмъ остаться одинокимъ; но если всѣ эти соединив-

¹⁾ Montesquieu, „L'esprit des lois“, книга IX, глава 1—3; M. Helvétius „De l'homme“ section IX, ch. 4; D'Holbach „La politique naturelle“, discours VII, § 10; Rousseau „Consideration sur le gouvernement de Pologne“, ch. 5.

шіяся государства составлять одно, они конечно станутъ сильнѣе. Это можетъ совершиться посредствомъ представительнаго правленія. Мы благоденствуемъ въ Америкѣ при федеративномъ строѣ ¹⁾, потому что у насъ нѣтъ грозныхъ сосѣдей; но если бы французская республика приняла это государственное устройство, какъ ей предлагали, сомнительно, чтобы она имѣла возможность противостоять всей Европѣ, между тѣмъ она могла это сдѣлать, оставшись *единою и нераздѣльною*. Общее правило: государство выигрываетъ въ силѣ, примыкая ко многимъ другимъ; но оно стало бы еще сильнѣе, составивъ съ ними одно государство, и слабѣетъ, раздѣляясь на многія части, какъ бы тѣсно онѣ не были соединены». Детю-де-Траси самъ указываетъ на ту выгодную сторону федеративнаго строя, что онъ благоприятствуетъ болѣе равномерному распространенію просвѣщенія и совершенствованію администраціи, такъ какъ, помимо общаго патріотизма, возбуждаетъ патріотизмъ мѣстный, и кромѣ того мѣстные законодатели лучше знаютъ особые интересы ихъ маленькаго штата. Но, «несмотря на эти счастливыя свойства», онъ думаетъ, «что на федераціи, особенно у народовъ древности, слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на опыты и попытки людей, не изобрѣвшихъ еще истиннаго представительнаго строя, и которые сразу пытались достигнуть свободы, спокойствія и могущества, возможныхъ лишь при указанномъ строѣ» ²⁾.

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній и согласно съ французскою конституціею 1793 г. (п. I), хотя онъ и не упоминаетъ о ней, Пестель призналъ, что Россія должна быть государствомъ въ указанныхъ имъ предѣлахъ «единымъ и нераздѣлимымъ, отвергающимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства».

Онъ предлагаетъ раздѣлить Россію на 53 губерніи, изъ которыхъ 50 должны были называться округами, а три удѣлами; 50 округовъ должны были составить 10 областей, по 5 округовъ въ каждой, а удѣлы, не входившіе въ составъ областей, носятъ названія Столичнаго, Донскаго и Аральскаго. Округа и удѣлы раздѣляются на уѣзды, а уѣзды на волости. Столицею Пестель предлагалъ сдѣлать Нижній Новгородъ, переименовавъ его во Владиміръ. Вся Финляндія входила въ составъ Чудской области вмѣстѣ

¹⁾ Сочиненіе Детю-де-Траси вышло первоначально въ свѣтъ въ Америкѣ на англійскомъ языкѣ безъ имени автора, который, впрочемъ, никогда не эмигрировалъ въ Америку и не былъ ея гражданиномъ, вопреки мнѣнію Чичерина («Ист. политич. ученій», т. V, 1902, стр. 328). См. *Mignet* «La vie et les travaux de Destutt-de-Tracy», «Revue des deux Mondes», Juin, 1842 г.

²⁾ «Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu», Paris, 1819 p. 120—122. Возраженія противъ федеративнаго строя Пестель могъ встрѣтить и у Бенжамена Констана «Cours de politique constitutionnelle», I, 289.

съ частью Петербургской губерніи и Оломецкимъ округомъ; весь Остзейскій край былъ включенъ въ составъ Холмской области (областной городъ—Новгородъ); Сибирь образовала особую область; Кавказъ вмѣстѣ съ Астраханскимъ округомъ составлялъ Кавказскую область.

Во второй главѣ «Русской Правды» Пестель разсматриваетъ вопросъ «о племенахъ, Россію населяющихъ». Исходя изъ своей мысли о томъ, что Россія должна быть государствомъ единымъ и нераздѣльнымъ, онъ говоритъ, что «во всѣхъ частяхъ государства» должны существовать «одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія». Онъ, правда, соглашался съ тѣмъ, что иновѣрные «законы духовные», могутъ быть допущены, но «всѣ дѣйствія» ихъ, противорѣчащія духу законовъ христіанскихъ, считалъ необходимымъ запрещать. При единообразіи общихъ «политическихъ законовъ» Пестель допускалъ также разнообразіе «хозяйственныхъ» постановленій для отдѣльныхъ мѣстностей. Но «гражданскіе законы», по его мнѣнію, должны быть одинаковы на всемъ пространствѣ государства, такъ какъ они «болѣе всего содѣйствовать будутъ къ дарованію всѣмъ частямъ онаго одинаковаго отѣнка нравственности» и этимъ создадутъ «крѣпкую и истинно-тѣсную политическую связь въ государствѣ».

Признавая въ Россіи 5 «оттѣнковъ» славянскаго племени, Пестель утверждалъ, что у нихъ: одинъ языкъ, несмотря на различіе нарѣчій, и одна православная вѣра, такъ какъ полагалъ, что число униатовъ все уменьшается, а католическая вѣра въ частяхъ западной Россіи, которыя не отойдутъ къ Польшѣ, будто бы исповѣдуются не народомъ, а лишь «потомками нѣкоторыхъ пришлецовъ прежнихъ временъ».

Исходя изъ своей идеи политическаго единообразія, Пестель требуетъ, чтобы временное верховное правленіе ввело во всѣ части Финляндіи тѣ законы и тотъ образъ правленія, которые приготовляются въ «Русской Правдѣ» для русскихъ губерній. По его мнѣнію, «сей новый порядокъ будетъ для Финляндіи благотѣльнѣе и пріятнѣе не только нынѣшняго руссійскаго, но и нынѣшняго финляндскаго. Что же касается до языка, то надлежитъ ввести въ Финляндію руссійскій языкъ, устраивая нужныя для сего училища и принимая другія, къ той же цѣли ведущія мѣры по усмотрѣнію верховнаго правленія». Въ подтвержденіе своей мысли Пестель ссылался на то, что, когда въ части Финляндіи, присоединенной къ Россіи въ XVIII вѣкѣ, были введены русскіе законы, правленіе и языкъ, то народъ скоро будто бы почти совсѣмъ обрусѣлъ. Но если Пестель ошибался въ своихъ обрусительныхъ стремленіяхъ и слишкомъ мало цѣнилъ значеніе мѣстнаго языка, то онъ былъ совершенно правъ, утверждая, что вве-

деніе того республиканскаго строя, основаннаго на широкомъ выборномъ правѣ, который онъ считалъ необходимымъ даровать Россіи, будетъ для большинства жителей Финляндіи «благодѣтельныѣ и пріятныѣ» финляндскаго государственнаго устройства, основаннаго на сословномъ представительствѣ.

Что касается финскаго населенія сѣвера и сѣверо-востока Россіи, то Пестель относился къ нему съ большою гуманностью. «Мало обращено было вниманія», говоритъ онъ, «на дѣйствительное положеніе сихъ маленькихъ народовъ, и отъ того они подъ тягостнымъ угнетеніемъ мѣстныхъ начальствъ находятся и продолжаютъ коснѣть въ нищетѣ и невѣжествѣ». Онъ вмѣнялъ въ «особенную обязанность» временному верховному правленію принять всѣ мѣры «для избавленія сихъ племенъ отъ частнаго ига ихъ правителей и для доставленія имъ средствъ къ улучшенію ихъ состоянія и къ водворенію между ими просвѣщенія, особенно же приложить стараніе насчетъ правильнаго дѣйствія духовнаго чина».

Такъ какъ Пестель служилъ одно время въ Митавѣ, то онъ имѣлъ хорошее понятіе о положеніи латышей. По его словамъ, «находятся они въ состояніи гораздо менѣе благоденственномъ, нежели... крестьяне русскіе, несмотря на мнимую вольность, имъ дарованную». Поэтому онъ ставилъ въ обязанность временному верховному правленію: «1) Большое обратить вниманіе, какъ на ихъ положеніе, такъ и на то обстоятельство, что феодальная система, свирѣпствовавшая столь долгое время на западѣ Европы, даже и сюда гнилые свои корни пустила и 2) Всѣ мѣры принять для совершеннаго, окончательнаго искорененія остатковъ феодализма и для приведенія положенія латышей въ согласіе съ коренными правилами, долженствующими служить основаніемъ всякому благому устройству въ государствѣ. А посему нынѣшнее политическое образованіе сихъ губерній имѣетъ быть замѣнено тѣмъ новымъ порядкомъ, который введенъ будетъ въ цѣломъ государствѣ».

Относительно иностранныхъ колонистовъ, поселенныхъ въ Россіи (нѣмцевъ, болгаръ и волоховъ), Пестель предлагалъ сохранить за ними обѣщанныя имъ льготы, но въ то же время «дѣлежъ земель въ каждой волости совершить тѣмъ же образомъ, какъ и въ казенныхъ волостяхъ». Онъ очевидно не зналъ, что въ этихъ двухъ требованіяхъ есть противорѣчіе, такъ какъ надѣленіе землею иностранныхъ колонистовъ при Екатеринѣ II было произведено не на тѣхъ началахъ, какія предлагалъ Пестель (см. ниже), а на основѣ подворнаго землевладѣнія, по 30 десятинъ на семью (въ Новороссіи давалось и болѣе ¹⁾). Но жизнь разрѣшила это про-

¹⁾ *Клаузе* «Наши колонія». Спб. 1869 г. т. I, 12, 14—15.

творѣчіе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, и часть нѣмецкихъ колонистовъ усвоила русскіе общинные порядки и передѣлы земель, которые были извѣстны Пестелю и которымъ онъ сочувствовалъ.

Онъ считалъ необходимымъ заботиться и объ улучшеніи положенія кочующихъ народовъ и выражалъ желаніе, чтобы они сдѣлались «нашими братьями» и перестали «коснѣть въ жалостномъ своемъ положеніи». Онъ предлагалъ посылать къ нимъ миссіонеровъ съ тѣмъ, чтобы они просвѣщали ихъ «кротостью и убѣжденіемъ», что, какъ извѣстно, плохо осуществлялось на дѣлѣ. Важнѣе другое предложеніе Пестеля—устанавливать склады всего необходимаго для удовлетворенія потребностей кочующихъ народовъ и тутъ же хлѣбные магазины съ дозволеніемъ пользоваться хранящимся въ нихъ запасами въ случаѣ нужды въ хлѣбѣ. Когда кочующіе народы перейдутъ къ земледѣлію, должно на общихъ основаніяхъ учредить среди нихъ волости, и тогда эти народы поступятъ «въ общій составъ государственнаго устройства», т. е. вѣроятно получатъ права политическія.

Татарамъ Пестель предлагаетъ запретить многоженство, какъ противное православнои вѣрѣ; «содержаніе женъ взаперти», добавляетъ онъ, «есть большая несправедливость противу сей половины рода человѣческаго, а посему и надлежитъ употребить средства кроткія, дабы магометане обычай сей оставили». Онъ говоритъ о предоставленіи татарамъ «всѣхъ частныхъ¹⁾ гражданскихъ правъ»; это, повидимому, нужно понимать такимъ образомъ, что правъ политическихъ пока имъ не предоставлялось. Относительно немирныхъ, «буйныхъ» кавказскихъ племенъ Пестель требуетъ не только рѣшительнаго ихъ покоренія, но даже насильственнаго переселенія внутрь Россіи. Напротивъ, мирные кавказскіе народы слѣдуетъ оставить на ихъ мѣстахъ и «дать имъ руссійское правленіе и устройство». Въ параграфѣ, посвященномъ сибирскимъ народамъ, Пестель дѣлаетъ такое замѣчаніе: «самые несчастные народы суть тѣ, которые управляются Американскою Компаніею. Она ихъ угнетаетъ, грабитъ и нимало о существованіи ихъ не заботится, почему и должны непремѣнно сіи народы отъ нея быть совершенно освобождены».

Что касается евреевъ, то большимъ зломъ Пестель считаетъ ихъ обособленность и враждебность христіанамъ, не обращая вниманія на то, что это являлось естественнымъ результатомъ ограниченія ихъ во многихъ правахъ. Для устраненія главнымъ образомъ обособленности евреевъ и вообще измѣненія отрицательныхъ сторонъ ихъ быта онъ предлагалъ созвать «ученѣйшихъ рабиновъ

¹⁾ Курсивъ подлинника.

и умнѣйшихъ евреевъ, выслушать ихъ представленія» и принять надлежащія мѣры. На эту мысль его, вѣроятно, навело собраніе, созданное въ 1806 г. Наполеономъ въ Парижѣ, въ которое префекты избирали наиболѣе выдающихся еврейскихъ раввиновъ и мірянъ, а также собранный въ 1807 г. великій синедріонъ, на ²/₃ состоявшій изъ раввиновъ ¹). Пестель не прочь былъ и совсѣмъ освободить Россію отъ еврейскаго населенія и потому дѣлаетъ предложеніе о содѣйствіи евреямъ въ основаніи ихъ собственнаго государства въ Малой Азіи. По его словамъ, «нужно назначить сборный пунктъ для еврейскаго народа и дать нѣсколько войска имъ въ подкрѣпленіе. Ежели всѣ русскіе и польскіе евреи соберутся на одно мѣсто, то ихъ будетъ свыше двухъ милліоновъ. Таковому числу людей, ищущихъ отечества, не трудно будетъ преодолевать всѣ препоны, какія турки могутъ имъ противопоставить и, пройдя всю европейскую Турцію, перейти въ азіатскую и тамъ, занявъ достаточныя мѣста и земли, устроить особенное еврейское государство. Но такъ какъ сіе исполнинское предпріятіе требуетъ особенныхъ обстоятельствъ и истинно геніальнѣйшаго предпріимчивости, то и не можетъ быть оно поставлено въ непремѣнную обязанность временному верховному правленію».

Извѣстно, что Наполеонъ обратился въ 1799 г. къ азіатскимъ и африканскимъ евреямъ съ воззваніемъ, въ которомъ приглашалъ ихъ стать подъ его знамена и обѣщалъ имъ святую землю и возобновленіе іерусалимскаго храма во всемъ его блескѣ. За шесть лѣтъ передъ тѣмъ, нѣмецкій философъ Фихте, враждебно относившійся къ евреямъ, предлагалъ покорить для нихъ обѣтованную землю и отправить туда ихъ всѣхъ ²). Пестель, подобно Фихте, былъ враждебно настроенъ относительно евреевъ ³) и выражался о нихъ довольно рѣзко (такой же несимпатичный антисемитизмъ сказывался и у нѣкоторыхъ другихъ декабристовъ). Онъ, впрочемъ, справедливо отмѣчаетъ, какъ одну изъ причинъ низкаго умственнаго уровня евреевъ, ихъ полную зависимость отъ раввиновъ, которые «именемъ вѣры» запрещаютъ имъ чтеніе какихъ бы то ни было книгъ, кромѣ талмуда и нѣкоторыхъ другихъ ⁴). Онъ указываетъ на громадную власть раввиновъ надъ

¹) Гретцъ. „Исторія евреевъ отъ начала Мендельсоновской эпохи“. 1884 г., стр. 230, 247.

²) Гретцъ, 197, 208.

³) Онъ былъ недоволенъ нѣкоторыми исключительными правами, предоставленными евреямъ, первое мѣсто среди которыхъ занимало освобожденіе отъ рекрутской повинности. Эта льгота была уничтожена при имп. Николаѣ I. Орианскій „Русск. законод. о евреяхъ“, СПб., 1877. стр. 284.

⁴) Ср. Гретцъ, 98, 340.

ихъ духовною паствою и въ другихъ отношеніяхъ. Тѣмъ болѣе странно, что тѣмъ же раввинамъ онъ отводитъ столь видную роль въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ.

Ни польская конституція 1815 г., ни проектъ Новосильцова не предоставляли евреямъ равенства въ политическихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи. Н. Муравьевъ во второй редакціи своего проекта отказался отъ первоначальной мысли предоставить евреямъ политическія права только въ чертѣ осѣдлости и предполагалъ уравнивать ихъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи. Пестель высказывается за то, чтобы временное верховное правленіе, выслушавъ мнѣнія «ученѣйшихъ рабиновъ и умнѣйшихъ евреевъ», приняло мѣры, чтобы существующая обособленность евреевъ была замѣнена «такимъ порядкомъ, который бы соотвѣтствовалъ *съ полной мѣрой* общимъ кореннымъ правиламъ, имѣющимъ служить основаніемъ политическому зданію російскаго государства». Такимъ образомъ онъ, повидимому, желалъ распространенія на евреевъ политическихъ правъ, но подъ условіемъ преобразованія ихъ быта, которое онъ поручалъ временному верховному правленію. Нужно помнить, что совершеннымъ государственнымъ строемъ Пестель считалъ лишь тотъ, гдѣ на всемъ пространствѣ государства дѣйствуютъ одни и тѣже «политическіе законы». Но это стремленіе къ уравниванію правъ всего населенія Россіи соединялось у Пестеля съ стремленіемъ къ общему обрушенію. Онъ полагалъ, что при всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ временное верховное правленіе должно руководствоваться одною цѣлью: чтобы всѣ народы и племена, населяющіе Россію, составили одинъ народъ, чтобы на всемъ пространствѣ государства «господствовалъ одинъ только языкъ російскій» и чтобы были уничтожены даже имена всѣхъ населяющихъ его племенъ и вездѣ были бы слиты «въ общее названіе русскихъ». Это были конечно мечты, совершенно неосуществимыя, но такая прямолинейность, не останавливающаяся ни передъ какимъ препятствіемъ, хорошо рисуетъ рѣшительный характеръ нашего яacobинца.

Третья глава «Русской Правды» посвящена «сословіямъ, въ Россіи обрѣтающимся», причемъ, принимая нѣкоторые отдѣльные разряды крестьянъ за особые сословія, онъ насчитывалъ всѣхъ ихъ до 12, а именно: духовенство, дворянство, купечество, мѣщанство, казенные крестьяне, вольные землевладѣльцы, военные поселяне, солдатскія дѣти, дворянскіе крестьяне, дворовые люди, заводскіе крестьяне и монастырскіе крестьяне.

«Распределеніе народа на сословія, занимающіяся исключительно земледѣліемъ, издѣліемъ» (т. е. промышленностью) «и торговлею», говоритъ Пестель, «совершенно отвергнуто политическою

экономіею ¹⁾, доказавшею неоспоримымъ образомъ, что каждый человѣкъ долженъ имѣть полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, отъ которой наиболѣе ожидается для себя выгоды и прибыли». Далѣе онъ высказываетъ мысль, съ которою мы уже знакомы изъ его показанія о развитіи его политическаго міросозерцанія. «Отличительная черта нынѣшняго столѣтія ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристокраціею, во время коей начинается возникать аристокрація богатствъ, гораздо вреднѣйшая аристокраціи феодальной, ибо сія послѣдняя общимъ мнѣніемъ всегда потрясена быть можетъ и слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ отъ общаго мнѣнія зависитъ, между тѣмъ какъ аристокрація богатствъ» находитъ въ нихъ «орудіе для своихъ видовъ, противу коихъ общее мнѣніе совершенно безсильно и посредствомъ коихъ она приводитъ весь народъ, какъ уже сказано, въ совершенную отъ себя зависимость».

Мы видѣли, что во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестель «истинною цѣлью государственнаго устройства» считаетъ (слѣдуя Бентаму) «возможно большее благоденствіе *многочисленнѣйшаго числа* людей въ государствѣ». Въ третьей главѣ онъ идетъ даже далѣе и говоритъ, что «гражданскія общества, а слѣдовательно и государства составлены для возможно большаго благоденствія *всѣхъ и каждого*, а не блага нѣкоторыхъ, за устраненіемъ большинства людей». Онъ утверждаетъ, что «всѣ люди въ государствѣ должны непременно быть передъ закономъ совершенно равны и что всякое постановленіе, нарушающее» это равенство, «есть нестерпимое зловластіе» (тираннія), «долженствующее непременно быть уничтоженнымъ... Сословія тѣмъ еще пагубнѣе, что они только однимъ пристрастіемъ дышатъ, что нѣкоторымъ членамъ народа выгоды даютъ, въ коихъ другимъ отказываютъ безъ всякой причины и безъ всякой для государства пользы, что, для пресыщенія корысти нѣсколькихъ людей, жестокою оказываютъ несправедливость противъ наибольшей части народа, и что противны цѣли государственнаго существованія, состоящей не въ пристрастіи къ малому числу, но въ елико возможно большемъ благоденствіи *многочисленнѣйшаго числа* людей въ государствѣ. А изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что учрежденіе сословій непременно должно быть уничтожено, что всѣ люди въ государствѣ должны составлять только одно сословіе, могущее называться

¹⁾ Въ одной французской рукописи Пестеля упоминается имя Симонди. Вѣроятно ему было знакомо его сочиненіе „Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population“ par Simonde de Sismondi. P. 1819, 2 vols. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Пестель былъ знакомъ съ сочиненіемъ Адама Смита, которое было переведено на русск. яз. и издано въ 1802—6 гг.

гражданскимъ и что всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ же права и быть передъ закономъ всѣ равны».

Духовенство, по мнѣнію Пестеля, должно быть не особымъ сословіемъ, а «частью правительства», чиновниками; дѣти ихъ пользуются одинаковыми правами со всѣми гражданами. Черное духовенство, отказавшись отъ свѣта, не должно занимать должностей по церковному управленію, кромѣ монастырей. Въ монахи никто не долженъ поступать ранѣе 60 лѣтъ, а въ бѣлое духовенство ранѣе 40. Духовенство иноземнаго исповѣданія, которое признаетъ надъ собою начальство внѣ Россіи¹⁾, должно или оставить ее, или отказаться отъ повиновенія своему начальству и прекратить съ нимъ сношенія; монашескимъ же чинамъ иноземныхъ исповѣданій совсѣмъ не дозволяется пребываніе въ Россіи. При университетахъ должны быть особы богословскіе лица. Всякій, выдержавшій экзаменъ въ такомъ лицѣ, можетъ поступить на духовную службу. Находя, что положеніе русскаго духовенства «горько и жалостно», что оно «едва имѣетъ нынѣ насущный хлѣбъ, а въ старости остается безъ всякаго должнаго призрѣнія», Пестель ставитъ въ обязанность временному верховному правленію «всѣ средства употребить для доставленія почтенному руссійскому духовенству совершенно приличнаго содержанія». Особенно слѣдуетъ улучшить положеніе приходскихъ священниковъ, «чтобы они не были принуждены сами заниматься земледѣліемъ и беспокоиться о своемъ пропитаніи».

Пестель рѣшительно высказывается за необходимость уничтоженія всѣхъ дворянскихъ преимуществъ: 1) слѣдуетъ уничтожить «рабство и крѣпостное состояніе»²⁾, а также маіораты и право учреждать ихъ, такъ какъ наслѣдство послѣ родителей должно дѣлиться поровну между дѣтьми³⁾. 2) Дворяне должны быть обложены податями наравнѣ со всѣми прочими гражданами. 3) Они должны подвергаться тѣмъ же, какъ остальные преступники, наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ, если они будутъ признаны необходимыми⁴⁾. 4) Дворяне не должны быть избавлены отъ набора ратниковъ, какъ и всѣ другія сословія, по очереди и по жребію, причемъ наравнѣ со всѣми они могутъ вступать на службу не рядовыми, а офицерами, если выдержатъ извѣстный экзаменъ. На мысль о введеніи всеобщей воинской повинности должны были

¹⁾ О вредѣ такой зависимости Пестель могъ найти упоминаніе въ книгѣ Детю-де-Траси (стр. 387).

²⁾ О взглядѣ Пестеля на вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права см. въ моей статьѣ въ сборн. „Крестыанскій строй“, 1906, т. I, 229—232.

³⁾ Мысль объ уничтоженіи маіоратовъ и равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ Пестель могъ заимствовать у Детю-де-Траси (стр. 58).

⁴⁾ Мысль Пестеля объ уничтоженіи дворянства и равенствѣ наказаній могла быть навѣяна частью французскою конституціею 1791 г., частью сочиненіемъ Детю-де-Траси (стр. 298).

навести Пестеля подобныя же реформы во Франціи и Пруссіи. Точно также и гражданская служба становится по «Русской Правдѣ» доступною всѣмъ сословіямъ на основаніи общихъ правилъ. 5) Всѣ титулы уничтожаются. Отмѣна всѣхъ преимуществъ, которыми пользовались дворяне, приводитъ къ уничтоженію и самаго званія дворянина. Дворяне, подобно всѣмъ прочимъ гражданамъ, расписываются по волостямъ. «Всякое существованіе, отдѣльное отъ массы народной, сословія есть вещь пагубная»¹⁾. Пестель высказывалъ увѣренность, «что добрые дворяне, истинные сыны отечества, съ удовольствіемъ и радостью примутъ сіе постановленіе... Они будутъ чувствовать, что выгоды, доставляемыя дворянству наравнѣ съ прочими россиянами новымъ государственнымъ порядкомъ, сею Русскою Правдою опредѣляемымъ, несравненно обширнѣе и значительнѣе тѣхъ преимуществъ, коихъ дворянство симъ лишается, и что они слѣдовательно мѣняютъ малое на большое, не говоря уже о томъ, что теряютъ постыдное, а приобретаютъ похвальное и достойное. Что же касается дворянъ, закончившихъ въ своихъ враждебныхъ противу массы народной предразсудкахъ и мыслящихъ, что вся Россія для нихъ однихъ существуетъ, то крѣпкую питать можно надежду, что таковыхъ дворянъ окажется весьма мало. Однако же ежели, паче чаянія, найдутся таковыя недостойныя сыны отечества, то противу нихъ надлежитъ принять мѣры рѣшительныя, дабы въ полной мѣрѣ укротить свирѣпый ихъ нравъ и поставить въ невозможность отечеству вредить, хотя бы къ тому и нужными были дѣйствія скорой и непреклонной строгости».

¹⁾ Въ концѣ третьей главы говорится о дворянствѣ слѣдующее: оно „обязывается под руководствомъ Верховнаго Правленія пересмотрѣть свой составъ и проекты объ ономъ представить“, и лишь всѣ прочія сословія, кромѣ дворянства и духовенства „сливаются въ общее сословіе российскихъ граждан“. Это противорѣчіе объясняется вѣроятно тѣмъ, что, приступивъ къ переработкѣ III главы, Пестель не закончилъ ея. Мы увидимъ ниже варианты въ постановленіяхъ о крестьянахъ. Въ самомъ концѣ третьей главы прибавлено еще слѣдующее: „При семъ надлежитъ замѣтить: 1) что съ уничтоженіемъ сословій и со введеніемъ гражданства всѣ уже граждане одинаковымъ законамъ подлежатъ будутъ, и что должны они право имѣть земли и вообще всякую движимую и недвижимую собственность приобретать, но только не крестьянъ, и 2) что люди, оказавшіе отечеству большія услуги, должны быть отличены отъ тѣхъ, которые только объ себѣ думали и только о частномъ своемъ благѣ помышляли. Таковыя лица должны особенными пользоваться правами и преимуществами. Вотъ главное правило, основаніемъ дворянству служащее“. Въ главѣ IV о дворянствѣ сказано, что оно „есть установленіе справедливое, когда основаніемъ своего существованія имѣетъ услуги, имъ отечеству оказываемыя, но когда оно не что иное есть, какъ феодализмъ, подобно какъ сіе во многихъ европейскихъ государствахъ установлено, тогда оно есть зло безразсудное, гибель государству наносящее“. Въ той же главѣ Пестель говоритъ, что „всѣ обязанности политическія на всѣхъ гражданахъ вообще одинаковымъ образомъ“ должны „быть распространены. Надлежитъ однако же замѣтить, что тѣ отличныя граждане, которые большія отечеству оказываютъ услуги (дворяне) должны нѣкоторыми особыми преимуществами пользоваться въ видѣ награжденія за ихъ услуги и отъ нѣкоторыхъ тягостнѣйшихъ обязанностей быть освобождены“. Повторяемъ, что эти мѣста «Русской правды» могли уцѣлѣть только вслѣдствіе неокончательной обработки III и IV главъ.

Купеческое и мѣщанское сословія также уничтожаются, и члены ихъ, подобно духовенству и дворянству, приписываются къ волостямъ; гильдіи и цехи уничтожаются.

Однѣ изъ наиболѣе талантливо написанныхъ страницъ «Русской Правды» посвящены вопросу о военныхъ поселеніяхъ. «Одна мысль», говоритъ онъ, о «военныхъ поселеніяхъ, прежнимъ правительствомъ заводимыхъ, наполняетъ каждую благомыслящую душу терзаніемъ и ужасомъ. Сколько пало невинныхъ жертвъ для пресыщенія того неслыханнаго зловластія, которое съ яростью мучило несчастныя селенія, для сего заведенія отданныя! Сколько денежныхъ суммъ, на сей предметъ расточенныхъ, всѣ силы государства нарочито соединяя для гибели государства! И все сіе для удовлетворенія неистовому упрямству одного человѣка». Какъ извѣстно, истиннымъ инициаторомъ военныхъ поселеній былъ самъ Александръ I, а Аракчеевъ являлся только тупымъ и жестокимъ исполнителемъ его воли. Далѣе Пестель подвергаетъ серьезному разбору доказательства мнимой выгоды военныхъ поселеній и затѣмъ говоритъ: «Никакое правительство не можетъ никогда право имѣть отдѣлится отъ общей массы народа часть онаго съ тѣмъ, чтобы на сію часть возложить, за исключеніемъ остальныхъ, самую тягостнѣйшую и жесточайшую повинность, какова есть военная. Какъ можно до такой степени всѣ чувства совѣсти и справедливости отвергнуть, чтобы навѣки нѣкоторые семейства назначить для войны со всѣми ихъ дѣтьми, внуками и вообще потомствомъ, на сіи семейства возложить исключительно повинность военной службы и пролитіе крови за народъ, коего они знаютъ только потому, что за него всегда готовыми быть должны терять всѣхъ своихъ дѣтей... Развѣ военные поселяне не такія же чувства имѣютъ, развѣ они не такіе же граждане нашего отечества, развѣ они не тѣже права имѣютъ на благоденствіе, какъ и прочіе россияне, развѣ прочіе россияне не тѣже имѣютъ обязанности къ отечеству, какъ и они, и развѣ защита отечества не есть священная обязанность для всѣхъ и каждого. И потому яснымъ образомъ изъ сего можно вывести заключеніе, что военныя поселенія суть самая жесточайшая несправедливость, какую только разъяренное зловластіе выдумать могло». Наконецъ Пестель доказываетъ, что если бы вся армія была обращена въ военное поселеніе, то это было бы не безопасно для государства¹⁾. Понятно, что, онъ включаетъ въ число «первѣйшихъ обязанностей» временнаго верховнаго правленія уничтоженіе военныхъ поселеній.

Дѣти солдатъ обязаны были въ то время поступать въ воен-

¹⁾ Эту мысль высказалъ и декабристъ В. И. Штейнгель въ письмѣ изъ Петропавловской крѣпости къ впп. Николаю.

ную службу. Въ 7 лѣтъ ихъ насильно отбирали у родителей и помѣщали въ военно-сиротскія отдѣленія. Съ 18 лѣтъ они зачислялись въ войско, какъ и ихъ отцы, на 25 лѣтъ. Пестель требовалъ уничтоженія военно-сиротскихъ отдѣленій (кантонистовъ), оставленія солдатскихъ дѣтей въ распоряженіи родителей съ выдачею имъ отъ казны пропитанія все время, пока отцы будутъ служить, и поступленія солдатскихъ дѣтей въ военную службу на общемъ основаніи.

«Главнѣйшее основаніе предполагаемаго для Россіи гражданскаго бытія», говоритъ Пестель, «состоитъ въ образованіи волостей и въ распредѣленіи всѣхъ россіянъ по волостямъ». Казенные крестьяне раздѣляются на государственныхъ или экономическихъ, удѣльныхъ и арендныхъ со старостинскими. Всѣмъ имъ слѣдуетъ дать «одинаковое существованіе, образованіе, управленіе и предназначеніе, считая ихъ всѣхъ на одинаковыхъ правилахъ государственнымъ имуществомъ». Всѣхъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ слѣдовало объявить вольными «и никакого рода крѣпости болѣе не подлежащими», и признать ихъ россійскими гражданами. Распредѣливъ ихъ по волостямъ, Пестель предлагалъ раздѣлить всѣ земли въ каждой волости на двѣ равныя части, изъ которыхъ «одну отдать, подъ названіемъ общественной земли, въ собственность волостному обществу, а другую, подъ названіемъ казенной, оставить собственностью казны, входящею въ составъ государственныхъ имуществъ. Общественную землю не должно волостное общество имѣть право ни продавать, ниже закладывать, ибо она есть собственность неприкосновенная. Казна же является въ отношеніи къ казенной землѣ въ видѣ частнаго человѣка и потому казенныя земли продавать можетъ»¹⁾.

Указавъ на то, что многіе католическіе монастыри въ Россіи еще имѣютъ крестьянъ, Пестель требовалъ присоединенія ихъ къ государственнымъ имуществамъ и принятія относительно нихъ тѣхъ же мѣръ, какъ и для крестьянъ казенныхъ.

Относительно «вольныхъ земледѣльцевъ», къ которымъ Пестель

¹⁾ Въ другомъ вариантѣ, послѣ предписанія раздѣлить земли на двѣ равныя части—общественную и казенную, сказано, что «крестьяне казенныхъ помѣстій или селеній продолжаютъ обрабатывать, какъ общественныя, такъ и казенныя земли теперешнимъ порядкомъ и платятъ назывъ тотъ же оброкъ за оныя, который и нынѣ платятъ. Сей порядокъ будетъ продолжаться 10 или 15 лѣтъ сразу, а послѣ сего срока не будутъ крестьяне никакого оброка платить за общественную землю, а за казенную, которую пожелаютъ для обработыванія на откупъ взять, будутъ эти деньги платить по назначенію, какое тогда имѣеть быть сдѣлано. Послѣ 10 или 15 лѣтъ, а если удобно будетъ, то и прежде, когда сей новый порядокъ возымѣетъ существованіе, ходъ и дѣйствіе, будутъ казенные крестьяне пользоваться совершенною свободою и будутъ объявлены совершенно вольными». Далѣе слѣдовали тѣже правила о неотчуждаемости общественной земли и о правѣ казны продавать свою землю. Если крестьянинъ купитъ у казны какую нибудь землю, то этимъ участкомъ онъ будетъ имѣть право распоряжаться, какъ своею частною собственностью.

причисляетъ вольныхъ крестьянъ, малороссійскихъ казаковъ, панцырныхъ бояръ, однодворцевъ, колонистовъ и «разныхъ другихъ», онъ говоритъ: «Земли, принадлежащія вольнымъ земледѣльцамъ, могутъ на два рода быть раздѣлены: однѣ составляютъ собственность цѣлаго общества или селенія, другія составляютъ собственность частныхъ лицъ». Пестель обязываетъ временное верховное правленіе «раздѣлить земли каждой волости на двѣ половины, изъ коихъ одной быть собственностью общественною, а другой — собственностью частною. Земля общественная имѣетъ принадлежать всему волостному обществу вообще, а земля частная имѣетъ составить отдѣльную собственность частныхъ лицъ»... «Во многихъ селеніяхъ и волостяхъ, населенныхъ вольными земледѣльцами, принадлежитъ нынѣ вся земля или большая часть оной всему обществу вообще, а поелику общественная земля имѣетъ по новому предположенію составлять только половинную часть всей земли волости, то въ таковыхъ волостяхъ, гдѣ общественная земля болѣе половины всей земли составлять будетъ, обязывается Временное Верховное Правленіе отдѣлить отъ общественной собственности ту часть земли, которая половину всей земли волости превышаетъ, и сію отдѣленную часть раздать по равнымъ участкамъ въ вѣчное потомственное владѣніе членамъ того общества вольныхъ земледѣльцевъ, коему вся земля принадлежитъ». Протестуя противъ насильственного обращенія крестьянъ въ военныхъ поселянъ, Пестель не понималъ, что обращеніе хотя бы и части общественной земли въ частную собственность будетъ такимъ же насиліемъ и можетъ вызвать кровавыя столкновенія. У однодворцевъ въ то время шелъ совершенно обратный процессъ распространенія общиннаго землевладѣнія на земли, находившіяся во владѣніи подворномъ. «Ежели необходимымъ окажется», продолжаетъ Пестель, «включить въ составъ общественной собственности частную землю какого нибудь вольнаго земледѣльца, то сей вольный земледѣлецъ имѣетъ быть въ полной мѣрѣ за сію землю вознагражденъ или денежною платою, или выдачею ему въ собственность изъ казенныхъ земель такового участка, который бы въ цѣнности своей равнялся участку земли, у него отнятому, всѣ же земли, принадлежащія нынѣ въ частную собственность вольныхъ земледѣльцевъ, коихъ ненужнымъ окажется включить въ общественную волостную собственность, имѣютъ оставаться въ вѣчномъ потомственномъ владѣніи нынѣшнихъ своихъ владѣльцевъ на основаніи общихъ правилъ».

Всѣхъ казенныхъ заводскихъ крестьянъ, работающихъ на заводахъ, Пестель считалъ необходимымъ «замѣнить людьми вольнонаемными или, что еще лучше, преступниками разнаго рода,

распредѣляя ихъ по соображенію важности преступленія и тягости работы», крестьянъ же «обратить въ первобытное земледѣльческое состояніе, устраивая для сего, въ случаѣ надобности, переселенія и составляя изъ нихъ волости на тѣхъ же основаніяхъ», какъ у казенныхъ крестьянъ. Допуская въ интересахъ государства на устроенныхъ уже заводахъ подневольный трудъ преступниковъ, Пестель все же считалъ нужнымъ напомнить, что, какъ извѣстно изъ политической экономіи, «тѣ только издѣлія» (т. е. промышленныя заведенія) «полезны, которыя заводимы быть могутъ безъ всякихъ насильственныхъ или принудительныхъ мѣропріятій и которыя слѣдовательно собственнымъ, своимъ избыткомъ себя поддерживать могутъ» съ примѣненіемъ вольнонаемнаго труда.

Въ началѣ четвертой главы, рассматривающей народъ «въ политическомъ отношеніи», Пестель говоритъ о распредѣленіи населенія по волостямъ. Въ каждой волости ведутся два списка: одинъ гражданскій, другой «скарбовый»¹⁾; первый содержитъ въ себѣ имена всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости, второй—всѣхъ, имѣющихъ въ ней какое либо имѣніе. Одно и то же лицо можетъ значиться въ скарбовыхъ спискахъ нѣсколькихъ волостей, въ гражданскомъ же списокѣ—лишь въ одной волости. Если какой-либо гражданинъ желаетъ перейти изъ членовъ одной волости въ члены другой, то долженъ получить согласіе той, въ которую собирается перейти. Гражданинъ, имѣющій недвижимую собственность, долженъ быть членомъ той волости, гдѣ эта собственность находится и, лишь продавъ ее, онъ можетъ перейти въ другую; имѣющій же недвижимую собственность въ нѣсколькихъ волостяхъ можетъ перечисляться изъ одной въ другую безъ предварительнаго волостного разрѣшенія.

По достиженіи 15 лѣтъ дѣти гражданъ приносятъ присягу отечеству, послѣ чего «волостной предводитель» даетъ обѣдъ, «и весь день посвящается правднеству и увеселеніямъ, такъ чтобы и для всей волости» онъ былъ днемъ «радости и веселія». Такимъ образомъ «недоросли» вступаютъ въ число російскихъ гражданъ, правами же гражданства они начинаютъ пользоваться только «по достиженіи 20-го года отъ рожденія». Дѣвушки также въ 15 лѣтъ приносятъ присягу, но Пестель нигдѣ не говоритъ о предоставленіи женщинамъ политическаго равноправія²⁾. Замѣ-

¹⁾ Польское слово „skarb“ означаетъ — казна, сокровище, богатство; тутъ слово „скарбовый“ можно перевести словомъ „имущественный“.

²⁾ Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содержаніе „Русской Правды“, прямо говоритъ: „Выборы народные происходили слѣдующимъ образомъ: тысяча душъ мужскаго пола уже составляла волость. Въ оной избирались 2 депутата: одинъ въ уѣздъ, другой въ губернію“...

тимъ, что Детю-де-Траси высказался противъ такого равноправія, хотя и указалъ на то, что люди уважаемые, авторитетные были противоположнаго мнѣнія (стр. 177). Вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ былъ поднятъ во время большой революціи и затѣмъ во время французской революціи 1830 года. Бентамъ лишь въ сочиненіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1830 г., выразилъ мнѣніе о необходимости предоставленія женщинамъ политическихъ правъ¹⁾.

Русское гражданство по «Русской Правдѣ» теряется:

«1) приговоромъ суда, 2) вступленіемъ въ иноземное гражданство или подданство, 3) вступленіемъ въ иностранную службу безъ предварительнаго разрѣшенія верховной власти и 4) подаеніемъ прошенія объ исключеніи изъ русскаго гражданства. Временно же оно теряется при вступленіи въ личное услуженіе».

Пестель указываетъ на существованіе двухъ мнѣній относительно «раздѣленія земель». Одни полагаютъ, что «земля есть общая собственность всего рода человѣческаго, а не частныхъ лицъ, и посему не можетъ она быть раздѣлена между нѣсколькими только людьми, за исключеніемъ прочихъ. Коль скоро существуетъ хоть одинъ человѣкъ, который никакимъ обладаніемъ землею не пользуется, то воля Всевышняго и законъ природы совершенно нарушены и права естественныя и природныя человѣка устранены насиліемъ и зловластіемъ. На семъ соображеніи былъ основанъ извѣстный поземельный законъ римскій, который устанавливалъ частое раздѣленіе земель между всѣми гражданами». По мнѣнію другихъ, трудъ есть источникъ собственности, и удобрившій землю и сдѣлавшій ее способною «къ произведенію разныхъ произрастеній» долженъ имѣть на нее «исключительное право обладанія». Для процвѣтанія хлѣбопашества нужно много издержекъ, которыя согласится сдѣлать только тотъ, кто будетъ имѣть землю «въ полной своей собственности», и частые переходы земли изъ рукъ въ руки помѣшаютъ усовершенствованію земледѣлія. Поэтому «и должна вся земля быть собственностью нѣсколькихъ людей, хотя бы симъ правиломъ и было большинство людей отъ обладанія землею исключено». Пестель находитъ, что въ обоихъ мнѣніяхъ есть много справедливаго и думаетъ совершенно искусственнымъ способомъ согласить ихъ «обоюдныя выгоды и преимущества» и устранить «обоюдныя несправедливости».

Это средство состоитъ въ раздѣленіи земель каждой волости на двѣ равныя части (какъ это было объяснено въ III главѣ); одна половина получить названіе «земли общественной», другая

¹⁾ Чичеринъ „Ист. политич. ученій“ III. 315.

«земли частной». Земля общественная будетъ принадлежать всему волостному обществу и составлять его неприкосновенную собственность; она не можетъ быть ни продана, ни заложена, назначается «для доставленія *необходимаго*¹⁾ всѣмъ гражданамъ безъ изъятія и будетъ подлежать обладанію всѣхъ и каждого». Частныя земли будутъ принадлежать казнѣ или частнымъ лицамъ, владеющимъ ими на правѣ полной собственности. Земли, предназначенныя для образованія этой собственности, будутъ служить къ доставленію изобилія. Постановление это можетъ быть введено не вдругъ, а постепенно въ продолженіи 15 лѣтъ, и сдѣлать это въ Россіи легче, чѣмъ во всякомъ другомъ государствѣ: у насъ «понятія народныя весьма къ оному склонны», такъ какъ «съ давнихъ временъ» уже привыкли «къ подобному раздѣленію земель на двѣ части».

Относительно общественныхъ земель могутъ быть приняты слѣдующія основныя начала. Общественная земля въ каждой волости должна быть раздѣлена на участки, имѣющіе такую величину, чтобы каждый изъ нихъ могъ доставлять средства для одного тягла, т. е., по опредѣленію Пестеля, мужа съ женою и тремя дѣтьми. Участки эти должны раздаваться членамъ волостного общества не въ собственность, а лишь въ пользованіе для обработки на одинъ годъ, послѣ чего участокъ или переходитъ въ другія руки, или утверждается за тѣмъ же хозяиномъ. Каждый членъ волостного общества имѣетъ право требовать столько участковъ, сколько пожелаетъ, но никто не можетъ быть принужденъ къ этому. Это право одинаково распространяется какъ на гражданъ, имѣющихъ собственныя частныя земли, такъ и на неимѣющихъ ихъ, ибо всѣ они члены волостного общества. Если требуется менѣе участковъ, чѣмъ имѣется, тогда каждый получаетъ желаемое число ихъ, а остальные «могутъ отдаваться въ откупъ» (т. е. въ аренду) «постороннимъ лицамъ». Когда требуется участковъ болѣе наличнаго ихъ числа, то остаются неудовлетворенными требованія тѣхъ гражданъ, которые желаютъ получить наибольшее число участковъ, «такъ что въ семъ случаѣ всегда большія требованія сравниваются съ меньшими. При невозможности удовлетворить равнымъ требованіямъ предпочитаютъ неимѣющіе частныхъ земель въ своей собственности тѣмъ, которые таковыми землями обладаютъ: пропитывающіеся отъ одного земледѣлія—тѣмъ, которые занимаются еще и другою какою нибудь промышленностью, однимъ словомъ, предпочитается тотъ, кто бѣднѣе». Участки переходятъ изъ рукъ въ руки только въ трехъ случаяхъ: 1) если кто самъ не хочетъ держать участка или пожелаетъ перемѣнить его на свободный;

¹⁾ Курсивъ подлинника.

2) если не может пользоваться прежнимъ числомъ участковъ по причинѣ увеличенія требованій и 3) когда лишень этого права за преступленія или приговоромъ волости за гласный и доказанный развратъ ¹⁾).

Въ каждой волости долженъ быть учрежденъ волостной банкъ, изъ котораго каждый гражданинъ могъ бы получать «вспомоществованіе»; къ нему «полезно присоединить страховое учрежденіе». Изъ этого банка граждане получаютъ средства, необходимыя на первоначальное обзаведеніе при поступленіи въ «земледѣльческое состояніе».

Когда описанный порядокъ будетъ введенъ въ полной мѣрѣ, продолжаетъ Пестель, каждый «будетъ совершенно въ необходимомъ обеспеченъ и увѣренъ, что въ своей волости всегда клочекъ земли найти можетъ, который ему пропитаніе доставитъ», и онъ будетъ получать его «не отъ милосердія ближнихъ и не отдаваясь въ ихъ зависимость», но отъ трудовъ по обработкѣ земли, принадлежащей ему, какъ члену волостного общества, «наравнѣ съ прочими согражданами. Гдѣ бы онъ ни странствовалъ, гдѣ бы счастья не искалъ, но всегда въ виду имѣть будетъ, что ежели уснѣхи стараніямъ измѣнятся, то въ волости своей, въ семъ политическомъ своемъ семействѣ, всегда пристанище и хлѣбъ насущный найти можетъ». Каждый гражданинъ Россіи будетъ обладателемъ земли: или имѣя ее въ частной собственности, или имѣя право пользоваться общественною землею, не платя за нее «найма» (т. е. аренды). «Вся Россія будетъ слѣдовательно состоять изъ однихъ обладателей земли, и не будетъ у нея ни одного гражданина, который бы не былъ обладателемъ земли». Если кто будетъ заниматься какими либо промыслами или пойдетъ въ услуженіе, или наймется на какую либо работу, то все же будетъ неизмѣнно сохранять свое право на общественную землю. «Посредствомъ политическаго своего семейства» (т. е. своей волости) «будетъ каждый гражданинъ сильнѣе къ цѣлому составу государства приверженъ... каждый будетъ видѣть, что онъ въ государствѣ находится для своего блага, что государство о благоденствіи каждаго помышляетъ, каждый будетъ чувствовать, что онъ подати платить и повинности несетъ для цѣли ему близкой и для собственнаго

¹⁾ Въ „Государственномъ Завѣтѣ“ Пестеля (сокращенномъ изложеніи „Русской Прады“) сказано: „Переходъ изъ нынѣшняго положенія въ порядокъ, здѣсь предлагаемый, есть постепенный. У нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею. Напередъ заводятся сіе въ казенныхъ нѣмѣностяхъ и волостяхъ, а потомъ уже въ частныхъ. Оброчныя селенія и пакотныя селенія, дворовые люди, заводскіе крестьяне, продолжая нынѣшнія занятія положенное время, тоже сами откупаются, а дворовые въ волости поступаютъ“. Сказанное въ „Государственномъ Завѣтѣ“ относительно измѣненія быта крестьянъ не вполне соответствуетъ тому, что говорится въ „Русской Прадѣ“ по этому предмету. Срав. „Крестьянскій Строй“, т. I, стр. 280—282.

своего блага». Каждый человек при своих сношеніяхъ съ правительствомъ будетъ находить въ другихъ членахъ волости защиту противъ «всякаго зловластия», вся волость будетъ вступаться за каждого. Такимъ образомъ «установится правильное и законное противоборство частному деспотизму». Все это Пестель выразилъ въ заключеніе словомъ «solidarité»¹⁾. Имѣя въ виду всѣ благотѣльные послѣдствія установленія волостныхъ обществъ и общественныхъ земель, онъ обязывалъ верховное правленіе непремѣнно ввести ихъ и не останавливаться передъ связанными съ этимъ трудностями.

Въ приведенномъ выше показаніи Пестеля подробно обрисовано происхожденіе его политическихъ идей; интересно было бы опредѣлить источники и его социальныхъ воззрѣній, и особенно наиболѣе важной части ихъ—программы поземельной реформы. Нужно думать, что въ основу ихъ легли личные наблюденія надъ нашимъ общиннымъ землевладѣніемъ (родители Пестеля имѣли помѣстье въ Смоленской губ.), нѣкоторыя же свѣдѣнія о немъ онъ могъ почерпнуть и изъ литературныхъ источниковъ.²⁾ Но столь же важнымъ, если не болѣе вліятельнымъ источникомъ его воззрѣній должны были быть произведенія западно-европейскихъ литературъ, изъ которыхъ Пестель конечно могъ почерпнуть лишь нѣкоторыя общія идеи, повліявшія на созданіе его плана аграрной реформы.

Пестель не могъ конечно не изучить основательно сочиненія Монтескье «О духѣ законовъ» уже потому, что трудъ Детью-де-Траси, сыгравшій огромную роль въ развитіи политическаго міросозерцанія Пестеля, представлялъ комментарий на это сочиненіе. Въ трудѣ Монтескье Пестель могъ найти нѣкоторыя идеи, которыя, несмотря на то, что въ XVIII вѣкѣ еще не было извѣстно самое слово «соціализмъ», нельзя не признать соціалистическими, частью даже коммунистическими, хотя въ то же время въ современномъ ему государствѣ онъ рекомендуетъ уваженіе къ собственности (кн. XXVI, гл. 15). Монтескье относится совершенно сочувственно къ законодательству Ликурга и дивится «силѣ генія», которымъ должны были обладать Ликургъ, составитель законовъ Крита, послужившихъ образцомъ для Лакедемона, и философъ Платонъ, законодательные проекты котораго онъ называетъ «исправленнымъ изданіемъ» законовъ спартанскихъ. Монтескье сочувственно относится къ тому устройству, которое іезуиты ввели

¹⁾ Въ сокращенномъ изложеніи „Русской Правды“, подъ названіемъ „Конституція Государственный Заѣтъ“, Пестель перевелъ слова «principe de la solidarité»: „правило совокупной состоятельности“.

²⁾ Напримеръ изъ „Припѣчаній“ Болтина на книгу Леклерка (II, 341—342) и статьи Дурасова въ „Трудахъ Вольнаго Экономич. Общества“ 1821 г., стр. 72.

въ Парагваѣ, гдѣ продукты труда индѣйцевъ складывались въ магазины, изъ которыхъ они снабжались всѣмъ необходимымъ. «Желая создать подобныя учрежденія», говоритъ Монтескье, «нужно установить общность имущества республики Платона,... нужно поручить веденіе торговли государству, а не отдѣльнымъ гражданамъ:... учрежденія подобаго рода могутъ быть умѣстны въ республикахъ» (кн. IV, гл. 6—7). «Нѣкоторые древніе законодатели, какъ Ликургъ и Ромулъ», говоритъ далѣе Монтескье, «раздѣлили земли поровну. Это могло произойти лишь при основаніи новой республики, или когда старая была до того испорчена и состояніе умовъ въ ней было таково, что бѣдные были поставлены въ необходимость домогаться подобнаго средства, а богатые допустить его». Но Монтескье замѣчаетъ, что «если законодатель, совершивши такой раздѣлъ, не установитъ особыхъ законовъ для его охраненія, то созданіе его будетъ недолговѣчно». По его словамъ, «въ благоустроенной демократіи земельные участки должны быть не только равными, но еще и очень небольшими, какъ у римлянъ. «Не дай Богъ, говорилъ Курій своимъ воинамъ, чтобы гражданинъ почиталъ слишкомъ малымъ кусокъ земли, достаточный для прокормленія человѣка!» Однако Монтескье оговаривается, что «равный раздѣлъ земель возможенъ не для всѣхъ демократій. Есть обстоятельства, когда такая мѣра была бы неудобноисполнима, опасна и даже могла бы поколебать государственное устройство. Не всегда необходимо прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. И если этотъ раздѣлъ, цѣль котораго охраненіе нравовъ, окажется неподходящимъ для какой нибудь демократіи, то надо обратиться къ другимъ средствамъ» (кн. V, гл. 5—7). Въ другомъ мѣстѣ Монтескье говоритъ: «Законы о новомъ раздѣлѣ земель, которыхъ такъ настойчиво домогались въ нѣкоторыхъ республикахъ, были по природѣ своей очень благотѣльны. Они были опасны лишь какъ дѣйствіе внезапное» (кн. VII, гл. 2).

Монтескье полагалъ, что «республика, по своей природѣ, требуетъ небольшой территоріи, иначе она не удержится» (кн. VIII, гл. 16), но не слѣдуетъ думать, что нѣкоторыя социалистическія идеи, по его мнѣнію, осуществимы лишь въ республикахъ. И въ большихъ государствахъ онъ признаетъ право на трудъ, право на обезпеченіе средствъ къ существованію. Въ главѣ «О богадѣльняхъ» онъ говоритъ: «Человѣкъ впадаетъ въ нищету не потому, что у него нѣтъ собственности, а потому, что онъ не работаетъ... Милостыня, подаваемая отъ времени до времени нищему, никакъ не исчерпываетъ обязанностей государства: на немъ лежитъ долгъ обезпечить всѣмъ гражданамъ надежныя средства къ существованію,—

пищу, приличную одежду и родъ жизни, не вредящій здоровью» (кн. XXIII, гл. 29).¹⁾

Пестель былъ знакомъ съ сочиненіями Ж. Ж. Руссо. Извѣстно знаменитое мѣсто противъ поземельной собственности въ началѣ второй части его «Разсужденія о происхожденіи неравенства среди людей»²⁾. Что касается современнаго государства, то, признавая въ немъ право собственности, Руссо однако замѣчаетъ въ «Общественномъ договорѣ», что первый, занимающій свободную землю долженъ захватывать лишь количество, необходимое для его жизни и которое онъ можетъ обработать³⁾. Онъ утверждаетъ также въ «Эмилѣ», что верховная власть, принадлежащая народу, не должна нарушать права собственности ни отдѣльнаго лица, ни многихъ лицъ, но она можетъ завладѣть имуществомъ всѣхъ, какъ это совершилось въ Спартѣ во времена Ликурга⁴⁾.

Съ другой стороны, въ сочиненіяхъ авторовъ ему извѣстныхъ (у Гельвеція, Гольбаха и Бентама) Пестель могъ найти мысли о невозможности равенства имуществъ.⁵⁾

Мы видѣли, какимъ образомъ Пестель пытался примирить два противоположные взгляда на поземельную собственность. Начитанность его, конечно, не ограничивается тѣми сочиненіями, изъ которыхъ были сдѣланы выписки въ его небольшой записной книжкѣ или названія которыхъ сохранились въ другихъ его рукописяхъ и въ показаніяхъ на слѣдствіи (есть показаніе, что часть этихъ рукописей была уничтожена въ ожиданіи обыска). Было уже приведено свидѣтельство Лорера объ обширной библіотекѣ Пестеля: его знакомству съ иностранною литературою должно было содѣйствовать и первоначальное воспитаніе въ Дрезденѣ (1805—1810 гг.), и его участіе въ заграничномъ походѣ русской арміи въ 1813—1815 гг.

Къ числу сочиненій западно-европейской литературы, близкихъ по идеямъ къ аграрной программѣ «Русской Правды» Пестеля,

¹⁾ *Монтескье*. „О духѣ законовъ“. Пер. съ франц. подъ ред. А. Г. Горюхова, со вступ. статьей М. М. Ковалевскаго. Изд. Л. Ф. Пантюкова. Спб. 1900 г.

²⁾ *J. J. Rousseau*. «Contrat social» P., edit. Garnier p. 67, 79—80, 88.

³⁾ *Ibid.*, 252.

⁴⁾ *Lichtenberger*. «Le Socialisme au XVIII siècle», Paris, 1895 г., p. 160. Ср. *Поль Луи* «Исторія социализма во Франціи», М. 1906 г., стр. 17—24. Впрочемъ Пестелю было извѣстно сочиненіе «Code de la nature», прежде приписываемое Дидро и печатавшееся въ собраніи его сочиненій, но принадлежащее Морелли, въ которомъ было сказано, что каждый городъ (сіѣ) долженъ имѣть извѣстное пространство земли не въ собственность, но лишь для того, чтобы обезпечить существованіе его жителей и дать занятіе тѣмъ, которымъ будетъ поручена обработка земли. Земледѣліе было обязательно въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. Морелли допускалъ однако частную собственность относительно вещей, нужныхъ для ежедневнаго употребленія. *Morelli*. «Code de la nature», P., 1841 г., p. 152, 155, 156.

⁵⁾ *D'Holbach* *Système social*, I Partie, ch. XII; «La politique naturelle», Disc. I. § 10, 11. *Бентамъ* «Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи». Спб. 1806 г. т. II, 66—67, *Helvétius*, De «l'homme», Sect. VI. ch. X, XI.

принадлежит произведение аббата Курнана, профессора въ Collège de France, который въ 1791 г. издалъ брошюру (76 стр.) подъ заглавіемъ: «О собственности, или дѣло бѣдныхъ, защищаемое передъ трибуналомъ разума, справедливости и истины». Авторъ излагаетъ въ ней слѣдующій проектъ «аграрнаго закона» ¹⁾. Онъ предполагаетъ, что во Франціи находится 25.000 кв. лье обработанныхъ земель и около 21 или 22 миллионѣвъ жителей, что составляетъ по 7 арпановъ на человѣка (арпанъ нѣсколько менѣе $\frac{1}{2}$ десятины). Авторъ стоитъ за равный раздѣлъ земли между всѣми гражданами. До такого раздѣла онъ предлагаетъ отдѣлнить отъ каждого кв. лье $\frac{1}{3}$ земель, которая вошла бы въ составъ государственнаго земельного фонда, «откуда нарѣзался бы каждому, при его рожденіи, участокъ, необходимый для его существованія, и куда этотъ участокъ возвращался бы немедленно послѣ его смерти». Эти земли сдавались бы въ аренду отъ государства и приносили бы около 500 миллионѣвъ арендной платы, которые и покрывали бы всѣ расходы государства. При равномъ раздѣлѣ остальныхъ $\frac{2}{3}$ земель, каждый получилъ бы въ свое распоряженіе участокъ болѣе $4\frac{1}{2}$ арпановъ, свободный отъ всѣхъ налоговъ. Каждый французъ, при достиженіи 20-лѣтняго возраста, вынималъ бы жребій на свой участокъ; мужъ вынималъ бы жребій за жену, отецъ—за своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Можно было бы сдавать въ наемъ и арендовать эти участки, но только не отчуждать ихъ и не передавать по наслѣдству. Напротивъ, движимую собственность можно было бы по прежнему передавать и наслѣдовать. Авторъ замѣчаетъ, что если бы Національное Собраніе побоялось слишкомъ рѣзкаго перехода къ новому поземельному строю, то оно могло бы осуществлять эту систему постепенно, по мѣрѣ вымиранія собственниковъ» ²⁾.

Англійскій писатель Чарльзъ Голль (Hall) въ своемъ сочиненіи: «Дѣйствіе цивилизаци на народъ въ европейскихъ государствахъ», предлагаетъ слѣдующую мѣру для измѣненія существующаго несправедливаго общественнаго порядка. Государство должно взять въ свою собственность всю землю и раздѣлить ее на участки между семействами, смотря по числу ихъ членовъ. Такъ какъ величина семействъ измѣняется не одинаково, то *отъ времени до времени должны происходить новые передѣлы земли*. Земельный участокъ долженъ быть неотчуждаемымъ, а въ случаѣ вымиранія семьи возвращаться въ собственность государства ³⁾.

¹⁾ Это слово во время французской революціи соответствовало теперешнему слову „соціальнѣжъ“. Оларъ „Политич. истор. фр. револ.“, М. 1902 г., стр. 61, 543, 545—546.

²⁾ Оларъ, стр. 112, 113.

³⁾ А. Мenger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 1891, 47. 49. Не слѣдуетъ удивляться предложенію автора о произведеніи земельныхъ передѣловъ. Въ то время въ нѣко-

Нѣтъ никакихъ доказательствъ, что сочиненія Курнана и Голля были извѣстны Пестелю, хотя въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: такъ, напр., сочиненія Роберта Оуэна уже знали одинъ изъ декабристовъ. Во всякомъ случаѣ, характерно, что даже въ странахъ съ совершенно инымъ поземельнымъ строемъ проявлялись теченія, до нѣкоторой степени сходныя съ тѣмъ, что высказывалъ Пестель въ «Русской Правдѣ» относительно поземельной реформы.

Далѣе, въ четвертой главѣ, Пестель доказываетъ необходимость представительнаго правленія, къ «которому всѣ народы съ такимъ пламеннымъ желаніемъ стремятся», и затѣмъ переходитъ къ вопросу о томъ, какъ организовать это представительство въ Россіи такимъ образомъ, чтобы была удалена «даже тѣнь аристократическаго порядка», какъ «феодальнаго», такъ и основаннаго на богатствѣ.

Народныя собранія должны быть двухъ родовъ: одни называются земскими, другія намѣстными. Земскія народныя собранія (по одному въ каждой волости) состоятъ изъ всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости по гражданскому списку (а мы видѣли, что по проекту Пестеля всѣ граждане приписывались къ той или другой волости) и занимаются выборами «въ члены намѣстныхъ народныхъ собраній», руководствуясь только «довѣріемъ къ избираемымъ лицамъ» (слѣдовательно никакого особаго имущественнаго ценза, кромѣ предоставленнаго всѣмъ права пользованія общественною землею, ни для участія въ выборахъ, ни для права быть выбраннымъ не требуется)¹⁾. Засѣданія земскихъ народныхъ собраній должны продолжаться не болѣе 6 дней. Намѣстныя народныя собранія «занимаются всѣми дѣлами, народному соучастію предоставленными» и бываютъ трехъ степеней: волостныя, уѣздныя и окружныя, или губернскія. Каждое земское (волостное) собраніе «назначаетъ» (т. е. избираетъ) всѣхъ членовъ (отъ 100 до 200 чел.) въ свое намѣстное волостное собраніе, и по нѣскольку членовъ въ уѣздное и окружное, или губернское, слѣдовательно члены всѣхъ намѣстныхъ собраній избираются самимъ народомъ. Выборы въ намѣстныя собранія производятся ежегодно, но дозволяется переизбраніе тѣхъ же лицъ. Волостныя и уѣздныя намѣстныя собранія выслушиваютъ отчеты волостного и уѣзднаго правленія, принима-

торыхъ мѣстностяхъ Англіи сохранилось еще общинное землевладѣніе, причѣмъ или передѣлу ежегодно подвергались одни луга, или передѣлялась и пахотная земля, но только не каждый годъ, и получившій по жребію участокъ папши удерживалъ его на время одного сѣвооборота. *Нассе*, О средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи и огораживаніи полей въ Англіи въ XVI в". Перев. подъ редакц. Азаревича. Ярославль. 1878 г., стр. 14—16.

¹⁾ Детю-де-Траси также высказывается за участіе въ выборахъ всѣхъ, кромѣ женщинъ, людей слишкомъ престарѣлыхъ, лишенныхъ избирательныхъ правъ по суду и, «быть можетъ», тѣхъ, которые добровольно приняли на себя обязанности, дѣлающія ихъ зависимыми отъ другихъ (р. 176—178).

мають и рассматриваютъ жалобы на нихъ, замѣщаютъ вакантныя мѣста въ волостныхъ и уѣздныхъ правленіяхъ «выборомъ новыхъ чиновниковъ и присяжныхъ или утвержденіемъ прежнихъ», занимаются дѣлами, касающимися волости или уѣзда, «разрѣшаютъ различныя предпріятія для общественной пользы, раздають въ волостяхъ общественныя земли и проч. Окружныя намѣстныя собранія, кромѣ тѣхъ же дѣлъ, выбираютъ народныхъ представителей въ народное вѣче. Слѣдовательно выборы въ это «верховное законодательное» учрежденіе двухстепенныя ¹⁾).

Въ главѣ пятой «Русской Правды» Пестель говоритъ «о народѣ въ гражданскомъ отношеніи». Онъ рассматриваетъ здѣсь сначала правила родства, родительской власти, брака и его расторженія. Право собственности онъ признаетъ священнымъ и неприкосновеннымъ; лишать его для блага общаго онъ считаетъ въ этой главѣ возможнымъ только за полное вознагражденіе ²⁾. Конфискація имущества въ пользу казны никогда существовать не должна. Наслѣдованіе онъ допускаетъ, но не по завѣщанію, а только по закону, причемъ оставшійся въ живыхъ супругъ наследуетъ половину движимаго и недвижимаго имущества, а другая половина раздѣляется между остальными наследниками, причемъ сыновья и дочери получаютъ равныя части. Выморочное имѣніе продается съ публичнаго торга, и вырученныя деньги поступаютъ въ банкъ или въ казну той волости, гдѣ находится имѣніе. Далѣе, Пестель говоритъ о гражданскихъ договорахъ. Признавая личную свободу «первымъ и важнѣйшимъ правомъ каждого гражданина», онъ устанавливаетъ правило, что никто изъ гражданъ не долженъ быть лишенъ свободы «иначе, какъ законнымъ образомъ и законнымъ порядкомъ», подъ опасеніемъ «строжайшей отвѣтственности». Въ домъ гражданина никто не можетъ войти безъ его согласія, а взять подъ стражу онъ можетъ быть только на основаніи письменнаго предписанія отъ волостного правленія или высшаго мѣстнаго начальства съ указаніемъ причины. Впрочемъ на улицѣ арестъ можетъ быть произведенъ безъ письменнаго предписанія, но о причинахъ задержанія должно быть письменно объявлено арестованному до истеченія 24 часовъ, въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть немедленно освобожденъ. Содержащійся подъ стражею можетъ имѣть свиданіе со всѣми, съ кѣмъ пожелаетъ, и лишается

¹⁾ Двухстепенные выборы были установлены во Франціи декретомъ 22 декабря 1789 г. и сохранены конституціею 3 сентября 1791 г. Конституція 24 іюня 1793 г. ввела прямые выборы, а во конституціи 1795 г. установлены опять выборы двухстепенныя, которые устанавливались и хартіею 1814 г. (ст. 35). Дегю-де-Трасе высказывается также за двухстепенные выборы (р. 179—180).

²⁾ Однако въ своихъ предложеніяхъ относительно освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ Пестель допускаетъ отступленіе отъ этого правила.

этого права только «въ самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ... съ письменнымъ объявленіемъ о причинахъ».

«Никто не можетъ быть судимъ инымъ порядкомъ, какъ обыкновеннымъ законнымъ судебнымъ и въ томъ именно мѣстѣ, которое закономъ опредѣлено и назначено; посему никогда не должны никакія чрезвычайныя судебныя комиссіи или чрезвычайные суды быть учреждаемы, ниже въ какомъ бы то ни было случаѣ законный судебный порядокъ быть для какихъ бы то ни было причинъ нарушаемъ». Военные подлежатъ военному суду только за воинскія преступленія.

Волостное правленіе и намѣстное собраніе имѣютъ право заступаться за членовъ своихъ волостей въ случаѣ нарушенія указанныхъ выше правилъ, и высшее начальство обязано произвести слѣдствіе и дать полное удовлетвореніе.

Повинности населенія въ пользу казны Пестель раздѣляетъ на два рода: 1) личныя и вещественныя и 2) денежные. Пестель утверждаетъ, что «чѣмъ совершеннѣе благоденствіе государства», тѣмъ менѣе существуетъ въ немъ повинностей перваго рода, и потому ставитъ въ обязанность верховному правленію изыскивать всѣ средства для превращенія личныхъ и вещественныхъ повинностей въ денежные сборы. Самыми тягостными личными повинностями, кромѣ рекрутчины, Пестель считаетъ исправленіе дорогъ, дѣйствительно крайне обременительное для крестьянъ при Александрѣ I, и сопровожденіе колодниковъ и арестантовъ. Самыя тягостныя вещественныя повинности, которыя нужно стараться уничтожить и допускать ихъ лишь въ крайности,—квартированіе войскъ, продовольствованіе ихъ обывателями, содержаніе почтъ, принудительныя поставки и тому подобное. Другія повинности, какъ напр. составленіе и обновленіе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, общественные склады для оптовой продажи «въ пользу общественной казны или общественныхъ заведеній» и т. п., «иногда весьма полезны». Третьи, какъ напр. ясакъ кочующихъ народовъ, бываютъ необходимы. Прямые повинности должны быть взимаемы съ имущества гражданъ, а не съ лицъ, почему и слѣдуетъ замѣнить подушныя подати другими налогами (извѣстно, что уничтоженіе подушной подати совершилось у насъ лишь въ первой половинѣ 1880 гт.,—законами 1882 и 1885 гт.; но еще Н. И. Тургеневъ въ своей книгѣ «Опытъ теоріи налоговъ» говорилъ, что подушныя налоги составляютъ «слѣды необразованности»). Налоги должны быть взимаемы съ имущества гражданъ уравниательно, такъ, чтобы изъ «прибытковъ» cadaго имущества уплачивалась $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$ или другая опредѣленная доля. Налоги должны падать не на капиталы, а только на чистую прибыль съ нихъ. Косвенными налогами слѣдуетъ возможно менѣе обременять предметы

первой необходимости, и цѣна соли должна быть весьма сильно уменьшена.

Каждый гражданинъ имѣетъ право на занятіе всѣхъ должностей на государственной службѣ.

Граждане обязаны не только не повиноваться тѣмъ «законодательнымъ изреченіямъ или опредѣленіямъ», которыя «посмѣютъ» издавать правительственные мѣста, не имѣющія права на составленіе законовъ, но даже противиться имъ «совокупными силами» и дѣйствіе ихъ всячески останавливать «до разрѣшенія верховной власти» ¹⁾.

Всѣ молодые люди, имѣющіе 20 лѣтъ отъ роду, подлежатъ рекрутскому набору. (Общая воинская повинность была уже введена тогда и во Франціи, и въ Германіи). Военная служба продолжается 15 лѣтъ (вмѣсто прежнихъ 25). Кто разъ уже подлежалъ набору въ 20 лѣтъ и потомъ женился, тотъ навсегда освобождается отъ рекрутчины и не берется на службу даже и въ случаѣ особыхъ государственныхъ обстоятельствъ; холостыхъ же тогда брать можно съ тѣмъ, чтобы въ 35 лѣтъ они получали отставку. Навсегда освобождаются отъ рекрутчины: 1) выдержавшіе опредѣленный экзаменъ въ университетѣ или гимназіи; 2) составляющіе единственную опору своихъ родителей или малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ и 3) нанявшіе за себя другого рекрута не старше 25 лѣтъ. Вольноопредѣляющіеся допускаются не моложе 20 лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы они увольнялись отъ службы не ранѣе 35 и не позже 40 лѣтъ отъ роду.

Пестель допускаетъ, чтобы отецъ воспитывалъ дѣтей дома, а если онъ этого не можетъ, то долженъ отдавать ихъ въ учебныя заведенія, учрежденныя правительствомъ; частнымъ же лицамъ онъ не предоставлялъ права устраивать пансіоны и другія учебныя заведенія, полагая, что правительственный надзоръ за ними будетъ всегда «слабъ и недостаточенъ». Онъ утверждалъ также, что всякія частныя общества, какъ открытыя, такъ и тайныя, должны быть совершенно запрещены, потому что, по его мнѣнію, первыя бесполезны, а послѣднія вредны. Первыя бесполезны потому, что они могутъ касаться предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствія правительства, бесполезны «особенно при существованіи волостныхъ обществъ», вторыя—потому, что, касаясь предметовъ, которые не могутъ быть сдѣланы гласными, они должны быть признаны зловредными, такъ какъ государственный порядокъ, устанавливаемый «Русскою Правдою», «не только ничего добраго и полезнаго не принуждаетъ скрывать, но даже напротивъ того всѣ

¹⁾ О правѣ сопротивленія Пестель могъ заимствовать у *Де-Лолма* «Конституція Англіи». М. 1806 г. II, 57—65.

средства даетъ къ ихъ введенію и обнародованію законнымъ порядкомъ».

Въ «Русской Правдѣ» установлены слѣдующія «коренныя правила» относительно свободы книгопечатанія: «1) Каждый гражданинъ имѣетъ право писать и печатать все то, что онъ хочетъ, съ тѣмъ только, чтобы его имя было на его сочиненіи выставлено. Отъ сего исключаются одни только лютыя ругательства, которыя никогда допускаемы быть не должны. 2) Каждый гражданинъ пользуется правомъ имѣть типографію съ тѣмъ только, чтобы о томъ было предварительно правительствомъ извѣщено» (т. е. явочнымъ порядкомъ) «и чтобы на каждой печатной вещи находилось имя хозяина типографіи. 3) За мнѣнія и правила, въ сочиненіи изложенныя, отвѣчаетъ каждый писатель на основаніи... правилъ объ ученіи и проповѣдываніи противныхъ законамъ и чистой нравственности, и судится общимъ судебнымъ порядкомъ» (т. е. съ присяжными¹⁾. «4) Ежели въ сочиненіи излагаются какія нибудь происшествія, или что нибудь утверждается, то сочинитель обязанъ оныя доказать, если къ суду обиженною стороною призванъ будетъ. Если же доказать не можетъ, то подвергается уголовному наказанію по суду присяжныхъ, судя съ обыкновеннымъ порядкомъ. 5) Сему распорядку подлежатъ всѣ сочиненія большія и малыя, всѣ переводы, всѣ вѣдомости и срочныя изданія, всѣ живописи, гравировки и, однимъ словомъ, все то, что какого бы то ни было рода сочиненія составляетъ... Срочныя же сочиненія» (повременныя изданія) «должны быть издаваемы не иначе, какъ по предварительному извѣщенію правительства о семъ намѣреніи».

Православная вѣра считается господствующею въ Россіи; «всѣ прочія христіанскія исповѣданія, равно какъ и всѣ инородныя вѣры, дозволяются въ Россіи, если только не противны онѣ русскіимъ законамъ духовнымъ и политическимъ, правиламъ чистой нравственности и не нарушаютъ естественныхъ обязанностей человѣка»²⁾.

Изъ правилъ относительно промышленности отиѣтимъ мысль, что правительство должно отказаться отъ всякихъ монополій и не предоставлять ихъ частнымъ лицамъ. Временныя товарищества дозволяются, но постоянныя компаніи, вродѣ нашей Американской

¹⁾ Мысль о необходимости суда присяжныхъ въ дѣлахъ о печати Пестель могъ заимствовать у Детью-де-Траси (стр. 217), а также у Бенжамена Констан (См. „*Cours de politique constitutionnelle*“, P. 1861, I, 126) или Де-Молла. „*Конституція Англіи*“, т. II, 41. Еще Союзъ Спасенія, статуты котораго писалъ Пестель въ 1817 г., требовалъ, какъ видно изъ показанія М. А. Фонъ-Визина, свободы книгопечатанія.

²⁾ Идею религіозной терпимости Пестель могъ почерпнуть у Бенжамена Констан. Ibid. I, 128.

(управлявшей русскими колоніями въ Сѣверной Америкѣ) или англійской Остѣ-Индской, рѣшительно запрещаются. Далѣе, въ пятой главѣ, Пестель говоритъ объ устройствѣ волостныхъ банковъ и страховыхъ учрежденій и о «богоугодныхъ» заведеніяхъ въ волостяхъ (воспитательныхъ и родильныхъ домахъ ¹⁾), богадѣльняхъ, больницахъ и о наймѣ врача). Частный человѣкъ, желающій учредить «богоугодное» заведеніе, долженъ, устроивъ его, подарить или продать волостному обществу, такъ какъ все, что имѣетъ общественное назначеніе, должно имѣть и общественное начальство. Подобно Монтескье, Пестель полагаетъ, что государство обязано доставлять всѣмъ средства къ существованію, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ «Русской Правды»: «Пользующійся общественными вспоможеніями получаетъ оныя не въ видѣ милости, но въ видѣ права, ибо первая обязанность человѣка состоитъ въ сохраненіи своего бытія» и потому «имѣетъ каждый на все то право, что для сего нужно и необходимо и безъ чего бы онъ сей цѣли не могъ достигнуть».

Послѣднія пять главъ «Русской Правды», которые Пестель не успѣлъ написать, должны были содержать слѣдующее: главы 6 и 7—образованіе верховной власти и государственнаго управленія, глава 8—мѣропріятія для безопасности, глава 9—мѣропріятія для благосостоянія ²⁾, глава 10—«составъ Государственнаго Уложенія; временное установленіе».

Х.

Изъ болѣе ранняго, чѣмъ «Русская Правда», произведенія Пестеля, подъ названіемъ «Записка о государственномъ правленіи», отмѣтимъ его мысли объ устройствѣ суда. Онъ считаетъ необходимымъ: 1) разсмотрѣніе существа дѣла и рѣшеніе о виновности или невинности подсудимаго предоставить присяжнымъ; 2) производство дѣла должно быть не словеснымъ, а письменнымъ, и рѣчей въ судѣ произносить не должно; судопроизводство должно быть публичное. Судьи должны быть несмѣняемыми и могутъ быть лишены мѣста только по судебному приговору. Присяжные должны назначаться какъ для гражданскихъ, такъ и для уголовныхъ дѣлъ изъ среды гражданъ, не по выбору ихъ или по назначенію отъ правительства, а по очереди, предоставивъ тяжущимся или подсудимымъ право отводить нѣкоторыхъ изъ нихъ по уважительнымъ причинамъ. Число присяжныхъ зависитъ отъ

¹⁾ Пестель полагалъ, что незаконнорожденныхъ можно преимущественно брать въ рекруты.

²⁾ Статьи о финансахъ и народномъ хозяйствѣ въ этой главѣ долженъ былъ написать Сергій Муравьевъ.

важности дѣла, но ихъ должно быть не менѣе 10. Для каждаго дѣла назначаютъ особыхъ присяжныхъ; они рѣшаютъ единогласно и не должны расходиться, пока не постановятъ приговора. Полезно было бы прибавить, по примѣру римлянъ, третій родъ рѣшенія, выражающій сомнѣніе (*non liquet*) ¹⁾. Такое дѣло могло бы быть возобновлено, если бы явились новыя обстоятельства дѣла.

Земскія уѣздныя и губернскія начальства, устраивающія благочиніе въ исполнительномъ порядкѣ, состоятъ изъ чиновниковъ, выбираемыхъ самими обывателями ²⁾.

Изъ труда Пестеля «Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія. Сочиненіе русскаго гусара. 1820 г.», которое вмѣстѣ съ названною выше «Запискою о государственномъ правленіи» составляютъ вѣроятно части одного сочиненія, отмѣтимъ только требованіе уничтоженія смертной казни. По словамъ Пестеля, «имѣетъ каждый частный человѣкъ право убить того, который стремится лишить его жизни, если не имѣетъ другихъ средствъ для своего спасенія. Но гражданское общество и правительство, располагая всегда другими средствами для спасенія государства или гражданъ отъ покушеній частныхъ людей, не имѣетъ права какого бы то ни было преступника наказывать смертію, ибо въ семъ отношеніи все то есть *безсовѣстно* и *зло-властно*, что преступаетъ границы необходимости. Къ тому же надобно еще и то сказать, что *всезнаніе* не принадлежитъ къ качествамъ смертныхъ и что слѣдовательно нѣтъ такого случая, въ которомъ человѣкъ, а посему и судья не могъ бы ошибиться, признавая человѣка преступникомъ и налагая на него наказаніе. Изъ сего явствуетъ, что всякое наказаніе должно быть налагаемо такимъ образомъ, чтобы возмездіе, вознагражденіе или удовлетвореніе были возможны. Смертная же казнь, содѣлывая всякое возмездіе совершенно невозможнымъ, по одной уже сей причинѣ никогда не должна быть употребляема. Хвала російскому правительству, постигшему великую сію истину» ³⁾.

¹⁾ Пестель заимствовалъ это послѣднее предложеніе вѣроятно изъ «Духа Законовъ» Монтескье. (Изд. Пантелѣева, стр. 81).

²⁾ Въ этомъ сочиненіи Пестель еще допускаетъ цензуру. «Исполнительное благочиніе», говорятъ онъ, между прочимъ, имѣетъ «надзоръ за книгопродавцами, типографіями, театральными представленіями и обращеніемъ книгъ, журналовъ, мелкихъ сочиненій и листовъ. Свѣдѣнія о дозволеніяхъ, данныхъ для тисненія новыхъ сочиненій и для пропуска книгъ изъ за границы» также относятся къ вѣдомству исполнительнаго благочинія.

Говоря о военной службѣ, Пестель предлагаетъ улучшить пищу солдатъ: кромѣ муки и крупы, давать имъ по полуфунту говядины въ скоромные дни, соль и попеременно капусту, горохъ и картофель. Одежда солдата должна быть просторная и темнаго цвѣта; лѣтотъ онъ совѣтуетъ дать кафтаны русскаго покроя; зимою полезно давать полушубки, а также плащъ (шинель).

³⁾ Относительно смертной казни Пестель разошелся съ мнѣніемъ Детю-де-Траси, который стоялъ за ея сохраненіе (р. 73—74) такъ же, какъ и Бенжаменъ Констанъ (I, 328—332).

Гesia Мирoвнa
ГЕЛЬФМАНЪ.

Пестель не дописалъ «Русской Правды», но къ счастью сообщенная обществу Соединенныхъ Славянъ «Конституція Государственный Завѣтъ» представляетъ, хотя и въ самомъ сжатомъ видѣ, изложеніе того, что онъ частью уже высказалъ, частью хотѣлъ сказать въ «Русской Правдѣ». Вотъ что заключаетъ въ себѣ новаго «Государственный Завѣтъ».

«Насчетъ устройства верховной власти отвергается правило равновѣсія властей, но принимается правило опредѣлительности круга дѣйствій. Верховная власть раздѣляется на законодательную и верховно-исполнительную, Первая поручается *народному вѣчу*, вторая—*державной думѣ*. Сверхъ того нужна еще *власть блюстительная*, дабы тѣ двѣ не выходили изъ своихъ предѣловъ. Власть блюстительная поручается верховному собору».

«Народное вѣче ¹⁾ состоитъ изъ народныхъ представителей, выбранныхъ народомъ ²⁾ на пять лѣтъ». Каждый годъ выходитъ изъ состава вѣча пятая часть членовъ и замѣняется посредствомъ новыхъ выборовъ, причемъ допускается избраніе того же лица. «Устройство внутреннего порядка вѣча принадлежитъ ему самому. Предсѣдатель выбирается ежегодно изъ членовъ», засѣдающихъ послѣдній годъ. Народное вѣче составляетъ одно цѣлое и на камеры не раздѣляется; въ немъ «обручается» вся законодательная власть; оно объявляетъ войну и заключаетъ миръ. Законы «завѣтные» (т. е. конституція) составляются инымъ порядкомъ, чѣмъ всѣ остальные. Первые обнародываются и предлагаются «на сужденіе всей Россіи» ³⁾, слѣдовательно вводится референдумъ. Когда народное вѣче не засѣдаетъ, то «оставляется временная коммиссія». «Никто не можетъ распустить народное вѣче; оно представляетъ волю въ государствѣ, душу народа».

«Державная дума ⁴⁾ состоитъ изъ 5 членовъ, народомъ выбранныхъ на пять лѣтъ». Было упомянуто, что по «Государственному Завѣту» члены думы выбираются «народомъ», между тѣмъ какъ въ «Русской Правдѣ» это производится двухстепенными выборами. Оказывается, что и выборъ «народомъ» членовъ державной думы въ «Государственномъ Завѣтѣ» также означаетъ двухстепенные выборы: «Каждая губернія» (т. е. каждое «окруж-

¹⁾ Въ сохранившейся, довольно неисправной копіи «Государственного Завѣта» слово «вѣче» употребляется то въ среднемъ родѣ, то въ женскомъ: «народная вѣча».

²⁾ Какъ мы видѣли, «Русская Правда» устанавливаетъ двухстепенные выборы; повидимому подъ избраніемъ народомъ и здѣсь разумѣются двухстепенные выборы (ср. ниже избраніе членовъ державной думы).

³⁾ Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содержаніе «Русской Правды» говорить: Вѣроятно открылись бы въ конституціи, а особенно въ кодексѣ недостатки, то коимъ скоро бы они были замѣчены, собраніе законодательное или сенатъ» (т. е. верховный соборъ) «долженствовали созвать собраніе депутатовъ нарочно для исправленія недостатковъ. Совершивъ свое дѣло, оное собраніе разлучалось».

⁴⁾ Власть исполнительная.

ное» собраніе) предлагаетъ ежегодно кандидата, и изъ числа этихъ кандидатовъ народное вѣче дѣлаетъ окончательный выборъ членовъ державной думы ¹⁾. Ежегодно одинъ изъ членовъ думы выходитъ и замѣняется другимъ лицомъ, по выбору народного вѣча. Предсѣдателемъ державной думы бываетъ членъ ея, засѣдающій послѣдній, пятый годъ. «Державная дума имѣетъ всю верховно-исполнительную власть, ведетъ войну и производить переговоры, но не объявляетъ войны и не заключаетъ мира. Всѣ министерства и всѣ вообще правительствующія мѣста состоятъ подъ вѣдомствомъ и начальствомъ державной думы» ²⁾.

Верховный соборъ состоитъ изъ 120 членовъ, называемыхъ «боярами». «Бояре назначаются на всю жизнь и не могутъ участвовать ни въ законодательномъ, ни въ исполнительномъ порядкѣ. Губерніи назначаютъ кандидатовъ, а народное вѣче замѣщаетъ упразднившееся число бояръ. Предсѣдатель выбирается на годъ самимъ соборомъ. Соборъ имѣетъ верховно-блюстительную власть: народное вѣче препровождаетъ къ нему на утверждение свои законы. Соборъ не разсуждаетъ о сущности предметовъ, но смотритъ на однѣ формы», чтобы во всемъ были соблюдены законы. Послѣ этого утвержденія законъ получаетъ «свою дѣйствительную силу, самъ же соборъ не дѣйствуетъ». Онъ назначаетъ изъ своихъ членовъ по одному генераль-прокурору въ каждое министерство (приказный ³⁾ блюститель) и по одному генераль-губернатору въ каждую область (областной посадникъ ⁴⁾. «Генераль-прокуроръ разсматриваетъ журналы палатъ министерства и утверждаетъ ихъ опредѣленія, взирая на одну законность и соблюденіе предлагаемаго порядка, но не входя въ сужденіе о

¹⁾ По французской конституціи 1795 г. 5 членовъ директоріи „назначаются“ законодательнымъ собраніемъ (§ 132).

²⁾ Когда Пестель читалъ отрывки изъ „Русской Правды“ Киселеву, послѣдній замѣтилъ ему, что онъ „своему царю“, т. е. „исполнительной власти“ (державной думѣ) „предоставляетъ уже слишкомъ много власти“. Въ проектѣ, сообщенномъ имъ Н. Муравьеву, Пестель полагалъ предоставить сенату „умѣрительную власть“.—Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содержаніе „Русской Правды“, называетъ исполнительную власть не „державною думою“, а „директоріею“ изъ 5 членовъ и замѣчаетъ при этомъ: „На сіе общество не соглашались“. Онъ говоритъ, что директорія избиралась „собраніемъ законодательнымъ, яко представляющимъ народъ“, и не упоминаетъ о томъ, что выборы производились изъ числа кандидатовъ предложенныхъ окружными собраніями. Въ другомъ показаніи Бестужевъ-Рюминъ сообщаетъ слѣдующее интересное свидѣніе: „Извѣстно, что Сѣверное Общество, въ особенности Тургеневъ, Никита Муравьевъ и кн. Сергій Трубецкой всегда Пестелеву конституцію отвергали, съ нѣкоторыми даже перебранками, Сергѣемъ Муравьевымъ и мною предложенными, ввести не соглашались,—и при отъѣздѣ Трубецкого изъ Кіева было положено между нами тремя, что онъ предложить Сѣверному Обществу, по введеніи временнаго правленія, составить комитетъ изъ ученыхъ членовъ для сочиненія конституціи, основанія коей пошлются“ Бенжаменъ Констану, Детью-де-Траси, Бентаму и Гизо „на одобреніе“.

³⁾ Пестель называетъ министерства „приказами“.

⁴⁾ Какъ мы знаемъ, Пестель предполагалъ раздѣлить Россію на 10 областей по 5 округовъ въ каждой.

сущности самаго содержанія; безъ ихъ утвержденія не можетъ исполненіе послѣдовать. Они отвѣчаютъ (?) ¹⁾ за свои дѣйствія. Державная дума рѣшаетъ, а верховный соборъ можетъ чиновника отдать подъ судъ. Отданный подъ судъ судится судебнымъ порядкомъ. Генераль-губернаторъ имѣетъ таковыя же обязанности въ отношеніи волостныхъ правленій. Изъ сего явствуется, что соборъ удерживаетъ въ предѣлахъ законности народное вѣче и державную думу, самъ же не имѣетъ никакого дѣйствія положительнаго. Главнокомандующіе дѣйствующихъ армій назначаются верховнымъ соборомъ. Онъ принимаетъ начальство надъ арміею, когда выступаетъ за предѣлы государства и слагаетъ (его), когда въ предѣлы вступаетъ». Внутри государства командованіе арміею, вѣроятно, зависитъ отъ державной думы.

Въ организаціи верховной власти, болѣе чѣмъ гдѣ либо, обнаружилось въ предположеніяхъ Пестеля влияніе Детю-де-Траси, который также стоитъ за одну законодательную палату (стр. 185). Такъ какъ это влияніе сыграло очень большую роль въ превращеніи прежнихъ монархическихъ взглядовъ Пестеля въ республиканскіе и такъ какъ онъ не успѣлъ развить, какъ это сдѣлалъ по многимъ другимъ вопросамъ, мотивовъ предлагаемаго имъ устройства верховной власти, то мы считаемъ необходимымъ привести разсужденія по этому предмету Детю-де-Траси, тѣмъ болѣе, что влиянію идей этого французскаго ученаго подвергся не только Пестель, но и многіе другіе члены Южнаго Общества ²⁾.

«Совершенно необходимо», говоритъ Детю-де-Траси, «чтобы исполнительная власть не сосредоточивалась въ однѣхъ рукахъ. Единственное основаніе, которое приводили въ пользу противоположнаго мнѣнія, состоитъ въ томъ, что одинъ человекъ болѣе способенъ дѣйствовать, чѣмъ собраніе многихъ людей. Это несправедливо. Необходимо единство въ волѣ, а не въ исполненіи... Нѣтъ монарха, у котораго не было бы нѣсколькихъ министровъ. Въ дѣйствительности имъ принадлежитъ исполнительная власть, а монархъ только изъявляетъ желаніе и часто ничего не дѣлаетъ... Законодательное собраніе и совѣтъ министровъ — вотъ истинное правительство. Король только паразитъ, лишнее колесо въ машинѣ, лишь увеличивающее треніе и издержки. Онъ ни на что

¹⁾ Тутъ въ копіи „Государственного Завѣта“ явная описка, — написано „утверждаютъ“.

²⁾ М. Θ. Орловъ въ своемъ показаніи говорить: „книга Destutt-de-Tracy „Commentaire sur l'esprit des lois“ была для нихъ высшею степенью премудрости; конституція англійская казалась имъ чрезвычайно тяжкою для народа и согласованною съ пользою одной аристокраціи; французская хартія была для нихъ не что иное, какъ лоскутокъ бумаги, бесполезный для гражданъ; но зато американскій федерализмъ, гишпанскія происшествія, неаполитанская революція играли большую роль во всѣхъ ихъ разговорахъ. Они, казалось, отвергали силу обстоятельствъ и постепенно дарованныхъ правъ, а руководствовались одною только умозрительною теоріею, не признавающею никакихъ оттънковъ въ различіи правовъ и обычаевъ народныхъ“.

не нуженъ, кромѣ того, чтобы занимать, съ возможно меньшими неудобствами, мѣсто, пагубное для общественнаго спокойствія, которымъ каждый честолюбецъ захотѣлъ бы завладѣть, если бы оно не было уже занято, такъ какъ привыкли къ существованію короля... Несправедливо, повторяю, будто по свойству исполнительной власти лучше, чтобы она находилась въ рукахъ одного, а не въ собраніи нѣсколькихъ лицъ... Единство дѣйствія можетъ быть также создано большинствомъ немногочисленнаго совѣта, какъ и однимъ лицомъ». Что касается скорости дѣйствія, то она не всегда желательна. «Необходимо, чтобы дѣла большого государства, руководимыя въ общемъ законодательнымъ корпусомъ, велись единообразно и согласно одинаковой системѣ. Этого нельзя ожидать отъ одного человѣка, ибо онъ скорѣе можетъ мѣнять свои взгляды и принципы, чѣмъ совѣтъ..., который, возобновляясь по частямъ, проникнуть неизмѣннымъ направленіемъ»...

Если глава исполнительной власти избирается на небольшое число лѣтъ, подчиненъ опредѣленнымъ правиламъ и не можетъ дѣйствовать безъ согласія извѣстныхъ лицъ, то конечно онъ становится безвреднымъ. Но тогда онъ въ сущности и не будетъ единымъ правителемъ, соотвѣтствующимъ идеѣ о монархѣ, а только первымъ чиновникомъ свободнаго народа. Если же единый правитель избирается на ограниченное время, но безъ указанныхъ предосторожностей и можетъ свободно распоряжаться войсками и деньгами, хотя и подъ руководствомъ законодательнаго корпуса, то положеніе его становится слишкомъ значительнымъ и возбуждаетъ честолюбивыя стремленія; при этомъ выборы будутъ сопровождаться интригами и насиліями. Еще въ большей степени это происходитъ при пожизненномъ избраніи, которое вызываетъ безпорядки и даже приводитъ къ распаденію государства, или правитель, избранный пожизненно, становится наслѣдственнымъ, какъ это было въ Голландіи и во многихъ другихъ странахъ.

Переходя затѣмъ къ наслѣдственной монархіи, авторъ замѣчаетъ, что считали бы безумнымъ сдѣлать наслѣдственнымъ обязанностями кучера или повара, адвоката или доктора, обязавшись пользоваться услугами только этихъ лицъ и ихъ наслѣдниковъ по праву первородства, будутъ ли это дѣти или дряхлые старики, сумасшедшіе или слабоумные, маніаки или подлецы, а между тѣмъ считаютъ вполне естественнымъ повиноваться государю, получившему власть такимъ порядкомъ. Трудно найти человѣка, способнаго управлять, который со временемъ не сдѣлался бы недостойнымъ этого. Весьма возможно, что дѣти обремененнаго великою властью будутъ дурно воспитаны; мало вѣроятно, чтобы, если одинъ изъ нихъ избѣгнетъ вредныхъ вліяній, это былъ бы непременно старшій; если бы это было и такъ, то его дѣтство, годы его

неопытности, его увлеченія подѣ влияніемъ страсти, его болѣзни, его старость занимаютъ весьма значительную часть его жизни и дѣлаютъ опаснымъ повиновение ему въ это время. Наслѣдственная власть по природѣ своей неограниченна и не поддается ограниченію. Власть, находящаяся въ рукахъ одного лица, стремится къ все большему ея усиленію. Наслѣдственная монархія, чтобы укрѣпиться, подавить власть народа. Дѣло окончится или порабощеніемъ народа, или паденіемъ престола. Надѣяться сохранить свободу при монархическомъ устройствѣ, значитъ желать двухъ вещей, взаимно одна другую исключаящихъ.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій Детю-де-Траси дѣлаетъ выводъ, что *«исполнительная власть»* должна быть ввѣрена совѣту, составленному изъ немногихъ лицъ, избранныхъ на время, и постепенно обновляемому; а *законодательная власть* должна быть предоставлена болѣе многочисленному собранію, состоящему также изъ избранныхъ на опредѣленное время, и обновляемому ежегодно по частямъ» (стр. 185—202).

На основаніи этихъ началъ и устроена законодательная и исполнительная власть въ «Государственномъ Завѣтѣ» Пестеля. Детю-де-Траси полагалъ, что законодательное собраніе не должно ни назначать, ни смѣщать, ни судить членовъ совѣта, которому ввѣрена власть исполнительная. Пестель предлагаетъ поручить выборъ ихъ народному вѣчу, но только изъ числа кандидатовъ, избранныхъ окружными собраніями.

Мысль о верховномъ соборѣ, имѣющемъ «блюстительную власть», Пестель также заимствовалъ у Детю-де-Траси, который называетъ это учрежденіе «*corps conservateur*» и возлагаетъ на него слѣдующія обязанности: 1) Производить повѣрку выборовъ членовъ законодательнаго собранія. 2) Принимать участіе въ выборѣ совѣта, имѣющаго власть исполнительную (*corps exécutif*), или получая отъ избирательныхъ собраній списокъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ это охранительное собраніе производитъ выборъ, или, наоборотъ, посылая избирательнымъ собраніямъ списокъ тѣхъ лицъ, изъ числа которыхъ они могутъ сдѣлать выборъ. 3) Участвовать почти такимъ же образомъ въ назначеніи верховныхъ судей или подобныхъ существующимъ въ Америкѣ или, въ качествѣ кассационнаго судилища, какъ во Франціи. 4) Отрѣшать отъ должности членовъ исполнительнаго совѣта (*corps exécutif*) по требованію законодательнаго собранія. 5) Объявлять противорѣчащими конституціи и слѣдовательно недѣйствительными постановленія законодательнаго собранія или исполнительнаго совѣта по требованію одного изъ нихъ или по другимъ требованіямъ, допускаемымъ конституціею. 6) Объявлять (на основаніи тѣхъ же требованій или по желанію гражданъ, высказанному въ установлен-

ной формѣ), когда произойдетъ пересмотръ конституціи, и созывать соборъ (convention) специально съ этою цѣлью. «Два послѣднія дѣянія охранительнаго собранія могли бы и даже должны бы прежде, чѣмъ быть исполненными, подвергнуться одобренію народа, который постановилъ бы рѣшеніе словами *да* или *нѣтъ* въ собраніяхъ первой степени, или въ избирательныхъ собраніяхъ, или въ собраніяхъ, созданныхъ специально съ этою цѣлью».

Охранительное собраніе (corps conservateur), по мнѣнію Детю-де-Траси, должно состоять изъ пожизненныхъ членовъ, которые не могутъ занимать никакого другого мѣста. Званіе члена этого собранія должно быть вознагражденіемъ для тѣхъ, кто исполнялъ высокія должности. Члены охранительнаго собранія должны быть въ первый разъ назначены соборомъ, составившимъ конституцію, охраненіе которой будетъ ему ввѣрено, а затѣмъ замѣщеніе вакансій должно производиться избирательными собраніями на основаніи кандидатскихъ списковъ, составленныхъ въ законодательномъ собраніи и въ исполнительномъ совѣтѣ. Детю-де-Траси считалъ чрезвычайно важнымъ это охранительное собраніе и полагалъ, что оно придастъ прочность всему государственному зданію (стр. 203—208) ¹⁾.

Какъ ни велико было вліяніе Детю-де-Траси на Пестеля, сравненіе ихъ предположеній показываетъ, что Пестель не механически заимствовалъ мысли французскаго ученаго, а перерабатывалъ усвоенныя имъ идеи.

Въ сохранившихся отрывкахъ болѣе ранняго труда Пестеля, подъ заглавіемъ «Записки о государственномъ правленіи», устанавливаются правила лишь о нѣкоторыхъ изъ высшихъ административныхъ учреждений—«государственныхъ приказовъ» (министерствъ), а именно о государственныхъ приказахъ: 1) Правосудія, 2) благочинія, 3) внѣшнихъ сношеній, 4) военныхъ силъ и 5) морскихъ силъ. Были очевидно и другіе приказы, или министерства, какъ это ясно и изъ того, что въ каждой области должно было быть 6 управъ: 1) правосудія, 2) благочинія, 3) духовныхъ дѣлъ, 4) просвѣщенія, 5) хозяйства и 6) казначейства.

Изъ показанія М. П. Бестужева-Рюмина о содержаніи «Русской Правды» видно, что министерствъ предполагалось 10: 1) внѣшнихъ сношеній, 2) финансовъ, 3) промышленности, 4) правосудія, 5) полиціи, 6) просвѣщенія, 7) духовныхъ дѣлъ, 8) «переводныхъ» (т. е. переходныхъ) дѣлъ, 9) военныхъ сухопутныхъ силъ и 10) морскихъ силъ. «Министръ внѣшнихъ сношеній долженъ былъ

¹⁾ О Детю-де-Траси см. *Mignet*, «La vie et les travaux de Destutt de Tracy». «Revue des deux Mondes», 1842, 1 juin; *Chabot*. D. de Tracy, 1885; *Picaret*, Les Idéologues. P. 1891; *Коркуновъ*, «Исторія философіи права»; *Чичеринъ*, «Исторія политич. ученій» т. V, М. 1902 г.

всѣ способы давать народамъ европейскимъ для введенія у нихъ представительнаго правленія; въ Азіи же онъ долженъ былъ распространять просвѣщеніе и поощрять народы къ перемѣнѣ правленія. Онъ также долженъ былъ требовать отъ пословъ и прочихъ агентовъ, чтобъ они сообщали ему всѣ тѣ сочиненія и открытія, однимъ словомъ, все то, «что можетъ быть полезно народу или содѣйствовать его просвѣщенію, а онъ передавалъ бы это министру просвѣщенія. «Также всѣ люди, чѣмъ либо полезнымъ себя ознаменовавшіе, должны быть приглашены въ Россію. Для сего предоставлялись имъ всевозможныя выгоды». Министръ просвѣщенія, кромѣ исполненія другихъ своихъ обязанностей, долженъ былъ учредить собраніе ученыхъ, которое изъ сообщеннаго министромъ внѣшнихъ сношеній извлекало бы все полезное для общества и наставляло бы народъ. Сочиненія всѣхъ знаменитыхъ писателей разныхъ народовъ должны быть переведены на русскій языкъ. Министръ правосудія долженъ былъ постоянно соображать, соотвѣтствуютъ ли законы нравамъ, «не опередило ли ихъ просвѣщеніе», не измѣнился ли образъ мыслей, и если ему покажется нужнымъ какое либо улучшеніе, то онъ представляетъ проектъ о немъ законодательной власти. Министръ духовныхъ дѣлъ долженъ быть изъ духовнаго сословія. Главная обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы кроткими мѣрами склонять живущихъ въ Россіи идолопоклонниковъ къ принятію христіанства. Онъ долженъ былъ также посылать миссіонеровъ въ Азію, но только людей самыхъ просвѣщенныхъ и способныхъ, чтобы они могли сообщать министерству свѣдѣнія о степени образованія, мысляхъ и наклонностяхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ они будутъ находиться. Министръ «переводныхъ дѣлъ» долженъ былъ главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы переворотъ произошелъ какъ можно нечувствительнѣе для всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ прежнемъ правленіи, и вообще для дворянъ ¹⁾). Къ нему должны были обращаться съ просьбами и жалобами, а также желающіе получить мѣста. Такъ какъ всѣ чиновники, пользующіеся арендами и другими выгодами, не должны были терять награды за оказанныя ими заслуги, то, если что либо должно было отойти отъ нихъ по новому учрежденію, министръ долженъ былъ вытребовать соотвѣтственное вознагражденіе, чтобы никто не могъ укорять въ неблагодарности «правленіе, стремящееся основаться на нравственности». Относительно мѣстнаго управленія Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ показаніи сообщаетъ, что по проекту Пестеля «исполнительная власть въ областяхъ была поручена управамъ,

¹⁾ Мы видѣли, что Пестель при окончательной переработкѣ „Русской Правды“ нѣмнѣе въ демократическомъ смыслѣ прежнія свои предположенія относительно дворянства и проектировалъ полное его уничтоженіе.

назначеннымъ директорію..., а въ губерніяхъ и уѣздахъ—управамъ, избраннымъ народомъ».

Таковы главнѣйшія черты политическихъ идей Пестеля, этого высокоталантливаго общественнаго дѣятеля, далеко опередившаго своихъ современниковъ въ Россіи въ области и политическихъ, и социальныхъ воззрѣній. Казнь этого человѣка, также какъ и его товарищей, лишила Россію нѣсколькихъ выдающихся людей, а ссылка остальныхъ декабристовъ удалила съ арены общественной дѣятельности множество способныхъ людей. Понятно, что послѣ того правительство было окружено такими ничтожествами, какъ Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашевъ и другіе, и единственному способному человѣку, П. Д. Киселеву, многому научившемуся у Пестеля, почти ничего не удалось сдѣлать даже для подготовки паденія крѣпостного права. Гибель на висѣлицѣ пятирхъ декабристовъ и позднѣйшихъ революціонеровъ служить лучшимъ доказательствомъ необходимости отмѣны смертной казни, чего, какъ мы видѣли, требовалъ и Пестель.—«Зачѣмъ вамъ революція?»—сказалъ имп. Николай Завалишину,—«я самъ вамъ революція: я самъ сдѣлаю все, чего вы стремитесь достигнуть революціею» ¹⁾. Но русское общество слышало отъ его предшественника много хорошихъ словъ, притомъ сказанныхъ не наединѣ съ узникомъ, а публично, и не дождалось исполненія этихъ обѣщаній. Естественно, что интеллигентная молодежь, возмущенная всѣмъ, что творилось въ Россіи, рѣшилась революціоннымъ путемъ добиться того, что самодержавіе отказывалось дать добровольно даже послѣ печальнаго конца правленія имп. Павла.

XI.

Пестель въ отличіе отъ Н. Муравьева проникнутаго симпатіею къ федеративному строю, былъ защитникомъ, по примѣру французской конституціи 1793 г., учрежденія республики «единой и нераздѣльной», съ выдѣленіемъ только Польши въ самостоятельную, но соединенную съ Россіей союзомъ республику: это былъ бы союзъ двухъ братскихъ народовъ, возрожденныхъ къ новой жизни политическою свободою. Напротивъ «Общество Соединенныхъ Славянъ» желало охватить въ одномъ союзѣ всѣ славянскіе народы.

Основателемъ этого общества былъ подпоручикъ 8-ой артиллерійской бригады, Петръ Ивановичъ Борисовъ 2-ой. Онъ воспитывался въ домѣ отца, въ 1816 г. вступилъ на службу юнкеромъ и много занимался математикою и военными науками, но

¹⁾ „Записки декабриста Д. И. Завалишина“. Мюнхень, 1904 г., т. I. стр. 255.

послѣ производства въ офицеры совершенно предался изученію естественной исторіи, философіи и «морали». Одно время онъ стоялъ со своею ротою въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика, у котораго была хорошая библіотека. Здѣсь Борисовъ прочелъ Вольтера, Гельвеція, Гольбаха и нѣкоторыхъ другихъ писателей XVIII вѣка и проникся свободными взглядами въ религіозномъ отношеніи. Большое значеніе въ его жизни имѣло знакомство съ классическою древностью. По его собственному свидѣтельству, изученіе греческой и римской исторіи и чтеніе жизнеописаній Плутарха и Корнелія Непота возбудили въ немъ съ дѣтства «любовь къ вольности и народодержавію»; а поддерживали ее жестокости командировъ относительно ихъ подчиненныхъ, а также насилія и угнетенія, которымъ помѣщики подвергали своихъ крестьянъ. Борисовъ говоритъ, что онъ былъ «ослѣпленъ любовью къ демократіи и свободѣ»... «Общее благо есть верховный законъ—вотъ максима, которая была основаніемъ и моею религіи, и моею нравственностію».

Руководясь этими высокими стремленіями, Борисовъ думалъ найти ихъ осуществленіе въ масонствѣ, и въ 1818 г. былъ принятъ въ Одессѣ въ масонскую ложу, въ которой числился до уничтоженія этихъ ложъ. Въ томъ же году, находясь по службѣ въ одномъ мѣстечкѣ Полтавской губ., онъ задумалъ основать тайное общество, цѣлю котораго были правила «питагоровой секты, усовершенствованіе себя въ наукахъ, художествахъ и добродѣтели, любовь и дружба». Затѣмъ, къ прежней цѣли были присоединены «усовершенствованіе нравственности и очищеніе религіи» отъ предразсудковъ, а также «основаніе извѣстной республики философа Платона». Такъ устроено было общество «Друзей Природы», которое просуществовало недолго. Въ 1823 г. Борисовъ, при участіи брата и поляка Люблинскаго, основываетъ общество съ цѣлію объединенія славянскихъ племенъ. Мысль П. И. Борисова состояла въ томъ, чтобы учредить «федеративный союзъ славянскихъ поколѣній, подобный греческому, но гораздо его совершеннѣе». Онъ предполагалъ также предложить членамъ, имѣющимъ крестьянъ, позволить имъ выкупиться на волю, а неимѣющимъ крѣпостныхъ вносить нѣкоторую сумму на выкупъ людей у тѣхъ господъ, которые худо съ ними обращаются, и отпускать ихъ на волю. Нѣкоторые изъ членовъ общества уже согласились на это предложеніе.

П. И. Борисовъ составилъ «Катехизисъ соединенныхъ славянъ» и «Клятвенное обѣщаніе», которые были переведены Люблинскимъ на польскій языкъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя правила катехизиса: «Не желай имѣть раба, когда самъ быть рабомъ не хочешь... Будешь терпѣть всѣ вѣроисповѣданія... Будешь стараться разрушать всѣ предразсудки, а наиболѣе до разности состояній

касающіеся... Употребишь даже свое оружіе, если того нужда будетъ требовать, на защиту невинности... Ты еси славянинъ и на землѣ твоей при берегахъ морей, ее окружающихъ, построишь 4 флота: Черный, Бѣлый, Далматскій и Ледовитый, а въ срединѣ оныхъ воздвигнешь городъ и въ немъ башню просвѣщенія, и своимъ могуществомъ на тронѣ посадишь. Оттуда будешь получать для себя правосудіе и ему повиноваться обязанъ... Въ портахъ твоихъ, славянинъ, будетъ цвѣсти торговля и морская сила, а въ городѣ, посреди земли твоей, справедливость для тебя обитать станетъ. Желаетъ имѣть сіе? Соединись съ твоими братьями, отъ которыхъ невѣжество твоихъ предковъ отдалило тебя. Желаетъ все это имѣть? Будешь жертвовать десятою частью твоихъ доходовъ годовыхъ и будешь обитать въ сердцахъ друзей твоихъ».

Члены общества Соединенныхъ Славянъ присягали на мечѣ взаимно любить другъ друга. Въ «Клятвенномъ обѣщаніи», составленномъ Борисовымъ, между прочимъ сказано: «пройду тысячи смертей, тысячи препятствій, пройду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ. Если же нарушу сію клятву, то... пусть сіе оружіе обратится остриемъ въ сердце мое и наполнитъ оное адскими мученіями, пусть минута жизни моей, вредная для моихъ друзей, будетъ послѣднею»...

Другой членъ общества Соединенныхъ Славянъ, Горбачевскій, сообщаетъ въ своихъ запискахъ черты, дополняющія свѣдѣнія, приведенныя изъ дѣла о П. И. Борисовѣ. Это общество, по словамъ Горбачевского, «имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластиа, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы cadaго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній... ¹⁾ Славянскій союзъ», продолжаетъ Горбачевскій «носилъ на себѣ отпечатокъ какой то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членовъ» общества «посвящать всѣ мысли, всѣ дѣйствія благу и свободѣ своихъ единоплеменниковъ и жертвовать всею жизнью для достиженія сей цѣли, произносила на оружіи; отъ однихъ своихъ друзей, отъ

¹⁾ По свидѣтельству декабриста барона Розена, на 8-угольной печати общества Соединенныхъ Славянъ были обозначены 8 колѣнъ славянскаго племени: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки, всего до 90 милліоновъ.

одного оружія славяне ожидали исполненія своихъ желаній; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотомъ, но кровью, была вкоренена въ ихъ сердцахъ, и слова знаменитаго республиканца, сказавшаго: «обнаживши мечъ противъ своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далѣе», должныствовали служить руководствомъ ихъ будущаго поведенія» ¹⁾).

Извѣстно, что общество Соединенныхъ Славянъ, при посредствѣ Бестужева-Рюмина, присоединилось къ Южному Обществу, во главѣ котораго стоялъ Пестель. Бестужевъ-Рюминъ убѣдилъ членовъ общества Соединенныхъ Славянъ, что ихъ цѣль—соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ федерацію республикъ—неудобоосуществима, и что русскіе должны стремиться только къ тому, чтобы «на твердыхъ постановленіяхъ основать свободу» въ своемъ отечествѣ, чего можно достигнуть вооруженною силою. Но дабы избѣжать кровопролитія, подобнаго французской революціи, нужно предварительно приготовить хорошую конституцію, чтобы, «разрушивъ существующій порядокъ вещей, немедленно замѣнить его лучшимъ». Онъ сообщилъ членамъ общества Соединенныхъ Славянъ, что въ Южномъ обществѣ конституція уже составлена, вручилъ имъ «Государственный Завѣтъ» Пестеля, какъ основныя правила этой конституціи, и предложилъ, если они хотятъ «промѣнять цѣль невозможную на истинно для Россіи полезную», присоединиться къ Южному обществу. Члены общества Соединенныхъ Славянъ приняли это предложеніе.

В. Семевскій.

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1882 г. т. I, 448—445.

На смерть Т. Г. Шевченко ¹⁾.

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвидѣнный, чуть не желательный,—
Такъ погибаетъ по Божіей милости
Русской земли человѣкъ замѣчательный.
Съ давняго времени: молодость трудная,
Полная страсти, надеждъ, увлеченія,
Смѣлая рѣчи, борьба безразсудная,
Вслѣдъ затѣмъ долгіе дни заточенія...
Все онъ извѣдалъ: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармовъ любезности,
Все: и раздольную степь Оренбургскую
И ея крѣпость. Въ нуждѣ, въ неизвѣстности
Жилъ онъ солдатомъ съ солдатами жалкими,
Жилъ, оскорбляемый всякимъ невѣждою!
Могъ умереть онъ, конечно, подъ палками;
Можетъ и жилъ только этой надеждою...
Но, сократить не желая страданія,
Поберегло его въ годы изгнанія
Русскихъ людей провидѣнье игривое,
Кончилось время его несчастливое,—
Все, что онъ съ юности ранней не видывалъ,
Милое сердцу ему улыбалось;
Тутъ ему Богъ позавидовалъ:
Жизнь оборвалась!...

Н. А. Некрасовъ.

¹⁾ Это стихотвореніе Н. А. Некрасова совершенно неизвѣстно „большой публикѣ“. Оно было, правда, напечатано въ львовскомъ журналѣ „Зоря“ (1885 г. № 18), но номеръ этотъ не былъ пропущенъ въ Россію. Затѣмъ оно появилось лишь въ № 1 издававшейся въ 1889 г. въ Женевѣ газетѣ „Свободная Россія“.

Ред.

Къ исторіи полицейской агентуры въ Россіи.

21 іюля 1849 года Николаю Павловичу былъ представленъ слѣдующій докладъ:

«Бывшій учитель 1-го Кадетскаго Корпуса *Бѣлецкій*, содержащійся два съ половиною мѣсяца въ С.-Петербургской крѣпости по дѣлу Бутаевича-Петрашевскаго, по освобожденіи его съ тѣмъ, чтобы отнюдь не опредѣлять его на службу ни по военнымъ, ни по гражданскимъ учебнымъ заведеніямъ, встрѣтивъ агента по означенному дѣлу, чиновника 14-го класса *Антонелли* ¹⁾, укорялъ его за доносъ и оскорбилъ обидными выраженіями.

Г. Военный Министръ, принимая во вниманіе, что Бѣлецкій не возчувствовалъ сдѣланнаго ему взысканія и не смягчилъ строптиваго своего характера, что нанесенное имъ оскорбленіе относится до самаго полезнаго агента, котораго правительство должно защищать, сдѣлалъ распоряженіе къ высылкѣ Бѣлецкаго въ Вологду подъ строжайшій надзоръ полиціи».

На этомъ докладѣ Николай Павловичъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Дѣльно».

¹⁾ Роль Антонелли въ дѣлѣ Петрашевскаго хорошо охарактеризована въ докладѣ шефа жандармовъ графа А. Ѳ. Орлова. Когда были получены извѣстія о собраніяхъ у Петрашевскаго, „тогда употреблено было стараніе помѣстить въ общество Петрашевскаго благонадежнаго агента, и для этого избранъ былъ сынъ живописца Антонелли, образовавшійся въ здѣшнемъ университетѣ и впоследствии опредѣленный въ тотъ же департаментъ, въ которомъ служилъ Петрашевскій. Антонелли съ большимъ трудомъ, но сблизился и наконецъ успѣлъ войти въ общество Петрашевскаго“. Войдя, Антонелли регулярно представлялъ донесенія о собраніяхъ.

Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(Продолженіе).

IV. Русская Правда Пестеля и Конституція Никиты Муравьева.

Изъ всѣхъ конституцій, которыя были писаны и предлагаемы, или о коихъ было говорено, ни одна не была докончена. Иная только до половины доведена, другая въ отрывкахъ состояла. Полнаго ничего не было и общимъ согласіемъ ни одна еще принята не была: такъ что общество по справедливости не можетъ сказать, какую конституцію оно бы имѣло въ виду и въ желаніи рѣшительномъ.

Конституція Никиты Муравьева большей части членовъ весьма не нравилась, потому что два главныя оной основанія совершенно пагубными казались. У него предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Америки. Это походило на древнюю удѣльную систему и потому пагубнымъ казалось. Второе основаніе состояло въ томъ, что права на должности въ правленіи и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ основаны были на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство, а для вышнихъ должностей все болѣе и болѣе. Сія ужасная аристокрація богатствъ заставляли многихъ, и въ томъ числѣ и меня противу его конституціи сильно спорить. При семъ умѣстнымъ будетъ сказать, что при сужденіяхъ и разговорахъ о конституціяхъ и предполагаемомъ общемъ порядкѣ вещей весьма часто говорено было, что ежели самъ государь подарить отечество твердыми законами и положительно - постояннымъ порядкомъ дѣлать, то мы тогда вѣрнѣйшіе его будемъ приверженцы и оберегатели: ибо намъ дѣло только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оное не происходило.

Что касается лично до меня, то я особенную имѣлъ склонность къ политическимъ наукамъ и много ими занимался. Изучился я онымъ въ Пажескомъ корпусѣ, до вступленія въ который нигдѣ онымъ не обучался. Я упражнялся много во всемъ томъ, что сихъ предметовъ касается, какъ въ отношеніи администраціи или правленія, такъ и въ отношеніи конституцій. Мой образъ

жизни, удаленный от большого свѣта, способствовалъ много къ тому, что я въ сіи предметы и познанія углублялся во времена и часы, свободные отъ службы. Такимъ образомъ чрезъ протеченіе времени составила въ моихъ понятіяхъ общая полная мысль о государственномъ образованіи и устройствѣ, которая вмѣщала въ себѣ, какъ всѣ отрасли правленія въ главныххъ ихъ свойствахъ и отличительномъ значеніи, такъ равно и всѣ степени правительства отъ низшихъ до высшихъ; причемъ родилась во мнѣ увѣренность, что всѣ отрасли правленія, все устройство народа и всѣ степени правительства, исключая верховной власти, могутъ въ извѣстномъ какомъ нибудь государствѣ быть учреждены одинаковымъ образомъ, хотъ Верховная Власть будетъ заключаться въ самодержавномъ монархѣ, хотъ въ конституціонномъ государствѣ, хотъ въ избирательномъ или республиканскомъ словіи. Посему большая часть того, что я когда либо писалъ о предметахъ политики, касалась прочихъ предметовъ болѣе, чѣмъ Верховной Власти, постигая сполна и весьма твердо, что устройство ея зависитъ отъ обстоятельствъ болѣе, нежели отъ плановъ и проектовъ, между тѣмъ какъ на остальные предметы добрые планы могутъ имѣть хорошее дѣйствіе и вліяніе даже безъ превращенія (революціи); посему большая часть моихъ записокъ такимъ образомъ составлена была, что можно ихъ было даже правительству показать. Но изъ всѣхъ моихъ записокъ не было еще составлено полного сочиненія, а были отрывки, кои по большей части всѣ уничтожены или сожжены. Цѣлаго я еще не сводилъ. Имѣлъ же намѣреніе, когда окончу сію работу, передать оную подъ названіемъ *Русской Правды* на судъ и мнѣніе общества, составивъ главу о Верховной Власти вдвойнѣ: одну для монархическаго, а другую для республиканскаго оной образованія, и написавъ сію главу такимъ образомъ, что любую изъ нихъ выбравъ, можно было ее въ общее сочиненіе включить.

Но сіи двѣ главы, одного предмета касающіяся, не были въ «Русской Правдѣ» даже еще и начаты. Нѣкоторыя мысли о нихъ были однако же начертаны на французскомъ языкѣ и монархическая подробнѣе республиканской. Все сіе для того здѣсь объясняю, чтобы представить полное, справедливое и откровенное понятіе о письменныхъ своихъ занятіяхъ по предметамъ политики (показанія 7 января 1826 года).

Въ чемъ именно заключались главныя черты конституцій, написанныхъ: а) Вами и Сергѣемъ Муравьевымъ, б) Новиковымъ и в) Никитой Муравьевымъ, поелику всѣ оныя, по словамъ вашимъ, не были одобрены обществомъ, и гдѣ теперь находятся, какъ означенная конституція ваша, которую многіе изъ членовъ у васъ видѣли, такъ и законы или правила, у васъ же хранившіяся? (что комитету совершенно извѣстно) равно и статутъ, написанный вами въ 1816 или 1817 годахъ для *союза спасенія*?

Статутъ первоначальнаго общества нашего въ 1816 или

1817 годах былъ не мною однимъ составленъ, но коммиссіею, обществомъ назначенною изъ трехъ членовъ и секретаря. Члены были: князь Сергій Трубецкой, князь Илья Долгоруковъ и я, а секретарь—князь Шаховской. Въмѣстѣ съ учрежденіемъ Союза Благоденствія и составленіемъ Зеленой Книги былъ первый статутъ уничтоженъ и я не сохранилъ экземпляра онаго.

Законы или правила Союза Благоденствія послѣ преобразованія онаго въ 1821 году не были написаны, а оставались только словесными. Тогда было положено ничего не имѣть въ обществѣ писаннаго и твердо было внушено отнюдь ничего не писать. Сіе было исполнено въ отношеніи къ правиламъ объ образованіи союза; а посему и не сохранилъ я ничего, о семъ писаннаго.

Изъ бумагъ моихъ о предметахъ политики я большую часть самъ сжегъ. Оставалось малое число оныхъ, между коими и начатое мною предположеніе о государственномъ образованіи. Сіи послѣднія бумаги отдалъ я въ концѣ ноября Крюкову 2-му, запечатанныя съ тѣмъ, чтобы спрятать оныя гдѣ нибудь въ Тульчинѣ, а въ случаѣ опасности оныя предать огню. Что же онъ съ оными сдѣлалъ, я не знаю, но полагаю, что ихъ истребилъ.

Отличительная черта конституціи Новикова заключалась въ томъ, что она была республиканская и Верховная Власть въ оной находилась въ особомъ сословіи, коего предсѣдатель имѣлъ два голоса, а прочіе члены только по одному. Прочіе предметы опредѣлялись, какъ и во всѣхъ почти республиканскихъ конституціяхъ. Много было сходства съ Американскою.

Конституція Никиты Муравьева не была еще докончена, но четыре замѣчательнѣйшія черты оной были слѣдующія: 1) У него предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Сѣверной Америки. Это походило на древнюю удѣльную систему. На сей конецъ раздѣлялась у него Россія на 13 или 14 большихъ округовъ, которые назывались *державами*. Въ главномъ городѣ каждой державы были, учреждены главныя мѣстныя правительства надъ державою. Сіи правительства такую большую власть имѣли, что даже законы могли дѣлать для своей державы. Верховной Власти посему почти ничего не оставалось. 2) Второе основаніе состояло въ томъ, что права на занятіе должностей по государственной службѣ и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ посредствомъ представительнаго порядка основаны были оба на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство и для высшихъ должностей болѣе и болѣе. 3) Всѣ различныя сословія сливались въ одно общее сословіе гражданское. 4) Министерствъ у него было только четыре: иностранныхъ дѣлъ, военныхъ, морскихъ силъ и финансовъ. Прочія отрасли правленія не доходили до Верховной Власти и Верховнаго Правительства, но имѣли свои окончательныя инстанціи въ державкахъ.

Онъ доставилъ ко мнѣ часть сей конституціи, извѣщая, что пишетъ оную въ монархическомъ смыслѣ, не потому чтобы онъ

монархическаго правленія держался болѣе, чѣмъ республиканскаго, ибо онъ былъ въ 1820 году одинъ изъ тѣхъ членовъ, которые наиболѣе въ пользу сего послѣдняго говорили, но для того, чтобы сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ. Сія конституція Никиты Муравьева многимъ членамъ общества весьма не нравилась по причинѣ федеративной его системы и ужасной аристокраціи богатствъ, которая оною созидалась въ обширнѣйшемъ видѣ.

Мое предположеніе о государственномъ образованіи состояло большею частью въ однѣхъ еще только отрывкахъ. Цѣлаго я еще не сводилъ. Намѣревался же я мое сочиненіе представить по окончаніи онаго на судъ общества. Оно долженствовало состоять изъ десяти главъ:

Первая глава разсуждала о границахъ государства и о раздѣленіи земельного пространства онаго на области, областей на округа или губерніи, округовъ на уѣзды, уѣзды на волости и опредѣляла значеніе и составъ волостей.

Вторая глава разсуждала о жителяхъ Россіи, раздѣляя оныя на коренной народъ русскій и на племена подвластныя и присоединенныя, и указывая на средства, коими можно слить всѣ сія различные оттѣнки въ одинъ общій составъ такимъ образомъ, чтобы всѣ жители Россіи чрезъ нѣкоторое время составляли истинно только одинъ народъ.

Третья глава разсуждала о всѣхъ различныхъ сословіяхъ, въ государствѣ отбрътающихся, указывая на права, преимущества и недостатки каждаго изъ оныхъ и представляя мѣры и дѣйствія, которые бы надлежало въ каждомъ изъ оныхъ предпринять, дабы слить всѣ сословія въ одно общее сословіе гражданское.

Глава четвертая разсуждала о политическомъ или общественномъ состояніи народа, о правахъ гражданства, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, и объ образѣ, коимъ устраивался представительный порядокъ въ избирательныхъ собраніяхъ.

Глава пятая разсуждала о гражданскомъ или частномъ состояніи народа, т. е. о главнѣйшихъ правилахъ и постановленіяхъ, такъ называемаго гражданского частнаго права въ отношеніи лицъ, имуществъ и взаимныхъ между гражданами сношеній.

Глава шестая долженствовала разсуждать о Верховной Власти и быть написана вдвойнѣ: одна въ монархическомъ, а другая въ республиканскомъ смыслѣ; любую можно было бы избрать и въ общее сочиненіе включить.

Глава седьмая долженствовала разсуждать объ образованіи правительственныхъ мѣстъ и начальствъ въ волостяхъ, уѣздахъ, округахъ и областяхъ, а равно и представить общее учрежденіе министерствъ, доказывая, что оныхъ должно быть десять, не болѣе и не менѣе.

Глава восьмая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, устраивающихъ государственную безопасность, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю; т. е. объ юстиціи, полиціи, внѣшнихъ

сношеніяхъ, военныхъ силахъ и морскихъ силахъ; говоря при томъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава девятая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, завѣдывающихъ общественнымъ благосостояніемъ, т. е. о финансахъ, народномъ хозяйствѣ или внутреннихъ дѣлахъ, просвѣщеніи и учебной системѣ, духовныхъ дѣлахъ и общемъ дѣлосводѣ, говоря подобнымъ же образомъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава десятая, наконецъ, долженствовала содержать родъ наказа для составленія общаго государственнаго свода законовъ или уложенія и представить главнѣйшія правила или такъ сказать оглавление (*sommaire*) сего полнаго и общаго государственнаго уложенія.

Первая, вторая и большая часть третьей главы были кончены; четвертая и пятая были на чернѣ написаны; а послѣднія пять состояли въ разныхъ отрывкахъ. Статью о финансахъ и народномъ хозяйствѣ долженствовалъ написать Сергѣй Муравьевъ (показанія 13 января, п. 29).

Съ общаго ли согласія южныхъ и сѣверныхъ членовъ, когда и гдѣ былъ написанъ и выпущенъ *Катихизисъ* тайнаго общества, ложно и преступно доказывающій, что существованіе царей въ государствахъ противно Богу и естественному закону. Кто составлялъ сей Катихизисъ и имѣете ли вы списокъ съ оного?

Политическій катихизисъ былъ составляемъ Никитою Муравьевымъ по собственному его преднамѣренію и, сколько мнѣ извѣстно, безъ предварительнаго сношенія о томъ съ другими членами. Сей катихизисъ, когда я его видѣлъ, не былъ еще конченъ. Проѣзжая Тульчинъ съ Лунинымъ въ 1820-мъ году, Муравьевъ читалъ намъ отрывки оного. Списка съ оного не имѣлъ и не имѣю (тоже, п. 30).

Намѣревалось ли Южное общество при началіи открытыхъ дѣйствій его выпустить двѣ прокламаціи: одну къ народу, а другую къ войскамъ. и какого содержанія?

Составленіе сихъ двухъ прокламацій входило во второе предположеніе въ 3 пунктѣ объявленное (см. ниже стр. 215—216). Онѣ написаны не были и члены, то предположеніе сдѣлавшіе, говорили о нихъ только то, что надо двѣ прокламаціи выпустить въ духѣ намѣреній общества. О содержаніи оныхъ сказано и толковано не было (тоже, п. 31).

У. Замыслы общества. Республика.

Общимъ замѣчаніемъ на счетъ духа и разума Союза Благоденствія слѣдующее представляю.

Всѣ члены Союза Благоденствія единодушно согласны были

въ намѣреніи содѣйствовать ко введенію въ Россію новаго порядка вещей и въ томъ, что сіе иначе произведено быть бы не могло, какъ чрезъ количественное усиленіе членовъ общества и распространеніе тѣмъ самымъ Союза Благоденствія по елико возможно большамъ мѣстамъ; но по всѣмъ прочимъ предметамъ и статьямъ не было общей мысли и единства въ намѣреніяхъ и видахъ. Сіе разногласіе относится преимущественно до средствъ, коими произвести перемѣну въ Россіи, и до порядка вещей и образа Правленія, коими бы замѣнить существовавшее правительство.

Въ сихъ двухъ отношеніяхъ ничего не было обществомъ окончательнаго и рѣшительнаго положено. Происходили одни только разговоры и пренія безъ заключенія; такъ что сказать можно, что сіи два предмета въ обществѣ *еще не созрѣли* совершенно, хотя и много о томъ толковано было и много сдѣлано плановъ и проектовъ. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что надо напередъ усилить общество, а потомъ уже соображаться для дѣйствія съ обстоятельствами и будущимъ положеніемъ дѣлъ союза. Изъ сего должно произойти большое разнообразіе въ показаніяхъ о семъ предметѣ членовъ союза, смотря на то, о какихъ мнѣніяхъ они слыхали или какихъ мнѣній они держались сами.

Еще замѣтить долгомъ считаю, что многимъ членамъ изъ тѣхъ, которые въ послѣднія времена были принимаемы, объявлено было, что планы дѣйствія и будущаго предполагаемаго образованія государства есть дѣло вышнихъ инстанцій союза, въ семъ отношеніи все уже сдѣлавшихъ. Сіе было имъ сказано для того, чтобы вселить въ нихъ болѣе довѣренности къ обществу и устранить умноженіе случаевъ къ преніямъ, вводящимъ разногласіе и холодность между членами. Часто одни и тѣ же члены мнѣнія свои перемѣняли или пополняли. Да и вообще едва ли найдется кто либо изъ насъ, который съ самого начала все одно мнѣніе бы имѣлъ.

— На счетъ времени и образа приведенія въ исполненіе намѣреній тайнаго общества, много было различныхъ мнѣній и толковъ. Долгомъ считаю откровенно объяснить, какое мнѣніе было мое или коего я держался.

Во первыхъ надлежало рѣшить въ подробности, какой новый образъ правленія общество желаетъ ввести. Я всегда объяснялъ, что ежели сіе не будетъ твердымъ образомъ постановлено и соглашено, то легко родиться могутъ партіи и разныя козни. Сего, однакоже, до сихъ поръ постановлено въ обществѣ не было.

Во вторыхъ надлежало обществу усилить число своихъ членовъ до такого количества, чтобы можно было посредствомъ членовъ ввести образъ мыслей союза въ общее мнѣніе и намѣренія союза передать, какъ можно болѣе въ общее желаніе, дабы общее мнѣніе предшествовало революціи; а вмѣстѣ съ тѣмъ дабы членовъ союза такъ по всему государству распространить, чтобы чрезъ нихъ можно было не только повсюду пресѣчь всякое сопротивленіе, но даже вездѣ устроить содѣйствіе. Общество еще далеко

*

было отъ таковаго положенія своихъ дѣлъ, ибо еще было весьма слабо.

Въ третьихъ, наконецъ, приступая къ самому превращенію, надлежало произвести оное въ Петербургѣ, яко средоточіи всѣхъ правленій и властей, а наше дѣло въ арміи и въ губерніяхъ было бы признаніе, поддержаніе и содѣйствіе Петербургу. Въ Петербургѣ же произойти бы оное могло, такъ, какъ 4 сего января объяснялъ, чрезъ Сенатъ.

Вотъ ходъ революціи, такъ какъ я ее понималъ, говоря всегда, что лучше не торопиться, но дѣло сдѣлать дѣломъ, не оставаясь въ бездѣйствіи и не сѣтуя, ежели удобные случаи пройдутъ безъ употребленія: главное дѣло, чтобъ не было партій и козней, которыя бы все могли испортить, и которыя при слабости союза были бы необходимы. Сей планъ требовалъ еще много времени и потому соединялся съ онымъ предположеніемъ, что удобно будетъ начать революцію послѣ кончины покойнаго государя, коего смерти никто такъ скоро не ожидалъ. Впрочемъ время начатія долженствовало опредѣлиться преимущественно обстоятельствами и силою общества. Я съ симъ мнѣніемъ всегда былъ согласенъ и о немъ всегда говорилъ. Что же касается до другихъ предположеній, то они никогда не происходили отъ меня и я даже противу нихъ спорилъ, а ежели когда и не возставалъ сильно, то единственно, дабы споры не увеличивать, коихъ и безъ того было много, считая, что они сами собою упадутъ и отвергнутся, какъ то не разъ и бывало (показанія 7 января 1826 г.).

Въ чемъ именно заключались всѣ различныя и въ разныя времена предположенныя цѣли, или намѣренія, и мѣры къ исполненію ихъ со стороны сѣвернаго и южнаго обществъ, и когда, въ какихъ мѣстахъ полагалось начать открытыя дѣйствія?

Съ самаго начала говорено было о желаніи даровать свободу крѣпостнымъ крестьянамъ и для того пригласить большую часть дворянства къ подаванію о томъ просьбы Государю Императору. О семъ было неоднократно и впослѣдствіи повторяемо, но первоначальная мысль о семъ была кратковременна: ибо скоро получили мы убѣжденіе, что нельзя будетъ къ тому дворянство склонить. Въ послѣдствіи времени были мы еще болѣе въ томъ убѣждены, когда малороссійское дворянство совершенно отвергнуло похожее на то предложеніе своего военнаго губернатора. Выстъ съ учрежденіемъ Общества Сыновъ Отечества появились мысли конституціонныя, но весьма неопредѣлительныя, однакоже болѣе склонныя къ монархическому правленію. Сужденія и разговоры о семъ продолжались весь 1817, 1818 и 1819 годы.

Первую мысль о республиканскомъ правленіи подалъ проектъ конституціи Новикова. Наконецъ въ началѣ 1820 года было назначено здѣсь въ Петербургѣ собраніе коренной думы Союза Благоденствія. Такъ называлось собраніе всѣхъ наличныхъ въ Петербургѣ коренныхъ членовъ Союза. Сія коренная дума, по

правиламъ Зеленой Книги имѣла законодательную власть Союза. Коренными членами назывались тѣ члены, которые присутствовали при учрежденіи Союза Благоденствія и первоначально въ оный вступили. Предсѣдателемъ союза былъ тогда графъ Толстой, а блюстителемъ князь Долгоруковъ. Присутствовали въ то время въ коренной думѣ, сверхъ предсѣдателя и блюстителя, еще Тургеневъ, Лунинъ, Глинка, Иванъ Шиповъ, Сергѣй, Матвѣй и Никита Муравьевы и я, да еще нѣкоторые другіе, о коихъ не упомяну.

Князь Долгоруковъ, по открытіи засѣданія, которое происходило на квартирѣ у полковника Глинка, предложилъ думѣ просить меня изложить всѣ выгоды и всѣ невыгоды, какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы потомъ каждый членъ объявлялъ свои сужденія и свои мнѣнія. Сіе такъ и было сдѣлано. Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ было преніе заключено и объявлено, что голоса собираться будутъ такимъ образомъ, чтобы каждый членъ говорилъ, чего онъ желаетъ: монарха или президента; а подробности будутъ со временемъ опредѣлены. Каждый при семъ объявлялъ причины своего выбора, а когда дѣло дошло до Тургенева, тогда онъ сказалъ по французски: *Le président sans phrases*; то есть: *Президентъ безъ дальнихъ толковъ*. Въ заключеніе приняли всѣ единогласно республиканское правленіе. Во время преній, одинъ Глинка говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Елизавету Алексѣевну. Сіе заключеніе коренной думы было сообщено всѣмъ частнымъ думамъ, а въ томъ числѣ и Тульчинской. Съ сего времени республиканскія мысли начали брать верхъ надъ монархическими.

Такимъ образомъ, и послѣ объявленія въ началѣ 1821 года въ Москвѣ объ уничтоженіи Союза Благоденствія продолжало республиканское правленіе быть цѣлью тѣхъ частей Союза Благоденствія, которыя сказанное уничтоженіе не признали. Но такъ какъ вообще въ Союзѣ съ самаго его начала до самаго конца ни одно правило не было постояннымъ образомъ въ дѣйстви и ни одна мысль не была постояннымъ образомъ въ памяти членовъ, и весьма часто то, что сегодня было рѣшено, завтра опять поступало на сужденіе и споръ, то и нельзя никакъ удостовѣрительно сказать, какой образъ правленія Союзъ въ самомъ дѣлѣ наконецъ бы избралъ. Сіе болѣе бы всего зависѣло отъ обстоятельствъ; и вотъ причина, почему имѣлъ я намѣреніе написать главу о Верховной Власти вдвойнѣ: одну монархическую, а другую республиканскую, и почему я въ одномъ изъ прежнихъ моихъ показаній (см. выше стр. 211) говорилъ, что сей предметъ въ Союзѣ еще *не созрѣлъ* и что показанія по оному членовъ должны быть весьма разногласны, особенно, что касается объяснительныхъ статей и подробностей.

При семъ умѣстнымъ будетъ сказать, что при сужденіяхъ и разговорахъ о конституціяхъ и предполагаемомъ общемъ порядкѣ

вещей весьма часто говорено было, что ежели самъ государь подарить отечество твердыми законами и постояннымъ порядкомъ дѣлѣ, то мы будемъ его вѣрнѣйшими приверженцами и оберегателями; ибо намъ дѣло только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оное ни произошло, и въ такомъ случаѣ готовы совершенно забыть о республиканскихъ мысляхъ.

На счетъ времени и образа приведенія въ исполненіе намѣреній тайнаго общества много было различныхъ мнѣній и толковъ. Главнѣйшее мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: Во первыхъ, надлежало рѣшить въ подробности, какой новый образъ правленія общество желаетъ, ибо ежели не будетъ сіе твердымъ образомъ постановлено, то легко родиться могутъ партіи и разныя козни: сего однако же до сихъ поръ сдѣлано въ обществѣ не было. Во вторыхъ, надлежало обществу усилить число своихъ членовъ до такого количества, чтобы можно было посредствомъ членовъ ввести образъ мыслей Союза въ общее мнѣніе, и намѣренія Союза, какъ можно болѣе, передать въ общее желаніе, дабы общее мнѣніе революціи предшествовало; а вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы членовъ Союза такъ по всему государству распространить, чтобы чрезъ нихъ можно было не только повсюду пресѣчь всякое сопротивленіе, но даже вездѣ устроить содѣйствіе, когда бы революція началась. Общество еще далеко было отъ такого положенія своихъ дѣлъ, ибо еще было весьма слабо. Въ третьихъ, наконецъ, приступая къ самой революціи, надлежало произвести оную въ Петербургѣ, яко средоточіи всѣхъ властей и правленій, а наше дѣло въ арміи и губерніяхъ было бы признаніе, поддержаніе и содѣйствіе Петербургу. Въ Петербургѣ же могло бы оное произойти возстаніемъ гвардіи, а также и флота, отправленіемъ особъ императорской фамиліи въ чужіе края, исключая покойнаго государя, созваніемъ сената, дабы чрезъ него обнародовать новый порядокъ вшей, порученіемъ временному правленію оный ввести, или созваніемъ чрезъ сенатъ же народныхъ депутатовъ утвердить конституцію. Ежели же бы монархическое правленіе было выбрано, то временное правленіе составляло бы регентство, а Александръ Николаевичъ былъ бы признанъ императоромъ.

Изъ объясненія сего плана видно, что оный требовалъ еще много времени; и потому соединялось съ онымъ предположеніе, что удобно будетъ революцію начать послѣ естественной кончины государя императора Александра Павловича, но его смерти никто такъ скоро не ожидалъ. Впрочемъ время начатія долженствовало опредѣлиться преимущественно обстоятельствами и силою общества, въ каковомъ случаѣ и насильственная смерть покойнаго государя могла оказаться надобною; но сіе только въ крайнемъ случаѣ, ибо охотнѣе дождались бы собственной его смерти, равнѣ опасности общества при силѣ онаго и обстоятельства не позволили бы медлить. Вотъ образъ дѣйствія, о которомъ болѣе всего говорено было и съ которымъ всѣ члены общества какъ въ южномъ, такъ и въ сѣверномъ округѣ были согласны. Ежели о чемъ еще спо-

рили, то единственно объ образѣ введенія новаго порядка: чрезъ временное ли правленіе, чрезъ соборъ ли депутатовъ, и тому подобное; но всѣ говорили, что революція не можетъ начаться при жизни государя императора Александра Павловича и что надобно или смерть его обождать, или рѣшиться оную ускорить, коль скоро сила и обстоятельства общества того требовать будутъ. Въ семъ точно постигъ были всѣ согласны.

Но справедливость требуетъ также и то сказать, что ни одинъ членъ изъ всѣхъ теперешнихъ мнѣ извѣстныхъ не вызывался сіе исполнить; а напротивъ того каждый въ свое время говорилъ, что хотя сіе дѣйствіе, можетъ статься, и будетъ необходимо, но что онъ не приметъ исполненія онаго на себя, а каждый думалъ, что найдется другой для сего. Да и подлинно большая разница между понятіемъ о необходимости поступка и рѣшимостью оный совершить. Разсудокъ можетъ говорить, что для успѣха такого-то предпріятія, нужна смерть такая-то; но еще весьма далеко отъ сего умозаключенія до самаго покушенія на жизнь: человекъ не скоро доходитъ до такового состоянія или расположенія духа, чтобы на смертоубійство рѣшиться; во всемъ соблюдается въ природѣ постепенность.—Дабы способнымъ сдѣлаться на смертоубійство, тому должны предшествовать не мнѣнія, но *дѣянія*, изъ всѣхъ же членовъ теперешняго Союза Благоденствія ни одинъ, сколько мнѣ извѣстно, ни въ какихъ отношеніяхъ не оказывалъ злыхъ качествъ и злостныхъ поступковъ или пороковъ. Посему и твердо полагаю я, что ежли бы государь императоръ Александръ Павловичъ жилъ еще долго, то при всѣхъ успѣхахъ Союза, революція не началась бы прежде естественной его смерти, которую бы никто не ускорилъ, несмотря на то, что всѣ бы находили сіе ускореніе можетъ быть полезнымъ для успѣха общества. Сію мысль объясняю я при полной увѣренности въ совершенной ея справедливости.

Другое предположеніе было слѣдующее: начать революцію во время ожиданнаго высочайшаго смотра войскъ 3 корпуса, въ 1826 году. Первое дѣйствіе долженствовало состоять въ насильственной смерти государя императора Александра Павловича. Потомъ изданіе двухъ прокламацій: одну войску, другую народу. Затѣмъ слѣдованіе 3-го корпуса на Кіевъ и Москву съ надеждою, что къ нему присоединятся прочія, на пути его расположенныя, войска безъ предварительныхъ даже съ ними сношеній, полагаясь на общій духъ неудовольствія. Въ Москвѣ требовать отъ сената преобразованія государства. Между всѣми сими дѣйствіями 3 корпуса надлежало всѣмъ остальнымъ членамъ Союза содѣйствовать революціи. Остальной части южнаго округа занять Кіевъ и въ ономъ оставаться. Сѣверному округу поднять гвардію и флотъ, препроводить въ чужіе края всѣхъ особъ императорской фамиліи и то же сдѣлать требованіе сенату, какъ и 3 корпусъ. Потомъ ожидать отъ обстоятельствъ, что окажется нужнымъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. 3-й корпусъ не требовалъ отъ остальной части

южного округа никакого содѣйствія въ первоначальномъ дѣйствіи, но чтобы потомъ одинаковыя съ нимъ объявить чувства и намѣренія и завладѣть войскомъ.

Соображая сіе предположеніе съ силою южного округа, о коей подробно будетъ объяснено въ 19 пунктѣ, ясно видѣть можно, что сіе предположеніе никакъ не могло быть приведено въ исполненіе, ибо ни въ какомъ отношеніи не обѣщало ни малѣйшаго успѣха. Оно доказывало нѣкоторую нетерпимость, которая при сближеніи времени къ исполненію назначеннаго необходимо уступила бы разсудку.

Сіе предположеніе было еще сдѣлано въ 3 корпусѣ въ 1824 году. Я, Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконской и князь Барятинской сильно тогда спорили противу онаго во время Кіевскихъ контрактовъ 1825 года и совершенно оное тогда опровергнули. Во второй половинѣ 1825 года было оно опять возобновлено. А дабы лучше убѣдить въ невозможности оное исполнить, уже и потому, что сѣверный округъ не будетъ въ состояніи дѣйствовать такимъ образомъ, какъ сіе предположеніе отъ него ожидало, далъ я со-вѣтъ прежде всего обождать вѣрныхъ свѣдѣній о Петербургѣ. Князь Трубецкой ѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ и долженствовалъ привезти сіи свѣдѣнія; но прежде полученія таковыхъ былъ Союзъ открытъ.

Я повторяю, что сіе предположеніе слишкомъ было неосновательно, чтобы не уступить разсудку и не быть совершенно оставленнымъ при сближеніи времени къ его исполненію назначеннаго. Чѣмъ таковое время далѣе отстоятъ, тѣмъ все кажется возможнѣе, а чѣмъ оное ближе становится, тѣмъ явственнѣе усматривается невозможность. Я тѣмъ болѣе, съ своей стороны, былъ въ томъ увѣренъ, что имѣли мы уже подобный опытъ въ 1823 году, въ которомъ та же управа 3 корпуса вдругъ вздумала такимъ же образомъ дѣйствіе начать въ Бобруйскѣ, гдѣ 9 дивизія была на работѣ; и къ намъ написали, чтобы нѣсколько членовъ поспѣшно туда прибыли, не говоря для чего. Никто, однако же, не ѣздилъ и потомъ, обдумавъ положителнѣе дѣло, оставили они сами сіе намѣреніе безъ всякаго исполненія. Тоже бы случилось и въ семь разъ. Къ тому же сдѣланное выше замѣчаніе на счетъ покушенія на жизнь Государя Императора Александра Павловича отнесено быть можетъ также и къ сему предположенію.

Вообще замѣтить можно, что два главные существовали от-тѣнка во всѣхъ предположеніяхъ. По первому располагалось начальное дѣйствіе въ Петербургѣ, а отъ арміи и губерніи ожидалось содѣйствіе. По второму располагалось начальное дѣйствіе въ арміи, гдѣ нибудь, а отъ Петербурга ожидалось содѣйствіе. Что же касается до подробностей, то по онымъ сіи два главные предположенія раздѣлялись на весьма большое количество: ибо весьма часто о томъ говорили, и каждый разъ что нибудь прибавляли, убавляли, однимъ словомъ иное толковали. И хотя съ

первымъ вышеобъясненнымъ предположеніемъ и были всѣ члены согласны, но согласіе состояло въ главныхъ только чертахъ, какъ я уже объяснилъ. А точнаго, подробнаго, положительнаго, полнаго и неукоснительнаго предположенія общество до самаго конца еще не составило. Сіе уже доказывается и тѣмъ, что второе предположеніе могло возникнуть (показанія 13 января, п. 3).

Съ котораго времени южное общество предприняло намѣреніе ввести въ государствѣ республиканское правленіе и достигнуть сего посредствомъ революціи? Кто первый предложилъ мысль сію и кто наиболѣе стремился къ ея исполненію? Тогда ли, или уже впослѣдствіи общество сіе предположило истребить безъ остатка всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей царствующей фамиліи?

Изъ отвѣта на третій вопросъ (предыдущій) видно, какимъ образомъ республиканскія мысли дошли до южнаго края. Революціонныя же мысли существовали въ тайномъ обществѣ прежде еще учрежденія онаго на югѣ и въ нихъ-то состояло главное средство, обществомъ предполагаемое для достиженія своей цѣли. Сіи мысли всѣ члены безъ всякаго изъятія въ равной степени раздѣляли, ибо въ нихъ то и состояла сущность Тайнаго Общества. Что же касается до истребленія всѣхъ священныхъ особъ императорской фамиліи, то общество никогда сего не предполагало: во-первыхъ, потому, что, какъ я уже объяснялъ выше, оно до самаго конца еще не утвердило рѣшительнымъ образомъ своего плана дѣйствія. Во-вторыхъ, потому, что, по плану дѣйствія, который наиболѣе ходу имѣлъ, и который мною объясненъ первымъ предположеніемъ въ отвѣтѣ на 3 пунктъ (предыдущій), надлежало всю императорскую фамилію перевезти въ чужіе края. Въ-третьихъ, потому, что южный округъ твердо намѣренъ былъ не дѣйствовать иначе, какъ вмѣстѣ съ сѣвернымъ округомъ, слѣдовательно и долженъ былъ съ нимъ въ дѣйствіи совѣщаніемъ согласиться. Въ-четвертыхъ, наконецъ, потому что южный округъ, по причинѣ мѣста его пребыванія, даже и не могъ бы сіе исполнить, ибо отъ императорской фамиліи слишкомъ былъ удаленъ.

Въ разговорахъ о трудностяхъ предпріятія и о средствахъ сіи затрудненія уменьшить весьма легко могло быть говорено и о томъ, что ежели бы существовалъ одинъ государь и не было бы великихъ князей, то успѣхъ менѣе бы встрѣчалъ препонъ; но въ разговорахъ въ обществѣ чрезъ девять лѣтъ такъ было много, что никакъ нельзя всего того исчислить, что когда либо говорено было могло, а тѣмъ менѣе можно все то принять за намѣреніе общества, что когда либо говорено было. Вѣрно то, что смерть великихъ князей никогда не входила въ планъ общества; ибо, кромѣ естественнаго отвращенія отъ такового поступка, присоединиться должно было и то соображеніе, что таковое кровопролитіе поставитъ общее мнѣніе противъ революціи, а тѣмъ самымъ отниметъ у нея главнѣйшую подпору, и случай породитъ ко мно-

гимъ партіямъ и кознямъ. Увѣрялись еще притомъ, что гвардія вовсе не предана къ великимъ князьямъ, и что они посему не составляютъ своими особами сильнаго сопротивленія и препятствія исполненію и преуспѣванію революціи, и что коль скоро они оставляютъ Россію, то и скоро забудутъ о нихъ при большомъ числѣ новыхъ предметовъ, коими всѣ умы заняты будутъ, и при улучшеніи положенія и состоянія какъ гражданъ, такъ и войска. Внѣшней же войны не опасались, во-первыхъ, потому что 1812 г. отнялъ навѣрно у всѣхъ охоту въ Россію входить, а во-вторыхъ, потому что при открытіи революціи въ Россіи, чужестранные кабинеты слишкомъ бы опасались собственныхъ своихъ земель, гдѣ умы еще болѣе къ переворотамъ склонны, дабы о чемънибудь помышлять иномъ, какъ о предупрежденіи революціи у себя самихъ. Что же касается въ особенности до особъ женскаго пола императорской фамилии, то на сей счетъ ни малѣйшаго не было сомнѣнія. Предполагалось имъ отбыть въ чужіе края и тамъ пребывать подобно великимъ княжнамъ Маріи Павловнѣ и Аннѣ Павловнѣ (показанія 13 января, п. 24).

Знали ли вы о намѣреніи тайнаго общества покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора въ бытность Его Величества въ Москвѣ въ 1817 году, и о избранномъ къ совершенію сего злодѣйства Якушкинѣ?

Въ 1817-мъ году въ бытность мою въ Петербургѣ получилъ князь Сергѣй Трубецкой изъ Москвы письмо отъ одного изъ членовъ, въ которомъ извѣщались члены въ Петербургѣ бывшіе, что члены, въ Москвѣ находящіеся, рѣшили дѣйствіе начать и потому требуютъ нашего согласія и нашего прибытія въ Москву. Князь Трубецкой въ тотъ же день испросилъ себѣ отпускъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы туда отправиться и тамошнимъ членамъ сказать, что мы не соглашаемся на ихъ предложеніе, и ихъ удержать отъ исполненія онаго. Но между тѣмъ они сами уже сіе намѣреніе бросили. Оное возникло между ими по случаю извѣстій ими полученныхъ о тѣхъ ужасахъ, которые якобы происходили въ Новгородской губерніи при введеніи военныхъ поселеній. ¹⁾ Жребій назначилъ Якушкина. Скорое оставленіе сего намѣренія доказываетъ, что оно произведено было минутнымъ

¹⁾ На счетъ заговора въ Москвѣ въ 1817 году противъ блаженной памяти Государя Императора. вы говорите, что поводомъ къ оному были извѣстія, полученные тамъ о происшедшемъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, но князь Трубецкой, письмо коего служило предлогомъ къ упомянутому заговору, и другіе показываютъ, что Московскимъ членамъ сообщено было ложное извѣстіе объ отдѣленіи Польскихъ губерній отъ Россіи и о свободѣ крестьянъ отъ крѣпости. Поясните: что дѣйствительно было поводомъ къ сему заговору?

Объ отдѣленіи Польскихъ губерній отъ Россіи не слышалъ я никогда ни отъ кого. — Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости входило въ цѣль общества и слѣдовательно не могло, полагаю я, возбудить оное къ заговору. Мы же говорили члены бывшіе въ то время въ Москвѣ, и между прочимъ Никита Муравьевъ, что приступили къ составленію сказаннаго заговора по извѣстіямъ, полученнымъ о происшедшемъ въ Новгородскихъ поселеніяхъ. Не бывъ самъ въ Москвѣ, говорю то, что слышалъ (показанія 6 апрѣля, п. 4).

остервененіемъ о слышанныхъ якобы ужасахъ и подтверждаетъ мое замѣчаніе въ 3 пунктѣ сдѣланное, что отъ намѣренія до исполненія весьма далеко. Слово и дѣло не одно и тоже (показанія 13 января, п. 25).

Дополнительныя показанія 6 апрѣля 1826 г.

Въ 3-мъ пунктѣ отвѣтовъ (см. выше, стр. 213) вы объясняете, что южное общество насчетъ введенія въ государствѣ преобразованія имѣло два предположенія: одно въ духѣ республиканскомъ, а другое монархическомъ, но, оба не были еще рѣшительно приняты и оставались болѣе разсужденіями членовъ, нежели опредѣленною цѣлю.

Сергѣй же и Матвѣй Муравьевы, князь Волконскій и Давыдовъ, утверждаютъ: а) что въ 1822 г. на контрактахъ въ Кіевѣ вы, согласивъ ихъ на продолженіе Тайнаго Общества и бывъ избраны (съ Юшневскимъ) директорами, тутъ же изъясняли главныя черты составляемой вами Русской Правды. и б) что тамъ же въ 1823 году она была одобрена, и вы первые предложили ввести въ Россіи республиканское правленіе посредствомъ революціи, или вооруженною силою, а они на сіе согласились, и съ того времени таковой образъ правленія былъ уже господствующею и всѣмъ членамъ извѣстною цѣлю. Сіе послѣднее подтверждаютъ также Бестужевъ-Рюминъ, князь Борятинскій, подполковникъ Поджіо и Янтальцовъ и штабсъ-капитанъ Поджіо, поясняя изъ нихъ трое послѣдніе и подпоручикъ Лихаревъ, что по собственнымъ словамъ вашимъ предположеніемъ о республикѣ въ Россіи вы постоянно занимались болѣе семи лѣтъ. Полковникъ же Тизенгаузенъ говоритъ, что онъ видѣлъ васъ въ лагерѣ 1824 г., гдѣ вы съ жаромъ объяснялись съ нимъ о новомъ образованіи въ государствѣ, которое надѣялись ввести въ слѣдующемъ году (1825 г.). Поясните: такъ ли сіе происходило?

Въ 3 пунктѣ отвѣтовъ моихъ (стр. 213) объяснялся не на счетъ южнаго общества, но на счетъ всего общества вообще, какъ южнаго такъ и сѣвернаго, а потому говорилъ, что существовали два предположенія. Я же сіи два округа не раздѣлялъ на два различныя общества, тѣмъ болѣе, что оба округа согласились не дѣйствовать иначе, какъ вмѣстѣ и во всякомъ случаѣ одинъ другому содѣйствовать, и что я самъ всегда утверждалъ, что безъ сѣвернаго округа и полнаго взаимнаго согласія къ дѣйствию приступить нельзя. Южное общество продолжало существовать съ республиканскою цѣлю, которая въ 1820 году коренною думою была объявлена, а въ сѣверномъ явились опять монархическія предположенія; почему и объяснялъ я, что два предположенія въ обществѣ существовали. А такъ какъ я твердо намѣренъ былъ, съ своей стороны, не дѣйствовать безъ сѣвернаго общества, то и имѣлъ я полную причину говорить, что сіи два предположенія не были еще рѣшительно приняты, особенно имѣя въ виду, какъ часто члены перемѣняли свой образъ мыслей и свои мнѣнія, и какъ ничего не было положительнаго. О томъ же, что южное общество держалось всегда республиканской цѣли, имѣлъ я честь

комитету доносить въ 19 пунктѣ прежнихъ отвѣтовъ (см. февральскую книгу, стр. 142), говоря, что оно продолжалось съ прежнею цѣлью и въ прежнемъ значеніи.

Когда въ 1821 году тульчинская дума объявила продолженіе союза съ республиканскою цѣлью, тогда видѣлся я съ княземъ Волконскимъ *прежде* контрактовъ 1822 года, и сказавъ ему о продолженіи союза, получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ также остается членомъ; а въ скорости потомъ увѣдомилъ онъ, *прежде* контрактовъ 1822 года, что и Давыдовъ остается въ обществѣ. При семъ было сказано, что цѣль остается та же самая: республиканская. Совершенно то же самое было объявлено и Сергѣю Муравьеву, когда онъ къ южному округу присоединился въ 1822, а не въ 1823 году.

Посему и остается непостижимымъ для меня, какъ они могли все это забыть и говорить, что въ 1823 году я *первый* предложилъ республику; особенно, какъ можетъ сіе говорить Сергѣй Муравьевъ, который самъ присутствовалъ въ коренной думѣ въ Петербургѣ въ 1820 году, когда республика была принята за цѣль общества и сія цѣль продолжалась послѣ продолженія общества, а не вновь составлялось нѣчто новое, передъ тѣмъ не бывавшее. Какъ въ 1822, такъ и въ 1823 году было разсуждаемо о республиканскомъ правленіи и я при томъ объяснялъ свои мысли и свой планъ конституціи; но все сіе не было тогда новое предположеніе, но разговоры о старомъ, давно уже, въ Петербургѣ еще принятомъ и при возобновленіи общества продолженномъ. Названіе же Русской Правды далъ я моему плану конституціи въ 1824 году.

Бестужевъ могъ еще говорить, что отъ меня перваго слышалъ о республикѣ, хотя гораздо вѣроятнѣе, что первый ему говорилъ о томъ тотъ, который его въ общество принялъ, т. е. Сергѣй Муравьевъ; но что касается до Бяратинскаго, Ентальцова, Лихарева и обоихъ Поджіо, то они ничего не могутъ показывать, что происходило между нами въ контрактахъ 1823 года: ибо ни одинъ изъ нихъ съ нами тогда не былъ, а были только: я, Юшневскій, Волконскій, Давыдовъ, Муравьевъ и Бестужевъ. О политическихъ же моихъ занятіяхъ сознался я самъ передъ комитетомъ во всѣхъ прежнихъ моихъ показаніяхъ.

Что касается до свиданія моего съ полковникомъ Тизенгаузенемъ, то оное происходило слѣдующимъ образомъ. По пріѣздѣ моемъ въ Бѣлоцерковъ, на возвратномъ пути изъ Петербурга видѣлся я въ Бѣлоцерквѣ съ Сергѣемъ Муравьевымъ, Бестужевымъ, Швейковскимъ и Тизенгаузенемъ. Въ первый вечеръ не было разговора съ Тизенгаузенемъ объ обществѣ. На другой день, отъѣзжая, обѣдали мы всѣ четверо у Швейковского. Прежде, нежели къ Швейковскому поѣхали, просили меня Бестужевъ и Муравьевъ въ разговорѣ съ Тизенгаузенемъ прилагать много жару и говорить о началѣ дѣйствія въ 1825 году; ибо они мнѣ сказывали, что Тизенгаузенъ непременно ожидаетъ начала дѣйствія въ

1825 году. А имъ для управленія Васильковскими членами необходимо, чтобы и я въ семь духъ говорилъ съ Тизенгаузеномъ: ибо по его характеру сіе имъ нужно. Посему и исполнилъ я сіе, согласно ихъ желанію (показанія 6 апрѣля, п. 12).

Въ 24 пунктѣ отвѣтовъ (см. выше, стр. 217—218), вы отрицаете, что покушенія на жизнь всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей императорской фамиліи никогда предполагаемо не было, что предметъ сей заключался въ однихъ разговорахъ о трудности введенія новаго порядка вещей и что даже въ случаѣ принятія обществомъ республиканскаго правленія предполагалось императорскую фамилію перевести въ чужіе края.

Но князь Волконскій, Давыдовъ, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ положительно говорятъ, что истребленіе всей императорской фамиліи вы первые предложили на контрактахъ 1828 г. въ Кіевѣ, гдѣ Юшневскій, Давыдовъ и Волконскій согласились съ вами, Бестужевъ одобрялъ истребленіе одного государя, а Сергѣй Муравьевъ не допускалъ онаго ни противъ кого; но послѣ смотра войскъ въ томъ же году въ бытность вашу въ деревнѣ Каменкѣ, у Давыдова предложеніе сіе было возобновлено, всѣми присутствовавшими единодушно принято, и осталось господствующею цѣлю, какъ и республиканское правленіе,

Дѣйствительность сего предположенія въ особенности подтверждаютъ Бестужевъ-Рюминъ, Янтальцовъ и подполковникъ Поджіо, дополняя изъ нихъ: первый, что при самомъ вступленіи Сергѣя Муравьева и его, Бестужева, въ общество вы предложили имъ присягнуть на истребленіе всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей императорской фамиліи, но они не согласились; потомъ же, согласивъ прочихъ членовъ на введеніе республики посредствомъ революціи, вы успѣли уговорить ихъ и на истребленіе всей императорской фамиліи, убѣждая въ особенности тѣмъ, что если останутся великіе князья, то неминуемо произойдетъ междоусобная война, что не только въ войскахъ, но и въ народѣ найдется много лицъ, которыя сдѣлаютъ частные бунты или волненіе, и что это воспрепятствовало бы ввести новый порядокъ вещей, особенно въ провинціяхъ, и *второй*, что вы, уговаривая его къ содѣйствію въ намѣреніяхъ общества, отзывались съ [сильнымъ негодованіемъ противъ всѣхъ священныхъ особъ императорской фамиліи и явно показывали себя рѣшившимися покуситься на самую жизнь ихъ, утверждая, что средство сіе для революціи необходимо.

Въ 24 пунктѣ моихъ отвѣтовъ (стр. 217) говорилъ я не объ одномъ южномъ округѣ, но о цѣломъ обществѣ и объяснялъ, что истребленіе всей императорской фамиліи не входило въ планъ общества, главнѣйше потому, что южное общество не могло бы даже сіе исполнить, ибо въ отдаленности находилось отъ мѣстопробыванія царствующей фамиліи, что такъ какъ мы должныствовали дѣйствовать въ согласіи и совокупности съ сѣвернымъ обществомъ и оно дѣйствія бы производило въ Петербургѣ, то при успѣхѣ зависѣло бы отъ него принятіе мѣръ въ отношеніи къ императорской фамиліи, и наконецъ, что сѣверное общество не

рѣшилось еще единодушно въ избраніи образа правленія, ибо мнѣнія раздѣлялись между монархическимъ и республиканскимъ предположеніями. Я же считалъ дѣйствительнымъ планомъ общества только то, насчетъ чего была хоть вѣроятность, что уже перемѣнѣ болѣе не послѣдуетъ.

Что же касается до упоминаемыхъ сужденій, то признательно сознаюсь, что между сказанными членами и мною они происходили и притомъ являлся я въ сихъ разговорахъ не такъ, какъ убѣждающее всѣхъ прочихъ лицо, но какъ о томъ разсуждающее наравнѣ съ ними. Они же возлагаютъ на меня одного, яко дѣятельнѣйшаго директора то, что со мною въ равной степени раздѣляли, и весьма многіе съ гораздо большею противъ моего рѣшимостью, какъ о томъ комитетъ вѣрно изволилъ самъ уже замѣтить. Но впрочемъ не въ оправданіе сихъ сужденій сіе говорю, въ коихъ мое полное участіе совершенно сознаю. Одна изъ главныхъ причинъ, почему столь много предметовъ мнѣ одному членамъ общества приписывается, состоитъ въ томъ, что бывши предсѣдателемъ долженъ я былъ всякій предметъ на сужденіе предлагать и слѣдовательно первый его называть.

Бнтальцовъ съ жестокою несправедливостью говоритъ, будто бы я себя показывалъ рѣшившимся покуситься на самую жизнь особъ императорской фамиліи. Я никогда сей рѣшимости не показывалъ и никогда бы не былъ въ состояніи таковое дѣйствіе предпринять, и кто меня хоть нѣсколько только зналъ и справедливымъ быть захочетъ, тотъ вѣрно подтвердитъ сіи слова мои. Отъ сужденій до совершеній весьма далеко (показанія 6 апрѣля, п. 13).

Дополнительныя показанія 3 апрѣля 1926 года по вопросамъ комитета въ разъясненіе пункта 3-го отвѣтовъ 13 января (см. выше, стр. 212—217).

Когда я возвратился изъ Петербурга въ 1820 году, въ концѣ мая или началѣ іюня, тогда тульчинская Дума не имѣла еще своихъ засѣданій устроенными и не имѣла ни предсѣдателя, ни блюстителя. Бурцовъ и я, какъ коренные члены, завѣдывали прочими членами. Устроеніе засѣданія думы завелось въ концѣ 1820 года, мѣсяца за два или полтора до назначенія Московскаго сѣзда.

Во время моего возвращенія изъ Петербурга не принадлежали еще къ обществу Бассаргинъ, кн. Барятинской и оба Крюкова. Касательно Аврамова не припомню въ точности, былъ ли онъ тогда уже принятъ или нѣтъ. Всѣ сіи лица поступили въ общество въ теченіи лѣта 1820 года, до сентября мѣсяца.

Пріѣхавъ изъ Петербурга, сообщилъ я о заключеніи Коренной Думы насчетъ республиканскаго правленія Юшневскому, Вольфу, Ивашеву, Комарову и Бурцову, а потомъ узнали о семъ заключеніи также и Аврамовъ, Бассаргинъ, к. Барятинской и оба Крюковы, когда были въ общество приняты. Объявить же именно, въ какое время кому было сіе извѣстіе сообщено, я никакъ не

могу, ибо о таковыхъ подробностяхъ не въ силахъ вспомнить. Также, было ли сіе каждому изъ нихъ первоначально сообщено лично мною, или кѣмъ изъ другихъ членовъ, никакъ припомнить не могу, но очень помню, что каждый изъ нихъ зналъ о семъ до устройства засѣданій Думы, а слѣдовательно и до отъѣзда еще Бурцова и Комарова въ Москву. Никто не противорѣчилъ сему заключенію Коренной Думы, исключая одного Бурцова, который показывалъ сомнѣніе въ возможности ввести въ Россію республиканское правленіе.

Постановленіями общества послѣ его возобновленія опредѣлены были три степени: бояре, мужья и братья; друзьями назывались члены приготавливаемые, но еще не принятые: братьямъ объявляться долженствовало просто намѣреніе ввести новый конституціонный порядокъ безъ дальнѣйшихъ объясненій; мужамъ—открывать цѣль республиканскаго правленія. Притомъ могъ вновь принимаемый членъ поступать прямо въ мужи, минуя степень братьевъ, если по образу своихъ мыслей былъ склоненъ къ принятію республиканскаго правленія за цѣль. Всѣ члены тульчинской, каменской и всѣ, мнѣ извѣстные, васьковской управы знали о цѣли республиканскаго правленія. Изъ сего числа исключая подполковника Фаленберга и маіора Мартынова, о коихъ не могу я сего утверждать, ибо навѣрное не знаю.

Въ отвѣтахъ на вопросы отъ 13 января (стр. 214—216) показывалъ я, что два главные предположенія существовали; изъ коихъ одно заключалось въ томъ, что первоначальное дѣйствіе революціи долженствовало начаться въ столицѣ чрезъ сѣверное общество, коему южное всѣми силами содѣйствовало бы; а второе заключалось въ томъ, что главное и первоначальное дѣйствіе революціи долженствовало начаться въ арміи, а содѣйствіе и дѣйствіе по столицѣ производилось бы сѣвернымъ обществомъ. Я здѣсь называю главнымъ и первоначальнымъ дѣйствіемъ: открытіе революціи съ упраздненіемъ престола. Тульчинская Дума при возобновленіи союза предполагала первый образъ дѣйствія, а не второй, и такъ была увѣрена, что и въ Петербургѣ общество будетъ продолжаться, что третьимъ предсѣдателемъ выбрала Никиту Муравьева, который, проѣзжая Тульчинъ въ 1820-мъ году, познакомился тогда почти со всѣми тульчинскими членами. Его назначеніе въ предсѣдатели пришло потомъ само собою въ забвеніе.

Аврамовъ, Юшневскій, Ивашевъ, Крюковъ 1 и 2, Бассаргинъ, в. Барятинскій и Вольфъ раздѣляли всѣ со мною и цѣль, и способы достиженія ея, и единогласно всѣ безъ изъятія и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили то и другое. Они же присутствовали всѣ въ засѣданіи Думы и участвовали всѣ въ возобновленіи общества и въ совѣщаніи о цѣли и способѣ достиженія оной. Засѣданія сіи происходили у меня на квартирѣ и одно ли или два ли оныхъ было, сего по истинѣ не припомню: но ежели и было два, то въ два дни одинъ за

другимъ непосредственно послѣдующихъ, въ которые и было все рѣшено (показанія 8 апрѣля, п. 1.)

Въ 13 пунктѣ отвѣтовъ (см. выше стр., 222) вы *признательно сознаетесь*, что упоминаемая въ вопросѣ сужденія между сказанными членами и вами происходили и при томъ въ разговорахъ ихъ вы являлись не такъ, какъ убѣждающее всѣхъ прочихъ лицо, но какъ о томъ разсуждающее наравнѣ съ ними, но не объясняете положительно ни времени, ни мѣстъ, гдѣ сужденія сіи происходили, ни того, кто первый начиналъ таковыя, или дѣлалъ предложеніе, кто дѣйствительно въ тѣхъ сужденіяхъ участвовалъ и предъявляли ли вы причины, требованія предлагаемаго истребленія, о коихъ показываетъ Бестужевъ. Ибо наименованныя въ вопросѣ лица *первое совѣщаніе* о семъ предметѣ относятся къ контрактамъ 1823 года въ Кіевѣ, гдѣ присутствовали вы, Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконскій, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ, и гдѣ послѣдніе двое были противнаго мнѣнія, а *второе (совѣщаніе)* утверждаютъ бывшимъ въ Каменкѣ у Давыдова, гдѣ находились вы, Давыдовъ, князь Волконскій, С. Муравьевъ и Бестужевъ, и гдѣ, по словамъ Волконскаго, предложеніе, въ первомъ совѣщаніи вами сдѣланное, было возобновлено тѣмъ самымъ Муравьевымъ, который прежде оному противился. Слѣдственно точное опредѣленіе времени, мѣстъ и наименование предлагавшихъ и согласившихся лицъ здѣсь совершенно необходимо.

Князь Волконскій объявилъ мнѣ въ теченіи 1821 года, какъ о томъ, что онъ самъ остается членомъ общества, такъ чрезъ нѣкоторое время и о томъ, что Давыдовъ остается членомъ общества. На контрактахъ 1822 года присоединился къ намъ и Сергѣй Муравьевъ. Въ сіе время контрактовъ 1822 года начались уже упоминаемыя въ 13 пунктѣ (стр. 221) сужденія, и такъ какъ мы съ сіе время болѣе разсуждали о республикѣ, а гораздо менѣе о революціи, то и забыли о томъ, можетъ быть, сказанные члены. Не менѣе того было о томъ уже и въ 1822 году разсуждаемо; при чемъ к. Волконскій, Давыдовъ, Юшневскій и я, мы въ мнѣніяхъ нашихъ были согласны, а Сергѣй Муравьевъ яснаго образа мыслей не показывалъ, болѣе обращая разговоръ на планъ правленія и общество. Въ 1823 году присутствовалъ при сихъ же сужденіяхъ и Бестужевъ-Рюминъ. Въ сіе время сказанныя сужденія производились съ большею силою и долѣе. С. Муравьевъ объявлялъ тутъ противное мнѣніе, а Бестужевъ разсуждалъ противъ одного Государя Императора. Въ сихъ двухъ свиданіяхъ (какъ мною кажется сказано въ 13 пунктѣ отвѣтовъ), предлагалъ я, какъ предсѣдатель, предметы на сужденіе, ибо членами тутъ присутствовавшими былъ избранъ въ предсѣдатели на время сужденій объ обществѣ, о цѣли его и о способахъ дѣйствія.

Третье сужденіе между мною, Давыдовымъ, к. Волконскимъ, С. Муравьевымъ и Бестужевымъ происходило въ Каменкѣ у Давыдова въ ноябрѣ 1823 года. Въ сіе время объявилъ Сергѣй

Юрій Николаевичъ
БОГДАНОВИЧЪ (КОБОЗЕВЪ).

Муравьевъ и Бестужевъ Рюминъ, что они мнѣнія свои перемѣняли и нынѣ совершенно также судятъ, какъ и мы, прочіе, судили на контрактахъ 1823 года. О семъ начали говорить они, и кажется, что именно С. Муравьевъ, а потомъ участвовали и мы всѣ остальные въ семъ разговорѣ, продолжая держаться прежнихъ нашихъ сужденій контрактовъ 1823 года.

Предъявлялъ ли я, во время сихъ сужденій, тѣ именно причины, о коихъ упоминаетъ Бестужевъ, или нѣтъ, сіе въ точности припомнить не могу; но впрочемъ, можетъ быть, что и упоминалъ и предъявлялъ оныя. Каждый изъ членовъ, присутствовавшихъ на сихъ сужденіяхъ, предъявлялъ свои причины, коихъ я ни исчислить, ни припомнить не могу, потому что говорилось многое, и что я всегда держался заключенія въ мнѣніи и сужденіи, не сохраняя въ памяти различныхъ толковъ до оныхъ доводящихъ; но повторяю, что очень могъ сказанныя причины предъявлять, о коихъ я не упомянулъ въ особенности въ отвѣтѣ на 13 пунктъ, (стр. 221) потому что въ семъ отвѣтѣ сознавался въ томъ, что вообще сужденія, въ вопросѣ названнаго, происходили между мною и названными членами (показанія 8 апрѣля, п. 2).

Изъ данныхъ вами здѣсь отвѣтовъ (см. выше стр. 214) видно, что тайное общество предполагавшее Императорскую фамилію перевести въ чужіе края, имѣло въ семъ случаѣ надежду на здѣшній флотъ, съ чиновниками коего былъ въ сношеніяхъ Рылѣевъ; а нѣкоторые изъ членовъ показываютъ, что участіе флота должно было имѣть цѣлю воспрепятствовать отъѣзду священныхъ особъ Царствующей фамиліи изъ Россіи; и потому поясните сіи два обстоятельства сколь можно опредѣлительнѣе, также, на чемъ именно основывалась сія надежда, т. е. кто изъ чиновниковъ флота былъ готовъ содѣйствовать намѣреніямъ общества? имѣло ли оно на сіе какія удостовѣренія, въ чемъ оныя состояли, и какія мѣры предназначались къ совершенію такого предпріятія?

Членъ общества Рылѣевъ имѣлъ сношенія съ чиновниками здѣшняго флота, изъ коихъ онъ нѣкоторыхъ принималъ въ общество, но сколько и кого именно, я не знаю, ибо ни одного имени ни разу не слыхалъ. Сіи сношенія Рылѣева происходили съ флотомъ еще въ 1824 году, а послѣ того сказывалъ мнѣ Бестужевъ-Рюминъ, что сіи сношенія идутъ съ хорошами успѣхомъ. Ему же о семъ говорилъ пріѣзжавшій не за долго передъ симъ въ Кіевъ отставной полковникъ Брыгинъ (фонъ деръ Бригенъ), служившій прежде въ л.-гв. Измайловскомъ полку, членъ тайнаго общества по Сѣверному Округу.

Мѣры для препровожденія Императорской фамиліи въ чужіе края состояли бы въ томъ, что назначенный для того корабль подошелъ бы Невою ко Дворцу, принималъ бы всѣхъ особъ Императорской фамиліи и перевезъ бы ихъ въ чужіе края. Впрочемъ, въ подробностяхъ сего дѣйствія не было еще говорено.

Если бы флотъ не былъ на нашей сторонѣ, то могъ бы содѣйствовать къ тому, чтобы при отбытіи по собственной волѣ

особъ Императорской фамиліи въ чужіе край, вся казна, въ Петербургской крѣпости сохраняемая, также увезена была. О сей казнѣ слухи носились, что она чрезвычайно значительна и потому желали оную непремѣнно сохранить. Имѣя уже флотъ на своей сторонѣ, общество надѣялось, что сіе не могло бы произойти. Вотъ единственная причина, какъ я полагаю, почему нѣкоторые члены могли сказать, что флотъ долженствовалъ препятствовать отбытію особъ Императорской фамиліи въ чужіе край. Сіе обстоятельство служить доказательствомъ, какъ я справедливо говорилъ, что въ умахъ членовъ общества понятія о цѣли и дѣйствіяхъ, особенно касательно подробностей весьма еще сбивчивы и неопредѣлительны, и что каждый еще толкуетъ по своему, принимая иногда, какъ въ семъ на примѣръ случаѣ, гадательное предположеніе за намѣреніе и цѣль. (Показанія 13 января, п. 48).

VI. Сношенія Южнаго Общества съ Сѣвернымъ.

Какого рода были тѣ предложенія, кои были сдѣланы Сѣверному обществу отъ Южнаго посредствомъ насъ, князя Сергѣя Волконскаго, Василія Давыдова и полковника Швейковскаго? Когда и какіе получены были отзывы, и почему вы утверждаете, что общества сіи тотчасъ соединились между собою?

Я утверждалъ, что Сѣверное и Южное общество составляютъ одно потому, что они оба суть продолженіе Союза Благоденствія, что въ самой начальной перепискѣ съ Никитою Муравьевымъ мы себя признавали за одно общество, что оба округа имѣли твердое намѣреніе не иначе дѣйствовать, какъ вмѣстѣ, что когда я былъ въ 1824 году въ Петербургѣ, то отъ всѣхъ членовъ слышалъ, что никогда не считали иначе наши два округа, какъ отдѣленія одного и того же общества, и что всѣ сѣверные члены, прибывавшіе въ Южный Округъ, были всегда изъ Петербурга къ намъ адресованы, какъ наши члены и точно также нами были принимаемы.

Полковнику Швейковскому, ѣздившему въ Петербургъ, никакого порученія не было дано. Князь Сергѣй Волконскій и Василій Давыдовъ ѣздили по своимъ дѣламъ и при семъ случаѣ имѣли порученіе сообщить о происходящемъ у насъ и освѣдомиться о происходящемъ у нихъ. Отзывы, чрезъ нихъ полученные, состояли въ томъ, что у нихъ дѣла идутъ своимъ чередомъ, что число членовъ по возможности умножается и что особеннаго происшествія никакого не случилось. Я ѣздилъ въ Петербургъ по своимъ же дѣламъ, видѣлся съ членами и имѣлъ съ ними разговоры объ обществѣ, о членахъ и преимущественно о необходимости рѣшить окончательнымъ образомъ всѣ подробности цѣли, дабы перестать ходить въ туманѣ. Разговаривали я опять разѣхались (показанія 13 января, п. 32).

На вопросъ о сношеніяхъ, какія Южное общество имѣло съ Сѣвернымъ вы отзывались, что князь Волконскій, Давыдовъ и вы сами, ѣздивши въ Петербургъ по дѣламъ своимъ, видѣлись съ тамошними членами, поговорили—и разѣхались, но умалчиваете, какъ о томъ, въ чемъ состояли взаимныя переговоры ваши, такъ и о князѣ Барятинскомъ, имѣвшемъ отъ васъ порученіе, подобно Волконскому и Давыдову.

Между тѣмъ, изъ показаній князя Волконскаго, Давыдова, Сергѣя и Матвѣя Муравьева, князя Барятинскаго, подполковника Поджіо и Бестужева-Рюмина извѣстно:

1) Что князь Барятинскій, бывшій въ Петербургѣ въ 1823 году, имѣлъ отъ Васъ къ Никитѣ Муравьеву письмо, которымъ, извѣщая о послѣднихъ предположеніяхъ Южнаго Общества (республика и истребленіе Императорской фамилии), вы требовали отъ него рѣшительнаго увѣдомленія: какія пріобрѣтены успѣхи въ пріемѣ членовъ, на какія силы Сѣверное общество надѣется, отвѣчаетъ ли Муравьевъ за оныя и будутъ ли готовы къ началу дѣйствій по первому вашему требованію? Муравьевъ, медлившій отвѣтомъ на сіе, говорилъ младшему Поджіо: «на Югѣ Богъ знаетъ, что затѣваютъ — хотятъ всѣхъ», однакоже по настоянію Барятинскаго писалъ къ вамъ тогда же съ нимъ. 2) Что князь Волконскій и Давыдовъ также имѣли отъ васъ письма къ Никитѣ Муравьеву, и доставили къ вамъ на оныя отвѣты его. По словамъ ихъ, цѣль сношеній съ Муравьевымъ была соединеніе Сѣвернаго и Южнаго обществъ. 3) Что Волконскій, узнавъ отъ князя Оболенскаго о успѣхѣхъ Сѣвернаго общества въ приготовленіи нижнихъ чиновъ многихъ гвардейскихъ полковъ къ цѣли его, передалъ сіе Тульчинской Директоріи. 4) Что по увѣренію князя Волконскаго председатели Сѣверной управы (въ бытность Вашу въ Петербургѣ), хотя не явно для всѣхъ членовъ, но рѣшительно положили дѣйствовать единодушно съ обществомъ Южнымъ. 5) Что по словамъ его же, князя Волконскаго, и подполковника Поджіо, Сѣверная управа (во время бытности вашей въ Петербургѣ въ 1824 году) приняла преступное предположеніе Южнаго общества, въ Кіевѣ начатое, а въ Каменкѣ у Давыдова утвержденное въ 1823 году, о введеніи республиканскаго правленія силою и о истребленіи всей Императорской фамилии. 6) Что по возвращеніи вашемъ изъ Петербурга въ 1824 году вы удостовѣрительно рассказывали младшему Поджіо, Лореру и Майбородѣ: а) Что хотя въ сношеніяхъ вашихъ съ сѣверными членами и много встрѣтили сопротивленія, но, наконецъ, вы успѣли согласить ихъ на всѣ свои предположенія, ударивъ по столу рукою и сказавъ имъ рѣшительно: *„такъ будетъ же республика“* и б) Что хотя также много спорили въ Петербургѣ противъ написанной вами Русской Правды, а нѣкоторые не соглашались на покушеніе противъ жизни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, но силою доводовъ своихъ вы убѣдили сѣверныхъ членовъ принять вашу Конституцію и согласиться на все безъ изыятія, и что Никита Муравьевъ долженъ былъ сжечь Конституцію, имъ написанную.

Здѣсь объясните съ полнымъ чистосердечіемъ:

а) Въ чемъ именно заключались письма ваши къ Никитѣ Муравьеву, посыланная съ Волконскимъ, Давыдовымъ и Барятинскимъ, и какого

*

содержанія были привезенные ими отвѣты Муравьева, а Волконскимъ отъ кн. Оболенскаго? б) Когда, гдѣ и кто именно изъ членовъ Сѣвернаго общества приняли предположенія Южнаго Общества, о введеніи въ государствѣ республики и о истребленіи всей Императорской Фамиліи и были ли со стороны ихъ извѣщены о томъ всѣ прочіе? в) Подобно сему, кто именно изъ предсѣдателей Сѣверной Управы рѣшительно условился съ вами дѣйствовать единодушно, какія между вами предназначены мѣры къ началу дѣйствій и гдѣ должны были онѣя открыться. г) Кто изъ сѣверныхъ членовъ оспаривалъ введеніе русской правды, и кто не соглашался на покушеніе противъ жизни Императрицы Елизаветы Алексѣевны? д) Гдѣ именно происходило то совѣщаніе, въ которомъ вы, ударивъ по столу, сказали рѣшительно „*такъ будетъ же республика*“ и кто изъ сѣверныхъ членовъ тутъ присутствовалъ? е) Кромѣ письма, посланнаго съ Давыдовымъ къ Муравьеву, какія именно еще поручены были ему отъ Васъ бумаги?

Первое мое письмо къ Никитѣ Муравьеву, посланное съ княземъ Волконскимъ, ничего не заключало особеннаго. Я его просилъ быть откровеннымъ съ княземъ Волконскимъ и сообщить намъ о своихъ дѣйствіяхъ. Съ отвѣтомъ отъ Муравьева привезъ князь Волконскій начатую Муравьевымъ конституцію, о которой говорилъ онъ мнѣ въ письмѣ своемъ, что пишетъ ее въ монархическомъ смыслѣ, ради вновь вступающихъ членовъ: *comme un rideau derrière lequel nous formerons nos colonnes*, прибавляя, что онъ самъ лично остается тѣмъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, каковымъ былъ и прежде. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1823 писалъ я съ Давыдовымъ къ Никитѣ Муравьеву предлинное письмо, въ которомъ оспаривалъ разные пункты его конституціи и предлагалъ главные черты своей. Наконецъ, когда князь Барятинскій ѣхалъ въ Петербургъ въ 1823 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, находился я въ Липовцѣ съ ротою для встрѣчи г. Главнокомандующаго, передъ которымъ ѣхалъ Барятинскій. А по сему и успѣлъ я въ скорости только нѣсколько словъ къ Муравьеву написать. Я его просилъ откровенно говорить съ Барятинскимъ и упрекалъ въ недѣятельности, говоря, что лучше совѣмъ разойтись, нежели бездѣйствовать и все таки опасностямъ подвергаться. Съ Барятинскимъ онъ на лоскутѣхъ мнѣ отвѣчалъ, что дѣлаетъ все, что только можно. Къ князю Оболенскому я ни разу не писалъ, но отъ него въ 1824 году получилъ отъ князя Волконскаго письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что дѣла идутъ хорошо, что дѣйствуютъ на нижнихъ чиновъ особенно унтеръ-офицеровъ и просилъ ускорить присылкою Русской Правды.

Въ бытность мою въ Петербургѣ видѣлся я преимущественно съ тремя директорами. Никита Муравьевъ мнѣ тутъ говорилъ, какъ и прежде писалъ, доставляя начало своей конституціи, что монархическія формы имъ ей даны, ради вновь вступающихъ членовъ; причемъ отзывался съ сильнымъ негодованіемъ о лицахъ Императорской фамиліи, но вмѣстѣ съ тѣмъ оспаривалъ разные статьи моего конституціоннаго предположенія. Оболен-

скаго, имѣвшаго прежде еще сношенія съ Матвѣемъ Муравьевымъ, нашель я болѣе всѣхъ на республику согласнымъ. Трубецкой рѣшительнаго образа мыслей не показывалъ: то былъ согласенъ на республику, то опять оспаривалъ ее. Нарышкина видѣлъ я только одинъ разъ у кн. Оболенскаго и онъ такъ мало говорилъ, что настоящій его образъ мыслей остался мнѣ неизвѣстнымъ. Съ Рылѣвымъ видѣлся я только одинъ разъ и говорили про одно только раздѣленіе земель. Съ Тургеневымъ имѣлъ я также только одно свиданіе и предметъ разговора былъ раздѣленіе земель, противъ котораго онъ спорилъ, но впрочемъ былъ въ республиканскомъ образѣ мыслей. Съ Краснокутскимъ видѣлся я раза два, и мы все время разсуждали о республикѣ и объ объявленіи новаго порядка вещей чрезъ сенатъ. Вацковскій, Поливановъ, Свистановъ, Анненковъ (всѣ четверо кавалергардскіе офицеры) и артиллерійскій Кривцовъ были со мною ознакомилены чрезъ Матвѣя Муравьева и находились въ полномъ революціонномъ и республиканскомъ духѣ.

За всѣми сими разногласіями и по опыту частой перемѣнчивости членовъ долженъ былъ я заключить, что ни цѣль, ни средства въ ихъ мнѣніяхъ не имѣютъ единства, а слѣдовательно, что сіи два предмета, какъ я прежде говорилъ, не дошли еще до созрѣлости. Условіе о единственномъ дѣйствіи было заключено со всѣми тремя директорами, причемъ замѣчались нѣкоторые отгѣнки: единодушнѣе всѣхъ съ к. Оболенскимъ, а менѣе всѣхъ съ Никитою Муравьевымъ. Съ Трубецкимъ говорили между прочимъ, что ежели не республика будетъ принята, то избрать Александра Николаевича въ императоры при регентствѣ. Со всѣми же тремя положено было, что ежели они найдутся въ необходимости дѣйствіе начать, то мы ихъ должны поддерживать и обратно они насъ. Если же необходимости не встрѣтится, то передъ приступомъ къ дѣйствію долженствовало предшествовать взаимное соглашеніе, по которому и рѣшится тогда, *гдѣ, какъ и что* дѣлать. При семъ было говорено и объ объявленіи чрезъ сенатъ новаго порядка вещей. О сообщеніи ими сего заключенія прочимъ членамъ остался я въ безвѣстности, но сказывали они, что оное будетъ сдѣлано.

Прежде еще пріѣзда моего былъ Никита Муравьевъ принужденъ сжечь свою конституцію и онъ же спорилъ наиболѣе противъ моей, особенно противъ избирательной системы и раздѣленія земель. Трубецкой спорилъ преимущественно противъ Временнаго Правленія. Русская Правда не была тогда еще начата, и я тутъ вознамѣрился ее написать; къ чему особенно меня приглашалъ кн. Оболенскій и Матвѣй Муравьевъ. Тогда же и началъ я краткія ея начертанія.

Что же касается до того, кто не соглашался на покушеніе противъ жизни Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, то сколько себя не припоминаю, и сколько бы ни желалъ припомнить, но никакъ не могу придумать, не только кто этотъ

былъ, но даже и чтобы о томъ была рѣчь. И потому не смѣшивается ли членъ, сіе показывающій, это обстоятельство съ тѣмъ случаемъ, что Глинка въ 1820 году предлагалъ Государыню Императрицу Елисавету Алексѣевну, а не республику.

У Оболенскаго на квартирѣ съѣхались къ нему Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Нарышкинъ и я. Главнымъ предметомъ разговора было Временное Правленіе, противъ котораго говорили наиболѣе Трубецкой, а также и Никита Муравьевъ. Они много горячились, а я все время былъ хладнокровенъ до самаго конца, какъ ударилъ рукою по столу и всталъ, но не произнося сказанныхъ словъ, ибо въ то именно время происходило разногласіе о Временномъ Правленіи. Говорили и о прочихъ предметахъ, но ничего не положили на мѣру; и потому доносилъ я комитету, что разговаривали и разѣхались.

Содержаніе письма моего, къ Никитѣ Муравьеву чрезъ Давыдова посланнаго, имѣлъ я честь комитету въ началѣ сего пункта объяснять. Другая же бумага, которую имѣлъ Давыдовъ, была краткое начертаніе Русской Правды, написанное на французскомъ языкѣ рукою Сергѣя Муравьева. Онъ ее взялъ, дабы показать графу Полиньяку съ тѣмъ, чтобы сей, имѣвъ о ней свѣдѣніе, могъ извѣстить насъ, находится ли сходство у нея съ французскими предначертаніями, и даже о ней говорить во Франціи, если сойдется съ французскимъ тайнымъ обществомъ (показанія 6 апрѣля, п. 18).

Комитету извѣстно, что подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостоль по порученію же Южнаго Общества весьма продолжительно жилъ въ Петербургѣ (1823 и 1824) и находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ какъ съ членами Сѣвернаго общества, такъ и съ пріѣзжавшими туда южными. Поясните: какія имѣлъ онъ порученія отъ Южной Директоріи, съ кѣмъ изъ Сѣверныхъ членовъ, какія производилъ переговоры и какія приобрѣлъ онъ тамъ успѣхи въ дѣлѣ, на него возложенномъ?

Порученіе, Матвѣю Муравьеву данное, состояло въ содержаніи связи между Южнымъ и Сѣвернымъ округами, въ совмѣстномъ дѣйствіи и въ пріобрѣтеніи членовъ. Наболѣе имѣлъ онъ сношеній съ тремя директорами и съ членами, въ предыдущемъ пунктѣ мною названными, а подъ конецъ особенно съ Оболенскимъ. Успѣховъ пріобрѣлъ онъ очень мало. Все сіе относится до времени прежде моего пріѣзда въ Петербургъ и во время пребыванія. Но что онъ дѣлалъ послѣ отъѣзда моего, о томъ онъ ничего мнѣ не сообщалъ ни самъ, ни чрезъ другихъ. А писалъ нѣсколько разъ ко мнѣ съ одними увѣреніями въ своей преданности къ обществу и его цѣли (тоже п. 19).

Князь Трубецкой показываетъ, что въ послѣднюю бытность въ Петербургѣ вы уговаривали его войти третьимъ членомъ въ главное управленіе съ тѣмъ, что такъ какъ Юшневскій мало занимается дѣлами, то онъ Трубецкой и вы будете дѣйствующими, но въ этомъ случаѣ

Трубецкой долженъ былъ дать клятву дѣлать все, что товарищъ захочетъ, и повиноваться одинъ другому не связывая. Рылѣевъ же и младшій Поджіо поясняютъ, что сѣверные члены, отвергая Русскую Правду, опасались честолюбивыхъ вашихъ видовъ, или стремленія къ диктаторству, ибо вы требовали отъ нихъ слѣпого повиновенія одному Директору. Объясните: что побуждало васъ къ приведенному выше соглашенію князя Трубецкаго? и дѣйствительно ли вы требовали отъ сѣверныхъ членовъ того слѣпого повиновенія, о которомъ говорятъ Рылѣевъ и Поджіо?

Я говорилъ князю Трубецкому, что Южная Директорія состоитъ изъ двухъ членовъ, которые не клятву дали, но взаимно другъ друга разрѣшили (поелику въ разныхъ мѣстахъ находятся) дѣйствовать въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, именемъ директоріи безъ предварительнаго между собою сношенія, въ полной увѣренности, что другой членъ подтвердитъ его дѣйствіе и что при составленіи одной общей директоріи таковыя же отношенія и взаимныя разрѣшенія (а не клятвы) могли бы съ пользою установиться и между южнымъ и сѣвернымъ отдѣленіями директоріи. Одна общая директорія придавала бы болѣе связности и единодушія обществу, а упоминаемое взаимное разрѣшеніе необходимо бы было для хода общества, ибо за отдаленностью не было бы возможности ожидать случая для сношенія.

Я никогда не требовалъ отъ сѣверныхъ членовъ *слѣпого* повиновенія *одному* директору, а предлагалъ имъ составить одну общую директорію. Они отозвались, что южные директора назначены непремѣнные, а сѣверные на три года, и потому по окончаніи сихъ трехъ лѣтъ можно будетъ приступить къ составленію одной общей директоріи. Южный округъ имѣлъ уже двухъ непремѣнныхъ директоровъ, слѣдовательно по одной сей уже причинѣ не могъ я предлагать для всего общества только одного. Слѣпое повиновенія я также никогда не требовалъ, но говорилъ, что надобно единство въ дѣйствіи и порядокъ въ устройствѣ общества. Ихъ же директора жаловались, что нѣтъ достаточнаго порядка за неимѣніемъ должнаго вліянія у директоріи надъ членами. Честолюбія моего напрасно они опасались, если справедливо, что имѣли сіе опасеніе, по словамъ Рылѣева и Поджіо, ибо отклоненіе себя отъ главныхъ должностей и намѣреніе по окончаніи революціи удалиться отъ свѣта не суть черты честолюбца. О семъ же самъ Поджіо показываетъ (тоже п. 17).

Н. П. Сильванскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Всеподданныйшее донесение о казни декабристовъ.

(13 іюля 1826 года).

Генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, наблюдавшій 13 іюля 1826 года за исполненіемъ казни надъ декабристами, въ тотъ же день подалъ императору Николаю Павловичу слѣдующее донесеніе:

«Экзекуція кончилась съ должною тишиною и порядкомъ, какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ со стороны зрителей, которыхъ было не много. По неопытности нашихъ палачей и неумѣнью устраивать висѣлицы, при первомъ разѣ трое: а именно Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ сорвались, но вскорѣ опять были повѣшены и получили заслуженную смерть. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданныйше доношу».

Изъ бумагъ, взятыхъ при арестѣ Н. Г. Чернышевскаго.

2-го марта 1862 г., въ присутствіи многочисленной публики, на литературномъ вечерѣ, устроенномъ Литературнымъ Фондомъ, извѣстный профессоръ П. В. Павловъ, одинъ изъ основателей русскихъ воскресныхъ школъ, произнесъ рѣчь по поводу исполнившагося тысячелѣтія Россіи, а 5 марта его уже выслали за это въ Ветлугу. — Тогда рѣшено было прекратить чтеніе систематическихъ лекцій въ залахъ Думы и этимъ выразить сильный протестъ по адресу правительства. — Нѣкоторые профессора, и въ томъ числѣ извѣстный Н. И. Костомаровъ, не согласились на это. Молодежь собралась 8-го марта на его лекцію и на заявленіе Н. И. о своемъ рѣшеніи продолжать курсъ отвѣтила скандаломъ. Большинство его коллегъ рѣшило тоже читать. Такъ или иначе, а надо было уладить возможность уже нѣсколькихъ и большихъ скандаловъ. За это взялся Чернышевскій.

Нѣсколько бумагъ, захваченныхъ при его арестѣ, позволяютъ ознакомиться, какъ съ его ролью въ этой „думской исторіи“, такъ и съ деталями послѣдствій самой „исторіи“.

Прежде всего письмо профессора И. Е. Андреевскаго къ Чернышевскому отъ 17 марта (1862 г.). Андреевскій отказался отъ предложенія Н. Г. „быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами“, потому что самъ принадлежалъ къ ихъ числу, и находилъ недостаточно удобнымъ „формальный юридическій способъ“, предлагаемый Чернышевскимъ для разъясненія разногласій о причинѣ прекращенія лекцій.

На другой день Чернышевскій отвѣтилъ Андреевскому:

„М. Г. Иван Ефимович, Из Вашего отвѣта на мое письмо от 17 марта я должен вывести слѣдующее заключеніе:

„Разъясненіе формальной стороны дѣла о прекращеніи лекцій было бы невыгодно для профессоров, читавших лекціи;

„еслибы Вы не находили этого, Вы, вѣроятно, не затруднились бы сообщать им желаніе, выраженное въ моем письмѣ.

„Этот вывод так натурален, что я буду считать его вѣрным, пока не будетъ доказано противное, и присваиваю себѣ формальное право публично выражать это мнѣніе.

„Съ истинным уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій.*

18 марта
1862.

Андреевскій отвѣчалъ 19-го, что выводъ этотъ совершенно несправедливъ, что способъ не невыгоденъ для профессоровъ, а „не можетъ выяснитъ существа дѣла“, и заявлялъ, что Чернышевскій не имѣетъ права основывать свое мнѣніе на его письмѣ.

Н. Г. стремился поставить выясненіе дѣла на ясную почву и приготовилъ для Андреевскаго три вопроса, отвѣты на которые разрѣшали бы многое: Вотъ они: „1) Было ли во вторникъ, 6 марта, на квартирѣ профессора В. Д. Спасовича собраніе профессоровъ, читавшихъ публичныя лекціи? 2) Было ли на этомъ собраніи принято профессорами рѣшеніе прекратить чтеніе публичныхъ лекцій? 3) Были ли даваемы профессорами формальныя записки, сообщавшія распоряжавшимся лекціями студентамъ это намѣреніе дававшихъ записки профессоровъ прекратить чтеніе лекцій?“

Наконецъ, четвертый документъ, заинтересовавшій потомъ слѣдственную комиссію—очень любопытное письмо Николая Ивановича Костомарова къ Чернышевскому.

Вотъ оно:

„Посѣщеніе Ваше навело на меня грусть... мнѣ стало больно; мнѣ глубоко запали въ душу Ваши слова... да, мы были когда то друзьями¹⁾. Три года я боролся самъ съ собой и, наконецъ, рѣшился и написалъ уже формулу, и готовился съ нею ѣхать къ Вамъ... Вдругъ курьеръ отъ Делянова съ извѣщеніемъ, что лекціи мои прекращены по распоряженію мин. н. просвѣщенія.

„Прощайте, Николай Гавриловичъ. Во многомъ, что Вы говорили мнѣ сегодня, я слышалъ голосъ любви и правды... хотя, всетаки, не знаю, въ чемъ бы Вы могли упрекнуть мое поведеніе въ прошедшей печальной исторіи съ публичными лекціями: я дѣйствовалъ логически и справедливо; мнѣ такъ кажется; я такъ увѣренъ... а между тѣмъ Ваши слова такъ встревожили меня... неужели я ошибался? Я не вижу этого. А между тѣмъ Ваши слова звучали любовью и правдою...

„Прощайте, Николай Гавриловичъ, мы, дѣйствительно, были когда то друзьями... что развело насъ? Не знаю. Но знаю, что болѣе никогда не будемъ! Наши дороги разныя. Вы меня разъ, другой обругаете въ вашемъ Свисткѣ²⁾, какъ уже было, со всѣми возможнѣйшими извращеніями дѣла, сообразно іезуитской мудрости, освящающей всякое средство для цѣли, а я въ своихъ нервныхъ увлеченіяхъ сдѣлаю еще два-три шага, которые удалятъ меня еще болѣе отъ Васъ, и такъ будетъ между нами пропасть поглубже, чѣмъ та, которая раздѣляла богача отъ убогаго Лазаря.

„О лекціяхъ я ни мало не сожалѣю. И однако, мнѣ ужасно грустно, такъ грустно, что хоть въ воду...

„Скучно на этомъ свѣтѣ. Вы пріѣзжали обвинять меня въ самолюбіи, въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ: послѣднее совершенно ложно, первое мнѣ кажется ложнымъ... Да неужели же правѣе меня тѣ, которые теперь спасены прекращеніемъ (министерскимъ предписаніемъ) моихъ лекцій отъ послѣдствій, какія постигъ ихъ могли за свистки,

¹⁾ Въ Саратовѣ, до пріѣзда Чернышевскаго въ Пестербургъ.

²⁾ Издавался при «Современникѣ».

ругательства и бросаніе яблоками, какъ они обѣщали? Неужели Вы можете ожидать чего-нибудь въ будущемъ отъ такихъ *общественныхъ дѣятелей*? Неужели, наконецъ, мы должны преклоняться передъ всякою пошлостью, потому только, что она одѣвается въ либеральную одежду? Воля Ваша, Николай Гавриловичъ; мнѣ кажется, ужъ если кому, такъ именно Вамъ слѣдовало бы такихъ героевъ бить по носу, а Вы ихъ по головкѣ гладите. Неужели вы раздѣляете такое мнѣніе, что закрытіе лекцій есть полезное дѣло, а не ребяческій фарсъ, капризъ дитяти, которое, разсердившись на няньку, разобьетъ объ полъ чашку, стаканъ, что ему попадется подъ руки? Неужели не было бы лучше, еслибы лекціи продолжались и публика пріучалась къ серьезному, живому, свободному слову. Утвердились бы онѣ въ Петербургѣ, принялись бы въ провинціяхъ, вошли бы въ обычай, послѣ вошло бы въ обычай говорить публично и слушать. Мнѣ кажется, это было бы одно изъ великолѣпнѣйшихъ орудій обновленія нашего общества, котораго мы равно желаемъ. Смотри съ такой точки зрѣнія, я старался во что бы то ни стало удержать отъ паденія учрежденіе, такъ недавно воздвигнутое... Оно пало; поднять его; я возобновлялъ свои лекціи, за мною уже готовились дѣлать три человѣка; можетъ быть снова все связалось бы все пошло бы по прежнему...

„Итакъ, вотъ что, а не мелкое самолюбіе руководило мною, какъ Вы хотѣли обличать меня. Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но я высказываю Вамъ свое убѣжденіе; можетъ быть ошибаюсь, но по крайней мѣрѣ говорю, что думаю. Прощайте, но знайте, что поруганія и клеветы право не хуже ссылки въ Саратовъ или въ Ветлугу, чѣмъ можетъ надѣлать Третье Отдѣленіе“.

Объ этомъ письмѣ, воспроизводимомъ нами съ подлинника, рассказываетъ кое-что въ своей книжкѣ Л. Ф. Пантелѣевъ (стр. 217 — 218 „Изъ воспоминаній прошлаго“). Въ біографіи Костомарова оно, несомнѣнно, должно имѣть очень большое значеніе, поскольку можетъ служить яркой иллюстраціей разницы въ настроеніи молодежи и Костомарова. Писано оно очень нервнымъ почеркомъ, не датировано, безъ обращенія и подписи... Прочитавшіе въ книгѣ г. Пантелѣева главу „Думская исторія“ и соответствующее мѣсто изъ „Автобіографіи Костомарова“ поймутъ, какъ цѣнно это письмо.

Мих. Лемне.

Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—84 гг. ¹⁾

Конецъ 80-го года былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для петербургскихъ рабочихъ. Наступила безработица, въ особенности на механическихъ заводахъ. Каждую недѣлю сотнями увольняли народъ, выбрасывали на улицу. Съ утра до вечера громадные толпы народа стояли у воротъ заводовъ, гдѣ еще не рассчитывали. Но такихъ заводовъ было мало. Едва показывался въ воротахъ мастеръ, механикъ или управляющій, какъ его осаждали со всѣхъ сторонъ: нѣтъ ли мѣста для токаря, не нуженъ ли слесарь, столяръ, кузнецъ, литейщикъ? На всѣ вопросы раздавался одинъ отвѣтъ: своихъ увольнять будемъ. На слѣдующій день появляется новая толпа, тѣ же вопросы и тотъ же отвѣтъ. А петербургская зима надвигается, грязь, слякоть, дожди уступаютъ мѣсто морозу. Рѣзкій, пронзительный вѣтеръ свиститъ во всѣхъ закоулкахъ, пробираетъ до костей обносившійся полутолдный людъ. Теплая, лучшая одежда или въ закладъ, или продана. У рабочаго человѣка денежныхъ сбереженій не было и тогда, хотя въ тѣ времена заработная плата была выше нынѣшней. Трудно жилось безработнымъ, плохо чувствовали себя и тѣ, которые сидѣли на мѣстахъ. Одни трепетали, что завтра, или черезъ недѣлю ихъ постигнетъ та же участь—очутиться на улицѣ, другіе сознавали ни на чемъ не основанное свое привилегированное положеніе и какъ бы стыдились его, при видѣ выброшенной на улицу толпы, но утѣшали себя надеждой, что вотъ-вотъ прекратится безработица. Не вѣчно же будетъ она длиться! Но проходили недѣли, мѣсяцы, заводы пустѣли. Надо что либо предпринимать! «Не собраться ли всѣмъ, да не двинуться ли къ Зимнему дворцу съ требованіемъ работы?»—предлагали одни. «Не работы требовать, а всего»... возражали другіе. Эта мысль нравилась многимъ и стала проникать въ среду безработныхъ, между которыми постоянно сновали уличные шпионы, прислушиваясь къ разговорамъ. Трудно сказать, чѣмъ кончились бы эти разговоры, но въ противовѣсъ имъ всплыло новое средство на

¹⁾ Брошюра подъ такимъ названіемъ уже была издана (безъ имени автора) за границей въ 1905 году. Мы перепечатаваемъ ее въ очень дополненномъ фактическими данными и переработанномъ авторомъ видѣ. Ред.

одномъ изъ заводовъ—на Балтійскомъ. Сами рабочіе обратились къ управляющему съ предложеніемъ принять уволенныхъ рабочихъ съ тѣмъ, чтобы сократить для всѣхъ рабочихъ день до 3 четвертей рабочаго дня. Сначала къ этому предложенію отнеслись равнодушно, но черезъ нѣсколько дней рассчитанные были снова приняты. Затѣмъ и на другихъ заводахъ рабочіе были приняты: казалось, что безработица идетъ къ концу.

Нѣкоторые революціонные кружки рабочихъ сожалѣли о пропущенномъ моментѣ, но уже было поздно.

Такіе кружки существовали почти на всѣхъ крупныхъ заводахъ въ Петербургѣ, вели пропаганду, заводили связи на фабрикахъ, которые въ то время мало были затронуты революціоннымъ духомъ. Этотъ пробѣлъ замѣчался всѣми. Интеллигентные люди, занимавшіеся съ рабочими, указывали на это обстоятельство и настаивали на необходимости привлечь фабричныхъ рабочихъ. Не знаю какъ теперь, а въ то время въ отношеніяхъ заводскихъ рабочихъ къ фабричнымъ замѣчалось какое то высокомеріе. Заводскіе рабочіе: слесаря, токаря, модельщики и др. свысока смотрѣли на синіа поддевки ткачей, прядильщиковъ, отбѣльщиковъ, называя ихъ сѣрыми мужиками, хотъ большинство заводскихъ рабочихъ были тоже крестьяне. Но болѣе высокая заработная плата, короткій рабочій день,—словомъ нѣкоторыя матеріальныя преимущества отрывали ихъ отъ той среды, изъ которой они вышли, и ставили къ фабричнымъ въ ложное отношеніе. Его не было только у рабочихъ сознательныхъ, у людей уже понявшихъ, что ихъ нѣсколько привилегированное положеніе—дѣло случайное, что они такіе же наемные труженики, какъ и тѣ. Но въ массѣ такое сознаніе приходилось развивать съ большими усиліями. Особенную энергію въ этомъ отношеніи проявили революціонныя группы Семянникова, Чугуннаго и Обуховскаго заводовъ: онѣ организовали нѣсколько кружковъ среди рабочихъ на фабрикѣ Паля, на химическомъ заводѣ, а черезъ нихъ уже заводили связи съ другими фабриками, какъ напримѣръ съ Калиновской, на фабрикѣ резиновой мануфактуры, за Невскою заставой. Пропаганда шла довольно успѣшно, но чувствовался недостатокъ въ революціонной литературѣ. Пользовались только той, которая сохранилась на рукахъ отъ стараго времени, да легальными отчетами о процессахъ по политическимъ дѣламъ. Прокламація о казни Квятковскаго и Прѣснякова достигла къ рабочимъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и часто одинъ и тотъ же экземпляръ передавался съ заводовъ Васильевскаго острова за Невскую заставу. Исполнительный Комитетъ какъ будто затихъ. Но всѣ чувствовали, что готовится какая то гроза. На этотъ счетъ строили всевозможныя догадки, ждали чего то необыкновеннаго. Въ центрѣ Россіи, на югѣ тоже какъ будто наступила тишина. Ростовъ на Дону присмирѣлъ послѣ 79 г., послѣ страшнаго погрома. Кіевъ, Харьковъ, Одесса ни въ чемъ себя не проявляли. Тамъ шла такая же подготовительная работа, какъ въ

Петербургѣ. Наступилъ 81 г., появилась переизданная брошюра «Хитрая механика». Нѣкоторые помощники Народной Воли—интеллигенты—чаще стали посѣщать рабочіе кружки, но все какъ будто что то не договаривали, что то ожидалось и первыми, и послѣдними. Наконецъ грянуло 1-ое марта. Весь Петербургъ объятъ паникой. Полиція растерялась, мирный обыватель напуганъ, по улицамъ молчаливое движеніе. Петербуржцы уже не бѣгутъ такъ стремительно по улицѣ, а какъ то несмѣло, осторожно идутъ, ожидая чего то новаго, болѣе грознаго. Рабочія революціонныя группы тоже волнуются, ждутъ призыва къ открытой массовой борьбѣ, призыва къ возстанію. Проходитъ день, другой. Полиція оживаетъ. Удобный моментъ упущенъ. Начались аресты, а призыва все нѣтъ. Появляется прокламація «Къ Александру III-му». Только послѣ нея стало яснымъ, что Исполнительный Комитетъ вовсе не имѣлъ въ виду народнаго возстанія. Многіе рабочіе считали это промахомъ. Надо было бы во что бы то ни стало поднять рабочихъ хотя въ одномъ Питерѣ,—говорили они,—пусть бы кончилось неудачей, но для будущаго оно послужило бы опытомъ, положило бы ясную границу между народомъ и правительствомъ. Да еще неизвѣстно, чѣмъ бы все кончилось. Другіе же, наоборотъ, одобряли дѣйствія Исп. Ком. послѣ 1-го марта, указывая на неподготовленность массъ, на недостаточность силъ и слишкомъ большія жертвы, которыхъ потребовало бы возстаніе. Съ этими доводами нельзя было не согласиться. Дѣйствительно, тогдашніе заводы не представляли такихъ грандіозныхъ казармъ, какими мы видимъ ихъ теперь. Но противъ боязни жертвъ возражали. Вѣдь рано или поздно онѣ потребуются. Да развѣ не несутъ ихъ каждый годъ, каждый мѣсяцъ? Развѣ не арестуютъ, не ссылаютъ, не казнятъ людей? Но какъ бы то ни было, время прошло, надо думать о томъ, что дѣлать дальше. Начались аресты и на нѣкоторыхъ заводахъ. Поводомъ прежде всего послужилъ арестъ Тимофея Михайлова. Тимоха, какъ звали рабочіе послѣдняго, работалъ на многихъ заводахъ и, какъ водится, жилъ среди нихъ. Департаментъ полиціи пустилъ въ ходъ всѣ свои темныя силы. Десятки рабочихъ были привлечены къ допросу только за то, что работали на одномъ заводѣ съ Тимофеемъ, а нѣкоторыхъ даже арестовали и продержали въ домѣ предварит. заключ. мѣсяцевъ 8. Все это дѣлалось съ цѣлью запугать, нагнать страхъ на знавшихъ Михайлова. Арестованныхъ по его дѣлу содержали строго, постоянно повторяли имъ на допросахъ, что Михайлова ожидаетъ казнь «позорная», какъ самаго ужаснаго преступника, но всѣ эти застрашиванія ни къ чему не привели: Т. Михайловъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ среди рабочихъ, особенно среди котельщиковъ, настолько конечно своими знаніями, сколько своею честностью, преданностью рабочему дѣлу и чувствомъ товарищества. Много разъ онъ являлся защитникомъ обиженныхъ рабочихъ, заступаясь за нихъ, борясь съ грубой и несправедливой заводскою администраціей. Послѣдняя прекрасно знала смѣлаго и рѣ-

шительнаго Михайлова. Теперь она охотно пошла навстрѣчу жан-дармскому сыску. Появились и добровольные шпіоны-мастера. Въ старомъ арсеналѣ одинъ изъ такихъ добровольцевъ, подсмотрѣвъ, какъ рабочій читаетъ другимъ прокламацію въ мастерской, донесъ куда слѣдуетъ. Рабочаго арестовали, но другой отомстил доносчику, избивъ его на другой же день до такой степени, что мастеръ слегъ въ постель. Полиція не дремала. Послѣдовали новые аресты. Лучшихъ рабочихъ выхватили, двоимъ же другимъ пришлось скрыться. Шпіоны рыскали по заводамъ и кое-гдѣ напали на новыя слѣды: въ Коломенскомъ районѣ была арестована небольшая сходка: здѣсь взяли рабочихъ съ завода Берда, Путиловскаго, и Балтійскаго. За исключеніемъ одного все это были еще малосознательные люди. Обыски, аресты продолжались въ продолженіе всей весны 81 года. Шпіонство росло съ невѣроятной быстротой, затрудняя пропаганду и агитацію. Ожидался судъ надъ первомагистрами. Знавшіе Т. Михайлова, Желябова и Перовскую поговаривали объ ихъ освобожденіи. Нѣкоторые надежды возлагались на военную организацію, на офицеровъ. Но это была мечта. Подсудимыхъ во время процесса держали подъ сильнымъ конвоемъ. Послѣ суда появилась прокламація, которая произвела сильное впечатлѣніе. Былъ казненъ Т. Михайловъ, котораго знали на многихъ заводахъ, А. Желябовъ, извѣстный среди рабочихъ подъ именемъ Тараса. Чувство негодованія крѣпло, требовало мести. Ожидали расплаты за все это, и чтобы не быть застигнутыми върасплохъ, рабочіе энергичнѣе повели пропаганду. Въ началѣ мая уже были организованы довольно многочисленныя группы—на Обуховскомъ, Чугунномъ, Семянниковскомъ, Балтійскомъ заводахъ, у Нобеля, Фридланда, Голубева, Леснера, за Невскою заставой, на Варшавской желѣзной дорогѣ, у Берда и на другихъ. Во многихъ мѣстахъ завели своихъ дворниковъ, которые предупреждали рабочихъ о шпіонахъ, о слѣжкахъ и даже арестахъ, передавали паспорта. Явилась потребность перенести пропаганду въ другіе города. Нелегальные интеллигенты, посѣщавшіе рабочихъ подъ разными кличками, поддерживали приподнятое настроеніе. Особенной популярностью пользовались «Сидорычъ», Андрей Петровичъ, «Сеня», Ивановскій, Василій Максимычъ и друг., теперь уже сошедшіе въ могилу. Нѣкоторые были черно-передѣльцы, потомъ примкнувшіе къ организаціи Нар. Воли. Рабочіе наиболѣе развитые не обращали вниманія на ихъ теоретическія разногласія, одинаково принимали какъ тѣхъ, такъ и другихъ, лишь бы они занимались съ рабочими, доставляли революціонную литературу. Но по мѣрѣ того, какъ пропаганда стала расширяться, она захватывала и слабый элементъ, который скazyвался при арестахъ. Арестовали нѣсколько кружковъ, и для Судейкина, Янковскаго и др. сдѣлалось яснымъ, что петербургскіе рабочіе «заражены крамолой». Они пустили въ ходъ все: деньги, угрозы, провокацію. Вотъ что рассказывалъ рабочій Н., выпущенный на свободу послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заклю-

ченія. При арестѣ у него ничего не было найдено, тѣмъ не менѣе Судейкинъ обратилъ на него особенное вниманіе. Онъ постоянно присутствовалъ на допросахъ и, замѣтивъ, что такіе допросы не даютъ никакихъ результатовъ, сталъ вызывать Н. на личныя собесѣдованія.

— Послушайте,—обращается Судейкинъ къ Н.,—вы напрасно скрываете, притворяетесь. Намъ все извѣстно. Вы въ нашихъ рукахъ.

— Если извѣстно все, что же вы хотите отъ меня? Зачѣмъ грозите? Дѣлайте, что хотите. Я самъ знаю, что въ вашихъ рукахъ,—отвѣчалъ ему рабочій.

— И сдѣлаемъ, если будете такъ упорствовать. Вамъ же будетъ хуже. А мы этого не желаемъ. Вы смотрите на насъ, какъ на вашихъ враговъ. Знаемъ кто научилъ васъ этому. Эти динамитчики, эти что съ кинжалами и револьверами гонятся за людьми. Не вѣрьте имъ. Я не хочу этимъ сказать, что всѣ они плохіе люди. Нѣтъ. И между народовольцами есть фанатики, есть и фантазеры и честолюбцы. Но всѣ они влекутъ васъ къ гибели. Они говорятъ вамъ, что борются за васъ—за рабочій народъ. А развѣ рабочимъ нужны бомбы, кинжалы, револьверы? Рабочимъ нуженъ хорошій заработокъ, удобная квартира, здоровыя мастерскія. Дѣлаютъ ли что нибудь для этого ваши террористы? Видите, мы хорошо знаемъ нужды рабочихъ, знаемъ не хуже вашихъ социалистовъ. Мы сами социалисты, но социалисты мирные. Мы преслѣдуемъ только за бомбы, револьверы и кинжалы и будемъ преслѣдовать безъ всякой пощады. У насъ есть и тюрьмы, и Сибирь, и висѣлица.

— Ничего не понимаю, о чемъ вы говорите,—отвѣчалъ ему рабочій:—никакихъ бомбъ и револьверовъ не было у меня. За что же держите уже 7 мѣсяцевъ? Тамъ у меня мать и сестра остались, можетъ быть голодаютъ.

— Вамъ нужны деньги?—предупредительно и ласково спросилъ Судейкинъ:—мы можемъ вамъ помочь. Сколько вамъ?

И ехидный оболъститель вынулъ изъ большого портмонэ новыя бумажки.

— Мнѣ не нужно денегъ... я не работалъ.

— Потомъ заработаете, заслужите и получите еще. Сколько вамъ? Не стѣсняйтесь—уже навязывалъ Судейкинъ.

— Я не писарь, не могу у васъ служить.

— О, да вы умѣете хорошо притворяться! Да!—перемѣнивъ тонъ, перебилъ Судейкинъ.

— Какая злость разбирала меня въ это время. Если бы мы сидѣли рядомъ, если бы у дверей не было жандармовъ, я бы бросился и загрызъ его зубами,—признавался Н.

Судейкинъ, зная до чего онъ могъ своимъ поведеніемъ довести человѣка, имѣлъ обыкновеніе садиться на противоположной сторонѣ длиннаго стола, чтобы не получить пощечину, а у дверей

ставилъ жандармовъ, готовыхъ ворваться въ тайнственную пріемную въ одинъ мигъ и спасти своего начальника.

— Никогда я еще не ненавидѣлъ такъ полицію, никогда не имѣлъ желанія убивать, а тогда, о какъ бы я его убилъ, не моргнулъ бы. Шаромыжникъ! раскудахтался, расхвастался, что заботится о рабочихъ. Распинался, вралъ, что преслѣдуетъ только за бомбы. А за что меня морилъ въ тюрьмѣ почти годъ? Чему училъ, деньгами прельщалъ? Чтобы я на заводѣ подслушивалъ разговоры мастеровыхъ и доносилъ ему; чтобы торговалъ, продавая своихъ товарищей. Продажная, проклятая его душа, хотѣлъ изъ меня Іуду сдѣлать. Нѣтъ, будь онъ проклятъ со своими деньгами и дѣлами. Какъ сладко распинался за насъ рабочихъ. А какъ мучилъ мою мать и сестру, когда просили у него свиданія со мною? (сколько разъ говорилъ онъ имъ, что меня повѣсятъ или сошлютъ на каторгу, обрѣютъ, закуютъ въ цѣпи. Все-то вралъ, чтобы мать довести до слезъ, чтобы она меня склонила на его приманку. Нашелъ дуру, какъ разъ такъ вотъ и поддалась. Грозилъ, грозилъ, сманивалъ, сманивалъ да носъ и получилъ. Выпустилъ, ничего не добился. Теперь я ихъ жандармскіе подвохи знаю. Зарубите, ребята, себѣ на носу про случай.

Выпуская на свободу такихъ несговорчивыхъ рабочихъ, Судейкинъ и Янковскій прибѣгали къ жестокимъ средствамъ, чтобы сломить упорство: они назначали строгій негласный надзоръ за такими упорными; шпионы преслѣдовали ихъ по пятамъ, а по заводамъ дѣлали распоряженіе—«не принимать». Можно представить себѣ положеніе такихъ рабочихъ. Являются они на прежніе заводы—имъ отказываютъ. Ищутъ мѣсто на другомъ, пристраиваются, сдаютъ пробную работу, и снова получаютъ отказъ, не подозревая, что все это продѣлки этихъ благодѣтелей, Судейкина и Янковскаго. Выѣхать изъ Петербурга денегъ нѣтъ, оставаться—нигдѣ не дадутъ работать. Такими приемами они доводили нѣкоторыхъ рабочихъ до отчаянія, а слабыхъ и малосознательныхъ до предательства.

Янковскій былъ помощникъ Судейкина. Во время разъѣздовъ послѣдняго занималъ его мѣсто, нисколько не уступая своему начальнику ни въ жестокости, ни въ хитрости, ни въ безстыдствѣ. Онъ какъ и самъ Судейкинъ то запугивалъ рабочихъ, то соблазнялъ деньгами и распинался въ томъ, что всѣ усилія дѣлаетъ, чтобы улучшить положеніе рабочихъ; то клеветалъ одному на другого, что тотъ-то откровенно ему признался и все рассказывалъ,—словомъ, какъ и Судейкинъ, всѣми способами развращалъ и мучилъ рабочихъ, называя себя въ то же время мирнымъ социалистомъ. Самая фizioномія Янковскаго съ перваго же взгляда отталкивала и корбила. Бѣлобрысый, юркій какъ змѣя. Глаза какіе то стеклянные, злые и холодные, такъ и прыгають, точно онъ что нибудь укралъ или сдѣлалъ такое, за что бьютъ по фizioноміи. Янковскій страшно не любилъ евреевъ и поляковъ. Сдѣлавшись потомъ жиитомирскимъ губернаторомъ, проявилъ эту злобу

къ нимъ въ жестокихъ преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ на евреевъ и поляковъ. Обитатели Житомира должны хорошо помнить этого господина.

Такими средствами они надѣялись сломить упорство непокорныхъ. Но достигли обратнаго: рабочіе озлоблялись, передавали свое раздраженіе товарищамъ. Нравственный развратъ, посябанный Судейкинымъ, не помогъ ему, хотя сильно связывалъ руки рабочимъ; зарождалось какое то недовѣріе. «Прямо не знаешь, что дѣлать. Идешь къ своему, а смотришь—онъ проданъ», говорили нѣкоторые рабочіе, которымъ чаще приходилось бѣгать по заводамъ, разносить литературу, созывать на сходки: «тотъ сидитъ безъ рабсты и пьянствуетъ, мотаетъ деньги. Откуда онъ? Разумѣется изъ секретнаго отдѣленія: другой обзавелся новымъ дорогимъ костюмомъ, а недѣлю назадъ сидѣлъ безъ сапогъ и въ рваныхъ брюкахъ. Надо слѣдить за ребятами—стоитъ двухъ-трехъ проучить, другіе сами перестанутъ». На Балтійскомъ и Семьянниковскомъ заводахъ образовались группы рабочихъ, задавшихся цѣлью выслѣживать, откуда берутся эти средства. Эти выслѣживанія доходили до курьезовъ. Тотъ же рабочій Н., слѣдя какъ-то за однимъ изъ своихъ старыхъ пріятелей, довель его до Гороховой и тутъ увидалъ другого, съ которымъ подозрѣваемый встрѣтился. Оба отправились въ секретное отдѣленіе, т. е. къ Судейкину. Зная квартиру перваго, онъ цѣлый день простерегъ его на углу и такъ угостилъ, что тотъ на другой же день покинулъ столицу. Куда онъ дѣвался—такъ никто и не зналъ. Другого же завелъ въ портерную, подпоилъ и вынудилъ признаться.

— Грѣшенъ, отвѣтилъ тотъ: взялъ 25 руб. тамъ, но, клянусь, никого не указалъ.

— Иуда! Если ты еще разъ пойдешь туда, то и не вернешься. Самъ пропаду, но тебя достану. А не я, такъ другой. Вѣдь за всѣми вами, подлыми душами, мы смотримъ, каждый шагъ вашъ знаемъ,—пригрозилъ ему Н.

И этотъ рабочій покинулъ Петербургъ, давъ обѣщаніе оставить всякія дѣла и революціонныя, и шпіонскія.

Н. былъ вообще удалой, энергичный и предприимчивый парень, человѣкъ смѣлый до безумія. На такихъ малодушныхъ онъ прямо наводилъ ужасъ и мѣсяца черезъ два совершенно очистилъ Балтійскій заводъ отъ предателей. Но не вездѣ такъ легко удавалось открыть и освободиться отъ продажныхъ товарищей. Пропаганда опять приняла болѣе скрытный характеръ. Тогда жандармы пустили въ ходъ провокацію. Съ юга явился рабочій Преймъ, которому въ Ростовѣ грозила уголовная кара: онъ укралъ мѣдные подшипники съ цѣлаго поѣзда и продалъ ихъ, а самъ скрылся. Не знаю, былъ ли онъ когда въ ростовскомъ кружкѣ чернопередѣльцевъ, но, пріѣхавъ въ Петербургъ, сошелся съ рабочимъ Сусловымъ, жившимъ на содержаніи у Судейкина. Тотъ познакомилъ его съ послѣднимъ, и договоръ былъ заключенъ. Сусловъ же ввелъ его въ одинъ изъ рабочихъ кружковъ,

отрекомендовавъ какъ стараго пріятеля, ловкаго, энергичнаго. Преймъ дѣйствительно былъ ловокъ, что подтверждается продажей подшпишниковъ и пронырливостью, съ которой онъ проникалъ всюду, но у него не хватало выдержки. Деньги, получаемыя отъ Судейкина, онъ транжирилъ и пропивалъ, что не могло не вызвать подозрѣній. Замыселъ его былъ—по возможности познакомиться со всѣми передовыми рабочими и сразу всѣхъ выдать. Поэтому онъ сначала никого не выдавалъ, но старательно велъ развѣдки, пользуясь неопытностью малосознательныхъ. Черезъ нихъ онъ узналъ о рабочихъ сходкахъ, которыя происходили за городомъ. Ему хотѣлось попасть на эти сходки, но не удавалось. Многие прямо говорили, что онъ предатель, и требовали его устранения. Другіе же, наоборотъ, защищали его, указывая на то, что явныхъ уликъ нѣтъ никакихъ, а есть только подозрѣнія. Если бы онъ былъ предателемъ, съ нимъ бы не поддерживали сношеній ни Егорычъ, ни Петровичъ, говорили они (последніе два—нелегальные интеллигенты). Но какъ бы то ни было, отношеніе къ Прейму измѣнилось.

Онъ и самъ сталъ замѣчать недовѣріе. Иногда куда то пропадалъ, но выдавать еще не рѣшался: ему хотѣлось завести какъ можно болѣе широкое знакомство на всѣхъ заводахъ и однимъ ударомъ уничтожить все. Но вышло иное. Въ одномъ изъ трактировъ онъ провалилъ двухъ интеллигентовъ и тѣмъ выдалъ себя. Среди рабочихъ носился слухъ, что Судейкинъ представлялъ его Александру III, которому онъ будто-бы далъ слово вывести всю крамолу среди рабочихъ. Негодованіе противъ такого провокатора было ужасное. Онъ чувствовалъ это и нѣкоторое время нигде не показывался. Эту предательскую особу всегда охраняли два или три шпиона. Наконецъ онъ вновь явился: ему хотѣлось новыхъ знакомствъ, которыя уже были приготовлены во многихъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ онъ никогда не возвратился. 29 іюня, во время гулянья на Смоленскомъ кладбищѣ, уже валялся его трупъ, обнаруженный только на другой день. При немъ была найдена записка съ перечисленіемъ фамилій тѣхъ рабочихъ, которыхъ онъ собирался продать. По этому списку произвели аресты и совершенно разгромили нѣкоторые кружки. Сусловъ исчезъ, боясь участи Прейма. Судейкинъ снова возвратился къ прежнему средству—развращать рабочихъ деньгами. Онъ арестовывалъ «зеленыхъ», награждалъ ихъ деньгами, увѣрялъ, что онъ все же социалистъ, но что онъ жестоко будетъ преслѣдовать терроръ, что терроръ только вредитъ рабочему дѣлу, и быстро выпускалъ ихъ на волю. Эта тактика была ужъ не нова,—какъ она напоминаетъ зубатовщину!—передовые кружки не боялись ея, но она тормозила дѣло; миролюбивый элементъ сводилъ свою работу на культуртрегерство, побывавшіе въ рукахъ Судейкина внушали недовѣріе. Стали поговаривать о томъ, какъ бы самого Судейкина отправить къ Прейму. Наконецъ въ іюлѣ 81 г. было выпущено изъ предварилки нѣ-

*

сколько дѣятельныхъ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, Р., взялъ на себя эту роль. Планъ былъ такой, что онъ обѣщаніями будетъ поддерживать сношенія съ Судейкинымъ и Янковскимъ и добьется у нихъ свиданія не въ секретномъ отдѣленіи, а на улицѣ. Игра была слишкомъ рискованная для такого молодого юноши, какъ Р. Ему было всего 19 л., но умный, энергичный и рѣшительный, пользовавшійся въ то время извѣстностью, онъ настаивалъ на своемъ планѣ, о которомъ знало всего нѣсколько лицъ. Насколько тактика Судейкина всѣхъ волновала, видно изъ того, что такую же цѣлью, какъ и Р., задался еще другой кружокъ. Пропаганда могла идти гораздо успѣшнѣе, если бы не мѣшали Судейкинъ и Янковскій, вносившіе развратъ въ рабочую среду. Нелегальной литературы для рабочихъ прибавилось.

Чернопередѣльцы въ нѣсколько мѣсяцевъ выпустили нѣсколько номеровъ «Зерна». Появились новые интеллигенты; посѣщенія ихъ сдѣлались чаще. Чаще устраивались рабочія сходки, на которыхъ они выясняли рабочимъ ихъ положеніе, призывали къ дружной, непрестанной борьбѣ. Рѣчи Теллалова особенно нравились рабочимъ; онъ говорилъ всегда горячо, просто и коротко. Каждое слово его жгло рабочихъ, будило энергію. Въ это время были и другіе, но общимъ любимцемъ оставался Теллаловъ. Не даромъ чернопередѣльцы обвиняли его въ томъ, что онъ привлекъ въ ряды Народной Воли самыхъ видныхъ членовъ ихъ партіи.

Многіе рабочіе понимали, что уже въ то время обѣ организаціи работали совместно. Народолюбцы часто передавали рабочіе кружки чернопередѣльцамъ, приносили чернопередѣльческую нелегальную литературу. Съ ней уже не обращались такъ бережливо и скупно, какъ прежде, но щедро раздавали повсюду. На нѣкоторыхъ заводахъ ее расклеивали или разбрасывали по инструментальнымъ ящикамъ въ мастерскихъ. Неутомимый Судейкинъ и это обстоятельство не оставилъ безъ вниманія. Онъ насовывалъ своихъ шпионовъ почти во всѣхъ заводахъ. Одинъ изъ нихъ, обнаружившій особенную энергію и ловкость, исчезъ навсегда и для своего начальника, и для рабочихъ; надъ головой другого пролетѣлъ громадный камень и заставилъ прятаться отъ рабочихъ. Хитрый жандармъ повидимому и самъ не особенно надѣялся на своихъ уличныхъ слугъ, его главные сподвижники были предатели и провокаторы. Р. игралъ съ нимъ въ темную и раздражалъ. Изъ трусости, или по какимъ другимъ причинамъ, Судейкинъ передалъ дѣло съ Р. Янковскому. Тотъ повелъ дѣло круто, прямо далъ понять Р., что тотъ строить ловушку. Нервы Р. не вынесли. Онъ собрался уѣхать, но вмѣсто того отправился къ Янковскому и бросился на него съ ножомъ. Янковскій отскочилъ за столъ. Ворвались его слуги. Р. выбросился изъ окна со второго этажа и сломалъ себѣ позвоночный столбъ.

Жандармы воспользовались безсознательнымъ состояніемъ Р., который будто бы указалъ на скрытый трупъ шпиона въ ретирадѣ дома, гдѣ квартировалъ его товарищъ. Бросились туда,

перерыли весь ретирадъ, дворъ, но ничего преступнаго не нашли и все-таки привлекли было этого товарища, но онъ благополучно ускользнулъ изъ ихъ рукъ. Другая группа тоже жестоко поплатилась. Трое рабочихъ были арестованы и обвинялись въ замышлѣ на жизнь Судейкина и Янковскаго. Доказательствъ формальныхъ не было, но ихъ содержали такъ строго, что одинъ изъ нихъ, И. Самострѣловъ, сошелъ съ ума черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Многимъ рабочимъ пришлось выѣхать изъ Петербурга, частью для заведенія связей съ другими городами, частью—чтобы не попасть въ руки жандармовъ. Въ Москву перебрался нѣкто Степанъ Бѣловъ, рабочій изъ Стараго арсенала, оказавшійся потомъ предателемъ и провокаторомъ.

Въ Москвѣ онъ очень ловко выдалъ чернопередѣльца Яковенко и др., затѣмъ провалилъ Буланова съ товарищами.

Въ то время, когда Петербургъ кипѣлъ революціонной жизнью, Москва какъ то дремала. Нѣсколько мѣсяцевъ здѣсь работали С. Халтуринъ. Онъ завелъ знакомство съ рабочими на Комиссаровскомъ заводѣ и въ мастерскихъ курской ж. д. По пріѣздѣ Желвакова въ Москву, онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на югъ, предложивъ революціонерамъ обратить вниманіе на Москву. Нѣсколько лѣтъ московскіе рабочіе были предоставлены самимъ себѣ. Главнымъ образомъ работа здѣсь велась среди студенчества. Не знаю, чѣмъ это объяснить, но теперь было рѣшено поставить здѣсь рабочее дѣло такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ Халтурина сюда были вызваны рабочіе съ юга и съ сѣвера. Двое изъ послѣднихъ скоро пристроились на заводахъ. Надо оговориться, что московскіе рабочіе того времени во многомъ уступали петербургскимъ: они были менѣе развиты, съ меньшимъ чувствомъ собственного достоинства держали себя съ администраціей и хозяевами, меньше зарабатывали. Петербургскіе рабочіе если не каждый день, то хоть въ праздники читали газеты, у московскихъ же любимымъ препровожденіемъ времени было чаепитіе въ трактирахъ, да и безграмотныхъ здѣсь было гораздо больше, чѣмъ въ Петербургѣ. Кромѣ того, московскіе рабочіе отличались крайней неподвижностью, громадное большинство изъ нихъ нигдѣ, кромѣ Москвы, не бывало. Впрочемъ это послѣднее обстоятельство облегчало работу. Всякіе рассказы о томъ, какъ живутъ рабочіе въ другихъ городахъ, привлекали ихъ вниманіе, и пріѣзжій новичекъ дѣлался чуть ли не героемъ.

Въ 81 году, зимою, рабочему П. удалось поступить на маленький заводъ Беккера, гдѣ работали почти одни подмосковные крестьяне. Сѣверный новичекъ рассказалъ имъ о жизни петербургскихъ рабочихъ.

— А вотъ у насъ совсѣмъ не такъ. Нашихъ иногда хозяинъ колотить, и всѣ молчать—боятся.

— А въ Питерѣ за это свои сживаютъ съ завода. Тамъ ра-

бочіе бьютъ хозяевъ. Мало имъ того, что на нихъ работаешь, да еще бить. Это позоръ. Сами виноваты. Что, стыдно?

— Мы ничего не знаемъ, нигдѣ не бывали.

— Не въ этомъ дѣло. Надо помнить, что ты человѣкъ, и никто не смѣетъ тобой помыкать. Насъ много, мы—сила! Только надо поменьше пьянствовать, да дружнее стоять другъ за друга. Соединиться со всѣми рабочими другихъ фабрикъ и заводовъ... Вы вотъ познакомьте-ка меня въ праздникъ со своими пріятелями, тогда дѣло пойдетъ.

— Что жъ, можно...

Въ ближайшее же воскресенье его повели на Бромлеевскій заводъ, къ Гоперу, Доброву и другимъ. По московской привычкѣ знакомились въ трактирѣ, за чаемъ. Удалось намѣтить наиболѣе подходящихъ лицъ, съ которыми въ слѣдующій праздникъ поговорилъ откровеннѣе, и вотъ связи завязаны, пошла работа, намѣченные лица уже сами повели агитацію. Явилось желаніе читать, бесѣдовать о положеніи рабочаго люда, явилось желаніе улучшить это положеніе. А отъ экономическихъ вопросовъ до политическихъ одинъ шагъ, который сдѣлать не трудно. Работа пошла противъ ожиданія чрезвычайно быстро, чувствовался только недостатокъ въ нелегальной литературѣ. Въ это время былъ вынужденъ № 2 *Рабочей Газеты*, но и то въ небольшомъ количествѣ. Приходилось пользоваться исключительно легальной литературой. Къ концу февраля здѣсь уже были организованы рабочіе кружки: на заводѣ Беккера, на прохоровской мануфактурѣ, въ мастерскихъ московско-смоленской ж. д., на заводѣ Доброва, Бромлея, заведены связи во многихъ другихъ мастерскихъ, на заводѣ Лигардта и на фабрикѣ роялей. Рабочіе завода Бромлея не ограничивались одной пропагандой, они наказывали своихъ мастеровъ, колотили ихъ за грубое обращеніе.

Интересно отмѣтить, насколько московскіе рабочіе стояли въ сторонѣ почти съ 78 г. Одинъ изъ пріѣзжихъ рабочихъ революціонеровъ наткнулся на цѣлую группу рабочихъ на смоленской ж. д., сохранившуюся еще со времени процесса 50-ти. Они говорили, что съ того времени не имѣли никакихъ революціонныхъ связей, не читали ни одного революціоннаго изданія и знали о существованіи организацій только по легальнымъ газетамъ и тѣмъ фактамъ, которыми заявлялъ о себѣ Исп. Ком. Когда ихъ спрашивали, дѣлали ли они что либо за это время, отвѣчали—ничего, потому что чувствовали себя оторванными. На другихъ заводахъ встрѣчались тоже такія отдѣльныя лица, которыя охотно присоединялись къ рабочимъ кружкамъ. Въ Москвѣ существовала сапожная мастерская, переведенная съ юга чернопередѣльцами. Организована она была по старому шаблону; въ ней было только трое: двое уже сознательныхъ, а третій новичекъ. Изъ него они должны были воспитать революціонера. Днемъ всѣ работали вмѣстѣ сапоги, а по вечерамъ чи-

тали, бесѣдовали. Такой способъ пропаганды оказался никуда не годнымъ, не стоилъ труда. Сидѣть двоимъ надъ однимъ было уже слишкомъ бесплодно. Кромѣ того вести пропаганду среди ремесленниковъ того времени было дѣло чрезвычайно трудное, дававшее къ тому же ничтожные результаты. Не говоря уже объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ ремесленниковъ, но главное у нихъ не замѣчалось и настроенія, котораго и быть не могло благодаря тому, что они живутъ и работаютъ въ маленькихъ мастерскихъ съ пятью-шестью рабочими, всегда на глазахъ у хозяина. Ихъ рабочій день отъ 14 до 15 часовъ. Какой же можетъ быть интересъ къ революціи. Правда, встрѣчались отдѣльныя личности, но черезчуръ рѣдко. Сапожная мастерская быстро разстроилась, просуществовавъ мѣсяца 2 и завербовавъ только одного человѣка.

Въ началѣ февраля 82 г. въ Москвѣ начались провалы среди нелегальныхъ интеллигентовъ. Новое предательство рабочаго Степана Бѣлова. Были арестованы: Юрій Богдановичъ, Златопольскій, А. Булановъ и др. Оставшіеся разѣхались, за исключеніемъ немногихъ, но и тѣ нѣкоторое время не показывались. За рабочими Мартыновымъ и П. стали слѣдить. Необходимо было скрыться, передавъ рабочихъ кому-либо изъ интеллигентовъ. Между нѣкоторыми рабочими и уцѣлѣвшими интеллигентами возникло недоразумѣніе. Первые упрекали послѣднихъ въ томъ, что тѣ мало удѣляли времени на занятія съ рабочими. Рѣшили обратиться къ петербургской организаціи, но дѣло скоро уладилось: рабочіе узнали причину невниманія—это аресты. Какъ разъ выхватили тѣхъ, которые брали на себя роль руководителей рабочихъ. Успѣвшіе скрыться переселились въ другіе города, въ виду того, что рабочій Степанъ Бѣловъ былъ заподозрѣнъ въ предательствѣ. Переселившись въ Москву, онъ жилъ здѣсь нелегально, на заводѣ работать никуда не поступилъ, ссылаясь на то, что сейчасъ же провалится, такъ какъ Романовъ его знаетъ и навѣрно укажетъ. Чтобы прикрыть свое предательство, онъ все сваливалъ на Р., который въ то время содержался въ СІБ. Литовскомъ замкѣ, въ больницѣ, куда къ нему ходилъ не причастный ни къ какому дѣлу землякъ. Если-бы Р. выдалъ, то въ Москвѣ были-бы арестованы другія лица, но арестовывали не ихъ. Кромѣ того, Бѣловъ велъ безобразную жизнь: пьянствовалъ, особенно въ концѣ января, завелъ «темныя» знакомства и тратилъ массу денегъ. Разъ на столѣ его комнаты была найдена записка со счетомъ на 450 рублей. Для рабочихъ, близко знающихъ Бѣлова, было ясно, что, сидя въ предварилкѣ, онъ сошелся съ Судейкинымъ и Янковскимъ и поступилъ къ нимъ на содержаніе. Эти рабочіе обратились къ нелегальнымъ. Но тѣ сочли приведенныя доказательства недостаточными и предложили удалитъ Бѣлова, отъ кружковъ. Тотъ догадался. Немедленно рѣшилъ переѣхать въ Питеръ; за нимъ отправились двое рабочихъ, но тамъ къ нимъ отнеслись такъ же, какъ и въ Москвѣ:

Бѣлова не признали предателемъ, хотя нашли нужнымъ совершенно изолировать. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ предположеніе подтвердилось: одинъ изъ подвыпившихъ жандармскихъ офицеровъ похвастался на вечерѣ, сказавъ, что хотя и убили С. Прейма, но у нихъ есть другой—Степанъ Бѣловъ. Послѣдній, потерявъ всѣ связи въ Питерѣ, куда то исчезъ; говорятъ его встрѣчали на югѣ, но уже не у дѣлъ.

Жизнь юга въ 82—83 г. нѣсколько отличалась отъ жизни сѣвера. Въ Харьковѣ существовало два теченія: чернопередѣльческое и народовольческое. Это разграниченіе сказывалось и на рабочихъ. Народовольцы имѣли свой кружокъ на желѣзной дорогѣ и въ Полтавѣ. Чернопередѣльцы—на мелкихъ заводахъ. Крупныхъ заводовъ въ Харьковѣ не было. Здѣсь отношенія чернопередѣльцевъ къ народовольцамъ не были такъ миролюбивы, какъ въ СПб. Одному изъ членовъ рабочей организаціи пришлось натолкнуться на такой случай. Однажды въ обѣденное время онъ велъ разговоръ съ новыми рабочими на тему о программахъ. Подходить пожилой строгальщикъ, прислушивается и вдругъ прерываетъ. «А развѣ вы не знаете, что народовольцы силою заставляютъ своихъ членовъ идти на террористическія предпріятія!...» «Какой жандармъ или глупецъ сказалъ вамъ это — прерываетъ его другой — развѣ, напримѣръ, тебя можно силою послать на такое дѣло?» «Мнѣ такъ говорили люди знающіе» — возражаетъ строгальщикъ. «Да, дѣйствительно свѣдущіе, но мало знающіе, — нападаютъ на него многіе, — жандармы то же говорятъ всѣмъ». «Отъ нихъ—я самъ слышалъ», прибавляетъ одинъ. — Но строгальщикъ слышалъ не отъ жандармовъ, а отъ одного изъ интеллигентныхъ руководителей. Послѣдніе тщательно изолировали свои рабочіе кружки отъ народовольческихъ. Часто случалось такъ, что на одномъ заводѣ, напримѣръ у Пильстрема, существовали и тѣ, и другіе, не входя ни въ какія сношенія. И когда приходилось поднимать общее дѣло, возникала рознь и даже вражда. Борьба переносилась на борьбу между собой, а не съ заводскими порядками. Не то же ли самое происходитъ и теперь. Очень жаль, что опытъ не научилъ товарищей! Въ доброе старое время, когда работа имѣла видъ подготовительной работы, подобнаго рода рознь не вредила такъ, какъ теперь, когда борьба идетъ въ открытую и массами.

Въ 81 и 82 г. харьковскіе рабочіе вели только пропаганду, организовали рабочіе кружки. Наибольшею энергіею отличался у Н. В. Яковъ Сабко, арестованный въ 83 г. и умершій въ харьковской тюрьмѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и еще нѣсколько лицъ. У чернопередѣльцевъ — Ѳедоръ Шкрыба, потомъ поступившій на службу Судейкина и убитый Антоновымъ въ 84 году за предательство. На харьковской рабочей группѣ лежала обязанность перевозки нелегальной литературы въ южные районы. Доставка была организована очень искусно, кажется Ан-мъ, и просуществовала весьма долго, съ начала 82 по 84 г.

Къ Харьковскому району примыкали Ростовъ на Дону, Таганрогъ и Полтава. Послѣ арестовъ въ 79 году, когда ростовцы разгромили нѣсколько участковъ и разогнали городскую полицію, совершенно овладѣвъ городомъ, они теперь какъ будто отдыхали. Буйный городъ затихъ, но не потому, что аресты выхватили передовой элементъ, а просто вслѣдствіе того, что другіе города не откликнулись. Въ 80, 81 и 82 гг. настроеніе здѣсь было таково, что достаточно было гдѣ нибудь произвести бурю, ростовцы немедленно бы поднялись. Замѣчательно, что здѣсь и босякъ настроенъ былъ революціонно и былъ проникнутъ такой ненавистью къ полиціи, что достаточно было малѣйшаго повода, чтобъ снова поднять его. Ростовскіе революціонеры не оставляли его безъ вниманія: у нихъ имѣлось нѣсколько человѣкъ матросовъ и кочегаровъ, которые вели пропаганду только среди береговыхъ рабочихъ, но никакой организаціи создать не удалось. Вся дѣятельность сводилась только къ пропагандѣ. Босякъ неусидчивъ, не привязывается къ одному и тому же мѣсту, онъ переселяется очень быстро. Но благодаря своей подвижности, онъ занесъ революціонный духъ и въ Грушевскія каменноугольныя копи. Наиболѣе постоянная часть босяковъ, живущая въ Ростовѣ, не была затронута отчасти потому, что невыносимыя условія жизни свели ее на самую низкую ступень человѣчества. Она только знала работать и пить; отчасти это были мѣщане, небогатые домовладельцы, извозчики и крестьяне, — тоже довольно консервативный элементъ, мечтающій о торговлѣ.

Совсѣмъ другое представляли заводскіе рабочіе. Это была однородная рабочая масса, образовавшаяся по большей части изъ пришлыхъ мастеровыхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Между ними издавна велась пропаганда и пропаганда смѣшанная. Среди нея работали и чернопередѣльцы, и народовольцы, и мѣстная учащаяся молодежь, и члены организаціи изъ другихъ городовъ. Въ 82 г. весною здѣсь царили патріархальные порядки, не смотря на провалъ 81 г., когда было арестовано нѣсколько человѣкъ. Каждый зналъ всѣхъ и всѣ знали каждаго. По праздникамъ сходились цѣлыми толпами въ одну квартиру какъ интеллигенція, такъ и рабочіе. Несостоятельность такого порядка тотчасъ-же сказалась, какъ только провалились двое студентовъ, когда-то жившіе здѣсь. Одинъ — Литвиновъ — рассказалъ все о Ростовѣ. Произвели обыски, но только благодаря тому, что ни у кого ничего не нашли, дѣло кончилось благополучно, отдѣлялись надзоромъ до поры до времени. Послѣ этого произошла группировка. Организовался центральный кружокъ, завелъ постоянную связь съ Х. центральной группой Народной Воли. Многимъ это не понравилось, но потомъ всѣ примырили, видя, что при такихъ условіяхъ рабочіе проявляютъ больше инициативы и энергіи. Возникла мысль устроить типографію, кассу. Главнымъ очагомъ были мастерскія владикавказской ж. д., отсюда уже заводились кружки на заводѣ Пастухова, Граммана и др. Центральный кружокъ по-

ставилъ себя такъ, что рабочіе по всѣмъ вопросамъ обращались то къ тому, то къ другому изъ его членовъ, не подозрѣвая существованія связи между ними. Когда осенью одному изъ учениковъ на ж. д. сбавили плату, рабочіе предоставили рѣшеніе вопроса членамъ этой группы, которая увлекла за собою всѣхъ, и ученикъ былъ удовлетворенъ. Позже рабочіе разгромили мастерскія и наказали почти всѣхъ мастеровъ. Въ концѣ 83 г. этотъ кружокъ издавалъ гектографированную газету, статьи которой были писаны исключительно рабочими. Ростовская группа выдѣлила изъ себя рядъ дѣятельныхъ личностей и разослала ихъ въ другіе города. Ник. Мартыновъ (арестованъ въ Кіевѣ, оказалъ вооруженное сопротивленіе, просидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости 12 лѣтъ и застрѣлился въ гор. Якутскѣ въ 1903 г. въ маѣ); наиболѣе видную роль игралъ здѣсь Андрей Карпенко. Молодой, скромный и умный юноша пользовался громадною популярностью среди ростовскихъ рабочихъ, особенно въ токарномъ цехѣ владикавказскихъ мастерскихъ. Родился и выросъ онъ въ Ростовѣ, много читалъ. Книги носилъ онъ даже въ мастерскую. Прекрасно говорилъ. Часто въ обѣденное время собиралъ онъ группы рабочихъ, читалъ имъ что-либо изъ европейскихъ революцій, ловко выбирая отдѣльныя страницы и связывая ихъ по своему въ одно цѣлое. Когда торопливые упрекали его въ томъ, что онъ пичкаетъ рабочихъ только легальной литературой, Карпенко отвѣчалъ: «надо фундаментъ заложить крѣпкій, тогда вамъ все что угодно. Наша нелегальщина бѣдна. Я самъ до сихъ поръ прочелъ всего 3 или 4 № Народной Воли. Научись изъ легальныхъ книгъ выхватить нужное. Мы все хотимъ взвалить на интеллигентовъ: они придутъ, разжуютъ и въ ротъ положатъ. У нихъ и безъ того много работы. Мы сами должны работать надъ собой и надъ своими товарищами, съ которыми бываемъ каждый день. Интеллигентъ къ намъ можетъ явиться разъ-два въ недѣлю. Многому не научимся. А вѣдь скоро придется разъѣзжаться: во многихъ городахъ у насъ совсѣмъ нѣтъ связей. Мы не знаемъ, что случится, можетъ быть повторится новый мартъ, а мы не сможемъ поддержать его ничѣмъ. Такъ никогда ничего и не добьемся. Рабочіе должны привыкать самостоятельно работать, не дожидаясь подталкиваній».

Съ такими призывами Карпенко часто обращался къ своимъ товарищамъ. Въ его молодой головѣ зарождались самые широкіе планы. Поставивъ дѣло на широкую ногу въ Ростовѣ, организовавъ нѣсколько центральныхъ кружковъ, типографію, установивъ прочныя связи съ Новочеркасскомъ, Воронежемъ, Грушевскими копами, онъ думалъ уговорить товарищей разъѣхаться по другимъ рабочимъ пунктамъ. Въ это время двое изъ его пріятелей-рабочихъ заявили представителю центральной харьковской группы желаніе принять участіе въ террористическихъ актахъ. Одному было отвѣчено откровенно, что онъ молодъ. Другого успокоили на время тѣмъ, что указали на необходимость немедленно по-

ѣхать въ Елисаветградъ и заняться тамъ рабочей организаціей. Къ такимъ мѣрамъ народовольцы часто прибѣгали, когда стремительныя натуры одолѣвали ихъ своими предложеніями на боевую работу. Карпенкѣ въ то время очень нравились такіе приемы. Вскорѣ онъ и самъ уѣхалъ въ Екатеринославъ, быстро организовалъ здѣсь нѣсколько кружковъ, а затѣмъ не устоялъ и заболѣлъ тою же болѣзнію, какою страдали почти всѣ передовые рабочіе того времени—мечтою о боевой дѣятельности. Да и трудно было сохранить буддійское спокойствіе, когда кругомъ полицейскія прелѣдованія, аресты, ссылки и казни. Мирная подготовительная работа казалась чѣмъ-то маленькимъ, общающимъ дать результаты только въ далекомъ, далекомъ будущемъ. Затѣмъ Карпенко былъ переведенъ въ Севастополь, гдѣ его и арестовали въ 85 г. Почему его не присоединили ни къ одному процессу—трудно сказать. Подъ слѣдствіемъ онъ просидѣлъ болѣе 3-хъ лѣтъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими былъ высланъ на Сахалинъ на 10 лѣтъ, гдѣ и умеръ отъ чахотки. Затѣмъ рядъ другихъ, фамиліи которыхъ упоминать неудобно. Въ 85 г. въ Ростовѣ были произведены большіе аресты, многихъ выслали въ Сибирь и на сѣверъ Россіи. Изъ интеллигентныхъ людей въ 80 и 81 гг. здѣсь работали Сергѣй Пешекеровъ, К., Рафаэли и другіе. Въ 82 г. при основаніи революціонной группы Народной Воли—Л., нынѣ здравствующій; Немоловскій, умершій въ шлиссельбургской крѣпости въ 86 г.; Кашинцевъ, Желваковъ и др. Дѣятельность ростовской группы распространялась на Новочеркасскъ, Таганрогъ, Елисаветградъ и Екатеринославъ. Въ 82 и 83 г. во всѣхъ этихъ пунктахъ уже имѣлись кружки. Въ Елисаветградѣ одному изъ членовъ кружка П. пришлось работать совершенно на неподготовленной, нетронутой почвѣ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ здѣсь уже имѣлось два рабочихъ кружка, учащаяся молодежь принялась за гектографированіе нелегальной литературы. Отгектографирована была программа рабочей партіи Народной Воли. Тотъ же членъ ростовской группы былъ вызванъ въ Севастополь, который было необходимо связать съ харьковскимъ райономъ. Здѣсь велась работа и прежде Поликарповымъ, Телепневымъ и др. Были связи среди рабочихъ и матросовъ. Но аресты въ 82 г. разрушили организацію. Въ такихъ мѣстахъ не трудно было возстановить порванные связи: всегда находились или остатки организаціи, или же люди близко стоявшіе къ ней. По этимъ связямъ возстановлялись организаціи, или же заводилась новая. Но въ то время Севастополь не представлялъ особеннаго интереса для рабочаго движенія, кромѣ переправочнаго пункта нелегальной литературы изъ-за границы въ Россію. Поэтому сознательные рабочіе недолго оставались здѣсь и переселялись въ центры: въ Харьковъ, Одессу и Кіевъ. Сношенія съ Севастополемъ были довольно оживленныя. Сюда часто наѣзжали не только изъ центровъ, но и рабочіе изъ организацій.

Сравнивая условія жизни западной части юга: Одессу, Нико-

лаевъ, Полтаву и Кіевъ того времени, нельзя было не замѣтить громадной разницы. Полиція этого района была поставлена лучше, а на помощь ей часто являлось предательство. Въ 81 и 82 г. рабочій Меркуловъ провалилъ въ Одессѣ все, что зналъ. Затѣмъ военный прокуроръ Стрѣльниковъ дѣлалъ безпрестанные набѣги, производилъ массовые аресты, запугивалъ молодыхъ рабочихъ и велъ себя на допросахъ грубо и дерзко. Благодаря такой системѣ, онъ часто разрушалъ мѣстные организаціи. Его дерзость дошла въ Кіевѣ до того, что, раздраженный на допросѣ однимъ рабочимъ, отказавшимся давать какія либо показанія, схватилъ его за горло со словами: «задушу, заставляю говорить!» Когда узнали объ этомъ рабочіе на волѣ—негодованію не было конца. Но Исполнительный Комитетъ уже рѣшилъ покончить со Стрѣльниковымъ. Въ 1882 году онъ былъ убитъ въ Одессѣ Желваковымъ, который навѣрно скрылся бы, такъ какъ въ качествѣ извозчика его ждалъ Халтуринъ. Поднялась тревога. Переодѣтые жандармы, охранявшіе Стрѣльникова, подняли крикъ: «Ловите, ловите жулика!» Хотя Желваковъ и прокричалъ, что онъ не жуликъ, а социалистъ, крющники бросились на него. Соскочивъ съ козелъ, Халтуринъ поспѣшилъ на помощь товарищу, но тоже былъ сбитъ съ ногъ. Правительство было такъ озаблено, что казнило обоихъ, не открывъ даже ихъ фамилій. По этому поводу была издана прокламація. Одесса ожила. Среди рабочихъ организовались новые кружки, распространившіе свою дѣятельность на солдатъ и матросовъ. Въ Николаевѣ и Полтавѣ велъ рабочее дѣло Петръ Антоновъ (содержавшійся потомъ въ шлиссельбургской крѣпости), уцѣлѣвшій отъ всѣхъ погромовъ только благодаря тому, что жилъ нелегально. Свой боевой темпераментъ онъ передалъ и группамъ, организованнымъ имъ. Когда въ Полтавѣ оказался предатель, одна изъ группъ проучила его, отстрѣливъ ему ухо. Вскорѣ удалось завести связи съ воронежскими рабочими. Въ Кіевѣ, Одессѣ, Николаевѣ и Полтавѣ, несмотря на постоянные разгромы рабочихъ организацій, пропаганда и агитація не прекращались. На смѣну арестованнымъ появлялись новые дѣятели. Въ 80 годахъ здѣсь работали: В. Ивановъ, В. Гориновичъ, Немоловскій, Бычковъ, Марейнисъ, Сухомлиновъ и многіе другіе.

Таково было положеніе рабочаго дѣла на сѣверѣ и югѣ Россіи. Сѣтъ революціонной пропаганды и агитація была раскинута довольно широко, но трудно было удовлетворить всѣ запросы жизни. Прежде всего, всегда и повсюду ощущался недостатокъ въ литературѣ, которая могла бы замѣнить и дополнить устную пропаганду. Наша легальная литература служила почти единственнымъ средствомъ теоретическаго воспитанія рабочихъ. Наибольшимъ распространеніемъ пользовались: В. Гюго—93 годъ, Э Шатрианъ—Исторія одного крестьянина, Швейцеръ—Эмма, Шпильгагенъ—Одинъ въ полѣ не воинъ, І. Шерръ—Комедія всемірной исторіи. Изъ русскихъ: Наумовъ. Гл. Успенскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Щедринъ, Достоевскій, Михайловскій, Писаревъ, Шелгу-

новъ, Гаршинъ, П. Лавровъ, Костомаровъ, Флеровскій, Исаевъ, Иванюковъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Вѣлинскій и др. Несмотря на все преимущество и солидность послѣдней, которая давала основу міровоззрѣнію и развитію рабочихъ, эта литература была лишь немногимъ подѣ силу, она требовала нѣкоторой подготовки и много свободнаго времени, котораго у рабочихъ, за многими исключеніями, оказывалось, наоборотъ, весьма мало. Для широкихъ массъ нужна была другая, болѣе доступная литература въ видѣ брошюръ, листовъ, но ея было весьма мало.

Въ то время часто говорили о пропагандѣ среди крестьянъ, но работа среди нихъ носила почти случайный характеръ. Известно, что наши заводскіе и фабричные рабочіе, понавъ въ города, долгое время сохраняютъ связь съ деревней, возвращаясь въ послѣднюю на Рождество, на Пасху или на лѣто. Такіе-то рабочіе и служили проводниками революціонныхъ идей въ деревни. Если-бы въ изобиліи имѣлась народная литература, то съ нею въ рукахъ рабочіе могли бы занести въ деревни очень много: устное слово легко забывается, печатное же никогда. Но что было дѣлать, когда и для городовъ ея не хватало. Легальныхъ же брошюръ, которыми теперь изобилуютъ наши города, тогда и въ поминѣ не было. Теперь болѣе или менѣе подготовленный рабочій, имѣя въ карманѣ нѣсколько свободныхъ рублей, можетъ пріобрѣсти довольно порядочную бібліотеку, хоть для себя. Въ то время все это было въ зародышѣ, какъ и вся наша промышленность, которая переживала тяжелый застой послѣ русско-турецкой войны. Кстати надо сказать, что такое представляли наши заводы и фабрики 80-хъ годовъ по сравненію съ теперешними. Приведу приблизительныя цифры нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Петербургскіе заводы:

Балтійскій заводъ, на немъ работало въ то время около 21,2 тыс., тогда какъ теперь тамъ болѣе 6 тыс.

Обуховскій имѣлъ отъ 2 до 2½ т., теперь насчитываетъ около 10 тыс.

Путиловскій тогда еле влачилъ свое существованіе и держалъ около 500—600 чел., въ настоящее время имѣетъ болѣе 12 тысячъ рабочихъ.

Московскіе заводы и фабрики:

Заводъ Бромлея въ то время съ 250 рабочими, теперь даетъ работу 1000 человѣкамъ.

Прохоровская мануфактура съ 3000 раб. въ настоящее время имѣетъ 10 тыс.

Другіе же фабрики и заводы, представлявшіе изъ себя маленькія жалкія мастерскія съ десятками рабочихъ, теперь выросли въ громадныя казармы съ тысячами рабочихъ.

То же самое и въ Харьковѣ.

Заводъ Сади, который въ то время давалъ работу только 1¹/₂ сотнямъ рабочихъ, въ настоящее время разросся въ громадный заводъ съ 5 тыс. раб.

А сколько новыхъ заводовъ и фабрикъ открылось въ 90-хъ годахъ!

Всѣ эти рабочіе муравейники представляютъ широкое поле не только для пропаганды и агитаціи, но и для массоваго движенія. Теперь городскіе рабочіе представляютъ дѣйствительно внушительную, многочисленную армію. Не то было въ 80-хъ годахъ. Тогда такого широкаго движенія и быть не могло, потому что самихъ широкихъ рабочихъ массъ въ городахъ не было, были только ихъ зародыши, и въ нихъ то Народная Воля старалась внести сознаніе, разрыхлить почву для будущихъ революціонныхъ работниковъ. Несправедливы упреки и въ томъ, что въ 80-хъ годахъ не было забастовокъ и стачекъ. Онѣ были и въ С.-Петербургѣ на Балтійскомъ заводѣ, у Гофмана, въ Кронштадтѣ, въ Ивановѣ-Вознесенскомъ, въ Москвѣ и въ Ростовѣ-на-Дону. Но тогда имъ не придавали того значенія, потому что всѣ онѣ были почти стихійны, за исключеніемъ ростовской и на балтійскомъ заводѣ. Кромѣ того тогда положеніе рабочихъ въ матеріальномъ отношеніи нѣсколько отличалось отъ настоящаго. Заработная плата была несравненно выше теперешней. Такъ напримѣръ средней руки токарь на заводѣ Семянникова зарабатывалъ не менѣе 60—70 р. въ мѣсяцъ, тогда какъ теперь тамъ заработки самыхъ лучшихъ работниковъ не превышаютъ 50—40 рублей. То же самое и съ другими профессіями. Содержаніе рабочимъ обходилось тоже дешевле, такъ какъ многіе продукты были дешевле. Если къ этому прибавить развитіе потребностей рабочихъ, а оно носомѣнно было, то станетъ понятнымъ, почему, начиная съ 96 года, стачки и забастовки участились и стали повторяться все чаще и чаще.

Приемы пропаганды были въ то время почти тѣ же, что и теперь. Прежде всего съ рабочими говорили объ ихъ экономическихъ бѣдствіяхъ, о томъ, что все создается трудомъ, труду должно и принадлежать, что всѣ бѣдствія, невзгоды, нищета и невѣжество происходятъ отъ неправильнаго распредѣленія продуктовъ труда. Если бы этого не было, то всѣмъ бы жилось хорошо; что фабриканты, помѣщики, заводчики обираютъ рабочихъ, и противъ нихъ надо бороться. Но за эту борьбу сами рабочіе знали, чѣмъ приходилось расплачиваться—тюрьмой и ссылкой. Правительство всегда на сторонѣ богатыхъ, а не рабочихъ.

Тогда пропаганда принимала политическій характеръ: приходилось объяснять, что все правительство за одно съ заводчиками, фабрикантами, попами и помѣщиками. Стоитъ только забунтовать рабочимъ противъ хозяевъ или помѣщиковъ, какъ сейчасъ же имъ на помощь полиція, жандармы, казаки и солдаты. Тогда какъ, если рабочихъ притѣсняютъ, за нихъ не вступается никто; наоборотъ, за всякую жалобу сажаютъ въ тюрьму и ссылаютъ въ

Сибирь. Рабочіе должны завести другой порядокъ, при которомъ правители выбирались бы и устранялись народомъ. Но были и другіе приемы, менѣе удачные. Начинались они отрицаніемъ Бога, критикой духовенства или нападками на царя. Бывали примѣры, что такая пропаганда кончалась дракой: пропагандиста колотили благочестивые и вѣрные царю рабочіе. Такой способъ порицался почти всѣми. Иногда пропаганда велась въ портерныхъ или трактирахъ. Петербургскіе рабочіе любятъ посѣщать эти заведенія не потому, что тамъ можно выпить, нѣтъ: тамъ можно почитать газеты, журналы и поговорить. Заплати за кружку пива 5 коп. и сиди хоть цѣлый день, читай газеты. Въ портерныхъ же часто происходили свиданія съ интеллигентами. При пропагандѣ среди отдѣльных лицъ особенное вниманіе обращалось на нравственность рабочаго: требовалось, чтобы онъ былъ честный, некорыстолюбивый и трезвый хорошій работникъ, только такой можетъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ среди рабочихъ. Только такого будутъ слушать. О пьяницахъ иногда говорили: «экъ болтаетъ спьяну, за стаканъ водки все продастъ». Бывали, впрочемъ, примѣры, когда, познакомившись съ революціоннымъ дѣломъ, пьяницы бросали совершенно пить. Рабочихъ кассъ въ то время въ Петербургѣ не существовало, вмѣсто нихъ производились сборы временные, для арестованныхъ и для ихъ семействъ; вмѣсто того, чтобы покупать книги, записывались въ публичныя библіотеки, что дѣлалось частью потому, что при обыскахъ жандармерія отбирала самыя невинныя книги: Некрасова, Иванюкова, Писарева, Наумова и т. п. Имѣвшуюся нелегальную литературу берегли. Если кому давали, то непременно съ условіемъ возвратить. Часто упрекаютъ Н. Б. въ томъ, что она вырывала наиболѣе энергичныхъ рабочихъ и привлекала ихъ къ террору. Это совсѣмъ не вѣрно. Дѣло обстояло очень просто. Рабочіе-террористы вырабатывались самими условіями. Начиналось обыкновенно съ того, что рабочій побьетъ мастера часто по собственной инициативѣ или подниметъ какую либо исторію. Начинаются преслѣдованія. Менѣе твердая, менѣе постоянная натура, способная только въ отдѣльные моменты активно проявляться, останавливается. Наиболѣе же устойчивая идетъ далѣе. Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ сильнѣе у нея потребность сломить эти препятствія. А въ нихъ недостатка не было: на заводахъ притѣсненія, въ тюрьмѣ произволъ. И вотъ отъ фабричнаго, заводского террора, переходятъ къ политическому. Какъ это ни странно, но бывали примѣры, когда на словахъ и въ спорахъ человекъ громить всякій террористическій поступокъ, а на дѣлѣ оказывается террористомъ не только самъ, но увлекаетъ къ тому же и толпу. Такъ было съ Халтуринымъ въ С.-П.Б., когда онъ работалъ на Патронномъ заводѣ. Во время работы взорвало одну гранатку, осколки отъ нея попали въ груды другихъ гранатъ. Нѣсколько токарей было убито и ранено. Рабочіе понесли ихъ въ Тучковскую-Маринскую больницу. Настроеніе было возбужденное. Халтуринъ поддался

ему, онъ произнесъ горячую рѣчь, и когда раненыхъ внесли въ больницу, тутъ чуть не произошла свалка, которую поднялъ С. Халтуринъ. Дежурный докторъ приказалъ прислугѣ снять простыни съ коекъ, чтобы рабочія засаленныя блузы не запачкали этихъ тряпокъ. Надо было видѣть С. Халтурина, съ какимъ ожесточеніемъ бросился онъ на разсудительнаго доктора. Тотъ постыдился скрыться, предоставивъ С. Халтуруину съ товарищами распоряжаться палатой. Мало ли подобныхъ случаевъ пережилъ С. Халтуринъ въ своей жизни! И одинъ ли онъ? Въ 82 г. въ Москвѣ рабочіе завода Бромлея, поздне у Девисона въ мастерской, устроили забастовки съ жестокими избиеніями начальства безъ всякаго призыва къ тому. Часто слышались жалобы на отсутствіе массоваго движенія. Нѣкоторые изъ членовъ боевой организаціи предложили приурочить террористическіе акты къ массовому движенію. Планъ былъ таковъ: сьорганизовать рядъ террористическихъ предпріятій и привести ихъ въ исполненіе по возможности одновременно, въ то же время подготовить возстаніе въ нѣсколькихъ городахъ и овладѣть ими. Въ этомъ направленіи и сосредоточить всѣ силы. Грандіозный планъ нравился всѣмъ, тѣмъ болѣе, что въ Польшѣ организовалась партія «Пролетаріата». Явилась возможность войти съ нею въ соглашеніе и дѣйствовать совмѣстно. Южная боевая дружина предложила сѣздъ, на которомъ должны были участвовать представители сѣверныхъ организацій и представители «Пролетаріата». На этомъ сѣздѣ предполагалось обсудить именно этотъ планъ. Но созвать сѣздъ въ то время было не такъ легко. Судейкинъ и Дегаевъ, знавшій лично многихъ, раскинули широко свои сѣти. То тамъ, то тутъ они выхватывали людей. Необходимо было устранить ихъ. Кромѣ того завѣяться подготовительными работами въ городахъ, намѣченныхъ для возстанія. Необходимо было немедленно устроить нѣсколько типографій. Въ концѣ 83 г. Судейкина уже не стало. Многіе остались недовольны, что Дегаевъ остался ненаказаннымъ. Говорили, что онъ могъ снова попасться въ руки правительства и оказывать ему услуги. Въ Харьковѣ былъ убитъ предатель и провокаторъ Федоръ Шкрѣба, сподвижникъ Судейкина, долго подвизавшійся на этомъ поприщѣ. Какъ ловко онъ дѣйствовалъ, можно судить по тому, что послѣ убійства, харьковскіе чернопредѣльцы обвиняли народовольцевъ въ ошибкахъ. Убѣдились они только тогда, когда получили доказательства отъ самого Судейкина. Въ началѣ 84 г. начались аресты на югѣ Россіи. Была арестована типографія въ Кіевѣ. Произошло два ареста съ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Погромъ распространился на сѣверъ. Арестовали Салову, Лопатина и другихъ, а затѣмъ разгромы пошли по всей Россіи: въ Харьковѣ, Кіевѣ, Ростовѣ, Москвѣ, Одессѣ, Севастополѣ, Елисаветградѣ, Полтавѣ и другихъ городахъ. На помощь революціонной неосторожности явился предатель Элько, который предалъ то, что еще уцѣлѣло. Онъ выдалъ Лисянскаго и Антонова. Лисянскаго взяли въ квартирѣ, гдѣ хранились бомбы. Его арестъ сопровождался вооруженнымъ

Николай Алексѣвичъ
САБЛИНЪ.

сопротивленіемъ, при чемъ одинъ околоточный поплатился жизнью. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, Элько выдалъ многихъ другихъ въ Воронежѣ и Екатеринославѣ, не говоря о томъ, что онъ рассказаль все, что зналъ объ арестованныхъ. Партія «Пролетаріатъ», не успѣвъ окрѣпнуть, тоже была разгромлена. Лучшіе члены ея были арестованы. Хотя одинъ предатель и былъ убитъ, но его мѣсто заступилъ другой и предалъ остальныхъ. Наступило затишье. Начались процессы въ Кіевѣ, Харьковѣ, Варшавѣ и С.-Петербургѣ, затѣмъ въ Одессѣ. Движеніе начало замирать, лучшія силы томились по тюрьмамъ, на каторгѣ и въ ссылке, а кто уцѣлѣлъ—покинули Россію. Движеніе не проникло широко въ массу. Русская интеллигенція, поставлявшая много лѣтъ революціонныхъ борцовъ, какъ бы истощилась. Новымъ силамъ взяться было неоткуда. И вотъ наступаетъ мрачное время затишья и царство реакціи. Лишь по временамъ дѣлаются попытки воскресить движеніе. Такими попытками была дѣятельность Сигиды съ товарищами и дѣло Ульянова, Осипанова и др. въ С.-П.Б. Но это были слабые огоньки на обширномъ потухающемъ пожарищѣ. Кое гдѣ уцѣлѣли рабочіе кружки, но они были одиноки и вели мирную пропаганду до 90-хъ г. Нѣкоторые изъ нихъ погибли по дѣлу Гявзбургъ. Часто приписываютъ гибель партіи Н. В. тому, что она отводила слишкомъ много мѣста террору, слишкомъ увлекалась политическими задачами и мало обращала вниманія на рабочую массу. Такіе упреки могутъ дѣлать только люди, стоявшіе далеко отъ дѣла. Они знали только внѣшность, а о той работѣ, которая шла безъ всякаго шума, въ нѣдрахъ рабочей массы, они не знали и не могли знать. Не надо забывать притомъ, что Н. В. пришлось работать въ то время, когда рабскій духъ крѣпостничества не успѣлъ заглухнуть, когда промышленность только зарождалась, когда реформа 19-го февраля висѣла пріятнымъ кошмаромъ надъ русской землей, когда на 100 человѣкъ приходилось только 10—12 чел. грамотныхъ, когда легальная литература была достояніемъ немногихъ; тогда могло быть одно изъ двухъ: или стихійное движеніе, массовое или партійное, какъ народовольческое. Первое было предупреждено 19-мъ февралемъ. Оставалось второе. Его и избрала Н. В. Но ей неоставало массоваго движенія, создать которое въ нѣсколько лѣтъ не могла бы никакая организація.

В. Панкратовъ.

Н. А. Морозову ¹⁾.

Доброй, отзывчивой, чуткой душою
Міръ озаряй,
Страстью могучею, твердой рукою
Зло покоряй.

* * *

Если тебя за святою работою
Люди убьютъ,
Братья придутъ и окончатъ съ заботою
Начатый трудъ.

А. Ольхинъ.

¹⁾ Стихотвореніе это, никогда не бывшее въ печати, написано присяжнымъ повѣреннымъ А. А. Ольхинымъ въ 1879 году и намъ передано одною писательницею, получившею его гдѣ около десяти тому назадъ отъ самого Ольхина. Посвящено оно извѣстному дѣятелю освободительнаго движенія, протомившемуся почти четверть вѣка въ казематахъ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостей, Николаю Александровичу Морозову. Изъ стихотвореній Ольхина напечатано только одно, но это одно—знаменитое въ свое время стихотвореніе на смерть Мезенцева—„У гроба“. Оно напечатано въ № 1 „Земли и Воли“ и перепечатано въ сбор. Базилевскаго „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“. Самъ Ольхинъ былъ преданъ суду въ 1879 году по дѣлу Л. Ф. Мирскаго (недавно вторично приговореннаго къ смертной казни въ Читѣ), но судъ его оправдалъ. Тѣмъ не менѣе, Ольхинъ, какъ водится, былъ высланъ административно и возвратился въ Петербургъ лишь въ 90-хъ годахъ, гдѣ и скончался.

Ред.

Шлиссельбургская узница

Людмила Александровна Волкенштейнъ.

* * *

Не на волѣ широкой—подъ сводомъ тюрьмы
Мы впервые съ тобой повстрѣчались...
Въ тѣ тяжелые дни, когда съ жизнію мы
Предъ суровою карой прощались...
 Было мнѣ въ эти дни не до новыхъ людей:
 Жизнь прошедшая мнѣ рисовалась...
 Проходилъ предо мной рядъ погибшихъ друзей...
 Братство славное ихъ вспоминалось...
Съ этимъ братствомъ несла я тревоги борьбы...
Ему силы свои отдавала...
Неудачи, измѣны, удары судьбы
До послѣдняго дня раздѣляла...
 Но союзъ нашъ, борьбою распатанный, палъ...
 Неудачи его сокрушили:
 Безпощадно судъ смертью однихъ покаралъ,
 Въ равелинѣ другихъ схоронили...
И пришлось въ день расчета одной мнѣ предстать,
Съ грустнымъ взоромъ, назадъ обращеннымъ...
Среди новыхъ людей одинокою стать,
Съ душой тяжкою, съ сердцемъ стѣсненнымъ...
 Мудрено-ль, что тебѣ, какъ подругѣ чужой,
 Равнодушно я руку пожала?!.
 Жизнь кончалась, и темная ночь надо мной
 Свой туманный покровъ разстилала...
И не думала я, что съ тобою войду
Въ эти стѣны дѣлить одно бремя...
Что въ тебѣ я опору и друга найду
Въ безразсвѣтное, мрачное время...

Шлиссельбургъ, 1893 г.

Это стихотвореніе посвящено мною Людмилѣ Александровнѣ Волкенштейнъ, съ которой въ первый разъ я встрѣтилась 24 сентября 1884 г., въ Петербургѣ, въ залѣ Суда, а рассталась въ Шлиссельбургѣ, 23 ноября 1896 г., послѣ 12 лѣтъ жизни въ этой крѣпости. Наша встрѣча на судѣ была слишкомъ мимолетна, чтобъ

*

я могла вынести опредѣленное впечатлѣніе отъ личности Л. А. На скамьѣ подсудимыхъ мы сидѣли далеко другъ отъ друга и не могли перекинуться ни единымъ словомъ. Только разъ, послѣ даннаго подсудимымъ «послѣдняго слова», намъ, тремъ женщинамъ, судившимся по этому процессу (Волкенштейнъ, Чемодановой и мнѣ), удалось въ корридорѣ привѣтствовать другъ друга. Эпизодъ убійства князя Крапоткина въ Харьковѣ, по поводу котораго Л. А. была привлечена къ процессу 14-ти, по времени и дѣйствующимъ лицамъ, не имѣлъ никакой прямой связи съ остальными судившимися. Въ самомъ дѣлѣ, участники этого убійства (Кобылянский, Зубковский) было осуждены уже давно, а главное дѣйствующее лицо, Гольденбергъ, еще ранѣе покончилъ съ собою въ Петропавловской крѣпости, какъ о томъ въ свое время донесъ Исполнительному Комитету Клѣтчиковъ, служившій помощникомъ дѣлопроизводителя въ III-мъ Отдѣленіи, а съ преобразованиемъ его, въ той же должности въ департаментѣ полиціи. Участіе въ дѣлѣ убійства Крапоткина было единственнымъ обвиненіемъ противъ Л. А. и основывалось на показаніи Гольденберга, разсказавшаго во время своего предательства, что Волкенштейнъ была посвящена въ его намѣренія относительно харьковскаго губернатора и вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, Кобылянскимъ и Зубовскимъ отправилась изъ Кіева въ Харьковъ, гдѣ наняла конспиративную квартиру, въ которой совѣщались и укрывались заговорщики. На судѣ, кромѣ показаній умершаго Гольденберга, были прочтены старыя показанія горничной, якобы признавшей въ предъявленной ей карточкѣ Волкенштейнъ—ту самую особу, которая нанимала вышеупомянутую квартиру. Самой свидѣтельницы на судѣ не было. Улики были не велики, но Л. А. не желала скрывать свои убѣжденія: она открыто признала свое полное сочувствіе террористической дѣятельности партіи Народной Воли, свое полное участіе въ дѣлѣ Крапоткина и заявила, что вернулась изъ-за границы съ цѣлью отдать свои силы на дальнѣйшую дѣятельность партіи въ томъ же направленіи. Надо замѣтить, что ранѣе, чѣмъ Гольденбергъ былъ арестованъ осенью того же 79 г., въ которомъ былъ убитъ Крапоткинъ, Л. А. эмигрировала и возвратилась въ Россію лишь осенью 1883 г. и чрезъ самое короткое время—въ сентябрѣ того-же года была арестована въ Петербургѣ, выслѣженная сыщиками, повидимому, еще въ Румыніи, гдѣ она передъ тѣмъ жила.

На судѣ Л. А. не имѣла защитника, отказавшись отъ такового по принципу. Военный судъ, щедро назначавшій смертную казнь, приговорилъ къ ней и Л. А. По прочтеніи приговора, судьи, по разсказамъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ разговорахъ между собой цинично говорили: «Однако... мы ей закатали!» Присяжный повѣренный Леонтьевъ 2-й тщетно предлагалъ Л. А. подать кассационную жалобу въ Сенатъ: она отказалась отъ этого наотрѣзъ. Однако, вѣроятно, въ виду полной несоразмѣрности этой кары, смертная казнь была замѣнена

Л. А. 15-ю годами каторжныхъ работъ. 12 октября 1884 г. изъ Петропавловской крѣпости ее увезли въ Шлиссельбургъ. Мать и мужъ Л. А., случайно опоздавшіе пріѣхать въ Петербургъ ко времени суда, тщетно хлопотали, чтобъ имъ дали проститься съ нею. Этого утѣшенія они не добились. Л. А. не видала и своего единственнаго сына, Сергѣя, оставленнаго ею въ 79 году 2-хлѣтнимъ ребенкомъ на попеченіи отца и бабушки. Эти обстоятельства все время составляли предметъ горькихъ воспоминаній Л. А.

По привозѣ въ Шлиссельбургъ Л. А. и меня помѣстили вдаль другъ отъ друга, на противоположныя стороны тюрьмы, не долго предъ тѣмъ открытой (въ августѣ 1884 г. ¹⁾). Сношеній между нами не было, хотя по нѣкоторымъ, почти неуловимымъ признакамъ мы знали, что обѣ привезены въ эту крѣпость.

Уже съ начала 85 года заключеннымъ было разрѣшено гулять вдвоемъ, и мы замѣтили, что нѣсколько человѣкъ, дѣйствительно, пользуются этой льготой. До января 86 года я, молча, ожидала, когда-же и мнѣ дадутъ возможность видѣться съ Л. А., и недоумѣвала, почему-же собственно я лишена радости имѣть товарища и друга? Наконецъ, 3-го или 4-го числа я рѣшилась и спросила смотрителя Соколова: «Почему мнѣ не дають гулять съ подругой?» Смотритель, съ которымъ всѣ мы избѣгали о чемъ бы то ни было говорить, немного помолчалъ, а затѣмъ сказалъ: «Можно дать, только... не слѣдуетъ»... Онъ согнулъ указательный палецъ и сталъ постукивать имъ въ косякъ, какъ въ тюрьмѣ разговариваютъ стукомъ въ стѣну.

Я отвѣтила, что и такъ стучу очень мало.

Разговоръ на этомъ кончился, и я продолжала прежній образъ жизни, разговаривая понемножку съ моими сосѣдями: Панкратовымъ (рядомъ) и Морозовымъ, камера котораго была внизу.

14-го января, когда меня повели гулять и я, ничего не подозревая, вошла въ калитку той «кѣтки», гдѣ должна была совершаться прогулка, я неожиданно увидѣла фигуру въ нагольномъ полушубкѣ и холщевомъ платкѣ, которая быстро заключила меня въ свои объятія и въ которой я съ трудомъ признала Волкенштейнъ, видѣнную мной на судѣ въ цивилизованномъ платьѣ. Вѣроятно, и она столь же была поражена метаморфозой, совершившейся со мной...

И такъ мы стояли, держа другъ друга въ объятіяхъ, не зная: радоваться намъ или плакать?...

А потомъ стали знакомиться.

Л. А. хорошо было извѣстно, что о ней я ровно ничего не знала, кромѣ того, что выяснилось на судѣ. До того я слышала ея имя только изъ устъ Гольденберга, когда послѣ Воронежскаго сѣзда я видѣла его въ Петербургѣ. Онъ отзывался о Л. А. съ величайшей похвалой и рекомендовалъ ее въ члены организациі

¹⁾ Везли насъ на пароходѣ тоже врозь.

«Народной Воли», какъ человѣка вполне преданнаго революціонному дѣлу и раздѣляющаго программу партіи. Но изъ первоначальныхъ членовъ организаціи «Народной Воли» никто не зналъ Л. А. лично, а потому вопросъ о приглашеніи ея въ организацію былъ отложенъ. Однако было рѣшено имѣть ее въ виду и, конечно, ее приняли бы, если бы въ ту же осень она не выѣхала за границу. Обо мнѣ-же Л. А., кажется, слыхала болѣе и, по ея словамъ, заочно любила меня. Съ трогательной откровенностью она сказала, что, получивъ обвинительный актъ и найдя въ немъ мое имя, она приложилась къ нему губами... Теперь-же, когда мы наконецъ встрѣтились при такихъ условіяхъ, что могли свободно говорить, ей хотѣлось поскорѣй вылить свою душу, рассказать о своей прошлой жизни, о воспитаніи, семьѣ и дѣтяхъ, обо всемъ, что необходимо было рассказать, чтобъ сблизиться другъ съ другомъ.

Людмила Александровна Волкенштейнъ (урожденная Александрова) родилась въ Кіевѣ 18 сентября 1857 года. Ея родители принадлежали къ дворянскому сословію, и отецъ былъ военнымъ, въ отставкѣ. Они были довольно богаты, но, по смерти отца, мать увлеклась строительной горячкой, одно время свирѣпствовавшей въ Кіевѣ, и въ спекуляціяхъ домами потеряла всѣ средства, такъ что впослѣдствіи пользовалась матеріальной поддержкой двухъ сыновей (одинъ служилъ на желѣзной дорогѣ, другой—былъ ветеринаромъ на Дальнемъ Востокѣ) и жила съ младшей дочерью, занимавшейся на бактериологической станціи въ Кіевѣ. Въ Кіевѣ-же Л. А. провела свое дѣтство и раннюю молодость. Отца своего Л. А. не любила и не уважала. По ея отзывамъ это былъ грубый и во всѣхъ отношеніяхъ несимпатичный человѣкъ, и отношенія въ семьѣ были дурныя. Когда Л. А. была уже взрослой гимназисткой, отецъ дошелъ до того, что однажды поднялъ, было, на нее руку... Послѣ этого мать, страстно любившая дочь, устроила ее отдѣльно отъ семьи, нанявъ у знакомыхъ комнату и давъ средства для самостоятельной жизни. Свою мать Л. А. любила безпредѣльно и уважала глубоко, какъ человѣка добраго, гуманнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ твердаго. Все, что въ ней самой было хорошаго, Л. А. приписывала воспитательному вліянію и наслѣдственности со стороны матери, объ отцѣ-же сохраняла лишь тяжелое воспоминаніе.

Къ грусти, что, уходя изъ жизни, ей не удалось проститься съ матерью, въ Шлиссельбургѣ присоединилось огорченіе отъ отсутствія какихъ бы то ни было свѣдѣній о родныхъ.

Случилось такъ, что изъ всѣхъ товарищей я первая получила краткое и сухое словесное извѣщеніе изъ департамента полиціи, что моя мать жива, здорова и шлетъ мнѣ *поклонъ*. Это было черезъ *три* года по заключеніи въ Шлиссельбургъ, а Л. А. еще долго послѣ того не имѣла ни одной вѣсточки. Тщетно успокаивала я ее тѣмъ, что мои родные живутъ въ Петербургѣ, или имѣютъ частыя сношенія съ нимъ; что по процессамъ сестеръ

они приобрѣли извѣстную опытность, которой не имѣетъ ея мать; что, живя въ Кіевѣ, она даже не знаетъ, куда обратиться съ просьбой извѣститъ дочь о своемъ существованіи. Л. А. была неутѣшна и каждый разъ, когда я снова получала холодную реляцію на подобіе первой, она начинала тосковать и горько плакать, такъ что мнѣ тяжело было сообщать ей о своей радости, тяжело, что я имѣю ее одна и не могу помочь горю друга. Наконецъ, вѣсть отъ матери, эта долгожданная вѣсть, пришла, но при такихъ обстоятельствахъ, что Л. А. даже не захотѣла выслушать ее...

Въ первые годы заключенія, каждые шесть мѣсяцевъ насъ посѣщало какое нибудь высшее начальство изъ Петербурга. Въ одно изъ подобныхъ посѣщеній (если не ошибаюсь, въ 1889 г.) товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генераль Шебеко обошелся непростительно грубо съ нѣкоторыми изъ заключенныхъ. Войдя въ камеру Шебалина, онъ остался недоволенъ выраженіемъ его лица. «Это что за дерзкая фizioномія? Кто это?» спросилъ онъ смотрителя и присутствовавшаго при этомъ коменданта. У Трифони, когда тотъ хотѣлъ сдѣлать какое-то заявленіе, генераль, перебивая его, закричалъ: «Надо помнить, что эта тюрьма замѣняетъ смертную казнь!..» а выходя въ корридоръ, говорилъ: «они разсуждаютъ, бунтуютъ!.. Полковникъ,—плети, плети!..» Поднявшись наверхъ, Шебеко зашелъ къ Конашевичу и къ Волкенштейнъ. И тутъ произошли сцены въ родѣ предыдущихъ. Обращаясь къ Л. А., Шебеко сказалъ: «Вы отвратительно себя ведете! Вы только и дѣлаете, что сидите въ карцерѣ! Въ инструкціи есть розги!..»

Когда, послѣ отъѣзда Шебеко, въ тюрьмѣ узнали о всѣхъ этихъ возмутительныхъ грубостяхъ, то единодушно рѣшили не принимать болѣе генерала Шебеко къ себѣ; въ случаѣ дальнѣйшихъ визитацій бойкотировать его: заявленій не дѣлать, на вопросы не отвѣчать, никакихъ сообщеній не выслушивать и въ той или иной формѣ просить его выйти вонъ...

Послѣ этого прошелъ, должно быть, годъ, и Шебеко въ тюрьмѣ не появлялся. Быть можетъ, онъ и самъ потомъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, а можетъ быть ему и донесли, что къ его встрѣчѣ приготовились, и онъ не желалъ дать поводъ къ какой нибудь тяжелой тюремной исторіи... Затѣмъ, онъ прибылъ въ свѣтъ м-ра внут. дѣлъ И. Н. Дурново, но при обходѣ всѣхъ камеръ министромъ оставался въ корридорѣ и зашелъ вмѣстѣ съ Дурново лишь къ Волкенштейнъ. Раскланявшись, онъ началъ: «Ваша матушка...» Но Л. А., въ присутствіи Дурново, прервала его словами: «Отъ васъ я не хочу слышать даже о матери»...

Шебеко повернулся и тотчасъ вышелъ. Ни къ кому другому онъ въ этотъ разъ ужъ не зашелъ и, вообще, это былъ его послѣдній визитъ въ Шлиссельбургскую тюрьму, хотя на своей должности онъ оставался еще долго.

Съ 92 года намъ стали вмѣсто устныхъ сообщеній о родныхъ давать крошечныя памятки, бумажку, гдѣ канцелярскимъ слогомъ сообщалось, что родные (имя рекъ) живы и здоровы, чего

и намъ желаютъ. Сначала эти бумажки только давали прочитаты и отбирали; потомъ стали оставлять въ нашихъ рукахъ. Подобныя памятки стала получать и Волкенштейнъ.

Училась Л. А. въ Кіевской женской гимназіи, но, имѣя хорошія способности, относилась къ сухимъ школьнымъ занятіямъ довольно небрежно. Въ силу этого, срѣзавшись на экзаменѣ, не захотѣла подвергнуться переэкзаменовкѣ и оставила гимназію, не получивъ диплома объ окончаніи ея. Изъ гимназической жизни Л. А. разсказала мнѣ одинъ эпизодъ, характерный для ея личности. Въ одномъ классѣ съ ней училась горбатая дѣвочка, которая всегда оставалась одинокой и, видимо, чувствовала себя для всѣхъ чужой. Однажды, вызвавшій ее учитель позволилъ себѣ какую-то насмѣшку надъ ея уродствомъ. «Вы не смѣете поступать такъ! Вы не смѣете унижать и насмѣхаться!».. закричала на весь классъ Л. А. со своего мѣста.

Учитель сконфузился, а въ маленькой горбунѣ Л. А. нашла самую горячую, почтительную преданность. Судьба, должно быть, не баловала дѣвочку сочувствіемъ людей и съ той поры, какъ она увидѣла въ Л. А. свою покровительницу, во всякую погоду Л. А. встрѣчала ее на своемъ пути въ гимназію: дѣвочка поджидала ее гдѣ нибудь на улицѣ, чтобъ проводить до гимназическаго зданія, а по окончаніи уроковъ—до дому.

Между одноклассницами Л. А. имѣла большихъ пріятельницъ, носившихъ среди знакомыхъ шутовское прозвище «галки», кажется, по чернымъ платьямъ. Хотя этотъ кружокъ не преслѣдовалъ никакихъ общественныхъ цѣлей, но съ социалистическими идеями Л. А. познакомилась еще будучи въ гимназіи. Въ числѣ ея знакомыхъ былъ Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, студентъ - медикъ Кіевского университета, за котораго, по выходѣ изъ гимназіи, она вышла замужъ. Александръ Александровичъ стоялъ довольно близко къ кіевской группѣ Чайковцевъ. Члены петербургскаго кружка Чайковцевъ считали его членомъ организаціи, но затѣмъ, безъ рѣзкаго разрыва, онъ постепенно отдалился отъ всѣхъ революціонныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ полиціи онъ былъ скомпрометтированъ, и его судили по процессу 193-хъ (18 октября 77-го—23 января 78-го гг.). Во время заключенія Александра Александровича въ тюрьмѣ, родился его сынъ—Сергій. Л. А. тогда было 19 или 20 лѣтъ. Во время самаго процесса она была въ Петербургѣ и посѣщала мужа, а послѣ суда вмѣстѣ съ Ал. Ал., который былъ оправданъ, возвратилась въ Кіевъ, гдѣ встрѣчалась съ различными революціонерами (Самарская, Григорій Гольденбергъ, Зубовскій, Кубылянский и др.). Мысль объ убійствѣ харьковскаго губернатора, князя Крапоткина, возникла въ Кіевѣ въ декабрѣ

1878 г. и принадлежала Гольденбергу. Мотивомъ, какъ извѣстно, было дурное обращеніе съ политическими заключенными въ центральныхъ тюрьмахъ (Зміевской и Бѣлгородской) и избиеніе харьковскихъ студентовъ во время уличныхъ беспорядковъ. Находившійся въ то время въ Кіевѣ Валеріанъ Осинскій, бывшій душой всѣхъ террористическихъ фактовъ на югѣ, доставилъ Гольденбергу деньги, оружіе и адреса въ Харьковъ. Волкенштейнъ и Зубковскому было предложено ѣхать туда же для основанія конспиративной квартиры. Выслѣдивши съ помощью Кобылянского время выѣздовъ губернатора, Гольденбергъ смертельно ранилъ его 9 февраля 79 года выстрѣломъ изъ револьвера ¹⁾. Онъ вскочилъ на подножку кареты въ то время, когда князь, возвращаясь съ бала, ѣхалъ черезъ Вознесенскій скверъ, расположенный передъ губернаторскимъ домомъ. Фактъ былъ совершенъ отъ имени Исполнительнаго Комитета, ядро котораго уже существовало внутри организаціи общества «Земля и Воля». Самъ Гольденбергъ считался однимъ изъ агентовъ низшей степени Исполнительнаго Комитета. Заговорщики благополучно скрылись. Черезъ 4 дня послѣ убійства Л. А. возвратилась въ Кіевъ, а осенью того-же года, какъ было уже сказано, покинула Россію.

За границей Л. А. проживала короткое время во Франціи и въ Швейцаріи.

Въ послѣдней она мелькомъ встрѣтилась въ 80 г. съ Н. А. Морозовымъ, своимъ будущимъ товарищемъ по Шлиссельбургу. Но большую часть времени, проведеннаго за границей, Л. А. прожила въ Болгаріи и Румыніи, въ кругу русскихъ эмигрантовъ. Въ числѣ послѣднихъ она называла Каца съ женой, Василя Ивановскаго, Дическула (судившагося по процессу 193-хъ) и др. Нѣкоторое время Л. А. служила въ Болгаріи въ качествѣ смотрительницы больницы, которою завѣдывалъ знакомый ей русскій врачъ Ю., жена котораго была близкимъ другомъ Л. А. Надо сказать, что Л. А. была нѣсколько причастна и медицинѣ, такъ какъ во время Русско-Турецкой войны прослужала въ Кіевѣ 3-хъ мѣсячный курсъ перевязокъ, приготавливавшій сестеръ милосердія для русской арміи. Въ послѣдній годъ пребыванія въ Шлиссельбургѣ Л. А. начала усердно заниматься медициной, чтобъ приобрѣсти знанія въ размѣрѣ фельдшерскаго курса, что должно было пригодиться ей въ ссылкѣ. Но объ этомъ я скажу послѣ.

Заграничная жизнь съ ея оторванностью, отсутствіемъ живой дѣятельности и платоническими мечтами о родинѣ не удовлетворяла Л. А. и, оставивъ друзей, она возвратилась въ Россію съ паспортомъ болгарской подданной. Вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ она была приглашена въ участокъ, гдѣ подверглась подробному допросу насчетъ знанія болгарскаго языка и почему хорошо говорить по русски. Отвѣты были, болѣе или менѣе, правдо-

¹⁾ Крапоткинъ умеръ черезъ 5 дней (16 февр.).

подобны, и ее отпустили. Но по прошествіи недѣли или двухъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поводовъ, она была арестована.

Съ большой горечью, пробѣгая въ воспоминаніяхъ свое прошлое, Л. А. говорила, что всю жизнь стремилась къ настоящимъ людямъ и къ настоящей дѣятельности, и что ей такъ и не пришлось найти себѣ удовлетворенія... Въ связи съ этимъ она признавалась, что судъ былъ для нея праздникомъ, такъ какъ на немъ она могла, по крайней мѣрѣ, открыто исповѣдать свои убѣжденія. Поэтому-то она не взяла себѣ защитника, отказалась отъ кассаціи и была чрезвычайно довольна вынесеннымъ ей суровымъ приговоромъ. Характерна и слѣдующая подробность ея настроенія и поведенія послѣ суда.

Когда, передъ увозомъ въ Шлиссельбургъ, ей надѣли ручные кандалы, это не произвело на нее тяжелаго впечатлѣнія. Напротивъ, она почувствовала приливъ гордости и «на пароходѣ я все время демонстративно побрякивала ими», рассказывала она мнѣ въ Шлиссельбургѣ.

Искренность и простота Л. А., ея готовность понести, какую угодно, кару за свои убѣжденія и необыкновенная сердечность въ обращеніи скоро вполне обворожили меня. Мы подружились дружбой самой нѣжной и идеальной, какая возможна только въ такихъ условіяхъ, въ какихъ мы тогда были. Мы походили на людей, выброшенныхъ кораблекрушеніемъ на необитаемый островъ. У насъ не было *никого* и *ничего*, кромѣ другъ друга. Мы были оторваны отъ жизни и дѣятельности, отрѣзаны отъ человечества и родины, лишены друзей, товарищей и родныхъ. Не только люди, но и природа, краски, звуки—все исчезло... Вмѣсто этого былъ сумрачный склепъ съ рядомъ таинственно замурованныхъ ячеекъ, въ которыхъ томились невидимые люди, зловѣщая тишина и атмосфера насилія, безумія и смерти.

Понятно, что общеніе двухъ душъ въ такой обстановкѣ должно было доставлять невыразимое наслажденіе и навсегда оставило въ душѣ самое трогательное воспоминаніе.

Не знаю, что давала я Л. А., но она была моимъ утѣшеніемъ, радостью и счастьемъ. Мои нервы и организмъ были потрясены въ глубочайшихъ своихъ основахъ. Я была слаба физически и измучена душевно... общее самочувствіе мое было прямо ненормально... и вотъ я получила друга, на котораго тюремныя впечатлѣнія не дѣйствовали такъ губительно, какъ на меня: и этотъ другъ былъ воплощеніемъ нѣжности, доброты и гуманности. Всѣ сокровища своей любящей души она щедрой рукой отдавала мнѣ. Въ какомъ бы мрачномъ настроеніи я ни приходила, она всегда умѣла чѣмъ нибудь развлечь и утѣшить меня. Одна ея улыбка и видъ милаго лица разгонялъ тоску и давалъ радость. Послѣ свиданья я уходила успокоенной, преображенной... камера ужъ не казалась мнѣ такой сумрачной, а жизнь—тяжелой. Тотчасъ я начинала мечтать о новой встрѣчѣ послѣ завтра... Свиданія были черезъ день: тюремная дисциплина, очевидно, находила нуж-

нымъ разбавлять радость нашихъ встрѣчъ днемъ полного одиночества. Но это, быть можетъ, только обостряло наше стремленіе другъ къ другу и поддерживало то «праздничное» настроеніе, о которомъ впоследствии было такъ пріятно вспоминать.

Когда въ тюрьмѣ происходило какое нибудь несчастье, когда умирали наши товарищи, стоны и предсмертную агонію которыхъ мы слышали отчетливо въ стѣнахъ тюрьмы, замѣчательно отзывчатой въ акустическомъ отношеніи, мы встрѣчались блѣдныя, взволнованныя и безмолвныя. Стараясь не смотрѣть другъ другу въ лицо, мы цѣловались и, обнявшись, молча прохаживались по дорожкѣ, или сидѣли на землѣ ¹⁾, прислонившись къ забору, подалше отъ жандарма, слѣдившаго съ высоты своей вышки за каждымъ нашимъ движеніемъ. Въ такіе дни простая физическая близость, возможность прижаться къ плечу друга—была уже отрадой... и облегчала тяжесть жизни... Былъ въ 86 году мѣсяць, когда одинъ за другимъ умерли: Кобылянский, Исаевъ и Игнатій Ивановъ. Первый отъ цынги, второй отъ чахотки, а Игнатій Ивановъ, кажется, отъ того и другого... къ тому же—онъ былъ безумецъ!...

Пока Исаевъ былъ на ногахъ и ходилъ гулять, его громкій, хриплый и словно изъ пустой бочки кашель надрывалъ душу, если приходилось быть рядомъ... Иногда же насъ приводили въ ту самую клѣтку, гдѣ передъ тѣмъ былъ онъ. На снѣгу, справа и слѣва, виднѣлась алая, только что выброшенная имъ кровь... Эта не убранная, не прикрытая, хотя бы снѣгомъ, кровь товарища вызывала щемящую тоску... Это былъ символъ изсякающей жизни,—жизни товарища, которому не поможетъ наука, никакая сила человѣческая... И отвести отъ этой крови глазъ было некуда. Небольшое пространство «клѣтки» было сплошь завалено снѣгомъ: оставалась лишь узкая тропинка, по которой, поневолѣ, только и приходилось ходить. Отвратительно было это палачество, которое нѣсколькими ударами лопаты могло скрыть кровавый слѣдъ, но цинично оставляло его на муку и поученіе невольныхъ посѣтителей... Намъ же тогда не давали даже лопаты.

Предсмертныя страданія Исаева были ужасны. Это была, кажется, самая тяжелая агонія изъ всѣхъ, которыя пришлось пережить. Немного морфія или опія, вѣроятно, облегчили бы ему борьбу со смертью и избавили отъ потрясенія всѣхъ насъ. Но ничего подобнаго не было сдѣлано. Мертвая тишина стояла въ тюрьмѣ... всѣ мы притаились, какъ будто, сжались и съ затаеннымъ дыханіемъ прислушивались къ полному затишью... не было ни звука... и среди напряженного состоянія внезапно раздавался протяжный стонъ, скорѣе похожій на крикъ... Тяжело быть *свидѣтелемъ* разставанья человѣка съ жизнью, но еще тяжелѣе и страшнѣе быть пассивнымъ, замурованнымъ въ каменный мѣшокъ, *слушателемъ* такого разставанья. Только въ тюрьмѣ да

¹⁾ Скамей не было.

въ домѣ умалишенныхъ, который, вообще, имѣетъ во многихъ отношеніяхъ сходство съ тюрьмою, возможны потрясающія, зловѣщія сцены въ родѣ этихъ...

Весной намъ съ Л. А. дали по 2 грядки ¹⁾ въ огородѣ. Еще задолго до того мы были сильно заинтересованы какими-то таинственными приготовленіями, скрытыми отъ нашихъ взоровъ досчатой перегородкой: оказывается тамъ ставили заборы для 6 огородовъ; они примыкали къ высокой крѣпостной стѣнѣ и оканчивались саженьхъ въ трехъ отъ тюремнаго зданія. На баржахъ была привезена гдѣ-то по дорогой цѣнѣ купленная земля и въ видѣ уже готовыхъ грядъ насыпана по огородамъ.

Нашъ огородъ представлялъ собою небольшое, продолговатое, очень невзрачное мѣстечко, почти совсѣмъ лишенное лучей солнца. Съ одной стороны каменная стѣна, съ трехъ остальныхъ—3¹/₂-аршинный досчатый заборъ: откуда нибудь да всегда падаетъ тѣнь! Однако и этотъ колодезь показался намъ раемъ. Тутъ была земля—настоящая земля... земля полей и деревень... черная, рыхлая и прохладная. До этого мы видѣли въ своей тѣсной оградѣ только бесплодный пустырь: плотно убитую каменистую почву, на которой не пробивалась ни одна травка. Это было устроено, конечно, для облегченія надзора, чтобъ мы не завели другъ съ другомъ письменныхъ сношеній, скрывая письма среди какой нибудь зелени. Въ 86 г., въ эти дворники, лѣтомъ, съ береговъ рѣки, привезли песокъ и положили по деревянной лопатѣ: «для моціона», сказалъ смотритель. Предполагалось этой лопатой перебрасывать песокъ съ одного мѣста на другое и этимъ цѣлесообразнымъ способомъ укрѣплять силы заключенныхъ. Дѣйствительно, кто не имѣлъ огорода (а его дали весьма немногимъ), чтобъ какъ нибудь убить время, бросалъ этотъ песокъ; но потомъ это страшно надоѣло, и мы называли это занятіе работами національных мастерскихъ во Франціи 48-го года.

Когда давали огородъ, смотритель и вахмистръ, молча, вводили заключеннаго и пальцемъ указывали одну или двѣ гряды. Затѣмъ, также молча, вахмистръ вручалъ пакетъ съ огородными сѣменами (редисъ, рѣдька, морковь, рѣпа, горохъ, брюква, макъ) и, взявъ щепотку, мимикой показывалъ, что надо дѣлать: наклонялся къ землѣ, дѣлалъ въ ней пальцемъ ямки и клалъ сѣмячко, послѣ чего въ молчаньи удалялся вмѣстѣ съ присутствовавшимъ при всей процедурѣ смотрителемъ. Не только разговаривать, но вообще, говорить что нибудь заключенному—жандармамъ было строго запрещено. Въ случаѣ необходимости—вахмистръ прибѣгалъ къ мимикѣ и, благодаря этому, впоследствии мы обозначали его шутивнымъ прозвищемъ «Мимика».

Появленіе молодыхъ всходовъ, пробивавшаяся повсюду зелень, доставляли намъ несказанное удовольствіе, а когда лѣтомъ зацвѣли посаженные самими жандармами вдоль забора цвѣты,

¹⁾ Арш. 4 длины, 1 ар. ширины—каждая.

мы пришли въ чисто дѣтское восхищеніе. Мы страшно соскучились по травѣ, по полямъ и лугамъ, и клокъ зелени вызывалъ совершенно неожиданно пріятную волну чувствъ въ нашей изголодавшейся душѣ. Такое-же чувство возбуждали во время заключенія и тѣ немногія животныя, которыя были намъ доступны.

Л. А. въ послѣдствіи такъ приучила воробьевъ, что они цѣлыми стаями сидѣли у нея на колѣняхъ и ѣли крошки хлѣба съ ея халата... Часто, когда мы ходили подъ руку, я вдругъ замѣчала, что она дѣлаетъ обходъ и тянетъ меня въ сторону. Нѣкоторое время я недоумѣвала, что это значить, а когда услышала отвѣтъ, то не могла не разсмѣяться... а потомъ — умилилась. Эта террористка, замѣчая ползущую гусеницу или жука, боялась раздавить насѣкомое!.. А мнѣ и въ голову не приходило смотрѣть, бѣжитъ ли какая нибудь маленькая тварь поперекъ дороги... Когда, позднѣе, у насъ появились кусты малины, и маленькая гусеница стала объѣдать зелень, то никакъ нельзя было уговорить моего друга заняться собираніемъ вреднаго существа и потопленіемъ его въ лейкѣ. Пусть лучше пропадаетъ малина и весь кустъ—истреблять живое созданіе она не можетъ! Однажды много смѣха возбудилъ ея поступокъ съ клопомъ, найденнымъ въ камерѣ и, вѣроятно, занесеннымъ какимъ нибудь жандармомъ. Л. А. тщательно завернула его въ бумажку и вынесла на гулянье: здѣсь клопъ былъ освобожденъ изъ бумажной обертки и осторожно выпущенъ на волю.

Меня очень интересовало такое отношеніе къ животнымъ и я спросила: всегда-ли она такъ относилась къ нимъ? Она сказала, что всегда уважала жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. И у нея это, дѣйствительно, была не временная тюремная «сентиментальность», а искреннее чувство, вполне гармонизировавшее со всей ея любящей натурой. Человѣка, болѣе гуманнаго по отношенію къ людямъ, трудно было встрѣтить, и въ первые годы, когда мелкая борьба съ тюремщиками не омрачала ея душу, эта гуманность и добросердечіе сіяли чуднымъ блескомъ. Л. А. знала жизнь и знала людей и не идеализировала ни то, ни другое. Она брала ихъ такъ, какъ они есть—смѣсь свѣта и тѣни. За свѣтъ—она любила, а тѣнь—прощала. Она имѣла счастливую способность находить и никогда не терять изъ виду хорошія стороны человѣка и непоколебимо вѣрила въ доброе начало, таящееся въ каждомъ. Она была убѣждена, что добро и любовь могутъ побѣдить всякое зло; что не суровый приговоръ, не репрессія, а доброе слово, участливое, дружеское порицаніе — самыя дѣйствительныя средства исправленія. Безконечная снисходительность во всѣхъ личныхъ отношеніяхъ была характернымъ свойствомъ Л. А. «Всѣ мы нуждаемся въ снисхожденіи»—было ея любимой поговоркой.

Мое собственное міросозерцаніе далеко не отличалось такимъ мягкимъ колоритомъ, но въ первые годы заключенія, вдали отъ общественной борьбы и той разгоряченной атмосферы, въ которой я жила на свободѣ, душа моя смягчилась, и общеніе съ такимъ

прекраснымъ типомъ любви не только къ *человѣчеству*, но и къ *человѣку* производило на меня чарующее впечатлѣніе. Я чувствовала удовольствіе нравственное и вмѣстѣ съ тѣмъ эстетическое: это была любовь, это была красота... красота совсѣмъ другого рода, чѣмъ жесткая энергія и непреклонная суровая воля, которая ломаетъ все, что встрѣчается на своемъ пути, и удивительные образцы которой я видѣла ранѣе вокругъ себя... Слушая и наблюдая Л. А., оцѣнивая ее, какъ человѣка, невольно можно было спросить, какъ мирится ея гуманность и добросердечіе съ насилиемъ и кровью революціонной дѣятельности? Распространять вокругъ себя свѣтъ и теплоту, дѣлать людей счастливыми—вотъ, казалось, — поприще для такой любящей натуры. И однако-жъ безобразіе и несправедливость политическаго и экономическаго строя бросили ее на другой путь. Вопіющая эксплуатація трудящихся массъ—сдѣлала ее социалисткой. Невозможность свободной общественной дѣятельности въ Россіи и варварское угнетеніе личности—превратили ее въ террористку. Любящая, самоотверженная душа нашла въ революціонномъ протестѣ единственную форму, въ которую, съ спокойной совѣстью, могла вложить свои альтруистическія чувства, чтобъ цѣною собственной жизни расчистить пути жизни для слѣдующихъ поколѣній.....

Осенью того-же 86 года, когда мы свидѣлись съ Л. А., мы были вынуждены отказаться отъ прогулокъ вдвоемъ, хотя онѣ одиѣ только и скрашивали нашу жизнь. Это случилось такъ: по тюремной инструкціи прогулка вдвоемъ и пользованіе огородомъ были льготой, даваемой за «хорошее поведеніе». Понятно, быть взысканнымъ, не въ примѣръ прочимъ; «за поведеніе», никому не могло быть пріятнымъ, а оцѣнка поведенія производилась смотрителемъ, или вѣрнѣе, онъ просто давалъ льготы, кому хотѣлъ, проявляя обыкновенно вопіющую несправедливость. Были товарищи, повседневное поведеніе которыхъ не выходило изъ рамокъ, въ которыхъ держались всѣ, и, однако, никакими льготами они не пользовались. Они немножко стучали съ сосѣдями—но это былъ общій грѣхъ.

Въ тюрьмѣ люди не могутъ обойтись безъ сношеній между собой: совсѣмъ не стучать только одни душевно-больные. Но, если однимъ нарушителямъ тюремныхъ правилъ можно было дать прогулку вдвоемъ и огородъ, казалось бы, слѣдовало дать ихъ всѣмъ. Но этого не было.... и нѣкоторые товарищи, какъ Кобылянской, Златопольскій умерли, не выдавъ дружескаго лица. Другимъ, какъ Панкратову, Мартынову, Лаговскому—пришлось ждать этой льготы цѣлые годы...

Какими средствами, не имѣющими ничего общаго съ «хорошимъ поведеніемъ», иногда можно было добиться свиданья съ товарищемъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра, случившагося съ М. Р. Поповымъ.

Однажды наша тюрьма огласилась крикомъ: «Караулъ!!!» Всѣ насторожились, недоумѣвая, въ чемъ дѣло?

Мгновенно форточка въ двери Попова открылась, и въ ней появилось лицо смотрителя Соколова.

— «Что нужно?» грубо спросилъ онъ.

— Не могу дольше такъ жить!... отвѣчаетъ Поповъ. — Дайте свиданье!...

Смотритель, помолчавъ и, смотря въ упоръ ему въ лицо, сказалъ: «Доложу Начальнику Управленія».

Черезъ нѣсколько минутъ является Покрошинскій (комендантъ).

— «Что нужно заключенному?» спрашиваетъ онъ.

— Не могу дольше жить такъ... повторяетъ Поповъ. — Дайте прогулку вдвоемъ!...

Покрошинскій: «Заключенный кричалъ: караулъ! и требуетъ льготы... Пусть заключенный подумаетъ: если мы теперь-же исполнимъ его желаніе,—какой примѣръ это подастъ другимъ?!... Но, если заключенный немного подождетъ, — мы удовлетворимъ его. Если же онъ вздумаетъ кричать опять, мы уведемъ его въ другое помѣщеніе»..... (т. е. въ старую тюрьму или карцеръ).

Михаилъ Родіоновичъ нашелъ болѣе выгоднымъ подождать, и черезъ нѣсколько дней его свели на гулянья съ Шебалинымъ.

Но не всякій былъ такъ изобрѣтателенъ, какъ Михаилъ Родіоновичъ, и большинство молчало. Иногда, раздача льготъ была прямо таки орудіемъ непонятной злобы и мести въ рукахъ смотрителя. Если на его «ты» ему отвѣчали той же монетой, то заключенный терялъ всѣ шансы на то, чтобъ увидѣться съ кѣмъ нибудь изъ своихъ, хотя бы дни его жизни были сочтены. Савелій Златопольскій никакихъ столкновеній со смотрителемъ не имѣлъ, но стучалъ съ сосѣдями, хотя весьма мало. У него открылось сильное кровотеченіе горломъ... Силы его падали день ото дня, но смотритель съ холодной жестокостью оставлялъ его въ одиночествѣ. То же было и съ Кобылянскимъ, который говорилъ смотрителю «ты»... Отсутствие льготъ у Панкратова тоже было актомъ мести.

Тяжело было, возвращаясь съ гулянья, думать о сосѣдѣ, лишенномъ послѣдней радости—видѣться съ товарищемъ. Тяжело—гулять вдвоемъ, когда тутъ-же вблизи уныло бродитъ товарищъ, тоже жаждущій встрѣчи и столь-же нуждающійся въ обществѣ, въ сочувствіи, въ другѣ.

Но мнѣ никогда не приходила въ голову мысль о какомъ нибудь выходѣ изъ этого положенія. Я считала тюремныя правила такой же несокрушимой твердыней, какъ каменные стѣны, желѣзныя двери и рѣшетки. Мнѣ казалось невозможнымъ сломить гнетущій насъ тюремный режимъ, какъ невозможно разрушить стѣны и замки.

Но Л. А. была другого мнѣнія: она думала, что противъ тюремныхъ порядковъ надо въ той или иной формѣ протестовать. Распредѣленіе льготъ смотрителемъ — произвольно и несправедливо, а *потому* не можетъ быть терпимо. Л. А. предлагала въ этомъ случаѣ протестъ пассивный, а именно добровольный отказъ

отъ льготъ со стороны тѣхъ, что ими пользуется въ данное время. Отказъ, конечно, долженъ быть мотивированнымъ: въ немъ слѣдовало указать на болѣе или менѣе одинаковое поведеніе всѣхъ заключенныхъ и на чувство товарищества и симпатіи, не дозволяющее намъ спокойно пользоваться тѣмъ, чего лишены другіе.

Я долго не могла рѣшиться на такую жертву. Конечно, мнѣ было тяжело при мысли, что я пользуюсь благомъ, отъ отсутствія котораго, рядомъ, задыхается товарищъ.... Но я чувствовала себя «на днѣ» жизни, и свиданія съ Л. А. были моей единственной радостью!... Если бы я еще могла вѣрить, что жертва будетъ плодотворна и что добровольнымъ отказомъ намъ удастся вырвать изъ рукъ зрителя орудіе угнетенія товарищей! Но мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ намъ уступили въ такомъ серьезномъ пунктѣ, а если такъ, то не будетъ ли это простымъ самоистязаніемъ и притомъ навсегда, потому что, отказавшись однажды, отступить было уже невозможно. Къ тому же нѣкоторые изъ пользовавшихся «льготой» гуляли съ товарищами настолько уже больными, что имъ безусловно была необходима дружеская помощь.

Видя, какъ меня пугаетъ разлука, Л. А. на время замолкала... Но вопросъ, беспокоившій насъ, снова и снова выплывалъ въ нашихъ бесѣдахъ. Л. А. постоянно указывала мнѣ на новыя стороны вопроса: она говорила, что нужно имѣть въ виду не одни только непосредственные результаты протеста; что помимо прямой цѣли—добиться того, чтобы прогулки вдвоемъ и пользованіе огородами стали общимъ достояніемъ тюрьмы, нормой, а не льготой,—протестъ, самъ по себѣ, имѣетъ значеніе. Среди всеобщаго молчанья и подчиненія, администрація увидитъ, что мы не относимся пассивно къ тому, что совершается вокругъ насъ, что мы думаемъ не только о себѣ, какъ того постоянно требуетъ начальство, но также сочувствуемъ товарищамъ и поднимаемъ голосъ въ защиту ихъ. «Говорите только о себѣ»—было всегдашнимъ замѣчаніемъ при употребленіи кѣмъ либо слова «мы». А тутъ, во имя товарищества, люди отказываются отъ того, что въ глазахъ начальства составляетъ награду. Ничто не дорого такъ начальству, какъ безпрекословное, пассивное воспріятіе всего, что отъ него исходитъ.

И вотъ люди, лишеныя не только всѣхъ юридическихъ, но и просто элементарныхъ человѣческихъ правъ, и относительно которыхъ приняты всѣ мѣры къ полному подавленію ихъ личности,—эти люди ставятъ себя, хотя бы на минуту, выше своихъ тюремщиковъ и палачей: они критикуютъ и осуждаютъ распоряженія тюремной администраціи и указываютъ на необходимость переменъ въ режимѣ, установленномъ для того, чтобъ держать въ желѣзныхъ тискахъ этихъ самыхъ критиковъ.

Мало-по-малу Л. А. убѣдила меня въ справедливости своихъ доводовъ, и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами мы отказались отъ пользованія льготами до тѣхъ поръ, пока онѣ не

будутъ распространены на всю тюрьму. Первоначально, довольно многіе соглашались дѣйствовать съ нами за одно, но потомъ, какъ это часто случается въ тюрьмѣ, все спуталось и замѣшалось, и вмѣсто болѣе или менѣе общаго протеста, только Л. А., я, Ю. Богдановичъ, Поповъ и Шебалинъ довели дѣло до конца. Въ теченіе полутора года мы не пользовались льготами... За этотъ періодъ не мало утекло воды. Погибъ жестокой смерью Грачевскій, сжегшій самъ себя. Смотритель Соколовъ былъ послѣ этого уволенъ, и новый смотритель Федоровъ, весной 1888 г., далъ льготы всѣмъ, кромѣ Лаговскаго. Когда-же Л. А. и я заявили, что все-же не воспользуемся прогулкой вдвоемъ, пока и Лаговскій не будетъ пользоваться ею, то Федоровъ далъ товарища и Лаговскому. Съ тѣхъ поръ въ тюрьмѣ вывелись какія бы то ни было раздѣленія на категоріи, и я думаю, что желаніе администраціи не возбуждать неудовольствія заключенныхъ было причиной, что льготы, какъ награда за поведеніе, остались только на бумагѣ (въ инструкціи), но исчезли въ нашей тюремной жизни.

Послѣ того, какъ осенью 86 года Л. А. разсталась со мной, въ ея жизни начался новый періодъ. Въ первые годы заключенія въ Шлиссельбургѣ ея отношеніе къ крайне тѣгостнымъ правиламъ тюремной дисциплины ничѣмъ не отличалось отъ отношенія къ нимъ всѣхъ товарищей: всѣ мы были въ подавленномъ состояніи, и въ атмосферѣ застѣнка, въ который мы были брошены, казалось, надо или прямо идти на смерть, какъ пошли Минаковъ и Мышкинъ, или молчать, покоряясь участи связаннаго по рукамъ и ногамъ человѣка. Но Минаковъ и Мышкинъ, равелинцы и карійцы, были людьми, уже нѣсколько лѣтъ терпѣвшими безправіе и угнетеніе; у нихъ могло уже не хватать силъ на дальнѣйшую жизнь при такихъ условіяхъ. Изъ остальныхъ многіе, въ томъ числѣ Л. А.,—были новички. Тотъ, кто былъ, когда либо, подъ обаяніемъ образа Іисуса, во имя идеи претерпѣвшаго оскорбленія, страданія и смерти, кто въ дѣтствѣ и юности считалъ Его—идеаломъ, а его жизнь—образцомъ самоотверженной любви,—пойметъ настроеніе только что осужденнаго революціонера, брошеннаго въ живую могилу за дѣло народнаго освобожденія. Въ первое время послѣ суда душа, во многихъ отношеніяхъ, настроена почти такъ же, какъ у человѣка, который умираетъ: спокойный и просвѣтленный, онъ не цѣпляется судорожно за то, что покидаетъ, но твердо смотритъ впередъ съ полнымъ сознаніемъ, что наступающее—неизбѣжно и неотвратимо.

Мало того: идеи христіанства, которыя съ колыбели, безсознательно и сознательно, прививаются всѣмъ намъ, внушаютъ осужденному отрадное чувство, что наступилъ моментъ, когда дѣлается проба человѣку, испытывается сила его любви и твердость его духа, какъ борца за тѣ идеальныя блага, добыть которыя онъ стремился не для своей скоро-преходящей личности, а для народа, для общества, для будущихъ поколѣній.

Понятно, что при такомъ настроеніи никакой словесный или

физическій бой съ шайкой сбирровъ и заплочныхъ дѣлъ мастеровъ немыслимъ. Иѣдь Иисусъ не сопротивлялся, когда Его носили и заушали. Всякая мысль объ этомъ является уже профанаціей Его чистой личности и кроткаго величія...

Несомнѣнно и у Л. А. было подобное-же настроеніе. Но потомъ оно исчезло. Пока мы видѣлись съ нею, она сдерживалась, чтобъ не оставить меня въ одиночествѣ, которое для меня было такъ губительно. Но даже и тогда, порой у нея прорывался гнѣвъ при обстоятельствахъ, которыя мнѣ казались ничтожными. Такъ однажды, жандармъ, стоявшій на посту и бдительно присматривавшійся ко всему, что мы дѣлали, почему-то улыбнулся. Быть можетъ, онъ слышалъ что нибудь изъ нашего разговора, и это показалось ему забавнымъ. Внезапно я услышала гнѣвный голосъ Л. А. «Вы приставлены тутъ, чтобъ наблюдать, а не для того, чтобы смѣяться!!» говорила она... и вся дрожала отъ волненія. Я удивилась ея горячности и была огорчена: мнѣ казалось, лучше бы сдѣлать видъ, что не замѣчаешь этой улыбки. Но Л. А. была другого мнѣнія...

Послѣ нашей разлуки подобныя столкновенія съ жандармами участились, а осенью 87 г. Л. А. съ нѣсколькими товарищами была уведена въ старую тюрьму. Это было—наказаніе, такъ какъ гигиеническія условія въ послѣдней были несравненно хуже, чѣмъ въ новой тюрьмѣ, гдѣ мы находились съ 84 г. Отлученіе отъ остальныхъ товарищей тоже должно было имѣть тягостное психическое вліяніе, а обращеніе тюремщиковъ съ наказанными было самое безцеремонное. Пребываніе въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ въ старой тюрьмѣ и было тѣмъ поводомъ, по которому ген. Шебеко дѣлалъ Л. А. выговоръ. Уводъ-же ея туда случился при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Лаговскій постоянно лазилъ на окно, чтобъ въ форточку смотрѣть на товарищей, гулявшихъ въ огородѣ, расположенномъ противъ его камеры. Самъ же онъ въ то время не имѣлъ ни прогулки вдвоемъ, ни огорода. Однажды, когда, не смотря на многократныя замѣчанія, онъ все-таки не повиновался, — его увели въ старую тюрьму. Узнавъ объ этомъ, Л. А. стала требовать, чтобъ увели и ее. Смотритель Соколовъ исполнилъ это желаніе. Тогда Поповъ потребовалъ того-же. Увели и его. Въ той же тюрьмѣ, но по другимъ поводамъ, оказались еще Грачевскій и Манучаровъ. Послѣдній былъ уведенъ за пѣніе, на нѣсколько минутъ нарушившее обычную тишину тюрьмы. По пути изъ одного зданія въ другое онъ былъ избитъ въ присутствіи коменданта Покрошинскаго, впослѣдствіи отрицавшаго этотъ фактъ.

Въ старой тюрьмѣ шли почти непрерывныя столкновенія съ жандармами изъ-за «стука». Товарищи переговаривались между собой и, чтобъ помѣшать имъ, жандармы поднимали неистовый шумъ: они брали полѣно и колотили имъ изо всей силы въ дверь, страшно раздражая этимъ нервы всѣхъ, или скоблили кочергой по желѣзу въ коридорной печи. Начиналась адская

музыка: въ корридорѣ человѣкъ 6 здоровенныхъ унтеръ-офицеровъ бомбардировали полѣвными двери камеръ, а запертые въ нихъ, измученные люди бѣшено отвѣчали, стуча кулаками и ногами, единственными орудіями, которыхъ у нихъ нельзя было отнять. По обѣ стороны дверей, снаружи и внутри, люди были въ бѣшенствѣ. Сцена выходила дикая и жестокая...

Когда-то, въ качествѣ студентки, я посѣщала психіатрическую больницу въ Бернѣ. Тамъ, между прочимъ, насъ водили въ отдѣленіе буйныхъ. Одну женщину, высокую худую брюнетку, съ горящими черными глазами и зловѣщимъ румянцемъ на щекахъ, я помню до сихъ поръ.

Когда профессоръ вошелъ къ ней, она, пробормотавъ нѣсколько словъ, внезапно принялась на него кричать, яростно жестикулируя и наступая. Скоро онъ долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ и быстро запереть дверь ея чисто тюремной желѣи. Нестовые крики, угрозы и проклятья понеслись изъ за двери. Съ силой, совершенно не гармонировавшей съ истощеннымъ видомъ пациентки, она наносила кулаками такіе удары въ дверь, что, казалось, еще минута, и дверь разлетится въ щепки. Толпа учащейся, мужской и женской, молодежи стояла въ тягостномъ смущеніи... Одинъ профессоръ, холодный и невозмутимый, со строгими, пронизывающими глазами, стоялъ, словно тюремщикъ, держа въ рукѣ ключъ... Онъ привыкъ, онъ не волновался...

Теперь такія же сцены происходили здѣсь, въ тюрьмѣ, съ людьми, которые не были маніаками, но находились въ условіяхъ и обстановкѣ, дѣлавшихъ ихъ похожими на маніаковъ. Немного раньше, чѣмъ Л. А., я сама въ теченіе нѣсколькихъ дней была участницей въ подобнаго же рода сценахъ, и ярость, которую я испытала, была такъ ужасна, что, разъ навсегда, я дала себѣ слово никогда болѣе не ставить себя въ подобное положеніе...

И такую жизнь, такую обстановку, когда каждую минуту дверь могла открыться, и 6 жандармовъ могли ворваться въ камеру, избить, связать и надругаться,—Л. А. съ небольшими передышками вела цѣлые мѣсяцы...

Это одинъ типичный случай, происходившій въ первый, самый тяжелый періодъ заключенія. Въ послѣдующіе годы условія тюремной жизни стали измѣняться къ лучшему, дикія сцены выходили изъ обихода. Побои, вязанье и надѣваніе сумасшедшей рубашки, которымъ въ первый періодъ подвергались нѣкоторые товарищи-мужчины,—прекратились. Столкновенія съ тюремной администраціей стали ограничиваться шумными пререканіями и рѣзкими словами...

Тюрьма, конечно, даетъ множество поводовъ къ неудовольствіямъ и конфликтамъ, и Л. А., въ той или иной степени, принимала участіе въ послѣднихъ. Иногда она воевала по поводу фактовъ, относившихся къ ней, но несравненно чаще—мотивомъ было чувство товарищества, желаніе поддержать или защитить

когонибудь другого. Въ своей брошюрѣ о жизни въ Шлиссельбургѣ она говоритъ: «сидя въ тюрьмѣ, нѣкоторое удовлетвореніе находишь лишь въ постоянной борьбѣ за чувство человѣческаго достоинства». Она, дѣйствительно, искала такого удовлетворенія и находила его... По своимъ взглядамъ на обязательность борьбы по всякаго рода поводамъ она сходилась съ той группой женщинъ на Карѣ, къ которой принадлежали Ковалевская, Россикова и Ковальская. Но она не была истерзана и надломлена, какъ Ковалевская, и не отличалась деспотизмомъ и такой страстной нетерпимостью, которые причиняли Ковалевской такіа жгучія нравственныя страданія. Л. А. уважала чужое убѣжденіе и чужую личность. Конечно, холодокъ пробѣгалъ и у нея, когда по поводу какогонибудь тюремнаго вопроса дѣло доходило до рѣзкаго разногласія съ друзьями. Но это было мимолетное явленіе; безконечно добрая, она скоро забывала не только разногласіе, но даже и жесткое слово, которое могло сорваться по ея адресу. Ея незлобіе въ послѣднемъ отношеніи было удивительно—она ни на минуту не забывала тѣхъ условій, среди которыхъ мы жили въ Шлиссельбургѣ, и эти условія, въ ея глазахъ, вполне объясняли и извиняли всякую раздражительность. Сама она, по отношенію къ товарищамъ, никогда не страдала этимъ качествомъ: ея характеръ былъ всегда ровенъ и отличался несравненной мягкостью и веселостью, что составляло рѣзкую противоположность съ ея всегдашними отношеніями къ жандармеріи низшаго и высшаго порядка.

Долго гуляли мы съ Л. А., бесѣдуя только вдвоемъ и не имѣя никакой возможности увидѣться съ остальными товарищами. Но, какъ искусно описалъ М. Ю. Ашенбреннеръ въ своихъ воспоминаніяхъ, въ 1-ой книжкѣ «Былого», въ одинъ прекрасный день преграды, раздѣлявшія насъ, рушились: въ заборахъ самовольно были прорублены окошечки, и явилась возможность, въ каждахъ 2-хъ смежныхъ огородахъ, видѣться и говорить съ сосѣдями. Видя, что изоляція уже не существуетъ и что возстановить старую систему значило бы поднять въ тюрьмѣ волненіе и безпорядокъ, комендантъ Гангардтъ, всегда отличавшійся большимъ тактомъ и лояльной добротой, сдѣлалъ департаменту государственной полиціи докладъ, въ которомъ предлагалъ перенести огородные заборы такимъ образомъ, чтобъ верхняя часть ихъ была замѣнена деревянной рѣшеткой. Онъ мотивировалъ эту реформу скудостью свѣта въ огородахъ, со всѣхъ сторонъ затѣненныхъ сплошными заборами въ 3 1/2 аршина высоты, отчего растенія тянулись и плохо развивались. Реформа прошла, и это было великое событіе въ нашей жизни. Не говоря уже о томъ, что количество солнечнаго свѣта, который мы научились цѣнить только въ тюрьмѣ, сильно увеличилось и уже отъ одного этого намъ стало веселѣе жить,—мы получили неопцѣненное благо, стоя на маленькихъ эстрадахъ, построенныхъ нами у за-

боровъ, говорить уже не въ окошечко, а черезъ рѣшетку съ сосѣдями. Этотъ переломъ въ общей жизни тюрьмы произошелъ въ 92 году.—Наша жизнь расширилась неизмѣримо, особенно для Л. А. и меня. Товарищи-мужчины могли смѣняться другъ съ другомъ парами (это тоже далось не сразу!) и такимъ образомъ каждый могъ познакомиться со всѣми и изъ 21—28 чел. выбирать себѣ любого собесѣдника, мы-же были совершенно лишены всякаго другого общества, кромѣ насъ двухъ, такъ какъ другихъ женщинъ въ тюрьмѣ не было. На меня одиночное заключеніе подѣйствовало такимъ образомъ, что я потеряла потребность въ общеніи съ людьми. Одинъ или два друга были бы для меня вполне достаточны. Но Л. А. была человѣкъ крайне общительный, она любила общество, любила, какъ она выражалась, быть «на улицѣ». Въ этомъ мы составляли въ тотъ періодъ полную противоположность: я прямо тяготилась встрѣчами съ товарищами и чувствовала непреодолимое стремленіе бѣжать отъ нихъ. Такъ какъ я была вполне откровенна съ Л. А., то часто жаловалась ей на тягостныя чувства, которыя я испытывала; но она всѣми силами старалась убѣдить меня, чтобъ я боролась съ нездоровымъ стремленіемъ къ одиночеству. Она находила его ненормальнымъ и утѣшала, что понемножку это пройдетъ. Много разъ она ободряла меня, уговаривала и всячески старалась облегчить мнѣ возвратъ къ естественнымъ отношеніямъ къ людямъ. Ея здравомыслію и гуманной поддержкѣ я очень много обязана въ томъ, что въ концѣ концовъ стала находить пріятнымъ общеніе съ товарищами и вышла изъ состоянія, которое я теперь не могу назвать иначе, какъ состояніемъ одичанія. Ту же милую доброту и широкое альтруистическое чувство, которыми Л. А. обогрѣвала меня, она дарила и другимъ товарищамъ. И если для нея самой было нужно и пріятно ихъ общество, то для нихъ, лишенныхъ теплой ласки, ея обаятельная личность имѣла неотразимую привлекательность. Всѣ хотѣли ее видѣть, и какъ можно чаще видѣть!—и ей приходилось, какъ выразился однажды Морозовъ, рѣзать себя на кусочки. И, въ самомъ дѣлѣ, она рѣзала, потому что отказать въ просьбѣ—была не въ силахъ. Время ея прогулокъ было распредѣлено на нѣсколько смѣнъ, состоявшихъ въ томъ, что въ то время, когда она находилась въ одномъ огородѣ, въ сосѣднемъ находились двое товарищей; затѣмъ они уходили, и на ихъ мѣсто являлись другіе.

Послѣ обѣда въ 1 часть, насъ водили въ мастерскія, помѣщавшіяся въ 90-хъ годахъ въ старой тюрьмѣ. Когда тамъ добились того, чтобъ форточки въ дверяхъ были во время работъ отперты, и затѣмъ товарищи завоевали право находиться по 2 и даже по 4 человѣка въ общемъ корридорѣ, то у двери столярной, гдѣ работала Л. А., постоянно стояла кучка собесѣдниковъ, и не смолкали разговоры, шутки или пренія. Всѣхъ она встрѣчала съ радушіемъ и улыбкой, всегда находя темы для разговора и обсуждения и служа для своихъ друзей постояннымъ источникомъ радости и утѣшенія.

Невозможно перечислить все, что она дѣлала для товарищей, эти сотни мелкихъ услугъ, заботъ и маленькихъ подарковъ, которые скрашивали и разнообразили монотонную жизнь въ тюрьмахъ. Понятно, что ее любили горячо. Прочувствованные стихи Н. А. Морозова, написанные по случаю ея увоза отъ насъ въ 1896 г., прекрасно выражаютъ чувства, которыя она вызывала въ друзьяхъ:

* * *

Полна участія и привѣта
Среди безмолвія и тьмы,
Она сошла, какъ ангелъ свѣта,
Подъ своды мрачныя тюрьмы...
Была чарующая сила
Въ душѣ прекрасной и живой
И жизнь она намъ обновила
Своей сердечной чистотой.
Въ глухой тюрьмѣ она страдала
Среди насилія и зла
Потомъ ушла... и не узнала,
Какъ много свѣта унесла...
Есть въ мірѣ люди: ихъ встрѣчаешь
Лишь въ дни гоненій и утратъ,
Но міръ за нихъ благословляешь
И жизнь за нихъ отдать бы радъ!...

* * *

Въ началѣ ноября 1896 г., когда мы находились въ старой тюрьмѣ на работѣ въ мастерскихъ, внезапно пришелъ вахмистръ и увелъ одного за другимъ нѣсколькихъ лицъ¹⁾ и между ними и Л. А., сказавъ, что ихъ ждетъ комендантъ. Всѣ были въ недоумѣніи и тревогѣ, не зная, что бы это значило. Однако уведенные скоро возвратились. Они были взволнованы и рассказали, что комендантъ имъ объявилъ, что по коронаціонному манифесту срокъ каторжныхъ работъ имъ сокращенъ: каторга безсрочная замѣнена 20 годами (Василію Иванову, Ашенбреннеру и Поливанову), а остальнымъ (Панкратову, Суровцеву, Яновичу и Л. А.) срокъ сокращенъ на одну треть, въ силу чего Л. А., Суровцевъ и Яновичъ должны теперь же выйти изъ крѣпости. Частичная амнистія, оставлявшая другихъ товарищей въ прежнемъ положеніи, не приносила амнистированнымъ радости, а Л. А. встрѣтила ее прямо съ гнѣвомъ: когда мы, обрадованные, что хоть нѣсколько человѣкъ выйдутъ изъ нашей могилы, бросились поздравлять ее,—она не хотѣла слышать никакихъ поздравленій и ликованій и лишь мало-по-малу примирилась съ фактомъ. Тогда начались спѣшныя приготовления къ отправкѣ и планы насчетъ будущаго.

¹⁾ Василія Иванова, Суровцева, Яновича, Поливанова, Панкратова.

Еще въ 95 году, предполагая, что черезъ четыре года, по окончании срока каторги, она будетъ сослана въ Сибирь или на Сахалинъ, Л. А. рѣшила пополнить свои медицинскія знанія, чтобъ въ ссылкѣ быть полезной населенію въ качествѣ фельдшерицы. Докторъ Безродный, который, оставаясь вполнѣ лояльнымъ, облегчалъ намъ жизнь своей гуманной отзывчивостью на каждую нашу нужду, оказалъ и тутъ всевозможную помощь, доставивъ нѣкоторые учебники, полный человѣческій скелетъ и отдѣльныя кости, по которымъ Л. А. могла изучить анатомію. Морозовъ прочелъ ей краткій курсъ химіи, а Лукашевичъ, этотъ образецъ альтруизма, когда дѣло шло о помощи въ научныхъ занятіяхъ, взялся прочесть А. Л. на гуляньи курсъ гистологіи, что и выполнилъ блестящимъ образомъ. Микроскопъ у насъ былъ съ 91 г., когда на заработанные товарищами ¹⁾ деньги комендантъ Гангардъ купилъ намъ подержанный Гартнагъ. Этотъ микроскопъ выносился на гулянье, ставился между рейками рѣшетчатой части забора и такимъ образомъ Лукашевичъ могъ демонстрировать Л. А. гистологическіе препараты, которые приготавливалъ съ большимъ искусствомъ. Л. А. быстро усваивала необходимыя знанія и съ большимъ усердіемъ изучала предметы намѣченного курса, который предполагала пройти въ четыре года. Амнистія неожиданно прервала эти занятія, чрезвычайно полезныя въ видахъ будущей ссылки.

Тяжело было Л. А. покинуть насъ послѣ столькихъ лѣтъ общей жизни, полной всевозможныхъ невзгодъ. Она любила насъ... и знала, что для нѣкоторыхъ нужна, какъ свѣтъ, какъ воздухъ. Нѣжная заботливость объ этихъ лицахъ сказывалась много разъ въ послѣднихъ ея бесѣдахъ со мной, когда она просила меня не забывать, что для нихъ—ея отъѣздъ особенно тяжелъ... 23 ноября ее и 4-хъ другихъ товарищей: Мартынова и Шебакина, 12-лѣтній срокъ которыхъ какъ разъ тогда кончился помимо амнистіи, и амнистированныхъ: Яновича и Суровцева—должны были увести.

Послѣдній часъ передъ отъѣздомъ Л. А. провела въ моей камерѣ. Все время—она плакала, я—утѣшала. Трогательныя слова, сказанныя ею на прощанье, были—что въ Шлиссельбургѣ она покидаетъ лучшихъ людей, которыхъ когда либо знала...

Въ 1 часть дня, уѣзжавшихъ, одного за другимъ, стали выводить изъ камеръ, а потомъ изъ тюрьмы. По выходѣ изъ тюремной ограды на обширный дворъ крѣпости, гдѣ съ одной стороны находятся братская могила по убитымъ воинамъ и рядъ домовъ, въ которыхъ обитаетъ высшая тюремная администрація, а съ другой—церковь, садъ и казармы низшихъ чиновъ,—каждый освобожденный останавливался, чтобъ безмолвнымъ жестомъ выразить намъ свое «послѣднее прости». Изъ оконъ камеръ мы смотрѣли на ихъ удаляющіяся фигуры... Каждый, обернувшись въ нашу сторону, дѣлалъ низкій поклонъ; мужчины снимали

¹⁾ Она выточила ограду на братскую могилу воиновъ, павшихъ въ битвѣ со шведами при Петрѣ I.

шапку и махали ею, въ знакъ привѣтствія... а Л. А., остановясь два или три раза, махала платкомъ. Мы тоже держали въ рукахъ бѣлые платки, которые издали легче было видѣть чрезъ двойныя рамы и рѣшетки нашихъ оконъ... Мы провожали взглядомъ друзей, возвращавшихся къ жизни, и въ эту минуту, казалось, вокругъ насъ образуется новая темная пустота... Вотъ они дошли до воротъ и скрылись... для насъ они переставали существовать: словно морская бездна разверзлась и поглотила ихъ, и ни одна вѣсточка не должна была сказать намъ, что будетъ съ ними дальше?... Темная неизвѣстность, какъ «слѣпцовъ» Мэтерлинка, всегда и во всемъ окружала насъ...

По выходѣ изъ Шлиссельбурга Л. А. увидалась наконецъ со своимъ сыномъ, тогда уже студентомъ естественнаго факультета Петербургскаго университета, и духовная связь между ними оказалась сильна и глубока. Мужъ Л. А.—Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, еще до суда говорившій ей, что въ случаѣ ссылки въ Сибирь послѣдуетъ за ней, исполнилъ это обѣщаніе теперь, и отправился на Сахалинъ, назначенный Л. А., какъ мѣсто поселенія. Тамъ въ портѣ Корсаковскомъ, представляющемъ лучший пунктъ всего острова, онъ занялъ мѣсто врача въ больницѣ, а прибывшая туда моремъ Л. А. получила мѣсто фельдшерицы. Въ газетѣ «Наша Жизнь» отъ 26 января нынѣшняго года помѣщена теплая замѣтка г-жи Александровой о дѣятельности Л. А. на Сахалинѣ.

Эта жизнь была полна самоотверженія и активной любви къ ближнему. Обстановка Сахалина, съ его безправнымъ населеніемъ, жестокими нравами, презрѣніемъ администраціи къ человѣческой личности, давала цолный просторъ для протеста противъ угнетателей и защиты угнетенныхъ, къ чему было такъ склонно сердце Л. А. Какъ должно было вліять на больныхъ ея участливое, мягкое отношеніе, можетъ составить себѣ понятіе всякій, кто только имѣлъ случай знать лично Л. А. Въ Шлиссельбургѣ были товарищи, которые считали, что обязаны ей своею жизнью. Такъ, С. А. Ивановъ, одно время почти обреченный на гибель вслѣдствіе кровотеченій горломъ, приписываетъ свое воскресеніе ничему иному, какъ сочувствію и нравственной поддержкѣ, которую во время болѣзни ему оказывала Л. А., нарочно переселившаяся къ нему въ сосѣдство, чтобъ черезъ стѣну оказывать ему дружескую помощь. Кто читалъ мемуары объ Алексѣевскомъ равелинѣ нашего дорогаго товарища П. С. Поливанова, конечно, помнитъ трогательный образъ Н. Колодкевича, на костыляхъ подходившаго къ стѣнѣ, чтобъ нѣсколькими ласковыми словами утѣшить и развлечь Петра Сергѣевича. Короткій разговоръ черезъ бездушный камень раздѣлявшій двухъ узниковъ, погибавшихъ отъ цынги и одиночества, — былъ ихъ единственнымъ утѣшеніемъ и поддержкой. По признанію автора мемуаровъ, не разъ доброе слово Колодкевича спасало его отъ острыхъ припадковъ меланхоліи, толкавшихъ его къ самоубійству... И въ самомъ дѣлѣ ласковое

**Алексѣй Владиміровичъ
УХТОМСКІЙ.**

участіе въ тюрьмѣ творить истинныя чудеса, и если бы легкій стукъ въ стѣну не разрушалъ каменную преграду, раздѣляющую человѣка отъ человѣка, осужденный не имѣлъ бы возможности сохранить жизнь и душу... Не даромъ борьба за стукъ есть первая борьба, которую ведетъ узникъ: это прямо борьба за существованіе, и за нее, какъ за соломенку, бессознательно хватается всякій замурованный въ келью... Когда же наступаетъ моментъ, что осужденные на одиночное заключеніе могутъ встрѣтиться лицомъ къ лицу и замѣнить символическій стукъ живой рѣчью, то доброта души, воплощенная въ звуки голоса, ласковый взглядъ и дружеское рукопожатіе даютъ отраду, невѣдомую для того, кто не терялъ свободы. Въ этомъ отношеніи миссія и роль Л. А. въ тюрьмѣ была велика, и многія сердца навсегда запечатлѣли ея образъ и сохранять о ней горячее воспоминаніе, полное признательности... Въ Шлиссельбургѣ и на Сахалинѣ—она была одна и та-же—великая силой своей любви къ людямъ, полная благороднаго мужества и неуклонной стойкости.

Прекрасная душой, Л. А. обладала и красивой внѣшностью: она была довольно высокая, очень стройная... Темные, слегка выходящіе волосы тяжеловѣсной косой падали на ея спину. Прекрасный цвѣтъ лица и мягкія славянскія черты съ бровями, проведенными широкимъ мазкомъ, хорошо очерченный ротъ и чудные сѣрые глаза, неотразимые въ минуты серьезности и грусти—вотъ ея портретъ въ лучшіе годы жизни въ Шлиссельбургѣ.

Л. А. убита 10-го января текущаго года во Владивостокѣ, гдѣ она жила послѣдніе годы по отъѣздѣ съ Сахалина. Одна изъ дулъ, направленныхъ въ безоружную толпу манифестантовъ, среди которыхъ была и она, порвала ея жизнь. Она покоится въ землѣ на разстояніи 9 т. верстъ отъ того мѣста, гдѣ она мучилась и страдала, и гдѣ погребены тѣ, кто не перенесъ физическихъ и нравственныхъ тягостей нашей Бастили. Но одна и та же идея, идея свободы соединяетъ эти два отдаленные пункта, лежащіе на противоположныхъ концахъ нашей родины. Борьба, начатая одиночками, поднятая среди общаго молчанія организаціей, которая была сильна не числомъ, а лишь энергіей и готовностью погибнуть за общее благо, волнуетъ теперь все наше отечество отъ моря до моря и, быть можетъ, лучшей эмблемой единодушія русскихъ людей, стремящихся къ свободѣ, будутъ служить эти могилы: въ Шлиссельбургѣ съ одной стороны и во Владивостокѣ—съ другой. И если когда нибудь здѣсь и тамъ захотятъ почтить память погибшихъ, то памятникъ въ честь ихъ долженъ быть одинъ и тотъ же, и на немъ можно начертать одни и тѣ же слова:

„Погибшимъ—слава,
Живущимъ—свобода!“

В. Фигнеръ.

25 февраля 1906 г.

Къ біографіи А. В. Ухтомскаго ¹⁾.

Навсегда останутся памятными обстоятельства геройской смерти машиниста А. В. Ухтомскаго, разстрѣяннаго безъ суда на ст. Люберцахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ «карательнымъ» отрядомъ л.-гв. Семеновскаго полка. Ухтомскій обнаружилъ необыкновенное величіе духа, поразившее даже тѣхъ, кто разстрѣливалъ его. Корреспондентъ газеты «Русь», г. Владимировъ, на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ, даетъ слѣдующее замѣчательное описаніе его смерти ²⁾.

«Собирая свѣдѣнія о дѣятельности отряда Семеновскаго полка на станціяхъ Московско-Казанской жел. дор., мнѣ пришлось слышать отъ многихъ свидѣтелей рассказы о машинистѣ Ухтомскомъ, который геройски держалъ себя въ послѣднюю минуту своей жизни. Многія свѣдѣнія о немъ почерпнуты изъ рассказа капитана Семеновскаго полка, который самъ разстрѣливалъ его въ Люберцахъ вмѣстѣ съ тремя рабочими, и наблюдалъ его послѣднія минуты.

«Капитанъ былъ очарованъ этой личностью; солдаты съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣли, какъ умѣютъ умирать мужественные люди. Они любовались имъ и свои чувства къ нему проявили въ томъ, что послѣ перваго залпа онъ остался цѣлъ и невредимъ. Ни одна пуля не коснулась его.

«Это обстоятельство можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что въ моментъ казни однородныя чувства переживали всѣми.

«По внѣшности онъ (Ухтомскій) ничѣмъ не обращалъ на себя вниманіе. Небольшого роста, съ живыми умными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень скромнаго, даже застѣнчиваго чело-вѣка.

«Совершенно случайно, проѣзжая на лошадахъ черезъ Люберцы, Ухтомскій остановился въ мѣстномъ трактирѣ, ничего не предполагая о прибытіи солдатъ на станцію. Когда его обыскали тамъ, нашли при немъ револьверъ, задержали и отправили къ офицеру на станцію.

¹⁾ Въ февральской книжкѣ „Былого“ мы просили доставить намъ портретъ машиниста Ухтомскаго и біографическія о немъ свѣдѣнія, дабы, помѣстивши въ нашемъ журналѣ то и другое, прочтѣе сохранить память объ этомъ замѣчательномъ чело-вѣкѣ. Просьба наша исполнена, и мы убѣждены, что исполнившему ее будутъ благодарны вмѣстѣ съ нами и всѣ читатели-друзья „Былого“.

Ред.

²⁾ „Русь“ № 14. 30 января 1906 г.

«На допросъ онъ не говорилъ своей фамиліи.

«Офицеръ, просматривая списокъ, имѣвшійся у него въ рукахъ, и фотографическія карточки, сличивъ одну изъ нихъ съ живымъ оригиналомъ, вскрикнулъ: «вы машинистъ Ухтомскій, вы будете разстрѣляны!»—«Я такъ и думалъ!»—хладнокровно отвѣтилъ Ухтомскій.

«Это происходило днемъ, около 3 часовъ. Ему предложили, не желаетъ ли онъ исповѣдываться, на что Ухтомскій изъявилъ свое желаніе.

«Послѣ исповѣди его, вмѣстѣ съ тремя рабочими люберецкаго тормозного завода, повели къ разстрѣлу.

«Онъ обратился къ офицеру и сказалъ: «Я зналъ, что если попадусь въ ваши руки, вы разстрѣляете меня, поэтому я такъ спокойно чувствую себя, такъ какъ былъ ежеминутно готовъ къ смерти. Теперь, передъ смертью, я скажу вамъ, кому вы обязаны, что поѣздъ съ дружинниками благополучно ушелъ изъ Москвы, спасая главныхъ участниковъ и главарей боевой дружины и членовъ стачечнаго комитета.

«Когда всѣ дороги въ Москвѣ были захвачены войсками и выѣздъ ихъ изъ Москвы не представлялся возможнымъ, я взялся вывезти дружину, не смотря на то, что около сортировочной станціи, на огородахъ, вы угрожали мнѣ пулеметами.

«Въ этомъ опасномъ мѣстѣ, на большой кривой и совершенно открытой мѣстности, удобной для обстрѣла пулеметами, я развилъ скорость поѣзда до 90 верстъ въ часъ. Я самъ управлялъ паровозомъ.

«Давленіе пара въ котлѣ я довелъ до 15 атмосферъ, до предѣла взрыва котла. Намъ грозила опасность не отъ пулеметовъ, а отъ возможности валетѣть на воздухъ.

«Чтобы развить такую скорость, пришлось идти не только при открытомъ поддувалѣ, но еще при усиленной работѣ сифона.

«И вотъ, когда на этой кривой нашъ поѣздъ стремглавъ летѣлъ впередъ, застрекотали ваши пулеметы. Они не были для насъ опасны, потому что сильнѣе намъ грозили взрывъ котла и возможность слетѣть внизъ головой съ насыпи.

«Но тутъ помогла опытная рука машиниста, управлявшая паромъ и вмѣстѣ судьбою преслѣдуемыхъ вами людей. Вы ранили тогда 6 человекъ, но ни одного не убили. Всѣ спаслись и находятся далеко... Вамъ не достать ихъ!..»

«На мѣстѣ казни ему предложили завязать глаза, онъ отказался, говоря, что встрѣтитъ смерть лицомъ къ лицу, а также отказался повернуться спиной къ солдатамъ.

«Его случайные товарищи по разстрѣлу молили офицера даровать имъ жизнь, становились на колѣни, рыдали. Минута передъ казнью была ужасна!

«Ухтомскій молча смотрѣлъ на приготовленія, потомъ обратился къ солдатамъ: «Сейчасъ вамъ предстоитъ обязанность исполнить долгъ согласно вашей присягѣ. Исполните его честно, такъ же,

какъ я исполнялъ честно долгъ передъ своей присягой; но наши присяги разные... Капитанъ, командуйте!..»

«Раздался залпъ... Рабочіе упали.

«Ухтомскій остался недвижимъ съ скрещенными руками на груди. Ни одна пуля его не задѣла.

«Раздался второй залпъ—и онъ упалъ на снѣгъ!.. Онъ былъ живъ... въ полномъ сознаніи, ужаснымъ взглядомъ смотря на окружающее.

«Капитанъ, видя его живымъ и желая быть милосерднымъ, приблизился съ револьверомъ въ рукахъ и прекратилъ его мученія выстрѣломъ въ голову».

Къ даннымъ о смерти мы можемъ присоединить нѣсколько біографическихъ подробностей объ А. В. Ухтомскомъ, сообщенныхъ намъ г. Какушкинымъ.

Алексѣй Владимировичъ Ухтомскій, мѣщанинъ, родомъ изъ Новгородской губерніи, 29 лѣтъ отъ роду. Учился въ Петербургѣ, въ ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая. Года за два до окончанія курса А. В. вышелъ изъ училища и поступилъ на чугунно-литейный заводъ (въ Петербургѣ). Затѣмъ служилъ помощникомъ машиниста и машинистомъ на Самаро-Златоустовской жел. дорогѣ. Здѣсь онъ нѣсколько лѣтъ назадъ получилъ поврежденіе лица при исполненіи своихъ обязанностей на паровозѣ и выигралъ затѣмъ дѣло, взыскавъ съ дороги, какъ пострадавшій по винѣ послѣдней, 4.000 рублей. Эта сумма дала ему возможность приобрести домъ въ гор. Пензѣ, гдѣ до настоящаго времени проживаетъ его семья ¹⁾. Передъ смертью Ухтомскій служилъ машинистомъ на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ. 11-го октября прошлаго года былъ арестованъ въ Москвѣ за участіе въ забастовкѣ; 22 октября былъ амнистированъ. Ни къ какой политической партіи Ухтомскій не принадлежалъ. О смерти Ухтомскаго его родные узнали только изъ газетъ...

¹⁾ Семья Ухтомскаго состоитъ изъ жены и четырехъ дѣтей. Кромѣ дома, приносящаго ежегодно не болѣе 100 руб. дохода, никакихъ средствъ у семьи не осталось.

Письмо В. К. Кюхельбекера къ А. С. Пушкину ¹⁾.

3 августа 1836 г. Баргузинъ.

Признаюсь, любезный другъ, что я было уже отчаявался получить отъ тебя отвѣтъ на письмо мое; но тѣмъ болѣе я ему обрадовался; жаль только, что при немъ не было первой книжки твоего журнала: я ее не получилъ.

Ты хочешь, чтобъ я тебѣ говорилъ о самомъ себѣ. *Нынѣ* это мнѣ еще совершенно невозможно: въ судьбѣ моей произошла такая огромная перемѣна, что и понынѣ душа не устоялась. Дышу чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, иду куда хочу, не вижу ни ружей, ни конвоя, не слышу ни скрыпу замковъ, ни шопота часовыхъ при смѣнѣ,—все это прекрасно, а между тѣмъ, повѣришь-ли? порою жалѣю о своемъ уединеніи. Тамъ я былъ ближе къ вѣрѣ, къ поэзіи, къ идеалу; здѣсь все не такъ, какъ ожидалъ даже я, порядочно же, кажись, разочарованный на счетъ людей и того, чего можно отъ нихъ требовать.—Впрочемъ *le goût me viendra en mangeant*: вотъ напр. какъ вчера въ лѣсу, когда предложили мнѣ вмѣсто обѣда соленыхъ омулей, нѣсколько, какъ говорятъ здѣсь, *• оонькихъ*; отъ нихъ чуть было не сорвало съ души; но протаскавъ цѣлое утро бревна и доски, я усталъ, проголодался и—вообрази—сѣлъ цѣлаго омуля. Такъ-то наконецъ и нравы здѣшніе придутся же мнѣ по зубамъ. Еще одно: когда я началъ дневникъ свой, я именно положилъ, чтобъ онъ отнюдь не былъ исповѣдью, а вышло напротивъ; проговариваюсь, и довольно даже часто. Иначе и быть не можетъ. Есть случаи, гдѣ *«всякъ человѣкъ ложь»*; но есть и такіе, гдѣ всякъ человѣкъ—истина. Писать къ тебѣ и о самомъ себѣ, какъ не высказать того, что во мнѣ бродитъ? А это еще рано.

Ты, другъ Александръ Сергѣевичъ, полагаешь, что я получалъ въ крѣпости много литературныхъ новостей. Ошибаешься. Французскихъ и Нѣмецкихъ книгъ мнѣ давали очень немного; изъ Русскихъ только въ послѣднее время попадались мнѣ не совсѣмъ еще старыя. Здѣсь у брата нашелъ я кое что, но и то не новое. Надо, Бальзака, Альфреда де-Виньи знаю только по отрывкамъ

¹⁾ Орывки изъ этого письма были напечатаны въ статьѣ Н. Ф. Дубровина „В. А. Жуковский и его отношенія къ декабристамъ“. (Русск. Стар. 1902, т. CX, апр., стр. 95, 96, 108). Письмо напечатано вскорѣ послѣ освобожденія Кюхельбекера изъ крѣпости и водворенія его на поселеніи. Въ полномъ видѣ оно печатается въ первый разъ.

изъ русскихъ журналовъ. Послѣдняго: une Histoire de la Terroir по моему мнѣнію, разсказъ превосходный. Надо, кажется, талантъ мощный, но стулья, штаны, карнизы etc. его слишкомъ занимають. Что сказать объ исторической вѣрности, о мѣстности, на которой помѣшались особенно наши молодцы? Не пустое ли и глупое ребячество все это? У Шекспира анахронизмовъ, анатотезмовъ тьма. А между тѣмъ! Съ анахронизмовъ перейдемъ къ бездѣлкѣ, которую тебѣ посылаю. «Моя Ксенія всего менѣе поэма историческая. Женитьба князя Ярослава Ярославича Тверскаго только матерьялъ. Мой Ярославъ совсѣмъ другое лицо, лицо до-татарское, потому и небывалое; и,—полагаю, что это хорошо. Упомяни я только слово о татарахъ, такъ воспоминанія о ихъ чудовищномъ величій чисто бы задушили ничтожную баснь о любви Ксеніи и Ермаила, Юрія и Ольги». Эти строки, отдѣленные вводными знаками, пусть будутъ предисловіемъ къ моей поэмѣ, если только позволять ее напечатать. А это бы было очень не худо, потому что деньги мнѣ нужны и пренужны. Земледѣлецъ я плохой; быть же въ тягость брату нехочется. Къ стати! Нѣсколько разъ писалъ я къ роднымъ, чтобъ отправили ко мнѣ всѣ мои деньги сполна; у меня по всѣмъ расчетамъ еще около 1.000 рублей, которые мнѣ теперь *необходимы здѣсь*; у брата-де около 700 долгу, а это въ нашемъ положеніи не вздоръ, особенно же потому что поработаетъ насъ людямъ, отъ которыхъ я не желалъ бы зависѣть. Сдѣлай же дружбу, Александръ Сергѣевичъ, скажи сестрѣ и племяннику, чтобъ непремѣнно выслали мнѣ всѣ мои деньги *разомъ*; увѣрь ихъ, что по 100 или по 200 рублей намъ нисколько не поможетъ. Твои слова, быть можетъ, будутъ дѣйствительнѣе писемъ. Ты же съ своей стороны выхлопчи мнѣ позволеніе съизнова приобрѣсть что нибудь. На тебя надѣюсь болѣе, чѣмъ на дюжину такъ называемыхъ дѣльныхъ людей. Запасу у меня довольно: и въ стихахъ и въ прозѣ. Участвовать въ твоемъ журналѣ я радъ. Мои условія: по 24 листа печатныхъ или по 12 статей въ стихахъ и въ прозѣ въ годъ за 2.000 или 1.500,—разумѣется, что мелкія стихотворенія не въ счетъ. Не дорого-ли? Сверхъ того прими на себя трудъ издать или продать то, что позволять мнѣ напечатать отдѣльно. Учиться мнѣ, другъ, ровно некогда: надобно вырабатывать хлѣбъ насущный. Книгъ пришли мнѣ: Эсхилла съ комментаріями, хорошій словарь латинскій, Тацита, Куранъ на Англійскомъ, Саконталу на Англійскомъ же, Ша-Намэ на Нѣмецкомъ (Гёрреса). Только все это, когда заведутся у меня свои пѣвныя. Въ подарокъ приму отъ тебя съ благодарностью все русское, что разсудишь переслать мнѣ. *Нашею* критикою и я не слишкомъ доволенъ; только не думаю, чтобъ она въ наше время была лучше. Честности-то точно было болѣе; но, другъ, иная простота хуже воровства. Не слишкомъ-ли ты строгъ и къ Кукольнику. *Къ тебѣ* я конечно писалъ бы о немъ нѣсколько иначе, чѣмъ къ племянникамъ; но все же онъ не то, что Тимофѣевъ, который (par paranthèse) безбожно обкрадываетъ и тебя и меня,

Языкъ Кукольникъ знаетъ плохо, стихъ его слишкомъ извѣженъ, главный порокъ его—болтовня; но все же онъ стоитъ, чтобъ напр. ты принялъ его въ руки: въ немъ могъ бы быть путь; дай ему болѣе сжатости, силы, бойкости: мыслей и чувства у него довольно, особенно (не во гнѣвъ тебѣ) если сравнить его кое съ кѣмъ изъ нашихъ сверстниковъ и старшихъ братій.—Гоголь? Изъ выписокъ Сенковского, который его впрочемъ ругаетъ, вижу, что онъ долженъ быть человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ. Пришли мнѣ его комедію. Трагедію Хомякова (только не Ермака) Ник. Глинка мнѣ расхвалилъ; точно-ли она хороша? Гдѣ Левъ Сергѣевичъ? Пишетъ-ли? Прошу ему кланяться.

Обнимаю тебя твой *Вильгельмъ*.

P. S. Je ne vous ai pas remercié pour votre lettre, mais c'est que tout procédé généreux et noble est une chose qui vous est tout naturelle, et sur laquelle on ne fait pas de phrases, quand on parle à Pouchkine.

Разумѣется, что статьи, которыя стану присылать къ тебѣ, будутъ подлиннѣе нынѣшней.

Документы для исторіи Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли.

Въ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи за послѣднія 25 лѣтъ Красный Крестъ сыгралъ огромную роль. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не существуетъ не только исторіи этого Общества, но даже не собраны документы, относящіеся къ его дѣятельности. Въ бумагахъ П. .І. Лаврова, полученныхъ редакціей «Былого», мы нашли нѣсколько документовъ по исторіи «Краснаго Креста», часть которыхъ мы и печатаемъ ниже.

Начало организаціи Краснаго Креста относится къ 1881 году. Партія Народной Воли придавала Красному Кресту чрезвычайно важное значеніе и энергично занялась его устройствомъ въ то самое время, когда ей приходилось одновременно вести рядъ другихъ очень серьезныхъ предпріятій. Лѣтомъ того же года по порученію Исполнительнаго Комитета Ю. Н. Богдановичъ взялъ на себя задачу организовать особый отдѣлъ Краснаго Креста для устройства побѣговъ изъ ссылки. Для этой цѣли онъ ѣздилъ въ Томскъ, а его ближайшій помощникъ И. В. Колужный—въ Красноярскъ. Имъ помогали въ этой задачѣ Теллаловъ, Грачевскій и др. Благодаря перехваченнымъ адресамъ въ Москвѣ, въ концѣ 1881 г., произведены были многочисленныя аресты среди лицъ, привлеченныхъ въ Красный Крестъ. Тогда были арестованы Шварцъ, Юрасовъ и др.,—всего до 150 чел.

Осенью 1881 г. Центральное Управленіе Краснаго Креста Народной Воли обратилось къ П. .І. Лаврову съ письмомъ, гдѣ оно просило его совмѣстно съ В. И. Засуличъ быть представителями Краснаго Креста за границей. Вотъ это письмо цѣликомъ, не бывшее еще въ печати:

Многоуважаемый

Петръ Лавровичъ!

Центральное Управленіе Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли, имѣющаго своею цѣлью защиту и нравственную поддержку лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти, въ виду наиболѣе широкаго осуществленія задачи Общества, намѣрено распространить свою организацію не только въ Россіи, но и за границей. Зная Васъ за человѣка, посвятившаго

всѣ свои силы тому же великому дѣлу, которому служимъ и мы, Управление убѣждено, что Вы не откажетесь принять участіе въ осуществленіи задачъ Общества и при томъ всеобщемъ уваженіи и довѣрии, которымъ вы пользуетесь, окажете ему тѣмъ существенную пользу. Управление проситъ Васъ быть его представителемъ въ качествѣ Уполномоченнаго Агента и при Вашемъ согласіи поручаетъ Вамъ вмѣстѣ съ Вѣрою Ивановною Засуличъ организовать Заграничный Отдѣлъ Общества.

Для полного уясненія задачъ Общества и руководства при организаціи отдѣла, прилагается уставъ. При этомъ Управление находитъ нужнымъ присовокупить, что при составленіи устава имѣлась ввиду, главнымъ образомъ, организація Общества въ Россіи, но такъ какъ условія дѣятельности его за границею могутъ имѣть значительныя особенности, то и самый уставъ по отношенію къ Заграничному Отдѣлу подлежитъ измѣненію, поэтому Управление покорнѣйше проситъ Васъ внести въ него дополненія, какія вы найдете нужнымъ.

Центральное Управление Общ. Кр. Кр. Народной Воли.

Р.С. Письмо это, если Вы сочтете нужнымъ, можетъ быть опущено въ заграничныхъ газетахъ.

П. Л. Лавровъ и В. И. Засуличъ приняли предложеніе, и 27 декабря за ихъ именами было опубликовано на русскомъ и французскомъ языкѣ заявленіе «Отъ заграничнаго отдѣла Общества Краснаго Креста Народной Воли»,—потомъ оно было перепечатано во многихъ иностранныхъ газетахъ, въ «Вольномъ Словѣ» и т. д. Подъ давленіемъ русскаго правительства, французскія власти выслали Лаврова въ началѣ 1882 г. изъ Франціи за эту попытку открыто организовать за границей отдѣлъ «тайнаго» русскаго общества Народной Воли, и онъ только спустя нѣсколько мѣсяцевъ получилъ возможность вернуться изъ Лондона снова въ Парижъ; приказъ объ его высылкѣ, однако, никогда отмѣненъ не былъ.

Отчеты Заграничнаго отдѣла печатались въ 1—3 №№ «Вѣстника Народной Воли». Осенью 1884 г. въ 10 № «Народной Воли» Центральное Управление Краснаго Креста заявило объ упраздненіи «Заграничнаго отдѣла» и передачѣ его дѣлъ отдѣльнымъ своимъ заграничнымъ агентамъ (см. «Вѣстникъ Народной Воли», № 4-й, стр. 236). Съ тѣхъ поръ за границей, хотя не переставали существовать различныя организаціи для помощи ссыльнымъ, но въ составъ Краснаго Креста онѣ не входили.

Въ Россіи Общество Краснаго Креста Народной Воли вскорѣ приняло вѣдѣ партійный характеръ и стало дѣйствовать подъ именемъ «Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ» или, просто, «Краснаго Креста»; дѣятельность Краснаго Креста, начавшаяся въ 1881 году, продолжается непрерывно до нашихъ дней. Можно безъ преувеличенія сказать, что Краснымъ Крестомъ за время его дѣятельности оказана

разнаго рода помощь многимъ-многимъ тысячамъ политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ и ихъ семьямъ. Освобожденная Россія съ благодарностью будетъ вспоминать эту дѣятельность Краснаго Креста, и было бы крайне желательно, чтобы нашлись свѣдущіе люди, которые занялись бы составленіемъ его исторіи.

Ред.

Уставъ Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли.

I.

§ 1. Общество Краснаго Креста есть спеціальныи отдѣлъ общей организаціи партіи Народной Воли.

§ 2. *Цѣль его:* а) Матеріальная помощь (деньгами, платьемъ, доставленіемъ мѣстъ и т. п.) всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію и пострадавшимъ за свободу мысли и совѣсти, безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали, и религіозныхъ ученій.

б) Нравственная помощь тѣмъ же лицамъ, посредствомъ защиты и возстановленія ихъ правъ путемъ словесной агитаціи въ обществѣ, легальной и нелегальной прессы и воздѣйствія на мѣстную и центральную администрацію.

в) Установленіе правильныхъ и постоянныхъ сношеній между ссыльными и заключенными.

и г) Организація побѣга и освобожденіе лицъ заключенныхъ.

II.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА.

§ 3. Общество Краснаго Креста составляется изъ постоянныхъ членовъ, испытываемыхъ и случайныхъ агентовъ.

§ 4. Постоянными членами могутъ быть только лица вполне согласныя съ настоящимъ уставомъ и готовые безусловно подчиняться ему.

§ 5. Пріемъ постоянныхъ членовъ производится Мѣстными отдѣлами и Центральнымъ управленіемъ Общества, причемъ вступающій членъ долженъ имѣть за себя поручительство двухъ постоянныхъ членовъ.

§ 6. Для вступленія членомъ нужно пребыть испытываемымъ агентомъ не менѣе полугода.

§ 7. Всѣ члены пользуются одинаковыми и равными правами.

§ 8. Во всемъ, что касается общаго дѣла, членъ поступаетъ съ согласія Административнаго Отдѣла или Центрального Управленія,

къ которымъ принадлежить, и по требованію ихъ обязанъ дать отчетъ о своей дѣятельности.

§ 9. Каждый членъ правообязанъ привлекать случайныхъ агентовъ, о чемъ немедленно сообщаетъ Отдѣлу, для привлеченія же испытываемыхъ агентовъ должно быть и согласіе Отдѣла.

§ 10. Члены обязаны безусловно хранить тайну организаціи.

§ 11. За всѣ проступки противъ организаціи членъ подлежитъ суду товарищей.

§ 12. Если по суду членъ будетъ исключенъ изъ Общества, то постановленіе объ этомъ съ подробною мотивировкою передается въ Исполнительный Комитетъ.

§ 13. О выходѣ своемъ изъ Общества или о переходѣ въ другой Отдѣлъ членъ долженъ своевременно заявить *Администраціи*, при чемъ ему ставятся опредѣленные обязательства, охраняющія цѣлость организаціи и дальнѣйшее успѣшное веденіе дѣла.

§ 14. Все имущество, переданное членомъ общества, по выходѣ его считается собственностью общества.

§ 15. *Испытуемыми Агентами* могутъ быть лица, способныя по своимъ умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ стать постоянными членами, но еще недостаточно извѣстныя Мѣстному Отдѣлу.

§ 16. Они могутъ быть посвящены во всѣ дѣла *Мѣстнаго Отдѣла*, но ни въ какомъ случаѣ не въ общія дѣла организаціи.

§ 17. Они, не имѣя права голоса въ общихъ дѣлахъ, не имѣютъ и строгихъ обязательствъ къ Обществу, но *Мѣстные Отдѣлы* должны стремиться поставить ихъ въ полную отъ себя зависимость.

§ 18. По прошествіи полугода Испытуемые Агенты могутъ быть приняты въ члены¹⁾.

§ 19. *Случайными Агентами* называются лица, привлеченныя для отдѣльныхъ дѣлъ и предпріятій членами на свой рискъ.

§ 20. Они не стоятъ ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ организаціи, и за всѣ ихъ поступки отвѣтственъ членъ, привлечшій ихъ къ дѣлу.

§ 21. Кромѣ спеціальнаго дѣла, къ которому они привлечены, имъ не должно быть ничего извѣстно объ организаціи, какъ и вообще всѣмъ постороннимъ лицамъ.

III.

ОРГАНИЗАЦІЯ ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.

§ 22. Всѣ дѣла и учрежденія Общества ведутся *Мѣстными Отдѣлами и Центральнымъ управленіемъ*.

¹⁾ Срокъ этотъ можетъ быть сокращенъ или увеличенъ по желанію Отдѣла.

А. МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ.

§ 23. МѢстный Отдѣлъ составляется изъ всего наличнаго числа членовъ данной мѣстности.

§ 24. Всѣми дѣлами МѢстнаго Отдѣла завѣдуетъ администрація, состоящая изъ трехъ членовъ и двухъ кандидатовъ, выбираемыхъ отдѣломъ безъ срока, простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 25. Администраціи отдѣла подлежатъ всѣ дѣла мѢстной организаціи, а именно:

а) веденіе и завѣдываніе всѣми денежными средствами и всѣмъ имуществомъ (кассой, складами имущества, оружія и т. п.).

б) Устройство конспиративныхъ квартиръ, складовъ, притоновъ.

в) Заведеніе связей, полезныхъ для обезпеченія побѣговъ и сношеній и для защиты гонимыхъ отъ произвола мѢстной администраціи.

г) Храненіе всѣхъ имѣющихся въ Отдѣлѣ свѣдѣній о проѣзжихъ и таежныхъ дорогахъ, населенныхъ мѣстахъ и лицахъ въ нихъ, могущихъ быть полезными дѣлу, о количествѣ и расположеніи мѢстныхъ войскъ, планы мѣстъ заключенія, этаповъ и проч.

д) Составленіе подробныхъ списковъ всѣхъ ссыльныхъ и заключенныхъ съ обозначеніемъ ихъ біографій, средствъ къ жизни и отношенія ихъ къ революціонному дѣлу.

е) Распредѣленіе помощи между ссыльными и заключенными.

ж) Организація побѣговъ въ томъ случаѣ, если на это требуется затрата, превышающая смѣтную сумму не болѣе, какъ на 500 руб. одновременно и 1000 р. въ годъ. Въ случаяхъ болѣе сложныхъ должно быть спрошено согласіе Центральнаго Управленія¹⁾.

з) Созывать отдѣлъ для приѣма новыхъ членовъ и другихъ экстренныхъ надобностей.

§ 26. Всѣ вопросы въ администраціи рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 27. Совѣщанія администраціи происходятъ еженедѣльно.

§ 28. Два раза въ годъ администрація отдаетъ подробный отчетъ наличному числу членовъ Отдѣла, причемъ адреса, притоны и фамиліи могутъ не сообщаться.

§ 29. Для сношеній администраціи между собой, ими устанавливается особый шифръ, сношенія же съ центромъ см. ниже.

§ 30. Всѣ имѣющіяся въ отдѣлѣ свѣдѣнія администрація передаетъ въ Центръ по мѣрѣ ихъ накопленія.

¹⁾ Прежде чѣмъ оказать помощь въ побѣгъ Отдѣлы и Уполномоченный агентъ извѣщаютъ Центръ о бѣгущихъ возможно подробно, именно: имена и фамиліи, краткія біографіи и характеристики ихъ и ихъ намѣренія.

Въ видахъ пѣлоты организаціи и пользы революціонному дѣлу имъ не должна оказываться помощь до полученія отвѣта изъ Центра.

При самомъ побѣгѣ Отдѣлы и Уполном. агентъ предупреждаютъ бѣгущихъ, что по прибытіи ихъ въ Россію имъ будетъ оказана помощь въ теченіе одного мѣсяца; въ это время они должны или примкнуть къ революціонной организаціи, или избрать себѣ родъ жизни.

§ 31. Два раза въ годъ: къ 1 января и къ 1 августа *администрація* представляетъ подробный отчетъ въ своей дѣятельности Центру и подробную смѣту необходимыхъ для нея затратъ на текущее полугодіе.

§ 32. Касса отдѣла составляется изъ суммъ, отпускаемыхъ Центромъ.

Б. ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

§ 33. Центральное Управление составляетъ не менѣе, какъ изъ пяти членовъ и не болѣе числа всѣхъ существующихъ Отдѣловъ Общества.

§ 34. Члены Центрального Управленія есть представители Отдѣловъ, отъ каждаго по одному, и одинъ изъ членовъ сверхъ числа представителей назначается отъ Исполнительнаго Комитета.

§ 35. Каждому отдѣлу извѣстенъ только его представитель, полный же составъ Центрального Управленія есть тайна, извѣстная только ему самому.

§ 36. Членъ Центрального Управленія можетъ уволиться не иначе, какъ съ согласія Центрального Управленія.

§ 37. Представитель отдѣла долженъ быть утвержденъ Центромъ.

§ 38. Членъ Центрального Управленія, назначенный Исполнительнымъ Комитетомъ, можетъ быть всегда отозванъ имъ, но на его мѣсто долженъ быть немедленно назначенъ новый.

§ 39. Всѣ дѣла и вопросы въ Центръ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ и только исключеніе члена требуетъ двухъ третей.

§ 40. Для веденія своихъ дѣлъ Центръ, кромѣ своихъ членовъ, можетъ имѣть неопредѣленное число запасныхъ агентовъ, избираемыхъ имъ самостоятельно.

§ 41. Запасный агентъ долженъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для вступленія постояннымъ членомъ.

§ 42. Вѣдѣнію Центрального Управленія подлежатъ:

а) Центральная касса.

б) Центральный архивъ.

в) Сношенія съ Мѣстными Отдѣлами и Исполнительнымъ Комитетомъ.

г) Судъ надъ своими членами и запасными агентами.

д) Веденіе всѣхъ предпріятій, учреждений и связей, обеспечивающихъ цѣлость всей организаціи и успѣшность въ достиженіи общихъ задачъ ея.

§ 43. Центральная Касса составляетъ: изъ имущества, внесеннаго всѣми членами Общества, добровольныхъ сборовъ среди лицъ, сочувствующихъ его задачамъ, и временныхъ, случайныхъ взносовъ членовъ и постороннихъ лицъ.

§ 44. Два раза въ годъ, по полученіи отчетовъ изъ отдѣловъ, Центральное Управление составляетъ смѣту на всѣ необходимыя затраты Общества, распределяетъ денежные расходы по Отдѣламъ

и, составивши такимъ образомъ денежный отчетъ и смѣту на текущее полугодіе, представляетъ въ Исполнительный Комитетъ.

§ 45. Разъ въ годъ Центральное Управление составляетъ подробный отчетъ въ дѣятельности всего Общества, одинъ экземпляръ котораго передается въ Исполнительный Комитетъ, другіе съ нарочно посланнымъ агентомъ передаются всѣмъ Мѣстнымъ Отдѣламъ и Уполномоченнымъ Агентамъ.

§ 46. Въ Центральномъ Архивѣ хранятся всѣ свѣдѣнія, полученные изъ Отдѣловъ.

§ 47. Для сношенія съ отдѣлами и уполномоченными агентами Центральное управление устанавливаетъ общій всему обществу шифръ.

§ 48. Центральное управление заботится объ увеличеніи денежных средствъ Общества, о цѣлости всей организаціи, о привлеченіи лицъ, могущихъ такъ или иначе быть полезными Обществу (литературнымъ содѣйствіемъ, вліяніемъ на Центральную администрацію и т. п.).

§ 49. Всѣ дѣла Общества Центральное Управление ведетъ вполне самостоятельно.

Уполномоченные Агенты.

§ 50. Въ мѣстахъ, гдѣ за малочисленностью не можетъ быть организованъ Мѣстный Отдѣлъ, Центральное Управление ведетъ дѣло чрезъ Уполномоченныхъ Агентовъ, которыхъ избираетъ и назначаетъ самостоятельно.

§ 51. Правообязанности Уполномоченныхъ Агентовъ тѣ же, что и Мѣстныхъ Отдѣловъ (см. §§ 23—32) съ ограниченіемъ въ слѣдующемъ:

они не имѣютъ права:

- а) принимать новыхъ членовъ;
- б) начинать самостоятельно дѣла освобожденія
- и в) расходовать выше смѣтной суммы.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ должно быть спрошено согласіе Центра.

§ 52. Уполномоченный Агентъ не можетъ выйти изъ Общества прежде, чѣмъ сдать всѣ свои дѣла назначенному на его мѣсто.

§ 53. Члены Общества, притоны, шифры, имѣющіяся связи и самая организація Общества составляютъ тайну его и обнаруженіе ея передъ посторонними есть преступленіе противъ организаціи.

Уставъ Заграничнаго Отдѣла Краснаго Креста Народной Воли.

I.

Задачи его.

§ 1. Главная задача Заграничнаго отдѣла Общества состоитъ въ сборѣ денегъ и всякихъ пожертвованій для помощи лицамъ, подвергшимся преслѣдованіямъ и пострадавшимъ въ Россіи за свободу мысли и совѣсти безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали. Оно также заботится о возбужденіи общественнаго мнѣнія Европы противъ русскаго деспотизма въ пользу русской революціонной партіи.

II.

Составъ Общества:

§ 2. Заграничный Отдѣлъ Общества Краснаго Креста состоитъ изъ Уполномоченныхъ Агентовъ Центральнаго Управленія, изъ Постоянныхъ членовъ и Случайныхъ агентовъ.

§ 3. Уполномоченные Агенты избираются Центральнымъ Управленіемъ изъ лицъ ему извѣстныхъ и отдавшихъ въ его полное распоряженіе.

§ 4. *Постоянными членами* могутъ быть лица, признающія этотъ уставъ и готовые посвящать свои силы и время на достиженіе задачъ Заграничнаго Отдѣла Общества Краснаго Креста.

§ 5. Первые два члена въ каждой мѣстности приглашаются Уполномоченнымъ агентомъ этой мѣстности съ согласія остальныхъ Уполномоченныхъ агентовъ, по соглашенію съ Центральнымъ Комитетомъ. Дальнѣйшій же пріемъ Постоянныхъ членовъ совершается по единогласному рѣшенію Уполномоч. Агент. и всѣхъ принятыхъ уже постоянныхъ членовъ Общества.

§ 6. *Случайными агентами* называются лица, оказывающія тѣ или другія услуги Обществу и временно занимающіяся его дѣлами. Они привлекаются Уполномоч. Агент. или Постоянными членами на свой рискъ, не стоятъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Обществу и не имѣютъ голоса въ его дѣлахъ, за исключеніемъ того именно предпріятія, для котораго они привлечены; всѣ же дѣла Общества, какъ и настоящій уставъ, не должны быть извѣстны ни имъ, ни кому другому изъ постороннихъ лицъ.

III.

Способы веденія дѣлъ Общества. (Организація).

Обязанности лицъ входящихъ въ составъ Общества:

а) Уполномоченныхъ Агентовъ:

§ 7. Уполномоченные Агенты ведутъ сношенія Заграничнаго Отдѣла Общества Краснаго Креста съ Центральнымъ его Управленіемъ, находящимся въ Россіи.

§ 8. У нихъ хранятся адреса и шифры для сношенія съ Центральнымъ Управленіемъ, безъ согласія котораго они не могутъ передавать ихъ другимъ членамъ.

§ 9. Они выдаютъ постояннымъ членамъ сборные листы за № и печатью Заграничнаго Отдѣла, также брошюры, фотографическія карточки и другія изданія Общества для распродажи ихъ.

§ 10. Къ Уполномоченнымъ Агентамъ поступаютъ всѣ собранныя въ пользу Русскаго Краснаго Креста суммы, которыя ими пересылаются въ Россію.

§ 11. Никакія публікаціи, заявленія и изданія отъ имени Общества Краснаго Креста не должны совершаться безъ вѣдома Уполномоченныхъ Агентовъ, которые о таковыхъ въ важныхъ случаяхъ сносятъ съ Центральнымъ Управленіемъ.

§ 12. Они сообщаютъ Центральному Управленію о приѣмѣ постоянныхъ членовъ, о выходѣ и исключеніи ихъ, а также должны наблюдать за точнымъ исполненіемъ настоящаго устава и отвѣтственны предъ Центральнымъ Управленіемъ за его нарушеніе.

§ 13. Удалиться отъ веденія дѣлъ Уполномоченный Агентъ можетъ только по согласію съ Центральнымъ Управленіемъ и по замѣщенію его новымъ.

б) Постоянныхъ членовъ:

§ 14. Постоянные члены содѣйствуютъ веденію всѣхъ дѣлъ Заграничнаго Отдѣла Общества и во всемъ, касающемся Общества, поступаютъ съ согласія собранія постоянныхъ членовъ и Уполномоч. Агент.

• § 15. Постоянные члены занимаются сборами пожертвованій по бланкамъ Заграничнаго Отдѣла, передавать которыя могутъ лишь тѣмъ случайнымъ агентамъ, за которыхъ вполне увѣрены, что они по нимъ будутъ производить сборы и не станутъ злоупотреблять ими, т. е. не передадутъ ихъ въ ненадежныя руки.

§ 16. Постоянные члены заботятся о продажѣ изданій Общества (брошюры, фотографическихъ карточекъ и проч.) и всячески способствуютъ примѣненію тѣхъ способовъ и путей, которые Общество найдетъ полезнымъ практиковать для приобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, или для возбужденія Евр. сочувствія.

§ 17. Они должны стараться не допускать никакихъ сборовъ по бланкамъ не отъ Общества и вообще никакихъ сборовъ отъ его имени, но въ сущности не для него, а также никакихъ публікацій и заявленій отъ имени, но безъ вѣдома и согласія Общества.

§ 18. О своемъ выходѣ пост. члены даютъ знать собранію

членовъ и по выходѣ обязаны продолжать хранить тайну Общества.

§ 19. За проступки противъ Организациі члены подлежатъ суду товарищей и могутъ быть исключены изъ состава Общества по приговору двухъ третей его мѣстныхъ членовъ, о чемъ (§ 12) сообщается Центральному Управленію.

Собранія постоянныхъ членовъ.

§ 20. Собранія постоянныхъ членовъ происходятъ по мѣрѣ надобности и состоятъ изъ Уполномоч. Агентовъ и постоянныхъ членовъ.

§ 21. На нихъ обсуждаются и рѣшаются способы веденія дѣлъ, подлежащихъ постояннымъ членамъ.

§ 22. На этихъ собраніяхъ постоянные члены даютъ отчетъ въ своей дѣятельности и дѣятельности случайныхъ агентовъ ими привлеченныхъ.

§ 23. Рѣшенія собранія постановляются простымъ большинствомъ.

ОБЩІЯ СОБРАНІЯ.

§ 24. Разъ въ три мѣсяца происходятъ Общія Собранія, на которыхъ, кромѣ Уполномоченныхъ Агентовъ и постоянныхъ членовъ, могутъ присутствовать и случайные агенты, а также *постоянные жертвователи*, т. е. лица, вносящія известную сумму въ опредѣленные сроки.

§ 25. На Общихъ Собраніяхъ Уполномоч. Агенты знакомятъ присутствующихъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ Заграничнаго Отдѣла. Какъ случайные агенты, такъ и постоянные жертвователи имѣютъ на нихъ право вносить предложенія на пользу Общества и пользуются правомъ голоса.

Настоящій уставъ имѣетъ силу во всѣхъ своихъ пунктахъ лишь въ странахъ, гдѣ не можетъ существовать вполне открыто и на законныхъ основаніяхъ общество аффилированное Народной Волѣ, въ Англіи же и Америкѣ онъ допускаетъ значительныя видоизмѣненія.

Историческая библіографія.

Джорджъ Кеннанъ. *Сибирь и ссылка.* Очерки изъ жизни политическихъ ссыльныхъ. СПБ., 1906, 160 стр., ц. 40 к.

Американецъ Кеннанъ посѣтилъ въ 1885 г. Сибирь, и въ результатъ этого посѣщенія явилось добросовѣстное описаніе русской тюрьмы и ссылки и рядъ яркихъ портретовъ русскихъ борцовъ за свободу; его книга не мало способствовала правильному пониманію въ Европѣ русскаго государственнаго строя и оказала громадную услугу освободительному движенію въ Россіи; эта заслуга Кеннана никогда не забудется. Появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ въ высшей степени желательно. Правда, 15 лѣтъ тому назадъ она появилась въ Лондонѣ; но переводъ былъ неполонъ и къ тому же сдѣланъ не съ книги Кеннана, а съ его статей въ журналѣ, которыя въ отдѣльномъ изданіи были значительно пополнены. Только теперь стало возможнымъ появленіе ея въ Россіи. Къ сожалѣнію, переводъ, который лежитъ передъ нами, страдаетъ крупными недостатками. «Въ изданіи, говорить переводчикъ въ предисловіи, сдѣланы незначительные пропуски, именно опущены описанія нѣсколькихъ приволжскихъ городовъ, не представляющихъ интереса для русскаго читателя». Право переводчика на подобныя сокращенія не подлежитъ сомнѣнію. Въ книгѣ Кеннана есть, дѣйствительно, не мало страницъ, для русскаго читателя ненужныхъ. Но заявленіе переводчика совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Первый томъ подлинника имѣетъ 409 довольно убористыхъ страницъ; русскій переводъ имѣетъ 160 весьма разгонистыхъ страницъ. Изъ этого видно, что сокращенія далеко не незначительны; дѣйствительно, выкинуты цѣлыя главы и притомъ весьма интересныя. Глава о Тюменской тюрьмѣ сокращена болѣе чѣмъ вдвое и сокращена совершенно произвольно; это уже не описаніе приволжскаго города. Изъ очень интереснаго описанія арестантской баржи въ Сибири остались только жалкія лохмотья. То же самое можно сказать о главѣ 11 подлинника («Ссылка въ административномъ порядкѣ»), которая уничтожена, какъ самостоятельная глава, и включена въ главу 5 перевода («Административно-ссылные»), въ которую

включена также 10 глава подлинника («Двѣ колоніи политическихъ ссыльныхъ»).

Сверхъ того, переводчикъ позволяетъ себѣ иногда довольно странно обращаться съ подлинникомъ. Виторта, технолога изъ Риги (стр. 233 подлинника), онъ обращаетъ въ Фитерта, врача изъ Варшавы (стр. 152 перевода); насколько намъ извѣстно, въ этомъ мѣстѣ Кеннанъ ошибки не сдѣлалъ, а если онъ ее сдѣлалъ, то исправлять ее слѣдовало въ примѣчаніи переводчика, а не въ текстѣ; еще хуже такіа искаженія: Кеннанъ говоритъ о полякѣ Бѣловѣжскомъ, который, несмотря на испытанныя имъ страданія, «смотрѣлъ на жизнь бодро и мужественно»; переводчикъ же говоритъ: «несмотря на свое глубоко-пессимистическое міросозерпаніе, (онъ) покорно подчинялся своей судьбѣ» (стр. 56). Ничего подобного въ подлинникѣ нѣтъ, а если переводчикъ знаетъ дѣйствительно міросозерпаніе упоминаемаго лица, то все таки не слѣдовало приписывать автору того, чего тотъ не говорилъ.

Переводчикъ не знаетъ того, что слово «officer» по-англійски значитъ не только офицеръ, но и чиновникъ, и потому писателя Орфанова, никогда на военной службѣ не состоявшаго, онъ обращаетъ въ офицера (стр. 135). Подобныхъ искаженій и ошибокъ масса.

Что касается до русскаго языка перевода, то въ общемъ онъ хорошъ, хотя иногда встрѣчаются крайне тяжеловѣсныя фразы, напр. въ самомъ началѣ перевода, на стр. 1.

Процессъ 193-хъ. Съ предисловіемъ В. Каллаша. Изданіе В. М. Саблина. Москва 1906 г. Цѣна 1 руб.

Мы горячо привѣтствуемъ появленіе на книжномъ рынкѣ отчетовъ о политическихъ процессахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, ибо безъ изученія этихъ процессовъ немыслимо познаніе судебъ нашего освободительнаго движенія. Среди процессовъ 70-хъ годовъ первенствующее мѣсто занимаетъ безспорно процессъ «Большой» или «193-хъ». Чрезвычайно интересный во многихъ отношеніяхъ самъ по себѣ, процессъ этотъ долженъ останавливать на себѣ вниманіе всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей освободительнаго движенія въ Россіи, и со стороны его значенія въ послѣдующихъ судьбахъ движенія.

Къ сожалѣнію, заглавіе лежащей передъ нами книги не соответствуетъ совсѣмъ ея содержанію. Зачѣмъ понадобилось назвать ее «Процессомъ 193-хъ», когда въ книгѣ, кромѣ обвинительнаго акта по этому дѣлу, нѣтъ не только рѣшительно никакихъ свѣдѣній о *процессѣ*, но нѣтъ даже опубликованнаго въ свое время *приговора* по этому процессу.

Книга снабжена предисловіемъ г. Каллаша, но и въ этомъ предисловіи читатель напрасно будетъ искать хоть какихънибудь объясненій, касающихся причинъ непомѣщенія въ книгѣ,—

не говоримъ уже такого историческаго документа, какъ много разъ переиздававшаяся и за границей, и въ Россіи (нелегально) рѣчь на судѣ И. Н. Мышкина, но, повторяемъ, даже официально опубликованнаго приговора.

Между тѣмъ, на дѣятельности правительства касательно процесса 193-хъ г. Каллашу болѣе чѣмъ стоило бы остановить свое вниманіе. Дѣло вотъ въ чемъ: обвинительный актъ по процессу 193-хъ, нѣкоторые свѣдѣнія объ этомъ процессѣ, рѣчь Мышкина и приговоръ вошли въ томъ 3-й изданной за границей серіи сборниковъ Базилевскаго «Государственные преступленія въ Россіи» и тамъ, въ предисловіи къ этому тому, находятся слѣдующія, касающіяся затронутого нами вопроса, строки:

«18 октября 1877 года въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей началось разбирательство дѣла о «революціонной пропагандѣ въ Имперіи», болѣе извѣстнаго подъ именемъ «Большаго процесса» и «процесса 193-хъ». Это знаменитое дѣло окончилось лишь 23 января 1878 года, т. е. тянулось свыше четырехъ мѣсяцевъ. Подробнаго отчета о процессѣ не существуетъ, хотя въ № 231 *Правительственнаго Вѣстника за 1877 годъ* черными буквами на бѣлой бумагѣ напечатаны слѣдующія строки:

«Краткія свѣдѣнія о засѣданіяхъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи будутъ съ настоящаго времени постоянно печататься въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Къ опубликованію обвинительнаго акта будетъ приступлено по прочтеніи его въ засѣданіи Особаго Присутствія. *Подробный же стенографическій отчетъ объ этомъ обширномъ дѣлѣ, вслѣдствіе невозможности своевременнаго его опубликованія на газетныхъ столбцахъ, будетъ отпечатанъ особо.*»

Это торжественно данное на страницахъ «Правительственнаго Вѣстника» обещаніе (относительно напечатанія стенографическаго отчета) не только никогда не было приведено въ исполненіе, но когда въ 1878 году нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ процессѣ и пригласившихъ на собственный счетъ стенографовъ-адвокатовъ отпечатали также на собственный счетъ первую половину стенографическаго отчета о процессѣ 193-хъ, то книга эта, *по постановленію Комитета министровъ, была сожжена*. (О послѣднемъ обстоятельствѣ см. въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза ст. Богучарскаго «Цензурныя взысканія»)).

Ничего подобнаго во вступительной статьѣ г. Каллаша къ «Процессу 193-хъ» не имѣется, а самый «Процессъ», повторяемъ, содержать въ себѣ только обвинительные акты, хотя нѣкоторые свѣдѣнія о процессѣ въ «Правит. Вѣстникѣ» все же печатались. (Въ книгѣ Базилевскаго они приведены по болѣе подробному изложенію этихъ свѣдѣній, напечатанному въ заграничномъ журналѣ 70-хъ годовъ «Община»).

При такихъ обстоятельствахъ цѣна книги въ рубль—непомѣрно высока.

Тѣмъ не менѣе мы рекомендуемъ читателямъ ознакомиться съ этимъ процессомъ хотя бы только по одному его обвинительному акту.

В. Я.

Записки декабриста кн. С. П. Трубецкого. СПб.

Изд. ред. журн. «Всемирный Вѣстникъ» СПб. 1906.

Извѣстно, что записки кн. С. П. Трубецкого впервые были изданы Герценомъ въ 1863 году въ Лондонѣ во второмъ и третьемъ выпускѣ «Записокъ декабристовъ». Записки были напечатаны Герценомъ по черновому списку, и далеко не въ полномъ видѣ. Кн. С. П. Трубецкой не успѣлъ дать окончательной отдѣлки своимъ запискамъ: приблизительно половина сохранившихся послѣ него мемуаровъ посвящена цѣльному разсказу, главнымъ образомъ, о придворныхъ событіяхъ междуцарствія и о крѣпостномъ сидѣніи; другую половину занимаютъ короткіе и болѣе длинныя отдѣльныя наброски и отрывки. Нѣкоторые изъ послѣднихъ представляютъ рядъ замѣчаній на записки Штейнгеля. Они являются цѣннымъ добавленіемъ къ запискамъ. Герценъ напечаталъ и основной, связный разсказъ и, въ видѣ дополненій къ нему, отдѣльныя наброски. Но въ изданіи Герцена не появилась сравнительно большая часть записокъ, кратко излагающая исторію тайнаго общества, и довольно много набросковъ, представляющихъ, главнымъ образомъ, поправки и варианты поправокъ къ запискамъ Штейнгеля. Не знаемъ, почему Герценъ не помѣстилъ этихъ матеріаловъ: быть можетъ, потому что въ рукописи, имъ полученной, какъ разъ ихъ не хватало. Эти матеріалы остаются ненапечатанными до сихъ поръ и извѣстны лишь специалистамъ. Надо думать, что они войдутъ въ полное изданіе записокъ, предпринятое дочерью С. П. Трубецкого съ подлинной рукописи, подъ наблюдениемъ В. Е. Якушкина.

Въ 1874 году Каспровичъ перепечаталъ въ Лейпцигѣ «Записки» Трубецкого, цѣликомъ воспроизведя текстъ, данный Герценомъ, и подпортивъ его корректурными ошибками и недосмотрами. Конечно, изданіе Каспровича было предпринято безъ всякаго разрѣшенія наслѣдниковъ. Теперь «Записки» Трубецкого являются третьимъ изданіемъ (первымъ въ Россіи). Они были напечатаны г. Сухонинымъ въ журналѣ «Всемирный Вѣстникъ» и вышли теперь отдѣльнымъ оттискомъ. Этотъ оттискъ представляетъ перепечатку изданія Каспровича, но г. Сухонинымъ текстъ еще больше испорченъ корректурными ошибками, а, главное, сокращеніями: всѣ отдѣльныя наброски показались г. Сухонину лишнимъ балластомъ и онъ, безъ всякихъ колебаній, выбросилъ ихъ, сохранивъ все же заглавіе «Записки кн. Трубецкого».

Записки Трубецкого изданы г. Сухонинымъ тоже, конечно, безъ разрѣшенія лицъ, властвующихъ правомъ изданія и подлинной рукописью. Когда Герцену сообщили о неудовольствіи на-

слѣдниковъ кн. Трубецкаго, вызванномъ изданіемъ безъ ихъ разрѣшенія записокъ, Герценъ гнѣвно писалъ: «мы забыли, что у нихъ есть наслѣдники, мы имѣли дерзость считать себя наслѣдниками ихъ дѣла, хранителями ихъ памяти,—каждо слѣда ихъ, ихъ страдальческой жизни». Герценъ и его друзья имѣли право считать себя наслѣдниками дѣла декабристовъ, но на какомъ основаніи г. Сухонинъ печатаетъ записки кн. Трубецкаго, на какомъ основаніи онъ раньше, безъ всякаго разрѣшенія, перепечаталъ записки И. Д. Якушкина, записки Л. А. Волкенштейнъ,—отвѣтить трудно. Если бы еще онъ не искажалъ перепечатываемыхъ имъ матеріаловъ, а прилагалъ старанія къ возможно точному и полному воспроизведенію, можно было бы думать, что онъ считаетъ себя хранителемъ памяти, а то и этого сказать нельзя. Нѣкоторая доля уваженія къ памяти тѣхъ, чьи сочиненія г. Сухонинъ непрестанно перепечатываетъ, должна была бы обязать его просить разрѣшенія на изданіе у тѣхъ, кому авторы передали свои сочиненія, относиться съ вниманіемъ къ своимъ перепечаткамъ и не спѣшить выбрасывать на рынокъ изданія,—плохія—и съ внѣшней, и съ внутренней стороны. П. Щ.

Процессъ Вѣры Засуличъ (*судъ и послѣ суда*). Изд. «Современника». 1906 г. ц. 30 коп.

Брошюра возсоздаетъ картину крайне интереснаго, по своей исключительности въ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи, процесса В. И. Засуличъ, обвинявшейся въ покушеніи на жизнь ген.-м. Трепова, бывшаго Петербургскаго градоначальника.

Не касаясь подробностей фактической стороны дѣла, изложенныхъ въ брошюрѣ, мы только отмѣтимъ, что выстрѣлъ В. Засуличъ и послужилъ какъ бы сигналомъ къ дальнѣйшей террористической дѣятельности революціонной партіи.

Характеренъ процессъ Засуличъ еще и тѣмъ, что это былъ первый и послѣдній гласный политическій процессъ, переданный на разсмотрѣніе суда присяжныхъ.

Оправданіе было неожиданно и повело за собой изъятіе разъ на всегда политическихъ дѣлъ изъ компетенціи суда присяжныхъ.

Брошюра почти исчерпываетъ фактическіе матеріалы, печатавшіеся въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ; многіе изъ нихъ появляются впервые въ легальномъ изданіи. Особого вниманія заслуживаетъ блестящая рѣчь защитника прис. пов. Александра, дающая не только біографическія свѣдѣнія о Засуличъ, но и рисующая яркую картину положенія политическихъ заключенныхъ и весь ужасъ творимаго надъ ними административнаго произвола вплоть до «порки» Боголюбова ¹⁾.

¹⁾ Настоящая фамилія Боголюбова, такъ и осужденнаго подъ чужимъ именемъ, о чемъ судъ и не подозрѣвалъ, Емельяновъ,—объ этомъ было впоследствии опубликовано въ нелегальной литературѣ. Ред.

Въ главѣ «Послѣ суда» особенно интересны «Воспоминанія начальника Дома Предварительнаго Заключенія» Федорова, который вскрываетъ закулисную сторону административной практики, попирающей и тотъ minimumъ правъ, которыя предоставлены закономъ политическому заключенному. Много злобы и неистовства проявила администрація, когда Засуличъ, благодаря отчасти Федорову, удалось уйти живой и неискалѣченной изъ ея рукъ.

Къ брошюрѣ приложены еще выдержки изъ «Исторіи рев. движенія въ Россіи» Туна—«О значеніи процесса В. Засуличъ». характеристика Засуличъ изъ «Подпольной Россіи» Степняка и отрывокъ изъ воспоминаній Льва Гартмана о личности Боголюбова, изъ № 3 «Былое» 1903 г. (загр. изд.).

Брошюра производитъ законченное впечатлѣніе объ этомъ крайне интересномъ процессѣ.

Вл. Бѣлгородскій.

Н. П. Карабчевскій. *Второе прибавленіе къ книгѣ «Рѣчи» (Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве и рѣчь въ защиту Сазонова.) ц. 25 к. 1906 г.*

Въ этой брошюрѣ проводится полностью обвинительный актъ, довольно подробно излагающій обстоятельства дѣла, разбивавшагося на рубежѣ двухъ эпохъ русской исторіи. Данныя, добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ, пытаются кратко охарактеризовать дѣятельность П. С. Р. и передаютъ нѣкоторыя подробности, какъ подготовлялся самый актъ убійства Плеве. Наряду съ этимъ приводятся краткія данныя для біографіи Сазонова и Сикорскаго. Защитительная рѣчь Н. П. Карабчевскаго дополняетъ эти данныя не безынтересными подробностями.

Вл. Бѣлгородскій.

Alexander Ular. *Die russische Revolution. Berlin. 1905.*

Иностранная публика, интересующаяся переживаемою Россіей революціею, познакомится изъ книги Улара по большей мѣрѣ лишь съ одною стороною ея. Дѣло въ томъ, что авторъ почти совершенно не касается собственно исторіи русскаго освободительнаго движенія и формъ, въ которыя оно вылилось; это, впрочемъ, и къ лучшему, такъ какъ онъ, очевидно, совершенно не освѣдомленъ въ подобнаго рода вопросахъ, черпаетъ свои свѣдѣнія о нихъ изъ ходячихъ сплетенъ и случайныхъ разговоровъ, а его рассказы о дѣятельности террористовъ за послѣдніе годы подчасъ носятъ уже прямо самый фантастическій характеръ.

Книга посвящена не положительной, творческой сторонѣ нашей революціи, а тому процессу разложенія самодержавнаго режима Россіи, который довелъ его теперь до паденія. При этомъ,

точка зрѣнія, на которой стоитъ авторъ, въ высшей степени неглубока; онъ скользитъ по поверхности явленій жизни и оставливается лишь на наиболѣе сенсаціонныхъ изъ нихъ, т. е. по преимуществу не на явленіяхъ соціальныхъ, а на такихъ, гдѣ проявляютъ себя особенно выдающіеся по своему положенію или дѣятельности личности. Причины революціи Уларъ объясняетъ слѣдующимъ простымъ образомъ. До середины прошлаго вѣка самодержавіе имѣло твердую опору въ дворянахъ-рабовладѣльцахъ. Послѣ того появились бюрократы-разночинцы. «Народилась новая каста. Она одинаково презирала и царя, и народъ. Она забрала неограниченную, безконтрольную силу и фактическое господство въ странѣ, гдѣ политическія убѣжденія являются преступленіемъ, а отвѣтственность—личная прерогатива монарха (стр. 140). Бюрократія образовала настоящіе союзы заговорщиковъ, связанныхъ общими интересами (стр. 146)». Безсовѣстное хозяйничанье этой бюрократической олигархіи, находящей поддержку и въ самой высшей сферѣ общества, но не имѣющей подъ собою никакой твердой почвы, вызвало въ концѣ концовъ нашу теперешнюю смуту. «Несчастье Россіи заключается не въ возмутительной системѣ управленія, а въ управленіи возмутительными людьми. И тайныя пружины революціи кроются не въ сопротивленіи противъ системы, а въ ненависти противъ индивидуумовъ, которые принаравливаютъ ее къ своимъ собственнымъ матеріальнымъ выгодамъ (стр. 167)». Другими словами, революція идетъ не противъ самодержавія, а только противъ бюрократіи.

Эти элементарныя разсужденія плохо, конечно, рекомендуютъ книгу Улара, носящую во всѣхъ частяхъ своихъ несерьезный, фельетонный характеръ. Такъ же мало рекомендуютъ основательность автора его легковѣріе ко всякимъ непровѣреннымъ слухамъ и фактическія ошибки въ изложеніи событій. И все же изображаемая имъ галлерей историческихъ личностей не лишена интереса. «Душевно-больной нѣмецкій Гольштейнъ-Готорпъ. Ольденбургскій Петръ III, Павелъ I, Александръ I, Николай I, Александръ II, и т. д., Императрицы, отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, отецъ Филиппъ Ліонскій, великіе князья, Побѣдоносцевъ, Плеве, Муравьевъ, Витте, *dii minores* Алексѣевъ, Безобразовъ, Вонлярлярскій, и пр.—одинъ за другимъ проходятъ предъ читателемъ въ галлерей виновниковъ русской революціи. Краски наложены рѣзко, грубо, подчасъ сгущенно, частью, какъ сказано уже, невѣрно, книга вообще совершенно не выдерживается, въ особенностяхъ въ своихъ деталяхъ, научной критики, но... мы не рѣшились бы утверждать, что изображаемая ею общая картина продажности, разврата, тупости и жестокости тѣхъ круговъ, противъ которыхъ «интеллигентнымъ слоямъ русскаго общества приходится теперь напрягать всѣ свои усилія», не соответствуетъ дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ книга можетъ до нѣкоторой

степени оказаться полезной. Прибавимъ еще, что написана она очено бойко и живо.

Въ подробности ея входить, какъ явствуетъ изъ всего выше-сказаннаго, не стоитъ. Укажемъ лишь, какъ на примѣръ невѣрностей въ изложеніи фактовъ, что авторъ категорически приписываетъ Плеве сознательное непринятіе мѣръ къ предотвращенію перваго марта и участіе въ Судейкинско-Дегаевскомъ заговорѣ противъ жизни Великаго князя Владиміра—обвиненія безусловно невѣрныя. Бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева Уларъ считаетъ братомъ бывшаго министра юстиціи Муравьева, и т. д.

Журналъ «Наука и Жизнь» началъ печатать переводъ Улара.
Б. В.

Книги, поступившія въ редакцію:

Письма Ф. Лассалля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ прим. Ф. Меринга. Книгоизд. „Литературное Дѣло“ ц. 1 р. 50 к.

Ю. И. Гессенъ. Евреи въ Россіи ц. 1 р. 50 к.

Діекъ Шигоня. Уставшій царь. Изд. Балашева ц. 1 р.

Г. Сенкевичъ. На полѣ славы ц. 1 р. 20 к.

Эмиль Делъ. Судьба всѣхъ утопій, въ особенности соц.-демократической, и Дюрингова эмансипація личности, перев. Дм. Ройтманъ ц. 15 к.

Къ исторіи декабристовъ. Библ. „Свободная Россія“ ц. 10 к.

Кн. В. А. Щетининъ. Въ Московскомъ университетѣ ц. 15 к.

К. Каутскій. Соціальная реформа и на другой день послѣ соц. реформы. Изд. „Донская Рѣчь“ Н. Парамонова ц. 25 к.

Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи, подъ ред. В. В. Водовозова, вып. II изд. Книж. маг. „Наша Жизнь“ ц. 10 к.

Сборникъ Книгоиздательство „Набатъ“ М. ц. 1 р.

Отто Лангъ. Соціализмъ въ Швейцаріи. Биб. „Обществ. Пользы“ ц. 10 к.

Н. Бунаковъ. Какъ я сталъ и какъ пересталъ быть „учителемъ учителей“ изд. „Общ. Польза“ ц. 50 к.

Н. Бунаковъ. Сельская школа и народная жизнь изд. „Общ. Польза“ ц. 1 р.

Д-ръ Эд. Давидъ. Соціализмъ и сельское хозяйство изд. „Общ. Польза“ ц. 2 р. 50 к.

К. Каутскій, К. Гуго, П. Лафаргъ и Э. Бернштейнъ. Изъ исторіи общественныхъ теченій т. II изд. „Общ. Польза“ ц. 2 р.

Алексѣй Веселовскій.—Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. 3-е перераб. изд. М. 1906. ц. 1 р. 75 к.

Л. А. Чарская.—Газавать. 30 лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Истор. повѣсть. Изд. Т-ва Вольфъ.

Полное собраніе соч. Н. Г. Чернышевскаго. т. VIII. (Современникъ 1861 г.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. СПб. 1906 г.

Мы просимъ доставить намъ:

I. Изданія, выходившія въ Россіи въ свободныхъ типографіяхъ.

Изъ изданій русскихъ тайныхъ типографій, появившихся до 90-хъ гг., намъ въ настоящее время удалось разыскать почти все;—неразысканнымъ осталось не многое. между прочимъ: „Листокъ Нар. Воли“ 1886 г. (съ рѣчью В. Н. Фигнеръ), 3-й и 5-й №№ „Чернаго Передѣла“ (1881 г.), „Заря рабочаго“ Халтурина (1890 г.). Приложение къ 4 № „Нар. Воли“ (1880 г.), Приложение къ 5 № „Нар. Воли“ (1881 г.), прокламація по поводу казни 8 апр. 1881 г. „Рабочая Газета“ (народовольцевъ) № 8... (если только выходила эта газета послѣ 2 №). Отчетъ под. 193-хъ (1878 г.), прокламація Южно-русскаго Рабочаго Союза (1880—81 гг.), Богораза „Борьба общественныхъ силъ въ Россіи“ (1886 г.), „Изъ Сибири“ (1886 г.), „Зерно“ № 2, нѣсколько прокламацій 60-хъ гг. („Мысль и Дѣло“, по поводу казни Арнгольда и немногія др. прокламаціи).

Недостатокъ въ изданіяхъ, выходившихъ въ тайныхъ типографіяхъ послѣ 90 года, у насъ болѣе значителенъ, но большинство изъ нихъ мы надѣемся разыскать съ помощью нашихъ читателей, которыхъ и просимъ подѣлиться съ нами этими изданіями, или только хотя-бы пока прислать намъ ихъ списки и описанія.—Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Былого“ мы напечатаемъ перечень того, что намъ къ тому времени не удастся разыскать.

Еще болѣшій недостатокъ мы ощущаемъ въ литографированныхъ и гектографированныхъ изданіяхъ свободной прессы, которыя иногда представляли большой интересъ. Такъ у насъ нѣтъ: брошюры о террористической борьбѣ, изд. въ 1884 г., газеты „Рабочій“ (1884 г.), „Студенчество“ (1882—3 гг.), „Свободное Слово“ (1883 г.), „Союзъ“ (1883 г.), „Гомонъ“ (1884 г.), „Письмо къ товарищамъ“ (Распопина) (1884 г.), „Самозванные марксисты“ (1885 г.), прокламація 86 и 87 гг. (кружка А. Ульянова) и т. д.

Болѣе подробный списокъ этихъ найденныхъ нами брошюръ мы дадимъ впоследствии, когда получимъ списки брошюръ, имѣющихся у разныхъ лицъ.

II. Заграничныя изданія.

Заграничныя изданія намъ удалось разыскать почти всѣ,—пока не найдены нами: „Отечество въ опасности“, изд. набатовцевъ (1877—78 г.), „Современность“ (Николаевъ и Мечникова) (1868 г.), нѣкоторые №№ печавскихъ „Колокола“ (1870 г.) и „Общины“ (1871 г.).

III. Тайныя или неопубликованныя изданія и документы правительства.

Для нашихъ историческихъ работъ были бы очень нужны подобныя изданія. У насъ, напр., нѣтъ: біографическаго словаря русскихъ революціонеровъ Н. Н.

*

Голицына, „Списковъ разыскиваемыхъ по дѣламъ департамента полиціи“ (издается каждое полугодіе), „Ежегодныхъ обзоровъ важнѣйшихъ дознаній“ и т. д.

IV. Изданія, задержанныя цензурой.

Мы будемъ пополнять уже имѣющіеся въ литературѣ (см. „Энцикл. Словарь“ Брокгауза подъ словомъ „цензурныя высканія“) списки задержанныхъ въ свое время цензурой книгъ и журнальныхъ статей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы будемъ на страницахъ „Былого“ восстанавливать цензурные пропуски. Для этого намъ необходимо получить точныя свѣдѣнія о цензурныхъ вырѣзкахъ въ сочиненіяхъ такихъ писателей, какъ Щедринъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Михайловскій, въ воспоминаніяхъ и дневникахъ Пирогова, Горбачевского и пр.

NB. Въ томъ случаѣ, когда будетъ почему-либо невозможно выслать намъ недостающія у насъ изданія, о которыхъ мы только что говорили въ первыхъ 4 параграфахъ, то мы просимъ дѣлать для насъ обстоятельную опись этихъ сочиненій по той программѣ, по какой въ настоящее время нами составляется „Опытъ описанія русскихъ изданій, появившихся за границей и въ тайныхъ русскихъ типографіяхъ, и изданій, задержанныхъ цензурой“.

При описи этихъ изданій мы стараемся давать слѣдующія свѣдѣнія:

- а) полный титулъ сочиненія, годъ и мѣсто изданія, число страницъ, форматъ, указаніе, въ какой типографіи печаталось (вносить поправки въ ошибочныя обозначенія).
- б) имя автора (по возможности, раскрывать псевдонимы).
- в) краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ.
- г) указанія на рецензіи и критическія статьи.
- д) всякаго рода поправки и коментаріи къ тексту.

V. Неопубликованныя письма, дневники и статьи замѣчательныхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ дѣятелей и партійные документы.

Желательно получить: письма Желябова, А. Михайлова, Перовской, Халтурина, Гриневничаго, Кравчинскаго и др.; документы: „Уставъ боевой дружины рабочихъ“ (1890 г.), „Задачи боевой рабочей организаціи“, „Объяснительную записку къ программѣ рабочихъ членовъ партіи Н. В.“, уставъ мѣстныхъ организацій Н. В. и пр.

VI. Автобіографическія и біографическія свѣдѣнія.

Желательно собирать автобіографическія и біографическія данныя по программѣ, наложенной въ слѣдующемъ особо наданномъ нами „Вопросномъ листѣ“:

- 1) Фамилія, имя, отчество (псевдонимы въ литературѣ и жизни), національность, сословіе, вѣроисповѣданіе, образованіе, занятіе;
- 2) годъ, число и мѣсто рожденія и др. біографическія свѣдѣнія (свѣдѣнія о родныхъ, гдѣ преимущественно жилъ и т. д.);
- 3) когда, гдѣ, по какому дѣлу былъ арестованъ, гдѣ судился, каковъ былъ приговоръ, въ какихъ тюрьмахъ содержался, когда освобожденъ?
- 4) участвовалъ-ли въ литературѣ? въ какихъ изданіяхъ?
- 5) не было-ли въ литературѣ біографическихъ матеріаловъ и свѣдѣній о дѣлѣ? не помѣщались ли гдѣ портреты?
- 6) въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ принималъ участіе?

НВ. Желательно получать о каждом лицѣ возможно болѣе подробные всякаго рода автобіографическіе и біографическіе матеріалы (его характеристику, оцѣнку его дѣятельности, описаніе отдѣльных эпизодовъ его жизни, свѣдѣнія о настоящемъ мѣстонахожденіи).

Адресъ для присылки обратно вопросовъ и отвѣтовъ нѣтъ нѣтъ: *С.-Петербургъ. Спасская ул., 25, Редакція журнала „Былое“.*

Адреса лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за полученіемъ дополнительныхъ свѣдѣній по „Вопроснымъ листамъ“.

VII. Матеріалы для изученія политическихъ процессовъ.

Желательно, чтобы участники политическихъ процессовъ (подсудимые, свидѣтели, адвокаты и т. д.) просмотрѣли бы имѣющіеся уже въ печати матеріалы, внесли въ него поправки, дополненія и всякаго рода комментаріи, собрали бы біографическіе матеріалы о лицахъ, причастныхъ къ процессамъ, и ихъ судьбѣ.

Для нѣкоторыхъ процессовъ у насъ не имѣется ни обвинительныхъ актовъ, ни отчетовъ о судѣ,—такъ напр., о дѣлѣ рабочаго Малиновскаго (74 г.). Обнорскаго (80 г.). Ковальской (81 г.), Халтурина (82 г.), Геккера (82 г.), Давонкевича (83 г.), Гориновича (83 г.), Манучарова (85 г.), Оржиха (88 г.), Зотова (89 г.), Кочурихина (92 г.). Лекерта, Качура и т. д.

Для другихъ процессовъ имѣются обвинительные акты, но очень мало иныхъ матеріаловъ, напр.: для дѣла Нечаевскихъ солдатъ (82 г.), Юр. Богдановича (83 г.), Вѣры Фигнеръ (84 г.), Шебалина (84 г.), Ульянова (87 г.), Лопатина (87 г.), Гинсбургъ (90 г.), процессы послѣдняго времени и т. д.

VIII. Данные для хронологической канвы по исторіи освободительныхъ движеній.

Желательно возможно точно:

- а) установить года и числа событій.
- б) составить списки членовъ революционныхъ и общественныхъ организацій, съ указаніемъ времени вступленія ихъ въ организаціи.
- в) дать списокъ лицъ, участвовавшихъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ (сѣздахъ, конспиративныхъ квартирахъ, типографіяхъ, террористическихъ покушеніяхъ, побѣгахъ, динамитныхъ мастерскихъ и т. д.)
- г) собрать свѣдѣнія о наиболѣе крупныхъ стачкахъ и аграрныхъ движеніяхъ.
- д) указывать литературу, относящуюся къ перечисляемымъ событіямъ.

НВ. Свѣдѣнія о событіяхъ слѣдуетъ давать по годамъ, а затѣмъ уже располагать по мѣстностямъ и по отдѣламъ („аресты“ „борьба“, „побѣги“, „некрологи“, „правительственныя распоряженія“, „литература“ и т. д.),—какъ это было сдѣлано въ сборникѣ „За сто лѣтъ“ В. Л. Бурцева.

IX. Карточки, рисунки, реликвіи.

У насъ уже имѣется значительное количество фотографическихъ карточекъ дѣятелей освободительнаго движенія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыхъ карточекъ также намъ до сихъ поръ разыскать не удалось,—напр., нѣтъ карточекъ декабриста Вестужева-Рюмина, Ковальскаго, Дубровина (офиц.), Желябова, Колодкевича, Тетерки, Теллалова, Тихонова, Чубарова, Виттенберга, Логовенко, Бранднера, Ма-

линики, Дробязгина, Степурина, Прѣснакова и др. Нѣтъ у насъ, конечно, и карточекъ многихъ, очень многихъ дѣателей освободительнаго движенія, погребшихъ въ самое послѣднее время.

Тѣхъ, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи фотографическія карточки революціонныхъ и общественныхъ дѣателей, мы просимъ въ томъ случаѣ, если они почему-либо не могутъ прислать намъ своихъ коллекцій, дать намъ полный списокъ карточекъ, съ обозначеніемъ времени, къ какому онѣ относятся. Для многихъ дѣателей мы будемъ издавать ихъ карточки за разные эпохи ихъ жизни, или будемъ выбирать наиболѣе почему-либо важныя.

Затѣмъ мы повторяемъ свою просьбу къ читателямъ-друзьямъ, напечатанную въ февральской кн. „Былого“ о высылкѣ намъ выходящихъ произведеній текущей литературы всѣхъ партій (нѣкоторыя партійныя учрежденія эту просьбу нашу уже исполняютъ, за что мы приносимъ имъ нашу искреннюю признательность), конфискованныхъ администраціей произведеній періодической и неперіодической печати и пр.; изъ совокупности всѣхъ такихъ произведеній станетъ возможнымъ составить архивъ относящихся къ освободительному движенію документовъ, который такъ необходимъ для исторіи движенія.

Въ заграничномъ изданіи „Былого“ и въ изданіяхъ Базилевскаго-Богучарскаго, когда мы начали собирать революціонныя изданія, рукописи, карточки и т. д., мы говорили, что все, что мы получимъ отъ товарищей,—все это намъ будетъ передано въ музей, посвященный изученію освободительнаго движенія.

То же самое мы можемъ повторить и въ настоящее время и просимъ товарищей имѣть въ виду, что, собирая рукописи, карточки, реликвіи и пр., мы все это передадимъ въ такой музей, когда онъ будетъ основанъ и когда условія политической жизни въ Россіи обезпечатъ ему прочное существованіе.

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

I.

Избранный первоначально „Союзомъ Союзовъ“ Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семевскій (Вас. Остр., 2 л. д. 11).

Товарищъ Предсѣдателя— П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ. Ст. Удѣльная Финл. ж. д.).

Секретарь—В. Я. Яковлевъ - Богучарскій (ред. жур. „Былое“. Спаская ул., 25, кв. 20).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Бурцевъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. П. Водовозова, В. В. Водовозовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, А. С. Зарудный, Д. А. Клеменць, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Н. С. Кудринъ, Л. П. Купріянова, П. Н. Милуковъ, В. А. Мякотинъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. А. де-Плансонъ, А. С. Пругавинъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Сажинъ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, Л. Н. Стахевичъ, О. Н. Флоровская, Л. Э. Шишко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы—посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

II.

Съ 16 февраля по 8 марта въ шлиссельбургскій фондъ поступило: отъ Ново-Оскольскаго общества взаимной помощи служащихъ—60 р. 70 к.; отъ неизвѣстнаго въ память друга—200 руб.; И. А. Корсакова—10 руб.; Е. А. Родичевой—3 р.;—гонораръ за двѣ замѣтки въ „Быломъ“ (Л. П.)—12 р.; двухъ русскихъ женщинъ изъ Вѣны—30 р.; О. Н. Поповой—10 р. Э. Пекарскаго, Е. А. Пекарской и А. А. Р-л-а-н-й—3 р.; М. И. Щеголевой—2 р.; А. В. Погожевой—5 р.; А. А. Тихонова (Лугового)—15 р.; черезъ „Нашу Жизнь“—94 р.; Ю. И. Лаврентьевой—15 р.; неизвѣстной—10 р.; М. Л. В.—5 р.; Н. Oelsnitz—50 р.; Н. И. Степанова—15 р.; С. Щепотьева—25 р.; В. Л. Ратта—5 р.; неизвѣстнаго—25 р.; г-жи З. I.—3 р.; М. А. Прессе—5 р.; Гонораръ за ст. и стих. въ „Быломъ“ П. С. Поливанова, по желанію его сестры Е. С. Волковой,—40 р.

Итого—642 р. 70 к.

А съ прежде поступившими всего:

деньгами—1372 р. 70 к.
проценты. бумагами—4000 р.
Всего: 5372р. 70 к.

О полученіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ жертвователей.

Пріемъ пожертвованій продолжается.

Казначей Комитета Н. Аниенскій.

III.

Для составленія альбома шлиссельбуржцевъ въ Комитетъ изъ числа недостававшихъ ему портретовъ шлиссельбургскихъ узниковъ, поступили послѣ 15 февраля портреты Малавскаго, Шевырева, Андреюшкина и Вас. Иванова ¹⁾. Обѣщаны портреты Игната Иванова, Савелія Златопольскаго и Логовскаго. Совсѣмъ не имѣется портретовъ (Комитетъ убѣдительно проситъ ихъ разыскать) Арончика, Исаева, Минакова, Клименко, Тихоновича, Немоловскаго, Николая Рогачева, Генералова, Чепегина, Васильева и Гершковича. Комитетъ проситъ также лицъ, живущихъ за границей, разыскать и выслать ему портреты шлиссельбуржцевъ-поляковъ Лукасинскаго и Шварца.

Получены біографическія свѣдѣнія о Фроленко, Кобылянскомъ, Варынскомъ, Яновичѣ и Сергѣѣ Ивановѣ.

О полученіи всѣхъ перечисленныхъ портретовъ и свѣдѣній Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ доставившихъ ихъ лицъ.

Секретарь Комитета В. Богучарскій.

¹⁾ Получена также фотографическая карточка Игната Иванова, но снятая еще, когда онъ былъ гимназистомъ и очень выпѣтшая.

Современная Лѣтопись.

Въ теченіе февраля мѣсяца обратили на себя общественное вниманіе слѣдующіе акты центральныхъ и мѣстныхъ властей:

Главнымъ командиромъ, адмираломъ Чухнинымъ, опубликованъ приказъ, въ которомъ онъ объявляетъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 100 статьей уголовного уложенія, онъ находитъ нужнымъ примѣнять правило, установленное 1401-й статьей военныхъ постановленій, а именно *не давать дѣламъ сего рода направленія въ кассационномъ порядкѣ*, по кассационнымъ жалобамъ и протестамъ, поданнымъ на приговоры военно-морского суда.

Правило это сейчасъ же было примѣнено Чухнинымъ къ дѣлу о нижнихъ чинахъ команды крейсера „Очаковъ“ и совместно съ ними преданныхъ суду гражданскихъ лицахъ.

Командующимъ войсками Одесскаго военнаго округа ген. Каульбарсомъ было опубликовано слѣдующее объявленіе:

Въ видахъ охраненія, согласно статьи 8-й правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи, государственнаго порядка и общественной безопасности въ районѣ вѣреннаго мнѣ Одесскаго военнаго округа, я вынужденъ объявить, что на основаніи статьи 12 вышеуказанныхъ правилъ всѣ дѣла о лицахъ, виновныхъ какъ въ покушеніи или въ приведеніи въ исполненіе своихъ преступныхъ замысловъ помощью взрывчатыхъ веществъ, или снарядовъ, оружія или иными способами, такъ и изобличенныхъ въ приобрѣтеніи или храненіи, или изготовленіи, или переносѣ взрывчатыхъ веществъ, или снарядовъ, съ преступною цѣлью, будутъ подвергаемы мною и уполномочиваемыми мною на то временными генераль-губернаторами и комендантомъ Севастопольской крѣпости *разрѣшенію въ административномъ порядкѣ, съ примѣненіемъ смертной казни*.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ циркуляръ губернаторамъ, въ которомъ имъ предлагается: „безотлагательно принять всѣ зависящія мѣры къ возстановленію правильной дѣятельности сельскихъ и волостныхъ сходовъ и къ предупрежденію составленія общественныхъ приговоровъ по предметамъ, вѣдѣнію сихъ сходовъ не подлежащимъ“.

Другимъ циркуляромъ губернаторамъ м-ръ вн. дѣлъ Дурново признаетъ необходимымъ: сосредоточить въ главномъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго хозяйства свѣдѣнія о ходѣ занятій губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній, какъ очередныхъ, такъ и чрезвычайныхъ сессій, а также и городскихъ думъ, *характеризующія общее настроеніе земскихъ*

и городских гласных и отменяющія уклоненія отъ закономъ установленнаго пути дѣятельности общественныхъ учреждений и просить независимо представляемыхъ министерству по департаменту полиціи донесеній о проявленіяхъ въ средѣ земскихъ и городскихъ учреждений *противоправительственныхъ теченій* своевременно сообщать въ названное главное управленіе по дѣламъ земскаго и городского хозяйства по принадлежности всѣ вышеуказанныя свѣдѣнія, съ приложеніемъ въ необходимыхъ случаяхъ выписокъ изъ постановленій журналовъ земскихъ собраній и городскихъ думъ и докладовъ управъ*.

Въ циркулярѣ губернаторамъ отъ 30 нояб. 1905 г. министръ внутр. дѣлъ писалъ: „прошу васъ: 1) всѣхъ подстрекателей, зачинщиковъ и революціонныхъ агитаторовъ, которые не арестованы судебною властью—арестовать и войти безотлагательно представленіемъ о высылкѣ ихъ подъ надзоръ полиціи; 2) никакихъ особыхъ дознаній по сему предмету, а равно допросовъ не производить, а ограничиваться протоколомъ, въ которомъ должно указать причины арестованія и краткія свѣдѣнія, удостоверяющія виновность; 3) если завѣдомые агитаторы освобождены судебными властями, то оставлять ихъ подъ стражей и поступать по пункту второму; 4) въ случаѣ арестованія учителей, фельдшеровъ и другихъ служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, а равно постороннихъ лицъ или пріѣзжихъ, не обращать никакого вниманія на мятежные протесты разныхъ самозванныхъ союзовъ и делегаций; 5) не обращать вниманія на угрозы собраній и митинговъ, и въ случаѣ необходимости, самымъ рѣшительнымъ образомъ разгонять протестующихъ силою, съ употребленіемъ, согласно закону, если нужно, оружія; 6) представленія должны быть сдѣланы безотлагательно; 7) вообще всякія колебанія при исполненіи предыдущаго не должны быть допускаемы*.

Высочайшимъ указомъ отъ 12 февраля созывъ Государственной Думы назначенъ на 27 апр. 1906 г. Производство выборовъ членовъ Думы на избирательныхъ собраніяхъ въ губерніяхъ и городахъ допущено въ разные сроки, назначаемые Высочайшими указами, которые министръ внутреннихъ дѣлъ испрашиваетъ черезъ совѣтъ министровъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 7 февр. утверждено мнѣніе госуд. совѣта объ измѣненіи правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Новыя правила устанавливають, что для предупрежденія неповиновенія толпы *„ни стрѣльба вверхъ, ни стрѣльба холостыми патронами не должны быть допускаемы*.* Неуклонное исполненіе этого закона, по мнѣнію государств. совѣта, *„скоро приучитъ населеніе видѣть въ воискахъ грозную силу, а не только средство устрашенія*.*

Высочайшимъ манифестомъ 20 февр. дополнены законоположенія о Госуд. Думѣ и утверждено положеніе о переустройствѣ Государственнаго Совѣта, которому наравнѣ съ Госуд. Думой отнынѣ предоставлены законодательныя права. Въ Государственный Совѣтъ вводятся въ равномъ числѣ съ членами, присутствующими тамъ по назначенію, выборные отъ духовенства (избираемые святѣйшимъ синодомъ), отъ дворянства и земства, а также представители науки, торговли и промышленности. Компетенція Госуд. Думы манифестомъ 20 февр. значительно ограничена.

Опубликована инструкция мин. вн. дѣлъ о порядкѣ производства выборовъ посредствомъ записокъ.

Мин. внут. дѣлъ разосланы земскимъ начальникамъ инструкціи, которыми имъ вмѣняется въ обязанность „наблюдать за тѣмъ, чтобы во время выборовъ не было насилія со стороны противоправительственныхъ партій: соц. демократовъ, соц. революціонеровъ и конституц.-демократовъ“, „выяснять населенію всю неосновательность программъ, клонящихся къ измѣненію основнаго государственнаго строя“, удалять черезъ довѣренныхъ людей изъ помѣщенія выборщиковъ ораторовъ, обольщающихъ крестьянъ несбыточными надеждами на даровое надѣленіе частновладельческими землями и крикуновъ“, „вывѣсить имена лицъ, кои по неблагонадежности кандидатами быть не могутъ“, „обращаться къ содѣйствію военной силы, если бы агитаторы выказали намѣреніе выборныя собранія обратить въ крестьянскіе комитеты для раздѣла частновладельческихъ земель, чтобы арестовать лицъ, принявшихъ участіе въ таковыхъ комитетахъ“.

Кіевскій генер.-губернат. Сухомлиновъ предлагаетъ къ исполненію слѣдующій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ: „Сегодня въ мѣстности Кагарлыкъ, Кіевской губерніи, въ имѣніи Черткова, арестованъ агитаторъ. Толпа съ угрозами требуетъ немедленнаго его освобожденія. Мѣстная вооруженная сила недостаточна. Въ виду этого настоячиво предлагаю какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ подобныхъ приказать немедленно истреблять силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія—сжигать ихъ жилища. Въ настоящую минуту необходимо разъ навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей невозможно. Нынѣ единственно необходимо, чтобы войска проникнулись вышензложенными указаніями“.

* * *

Главнѣйшія проявленія революціоннаго движенія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи:

1) Въ Варшавѣ убиты револьверными выстрѣлами двое постовыхъ городовыхъ. Злоумышленники, забравъ у нихъ оружіе, скрылись.

2) Въ Прибалтійскомъ краѣ, возлѣ Прекульна произведено вооруженное нападеніе на разѣздъ изъ шести драгунъ; трое драгунъ ранены, одинъ изъ нападавшихъ убитъ.

3) Въ Ригѣ 6 февр. толпа неизвѣстныхъ стрѣляла въ воинскій патруль. Убитъ 1 рабочій, ранены 2 солдата и 1 рабочій.

4) На ст. Алатырь Моск.-Каз. ж. д. убиты выстрѣломъ изъ револьвера начальникъ станціи г. Бабенко и старшій жандарм. унтеръ-офицеръ; тяжело раненъ желѣзно-дорож. сторожъ.

5) Въ Ялтѣ типографія Вахтина была захвачена группой лицъ съ цѣлью напечатанія прокламацій. Когда прокламаціи были набраны, явилась полиція. Захватившимъ типографію удалось скрыться, за исключеніемъ одного, бѣжавшаго, но настигнутаго полиціей.

6) Въ Ригѣ въ центрѣ города полиція обнаружила въ погребѣ дома по Манежной ул. 14 бомбъ, изъ которыхъ 8 были заряжены, 6 пустыя.

7) Въ Вильнѣ, 10 февраля, въ Квасномъ переулкѣ еврей нашель бомбу и толкнулъ ее ногой, вслѣдствіе чего произошелъ взрывъ, оторвавшій ему ногу.

8) Въ Казани вновь конфисковано нѣсколько ящиковъ огнестрѣльнаго оружія.

9) Въ Варшавѣ начальникъ Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ инженеръ Ивановъ убитъ наповальъ выстрѣломъ изъ револьвера, убійца скрылся.

10) Въ Одессѣ 12 февр. къ Ратнеру, снявшему комнату въ Трехугольномъ пер. въ 1 ч. ночи явилась полиція съ обыскомъ. Ратнеръ, еще двое мужчинъ и дѣвушка встрѣтили ее выстрѣлами изъ браунинговъ, потомъ всѣ трое взбѣжали по лѣстницѣ на крышу, оттуда перебрались на крышу сосѣдняго дома, и засѣли на чердакѣ. Полиція, казаки, солдаты до 300 человекъ осадили ихъ. Перестрѣлка длилась до семи часовъ утра. Осажденные защищались храбро, на виду у многочисленной публики. Дѣвушка оказалась переодѣтымъ мужчиной. Ранены надзиратель, дворникъ, дворничиха, убиты анархисты. Найдены бомбы.

11) Въ Варшавѣ 7-го февр. задержанъ пріѣхавшій изъ провинціи еврей съ 43,000 капсюлями для винтовочныхъ патроновъ.

12) Въ Варшавѣ 12 февр. на предвыборномъ собраніи произошло кровавое столкновение между участниками союза изъ партіи націоналъ-демократовъ и ворвавшимися социалистами. Убитъ 1 раб. социалистъ и ранено около 15 чел. Были вызваны войска, которые окружили собравшихся. Всѣ были обысканы, оказавшіеся безъ документовъ арестованы. Зачинщики схватки бѣжали.

13) Въ Петербургѣ 13 февраля въ одиннадцатомъ часу утра убитъ пятью выстрѣлами изъ револьвера помощникъ начальника мастерскихъ Путиловскаго завода Назаровъ.

14) Въ Иркутскѣ 13 февраля вечеромъ на Большой улицѣ ломомъ убитъ помощникъ коменданта станцій Иркутскъ и Мысовая баронъ Корфъ.

15) Въ окрестностяхъ Ремерсгофа произведено нападеніе на лейтенанта князя Путятина, получившаго двѣ огнестрѣльные раны. Одинъ изъ нападавшихъ убитъ матросами. Князь Путятинъ внѣ опасности.

16) Въ Костромѣ 15 февр. ночью въ губернскую земскую больницу явились шесть вооруженныхъ лицъ и освободили политическаго заключеннаго Вульпе. Городовой, охранявшій арестантское отдѣленіе больницы и оказавшій сопротивленіе, раненъ. Виновики освобожденія Вульпе скрылись и разыскиваются полиціей.

17) Въ Варшавѣ 15 февр. 30 вооруженныхъ революціонеровъ разгромили типографію Немира, за отказъ печатать революціонныя изданія.

18) Въ Херсонѣ на Греческой улицѣ открыта фабрикація бомбъ. Арестованъ пріѣзжій еврей. Найдена одна готовая бомба и 9 приготовлявшихся. Обнаружены запасы взрывчатыхъ веществъ.

19) Въ Лодзи 17 февр. нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера убитъ жандармскій унтеръ-офицеръ.

20) Въ Кіевѣ на Андреевскомъ спускѣ обнаружена тайная типографія украинской револ. партіи. Задержано нѣсколько пудовъ шрифта и типограф. принадлежности. Арестовано двое неизвѣстныхъ.

21) Въ Симферополѣ на Фонтанной ул. выслѣжена тайная типографія. Арестованы работавшіе тамъ мужчины и женщины. Въ сосѣднемъ домѣ захвачено много готовыхъ прокламацій и типографскихъ принадлежностей.

22) Въ Лодзи 19 февраля, въ 5 час. вечера, на Константиновской

улицѣ, нѣсколькими выстрѣлами изъ револьверовъ, убить околоточный надзиратель второго участка Даніилъ Ярчакъ. Убійцы успѣли скрыться.

23) Въ Бердичевѣ 20 февр. захвачена полиціей въ полномъ ходу тайная типографія вмѣстѣ съ участниками. Конфискована масса только-что отпечатанныхъ прокламацій, обращенныхъ къ войскамъ.

24) Въ Радомѣ 20 февраля обнаружена тайная типографія, дѣйствовавшая на главной улицѣ. Найдено 4 пуда набора.

25) Въ Екатеринославѣ 23 февр. на Заводской улицѣ открыта полиціей тайная типографія съ множествомъ шрифта и частями типографскихъ машинъ.

26) Изъ Самары сообщаютъ, что 19 февраля, въ 10 часовъ утра каптенармусъ 12 роты 2 заамурскаго желѣзнодорожнаго батальона Захарченко обнаружилъ похищеніе 152-хъ 8-хъ-линейныхъ винтовокъ и 7,500 патроновъ изъ вагона-цейхгауза.

27) Въ Петербургѣ 20 февраля чинами охранной полиціи, въ домѣ № 19 по Троицкой улицѣ, обнаружена мастерская взрывчатыхъ веществъ. Въ квартирѣ задержано пять человѣкъ, при обыскѣ найдены готовые снаряды, а также формы для нихъ.

28) Въ Лодзи 21 февраля револьвернымъ выстрѣломъ убить наповалъ околоточный надзиратель четвертаго участка Депта.

29) Въ Варшавѣ 21 февр. 20 человѣкъ, вооруженныхъ револьверами, увезли изъ пражской больницы въ заранѣе приготовленной каретѣ переодѣтаго въ женское платье Владислава Редке, который 17 февр. ранилъ околоточнаго надзирателя и, отстрѣливаясь затѣмъ отъ окружавшихъ домъ солдатъ, былъ самъ тяжело раненъ.

30) „Страна“ сообщаетъ, будто въ л.-гв. намайловскомъ полку похищено 1,000 винтовокъ.

31) Въ Варшавѣ 3 выстрѣлами изъ револьвера тяжело раненъ инспекторъ народныхъ училищъ Орловъ.

32) Въ Одессѣ 24 февраля проходившій по Городской улицѣ городской Дергачъ тяжело раненъ выстрѣломъ изъ револьвера.

33) Въ Лодзи 24 февраля въ Пабианицахъ убить двумя выстрѣлами изъ револьвера ночной сторожъ Гаувальдъ.

34) Въ Бѣлостокѣ 25 февраля изъ цейхгауза 120-го запаснаго батальона похищено 200 винтовокъ трехлинейнаго образца, 20 ящичковъ съ патронами и 16 ящичковъ съ гильзами.

35) Въ Варшавѣ 25 февр. въ 8 ч. вечера двое неизвѣстныхъ на Каміонковской улицѣ въ Прагѣ выстрѣлами изъ револьверовъ убили околоточнаго надзирателя Шантала и городского Волкова.

36) Въ Лодзи 25 февраля около 5 ч. вечера, въ Пабианицахъ, по дорогѣ на вокзалъ на извозчикѣ выстрѣлами изъ револьвера убить начальникъ Ласскаго уѣзда Ивановъ. Убійцы скрылись.

37) Въ Одессѣ 26 февр. на вокзалѣ жандармской полиціей вскрыты въ багажѣ двѣ подозрительныя корзины. Оказалось 19 ружей, 25 штыковъ, 20 шомполовъ.

38) Въ Томскѣ 26 февраля въ помощника полицеймейстера Кириллова въ два часа ночи, на площади у собора, были произведены два выстрѣла. Стрѣлявшій задержанъ и будетъ преданъ военному суду. Онъ оказался студентомъ.

39) Въ Варшавѣ 26 февр. на Варшавско-Вѣнскомъ вокзалѣ задержана женщина, привезшая контрабандой ящикъ съ револьверами Браунинга и 3000 патроновъ.

Въ предмѣстѣѣ Прага толпа окружила патруль и убила околоточнаго и городового; арестованъ одинъ изъ нападавшихъ, остальные скрылись.

40) Въ Ковнѣ 19 февр. въ два часа дня, въ шавельскую тюрьму, когда надзиратель отворилъ калитку для приѣма принесенной пищи, ворвались два революціонера, вооруженные револьверами, съ цѣлью освобожденія политическихъ арестованныхъ, открыли стрѣльбу по тюремной стражѣ и ранили надзирателя. Прибывшій во главѣ конной стражи исправникъ разогналъ на улицѣ толпу. Запертые въ тюрьмѣ революціонеры Гламжо и Фоскрупникъ сдались безъ сопротивленія.

41) Въ станицѣ Гіанинской, бросившіе самовольно службу казаки Урупскаго полка укрѣпились окопомъ и увеличили число взбунтовавшихся недовольными изъ сосѣднихъ станицъ. На усмиреніе высланы войска.

* * *

За февраль мѣсяцъ имѣли мѣсто слѣдующіе судебные приговоры по политическимъ дѣламъ:

1) Кассационная жалоба по дѣлу Короткаго, убившаго осенью 1906 г. въ Вильнѣ полицейскаго и ранившаго полицмейстера, отвергнута. Приговоръ военно-окружнаго суда утвержденъ командующимъ войсками съ замѣной смертной казни черезъ повѣшеніе *смертной казнью* черезъ *разстрѣлианіе*. 1 февраля приговоръ приведенъ въ исполненіе въ Виленской губ. тюрьмѣ.

2) Въ Черниговѣ 31 января на разсвѣтѣ *повѣшенъ* покушавшійся на бывшаго черниговскаго губернатора Хвостова.

3) 5 февраля военно-морской судъ по Потемкинскому процессу вынесъ слѣдующую резолюцію: Зауложновъ, Луцаевъ и Мартыановъ приговорены къ *смертной казни чрезъ повѣшеніе*, съ замѣной, согласно манифеста 21 октября, каторжными работами на 15 лѣтъ каждому; Гусь на 20 лѣтъ, Задорожный на 7 лѣтъ, Кашугинъ на 12 лѣтъ въ каторжные работы; 82 подсудимыхъ приговорены въ арестанскія отдѣленія отъ 1 г.—2 л. 4 м., одинъ—въ воен. мор. плавуч. тюрьму на 3 мѣс. Судъ ходатайствовалъ о сокращ. сроковъ лишенія свободы на половину. 1 кондукторъ и 24 матр. оправданы.

4) Въ Новочеркасскѣ, 4 февраля, судившійся судебной палатой Мазуренко, за агитацію отъ имени крестьянскаго союза, приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.

5) Въ Вяткѣ, 8 февраля военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло рядового Фабричнаго, смертельно ранившаго 18 декабря командира котельническаго батальона Нестеренко. *Фабричный приговоренъ къ разстрѣлу*. Судъ ходатайствуетъ о смягченіи наказанія.

6) Въ Митавѣ, 9 февраля, вышедшій въ сѣверную часть гизенпотскаго уѣзда отрядъ арестовалъ 34 крестьянъ, изъ которыхъ 5 за сопротивленіе *разстрѣляны*.

7) Въ Лифляндіи отрядомъ Мейнгарда 4 февраля, *казнено семь революціонеровъ*.

8) Военно-полевой судъ въ Верхнеудинскѣ *судитъ* 16 февраля тридцать желѣзнодорожныхъ служащихъ. Четверо приговорены къ каторж-

нымъ работамъ, *освять къ смертной казни*. Генераль Ренненкампфъ замѣнилъ четвернымъ казнь каторгою. Остальные *пять казнены*.

9) 13 февраля въ главномъ военномъ судѣ слушалось въ кассационномъ порядкѣ дѣло о безпорядкахъ, бывшихъ въ 1-й и 2-й батареяхъ 26-й артиллерійской бригады въ гор. Гродно 4 и 5 ноября минувшаго года. Засѣданіе ознаменовалось постановленіемъ рѣшенія, единственнаго въ практикѣ кассационныхъ судовъ. Въ отношеніи одного изъ подсудимыхъ, канонира Цвѣткова, главный судъ замѣнилъ каторжныя работы, назначенныя приговоромъ виленскаго военно-окружнаго суда *смертной казнью*, основываясь на ст. 1041 воен. суд. устава.

10) Въ Варшавѣ, 14 февраля военный судъ *приговорилъ* двухъ братьевъ Чекальскихъ и Зерницкаго къ *смертной казни* первыхъ за покушеніе 21 декабря на убійство земскаго стражника въ Бендинѣ, а третьяго за убійство 23 декабря земскаго стражника въ Заверцѣ. Зерницкій *казненъ* 24 февр.

11) Въ Суwalkахъ, 15 февраля, разсматривалось въ особомъ присутствіи выѣздной сессіи варшавской судебной палаты дѣло о Шмидтѣ. Ковальскомъ и Милевскомъ, обвиняемыхъ въ пропагандѣ между войсками. Подсудимые приговорены къ заключенію въ крѣпости: первые два—на одинъ годъ, третій—на восемь мѣсяцевъ.

12) Въ Одессѣ военный судъ приговорилъ аккерманскаго мѣщанина Тихона Александровскаго къ отдачѣ въ исправительный домъ на одинъ годъ и 5 мѣсяцевъ за распространеніе прокламацій и сочиненій въ войскахъ съ цѣлью возбужденія нижнихъ чиновъ къ нарушенію обязанностей военной службы и къ неповиновенію.

13) Въ Вильнѣ, обвинявшійся въ покушеніи на жизнь околоточнаго надзирателя, Якуновичъ, *приговоренъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе.

Начальникомъ края смертная казнь замѣнена безсрочными каторжными работами.

14) Изъ Ташкента сообщаютъ: „Кочегаръ ст. Мервъ Петрунинъ, покушавшійся на жизнь коменданта кушкинской крѣпости ген. Прасолова, приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Въ виду наличности смягчающихъ его вину обстоятельствъ, командующій войсками ген. Субботичъ не только удовлетворилъ ходатайство суда о *смягченіи его участи замѣною смертной казни 8-ми-лѣтнею каторгою*, но и *понижилъ еще наказаніе на пять степеней: Петрунинъ отданъ на три года въ арестантскія роты*“.

15) Въ Минскѣ, 16 февраля, военный судъ приговорилъ покушавшихся на жизнь губернатора и полицеймейстера Анну Измайловичъ и Ивана Пулихова къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе.

16) Тамъ-же, по дѣлу о покушеніи на жизнь полицеймейстера Норова военный судъ приговорилъ Оксенкруга къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Командующій войсками замѣнилъ для Измайловичъ смертную казнь безсрочной каторгой, по отношенію къ *Пулихову* приговоръ утвержденъ и 25 февраля въ 5 ч. утра *приведенъ въ исполненіе* въ Минской тюрьмѣ. Смертная казнь Оксенкругу замѣнена 15-лѣт. каторгой.

17) Изъ Тулы сообщаютъ: рабочій Баташевъ, ранившій жандармскаго

офицера, *приговоренъ* военно-окружнымъ судомъ къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе, причемъ судъ постановилъ ходатайствовать передъ командующимъ войсками о замѣнѣ Баташеву смертной казни ссылкой въ каторжные работы на 4 года.

18) Въ Очаковѣ, 18 февраля, лейтенантъ Шмидтъ *присужденъ* къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе; кондукторъ Частникъ, комендоръ Антоненко и машинистъ Гладковъ—*черезъ разстрѣляніе*. Оправданы десять матросовъ. Остальные подсудимые присуждены къ разнымъ наказаніямъ: каторжнымъ работамъ и арестантскимъ отдѣленіямъ. Защитники подають кассационную жалобу. Они просили занести въ протоколъ 4 обстоятельства, изъ которыхъ два касаются фактической стороны процесса, а два формальной.

19) Въ Одессѣ закончилось дѣло 'о покушеніи на жизнь генерала Коханова, Карангозова и Нейдгардта. Владиміръ Кирилловъ и его невеста Нетта Давидовичъ, привлеченные къ суду за участіе въ сообщничествѣ съ именуемой себя „боевою“ дружиной одесскаго комитета „соціалъ-революціонеровъ“, имѣвшей въ своемъ распоряженіи средства для взрывовъ, приговорены къ каторжнымъ работамъ на два года. Елена Найдтъ оправдана.

20) Изъ Харькова сообщаютъ: утромъ въ окружномъ судѣ собралась масса публики слушать дѣло профессора Гредескула. Когда въ залѣ суда появился профессоръ подъ конвоемъ солдатъ, вся публика встала съ мѣстъ, устроивъ молчаливую сочувственную овацію. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. До приговора суда высылка профессора въ Архангельскую губернію задержана. Профессоръ Гредескулъ приговоренъ къ 10-ти дневному аресту.

21) Въ Ригѣ, 18 февраля, временнымъ военнымъ судомъ крестьянинъ венденскаго уѣзда Янъ Берзинъ, обвиняемый въ убійствѣ 11 января на Николаевской улицѣ казака и въ пораненіи другого казака, *приговоренъ* къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе.

22) Въ Одессѣ, жандармъ одесской конно-жандармской команды Черепенко приговоренъ военнымъ судомъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь за распространеніе среди войскъ сужденій, возбуждающихъ воинскихъ чиновъ къ нарушенію обязанности военной службы.

23) Въ Тифлисѣ, 21 февраля, убійца генерала Грязнова приговоренъ къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе.

24) Въ Одессѣ, 21 февраля, военный судъ, закончивъ разсмотрѣніемъ дѣло о 80 нижнихъ чинахъ 15 артиллерійской бригады, обвинявшихся въ явномъ возстаніи и неповиновеніи 12 декабря прошлаго года, приговорилъ: шестерыхъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ и одного на 15 лѣтъ; шесть человекъ въ дисциплинарные батальоны, двухъ на 2 года, четырехъ на годъ; двѣнадцать человекъ подвергнуть одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на одинъ мѣсяць; четверо оправданы. Судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ наказанія Степанову, приговоренному къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ, отдачей въ дисциплинарный батальонъ на три года.

25) Въ Воронежѣ, 21 февраля, военнымъ судомъ объявленъ приговоръ по дѣлу дисциплинарнаго батальона. Приговорены къ каторжнымъ работамъ на двѣнадцать лѣтъ—восемь человекъ, на десять лѣтъ—трое,

на восемь лѣтъ—семеро, на шесть лѣтъ—шестеро, на четыре года—двое; въ исправительныя арестантскія отдѣленія, на четыре года—десять, на два года—шестеро, на одинъ годъ—одинъ; увеличены сроки пребыванія въ дисциплинарномъ батальонѣ—одиннадцати лицамъ. Оправданы четверо.

26) Въ Вильнѣ, приговореннымъ къ казни за нападеніе на магазинъ Альшванга и покушеніе на городского четырехъ евреямъ командующій войсками замѣнилъ смертный приговоръ десятилѣтней и двадцатилѣтней каторгой.

27) Въ особомъ присутствіи варшавской судебной палаты разсматривалось дѣло Зильберблата, обвиняемаго въ пропагандѣ между войсками, и дѣло Красавца, обвиняемаго по статьѣ 129. Первый приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ, второй—оправданъ.

28) Въ Казани, 24 февраля, судебная палата приговорила фельдшера Чувашина и крестьянина Кононова, обвинявшихся по 129 статьѣ уголов. въ произнесеніи преступной рѣчи, къ заключенію въ крѣпости перваго—на годъ, втораго—на 9 мѣсяцевъ. Воспитаникъ промышленнаго училища Васильевъ, обвинявшійся по 132 ст. угол. улож. въ храненіи съ цѣлью распространенія прокламацій, присужденъ къ заключенію на 9 дней въ крѣпости, крестьянинъ, Фроловъ, обвинявшійся по 129 статьѣ, оправданъ.

29) Въ Бобруйскѣ, военно-окружный судъ 21 февраля приговорилъ 13 человекъ къ расстрѣлианію, 12 человекъ къ 15 годамъ каторги, 3-хъ—къ 8 годамъ каторги, по дѣлу дисциплинарнаго батальона о попыткѣ возстанія въ прошломъ ноябрѣ. Осужденными послана телеграмма Государю съ ходатайствомъ о помилованіи.

30) Въ Кіевѣ приговоренному за покушеніе на убійство городского къ смертной казни Заславскому, командующимъ войсками Сухомлиновымъ *смертная казнь замѣнена безсрочной каторгой.*

31) Въ Варшавѣ, 25 февр., военный судъ разсмотрѣлъ вчера дѣло лица назвавшагося Витковскимъ (своей настоящей фамиліи обвиняемый суду не указалъ), и Янкевича, обвиненныхъ по 279 статьѣ военно-уголовныхъ уложеній. Судъ приговорилъ обоихъ къ лишенію всѣхъ правъ, кромѣ того Витковского къ каторжнымъ работамъ на 7½ лѣтъ, Янкевича на 15 лѣтъ и затѣмъ къ пожизненному поселенію въ Сибири.

32) Въ Уфѣ, 24 февр., Бушуеву, присужденному военнымъ судомъ къ смертной казни, за покушеніе на жизнь уфимскаго вице-губернатора Келеповскаго, *смертная казнь замѣнена каторгой.*

33) Въ Ригѣ, 25 февр., утромъ въ Устьдвинской крѣпости *приговоръ въ исполненіе приговоръ на* Яномъ Берзинымъ, присужденнымъ военнымъ судомъ къ смертной казни за убійство казака Страхова и пораненіе казака Лосева.

34) Въ Черниговѣ, 25 февр., палатой вынесенъ приговоръ по дѣлу о покушеніи на жизнь черниговскаго и нѣжинскаго полицеймейстеровъ. По первому дѣлу подсудимый приговоренъ къ 4 годамъ каторжныхъ работъ, по второму—къ 4 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

35) Во Владикавказѣ, 25 февр., въ военно-окружномъ судѣ закончился разборъ дѣла о безпорядкахъ, происходившихъ въ Апшеронскомъ полку

въ концѣ октября прошлаго года. Подсудимымъ нижнимъ чинамъ предъявлено обвиненіе по 110 статьѣ военно-уголовныхъ законовъ.

Четверо приговорены въ двѣнадцатилѣтней каторгѣ, десять человѣкъ въ дисциплинарный баталіонъ.

36) Въ Читѣ 26 февр., въ три часа ночи судъ приговорилъ директора верхнеудинскаго реального училища Окунцова, доктора Шинкмана и Мирскаго къ смертной казни. Военный прокуроръ Сергѣевъ отказался отъ обвиненія Шинкмана и Мирскаго по статьямъ указаннымъ въ обвинительномъ актѣ, предлагая низшую мѣру наказанія.

37) Въ Кутаисѣ произведена смертная казнь черезъ разстрѣліаніе надъ Кабеліани, обвиняемымъ въ убійствѣ пристава.

38) Получены слѣдующія извѣстія о дѣйствіяхъ экзекуціонныхъ отрядовъ въ Прибалт. краѣ:

Въ городѣ Газенпотѣ воинскимъ отрядомъ, *четыре мятежниковъ разстрѣляно, двое повѣшено*; въ имѣніи уѣзднаго предводителя дворянства барона Мантейфеля при вторичномъ столкновеніи раненъ драгунъ и убитъ мятежникъ.

39) Въ Икскюлѣ риж. уѣз. по приговору полевого суда *казнено 3 вооруженныхъ революціонера. Въ Юргенсбургѣ риж. уѣз. разстрѣляны два латыши, сознавшіеся въ убійствѣ волостного писаря Кальнина.*

40) Въ Эдоленѣ 6 февраля военно-полевымъ судомъ *разстрѣляны хозяинъ усадьбы Случче и кузнецъ той же усадьбы.*

41) Въ Кацдангенѣ, *учитель Пумпуръ и волостной писарь Кронбергъ, согласно рѣшенію военного суда, 30 января были повѣшены, а сыроваръ Кюпъ и хозяева усадьбы Трулле и Чиче, равно какъ и сидѣльникъ Данбергъ, разстрѣляны.*

42) Вторичной экспедиціей ген. Орлова въ имѣніи Сесвегенъ Венденскаго уѣзда приговорены полевымъ судомъ *къ разстрѣлу 12 человѣкъ. Смертный приговоръ десяти осужденныхъ приведенъ въ исполненіе 7 февраля. Наказано плетью около 70 человѣкъ, между ними 5 женщинъ.*

43) Въ Шванебургѣ наказаны всѣ члены волостного правленія плетью. Тамъ же *5 человѣкъ разстрѣляно.* Завѣдывающій двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ приговоренъ къ смертной казни, но потомъ „помилованъ“ сѣченіемъ плетью до потери сознанія.

44) Въ Гапсальскомъ уѣздѣ въ мѣстечкѣ Леаль экзекуціоннымъ отрядомъ *разстрѣляно 9 человѣкъ.*

45) Въ Сиссегалѣ *разстрѣляны, какъ агитаторъ, неизвѣстный, назвавшій себя Шмидтомъ.*

46) Въ Митавѣ 4 февр., военный отрядъ, прибывшій въ Дондангенъ, *разстрѣлялъ 4 человѣкъ, повѣсилъ 2 и сжегъ нѣсколько крестьянскихъ домовъ.*

47) Вблизи Газенпота въ пятницу 3 февраля *разстрѣляно 32 человѣка, въ субботу 4 февраля повѣшенъ учитель и разстрѣляны два крестьянина. Вблизи Гробина разстрѣляно 8 человѣкъ. Сожжены 2 усадьбы.*

48) Въ окрестностяхъ Ерлаа отрядъ Орлова *казнилъ 4 революціонеровъ и сжегъ нѣсколько домовъ.*

49) Въ Ригѣ военно-полевымъ судомъ *присужденъ къ смертной казни германскій подданный несовершеннолѣтній Іогансонъ за покушеніе на*

отнятіе шашки у городского 1-го декабря, когда военное положеніе въ Ригѣ еще не было объявлено.

* * *

Въ теченіе февраля мѣсяца печать въ той или иной формѣ подверглась слѣдующимъ преслѣдованіямъ:

1) Въ Лодзи, по распоряженію вновь назначеннаго отдѣльнаго цензора вечерній номеръ „Нейе Лодзерь Цейтунгъ“ отъ 30 января *конфискованъ* за перепечатку статей изъ „Новаго Времени“. Редакторъ привлекается къ судебной отвѣтственности.

2) По распоряженію мѣстной администраціи, на всѣхъ московскихъ вокзалахъ 31 января чины полиціи *отбирали изъ книжныхъ шкафовъ* номера „Русскаго Дѣла, (?) издаваемаго Шараповымъ. № 4 этой газеты отбирался также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, газетныхъ кіоскахъ и у газетчиковъ.

3) Въ Москвѣ *конфискованъ* цѣлый рядъ изданій какъ-то: драма „На баррикадахъ“, Прудона „Собственность—кража“, „О налогахъ“, „За что они борются подъ краснымъ знаменемъ“, „Гдѣ аграрныя программы?“ и нѣкоторыя петербургскія газеты и журналы.

4) Въ Москвѣ, 5 февраля, *конфискована* брошюра, содержащая программу прогрессивно-демократической партіи.

5) Въ Кіевѣ генераль-губернаторомъ *закрытъ* на время военнаго положенія „Кіевскій Вѣстникъ“, замѣнявшій закрытую „Кіевскую Газету“. Причина—вредное направленіе, однако совершенно безъ указанія, въ чемъ оно проявлялось. Такимъ образомъ въ Кіевѣ уничтожены всѣ прогрессивныя газеты за исключеніемъ конституціонно-демократической „Свобода и Право“, номера которой часто конфискуются.

6) Въ Вильнѣ, 3 февр. ночью *конфискованы* номера социаль-демократической газеты „Деръ Векеръ“.

7) Въ Екатеринбургѣ *приостановлена* на время чрезвычайной охраны газета „Уральскій Край“.

8) Въ Самарѣ *конфискованъ* „Самарскій Курьеръ“.

9) Въ Саратовѣ, 5 февраля, *конфискованъ* приготовленный къ выпуску первый номеръ новой народной газеты „Голосъ Деревни“. Редакторъ издатель Огановскій привлекается къ суду.

10) Въ Верхнеднѣпровскѣ *конфискованы* полиціей послѣдніе выпуски газетъ „Радикалъ“ и Полтавское Дѣло“.

12) Въ Петербургѣ за напечатаніе въ номерѣ 1 газеты „Рабочая Жизнь“ статьи „Бѣлостокъ“ редакторъ этой газеты г. Андреевъ *привлеченъ къ отвѣтственности* по 1 п. 129 ст. уг. улож., а изданіе самой газеты *приостановлено*.

13) Редакторъ сатирическаго журнала „Водоворотъ“ *привлекается къ отвѣтственности* по ст. 6 отд. VIII времен. прав. о печати за напечатаніе въ номерѣ 1 журнала статей „О чертѣ“, „Усмирители“, „Бой въ технологическомъ институтѣ“ и „Казакъ“.

13) По опредѣленію с.-петербургскаго окружнаго суда *отыскиваются* редакторъ газеты „Сынъ Отечества“ Григорій Ильинъ Шрейдеръ, обвиняемый по 1 и 3 п. 129 ст. уг. улож., и редакторъ-издатель газеты „Молодая Россія“ студентъ с.-петербургскаго университета Вячеславъ Эриковъ Лесневскій, обвиняемый по тѣмъ же статьямъ. Въ случаѣ обнару-

*

женія имущества названныхъ лицъ, оно должно быть немедленно передано въ опекуное управленіе.

14) Въ Петербургѣ, по распоряженію цензурнаго комитета, подвергнуты *конфискаціи* послѣдніе №№ журналовъ „Наша Мысль“ и „Голосъ Средне-учебныхъ Заведеній“. Участкамъ, гдѣ находятся типографіи, печатающія названныя изданія, предписано произвести въ нихъ обыскъ и арестовать матеріаль для этихъ журналовъ.

15) 9 февраля ночью послѣ обыска была *запечатана* полиціей типографія Виленчика (Литейный пр., д. 58). Закрытіе ея вызвано напечатаніемъ перваго номера сатирическаго журнала „Водоворотъ“, оставшіеся номера котораго были конфискованы.

16) Въ Керчи конфискованъ номеръ „Южнаго Курьера“ отъ 2 февраля.

17) Въ Таганрогѣ, 8 февраля, въ редакціи „Таганрогскаго Вѣстника“ *конфискованы* номера газеты отъ 2 февраля. Редактору Чумаченко предъявлено обвиненіе по 2 пункту 1 части 129 статьи угол. улож. Послѣ представленнаго залога въ 5000 р. онъ освобожденъ отъ ареста.

18) Въ Казани, 8 февраля, въ редакціи „Волжскаго Вѣстника“ произведенъ обыскъ. Конфискованы рукописи.

19) Въ Москвѣ *возбуждено нѣсколько уголовныхъ дѣлъ* противъ типографовъ за печатаніе послѣ 17 октября брошюръ, взывающихъ къ бунту и разрушенію существующаго строя. Совершенно изъята изъ продажи газета „Русь“.

20) Въ Ярославлѣ, торговля печатными произведеніями *всюду стѣснена*. Въ кіоскахъ, на фабрикахъ и улицахъ брошюры и газеты за небольшими исключеніями отбираются.

21) Въ Гомелѣ, 11 февраля, мѣстная газета „Трудъ“, закрыта. Послѣдній номеръ конфискованъ.

22) Въ Варшавѣ, редакторъ „Працы польской“, Пешке, *привлеченъ* прокурорскимъ надзоромъ къ уголовной отвѣтственности за помѣщеніе статьи „Отголоски Литовскихъ безпорядковъ“.

23) Въ Петербургѣ, въ типографію Четверикова, гдѣ хранились оставшіеся экземпляры, и гдѣ готовился уже къ печати слѣдующій номеръ сатирическаго журнала „Волшебный Фонарь“, неожиданно явилась полиція и, не вступая ни въ какія объясненія, *запечатала* типографію, заколотивъ послѣднюю досками.

24) Въ Херсонѣ, редактору приостановленной генераль-губернаторомъ газеты „Югъ“ Гошкевичу губернаторомъ *отказано* въ разрѣшеніи издавать другую газету.

25) Въ Петербургѣ, по инициативѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, редакторъ „Молвы“ г. Зенгеръ *привлеченъ* къ отвѣтственности по 5 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 11 „Молвы“ „Воззванія 2 Урупскаго казачьяго полка“.

27) Въ Кіевѣ, вышедшій первый номеръ журнала „Русская Жизнь“ *конфискованъ*.

28) 8 февраля въ особомъ присутствіи петербургской судебной палаты слушалось дѣло редактора-издателя „Сына Отечества“ С. П. Юрицина, обвинявшагося по 1 и 2 пп. 129 и 128 ст. угол. улож. за статьи въ номерахъ его газеты. Палата приговорила Юрицина къ *заключенію въ*

крѣпость на 1 годъ, навсегда прекратила изданіе газеты „Сынъ Отеч.“ и запретила Юрицину быть редакторомъ или издателемъ періодическихъ изд. въ теченіе 5 лѣтъ.

39) По дѣлу о приостановкѣ газеты „Свобод. Народъ“ Сенатъ оставилъ частную жалобу на опредѣленіе судеб. палаты *безъ разсмотрѣнія*.

30) Въ Петербургѣ, редакторъ журнала „Молодость“ С. А. Бронштейнъ за напечатаніе въ № 1 редактируемаго имъ журнала статей: „Еще циркульяръ“ и „Петербургъ 2 февраля“, и редакторъ журнала „Буря“ П. І. Эрастовъ за напечатаніе въ № 5 этого журнала статьи „89 годъ“ и стихотвореній: „Я васъ не зналъ, былого тѣни“ и „Никто не ждетъ“ *привлечены* къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож., а изданіе этихъ журналовъ приостановлено.

31) Въ Керчи, опредѣленіемъ судебной палаты газета „Южный Курьеръ“ *приостановлена* до судебного приговора.

32) Въ Лодзи, выѣздная сессія петроковского окружного суда приговорила редактора газеты „Розвой“ за оскорбленіе арміи въ газетной статьѣ *къ заключенію въ тюрьму* на восемь мѣсяцевъ.

33) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ спб. судебной палаты, основаннымъ на ст. 14 отд. VII вр. пр. о печати, *приостановлены* изданіемъ „Современныя Записки“, выходящія взамѣнъ „Русскаго Богатства“. Поводомъ къ приостановленію журнала послужило напечатаніе въ январской книжкѣ статей: „Примѣнительно къ аграрнымъ погромамъ“ А. Петрищева, „Прошлое и настоящее“ С. Елпатьевского и „Слѣдуетъ ли идти въ Государственную Думу“ И. Бикермана. Помимо редактора Н. Ф. Анненскаго привлекаются также къ отвѣтственности и авторы статей.

34) Въ Варшавѣ, редакторы варшавскихъ газетъ „Слова“ Донимирскій и „Всеобщаго Дневника“ Еленскій *привлечены* къ уголовной отвѣтственности по 129 статьѣ.

35) Въ Петербургѣ, редакторъ сатирическаго жур. „Сигналъ“ К. Чуковский, которому палата на-дняхъ вынесла оправдательный приговоръ, не находя въ обвиненіи состава преступленія, *снова привлеченъ* по 128 ст. угол. улож. Мѣра пресѣченія—внесеніе залога въ 10,000 руб.

36) Въ Петербургѣ *арестованъ* помощникъ присяжнаго повѣреннаго Власовъ, редакторъ сатирическаго журнала „Жало“, единственный номеръ котораго былъ выпущенъ еще въ ноябрѣ прошлаго года. Къ г. Власову предъявлено обвиненіе по 129 ст. угол. улож.

37) Въ Витебскѣ, распоряженіемъ вице-губернатора *конфискована* № 12 газеты „Витебская Жизнь“. Редактору доктору Бруку предъявлено обвиненіе по 129 ст. ул. о наказ.

38) Прокуроръ саратовской судебной палаты сверхъ залога въ 2,500 руб. потребовалъ *съ привлеченіемъ* по 128 и 129 статьямъ редактора „Самарской Газеты“ Кастерина еще 10,000.

39) Изъ Харькова получено извѣстіе *объ арестѣ* Ефимовича, редактора-издателя газеты „Приднѣпровскій Край“.

40) Въ Москвѣ,—въ городѣ и на вокзалахъ полиціей *конфисковывалась* брошюра „Новая нагорная проповѣдь“.

41) Въ Ярославлѣ, редакторъ „Сѣверной Газеты“ Троицкій *привлеченъ* къ судебной отвѣтственности по 129 ст. угол. улож.“.

42) Въ Варшавѣ, въ типографіи Ляскауера полиціей *конфисковано* 2,000 экземпляровъ перваго тома изданія „Ксножницы“, содержащаго драму Словацкаго, подъ заглавіемъ „Кордыанъ“.

43) Въ Петербургѣ главное управленіе по дѣламъ печати возбудило *уголовное преслѣдованіе* по 2 п. 129 ст. уг. ул. противъ редактора журнала „Наша Мысль“ г. Цеммермана за напечатаніе въ № 3—4 журнала статьи: „Литературныя бесѣды“. Изданіе журнала приостановлено.

44) Противъ редактора газеты „Современная Жизнь“ П. Сойкина возбуждено *уголовное преслѣдованіе* по 6 ст. VII отд. вр. пр. о печати за напечатаніе въ № 25 газеты стихотворенія „Народное Горе“ и статьи „Бомбардировка булками“.

45) Редакторъ журнала „Фискаль“ г. Нарускевичъ *привлеченъ* къ отвѣтственности по 6 ст. VII разд. врем. пр. о печати за помѣщенный на послѣдней страницѣ № 3 журнала рисунокъ, изображающій на человѣческомъ скелетѣ казака, и за напечатаніе стихотворенія, относящагося рѣ рисунку.

46) Въ Петербургѣ, въ квартиру, занимаемую редакціей журнала „Пяцы“, явилась полиція и передала издателю студенту В. М. Вышомирскому приглашеніе пристава мѣстнаго участка—явиться къ нему къ 11 часамъ утра по дѣлу. Въ участкѣ предложили немедленно дать подписку въ томъ, что впредь издаваться сатирической журналъ не будетъ.

47) По дѣлу газеты „Буревѣстникъ“ судеб. палата 16 февр. приговорила редактора ея пом. пр. пов. Барона за напечатанныя въ ней статьи къ заключенію *въ крѣпость на 1 годъ*, приостановила это изданіе навсегда и запретила Барону быть редакторомъ въ теченіе 5 лѣтъ.

48) Во Владивостокѣ, распоряженіемъ администраціи закрыта газета „Владивостокскій Листокъ“ за статьи, помѣщенные еще въ декабрѣ. Редакторъ-издатель Подпахъ *привлеченъ* къ суду разомъ по нѣсколькимъ дѣламъ. Такимъ образомъ на русскомъ Дальнемъ Востокѣ не существуетъ болѣе прогрессивныхъ органовъ печати: въ Иркутскѣ, Читѣ, Верхнеудинскѣ, Хабаровскѣ, Благовѣщенскѣ, а теперь и Владивостокѣ устроена полная монополія консервативныхъ газетъ.

49) По инициативѣ цензурнаго комитета, признавшаго вышедшія нѣднѣхъ въ свѣтъ книжки „Популярная исторія Россіи“ преступными по ихъ содержанію, судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ г. Зайцевымъ *начато судебное разслѣдованіе* для обнаруженія автора и издателя книги, съ цѣлью привлеченія этихъ лицъ къ отвѣтственности по 128 и 5 п. 129 ст. уг. ул.

50) Въ Кяхтѣ, *арестованы* редакторъ газеты „Байкаль“ Игумновъ, владѣлецъ типографіи Саплинъ и сотрудникъ газеты Поповъ. Типографія „Байкала“ опечатана.

51) Въ Петербургѣ, 18 февраля, въ 11 ч. 30 м. вечера въ редакціи журнала „Водоворотъ“ былъ произведенъ обыскъ, причемъ была арестована переписка. Обыскъ былъ произведенъ по предписанію охраннаго отдѣленія.

52) Въ Москвѣ, редакторъ газ. „Борьба“ г. Скирмунтъ, привлеченный уже къ отвѣтственности по 129 ст., получилъ извѣщеніе, что къ

нему предъявляется обвинение по 108 ст. угол. улож. Дѣло будетъ слушаться въ Москвѣ 18 марта.

53) Въ Москвѣ, судебная палата *приостановила* газету „Вѣкъ“ до судебного разбирательства. Редакторъ привлеченъ къ отвѣтственности по 129 статьѣ уг. улож.

54) Въ Нижнемъ при произведенныхъ въ книжныхъ магазинахъ обыскахъ, между прочимъ, *отобранъ манифестъ 17 октября*, какъ изданный безъ цензуры.

55) Въ Варшавѣ, *разбиралось* дѣло редактора „Gasety Polskiej“ Гадомскаго за статью „Провокація“. Гадомскій присужденъ къ штрафу въ 50 рублей, или къ 10 днямъ ареста.

56) Въ Елизаветградѣ, „Новая Россія“ *приостановлена* на время военного положенія.

57) Въ Симферополѣ, судебная палата утвердила послѣднее распоряженіе о *конфискаціи* номера газеты „Крымъ“. Редакторъ Эйдлинь привлеченъ къ отвѣтственности по ст. 129 угол. улож.

58) На всѣхъ московскихъ вокзалахъ *конфисковывалась* полиціей брошюра графа Л. Н. Толстого „Солдатская памятка“.

59) Въ пятницу, 10 февраля, около 1 ч. дня, въ Н.-Новгородѣ, въ книжный магазинъ г-жи Л. З. Гець явился чиновникъ особыхъ порученій г. Мельниковъ, который съ помощью полицейскихъ чиновъ *конфисковалъ* 4,694 брошюры.

60) Въ Петербургѣ, редакторъ газеты „Русь“ М. М. Крамалей *призывается* къ уголовной отвѣтственности за напечатаніе въ № 17, редактируемой имъ газеты статьи „Отъ забастовочнаго учительскаго комитета“.

61) Отвѣтственный редакторъ журнала „Оводъ“ Ф. К. Зиминъ *призывается* по 129 ст. ул. за стихотвореніе, помѣщенное въ первомъ № журнала. По постановленію судебного слѣдователя Ф. К. Зиминъ до суда отданъ подъ надзоръ полиціи.

62) 4 февраля, *конфискованъ* № 1 журнала „Паяцы“, вышедшій взаимѣнъ *приостановленнаго* журнала „Паяцъ“. Редактору-издателю студенту В. М. Вышомирскому *предъявляется обвинение* по 129 ст.

63) Въ Петербургѣ, 17 февраля въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената разсматривалась кассационная жалоба редактора „Новостей“ О. К. Нотовича на приговоръ судебной палаты, приговорившей его къ заключенію въ тюрьму на 2 недѣли за помѣщеніе въ редактируемой имъ газетѣ воззванія союза телеграфистовъ. Сенатъ оставилъ жалобу *безъ послѣдствій*.

64) За выпускъ послѣдняго номера сатирическаго журнала „Сигналы“ *арестованъ* его редакторъ В. Е. Турохъ.

65) Редакторъ „Петербургской Газеты“ Н. С. Худековъ *призывается* къ судебной отвѣтственности по 129 ст. уг. ул. за напечатаніе воззванія союза союзовъ. Н. С. Худековъ оставленъ на свободѣ въ виду того, что онъ внесъ залогъ въ размѣрѣ 1,000 рублей.

66) Въ Екатеринославѣ, по распоряженію генераль-губернатора, „Приднѣпровскій Край“ *закрытъ* на время военного положенія. Екатеринославъ остается теперь безъ органа печати.

67) Въ Костромѣ, *арестованъ* номеръ „Костромского Голоса“, отъ 19 февраля; предъявлено обвиненіе по ст. 9, п. 15, 8 отд. временн. правилъ о печати и по ст. 129, ч. 1 п. 2 и ч. 2 п. 1.

68) Въ Петербургѣ 17 февраля въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Митингъ“ г. Волькенау, который напечаталъ статью подъ заглавіемъ „Очнитесь, придите въ себя звѣри“, завѣдомо для него возбуждающую къ учиненію бунтовщическаго дѣянія и къ нарушенію воинскими чинами обязанностей военной службы; преступленіе это предусмотрено 1 и 5 пп. 129 ст. уг. ул. Палата приговорила г. Волькенау къ *тюремному заключенію* на три мѣсяца, причѣмъ закрыла журналъ навсегда и запретила г-ну Волькенау быть редакторомъ въ теченіе 5 лѣтъ.

69) Въ Петербургѣ, въ ночь на 20 февраля полиціей *опечатана* типографія И. Люндорфъ, въ которой печатался 2-й номеръ журнала „Скорпіонъ“.

70) Постановленіемъ судебной палаты, состоявшимся 17 февраля, приостановлено изданіе эстонской газеты „Undized“ за напечатаніе въ № 93 этой газеты статьи: „Постановленія собранія народныхъ депутатовъ“. Редакторъ П. Спекъ *привлеченъ* къ отвѣтственности.

71) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 18 февраля, *наложена арестъ* на брошюру подъ названіемъ: „Хватить ли на всѣхъ земли“, изданія Парамонова. Издатель привлеченъ къ отвѣтственности.

72) Въ Петербургѣ, редакторъ еженедѣльнаго журнала „Полярная Звѣзда“ П. Б. Струве *обвиняется* по 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 8 редактируемаго имъ журнала статьи В. Стенцицкаго.—„Открытое обращеніе вѣрующаго къ православной церкви“.

73) Въ Харбинѣ, газета „Харбинскій Листокъ“ *закрыта*; возникавшая вмѣсто нея „Манчжурія“ тоже приостановлена.

74) Въ Кіевѣ редактору „Свободы“ и „Права“ Лучицкому предложено *снять подписи съ газетъ* въ виду возбужденнаго противъ него преслѣдованія по 129 статьѣ.

75) Въ Москвѣ долженъ былъ выйти въ свѣтъ первый номеръ новой прогрессивной еженедѣльной газеты „Другъ Народа“. Въ типографію Мамонтова, гдѣ печаталась эта газета, уже раннимъ утромъ явилась полиція съ цѣлью *арестовать газету*. Конфисковано всего нѣсколько номеровъ, такъ какъ всѣ напечатанные номера были распространены еще наканунѣ.

76) Въ Петербургѣ, редакторъ газеты „Право“ проф. В. М. Гессенъ *привлекается* къ отвѣтственности за передовую статью, помѣщенную въ № 7 „Права“ и за напечатаніе резолюціи, принятой офицерами въ г. Читѣ.

77) Въ Твери, пробный номеръ „Тверской жизни“, вышедшій въ количествѣ 3000 экз., по распоряженію губернатора Слѣпцова конфискованъ.

78) Въ Кременчугѣ, харьковская палата постановила *привлечь къ суду* заключеннаго въ тюрьму редактора кременчугской газеты „Южное Слово“ по 128 и 129 статьямъ, выпустивъ его при этомъ на свободу по внесеніи залога въ 300 руб.

79) Въ Москвѣ, издательская фирма „Посредникъ“ послала для напечатанія въ типографію Печковской двѣ брошюры Толстого: „Исповѣдь“ и „Христіанское ученье“, ранѣе уже издававшіяся и свободно продававшіяся въ Перербургѣ. Однако, когда типографія отослала эти брошюры въ цензурный комитетъ, послѣдоваль вызовъ содержателя типографіи въ участокъ, гдѣ ему было объявлено, что по распоряженію инспектора типографій брошюры *конфискуются* и по требованію цензурнаго комитета возбуждается вопросъ о привлеченіи къ судебной отвѣтственности.

80) Въ Петербургѣ, противъ редактора журнала „Фискаль“ г. Нарусбека, привлеченнаго уже къ отвѣтственности за № 3 журнала, вновь *возбуждено уголовное преслѣдованіе* по 128 ст. утол. улож. за напечатаніе въ № 4 журнала замѣтокъ: „Юмористическіе осколки“ и „Вѣнценосныя головы“.

81) Въ Полтавѣ, вышедшій первый номеръ новой газеты „Полтавскія Думки“ *конфискованъ* полиціей. Произведены новые аресты между рабочими.

82) Въ Твери, редакторъ-издатель „Тверской Жизни“ *привлекается* къ судебной отвѣтственности. Газета приостановлена до рѣшенія суда.

83) Въ Лодзи, противъ редактора „Гонецъ Лодзскій“ *возбуждено четырнадцать процессовъ*. Кромѣ него привлекаются къ отвѣтственности сотрудники этой газеты Монсіорскій и Френкель.

84) Въ Тифлисѣ, 25 фев., по распоряженію временнаго генераль-губернатора, газета „Возрожденіе“ *приостановлена* на все время дѣйствія въ городѣ Тифлисѣ и его уѣздѣ военнаго положенія, въ виду продолжающагося вреднаго направленія названной газеты, несмотря на объявленное редактору ея предостереженіе.

85) Въ Одессѣ, ежедневно по распоряженію генерала Карангозова *конфисковываютъ* прибывающія изъ Петербурга и другихъ городовъ изданія. Въ послѣдній разъ на вокзалѣ жандармами и инспекціей книжной торговли конфискована „Полярная Звѣзда“ Струве (около 6 пудовъ), кіевскій еженед. „Южный Голосъ“ (около 1 пуда), возвращены въ Одессу изъ Петербурга „Южныя Записки“ (около 8 пудовъ), ежен. журн. „Безъ заглавія“ Кусковой (около 8 пуд.), 600 №№ „Пулемета“ и др. Конфисковываются на одесскомъ вокзалѣ и всякаго рода книги, изданныя по постановленію союза издателей безъ цензуры.

86) Въ Сызрани, 22 фев. редакторъ газеты „Сызрань“ *привлеченъ* къ суду по 1028 статьѣ уложенія о наказаніяхъ.

87) Во Владикавказѣ, 21 фев., генераль-губернаторъ *закрываетъ* за вредное направленіе газету „Казбекъ“.

88) Въ Петербургѣ, авторъ брошюры „Въ странѣ вольнаго крестьянства“, С. Русова и издатель ея Н. Парамоновъ *привлечены* къ отвѣтственности по 128 и 1 п. 129 ст. уг. ул. Брошюру постановлено конфисковать.

89) Изданная Е. Алексѣевой брошюра „Новый Законъ“ по постановленію судебной палаты *конфискуется*. Издательница брошюры и авторъ ея Л. Мартовъ привлечены къ отвѣтственности по 128 и 1 п. 129 ст. уг. улож.

90) Въ Петербургѣ, №№ 2 и 3 еженедѣльнаго журнала „Голосъ Средне-учебныхъ заведеній“ были *конфискованы* полиціей. Съ № 3 жур-

наль приостановленъ, и редакторъ, г-жа Волгина привлекается къ отвѣтственности.

91) Въ Могилевѣ губ., *арестованъ* номеръ 41 „Могилевского Голоса“.

92) Въ Оренбургѣ, судебною палатою изданіе газеты „Оренбургскій Листокъ“ *приостановлено*. Къ редактору Столпянскому предъявленъ рядъ обвиненій по статьѣ 129 уголовного уложенія. Столпянскій заключенъ въ тюрьму.

93) Въ Томскѣ, редакторъ-издатель газеты „Вѣстникъ Сибири“ *арестованъ* по обвиненію его по 129 статьѣ. Предложеніе замѣнить заключеніе подъ стражу залогомъ отклонено. Изданіе „Вѣстника Сибири“, послѣ выпуска перваго номера, на все время военного положенія редакціей прекращено.

94) Въ Керчи, редакторъ-издатель „Южнаго Вѣстника“, Гарнесъ, *заключенъ въ тюрьму* жандармской властью.

95) Въ Екатеринбургѣ, 22 фев., губернаторъ *не разрѣшилъ* изданія въ Кунгурѣ газеты „Кунгурскій Листокъ“.

96) Въ Петербургѣ, по постановленію петербургской судебной палаты журналъ „Голосъ Фармацевта“ *приостановленъ*. Редакторъ его, Л. М. Клячко, привлекается къ судебной отвѣтственности.

97) Въ Одессѣ, генераль-губернаторъ *воспретилъ* на время военного положенія газету „Вѣсти Понедѣльника“.

98) Въ Петербургѣ, редактору „Новостей“ О. К. Нотовичу *предложено два новыхъ обвиненія* за статью „Терроръ успокоенія“, содержащую рѣзкое описаніе и рѣзкую критику дѣйствій карательныхъ отрядовъ, отчетъ о съѣздѣ литовцевъ въ Вильнѣ, перепечатки изъ „Одесскихъ Новостей“, письма нижнихъ чиновъ изъ „Асхабада“. „Письма унтеръ-офицера Галушкина“ и другихъ перепечатокъ. Одно дѣло объ оскорбленіи воинскихъ частей, возбужденное на основаніи 6 ст. отд. VIII врем. пр. о печати,—подлежитъ окружному суду, другое, формулированное по 1, 3 и 5 пп. 129 ст. уг. ул., судебной палатѣ.

99) Въ Петербургѣ охранной полиціей производится *конфискація* появившейся на этихъ дняхъ брошюры „Свобода и гражданскія права“. Отбираніе брошюры сопровождается немедленнымъ арестомъ продавцовъ. Задержано нѣсколько лицъ.

100) 24 февраля въ правительствующемъ сенатѣ слушалось дѣло по кассационнымъ жалобамъ редакторовъ сатирическаго журнала „Свобода“ гг. Усаса и Гутьяра на приговоръ спб. судебной палаты, коимъ они по 129 и 128 ст. уг. ул. были присуждены къ годичному заключенію въ крѣпость. Сенатъ оставилъ жалобы *безъ послѣдствій*.

101) Въ Петербургѣ, по распоряженію цензурнаго комитета произведенъ внезапный обыскъ въ типографіи, напечатавшей 4-й номеръ сатирическаго журнала „Фискалъ“. Всѣ найденные нумера журнала *конфискованы*.

102) Въ Петербургѣ редакторъ журнала „Альманахъ“, С. В. Чехонинъ *привлеченъ* къ судебной отвѣтственности за напечатанное въ № 1 журнала стихотвореніе „Балбесъ“.

103) Въ Ярославлѣ, по приказанію губернатора *арестованы* воззванія конституціонно-демократической партіи.

104) Въ Петербургѣ по дѣлу редактора социаль-демократической газеты „Начало“ и „Нашъ Голосъ“ судебная палата 25 февр. *приговорила* редактора Д. М. Герценштейна къ заключенію въ крѣпость на 1 г.; издатель Салтыковъ оправданъ.

105) Въ Казани къ редактору татарской газеты „Азаръ“ („Свобода“) Апонаеву предъявлено *обвиненіе* по пункту пятому, отдѣла 8 правилъ 14 ноября.

106) По книжнымъ магазинамъ Петербурга ходятъ инспектора главнаго управленія по дѣламъ печати и отбираютъ отъ владѣльцевъ магазиновъ подписки въ томъ, что они отнынѣ обязываются *не продавать никакихъ программъ политическихъ партій*, запрещенныхъ за послѣднее время брошюръ и изданій, за исключеніемъ дозволенныхъ цензурой. Всѣ эти изданія тутъ же инспекторами конфискуются.

107) Въ Петербургѣ полиція „предложила“ книжному магазину „Трудъ“ изъять изъ продажи нѣкоторыя изданія, вполнѣ легальныя, но по ея мнѣнію революціоннаго содержанія.

108) Въ Петербургѣ, кассационная жалоба ред. газ. „Русь“ А. А. Суворина на приговоръ судеб. пал., „комъ онъ былъ присужденъ къ годичному заключенію въ крѣпости 24 февр. Сенатомъ оставлена *безъ послѣдствій*.

109) 8 февраля судебная палата *приговорила* редактора сатирическаго журнала „Жупелъ“ Гржебина, обвиняемаго по 108 и 129 ст. уг. ул. за помѣщеніе въ № 1 журнала стихотворенія „Сказка о царѣ Берендѣѣ“ и рисунка „Орель-оборотень“ къ заключенію въ крѣпость на 6 мѣс., запретила выходъ въ свѣтъ журнала навсегда, а З. И. Гржебину въ теченіе 10 л. редактировать или издавать какое бы то ни было період. изданіе.

110) За всѣ корреспонденціи, помѣщенныя въ „Полтавщинѣ“ и въ „Полтавскомъ Дѣлѣ“, которыя критикуютъ дѣйствія казаковъ, противъ редактора *возбужденъ* рядъ уголовныхъ дѣлъ.

111) Въ Курскѣ *конфискованъ* первый номеръ газеты „Курскій Голосъ“.

112) Въ Петербургѣ, по распоряженію ценз. комит., отбираются №№ 1-й и 2 изданія „Рабочій Народъ“. 15 февр. произведенъ *обмыскъ* въ типографіи, гдѣ печатается названное изданіе. Противъ редакторовъ Кирьякова и Сафонова *возбуждено* угол. преслѣд. по п. 1. 129 ст.

113) Въ Москвѣ *конфискованъ* первый ном. еженедѣльной газеты „Другъ Народа“.

114) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ судеб. палаты *приостановлено* до судебного приговора изданіе журналовъ „Паяцы“ и „Гвоздь“.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я:

Издательство портретовъ и картинъ

В. П. Водовозовой

Въ началѣ апрѣля выйдутъ въ свѣтъ и поступятъ въ продажу портреты бывшихъ Шлиссельбургскихъ узниковъ.

Доходъ въ пользу Шлиссельбургскаго Комитета. Главный складъ: книж. магазинъ „Наша Жизнь“. Невскій 19. Проспекты бесплатно.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

„БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ“

подъ редакціей С. Н. Прокоповича

и при участіи Р. М. Бланка, В. Я. Богучарскаго, А. С. Бѣлевскаго, В. В. Водовозова, М. И. Ганфмана, П. М. Головачева, В. С. Голубева, Л. Я. Гуревичъ, А. С. Изгоева, Е. Д. Кусковой, Г. А. Ландау, М. П. Невѣдомскаго, Л. Ф. Пантелѣева, В. В. Португалова, гр. П. М. Толстого, Д. В. Философова, М. И. Фридмана, В. В. Хижинкова, В. И. Чарнолусскаго и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для иногороднихъ подписчиковъ на годъ 4 р. 80 к., на 3 мѣсяца 1 р. 20 к.; для городскихъ на 1 годъ 4 рубля, на 3 мѣсяца 1 рубль. Отдѣльный номеръ—10 коп..

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Главной конторѣ журнала: при юридическомъ книжномъ складѣ „Право“, СПБ., Загородный, 2.

ВЪ ОТДѢЛЕНИИ:

при книжномъ складѣ „Наша Жизнь“, СПБ., Невскій, 19.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:

С.-Петербургъ, 4-я Рождественская, 4, кв. 20.

**Открыта подписка на большую
ежедневную политическую литературную
газету**

„РЪЧЬ“

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

при ближайшемъ участіи П. Н. МИЛЮКОВА и І. В. ГЕССЕНА.

Въ составъ постоянныхъ сотрудниковъ вошли: князь П. М. Аргутинскій-Долгорукій, А. Я. Безячинскій, В. Я. Богучарскій, О. Е. Бужанскій, А. Вергесскій, проф. В. И. Вернадскій, М. М. Винаверъ, Е. А. Ганейзеръ, М. И. Ганфманъ, проф. В. М. Гессенъ, П. А. Голубевъ, проф. И. М. Гревсъ, проф. Э. Д. Гриммъ, Л. Я. Гуревичъ, проф. В. Э. Денъ, кн. Пав. Д. Долгоруковъ, кн. Пет. Д. Долгоруковъ, проф. М. А. Дьяконовъ, доц. В. Б. Ельашевичъ, Г. Б. Юлосъ, А. И. Каминка, проф. Н. И. Карѣвъ, А. А. Кауфманъ, пр.-доц. Э. О. Кокошкинъ, А. М. Колюбакинъ, пр.-доц. С. А. Котляревскій, А. А. Корниловъ, Крымскій, пр.-доц. Н. И. Лазаревскій, А. А. Леонтьевъ, В. Н. Линдъ, проф. И. В. Луцицкій, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. Л. Мандельштамъ, проф. А. А. Мануиловъ, проф. С. А. Муромцевъ, В. Д. Набоковъ, В. М. Нечаевъ, А. И. Никольскій (Анонимъ изъ „Освобожденія“), проф. П. И. Новгородцевъ, акад. С. О. Ольденбургъ, Л. О. Ольденбургъ, Л. О. Пантелѣевъ, А. Б. Петрищевъ, проф. Л. І. Петражицкій, И. И. Петрункевичъ, К. М. Пономаревъ, И. И. Поповъ, Д. Д. Протопоповъ, А. С. Пругавинъ, Э. И. Родичевъ, В. А. Розенбергъ, П. Б. Струве (бывшій редакторъ „Освобожденія“), А. С. Фейгельсонъ, С. Л. Франкъ, доц. М. И. Фридманъ, доц. А. А. Чупровъ, акад. А. А. Шахматовъ, кн. Д. И. Шаховской, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Ширяевъ, И. В. Шкловскій (Діонео), Г. Н. Штильманъ, В. Е. Якушкинъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ С.-Петербургѣ и другихъ городахъ Россіи: на годъ—12 р., на 11 мѣс.—11 р., на 10 мѣс.—10 р., на 9 мѣс.—9 р., на 8 мѣс.—8 руб. 20 к., на 7 мѣс.—7 р. 35 к., на 6 мѣс.—6 р. 45 к., на 5 мѣс.—5 р. 50 к., на 4 мѣс.—4 р. 50 к., на 3 мѣс.—3 р. 45 к., на 2 мѣс.—2 р. 35 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к. **За границу:** на годъ—20 р., на 6 м.—11 р., на 3 м.—6 р., на 1 м.—2 р.

Первый номеръ газеты вышелъ 23 февраля сего года.

Отдѣльные номера по 5 к.

Редакція: СПБ., ул. Жуковского, д. 21. Телеф. 728. Адресъ для телегр. СПБ., „РЪЧЬ“.

Главн. контора и экспедиція: СПБ., Кирочная, 24. Телеф. № 83—88. Адресъ для телеграммъ: СПБ., „РЪЧЬ“.

Городск. контора: СПБ., Невскій, 30, д. Учетн. Банка. Телеф. № 787.

Издатель Ю. В. Вакъ.

Редакторъ О. Е. Вужанскій.

Открыта подписка на 1906 годъ
на политическую экономическую и общественную газету
„СТРАНА“

Въ газетѣ принимаютъ участіе:

Проф. А. С. Адриановъ, К. К. Арсеньевъ, А. В. Амфитеатровъ, А. Н. Александровскій, З. Д. Аваловъ, Л. А. Авилова, Е. В. Аничковъ, П. В. Безобразовъ, Юлія Безродная, Б. М. Брандгендлеръ, П. Д. Боборыкинъ, Б. И. Борскій (Ивинскій), Н. А. Бородинъ, Н. Д. Бернштейнъ, проф. Виноградовъ (Оксфордъ), Ф. Н. Волковъ, А. П. Волковъ, Ф. Ф. Воропоновъ, А. А. Волговской, проф. А. Н. Веселовскій, проф. А. Э. Вормсъ, П. И. Вейнбергъ, Б. А. Витмеръ, проф. Г. Н. Вырубовъ (Парижъ), проф. Ю. С. Гамбаровъ, Е. А. Ганейзеръ, проф. А. Г. Гусаковъ, З. Гиппиусъ, Г. А. Гросманъ, П. М. Головачевъ, пр. В. О. Дерюжинскій, Е. В. Де-Роберти, В. І. Дмитриева, И. И. Добровольскій, проф. В. Э. Денъ, З. Н. Журавская, Н. Д. Зелинскій, проф. Н. И. Каръевъ, проф. А. В. Карташевъ, И. И. Ковальскій, В. А. Косинскій, проф. Н. А. Котляревскій, И. Н. Клингенъ, В. И. Ковалевскій, Г. М. Курило, д-ръ Корсаковъ, В. Г. Котельниковъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, М. А. Курчинскій, проф. Н. А. Каблуковъ, Е. А. Калтоновская, А. О. Кони, Б. Э. Кетрицъ, А. И. Купринъ, В. Каррикъ, проф. В. В. Ламанскій, П. Ф. Лесгафтъ, П. Ю. Ломницкій, пр. И. О. Левницкій, Е. П. Лѣткова, пр. И. В. Лучицкій, А. А. Луговой, И. З. Лорисъ-Меликовъ, Д. С. Мережковскій, С. К. Маковский, С. С. Мамонтовъ, проф. Н. А. Меншуткинъ, Б. Н. Меншуткинъ, В. О. Матвѣевъ, А. П. Мертваго, М. М. Марголинъ, проф. И. И. Мечниковъ (Парижъ), В. И. Немировичъ-Данченко, д-ръ Д. П. Никольскій, проф. бар. А. Э. Нольде, Н. Д. Носковъ, Л. Е. Оболенскій, проф. Овсяннико-Куликовскій, А. В. Погожевъ, проф. А. С. Посниковъ, проф. А. Е. Прѣсняковъ, проф. Н. П. Павловъ-Сильванскій, Э. Л. Радловъ, С. Ф. Ромисъ, проф. М. И. Ростовцевъ, А. А. Русовъ, П. Ф. Семенова, А. В. Смирновъ, С. И. Созоновъ, В. В. Стасовъ, Г. Е. Старцевъ, В. А. Старосельскій, К. А. Тимирязевъ, проф. кн. Е. Н. Трубенкой, А. Г. Тимофѣевъ, В. П. Турской, В. В. Туношенскій, В. М. Устиновъ, С. Ф. Фортунатовъ, А. Ф. Фортунатовъ, Д. В. Философовъ, М. П. Федоровъ, А. М. Хирьяковъ, В. В. Шумковъ, И. И. Шрейдеръ, С. А. Эрдели, С. Н. Южакъ, Е. Ю. Юліановичъ, проф. В. Г. Яроцкій. Сверхъ указанныхъ лицъ обѣщали свое постоянное сотрудничество слѣдующіе иностранные писатели: Поль Адамъ Сенъебосъ, Дикъ-Мей, Шарль Жидъ, Г. Брандесъ (Копенгагенъ), Э. Бернштейнъ (Берлинъ).

Условія подписки:

Съ доставкой и перес.
въ Спб. и Россіи. На годъ 12 р., на 10 м. 10 р.,
на 6 м. 6 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р. 20 к., на
1 м. 1 р. 10 к.
За границу. На годъ 24 р., на 10 м. 22 р., на 6 м.
12 р., на 3 м. 6 р., на 2 м. 4 р., на 1 м. 2 р.

Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ: на годъ—8 р., 10 м. мѣс.—7 р., 6 мѣс.—4 р., 3 мѣс. 2 р. 25 к. 2 мѣс.—1 р. 50 к. и 1 мѣс.—80 к.

За перешлю адреса: городского на городской—10 к., въ остальныхъ случаяхъ—40 к. Подписка считается не иначе, какъ съ 1-го числа по 1-е.

Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп.

Объявленія за строку летита: Впереди текста—60 к. стр. Позади текста: предложеніе и спросъ труда, прислуга и пр.—10 к. стр., банковск. и акціонерн. предпріятія—25 к. стр., всѣ остальные объявленія—20 к. стр.

Контора газеты „Страна“ (Невскій, 65) открыта для приѣма подписки и объявленій съ 10 час. утра до 5 час. пополудни, кромѣ дней воскресныхъ.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Москва, Арбатъ, домъ Грачева, кв. 12. Д. С. Вольпинъ, Одесса, Пушкинская, 24. И. И. Гринцеръ. Киевъ, Крещатикъ, 14. А. А. Соколовскій, Вильна, Яковскій пер., д. 15. И. И. Гродзенскій. Харьковъ, Садово-Куликовская, д. 8. Рига и Либава, Томиновская, 45. Б. А. Готшалькъ. Ростовъ-на-Дону, Средній проспектъ, д. 85, кв. 12. Плоттель. Лодзь, Петроковская, 41. Г. М. Валлахъ. Варшава, контора „Экономія“, улица Св. Георгія, 84.

Редакторы: { *Максимъ Ковалевскій.* Издатель *А. Н. Александровскій.*
проф. *И. Иванюковъ.*

Открыта подписка на 1906 годъ

XVII г.

на журналъ

XVII г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, общественно-вѣднью, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библиографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлокояскій Н. М. Бычковъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахте-

ровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, прив. доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, женщина-врачъ Е. С. Дрентельнъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златоврацкій, прив. доц. А. А. Ивановскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатъевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, В. В. Каллашъ, проф. М. М. Ковалевскій, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, прив.-доц. Т. В. Локоть, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, В. М. Михеевъ, проф. Θ. Г. Мищенко, Н. Ф. Михайловъ, С. П. Моравскій, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, проф. А. П. Павловъ, В. В. Петровъ, прив.-доц. Н. А. Рожковъ, Г. Роковъ, прив.-доц. П. Н. Сакулннъ, Д. Сатуринъ, приватъ-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, А. А. Стаховичъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Θ. Фортунатовъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чернолусскій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжуль, акад. И. И. Янжуль, и многіе др.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (*Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер. д. Михайлова*) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Съ марта настоящаго года въ г. Черниговѣ будетъ издаваться общественно - политическая, экономическая и литературная ежедневная газета

„ДЕСНА“

Особенное вниманіе въ газетѣ будетъ уделено мѣстной жизни. При газетѣ предполагаются литературныя, экономическія и сельскохозяйственныя приложенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

До 1 апрѣл. Съ начала

1906 г. выхода За 6 мѣс. За 3 мѣс. За 1 мѣс.
до конца
1906 г.

Иногороднимъ . . .	— 35 к. 5 р. —	3 р. 50 к.	2 р. —	— р. 70 к.
Городскимъ . . .	— 30 „ 4 „ —	3 „ — „	1 „ 60 —	„ 60 „
Для сельскаго духо- венства, сед. учите- лей, фельдшер., ра- бочихъ и крестьянъ	— 20 „ 3 „ —	2 „ — „	1 „ — —	„ 40 „
За границу . . .	— „ 11 „ —	7 „ — „	— „ — —	„ — „

Въ газетѣ принимаютъ участіе: Балабуха С. П., Барановъ А. П., Бу-
нинъ И. А., Бунинъ Ю. А., Вербицкій Ф. Н., Верзиловъ А. В., Винаверъ
М. М., Вороной Н. К., Галимскій Н. К., Гарлицкій Э. Ф., Гаршинъ А. Г.,
Глѣбовъ А. Л., Добровольскій Е. П., кн. Долгоруковъ Пав. Д., кн. Долго-
руковъ П. Д., Ивановъ И. В., Имшенецкій М. К., Кальмансонъ Я. М.,
Каминеръ Б. И., Коновалъ И. Е., Коцюбинскій М. М., Ласкаронскій А. П.,
Лисенко С. И., проф. Лучицкій И. В., проф. Милуковъ П. Н., Могилянскій
М. М., Мухановъ А. А., Пахарнаевъ В. А., Петрункевичъ И. И., Полто-
рацкій И. Н., Русова С. Ф., Русовъ А. А., Святловскій Е. В., Селюкъ В. Ф.,
Соколовскій И. Н., Соколовскій Г. Н., Струве П. Б., Татаринова О. В.,
Фарбовскій В. И., Хижняковъ В. М., Хирьяковъ А. М., Хлодовскій Н. Е.,
кн. Шаховской Д. И., Шрагъ И. Л., и др.

„Д Е С Н А“ начнетъ выходить между 10—15 марта.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ г. Черниговѣ

Розничная продажа 3 коп. за номеръ.

Плата за объявленія: За строку обыкновеннаго шрифта въ 1-й разъ
10 коп., во 2-й и 3-й—по 7 1/2 коп. при дальнѣйшемъ помѣщеніи значи-
тельная уступка. За мѣсто на первой страницѣ взимается вдвое. Для
предлагающихъ личный трудъ—30 коп. за объявленіе.

Адресъ Редакціи и Конторы: Богуславская ул., д. И. Я. Селюка. Кон-
тора открыта для приѣма подписки и объявленій отъ 10 ч. утра до 2-хъ
дня и отъ 5 ч. до 7 ч. вечера съ 6 сего марта.

Редакторъ-Издатель В. М. Хижняковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

— 50 книжекъ въ годъ. —

„БИБЛІОТЕКА РАБОЧАГО“

5 р. въ годъ съ дост. и перес.

Издается подъ редакціей В. А. Поссе.

Редакція ставитъ своей задачей дать необходимыя свѣдѣнія для работы пролетарскаго міровоззрѣнія и критическаго отношенія къ программамъ русскихъ политическихъ партій.

Каждая книжка состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ законченныхъ произведеній.

Въ 1906 г. предполагается помѣстить слѣдующія произведенія: Исторія коммунистическихъ идей. — Манифестъ коммунистической партіи. — Коллективизмъ и коммунизмъ. — Основы научнаго социализма. — Профессиональное рабочее движеніе. — Кооперативное движеніе. — Всеобщая стачка и парламентаризмъ. — Исторія „Интернаціонала“. — Международные конгрессы. — Буржуазныя революціи. — Пролетарская революція. — Исторія стачечнаго движенія въ Западной Европѣ, Америкѣ, Австраліи и Японіи. — Исторія стачечнаго движенія въ Россіи. — Исторія нѣмецкой социалдемократіи. — Главнѣйшіе моменты русской исторіи. — Русско-японская война, какъ міровое явленіе. — Наши политическія партіи. — Иезуиты и якобинцы. — Государственная власть и общественное самоуправленіе. — Національная автономія и всемірная федерація. — Народное представительство и народное законодательство. — Государственная дума. — Гарантіи народной и личной свободы. — Преступленіе, судъ и наказаніе. — Патріотизмъ и милитаризмъ. — Бракъ, семья и школа. — Рабочее законодательство. — Рабочій вопросъ и алкоголизмъ. — Аграрный вопросъ. — Рабочій и крестьянинъ. — Избранныя мысли и характеристики Сенъ-Симона, Фурье, Овена, Вейтлинга, К. Маркса, Штирнера, Чернышевскаго и др. — Л. Н. Толстой и рабочій народъ. — Пролетарская этика. — Рабочій календарь и справочная книжка. — Программа систематическаго чтенія.

Къ 1 марта 1906 г. вышло 5 книжекъ.

Подписная цѣна на годъ (50 книжекъ) 5 руб. съ перес. и дост. Книжные магазины, принимая подписку, могутъ удерживать 50% въ свою пользу. Подписка принимается у редактора-издателя (С.-Петербургъ, Кирилловская ул., д. 6. кв. 11) ежедневно отъ 2-хъ до 4-хъ час. дня и въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“ (С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 60). Иногороднихъ просятъ обращаться непосредственно къ редактору-издателю.

Редакторъ-издатель В. Поссе.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ виѣспартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Биографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, изъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая библиографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуриновскій; В. Я. Богучарскій; А. К. Вородинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Вѣлюковскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водовозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Ворейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Игосовъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнбортъ; Д. А. Клеменцъ; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костюринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; І. Д. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкий; И. И. Майновъ; О. С. Мигоръ; И. Л. Манучаровъ; М. Маньковский; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милоковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянко-Куликовский; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Рубавинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Святиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигверъ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковский; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаловской; Л. Э. Шишко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ, ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 6, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и нѣвѣстныхъ книжныхъ магазиннахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ Редакціи.

Кромѣ продолженія статей **М. К. Лемке** (Дѣло Чернышевскаго) и **Н. П. Павлова-Сильванскаго** (Пестель предъ Верх. Угол. Судомъ); въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предложены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **А. П. Прибылева-Корба**—С. П. Дегаевъ (изъ воспоминаній); **Ред.**—Дегаевщина (матеріалы и документы); **М. Новорусскій**—Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ. **П. Е. Щеголевъ**—Семень Олейничукъ и Агитационная литература декабристовъ. **М. Корольковъ**—Поручикъ Кречетовъ (Шлсс. узникъ XVIII вѣка). **П. Надинъ**—Стрѣльниковскій процессъ 1883 г. въ Одессѣ; **П. Семенюта**—Изъ воспоминаній о другѣ (А. И. Желябовѣ); **Д. В. Стасовъ**—Процессъ каракозовцевъ 1866 года; (къ сорокалѣтію со времени процесса). **Л. Плохоцкій**—Польская с.-р. партія «Пролетаріатъ». **В. Е. Якушкинъ**—Изъ бумагъ декабриста И. Д. Якушкина. **И. С. Джабадари**—«Въ неволѣ». **А. А. Спандани**—Изъ воспоминаній (о процесѣ В. Н. Фигнеръ, Дегаевщинѣ и пр.); **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ въ 1879 г.); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ съѣздѣ землевольцевъ въ 1879 г.); **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **А. В. Тырковъ**—Изъ воспоминаній (о событіи 1 марта 1881 г.); **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній («Побѣгъ Алеши Поповича»); **С. А. Ивановъ**—Изъ воспоминаній; **М. Н. Тригони**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ**—Драма 1889 года въ Якутскѣ; **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Процессы Н. А. Серно-Соловьевича, П. А. Мартыанова и В. А. Обручева (по подлиннымъ дѣламъ). Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: Н. А. Серно-Соловьевича, Д. В. Каракозова, П. И. Войноральскаго, П. А. Алексѣева, Н. В. Чайковского, В. А. Осинскаго, Д. А. Лизогуба, П. В. Бардовскаго, С. Куницкаго, М. Р. Ланганса, С. М. Кравчинскаго, Н. Л. Зотова, А. Л. Гаусмана, Л. М. Коганъ-Беренштейна, А. П. Прибылевой-Корбы, Н. А. Желвакова, Л. Варынскаго, В. Н. Фигнеръ, Г. А. Лопатина, Н. А. Морозова и др., изображеніе въ 6 видахъ Дегаева, распространявшееся, въ цѣляхъ его розыска, правительствомъ, рисунокъ Вилуйской тюрьмы, въ которой жилъ Чернышевскій, виды карійской каторги, виды старой и новой тюрьмы въ Шлиссельбургской крѣпости и проч.